

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

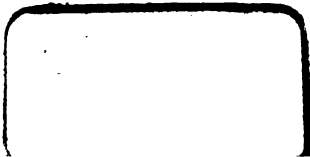
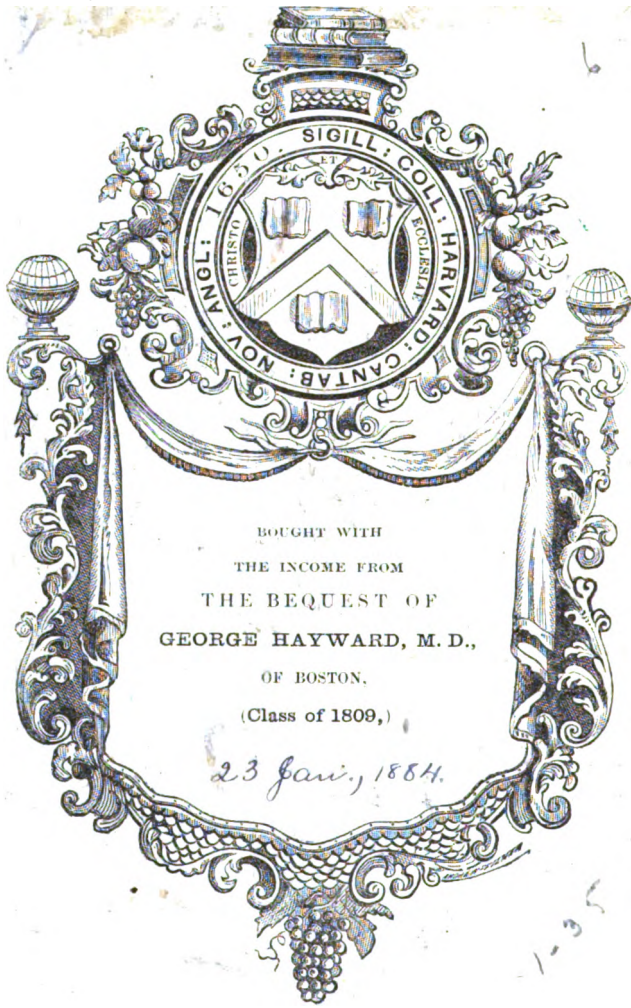
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

(СЪ РИСУНКОМЪ).

3.
САНКТПЕТЕРБУРГЪ. 1881.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИССИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ:

И. Глазунова, въ С. П. Б.

Эггера и Коппа, въ С. П. Б.

Н. Киммеля, въ Ригѣ.

Цена 3 руб. 70 коп.

L Soc 3983.17
~~6103-209~~

JAN 23 1884

Hayward fund.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Декабрь 1881 г.

Непрежѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

29-127
1-31

ОГЛАВЛЕНІЕ ТРИЦАТЬ ДВЯТАГО ТОМА.

	СТРАН.
О предварительномъ вычисленіи прохожденій Венеры и Меркурія черезъ дискъ солнца. Академика А. Н. Савича..	1— 14
Объясненіе древней монгольской надписи на чугунной дощечкѣ, доставленной въ Императорскую Академію Наукъ г. Винокуровымъ. Составленное А. М. Позднѣвымъ. (Съ рисункомъ).✓.....	31— 43
Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Академіи за апрѣль, май, августъ, сентябрь и октябрь 1881 года:	
Общее Собраніе.....	44— 48
Физико-Математическое Отдѣленіе... 15— 26	48— 57
Историко-Филологическое Отдѣленіе.. 27— 29	57— 58
Алфавитный указатель.....	59— 65

Приложенія:

№ 1 Сорокопуты русской фауны и ихъ сородичи. М. Богданова.....	4, XII и 1—220
№ 2 Систематическій обзоръ Полевокъ, водящихся въ Сибири. Ив. С. Полякова.....	1— 91
№ 3. О вѣковыхъ возмущеніяхъ большой полуоси третьяго порядка относительно массъ. А. Веребрюсова.....	1— 29
№ 4. Стойззальс-сгевсепс и средневѣковыя легенды о половой метаморфозѣ. Академика А. Н. Веселовскаго.....	1— 31
№ 5. Южно-русскія былинны. Академика А. Н. Веселовскаго.....	1— 78
№ 6. О Ксанфинѣ. Греческая Трапезунтская былина Византийскаго эпохи. Г. С. Дестуниса.....	1— 27

№ 7. Свѣдѣнія и замѣтки о малонзвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. И. И. Срезневскаго.....	1— 25
№ 8. Отчетъ о двадцать-третьемъ присужденіи наградъ графа Уварова.....	1—243

О ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМЪ ВЫЧИСЛЕНІИ ПРОХОЖДЕНІЙ ВЕНЕРЫ И МЕРКУРІЯ ЧЕРЕЗЪ ДИСКЪ СОЛНЦА.

Академика А. Н. Савича.

Читано въ засѣданіи Физико-Математическаго Отдѣленія Академіи, 28 декабря
1880 года.

Въ 1882 году ожидается прохожденіе Венеры, которое приведетъ къ новому опредѣленію разстоянія земли отъ солнца. Много предложено способовъ для предварительнаго вычисленія времени этого явленія и обстоятельствъ, въ какихъ оно представится съ разныхъ точекъ на земной поверхности. Можно вывести правила вычисленій проще и нагляднѣе, чѣмъ мы находили въ изданныхъ сочиненіяхъ по этому предмету; мы постараемся показать это въ настоящей статьѣ и дополнить то, что прежде было нами писано о вычисленіи затмѣній, зависящихъ отъ паралакса.

Прохожденіе представляетъ четыре главныя фазы: 1) первое внѣшнее прикосновеніе диска планеты къ диску солнца; 2) первое внутреннее прикосновеніе; 3) второе, послѣднее внутреннее прикосновеніе, 4) второе, послѣднее внѣшнее прикосновеніе. Изысканіе времени появленія этихъ фазъ облегчается астрономическими таблицами, въ особенности тѣми данными, которыя предлагаются въ *Connaissance des temps*, въ *Nautical Almanac* и другихъ астрономическихъ мѣсяцесловахъ. Сперва находятъ среднее время T , считаемое подъ меридіаномъ таблицъ тогда, когда съ центра земли усматривается нижнее соединеніе солнца и планеты въ отношеніи къ экватору, т. е. время, въ ко-

торое геоцентрическія прямыя восхожденія солнца и планеты равны между собою. Легко потомъ вычислить время $T \pm t$ данной фазы для центра земли.

Пусть для времени T означаютъ: α геоцентрическое прямое восхожденіе и δ склоненіе планеты; A геоцентрическое прямое восхожденіе и D склоненіе солнца; p и p' часовыя ихъ движенія по прямому восхожденію; q и q' часовыя ихъ движенія по склоненію; r и r' радіусы дисковъ планеты и солнца.

Если σ есть угловое геоцентрическое разстояніе центра солнца отъ центра планеты, то σ опредѣляется данною фазою прохождения, время $T \pm t$ этой фазы найдется когда t будетъ вычислено изъ уравненія

$$\sigma^2 = [\delta - D \pm (q - q')t]^2 + (p - p')^2 \cdot \text{Cos}^2 \frac{1}{2} (\delta \pm D) \cdot t^2, \dots (1)$$

гдѣ t означаетъ искомое число часовъ и долей часа средняго времени. Положимъ

$$\begin{aligned} \delta - D = b; \dots \frac{1}{2} (\delta \pm D) = d, \dots q - q' = h \text{ Cos } H; \\ (p - p') \text{ Cos } d = h \text{ Sin } H; \dots \frac{b}{\sigma} \text{ Sin } H = \text{Sin } \psi; \dots (2) \end{aligned}$$

тогда рѣшеніе уравненія (1) даетъ

$$t = -\frac{b}{h} \text{Cos } H \pm \frac{\sigma}{h} \text{Cos } \psi \dots \dots \dots (3)$$

Здѣсь получается для t два значенія; одно изъ нихъ относится къ фазѣ при началѣ, а другое къ такой же фазѣ при концѣ прохождения; b считается положительнымъ, когда въ нижнемъ соединеніи планета находится къ сѣверу отъ солнца; разность $q - q'$ будетъ положительною, когда планета геоцентрическимъ движеніемъ уходитъ къ сѣверу отъ солнца; разность $p - p'$ всегда остается отрицательною, потому что въ нижнемъ соединеніи видимое движеніе планеты есть обратное. Для внѣшняго прикосновенія $\sigma = r' \pm r$, для внутренняго $\sigma = r' - r$.

Надобно еще вычислить уголъ P , который во время $T + t$ заключается между кругомъ склоненія центра солнца и дугою σ , идущею отъ центра солнца къ центру планеты. Этотъ уголъ называется угломъ положенія; мы будемъ считать его положительнымъ когда дуга σ уклоняется къ востоку отъ сѣверной стороны круга склоненія солнца.

Очевидно

$$tgP = \frac{(p - p') \cos \alpha \cdot t}{\delta - D + (q - q_1)t} = \frac{h \sin H \cdot t}{b + h \cdot \cos H t};$$

вставивъ вмѣсто t его величины изъ уравн. (3), получимъ для одного и другаго появленія той же фазы

$$tgP = tg(H + \psi)$$

и

$$tgP = tg(H - \psi).$$

Перейдемъ теперь къ нашей главной задачѣ: вычислить среднее время $T + t'$ подъ меридіаномъ таблицъ и уголъ положенія P' въ появленіе фазы въ данномъ на землѣ мѣстѣ. Еслибы нужно было рѣшить эту задачу только для одного мѣста, то можно эго сдѣлать съ какою угодно точностью по тѣмъ правиламъ, по которымъ вычисляютъ солнечныя затмѣнія. Но когда требуется повторить вычисления для многихъ мѣстъ, то выгоднѣе воспользоваться вычисленіемъ, относящимся къ центру земли и потомъ найти малыя приведенія $t' - t$ и $P' - P$, которыя принадлежать отдѣльнымъ мѣстамъ на земной поверхности.

Паралаксы понижаютъ планету и солнце; въ разсматриваемомъ нами случаѣ паралаксъ Венеры достигаетъ до $33''$, 5, солнца до $9''$; поэтому планета болѣе понижается, нежели солнце. Сверхъ того во время прохожденія центръ планеты усматривается вблизи центра солнца не далѣе $16\frac{1}{3}''$; отсюда слѣдуетъ, что видимое положеніе планеты относительно солнца почти не измѣнится, когда, не вычисляя отдѣльно дѣйствія паралакса для

солнца и планеты, опредѣлимъ вліяніе паралаксовъ только для планеты, но за то возьмемъ вмѣсто ея паралакса разность паралаксовъ планеты и солнца.

Само собою разумѣется, что данное мѣсто должно находиться въ той части земной поверхности, которая освѣщена лучами солнца; это мѣсто опредѣляется его географическою широтою φ и долготою L ; зная эксцентриситетъ e земныхъ меридіановъ, найдемъ геоцентрическую широту φ' этого мѣста и радіусъ земли ρ подъ широтою φ , выраженный въ доляхъ радіуса экватора. Полагаемъ уже извѣстными въ среднее время T , подъ меридіаномъ таблицъ, геоцентр. прямое восхождение α и склоненіе δ планеты; по данному времени T и данной долготѣ мѣста L легко опредѣлится звѣздное время, считаемо въ данномъ мѣстѣ тогда, когда подъ меридіаномъ таблицъ считали среднее время T ; выразимъ это звѣздное время въ дугѣ, которую означимъ черезъ s . Если π и π' суть горизонтальные экваторіальныя паралаксы планеты и солнца, то видимыя съ даннаго на землѣ мѣста въ упомянутое звѣздное время прямое восхождение α' и склоненіе δ' планеты опредѣлятся въ отношеніи къ солнцу помощію слѣдующихъ формулъ

$$\varphi' = \varphi - \frac{1}{2} \cdot e^2 \frac{\sin 2\varphi}{\sin 1''} \dots$$

$$\rho = 1 - \frac{1}{2} e^2 \sin^2 \varphi; \dots$$

$$\rho (\pi - \pi') = \Pi,$$

$$(\alpha' - \alpha) \cos d = - \Pi \cos \varphi' \sin (s - \alpha) \dots \dots \dots$$

$$\delta' - \delta = \Pi \cos \varphi' \cos (s - \alpha) \sin d - \Pi \sin \varphi' \cos d \dots (5)$$

Здѣсь пренебрегаются малые члены, достигающіе до немногихъ сотыхъ долей секунды. Означимъ черезъ $\Delta(\alpha' - \alpha) \cos d$ и $\Delta(\delta' - \delta)$ перемѣны, которыя происходятъ въ $(\alpha' - \alpha) \cos d$ и $\delta' - \delta$ въ теченіе одного часа средняго времени, для котораго полчаса предшествуетъ и полчаса послѣдуетъ времени T . Одинъ часъ средн. времени = $1^{\text{h}} 0^{\text{m}} 9^{\text{s}},86$ звѣзднаго времени;

выражая въ дугѣ выйдеть $15^\circ 2' 27''{,}9$; въ 1^е сред. времени уменьшается прямое восхождение Венеры почти на $0^\circ 1' 33''$, Меркурія нѣсколько слабѣе; разность $s - \alpha$ въ одинъ средній часъ возрастаетъ почти на $15^\circ 4'$ и потому, безъ чувствительной ошибки, получимъ

$$\Delta(\alpha' - \alpha) \cos d = -\lambda \cdot \Pi \cos \varphi' \cos (s - \alpha), \dots\dots\dots,$$

$$\Delta(\delta' - \delta) = -\lambda \cdot \Pi \cos \varphi' \sin (s - \alpha) \sin d. \dots\dots (6)$$

гдѣ

$$\lambda = 2 \sin 7^\circ 32' \dots\dots\dots$$

Угловые радиусы солнца, усматриваемые съ центра земли и съ какой либо точки на ея поверхности, почти равны между собою; разность не превосходитъ $0''{,}04$; еще ближе къ равенству радиусы диска Венеры или Меркурія видимые съ центра и съ поверхности земли. Поэтому можно безъ значительной ошибки допустить, что радиусы r и r' дисковъ планеты и солнца одинаково относятся къ центру земли и къ разнымъ точкамъ на ея поверхности. Такимъ образомъ въ обоихъ случаяхъ мы положимъ $\sigma = r' + r$ для внѣшнихъ прикосновеній и $\sigma = r' - r$ для внутреннихъ.

Примемъ для краткости

$$(\alpha' - \alpha) \cos d = \phi, \dots\dots \Delta(\alpha' - \alpha) \cos d = \Delta \phi,$$

$$\delta' - \delta = \eta, \dots\dots \Delta(\delta' - \delta) = \Delta \eta,$$

$$X = h \sin H \cdot t, \dots\dots Y = b + h \cdot \cos H \cdot t$$

Изъ уравн. (1) и (2) выходитъ

$$\sigma^2 = X^2 + Y^2 \dots\dots\dots (7)$$

Эти величины X и Y относятся къ центру земли и времени $T + t$; пусть $X + x$ и $Y + y$ представляютъ подобныя значенія для даннаго на землѣ мѣста во время $T + t'$ появленія на немъ фазы; тогда

$$\sigma^2 = (X + x)^2 + (Y + y)^2 \dots\dots\dots (8)$$

Здѣсь

$$\begin{aligned} X + x &= h \sin H \cdot t' + \phi + \Delta \phi \cdot t' \\ &= X + h \sin H \cdot t + \phi + \Delta \phi \cdot t + (h \sin H + \Delta \phi) \cdot (t' - t) \\ Y + y &= b + h \cos H \cdot t' + \eta + \Delta \eta \cdot t' \\ &= Y + h \cos H \cdot t + \eta + \Delta \eta \cdot t + (h \cos H + \Delta \eta) \cdot (t' - t). \end{aligned}$$

Отсюда опредѣлятся x и y , которые суть малыя величины одного порядка съ паралаксами; пренебрегая члены втораго порядка, изъ уравн. (7) и (8) получимъ

$$Xx + Yy = 0$$

Но

$$X = \sigma \sin P, \quad Y = \sigma \cos P;$$

поэтому

$$x \sin P + y \cos P = 0$$

или

$$\begin{aligned} \sin P \left\{ \phi + \Delta \phi \cdot t + (h \sin H + \Delta \phi) \cdot (t' - t) \right\} &= 0 \\ + \cos P \left\{ \eta + \Delta \eta \cdot t + (h \cos H + \Delta \eta) \cdot (t' - t) \right\} &= 0 \\ &= \phi \sin P + \eta \cos P + (\Delta \phi \cdot \sin P + \Delta \eta \cos P) t \\ &+ (h \cos(H - P) + (\Delta \phi \sin P + \Delta \eta \cos P)) \cdot (t' - t) \end{aligned}$$

Пользуясь уравн. (5) и (6), находимъ

$$\begin{aligned} &\phi \sin P + \eta \cos P \\ &= \Pi \cos \phi' (-\sin(s - \alpha) \sin P + \cos(s - \alpha) \sin d \cos P) \\ &\quad - \Pi \sin \phi' \cos d \cos P; \\ &\Delta \phi \sin P + \Delta \eta \cos P = \\ &= -\lambda \Pi \cos \phi' (\cos(s - \alpha) \sin P + \sin(s - \alpha) \sin d \cos P). \end{aligned}$$

Введемъ такіе вспомогаельные углы θ и ξ , чтобъ было

$$\cotg \theta = \sin d \cotg P, \dots \tg \xi = \lambda \cdot t$$

и положимъ

$$N = h \cos(H - P) - \lambda \Pi \cos \phi' \frac{\sin P}{\sin \theta} \sin(s - \alpha + \theta)$$

тогда выйдетъ

$$t' = t - \frac{\Pi \text{Cos } \varphi' \text{ Sin } P}{N \cdot \text{Sin } \theta \text{ Cos } \xi} \text{Cos}(s - \alpha + \theta + \xi) + \frac{\Pi \text{ Sin } \varphi' \text{ Cos } d \cdot \text{Cos } P}{N},$$

гдѣ принимается, что t и t' показаны въ часахъ и доляхъ часа средн. времени.

Въ этомъ уравненіи вмѣсто s можно написать $s^\circ - L$, гдѣ L есть восточная долгота даннаго мѣста относительно меридіана таблицъ, s° представляетъ выраженное въ дугѣ звѣздное время, которое считаютъ подъ меридіаномъ таблицъ въ геоцентрическое нижнее соединеніе планеты и солнца. Тогда составится для вычисленія $T + t'$ та формула, которая дана съ численными коэффициентами въ астрономическомъ англійскомъ мѣсяцесловѣ Nautical Almanac.

Остается еще опредѣлить разность между геоцентрическимъ угломъ положенія P и видимымъ угломъ положенія P' съ даннаго на землѣ мѣста при наблюденіи одной и той же фазы σ . Выше было показано, что $tgP = \frac{X}{Y}$, точно также

$$tgP' = \frac{X+x}{Y+y};$$

посему

$$tgP' - tgP = \frac{\text{Sin}(P' - P)}{\text{Cos } P' \cdot \text{Cos } P} = \frac{Yx - Xy}{Y(Y+y)}.$$

Ограничиваясь малыми членами перваго порядка относительно $\text{Sin } \Pi$, можно принять

$$\text{Sin}(P' - P) = \text{Cos}^2 P \left(\frac{Yx - Xy}{Y^2} \right) = \frac{x}{\sigma} \text{Cos } P - \frac{y}{\sigma} \text{Sin } P,$$

вставивъ вмѣсто x и y ихъ величины, получимъ

$$\begin{aligned} \text{Sin}(P' - P) = & - \frac{\Pi}{\sigma} \text{Cos } \varphi' \{ \text{Sin}(s - \alpha) \cdot \text{Cos } P \\ & + \text{Cos}(s - \alpha) \text{Sin } d \cdot \text{Sin } P \} \\ & - \lambda t \cdot \frac{\Pi}{\sigma} \{ \text{Cos } \varphi' \text{Cos}(s - \alpha) \text{Cos } P - \text{Sin}(s - \alpha) d \text{Sin } P \} \\ & + \frac{\Pi}{\sigma} \text{Sin } \varphi' \text{Cos } d \text{Sin } P + \frac{h}{\sigma} \text{Sin}(H - P) \cdot (t' - t). \end{aligned}$$

Вычислимъ углы ψ и ξ изъ уравненій

$$tg\psi = \text{Sin } d \cdot tgP, \dots tg\xi = \lambda,$$

тогда

$$\begin{aligned} \text{Sin}(P' - P) = & - \frac{\Pi \text{Cos } \varphi'}{\sigma \text{Cos } \varphi \text{Cos } \xi} \text{Sin}(s - \alpha + \psi + \xi) \\ & + \frac{\Pi}{\sigma} \text{Sin } \varphi' \text{Cos } d \text{Sin } P + \frac{h}{\sigma} \text{Sin}(H - P) \cdot (t' - t), \end{aligned}$$

гдѣ $s = s^\circ \pm L$; знакъ $+$ принадлежитъ восточной, а знакъ $-$ западной долготѣ мѣста, считая отъ меридіана таблицъ.

Въ предыдущемъ вычислены углы положеній P и P' относящіяся къ разнымъ временамъ $T + t$ и $T + t'$, въ которыя усматривается одна и таже фаза съ центра земли и съ данной точки на ея поверхности. Разсмотримъ какъ опредѣляется влияние паралаксовъ на видимое съ этой точки угловое разстояніе σ центра солнца отъ центра планеты и на видимый оттуда уголъ положенія Q въ данное среднее время $T + \tau$ подъ меридіаномъ таблицъ. Въ то же самое время усматривается съ центра земли другое угловое разстояніе, которое назовемъ черезъ f , и другой уголъ положенія, который означимъ черезъ K . Величину f можно вычислить помощію уравненій (1) и (2), взявъ τ вмѣсто t ; точно также найдется уголъ K помощію уравненія

$$tgK = \frac{(p - p') \cdot \text{Cos } d \cdot \tau}{\delta - D + (q - q') \cdot \tau}$$

Пусть представляютъ α_1 и A_1 геоцентр. прямая восхожденія, δ_1 D_1 геоцентр. склоненія планеты и солнца во время $T + \tau$ и положимъ, что φ_1 и η_1 означаютъ относительные паралаксы планеты что въ это время по ея паралели и по склоненію; тогда будетъ

$$\begin{aligned} (\alpha_1 - A_1) \text{Cos } d &= f \text{Sin } K \\ (\alpha_1 - A_1) \text{Cos } d + \varphi_1 &= \sigma \text{Sin } Q; \\ \delta_1 - D_1 &= f \text{Cos } K \\ \delta_1 - D_1 + \eta_1 &= \sigma \text{Cos } Q; \end{aligned}$$

отсюда находимъ

$$\begin{aligned} \sigma \operatorname{Cos} (Q - K) - f &= \varphi_1 \operatorname{Sin} K + \eta_1 \operatorname{Cos} K \\ \sigma \operatorname{Sin} (Q - K) &= \varphi_1 \operatorname{Cos} K - \eta_1 \operatorname{Sin} K; \end{aligned}$$

и такъ чтобъ вычислить переменны въ угловомъ разстояніи и въ углѣ положенія, которыя производятъ паралаксъ, остается только подставить въ двухъ послѣднихъ уравненіяхъ вмѣсто φ_1 и η_1 ихъ значенія.

Если назовемъ черезъ s_1 и s_1° выраженные въ дугѣ звѣздныя времена, которыя считаютъ подъ меридіаномъ даннаго мѣста и подъ меридіаномъ таблицъ въ одинъ и тотъ же моментъ средняго времени $T + \tau$ подъ меридіаномъ таблицъ, то выйдетъ $s_1 = s_1^\circ + L$, гдѣ L есть восточная долгота даннаго мѣста отъ меридіана; поэтому

$$\begin{aligned} \operatorname{Sin} (s_1 - \alpha_1) &= \operatorname{Sin} (s_1^\circ - \alpha_1) \operatorname{Cos} L + \operatorname{Cos} (s_1^\circ - \alpha_1) \operatorname{Sin} L, \\ \operatorname{Cos} (s_1 - \alpha_1) &= \operatorname{Cos} (s_1^\circ - \alpha_1) \operatorname{Cos} L - \operatorname{Sin} (s_1^\circ - \alpha_1) \operatorname{Sin} L. \end{aligned}$$

Вставивъ эти разложенія въ формулы, которыя служатъ для вычисленія φ_1 и η_1 , получимъ

$$\begin{aligned} \sigma - f &= \\ &= \Pi \operatorname{Cos} \varphi' \operatorname{Cos} L \{ - \operatorname{Sin} (s_1^\circ - \alpha_1) \operatorname{Sin} K \\ &\quad + \operatorname{Cos} (s_1^\circ - \alpha_1) \operatorname{Sin} d \cdot \operatorname{Cos} K \} \\ &+ \Pi \operatorname{Cos} \varphi' \operatorname{Sin} L \{ - \operatorname{Cos} (s_1^\circ - \alpha_1) \operatorname{Sin} K \\ &\quad - \operatorname{Sin} (s_1^\circ - \alpha_1) \operatorname{Sin} d \operatorname{Cos} K \} \\ &- \Pi \operatorname{Sin} \varphi' \cdot \operatorname{Cos} d \operatorname{Cos} K + \sigma \operatorname{Sin}^2 \frac{1}{2} (Q - K), \\ \operatorname{Sin} (Q - K) &= \frac{\Pi}{\sigma} \operatorname{Cos} \varphi' \operatorname{Cos} L \{ - \operatorname{Sin} (s_1^\circ - \alpha_1) \operatorname{Cos} K \\ &\quad - \operatorname{Cos} (s_1^\circ - \alpha_1) \operatorname{Sin} d \operatorname{Sin} K \} \\ &+ \frac{\Pi}{\sigma} \operatorname{Cos} \varphi' \operatorname{Sin} L \{ - \operatorname{Cos} (s_1^\circ - \alpha_1) \operatorname{Cos} K \\ &\quad + \operatorname{Sin} (s_1^\circ - \alpha_1) \operatorname{Sin} d \operatorname{Sin} K \} \\ &+ \frac{\Pi}{\sigma} \operatorname{Sin} \varphi' \operatorname{Cos} d \operatorname{Cos} K. \end{aligned}$$

Эти формулы служатъ для изысканія паралаксовъ изъ наблюдений, которыя производятся помощію гелиометровъ надъ разстояніями ближайшихъ и отдаленнѣйшихъ между собою краевъ солнца и планеты. Сперва находятъ приблизительно σ , пренебрегая членъ $\sigma \sin^2 \frac{1}{2} (Q - K)$; съ этою величиною σ вычисляютъ $Q - K$ и затѣмъ исправляютъ найденную величину σ .

Изъ предыдущихъ выраженій для $\sigma - f$ и $Q - K$ можно вывести въ какихъ мѣстахъ и въ какое время будетъ наиболѣе выгодно наблюдать разстоянія для изысканія паралакса; но еще проще этого достигнемъ, представивъ эти уравненія въ другомъ видѣ.

Вообразимъ на небесной сферѣ треугольникъ, котораго вершины суть: геоцентрическій зенитъ наблюдателя, видимый полюсъ экватора и видимое мѣсто центра планеты; стороны его будутъ $90^\circ - \varphi'$, $90^\circ - \delta'$ и z , гдѣ δ' есть видимое склоненіе, а z зенитное разстояніе планеты во время наблюденія; сторонѣ z противулежитъ видимый часовой уголъ планеты; уголъ противулежащей сторонѣ $90^\circ - \varphi'$ назовемъ черезъ V . Такъ называемый паралаксъ высоты есть въ этомъ случаѣ $\Pi \sin z$ и часовой уголъ есть $s - \alpha'$, гдѣ s означаетъ мѣстное звѣздное время наблюденія выраженное въ дугѣ. Если α и δ суть истинныя прямое восхожденіе и склоненіе планеты, то по близости α' къ α и δ' къ δ выйдетъ

$$\begin{aligned} \phi &= - \Pi \cos \varphi' \sin (s - \alpha) = - \Pi \sin z \sin V \\ \eta &= \Pi \cos \varphi' \cos (s - \alpha) \sin d - \Pi \sin \varphi' \cos d = - \Pi \sin z \cos V \end{aligned}$$

Но выше были составлены уравненія

$$\begin{aligned} \sigma \cos (Q - K) - f &= \phi \sin K + \eta \cos K \\ \sigma \sin (Q - K) &= \phi \cos K - \eta \sin K; \end{aligned}$$

Отсюда

$$\sigma \cos (Q - K) - f = - \Pi \sin z \cos (V - K). \dots (9)$$

$$\sigma \sin (Q - K) = - \Pi \sin z \sin (V - K). \dots (10)$$

При избраніи мѣстъ выгодныхъ для наблюденій, достаточно принимать землю за шаръ и такъ какъ во время прохожденія планеты черезъ дискъ солнца центръ ея усматривается вблизи центра солнца, то безъ значительной погрѣшности можно вмѣсто склоненія и часоваго угла планеты взять склоненіе и часовой уголъ солнца, а уголъ V замѣнить угломъ, который содержится между кругомъ высоты и кругомъ склоненія центра солнца. Уравненія (9) и (10) показываютъ, что наибольшая численная величина паралакса σ — f разстоянія происходитъ тогда, когда $s = 90^\circ$ и $V - K = 0^\circ$ или $V - K = 180^\circ$; т. е. когда центры планеты и солнца будутъ въ одномъ вертикалѣ и пренебрегая рефракціею, вблизи горизонта наблюдателя. Въ случаѣ $s = 90^\circ$ и $V - K = 0^\circ$, выходитъ видимое угловое разстояніе $\sigma + \Pi = f$; если это происходитъ во время внѣшняго прикосновенія краевъ солнца и планеты, то $f = r' + r + \pi - \pi'$; для внутренняго прикосновенія $f = r' - r + \pi - \pi'$. Географическая широта мѣста φ_0 и часовой уголъ солнца t_0 найдутся изъ уравненій

$$\sin \varphi_0 = \cos D \cos K,$$

$$\cos \varphi_0 \sin t_0 = \sin K,$$

или

$$\cos t_0 = -tgD tg \varphi_0;$$

$$\cos \varphi_0 \cos t_0 = -\sin D \cdot \cos K.$$

гдѣ D есть склоненіе солнца въ то время, когда геоцентр. разстояніе есть f и геоцентр. уголъ положенія есть K ; пусть $T + \tau$ есть среднее время, считаемое въ этотъ моментъ подъ меридіаномъ таблицъ; оно легко можетъ быть вычислено, равно и уголъ K , помощію выраженій сходныхъ съ уравн. (1), (2) и пр.; нужно только вмѣсто σ взять f . Если къ $T + \tau$ приложимъ соответствующее ему уравненіе времени, то получимъ истинное время подъ меридіаномъ таблицъ; выразимъ его въ дугѣ и назовемъ черезъ U ; тогда U есть часовой уголъ солнца подъ меридіаномъ таблицъ въ тотъ самый моментъ, въ который въ иско-

момъ мѣстѣ часовой уголь солнца есть t_0 ; посему восточная долгота L этого мѣста отъ меридіана таблицъ будетъ

$$L = t_0 - U.$$

Это мѣсто лежитъ на окружности большаго круга, по которому земной шаръ пересѣкается плоскостію, отдѣляющею освѣщенную часть поверхности земли отъ темной; въ немъ усматривается виѣшнее или внутреннее прикосновеніе диска планеты къ диску солнца ранѣе, нежели со всѣхъ другихъ мѣстъ на землѣ. Этой точкѣ соотвѣтствуетъ другая ей противоположная точка (антиподъ) на томъ же большомъ кругѣ; для нея $V - K^\circ = 180^\circ$ паралаксъ дѣйствуетъ тамъ въ обратную сторону, и паралаксъ разстоянія выходитъ опять наибольшимъ.

Для каждаго даннаго времени $T + \tau$ подъ меридіаномъ таблицъ, которое содержится между началомъ и концемъ прохожденія планеты чрезъ солнце, можно вычислить геоцент. разстояніе f центра солнца отъ центра планеты; и на оборотъ по данной величинѣ f (не превышающей $r + r' \pi - \pi'$) можно найти соотвѣтствующее время и геоцент. уголь положенія K . Поэтому представляются многія задачи, смотря по условіямъ, которыми желаютъ удовлетворить.

Опредѣлимъ широту φ и долготу мѣста такой точки, для которой въ данное время подъ меридіаномъ таблицъ и при данномъ зенитномъ разстояніи z , паралаксъ $f - \sigma$ или $\sigma - f$ разстоянія выходитъ наибольшимъ сравнительно съ его величиною въ другихъ мѣстахъ и тѣхъ же условіяхъ.

Въ этомъ случаѣ наибольшая численная величина паралакса разстоянія есть $\Pi \sin z$ и потому въ искомомъ мѣстѣ должно быть $V - K = 0^\circ$ или $V - K = 180^\circ$, т. е. планета и солнце должны тамъ усматриваться въ одномъ вертикалѣ. Положимъ сперва $V = K$; широту φ_0 и долготу L_0 мѣста, къ которымъ это относится, можно найти слѣдующимъ образомъ:

Вычислимъ склоненіе солнца D и геосентр. уголъ положенія K для даннаго времени; тогда географическая широта φ_0 и мѣстный часовой уголъ солнца t_0 опредѣляются изъ уравненій

$$\begin{aligned}\sin \varphi_0 &= \sin D \cos z + \cos D \sin z \cos K \\ \cos \varphi_0 \sin t_0 &= \sin z \sin K \\ \cos \varphi_0 \cos t_0 &= \cos D \cos z - \sin D \sin z \cos K\end{aligned}$$

Положивъ

$$\operatorname{tg} x = \operatorname{tg} z \cos K,$$

выдетъ

$$\begin{aligned}\sin \varphi_0 &= \cos z \frac{\sin (D + x)}{\cos x} \\ \operatorname{tg} t_0 &= \operatorname{tg} z \cdot \frac{\sin K \cos x}{\cos (D + x)}\end{aligned}$$

Здѣсь t_0 есть выраженное въ дугѣ мѣстное истинное время; если U есть соответствующее истинное время подъ меридіаномъ таблицъ также выраженное въ дугѣ, то искомая восточная долгота мѣста будетъ

$$L = t_0 - U.$$

На маломъ кругѣ, который на землѣ паралеленъ большому кругу, отдѣляющему темное полушаріе отъ освѣщеннаго солнцемъ, находится другая точка, для которой численная величина паралакса разстоянія будетъ наибольшею, но паралаксъ дѣйствуетъ въ противную сторону. Географическое положеніе этой вычисляется подобнымъ образомъ, какъ выше упомянуто, съ тою только разностию, что въ этомъ случаѣ $V - K = 180^\circ$.

Помощію гелиометра измѣряются разстоянія между ближайшими и отдаленнѣйшими краями солнца и планеты; въ теченіе прохожденія планеты черезъ солнце можно повторять такое измѣреніе нѣсколько разъ на каждомъ мѣстѣ. Хотя самое сильное дѣйствіе паралакса бываетъ около горизонта, однако тогда края свѣтилъ представляются столь волнующимися и неясвенно

ограниченными, что достаточно точное измѣреніе разстояній дѣлается невозможнымъ. Поэтому для измѣренія разстояній выбираютъ такія мѣста, съ которыхъ солнце усматривается на высотѣ отъ 10° до 15° и центръ его находится въ срединѣ измѣреній въ одномъ вертикалѣ съ центромъ планеты. Выгодно еще избрать такое мѣсто, въ которомъ это случается около середины прохождения планеты чрезъ дискъ солнца или около того времени, когда разстояніе центра планеты отъ центра солнца будетъ наименьшимъ; тогда разстоянія между этими центрами измѣняются съ теченіемъ времени весьма медленно и окончательные выводы почти не зависятъ отъ небольшой погрѣшности въ принятой долготѣ мѣста наблюдений и въ повѣркѣ хронометра, употребленнаго при наблюденияхъ относительно мѣстнаго времени.

Мѣста, въ которыхъ происходитъ наибольшее измѣненіе угловъ положенія отъ дѣйствія паралакса, суть тѣ, для которыхъ получается $V - K = 90^\circ$ или $V - K = 270^\circ$. Съ выполненіемъ этого условія, составятся уравненія по указанному способу, которыя служатъ къ опредѣленію географическаго положенія такихъ мѣстъ. Лучшимъ изъ употребительныхъ нынѣ инструментовъ для измѣренія угловъ положенія считается филирный микрометръ; но онъ совершенно недостаточенъ для хорошаго опредѣленія направленія той линіи, которая идетъ отъ центра диска солнца къ центру диска планеты; поэтому не представляется надобности изыскивать мѣста, для которыхъ паралаксъ наиболѣе дѣйствуетъ на углы положенія.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ

ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ЗАСѢДАНІЙ АКАДЕМІИ.

ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

ЗАСѢДАНІЕ 28 АПРѢЛЯ 1881 ГОДА.

Вице-Президентъ, Академикъ В. Я. Буняковскій представилъ и прочелъ записку о свойствахъ особой категоріи періодическихъ десятичныхъ дробей (*Quelques remarques sur les propriétés d'une classe particulière des fractions décimales périodiques*). Поводомъ къ ея составленію послужила замѣтка извѣстнаго германскаго математика О. Шлёмилъха объ одномъ любопытномъ свойствѣ особой категоріи цѣлыхъ чиселъ. Это свойство состоитъ въ томъ, что по превращеніи въ десятичную дробь единицы, раздѣленной на подобное число, получится такая періодическая дробь съ четнымъ числомъ десятичныхъ знаковъ, въ которой сумма соотвѣтственныхъ цифръ въ двухъ ея полуперіодахъ постоянна и равна девяти. Г. Буняковскій, занимаясь уже нѣкоторое время изслѣдованіями о десятичныхъ дробяхъ особаго рода, названныхъ имъ возвратными, счелъ не излишнимъ, по поводу сказанной замѣтки, привести нѣсколько выдержекъ изъ полученныхъ имъ результатовъ. Читанная г. Буняковскимъ статья содержитъ въ себѣ нѣкоторые выводы, относящіеся собственно къ одному изъ видовъ возвратныхъ десятичныхъ дробей, существенно отличныхъ, по своему происхожденію, отъ дробей г. Шлёмилъха: ихъ образованіе основано на возвратныхъ рядахъ. Послѣдовательныя десятичныя цифры періодической дроби онъ выводитъ очень просто слѣдующимъ образомъ, изъ послѣдовательныхъ членовъ принятаго въ основаніе ряда: численныя

величины этих членовъ, неопредѣленно возрастающія, замѣняются остатками ихъ дѣленія на 9, при чемъ, вмѣсто остатка нуль, удерживается цифра 9. Кромѣ этого рода ограниченія величинъ сказанных членовъ, авторъ употребилъ и другіе приемы, которые будутъ сообщены впослѣдствіи.

Что касается до приводимыхъ въ настоящей статьѣ дробей, то онѣ пользуются свойствомъ дробей г. Шлѣмильха, и, сверхъ того, многія изъ нихъ представляютъ новыя любопытныя особенности. Записка г. Буяковскаго будетъ напечатана въ Бюлетенѣ.

Академикъ О. В. Струве представилъ записку своего сына, Лудвига, о двойной звѣздѣ $\Sigma 60 = \eta$ Cassiopejae (*Ueber den Doppeltstern $\Sigma 60 = \eta$ Cassiopejae*). — Согласно предложенію Академика Струве, она появится въ Бюлетенѣ.

Академики О. В. Струве и А. В. Гадолинъ представили, съ одобреніемъ для помѣщенія въ Бюлетенѣ, записку г. Гассельберга о спектроскопіи металлоидовъ (*Beiträge zur Spectroskopie der Metalloide*).

Академикъ Г. И. Вильдъ представилъ отчетъ Главной Физической Обсерваторіи за 1879 и 1880 годы. Положено напечатать его въ Метеорологическомъ Сборникѣ.

Академикъ Г. И. Вильдъ представилъ полученный имъ отъ г. Мильберга, Директора Физической Обсерваторіи въ Тифлисѣ, отчетъ о дѣятельности этого заведенія за 1880 г. При этомъ онъ обратилъ вниманіе Отдѣленія на то, что какъ видно изъ этого отчета, новый директоръ, несмотря на нѣкоторыя внѣшнія и внутреннія затрудненія, успѣлъ въ теченіе минувшаго, втораго года своего управленія Обсерваторіею, достигнуть неунынными стараніями того, что она уже могла исполнять всѣ требованія инструкціи, начертанной для нея Академіею. Такимъ образомъ, прежде всего, съ наступленіемъ 1880 г. начато Обсерваторіею производство въ Тифлисѣ бывшихъ столь желательными ежечасныхъ наблюдений всѣхъ метеорологическихъ и магнитныхъ элементовъ, а метеорологическія наблюденія за 1880 г. даже напечатаны г. Мильбергомъ и доставлены имъ, вмѣстѣ съ его отчетомъ, г. Вильду, который нынѣ и представилъ ихъ Отдѣленію. Что касается до прочихъ отраслей дѣятельности Тифлисской Обсерваторіи, каковы завѣдываніе наблюденіями на станціяхъ Кавказскаго Намѣстничества, изданіе метеорологическихъ бюлетеней на основаніи телеграфныхъ извѣстій о погодѣ и т. п., то г. Вильдъ, основываясь

на имѣющихся у него свѣдѣніяхъ и на отчетѣ г. Мильберга, приходитъ къ заключенію, что онѣ продолжались столь же успѣшно какъ и въ предшествовавшемъ году. Вслѣдствіе этого и на нынѣшній разъ, какъ это было въ 1879 г., г. Вильдъ признаетъ работы Тифлисской Обсерваторіи за 1880 г. достойными полного одобренія, при чемъ выражаетъ надежду, что усердные и полезные труды директора этого учрежденія не останутся безъ должной оцѣнки въ самомъ Тифлисѣ среди мѣстнаго общества и у начальства и послужатъ къ тому, что г. Мильбергу будутъ предоставлены средства, если не расширить съ пользою дѣятельность Обсерваторіи, то по крайней мѣрѣ продолжать его труды безъ преждевременнаго истощенія чрезмѣрно напряженныхъ силъ и средствъ, коими онъ нынѣ располагаетъ. Въ заключеніе г. Вильдъ, имѣя въ виду § 19 Положенія Тифлисской Обсерваторіи, предложилъ напечатать отчетъ г. Мильберга въ видѣ приложения къ Отчету Главной Физической Обсерваторіи за 1879—1880 г. въ Метеорологическомъ Сборникѣ, а равно и въ Запискахъ Академіи; копию съ сего отчета, вмѣстѣ съ заключеніемъ о немъ г. Вильда, сообщить Главному Управленію Намѣстника Кавказскаго.—Одобрено.

Читано письмо князя Бонкомпаньи изъ Рима, отъ 19 апрѣля, съ просьбою о сообщеніи ему копій съ одного письма, находящагося между рукописями Кеплера. Отдѣленіе, имѣя въ виду, что рукописи Кеплера находятся въ Пулковской Обсерваторіи, положило означенное письмо князя Бонкомпаньи передать Академику О. В. Струве, съ просьбою объ удовлетвореніи, буде окажется возможнымъ, желанія почтеннаго князя.

Академикъ Г. И. Вильдъ читалъ донесеніе, въ которомъ изложилъ, что въ засѣданіи Отдѣленія 12 октября 1880 г., представляя отчетъ о своей командировкѣ за границу для присутствованія въ собраніи международнаго Метеорологическаго Комитета, происшедшемъ въ Бернѣ въ августѣ минувшаго года, онъ доводилъ до свѣдѣнія Отдѣленія о международномъ предпріятіи, имѣющемъ связь съ задачами Комитета и могущемъ безспорно считаться однимъ изъ самыхъ важныхъ въ новѣйшее время для изслѣдованія физическихъ условій земнаго шара. Это предпріятіе—проектъ одновременныхъ физическихъ, преимущественно же метеорологическихъ и магнитныхъ, наблюденій въ цѣломъ рядѣ пунктовъ арктическаго и антарктическаго поясовъ, впервые опредѣленно предложенный извѣстнымъ начальникомъ Австровенгерской полярной экспедиціи

1873—1874 гг., лейтенантомъ австрійскаго флота Карломъ Вейпрехтомъ.

Изъ заявленій членовъ второй полярной конференціи, собиравшейся въ Бернѣ въ августѣ 1880 г., еще тогда представлялось весьма вѣроятнымъ осуществленіе этого предпріятія. Нынѣ изъ официальныхъ сообщеній, полученныхъ съ того времени г. Вильдомъ, какъ представителемъ международной Полярной Комисіи, оказывается, что исполненіе проекта Вейпрехта обезпечено, и что предполагено приступить осенью 1882 г. къ наблюденіямъ, долженствующимъ продолжаться по меньшей мѣрѣ одинъ годъ.

Принять участіе въ этомъ предпріятіи окончательно согласились уже шесть слѣдующихъ странъ: Данія, Норвегія, Австро-Венгрія, Россія, Швеція и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. При этомъ должно замѣтить, что со стороны Австро-Венгрии и Швеции, доставить необходимыя средства для исполненія задачи приняли на себя частныя лица, а именно: графъ Г. фонъ Вильчекъ въ Вѣнѣ и купецъ Л. О. Смитъ въ Стокгольмѣ.

Вышеозначенныя страны, если въ общемъ планѣ не произойдетъ перемѣнъ вслѣдствіе присоединенія другихъ государствъ къ числу участвующихъ въ предпріятіи, устроятъ, срокомъ по крайней мѣрѣ на одинъ годъ, обсерваторіи въ слѣдующихъ пунктахъ арктическаго пояса:

На Шпицбергенѣ — Швеція.

Въ Сѣв. Финмаркенѣ — Норвегія.

На Новой Землѣ и на устьѣ Лены — Россія.

На мысѣ Барро и на заливѣ Леди Франклинъ — Соединенные Сѣв. Америк. Штаты.

На Упернивикѣ — Данія.

На Jan Maup, или, если возможно, на одномъ изъ пунктовъ восточнаго берега Гренландіи — Австро-Венгрія.

Эти восемь пунктовъ арктической области для производства наблюденій избраны еще первою Полярною Конференціею, проходившею въ Гамбургѣ въ октябрѣ 1879 г., какъ совершенно необходимыя для успѣха предпріятія; выборъ ихъ признанъ второю Бернскою Конференціею, какъ крайнее условіе, нужное для разрѣшенія задачи.

По удовлетвореніи этого условія, всѣ участвующіе въ предпріятіи могутъ нынѣ уже приступить къ необходимымъ приготовленіямъ для предстоящихъ имъ экспедицій.

По полученнымъ недавно свѣдѣніямъ, весьма вѣроятно, что сверхъ вышеисчисленныхъ странъ, въ предпріятіи примутъ участіе Германія, Франція и Голандія, причѣмъ первое изъ этихъ государствъ возьметъ на себя устройство станціи въ арктической или антарктической области, Франція устроитъ обсерваторію на мысѣ Горѣ, а Голандія — займетъ одинъ изъ пунктовъ въ Сѣверномъ полярномъ краѣ. Напротивъ того, Канада положительно отказалась участвовать въ предпріятіи основаніемъ станціи на своихъ сѣверныхъ берегахъ, въ значительномъ пространствѣ, составляющемъ пробѣгъ между мысомъ Барро и заливомъ Леди-Франклинъ; она ограничится лишь содѣйствіемъ обсерваторіямъ, уже существующимъ на ея территоріи.

Поэтому г. Вильдъ счелъ нужнымъ уже теперь указать послѣдующимъ участникамъ предпріятія на вышеупомянутый важный пробѣгъ въ сѣти станціи, равно какъ и на другой подобный пробѣгъ, между устьемъ Лены и мысомъ Барро.

Дабы окончательно и съ точностью условиться относительно выбора пунктовъ для обсерваторій, объема и способовъ общихъ наблюдений, начала и конца одновременныхъ наблюдений и проч. необходимо въ непродолжительномъ времени созвать въ третій разъ международную полярную Конференцію. Такъ какъ члены Комисіи выразили еще въ Бернѣ и недавно снова заявили желаніе, чтобы эта Конференція происходила въ Петербургѣ, то имѣется въ виду открыть ее здѣсь, $\frac{20 \text{ іюля}}{1 \text{ августа}}$ текущаго года. Вслѣдствіе сего г. Вильдъ проситъ Академію объ исходатайствованіи разрѣшенія Правительства на устройство въ Петербургѣ, 20 іюля сего года, съѣзда международной Полярной Комисіи. Таковыми членами въ настоящее время состоятъ:

Со стороны Даніи — капитанъ Гофмейеръ, директоръ Датскаго Метеорологическаго Института въ Копенгагенѣ.

Со стороны Германіи — докторъ Неймайеръ, директоръ Германской Морской Обсерваторіи въ Гамбургѣ и баронъ фонъ Шлейницъ, флотскій капитанъ, въ Берлинѣ.

Со стороны Франціи — професоръ Москаръ, директоръ Центрального Метеорологическаго Бюро въ Парижѣ.

Со стороны Голандіи — професоръ Бейсъ-Баллотъ, директоръ Нидерландскаго Метеорологическаго Института въ Утрехтѣ.

Со стороны Італіи — кавалеръ Гвидо Кора, въ Туринѣ.

Со стороны Норвегіи — профессоръ Монъ, директоръ Норвежскаго Метеорологическаго Института въ Христианіи.

Со стороны Австро-Венгрии — графъ Гансъ фонъ Вильчекъ, въ Вѣнѣ.

Со стороны Россіи — профессоръ Ленцъ, Предсѣдатель Физическаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Со стороны Швеціи — докторъ Вейкандеръ, доцентъ Лундскаго университета.

Со стороны Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ — бригадиръ генералъ Гаценъ, начальникъ Signal Office въ Вашингтонѣ.

Составъ Комисіи, быть можетъ, увеличится делегатами тѣхъ странъ, которыя впослѣдствіи присоединятся къ поименованнымъ государствамъ.

Удовольствіе, какое участники предпріятія и вмѣстѣ съ ними вообще занимающіеся физикою земнаго шара должны испытывать при мысли о томъ, что эта обширная задача будетъ наконецъ исполнена, къ сожалѣнію омрачается тѣмъ, что виновникъ всего предпріятія и дѣятельный членъ Полярной Комисіи, Карлъ Вейпрехтъ не дожидъ до приведенія въ исполненіе своей завѣтной идеи. Не успѣвъ издать въ свѣтъ еще одно сочиненіе свое, весьма важное для вышеозначеннаго предпріятія, а именно: «Практическое руководство къ наблюденію сѣвернаго сіянія и явленій магнетизма въ значительныхъ широтахъ», онъ былъ похищенъ смертью у науки 29 марта, всего 42 лѣтъ отъ роду.

Отдѣленіе одобрило предложеніе г. Вильда, причемъ г. Президентъ изъявилъ свое согласіе ходатайствовать объ испрошеніи разрѣшенія Правительства на приведеніе его въ исполненіе.

Читано письмо Почетнаго Члена Академіи, полковника Н. М. Пржевальскаго отъ 28 апрѣля слѣдующаго содержанія:

«Въ теченіе 1879 и 1880 гг. мною совершена новая, третья по счету, экспедиція въ Центральной Азіи. На этотъ разъ мнѣ удалось проникнуть довольно далеко внутрь Тибета и обслѣдовать верховья Желтой рѣки.

Подобно тому, какъ во время прежнихъ путешествій, такъ и при настоящемъ, помимо другихъ изслѣдованій, собирались коллекціи — зоологическая и ботаническая. Послѣдняя препровождена мною въ Императорскій Ботаническій садъ. Зоологическая же коллекція, заключающая въ себѣ достаточное количество животныхъ по всѣмъ

четыремъ класамъ позвоночныхъ, и въ особенности обильная птицами, предлагается мною въ даръ музею Академіи Наукъ.

При этомъ позволяю себѣ объяснить, что жертвованіе мое производится съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы конференція Академіи нашла возможнымъ распредѣлить между ея специалистами научную разработку, какъ вновь приносимой въ даръ коллекціи, такъ равно и нѣкоторыхъ отдѣловъ, въ особенности млекопитающихъ, изъ прежнихъ моихъ коллекцій, также поступившихъ въ музей Академіи. На свою долю я беру обработку птицъ. Всѣ эти научныя описанія, приступить къ которымъ желательно въ возможно скорѣйшемъ времени, имѣютъ быть помѣщены въ проектируемой нынѣ мною книгѣ подъ заглавіемъ «Путешествія въ пустыняхъ Центральной Азіи». Первые два тома этой книги будутъ заключать въ себѣ общее описаніе двухъ послѣднихъ моихъ путешествій—Лобъ-норскаго и Тибетскаго; въ остальныхъ же пяти или шести томахъ предполагается изложить научные результаты всѣхъ трехъ моихъ экспедицій въ Центральной Азіи. На изданіе этой книги испрашивается Географическимъ Обществомъ сорокъ тысячъ рублей. Окончательный срокъ для исполненія всего сочиненія опредѣляется 4—5 лѣтвѣй, но вмѣстѣ съ тѣмъ желательно, чтобы спеціальныя описанія, по мѣрѣ обработки научныхъ матеріаловъ, выходили въ свѣтъ отдѣльными выпусками».

Отдѣленіе, принявъ это заявленіе съ особымъ удовольствіемъ, положило изъявить г. Пржевальскому живѣйшую благодарность Академіи за его многоцѣнное и важное для науки приношеніе и поручить Академикамъ Л. И. Шренку и А. А. Штрауху войти въ ближайшія соображенія о средствахъ для обезпеченія исполненія условія, поставленнаго г. Пржевальскимъ, относительно научной обработки привезенныхъ имъ коллекцій.

Комисія по изслѣдованію вопроса объ уменьшеніи проточныхъ водъ и вліяніи на это лѣсовъ, состоящая при Императорскомъ Московскомъ Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи и Императорскомъ Московскомъ Обществѣ Испытателей Природы, доставила, при печатномъ циркулярѣ, пять экземпляровъ «Программъ и Вопросовъ», составленныхъ Комисією по вопросамъ, подлежащимъ ея занятіямъ, и проситъ оказать ей содѣйствіе въ рѣшеніи этихъ вопросовъ. Положено доставленные экземпляры раздать тѣмъ Членамъ Отдѣленія, предметы занятія которыхъ соприкасаются съ означенными вопросами.

Г. Президентъ заявилъ, что онъ назначаетъ среду, 20 мая, для

посѣщенія Николаевской Главной Астрономической Обсерваторіи Комитетомъ, ежегодно собирающимся для сего по Уставу Обсерваторіи, и предложилъ Отдѣленію избрать, на основаніи § 5 помянутаго Устава, четырехъ членовъ сего Комитета отъ Академіи. Отдѣленіе назначило таковыми членами: гг. Академиковъ П. Л. Чебышева, А. Н. Савича и А. В. Гадолина и члена-корреспондента генералъ-лейтенанта Ник. Влад. Маіевскаго.

ЗАСѢДАНІЕ 12 МАЯ 1881 ГОДА.

Академики Г. И. Вильдъ и А. В. Гадолинъ представили записку члена-корреспондента Академіи Р. Э. Ленца о термическомъ расширеніи морской воды (*Ueber die thermische Ausdehnung des Meerwassers*). Указавъ на то, что величина этого расширенія до сихъ поръ не была опредѣлена съ достаточною точностью, авторъ подробно описываетъ затѣмъ весьма тщательные опыты, произведенные по его указаніямъ и подъ его руководствомъ, студентомъ Технологическаго Института Рѣзцовымъ. Употребленные при этомъ способы для устраненія дѣйствія различныхъ источниковъ погрѣшностей и произведенный рядъ повѣрочныхъ опытовъ придаютъ изложеннымъ здѣсь числовымъ выводамъ о термическомъ расширеніи морской воды различной насыщенности—высокую степень точности не только относительной, но и абсолютной. Согласно предложенію названныхъ Академиковъ, записка г. Ленца будетъ напечатана въ Мемуарахъ Академіи.

Академикъ О. В. Струве представилъ записку г. Баклунда объ элементахъ и эфемеридахъ Энковой кометы на 1881 годъ (*Elemente und Ephemeriden des Encke'schen Cometen für d. J. 1881*). — Она будетъ напечатана въ Бюлетенѣ Академіи.

Академикъ Г. И. Вильдъ представилъ записку г. Рыкачева о буряхъ Бѣлаго моря, причѣмъ онъ объяснилъ, что въ ней авторъ подвергъ ближайшему изученію штормовые вѣтры означеннаго моря, и этимъ дополнилъ прежнюю работу свою о распредѣленіи средняго направленія вѣтровъ въ этомъ бассейнѣ. Изъ этихъ изслѣдованій оказывается, что Бѣлое море имѣетъ весьма существенное вліяніе какъ на средніе вѣтры, такъ и на характеръ штормовыхъ вѣтровъ. Согласно предложенію г. Вильда, записка г. Рыкачева появится въ Метеорологическомъ Сборникѣ.

Академики Л. И. Шренкъ и А. А. Штраухъ представили отъ имени профессора Ветеринарнаго Института въ Харьковѣ, доктора

А. Ѳ. Брандта, оставшіяся послѣ его отца, покойнаго Академика Ѳ. Ѳ. Брандта, рукописныя, неизданныя сочиненія его. Часть этихъ сочиненій г. Брандтъ предварительно посылалъ профессору Рютимейеру въ Базель, который, по внимательномъ разсмотрѣніи ихъ, въ приславномъ письменномъ отзывѣ приходитъ къ тому заключенію, что только одно изъ нихъ, а именно «Объ остаткахъ пищи *Rhinoceros tichorhinus*», могло бы въ настоящее время быть издано, да и то лишь въ томъ случаѣ, если помѣщенное въ немъ микроскопическое изслѣдованіе этихъ остатковъ, составленное покойнымъ Академикомъ Мейеромъ, по мнѣнію специалистовъ ботаниковъ оказалось бы соответствующимъ современнымъ требованіямъ науки. Академикъ Максимовичъ и Адъюнктъ Фаминцынъ, къ которымъ обращались по этому вопросу, отозвались, однако, въ томъ смыслѣ, что какъ описанія, такъ и микроскопическіе рисунки означенныхъ остатковъ страдаютъ чрезвычайно неопредѣленностью, а потому нынѣ значенія не имѣютъ. Слѣдуетъ, поэтому, и этотъ трудъ оставить неизданнымъ. Тѣмъ не менѣе, во всѣхъ оставшихся по смерти Академика Брандта рукописныхъ сочиненіяхъ такъ много цѣнныхъ и важныхъ для будущихъ изслѣдованій по тому же предмету матеріаловъ, что было бы весьма желательно сдѣлать существованіе ихъ извѣстнымъ, и самыя сочиненія по возможности доступными для специалистовъ, интересующихся подобными вопросами. Въ этихъ видахъ докторъ А. Ѳ. Брандтъ, при передачѣ рукописей Академіи, выражаетъ желаніе, чтобы вышеупомянутый отзывъ профессора Рютимейера о нихъ былъ напечатанъ въ Бюлетенѣ Академіи, съ прибавленіемъ къ нему замѣчанія, что какъ упомянутыя въ немъ, такъ и нѣкоторыя другія рукописныя сочиненія покойнаго Академика Брандта хранятся въ архивѣ Академіи и съ ея согласія могутъ быть переданы ученымъ специалистамъ, которые пожелали бы воспользоваться ими при своихъ трудахъ, или же заняться окончательною разработкою. Съ своей стороны гг. Шренкъ и Штраухъ не находятъ препятствій къ исполненію желанія доктора А. Ѳ. Брандта.

Отдѣленіе, по обсужденіи этого дѣла, положило: 1) отзывъ г. Рютимейера о разсмотрѣнныхъ имъ рукописяхъ покойнаго Ѳ. Ѳ. Брандта напечатать въ Бюлетенѣ, 2) самыя рукописи Ѳ. Ѳ. Брандта, принесенныя Академіи въ даръ сыномъ покойнаго Академика, передать для храненія въ Архивъ Конференціи и 3) изъявить доктору А. Ѳ. Брандту именемъ Академіи благодарить за его предложеніе.

Членъ-корреспондентъ Академіи профессоръ И. М. Сѣченовъ, письмомъ отъ 11 сего мая, просить о томъ, чтобы запечатанный пакетъ, представленный имъ въ февралѣ сего года, былъ Академіею вскрытъ и находящаяся въ немъ записка была напечатана, вмѣстѣ съ представленнымъ нынѣ дополненіемъ къ ней. По вскрытіи означеннаго пакета, въ ней оказалась записка на нѣмецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *Galvanische Erscheinungen an den centralen Nervmassen des Frosches*. Эта записка была затѣмъ прочитана въ засѣданіи и положено, согласно желанію автора, напечатать ее въ Бюлетенѣ, вмѣстѣ съ присланнымъ нынѣ отъ г. Сѣченова добавленіемъ къ ней.

Г. Вереврюсовъ, при письмѣ изъ Екатеринодара, отъ 22 апрѣля, представилъ записку о суммованіи безконечныхъ рядовъ. Она будетъ передана для рассмотрѣнія Академику П. Л. Чебышеву.

Академикъ Г. И. Вильдъ сообщилъ, что благодаря стараніямъ Карла Сименса, состоящаго во главѣ Телеграфнаго заведенія Сименса и Гальске въ Петербургѣ, будетъ устроено 10 метеорологическихъ станцій вдоль Кавказско-Индійской телеграфной линіи между Тифлисомъ и Тегераномъ. Для этихъ станцій избраны слѣдующіе пункты: Деліанъ, Ахты, Эриванъ, Сардаракъ, Джульжа, Тавризь, Міанехъ, Зендыанъ, Козвинъ и Тегеранъ. Главная Физическая и Тифлисская Обсерваторіи снабдятъ означенныя станціи необходимыми инструментами и озаботятся объ ихъ установкѣ на оныхъ, а служащіе на Кавказско-индѣйской телеграфной линіи будутъ безвозмездно производить этими инструментами непрерывныя наблюденія, согласно изданной Академіею инструкціи. По выслушаніи этого сообщенія, Одѣленіе, принимая въ соображеніе важность, какую упомянутыя станціи будутъ имѣть для изученія климата странъ, въ которыхъ онѣ находятся, положило выразить г. Сименсу признательность Академіи за услугу, оказываемую имъ наукѣ устройствомъ этихъ станцій.

Непремѣнный Секретарь донесъ, что 1 мая окончился срокъ для пріема математическихъ сочиненій на соисканіе премии имени В. Я. Буняковского. При этомъ г. Буняковский заявилъ, что въ декабрѣ минувшаго 1880 г. получено имъ для сего конкурса отъ учителя математики въ Московскомъ Комерческомъ училищѣ П. С. Назимова, его сочиненіе, подъ заглавіемъ: Объ интегрированіи дифференціальныхъ уравненій съ часными производными, — трудъ, удостоенный въ январѣ 1880 г. отъ Московскаго универ-

ситета преміи заслуженнаго профессора Брашмана. Сверхъ того, въ апрѣлѣ сего года, г. Назимовъ доставилъ г. Буняковскому, для той же цѣли, дополненіе къ означенному сочиненію, озаглавленное: Объ интегрированіи нѣкоторыхъ классовъ уравненій съ частными производными нѣсколькихъ функцій. Москва 1881 г. Для присужденія въ настоящемъ году преміи В. Я. Буняковскаго, Отдѣленіе, согласно §§ 14 и 15 правилъ о сей преміи, назначило комисію, подъ предѣлительствомъ г. Буняковскаго, изъ гг. Академиковъ П. Л. Чебышева и А. Н. Савича.

Доведено до свѣдѣнія Отдѣленія, что 1 мая окончился срокъ, назначенный правилами о наградахъ Академика Э. Э. Брандта, для приѣма отъ самихъ авторовъ сочиненій по части зоологій, зоогеографіи, сравнительной анатоміи и палеонтологіи животныхъ на соисканіе этихъ наградъ, и что вынѣ предстоитъ назначить комисію для ихъ присужденія въ настоящемъ году. Въ таковую комисію назначены гг. Академики:—Ф. В. Овсянниковъ, Л. И. Шренкъ, А. А. Штраухъ и Э. Б. Шмидтъ.

Директоръ Телеграфовъ, тайный совѣтникъ Людерсъ, письмомъ отъ 29 апрѣля, увѣдомляетъ о полученіи хранившихся въ Физическомъ Кабинетѣ Академіи восьми телеграфныхъ аппаратовъ, переданныхъ изъ Кабинета въ Телеграфный Департаментъ, для учрежденнаго при немъ историческаго музея. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ благодаритъ Академію за эту передачу.

ЗАСѢДАНІЕ 26 МАЯ 1881 Г.

Академикъ К. И. Максимовичъ представилъ и прочелъ записку, подъ заглавіемъ: *De Coriario, Jlice, et Monochasmate, ejusque generibus proxime affinibus Bungea et Cymbaria*.—Она будетъ напечатана въ Мемуарахъ Академіи.

Тотъ-же академикъ представилъ и прочелъ продолженіе своихъ «Діагнозовъ» новыхъ Азіятскихъ растений: *Diagnoses plantarum novarum Asiaticarum*. IV).—Оно будетъ напечатано въ Бюлетенѣ Академіи.

Академикъ О. В. Струве сообщилъ, что имъ получена отъ члена-корреспондента Академіи Гульда, изъ Буэносъ-Айреса, телеграма слѣдующаго содержанія: «Комета 1807 г. вновь появилась; прямое восхожденіе 5 часовъ, южное склоненіе 40°.»—По мнѣнію г. Струве, можно ожидать, что эта знаменитая комета будетъ

видима въ южныхъ странахъ Европы въ большомъ блескѣ; но относительно ея явленія въ сѣверныхъ широтахъ пока еще нельзя сдѣлать никакихъ предположеній.

Непремѣнный Секретарь довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что со времени его послѣдняго засѣданія отпечатаны и выпущены въ свѣтъ слѣдующія, изданныя по его распоряженію, сочиненія: 1) П. А. Чебышева, *О функціяхъ малоудаляющихся отъ нуля при нѣкоторыхъ величинахъ переменнѣй.* (Прилож. къ XL тому Записокъ Академіи); 2) J. Borodin, *Untersuchungen über die Pflanzenathmung* (Mém. de l' Acad. XXVIII, № 4), 3) Nikitin, *Die Jura Ablagerungen, zwischen Bybinsk, Mologa und Myschkin an der oberen Wolga* (Mém. de l' Acad. XXVIII, № 5); 4) O. Backlund, *Zur Theorie des Enckenschen Cometen* (Mém. de l' Acad. XXVIII, № 6); 5) *Mélanges physiques et chimiques*. XI, 2 и 6) *Mélanges biologiques*, XI, 1.

Академикъ О. В. Струве представилъ, для храненія при дѣлахъ Академіи, копію съ годоваго его отчета, читаннаго имъ 20 сего мая Комитету Николаевской Главной Астрономической Обсерваторіи.

Князь Балгазаръ Бонкомпани, письмомъ изъ Рима, отъ 22 мая, благодаритъ Академію за распоряженія ея относительно высылки ему копіи съ письма Маджини, находящагося въ числѣ рукописей Кеплера.

Академикъ А. А. Штраухъ сообщилъ, что студентъ С.-Петербургскаго университета Ф. Д. Плеске, принесъ въ даръ Зоологическому музею Академіи прекрасную коллекцію птицъ здѣшней и другихъ губерній въ числѣ 483 экзем., изъ которыхъ 133 отлично набиты.—Согласно предложенію г. Штрауха, положено благодарить г. Плеске именемъ Академіи за это цѣнное пожертвованіе.

Кременчугскій полицеймейстеръ, при отношеніи отъ 9 марта, доставилъ челюсть мамонта, вытащенную со дна р. Днѣпра, въ посадѣ Крюковѣ, причемъ увѣдомляетъ, что рыбаки, нашедшіе эту челюсть, продали оную купцу Ивану Герасимову, который изъявилъ готовность уступить ее безвозмездно Музею Академіи. Положено выразить купцу Герасимову благодарность Академіи.

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

ЗАСѢДАНІЕ 5-ГО МАЯ 1881 Г.

По открытіи засѣданія, Непремѣнный Секретарь сообщилъ печальное извѣстіе о смерти члена - корреспондента Академіи профессора Франца Куна, скончавшагося въ Берлинѣ 5-го мая н. ст.

Адъюнктъ баронъ В. Р. Розенъ донесъ, что въ 1879 г. онъ имѣлъ случай ознакомиться въ Парижской національной библіотекѣ съ одною арабскою рукописью, содержащею въ себѣ неизданное и весьма мало извѣстное продолженіе исторіи Александрійскаго патріарха Евтихія. Авторъ этого сочиненія, медикъ по профессіи и родственникъ Евтихія, переселился въ 1014 г., вѣроятно изъ Александріи, въ Антиохію, гдѣ и передѣлалъ написанную имъ еще до этого переселенія лѣтопись, такъ какъ нашелъ здѣсь новые матеріалы, бывшіе ему до тѣхъ поръ недоступными. Въ этомъ трудѣ, озаглавленномъ: *«Продолженіе, составленное къ хроникѣ Саида сына Батрика Яхъей (Іоанномъ) сыномъ Саида Антиохійскимъ»*, баронъ Розенъ узналъ главный источникъ тѣхъ свѣдѣній, которыя сообщаются о византійскихъ дѣлахъ X вѣка другимъ арабскимъ историкомъ ал-Макиномъ. Такъ какъ важность показаній ал-Макина для этого періода византійской, а слѣдовательно и древне-русской и болгарской исторіи хорошо извѣстна изъ трудовъ академика А. А. Куника и профессора В. Б. Васильевскаго, то онъ счелъ нужнымъ списать помянутую рукопись. Впослѣдствіи, получивъ рукопись того же сочиненія преосвященнаго Порфирія (Успенскаго), онъ сличилъ ее съ Парижскою, при чемъ нашелъ, что первая содержитъ въ себѣ болѣе полную редакцію и что сверхъ того, она, по древности и исправности текста, гораздо важнѣе второй; обѣ же рукописи, вмѣстѣ взятыя, даютъ возможность предпринять полное изданіе критически обработаннаго текста. Сочиненіе Яхъи Антиохійскаго вполне заслуживаетъ такого изданія, такъ какъ оно представляетъ собою одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ и древнѣйшихъ источниковъ для исторіи X вѣка, не только византійской, но и мусульманской. Но въ виду того, что полное изданіе потребуетъ еще долгихъ трудовъ, баронъ Розенъ предварительно приготовилъ къ печати тѣ части сочиненія, которыя касаются исторіи императора Василія II Болгаробойцы, цар-

ствование котораго, какъ извѣстно, особенно важно для русской исторіи, потому что къ нему относится крещеніе св. Владимира, и самый разсказъ объ этомъ событіи у Яхьи Антиохійскаго представляетъ значительный интересъ. вмѣстѣ съ тѣмъ баронъ Розенъ представилъ для напечатанія въ приложеніи къ Запискамъ Академіи, текстъ означенныхъ отрывковъ и сдѣланный имъ переводъ оныхъ, подъ общимъ заглавіемъ: *Императоръ Василій Бомарбойца по арабскимъ источникамъ*, при чемъ присовокупилъ, что къ этому сочиненію будутъ еще присоединены введеніе и примѣчанія, такъ что оно составитъ всего отъ 15 до 20 печатныхъ листовъ.

У. М. Юнгъ, правительственный секретарь въ Пенджабѣ, при письмѣ отъ 14 марта н. ст., доставилъ экземпляръ каталога санскритскихъ рукописей, разсмотрѣнныхъ и описанныхъ въ Пенджабѣ въ теченіе минувшаго года. Эта книга передана академику Б. А. Дорну для Азіатскаго музея.

засѣданіе 19-го мая 1881 года.

Непремѣнный Секретарь сообщилъ горестное извѣстіе о кончинѣ ординарнаго академика Бориса Андреевича Дорна, сраженнаго краткою, но тяжкою болѣзнью, утромъ сего 19 мая, 76 лѣтъ отъ роду. Въ немъ Академія теряетъ одного изъ старѣйшихъ своихъ членовъ, а наука о Востокѣ—одного изъ самыхъ уважаемыхъ дѣятелей.

В. Вутонъ, при письмѣ изъ Брюсея, отъ 21 мая н. ст., доставилъ корректурный оттискъ записки своей о нѣкоторыхъ новыхъ данныхъ для исторіи борьбы Тевтонскаго ордена съ Литовцами.— Положено эту записку передать академику А. А. Кунику.

Читано донесеніе академика Б. А. Дорна о переданномъ ему, по опредѣленію Отдѣленія отъ 10 февраля 1881 г. желѣзномъ знакѣ съ надписью, найденномъ въ Маріинскомъ округѣ Томской губ. и доставленномъ въ Академію подполковникомъ Винокуровымъ. Въ своемъ донесеніи Дорнъ сообщаетъ, что по немѣнью въ средѣ Академіи специалиста по монгольскому языку, на коемъ сдѣлана надпись на этомъ знакѣ, Адъюнктъ баронъ В. Р. Розенъ обращался съ просьбою разсмотрѣть этотъ знакъ къ доценту здѣшняго университета г. Позднѣву, который въ составленномъ имъ подробномъ описаніи выражаетъ мнѣніе, что эта находка представляетъ собою первый образецъ тѣхъ дощечекъ, которыми Монголо-Китайскіе императоры династіи Юань снабжали

своихъ посланцевъ при отправленіи ихъ въ ту или другую сторону для передачи ихъ повелѣній. Представляя при этомъ означенную статью г. Позднѣва, Дорнъ предлагаетъ напечатать ее въ Запискахъ Академіи, и по выходѣ ея въ свѣтъ сообщить г. Винокурову, которому нынѣ засвидѣтельствовать благодарность Академіи за доставленіе ей этого любопытнаго знака.—Одобрено.

Въ виду послѣдовавшей кончины директора Азіятскаго Музея Академіи, Б. А. Дорна, Отдѣленіе положило завѣдываніе этимъ Музеемъ возложить на адъюнкта барона В. Р. Розена, о чемъ и увѣдомить Комитетъ Правленія.

Викарій Конгрегаціи Мехитаристовъ Св. Лазаря, въ Венеціи, Л. М. Алипанъ, при письмѣ отъ 21 мая, возвращаетъ два принадлежащіе Азіятскому Музею Академіи альбома видовъ Арменіи, посланные Конгрегаціи для временнаго пользованія, и выражаетъ Академіи благодарность Конгрегаціи за сообщеніе этихъ альбомовъ.

Г. Управляющій Министерствомъ Финансовъ, отношеніемъ отъ 19 мая, увѣдомляетъ, что Членъ Совѣта Министра Финансовъ академикъ Безобразовъ командированъ въ губерніи: Московскую, Тверскую, Нижегородскую и др., для собранія свѣдѣній о состояніи фабричнаго и заводскаго производства и другихъ предметовъ, до торговли и промышленности относящихся.

शुभं न भवति

न कुरुते न भवति

एतन्मन्त्रं भवति

इति मन्त्रः

शुभं न भवति

ОБЪЯСНЕНИЕ ДРЕВНЕЙ МОНГОЛЬСКОЙ НАДПИСИ НА ЧУГУННОЙ ДОЩЕЧКѢ, ДОСТАВЛЕННОЙ ВЪ ИМПЕРАТОРСКУЮ АКАДЕМІЮ НАУКЪ Г. ВІНОКУРОВЫМЪ.

Составленное А. М. Пезднѣевымъ.

Читано въ засѣданіи Историко-Филологическаго Отдѣленія Академіи, 6-го октября 1881 г.

Въ февралѣ мѣсяцѣ настоящаго года въ Императорскую Академію Наукъ прислана была отъ инспектора Тюменско-Ачинскаго ссыльнаго тракта г. подполковника Винокурова чугунная дощечка съ надписью серебряными буквами, найденная при разработкѣ земли крестьяниномъ Богомильской волости Маріинскаго округа Томской губерніи. Буквы, которыми начертана была надпись на этой дощечкѣ, не составляли уже для насъ новости: это были квадратныя монгольскія письмена, официально употреблявшіяся Монголами въ періодъ владычества ихъ въ Китаѣ, или, еще болѣе точно, въ тотъ періодъ, когда на китайскомъ престолѣ возсѣдалъ монгольскій Хубилай-ханъ, подъ китайскимъ именемъ *Ши-дзу* династіи *Юань* (1259—1294 г.). Такимъ образомъ дѣлалось очевидно съ перваго раза, какому народу принадлежала эта дощечка и къ какому времени относится она по своему происхожденію. Мы знали также и о томъ, что подобныя дощечки были дѣйствительно употребляемы Монголами, и что онѣ имѣли у нихъ значеніе государственныхъ документовъ; знали все это потому, что дощечки этого рода были уже неоднократно находимы и изслѣдуемы у насъ и прежде, такъ что на-

стоящій памятникъ является для насъ уже четвертымъ въ своемъ родѣ по порядку времени своего открытія¹⁾. Но за всѣмъ тѣмъ дощечка, представленная г. Винокуровымъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія, потому что она несомнѣнно является оригинальною въ своемъ родѣ и, по нашему мнѣнію, разнствуетъ отъ ея предшественницъ значеніемъ также точно, какъ отличается отъ нихъ по своему внѣшнему виду и содержанію своей надписи. Всѣ отысканныя до сего времени дощечки были продолговатыми по формѣ, имѣя въ длину около 7 вершковъ, въ ширину около двухъ и въ толщину около $\frac{1}{12}$ вершка; въ верхней части всѣхъ этихъ дощечекъ находилось кругое отверстіе съ выпуклымъ по обѣимъ сторонамъ ободкомъ или кольцомъ, наконецъ металлъ, изъ котораго всѣ онѣ были сдѣланы—серебро, а буквы на нихъ были рѣзныя, причемъ на первомъ (минусинскомъ) пайзѣ онѣ являлись позолоченными. Настоящая дощечка по своей формѣ собственно круглая: она окаймлена выдающимся ободкомъ и вмѣстѣ съ нимъ имѣетъ $2\frac{6}{8}$ вершка въ діаметрѣ. Впрочемъ, такъ какъ въ верхней части круга этой дощечки находится еще украшеніе, выдающееся кверху угломъ, стороны котораго какъ бы гранены тремя фестонами, то разсматриваемая вмѣстѣ съ этимъ украшеніемъ, дощечка уже те-

¹⁾ Первая изъ этихъ дощечекъ серебряная, съ позлащенными буквами, была найдена въ 1841 г. въ Минусинскомъ округѣ Енисейской губерніи; надпись ея, изображенная неизвѣстными дотолѣ квадратными письменами, была разобрана и прочитана впервые о. архимандритомъ Аввакумомъ, а потомъ издана В. В. Григорьевымъ въ его брошюрѣ «Монгольская надпись времени Мѳнгкэ-хана». Вторая дощечка также серебряная, но уже не съ квадратными, а съ уйгуро-монгольскими письменами, была отыскана въ 1848 году въ Екатеринославской губерніи, близъ Запорожской Сѣчи; объясненіе ея было представлено Дорджи Банзаровымъ и напечатано въ «Bulletin de la classe historico-philologique de l'Académie Impériale des sciences de St. Pétersbourg, T. V, № 9, подъ заглавіемъ: «Erklärung einer Mongolischen Inschrift auf einer im Jekaterinoslaw'schen Gouvernement auf den Gütern des Herrn Barons von Stieglitz ausgegrabenen Silberplatte». Наконецъ третья такая же серебряная дощечка и также съ квадратными письменами отыскана была въ Нюкскомъ селеніи Верхнеудинскаго округа Забайкальской области, гдѣтомъ 1853 г.; она описана и издана была г. Савельевымъ въ Тр. Вост. Отд. Импер. Археолог. Общ., ч. II, стр. 161—165.

рять форму круга и имѣть въ длину $3\frac{6}{8}$ вершка. Орнаментъ, отлитый на верху дощечки, въ настоящее время представляется крайне неяснымъ, но, повидимому, онъ изображаетъ собою дракона — гербъ китайской имперіи; оканчивается этотъ орнаментъ шинькомъ, къ которому прикрѣплено вертящееся чугунное кольцо, назначенное какъ будто для того, чтобы дощечку можно было привѣшивать. Надпись дощечки изображена въ пяти строкахъ, причемъ двѣ строки — начальная и конечная, какъ приходящіяся по краямъ круга, вообще нѣсколько меньше и короче всѣхъ трехъ срединныхъ, а самая средняя строка больше и длиннѣе всѣхъ боковыхъ. Буквы, которыми изображена надпись, серебряныя и въ высшей степени достойны замѣчанія тѣмъ, что онѣ не рѣзныя и не отлитыя, какъ это было на прежнихъ дощечкахъ, а составляютъ какъ бы серебряную инкрустацію на чугунной пластинкѣ. Необходимо думать, что, при приготовленіи этой дощечки, монгольскими художниками былъ принятъ тотъ же способъ, которымъ и до нынѣ выдѣлываютъ Монголы изъ различныхъ металовъ украшенія для своихъ поясовъ, лошадиныхъ сѣделъ, уздъ и проч. По этому способу напередъ должна была быть приготовлена форма дощечки, въ которой надпись, равно какъ и другія, предназначаемыя для инкрустаціи мѣста, были сдѣланы выпуклыми. Отлитая изъ чугуна по этой формѣ дощечка представляла собою ровную чугунную пластинку, а черты надписи являлись на ней въ видѣ пустыхъ отверстій. Чтобы покончить съ своей работой художнику оставалось теперь только вколотить мелкія серебряныя полоски въ эти отверстія чугунной доски, что и было имъ сдѣлано. Вотъ почему надпись разсматриваемой нами дощечки одинаково выпукла и видна какъ на лицевой, такъ и на задней сторонѣ ея и на послѣдней она является только въ обратномъ видѣ. Кромѣ сего вокругъ надписи и въ срединѣ общаго круга дощечки по мѣстамъ остались еще слѣды отъ двухъ серебряныхъ ободковъ, но они представляютъ собою не инкрустацію, а обыкновенную серебряную насѣчку на чугунѣ.

Надпись располагается по строкамъ и читается такъ:

мѡнъ-кэ дэнъ-ри
 йн кѹ-чун дѹр
 ха-ну джар-лик кэн
 эсэ бу-ши-рѣ-су
 ал-да-ту-гай.

Что по буквальному переводу означаетъ:

Вѣчнаго неба
 силою,
 ханскаго повелѣнія кто
 не послушаетъ (не будетъ почитать) если,
 пусть будетъ убитъ.

Не входя теперь въ подробное разсмотрѣніе квадратнаго алфавита, который уже неоднократно подвергался самому обстоятельному изслѣдованію какъ со стороны русскихъ, такъ и европейскихъ ориенталистовъ, мы однако считаемъ долгомъ сказать въ объясненіе представленной нами транскрипціи слѣдующее:

Первое изъ словъ разбираемой нами надписи — «мѡнъ-кэ» замѣчательно тѣмъ, что въ начертаніи втораго слога его — «кэ» употребленъ самостоятельный знакъ квадратной письменности. (Извѣстно, что для выраженія мягкихъ согласныхъ *k* и *x*, въ квадратной письменности существуютъ два самостоятельные знака, очевидно передѣланные изъ тибетскихъ знаковъ ^ㄎ и ^ㄏ и отличающіеся отъ нихъ изображеніемъ подвѣшеннаго къ горизонтальной чертѣ съ правой или съ лѣвой стороны ящика); такимъ образомъ слово «мѡнъ-кэ» на нашей дощечкѣ по своему изображенію различается отъ начертанія его въ Нюкскомъ пайзэ (гдѣ этотъ второй слогъ выраженъ тибетскимъ знакомъ ^ㄎ) и является начертаннымъ одинаково съ тѣмъ, какъ изображено оно въ пайзэ ми-нусинскомъ и грамотахъ вдовы Дарма-баловой и Буянту-хана. Мы читаемъ это первое слово — «мѡнъ-кэ», т. е. усвоивъ его на-

чальному слогу мягкость гласнаго звука, подобно тому, какъ произносится онъ въ современномъ языкѣ Монголовъ , или даже болѣе опредѣленно у Калмыковъ . Г Бобровниковъ, рассматривая это слово «*mönk-kä*» въ грамотѣ Буянту-хана, признавалъ справедливымъ читать его какъ *mönk-ka* (также точно транскрибируетъ его и г. Уайли, изображая только латинскими буквами въ видѣ — «*Mong'ka*»¹⁾), хотя и не рѣшился на эту транскрипцію утверждая, что въ монгольскомъ языкѣ невозможно стеченіе гласныхъ *o* и *a* въ одномъ словѣ. Замѣтимъ здѣсь кстати, что это послѣднее мнѣніе г. Бобровникова, переходящее по преемству къ нашимъ монголологамъ, не оправдывается въ дѣйствительности и наблюденія надъ монгольскимъ языкомъ могутъ удостовѣрить насъ, что какъ въ древней, такъ и въ современной намъ рѣчи Монголовъ есть достаточное число (примѣровъ) словъ, въ которыхъ замѣчается соединеніе какъ твердыхъ *o* и *a*, такъ и мягкихъ *ö* и *э*. И такъ, прочитавъ слово согласно настоящему произношенію его у Калмыковъ, какъ «*mönk-kö*», г. Бобровниковъ недоумѣвалъ только и ставилъ вопросъ, почему квадратное правописаніе въ изображеніи гласныхъ звуковъ, всегда согласное съ уйгуро-монгольскимъ, въ этомъ случаѣ перемѣняетъ уйгуро-монгольскія мягкія гласныя на твердыя²⁾? Но дѣло мнѣ кажется въ томъ, что монгольскій писецъ, изображая слово «*mönk-kä*» въ той формѣ, въ которой является оно начертаннымъ на нашей дощечкѣ, а равно и въ грамотѣ Буянту-хана, и не думалъ о томъ, что онъ не пишетъ слова съ мягкими гласными звуками. Тщательное изученіе квадратнаго алфавита убѣждаетъ насъ, что алфавитъ этотъ не зналъ различія и не имѣлъ отдѣльныхъ знаковъ для выраженія твер-

1) Journal Asiatique 1862 à Wylie sur une inscription mongole en caracteres Pa-sse-pa, p. 461—471.

2) Памятники монгольскаго квадратнаго письма. Спб. 1870 г., стр. 33.

даго *о* и мягкаго *ō*, подобно тому какъ современная письменность Монголовъ не знаетъ различія между звуками *ō* и *ü*, объединяя ихъ въ одномъ знакъ ᠮ . Такимъ образомъ въ квадратномъ алфавитѣ твердое *о* и мягкое *ō* одинаково начертываются тибетскимъ знакомъ $\sim$, изображаемымъ только въ обратномъ положеніи; очевидно, стало быть, что писецъ какъ для выраженія твердаго «монз», такъ и мягкаго «мѳнз» долженъ былъ употребить одни и тѣже знаки. Въ монголо-китайскомъ памятникѣ Юань-чао-ми-ши слово *мѳнз-кэ* изображается посредствомъ іероглифовъ 蒙¹⁾, т. е. мѳнкэ. Но гласная «*ü*» въ слогѣ іероглифа 蒙 *мѳнз* произносится весьма сжато, почему и самому іероглифу этому усвоится еще и другая транскрипція какъ — «мѳнз»²⁾. Ясно, что и въ понятіи и произношеніи Китайцевъ гласный звукъ этого іероглифа занимаетъ какую то середину между звуками *ü* и *э* и мѳ кажется, что эта середина и есть тотъ звукъ, который болѣе опредѣленная монголо-ойратская письменность выражаетъ знакомъ ᠮ , соответствующимъ нашему *ō*. Что касается втораго слога «*кэ*», то онъ, какъ намъ кажется, совершенно не могъ быть прочитанъ какъ «*ка*». Подробное разсмотрѣніе употребленія начертаннаго въ этомъ слогѣ самостоятельнаго знака квадратной письменности, дѣлаетъ несомнѣннымъ заключеніе, что знакъ этотъ употреблялся Монголами исключительно въ словахъ мягкаго звука, т. е. при гласныхъ *э* *ō* *ü*. По характеру своему онъ совершенно соответствуетъ знаку ᠮ современнаго монгольскаго письма, за которымъ, какъ извѣстно, монгольскими грамматиками признано даже свойство опредѣлять мягкость произношенія *всѣхъ* гласныхъ, входящихъ въ составъ слова. Весьма вѣроятно, что тоже значеніе имѣлъ и разсматриваемый нами знакъ письма квадратнаго.

Слово «*Дэнз-ри*» пишется такимъ образомъ одинаково во всѣхъ памятникахъ квадратнаго письма, хотя въ настоящемъ

1) Юань-чао-ми-ши. Бэнь-цзы IV. Цзюань X—I.

2) Васильевъ. Графическая система китайск. іероглифовъ, стр. 375.

языкѣ Монголовъ является не иначе, какъ въ видѣ «тэнз-ри» или даже болѣе полно «тэнз-гэ-ри», т. е. въ обоихъ случаяхъ замѣняя начальную согласную слова «д» звукомъ — «т». Объяснить эту особенность квадратнаго письма древнимъ произноше- ниемъ слова мы въ настоящее время положительно не можемъ, ибо даже болѣе древній монгольскій памятникъ Юань-чао-ми-ши начертываетъ слово «тэнз-ри» не иначе, какъ иероглифами 騰格¹⁾, т. е. какъ «тэнз-гэ-ри», или, что тоже, представляетъ его совершенно въ той формѣ, въ какой является оно въ современной живой рѣчи Монголовъ.

Бушир'эсү — услов. накл. отъ глагола бүширэкү. Въ современномъ разговорномъ языкѣ и письменности Монголовъ этотъ глаголъ является въ формѣ «биширэкү»; но въ древности онъ несомнѣнно произносился такъ, какъ изображаетъ его надпись на нашей дощечкѣ; ибо, помимо того, что глаголъ этотъ является въ той же формѣ и изображеннымъ уже уйгуро-монгольскими буквами въ дощечкѣ Абдула-хана²⁾, самый переходъ слога *бу* въ *би* въ нѣкоторыхъ словахъ для насъ теперь не подлежитъ сомнѣнію. Возьмемъ для примѣра слово бу-су. Въ Юань-чао-ми-ши оно на ряду съ этою древнею формою слова 不速 бу-су³⁾,

¹⁾ Юань-чао-ми-ши. Бэнь-цзы IV. Цзюань X—I. — Представляя транскрипцію Юань-чао-ми-ши, мы, по неимѣнію ея спеціальнаго приѣта, должны были нѣсколько уклониться отъ точной передачи ея знаковъ въ данномъ словѣ. Извѣстно, что Китайцы не имѣютъ въ своемъ языкѣ звука «р», а потому у нихъ нѣтъ и отдѣльныхъ иероглифовъ для выраженія слоговъ съ этимъ звукомъ. Чтобы пополнить этотъ недостатокъ при транскрипціи словъ монгольскихъ, переписчики Юань-чао-ми-ши приняли за правило слоги: ра, рэ, ри, ро, ру, изображать иероглифами, имѣющими тоническое значеніе слоговъ: ла, лэ, ли, ло, лу, отличая ихъ приставкою знака 舌 (шэ — языкъ) съ лѣвой стороны. Такимъ образомъ и въ словѣ «тэнгэри», къ послѣднему знаку 理 долженъ быть приставленъ съ лѣвой стороны, какъ ключевой знакъ, еще иероглифъ 舌.

²⁾ Bulletin de la classe historico-philologique de l'Académie Imper. d. scien. d. St. Pbrg. I V, № 9, p. 2.

³⁾ Юань-чао-ми-ши. Бэнь-цзы II. Цзюань III, стр. 31.

начертывается также іероглифами *бу-шн*¹⁾, а Алтанъ Тобчи (монгольская рукопись XVII в.) начертываетъ его *би-шн*²⁾, т. е. согласно настоящему произношенію. За симъ въ Юань-чао-ми-ши мы одинаково встрѣчаемъ слова и ³⁾ и въ другихъ памятникахъ монгольской литературы и ; и и т. п.

Въ словахъ *ха́ну* и *бүширэ́су* мы вводимъ густое придыханіе для того, чтобы обозначить имъ букву квадратнаго письма, передѣланную изъ тибетскаго знака , который Тибетцы хотя и называютъ краткимъ *а*, однако причисляютъ къ числу буквъ согласныхъ. Въ квадратномъ письмѣ эта буква встрѣчается по преимуществу въ тѣхъ словахъ, которыя имѣютъ въ составѣ своихъ слоговъ такъ называемые у насъ долгіе слоги и очевидно имѣеть здѣсь прямое назначеніе показывать долготу того гласнаго звука, съ которымъ она непосредственно соединяется. Вѣроятно принимая въ расчетъ именно это свойство, приданное тибетскому знаку въ квадратномъ алфавитѣ, изслѣдователи памятниковъ квадратнаго письма и усвоили себѣ обычай возстановлять слова, въ которыхъ находится эта буква, такъ, какъ начертываются онѣ въ современной письменности Монголовъ. Но наблюдая далѣе употребленіе этой буквы въ отдѣльныхъ словахъ, мы видимъ, что она приставляется къ гласнымъ какъ твердаго, такъ и мягкаго звуковъ; отсюда прежніе толкователи квадратныхъ памятниковъ необходимо должны были давать этой буквѣ различное чтеніе и значеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и входить въ разнаго рода непослѣдовательности. Такъ у г. Уайли она получала значеніе слога *ка* (*kha*) въ словѣ *Gakhan*, — *akh* въ словѣ *gakhen* (вм. *ээн* или *ээн*; очевидно, что г. Уайли по-

¹⁾ *ibid.* Бэнь-цзы I. Цз. II—28.

²⁾ Алтанъ-Тобчи. Л. 18-й, стр. 10.

³⁾ Юань-чао-ми-ши. Бэнь-цзы I. Цзюань II. Л. 31-й.

грѣшалъ здѣсь еще и противъ основнаго правила монгольскаго языка, по которому въ одномъ слогѣ не можетъ быть соединенія твердыхъ и мягкихъ звуковъ) и пр. Въ транскрипціяхъ г. Бобровникова буква ᠨ иной разъ являлась въ видѣ долготы надъ тою гласною, съ которою входила она въ непосредственное соединеніе, другой разъ получала значеніе гортанной согласной ᠨ и въ этомъ послѣднемъ случаѣ слова являлись у него именно въ той формѣ, какую имѣютъ они въ современной письменности Монголовъ. Если бы мы послѣдовали теперь за нашими предшественниками, то должны были бы одной и той же буквѣ ᠨ усвоить въ однихъ словахъ чтеніе какъ *a*, въ другихъ выраженіе долготы слога, въ третьихъ значеніе согласной ᠨ , наконецъ въ четвертыхъ, какъ на примѣръ въ нашемъ словѣ «*бмилір'эсу*» значеніе согласнаго звука «б», ибо долгій слогъ агглюнативной частицы условнаго наклоненія въ настоящей письменности Монголовъ выражается въ формѣ «*бэсу*». Но обратимъ вниманіе на самое свойство помянутыхъ долгихъ слоговъ. По справедливому замѣчанію г. Бобровникова, «эти долгіе гласные звуки не должно представлять себѣ произшедшими чрезъ сліянiе двухъ короткихъ гласныхъ, потому что въ монголо-калмыцкомъ языкѣ нѣтъ примѣра, чтобы изъ стеченія двухъ короткихъ гласныхъ образовалась гласная долгая. Наблюдая за произношеніемъ долгихъ гласныхъ мы замѣчаемъ, что долгота ихъ зависитъ отъ присутствія придыханія. По этому существенному признаку можно назвать эти гласныя *придыхательными*, а по роду придыханія можно раздѣлить ихъ на *мягкія* и *твердыя*¹⁾. Монголы безъ сомнѣнія инстинктивно понимали это свойство тѣхъ гласныхъ звуковъ ихъ языка, которые мы называемъ долгими и придыханіе ихъ въ своей квадратной письменности выражали тибетскимъ знакомъ ᠨ , замѣняемымъ нынѣ въ нашей транскрипціи густымъ придыханіемъ.

¹⁾ Бобровниковъ. Грамматика монголо-калмыцкаго языка. Казань. 1849 г., стр. 12.

Обращаясь теперь къ разсмотрѣнію значенія нашей дощечки мы почитаемъ необходимымъ прежде всего припомнить тѣ изысканія по этому вопросу, которыя были произведены изслѣдователями прежде отысканныхъ пайза. О. Аввакумъ, представивъ переводъ надписи на минусинской дощечкѣ, на основаніи извѣстныхъ ему свидѣтельствъ китайскихъ историографовъ, объяснилъ, что такія дощечки имѣли у Монголовъ значеніе «документовъ, которыми чиновники, отправлявшіеся по волѣ ханской въ разныя провинціи, уполномочиваемы были сдѣлать то или другое распоряженіе»¹⁾. Но на ряду съ этимъ объясненіемъ о. Аввакума, заимствованнымъ изъ китайскихъ писателей, мы имѣемъ еще и другое показаніе о дощечкахъ у европейскаго путешественника XIII в. — Марко Поло. Послѣдній въ главѣ о наградахъ, которыя имѣлъ обыкновеніе давать Хубилай-ханъ тѣмъ, кто велъ себя храбро на войнѣ, рассказываетъ слѣдующія подробности:

«Великій ханъ выбираетъ двѣнадцать самыхъ умныхъ изъ дворянъ, обязанность которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы наблюдать за поведеніемъ офицеровъ и солдатъ его арміи преимущественно во время походовъ и сраженій и представлять свои отчеты его величеству, онъ же, узнавъ объ ихъ достоинствахъ, повышаеъ ихъ по службѣ, назначая того, кто командовалъ сотнею, начальникомъ надъ тысячею и даря многимъ серебряную посуду и *доски или свидетельства объ ихъ власти*; тѣ доски, которыя даются начальникамъ надъ сотнею (людей), сдѣланы изъ серебра; командиры надъ тысячею получаютъ золотыя, или серебряныя вызолоченныя, а командиры надъ десятию тысячами получаютъ золотыя доски съ изображеніемъ львиной головы; первыя бывають вѣсомъ въ 120 сагги, а послѣднія съ львиной головой въ 220. При началѣ сдѣланной на доскѣ надписи, находится слѣдующее изреченіе: «Силою и властью великаго Бога и милостью, которую онъ низпосылаетъ на нашу имперію; да бу-

¹⁾ Григорьевъ. Монгольская надпись временъ Монька-хана. Спб. 1846 г., стр. 26.

деть имя хана благословенно во вѣки; всѣ, которые не захотятъ повиноваться тому, что здѣсь написано, будутъ наказаны смертью и совершеннымъ уничтоженіемъ». Офицеры, имѣющіе подобные знаки, пользуются особыми привилегіями¹⁾».

Соображая оба эти показанія о значеніи дощечекъ, о Аввакума и Марка Поло, мы приходимъ къ заключенію, что *известныя намъ до сего времени дощечки съ квадратными письменами принадлежали именно ко второму отдѣлу, т. е. имѣли значеніе наградныхъ знаковъ достоинства*. Въ этомъ убѣждаетъ насъ во первыхъ то, что обѣ эти дощечки были, согласно показанію Марко Поло, серебряныя, а минусинская даже позолоченная; во вторыхъ, китайскія надписи, находящіяся у обѣихъ этихъ дощечекъ на ободкахъ ихъ колець и служащія очевидно собственнымъ именемъ этихъ дощечекъ (первая изъ нихъ называлась «Сюань-цзы» — объявленіе, а вторая Гунь-цзы» — почетный знакъ; — послѣднее названіе очевидно и прямо подтверждаетъ нашу мысль); наконецъ въ третьихъ подкрѣпленіе своего мнѣнія мы видимъ и въ самомъ текстѣ надписи дощечекъ, въ которомъ гѣтъ и упоминанія о какомъ либо повелѣніи или распоряженіяхъ²⁾. Въ совершенную противоположность этому самый смыслъ надписи на нашей дощечкѣ показываетъ, что она именно могла быть даваема посланцамъ, отправлявшимся куда либо для передачи царскихъ повелѣній и служила знакомъ какъ для удостовѣренія личности ханскаго посланца, такъ и необходимости исполненія переданныхъ имъ распоряженій. Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, *дощечка, присланная въ Академію Наукъ г. Винокуровымъ, является у насъ первымъ образцомъ тѣхъ дощечекъ, которыми монголо-китайскіе императоры династии Юань снабжали своихъ посланцевъ, отправляя ихъ въ ту или другую сторону для передачи ихъ императорскихъ повелѣній*.

1) A. Bürck. Die Reisen des Venezianers Marco Polo. Leipz. 1845. S. 271—272.

2) Дословный переводъ надписи на этихъ дощечкахъ таковъ. «Вѣчнаго неба силою, ханское имя да будетъ свято; кто не будетъ почитать, имѣетъ быть убитымъ, умереть».

Опредѣливъ такимъ образомъ значеніе разсматриваемой нами дощечки и имѣя передъ собою образецъ знаковъ, которыми монгольскіе императоры снабжали своихъ посланцевъ, отправляя ихъ въ ту или въ другую сторону для передачи высочайшихъ приказовъ, мы легко можемъ теперь объяснить себѣ то темное мѣсто китайскаго историка Мэнъ-хуна, которое осталось вопросомъ и для нашего ученаго переводчика сказаній этого историка. Въ главѣ «о названіи (монгольской) династїи и правленія» Мэнъ-хунъ, описывая способы обнародованія Монголами императорскихъ указовъ, говоритъ слѣдующее:

«При началѣ возвышенія Татаръ, у нихъ не было вовсе письменъ (вѣрнѣе: Татары вовсе не пользовались письменами); всякій разъ, когда надобно что повелѣть, отправляютъ туда и сюда посланца и ему даютъ на память только вырѣзанный приказъ; но посланный не смѣетъ ни прибавить, ни убавить ни одной буквы (ни одного слова), такой обычай этого народа; такъ просты ихъ нравы»¹⁾.

Въ этомъ сказаніи возбуждаютъ очевидный вопросъ два, стоящіе рядомъ, но противорѣчащіе другъ другу факта. Съ одной стороны здѣсь говорится, что, отправляя своихъ посланцевъ для обнародованія императорскихъ указовъ, Монголы не пользовались письменами, съ другой утверждается, что посланному все-таки давался вырѣзанный приказъ. Примиреніе этихъ противорѣчій мы видимъ именно въ настоящей дощечкѣ. Дѣло очевидно въ томъ, что самые приказы обнародовались у Монголовъ и въ періодъ ихъ возвышенія также точно, какъ и въ глубокой древности — словесно²⁾, чрезъ особыхъ глашатаевъ; но и при всей этой видимой безконтрольности въ обнародованіи указа посланецъ глашатай все-таки не могъ ни прибавить ни убавить ни одного слова, что и составило предметъ удивленія для болѣе испорченныхъ въ нравственномъ отношеніи Китайцевъ: для доказательства же справедливости передаваемыхъ слова приказа, пос-

¹⁾ Васильевъ. Ист. и древ. восточ. части Средней Азіи, стр. 219.

²⁾ Гакинфъ. Собр. свѣд. о нар. Средней Азіи, т. III, стр. 2.

ланцу давалась дощечка, въ которой говорилось только, «кто не будетъ почитать ханскаго повелѣнія (содержаніе котораго слѣдовательно передавалось на словахъ) тотъ будетъ казненъ».

Но скажутъ, что извѣстія Мэнъ-хуна относятся только къ періоду возвышенія Татаръ, а между тѣмъ дощечка, рассматриваемая нами, принадлежитъ уже къ царствованію Хубилай-хана, то есть къ тому времени, когда Монголы уже владѣли Китаемъ и имѣли у себя свое собственное письмо. Разъясненіемъ этого возраженія является самая исторія квадратной письменности, представленная въ изслѣдованіяхъ Абель-ремюза. По этимъ изслѣдованіямъ оказывается, что даже послѣ изданія императорскаго указа объ употребленіи квадратной письменности у Монголовъ, она всетаки развивалась у нихъ крайне слабо и почти никогда не бывала въ употребленіи. Изъ представленія Хо-ли хо-сун'а императору, сдѣланнаго въ 1-й лунѣ 1272 года, видно, что въ это время въ императорской коллегіи наукъ не находилось еще ни одного сына мандарина, который бы сталъ изучать монгольскій алфавитъ; а потому дѣлалось предположеніе, что не только въ это время, а даже и впослѣдствіи главнѣйшіе сановники не будутъ въ состояніи читать монгольскаго письма¹⁾. Основываясь на этомъ представленіи мы можемъ, кажется, съ достаточною достовѣрностью утверждать, что въ періодъ 1272 года и въ послѣдующее за симъ время монгольскіе сановники должны были естественно почитать бесполезнымъ изложеніе высочайшихъ повелѣній и своихъ указовъ на бумагѣ для обнародованія ихъ во всемъ государствѣ, такъ какъ письменность Монголовъ въ это время могла быть извѣстна только самому незначительному кругу людей. Отсюда же за симъ сама собою вытекала для нихъ необходимость пользоваться стариннымъ способомъ устныхъ публикацій чрезъ глашатаевъ, которымъ въ удостовѣреніе ихъ личности и слова выдавался только рассматриваемый нами знакъ.

А. Позднѣвъ.

¹⁾ Recherches sur les langues tartares, 1—209.

ИЗВЛЧЕНІЕ

ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ЗАСЪДАНІЙ АКАДЕМІИ.

ОБЩЕЕ СОБРАНІЕ.

ЗАСЪДАНІЕ 21 АВГУСТА 1881 Г.

Непремѣнный Секретарь представилъ слѣдующій проектъ телеграммы, которою предполагается привѣтствовать Государя Великаго Князя Константина Николаевича отъ имени Академіи по случаю имѣющаго исполниться 22 августа пятидесятилѣтія со времени назначенія Его Императорскаго Высочества Генераль-Адмираломъ:

«Императорская Академія Наукъ, имѣющая счастье считать Ваше Императорское Высочество своимъ почетнымъ членомъ, радуется случаю почтительнѣйше выразить Вамъ, въ день Вашего юбилейнаго торжества, чувства глубочайшей признательности за то высокое покровительство, которое Вы благоволили постоянно оказывать Академіи и всему полезному для успѣховъ ученыхъ предпріятій въ Россіи. Въ числѣ этихъ предпріятій, Павловская Физическая Обсерваторія, служащая уже и нынѣ образцомъ для подобныхъ учрежденій въ цѣлой Европѣ, на всегда останется памятникомъ высокихъ заботъ Вашихъ о предоставленіи нашему отечеству приличнаго для него мѣста въ ученомъ мірѣ. Да умножить Провидѣніе драгоцѣнные дни Ваши, дабы Вы могли видѣть и позднѣйшіе плоды благихъ сѣмянъ, посѣянныхъ Вашимъ Высочествомъ на почвѣ русской науки».

Этотъ проектъ одобренъ Собраніемъ.

Доведено до свѣдѣнія Собранія печальное извѣстіе объ уtratѣ, повесенной Академіею въ лицѣ ея члена-кореспондента по Отдѣленію русскаго языка и словесности, Андрея Николаевича Попова, скончавшагося въ Москвѣ, въ началѣ іюня.

Финское общество наукъ въ Гельсингфорсѣ, при отношеніи отъ 18-го августа н. ст., доставило бронзовый экземпляръ медали, выбитой имъ въ честь его почетнаго члена барона А. Э. Норденшельда. — Положено эту медаль передать въ Минцъ-Кабинетъ Академіи и за ея доставленіе благодарить.

Доложено, что со времени послѣдняго засѣданія Общаго Собранія окончены печатаніемъ и выпущены въ свѣтъ: 1) книж. II т. XXXVIII Записокъ Академіи, съ приложеніями: № 3, К. Поссе, Объ одномъ вопросѣ о наименьшихъ величинахъ, № 4, И. И. Срезневскаго, Фріульскіе славяне и № 5, И. И. Срезневскаго, Нѣсколько припоминаній о научной дѣятельности А. Е. Викторова; 2) Отчетъ о двадцать третьемъ присужденіи наградъ графа Уварова (приложен. къ XXXIX т. Записокъ Академіи № 8); 3) А. Н. Веселовскаго, Розысканія въ области русскаго духовнаго стиха, III—V (прилож. къ XL т. Записокъ Академіи № 4) и 4) Е. В. Барсова, Богатырское слово въ спискѣ XVII вѣка (приложен. къ XL т. Записокъ Академіи № 5).

Г. Туркестанскій генераль-губернаторъ, отношеніемъ отъ 23-го мая, благодарить за изданія Академіи, доставленныя ею для бібліотеки учительской семинаріи въ Ташкентѣ.

Слѣдующія учрежденія благодарятъ за доставленныя имъ изданія Академіи: 1) Совѣтъ Острожскаго Св. Кирило-Меѳодіевскаго братства (отнош. отъ 28 іюля); 2) Королевская Линнейская Академія въ Римѣ (отъ 21 іюля); 3) Физическое Общество въ Берлинѣ (отъ 30 мая); 4) Университетская бібліотека въ Бреславлѣ (отъ 11 іюля); 5) Общество земледѣлія, естественной исторіи и полезныхъ искусствъ въ Ліонѣ (отъ 10 мая); 6) Фердинандеумъ въ Инсбрукѣ (отъ 27 іюля); 7) Линнеевское Общество въ Лондонѣ; (отъ 20 сентября 1880 г.); 8) Астрономическая Обсерваторія въ Вѣнѣ (отъ 18 апрѣля 1880 г., 1 февраля, 20 мая и 25 іюля 1881 г.); 9) Голландское Общество наукъ въ Гарлемѣ (отъ 16 сентября 1880 г.); 10) Астрономическое Общество въ Лейпцигѣ (отъ іюля); 11) Астрономическая Обсерваторія въ Абердинѣ (отъ іюня); 12) Королевское Общество наукъ въ Копенгагенѣ (отъ 11 іюня); 13) Зоологическое Общество въ Лондонѣ (отъ 25 мая); 14) Астрономическая Обсерваторія въ Лейденѣ (отъ 6 іюня); 15) Зенкенберговское Общество

естествоиспытателей во Франкфуртѣ на М. (отъ 2 января); 16) Нѣмецкое Общество Ориенталистовъ (отъ 23 мая); 17) Королевское Общество естествоиспытателей въ Батавіи (отъ іюня 1880); 18) Общество Библейской Археологіи въ Лондонѣ (отъ 8 іюня); 19) Національная Библіотека въ Афинахъ (отъ 18—30 іюля); 20) Смитсоніанскій Институтъ въ Вашингтонѣ (отъ 25 апрѣля и 13 мая); 21) Общество естественныхъ наукъ въ Буффало (отъ 12 августа); 22) Университетская Библіотека въ Тюбингенѣ (отъ 27 іюля); и 23) Королевское Общество Новаго Южнаго Уельса, въ Сиднейѣ (отъ 30 мая).

Представлены Собранію сочиненія, присланныя Академіи въ даръ различными учрежденіями и лицами.—Положено сдать эти сочиненія въ Библіотеку и за доставленіе ихъ благодарить.

ЗАСѢДАНІЕ 4 СЕНТЯБРЯ.

Непремѣнный Секретарь сообщилъ слѣдующую телеграмму Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Константина Николаевича на имя г. Президента Академіи, изъ Ялты, отъ 23 минувшаго августа:

«Сердечно благодарю за дорогія для меня слова, высказанныя Вами отъ имени Академіи. Любовь къ наукѣ я воспринялъ отъ Васъ, моего почтеннаго воспитателя. Съ тою же любовью отношусь къ высокой дѣятельности Академіи, которой прошу Васъ выразить мою признательность и глубокое уваженіе».

Г. Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, отношеніемъ отъ 26 августа, увѣдомляетъ, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему его докладу, въ 17 день августа сего года, Высочайше соизволилъ на передачу Академіи Наукъ находящагося въ распоряженіи Высочайше учрежденнаго для сооруженія памятника Пушкину Комитета остатка отъ сбора на памятникъ А. С. Пушкину въ количествѣ 20,313 руб. для учрежденія премій имени поэта: 1) за ученыя сочиненія по исторіи русской литературы и русскаго языка, 2) за оригинальныя произведенія русскихъ авторовъ по изящной словесности, а также за переводныя въ стихахъ и 3) за критическіе разборы выдающихся произведеній по русской изящной словесности, съ предоставленіемъ Министру Народнаго Просвѣщенія права утвердить правила о преміяхъ имени А. С. Пушкина. Къ этому тайн. сов. Марковъ присовокупляетъ, что правила о названныхъ преміяхъ будутъ утверждены

вслѣдъ за симъ.—Положено копию съ сего отношенія сообщить въ Отдѣленіе Русскаго языка и словесности и въ Комитетъ Правленія.

Непремѣнный Секретарь представилъ отъ имени сенатора Д. А. Ровинскаго изданное имъ собраніе снимковъ (fac-simile) съ русскихъ народныхъ картинокъ, въ 4-хъ томахъ въ большой листъ. Представляемый экземпляръ есть одинъ изъ числа тѣхъ, въ которыхъ, кромѣ нераскрашенныхъ, 169 картинокъ раскрашено отъ рукъ. Это собраніе издано въ видѣ приложенія къ сочиненію г. Ровинскаго, напечатанному въ Сборникѣ Отдѣленія русскаго языка и словесности а также отдѣльно въ 5 книгахъ, подъ заглавіемъ «Русскія народныя картинки», и экземпляръ котораго, напечатанный на бумагѣ большаго формата, авторъ также представляетъ вмѣстѣ съ упомянутымъ собраніемъ.—Положено благодарить сенатора Д. А. Ровинскаго, а книги сдать въ бібліотеку.

Доложено, что со времени послѣдняго засѣданія Общаго Собранія окончена печатаніемъ и выпущена въ свѣтъ книжка I тома XXXIX Записокъ Академіи, съ приложеніями: № 1) М. Богданова, Сорокопугы русской фауны и ихъ сородичи; № 2) И. Полякова, Систематическій обзоръ полевокъ, водящихся въ Сибири и № 3) А. Веребрюсова, О вѣковыхъ возмущеніяхъ большой полуоси третьяго порядка относительно массъ.

Начальникъ военно-топографическаго отдѣла Кавказскаго военнаго округа, членъ корреспондентъ Академіи І. Стебницкій доставилъ экземпляръ изданной означеннымъ отдѣломъ карты Закаспійскаго края, въ масштабѣ 20 верстъ въ дюймѣ, на которой впервые изображенъ Ахалъ-Текинскій оазисъ, по съемкамъ, произведеннымъ въ послѣднее время.—Положено эту карту передать въ бібліотеку, а за доставленіе ея благодарить г. Стебницкаго.

Королевская Академія Наукъ въ Копенгагенѣ (отнош. отъ 10 сентября, н. ст.); Общество естествоиспытателей въ Бернѣ; (отнош. отъ апрѣля 1880 г.); Публичная Библіотека въ Мюнхенѣ (отъ 15 іюня) и Швейцарское общество естественныхъ наукъ въ Бернѣ (отнош. отъ апрѣля 1880 г.), благодарятъ за доставленныя имъ изданія Академіи.

Представлены Собранію сочиненія, присланныя Академіи въ даръ различными учрежденіями и лицами.—Положено книги сдать въ бібліотеку и за доставленіе ихъ благодарить.

засѣданіе 2 октября 1881 г.

Г. Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, товарищъ министра, при отношеніи отъ 4 сентября, доставилъ утвержденныя имъ того же числа правила о преміяхъ А. С. Пушкина и проситъ о приведеніи ихъ въ дѣйствіе.

Національная Библіотека во Флоренціи, при отношеніи отъ 6 октября н. ст. препровождаетъ три сочиненія, изданныя Флорентійскимъ Королевскимъ Институтомъ высшихъ практическихъ знаній и усовершенствованій (R. Istituto di studi superiori pratici e di perfezionamento) а именно: 1) D. Castelli, Il commento di Sabbatai Donnolo sul libro della creazione. Firenze 1880, 2) E. Grassi, Il primo anno della clinica ostetrica diretta dal pr. cav. Vincenzo Valocchi. Firenze 1880 и 3) F. Parlatore, Tavole per una anatomia delle piante aquatiche. Firenze 1881.

Л. А. Гюге-Латуръ, вице-предсѣдатель Общества естественной исторіи въ Монреалѣ, письмомъ отъ 12 сентября, увѣдомляетъ, что въ будущемъ году имѣетъ быть въ этомъ городѣ ученый съѣздъ, устраиваемый Американскимъ Обществомъ для преуспѣанія наукъ, въ Кембриджѣ Масс., и проситъ членовъ Академіи принять участіе въ этомъ съѣздѣ или прибытіемъ на него, или доставкою для него своихъ ученыхъ сообщений.

Общество естествоиспытателей въ Данцигѣ (письмомъ отъ 8 октября н. ст. 1881 г.), Астрономическое Общество въ С. Франциско (письмомъ отъ 14 сентября н. ст. 1881) и Королевское Общество въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ (письмомъ отъ 14 июня н. с. 1880) благодарятъ за доставленныя имъ изданія Академіи.

Представлены Собранію сочиненія, присланныя Академіи въ даръ разными учрежденіями и лицами. — Положено сдать сочиненія въ библіотеку и за доставленіе ихъ благодарить.

ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

засѣданіе 25 августа 1881 г.

По открытіи засѣданія Непремѣнный Секретарь сообщилъ извѣстіе о печальныхъ утратахъ, понесенныхъ Академіею въ средѣ ея членовъ-корреспондентовъ: скончались Генри Сентъ-Клеръ-Девиль, 1 юля н. ст., въ Булонѣ, и Шлейденъ, 23 юня н. ст. во Франкфуртѣ на Майнѣ.

Академикъ О. В. Струве представилъ записку г. Гассельберга о произведенныхъ имъ спектроскопическихъ наблюденіяхъ надъ кометами 1881. b и 1881. c. (Spectroskopische Beobachtungen der Cometen 1881. b. und 1881. c.). — Она будетъ напечатана въ Бюлетенѣ.

Академикъ Г. И. Вильдъ представилъ записку полковника генеральнаго штаба Ал. Тилло о географическомъ распредѣленіи и вѣковомъ измѣненіи магнитнаго наклоненія и склоненія въ Европейской Россіи (Ueber die geographische Vertheilung und säculare Aenderung der magnetischen Declination und Inclination im Europäischen Russland), причѣмъ изложилъ, что за неизмѣнимъ для Россіи магнитной карты, подобной тѣмъ, какія имѣются для большей части странъ, необходимость заставляла, въ случаѣ надобности, прибѣгать къ общимъ картамъ, которыя, какъ обнимающія собою большія пространства земной поверхности (какъ напр. къ картамъ Сзбина), составлены въ маломъ масштабѣ, недостаточномъ для нѣкоторыхъ практическихъ цѣлей, и недопускающемъ многихъ интересныхъ подробностей. Большое число новыхъ магнитныхъ наблюденій, произведенныхъ въ Россіи въ послѣднія десять лѣтъ разными изслѣдователями, и въ особенности Ив. Ник. Смирновымъ, къ сожалѣнію столь рано похищеннымъ смертью, представляло собою драгоцѣнный матеріалъ для составленія спеціальной и болѣе точной карты магнитныхъ линій для Россіи. По этому нельзя не благодарить полковника Тилло, который, старательно собравъ всѣ произведенныя доселѣ магнитныя наблюденія и подвергнувъ ихъ основательной обработкѣ, составилъ карту изогонныхъ и изоклинныхъ линій для Европейской Россіи и для эпохи 1880 г. При этомъ авторъ, для приведенія прежнихъ наблюденій къ этой эпохѣ, точнѣе опредѣлилъ вѣковое измѣненіе этихъ элементовъ земнаго магнетизма, какъ функцію времени и особенно мѣста. Вслѣдствіе этого и благодаря богатому основному матеріалу наблюденій, новыя болѣе точныя карты представляютъ собою не маловажныя разницы съ вышеупомянутыми общими картами. Въ заключеніе своей записки г. Тилло обозрѣваетъ болѣе значительныя аномаліи въ распредѣленіи земнаго магнетизма, обнаруженныя его изслѣдованіемъ. Согласно предложенію г. Вильда, записка г. Тилло будетъ напечатана въ Метеорологическомъ Сборникѣ.

Непремѣнный Секретарь сообщилъ, что со времени послѣдняго засѣданія отпечатаны и выпущены въ свѣтъ слѣдующія изданія Академіи: 1) *Kiprianof, Studien über die fossilen Reptilien Russlands.*

I Th. (Mém. de l'Acad. XXVIII, № 8); 2) *A. Tarenetsky, Beiträge zur Anatomie des Darmcanals.* (Mém. de l'Acad. XXVIII. № 9); 3) *Middendorff, Einblicke in das Ferghana.* (Mém. de l'Acad. XXIX, № 1) и 4) *Mélanges physiques et chimiques.* XI, 3.

Членъ-Корреспондентъ Академіи профессоръ Дерптскаго университета К. Г. Шмидтъ доставилъ, при письмѣ изъ Дерпта, записку о произведенномъ имъ изслѣдованіи образцовъ воды, привезенныхъ г. Пржевальскимъ изъ его втораго Тибетскаго путешествія.

Директоръ Зоологическаго музея Академикъ А. А. Штраухъ донесъ о слѣдующихъ, весьма важныхъ приращеніяхъ, полученныхъ означеннымъ музеемъ:

1) Княгиня А. А. Оболенская, урожденная Половцева, принесла въ даръ музею 30 экземпляровъ бабочекъ и 27 жуковъ, отличающихся или величиною, или необыкновенною красотою. Не смотря на незначительность числа экземпляровъ, это пожертвованіе служить существеннымъ обогащеніемъ для академической коллекціи уже потому, что за эти 57 насѣкомыхъ было заплачено не менѣе 1000 франковъ.

2) Дѣйствительный членъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества А. В. Григорьевъ пожертвовалъ музею коллекцію морскихъ животныхъ, собранную имъ на остр. Иессо и превосходно сохранныхъ въ спирту. Эта коллекція состоитъ изъ 60 рыбъ, между которыми значительное число крупныхъ. 6 морскихъ звѣздъ, 6 голотурій, 8 ракообразныхъ и приблизительно 50 моллюсковъ, и существенно пополняетъ имѣющуюся въ Академическомъ музеѣ коллекцію японскихъ животныхъ, привезенную въ шестидесятыхъ годахъ Академикомъ К. И. Максимовичемъ.

3) Д. С. С. В. Я. Тулиновъ доставилъ въ Зоологическій музей энтомологическую коллекцію, собранную его покойнымъ единственнымъ сыномъ Николаемъ. Николай Тулиновъ, скончавшійся при самомъ поступленіи въ университетъ, былъ страстный любитель энтомологіи и успѣлъ составить въ короткое время своей жизни весьма замѣчательную коллекцію жуковъ и бабочекъ. Часть этой коллекціи онъ собралъ самъ, въ Россіи и за границею, а именно въ южной Европѣ, гдѣ онъ ежегодно проводилъ лѣтнее вакаціонное время; несравненно же большую часть онъ приобрѣлъ покупкою отъ разныхъ торговцевъ, и въ этой послѣдней части заключаются тѣ предметы, которые въ особенноти интересны для нашего музея. По случаю смерти Н. Тулиновъ не успѣлъ разобрать раз-

ныя пріобрѣтенныя имъ колекціи и соединить ихъ въ одну, почему большая часть ихъ находится еще въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были присланы сюда. Между этими колекціями особенно важными для музея оказалась а) колекція бабочекъ изъ Канады, состоящая приблизительно изъ 150 видовъ, б) колекція жуковъ также изъ Канады, содержащая въ себѣ болѣе 200 видовъ, в) колекція ново-голландскихъ жуковъ, пріобрѣтенная изъ музея Гюдефруа въ Гамбургѣ и содержащая въ себѣ нѣсколько сотъ видовъ, изъ которыхъ наибольшей части въ музеѣ Академіи до сихъ поръ не имѣлось, д) 27 картонокъ съ жуками, принадлежащими исключительно къ двумъ семействамъ Malacodermata и Lamellicornia, и собранными во всѣхъ частяхъ свѣта. Эта колекція, тщательно опредѣленная, какъ и три другія, пріобрѣтена у Дейроля въ Парижѣ и содержитъ въ себѣ приблизительно до 1500 видовъ, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ одна треть составляетъ новостъ для Академическаго музея.

Вмѣстѣ съ колекціями Тулинова поступили и два шкафа, одинъ о 60, другой о 28 выдвигаемыхъ ящикахъ, которые хотя по формѣ и не сходны со шкафами Академическаго музея, все таки пригодятся для размѣщенія какого-либо не многочисленнаго отряда насѣкомыхъ. Кромѣ того В. Я. Тулиновъ предложилъ выбрать изъ библіотеки покойнаго его сына всѣ сочиненія, пригодныя для музея, и г. Штраухъ отобралъ 15 книгъ энтомологическаго содержания, которыхъ въ Академической библіотекѣ не имѣлось.

4) Докторъ Фишеръ, голандскій подданный, состоящій военнымъ врачомъ при Нидерландско-Остиндской арміи на островѣ Тернатѣ, привезъ въ даръ Зоологическому музею весьма богатую и превосходно сохранившуюся колекцію разныхъ животныхъ, собранныхъ частью на островѣ Тернатѣ, частью въ Новой Гвинее и на нѣкоторыхъ Молукскихъ островахъ; какъ именно Бачанъ, Кей-Эйландъ и Амбоина. Къ этой колекціи, составленной съ полнымъ знаніемъ дѣла, приложенъ списокъ имѣющихся въ ней звѣрей и птицъ, въ которомъ, кромѣ мѣстнаго названія каждаго экземпляра, прибавлены еще писанныя на голандскомъ языкѣ замѣчанія какъ относительно цвѣта глазъ, клюва и т. п., такъ и относительно пищи и образа жизни.

По свидѣтельству г. Штрауха, колекція г. Фишера, содержащая въ себѣ болѣе 1200 номеровъ, вообще составляетъ весьма важное и существенное обогащеніе музея, не имѣвшаго до сихъ поръ почти ни одного представителя Тернатской фауны.

Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Штраухъ предложилъ выразить княгинѣ Оболенской, В. Я. Тулинову, А. В. Григорьеву и Д-ру Фишеру признательность Академіи за ихъ пожертвованія для ея музея.— Одобрено.

Восточно-Сибирскій Отдѣлъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, при отношеніи отъ 17 іюля, доставилъ, при особой описи, колекцію растительныхъ остатковъ изъ Забайкальской области, бассейна р. Селенги, собранныхъ въ нынѣшнее лѣто гг. Черскимъ и Витковскимъ, и просить объ опредѣленіи какъ этихъ остатковъ, такъ и геологической эпохи, къ которой они относятся, съ тѣмъ чтобы за тѣмъ дубликаты и единственные экземпляры колекціи были возвращены Отдѣлу. — Колекція передана для разсмотрѣнія Академику Ѳ. Б. Шмидту.

С. Алфераки, письмомъ изъ Таганрога отъ 8 августа, благодарить за изданія Академіи, препровожденные ему на основаніи опредѣленія Отдѣленія отъ 31 марта, при чемъ выражаетъ свою готовность, насколько представится ему возможность, пополнять колекцію Зоологическаго музея Академіи присылкою нужныхъ для нихъ предметовъ.

засѣданіе 15 сентября 1881 г.

Академикъ Г. П. Гельмерсенъ сообщилъ о результатахъ поѣздки, совершенной имъ, по Высочайшему повѣленію, въ губерніяхъ Рязанской, Тульской и Калужской для повѣрки геологической карты Подмосковнаго каменно-угольнаго бассейна, составленной по его инструкціи и подъ его руководствомъ. Геологическою съемкою дознано, что этотъ бассейнъ гораздо пространнѣе, чѣмъ полагали доселѣ, занимая собою до 41,000 кв. верстъ, и что пласты каменнаго угля залегаютъ здѣсь не только въ самомъ нижнемъ горизонтѣ нижняго яруса каменно-угольной формациі, но также и въ высшемъ горизонтѣ того же яруса. Составленная подробная, въ 4 верстномъ масштабѣ, геологическая карта бассейна и богатая, собранная въ немъ колекція горныхъ породъ и окаменѣлостей, обрабатываемая нынѣ горными инженерами, дадутъ твердое основаніе для горной практики, которая быстро развивается въ сказанномъ бассейнѣ. Ежегодная добыча здѣсь угля, не превышавшая лѣтъ за 10 предъ симъ 630,000 пуд., достигла теперь до 29,000,000 пуд., употребляемыхъ на желѣзныхъ дорогахъ и на фабрикахъ и заводахъ центральной Россіи; причемъ спросъ на каменный уголь столь быстро увеличивается, что Подмосковному ба-

сейну предстоитъ въ недалекомъ времени превратиться въ горно-заводскую область, съ первостепеннымъ значеніемъ для Средней Россіи. — Въ заключеніе г. Гельмерсенъ сообщилъ, что отчетъ о его поѣздкѣ, представленный Г. Министру Государственныхъ Имуществъ, будетъ напечатанъ въ Горномъ Журналѣ; извлеченіе же изъ него, назначенное для болѣе обширной публички, оны пмѣетъ въ виду напечатать въ одной изъ ежедневныхъ газетъ.

Академикъ Н. И. Кокшаровъ представилъ продолженіе издаваемого имъ сочиненія «Materialien zur Mineralogie Russlands», а именно стр. 1 — 320 части VIII.

Академикъ А. А. Штраухъ представилъ отъ имени г. Селиванова записку его подъ заглавіемъ: *Geophilidae Музея Императорской Академіи Наукъ*. — Положено передать ее, для рассмотрѣнія, въ комисію изъ Гг. Академиковъ Ф. В. Овсянникова, Л. И. Шренка и А. А. Штрауха.

Г. Азьбидкій, при письмѣ отъ 16 іюня, доставилъ по просьбѣ д-ра математики Гельсингфоргскаго университета Е. Бонсдорфа, его записку подъ заглавіемъ: «*Ueber einen neuen Connex im Raume*». — Положено передать для рассмотрѣнія Академику А. Н. Савичу.

Доложено, что со времени послѣдняго засѣданія Отдѣленія окончены печатаніемъ и выпущены въ свѣтъ 1) шестая и послѣдняя книжка тома 8-го *Mélanges mathématiques et astronomiques*, 2) сочиненіе профессора П. Гельмлинга, подъ заглавіемъ: *Neue Integrations-Wege (Mémoires de l'Ac. VII Série, T. XXIX № 2)*.

Финляндское горное управленіе, при отношеніи отъ 20 іюня, препровождаетъ 3-й и 4-й выпуски издаваемой Правительствомъ геологической карты Финляндіи, вмѣстѣ съ слѣдующимъ къ нимъ объясненіемъ, причемъ проситъ о доставленіи ему изданія Академіи. — Положено доставлять Финляндскому Горному Управленію Бюлетень и тѣ ихъ мемуаровъ, которые относятся до минералогіи, геологіи и геогнозіи, начиная съ первыхъ выпусковъ печатаемыхъ нынѣ томовъ; доставленные же имъ выпуски геологической карты сдать въ бібліотеку.

Линнеевское Общество Новаго Южнаго Уэльса, въ Сиднеѣ, отъ 18 іюля н. ст., проситъ о доставленіи ему изданій Академіи, въ обмѣнъ на его изданія, высылаемыя имъ ей уже съ 1875 г. — Положено доставлять помянутому Обществу Бюлетень и Мемуары Академіи, начиная съ тѣхъ томовъ, которые появились въ свѣтъ послѣ 1875 г.

Дирекція Королевскаго геологическаго Института и горной Академіи въ Берлинѣ, отношеніемъ отъ 16 іюня н. ст., проситъ о доставленіи ей изданій Академіи Наукъ, въ обмѣнъ на высылаемыя ей изданія означенныхъ учреждений. — Положено доставлять Дирекціи Бюлетень и тѣ изъ Мемуаровъ Академіи, которые относятся до минералогіи, геологіи и геогнозіи, причемъ начать эту доставку съ первыхъ выпусковъ печатаемыхъ нынѣ томовъ обоихъ сборниковъ.

Г. Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, отношеніемъ 8 сентября, увѣдомляетъ, что о содержаніи отзыва Академіи по вопросу о доставленіи учрежденной въ Будапештѣ центральной Обсерваторіи телеграмъ по части метеорологическихъ наблюдений, было сообщено, чрезъ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, Австро-Венгерскому послу въ С.-Петербургѣ. Нынѣ графъ Кальноки увѣдомилъ означенное министерство, что Австро-Венгерское министерство земледѣлія съ удовольствіемъ принимаетъ предложеніе Академіи Наукъ, чтобы метеорологическія депеши, отправляемыя изъ Главной Физической Обсерваторіи въ Центральный Институтъ въ Вѣнѣ, были снабжаемы адресомъ также на имя Центральной Обсерваторіи въ Будапештѣ и передаваемы безъ всякаго измѣненія до русской границы, гдѣ Императорско-Королевское Телеграфное Управление будетъ направлять ихъ по назначенію. Сообразно съ этимъ, начальникамъ телеграфныхъ управленій на Австро-русской границѣ даны уже надлежащія инструкціи съ тѣмъ, чтобы ежедневное отправленіе метеорологическихъ депешъ могло быть начато въ возможной скорости.

ЗАСѢДАНІЕ 29 СЕНТЯБРЯ.

Академики Л. И. Шренкъ и А. А. Штраухъ рассмотрѣвъ записку г. Селиванова о Геофлидахъ Академическаго музея, предложили напечатать ее въ Запискахъ Академіи.

Академикъ А. Н. Савичъ, рассмотрѣвъ записку г. Бонсдорфа: Ueber einen neuen Sonnen im Raume, предложилъ напечатать ее въ Бюлетенѣ Академіи.

Академикъ А. А. Штраухъ сообщилъ письмо, полученное имъ отъ г. Пржевальскаго отъ 17 сентября, о томъ, что онъ, съ своей стороны, съ большимъ удовольствіемъ изъявляетъ свое согласіе на печатаніе въ Бюлетенѣ Академіи записки профессора К. Г. Шмидта о произведенномъ имъ изслѣдованіи образцовъ воды, привезенныхъ

г. Пржевальскимъ изъ его втораго Тибетскаго путешествія. Вслѣдствіе сего положено помѣстить записку г. Шмидта въ Бюлетенѣ Академіи.

Академикъ Г. И. Вильдъ представилъ записку г. Штелинга о зависимости испаренія воды отъ ея температуры и отъ влажности и движенія воздуха, при чемъ пояснилъ, что авторъ вывелъ изъ теоретическихъ соображеній формулу для выраженія зависимости испареній воды отъ вышеозначенныхъ условій, и пришелъ къ выводу, близкому къ формулѣ, которая была предложена для этого Вейненманомъ. Затѣмъ, пользуясь весьма полными и подробными наблюденіями надъ испареніемъ, которыя произвелъ г. Дорандъ въ Нукусѣ, г. Штелингъ сравнилъ результаты этихъ наблюденій, въ тѣни и на солнцѣ, съ величинами, вычисленными по формулѣ и нашелъ весьма удовлетворительное согласіе между ними. Послѣ этого можно будетъ впредь вычислять величину испареній въ тѣхъ случаяхъ, когда, кромѣ влажности воздуха и силы вѣтра, извѣстна еще температура воды на испаряющейся поверхности. Съ этой точки зрѣнія, наблюденія надъ температурой воды получаютъ новое значеніе, при томъ обстоятельстве, что производство этихъ наблюденій несравненно легче, чѣмъ измѣреніе количества испаренія. Записка г. Штелинга, согласно предложенію г. Вильда, появится въ Метеорологическомъ Сборникѣ.

Г. Дыбовскій, при письмѣ отъ 16 сентября, изъ окрестностей Новогрудка, Мясной губерніи, представилъ записку о прѣсноводныхъ губкахъ Россіи (*Studien über Süßwasser-Schwämme des Russischen Reiches*).—Положено передать для разсмотрѣнія гг. Академикамъ Л. И. Шренку и А. А. Штрауху.

Д-ръ Шефлеръ, при письмѣ изъ Брауншвейга, отъ 30 іюня, представилъ 4-й томъ своего сочиненія: *Die Naturgesetze und ihr Zusammenhang mit den Principien der abstrakten Wissenschaften*. Leipzig 1881.—Положено благодарить автора, а книгу сдать въ Библиотеку.

Г. Черскій, письмомъ, отъ 25 іюля, сообщаетъ нѣкоторыя дополнительныя свѣдѣнія о мѣстѣ находки окаменѣлостей, доставленныхъ предъ тѣмъ въ Академію Восточно-Сибирскимъ Отдѣломъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.—Положено передать это письмо Академику Ѳ. Б. Шмидту.

Академикъ Л. И. Шренкъ донесъ, хотя въ Музеѣ по Антропологии и Этнографіи въ настоящее время имѣется уже довольно значительная коллекція фотографическихъ типовъ разныхъ на-

родностей, и преимущественно народовъ, обитающихъ въ предѣлахъ Россіи, но до сихъ поръ въ немъ вовсе не имѣлось фотографій Лопарей. Въ недавнее время, антропологами Монтегацци и Сомье изданъ превосходный альбомъ типовъ этого народа, а равно и череповъ, съ показаніемъ ихъ измѣреній. Считая пріобрѣтеніе этого альбома для нашего Музея весьма полезнымъ, г. Шренкъ обратился къ авторамъ, и нынѣ, пріобрѣтя его отъ нихъ, представилъ его Отдѣленію.

Академикъ А. А. Штраухъ довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія о двухъ приношеніяхъ, поступившихъ въ послѣднее время въ Зоологическій Музей Академіи:

1) Вольный штурманъ Н. Я. Шестуновъ принесъ въ даръ два медвѣжьихъ черепа, повидимому *Ursus ferox*, и одинъ черепъ выдры, добытые въ сѣверной части острова Иессо;

и 2) Помощникъ Директора Главной Физической Обсерваторіи М. Рыкачевъ доставилъ привезенный имъ изъ Закаспійскаго края живой экземпляръ ящерицы *Vaganus scincus*, длиною почти въ 2 аршина.

Положено благодарить жертвователей именемъ Академіи.

засѣданіе 13 октября 1881 г.

Академикъ Л. И. Шренкъ представилъ записку Θ . П. Кеппена о нѣкоторыхъ водящихся въ Россіи ядовитыхъ паукахъ (*Ueber einige in Russland vorkommende giftige und vermeintlich giftige Arachniden*). — Согласно предложенію г. Шренка, положено напечатать въ сборникѣ: *Beiträge zur Kenntniss des russ. Reichs*.

Непремѣнный Секретарь довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что со времени послѣдняго засѣданія отпечатаны и выпущены въ свѣтъ: 1) Н. Зворыкина, Опредѣленіе влажности воздуха помощью психрометра. Приложен. къ XL Тому Записокъ Академіи и 2) выпускъ 2-й Тома VII Метеорологическаго Сборника.

Академикъ Ф. В. Овсянниковъ представилъ, отъ имени профессора К. Фойта въ Мюнхенѣ, первую часть шестаго тома издаваемого д-ромъ Л. Германомъ Руководства къ Физиологін (*Handbuch der Physiologie herausgegeben* г. Д. Л. Hermann, Leipzig), содержащую въ себѣ сочиненіе г. Фойта о физиологін общаго обмѣна веществъ и питанія. — Положено книгу сдать въ бібліотеку, и за доставленіе ея благодарить г. Фойта.

Директоръ Зоологическаго Музея Акад. А. А. Штраухъ довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что мичманъ Л. Л. Гавришевъ при-

несъ въ даръ музею небольшую, но любопытную коллекцію раковинъ, составленную имъ во время кругосвѣтнаго путешествія и содержащую въ себѣ 4 большіе экземпляра изъ Сингапура и 160 мелкихъ, изъ Столовой губы (Table-Bay) на мысѣ Доброй Надежды. — Положено благодарить г. Гавришева за это пожертвованіе именемъ Академіи.

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

ЗАСѢДАНІЕ 18 АВГУСТА 1881 Г.

Академикъ Л. Э. Стефани представилъ, отъ имени почетнаго члена Академіи, Предсѣдателя Императорской Археологической Комисіи, графа С. Г. Строганова, *Отчетъ Комисіи за 1878 и 1879 и.*, съ атласомъ литографированныхъ рисунковъ.

Доведено до свѣдѣнія Отдѣленія, что со времени послѣдняго засѣданія онаго окончены печатаніемъ и выпущены въ свѣтъ: 1) первый выпускъ третьей части Санскритскаго Словаря состав. Акад. О. Н. Бетлингомъ и 2) сочиненіе г. Цахаріэ-фонъ-Лингенталя, подъ заглавіемъ: *Die Handbücher des geistlichen Rechts aus den Zeiten des untergehenden byzantischen Reiches und der türkischen Herrschaft* (Mémoires de l'Ac. VII Série, tome. XXVIII, № 7).

Сѣверно-Китайскій Отдѣлъ Лондонскаго Королевскаго Азіатскаго Общества (North-China Branch of the Royal Asiatic Society) въ Шанхаѣ, отношеніемъ отъ 20-го мая, проситъ о доставленіи ему Сборника *Mélanges asiatiques*, въ обмѣнъ на журналъ, издаваемый Отдѣленіемъ. — Отдѣленіе изъявило на эту просьбу свое согласіе, при чемъ положило выслать въ Отдѣлъ всѣ вышедшія до сихъ поръ въ свѣтъ книжки *Mélanges asiatiques* и проситъ Отдѣлъ о доставленіи въ Академію полного экземпляра его журнала.

Королевская Академія Наукъ въ Берлинѣ, при отношеніи отъ 25-го іюня н. ст., доставила VI т. издаваемой ею политической переписки Короля Фридриха Великаго (*Politische Correspondenz Friedrichs des Grossen. VI Bd. Berlin. 1881*). Положено книгу слать въ бібліотеку и за доставленіе ея благодарить.

ЗАСѢДАНІЕ 22 СЕНТЯБРЯ 1881 г.

Академикъ А. К. Наукъ представилъ изданный имъ въ Берлинѣ, въ собраніи греческихъ и латинскихъ писателей Гаупта и Заупе, томъ Софокла, содержащій въ себѣ трагедію «Эдипъ-Царь», въ 8-мъ изданіи.

Академикъ А. А. Куникъ представилъ отъ имени г. Радлова, рукописное его сочиненіе подъ заглавіемъ: *Phonetische Untersuchungen auf dem Gebiete der nördlichen Türk-Sprachen. Erstes Heft. Die Vocale.* — Положено передать для разсмотрѣнія Академику Ф. И. Видеману и Адъюнкту барону В. Р. Розену.

Д-ръ Августъ Больцъ, при письмѣ отъ 24 сентября изъ Дармштадта, представилъ экземпляръ изданнаго имъ сочиненія подъ заглавіемъ: *Die hellenische oder neugriechische Sprache. Darmstadt 1881. 8°.* — Положено благодарить автора, а книгу сдать въ Библиотеку.

ЗАСѢДАНІЕ 6 ОКТЯБРЯ 1881 г.

Адъюнктъ баронъ В. Р. Розенъ представилъ записку А. М. Позднѣева, подъ заглавіемъ: *Объясненіе древней монгольской надписи на чужинной дощечкѣ, доставленной въ Академію Наукъ г. Винокуровымъ.* — Положено напечатать эту статью въ Запискахъ Академіи.

Доложено, что со времени послѣдняго засѣданія Отдѣленія окончено печатаніемъ и выпущено въ свѣтъ сочиненіе Адъюнкта барона В. Р. Розена подъ заглавіемъ: *Notices sommaires des manuscrits arabes du Musée Asiatique. 1° livraison.*

Историческая Комисія Мюнхенской Академіи Наукъ, при отношеніи отъ 8 октября, доставила отчетъ о 22-мъ полномъ собраніи комисіи, происходившемъ 29 сентября — 1 октября сего года въ Мюнхенѣ.

Адъюнктъ баронъ В. Р. Розенъ довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія просьбу члена французскаго Національнаго Института и Директора училища живыхъ восточныхъ языковъ въ Парижѣ, Ш. Шефера о высылкѣ ему изъ Азіятскаго музея Академіи, срокомъ на шесть мѣсяцевъ, арабской рукописи подъ заглавіемъ: Тарихъ-алъ-Мансури (кат. Музея № 159), нужной ему для занятій по составленію мусульманскаго отдѣла издаваемаго Парижскою Академіею сборника матеріаловъ для исторіи крестовыхъ походовъ. — Положено означенную рукопись препроводить г. Шеферу чрезъ посредство Департамента Внутреннихъ Сношеній Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

КЪ ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТОМУ ТОМУ ЗАПИСОКЪ АКАДЕМИИ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

КЪ XXXIX ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

А.

Алишанъ, Л. М., викарій конгрегациі Мехитаристовъ Св. Лазаря, въ Венеціи, возвращаетъ два альбома видовъ Арменіи, принадлежаще Азіятскому Музею Академіи, стр. 29.

Алфераки, стр. 52.

Альбицкій, см. Савичъ.

Аппараты телеграфныя, переданныя изъ Физическаго кабинета Академіи въ Телеграфный Департаментъ, для учрежденнаго при немъ историческаго музея, стр. 25.

В.

Баклундъ, см. Струве.

Безобразовъ, В. П., акад., командировается по порученію Министра Финансовъ въ губерніи Московскую, Тверскую, Нижегородскую и др., стр. 29.

Богдановъ, Модестъ. «Сорокопуть русской фауны и ихъ сородичи.» Приложение къ Запискамъ № 1.

Большъ, въ Дармштадтѣ, представляетъ экземпляръ издавнаго имъ сочиненія, стр. 58.

Бонкомпаньи, князь, въ Римѣ, проситъ о сообщеніи ему копій съ одного письма, находящагося между рукописями Кеплера, стр. 17 и 26.

Бонсдорфъ, см. Савичъ.

Брандтъ, см. Шренкъ.

Буняковский, В. Я., акад., вице-президеятъ. «Quelques remarques sur les propriétés d'une classe particulière des fractions décimales périodiques», стр. 15 и 16.

заявляетъ о доставленномъ на соисканіе преміи его имени сочиненія П. С. Назимова, подъ заглавіемъ: «Объ интегрированіи дифференціальныхъ уравненій съ частными производными», и о дополненіи къ означенному сочиненію, стр. 24 и 25.

В.

Веребрюсовъ, А. «О вѣковыхъ возмущеніяхъ большой полуоси третьяго порядка относительно массъ.» Приложение къ Запискамъ № 3.

— см. Чебышевъ.

Веселовскій, А. Н., акад. «Croissans-craens и средневѣковыя легенды о половой метаморфозѣ.» Приложение къ Запискамъ № 4.

— «Южно-русскія былины.» Приложение къ Запискамъ № 5.

Веселовскій, К. С., акад., непрѣзанный секретарь, представляетъ отъ имени сенатора Д. А. Ровинскаго изданное имъ собраніе снимковъ съ русскихъ народныхъ картинокъ, стр. 47.

Видеманъ, Ф. И., акад., и акад. баронъ В. Р. Розенъ разсматриваютъ сочиненіе г. Радлова: «Phonetische Untersuchungen auf dem Gebiete der pördlichen Türk-Sprachen», стр. 58.

Вильдъ, Г. И., акад., представляетъ Отчетъ Главной Физической Обсерваторіи за 1879 и 1880 годы, стр. 16.

— представляетъ отчетъ Физической Обсерваторіи въ Тифлисі, доставленный директоромъ оной г. Мильбергомъ, стр. 16 и 17.

— сообщаетъ свѣдѣнія о международномъ проектѣ одновременныхъ

- физическихъ наблюдений въ различныхъ пунктахъ арктическаго и антарктическаго поясовъ, стр. 17—20.
- представляетъ записку г. Рыкачева о буряхъ Бѣлаго моря, стр. 22.
- сообщаетъ объ устройствѣ новыхъ метеорологическихъ станцій стараніями телеграфнаго заведенія Карла Сименса и Гальске, стр. 24.
- представляетъ записку г. Тилло: «Ueber die geographische Vertheilung und säcularc Aenderung der magnetischen Declination und Inclination im Europäischen Russland», стр. 49.
- представляетъ записку г. Штеллинга о зависимости испареній воды отъ ея температуры и отъ влажности и движения воздуха, стр. 55.
- и акад. А. В. Гадолинъ представляютъ записку Р. Э. Ленца: «Ueber die thermische Ausdehnung des Meerwassers», стр. 22.
- Винокуровъ, см. Розенъ.
- Витковскій, см. Шмидтъ.
- Вутонъ, см. Куникъ.

Г.

- Гавришевъ, см. Штраухъ.
- Гадолинъ, А. В., акад., членъ комитета Николаевской Главной Астрономической Обсерваторіи, стр. 22.
- см. Вильдъ.
- см. Струве.
- Гассельбергъ, см. Струве.
- Гельмерсенъ, Г. П., акад., сообщаетъ о результатахъ своей командировки для повѣрки геологической карты Подмосковнаго каменно-угольнаго бассейна, стр. 52 и 53.
- Герасимовъ, купецъ, уступаетъ безвозмездно Музею Академіи найденную въ р. Двѣпрѣ челюсть мамонта, стр. 26.
- Григорьевъ, см. Штраухъ.
- Гульдъ, см. Струве.

Д.

- Депеши метеорологическія, обмѣниваемые съ Центральною Обсерваторіею въ Буда-Пештѣ, стр. 54.
- Дестунисъ, Г. С., «О Ксанфинѣ». Приложение къ Запискамъ № 6.
- Дорнъ, Б. А., акад., доноситъ о желѣзномъ знакѣ съ надписью, найден-

номъ въ Маринскомъ округѣ Томской губерніи, стр. 28 и 29.

Дорнъ, сообщеніе о его смерти, стр. 29.

Дыбовскій, см. Шренкъ.

И.

- Изданія Академіи, вышедшія въ свѣтъ, стр. 26, 28, 45, 47, 49, 50, 53, 56—58.
- присланныя въ даръ Академіи, стр. 46, 47, 48, 55, 57 и 58.
- Академіи доставляются Финляндскому Горному Управленію, стр. 53.
- Линнеевскому Обществу Нового Южнаго Уэльса, въ Сидней, въ обмѣнъ на его изданія, стр. 53.
- Дирекціи Королевскаго геологическаго Института и горной Академіи въ Берлинѣ, въ обмѣнъ на ихъ изданія, стр. 54.
- Сѣверно-Китайскому Отдѣлу Лондонскаго Королевскаго Азіатскаго Общества, въ обмѣнъ на издаваемый имъ журналъ, стр. 57.

К.

- Кеппенъ, см. Шренкъ.
- Кокшаровъ, Н. И., акад. «Materialien zur Mineralogie Russlands», стр. 53.
- Коллекція растительныхъ остатковъ, см. Шмидтъ.
- Комисія по изслѣдованію вопроса объ уменьшеніи проточныхъ водъ и вліяніи на это лѣсовъ, стр. 21.
- для присужденія преміи В. Я. Буныковского, стр. 25.
- Историческая Мюнхенской Академіи Наукъ доставляетъ отчетъ о 22-мъ своемъ полномъ собраніи, стр. 58.
- Куникъ, А. А., акад., разсматриваетъ записку г. Вутона о нѣкоторыхъ новыхъ данныхъ для исторіи борьбы Тевтонскаго ордена съ Литовцами, стр. 28.
- представляетъ сочиненіе г. Радлова: «Phonetische Untersuchungen auf dem Gebiete der nördlichen Türk-Sprachen», стр. 58.
- Кунъ, Францъ, профессоръ, членъ-кор. Академіи, сообщеніе о его смерти, стр. 27.

Л.

Ленць, см. Вильдь.

М.

Маевский, Н. В., генералъ-лейтенантъ, членъ-кор. Академіи, стр. 22.

Максимовичъ, К. И., акад. «De Coriario, Pice, et Monochasmate, ejusque generibus proxime affinis Bungea et Cymbaria», стр. 25.

— «Diagnoses plantarum novarum Asiaticarum. (IV), стр. 25.

Медаль, выбитая въ честь барона Норденшельда, стр. 45.

Мильбергъ, см. Вильдь.

Н.

Награды Академика Θ . Θ . Брандта, стр. 25.

Назимовъ, см. Буныковский.

Наукъ, А. К., акад., представляетъ изданный имъ томъ Софокла, стр. 58.

О.

Оболенская княгиня, см. Штраухъ.

Овсянниковъ, Ф. В., акад., членъ комисиі для присужденія награды Академика Брандта, стр. 25.

— представляетъ сочиненіе г. Фойта о физиологіи общаго обіѣна веществъ и питанія, стр. 56.

— и академики Л. И. Шренкъ и А. А. Штраухъ разсматриваютъ записку г. Селиванова: «Geophilidae Музея Императорской Академіи Наукъ», стр. 53 и 54.

Отношения благодарственныя за доставленіе академическихъ изданій, стр. 45—48 и 52.

«Отчетъ о двадцать-третьемъ присужденіи награды графа Уварова». Приложение къ Запискамъ № 8.

— см. Вильдь.

— см. Струве.

П.

Плеске, см. Штраухъ.

Позднѣвъ, А. М. «Объясненіе древней монгольской надписи на чугунной дощечкѣ, доставленной въ Императорскую Академію Наукъ г. Винокуровымъ», стр. 31—43.

Зап. И. А. Н., т. XXXIX.

Позднѣвъ, см. Дорнъ.

— см. Розень.

Поляковъ, И. С. «Систематическій обзоръ полевокъ, водящихся въ Сибири». Приложение къ Запискамъ № 2.

Поповъ, А. И., членъ-кор. по Отдѣленію русскаго языка и словесности. Сообщение о его смерти, стр. 45.

Премія Бувыковского, стр. 24.

— Пушкина, стр. 46—48.

Пржевальскій, Н. М., почетный членъ Академіи, сообщаетъ о результатахъ своей третьей экспедиціи въ Центральную Азію и о собранныхъ имъ коллекціяхъ, изъ которыхъ зоологическая предлагается имъ въ даръ музею Академіи Наукъ, стр. 20 и 21.

— см. Штраухъ.

Протоколы. Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Академіи Наукъ:

— Общее Собраніе, стр. 44—48.

— Физико-Математическое Отдѣленіе, стр. 15—26 и 48—57.

— Историко-Филологическое Отдѣленіе, стр. 27—29 и 57—58.

Р.

Радловъ, см. Видеманъ.

— см. Куникъ.

Ровинскій, см. Веселовскій.

Розень, баронъ В. Р., акад. «Императоръ Василій Болгаробойца по арабскимъ источникамъ», стр. 27 и 28.

— назначается завѣдывающимъ Азіатскимъ Музеемъ Академіи, стр. 29.

— представляетъ записку А. М. Позднѣва: «Объясненіе древней монгольской надписи на чугунной дощечкѣ, доставленной въ Академію Наукъ г. Винокуровымъ», стр. 58.

— «Notices sommaires des manuscrits arabes du Musée Asiatique», стр. 58.

— сообщаетъ просьбу г. Шефера о высылкѣ ему изъ Азіатскаго Музея Академіи одной арабской рукописи, стр. 58.

— см. Видеманъ.

Рыкачевъ, М., доставляетъ привезенный имъ изъ Закаспійскаго края живой экземпляръ ящерицы *Vagalus scincus*, стр. 56.

— см. Вильдь.

С.

Савичъ, А. И., акад. «О предварительномъ вычисленіи прохожденией Ве-

- неры и Меркурия черезъ дискъ солнца», стр. 1—14.
- Савитъ, членъ комитета Николаевской Главной Астрономической Обсерватории, стр. 22.
- членъ комисіи для присужденія преміи В. Я. Буныковского, стр. 25.
- разсматриваетъ записку Е. Бонсдорфа, доставленную г. Альбицкимъ, подъ заглавіемъ: «Ueber einen neuen Sonnen im Raume», стр. 53 и 54.
- Селивановъ, см. Овсянниковъ.
- см. Штраухъ.
- Сентъ-Клеръ-Девиль, Генри, членъ-кор. Академіи, сообщеніе о его смерти, стр. 48.
- Сименсъ, см. Вилдъ.
- Срезневскій, И. И., акад. «Свѣдѣнія и замѣтки о малозвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ». Приложение къ Запискамъ № 7.
- Стебницкій, I., членъ-кор. Академіи, доставляетъ экземпляръ карты Закаспійскаго края, стр. 47.
- Стефани, Л. Э., акад., представляетъ, отъ имени графа С. Г. Строганова, «Отчетъ Императорской Археологической Комисіи за 1878 и 1879 годы», стр. 57.
- Строгановъ, графъ, см. Стефани.
- Струве, Лудвигъ, см. Струве, Оттонъ.
- Струве, Оттонъ Васильевичъ, акад., представляетъ записку своего сына, Лудвига: «Ueber den Doppelstern $\Sigma 60 = \eta$ Cassiopejae», стр. 16.
- представляетъ записку г. Баклунда: «Elemente und Ephemeriden des Episke'schen Cometen für d. J. 1881», стр. 22.
- сообщаетъ полученную имъ отъ члена-кор. Гульда, изъ Буэносъ-Айреса, телеграмму о новомъ появленіи кометы 1807 года, стр. 25 и 26.
- представляетъ копию съ годоваго отчета Николаевской Астрономической Обсерваторіи, стр. 26.
- представляетъ записку полковника Тилло: «Ueber die geographische Vertheilung und säculare Aenderung der magnetischen Declination und Inclination im Europäischen Russland», стр. 49.
- и акад. А. В. Гадолинъ представляютъ записку г. Гассельберга: «Beiträge zur Spectroskopie der Metalloide», стр. 16.
- Съездъ ученый въ Монреалѣ, въ Америкѣ, стр. 48.

Съченовъ, И. М., членъ-кор. Академіи. «Galvanische Erscheinungen an den centralen Nervmassen des Fro-sches», стр. 24.

Т.

- Телеграмма поздравительная отъ имени Академіи, Государю Великому Князю Константину Николаевичу, по случаю пятидесятилѣтія со времени назначенія Его Императорскаго Высочества Генералъ-Адмираломъ, стр. 44.
- Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Константина Николаевича на имя г. Президента Академіи, стр. 46.
- Тилло, см. Вилдъ.
- Тулиновъ, см. Штраухъ.

Ф.

- Фишеръ, см. Штраухъ.
- Фойтъ, см. Овсянниковъ.

Ч.

- Чебышевъ, П. Л., акад., членъ комитета Николаевской Главной Астрономической Обсерваторіи, стр. 22.
- разсматриваетъ записку г. Вербрюсова о суммованіи безконечныхъ рядовъ, стр. 24.
- членъ комисіи для присужденія преміи В. Я. Буныковского, стр. 25.
- Черскій, см. Шмидтъ.

Ш.

- Шестуновъ, см. Штраухъ.
- Шеферъ, см. баронъ Розенъ.
- Шефлеръ, въ Брауншвейгѣ, представляетъ 4-й томъ своего сочиненія: «Die Naturgesetze und ihr Zusammenhang mit den Principien der abstracten Wissenschaften», стр. 55.
- Шлейденъ, членъ-кор. Академіи. † 23 іюня и. ст. 1881 г., во Франкфуртѣ на Майнѣ, стр. 48.
- Шмидтъ, К. Г., членъ-кор. Академіи, доставляетъ записку о произведенномъ имъ изслѣдованіи образцовъ воды, привезенныхъ г. Пржевальскимъ изъ его Тибетскаго путешествія, стр. 50.
- см. Штраухъ.

Шмидтъ, Ѳ. Б., акад., членъ комисіи для присужденія наградъ Ѳ. Ѳ. Брандта, стр. 25.

— рассматриваетъ коллекцію растительныхъ остатковъ изъ Забайкальской области, собранныхъ гг. Черскимъ и Витковскимъ, стр. 52.

— рассматриваетъ дополнительные свѣдѣнія г. Черскаго о мѣстѣ находки доставленныхъ въ Академію окаменѣлостей, стр. 55.

Шренкъ, Л. И., акад., членъ комисіи для присужденія наградъ Ѳ. Ѳ. Брандта, стр. 25.

— представляетъ альбомъ типовъ Лопарей, изданный антропологами Монтегаци и Сомье, стр. 56.

— представляетъ записку Ѳ. П. Кеппена: «Ueber einige in Russland vorkommende giftige und vermeintlich giftige Arachniden», стр. 56.

— см. Овсянниковъ.

— и акад. А. А. Штраухъ представляютъ отъ имени профессора Веретинарнаго Института въ Харьковѣ, доктора А. Ѳ. Брандта, рукописныя неизданныя сочиненія отца его, покойнаго академика Ѳ. Ѳ. Брандта, стр. 22 и 23.

— рассматриваютъ записку г. Дыбовскаго «Studien über Süßwasser-Schwämme des Russischen Reiches», стр. 55.

Штелингъ, см. Вильдъ.

Штраухъ, А. А., акад., членъ комисіи

для присужденія наградъ Ѳ. Ѳ. Брандта, стр. 25.

— сообщаетъ о коллекціи птицъ, принесенной въ даръ Зоологическому музею Академіи г. Плеске, стр. 26.

— доноситъ о приношеніяхъ, поступившихъ въ Зоологическій музей отъ княгини А. А. Оболенской, А. В. Григорьева, В. Я. Тулинова и д-ра Фишера, стр. 50—52.

— представляетъ записку г. Селиванова: «Geophilidae музея Императорской Академіи Наукъ», стр. 53.

— сообщаетъ письмо г. Пржевальскаго относительно изслѣдованія профессоромъ К. Г. Шмидтомъ образцовъ воды, привезенныхъ изъ втораго тибетскаго путешествія г. Пржевальскимъ, стр. 55.

— сообщаетъ о приношеніяхъ, поступившихъ въ Зоологическій музей отъ гг. Н. Я. Шестунова, М. Рыкачева и Л. Л. Гавришева, стр. 56 и 57.

— см. Шренкъ.

Ю.

Юнгъ, правительственный секретарь въ Пенджабѣ, доставляетъ экземпляръ каталога санскритскихъ рукописей, стр. 28.

СОРОКОПУТЫ РУССКОЙ ФАУНЫ

И

ИХЪ СОРОДИЧИ.

Модеста Богданова.

Читано въ засѣданіи Физико-Математическаго Отдѣленія Императорской
Академіи Наукъ 11 марта 1880 года.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ XXXIX-му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 1.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1881.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

И. Глазунова, въ С. П. Б.

Эггерса и Комп., въ С. П. Б.

Н. Кимисля, въ Риги.

Цѣна 90 коп.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Мартъ 1881 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 л., № 12.)

ОГЛАВЛЕНИЕ.

СТРАН.

ВВЕДЕНИЕ.....	I—XII
Задачи изслѣдованія и причины вызвавшія его. Исторія изслѣдованія русскихъ сорокопутовъ. Систематическіе списки и группировка видовъ въ семействѣ Laniidae: списки Линнея, Кабаниса, Бонапарте (1850), Бонапарте (1853) и Грея. Неудовлетворительность этихъ списковъ. Методъ употребленный мной при изслѣдованіяхъ. Значеніе сходства признаковъ.	
Genus I. <i>Otomela</i> Вр. <i>Бурье сорокопуты</i>	1
1. <i>Otomela phoenicura</i> Pall. Даурскій сорокопутъ.....	3
2. <i>Otomela phoenicuroides</i> Sew. Джунгарскій сорокопутъ.....	14
α . <i>Subsp.</i> <i>Romanowi</i>	19
β . <i>Subsp.</i> <i>Karelini</i>	23
3. <i>Otomela isabellina</i> Hempr. et Ehrb. Буланскій сорокопутъ....	28
<i>Otomela cristata</i> L. Вр.....	41
<i>Lanius magnirostris</i> Less.....	45
<i>Lanius Andersoni</i> Strickl. et Sclater.....	45
4. <i>Otomela lucioniensis</i> Briss.....	46
5. <i>Otomela superciliosa</i> Lath.....	51
Общая характеристика и составъ рода <i>Otomela</i>	54
Genus II. <i>Enneostonus</i> Boie. <i>Сыдоголовые сорокопуты</i>	55
1. <i>Enneostonus magnirostris</i> Less. Толстовлювскій сорокопутъ... .	55
2. <i>Enneostonus collurio</i> L. Сорокопутъ жуланъ.....	62
Genus III. <i>Collurio</i> Вр. <i>Длиннохвостые сорокопуты</i>	78
1. <i>Collurio erythronotus</i> Vig. Индійскій сорокопутъ.....	79
Замѣтки о <i>C. caniceps</i> Blyth, <i>C. nigriceps</i> Franckl. и <i>C. cephalomelus</i> Вр.....	83
Genus IV. <i>Phoneus</i> Каур. <i>Красноголовые сорокопуты</i>	85
1. <i>Phoneus brachyurus</i> Pall.....	85
2. <i>Phoneus vicerphalus</i> Temm. et Schl. Японскій сорокопутъ... .	86
3. <i>Phoneus ruficeps</i> Bechst. Красноголовый сорокопутъ.....	91
Genus V. <i>Lanius</i> L. <i>Стрые сорокопуты</i>	94
1. <i>Lanius mollis</i> Eversm. Алтайскій сорокопутъ.....	97
2. <i>Lanius borealis</i> Vieill. Сѣверный сорокопутъ.....	101

3. <i>Lanius meridionalis</i> Temm.	118
4. <i>Lanius minor</i> Gm. Чернолобый сорокопутъ	120
5. <i>Lanius excubitor</i> L. Европейскій сорокопутъ	130
6. <i>Lanius Homeyeri</i> Cab. Сорокопутъ Гомейера	142
7. <i>Lanius Przewalskii</i> Bogd. Сорокопутъ Пржевальскаго	147
8. <i>Lanius sphenocercus</i> Cab. Сорокопутъ клинохвостый	149
9. <i>Lanius Grimmi</i> Bogd. Пустынный сорокопутъ	151
10. <i>Lanius assimilis</i> Brehm.	161
11. <i>Lanius algeriensis</i> Lesson.	164
12. <i>Lanius fallax</i> Finsch.	165
13. <i>Lanius pallidirostris</i> Cass.	166
14. <i>Lanius lathora</i> Sykes.	168
15. <i>Lanius leucopygus</i> Hempr. et Ehrb.	169
16. <i>Lanius excubitorius</i> Pr. et O. des Mass.	170
17. <i>Lanius ludovicianus</i> Briss.	171
18. <i>Lanius elegans</i> Sw.	172
Списокъ сърыхъ сорокопутовъ	173
Общій обзоръ сорокопутовъ и филиація видовъ въ этой группѣ птиць	174
Первое приложеніе. Списокъ сорокопутовъ, послужившихъ матеріа- лами для изслѣдованія	200
Второе приложеніе. Результаты измѣренія нѣкоторыхъ частей сорокопутовъ	214

ВВЕДЕНИЕ.

Первоначально задача моей работы заключалась въ томъ, чтобы опредѣлить и установить возможно точнѣе видовые типы сорокопутовъ русской фауны. Работа эта вызвана тѣмъ, что орнитологическая литература богата синонимами, въ которыхъ трудно разобраться и отличить фиктивные виды отъ дѣйствительно существующихъ типовъ. Не зная какая форма означается тѣмъ или другимъ названіемъ, нельзя пользоваться литературнымъ матеріаломъ для рѣшенія общихъ задачъ біологіи и зоогеографіи. Доказательства вѣрности такого взгляда едва ли нужны; но еслибъ они потребовались, то предлагаю заглянуть въ наиболѣе капитальные труды по географіи животныхъ, хотя бы напр. въ обширный трудъ Уоллеса.

Принимая на вѣру, безъ должной критики, списки животныхъ различныхъ мѣстностей, Уоллесъ и другіе установили зоологическія области. Если разобрать сколько нибудь внимательно списки животныхъ, выражающіе населеніе областей и послужившіе основой для установленія послѣднихъ, то не трудно убѣдиться, что эти списки переполнены ошибками; одинъ и тотъ же видъ повторяется подъ разными названіями; различные виды смѣшиваются подъ однимъ именемъ; наконецъ, названіе одного вида, по ошибкѣ опредѣленія, переносится на другой. А такъ какъ въ подобныхъ спискахъ лежитъ основа для установленія и разграниченія областей, то нужно сознаться, что эта основа мало на что пригодна; и самый трудъ географическаго обобщенія не приноситъ пользы

положительному знанію, потому, что обобщеніе, основанное на рядѣ ошибочныхъ данныхъ, не можетъ быть вѣрнымъ.

Вотъ почему, занимаясь зоологической географіей Россіи и связанными съ нею вопросами біологіи, давно уже я вынужденъ былъ отложить пока эти задачи и посвятить свое время на то, чтобъ провѣрить литературные факты по матеріаламъ существующимъ въ нашихъ музеяхъ.

Многіе въ наше время съ пренебреженіемъ относятся къ систематикѣ животныхъ. На ученаго, занимающагося опредѣленіемъ видовъ, изученіемъ наружныхъ признаковъ и т. д., эмбриологъ, морфологъ, анатомъ смотрятъ съ сожалѣніемъ, какъ на дилетанта съ узенькими задачами. Но систематикъ вправѣ задать вопросъ: что же изучаютъ эмбриологи? умѣютъ ли морфологи и анатомы назвать объектъ своихъ изслѣдованій? И дѣйствительно развѣ возможно изучать строеніе или развитіе формъ, не установивъ хотя бы условнаго понятія о самыхъ формахъ и ихъ взаимномъ сходствѣ и различіи. Но, такъ какъ, къ счастью для науки, дѣло не въ взаимныхъ взглядахъ на научный трудъ и его направленіе, то я и занялся предварительно систематическимъ пересмотромъ матеріала и опредѣленіемъ видовыхъ типовъ животныхъ русской фауны. А затѣмъ уже постараюсь положить этотъ матеріалъ въ основу изслѣдованій по зоологической географіи Россіи.

Въ настоящей статьѣ я намѣренъ разобрать сорокопутовъ русской фауны и ихъ ближайшихъ сородичей. Выбираю эту группу только потому, что для нея было больше матеріала, отчего результаты вышли полнѣе.

Такъ какъ главный предметъ статьи составляютъ сорокопуты русской фауны, то не лишнее прежде всего прослѣдить какъ списокъ нашей фауны обогащался видами этихъ птицъ.

Начало русской орнитологіи положено Месершмидтомъ въ первой четверти прошлаго столѣтія; но наблюденія этого ученаго путешественника напечатаны не были, а только цитируются Палласомъ. Первые свѣдѣнія о сорокопутахъ русской фауны попадаютъ въ описаніяхъ путешествій Палласа, Фалька, Георги,

Лелехина и др. членовъ экспедицій, снаряженныхъ Академіей наукъ въ прошломъ столѣтіи. Первый каталогъ русскихъ птицъ составленъ Георги, по наблюденіямъ Фалька, и приложенъ къ путешествію послѣдняго. Затѣмъ Георги, въ своемъ обширномъ трудѣ *Geographisch-physikalische und Naturhistorische Beschreibung des Russischen Reichs* (III Th. 6 Bd.), даетъ свой перечень птицъ русской фауны, составленный на основаніи всѣхъ литературныхъ матеріаловъ того времени. Эти двѣ первыя общія работы по орнитологіи Россіи можно вполне игнорировать какъ компиляціи.

И только съ выходомъ въ свѣтъ классической *Zoographia Rosso-Asiatica* Палласа положено начало научной орнитологіи Россіи.

Изъ сорокопутовъ Палласъ описываетъ шесть видовъ:

<i>Lanius major</i> Pall.	<i>Lanius collurio</i> L.
» <i>excubitor</i> L.	» <i>phoenicurus</i> Pall.
» <i>Vigil</i> Pall.	» <i>brachyurus</i> Pall.

Въ 1832 г. Двигубскій прибавилъ къ этому списку *L. rufus* Briss.

Въ 1839 г. пр. Калениченко ввелъ въ нашу фауну *L. meridionalis* Temm., основываясь на наблюденіяхъ пр. Крыницкаго.

Въ 1853 г. пр. Эверсманъ описалъ новый видъ *L. mollis*.

Въ 1873 г. Н. А. Сѣверцовъ обогатилъ списокъ русской фауны пятью видами сорокопутовъ: *L. isabellinus* Н. et E.; *L. erythronotus* Vig.; *L. leucopterus* n. sp.; *L. pallidirostris* Cass.; *L. lathora* Sykes.

Въ томъ же году описалъ Кабанисъ новый видъ *L. Homeyeri*, по экземплярамъ, полученнымъ изъ Россіи.

Въ 1874 г. установленъ г. Сѣверцовымъ новый видъ *L. phoenicuroides*, изъ Туркестана; а В. К. Тачановскимъ — *L. speculigerus* n. sp., изъ Дауріи.

Въ 1876 г. списокъ русскихъ сорокопутовъ обогатился *L. magirostris* Less. и *L. bicephalus* Temm. et Schl., найденными

В. И. Дыбовскимъ и *L. sphenocercus* Sav., найденнымъ Н. М. Пржевальскимъ въ Уссурийскомъ краѣ.

Такъ, до сихъ поръ въ предѣлахъ Россіи найдено 20 видовъ, что составляетъ болѣе $\frac{1}{8}$ всѣхъ извѣстныхъ видовъ сорокопутовъ.

Прежде чѣмъ приступить къ изученію этихъ видовъ, считаю не бесполезнымъ представить рядъ списковъ, въ которыхъ вообще перечисляются и группируются виды семейства *Laniidae*.

Говорить о признакахъ и положеніи семейства *Laniidae* въ ряду другихъ птицъ считаю лишнимъ, во первыхъ потому, что новаго къ характеристикѣ типа сорокопута, птицы общезвѣстной, ничего не прибавлю; во вторыхъ, истиннаго положенія сорокопутовъ въ отрядѣ пѣвчихъ птицъ ни я, ни кто другой, въ настоящее время указать не въ состояніи. Какъ извѣстно, есть много классификацій птицъ; но, тоже небезызвѣстно, что нѣтъ ни одной, которая бы могла претендовать на естественность установленія большихъ и малыхъ группъ.

Поэтому, оставивъ въ сторонѣ всякія разсужденія о типѣ сорокопута и положеніе его въ системѣ, прослѣжу только какъ установили роды этого семейства и какъ сгруппировали въ нихъ виды, авторы различныхъ системъ.

Линней установилъ только родъ *Lanius*, куда, изъ настоящихъ сорокопутовъ, отнесъ слѣдующіе, извѣстные ему, виды:

<i>Lanius cristatus.</i>	<i>Lanius excubitor.</i>
» <i>ludovicianus.</i>	» <i>collurio</i>
» <i>collaris.</i>	» <i>Schach.</i>
» <i>lucioniensis.</i>	

Уже Бойе (1826 г.) нашелъ необходимымъ раздробить эту группу и установилъ родъ *Enneoctonus*, куда отнесъ бывшего *L. collurio*.

Въ 1850 г. вышло два сочиненія, очень важныхъ для классификаціи птицъ: *Museum Heineanum*, Cabanis'a и *Conspectus generum avium*, Bonaparte. Чтобъ показать наглядно какъ эти авторы размѣстили сорокопутовъ, приведу параллельно ихъ списки:

Cabanis. Genus *Enneoctonus* Boie.

1. *E. collurio* Boie (L. *collurio* L.=L. *spinitorquus* Bechst.).
2. *E. cristatus* nob. (L. *cristatus* L. et Lath. = L. *lucioniensis* L. = L. *phoenicurus* Sünd.=L. *ferrugiceps* Hodgs.).
3. *E. phoenicurus* Gray (L. *phoenicurus* Pall.).
4. *E. crassirostris* nob. (L. *poliocephalus* Aliq.).
5. *E. Hardwickii* nob.
6. *E. nubicus* nob. (*personatus* Temm.).
7. *E. pomeranus* nob. (*rufus* Briss.=*pomeranus* Sparm.=*rutilus* Lath.=*ruficeps* Bechst.).
8. *E. rutilans* nob. (*rutilans* Temm.).
9. *E. minor* nob. (*italicus* Lath.=*vigil.* Pall.).

Genus *Lanius* L.

1. *L. excubitor* L.
2. *L. algeriensis* Less.
3. *L. meridionalis* Temm.
4. *L. ludovicianus* L.

5. *L. collaris* L.
6. *L. fuscus* n. sp. (*collaris* Rüpp.).

Bonaparte (1850). Genus *Enneoctonus* Boie.

1. *E. collurio* L. (L. *aeruginosus* Klein.=L. *spinitorquus* Bechst.).
2. *E. rufus* Briss. nec Gm. (L. *collurio*, var. *rufus* Gm.=L. *rutilus* Lath.=L. *ruficeps* Bechst.=L. *pomeranus* Sparm.=L. *castaneus* Risso.).
3. *E. rutilans* Temm.
4. *E. phoenicurus* Gm. ex Pall.
5. *E. cristatus* L. et *lucioniensis*? L. (L. *melanotis* Val. = *ferrugiceps* Hodgs.=L. *arenarius*? Blyth.).
6. *E. crassirostris* Kuhl.
7. *E. Schwaneri* Bp. ex Borneo.
8. *E. superciliosus* Lath. (L. *colluriodes* Less.=L. *tigrinus*? Drap.=L. *strigatus*? Eyton. = L. *crassirostris* Licht.).
9. *E. bucephalus* Temm.

Genus *Lanius* L.

a. Europaei.

1. *L. excubitor* L. (*cinereus* Briss.=*major*? Pall.).
2. *L. meridionalis* Temm.
3. *L. minor* Gm. (*italicus* Lath. = *vigil.* Pall.=*longipennis* Blyth.).
4. *L. nubicus* Licht.

b. Amer. sept.

5. *L. septentrionalis* Gm. (*excubitor* Wilss.=*borealis* Vieill.).
6. *L. ludovicianus* L. (*ardosiaceus* Vieill. = *carolinensis* Wilss.=*excubitoroides* et *elegans* Sw.).

Cabanis.

7. *L. caniceps* Blyth.
8. *L. bentet* Horsf. (*pyrrhonotus* Vieill.).
9. *L. nigriceps* Jerd. (*tricolor* Hodgs.).
10. *L. tephronotus* Gray.

Bonaparte (1850).c. *Africani.*

7. *L. algeriensis* Less.
8. *L. collaris* L.
9. *L. subcoronatus* Smyth.
10. *L. afer* Lath. (*signatus* Shaw.).
11. *L. Smithi* Fras.
12. *L. melanurus* Licht.

d. *Asiatici.*

13. *L. pendens* Lath.
14. *L. Lathora* Sykes (*burra* Gray=*excubitor*, var. c. Lath.=*magnirostris* Less.).
15. *L. Schach* L. (*bentet* Horsf.=*chinesis* Gr.=*pyrrhonotus* Vieill.)
16. *L. erythronotus* Vig. (*superciliosus* Sw.=*jounotus*? Hodgs.).
17. *L. caniceps* Blyth.
18. *L. nigriceps* Francf. (*tricolor* Hodgs.).
19. *L. tephronotus* Vig.
20. *L. Hardwickii* Vig.
21. *L. hypoleucus* Blyth.

Для всякаго, сколько нибудь, знакомаго съ видами сорокопутовъ, изъ сопоставленія этихъ списковъ будетъ ясно какъ шатокъ и неудовлетворителенъ въ нихъ родовой критерій. *L. Hardwickii*, *nubicus* и *minor* Кабанисъ отнесъ къ р. *Enneoctonus*, Бонапарте—къ роду *Lanius*. Бонапарте, раздѣляя сорокопутовъ на *Enneoctonus* и *Lanius*, вводитъ въ свою классификацію новый приемъ — географическаго сближенія формъ.

Но эта классификація очевидно не удовлетворила Бонапарте и вскорѣ онъ составилъ замѣчательно хорошій списокъ сорокопутовъ, въ которомъ установлены болѣе или менѣе естественныя группы ихъ ¹⁾. Къ сожалѣнню, авторъ не поясняетъ своей кла-

¹⁾ Bonaparte. Monographie des Laniens. Rev. et Mag. de Zool. 1853. p. 292 et 433.

сификаціи. Но въ установкѣ родовъ очевидно желаніе сгруппировать въ нихъ наиболѣе близкіе виды; однако самое размѣщеніе видовъ осталось столь же нераціональнымъ, какъ и въ прежнихъ спискахъ. Послѣ Бонапарте издано только два списка всѣхъ видовъ сорокопутовъ Греемъ ¹⁾.

Но въ оба списка Грея, какъ основа, легла классификація, установленная Бонапарте, съ самыми ничтожными перемѣнами. Для сравненія приведу параллельно послѣдніе списки Бонапарте и Грея:

Bonaparte (1853).

Gen. I. *Lanius* L. (Collyrio Merr.=Collurio Vig.).

Subgenus 1. *Lanius*.

a. Europaei.

1. *L. excubitor* L. (major Brehm. = cinereus Leach.).
2. *L. meridionalis* Temm.

b. Africani.

3. *L. algeriensis* Less.
4. *L. excubitorius* O. de Murs. (princeps Cab.=macrocerus Fil.).
5. *L. dealbatus* De Fil.

c. Asiatici.

6. *L. lathora* Sykes. (burra Gray.=excubitor, var. c. Lath. = excubitor Francl.=magnirostris Less.=lathora Blyth.).
7. *L. ancheri* Pucheran.

Gray (1869). Fam. *Laniidae*.Subfam. II. *Laniinae* Sw.

(Genus *Collyrio* Moer. (*Lanius* Briss.=
Collurio Vig.).

a. *Collyrio*.

1. *C. excubitor* L. (cinereus Leach.=major Pall.)
2. *C. meridionalis* Temm.

3. *C. excubitorius* De Murs. (princeps Cab.=macrocerus De Fil.).

4. *C. algeriensis* Less.

5. *C. pallidirostris* Cass. (pallidus Ant.=assimilis Brm.).

6. *C. pallens* Cass. (dealbatus De Fil.=leuconotus Brm.).

7. *C. lathora* Sykes. (burra Gray.=excubitor, var. C. Lath.=magnirostris Less.=minor Rüpp.=orbitalis H. et E.).

¹⁾ Gray. The Gen. of Birds. 1844—49. I vol. p. 71; Gray. Hand-List of Gen. and Sp. of B. 1869. I. p. 390.

Bonaparte (1853).**Gray (1869).**d. *Americani*.

8. <i>L. septentrionalis</i> Gm. (excubitor Wils.=borealis Vieill.). 9. <i>L. ludoviclanus</i> L. (ardosiacus Vieill. = carolinensis Wils. = excubitoroides Sw.). 10. <i>L. elegans</i> Sw.	8. <i>C. borealis</i> Vieill. (excubitor Wils.=septentrionalis Bp.). 9. <i>C. ludoviclanus</i> L. (ardosiacus Vieill.—carolinensis Wils.). 10. <i>C. elegans</i> Sw.

Subgenus 2. *Fiscus* Bp. *Africani*.b. *Fiscus* Bp.

11. <i>F. collaris</i> L. 12. <i>F. subcoronatus</i> Smyth. (collaris var. Verr.). 13. <i>F. Smithi</i> Gray. 14. <i>F. fuscus</i> Cab. (collaris Rüppell, nec L.=Arnaudi O. de M.).	16. <i>F. collaris</i> L. 17. <i>F. subcoronatus</i> Smyth. 18. <i>F. Smithi</i> Fras. 19. <i>F. fuscus</i> Cab. (collaris Rüpp = Arnaudi O. de M.). 20. <i>F. caudatus</i> Cab.

Subgenus 3. *Collurio* Bp. *Asiatici*.c. *Collurio* Bp.

15. <i>C. schach</i> L. (chinensis Gray.). 16. <i>C. erythronotus</i> Vig. (supercilius Sw. nec Lath.=jounotus Hodgs.). 17. <i>C. caniceps</i> Blyth. (erythronotus Jerd. nec Gould.). 18. <i>C. pyrrhonotus</i> Vieill. (macrourus Cuv.). 19. <i>C. bentet</i> Horsf. (Suchii? Aliq.). 20. <i>C. tephronotus</i> Vig. (nepalensis et obscurior? Hodgs.). 21. <i>C. nigriceps</i> Francf. (tricolor Hodgs.=pileatus Temm. = nasutus Scop.=antiguanus Lath.). 22. <i>C. cephalomelus</i> Bp. 23. <i>C. vittatus</i> Dumont. (Hardwicki Gr.=margaritaceus Less.). 24. <i>C. hypoleucus</i> Blyth.	<i>C. schach</i> L. (chinensis Gray.=macrourus Cuv.). <i>C. erythronotus</i> Vig. (supercilius Sw.=jounotus Hodgs.). <i>C. caniceps</i> Blyth. <i>C. pyrrhonotus</i> Vieill. <i>C. bentet</i> Horsf. <i>C. tephronotus</i> Vig. (nipalensis et obscurior Hodgs.). <i>C. nigriceps</i> Francf. (tricolor Hodgs.). <i>C. vittatus</i> Dum. (Hardwickii Gr.=margaritaceus Less?). <i>C. hypoleucus</i> Bl. (colluroides Less.). ? <i>C. nasutus</i> Scop. (antiguanus Lath.=nigriceps Jerd.).

Bonaparte (1853).

25. *O. phoeniceus* Gm. ex Pall.
 26. *O. cristatus* L. (*phoeniceus* Sünd.=
rutilus et *superciliosus* Aliquor.=
ferrugiceps Hodgs.=*fulvus cristatus*
 Edw.).
 27. *O. arenarius* Blyth.
 28. *O. lucionensis* L. (*melanotis* Cuv.).
 29. *O. superciliosus* Lath.
 30. *O. Schwaneri* Bp.
 31. *O. crassirostris* Kuhl. (*magnirostris*
 Less.=*tigrinus* Drapiez.=*ferox*
 Drap.=*strigatus* Eyton.).

Genus III. *Phoneus* Bp. ex Kaup.

32. *Ph. bucephalus* Schl.

Genus V. *Enneoctonus* Boie.

34. *E. italicus* Bp. (*minor* Gm.=*vigil*
 Pall.=*italicus* Lath.=*longipennis*
 Blyth.).
 35. *E. collaris* Boie.
 36. *E. rufus* Bp. (*L. rufus* Briss.=*rutilus*
 Lath.=*ruficeps* Bechst.=*pomeranus*
 Sparm.=*castaneus* Hahn Riss-
 so?=*ruficollis* Shaw.).
 37. *E. rutilans* Bp. (*L. rutilans* Temm.=
superciliosus Licht.=*erythropterus*
 Rüpp.).
 38. *E. niloticus* Bp.

Gray (1869).

- ? *C. cephalomelus* Bp. (*nasutus* Wald.).
C. quadricolor Bp.
C. fuscatus Less. (*melantes* Swinh.=
lugubris Hartl.).

Genus II. *Enneoctonus* Boie. (*Collurio*
Kaup.).

- E. collaris* L.
E. minor Gm.

Genus III. *Lanius* L. (*Otomela* Bp.).a. *Lanius*.

- L. cristatus* L. (*phoeniceus* Sünd.=
ferrugiceps Hodgs.=*superciliosus*
 Jerd.).
L. phoeniceus Pall.
L. lucionensis L. (*phoeniceus* Pelz.).
L. superciliosus Lath. (*crassirostris*
 Licht.).
L. magnirostris Less. (*crassirostris*
 Kuhl.=*ferox* Drap.=*strigatus*
 Eyton.=*tigrinus* Bl.).
L. arenarius Blyth.
L. Schwaneri Bp.
L. Andersoni Strickl.
L. Jeracopsis De Fil.
L. isabellinus H. et E.

b. *Phoneus* Kaup.

- Ph. senator* L. (*rufus* Bp.=*pomeranus*
 Sparm.=*rufus* Bechst. nec L.=
rutilus Lath.=*ruficollis* Shaw.).
Ph. rutilans Temm. (*superciliosus*
 Licht.=*erythropterus* Rüpp.=
collurio, var. *senegalensis* Gm.=
rufus, var. Lath.).
Ph. niloticus Bp.

c. *Cephalophoneus* Fitz.

- C. bucephalus* T. et Schl.

Сравнивъ внимательно всѣ приведенные списки сорокопутовъ нельзя не видѣть какъ сильно запутана синонимія видовъ, какъ неопредѣленны и неустойчивы самыя основы классификаціи. Линнеевскій родъ *Lanius*, обогащаясь видами, постепенно превращается въ подсемейство (Subfamilia), распадающееся на цѣлый рядъ родовъ и подро́довъ, принимающихъ форму естественныхъ группъ. Лучшая изъ классификацій сорокопутовъ, какъ убѣдимся въ послѣдствіи, принадлежитъ Бонапарте (1853). Но и въ этой классификаціи далеко еще до естественной системы, потому, что Бонапарте, установивъ довольно правильно роды и подро́ды, не сумѣлъ расположить въ нихъ виды въ надлежащемъ порядкѣ; въ синониміи же видовъ у него порядочная путаница, такъ напр. въ одномъ мѣстѣ *L. magnirostris* Less., онъ считаетъ синонимомъ *L. lathora* Sykes., въ другомъ—синонимомъ *O. crassirostris* Kuhl.—*L. minor* Gm. до сихъ поръ, какъ вѣчный жидъ, блуждаетъ изъ рода въ родъ; то зачислятъ его въ р. *Enneoctonus*, то переведутъ въ р. *Lanius*.—Грей повторяя, съ небольшими варіаціями, систему Бонапарте, не подвинулъ ни на шагъ классификацію сорокопутовъ. Болѣе важный, въ этомъ отношеніи, матеріалъ заключается въ отдѣльныхъ монографіяхъ родовъ и видовъ у различныхъ орнитологовъ. Родъ *Otomela* Вр. разработавъ довольно подробно въ монографіяхъ Вальдена и Шалова; сѣрые сорокопуты служили темой для работъ Дрессера и Шарпа, Кабаниса, Гейглина, Финча и Гартлауба и др. Родъ *Collurio* Вр. разработавъ г. Шаловымъ. Превосходныя монографіи европейскихъ видовъ находятся въ классическомъ сочиненіи Наумана «Naturg. d. Vög. Deutschl.» Кромѣ того въ литературѣ разбросано объ этихъ птицахъ много отдѣльныхъ наблюденій и замѣтокъ, которыя будутъ приведены въ своемъ мѣстѣ. Но и приведеннаго уже достаточно для того, чтобы судить въ какомъ положеніи находятся наши свѣдѣнія о сорокопутахъ. Можно сказать, что прежде чѣмъ будетъ провѣрена литература и изученъ обширный матеріалъ для болѣе правильнаго установленія видовъ и

родовъ, всякая попытка опредѣлить области ихъ не поведетъ ни къ чему.

Матеріалъ, находившійся въ моемъ распоряженіи былъ значительно больше того, какой имѣлъ каждый изъ моихъ предшественниковъ. Но и этотъ матеріалъ въ многихъ случаяхъ оказывался недостаточнымъ. Поэтому положеніе нѣкоторыхъ, особенно нерусскихъ видовъ, осталось не выясненнымъ. Методъ, употребленный мной при изученіи формъ, былъ простъ: я тщательно провѣрялъ, когда было можно, по оригинальнымъ экземплярамъ, описанія разныхъ авторовъ и сравнивалъ эти описанія между собою; за тѣмъ всѣ экземпляры каждаго вида были тщательно сравниваемы между собою, при чемъ прослѣжены всѣ пластическіе и цвѣтные признаки и опредѣлена степень постоянства и измѣнчивости каждаго изъ нихъ.

Тогда оказалось, что почти нѣтъ признака, который бы не варьировалъ; но оказалось и то, что эти варіаціи имѣютъ предѣлы, тѣмъ дается возможность *эмпирически* установить виды. Заручившись этими данными, я сравнилъ между собой виды не только для того, чтобы выяснитъ ихъ различія, но также *для изученія ихъ сходства, близости между собой*. Послѣдній приемъ далъ неожиданные результаты. Оказалось, что виды располагаются въ правильные ряды, въ которыхъ можно прослѣдить постепенное измѣненіе признаковъ, именно: регрессъ однихъ признаковъ и прогрессивное развитіе другихъ; а, что особенно важно, эти ряды явленій, измѣненія родового типа, находятся въ извѣстныхъ отношеніяхъ съ географическимъ размѣщеніемъ видовъ.

Въ заключеніе считаю долгомъ высказать мою признательность тѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, которыя содѣйствовали моей работѣ. Я приношу мою сердечную благодарность Др. Штейндахнеру и Др. Пельцельну, которые съ рѣдкой предупредительностью оставили возможными удобствами мои занятія въ Имп. Кор. музеѣ въ Вѣнѣ. Не менѣе сердечный приемъ я встрѣтилъ въ Штутгартѣ со стороны Директора королевскаго музея Др. Крауса. Я очень благодаренъ Директору Зоологическаго музея Берлинскаго уни-

верситета Пр. Петерсу, за дозволеніе работать въ музеѣ, гдѣ меня особенно интересовали колекціи Палласа, Эверсмана, Эренберга и др.; но я много не могъ бы сдѣлать тамъ безъ дружеской предупредительности Пр. Кабаниса и Д-ра Рейхенова.

Но, за всѣмъ тѣмъ, самые важные результаты работы достигнуты мной только благодаря колекціямъ зоологическаго музея Имп. Спб. Академіи Наукъ, которыя особенно богаты русскимъ матеріаломъ. Списокъ экземпляровъ изученныхъ мной сорокопутовъ лучше всего выказываетъ богатства академическаго музея, безъ котораго въ настоящее время немыслима какая либо серьезная работа по высшимъ животнымъ русской фауны.

Genus I. ОТОМЕЛА Вр. БУРЫЕ СОРОКОПУТЫ.

Подъ именемъ *Otomela* Бонапарте весьма удачно сгруппировалъ сорокопутовъ *мелкаго роста, бурого цвѣта*, сходныхъ между собой и отличающихся однообразными признаками отъ всѣхъ другихъ сородичей. Въ этотъ родъ попалъ неправильно только одинъ видъ *L. crassirostris* Kuhl.

Кромѣ двухъ списковъ видовъ *Otomela* (Бонапарте и Грея), приведенныхъ выше, въ которыхъ находятся только названія и синонимія, — существуютъ двѣ монографіи этого рода.

Вальденъ (Walden) публиковалъ въ *Ibis* за 1867 г. (р. 212) монографію «On the Rufous tailed Shrikes», для которыхъ онъ оставилъ Линеевское родовое названіе *Lanius*. Изучивъ критически довольно богатый матеріалъ и литературу этой группы сорокопутовъ, особенно наблюденія надъ ними въ Индіи и южной Азіи, Вальденъ описываетъ слѣдующіе виды:

1. *L. cristatus* L. (*L. fulvus, cristatus* Edw. = *L. bengalensis rufus* Briss. = *E. cristatus* Bp. *Consp.* = *L. lucioniensis* Gray. = *L. phoenicurus* Sund. = *L. melanotis* Cuv. = *L. superciliosus* Blyth. = *L. ferrugiceps* Hodgs. = *O. cristata* Bp.).
  2. *L. lucioniensis* L. (*L. phoenicurus* Gm., Pelzeln. = *O. lucioniensis* Bp.).
  3. *L. phoenicurus* Pall. (*Schrenck; Midd.; Radde*).
  4. *L. superciliosus* Lath. (*rutilans* Temm.).
  5. *L. magnirostris* Less. (*L. strigatus* Eyton = *L. ferox* Drap. = *L. crassirostris* Kuhl. = *L. tigrinus* Drap.).
  6. *L. Schwaneri* Bp.
  7. *L. arenarius* Blyth.
  8. *L. Anderseni* Strickl.
- NB. *L. isabellinus* H. et E.

Въ сравненіи съ спискомъ Бонапарте здѣсь прибавленъ только *L. Andersoni*, и иначе размѣщены виды.

Въ списокѣ Грея (1869) исключены изъ этого рода (обозначеннаго *Lanius*) *L. magnirostris* и *L. Andersoni*, а прибавлены какъ самостоятельные виды, *L. jeracopsis* De Fil. и *L. isabellinus* H. et E. и снова перетасованъ порядокъ видовъ.

Въ 1875 г. г. Г. Шаловъ напечаталъ, въ Jour. für Ornithologie, «Monographische Beiträge zur Kenntniss des Genus *Otomela* Bp.» самое полное и обстоятельное изслѣдованіе этого рода. Для моихъ изслѣдованій монографія эта была особенно интересна потому, что Шаловъ изучилъ экземпляры нѣкоторыхъ видовъ, добытые въ Россіи и анализируетъ тщательно нѣкоторыя работы русскихъ натуралистовъ. Привожу, для сравненія съ предъидущими, списокъ *Otomela* признанныхъ г. Шаловымъ самостоятельными видами:

1. *O. cristata* L. (*L. cristatus* L., Bp., Walden=*O. phoenicura* Bp.=*L. phoenicurus* Pall. Zoogr., Walden.=*L. superciliosus* Layard nec Lath.).
2. *O. lucioniensis* L. (Bp.=*L. lucioniensis*. Wald.=*L. phoenicurus* Meyen, nec Pall.=*L. jeracopsis* De Fil.=*L. Schwaneri* Bp., Wald.).
3. *O. incerta* Swinhoe.
4. *O. superciliosa* Lath. (Bp., Wald., Vian.=*L. phoenicurus* Schrenck., Wald., nec Pall.).
5. *O. magnirostris* Less. (*O. crassirostris* Kuhl, Bp.=*L. magnirostris* Wald.=*L. Waldeni* Swinhoe=*L. ferox* Drap.).
6. *O. arenaria* Blyth (Bp.=*L. arenarius* Wald. etc.).
7. *O. isabellina* H. et Ehrb. (*L. ruficaudus* Brehm).
8. *O. phoenicuroides* Scwez. (*L. isabellinus* Wald.—*L. phoenicurus* Vian.).
9. *O. speculigera* Tacz.

Но *O. incerta* самъ Swinhoe, а за тѣмъ и г. Шаловъ признали за *L. magnirostris*. Въ остальномъ, списокъ Шалова разнится отъ предъидущихъ прибавкой двухъ новыхъ видовъ: *phoenicuroides* и *speculigera*, соединеніемъ *jeracopsis* и *Schwaneri* съ *lucioniensis*; главное же въ томъ, что въ *L. phoenicurus* Pall. онъ признаетъ *L. cristatus* L. и относитъ къ послѣднему виду наблюденія Палласа и Дыбовскаго въ Дауріи, а наблюденія Ак. Л. И. Шренка—къ *O. superciliosa* Lath.

Кромѣ приведенныхъ списковъ и монографій въ литературѣ немало наблюдений надъ отдѣльными видами *Otomela*, разсѣянныхъ въ описаніяхъ мѣстныхъ фаунъ Азіи и сѣверо-восточной Африки. Но, несмотря на это кажущееся богатство матеріаловъ, виды *Otomela* до сихъ поръ не установлены и синонимія ихъ крайне запутана; замѣчаніе это особенно относится къ нѣкоторымъ русскимъ видамъ этой группы. Трудность разбора сказалась весьма скоро и ощутительно; къ счастью на мою долю достался такой богатый матеріалъ, какого не было у моихъ предшественниковъ; а при изученіи видовъ и при повѣркѣ литературнаго матеріала нашлись твердыя опоры въ оригинальныхъ экземплярахъ коллекцій многихъ авторовъ, хранящіеся въ разныхъ музеяхъ. Впрочемъ, списокъ изученныхъ мною коллекцій всего лучше выражаетъ значеніе матеріала, послужившаго основой для нижеслѣдующихъ описаній.

1. OTOMELA PHOENICURA Pall. ДАУРСКІЙ СОРОКОПУТЬ.

Табл. I. fig. 1 (♂).

Diagn. *Mas. ad.* dorso sordide cinerascens-fusco; capite et cauda ex rufo fuscescentibus; fronte, loris superciliisque albis; uropygio laete rufo. Subtus lutescente albida. Alis et cauda rotundatis, illis nigrofuscis, speculo nullo; rostro crasso et, cum pedibus, nigro.

Fem. ad. mari similis, differt coloribus omnibus sordidioribus, regione parotica fusca et hypochondriis transverse vermiculatis.

β. var. *intermedia*. Capite dorsoque concoloribus, ex rufo fuscescentibus.

1776. *Lanius phoenicurus* n. sp. Pallas. Reise etc. III. app. p. 693. n. 6. Synon.

1811. *Lanius phoenicurus*. Pallas. Zoogr. Rosso-As. I. p. 405, n. 59.

1853. *Lanius phoenicurus*. Middendorf. Sibir. Reise. Bd. II. Th. 2, p. 188.
 1860. *Lanius phoenicurus*. Schrenck, L. Reis. und Forsch. im Am.-L.
 Bd. I. Lief. 2. p. 384.
 1863. *Lanius phoenicurus*. Radde. Reise im Süd. v. O.-Sib. Bd. II. p. 277.
 1868. *Lanius phoenicurus*. Dybowski und Parvex. Jour. f. Orn. p. 333.
 1870. *Lanius phoenicurus*. Пржевальскій. Путешест. въ Уссур. краѣ.
 Прил. p. 58.
 1871. *Lanius superciliosus*. Vian. Revue et Mag. de Zool. p. 330.
 1872. *Lanius phoenicurus*. Taczanowski. Jour. f. Orn. p. 445.
 1873. *Lanius phoenicurus*. Поляковъ. Жив. Ленскаго басс. Зап. И.
 Рус. Геогр. Общ. т. III.
 1874. *Lanius phoenicurus*. Taczanowski. Jour. f. Orn. p. 322 et 335.
 1875. *Otomela cristata*. Schalow. Jour. f. Orn. p. 130 (ex parte).
 1875. *Otomela superciliosa*. Schalow. Jour. f. Orn. p. 140 (ex parte).
 1876. *Otomela phoenicura*. Taczanowski. Bull. de la Soc. Zool. de Fr.
 p. 166.
 1876. *Lanius phoenicurus*. Пржевальскій. Монголія и стр. Тангутъ.
 II. p. 70 и 168.
 1877. *Otomela phoenicura*. Тачановскій. Критическій обзоръ орнит.
 ф. вост. Сибири. Тр. V съѣзда русск. ест. въ Варшавѣ p. 326.
 1877. *Lanius superciliosus*. Vian. Bull. de la Soc. Zool. de Fr. p. 208.
 1878. *Otomela cristata*. Taczanowski. Bull. de Soc. Z. de Fr. p. 38.

Даурскаго сорокопута, открытаго и описаннаго Палласомъ коротко, но точно, до сихъ поръ знаютъ очень плохо и смѣшиваютъ съ родственными видами. Приводя синонимію, я ограничился только тѣми сочиненіями, въ которыхъ говорится дѣйствительно объ этомъ видѣ. Кромѣ того въ сочиненіяхъ многихъ орнитологовъ говорится о *L. phoenicurus*, но запутанность и ненадежность этихъ показаній такъ велики, что въ нихъ трудно ориентироваться; напр. Вальденъ описываетъ подъ именемъ *L. phoenicurus* Pall. настоящаго даурскаго сорокопута, а изображаетъ на рисункѣ, подъ тѣмъ же именемъ, типичнаго *L. superciliosus* Lath. ¹⁾ — Шаловъ наблюденія Палласа и Дыбовскаго относитъ къ *O. cristata* L., а наблюденія Шренка къ *O. superciliosa* Lath., не подозрѣвая, что всѣ названные орнитологи наблюдали одну и ту

¹⁾ Walden. Ibis. 1867 p. 212. Pl. V. fig. 2.

же птицѣ. Віанъ подѣ именованъ *L. phoenicurus* Pall. описываетъ экземпляры *O. phoenicuroides* Sew., а экземпляры настоящаго *L. phoenicurus* Pall. (отъ г. Дыбовскаго) — подѣ именованъ *L. superciliosus* Lath. (op. cit. 1871). Г. Шаловъ указывая эту ошибку Віана (op. cit. p. 133), на слѣдующей страницѣ, въ свою очередь, наблюденія г. Сѣверцова, надѣ пролетомъ *O. phoenicuroides* подѣ Чимкентомъ; относить къ *O. cristata* L., также какъ и даурскія наблюденія Дыбовскаго надѣ *O. phoenicura* Pall. Впрочемъ, ошибка г. Шалова невольная, потому, что отличивъ *O. phoenicuroides* г. Сѣверцовъ вставилъ это названіе мѣстами въ переводъ своего сочиненія «Allg. Uebers. der Aralo-Tiansch. Ornis»¹⁾, въ другихъ же мѣстахъ этого сочиненія ошибочное названіе *L. phoenicurus* не исправлено. Вслѣдствіе замѣчаній Шалова и Тачановскаго (op. cit. 1876), Віанъ снова пытается доказать, что экземпляры съ Байкала относятся къ *L. superciliosus* Lath. (op. cit. 1877 p. 208.)

Діагнозъ *L. phoenicurus* данный Палласомъ въ Zoogr. Ros. As.: *L. fascia per oculos nigricante, cauda longa rotundata, tota cum uropygio intense rufa* — по справедливому замѣчанію г. Шалова можетъ быть отнесенъ къ *O. lucioniensis* L. (op. cit. p. 133); Тачановскій, не менѣе справедливо замѣчаетъ, что этотъ діагнозъ вполне приложимъ ко всѣмъ азиатскимъ видамъ *Lanius* «а queue rousse» (op. cit. 1876). Но оба автора не обратили вниманія на первоначальный діагнозъ Палласа: «Magnitudo et facies collurionis. *Corpus supra griseo-rufescens, fascia per oculos nigricante, subtus lutescente albidum. Cauda longa, rotundata, tota cum uropygio intense rufa.*» (op. cit. 1776). Этотъ діагнозъ очевидно составленъ Палласомъ еще въ Дауріи, когда найденъ былъ *L. phoenicurus*, экземпляры котораго потомъ утрачены; непонятно почему Палласъ сократилъ этотъ діагнозъ въ Зоографіи. Віанъ, защищая точность своего опредѣленія экземпляровъ съ Байкала, указываетъ на этотъ первоначальный діа-

¹⁾ Sewerzow Jour. f. Orn. 1873. p. 347.

гнозъ Палласа, но въ тоже время старается доказать, что названные экземпляры есть *L. superciliosus* Lath. (op. cit. 1877). Такъ какъ Вiанъ подъ этимъ именемъ дважды описываетъ экземпляры полученные отъ г. Тачановскаго, то нѣтъ сомнѣнiя, что послѣднiй вполне правъ относя ихъ къ *L. phoenicurus* Pall., потому что В. И. Дыбовскiй нашелъ эту птицу именно въ той мѣстности, гдѣ нашелъ ее и Палласъ, и гдѣ настоящаго *O. superciliosa* Lath. никто не встрѣчалъ, также какъ и *O. lucionensis* L. Не вижу также основанiй признавать въ даурскомъ сорокопутѣ *L. cristatus* L., о чемъ скажу дальше. По этому даурскому сорокопуту правильнѣе оставить названiе, данное ему Палласомъ, подъ которымъ описываютъ его русскiе орнитологи. Изъ послѣднихъ, впрочемъ, только Ак. Л. И. Шренкъ обстоятельно изслѣдовалъ сибирскiе (Маака и Миддендорфа) и китайскiе экземпляры этого вида, съ цѣлью выяснитъ его самостоятельность и различiя отъ *E. collurio* L.; у этого автора безспорно лучшее описанiе *O. phoenicura* Pall., въ чемъ убѣждаетъ изученiе оригинальныхъ экземпляровъ (op. cit. 1860). Экземпляры Дыбовскаго, находящiеся въ музеяхъ Варшавы и Берлина, устраняютъ всякое сомнѣнiе въ точности опредѣленiя вида В. К. Тачановскимъ.

Безъ сличенiя съ экземплярами И. С. П. Б. Акад. Н. нельзя судить какую птицу разумѣли подъ именемъ *L. phoenicurus* Pall. — Бонапарте (op. c. 1853), Стриклендъ (Proc. Zool. Soc. 1846, p. 102), Свингое (Proc. Zool. Soc. 1871, p. 375) и другiе, почему и приводятъ ихъ показанiя въ правильной синонимii вида невозможно.

Тщательное изслѣдованiе всѣхъ имѣющихся экземпляровъ (приведенныхъ въ спискѣ) и литературы приводятъ къ слѣдующимъ заключенiямъ:

1) въ области гнѣздовья *O. phoenicura* Pall. наблюдали до сихъ поръ только русскiе натуралисты (Палласъ, Миддендорфъ, Вознесенскiй, Маакъ, Поповъ, Радде, Дыбовскiй, Поля-

ковъ, Пржевальскій и Чекановскій), которые безошибочно опредѣляли эту птицу.

2) Эверсманъ, Карелинъ, Сѣверцовъ (сначала) и Віанъ по ошибкѣ относили къ *O. phoenicura* экземпляры другаго вида, впоследствии опредѣленнаго Сѣверцовымъ подъ именемъ *O. phoenicuroides*. Ак. Брандтъ принялъ за *L. phoenicurus* экземпляръ *O. isabellina* изъ Бухары ¹⁾ и неправильно внесъ *L. phoenicurus* Pall. въ списокъ птицъ западной Сибири ²⁾. Мёвель по ошибкѣ опредѣлилъ молодого *E. collurio* L. съ Урала за *O. phoenicura* Pall. ³⁾

3) Віанъ совершенно неосновательно описалъ *O. phoenicura* Pall. подъ именемъ *L. superciliosus* Lath., а г. Г. Шаловъ по ошибкѣ отнесъ наблюденія надъ нимъ частью къ послѣдному виду, частью къ *O. lucioniensis* L.

4) *O. phoenicura* Pall. несомнѣнно самостоятельный видъ, весьма близкій къ *O. lucioniensis* L. и къ *O. superciliosa*, Lath. Въ пластическихъ признакахъ этихъ трехъ видовъ различій очень мало. Отношенія маховыхъ, т. е. форма крыла, у всѣхъ почти одинакова. Ступенчатая, закругленная форма хвоста тоже одинакова. Главнѣйшія различія заключаются въ длинѣ и толщинѣ клюва, въ длинѣ плюсны, крыльевъ и хвоста, какъ это видно изъ приложенной таблицы; но эта таблица наглядно показываетъ, какъ измѣнчивы пластическіе признаки въ каждомъ видѣ. Такъ, что всѣ различія трехъ видовъ заключаются преимущественно въ цвѣтныхъ признакахъ.

Самцы и самки *O. lucioniensis* L. отличаются тѣмъ, что у нихъ нѣтъ чисто-бѣлой и рѣзко очерченной полосы на лбу и надъ глазами. Бурый цвѣтъ на головѣ съ сильной примѣсью сѣраго; послѣдній ко лбу становится явственнѣе и бѣловатѣе; у *O. phoenicura* Pall., напротивъ, голова рыжѣе спины, безъ малѣйшей

¹⁾ Zool. Anh. zu Lehmann's Reise. Beitr. zur K. d. R. R. Bd. XVII p. 319.

²⁾ Consideration sur les animaux de la Sib. occid. Voyage de Tschichatschef. p. 443.

³⁾ Jour. f. Orn. 1875 p. 432.

примѣси сѣраго, и надбровная полоса чище; у *O. superciliosa* Lath. вся спинная сторона ярко-рыжая. Цвѣтъ спины у *O. lucioniensis* грязно-бурый и отличается отсутствіемъ рыжаго оттѣнка. Хвостъ и надхвостье у этого вида тоже не столь интенсивнаго рыжаго цвѣта, какъ у обоихъ другихъ, и на хвостѣ до старости сохраняются слѣды полосатости; у самокъ же только подъ старость исчезаютъ поперечныя полосы на надхвостьѣ, а на зубу и на бокахъ туловища такія полосы сохраняются всю жизнь.

Указавъ различія трехъ названныхъ видовъ обращусь къ описанію *O. phoenicura* Pall., составленному по коллекціи.

Старый самецъ. Спина сѣровато-бурая. Голова буровато-рыжая. Отъ основанія верхней челюсти, черезъ нижнюю половину глаза, на ухо, идетъ черная полоса; надъ ней, черезъ верхнюю половину глаза, тянется узкая бѣлая полоса, опоясывающая лобъ. На лбу эта полоса узка, слабо ограничена отъ буро-рыжаго цвѣта головы и подвержена сильнымъ индивидуальнымъ измѣненіямъ — у однихъ узка и чиста, у другихъ шире, грязновата и постепенно сливается съ бурымъ. Надхвостье свѣтло-рыжаго цвѣта. Хвостъ буровато-рыжий, съ слабыми слѣдами темныхъ поперечныхъ полосокъ (17—18); послѣ линянья наружныя рулевья съ бѣлой каемкой на концѣ. Горло, болѣе или менѣе, чисто-бѣлое, остальные части нижней стороны и нижнія кроющія перья крыльевъ и хвоста бѣлыя съ сильнымъ рыжевато-палевымъ оттѣнкомъ, усиливающимся на бокахъ туловища. Маховыя перья, и большія кроющія ихъ, темно-бурія; вторыя маховыя, плечевыя и кроющія крыла съ свѣтлыми коймами. Бѣлаго зеркальца на маховыхъ нѣтъ и слѣда. Клювъ и ноги черныя. Форма и величина клюва индивидуально измѣнчивы.

Очень старая самка, отличается отъ самца тѣмъ, что полоса идущая черезъ глазъ *чернобурая* и всѣ цвѣта менѣе ярки. У другихъ, менѣе старыхъ, самокъ цвѣта еще грязнѣе и сохранились поперечныя полосы на перьяхъ боковъ туловища.

Гнѣздовое опереніе. Верхняя сторона и надхвостье буровато-рыжія, съ чернобурыми поперечными полосками. Ушное пятно

бурое. Горло бѣлое. Вся остальная нижняя сторона желтовато-палевая; забъ, грудь и бока съ многочисленными поперечными бурными полосками. Брюхо и нижнія кроющія крыльевъ такого-же цвѣта, но безъ бурныхъ полосокъ. Маховыя и верхнія кроющія крыльевъ бурныя съ рыжими каемками, которыя на плечевыхъ и кроющихъ шире и ярче. Хвостъ темнѣе, чѣмъ у взрослыхъ, и полосатость на немъ замѣтнѣе. Клювъ и ноги свѣтло - роговаго цвѣта. У самцовъ нижняя сторона менѣе полосата; въ остальномъ между полами нѣтъ различія.

Переходное опереніе. Перья спинной стороны менѣе рыжеваты, особенно на спинѣ. Голова удерживаетъ рыжеватый цвѣтъ. Поперечныя полосы сохраняются на концахъ немногихъ перьевъ, преимущественно на головѣ. На нижней сторонѣ полосы сохраняются только по бокамъ шеи и туловища. Надхвостье рѣзко отдѣляется отъ спины яркимъ рыжеватымъ цвѣтомъ, съ остатками полосатости на самыхъ заднихъ перьяхъ.

При третьемъ линяннѣ птица, повидимому, получаетъ окончательный нарядъ.

Разница въ длинѣ среднихъ и крайнихъ рулевыхъ перьевъ съ возрастомъ увеличивается, но незначительно. Формула маховыхъ перьевъ: 3 =, или едва > 4; 4 едва > 5; 5 немного > 2; отношенія 6 къ 2 весьма непостоянны; по большей части 6 значительно > 2; иногда же почти = ему. Такъ, что крыло тупое, округленное.

Var. intermedia Bogd.

Единственный экземпляръ этой разновидности описанъ гг. Миддендорфомъ и Шренкомъ подъ именемъ *L. phoenicurus*. Но, онъ отличается отъ типичныхъ — сильнымъ развитіемъ рыжаго пигмента на всей верхней сторонѣ, примѣсь котораго замѣтна даже на спинѣ. Бѣлая полоса надъ глазами шире, чище и бѣлѣе, чѣмъ у типичныхъ. По этимъ особенностямъ, описываемый экземпляръ представляетъ настоящую переходную форму между *O. phoenicura* и *superciliosa* Lath. У него, подобно тому,

какъ у типичнаго *O. superciliosa* Lath., замѣтенъ зачатокъ бѣлаго зеркала на первыхъ маховыхъ перьяхъ. По географическому положенію эта разновидность занимаетъ тоже промежуточную полосу между областями обоихъ, связуемыхъ ей, видовъ. Будущія наблюденія разъяснятъ, конечно, случайная, или постоянная это форма; чего по одному экземпляру рѣшить нельзя.

Разобравъ и установивъ синонимію даурскаго сорокопута, постараюсь сгруппировать весь существующій матеріалъ относительно географическаго распространенія, мѣстопробыванія и размноженія этой птицы.

И. Г. Вознесенскій нашелъ молодаго даурскаго сорокопута, на р. Алдомѣ, около Аяна, впадающей въ Охотское море (14. VIII. 1845). Чекановскій привезъ экземпляры изъ дер. Подволочной, на Нижней Тунгузкѣ (24. V. 1873) и съ береговъ р. Оленека, выше устья впадающей въ него р. Алакита, подъ 67° 7' с. ш. (10. VII. 1874); добытые слѣдовательно въ періодъ гнѣздованія. И. С. Поляковъ пишетъ, что этотъ сорокопутъ найденъ имъ (1866) «какъ выводящій дѣтей въ горной странѣ по бассейну р. Витима; также въ Прибайкальѣ онъ избираетъ своимъ мѣстопробываніемъ горные потоки, поросшіе мелкими кустарниками ивы и низкорослой березы; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ онъ держится также по опушкамъ лѣсовъ, въ мелкихъ чащахъ. Птенцы еще не летавшіе, но уже способные довольно быстро бѣгать и оперившіеся были найдены нами на р. Янгадымо 4 Іюля; они не находились въ гнѣздѣ, а скрывались въ густыхъ березовыхъ рощахъ, поэтому ловить ихъ было весьма трудно. Вообще въ горной странѣ сорокопутъ не принадлежитъ къ многочисленнымъ птицамъ; кромѣ Янгадымо онъ встрѣчается еще на р. Датыктѣ; въ прочихъ мѣстахъ онъ рѣдокъ и разъединенъ (на горныхъ потокахъ Сѣверно - Муйскаго хребта)» ¹⁾. — Р. К. Маакъ убилъ стараго самца (17, V, 1855) около р. Горбицы впадающей въ р. Шилку, и маленькаго птенца, съ недоросшими махами и хво-

¹⁾ Поляковъ. Op. cit. 1878.

стомъ, (27, VII, 1855) на нижнемъ Амурѣ, около устья р. Хангары. Г. И. Радде наблюдалъ даурскаго сорокопута: у озера Тарей-Нора (14 — 157, V, 1856); у Кулусутаевка (14—15, VIII, 1856); въ долинѣ р. Иркута (8 — 17, V, 1859); на сѣверномъ берегу Байкала (9, VII, 1855); также на лѣсныхъ опушкахъ обширныхъ болотъ, разстилающихся по берегамъ и около устьевъ рѣчекъ впадающихъ въ Байкаль. Самка этого вида добыта г. Поповымъ около Верхне-Удинска. В. И. Дыбовскій находилъ его лѣтомъ часто около Дарасуна, недалеко отъ предъидущей мѣстности и отъ р. Опона, гдѣ въ первый разъ добыта эта птица Палласомъ въ 1772 г.;—въ окрестностяхъ Култука даурскій сорокопутъ рѣже, а около Петровска еще рѣже, по словамъ Дыбовскаго; весной 1873 г. Дыбовскій нашель его на р. Аргуни, около Старо-Цурухайтуйской станицы; на Амурѣ и на Усури, по наблюденіямъ того-же ученаго, эта птица рѣже, чѣмъ около горнаго прибрежья Байкала, а тутъ рѣже, чѣмъ въ Дауріи. На Усури даурскій сорокопутъ найденъ Н. М. Пржевальскимъ. Разновидность β *intermedia* найдена Ак. А. Ф. Миддендорфомъ около Удскаго острога. Въ этомъ заключается все, что до сихъ поръ извѣстно о распространеніи даурскаго сорокопута въ предѣлахъ Сибири.

Большинству наблюдателей эта птица попадалась въ Дауріи, т. е. въ той мѣстности гдѣ нашель ее Палласъ. Изъ наблюденій гг. Дыбовскаго, Полякова и Радде видно, что она попадаетса тамъ чаще, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ. Нанося на карту пункты наблюденій видно, что на западъ даурскій сорокопутъ прослѣженъ до долины Иркута и до Култука; на сѣверъ до $67^{\circ} 7'$ с. ш. на р. Оленекѣ; на сѣверо-востокъ до р. Алдомы, около Аяна; на востокъ до Удскаго острога и бассейна р. Усури; на югъ до границъ Юго-восточной Сибири. Очевидно, что сѣверный и западный предѣлы области этого вида еще не найдены. Нельзя поручиться, что онъ не будетъ найденъ въ Камчаткѣ. Сѣверный предѣлъ вѣроятно не переходитъ границу лѣсовъ. Въ долинѣ р. Енисея и въ Саянскихъ горахъ до сихъ поръ эта птица не найде-

на. Въ Алтаѣ, повидимому, ее положительно нѣтъ. Въ Туркестанскомъ краѣ даже на пролетѣ она никому не попадалась. Но въ очерченныхъ выше предѣлахъ восточной Сибири, очевидно, даурскій сорокопуть довольно обыкновенная гнѣздящаяся птица. Судя по времени года, когда его добывали, надо думать, что онъ на зиму улетаетъ и указаніе на это есть у Пржевальскаго, который говоритъ, что онъ прилетаетъ въ Усурійскій край въ Маѣ и и гнѣздятся тамъ довольно часто по лѣснымъ опушкамъ и мелкимъ перелѣскамъ, въ особенности, если тамъ есть хворостъ или срубленные деревья (ор. cit. 1876). Дыбовскій считаетъ его лѣтней птицей, отлетающей на зиму.

Н. М. Пржевальскому мы обязаны свѣдѣніями о продолженіи области даурскаго сорокопута на югъ, за предѣлы Сибири. «Онъ найденъ, пишетъ Пржевальскій, во всемъ районѣ нашего путешествія, за исключеніемъ лишь Куку-Нора, Цайдама и сѣв. Тибета, т. е. тѣхъ мѣстностей гдѣ мы были зимой или ранней весною. Чаше, нежели въ другихъ мѣстахъ, попадался въ кустарныхъ заросляхъ долины Хуанъ-Хе. Въ Ала-шанѣ гнѣздится въ небольшемъ числѣ въ саксаульникахъ, а въ Гань-су обитаетъ преимущественно въ низкихъ долинахъ лѣснаго пояса, хотя и здѣсь довольно рѣдокъ. Весною первые прилетные замѣчены въ долинѣ Хуанъ-Хе 28 Апрѣля» (ор. cit. 1876). Въ таблицѣ географическаго распространенія птицъ въ Китаѣ, приложенной къ сочиненію Н. М. Пржевальскаго, даурскій сорокопуть показанъ: пролетнымъ и сомнительно гнѣздящимся въ Халхѣ; гнѣздящимся въ юго-восточной Монголіи, Ордосѣ, Ала-шанѣ и Гань-су. Но изъ Ала-шаня, въ коллекціи Пржевальскаго, ни одного экземпляра даурскаго сорокопута не оказалось; а молодой экземпляръ изъ Ордоса, принятый авторомъ за *O. phoenicura* есть молодой *O. isabellina* Н. et E. По общему же характеру мѣстообитанія даурскаго сорокопута, сомнительно, чтобы онъ гнѣзвился въ саксаульникахъ Ала-шаня.

У Дыбовскаго о мѣстопробываніи и размноженіи даурскаго сорокопута сообщено слѣдующее: «единственный сорокопуть ко-

торый гнѣздится въ этой области (т. е. въ Дауріи). Онъ прилетаетъ во второй половинѣ Мая, поселяется въ долинахъ, поросшихъ мелкимъ ивнякомъ и молодымъ березникомъ, встрѣчаясь обыкновенно въ сухихъ, а иногда же въ сырыхъ и мокрыхъ мѣстностяхъ. Гнѣздо вѣетъ на различныхъ кустарникахъ, на молодыхъ деревьяхъ и въ кучахъ хвороста; оно похоже на гнѣздо *E. collurio*, но построено изъ другого матеріала и тщательнѣе; снаружи состоитъ изъ различныхъ сухихъ стебельковъ и травъ, между которыми находится много хвоща, иногда же и куски ивовой коры; внутри гладко и выложено мелкими стебельками; размеры гнѣзда: наружный діаметръ 140 мм., внутренній — 80 мм.; высота 65 мм.; глубина 35 мм. Въ началѣ Іюня самка несетъ 5—9 яицъ, похожихъ на яйца *E. collurio* и столь же разнообразныхъ. Основной цвѣтъ ихъ рѣдко чисто-бѣлый, чаще свѣтло-зеленоватый или красноватый, покрытый безчисленными сѣрыми, красноватыми и оливковыми пятнышками, которыя къ одному концу многочисленнѣе и образуютъ болѣе или менѣе ясное кольцо. Эти пятнышки перемѣшаны всегда съ свѣтло-пепельными, или сѣро-фіолетовыми пятнами, которыя проникаютъ глубоко въ скорлупу. Какъ у *E. collurio*, яйца одной и той же кладки совершенно одинаковы по окраскѣ, формѣ и величинѣ; а сравнивъ нѣсколько кладокъ, придешь къ заключенію, что яйца съ красными пятнышками встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ въ сѣрыхъ и оливковыхъ. Размеры яицъ различныхъ кладокъ: 25 — 18; 24 — 18; 23 — 18; 24 — 17; 22 — 17; 20 — 16; наибольшая ширина яйца между половиной и третью длины.

Самка сидитъ довольно крѣпко на гнѣздѣ, но не позволяетъ брать себя рукой. Самецъ помогаетъ высидывать. Спугнутый съ гнѣзда кидается на врага. Послѣ того какъ молодые, достигнувъ полного роста, начнутъ летать, они остаются еще до половины Августа; отдѣльные экземпляры встрѣчались еще и въ половинѣ Сентября.» (ор. cit. 1872).

2. OTOMELA PHOENICUROIDES Sew.
 ДЖУНГАРСКИЙ СОРОКОПУТЬ.

Таб. I. Ф. 2 и 3.

Diagn. Omnium hujus generis specierum minima, similis O. phoenicurae, sed differt rostro brevior et tenuiore, alis acutioribus, caudam abruptam longitudine superantibus et speculo albo ornatis.

a) subspecies **Romanowi**. Bogd.

Mas. ad. mandibula subtus convexa; capite fuscescente rufo; dorso laete fusco; uropygio et caudae tectricibus superioribus rufis; subtus lutescente albida; alis fuliginosis; cauda intense rufa; fronte et superciliis albis; rostro nigro, pedibus nigro-fuscis.

Fem. ad. supra fusca unicolor; fascia parotica nigro-fusca; subtus sordida, ingluvie et hypochondriis transverse vermiculatis. Cauda fuscescente rufa; alarum speculo minore; rostro pedibusque fuscis.

b) subspecies **Karelini**. Bogd.

Mas. ad. praecedenti similis, sed differt rostro graciliore, cauda aliisque brevioribus; capite et dorso cinerascente-fuscis, unicoloribus; subtus rosaceo-albida; uropygio et caudae tectricibus superioribus rufis. Cauda intense rufa; alarum speculo majore. Rostro pedibusque atrofuscis.

Fem. ad. differt a femina subspeciei praecedentis colore supra cinerascente-fusco, subtus rosaceo-albido.

Синон.

1853. *Lanius phoenicurus*. Eversmann. Bull. de la Soc. J. des nat. de Moscou. p. 449.
1855. *Lanius phoenicurus*. Эверсманъ. Nouv. Mém. de la Soc. J. des nat. de Moscou. T. X. p. 278.
1866. *Lanius phoenicurus*. Eversmann. Ест. ист. Оренб. края. III. p. 239. (ориг. описаніе).
1867. *Lanius isabellinus*. Walden. Ibis. p. 224. Pl. V. fig. 1.
1871. *Lanius phoenicurus*. Vian. Rev. et Mag. de Zool. p. 330.
1872. *Lanius isabellinus*. Jerdon. Ibis. p. 116.
1873. *Lanius phoenicurus*. Сѣверцовъ. Вертик. и гориз. распр. туркест. живот. Изв. И. М. О. люб. Е. т. VIII в. 2. стр. 21, 31, 67 и 144.
1873. *Lanius cristatus*. Hednerson and Hume. Lahore to Yarkand. p. 182.
1873. *Danius phoenicurus*. Sewerzow. Jour. f. Orn. p. 334. et. 380.
1873. *Lanius phoenicuroides* n. sp. Sewerzow. Jour. f. Orn. p. 347 (безъ описанія).
1873. *Lanius cristatus*. Sewerzow. Jour. f. Orn. p. 335, 357 et 358 (apud Hume et Henderson).
1874. *Lanius phoenicuroides*. Sewerzow. Jour. f. Orn. p. 412.
1874. *Lanius phoenicurus*. Sewerzow. Jour. f. Orn. p. 418 et 420.
1875. *Enneoctonus phoenicuroides*. Sewerzow. Jour. f. Orn. p. 179.
1875. *Otomela phoenicuroides*. Schalow. Jour. f. Orn. p. 133, 136, 145, 148 et 346.
1876. *Otomela phoenicuroides*. Schalow. Jour. f. Orn. p. 145.
1877. *Lanius phoenicurus*. Vian. Bull. de la Soc. Zool. de France. p. 208.
1878. *Otomela phoenicuroides*. Taczanowski. Bull. de la Soc. Zool. de France. p. 41.

Рисунки: Walden. Ibis. 1867. Pl. V. fig. 1 (♂ *O. phoenicuroides* Romanowi).

Приведенная синонимія наглядно показываетъ въ какомъ положеніи находятся литературныя свѣдѣнія объ этомъ видѣ. Поэтому считаю не лишнимъ описать исторію этого малоизвѣстнаго сорокопута.

Въ первый разъ эту птицу добылъ препараторъ И. Казанскаго университета П. Романовъ, въ іюль 1840 г., въ Джунгаріи. Въ слѣдующемъ году онъ нашелъ ее на Тарбагатаѣ и въ

прилежащихъ степяхъ; а въ 1843 г. на Алтаѣ. Экземпляры собранные Романовымъ доставлены Пр. Э. А. Эверсману, который старыхъ птицъ счелъ за *L. phoenicurus* Pall. (№ 32, 33 моего каталога), а молодого самца (№ 71 кат.)— за *L. collurio* L. Въ 1843—44 годахъ экземпляры джунгарскаго сорокопута добыты извѣстнымъ путешественникомъ Г. С. Карелинымъ, почти въ той же мѣстности; а въ 1848 г. полковникомъ Абакумовымъ около Копала; эти колекціи оставались до сихъ поръ неопредѣленными. Въ 1853 г. экземпляръ того же вида добытъ докторомъ Н. Э. Эверсманомъ на р. Сыръ-Дарьѣ, который послужилъ, вмѣстѣ съ собранными Романовымъ, матеріаломъ для замѣтокъ Пр. Э. А. Эверсмана (op. cit. 1853 et 1855) о распространеніи *L. phoenicurus* Pall., какъ онъ ошибочно опредѣлилъ эту птицу. Первое подробное и оригинальное описаніе джунгарскаго сорокопута сдѣлано по тѣмъ же экземплярамъ Эверсманомъ (op. cit. 1866), подъ тѣмъ же ложнымъ названіемъ *L. phoenicurus* Pall.—Въ 1858 г. этотъ сорокопутъ добытъ на р. Сыръ-Дарьѣ, а потомъ и въ Туркестанѣ, Н. А. Сѣверцовымъ, который тоже принялъ его сначала за *L. phoenicurus* Pall. и описалъ подъ этимъ именемъ (op. cit. 1873). Описанія Эверсмана и Сѣверцова, а также оригинальные экземпляры колекцій обоихъ ученыхъ, не оставляютъ сомнѣнія, что они описывали одинъ и тотъ же видъ. Потомъ Н. А. Сѣверцовъ, сравнивъ свои экземпляры съ настоящими *L. phoenicurus* Pall., увидаль ошибку и назвалъ туркестанскую птицу *L. phoenicuroides* (op. cit. 1873), но безъ должныхъ объясненій. Нѣкоторые экземпляры джунгарскаго сорокопута изъ колекціи Сѣверцова попали, черезъ торговца Доде, въ Парижскій музей и были описаны Віанамъ подъ именемъ *L. phoenicurus* Pall. (op. cit. 1871). Птицы того же вида были добыты А. П. Федченко въ Туркестанѣ и Гульдомъ въ Гайдерабадѣ. Экземпляръ Гульда былъ описанъ и изображенъ Вальденомъ подъ именемъ *L. isabellinus* H. et E. (op. cit. 1867). Затѣмъ мною собрана колекція экземпляровъ этого вида въ 1874 г. на берегахъ Арала и Аму - Дарьи. Шаловъ составилъ

описание джунгарскаго сорокопута, по экземплярамъ Сѣверцова (op. cit. 1875). Въ послѣднее время г. Віанъ, упорно защищая свое первоначальное опредѣленіе туркестанскихъ экземпляровъ джунгарскаго сорокопута, снова тщательно описываетъ ихъ подъ ложнымъ названіемъ *L. phoenicurus* Pall. (op. cit. 1877); это вызвало описание сѣверцовскихъ же экземпляровъ В. К. Тачановскимъ (op. cit. 1878). Послѣднія коллекціи экземпляровъ этого вида доставлены, уже по окончаніи моихъ изслѣдованій, гг. Пржевальскимъ, Руссовымъ, Березовскимъ и Словоцкимъ. И такъ джунгарскій сорокопуть, добытый Романовымъ въ 1840 г., фигурировалъ въ литературѣ до 1873 г. подъ чужимъ именемъ и до сихъ поръ, благодаря г. Віану, остается спорнымъ видомъ. Къ счастью, для рѣшенія этого спора (какъ видно изъ каталога), я имѣлъ достаточный матеріалъ. Изъ *всѣхъ* собранныхъ до настоящаго времени экземпляровъ джунгарскаго сорокопута, я не имѣлъ случая видѣть только часть коллекцій г. Сѣверцова (между прочимъ экземпляры находящіеся въ Парижѣ; но они описаны Віаномъ такъ подробно, что повѣрка излишня); не видалъ я также оригиналовъ Вальдена.

Тщательное изслѣдованіе богатой коллекціи экземпляровъ, и всѣхъ литературныхъ источниковъ, приводитъ къ заключенію, что джунгарскій сорокопуть, *O. phoenicuroides* Sew., есть вполнѣ обособленный видъ, отличающійся постоянными признаками отъ всѣхъ другихъ видовъ рода *Otomela*.

Н. А. Сѣверцовъ еще раньше, чѣмъ убѣдился въ самостоятельности вида, раздѣлилъ его на три породы: горную (*var. montana*, s. *ruficeps*), степную (*caniceps*) и саксаульную (*L. isabellinus*); но характеристика породъ, сдѣланная имъ, не совсѣмъ удачна. «Горная порода, говоритъ Сѣверцовъ, отличается темнымъ цвѣтомъ. Спина и плечи въ свѣжемъ перѣ почти чисто-бурья, съ весьма слабымъ сѣроватымъ оттѣнкомъ, весной сѣрѣе, сѣровато-бурья; голова во всякое время буровато-рыжая, почти также красна какъ хвостъ, который, какъ и надхвостье, темно-рыжій, въ свѣжемъ перѣ съ каштановымъ оттѣнкомъ».

«Низовые *спуте*, сверху пыльно-сѣрые, т. е. почти чисто-сѣрые, съ слабымъ буроватымъ оттѣнкомъ, у самовъ сѣрый цвѣтъ чище, чѣмъ у самокъ и, особенно, у молодыхъ. Голова одною цѣптя съ туловищемъ; крылья, хвостъ и исподъ тѣла какъ у горныхъ». Далѣе г. Сѣверцовъ указываетъ на существованіе въ Каратау переходныхъ экземпляровъ «сѣрыхъ съ сѣро-рыжеватой головой, или сѣро-буроватыхъ на головѣ и спинѣ»; почему онъ считаетъ эти формы не выдѣлившимися породами одного вида *O. phoenicuroides* ¹⁾.

Къ сожалѣнію у меня не было тѣхъ экземпляровъ Н. А. Сѣверцова, на основаніи которыхъ онъ составилъ описаніе и раздѣлилъ породы.

Въ коллекціи изслѣдованной мной я нашелъ двѣ формы, различающіяся какъ пластическими, такъ и цвѣтными признаками. Но различія эти такъ тонки, что, безъ сравненія экземпляровъ обѣихъ формъ, ихъ можетъ различить только опытный глазъ. Съ другой стороны, не смотря на незначительность различій, они *постоянны*. Поэтому, хотя есть полная возможность установить два вида, я ограничусь тѣмъ, что различу двѣ константныя породы, впродъ до того времени, когда біологическія наблюденія (которыхъ, какъ разъ, теперь не хватаетъ) представятъ необходимыя данныя для положительнаго, эмпирическаго разрѣшенія этого вопроса. Одну изъ этихъ породъ я называю именемъ П. Романова, желая этимъ почтить память безвѣстнаго, но полезнаго служителя русской науки; другую же породу я назову въ честь извѣстнаго натуралиста Г. С. Карелина. Даю эти названія потому еще, что подъ названіями *caniceps* и *ruficeps* описаны давно уже другіе виды сорокопутовъ.

Прежде чѣмъ приступать къ описанію обѣихъ породъ *O. phoenicuroides*, считаю не лишнимъ выяснить отношенія этого вида къ другимъ родичамъ. Самыми близкими формами къ джунгарскому сорокопуту стоятъ съ одной стороны — *O. phoenicura*

¹⁾ Сѣверцовъ. Op. cit. 1873 p. 145.

Pall., а съ другой — *O. isabellina* H. et E. Отъ перваго джунгарскій сорокопутъ отличается сразу *формой крыльевъ и хвоста и присутствіемъ зеркалаца*, отъ втораго — *меньшей величиной тѣла и рѣзкой разницею въ окраскѣ*. Признаки эти на столько постоянны и абсолютны, что не нужно прибѣгать къ сравненію, чтобы различить представителей всѣхъ трехъ видовъ.

Изъ двухъ породъ джунгарскаго сорокопута — одна (subsp. *Romanowi*) ближе къ *O. phoenicura*, другая (subsp. *Karelini*) напротивъ ближе къ *O. isabellina* — во всѣхъ возрастахъ; впрочемъ подробное описаніе лучше выяснитъ эти черты сходства и различія.

а) Subsp. *Romanowi*.

Если возьмемъ какъ типъ для сравненія *O. phoenicura*, то у Романовской породы джунгарскаго сорокопута окажутся слѣдующія особенности: *клювъ немного короче и замѣтно тоньше; плюсна короче; хвостъ абсолютно короче*; кромѣ того у *O. phoenicura* *хвостъ всегда длиннѣе крыльевъ*; у *O. phoenicuroides Romanowi*, на оборотъ, *крылья длиннѣе хвоста; хвостъ не ступенчатой, а закрученной, почти устьечной формы*, такъ какъ второе рулевое перо только на 2 или 5^{mm}. короче среднихъ; наружное рулевое тоже значительно длиннѣе, чѣмъ у даурскаго. Вершину крыла составляетъ III маховое перо, которое едва больше IV; V же значительно меньше IV и очень немногимъ (неболѣе 5^{mm}.) болѣе II. Такъ что *крыло значительно острѣе*, чѣмъ у даурскаго. По цвѣту же оба очень сходны во всѣхъ возрастахъ.

Сходство Романовской породы съ Карелинской заключается въ слѣдующемъ: величина приблизительно одинакова. Длина клюва и плюсны почти одна и таже. Форма крыльевъ и хвоста очень сходны. Общій цвѣтъ верхней стороны въ выцвѣтшемъ и обношенномъ нарядѣ очень схожъ, такъ что безъ сравненія экземпляровъ трудно ихъ различить. Различія же выражается весьма определенно въ слѣдующемъ: при одинаковой почти длинѣ у Романовской породы *клювъ толще; особенна толста нижняя челюсть*,

а киль ее весьма вытукль, — это одинъ изъ тонкихъ, но самыхъ надежныхъ признаковъ. Хвостъ у Романовской породы абсолютно длиннѣе (8,0^{с^{тм.}} — 8,4^{с^{тм.}}; у Карелинской — 7,8^{с^{тм.}} — 8,0^{с^{тм.}}); крылья тоже длиннѣе (9,0^{с^{тм.}} — 9,5^{с^{тм.}}; у Карелинской — 9,0^{с^{тм.}} — 9,2^{с^{тм.}}). Но оба послѣднія признака представляютъ слишкомъ измѣнчивыя, колеблющіяся величины, чтобы можно было рискнуть основать на нихъ видовое различіе формъ. Въ цвѣтныхъ признакахъ мы найдемъ больше устойчивости, но прежде чѣмъ указывать отличительныя черты ихъ опишемъ подробно Романовскую породу.

Старый самецъ въ свѣтлѣмъ опереніи, послѣ линянья. Голова *буровато-рыжая*, замѣтно отличается отъ свѣтлой-бурой спины. Черная полоса идущая черезъ глазъ къ основанію верхней челюсти смыкается здѣсь съ полосой противоположной стороны. *Широкая бѣлая полоса*, начинаясь сзади глаза, идетъ надъ черной полосой, окаймляетъ лобъ и рѣзко отдѣляется какъ отъ послѣдней, такъ и отъ буровато-рыжей шапки. Эта полоса сильно варьируетъ въ ширинѣ, но не исчезаетъ никогда, даже при самомъ изношенномъ опереніи. Надхвостье и верхнія кроющія перья хвоста чисто-рыжія. Хвостъ рыжій, съ примѣсью чернаго пигмента на конечной половинѣ. Наружныя рулевья имѣютъ снизу слабозамѣтныя бѣловатыя, конечныя каемки. Слѣдовъ поперечныхъ полосъ на хвостѣ не замѣтно. Нижняя сторона бѣлаго цвѣта, на горлѣ чистаго, на прочихъ частяхъ съ замѣтнымъ *палевымъ оттенкомъ*, какъ у *даурскаго сорокопута*. Нижнія кроющія крыльевъ бѣлаго цвѣта. Маховыя — темно-бурія. У основанія первыхъ маховыхъ *бѣлое пятно*. Маховыя второго разряда, плечевыя и кроющія крыла имѣютъ свѣтлыя каймы. Клювъ черный. Ноги и когти черно-бурія. Въ изношенномъ опереніи (т. е. весной и во время вывода дѣтей) спинная сторона принимаетъ сѣровато-бурый оттенокъ; а рыжій цвѣтъ на головѣ почти незамѣтенъ. Бѣлая полоса на лбу замѣтно ступевывается. Надхвостье и хвостъ блѣднѣютъ, отчего рыжій цвѣтъ выступаетъ ярче. Свѣтлыя каймы на вторыхъ маховыхъ, на плечевыхъ и кроющихъ крыла исче-

заютъ, вслѣдствіе обнаживанія. Маховыя перья становятся свѣтлѣе. Цвѣтъ нижней стороны *не измѣняется*.

Старая самка. Голова, спина и надхвостье одноцвѣтныя бурья. Лобъ опоясанъ узкой грязно-бѣлой полоской, простирающейся надъ глазами. Черной подглазной полосы нѣтъ, только перья прикрывающія ухо черно-бурья. Горло грязно-бѣлое, безъ пятенъ; на верху это бѣлое поле сливается съ бѣлой полоской, идущей отъ лба къ глазу. Вся остальная нижняя сторона грязная, палево-бѣлая. Зобъ и бока туловища съ поперечными бурными полосками. Верхнія кроющія хвоста рыжія; нижнія—грязно-бѣлыя. Хвостъ рыже-бурый, съ слѣдами поперечныхъ полосъ; крайнія перья имѣютъ снизу ясныя конечныя бѣлыя каймы. Окраска крыльевъ какъ у самца. Бѣлое зеркальце у основанія первыхъ маховыхъ ясно замѣтно. Клювъ и ноги темно-бурые.

Гнѣздовой нарядъ отличается отъ наряда старой самки тѣмъ, что перья всей верхней стороны отъ лба до надхвостья съ поперечными чернобурными полосками, а на концахъ перьевъ бѣловатая каемка; но основной цвѣтъ такой же бурый. Верхнія кроющія хвоста съ поперечными полосками. Хвостъ рыжий съ слабыми слѣдами полосатости и съ замѣтными бѣлыми конечными каемками на нижней сторонѣ крайнихъ рулевыхъ перьевъ. Клювъ и ноги свѣтло-бурые. Бѣлаго зеркальца на первыхъ маховыхъ нѣтъ. Каймы на крыловыхъ перьяхъ шире и свѣтлѣе. Полосатость нижней стороны сильнѣе.

Переходный нарядъ вполнѣ похожъ на нарядъ старой самки, только цвѣта не такъ ярки и чисты, и кое гдѣ остаются слѣды полосатости на верхней сторонѣ.

Молодые въ гнѣздовомъ и переходномъ нарядѣ по окраскѣ чрезвычайно сходны съ молодыми, соответствующаго возраста, даурскими сорокопутами, но форма клюва, крыльевъ и хвоста, а также относительная величина этихъ частей, даютъ возможность различать ихъ легко и точно.

Географическое распространеніе Романовской породы джунгарскаго сорокопута съ точностью опредѣлять въ настоящее время

весьма трудно. До сихъ поръ его встрѣчали: на Алтаѣ и Тарбагатаѣ, около Норъ-Зайсана, въ Джунгаріи (VII), на рѣчкахъ Аягузѣ (VIII, IX), Тентекѣ (VIII), Аѣ (VII), Биевѣ и Копалѣ (V, VI); на р. Цанмѣ, въ восточномъ Тянь-Шанѣ (VI); въ Чиназѣ (IV); около кишлака Кштута (VII), (см. каталогъ).

Такъ какъ почти во всѣхъ перечисленныхъ мѣстахъ Романовскаго сорокопуга встрѣчали въ гнѣздовое время, то область его гнѣздовья начинаясь на Алтаѣ, идетъ по Тарбагатау, Алатау до Тянь-Шаня включительно. Изъ мѣстонахожденій экземпляровъ видно, что эта птица во время гнѣздованья придерживается рѣчныхъ долинъ въ отрогахъ горъ и не встрѣчается на безводныхъ равнинахъ. Если этотъ сорокопугъ, какъ я предполагаю, есть *var. montana*, seu *ruficeps* Сѣверцова, то по наблюденіямъ его онъ «встрѣчается преимущественно въ тяньшаньскихъ кустахъ и лиственныхъ рощахъ у горныхъ рѣкъ, до высоты 2500^м;» — «въ садахъ культурной полосы, также въ кустарникахъ Каратау»; «за то внизу, на Сыръ-Дарьѣ у Перовска не найдены»; «на весеннемъ пролетѣ въ Ташкентѣ и Чимкентѣ». (1873. op. cit. p. 145). Ни въ Кызылъ-кумахъ, ни на Аму-Дарьѣ даже на пролетѣ онъ мнѣ не попадался. Все это приводитъ къ заключенію, что этотъ сорокопугъ придерживается, подобно *O. phoenicurga*, кустарниковъ и рощъ, по долинамъ горныхъ рѣчекъ. Интересно будетъ прослѣдить его на востокъ отъ Алтая, въ Саянскихъ горахъ, гдѣ вѣроятно онъ сталкивается съ даурскимъ сорокопугомъ. Но вообще, повидимому, область этой породы очень ограничена. Кажется эту птицу встрѣчали Юмъ и Гендерсонъ въ Кашгарѣ. Вальденъ срисовалъ своего *L. isabellinus* съ экземпляра убитаго въ Гайдерабадѣ. Онъ упоминаетъ о другомъ экземплярѣ убитомъ около Багдада, но этой ли породы трудно рѣшить. Наконецъ Гердонъ сообщаетъ, что *L. isabellinus* сходный съ рисункомъ Вальдена, находится въ Синдѣ и вѣроятно доходитъ до Пенджаба; описаніе Гердона не оставляетъ сомнѣнія, что это настоящій *O. phoenicuroides Romanowi*.

Нравы, образъ жизни, пища, способы ея добыванія, время

и мѣсто гнѣздованія и вообще все касающееся размноженія этой птицы абсолютно неизвѣстно. Понятно, что съ такими званіями мудрено рѣшительно сказать видъ это, или порода?

β. Subsp. *Karelini*.

Черты сходства и различія Карелинской породы съ предъидущей уже указаны выше. По этому опишемъ подробно наряды различныхъ возрастовъ этого сорокопута.

Старый самецъ въ свѣжешъ перѣ (послѣ линьки, въ половинѣ Августа). Голова и спина *одноцвѣтныя бурья*, съ слабымъ сѣроватымъ оттѣнкомъ (почти такого цвѣта какъ спина у Романовской породы). Лобъ опоясанъ *очень узкой бѣлой* полоской, идущей надъ глазами и расширяющейся позади ихъ. Отъ основанія клюва идетъ, подъ глазомъ, черная полоска, расширяющаяся на ухѣ. Нижняя сторона вся бѣлая съ слабымъ *розовымъ* оттѣнкомъ (розовый оттѣнокъ чистъ и нѣтъ той желтизны, какъ у Романовской породы и у даурскаго сорокопута), усиливающимся на бокахъ туловища и подъ крыльями. Надхвостье и верхнія кроющія хвоста рыжія. Хвостъ ярко-рыжій, съ слабымъ бурымъ налетомъ. Перья крыла черно-бурья; заднія маховыя, плечевыя и всѣ кроющія крыла съ широкими свѣтлыми, рыжеватыми каймами. На концахъ первыхъ маховыхъ узкая бѣлая каемка, а у основанія ихъ *блѣое зеркальце*. Клювъ небольшой, тонкій, *черно-бурый*, у основанія обѣихъ челюстей свѣтлый. Ноги и когти чернобурые.

Къ веснѣ цвѣтъ значительно измѣняется. Вся верхняя сторона становится буровато-сѣрой. Каймы на крыловыхъ перьяхъ обнашиваются и исчезаютъ. Бурый пигментъ исчезаетъ на хвостѣ, который становится чисто-рыжимъ. Розовый налетъ хотя сохраняется на нижней сторонѣ, но блѣднѣетъ. Клювъ *чернѣетъ* ¹⁾.

¹⁾ Изображенный на табл. I фиг. 3, экземпляръ особенно выдѣляется изъ ряда другихъ по очень сильному преобладанію сѣраго оттѣнка на верхней сторонѣ; почему я и взялъ его какъ типъ этого вида.

Во время брачной жизни (Май и Июнь) оперение сильно изнашивается и птица становится еще сѣрѣе и свѣтлѣе. Въ Июлѣ идетъ линянье, кончающееся въ половинѣ Августа, а маховыя перья продолжаютъ смѣняться новыми даже во второй половинѣ Августа.

Старая самка. Сверху одноцвѣтная сѣровато-бурая. Надхвостье и верхнія кроющія хвоста рыжія. Бѣлая полоса опоясывающая лобъ и проходящая надъ глазами едва примѣтна. Въмѣсто черной полосы, только темно-бурое пятно на ушныхъ перьяхъ. Нижняя сторона розовато-бѣлая; зобъ и бока туловища съ бурными поперечными полосками; бока, кромѣ того, съ рыжеватымъ или буланымъ оттѣнкомъ. Зеркальце на перьяхъ маховыхъ меньше, чѣмъ у самца. Хвостъ буро-рыжеватый съ слабыми слѣдами полосатости и съ бѣловатой конечной каемкой почти на всѣхъ перьяхъ.

Къ веснѣ послѣдствія обнашивания и выпцвѣтанія перьевъ совершенно тѣ же, что у самца. Верхняя сторона сѣрѣетъ, на нижней бѣлый цвѣтъ выступаетъ рѣзче, а буланый оттѣнокъ переходитъ въ розовый; хвостъ становится чисто рыжимъ и конечныя каемки исчезаютъ, также какъ каемки на крыловыхъ перьяхъ.

Гнѣздовой и переходный наряды. Разсматривая коллекцію экземпляровъ убитыхъ въ концѣ Мая, въ Июлѣ, Августѣ, Сентябрѣ, и въ началѣ Ноября, я прихожу къ заключенію, что гнѣздовой нарядъ замѣняется переходнымъ очень скоро, — раньше, чѣмъ птица достигнетъ полнаго роста; такъ какъ въ этой коллекціи нѣтъ ни одного экземпляра въ полномъ гнѣздовомъ нарядѣ; у всѣхъ спина покрыта уже одноцвѣтными сѣро-бурыми перьями переходнаго наряда; и только одиночныя, еще невыпавшія, перья, украшенныя поперечными чернобурими полосками, указываютъ, что въ гнѣздовомъ нарядѣ спина была полосата. Однако у всѣхъ экземпляровъ полосатость сохранилась на головѣ; но чѣмъ позже убита птица, тѣмъ меньше на головѣ полосатыхъ перьевъ. Надхвостье рыжеватое съ слѣдами черныхъ поперечныхъ поло-

сокъ, и бѣловатыхъ конечныхъ каемокъ. Горло, середина брюха и нижнія кроющія хвоста одноцвѣтныя, грязно-бѣлая, съ рыжеватымъ оттѣнкомъ, безъ полосокъ. Бока шеи и туловища, зобъ и грудь усѣяны многочисленными бурыми поперечными полосками; но степень полосатости сильно измѣнчива. Хвостъ буровато-рыжій, съ очень слабыми признаками полосатости; среднія перья бурѣе и темнѣе крайнихъ, даже съ примѣсю чернобураго. Крылья такого же цвѣта, какъ у взрослыхъ, но каймы шире и всѣ цвѣта тусклѣе и свѣтлѣе. У большинства нѣтъ и слѣдовъ бѣлаго зеркальца; но у нѣкоторыхъ экземпляровъ (самцовъ) зеркальце ясно замѣтно.

Географическое распространеніе Карелинскаго сорокопута тоже съ точностью опредѣлить трудновато. По видимому, эта птица предпочитаетъ равнины горамъ. Н. А. Сѣверцовъ сообщаетъ о ней слѣдующее: «низовые (т. е. *v. caniceps*) найдены въ джидѣ и колючкѣ у Сыръ-Дарьи, Или, Лепсы, ниже 300^м»; «въ садахъ культурной полосы, также въ кустарникахъ Каратау, найдены обѣ породы»; «но и высоко въ горахъ встрѣчаются не только переходные экземпляры, но даже совсѣмъ сѣросинные и сѣроголовые, т. е. по цвѣту низовые» ¹⁾. Въ таблицѣ, приложенной въ этому сочиненію, *L. phoenicurus* (т. е. *phoenicuroides*), безъ различія породъ, показанъ гнѣздящимся во всѣхъ областяхъ горизонтальнаго распространенія т. е. отъ Алатау и Копала, по западнымъ частямъ Тянь-Шаня, до бассейна Зарявшана; въ вертикальномъ распространеніи этотъ видъ показанъ гнѣздящимся начиная съ низменныхъ равнинъ до горнаго лѣснаго пояса включительно, т. е. отъ 200^м—2500^м ²⁾. Вѣроятно приведенныя свѣдѣнія были впоследствии признаны Н. А. Сѣверцовымъ не точными, такъ какъ въ переводѣ его сочиненія *var. canescens* показанъ гнѣздящимся только въ III области горизонтальнаго распространенія, которую авторъ ограничиваетъ слѣдующими мѣстностями: Каратау, западный Тянь-Шань близъ истоковъ

¹⁾ Сѣверцовъ. Верг. и гор. распр. турк. жив. 1878. р. 145.

²⁾ I. cit. p. 67.

рѣкъ Арыса, Келеса, Чирчика и ихъ притоковъ, нижнее теченіе Сырь-Дарьи отъ устья Арыса до Аральскаго моря; а въ этой области гнѣздовье низовой породы ограничивается равнинами и вообще нижнимъ поясомъ до 300^м ¹⁾). О находкахъ этой птицы на р. Или и Лепсѣ, авторъ болѣе не упоминаетъ. Очевидно онъ призналъ прежнія наблюденія сомнительными. Объясненія этому въ переводѣ сочиненія г. Сѣверцова нѣтъ; поправка же, какъ увидимъ, неосновательна. Кромѣ Сырь-Дарьи, откуда впервые получилъ эту птицу Эверсманъ, она найдена въ слѣдующихъ мѣстностяхъ ²⁾: на западномъ берегу Аральскаго моря (VII); на низовьяхъ Аму-Дарьи до Акъ-Камыша (VI, VII, VIII, IX и начало X—Богдановъ); на оз. Искандеръ-Куль (VIII); на рѣкахъ Или и Кунгесѣ, въ Кульджинскомъ округѣ (VIII—Пржевальскій); въ Джунгаріи (Карелинъ; V—Романовъ); и наконецъ на р. Кранѣ, притокѣ Чернаго Иртыша (VIII—Березовскій). Изъ этихъ данныхъ видно, что Карелинская порода, встрѣчаясь въ однихъ мѣстахъ съ Романовской, на западѣ распространилась, далеко за предѣлы послѣдней, по долинамъ рѣкъ Сырь-Дарьи и Аму-Дарьи, до западныхъ береговъ Арала.

Образъ жизни, нравы, явленія брачной и семейной жизни этаго сорокопута совершенно неизвѣстны. Я встрѣчалъ его по джидовникамъ и гребенщикамъ въ долинѣ Аму-Дарьи, но жизнь и привычки прослѣдить не удалось.

Сопоставляя описаніе этихъ двухъ сорокопутовъ легко убѣдиться, что въ пластическихъ признакахъ и окраскѣ ихъ много сходства, но есть также различія. Различія эти мелки, тонки, но не лишены постоянства. Пластическіе признаки, какъ показываетъ таблица размѣровъ, подвержены сильнымъ измѣненіямъ, и, не смотря на значительное число экземпляровъ, нельзя поручиться, что предѣлы этихъ измѣненій найдены. Изъ всѣхъ пластическихъ признаковъ наиболѣе надежный для различія формъ—

¹⁾ Sewerzow. Jour. f. Orn. 1875. p. 179.

²⁾ См. каталогъ.

есть толщина клюва и форма кия нижней челюсти; но этотъ признакъ уловимъ только при сравненіи экземпляровъ. Въ цвѣтныхъ признакахъ различія гораздо рѣзче и опредѣленнѣе: рыжіи цвѣтъ головы и окраска нижней стороны у Романовскаго сорокопута, могутъ служить абсолютными признаками для отличія его отъ Карелинскаго. Но Н. А. Сѣверцовъ указываетъ на то, что есть переходныя формы, что приводитъ его къ убѣжденію, что породы еще невыдѣлились и необособились окончательно. Я не видалъ оригиналовъ которые привели его къ такому заключенію и вообще не знаю, что онъ обозначаетъ породой *montana s. ruficeps*. Но могу сказать положительно, что въ изслѣдованной мной коллекціи есть двѣ формы, съ указанными выше признаками, которыя я всегда могъ бы различить, во всякомъ возрастѣ и при любомъ состояніи оперенія; *никакихъ переходовъ между ними мной не найдено*. Между сырѣ-дарьинскими экземплярами есть впрочемъ сѣрые съ бурой головой; но это отнюдь не переходныя формы; эти экземпляры убиты во время линянья, — на головѣ ихъ перья свѣжія, бурая, а на спинѣ старыя, изношенныя, почти сѣрыя, отчего голова и кажется буро-рыжей. У самцовъ различія рѣзче, у самокъ и молодыхъ слабѣе, но различія существуютъ постоянно во всѣхъ возрастахъ. Сходство молодыхъ очень велико, но вообще молодые Карелинской формы свѣтлѣе, сѣрѣе, а каемки на крыловыхъ перьяхъ бѣловатѣе. Розоватый отгѣнокъ нижней стороны во всѣхъ возрастахъ есть очень постоянный и характерный признакъ этой формы. Но не имѣя биологическихъ данныхъ я всетаки пока не рѣшусь принять ихъ за самостоятельные виды, хотя почти убѣжденъ въ этомъ.

3. OTOMELA I SABELLINA Hempr. et Ehrb. БУЛАННЫЙ СОРОКОПУТЬ.

Таб. I. ♀ 4. ♂ ad. (typ.), ♀ 5. ♂ ad. (orientalis).

Diagn. Similis praecedenti, sed differt statura majore; cauda longiore et plus minusve rotundata; rectricibus latioribus; fascia alba frontali et superciliari nulla; gastraeo intensius colorato.

Mas. ad. supra laete cinerascens-fuscus rufo tinctus; fronte et superciliis pallidioribus. Uropygio, cauda ejusque tectricibus laete rufis. Gastraeo toto dilute rosaceo-rufescente. Alis fuliginosis, speculo albo majore. Rostro nigro. Pedibus nigro-fuscis.

Fem. ad. mari similis, sed differt coloribus dilutioribus et sordidioribus. Speculo minore et fascia parotideae fusca.

β. var. major Bogd. et Przew.

Typico admodum similis, sed major alisque acutioribus.

γ. var. orientalis Bogd. (*speculigera* Tacz.)

Typico admodum similis, sed alis nigrofuscis; utrinque fascia parotideae nigra usque ad rostri basin porrecta; setis, nares tegentibus, nigris; speculo minore.

1829. *Lanius isabellinus*. Hemprich et Ehrenberg. Symb. phys. I fol. note.

Synon.

1846. *Lanius arenarius*. Blyth. Jour. As. S. B. XV. p. 304.

1850. *Lanius isabellinus*. Strickland. Proc. Z. S. p. 217.

1852. *Lanius phoenicurus*. Brandt. Beitr. zur Kenntn. des Russ. Reichs. Bd. XVII. p. 319.

1853. *Otomela arenarius*. Bonaparte. Revue et Mag. de Zool. p. 437.

1854. *Lanius ruficaudus*. Brehm. Jour. f. Orn. p. 75.

1862. *Lanius arenarius*. Blyth. Ibis. p. 388.

1867. *Lanius arenarius*. Walden. Ibis. p. 223.

1871. *Lanius isabellinus*. Heuglin. Orn. N.-O. Africa's. I. p. 476 et CXIV.

1872. *Lanius arenarius*. Jerdon. Ibis. p. 115.

1873. *Lanius arenarius*. Allen Hume. Stray Feathers. I. p. 174.
1873. *Lanius isabellinus*. Сѣверцовъ. Верт. и гор. распр. турк. жив. Изв. И. О. люб. ест. А. и Э. т. VIII. в. 2 p. 24, 67, 144, 145.
1873. *Lanius arenarius*. Hayer Lloyd. Ibis. p. 398, 401.
1873. *Lanius isabellinus*. Sewerzow. Jour. f. Orn. p. 348 et 366.
1873. *Lanius arenarius*. Henderson and Hume. Lahore to Yarkand. p. 183. Pl. III.
1874. *Lanius speculigerus*. Taczanowski. Jour. f. Orn. p. 322.
1875. *Enneoctonus isabellinus*. Sewerzow. Jour. f. Orn. p. 179.
1875. *Otomela arenaria*. Schalow. Jour. f. Orn. p. 143.
1875. *Otomela isabellina*. Schalow. Jour. f. Orn. p. 145.
1875. *Otomela speculigera*. Schalow. Jour. f. Orn. p. 150.
1876. *Lanius isabellinus*. Blanford. Eastern Persia. II. p. 139.
1876. *Otomela speculigera*. Taczanowski. Jour. de la S. Z. de Fr. p. 166.
1876. *Lanius arenarius*. Пржевальскій. Монг. и стр. танг. II. p. 70, 168.
1876. *Lanius arenarius*. Scully. Stray Feathers. IV. p. 39, 90, 92, 96, 99, 105—108, 135, 137—139.
1876. *Lanius isabellinus*. Dresser (ap. Sewerzow). Ibis. p. 185.
1877. *Lanius arenarius*. Finsch. Ibis. p. 52.
1877. *Otomela isabellina*. Schalow. Ibis. p. 398 (note).
1877. *Otomela speculigera*. Тачановскій. Крит. обзоръ орнит. фауны вост. Сибири. Тр. V. съѣзда рус. ест. въ Варшавѣ. p.
1877. *Lanius arenarius*. Butler. Stray Feathers. V. p. 228.
1878. *Otomela speculigera*. Taczanowski. Bull. de la Soc. Z. de Fr. p. 42.
1878. *Otomela isabellina*. Taczanowski. Bull. de la S. Z. de Fr. p. 44

Рисунки: Henderson and Hume. 1873. op. cit. pl. III.

Участь буланаго сорокопута не лучше той, которую испытали его сородичи. Не смотря на рѣзко выраженный типъ, этотъ видъ еще не установленъ вполне въ литературѣ. Приведенная синонимія показываетъ, что до послѣдняго времени орнитологи не согласились еще въ томъ, что *O. isabellina* Н. et Е. и *O. arenaria* Blyth есть одна и та же птица.

Въ предѣлахъ Россіи буланный сорокопутъ былъ найденъ въ первый разъ А. Леманомъ (1842) въ Бухарѣ и опредѣленъ Ак.

Брандтомъ за *L. phoenicurus* Pall. (ор. cit. 1852). Въ слѣдующемъ году его нашелъ въ Джунгаріи Г. С. Карелинъ, принявшій его тоже за *L. phoenicurus* Pall. Въ послѣдствіи буланого сорокопута нашелъ въ Туркестанѣ Н. А. Сѣверцовъ, которымъ онъ опредѣленъ за *саксаульную*, выдѣливающуюся, породу *L. phoenicurus* Pall., и описанъ имъ подъ именемъ *L. isabellinus* (ор. cit. 1873 р. 144). Въ 1873 и 1874 годахъ я нашелъ эту птицу на Аму-Дарьѣ. Въ тоже время В. К. Тачановскій описалъ новый видъ *L. speculigerus*, открытый В. И. Дыбовскимъ на р. Аргуни, въ восточной Сибири. Этотъ послѣдній весьма близокъ къ *O. isabellina*, какъ это показалось Н. А. Сѣверцову при сличеніи туркестанскихъ экземпляровъ съ аргунскими; приводя такое мнѣніе Сѣверцова, Тачановскій старается тщательно доказать видовую самостоятельность *O. speculigera* (ор. cit. 1876 р. 166). Г. Шаловъ въ своей монографіи описываетъ *O. arenaria*, *O. isabellina* и *O. speculigera*, какъ отдѣльные, самостоятельные виды. Вальденъ въ своей монографіи помѣстилъ только *L. arenarius*; а въ заключеніи статьи приводитъ замѣтку о *L. isabellinus* Н. et E., въ которой такая путаница, что трудно чтонибудь понять; подъ именемъ *L. isabellinus* онъ изобразилъ настоящаго *O. phoenicuroides Romanowi* со всѣми его типическими признаками (ор. cit. 1867. Pl. V. f. 1.). Чтобъ ориентироваться во всемъ этомъ оставалась одно средство—сравнительное изученіе оригинальныхъ экземпляровъ, что мною и сдѣлано, на сколько оказалось возможнымъ.

Въ Берлинскомъ музеѣ я нашелъ оригинальные экземпляры *L. isabellinus* Н. et E., одинъ экземпляръ изъ той же коллекціи въ Вѣнскомъ музеѣ, и одинъ, тоже оригиналъ Гемприха и Эренберга, въ музеѣ Имп. Спб. Академіи Наукъ. Всѣ эти экземпляры оказались совершенно сходными съ собранными мной на Аму-Дарьѣ. Экземпляры *L. arenarius* Blyth. изъ Даржилинга (отъ Андерсона, въ Берлинскомъ музеѣ) и изъ Индіи (отъ Бойера—въ Вѣнскомъ музеѣ), изъ которыхъ первый описанъ г. Шаловымъ, убѣдили меня, что этотъ видъ совершенно тождественъ

съ *O. isabellina* H. et E.; *L. arenarius* установленъ неправильно, по отсутствію экземпляровъ Эренберговской колекціи для сравненія, и установленъ по экземплярамъ въ выцвѣтшемъ опереніи; отчего и произошла разница въ описаніи цвѣтныхъ признаковъ, породившая разногласія въ литературѣ. Рисунокъ *L. arenarius* Blyth. приложенный къ сочиненію Юма и Гендерсона (op. cit. Pl. III.), сдѣланный по экземпляру въ свѣжемъ перѣ, уничтожаетъ послѣднія сомнѣнія въ тождествѣ обоихъ видовъ. При сравненіи *L. arenarius* изъ Даржилинга съ *L. ruficaudus* Brehm., изъ Аравіи (въ Берлинскомъ музеѣ) я не нашелъ между ними тоже никакихъ различій. Стриклендъ, разбирая сходство этихъ видовъ, замѣчаетъ, что *L. arenarius* Blyth. отличается присутствіемъ зеркала, а *L. isabellinus* изъ Кордофана — темными поперечными полосками на концахъ рулевыхъ перьевъ (op. cit. 1850. p. 217). Алленъ Юмъ, сравнивъ описанія Бляйта и Стрикленда съ индійскими экземплярами, очень обстоятельно доказалъ тождество обоихъ видовъ, указывая на то, что разница въ описаніяхъ у этихъ авторовъ произошла оттого, что Бляйтъ имѣлъ выцвѣтшіе, обношенныя экземпляры, а Стриклендъ — свѣжіе. Странно только то, что Юмъ не замѣтилъ ошибки рисунка Вальдена и приписываетъ разницу, этого рисунка и экземпляровъ бывшихъ у него, измѣнчивости вида (op. cit. 1873. p. 174). Бленфордъ, имѣвшій случай сравнить хорошую собственную колекцію экземпляровъ *O. isabellina* изъ Персіи съ экземплярами колекцій Вальдена и Дрессера, изъ Пенджаба и Туркестана, приходитъ къ заключенію, что *O. arenaria* Blyth. есть *O. isabellina* H. et E.; но странно то, что и онъ, подобно Юму, не замѣчаетъ ошибки въ рисункѣ Вальдена (op. cit. 1867 Pl. V. f. 1.) и относитъ разницу его отъ экземпляровъ *O. isabellina* тоже къ измѣнчивости вида (op. cit. 1876).

Въ музеѣ Имп. Спб. Академіи Наукъ при началѣ своихъ изслѣдованій я нашелъ небольшую колекцію — одинъ экз. изъ Берлина, три — изъ Арало-Каспійскаго края и Джунгаріи и одинъ изъ Персіи, — которые при сравненіи съ амударьинскими (уже срав-

ненными съ оригиналами Берлинскаго музея) оказались настоящими *O. isabellina* Н. et Е. Экземпляровъ Сѣверцова я не видалъ, но описаніе данное имъ устраняетъ всякое сомнѣніе въ точности опредѣленія вида ¹⁾. Кромѣ того въ томъ же музееъ есть старый ♂ изъ Ала-шаня и молодой ♂, въ гнѣздовомъ нарядѣ, изъ Ордоса, привезенные Н. М. Пржевальскимъ (опредѣленные имъ—первый за *L. arenarius* Blyth., второй за *L. phoenicurus* Pall.). Этаго матеріала было достаточно, чтобъ убѣдиться окончательно въ тождествѣ *O. isabellina* Н. et Е. и *O. arenaria* Blyth. Оставалось опредѣлить, что такое *O. speculigera* Tacz. Короткій срокъ моего пребыванія въ Варшавѣ и отсутствіе матеріаловъ для сравненія не позволили разъяснить этотъ вопросъ; поэтому я очень обязанъ В. К. Тачановскому, приславшему мнѣ, для сравненія, оригинальные экземпляры ♂ и ♀, установленнаго имъ вида. Въ послѣднее время музей И. Академіи Наукъ обогатился двумя превосходными коллекціями: Н. М. Пржевальскаго и В. Ф. Руссова, въ которыхъ нашлось не мало экземпляровъ *O. isabellina*, разширившихъ и подтвердившихъ результаты моихъ изслѣдованій надъ этимъ видомъ.

Прежде всего попытаюсь разъяснить, что такое *O. speculigera* Tacz. Полученные отъ В. К. Тачановскаго оригиналы ♂ и ♀ оказались въ *весеннемъ, выщептшемъ и обнѣшенномъ опереніи*. Вслѣдствіе чего при сравненія ихъ съ арало-каспійскими экземплярами въ *сѣтжемъ* опереніи оказалась весьма незначительная разница въ цвѣтѣ. Алашанскій экземпляръ, тоже весенній, оказался тождественнымъ съ оригиналами *O. speculigera*. Недовольствуясь этимъ, я сравнилъ съ оригиналами г. Тачановскаго и провѣрилъ по его описаніямъ всю имѣвшуюся подъ руками коллекцію; сравнилъ признакъ за признакомъ до мельчайшихъ подробностей. Результатъ вышелъ слѣдующій: В. К. Тачановскій въ описаніи своемъ (op. cit. 1876. p. 166.) говоритъ: «клювъ

¹⁾ op. cit. 1873. p. 144 и 145. Кромѣ того въ некоторые экземпляры г. Сѣверцова сравнены Бленфордомъ съ персидскими (Blanford. op. cit. 1876, p. 140) и описаны также весьма подробно В. К. Тачановскимъ (op. cit. 1878).

даурской птицы, какъ уже замѣтилъ Шаловъ, болѣе походить на клювъ *L. phoenicuroides*, чѣмъ на *L. isabellinus*. Сравненіе сдѣланное мной не подтверждаетъ этого; крайне ничтожная разница въ клювъ даурскихъ и аралокаспійскихъ экземпляровъ теряетъ всякое діагностическое значеніе въ виду болѣе значительной индивидуальной измѣчивости клюва въ каждомъ видѣ.

«Бѣлое зеркальце на крыльяхъ у *O. speculigera* значительно больше и почти одинаково у обоихъ половъ, тогда какъ у многочисленныхъ экземпляровъ, которые я видѣлъ въ коллекціи г. Сѣверцова, это зеркальце едва замѣтно у самцовъ и совершенно покрыто большими кроющими перьями у самокъ». — Я измѣрилъ величину видимаго зеркальца у всѣхъ экземпляровъ, изученныхъ мной, и убѣдился, что во первыхъ, величина эта очень измѣчива даже у особой изъ одной и той же мѣстности и убитыхъ одновременно; во вторыхъ, у оригиналовъ г. Тачановскаго, зеркальце не только не больше, но даже меньше, чѣмъ у многихъ настоящихъ *O. isabellina*; наконецъ, одно и то же зеркальце можно измѣрить много разъ и получить столько же различныхъ величинъ. Слѣдовательно и этотъ діагностическій признакъ, на основаніи котораго именно и дано названіе виду, — вполнѣ не состоятеленъ.

«Большая черная полоса тянется дальше глаза къ основанію клюва и продолжается узкимъ кантомъ по краю лба; тогда какъ у туркестанской формы находится передъ глазомъ только черное пятнышко не продолжающееся до основанія клюва». — Не совсѣмъ точно; у даурскаго (оригинала) и алашаньскаго самцовъ черная уздечка дѣйствительно идетъ отъ глаза къ верхней половинкѣ клюва, но не окаймляетъ лба сплошь, а, недоходя до хребта клюва, кончается черными волосовидными перышками, покрывающими ноздри. У туркестанскихъ и лобъ-норскихъ черная уздечка весьма измѣчива: у однихъ только черное пятнышко впереди глаза; у другихъ полная уздечка между глазами и клювомъ, но не столь широка какъ у восточныхъ и волосовидныя перышки, покрывающія ноздри, а также ближайшія къ нимъ перья, всегда левеаго чета. У массы изслѣдованныхъ мной туркестанскихъ экземпля-

ровъ признакъ этотъ очень измѣнчивъ; у очень немногихъ изслѣдованныхъ восточно-азиатскихъ онъ болѣе постояненъ. Спрашивается можно ли полагаться на это постоянство и признать тутъ видовое различіе?

«Среднія перья хвоста рыжія, того же цвѣта какъ остальные; у туркестанской два среднія съ буроватымъ оттѣнкомъ на всемъ протяженіи». Простой недосмотръ. У всѣхъ экземпляровъ въ весенномъ перѣ, выпцвѣтшемъ и обношенномъ, откуда бы они не были, — среднія рулевья одинаковато цвѣта съ остальными; у осеннихъ экземпляровъ, въ свѣжемъ перѣ, послѣ линьки, вообще хвостъ темнѣе, а два среднія рулевья темнѣе остальныхъ и съ буроватымъ оттѣнкомъ.

«Наконецъ, окраска нижней стороны имѣетъ розовый оттѣнокъ, тогда какъ у туркестанскихъ рыжіей.» У всѣхъ весеннихъ экземпляровъ, откуда бы они ни были, нижняя сторона становится свѣтлѣе и розоватѣе, *отъ выцветанія* (ни малѣйшей разницы между даурскими и туркестанскими вѣтъ); у осеннихъ окраска гуще, интенсивнѣе и рыжѣе. Ни въ формѣ и величинѣ клюва, ни въ формѣ крыльевъ и хвоста, словомъ во всѣхъ пластическихъ признакахъ, я ни малѣйшей разницы не нашелъ; не упоминаетъ о ней и г. Тачановскій. Одно только замѣчено мной, о чемъ говорится также въ послѣднемъ описаніи Тачановскаго (op. cit. 1878 p. 40, 41), — у восточно-монгольскихъ маховья перья и большія кроющія крыльцевъ *черно-бурыя*, а у западныхъ они *бурыя*. т. е. свѣтлѣе, чѣмъ у первыхъ; но разница крайне ничтожна. И такъ осталось два признака для отличія *O. sphenogaster*: *большее развитіе черной уздечки и черныя волосовидныя перышки*, покрывающія ноздри, и *болѣе темный цвѣтъ крыльцевъ*. Несравненно большее число постоянныхъ признаковъ, различающихъ двѣ формы *O. phoenicuroides*, показали мнѣ недостаточнымъ для раздѣленія ихъ на два вида; по этому у *O. isabellina* можно отличить, и то условно, лишь двѣ мѣстныя разновидности или возникающія, но еще не обособившіяся, породы. Къ тому же ни г. Тачановскій, ни я не имѣли пока осеннихъ экземпляровъ

восточной разновидности. Оставляя за ней имя *speculigera* считая неосновательнымъ, такъ какъ она вовсе не отличается бѣльшимъ размѣромъ зеркалаца.

Въ концѣ концовъ я прихожу къ тому заключенію; что *O. isabellina* Н. Е. = *O. arenaria* Blyth. = *O. speculigera* Tacz. есть одинъ, нераздѣльный видъ, отличный отъ всѣхъ остальныхъ, ближайшій къ *O. phoenicuroides* Karelini nov. и послѣдній членъ во всемъ ряду формъ *Otomela*; о чемъ скажу ниже.

На восточной окраинѣ своей области *O. isabellina* начинаетъ измѣняться, именно крылья темнѣютъ и черная уздечка расширяется. Кромѣ того Н. М. Пржевальскій привезъ съ р. Тарима два экземпляра самцовъ, убитыхъ въ Мартѣ, которые перо въ перо схожи окраской, а также формами, съ остальными типичными экземплярами убитыми одновременно въ той же странѣ, въ Туркестанѣ и въ Арало-Каспійской области, но отличаются рѣзко большимъ ростомъ и большими размѣрами плюсны, крыльевъ и хвоста, также немного болѣе заостренными крыльями (3-е перо самое длинное), — т. е. признаками болѣе замѣтными, чѣмъ тѣ которые отличаютъ *speculigera* отъ *isabellina*; — мы изслѣдовали эти экземпляры вмѣстѣ съ Н. М. Пржевальскимъ и не признали возможнымъ обозначить ихъ болѣе, чѣмъ простой var. *major*.

Старый самецъ, осенью, послѣ линянья. Сверху глинистаго, свѣтлаго, сѣровато-бураго цвѣта, съ рыжеватымъ отгѣнкомъ. На лбу этотъ цвѣтъ нѣсколько свѣтлѣе и желтоватѣе. Бѣлой полосы опоясывающей лобъ нѣтъ и слѣда; только надъ черной уздечкой перья свѣтлѣе головы и особенно пятно за глазомъ. Подглазная полоса черная, у однихъ идетъ впередъ до основанія клюва, у другихъ такой черной уздечки нѣтъ, а вмѣсто нее только черноватое пятно передъ глазомъ. Надхвостье и хвостъ чисто-рыжія; два среднія рулевые съ буроватымъ отгѣнкомъ. Нижняя сторона вся свѣтлаго, розовато-рыжаго цвѣта. Крылья черно-бурыя. На первыхъ маховыхъ у основанія бѣлое зеркальце, весьма измѣнчивыхъ размѣровъ, но больше чѣмъ у другихъ *Otomela*. Всѣ

крыловыя перья съ свѣтлыми рыжеватыми каемками, которыя на первыхъ маховыхъ узки и неясны. Мелкія кроющія крыла и плечевыя такого же цвѣта какъ спина. Клювъ черный. Ноги чернобурыя.

Къ веснѣ, отъ выпцвѣтанія и обнашиванія, перья верхней стороны блѣднѣютъ и принимаютъ сѣроватый оттѣнокъ; а на нижней сторонѣ — розоватый, но все еще интенсивный, оттѣнокъ. Каемки на крыловыхъ перьяхъ обнашиваются и чернобурый цвѣтъ перьевъ переходитъ въ бурый. Хвостъ блѣднѣетъ и дѣлается одноцвѣтнымъ рижимъ.

Старая самка отличается отъ самца отсутствіемъ черной подглазной полосы, вмѣсто которой только продолговатое бурое пятно позади глаза. Цвѣта спинной и брюшной стороны грязнѣе, и не такъ интенсивны. Зеркальце на крыльяхъ меньше и у нѣкоторыхъ прикрыто кроющими перьями. Поперечныхъ полосъ на нижней сторонѣ нѣтъ. Клювъ и ноги чернобурыя.

Къ веснѣ самка обнашивается и выпцвѣтаетъ также какъ самецъ, но окраска остается такой же тусклой и грязной. Вообще надо замѣтить, что у буланаго сорокопута перья не обнашиваются и цвѣтъ ихъ не измѣняется въ такой степени какъ это бываетъ у обѣихъ породъ джунгарскаго сорокопута.

Переходный нарядъ похожъ на нарядъ старой самки, но свѣтлѣе, тусклѣе и отличается тѣмъ, что боковыя части шеи, зобъ и бока туловища усѣяны темными поперечными полосками; у самцовъ этихъ полосокъ меньше, у самокъ больше. Подглазная полоса у самцовъ черновато-бурая. Слѣды полосатости замѣтны также на головѣ и надхвостѣ. Хвостъ рижій съ слѣдами полосатости. Зеркальце у нѣкоторыхъ есть, у другихъ вовсе нѣтъ; у самцовъ бываетъ чаще чѣмъ у самокъ; но вообще мало, прикрыто кроющими, и нечистаго бѣлаго цвѣта. Клювъ и ноги бурые.

Гнѣздовой нарядъ еще свѣтлѣе переходнаго; сверху грязно-сѣровато-бурый. Всѣ перья съ бурыми и грязно-бѣловатыми широкими поперечными полосками. Надхвостье свѣтло-рыжее,

слабо полосатое. Хвостъ и нижняя сторона какъ въ переходномъ нарядѣ. Зеркальца нѣтъ. Клювъ свѣтло-буроватый. Ноги тоже.

Изъ другихъ *Otomela*, какъ сказано уже, этотъ сорокопутьъ всего ближе по окраскѣ и пластическимъ признакамъ къ Карелинской породѣ джунгарскаго сорокопута; но легко отличается отъ него: бѣльшимъ ростомъ; болѣе длиннымъ и закругленнымъ хвостомъ, съ широкими рулевыми перьями; отсутствіемъ чисто-бѣлой надглазной полосы, окаймляющей лобъ; равномерной и густой розовато-рыжей окраской нижней стороны; болѣе свѣтлой и болѣе рыжеватой окраской верхней стороны. Молодые обонхъ видовъ тоже сходны, но различаются сразу многими изъ указанныхъ признаковъ.

Географическое распространіе. Въ предѣлахъ Россіи буланаго сорокопута наблюдали въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ Джунгаріи (Карелинъ); въ Киргизской степи (вѣроятно въ Каракумахъ или на Сырь-Дарьѣ—Скорняковъ); подъ Чимкентомъ и Ташкентомъ, на пролетѣ (Февраль, Мартъ—Сѣверцовъ); около Аулие-Ата, осенью (Сѣверцовъ); около Чиназа (Мартъ—Руссовъ); на озерѣ Искандеръ-кулѣ (Августъ—Руссовъ); въ Бухарѣ (Мартъ—Леманъ); на Аму-Дарьѣ и въ Хивинскомъ оазисѣ (Іюль, Августъ, Сентябрь—Богдановъ). На Усть-Уртѣ и Мангышлакѣ эта птица мнѣ не попадалась, также какъ въ Кизылькумѣ и Кара-кумѣ, но очень можетъ быть, что она встрѣчается въ этихъ песчаныхъ пустыняхъ.

У г. Сѣверцова (въ нѣмецкомъ переводѣ его сочиненія, см. *Jour. f. Orn.* 1873—1875 гг.) этотъ сорокопутьъ показанъ гнѣздящимся на равнинахъ у западныхъ подножій Тянь-Шаня, между Каратау и Зарявшаномъ; и пролетнымъ— въ предгоріяхъ Тянь-Шаня (Чимкентъ, Ташкентъ).

Въ юго-восточной Сибири В. И. Дыбовскій нашелъ буланаго сорокопута на р. Аргуни, около поста Старо-Цурухайтуя.

За русскими предѣлами эта птица найдена въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: на низовьяхъ р. Тарима, около города Корле и на берегахъ озера Лобъ-Нора Н. М. Пржевальскій наблюдалъ

буланаго сорокопута весной (Мартъ, Апрель). Здѣсь попадались этому путешественнику типичные экземпляры и разновидность *O. isabellina major* вмѣстѣ. Въ Маѣ онъ встрѣтилъ буланаго сорокопута на южныхъ склонахъ восточнаго Тянь-Шаня. Скулли (*Scully*) находилъ эту птицу весьма обыкновенной на равнинахъ Кашгарскаго ханства; около Ярканда она попадалась ему отъ 14 Апрѣля до 15 Августа; также около Уй-Торгака (8. VIII), Суликъ-Азиса (9. VIII), Сайзку (12. VIII) и Мазара (15. VIII) до перевала Хуху.

На востокъ отъ этой страны, въ пустыняхъ Монголіи буланный сорокопуть былъ наблюдаемъ Н. М. Пржевальскимъ, гнѣздящимся на равнинахъ Ордоса и Алашаня; «въ собственномъ Китаѣ, говоритъ онъ, эта птица не найдена, такъ, что Ордось, по всему вѣроятію, составляетъ восточную границу описываемаго вида». Какъ Пржевальскій, въ этой мѣстности, такъ и Дыбовскій, на Аргуни, добыли восточную разновидность (*var. orientalis* пов. = *speculigera* Tacz.). Нѣтъ никакого основанія предполагать, что область занимаемая этой разновидностью отдѣлена отъ Кашгарскаго участка области типичной формы, потому, что между этими мѣстностями разстилается однообразная пустыня Гоби. Безъ сомнѣнія будущіе путешественники найдутъ буланаго сорокопута на всемъ пространствѣ между р. Аргунию и Ордосомъ; а также на западъ отъ этой полосы по всей Гоби до бассейна Чернаго Иртыша, въ Джунгаріи, до восточныхъ подножій Тарбагатая, Алатау, Тянь-Шаня и до оз. Лобъ-Нора. Конечно тамъ можно ожидать эту птицу не повсемѣстно, а спорадически, въ удобныхъ для нея песчаныхъ мѣстахъ пустыни.

Въ Арало-Каспійской области, какъ мы видѣли, буланный сорокопуть занимаетъ восточную полосу ея отъ Аму-Дарьи до русской Джунгаріи и прибалхашскихъ пустынь. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ идетъ на югъ дальше Аму-Дарьи, по равнинамъ Туркменіи, Афганскаго Туркестана и Герата. Въ Персіи Бленфордъ нашелъ его въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: въ 100 миляхъ на WNW отъ Бампура, въ Белуджистанѣ (833^m; 14. IV); въ

Риганѣ, въ Нармаширѣ (833^m; 18. IV); въ Бамѣ, ю.-в. Персія (1167^m; 24. IV); въ Ханъ-и-Сурхъ, на югозападъ отъ Кермана (2833^m; 22. V); въ Парпа, въ 150 миляхъ отъ Шираза (2000^m; 30. V); въ Казрунѣ, въ 50 миляхъ отъ Шираза (833^m; V); въ Ширазѣ (1583^m VI и VII); въ Азупасѣ, сѣвернѣе Шираза (2335^m; VI); слѣдовательно все на гнѣздовыхъ мѣстахъ. На западъ отъ Персіи буланый сорокопуть не прослѣженъ пока въ пустыняхъ Азіатской Турціи и Аравіи; но весьма вѣроятно, что онъ гнѣздится тамъ, такъ какъ впервые эта птица найдена Гемприхомъ и Эренбергомъ около Гумфюде, на берегу Краснаго моря. Но и здѣсь еще не граница области вида. Буланаго сорокопута нашли: въ Кордофанѣ, около Баръ-эль-Абіада, въ Сенаарѣ и Абисиніи (Гейглингъ); на берегахъ Голубаго Нила, въ Сенаарѣ (въ Ноябрь—Брэмъ и Фирталеръ); и въ Кордофанѣ (Стриклендъ). Но никто изъ упомянутыхъ африканскихъ путешественниковъ не говоритъ, живетъ ли эта птица тамъ постоянно, или только зимуетъ.

Въ сочиненіяхъ индійскихъ орнитологовъ находятся указанія, что Афганистанъ не составляетъ юго-восточной границы области буланаго сорокопута, и что эта птица заходитъ даже въ предѣлы Индіи. Къ сожалѣнію трудно рѣшить, встрѣчается ли онъ на индійской территоріи зимнимъ гостемъ, или постояннымъ жителемъ? Бляйсъ, описавшій буланаго сорокопута подъ именемъ *L. arenarius*, получилъ его изъ пустынь Синда и Ферозепора. Гердонъ говоритъ, что онъ только зимній гость въ сѣверо-западной Индіи и въ Пенджабѣ; а г. Столичка, по словамъ Гердона, нашелъ его лѣтомъ въ Тибетѣ и, хотя рѣдкимъ, также въ долині Сутлей. Гейсъ-Ллойдъ нашелъ его въ Катіаварѣ; но, по его словамъ, птица оставляетъ эту страну съ приближеніемъ времени вывода. Юмъ значительно пополнилъ эти свѣдѣнія. Онъ говоритъ, что этотъ сорокопуть «обыкновенный зимній гость большей части равнинъ Пенджаба, Ражпутана и Синда; но это еще не восточный предѣлъ вида. Я получилъ одинъ экземпляръ изъ Этавага и видѣлъ одного въ округѣ Агры, гдѣ не бы-

ваетъ положительно *L. cristatus*. На крайнемъ западѣ Индіи, въ западномъ Пенджабѣ и Синдѣ, этотъ видъ становится многочисленнѣе, и на всемъ пути отъ Иелума до Куррахи не было дня, когда мы не видали его. Онъ попался вдоль берега Мекрана до Гвадара и полученъ изъ Моската, въ Аравіи ¹⁾». О гнѣздованіи этой птицы въ предѣлахъ Индіи ни Юмъ, ни другіе орнитологи не упоминаютъ. Сводъ всѣхъ наблюденій надъ буланымъ сорокопутомъ показываетъ, что птица эта занимаетъ ббльшую область, чѣмъ всѣ ея сородичи вмѣстѣ взятые. Отъ Аргуни и Ордоса, вся великая пустыня Гоби, китайская Джунгарія, Кашгарія, русская Джунгарія, восточная и южная части Арало-Каспійской равнины, Афганистанъ (?), Белуджистанъ, Персія, Аравія и можетъ быть сѣверо-восточная Африка составляютъ громадную площадь гнѣздовой области вида. Но, припомнимъ, что эта область отличается крайнимъ однообразіемъ условій: это пустынные равнины, или нагорья, безводные или маловодные, съ глинистой, каменистой или песчаной почвой, съ своеобразной полудревесной, полукустарной растительностью, съ неменѣе своеобразнымъ животнымъ населеніемъ. Эти пустыни и особенно песчаные участки ихъ, съ сравнительно богатой флорой и фауной, есть повидимому коренное жилище буланаго сорокопута. По словамъ Н. М. Пржевальскаго онъ «гнѣздится въ Ордосѣ и Алашанѣ въ саксаульникахъ и тамарисковыхъ кустарникахъ долины Хуанъ-хе.»; но о гнѣздѣ и яйцахъ онъ ничего не сообщаетъ. Скюлли пишетъ, что буланный сорокопуть «гнѣздится въ Маѣ и Іюнѣ, такъ какъ яркандскіе мальчишки приносили большое число птенцовъ въ теченіе послѣдняго мѣсяца. 13 іюня мнѣ принесли гнѣздо, съ четырьмя яйцами, принадлежащее, по словамъ принесшихъ, этой птицѣ; принесли одновременно и сорокопута, будто бы пойманнаго на томъ же гнѣздѣ. Гнѣздо найдено на кустѣ колючаго растенія и яйца были еще совершенно свѣжія. Гнѣздо полукруглое неглубокое, грубо сложенное изъ травиннокъ и воло-

¹⁾ Allan Hume. Stray Feathers. 1873. I. p. 175.

конь, внутри выстлано конскимъ волосомъ. Диаметръ его 3 д., глубина внутри 1,7 д., толщина стѣнокъ 1 д. Въ одной части боку находится правильная выемка, доходящая до уровня дна, гдѣ лежатъ яйца. Форма яицъ различна; вытянуто-овальные, немного утонченныя на одномъ концѣ. Скорлупа матовая; основной цвѣтъ блѣдный красновато-молочный (*pale pinkish-creamy*), съ красноватыми пятнышками. На тупомъ концѣ красноватая, и менѣе ясная синеватая, пятнышки и крапинки образуютъ поясъ. Длина яицъ 0,85—0,95; ширина—0,67—0,7.

Изложивъ исторію рода *Otomela* Вр. и тщательно анализируя тѣ виды этого рода, которые водятся въ Россіи, постараюсь анализировать и тѣ, которые не встрѣчаются у насъ.

***Otomela cristata* L. Вр.**

Птица эта описана впервые и изображена Эдвардсомъ подъ именемъ *Crested Red or Russit Butcher-Bird*.¹⁾ Описание Эдвардса скопировано въ XII изд. *Syst. Naturae* Линнея, гдѣ эта птица названа *L. cristatus* (р. 135). За тѣмъ въ орнитологической литературѣ встрѣчается очень много замѣтокъ и наблюденій относящихся къ *L. cristatus*. Я просмотрѣлъ ихъ почти всѣ и не могъ рѣшить какая это птица. И раньше меня пробовали не разъ анализировать этотъ матеріалъ и опредѣлить что такое *L. cristatus* L. Особенно тщательные своды находятся у Вальдена и Шалова. Вальденъ разобралъ преимущественно наблюденія индійскихъ орнитологовъ Бляйса, Лейярда, Гердона и др. говоритъ, что экземпляры изъ Мульмена (*Moulmein*), Непала, Маунбума (*Maunbhoom*), южной Индіи, Декана, Цейлона, Малабара, Ассамы и Бутана не представляютъ никакого отличія

¹⁾ Edwards. A Nat. hist. of Birds. 1743. T. IV. p. 54. Tab. 54.

отъ эдвардсовскаго типа. Что этотъ сорокопуть не распространяется на югъ дальше Тенасерима на восточной сторонѣ континентальной Индіи, а на сѣверо-западной границѣ не переходитъ Сетледжа (*Sattedj*) и Инда. По показанію индійскихъ наблюдателей, онъ остается на равнинахъ Индіи въ теченіе холоднаго сезона. О гнѣздованіи нѣтъ никакихъ данныхъ. Только Бухананъ Гамильтонъ утверждаетъ, что онъ гнѣздится на деревьяхъ и кустарникахъ; а Бляйсъ говоритъ, что нѣкоторыя особи попадаютъ въ теченіе всего года около Калькуты. Свои изслѣдованія Вальденъ заканчиваетъ вопросами: перелетаетъ ли эта птица на пути къ сѣверу обширную систему Гималая? или не находитъ ли она удобныя мѣста для гнѣздовья на южныхъ склонахъ и долинахъ этой горной системы? ¹⁾

Въ монографіи Шалова вопросъ о *L. cristatus* L. не только не разъясненъ, но запутанъ до невозможности. Г. Шаловъ приступилъ къ описанію *L. cristata* L. въ полномъ убѣжденіи, что это *L. phoenicurus* Pall. По этому онъ тщательно и подробно подъ этимъ именемъ описалъ экземпляры даурскаго сорокопута съ Байкала; на сочиненіе же Эдвардса онъ не обратилъ вниманія. Въ этомъ состоитъ вся ошибка г. Шалова. Разъ повѣривъ на слово своимъ предшественникамъ, что *L. cristatus* L. и *L. phoenicurus* Pall. одна и таже птица, онъ съ полнымъ довѣріемъ относится ко всѣмъ показаніямъ и дѣлаетъ сводъ всѣхъ наблюдений надъ обоими видами редуцируя ихъ къ *L. cristatus* L., ради сохраненія приоритета. Впрочемъ г. Шаловъ возстаетъ противъ мнѣнія Вальдена относительно соединенія имъ *L. phoenicurus* и *lucioniensis*; онъ доказываетъ также ошибку Віана въ опредѣленіи джунгарскаго сорокопута подъ именемъ *L. phoenicurus* Pall. Но дальше, въ очеркѣ географическаго распространенія *O. cristata* L., г. Шаловъ относится безъ малѣйшей критики къ наблюденіямъ различныхъ авторовъ и оттого выходитъ невообразимая путаница и противорѣчіе съ самимъ собой. Такъ напр.

¹⁾ Walden. Ibis. 1867. p. 214.

указывая ошибку Віана, г. Шаловъ на слѣдующей страницѣ наблюденія подѣ *O. phoenicuroides* относить къ *O. cristata*. Можно поручиться, что Юмъ и Гендерсонъ именемъ *L. cristatus* обозначили тоже *O. phoenicuroides* Sew., г. Шаловъ принимая на вѣру показанія этихъ авторовъ, относитъ ихъ наблюденія тоже къ *O. cristata* L., руководясь тутъ однимъ только названіемъ.

Просмотрѣвъ всю литературу о *L. cristatus* L. я пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Описаніе и рисунокъ Эдвардса наглядно доказываютъ, что этотъ авторъ описалъ молодую птицу.

2) Сравненіе этого описанія и рисунка съ молодыми *O. phoenicura* Pall. вовсе не оправдываетъ идентификаціи послѣдняго вида и *L. cristatus* L. Напротивъ рисунокъ имѣетъ больше сходства съ молодыми *O. lucioniensis* Briss., или можетъ быть даже съ *O. superciliosa* Lath.

3) Наибольшая масса наблюденій и свѣдѣній о *L. cristatus* L. находится въ сочиненіяхъ индійскихъ орнитологовъ. Но, разобравъ ихъ, Вальденъ приходитъ къ курьозному заключенію, что гнѣздованіе этой птицы въ Индіи не доказано, и перелетаетъ ли она на сѣверъ за Гималаи еще вопросъ.

4) Исходя изъ того факта, что въ Бенгаліи найденъ *L. cristatus* L., орнитологи относили къ этому виду всѣхъ бурыхъ сорокопутовъ встрѣчавшихся въ различныхъ частяхъ Индіи и на ближайшихъ островахъ. Старые самцы *O. lucioniensis* были отличаемы почти всегда; старые самцы *O. superciliosa* Lath. иногда; самки же и молодые обоихъ видовъ, которыя подобно самцамъ прилетали на зимовку въ Индію, могли быть принимаемы за *L. cristatus* L. Наблюденія Пржевальскаго не оставляютъ сомнѣнія, что *O. phoenicura* Pall. отправляется на зимовку за Гималаи, въ Индію, и вѣроятно самца этого вида Годжсонъ назвалъ *L. ferrugiceps* (Ind. Rev. 1847. p. 446.), а самки и молодые, подобно самкамъ и молодымъ *O. lucioniensis* и *O. superciliosa*, могли быть отнесены къ *L. cristatus* L. Такимъ образомъ *L. cristatus* L.

могъ сдѣлаться (и мы несомнѣваемся, что сдѣлался) сборнымъ именемъ трехъ зимующихъ въ Индіи видовъ *Otomela*. Въ западной Индіи подъ этимъ именемъ могъ фигурировать еще четвертый видъ — *O. phoenicuroides* Sew. Подъ этимъ же именемъ могли съ полнымъ правомъ фигурировать зимующіе въ Индіи *O. isabellina* въ переходномъ нарядѣ. Спрашивается, какое могло быть основаніе идентифицировать *L. cristatus* съ *O. phoenicura* Pall., а не съ какимъ нибудь изъ его сородичей? по моему мнѣнію, никакого. Главная же причина этой ошибки заключалось въ томъ, что руководились компилятивными діагнозами Гмеллина (*Syst. Nat.* XII p. 135) и Бонапарте, игнорируя или не зная о существованіи оригинальнаго описанія и рисунка Эдвардса.

Я убѣжденъ, что не только легко распутать вопросъ о томъ, что такое *L. cristatus* Edw., но и разъяснить большую часть наблюдений индійскихъ орнитологовъ надъ этимъ проблематическимъ видомъ. Мы имѣемъ теперь ясныя, отчетливыя знанія о всѣхъ среднеазіатскихъ видахъ *Otomela*, описанныхъ и определенныхъ по экземплярамъ добытымъ на мѣстахъ гнѣздовья; мы знаемъ ихъ различія; знаемъ что ихъ гнѣздовья области рѣзко разграничены. Въ Индію всѣ эти виды слетаются на зимовку. Стоитъ только собрать экземпляры добытые разными натуралистами въ Индіи, разсѣянные въ различныхъ музеяхъ и частныхъ коллекціяхъ, и сравнить ихъ тщательно во 1-хъ съ описаніемъ и рисункомъ Эдвардса, во 2-хъ съ экземплярами, соотвѣтственнаго возраста, *O. lucioniensis*, *superciliosa*, *phoenicura* и *phoenicuroides*, собранными въ областяхъ гнѣздовья этихъ видовъ. Тогда вопросъ о *L. cristatus* рѣшится легко и окончательно. Безъ сомнѣнія это легче всего сдѣлать индійскимъ и англійскимъ орнитологамъ. До тѣхъ же поръ, пока этого не сдѣлали, я никакъ не могу отрѣшиться отъ мысли, что имеемъ *L. cristatus* обозначаютъ три или четыре вида *Otomela*, зимующихъ въ Индіи; и что *L. cristatus* L. (Edwards), скорѣе всего есть молодой *O. lucioniensis* Briss, или *O. superciliosa* Lath.

Кстати отмѣтить здѣсь еще одну изумительную непослѣдо-

вательность: идентифицируя, безъ всякаго основанія, *L. cristatus* L. и *L. phoenicurus* Pall., по принципу охраненія приоритета, навязываютъ линнеевское (нелѣпное само по себѣ) названіе даурскому сорокопуту; въ тоже время, зная что *O. lucioniensis* описанъ впервые, подробно и точно, Бриссономъ (въ 1760 г.), не хотятъ обратить вниманіе, что въ XII изданіи *Systema Naturae* (1766 г.), только скомпилировано это описаніе (при чемъ есть ссылка на Бриссона), и приписываютъ установленіе этого вида Линнею. Такъ дѣлаютъ Кабанисъ, Бонапарте, Вальденъ, Шаловъ и всѣ другіе. Я вовсе не сторонникъ охраненія священныя правъ приоритета и всегда предпочту *характерное*, хотя бы позднѣйшее, названіе, *безсмысленному* — первоначальному; и не сталъ бы напримѣръ удерживать нелѣпное имя *cristatus* для какого бы то ни было изъ *Otomela*, вовсе не хохлатыхъ. Но, считаю тоже неосновательнымъ приписывать правильный діагнозъ одного ученаго, другому, какъ въ данномъ случаѣ *O. lucioniensis*.

L. magnirostris Less.

Сначала этотъ видъ зачислили въ родъ *Enneactonus*, когда туда же причисляли *E. collurio*, *minor*, всѣхъ *Otomela* и *Ph. ruficeps* (см. Кабаниса и Бонапарте 1850 г.). Потомъ Бонапарте, установивъ родъ *Otomela* перевелъ его туда, гдѣ онъ остался и до сихъ поръ. Мы находимъ, что пора исключить *L. magnirostris*, и его синонимъ *L. incertus*, изъ этого рода. Дальше укажемъ его настоящее мѣсто.

L. Andersoni Strickl. et Sclater.

1852. *L. Andersoni* Strickland. Jardine. Contr. to Orn. p. 145.

1867. *L. Andersoni*. Walden. Ibis. p. 224.

По описанію Стрикленда трудно рѣшить, что это за птица.

Ясно только, что описана самка и притомъ въ переходномъ нарядѣ. Вѣроятнѣе всего, что это молодая самка *E. collurio* L., который доходитъ до той мѣстности, гдѣ найденъ оригиналь *L. Andersoni*; но можетъ быть это молодая самка *O. isabellina*, хотя послѣдній въ той части Африки еще никому непопадался. Несомнѣнно только то, что считать *L. Andersoni* Strickl. за самостоятельный видъ, можно также мало, какъ признавать самостоятельность *L. cristatus* L.

За тѣмъ остаются двѣ формы изъ рода *Otomela*—*lucioniensis* Briss. и *superciliosa* Lath., — видовая самостоятельность которыхъ не подвержена сомнѣнью, а отношенія къ остальнымъ мы уже отчасти указали (см. выше стр. 7). Къ сожалѣнью и эти виды стоятъ въ литературѣ не настолько прочно и опредѣленно, чтобъ можно было безъ анализа цитировать наблюденія.

4. OTOMELA LUCIONIENSIS Briss.

Diagn. *O. supra sordide fusca, subtus lutescens; pileo cinerascens, fronte albicante; uropygio et supracaudalibus rufescentibus, cauda ex rufo fuscenscente; speculo alarum nullo; rostro crasso, fusco.*

1760. *Lanius lucioniensis*. Brisson. Orn. II. p. 169. tab. XVIII. fig. 1. (♀)
Synon.

1766. *Lanius lucioniensis*. Linné. Syst. Nat. Ed. XII. p. 135. n. 10,
(apud Brisson).

1847. *Lanius jeracopis*. De Filip. Mus. Mediol. p. 31.

1850. *Enneoctonus Schwaneri*. Bonaparte. Consp. g. Avium. I. p. 363.

1853. *Otomela Schwaneri*. Bonaparte. Rev. et Mag. de Zool. p. 437.

1860. *Lanius lucioniensis*. Swinhoe. Ibis. p. 59; *ibid. id.* 1861. p. 43,
255, 340; *ibid. id.* 1863. p. 274; *ibid. id.* 1864 p. 420; *ibid. id.*
1865. p. 135, 295, 394. *ibid. id.* 1870. p. 241; *ibid. id.* 1875.
p. 116.

1862. *Lanius lucioniensis*. Blyth. Ibis. p. 388; *ibid.* id. 1867. p. 304.
 1867. *Lanius lucioniensis*. Walden. Ibis. p. 214.
 1867. *Lanius lucioniensis*. Beavan. Ibis. p. 322.
 1869. *Lanius lucioniensis* Walden. Ibis. p. 242; *ibid.* id. 1871. p. 173;
ibid. id. 1873. p. 309.
 1871. *Lanius lucioniensis*. Swinhoe. Proc. Z. S. p. 376.
 1874. *Lanius lucioniensis*. Hume. Stray Featers. p. 184, 191; *ibid.* id.
 1876. p. 393.
 1875. *Otomela lucioniensis*. Schalow. Jour. f. Orn. p. 136.
 1876. *Lanius lucioniensis*. Sharpe. Ibis. p. 43; *ibid.* id. 1877. p. 19.
 1877. *Lanius lucioniensis*. Walden. Trans. Zool. Soc. IX. p. 171. Pl. 29.
 fig. 1. (♂ ad.).
 1877. *Lanius lucioniensis*. David et Oustalet. Ois. de la Chine. p. 99.

Рисунки: Brisson. Orn. (1760). II. tab. XVIII. f. 1. (неиллюминированный; вѣроятно самки); Walden. Trans. Zool. Soc. (1877). IX. Pl. 29. f. 1 (очень хороший; стараго самца).

Хотя этотъ сорокопуть открыть болѣе ста лѣтъ назадъ, свѣдѣнія о немъ крайне скудны. Но вообще, надо замѣтить, эту птицу менѣе смѣшивали съ другими, чѣмъ ее сородичей. Я привелъ только наиболѣе точныя литературныя данныя въ которыхъ заключаются матеріалы для географіи вида; сомнительныя же наблюденія, которые разбираются Вальденомъ и Шаловымъ, счелъ за лучшее не упоминать безъ проверки. Я полагаю, что г. Шаловъ правъ, считая *L. jeracopsis* De Fil. и *O. Schwaneri* Br. за синонимы *O. lucioniensis* Briss., но все же безъ проверки оригиналовъ окончательно рѣшить этотъ вопросъ трудно. Я высказалъ выше, что вѣроятно *L. cristatus* L. (apud Edwards) есть молодой *lucioniensis* Briss., но утверждать этого не стану. Рѣшить этотъ вопросъ можно въ музеяхъ Англии и Индіи; у меня же нѣтъ для того матеріаловъ. Выше указаны отличія *O. lucioniensis* отъ *O. phoenicura* (см. p. 7.), вообще же этотъ видъ смѣшать съ другими нельзя уже по одному его толстому клюву. Прилагаю короткое описаніе половыхъ и возрастныхъ различій.

Старый самецъ. Лобъ и надглазная полоса грязно-бѣлыя съ

сѣроватымъ оттѣнкомъ; на лбу этотъ цвѣтъ постепенно переходитъ въ пепельно-бурый цвѣтъ темени и затылка, а этотъ послѣдній на шеѣ постепенно переходитъ въ грязный, тусклый бурый цвѣтъ спины. Надхвостье и верхнія кроющія хвоста тускло рыжія. Хвостъ буро-рыжій, съ слѣдами поперечныхъ полосокъ; а крайнія рулевья съ замѣтной бѣловатой конечной каемкой. Отъ основанія клюва, черезъ глазъ, на ухо идетъ широкая черная полоса. Горло желтовато-бѣлое. Вся нижняя сторона бѣлая, съ свѣтло-рыжимъ оттѣнкомъ, особенно на бокахъ туловища. Крыловыя перья чернобурыя; вторыя маховыя и большія кроющія съ свѣтлыми каймами. Мелкія кроющія крыла такого же цвѣта какъ спина. Зеркала на крыльяхъ нѣтъ и слѣдовъ. Клювъ черно-роговаго цвѣта. Ноги темнобурыя.

Старая самка. Отличается отъ самца тѣмъ, что верхняя сторона бурѣе и сѣроватый оттѣнокъ на головѣ значительно слабѣе. Подглазная полоса темно-бурая. По сторонамъ шеи, на зубу и на бокахъ туловища сохранились поперечныя бурья полоски; а свѣтло-рыжій оттѣнокъ на нижней сторонѣ значительно слабѣе и цвѣтъ этой стороны грязнѣе. Всѣ цвѣта вообще тусклѣе и менѣе интенсивны.

Въ переходномъ нарядѣ я имѣю только одинъ экземпляръ, безъ обозначенія пола, отличающійся отъ самки слѣдующими особенностями: вся верхняя сторона одноцвѣтная грязно-бурая. Только бурое пятно на ухѣ. Верхнія кроющія хвоста рыжія съ поперечными полосами. Хвостъ тускло-рыжій. Нижняя сторона грязно-бѣлая, съ тусклымъ рыжеватымъ налетомъ, и поперечными полосками на бокахъ туловища, на зубу и по сторонамъ шеи.

Экземпляровъ въ гнѣздовомъ нарядѣ у меня нѣтъ; поэтому я вынужденъ заимствовать описаніе молодой птицы у г. Шалова: «молодая птица, добытая Мейеромъ въ Манилѣ, сверху отъ лба до хвоста красно-бурая, густо покрыта слабо замѣтными свѣтлыми и темными, поперечными полосками. Надъ глазами бѣложелтоватая полоса, а подъ ней бурая. Маховыя черно-

бурия, вторыя маховыя съ широкими свѣтло-бурыми каймами на наружномъ опахалѣ и на концѣ. Крайнія кроющія крыла съ узкой полосой на наружномъ опахалѣ и бѣлымъ концомъ, чѣмъ образуется на сложенномъ крылѣ шесть полулунныхъ пятенъ. Хвостъ какъ у старыхъ, только немного темнѣе. Наружныя рулевья съ бѣловатыми концами. Нижняя сторона: горло бѣловатое, грудь, брюхо и подхвостье свѣтлыми рыже-буроватыя съ темно-бурыми волнистыми линиями, которыя также, хотя не столь интенсивны, замѣтны на боковыхъ частяхъ шеи. Клювъ очень широкій, у основанія свѣтло-бурый, на концѣ темнѣе.

Кромѣ толщины клюва и цвѣтныхъ признаковъ *O. lucionensis* отличается отъ другихъ, какъ видно изъ приложенной таблицы, короткой плюсной и нѣсколько болѣе длиннымъ хвостомъ.

Географическое распространеніе. Опредѣлить настоящую область (гнѣздовую) этой птицы очень трудно, вслѣдствіе того, что очень немногіе орнитологи даютъ себѣ трудъ опредѣлять свойство пребыванія птицы въ изслѣдуемой мѣстности. До сихъ поръ этого сорокопута встрѣчали: Свингоэ — въ собственномъ Китаѣ до залива Талиенъ (Talien Bay), около Пекина, въ Гонконгѣ, Амоѣ, въ Танту (Tantoo) въ западной части Гайнана, въ Гойгоу (Hoihow), въ Чофу (Chefoo), на о. Формозѣ. Кромѣ того наблюдали эту птицу на Филиппинскихъ островахъ (на Людонѣ, Зебу, Гразмо), на Андаманскихъ и Никобарскихъ островахъ, на о. Борнео, на о. Цейлонѣ, и въ Бурмѣ. Очевидно, что область этой птицы простижена еще только отрывками. Въ собственномъ Китаѣ, по Свингоэ, это лѣтняя, слѣдовательно гнѣздящаяся птица; въ Амоѣ и на о. Формозѣ, по его же наблюденіямъ, этотъ сорокопуть попадаетъ только на весеннемъ и осеннемъ пролетѣ; на Формозѣ отчасти зимуетъ. Въ остальныхъ мѣстностяхъ эту птицу наблюдали, повидимому, только на зимовкѣ. Ни въ Японіи, ни въ Усуйскомъ краѣ, ни въ Монголіи этотъ сорокопуть никому не встрѣчался. Такъ, что область его гнѣздованія, судя по наблюденіямъ Свингоэ, ограничивается собственнымъ Китаемъ и не

простирается на югъ даже до Амоя. Это въ высшей степени невѣроятно; тѣмъ болѣе, что Свингое нигдѣ непосредственно не наблюдалъ гнѣздованія этого сорокопута. Я нимало не сомнѣваюсь, что онъ гнѣздится въ собственномъ Китаѣ, такъ какъ это самая сѣверная мѣстность гдѣ онъ попадался. Давидъ говоритъ, что это обыкновенная лѣтняя птица въ восточномъ Китаѣ и около Пекина его часто ловятъ на пролетѣ весной и осенью.

Но я думаю, что эта птица гнѣздится и въ Амоя, такъ какъ Свингое самъ находилъ ее тамъ въ Маѣ; я думаю, что изслѣдованіе странъ лежащихъ южнѣ этой мѣстности покажетъ, что и тамъ гнѣздится эта птица. Увѣреніе Свингоэ и другихъ, — что на Формозѣ, Люцонѣ и другихъ Филиппинскихъ островахъ этотъ сорокопуть встрѣчается только на зимовьѣ, — неосновательно потому, что никто не утверждаетъ положительно, что его нѣтъ тамъ лѣтомъ.

Если зимой эту птицу встрѣчали на Борнео, Андаманскихъ и Никобарскихъ островахъ и на Цейлонѣ, то нѣтъ сомнѣнія, что она на пролетѣ бываетъ во всей восточной и средней Индіи. Нельзя же думать, что она огибааетъ материкъ, чтобъ прилетѣть на зимовку въ Цейлонъ. Ее и наблюдали въ Бурмѣ (Юмъ). Другихъ свѣдѣній о находкахъ ее въ Индіи я не встрѣтилъ. Если же на пролетѣ этотъ сорокопуть неминуемо долженъ посѣщать значительную часть Индіи, то онъ конечно и попадался тамъ наблюдателямъ, но . . . . былъ принимаемъ (особенно въ переходномъ нарядѣ) за *L. cristatus* L. Можетъ быть индійскіе зоологи обратятъ болѣе вниманія на этотъ предметъ и разрѣшатъ наши сомнѣнія.

Свойство мѣстопребыванія, образъ жизни, время и мѣсто гнѣздованія, гнѣздо, яйца и вообще брачная жизнь и пища этой птицы намъ не извѣстны.

OTOMELA SUPERCILIOSA Lath.

Diagn. O. similis O. phoenicurae, sed supra tota intense rufescens, unicolor et fasciis, frontali et superciliari, albis latioribusque.

1799. *Le Rousseau*. Levaillant. Ois. d'Afrique. II. p. 45 tab. 66 f. 2 (♂).
1801. *Lanius superciliosus*. Latham. Index Orn. Suppl. p. 20. n. 14. Synon.
1822. *Lanius superciliosus*. Latham. A gener. hist. of. Birds. Vol. II. p. 36.
1853. *Otomela superciliosa*. Bonaparte. Rev. et Mag. de Zool. p. 437.
1862. *Lanius superciliosus*. Blyth. Ibis, p. 388.
1867. *Lanius superciliosus*. Walden. Ibis. p. 218. Pl. V. fig. 2. (♂).
1869. *Lanius superciliosus*. Walden. Ibis. p. 242.
1871. *Lanius superciliosus*. Swinhoe. P. Z. S. p. 375.
1875. *Lanius superciliosus*. Swinhoe. Ibis. p. 450.
1875. *Otomela superciliosa*. Schalow. Jour. f. Orn. p. 140 (ex parte).
1877. *Lanius superciliosus*. Walden. Trans. Zool. Soc. IX. p. 172 (сравн. опис.).
1877. *Lanius superciliosus*. David et Oustalet. Oiseaux de la Chine. p. 100.

Рисунки: 1) Levaillant. Ois. d'Afrique. II. Pl. 66. f. 2 (♂ ad).
2) Walden. Ibis. 1867. Pl. V. f. 2 (♂ ad).

«Я предполагаю, говорить г. Шаловъ, что Вальденъ первый замѣтилъ, что описанные Шренкомъ, подъ именемъ *L. phoenicurus* Pall., экземпляры собранные Маакомъ на р. Шилкѣ, во многихъ отношеніяхъ по цвѣту отличны отъ палласовской птицы и составляютъ особый видъ. Вальденъ сравнилъ убитую въ Іюнѣ около Хакодате птицу тщательно съ описаніемъ Шренка и изобразилъ ее въ Ibis». Основываясь на этомъ рисункѣ и позднѣйшей замѣткѣ Вальдена г. Шаловъ приходитъ къ заключенію, что описанная Шренкомъ птица есть *L. superciliosus* Lath.

Я уже указалъ, что это полнѣйшая ошибка (см. выше р. 6). Экземпляры, служившіе объектами для описанія Ак. Л. И. Шренка, находятся въ музеѣ И. С.-Петербургской Академіи Наукъ (по моему каталогу №№ 10, 29, 30); я тщательно провѣрилъ по нимъ это описаніе, сличилъ ихъ съ другими *O. phoenicura* и съ экземпляромъ *O. superciliosa* Lath. изъ Хакодате и не вижу никакого основанія идентифицировать эти виды, или относить описаніе Шренка и его оригиналы къ *O. superciliosa* Lath. — Шренкъ ясно и опредѣленно говоритъ: «верхняя сторона въ общемъ рыже-бурая, ярче на затылкѣ и надхвостьѣ» (die obere Seite ist bei allen rostbraun, am intensivsten auf dem Scheitel und Bürzel) ¹⁾. Никакъ не могу понять, какимъ образомъ въ этомъ описаніи признали японскую птицу, которая отличается именно тѣмъ что у нея голова и спина одноцвѣтныя. Дѣйствительно и я самъ указываю, на var. *intermedia* какъ разновидность *O. phoenicura* сближающую его съ *O. superciliosa*; близость этихъ двухъ видовъ для меня не подвержена сомнѣнію. Но, тѣмъ не менѣе, идентифицировать ихъ нельзя, такъ какъ *O. superciliosa* выдѣлился довольно опредѣленно. Идентифицируя экземпляры Шренка съ *O. superciliosa*, а птицу описанную Палласомъ и экземпляры Дыбовскаго—съ *O. cristata* L., какъ это сдѣлалъ г. Шаловъ, неизбежно было бы слить всѣ эти три вида вмѣстѣ. Въ общей части этого сочиненія я буду имѣть случай разобрать отношенія *O. superciliosa* и *phoenicura*, здѣсь же замѣчу, что *O. superciliosa* есть вполне выдѣлившаяся форма, съ установившимися признаками.

Старый самецъ. Лобъ опоясанъ широкой чисто-бѣлой полосой идущей надъ глазами, которая снизу ограничена черной подглазной полосой. Темя, затылокъ, шея и вся спина яркаго красновато-бураго цвѣта. Надхвостье и верхнія кроющія хвоста рыжеватобурая; хвостъ имѣетъ слѣды поперечныхъ полосъ. Нижняя сторона бѣлая; грудь и бока туловища съ свѣтло-рыжимъ налетомъ.

¹⁾ Schrenck. Reis. und Forsch. II p. 384.

Крыловыя перья чернобурыя. На первыхъ маховыхъ есть зачатки зеркальца, скрытыя подъ кроющими перьями. Вторыя маховыя, плечевыя и большія кроющія съ широкими рыжеватыми каймами; мелкія кроющія цвѣта спины. Хвостъ темно-рыжій. Клювъ черный. Ноги черно-бурыя.

Старая самка. Схожа съ самцомъ. Верхняя сторона свѣтлая. Полоса опоясывающая лобъ и глаза бѣловато-желтая; уздечка и подглазная полоса буроватая. На бокахъ шеи, на груди и бокахъ туловища тонкія черноватыя поперечныя линіи. (По Шалову; у меня самки нѣтъ въ рукахъ).

Молодая отъ лба до хвоста *красно-бурыя*, болѣе или менѣе покрытыя черными поперечными полосками. Надглазная полоса слабо замѣтна; подглазная—свѣтло-бурая. Каймы маховыхъ перьевъ очень свѣтлы. (По Шалову ¹⁾).

Если описанія самки и молодыхъ точны, въ чемъ я не сомнѣваюсь, то и здѣсь есть разница отъ самокъ и молодыхъ *phoenicura*, именно такая же какъ у самцовъ — *одноцветность и красноватость верхней стороны*.

Географическое распространеніе. До сихъ поръ можно считать гнѣздовой областью этого вида только Японію. Его встрѣчали также въ Амурѣ; на полуостровѣ Малаккѣ и на Явѣ. О характерѣ мѣстообитанія, жизни и гнѣздованія этого сорокопута ничего не извѣстно.

И такъ изъ 7 — 10 видовъ, которые насчитывали Бонапарте, Вальденъ, Грей и Шаловъ въ р. Otomela, осталось только пять. Но за то каждый изъ уцѣлѣвшихъ есть конкретная, правильно установленная, единица — species, а самый родъ Otomela принялъ форму естественной родовой группы, съ опредѣленными систематическими признаками. Члены этого рода по ихъ сходству и различіямъ располагаются въ строго опредѣленномъ

¹⁾ Это описаніе очень подходит на рисунку *L. cristatus* Edwards'a.

порядкѣ, который вовсе не зависитъ отъ личнаго произвола. Безъ насилія фактовъ ни раздѣлить этотъ родъ, ни слить его съ другими, ни измѣнить группировку видовъ нельзя.

Я полагаю, что слѣдующая характеристика наиболѣе правильная:

Родъ *Otomela* Вр.

Ростъ малый. Основной цвѣтъ верхней стороны *бурый*, переходящій, на отдѣльныхъ частяхъ ее или на всей, въ красно-бурый, въ сѣро-бурый, или свѣтло-рыжій; при чемъ рѣзкаго разграниченія цвѣтовъ не бываетъ. Надхвостье и хвостъ одноцвѣтные рыжіе, частью съ бурымъ оттѣнкомъ. Основной цвѣтъ нижней стороны бѣлый, съ рыжеватымъ или розоватымъ налетомъ, болѣе или менѣе интенсивнымъ. Половые и возрастныя различія не велики, но ясно выражены и аналогичны у всѣхъ членовъ рода. Брачнаго наряда нѣтъ.

Область распространенія—Азія, съ прилегающими островами Тихаго океана, и сѣверо-восточный уголъ Африки.

Составъ рода:

- 1) *O. lucioniensis* Briss.
- 2) *O. phoenicura* Pall.
cum var. *intermedia* Bogd.
- 3) *O. superciliosa* Lath.
- 4) *O. phoenicuroides* Sew.
a. *Romanowi* Bogd.
b. *Karelini* Bogd.
- 5) *O. isabellina* Н. Е.
var. *occidentalis* Bogd.
var. *major* Bogd. et Przew.
var. *orientalis* Bogd. (*speculigera* Tacz).

Естественность этого ряда нарушается тѣмъ, что *O. superciliosa* является какъ бы связующимъ звеномъ между *O. phoenicura* и *O. phoenicuroides*. Тогда какъ въ дѣйствительности *O. superciliosa* и *O. phoenicuroides* два типа удаленныя другъ отъ

друга и одинаково близкіе къ *O. phoenicura*, который въ сущности и есть связующее звено между ними. Но въ рядовой классификаціи избѣгать этой неправомерности невозможно. Въ общемъ же эта группировка представляетъ замѣчательно цѣльный рядъ постепенныхъ переходовъ отъ одного видоваго типа (*O. lucionensis*) къ другому (*O. isabellina*).

Genus II. ENNEOSTONUS Voie. СЪДОГОЛОВЫЕ СОРОКОПУТЫ.

Ближайшей къ *Otomela* будетъ группа сорокопутовъ, представителемъ которой можетъ служить *E. collurio*, по этому я оставляю ей родовое названіе *Enneostonus*. Подъ именемъ *Enneostonus* я соединяю виды *мелкорослыхъ сорокопутовъ, съ сѣдой головой, рыже-бурой спиной и короткимъ хвостомъ*. Во всемъ рядѣ извѣстныхъ видовъ сорокопутовъ только два вида обладаютъ этими признаками.

1. ENNEOSTONUS MAGNIROSTRIS Less. ТОЛСТО- КЛЮВЫЙ СОРОКОПУТЬ.

Diag. E. rostro magno et crasso; dorso fuscесcente-rufo, uropygio, et supracaudalibus rufis, his et illo transverse nigro-fasciolatis; capite et cervice canis; infra albus, sed lateribus gulae et hypochondriis transverse nigro-fasciolatis; cauda rufa.

1834. *Lanius magnirostris*. Lesson. Bélanger. Voyage aux Indes orientales. p. 251.

Synon.

1839. *Lanius strigatus*. Eyton. P. Z. S. p. 103.

1842. *Lanius ferox*. Drapiez. Dict. Sc. Nat. VIII. p. 366.

1850. *Enneactonus crassirostris* Kuhl. Bonaparte. Consp. G. Av. I. p. 362.
1853. *Otomela crassirostris*. Bonaparte. Rev. et Mag. de Z. p. 437.
1867. *Lanius magnirostris*. Walden. Ibis. p. 220. tab. VI.
1869. *Lanius magnirostris*. Gray. Hand-List of B. I. p. 393.
1870. *Lanius Waldeni* Swinhoe. P. Z. S. p. 131. tab. VI.
1870. *Lanius incertus* Swinhoe. P. Z. S. p. 371.
1871. *Lanius magnirostris*. Swinhoe. P. Z. S. p. 375.
1874. *Lanius magnirostris*. Swinhoe. Ibis. p. 114.
1875. *Otomela incerta*. Schalow. Jour. f. Orn. p. 140.
1875. *Otomela magnirostris*. Schalow. Jour. f. Orn. p. 142.
1876. *Otomela magnirostris*. Taczanowski. Jour. f. Orn. p. 197.
1876. *Otomela magnirostris*. Taczanowski. Bull. de la Soc. Z. de Fr. p. 167.
1877. *Otomela magnirostris*. Тачановскій. Крит. обзоръ орн. фауны вост. Сибири. Тр. V съѣзда рус. ест. въ Варшавѣ. p. 327.
1877. *Lanius magnirostris*. David et Oustalet. Les ois. de la Chine. p. 97.

Рисунки: Walden. Ibis. 1867. Pl. VI (♂ и ♀).
Swinhoe. P. Z. S. 1870. Pl. VI (♂ и ♀).

Трудно представить какъ такая рѣзко обособленная форма могла вызвать столь запутанную синонимію. Даже рисунокъ Вальдена не помѣшалъ Свингоэ установить новый видъ *L. Waldeni*. Послѣ этого нечего удивляться, что Бонапарте отнесъ этотъ видъ къ р. *Otomela*, а другіе слѣдовали ему, и никто до сихъ поръ не обратилъ вниманія на сходство этого вида съ *E. collurio*. Къ р. *Otomela* причисляли *E. magnirostris* повидному потому только, что у него рыжій хвостъ. Всѣ другія признаки однако указываютъ на неестественность подобнаго сближенія.

Сходство же *E. magnirostris* и *E. collurio* лучше всего пояснить слѣдующій параллельный діагнозъ.

E. magnirostris Less.*E. collurio* L.

Старый самецъ.

Голова и задняя сторона шеи:

сѣдыя, одноцвѣтныя.

сѣдыя, одноцвѣтныя.

Спина и кроющія перья плеча:

буровато-рыжія, съ черными поперечными волнистыми линіями.

красновато-рыжія, одноцвѣтныя безъ полосъ.

Надхвостье и верхнія кроющія хвоста:

рыжія, съ черными поперечными полосками.

сѣдыя, одноцвѣтныя, безъ полосъ.

Нижняя сторона:

бѣлая, съ остатками черныхъ поперечныхъ полосокъ на бокахъ горла и на бокахъ туловища.

бѣлая, съ густымъ рыжимъ оттѣнкомъ на зобѣ, груди и бокахъ туловища, и съ слабымъ оттѣнкомъ того же цвѣта на остальныхъ частяхъ. Остатковъ полосатости нигдѣ нѣтъ.

Хвостъ:

рыжий, съ слѣдами бѣловатыхъ конечныхъ каемокъ на нижней сторонѣ крайнихъ рулевыхъ.

два среднія рулевые совсѣмъ черныя; у слѣдующихъ основаніе бѣлое, конечная половина черная, а на самомъ концѣ узкая бѣлая кайма; у крайняго рулеваго все наружное опахало окаймлено бѣлымъ.

Черная подглазная полоса есть у обоихъ видовъ; но въ каждомъ видѣ черная уздечка измѣнчива въ ширинѣ и длинѣ. Въ

окраскѣ крыльевъ нѣтъ существенной разницы, но у *E. collurio* замѣтно болѣе сильная пигментация перьевъ. Относительно самки толстоклюваго сорокопута въ литературѣ находится странное противорѣчіе. По описанію Лессона самка столь же рѣзко отличается отъ самца, какъ у *E. collurio* (ор. с. р. 252). Подобное же описаніе находится у Бонапарте (ор. с. 1853. р. 438) и у Вальдена (ор. с. р. 221), къ которому приложенъ превосходный рисунокъ самки (Pl. VI. f. 2).—Свингоэ описывая *L. Waldeni* (ор. с. 1870. р. 131) утверждаетъ, что оба пола различаются между собой *только* болѣе интенсивной окраской самца (the males being more richly coloured) и болѣе узкой уздечкой между глазами и клювомъ у самки. По рисунку Свингоэ (ор. с. Pl. VI) дѣйствительно оба пола схожи на столько, на сколько они различны на рисунокѣ Вальдена. Самка, по Свингоэ, имѣетъ сѣдую голову, какъ самецъ;—по Вальдену, одноцвѣтная на всей верхней сторонѣ, безъ всякихъ слѣдовъ сѣдины на головѣ. Я получилъ отъ В. К. Тачановскаго экземпляръ сѣдоголовый, схожій съ рисункомъ самца, но помѣченный самкой; В. И. Дыбовскій, препарировавшій самъ этотъ экземпляръ, подтвердилъ мнѣ лично, что эта самка.

Имѣющійся у меня матеріалъ недостаточенъ, чтобъ разрѣшить эти противорѣчія. Во первыхъ тутъ можетъ быть ошибка въ опредѣленіи пола при послѣдней препаровкѣ; во вторыхъ можетъ быть обѣ стороны правы, т. е. Лессонъ и Вальденъ имѣли взрослыхъ, но молодыхъ самокъ, а Дыбовскому попалась очень старая самка. Рисунокъ Свингоэ позволяетъ предполагать, что онъ ошибся въ опредѣленіи пола (вообще, надо замѣтить, Свингоэ очень небрежно относился къ опредѣленію пола и экземпляры его коллекцій обыкновенно безъ обозначенія пола), какъ ошибся онъ установивъ видъ *L. Waldeni* въ 1870 г., тогда какъ въ *Ibis* 1867 г. былъ помѣщенъ превосходный рисунокъ *E. magnirostris* Вальдена.

*E. magnirostris.**E. collurio.*

Взрослая самка.

Похожа на молодыхъ и отличается отъ самца.

Голова и шея бурья, тусклѣе спины, съ слабой примѣсью сѣроватаго оттѣнка. Поперечныхъ полосокъ незамѣтно. Между бурьями есть перышки сѣровато-бурья.

Спина, надхвостье и верхнія кроющія хвоста буро-рыжія съ черно-бурьями поперечными полосами.

Подглазная полоса чернобурья, не выдѣляется рѣзко отъ бурой головы.

На боковыхъ частяхъ нижней стороны черно-бурыхъ полосокъ больше, чѣмъ у самца, и бѣлый цвѣтъ нижней стороны съ примѣсью рыжеватаго.

Хвостъ какъ у самца, но съ слабыми слѣдами поперечныхъ полосокъ (эта самка вполне соответствуетъ описанію Лессона и рисунку Вальдена).

Похожа на молодыхъ и отличается отъ самца.

Голова и шея сѣровато-бурья свѣтлѣе спины.

Перья спины рыжегато-бурья, одноцвѣтныя, но съ слабыми остатками полосатости. Надхвостье и верхнія кроющія хвоста сѣровато-бурья, тоже съ слѣдами полосатости.

Подглазная полоса бурья, но выдѣляется слабо отъ сѣровато-бурой головы.

Нижняя сторона бѣлая съ сильнымъ рыжимъ оттѣнкомъ; на боковыхъ частяхъ шеи, зоба и туловища поперечныя бурья полосы.

Хвостъ на концѣ чернобурый, а чѣмъ дальше къ основанію, тѣмъ бурый цвѣтъ становится чище; на среднихъ рулевыхъ ясные признаки полосатости; концы рулевыхъ съ бѣлыми каемками, а у крайняго пера такая каемка идетъ вдоль всего наружнаго опахала.

Экземпляръ старой самки, отъ г. Дыбовскаго, отличается слѣдующимъ: голова и шея стали темносѣрыми, но на перьяхъ сохранились остатки бураго. Нижняя сторона стала бѣлѣе, а поперечныхъ полосъ на бокахъ меньше. Подглазная полоса сдѣлалась черной, хотя и тусклой, и рѣзко выдѣлилась отъ сѣрой головы и бѣлаго горла. Между глазомъ и клювомъ бѣлая полоса, а черной нѣтъ и слѣда. Надъ глазомъ бѣлая полоска. Въ остальныхъ частяхъ оперенія перемѣнъ нѣтъ.

Аналогичное явленіе есть и у очень старыхъ *E. collurio*. Голова и шея у нихъ тоже сѣрѣютъ, но не до такой степени, какъ у *magnirostris*. Надхвостье сѣрѣетъ; а рыжій цвѣтъ на спинѣ дѣлается интенсивнѣе. Нижняя сторона утрачиваетъ полосатость въ замѣтной степени. Подглазная полоса, однако всегда остается бурой.

Молодые *E. magnirostris* темнѣе молодыхъ *E. collurio*, но вообще окраской очень схожи; также молодые обоихъ видовъ очень схожи съ молодыми *Otomela*, а напр. молодыхъ *E. collurio* и *O. Romanowi* можно отличить лишь съ большимъ трудомъ и при тщательномъ сравненіи. Хвостъ у молодыхъ *collurio* рыже-бурый, но бѣлая кайма наружнаго опахала крайняго рулевого составляетъ рѣзкій и постоянный отличительный признакъ этого вида. Вообще же оба вида *Enneostonus* легко различимы во всѣхъ возрастахъ по формѣ клюва, крыльевъ и хвоста (см. таблицу).

Наконецъ еще одинъ доводъ, въ пользу соединенія въ одну группу *Enneostonus* обоихъ видовъ, я встрѣчаю въ слѣдующей замѣткѣ В. К. Тачановскаго «яйца этого вида (*magnirostris*) совершенно схожи съ яйцами *L. collurio* и *O. phoenicura* и представляютъ такія же цвѣтныя различія, т. е. на однихъ яйцахъ пятна сѣрыя, на другихъ оливковыя, на третьихъ, наконецъ, красныя, расположенныя одинаково, но меньшихъ размѣровъ. Также какъ у названныхъ видовъ; яйца каждой кладки одноцвѣтны. Размѣры яицъ трехъ кладокъ слѣдующіе:

1.	{	21,3 ^{mm.} 16,5 ^{mm.}	2.	{	21,2 ^{mm.} 17,2 ^{mm.}	3.	{	21,3 ^{mm.} 17,2 ^{mm.}
		21,8— 16,8			21,6— 17			21,8— 17,2
		22,2— 16,5			21,6— 17,3			22 — 17,2
		23,0— 17,2			22,5— 17,2			
		23,2— 17,2			23,3— 17,4			

Гнѣзда толстоклюваго сорокопута прикрѣплены къ вѣтвямъ кустарниковъ, почти на два фута отъ земли; они сплетены изъ крѣпкихъ стеблей довольно плотно и толсто; одно изъ нихъ свито почти исключительно изъ стебельковъ, которыя покрыты плотными и сухими цвѣтами, что ему придаетъ очень красивый видъ. Внутренность выложена очень гладко и тщательно тонкими стебельками и травниками. Между матеріалами гнѣзда находятся также свѣжія и сухія листья, которыя можетъ быть принадлежать тому растенію на которомъ свито гнѣздо. Также какъ у другихъ сорокопутовъ, гнѣздо почти полушарообразное, стѣнки довольно толсты. Вышина гнѣзда 7,5^{ctm.}, наружный діаметръ — 14^{ctm.}, внутренній — 7^{ctm.}, глубина 5^{ctm.}, (Jour. f. Orn. 1876. p. 197).

Географическое распространеніе. Толстоклюваго сорокопута наблюдали на Явѣ, Суматрѣ, Целебесѣ и на полуостровѣ Малаккѣ; но большинство орнитологовъ склоняется къ тому, что тамъ эта птица только зимуетъ (см. Вальдена и Шалова). Свингозъ находилъ его въ восточномъ и среднемъ Китаѣ (Fungtoo Hien, Szechuen, Changshow Hien, Chunking, Amoy, Chefoo) и говорить, что онъ гнѣздится тамъ. Миссіонеръ Арманъ Давидъ утверждаетъ, что «около Пекина онъ бываетъ только лѣтомъ и въ небольшомъ числѣ; но нерѣдокъ въ центральныхъ провинціяхъ, особенно въ Кiangъ-се (Kiang si), гдѣ гнѣздится и попадаетъ обыкновенно въ хвойныхъ лѣсахъ покрывающихъ эту провинцію. Полетомъ напоминаетъ *L. collurio* и подобно ему питается жуками и прямокрылыми» (op. cit. p. 97). В. И. Дыбовскій нашелъ эту птицу въ Южно-Усурійскомъ краѣ, около залива Стрѣлокъ, откуда привезъ экземпляры, гнѣзда и яйца. Западная граница вида неизвѣстна. Но Пржевальскій въ юго-восточной Монго-

ли, въ Аляшавѣ, Ордосѣ и въ сѣв. Тибетѣ его не находилъ. Въ Японіи этой птицы тоже повидимому нѣтъ.

2. ENNEOCTONUS COLLURIO L. СОРОКОПУТЬ ЖУЛАНЪ.

Diag. E. dorso rufo-ferrugineo, pileo, cervice uropygio et supracaudalibus canescentibus; infra albus, pectore lateribusque roseis; cauda nigricante.

1766. *Lanius collurio*. Linné. Syst. Nat. XII. p. 136.

1805. *Lanius spinitorques*. Bechstein. Naturg. Deutschl. II. p. 1335. Taf. XVI.

1811. *Lanius collurio*. Pallas. Zoogr. Rosso-Asiat. I. p. 404.

1822. *Lanius collurio*. Naumann. Naturg. Vögel Deutschl. II. p. 30. Taf. 52.

1826. *Enneoctonus collurio*. Boie. Isis p. 973.

1831. *Lanius spinitorques*. Brehm. Handbuch der Naturg. aller Vögel Deutschl. p. 233.

» *Lanius collurio*. Brehm. ibidem. p. 234.

» *Lanius dumetorum*. Brehm. ibidem. p. 234.

1840. *Lanius collurio*. Keyserling und Blasius. Die Wirtbelthiere Europa's. p. 195.

1847. *Lanius collurio*. Кесслеръ. Руковод. для опредѣленія птицъ Е. Россіи. p. 189.

1853. *Enneoctonus collurio*. Bonaparte. Rev. et Mag. de Zool. p. 438.

1866. *Lanius collurio*. Эверсманнъ. Е. Ист. Оренб. края. III. p. 238.

1871. *Lanius collurio*. Sharpe and Dresser. A hist. of the Birds of Europe. Part. IV. Pl. 29.

Рисунки: Bechstein. Op. cit. Taf. XVI; Naumann. op. cit. Taf. 52. ♂ ad. ♀ ad.; Gould. B. of Eur. II. Pl. 69.; Fritsch. Vög. Europa's Taf. 23. f. 12.; Gould B. of G. Brit. II. Pl. 15.; Sharpe and Dresser. B. of Eur. IV. Pl. 29.

Я далъ выше (см. стр. 57) описанія возрастныхъ и половыхъ нарядовъ жулана и повторять ихъ здѣсь было бы излишне. Я не привелъ обширной литературы вида, потому, что она во-первыхъ черезъ чуръ велика, во-вторыхъ для цѣлей моей работы

и не нужна. Жуланъ—есть очень рѣзкая, хорошо выдѣлившаяся и установившаяся форма, поэтому въ огромномъ большинствѣ случаевъ эту птицу опредѣляли вѣрно и не смѣшивали съ другими. Даже такой изощренный изобрѣтатель новыхъ видовъ какъ Х. Л. Брэмъ и тотъ нашелъ возможнымъ различить только три вида жулана: *L. spinitorques*, *L. collurio* и *L. dumetorum*. Всѣ три брэмовскіе вида найдены въ одной мѣстности—около Рентендорфа въ Германіи. Ясно, что тутъ дѣло идетъ не только не о видахъ, но даже не о мѣстныхъ породахъ, а объ индивидуальных или возрастныхъ различіяхъ; оригинальные экземпляры Брэма, находящіеся передъ моими глазами, вполне подтверждаютъ это предположеніе (*L. spinitorques* Brehm.—№ 163; *L. collurio* Brehm — № 164 прилагаемаго ниже каталога). Но мы знаемъ, что жуланъ занимаетъ огромную область и живетъ, въ разныхъ частяхъ этой области, при весьма разнообразныхъ біологическихъ условіяхъ; поэтому, а ригігі, надо ожидать, что эти условія отражаются такъ или иначе на его жизни, привычкахъ, организаціи, наконецъ, что легче всего, эффекты вліянія различныхъ мѣстныхъ условій должны отражаться въ его наружныхъ признакахъ. Съ этой точки зрѣнія обширная литература жулана не въ состояніи пока удовлетворить изслѣдователя. Почему главнымъ образомъ я и не перечислилъ эту литературу, отмѣтивъ только самые фундаментальные источники. Съ другой стороны коллекціи хранящіеся въ различныхъ музеяхъ далеко не представляютъ необходимаго матеріала для изслѣдованія вопроса о мѣстныхъ варіаціяхъ видоваго типа жулана. Какъ все обыкновенное, жуланъ въ современныхъ музеяхъ не пользуется особымъ вниманіемъ; поэтому экземпляровъ этой птицы обыкновенно мало, попали въ музеи они случайно, между прочимъ; во многихъ первоклассныхъ музеяхъ нѣтъ даже такой коллекціи, чтобъ можно было прослѣдить возрастные наряды его.

Поэтому вопросъ о мѣстныхъ породахъ,—объ измѣненіи типа жулана въ разныхъ странахъ, подъ вліяніемъ вѣшнихъ условій,—теперь можно только предъявить будущимъ изслѣдовате-

лямъ. Масса экземпляровъ изъ разныхъ мѣстностей Россіи, хранящихся въ изученныхъ мной коллекціяхъ, позволяетъ до нѣкоторой степени положить починъ въ разработкѣ этого вопроса. Измѣренія (приведенныя въ таблицѣ) различныхъ частей значительнаго числа экземпляровъ приводятъ къ тому заключенію, что и въ этомъ видѣ пластическіе признаки также подвержены измѣнчивости, какъ и у другихъ сорокопутовъ: длина клюва колеблется у взрослыхъ отъ 1,0^{cm}.—1,1^{cm}, т. е. на 1^{mm}; толщина клюва, изгибъ верхней половинки его, формы крючка и зубца тоже очень измѣнчивы. Длина плюсны постояннѣе (2,2^{cm}), но и тутъ есть отклоненія отъ нормы въ обѣ стороны. Форма хвоста и крыльевъ, считающаяся вообще надежнымъ таксономическимъ признакомъ, тоже подвержена измѣнчивости, какъ это можно замѣтить изъ нашей таблицы. Длина хвоста колеблется на цѣлыхъ 7^{mm}, т. е. почти на $\frac{1}{10}$ часть. Длина крыльевъ, отъ сгиба до конца только, представляетъ колебанія доходящія до 1^{cm}, т. е. болѣе чѣмъ на $\frac{1}{10}$ величины. Надо отмѣтить слѣдующія показанія этой таблицы: *южно-африканскій экземпляръ значительно мельче остальныхъ* (№ 174 каталога и таблицы); у европейскихъ экземпляровъ хвостъ абсолютно длиннѣе чѣмъ у азіатскихъ; за то у послѣднихъ крылья абсолютно длиннѣе чѣмъ у первыхъ. Сравнивая же цвѣтные признаки, я, къ удивленію моему, долженъ констатировать фактъ изумительной устойчивости ихъ у птицъ изъ самыхъ отдаленныхъ и различныхъ мѣстностей. Правда у южныхъ экземпляровъ рыжій цвѣтъ немного интенсивнѣе, но разница такъ ничтожна, что трудно даже обозначить ее; у азіатскихъ экземпляровъ *стдой цвѣтъ головы замѣтно светлѣе*, чѣмъ у европейскихъ, *и на лбу сильно переходитъ въ бѣловатый*. Распространеніе сѣдаго цвѣта варьируетъ безъ малѣйшихъ намековъ на мѣстный характеръ различій. Интенсивность розоватаго оттѣнка нижней стороны тоже варьируетъ, но причины этихъ варіацій частью возрастъ, частью состояніе оперенія, поэтому отмѣчать тутъ мѣстныя особенности очень не надежно. Указанныя различія въ длинѣ хвоста и крыльевъ и въ окраскѣ головы намекаютъ

на обособленіе мѣстной азіатской породы; это тѣмъ болѣе вѣроятно, что восточный участокъ области вида, откуда происходятъ экземпляры съ подмѣченными выше особенностями, отдѣляется отъ остальной части области широкой полосой Арало-Каспійскихъ пустынь. Впрочемъ, я ограничусь только указаніемъ этихъ различій, не возводя восточную разновидность даже на степень породы, въ виду того, что различія ничтожны, а матеріалъ для того, чтобы выяснитъ ихъ прочность и мѣстный характеръ слишкомъ недостаточенъ.

Замѣчательно, что у самокъ жулана различій въ цвѣтѣ гораздо больше, чѣмъ у самцовъ, и различія эти рѣзче, но онѣ носятъ несомнѣнно возрастной характеръ, не завися ни мало отъ мѣстныхъ условій. У молодыхъ тоже много индивидуальных и возрастныхъ варіацій въ интенсивности отбѣнокъ; но безъ матеріала тщательно собраннаго для разъясненія этихъ варіацій, — лучше не говорить о нихъ; — приведенный списокъ ясно показываетъ какъ не надеженъ и малопригоденъ имѣющійся матеріалъ, въ которомъ не только время и мѣсто, но даже полъ птицы часто совсѣмъ необозначены.

Географическое распространеніе и біографія. Въ самой новой и полной монографіи жулана, у Шарпа и Дрессера (op. cit.), распространеніе его показано небрежно и неудовлетворительно. Эти авторы, какъ и большинство современныхъ орнитологовъ, не разграничиваютъ область гнѣздовья, т. е. собственно *настоящую область вида* ¹⁾, отъ полосы пролета и области зимовья, что даетъ ложное понятіе о географической области орнитологическаго вида. Во вторыхъ Шарпъ и Дрессеръ въ своихъ монографіяхъ говорятъ о распространеніи птицъ черезъ чуръ поверхностно, точныхъ границъ не указываютъ и вообще пользовались для этого самой ничтожной частью литературнаго матеріала; напр. для Россіи они пользовались только указаніями Палласа и Нордманна,

¹⁾ Объ этомъ см. Богдановъ. Птицы и звѣри черноземной полосы Поволжья и долины средней и нижней Волги. Казань. 1871. р. 180.

игнорируя всю остальную литературу. Распространение птицъ въ западной Европѣ обработано ими не лучше.

Попытаюсь поэтому прослѣдить подробно распространение жулана въ Россіи, на основаніи всѣхъ имѣющихся данныхъ.

Палласъ сообщаетъ, что жуланъ «in temperationibus Rossiae et Sibiriae passim locis apricis observatur, frequens in gub. pestribus ad Altaicos montes et Dauriae»²⁾. Кромѣ неопредѣленности этого показанія, въ него вкралась ошибка относительно Дауріи.

Во всѣхъ странахъ прилегающихъ къ западной границѣ Европейской Россіи, отъ Балтійскаго моря до Чернаго, жуланъ — обыкновенная *инздящаяся*, *лѣтная* птица. Отъ этого базиса всего удобнѣе прослѣдить его у насъ по зоологическимъ областямъ, принимаемымъ мною³⁾:

1) въ Черноземной области жуланъ найденъ какъ *инздящаяся*, *лѣтная* птица въ губерніяхъ: Подольской (Кесслеръ⁴⁾; Бельке⁵⁾; М. Богдановъ въ 1877 г.), Бессарабской (Тарданъ⁶⁾; Кесслеръ⁴⁾, Херсонской (Нордманнъ⁷⁾; Кесслеръ⁴⁾, Волынской (Кесслеръ⁴⁾, Кіевской (Андржейовскій⁸⁾; Кесслеръ⁴⁾; Гёбель⁹⁾; Гольцъ¹⁰⁾, Полтавской (Кесслеръ⁴⁾; М. Богдановъ въ VI. 1877 г.), Екатеринославской (Нордманнъ⁷⁾; М. Богдановъ VI. 1877), Черниговской (Кесслеръ⁴⁾; Шевелевъ¹¹⁾, Орловской (Даниловъ¹²⁾, Курской (М. Богдановъ V, VIII. 1878), Харьковской (Чернай¹³⁾; М. Богдановъ 1877

²⁾ Pallas. Zoographia Rosso-Asiatica. I. p. 404.

³⁾ См. Bibl. Univers. de Genève. 1876. VI.

⁴⁾ Кесслеръ. Ест. ист. губ. Кіев. уч. окр. 1851. в. II. p. 35.

⁵⁾ Belke. Bull. de la Soc. I. des nat. de Moscou. 1853. p. 419; 1859. p. 29.

⁶⁾ Tardent. Essai sur l'hist. nat. de la Bessarabie. 1841. p. 19.

⁷⁾ Nordmann. Observ. sur la faune pontique. p. 114.

⁸⁾ Andrzejowski. Bull. de la Soc. I. des nat. de M. 1839. p. 15.

⁹⁾ Goebel. Jour. f. Orn. 1870. p. 442; Beitr. z. Kenntn. des Russ. R. N. T. II. 1879.

¹⁰⁾ Holz. Jour. f. Orn. 1873. p. 142.

¹¹⁾ Шевелевъ. Тр. об. исп. природы при Хар. у. 1875. IX. p. 198.

¹²⁾ Daniloff. Bull. de Moscou. 1864. p. 456.

¹³⁾ Чернай. Bull. de Moscou. 1850. p. 609, 615; Фауна Харьковск. г. 1850. II. p. 36.

и 1878 г.), Воронежской (Сѣверцовъ ¹⁴), Тульской (М. Богдановъ 1877; Мензбиръ ¹⁵), Рязанской (М. Богдановъ 1875; Павловъ ¹⁶), Тамбовской (М. Богдановъ 1875, 1877), Пензенской (М. Богдановъ 1869, 1875, 1877), Саратовской (Мешлеръ ¹⁷); Арцибашевъ ¹⁸); Богдановъ ¹⁹), Симбирской (М. Богдановъ ¹⁹), Казанской (Эверсманнъ ²⁰); Богдановъ ¹⁹), Оренбургской (Эверсманнъ ²⁰); Леманъ ²¹); кол. Ак. Н.) Уфимской (Эверсманнъ ²⁰); Богдановъ ¹⁹) и въ 1872 г.). Слѣдовательно эта птица водится во всѣхъ губерніяхъ Черноземной области; не найдена же только въ Нижегородской губ. и въ Землѣ войска Донскаго, т. е. тамъ, гдѣ не было до сихъ поръ изслѣдователей.

2) въ области Еми и валуновъ: жуланъ найденъ какъ *инздящаяся*, *лѣтная* птица: во всѣхъ губерніяхъ царства Польскаго (Тизенгаузъ ²²); Тачановскій ²³), въ Литовскихъ г. (Тизенгаузъ ²²); Эйхвальдъ ²⁴), въ Остзейскихъ губ. (Мейеръ ²⁵); Безеке ²⁶); Лихтенштейнъ ²⁷); Каваль и Меркель ²⁸); Гуммельъ ²⁹); Гёбельъ ³⁰); Гойнингенъ-Гюне ³¹); Руссовъ ³²); въ Псковской г.

¹⁴) Сѣверцовъ. Периодич. явл. въ жизни звѣрей, птицъ и гадъ Воронеж. г. 1855. р. 62, 85, 86, 88, 136, 162, 210, 211, 229, 278, 288, 290, 318, 325, 404.

¹⁵) Мензбиръ. Bull. de Moscou. 1879. № 2 р. 341.

¹⁶) Павловъ. Труды Спб. Об. ест. 1880. т. X р. 120.

¹⁷) Möschler. Naumannia. 1853. р. 304.

¹⁸) Artzibacheff. Bull. de Moscou. 1859. р. 57.

¹⁹) Богдановъ, М. Птицы и звѣри Поволжья р. 73.

²⁰) Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. кр. 1866. III. р. 238.

²¹) Lehmann's Reise etc. Beitr. zur Kenntn. des R. Reichs. 1852. Bd. XVII р. 319.

²²) Tuzenhauz. Orn. 1843. I. р. 300.

²³) Тачановскій. Сравн. обоз. орнит. фауны сред. Евр. Тр. III-го съѣзда. 1873. р. 137; id. Bull. de la Soc. Zool. de France. 1877. р. 146.

²⁴) Eichwald. Naturhist. Skizze. 1830. р. 236.

²⁵) Meyer. Vög. Liv-Estland. 1815. р. 42.

²⁶) Besecke. Vög. Kurland. 1792. р. 29.

²⁷) Lichtenstein. Bull. de Moscou. 1829. р. 291.

²⁸) Kawall und Merkel. Rigaer Corresp. 1847. II. р. 45.

²⁹) Hummel. Naumannia. 1855. р. 326.

³⁰) Goebel. Jour. f. Orn. 1873. р. 15.

³¹) Hoiningen-Huene. Jour. f. Orn. 1869. р. 21.

³²) Russow. Orn. E.-L.-u. Kurl., 1880. р. 50.

(Эсауловъ³³), Тверской (Плеске 1878), С.-Петербургской (Мевесъ³⁴); Порчинскій³⁵); коллекціи музеевъ И. Ак. Н. и СПб. Унив.), Московской (Сабанѣевъ³⁶), Ярославской (Сабанѣевъ³⁷), въ южной части Олонецкой (Поляковъ in litt.; Северь³⁸). Въ Вологодской губ. жуланъ Межаковымъ не найденъ. Костромская г. вовсе не изслѣдована. Относительно Финляндіи Нордманнъ утверждаетъ, что жуланъ повсюду не рѣдокъ³⁹). По каталогу Пальмена въ музеѣ Гельсингфорскаго Университета есть яйца жулана изъ Abolån, Nyland и Savolaks⁴⁰). Въ русской Лапландіи эту птицу не находили, также какъ и на сѣверѣ Финляндіи. Въ Архангельской г. никто его тоже не видалъ. Алстонъ и Броунъ впрочемъ говорятъ, что въ Архангельскомъ музеѣ есть экземпляръ будто бы изъ этой губерніи⁴¹); но весьма вѣроятно, что этотъ экземпляръ привезенъ г. Генке изъ Астрахани. На основаніи этихъ данныхъ пока невозможно провести точную сѣверную границу этого сорокопута. Повидимому граница эта проходитъ въ Финляндіи около 61° с. ш.; спускается къ югу по западному берегу Ладожскаго озера; идетъ черезъ Петрозаводскій и Вытегорскій уѣзды Олонецкой г. Дальше опредѣлить эту границу еще труднѣе. Вѣроятно она идетъ по сѣвернымъ частямъ Ярославской, Костромской и Вятской губ., или же по южной части Вологодской. Въ Казанской губ. эта птица обыкновенна въ самыхъ сѣверныхъ уѣздахъ, поэтому навѣрное водится въ южной полосѣ Вятской губ.

3. Въ Уральской области жуланъ былъ наблюдаемъ гнѣздя-

³³) Эсауловъ. Труды СПб. Общ. ест. 1878. т. IX. p. 228.

³⁴) Meves. Oefvers. af Kongl. Vetensk. Akad. Förhandl. 1871. p. 762.

³⁵) Порчинскій. Труды СПб. Общ. ест. 1872. III. p. 384.

³⁶) Сабанѣевъ. Изв. И. Об. люб. ест. А. и Э. т. III.

³⁷) Сабанѣевъ. Bull. de Moscou. 1868. I. p. 454; II. p. 218 и 220.

³⁸) Sievers. Meddeland. of Soc. pro Fauna et Flora Fennica. 1877. II. p. ; также Ann. and. Mag. of Nat. hist. 1877. Dec. p. 496.

³⁹) Nordmann. Bull. de Moscou. 1860. p. 29; Jour. f. Orn. 1864. p. 368.

⁴⁰) Palmen. Univ. i Helsingf. finska fogelsamml. 1871. p. 3.

⁴¹) Alston and Brown. Ibis. 1873. p. 60.

щимся до 58° с. ш.; однако Л. П. Сабанъевъ сомнѣвается что-бы онъ водился «въ самыхъ сѣверныхъ частяхъ Пермской г.»⁴²⁾

4) Въ Крыму жуланъ обыкновенная *лѣтняя мигрирующая* птица (Раdde⁴³⁾; Ирби⁴⁴⁾; Шатиловъ⁴⁵⁾.

5) На Кавказѣ тоже обыкновенная *лѣтняя* птица. Я не встрѣчалъ его только въ горныхъ лугахъ, въ глухихъ лѣсахъ и въ безлѣсной степи. По горнымъ долинамъ прослѣженъ онъ до 1500^m (Богдановъ⁴⁶⁾. По Бленфорду водится въ Гилянѣ и сѣверныхъ, прикаспійскихъ частяхъ Персiи⁴⁷⁾.

И такъ начиная съ западныхъ границъ Европейской Россiи и южныхъ границъ Кавказа жуланъ населяетъ Кавказъ (до 1500^m), Крымъ, всю Черноземную область и южную полосу области ели и валуновъ, до 60 — 61° с. ш. на западѣ и до 58° с. ш. на востокѣ, въ области Урала.

6) Въ Арало-Каспiйской области жуланъ встрѣчается на всемъ пространствѣ ея на *весеннемъ и осеннемъ пролетѣ*. Мѣстами же и въ этой области онъ гнѣздится. Въ самой степи (будь это глинистая пустыня или пески) жуланъ не гнѣздится. Не нашелъ я его гнѣздящимся ни на Мангышлакѣ, ни на Усть-Уртѣ, ни на Аму-Дарьѣ. Но съ запада къ Арало-Каспiйской странѣ прилегаютъ Уралъ, Черноземная область, Кавказъ, а съ юга Персiя,—гдѣ эта птица гнѣздится.

Изъ этихъ странъ жуланъ проникъ въ разныхъ мѣстахъ въ Арало-Каспiйскую область; именно, избѣгая безводныя пустыни, онъ колонизировался въ нѣкоторыхъ рѣчныхъ долинахъ этой области. Такъ напр. по долинамъ Волги (Яковлевъ⁴⁸⁾), Урала (кол. И. Ак. Н.) и Терека гнѣздится до ихъ дельтъ включительно. На

⁴²⁾ Сабанъевъ. Позвоночныя средняго Урала. 1874. р. 103.

⁴³⁾ Radde. Bull. de Moscou. 1864. р. 136.

⁴⁴⁾ Irby. Zoologist. 1857. р. 5355.

⁴⁵⁾ Schatilloff. Bull. de Moscou. 1860. р. 496. Считаетъ его пролетнымъ; но навѣрное жуланъ гнѣздится тамъ.

⁴⁶⁾ Богдановъ. Птицы Кавказа. 1879. р. 84.

⁴⁷⁾ Blanford. Eastern Persia. II. р. 137.

⁴⁸⁾ Яковлевъ. Bull. de Moscou. 1873. р. 335.

восточной сторонѣ Уральскихъ горъ жуланъ найденъ гнѣздящимся въ Екатеринбургскомъ и Шадринскомъ уѣздахъ (Сабанѣевъ⁴²), т. е. около сѣверо-западныхъ границъ Арало-Каспійской области. По всей вѣроятности онъ встрѣчается во всей полосѣ между 50° и 56° с. ш. отъ Урала до Алтая, что подтверждается экземпляромъ изъ этой мѣстности присланнымъ мнѣ И. Я. Словоцкимъ. Далѣе, жуланъ былъ найденъ: около Семипалатинска (Май - Карелинъ), Бухтарминска (Юнь-Романовъ), на верхнемъ теченіи Иртыша (Май, Іюль - Карелинъ), на р. Аягузѣ (Іюль - Карелинъ), за озеромъ Норъ - Зайсаномъ на китайской границѣ (Мартъ - Романовъ), на Алтай въ горахъ (Палласъ; Романовъ) и около р. Эдеръ, притока Чернаго Иртыша (Березовскій - Августъ 1877). Но восточнѣе этого послѣдняго пункта — въ Саянскихъ горахъ, въ Дауріи и вообще въ восточной Сибири никто до сихъ поръ жулана не встрѣчалъ и показаніе Палласа не подтвердилось. Слѣдовательно Семипалатинскъ и Алтай можно считать пока самыми сѣверными, а р. Эдеръ самымъ восточнымъ, пунктами находженія жулана въ Сибири. Очевидно онъ держится тамъ по кустарникамъ горныхъ склоновъ и долинъ Алтая и Тарбагатая, а по рѣкамъ изъ нихъ вытекающимъ спускается въ солонцоватыя и помынные степи Джунгаріи. Нѣтъ сомнѣнія, что жуланъ будетъ найденъ на западныхъ склонахъ Алатау. Въ области Тянь-Шаня онъ гнѣздится въ культурномъ поясѣ и въ поясѣ лиственныхъ лѣсовъ, въ верхнихъ частяхъ бассейновъ Сыръ - Дарьи и Зарявшана, отъ 300^м до 2000^м (Сѣверцовъ). Руссовъ нашелъ его 8 Августа на оз. Искандеръ-Куль, вѣроятно на пролетѣ. Въ коллекціи И. Ак. Наукъ есть экземпляры убитые 8 — 19 Мая около форта Перовскаго, на р. Сыръ - Дарьѣ, указывающіе на то, что жуланъ гнѣздится тамъ; слѣдовательно и въ Туркестанѣ эта птица спускается по рѣчнымъ долинамъ внутрь Арало-Каспійскихъ пустынь.

Встрѣчаясь на западныхъ и южныхъ склонахъ Алтая, на Тарбагатаѣ и западныхъ склонахъ Тянь-Шаня, жуланъ повидимому доходитъ тутъ до восточнаго предѣла своей области. Въ пустынь

Гоби присутствія жулана предполагать нельзя. Въ Индіи до сихъ поръ его не встрѣчали. Слѣдовательно пустынями Монголіи и Китая онъ отдѣляется отъ области своего ближайшаго родича *E. magnirostris*. Южныя границы гнѣздовой области жулана прослѣдить крайне трудно, по недостатку и неопредѣленности существующихъ наблюденій. Напр. въ Египтѣ Гейглинъ и другіе считаютъ его только зимнимъ гостемъ; а въ южной Африкѣ многіе находили его гнѣздящимся (Андерсонъ, Лейярдъ, Левальянъ и др.; см. Sharpe and Dresser op. cit.). На западъ отъ Россіи гнѣздовая область жулана обнимаетъ: южныя части Швеціи, Норвегіи (до Христианіи) и Англіи, весь материкъ западной Европы (за исключеніемъ южной Испаніи) и всѣ острова Средиземнаго моря. Если только дѣйствительно жуланъ гнѣздится въ южной Африкѣ, то по истинѣ надо удивляться устойчивости его типа, выдерживающаго такіе разнообразныя климатическія условія, какъ Семипалатинска, предѣла лѣсовъ на 2000^m высоты на Тянь Шанѣ, долины Сыръ - Дарьи, Европы и южной Африки; въ то время какъ многія родственныя формы измѣняются въ своихъ признакахъ на сравнительно небольшихъ пространствахъ — жулана изъ земли Кафровъ нельзя отличить почти отъ жулана съ Алтая. Основательная разгадка этого явленія принадлежитъ будущему; но такъ какъ жуланъ относится къ числу наиболѣе изученныхъ птицъ, то не мѣшаетъ теперь, по крайней мѣрѣ, свести біографическія свѣдѣнія о немъ.

Наиболѣе полныя, отчетливыя наблюденія надъ жизнью жулана принадлежатъ главнымъ образомъ нѣмецкимъ орнитологамъ, Науманну, Хр. Брэму, Ленцу и др. Не мало также сдѣлано наблюденій и въ другихъ странахъ. Какъ видно изъ ссылокъ приведенныхъ выше и у насъ въ Россіи эту птицу наблюдали очень многіе. Но къ сожалѣнію жизнь жулана, а главное мѣстныя особенности въ явленіяхъ этой жизни, далеко еще не прослѣжены; поэтому біографія его, которую даетъ Науманнъ, до сихъ поръ должна считаться наиболѣе полной.

Постараюсь представить въ сжатомъ видѣ все, что извѣстно

по существующимъ литературнымъ источникамъ, и по своимъ личнымъ наблюденіямъ, о періодическихъ явленіяхъ жизни, мѣстообитанія, нравахъ, пищѣ, размноженіи и т. д. жулана.

Во всей западной Европѣ, гдѣ только водится жуланъ, а также въ русскихъ предѣлахъ его области онъ живетъ лишь въ теплое время года и отлетаетъ на зиму. Ни въ одной мѣстности, изъ названныхъ странъ, ни разу его не наблюдали зимующимъ. Прилетаетъ весной жуланъ поздно, въ числѣ послѣднихъ прилетныхъ птицъ. Свѣдѣній, о его прилетѣ, въ разныхъ мѣстахъ, собрано довольно много. Но я вообще не придаю серьезнаго значенія тѣмъ наблюденіямъ въ которыхъ обозначены *дни* прилета, съ цѣлью точнаго опредѣленія срока; потому, что тутъ точности наблюденія допустить нельзя. Если я увидалъ птицу сегодня, то это не значитъ, что другія особи не могли прилетѣть вчера, третьяго дня, только онѣ ускользнули отъ моего вниманія. Опредѣлять же строго, какъ это дѣлаютъ многіе, такими случайными (зависящими отъ положенія наблюдателя) наблюденіями ежегодные сроки прилета есть пустая иллюзія. Въ общей сложности можно сказать, что въ Европу жуланъ возвращается въ первой половинѣ Мая; а въ Закавказье и въ Туркестанъ нѣсколько раньше, уже въ двадцатыхъ числахъ Апрѣля, также какъ и въ южную Европу. До сихъ поръ трудно рѣшить, по отсутствію прямыхъ наблюденій, стадится ли онъ на перелетѣ, или летитъ по одиночкѣ. Самки, какъ я самъ наблюдалъ, прилетаютъ нѣсколькими днями позже самцовъ. Прилетѣвшіе жуланы появляются обыкновенно въ тѣхъ мѣстахъ, которые составляютъ обычное ихъ лѣтнее мѣстопробываніе. Выше мной замѣчено уже что безводныхъ пустынь жуланъ не любитъ. Не живетъ онъ также въ густыхъ лѣсахъ. Обычное мѣстопробываніе его составляютъ опушки лѣсовъ и большихъ полянъ, лѣсные порубы, рѣчныя долины, степные и полевые перелѣски и кустарники, сады, огороды и живыя изгороди. Въ такихъ мѣстахъ жуланъ выбираетъ невысокій, густой кустъ боярышника, торна, дуба, ивы, и т. п. который и составляетъ его постоянное житье на долгое время. На такомъ кустѣ

можно изъ дня въ день встрѣтить жулана высматривающимъ добычу, обѣдающимъ, поющимъ, или отдыхающимъ; въ чащу этого куста онъ забирается на ночь — спать. Жуланъ, какъ хищникъ, не терпитъ конкурентовъ изъ своей братьи и немедленно прогоняетъ непрошеннаго посѣтителя. Вороны, сороки, хищники тоже подвергаются самому ожесточенному преслѣдованію, если приблизятся къ жилищу жулана, особенно во время вывода. Съ ранняго утра жуланъ начинаетъ сновать по окрестнымъ кустамъ отыскивая добычу. Все пойманное приносится домой и втыкается предварительно на острые шипы, или обломанные сухіе сучки куста.

Главная масса пищи жулана состоитъ изъ жуковъ, бабочекъ, прямокрылыхъ и другихъ насѣкомыхъ и ихъ личинокъ; къ этому матеріалу дополненіемъ служатъ улитки, мелкія лягушки, ящерицы, молодыя (а подѣ часть и старыя) пѣвчія птички, мыши, полевки и куторы. Нѣкогорые, какъ напр. Ленцъ и А. Брэмъ, указываютъ на то, что жуланъ крайне вредный хищникъ, уничтожающій вокругъ своего жилища массу мелкихъ птицъ; я, вмѣстѣ Науманномъ, не раздѣляю такого взгляда, потому, что молодья, а тѣмъ болѣе старыя пѣвчія птички — случайная и рѣдкая пожива жулана; иначе онъ прилеталъ бы къ намъ раньше и улеталъ позже. А какъ истребитель мышей, полевокъ и въ особенности жуковъ и другихъ насѣкомыхъ жуланъ приноситъ намъ громадную пользу.

Вскорѣ послѣ прилета жуланы спариваются и приступаютъ къ вѣтви гнѣзда. Оно помѣщается всегда въ густомъ кустѣ, на небольшой высотѣ (по Науманну отъ 2 до 8 футовъ¹; по словамъ Гёбеля отъ 2 до 3 футовъ²; мнѣ тоже нигдѣ не попадалось гнѣздо жулана выше 3 футовъ). Стѣнки гнѣзда свиваются изъ сухихъ травинокъ и волоконъ, лишаевъ и т. п.; внутренность увивается конскими волосами, шерстью и мягкими растительными волокнами. Гнѣздо сверху открыто, довольно глубоко, и

¹) Naumann op. cit. p. 37.

²) Goebel. Beitr. z. K. d. R. R. II. p. 95.

просторно по размѣру птицы. Гёбель даетъ слѣдующіе размѣры гнѣзда: наружный діаметръ 110—180^{мм.}; внутренній діаметръ 60—80^{мм.}; высота 80—115^{мм.}; глубина 40—60^{мм.}. Науманнъ утверждаетъ, что молодыя самки строятъ гнѣзда хуже, чѣмъ старыя. Это замѣчаніе очень важно въ виду разнообразія постройки и величины гнѣздъ у жулановъ; но кромѣ того, я думаю что вліяютъ на это также мѣстныя условія, т. е. характеръ куста избраннаго для гнѣздовья, а также свойства мѣстныхъ матеріаловъ употребляемыхъ для постройки. Яицъ кладетъ самка отъ пяти до семи. Число это, по Науманну, опредѣляется тоже возрастомъ птицы. Всѣ наблюдатели указываютъ на измѣнчивость формы, величины и особенно окраски яицъ. Г. Гёбель измѣривъ и взвѣсивъ скорлупу 332 яицъ пришелъ къ слѣдующимъ результатамъ: длина колеблется отъ 19^{мм.}—до 24^{мм.}, т. е. почти на $\frac{1}{5}$; ширина отъ 15^{мм.}—до 17^{мм.}; вѣсъ скорлупы отъ $2\frac{1}{4}$ гранъ до $3\frac{1}{4}$ гранъ; среднія нормальныя: длина 21,6^{мм.}, ширина 16,1^{мм.}; вѣсъ скорлупы $2\frac{1}{19}$ грана. А одно аномальное яйцо было 25^{мм.} длины, 15,5^{мм.} ширины. (Вѣсу скорлупы, по моему мнѣнію, не слѣдуетъ придавать значенія, потому, что нельзя быть увѣреннымъ въ одинаковой очисткѣ внутренней поверхности яйца отъ органическихъ веществъ).

Измѣнчивость окраски яицъ жулана еще значительнѣе. Шарпъ и Дрессеръ насчитали шесть сортовъ или типовъ яицъ:

- А. Основной фонъ свѣтло-сѣрый, съ слабымъ зеленоватымъ оттѣнкомъ, пятнышки просвѣчивающія изъ глубины скорлупы свѣтло-фіолетовыя, поверхностныя пятна темнѣе.
- В. Основной фонъ темнѣе предъидущаго, поверхностныя пятна темнѣе и шире.
- С. Основной цвѣтъ желтовато-бѣлый, глубокія пятнышки скорлупы свѣтло-фіолетовыя, слабо просвѣчивающія, поверхностныя—свѣтлыя красновато-бурья.
- Д. Основной фонъ цвѣта лососинаго мяса (salmon-colour) съ широкими пятнами фіолетовыми скорлупы, и большими красными поверхностными.

Е. Основной фонъ свѣтлый розовато-бѣлый, лишь съ не многими пятнами скорлупы, и большими красными поверхностными.

Г. Похожи на сортъ Е., но поверхностныя пятна еще больше и яркаго кроваво-краснаго цвѣта.

Науманнъ ¹⁾ и Песслеръ ²⁾ утверждаютъ, что цвѣтъ яицъ зависитъ отъ возраста самки. Молодыя несутъ сѣроватыя; средняго возраста—желтоватыя; а старыя красноватыя. Песслеръ приводитъ такой рядъ наблюдений, что сомнѣваться трудно. Приписывать же различія цвѣта вліянію мѣстности, какъ это утверждаетъ Гомейеръ ³⁾, не основательно, потому, что варіаціи яицъ бываютъ всюду. Я думаю только, что варіаціи яицъ находятся въ связи не только съ возрастомъ, но обуславливаются также и той индивидуальной измѣнчивостью, которая указана мной выше.

Насиживаніе продолжается около двухъ недѣль. Мнѣ никогда не случалось видѣть самца на гнѣздѣ. Науманнъ же прямо говоритъ: «яйца насиживаются одной самкой. Самецъ заботится въ это время о пищѣ, которую онъ самкѣ не приноситъ въ гнѣздо, но вблизи ея втыкаетъ на шипы, а самка, когда голодъ сгонитъ ея съ гнѣзда, кормится этими запасами». Слѣдовательно и здѣсь въ полной силѣ проявляется тотъ законъ, что, при различіи въ окраскѣ половъ, *самка одна* насиживаетъ яйца.

Всѣ наблюдатели утверждаютъ, что самецъ хорошій пѣвецъ и подражатель чужимъ голосамъ. Мнѣ какъ-то не пришлось обратить вниманіе на пѣсню нашихъ жулановъ.

Среднее время кладки яицъ конецъ Мая и начало Іюня. Ранніе выводки въ концѣ Іюня, въ средней полосѣ Россіи, уже летаютъ. Бродячая жизнь развивается незамѣтно, потому, что жуланы бродятъ по однороднымъ мѣстамъ. Также незамѣтно,

¹⁾ Naumann. 1, с. p. 37.

²⁾ Pässler. Jour. f. Orn. 1858. p. 43—46.

³⁾ Homeyer. Jour. f. Orn. 1858. p. 324.

исподволь совершается отлетъ ихъ въ теченіе второй половины Августа и первой половины Сентября. Осенью тоже никто не наблюдалъ жулановъ летящихъ стаями. Но, по всей вѣроятности, самки улетаютъ съ молодыми семьями. На Аму-Дарьѣ жуланы были замѣчены мной въ Августѣ; попадались по нѣсколько штукъ, но держались врозь; были тутъ самки и молодые; старыхъ самцовъ не было.

Замѣчательно, что до сихъ поръ время линянья жулана неопредѣлено съ точностью. Науманъ говоритъ положительно, что жуланъ въ періодъ пребыванія въ Германіи не линяетъ. Просмотрѣвъ длинный рядъ экземпляровъ, добытыхъ съ Апрѣля по Сентябрь, я прихожу къ подтвержденію словъ Науманна; такъ какъ апрѣльскіе и майскіе экземпляры въ свѣжемъ перьѣ, а чѣмъ позже убить экземпляръ, тѣмъ перья обношеннѣе; но даже у осеннихъ сентябрьскихъ не замѣтно никакихъ признаковъ смѣны перьевъ ¹⁾. Молодые птицы смѣняютъ гнѣздовой нарядъ въ Іюлѣ и Августѣ и улетаютъ въ переходномъ.

Слѣдующей весной возвращаются они уже смѣнивъ переходный нарядъ на первый взрослый, но у нѣкоторыхъ экземпляровъ и въ этомъ послѣднемъ нарядѣ сохраняются остатки переходнаго. Время линянія на зимовкѣ пока никѣмъ еще неопредѣлено хорошенько; только А. Брэмъ говоритъ, что жуланъ линяетъ въ лѣсахъ Верхняго Нила, въ Декабрѣ и Январѣ.

Итакъ, въ своей гнѣздовой области жуланъ живетъ не болѣе трехъ или четырехъ мѣсяцевъ, а двѣ трети года проводитъ на зимовкѣ, гдѣ и линяетъ. Временемъ линьки, по всей вѣроятности, и объясняется яркость и густота красокъ оперенія самца, придающія птицѣ тропическій характеръ. Въ зимнемъ-же линяніи лежитъ разгадка устойчивости типа жулана. Короткій срокъ пребыванія на гнѣздовѣ объясняется, какъ мнѣ кажется, насѣкомо-

¹⁾ Въ моемъ сочиненіи «Птицы и звѣри Поволжья» (р. 75) сказано, что я встрѣчалъ линяющихъ *старыхъ* въ среднѣ Іюля. Подобное же указаніе находится у г. Сѣверцова (Пер. явл. 1855. р. 278, 288, 290, 318, 325). Но оба эти показанія можетъ быть ошибочны и требуютъ повѣрки.

ядностью жулана; подобно всѣмъ насѣкомояднымъ, жизнь жулана очевидно находится въ полной зависимости отъ жизни насѣкомыхъ, которыми онъ питается. Еслибъ жуланъ былъ такой отъявленный хищникъ, какимъ выставляютъ его Ленцъ и А. Брэмъ, то онъ оставался бы у насъ дольше; тѣмъ болѣе, что на поляхъ, въ жнивахъ и въ степяхъ подь осень множество полевокъ и мышей, кромѣ мелкихъ птицъ. Настоящій хищникъ обыкновенный сѣрый сорокопуть зимуетъ же у насъ, довольствуясь этой пищей. Къ сожалѣнью, наблюдатели не обратили вниманія на то, какими именно жуками, бабочками и пр. питается жуланъ; вопросъ же этотъ имѣетъ практическую важность, особенно въ степяхъ Малороссіи и Новороссіи, гдѣ жуки и ихъ личинки производятъ ужасныя опустошенія въ посѣвахъ. Самого ничтожнаго куста боярыни или терна, одиноко растущаго на склонѣ степной балки или на полевой межѣ, достаточно для того, чтобы поселился на немъ неприхотливый жуланъ. Живыя изгороди—его излюбленное мѣсто. И этимъ можно бы легко воспользоваться для борьбы съ врагами полей. Настоящихъ лѣсовъ, особенно обширныхъ, густыхъ и старыхъ, жуланъ избѣгаетъ, частью потому, что они, вѣроятно, неудобны для промысла, частью же по обилію враговъ; злѣйшіе изъ нихъ — перепелятникъ (*Astur nisus*), подскользникъ (*Falco subbuteo*) и сорока, а можетъ быть и нѣкоторыя совы. За отсутствіемъ прямыхъ наблюденій нельзя утверждать, что жуланъ у насъ подвигается къ сѣверу по мѣрѣ истребленія лѣсовъ и развитія хлѣбопашества; но это весьма вѣроятно, судя по характеру мѣстообитанія жулана, а также и потому, что въ наиболѣе культивированныхъ мѣстностяхъ западной части еловой области онъ распространенъ гораздо далѣе къ сѣверу, чѣмъ въ богатой лѣсами и бѣдной культурой восточной полосѣ ея.

Genus III. COLLURIO Вр. ДЛИННОХВОСТЫЕ СОРОКОПУТЫ.

Въ 1853 г. Бонапарте выдѣлилъ группу южноазиатскихъ сорокопутовъ, отличающихся яркой окраской и длиннымъ ступенчатымъ хвостомъ, въ особый подродъ (subgenus) *Collurio*. Установка этой группы есть неотъемлемая заслуга Бонапарте; и нужно пожалѣть, что онъ несумѣлъ лишь размѣстить виды въ надлежащемъ порядкѣ. Недавно появилась въ Journal für Ornithologie (1878) монографія г. Шалова: «Das Subgenus Collurio Вр.» Разобравъ довольно богатый матеріалъ, авторъ провѣрилъ всю литературу, свелъ синонимы и выяснилъ настоящій составъ этой группы. Въмѣсто 10 видовъ *Collurio*, помѣщенныхъ въ статьѣ Бонапарте, г. Шаловъ описалъ 8 видовъ. *C. caniceps* Blyth. онъ соединилъ съ *C. erythronotus* Vig.; *C. pyrrhonotus* Vieill. соединенъ съ *C. bentet* Horsf.; *C. cephalomelus* Вр. съ *C. nigriceps* Francf.; кромѣ того, въ группу *Collurio* введенъ Греемъ, и удержанъ г. Шаловымъ, *C. fuscatus* Less. Отдавая должное основательности изслѣдованій г. Шалова, не могу не пожалѣть о томъ, что онъ, слѣдуя Бонапарте, ошибочно соединяетъ *Lanius*, *Fiscus* и *Collurio* какъ подроды (subgenera) одного рода *Lanius*. Еслибъ авторъ внимательнѣе сравнилъ эти три группы, то убѣдился бы, что они рѣзко различны между собой. Съ другой стороны стоило только сравнить *Enneoctonus collurio* L. и *Collurio erythronotus* Vig., чтобъ убѣдиться въ близкомъ, родовомъ сходствѣ этихъ двухъ группъ. Взаимныя отношенія *Enneoctonus* и *Collurio* будутъ разобраны подробно въ общей части этой статьи; теперь же замѣчу только, что, составляя обособленные вполне родовыя группы (genera), *Enneoctonus* и *Collurio* стоятъ весьма близко по своимъ цвѣтнымъ признакамъ, значительно различаясь пластическими признаками.

Отличительные признаки рода *Collurio* Вр. слѣдующіе:

Ростъ средній. Хвостъ очень длинный, сильно ступенчатый, съ узкими рулевыми перьями. Крылья короткія, сильно закру-
мленныя. Цвѣта яркіе, интенсивные. Самки почти не отли-
чаются отъ самокъ; молодые сильно разнятся отъ старыхъ.

Область *Collurio*: южныя части Китая, Тянь-Шань, юго-во-
сточныя части Арало-Каспійской области, восточная Персія, Бе-
луджистанъ, Афганистанъ, вся Индія, Зондскіе, Филиппинскіе
острова и Формоза.

Въ предѣлахъ Россіи водится только одинъ видъ:

1. COLLURIO ERYTHRONOTUS Vig. ИНДІЙСКІЙ СОРОКОПУТЬ.

Diagn. C. pileo cervice et dorsi dimidio anteriore griseis; dimidio dorsi posteriore, uropygio et supracaudalibus rufis. Fron-
te vittaque transoculari nigris. Gula et pectore albis. Hypochon-
driis rufis.

1831. *Lanius erythronotus*. Vigors. Proc. Zool. Soc. p. 22, № 42.

Супон.

1853. *Collurio erythronotus*. Bonaparte. Rev. et. Mag. de Zool. p. 435.

1873. *Lanius erythronotus* (*Schach L.*) Сѣверцовъ. Верт. и гор. распр.
турк. жав. Изв. И. О. люб. ест. А. и Э. т. VIII. в. 2. p. 28, 50, 67.

1873. *Lanius erythronotus*. Sewerzow. Jour. f. Orn. p. 339, 349, 350,
385, 386.

1874. *Lanius erythronotus*. Sewerzow. Jour. f. Orn. p. 421.

1875. *Lanius erythronotus*. Sewerzow. Jour. f. Orn. p. 80, 179.

1873. *Collurio erythronotus*. Schalow. Jour. f. Orn. p. 147 ¹⁾.

Рисунокъ: Gould. Century Himal. Birds. 1832. Pl. XII fig. 2 (♂ ad.

¹⁾ Подробная синонимія приведена г. Шаловымъ; поэтому, кромѣ Ви-
горса и Бонапарте, я цитировалъ только тѣ сочиненія, гдѣ есть наблюде-
нія, относящіяся къ Россіи.

Въ Россіи этотъ сорокопутъ найденъ въ 1858 году г. Сѣвѣрцовымъ. Коллекція экземпляровъ, собранныхъ г. Сѣвѣрцовымъ на Сыръ-Дарьѣ, гг. Скорняковымъ и Руссовымъ въ Туркестанѣ, показываетъ, что въ названныхъ мѣстностяхъ водится типичная форма *C. erythronotus* Vig., вполне подходящая къ рисунку Гульда. Прилагаю подробное описаніе, сдѣланное по туркестанскимъ экземплярамъ.

Старый самецъ осенью (послѣ линянья). Голова, шея и передняя часть спины темнаго пепельно-сѣраго цвѣта, съ рыжеватымъ оттѣнкомъ. Задняя часть спины, плечевыя перья, надхвостье и верхнія кроющія хвоста интенсивнаго, ярко-рыжаго цвѣта. Матовая черная полоса опоясываетъ лобъ и идетъ черезъ глаза на перья прикрывающія уши. Отъ сѣраго цвѣта головы эта полоса отдѣляется узкой, слабозамѣтной, бѣловатой полоской. Горло, средняя часть зоба, груди и брюха бѣлыя, съ очень слабымъ рыжеватымъ оттѣнкомъ; бока зоба, груди и брюха ярко-рыжіе. Нижнія кроющія хвоста свѣтло рыжія. Крыловыя перья всѣ матовыя, черныя; у корня маховыхъ перваго разряда бѣлое зеркальце; вторыя маховыя и большія кроющія крыла съ широкими рыжими каймами. Четыре среднія рулевыя чернобурыя, съ узкой рыжеватой каемкой. На слѣдующихъ чернобурый пигментъ уступаетъ, постепенно, мѣсто бурому и свѣтло-бурому, причемъ конечная кайма расширяется, а на перьяхъ появляются поперечныя полосы. Вообще цвѣта крайнихъ рулевыхъ тусклы, а на наружномъ и внутреннемъ опахалахъ появляются неясныя свѣтлыя каймы.

Клювъ черный; основаніе нижней челюсти свѣтлаго роговаго цвѣта. Ноги и когти черно-бурые.

Нъ веснѣ окраска значительно измѣняется отъ выпцвѣтанія и обнаживанія перьевъ. Сѣрый цвѣтъ верхней стороны дѣлается чище и свѣтлѣе, утрачивая рыжеватый оттѣнокъ. Рыжій цвѣтъ тоже свѣтлѣетъ и утрачиваетъ интенсивность, особенно на плечевыхъ перьяхъ и на нижней сторонѣ. Бѣловатая надглазная по-

лоса становится шире и чище. Черный цвѣтъ крыльевъ переходитъ въ темно-бурый, а каймы на кроющихъ, и отчасти на вторыхъ маховыхъ перьяхъ, исчезаютъ. Цвѣтъ хвоста становится свѣтлѣе; рулевые перья сильно обнашиваются. Не менѣе сильно обнашиваются и покровныя перья, особенно на головѣ.

Г. Шаловъ указываетъ на сильную измѣнчивость окраски у этого сорокопута. Но эта измѣнчивость объясняется частью возрастомъ, частью состояніемъ оперенія въ разное время года. Однако, величина бѣлаго зеркальца на маховыхъ, у туркестанскихъ экземпляровъ, дѣйствительно очень измѣнчива: у однихъ—зеркальце велико и выставляется изъ-подъ кроющихъ перьевъ, у другихъ—мало и скрыто послѣдними; измѣнчивость эта, видимо, чисто индивидуальная.

Старая самка почти не различима отъ самца. Но у нее, вообще, черная полоса на лбу нѣсколько уже; сѣрый цвѣтъ грязнѣе и съ большей примѣсью рыжеватаго; каймы на крыловыхъ перьяхъ шире; зеркальце меньше. Измѣненія цвѣтовъ вслѣдствіе обнаживанія перьевъ тѣ-же, что у самца.

Гнѣздовой нарядъ. Верхняя сторона грязнаго свѣтло-буроваго цвѣта; на верхнихъ кроющихъ хвоста цвѣтъ рыжеватъ; всѣ перья верхней стороны, отъ лба до верхнихъ кроющихъ хвоста, съ черно-бурими поперечными полосами. На зобу и на бокахъ туловища перья такого-же цвѣта какъ на спинѣ, но свѣтлѣе, съ поперечными полосами. Остальныя части нижней стороны—горло, середина груди и брюха грязно-бѣлыя. Нижнія кроющія хвоста съ свѣтло-буримъ оттѣнкомъ. Хвостъ и крылья такого-же цвѣта какъ у старыхъ, но свѣтлѣе и бурѣе. Каймы на крыловыхъ перьяхъ шире и бурѣе. Зеркальца нѣтъ. Черно-бурая подглазная полоса доходитъ только до клюва, но не опоясываетъ лба. Клювъ и ноги черно-бурые.

Переходный нарядъ замѣняетъ гнѣздовой въ первое же лѣто (въ Іюль и Августѣ). При этомъ полосатость на покровныхъ перьяхъ исчезаетъ окончательно. Въ этомъ нарядѣ птица похожа

на старыхъ, но рыжій цвѣтъ не такъ ярокъ, слегка буроватъ и тусклый; голова, шея и передняя часть спины сѣровато-бурья. Подглазная полоса буровата и на лбу узка; а у самокъ даже не окаймляетъ лобъ. Хвостъ бурѣе и свѣтлѣе, чѣмъ у старыхъ; крылья тоже, а каймы на перьяхъ ихъ шире. У самцовъ есть зачатокъ зеркалаца, прикрытый кроющими перьями; у самокъ его вовсе не замѣтно.

Въ предѣлахъ Россіи индійскій сорокопутъ водится только на западныхъ склонахъ Тянь-Шаня и въ долинѣ рѣки Сыръ-Дарья. На Аму-Дарьѣ, вѣроятно, тоже встрѣчается, хотя я его тамъ не нашелъ ни разу. Не встрѣчалъ я его и въ Кизылъ-Кумахъ. Не найденъ этотъ сорокопутъ пока ни въ Семирѣченскомъ краѣ, ни въ восточномъ Туркестанѣ.

Въ послѣднее время въ Туркестанѣ эту птицу наблюдалъ В. Ф. Руссовъ, который привезъ значительную коллекцію шкуръ и яицъ. Судя по этой коллекціи, Руссовъ встрѣчалъ индійскаго сорокопута въ Чивазѣ (Апрѣль и Май), въ Пенджакентѣ (Апрѣль), около Заamina (Май и Июнь) и на озерѣ Искандеръ-Куль (Августъ). Въ дневникѣ Руссова находятся свѣдѣнія, что онъ встрѣчалъ эту птицу въ Пенджакентѣ (27. VI.). Въ 1871 г. онъ нашелъ ея около Ташкента.

Кромѣ превосходной коллекціи экземпляровъ индійскаго сорокопута, В. Ф. Руссовъ привезъ 12 гнѣздъ и болѣе 40 яицъ.

Гнѣзда имѣютъ, обычную для сорокопутовъ, форму открытаго полушара. Стѣнки довольно толсты и свиты прочно изъ стебельковъ и вѣточекъ травянистыхъ растений, между которыми г. Мейнгаузенъ нашелъ вѣтки *Bromus tectorum*, *Euclidium syriacum* и *Veronica biloba*; вѣтки *Veronica biloba*, съ семянными коробками, составляютъ главный матеріалъ постройки гнѣздъ и дѣлаютъ ихъ очень красивыми. Стебли названныхъ растений переплетены растительными волокнами и волосами животныхъ, между которыми заплетены также клочья хлопчатой бумаги, добытые, повидимому, изъ стараго тряпья, выбрасываемаго сартами въ садахъ и около жилищъ.

Самое большое число яицъ, найденныхъ въ одномъ гнѣздѣ, — 5. Яйца очень похожи на яйца *E. collurio*, но много больше и круглѣе. Окраска почти таже; основной фонъ желтовато-бѣлый или розовато-бѣлый, довольно-измѣнчивый. По этому фону разсѣяны красноватые и сѣроватые пятнышки, которыхъ на тупомъ концѣ больше, хотя здѣсь они не образуютъ столь рѣзко очерченнаго кольца, какъ у жулана. По измѣреніямъ г. Гѣбеля: длина яицъ отъ 22^{mm} до 27^{mm}; толщина отъ 17^{mm} до 19^{mm}. Величина и цвѣтъ яицъ вообще такъ же измѣнчивы какъ у *Enneactonus*.

Прекрасная монографія г. Шалова избавила меня отъ труда заниматься подробнымъ разборомъ рода *Collurio* Вр. Тѣмъ болѣе, что матеріалы по этой группѣ сорокопутовъ, имѣющіеся у меня въ распоряженіи, очень бѣдны. Поэтому ограничусь здѣсь лишь нѣсколькими замѣтками, которыя вызваны монографіей г. Шалова.

1) Не смотря на очень сильные доводы, приводимые г. Шаловымъ (op. cit. p. 150) въ пользу соединенія *C. erythronotus* Vig. и *C. caniceps* Blyth., я не увѣренъ окончательно, что это одинъ и тотъ же видъ. Экземпляръ отъ Брукса, изъ Каунпура (опредѣленный г. Зеебомомъ какъ *L. erythronotus*) нѣсколько меньше другихъ индійскихъ и туркестанскихъ настоящихъ *C. erythronotus*, и по окраскѣ подходитъ къ описанію Бляйта. Сѣдой цвѣтъ верхней стороны чище, свѣтлѣе и распространенъ дальше назадъ; нижняя сторона чисто-бѣлая и только на бокахъ туловища и на подхвостныхъ перьяхъ есть рыжеватый налетъ. Этотъ экземпляръ относится къ настоящимъ *C. erythronotus* также, какъ *C. bentel* Horsf. къ *C. Schach* L. Поэтому для рѣшенія вопроса составляетъ ли *C. caniceps* Blyth. особый видъ, или только южную породу *C. erythronotus* Vig. необходимо сравненіе большаго числа экземпляровъ изъ разныхъ мѣстностей Индіи и вообще изученіе этихъ птицъ на мѣстѣ.

2) Не могу также согласиться съ г. Шаловымъ, что *C. nigriceps* Francf. и *C. cephalomelus* Вр. составляютъ одинъ видъ. Бонапарте установилъ *C. cephalomelus* по экземпляру отъ Китлица изъ окрестностей Манилы. Въ И. СПб. Академіи Наукъ

есть два экземпляра отъ Китлица изъ той же мѣстности, которые вполне подходятъ къ описанію Бонапарте.

Г. Шаловъ соединяя оба вида основывается на томъ, что цвѣтные признаки, особенно цвѣтъ спины, у этого сорокопута очень варьируютъ; и притомъ представители обоихъ типовъ встрѣчаются въ однихъ мѣстностяхъ. Сравнивая оригинальныя описанія *C. nigriceps* Francl. ¹⁾ и *C. cephalomelus* Br. ²⁾ можно дѣйствительно заподозрить, что обѣ эти формы принадлежатъ къ одному виду; но если сравнить эти описанія съ рисунками *L. nigriceps* у Грея ³⁾ и Иердона ⁴⁾, то приходишь къ заключенію, что Грей и Иердонъ изобразили вовсе не *L. nigriceps* Francl. (къ описанію котораго эти рисунки не подходятъ). Нѣтъ возможности допустить, чтобы варіаціи цвѣта въ одномъ видѣ доходили до такой степени, что сѣрый цвѣтъ спины вполне исчезалъ и замѣнялся рыжимъ. Между тѣмъ экземпляры Китлица *C. cephalomelus* Br. имѣютъ спину сѣрую, а на рисункахъ Грея и Иердона вся спина ярко-рыжая, а сѣраго цвѣта нѣтъ и слѣдовъ. И если въ этихъ рисункахъ признавать (какъ это дѣлаетъ и г. Шаловъ) *C. nigriceps* Francl., то безъ сомнѣнія *C. cephalomelus* Br. будетъ составлять особый видъ. Если же птицы описанныя Франклиномъ и Бонапарте принадлежатъ къ одному виду, то птицы нарисованныя у Грея и Иердона составятъ особый видъ, ошибочно относимый къ *L. nigriceps* Francl. Да и вообще группа *Collurio* требуетъ еще дальнѣйшаго пересмотра и тщательнаго изученія матеріала болѣе богатаго, нежели тотъ который былъ у г. Шалова и у меня.

¹⁾ Proc. Zool. Soc. 1831 p. 117.

²⁾ Revue et Mag. de Zool. 1853. p. 436.

³⁾ Gray and Mitchel. Genera of Birds. I. tab. 71.

⁴⁾ Jerdon, Illustration of Indian Ornithology. 1847. Tab. 17.

Genus IV. PHONEUS Каур. КРАСНОГОЛОВЫЕ СОРОКОПУТЫ.

Родъ *Phoneus* отличается отъ всѣхъ другихъ сорокопутовъ рыжей или красно-рыжей головой. Составъ и положеніе этого рода въ семействѣ до сихъ поръ не установлены еще. Названіе *Phoneus* дано Каупомъ европейскому виду *L. rufus*, s. *ruficeps*, котораго относили или къ роду *Lanius*, или къ роду *Enneoctonus*. Бонапарте, въ своей послѣдней класификаціи (1853), отнесъ *L. rufus* къ роду *Enneoctonus*, а названіе *Phoneus* Каур. онъ придалъ *L. bicephalus* T. et S., помѣстивъ этотъ родъ между *Otomela* и *Leucometopon*. Фицингеръ для *L. bicephalus* установилъ особый родъ *Cephalophoneus*. Грей, въ послѣдней своей класификаціи (1867), приводитъ какъ *subgenera* рода *Lanius*: *b*, *Phoneus* Каур. куда относитъ *Ph. senator* L. (*rufus*, s. *ruficeps*), *Ph. rutilans* Temm. и *Ph. niloticus* Br.; *c*. *Cephalophoneus* Fitz.—*C. bicephalus* T. et S.

Я считаю болѣе правильнымъ соединить всѣхъ рыжеголовыхъ сорокопутовъ въ одинъ родъ *Phoneus*, по тѣмъ же причинамъ, которыя привели къ соединенію *E. magnirostris* и *E. collurio*.

Матеріалъ для разработки этой группы у меня очень недостаточенъ. Особенно недостаетъ матеріала для африканскихъ формъ, а литература ихъ очень запутана. Изъ *Phoneus* у насъ найдены слѣдующіе виды:

1. PHONEUS BRACHYURUS Pall.

Diagn. Magnitude Collurionis. Caput supra ferrugineo-griseum, tractu supraciliari albo, fasciaque lata nigra, a rostro, per oculos, ad aures ducta. Corpus supra griseo-cinereum, uropygio exolete ferrugineo. Subtus albido lutescens, versus latera saturatius; gula albida; crissum candidum. Alae nigricantes, basi subtus alba; remiges 19 prima brevis, omnes limbo exteriore pallido; tectrices apice griseo marginatae. Cauda decempennis, brevior

quam in omnibus praecedentibus ¹⁾, imo corpore brevior, obiter rotundata, extima utrinque quaternis apice albidis. Pedes nigri. Pondus paulo ultra drachmas novem. Coeca exilia; vesicula fellea nulla. Mas vix differt a femina, nisi intensitate coloris; huic deest fascia per oculos nigra, licet superciliaris alba adesset. Malaе pone oculos fuscae. (ex Pallas).

1777. *Lanius brachyurus*. Pallas. Reise. III. p. 210 et app. p. 693. n. 5 Synon.

1811. *Lanius brachyurus* Pallas. Z. R. A. I. p. 405. n. 60.

Это до сихъ поръ загадочный видъ. Палласъ сообщаетъ, что онъ нашелъ его въ маѣ 1772 г. въ Дауріи. Съ тѣхъ поръ никто и нигдѣ не находилъ эту птицу. Но я считаю неправильнымъ, впредь до новыхъ изслѣдованій, соединять этотъ видъ съ *Ph. bucephalus* T. et S., о чемъ скажу ниже. Здѣсь же въ діагнозѣ я выписалъ только то, что даетъ Палласъ, съ цѣлью обратить на этотъ видъ вниманіе будущихъ сибирскихъ орнитологовъ.

2. PHONEUS BUCEPHALUS Temm. et Schl. ЯПОНСКІЙ СОРОКОПУТЬ.

Diagn. Capite laete ferrugineo, fronte et fascia superciliaris albescens. Dorso, uropygio et supracaudalibus unicoloribus griseis; gastraeo albo, ingluvie, pectore et hypochondriis rufescentibus; cauda griseo-nigricante.

Fem. notaeo toto fuscescente rufo.

1847. *Lanius bucephalus*. Schlegel et Temminck. Fauna Japonica. p. 39. Pl. 14.

Synon.

1850. *Enneoctonus bucephalus*. Bonaparte. Consp. Gen. Av. I. p. 363.

1853. *Phoneus bucephalus*. Bonaparte. Rev. et Mag. de Zool. p. 438.

1860. *Lanius bucephalus*. Swinhoe. Ibis. p. 60, 132.

¹⁾ Т. е. короче, чѣмъ у *L. major*, *excubitor*, *minor*, *collurio* и *phoenicurus*, описанныхъ у Палласа передъ этимъ видомъ.

1861. *Lanius bicephalus*. Swinhoe. Ibis. p. 340.
 1862. *Lanius bicephalus*. Blackiston. Ibis. p. 317.
 1862. *Lanius bicephalus*. Swinhoe. P. Z. S. p. 319.
 1863. *Lanius bicephalus*. Swinhoe. P. Z. S. p. 287, 335.
 1870. *Lanius bicephalus*. Swinhoe. P. Z. S. p. 435.
 1871. *Lanius bicephalus*. Swinhoe. P. Z. S. p. 375.
 1875. *Lanius bicephalus*. Swinhoe. Ibis. p. 115, 450.
 1876. *Lanius bicephalus*. Swinhoe. Ibis. p. 331.
 1876. *Phoneus bicephalus*. Taczanowski. J. f. O. p. 197.
 1876. *Lanius brachyurus*. Schalow. J. f. O. p. 215.
 1876. *Phoneus bicephalus*. Taczanowski. Bull. de la S. Z. de Fr. p. 167.
 1877. *Lanius bicephalus*. David et Oustalet. Ois. de la Chine. p. 98.
 1877. *Phoneus bicephalus*. Тачановскій. Труды V Съѣзда русс. ест. въ Варшавѣ. p. 328.

Рисунки: Schlegel et Temminck. Fauna Japonica. Pl. 14. ♂ и ♀

Въ предѣлахъ Россіи этотъ видъ найденъ весьма недавно (1875 г.) гг. Дыбовскимъ и Годлевскимъ, около залива Абрекъ, въ Южно-Усурійскомъ краѣ. В. К. Тачановскій, опредѣливъ эту птицу совершенно вѣрно, отвесъ ее къ *Ph. bicephalus* T. S., но я никакъ не могу согласиться съ нимъ и съ г. Шаловымъ, что этотъ видъ есть *L. brachyurus* Pall. Послѣдній описанъ Палласомъ весьма обстоятельно; точность описаній этого ученаго признана всѣми и нельзя допустить, чтобы Палласъ, подробно описывая такіе мелочные признаки *L. brachyurus*, какъ свѣтлые края маховыхъ, бѣлые кончики крайнихъ рулевыхъ и т. д., — могъ по ошибкѣ сказать «*urogugio exolete ferrugineo*», тогда какъ у *bicephalus* надхвостье одного цвѣта съ спиной, т. е. сѣрое (*griseum*). Экземпляры старыхъ самцовъ изъ Хакодате и съ береговъ залива Абрекъ вполне сходны съ описаніемъ и рисункомъ Шлегеля и Темминка, но не подходятъ къ описанію Палласа, слѣдующими признаками: а) на основаніи первыхъ маховыхъ у нихъ большое бѣлое зеркальце, о которомъ Палласъ не упоминаетъ; б) хвостъ не короче, чѣмъ у *O. phoenicura* Pall.; в) надхвостье одного цвѣта съ спиной; этихъ различій вполне достаточно, чтобъ усомниться въ тождествѣ обѣихъ формъ. И ко-

нечно правильнѣе считать ихъ отдѣльными видами до тѣхъ поръ, пока не будетъ найденъ въ Дауріи или настоящей *Ph. brachyurus* Pall., или же *Ph. bicephalus* и будетъ такимъ образомъ доказана ошибка Палласа.

Что касается положенія *Ph. bicephalus* въ семействѣ, то по окраскѣ самокъ и молодыхъ этотъ сорокопуть находится въ такихъ же отношеніяхъ къ роду *Otomela*, какъ *E. magnirostris*; съ другой стороны, лучшимъ доказательствомъ того, что эта птица принадлежитъ къ одной естественной группѣ съ *Ph. ruficeps* Bechst., служитъ слѣдующій параллельный діагнозъ:

***Ph. bicephalus* T. S.**

Старый самецъ.

Голова свѣтло-рыжая до самого лба, который опоясанъ узкой бѣловатой полоской, продолжающейся надъ глазами. Подъ ней отъ угла рта идетъ черная подглазная полоса на ухо.

Спина, надхвостье, плечевыя и верхнія кроющія хвоста темно-сѣрыя.

Нижняя сторона бѣлая съ рыжимъ налетомъ на зобѣ, груди и бокахъ туловища.

Хвостъ закругленный, сильно ступенчатый, черновато-сѣрый; наружныя рулевыя съ бѣлой ковечной каемкой на нижней сторонѣ.

***Ph. ruficeps* Bechst.**

Голова рыжая; весь лобъ до темени опоясанъ широкой черной полосой, идущей, черезъ глазъ, на ухо. Бѣлой надглазной полосы нѣтъ.

Спина и мелкія плечевыя перья черныя; большія плечевыя — бѣлыя; задняя часть спины темно-сѣрая; надхвостье бѣлое; верхнія кроющія хвоста свѣтло-сѣрыя, съ рыжеватымъ оттѣнкомъ.

Нижняя сторона бѣлая, съ рыжеватымъ налетомъ на зобѣ, груди и бокахъ туловища.

Хвостъ усѣченный, черный; наружныя рулевыя укороченныя, бѣлыя съ чернымъ пятномъ на внутреннемъ опахалѣ.

Крылья закругленные, чернобурыя; на основаніи первыхъ маховыхъ бѣлое зеркальце; вторыя маховыя и большія кроющія съ узкой бѣловатой каемкой на наружномъ опахалѣ. При обнашиваніи эти каймы пропадаютъ. Клювъ и ноги чернобурыя.

Крылья заостренные, буровато-черныя; на основаніи первыхъ маховыхъ бѣлое зеркальце; у вторыхъ маховыхъ бѣловатая кайма. Клювъ и ноги чернобурыя.

Старая самка.

У меня есть экземпляръ самки отъ Темминка изъ Японіи, сходный съ описаніемъ Темминка и Шлегеля; по этому описанію «самка отличается отъ самца слѣдующимъ: бурорыжіи цвѣтъ верхней стороны темный, безъ всякой примѣси сѣраго, занимаетъ также всю спину и хвостъ, хотя на этихъ частяхъ грязнѣе головы. Лобъ свѣтлѣе головы. Надглазная полоса менѣе выдѣляется и бѣлый цвѣтъ ея съ оттѣнкомъ рыже-бураго. Подглазная полоса бурая, немного темнѣе головы, и замѣтна только на ушныхъ перьяхъ. Крылья свѣтлѣе и каймы ихъ шире и бурѣе. Бѣлый цвѣтъ нижней стороны съ болѣе сильнымъ рыжимъ налетомъ, хотя и менѣе распространеннымъ на бокахъ, чѣмъ у

Совершенно сходна съ самцомъ; только всѣ цвѣта тусклѣе; черная полоса на лбу уже; бѣлыя плечевыя перья съ грязнымъ оттѣнкомъ; нижняя сторона грязнѣе и бурѣе.

самца. За исключеніемъ горла, брюха и нижнихъ кроющихъ хвоста всѣ перья нижней стороны съ черноватыми поперечными полосками». «Изъ этого видно, прибавляютъ авторы описанія, что самка *L. bicephalus* по окраскѣ очень схожа съ самкой *E. collurio*».

Къ этому можно прибавить, что эта самка схожа по окраскѣ также съ самкой *E. magnirostris* и съ самками многихъ *Otomela*. Сходство же съ самкой родича *Ph. ruficeps* нарушено тѣмъ, что послѣдняя приблизилась къ типу своего самца; аналогичное явленіе, хотя и въ меньшей степени, существуетъ также въ родѣ *Emneoctonus* и въ такой же сильной степени въ родѣ *Collurio*.

Молодые.

У Свингоэ находится слѣдующее описаніе молодого самца, убитого 5-го октября: «На верхней сторонѣ красноватобурый, особенно на темена и затылкѣ; горло, подмышечныя перья и нижнія кроющія хвоста свѣтлаго сливочнаго цвѣта; остальные части нижней стороны болѣе или менѣе рыжія, съ поперечными полосками». (ор. cit. 1875. p. 115).

Описаніе это крайне недостаточно. Не можетъ быть, чтобы въ молодомъ нарядѣ спинная

Вся верхняя сторона свѣтло-буроватая съ черно-бурыми поперечными полосками. Ушнаго пятна не замѣтно. Горло, брюшко и нижнія кроющія хвоста бѣлыя, грязноватыя. Зобъ, грудь и бока туловища съ буроватымъ налетомъ и поперечными бурыми полосками.

Крылья бурья; зеркальце на первыхъ маховыхъ рыжеватое. Заднія маховыя бурья, съ рыжими широкими каймами. Плечевыя грязнаго, рыжеватобѣлаго цвѣта съ черными попе-

сторона была безъ поперечныхъ речными полосками. Хвостъ бурый съ рыжимъ отгѣнкомъ на краяхъ и концахъ перьевъ; наружныя рулевья рыжѣе и свѣтлѣе.

Свингоэ вовсе не упоминаеть. Сомнѣнiе наше подтверждается слѣдующей замѣткой г. Тачановскаго: «Молодая птица въ гнѣздовомъ нарядѣ совершенно сходна съ молодымъ *Ph. rufus* того же возраста». (J. f. O. 1876. p. 197).

Дальнѣйшiя доказательства тѣснаго родства, и принадлежности къ одному роду, этихъ видовъ сорокопутовъ излишни.

Географическое распространенiе японскаго сорокопута можно указать только въ общихъ чертахъ. Найдена эта птица въ Японiи; въ Хакодате экземпляры ея добыты Максимовичемъ и Блакистономъ. Свингоэ находилъ этого сорокопута: въ Амоѣ, въ Таку, въ Пекинѣ, въ Тiенсинѣ (Tientsin) и въ провинци Чифу (Lighthouse Island). Дыбовскiй — въ Южно-Усурiйскомъ краѣ, около залива Абрекъ, въ Июлѣ, гдѣ онъ несомнѣнно гнѣздится. Наконецъ, Давидъ — около Пекина. Характеръ мѣстообитанiя, образъ жизни, пища, гнѣздо, яйца этого сорокопута до сихъ поръ неизвѣстны.

3. PHONEUS RUFICEPS Bechst. КРАСНОГОЛОВЫЙ СОРОКОПУТЬ.

Diagn. Vertice, nucha cerviceque intense rufis; dorso fuliginoso-nigricans; margine frontali lata nigra; scapularibus, speculo alari, supracaudalibus et subcaudalibus albis; tergo fuscescente cinereo; alis caudaque fuliginoso-nigris; rectricibus, medianis

exceptis, basi late albis, apice conspicue albo-marginatis, extimis albis. Rostro nigricante-corneo; pedibus fuscis.

Fem. ad. similis maris, sed colore sordidiore et margine frontale angustiore.

1760. *Lanius rufus*. Brisson. Ornithologia. I. p. 199.

Synon.

1776. *Lanius auriculatus*. Müller. Syst. Nat. Suppl. p. 71.

1786. *Lanius pomeranus*. Sparrmann. Mus. Carlst. Fasc. I. t. 1.

1790. *Lanius rutilus*. Latham. Ind. Orn. I. p. 70. n. 12.

1805. *Lanius ruficeps*. Bechst. Naturg. Deutschl. II. p. 1327. Taf. XV.

1809. *Lanius ruficollis*. Shaw. Gen. Zool. VII. p. 316.

1822. *Lanius rufus*. Naumann. Naturg. Vögel Deutschl. II. p. 22. Taf. 51.

1829. *Phoneus rufus*. Kaup. Skizzirte Entwick.-Gesch. und. Nat. Syst. d. Eur. Thierwelt. p. 33.

1831. *Lanius rufus*. Brehm. Handbuch d. Naturg. aller Vögel Deutschl. p. 237.

» *Lanius ruficeps*. Brehm. ibidem. p. 237.

» *Lanius melanotus*. Brehm. ibidem. p. 238.

» *Lanius rufus*. Двпгубскій. Опытъ ест. ист. всёхъ жив. Рос. Имп. p. 37.

1851. *Lanius rufus*. Кесслеръ. Ест. истр. Киев. уч. окр. II. p. 36.

1853. *Enneoctonus rufus*. Bonaparte. Rev. et Mag. de Zool. p. 439.

1869. *Phoneus senator*. Gray. Hand-List of. Gen. and. sp. B. I. p. 393. n. 8978.

1871. *Lanius auriculatus*. Sharpe and Dresser. A hist. of the Birds of Europe. Part. I. Pl. 3.

Рисунки: Naumann, Vög. D. II. taf. 51. fig. 1. (♂ ad.), f. 2. (juv.); Gould, Birds of Europe (1837), II. Pl. 70. Fritsch, Vogel Europa's Tab. 23. f. 11; Sharpe and Dresser. A hist. of the Birds of Europe. Pl. 3. (♂ et juv.); Gould. Birds of Great Britain. 1873. II. Pl. 16.

Синонимія рыжеголоваго сорокопуга указываетъ, что онъ, подобно другимъ, тоже странствовалъ въ классификаціяхъ изъ рода въ родъ, и причислялся то къ *Lanius*, то къ *Enneoctonus*, то къ *Phoneus*. Описывать его я не стану потому, что подробное описаніе представлено уже выше (см. *Phoneus biscephalus*). Къ сожалѣнію скудный матеріалъ не позволяетъ мнѣ

разобрать вариации красноглавого сорокопуга. Кромѣ типичной европейской формы существуетъ нѣсколько породъ или видовъ въ Африкѣ: 1) *Ph. rutilans* Temm.; 2) *Ph. niloticus* Br.; 3) *Ph. pectoralis* Müll.; 4) *Ph. Jardinei* Müll. которые одни считаютъ за виды, другіе за породы. За отсутствіемъ экземпляровъ, на основаніи однихъ только литературныхъ данныхъ, не только рѣшать вопросъ о видовой самостоятельности этихъ формъ, но и вообще разбирать ихъ взаимныя отношенія считаю невозможнымъ. Поэтому ограничусь только сводомъ наблюденій надъ распространеніемъ этой птицы въ Россіи.

У Двигубскаго (ор. cit.) находится первое, и къ тому же ошибочное указаніе, что красноглавый сорокопугъ водится «въ сѣверной части Россіи». До сихъ поръ красноглавый сорокопугъ найденъ въ губерніяхъ: Подольской (Бельке¹⁾); въ Новороссійскомъ краѣ (Нордманнъ, но гдѣ именно не сказано²⁾); въ Кіевской (Анджейовскій³); однако г. Кесслеру⁴, Гебелю и Гольцу тамъ не встрѣчался); въ Литвѣ (Тизенгаузъ⁵⁾); въ царствѣ Польскомъ (Тачановскій⁶⁾); въ Гродненской губ. (Билькевичъ). Такъ, что повидимому Днѣпръ составляетъ восточную, а Западная Двина сѣверную границы распространенія этого вида въ Россіи. Правда, есть указанія на то, что красноглавый сорокопугъ попадаетъ и за этими границами; такъ напр. г. Даниловъ приводитъ его между птицами Орловской губ.⁷; а Л. П. Сабанѣвъ говоритъ, что видѣлъ его въ Ярославской губ.⁸; но оба показанія требуютъ проверки.

Въ Крыму до сихъ поръ красноглавый сорокопугъ ни кѣмъ не замѣченъ.

¹⁾ Belke. Bull. de Moscou. 1853, p. 419; ibid. 1859, p. 29.

²⁾ Nordmann. Observ. sur la faune pontique. p. 114.

³⁾ Andrzejowski. Bull. de Moscou. 1829. p. 15.

⁴⁾ Кесслеръ. Ест. ист. Кіев. уч. окр. II. p. 36.

⁵⁾ Tysenhauz. Ornith. I. p. 300.

⁶⁾ Тачановскій. Сравн. обзоръ фауны средней Евр. Тр. III-го съѣзда. Кіевъ. 1873. p. 137; и Bull. de la Soc. Zool. de France. 1877. p. 146.

⁷⁾ Daniloff. Bull. de Moscou. 1864. p. 456.

⁸⁾ Сабанѣвъ. Bull. de Moscou. 1868. p. 246 et 510.

Нордманнъ нашель этого сорокопута осѣдлымъ на черноморскомъ берегу Кавказа ²; а Филиппи онъ попадался въ Тифлисской губ. ³).

За предѣлами Россіи красноголовый сорокопутъ населяеть почти весь материкъ западной Европы, сѣверную Африку и Малую Азію до Персіи включительно. Но какъ тамъ разграничена европейская типичная форма отъ африканскихъ сородичей пока едва ли кто можетъ рѣшить на основаніи имѣющихся наблюденій.

Нравы и образъ жизни, пища и размноженіе красноголоваго сорокопута подробно описаны у Науманна; также сборъ разныхъ наблюденій находится у Шарпа и Дрессера. Поэтому, не имѣя ни своихъ, ни чужихъ наблюденій для Россіи, я приводить эти описанія не буду.

Примѣчаніе. Въ только что выпедшемъ сочиненіи М. А. Мензбира говорится, что «красноголовый сорокопутъ, *L. rufus* L., довольно рѣдокъ (въ Тульской губ.), но все таки не такъ, какъ обыкновенно полагають; по крайней мѣрѣ въ Тульскомъ и Алексинскомъ уѣздахъ онъ мнѣ встрѣчался только рѣже *L. collurio*. Держится въ порѣчныхъ кустахъ» ¹⁰). Въ таблицѣ его (l. cit. p. 368) онъ показанъ лѣтней птицей, которая еще чаще встрѣчается весной и осенью. Не выдавъ экземпляровъ, собранныхъ въ Тульской губ., не могу судить на сколько вѣрно опредѣленіе вида, о которомъ говорить авторъ.

Genus V. LANIUS L. СѢРЫЕ СОРОКОПУТЫ.

Послѣдній родъ сорокопутовъ, виды котораго также водятся въ Россіи, отлично характеризуется названіемъ *сѣрыхъ* сорокопутовъ; сѣрый цвѣтъ въ различныхъ оттѣнкахъ, до сѣро-бураго включительно, преобладаетъ въ опереніи птицъ этого рода. Отъ

²) Filippi. Note di un viaggio in Persia. p. 79, 346.

¹⁰) Мензбиръ. Bull. de Moscou. 1879. T. LIV. № 2 p. 241.

другихъ родовъ сѣрые сорокопуть отличаются еще *большимъ ростомъ и черно-бѣлой окраской хвоста и крыльевъ*. Половые различія въ этомъ родѣ ничтожны, а возрастныя — очень незначительны.

Область рода: вся сѣверная Америка, Азія, Европа и Африка.

Родъ этотъ отличается большимъ числомъ видовъ, а литература его чрезвычайной запутанностью и обиліемъ синонимовъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ стоитъ только сравнить приведенные выше списки видовъ — Кабаниса, Бонапарте и Грея; въ каждомъ изъ нихъ родъ сѣрыхъ сорокопутовъ имѣетъ иной составъ. Въ 1870 г. появилось наконецъ первое, со времени Бонапарте, монографическое изслѣдованіе этого рода Шарпа и Дрессера (*Notes on *Lanius excubitor* and its Allies. Proc. Z. S. 1870. p. 590*). Для сравненія приводимъ списокъ видовъ, съ ихъ синониміей, которые даютъ эти авторы.

- 1) *L. excubitor* L.
- 2) *L. borealis* Vieill. (*Collyrio borealis* Baird. = *L. septentrionalis* Bp. = *L. excubitor* Forst).
- 3) *L. algeriensis* Less. (= *meridionalis* Malh.)
- 4) *L. meridionalis* Temm.
- 5) *L. ludovicianus* L. (= *excubitoroides* Sw. = *elegans* Baird).
- 6) *L. Lathora* Sykes (= *elegans* Swains. = *burra* Gray = *minor* Rüpp. = *orbitalis* H. et E. = *collurio* Heugl. = *pallens* Cass., Gray = *aucheri* Bp. = *dealbatus* De Fil. = *leuconotus* Brehm. = *hemileucurus* Finsch. et Hartl. = *fallax* Finsch. = *meridionalis* Tristr. = *leucopygus* H. et Ehrb.).
- 7) *L. pallidirostris* Cass. (*pallidus* Ant.).
- 8) *L. minor* Gm.
- 9) *L. excubitorius* Pr. et. O. de M. (*princeps* Cab. — *macrocerus* Cab. = *kiek* Vierth.).

Разница съ другими списками очень большая, а синонимія совершенно иная. Особенно поражаетъ многочисленностью синонимовъ

L. Lathora, къ которому редуцировано 13 видовъ или названій. Въ послѣдствіи Шарпъ и Дрессеръ разработали подробнѣе большую часть видовъ этого рода въ своей *A hist. of the Birds of Europe*, и тѣмъ облегчили повѣрку ихъ изслѣдованій. Дальнѣйшія изслѣдованія обогатили эту группу только двумя видами (*L. sphenocercus* Cab. и *L. Homeyeri* Cab.). Обширная литература рода и тѣ особенности ея, на которыя указано сейчасъ, заставили меня потратить на изученіе сѣрыхъ сорокопутовъ много времени; но, къ сожалѣнію, недостатокъ матеріаловъ, не позволилъ довести работу до желаемой законченности. Нѣкоторые виды остались для меня очень загадочными; сродство другихъ между собой разъяснить вполнѣ тоже еще не удалось. Въ особенности плохо выяснились, за отсутствіемъ оригиналовъ, африканскіе и южно-азіатскіе виды. Относительно ихъ стало очевиднымъ, что многіе виды, составляющіе промежуточные звѣнья еще неизвѣстны, съ другой стороны, благодаря неточности опредѣленій и неразъясненной синониміи, установить области африканскихъ и южно-азіатскихъ видовъ при настоящемъ положеніи знаній рѣшительно невозможно.

Въ русской фаунѣ изъ сѣрыхъ сорокопутовъ до сихъ поръ были извѣстны:

- 1) *L. excubitor* L.
- 2) *L. major* Pall.
- 3) *L. mollis* Eversm.
- 4) *L. Homeyeri* Cab.
- 5) *L. sphenocercus* Cab.
- 6) *L. meridionalis* Temm.
- 7) *L. leucopygus* (*L. Lathorae* Sykes. var.), Sewerz.
- 8) *L. pallidirostris* Cass.
- 9) *L. minor* Gm.

Т. е. большинство видовъ рода, которые и разберемъ прежде всего, а за тѣмъ анализируемъ иностранные виды, сгруппируемъ ихъ и поищемъ связи съ другими сородичами.

1. LANIUS MOLLIS Eversm. АЛТАЙСКИЙ СОРОКОПУТЬ.

Табл. 2. Фиг. 1. ♂ ст.; Фиг. 2 мол.

Diagn. Capite et nucha griseo-fuscescentibus; dorso cinerascente-fusco; uropygio griseo; scapularibus, supra-et subcaudalibus vinaceis; gastraeo ex rufo albescente, plumis omnibus fasciis transversis fuscis ornatis; remigibus primariis 3—10 basi albo maculatis.

Fem. nota eo toto ex rufo fuscescente.

1853. *Lanius mollis* n. sp. Eversmann. Bull. de la Soc. I. des nat. de Moscou. T. XXVI. № 2, p. 498.

Алтайскій сорокопуть описанъ Пр. Эверсманномъ по одному экземпляру стараго самца, добытаго препараторомъ Романовымъ 10 сентября 1843 г. въ Алтайскихъ горахъ, на верховьѣ рѣчки Чуя, около китайской границы. Съ тѣхъ поръ эту птицу никто не изслѣдовалъ и къ установленному Эверсманномъ виду относились съ недоувѣремъ; такъ напр., Кабанисъ по описанію Эверсманна заключаетъ, что *L. mollis* есть молодой *L. major* Pall. въ переходномъ нарядѣ ¹⁾. Кромѣ этой замѣтки впрочемъ въ литературѣ нѣтъ ничего о *L. mollis* и онъ остался до сихъ поръ сомнительнымъ видомъ. Однако кромѣ оригинальнаго экземпляра (бывшаго долгое время въ моемъ распоряженіи и поступившаго теперь въ музей И. С.-Петербургской Академіи Наукъ) я нашель въ академическомъ музеѣ еще два экземпляра того же вида, доставленные Г. С. Карелинымъ, принявшимъ ихъ за *L. meridionalis*. Сравненіе всѣхъ трехъ экземпляровъ и цѣлой коллекціи экземпляровъ *L. major* Pall., *L. excubitor* L. и др. убѣдило положительно, что *L. mollis* есть особый и хорошо установленный видъ, рѣзко отличный отъ всѣхъ другихъ сородичей, и что описаніе и діагнозъ Эверсманна составлены очень хорошо. Когда мои изслѣдованія

¹⁾ Cabanis. Journ. f. Orn. 1873. p. 77.

были уже окончены, были доставлены въ музей еще три экземпляра *L. mollis*, окончательно уяснившіе самостоятельность этого вида.

Постараюсь описать тщательно половыя, возрастныя и видовыя особенности этого сорокопута, чтобъ разсѣять всякія сомнѣнія въ его видовой самостоятельности и потому еще, что эта птица представляетъ глубокой интересъ какъ примитивная форма всей обширной группы сѣрыхъ сорокопутовъ.

Старый самецъ осенью. Немного болѣе чѣмъ *L. borealis* и *L. excubitor*. Опереніе очень мягкое, приблизительно какъ у *Bombus garrula*. Голова и задняя сторона шеи пепельно-сѣраго цвѣта съ неяснымъ красновато-бурымъ оттѣнкомъ. Верхняя часть спины такого же цвѣта, но немного красноватѣе; по направленію къ плечамъ и задней части спины красноватый оттѣнокъ усиливается. Надхвостье пепельно-сѣраго цвѣта, который на верхнихъ кроющихъ хвоста переходитъ въ красновато-рыжій. Нижняя сторона бѣлаго цвѣта съ сильной примѣсью красновато-бурого, особенно на бокахъ туловища; всѣ перья имѣютъ бурья волнистыя поперечныя полосы, приблизительно по три на каждомъ перѣ¹⁾. Нижнія кроющія хвоста блѣдныя, красновато-рыжія, безъ полосокъ. Чернобурая полоса, начинаясь подъ глазами, идетъ на перья уха. Крылья чернобурья; на 3 до 10 первыхъ маховыхъ у основанія бѣлыя пятна, образующія зеркальце, которое однако меньше, чѣмъ у *L. borealis*. Вторыя маховыя съ бѣловатой конечной каймой. Хвостъ буровато-черный; наружное опахало крайняго слѣдующаго за нимъ рулевыхъ, бѣлое съ рыжеватымъ налетомъ; конечная половинка внутренняго опахало крайняго рулевого бѣлая; у слѣдующихъ это бѣлое поле постепенно уменьшается; а у среднихъ только узкая бѣлая кайма на концахъ. Клювъ бурый. Ноги чернобурья.

Другіе два самца (№ 318 и 319 нат.) вполне схожи съ опи-

---

¹⁾ «Которыя, говоритъ Эверсманнъ, вѣроятно представляютъ признакъ молодости». Въ чемъ онъ ошибся.

самымъ и отличаются только тѣмъ, что подглазная полоса свѣтлѣе, и большія кроющія крыла съ свѣтлыми рыжеватыми каемками; зеркальце меньше; каемки на вторыхъ маховыхъ и плечевыхъ съ сильной примѣсю рыжеватаго. Очевидно эти самцы въ переходномъ нарядѣ.

Самка. (№ 320 кат.). На этикеткѣ Карелинъ написалъ: *L. meridionalis*. Полъ не означенъ. Но сравненіе съ остальными экземплярами не оставляетъ сомнѣнія, что это самка (старая? или въ переходномъ нарядѣ? не берусь рѣшить). Сравнительно съ оригинальнымъ экземпляромъ самца: величина одинакова; вся верхняя сторона головы и шеи, одного цвѣта съ спиной, — красновато-бурья и цвѣтъ темнѣе. Свѣтлая полоса образуемая на крылѣ плечевыми перьями, темнѣе, красновато-рыжая. Надхвостье темнѣе, буровато-сѣрое. Верхнія кроющія хвоста, не столь чистаго и яркаго цвѣта, сѣровато-рыжія; заднія, самыя длинныя изъ этихъ перьевъ имѣютъ широкую черную конечную кайму, какой нѣтъ у самца. Полоса матово-чернаго цвѣта, начинаясь подъ глазомъ, идетъ на ухо; между глазомъ и клювомъ слѣдовъ этой полосы нѣтъ; перья тутъ грязно-буроватыя, съ черными щетинистыми бородками, какъ у самца. Горло красновато-бураго цвѣта, свѣтлѣе шеи, почти безъ поперечныхъ полосокъ. Остальныя части нижней стороны такого же цвѣта какъ у самца и столь же густо покрыты бурными волнистыми линиями, но основной цвѣтъ красноватѣе и интенсивнѣе. Нижнія кроющія хвоста чистаго, красновато-рыжаго цвѣта, безъ полосокъ, какъ у самца, но и здѣсь цвѣтъ интенсивнѣе. Окраска крыльевъ, положеніе и величина бѣлаго зеркальца совершенно какъ у самца. У четырехъ среднихъ рулевыхъ бѣлой конечной каймы нѣтъ. На внутреннемъ опахалѣ крайняго рулеваго бѣлое поле гораздо меньше; наружное опахало этого пера все бѣлое, но съ рыжимъ отгѣнкомъ, какого нѣтъ у самца. Слѣдовательно этотъ экземпляръ, сохраняя всѣ типичныя признаки самца, отличается отъ него тѣмъ, что: а) на перьяхъ спинной стороны нѣтъ примѣси сѣраго цвѣта и голова не свѣтлѣе спины; б) окраска всѣхъ перьевъ темнѣе и интенсивнѣе;

с) бѣлый менѣе распространенъ на перьяхъ хвоста; d) присутствіемъ черныхъ каемокъ на верхнихъ кроющихъ хвоста.

Гнѣздовой нарядъ. (№ 321 кат.). — Полъ не означенъ. Величиной почти не разнится отъ взрослыхъ. По интенсивности окраски ближе къ самкѣ, но цвѣта тусклы. Спинная сторона бурая, безъ примѣси красноватаго оттѣнка; на головѣ и шеѣ есть слабая примѣсь сѣраго. На всѣхъ перьяхъ спинной стороны есть остатки свѣтлыхъ поперечныхъ полосокъ, чего нѣтъ у взрослыхъ. Полоса образуемая концами кроющихъ плечевыхъ перьевъ лишь немного свѣтлѣе спины, тусклая, рыжеватая и съ слѣдами чернобурыхъ поперечныхъ волнистыхъ линий. Надхвостье сѣровато-бурое. Верхнія кроющія хвоста тусклаго, рыжаго цвѣта, съ буроватымъ оттѣнкомъ и съ слабыми чернобурыми волнистыми линиями. Подглазная полоса такой же формы какъ у взрослыхъ, но замѣтно свѣтлѣе и тусклѣе. Нижняя сторона блѣдно-бурая; на зубу и груди желтѣе; поперечныя бурья волнистыя линіи многочисленнѣе, но на болѣе темномъ фонѣ не такъ рѣзко выступаютъ. Нижнія кроющія хвоста такого же чистаго свѣтлаго, красновато-рыжаго цвѣта, какъ у взрослыхъ, но каждое перо съ нѣсколькими бурыми волнистыми линиями. Общая окраска крыльевъ такая же какъ у взрослыхъ; но чернобурый цвѣтъ менѣе интенсивенъ и не имѣетъ блеска; а бѣлый цвѣтъ зеркальца съ примѣсью свѣтло-рыжаго. Большія кроющія крыльевъ имѣютъ на наружномъ опахалѣ ярко-рыжія каймы. Рулевья окрашены какъ у старыхъ, но цвѣта тусклѣе и бѣлый съ большей примѣсью рыжаго. Среднія рулевья окаймлены на концѣ рыжимъ. Клювъ и ноги свѣтлѣе.

Другой экземпляръ (№ 322 кат.), самецъ, съ недоросшими еще крыльями и хвостомъ (и вообще нѣсколько меньшей величины) вполне похожъ на предъидущій, но, вслѣдствіе большей свѣжести оперенія, на спинной сторонѣ полосатость явственнѣе, а каемки крыловыхъ перьевъ рыжѣе.

Полный рядъ возрастныхъ измѣненій не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ самостоятельности этого вида. Цвѣтныя признаки на столько рѣзки, что эту птицу легко отличить отъ вся-

каго другаго вида рода *Lanius*. Приложенная таблица размѣровъ указываетъ особенности которыя положительно не позволяютъ считать эту птицу за молодого *L. borealis sibiricus* (*L. major* Pall.), такъ какъ послѣднй по размѣрамъ различныхъ частей меньше. Предполагать, что съ возрастомъ крылья, хвостъ и другія части уменьшаются было бы нелѣпостью.

Географическое распространение. Всѣ свѣдѣнiя о распространенiи алтайскаго сорокопута пока ограничиваются тѣмъ, что написано на этикеткахъ перечисленныхъ выше экземпляровъ. Верховья рѣки Чуя на Алтаѣ (Сентябрь); р. Хобдо (Декабрь); южный Алтай; р. Черный Иртышъ (Юль); р. Лепса (Сентябрь); и р. Цанма, въ восточномъ Тянь-Шанѣ, на границѣ горныхъ луговъ и лѣсовъ (Юль). Повидимому алтайскiй сорокопутъ придерживается горныхъ хребтовъ и поднимается весьма высоко въ горахъ. Присутствiе его въ Декабрѣ на р. Хобдо доказываетъ, что онъ живетъ осѣдло и на зиму спускается въ долины и къ подошвамъ горъ.

Никакихъ другихъ свѣдѣнiй объ этой птицѣ нѣтъ.

2. LANIUS BOREALIS Vieill. СЪВЕРНЫЙ СОРОКОПУТЬ.

Diagn. *L. statura paulo minor L. molli*. Notaeo sordide cinerascente cano, capite colloque plus minusve fusciscentibus. Uropygio et supracaudalibus cinereis vel cinereo-albicantibus. Gastraeo albo leviter sordide fulvescente, lineis transversis undulatis fuscis ornato. Speculo alarum simplici, tantum remiges primarias occupante.

Fem. mari adulto similis, sed notaeo obscuriore cinerascente-fusco, gastraeo obscuriore fulvescente et lineis undulatis transversis numerosioribus.

β.) var. *sibiricus* paulo obscurior, sed colore fusco capitis collique minus intenso.

Femina cineriosior feminae typicae.

γ.) var. *europaeus* pure cinerascens-canus, capite colloque haud fusciscentibus; gaetraeo albo, leviter cinerascens, lineis transversis undulatis in seniculis evanescentibus; alarum speculo majore.

Femina mari similis.

α) *Lanius borealis americanus* Bogd.

1807. *Lanius borealis* n. sp. Vieillot. Hist. nat. des ois. de l'Amer. sept. I. p. 80. Pl. 50. (juvenis).
 1831. *Lanius borealis*. Richardson. Fauna boreali Amer. II. p. 111. Pl. 53. (♀ adult.).
 1832. *Lanius excubitor*. Wilson. American Ornith. I. p. 73. Pl. V. f. 1. (♂ adult.).
 1834. *Lanius excubitor*. Audubon. Ornith. Biography. II. p. 534. Pl. 192. (♂, ♂ aest., ♀, jud.).
 1860. *Collyrio borealis*. Spenser Baird. The Birds of North. Amer. p. 324.
 1870. *Collyrio borealis*. Spenser Baird. Ornith. of California. I. p. 137
 1873. *Lanius borealis*. Cabanis. Journ. f. Ornith. p. 78 ets.

β) *Lanius borealis sibiricus* Bogd.

1811. *Lanius major*. Pallas. Zoogr. Rosso-Asiat. I. p. 401. n. 55.
 1853. *Lanius excubitor*. Middendorff. Sibirische Reise. Bd. II. part. 2, p. 188. n. 107.
 1863. *Lanius excubitor, v. major*. Radde. Reise im Süd. v. Ost-Sibir. II p. 274.
 1870. *Lanius excubitor*. Homeyer. Journ. f. Orn. p. 168.
 1872. *Lanius major*. Taczanowski. J. f. O. p. 445.
 1873. *Lanius major*. Cabanis. J. f. O. p. 75, 77, 78 et. 79.
 1875. *Lanius major*. Taczanowski. J. f. O. p. 249.
 1876. *Lanius major*. Taczanowski. Journ. f. Orn. p. 198.
 1876. *Lanius major*. Taczanowski. Bull. de la S. Zool. de Fr. p. 165.
 1877. *Lanius major*. Тачановскій. Труды V съезда русск. ест. въ Варшавѣ. p. 325.
 1878. *Lanius major*. Seebohm. Ibis. p. 333.

γ) *Lanius borealis europaeus* Bogd.

1873. *Lanius major*. Cabanis. Journ. f. Orn. p. 75. 77, 78 и 79.
 1875. *Lanius major*. Meves. Journ. f. Orn. p. 432.

1875. *Lanius major*. Schalow. Journ. f. Orn. p. 232 et 346.
 1875. *Lanius major*. Cabanis. Journ. f. Orn. p. 345.
 1875. *Lanius major*. Sachse. Journ. f. Orn. p. 422.
 1876. *Lanius major*. Schalow. Journ. f. Orn. p. 132.
 1876. *Lanius major*. Cabanis. Journ. f. Orn. p. 211 et 221.
 1878. *Lanius major*. Tschusi zu Schmidhofen. Journ. f. Orn. p. 96.
 1878. *Lanius major*. Schalow. Ornith. Centralblatt. № 12. p. 95.
 1878. *Lanius major*. Tschusi zu Schmidhofen. Orn. Centralblatt.
 № 14 p. 108.
 1878. *Lanius major*. Stejneger. Ornith. Centralblatt. № 14. p. 109.

Свѣдѣнія объ этомъ сорокопутѣ такъ отрывочны и запутаны, что видъ стоитъ до сихъ поръ очень непроченъ. Поэтому считаю необходимымъ пересмотрѣть всѣ литературныя данныя объ этой птицѣ.

Палласъ, открывшій *L. major* въ Сибири, далъ въ *Zoographia Rosso-Asiatica* обстоятельное описаніе и діагнозъ этого вида. Затѣмъ до 1863 г. о *Lanius major* въ литературѣ попадаются только книжныя цитаты и нѣтъ никакихъ оригинальныхъ наблюденій и изслѣдованій ¹⁾. За это время упоминаютъ о *L. major* изъ русскихъ зоологовъ Пр. Эверсманнъ и Акад. Брандтъ. Эверсманнъ въ одной своей статьѣ высказываетъ, что «*L. major* Pall. есть не болѣе какъ молодой *L. excubitor* L.» ²⁾. Въ коллекціи Эверсманна я нашелъ экземпляръ на этикеткѣ котораго его рукою написано *L. major* Pall.?.; но при тщательномъ опредѣленіи оказалось, что это *L. excubitor* въ гнѣздовомъ нарядѣ (№ 417 прил. кат.). Слѣдовательно замѣчаніе Эверсманна основано на ошибкѣ. Акад. Брандтъ приводитъ *L. major* Pall., какъ особый видъ, въ списокѣ птицъ западной Сибири, вѣроятно основываясь на показаніяхъ Палласа ³⁾. Въ другомъ сочиненіи Акад. Брандтъ говоритъ, что *L. major* найденъ Леманомъ въ Уральской сте-

¹⁾ См. напр. Gloger. Vollständiges Handbuch der Vögel Europas, p. 132; Schlegel. Krit. Uebersicht der europ. Vögel. 1844. II. Abth. p. 43; Keyserling und Blasius. Die Wirbelthiere Europa's. 1840. p. 193; Brehm. Journ. f. Orn. 1854. p. 145; ib. ibidem. 1860. p. 238.

²⁾ Eversmann. Bull. de Moscou. 1850. p. 574.

³⁾ Brandt. Considération sur les anim. verteb. de la Sib. occid. p. 443.

пи ⁴⁾); самъ Леманъ однако въ описаніи своего путешествія нигдѣ не упоминаетъ объ этой птицѣ, а въ музеѣ И. Академіи Наукъ (гдѣ хранится вся коллекція Лемана) не оказалось ни одного экземпляра добытаго этимъ путешественникомъ. Въ описаніяхъ сибирскихъ путешествій Ак. А. Ф. Миддендорфа и Акад. Л. И. Шренка вовсе не упоминается о *L. major* и въ ихъ коллекціяхъ этой птицы не оказалось. Впрочемъ, весьма вѣроятно, что замѣтка Ак. Миддендорфа о *L. excubitor* относится къ этому виду ⁵⁾. Наконецъ, у г. Радде ⁶⁾ находимъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ этой птицѣ, — первыя со времени Палласа. Сравнивъ довольно подробно четыре экземпляра *L. major*, привезенные изъ восточной Сибири, съ экземпляромъ того же вида и съ экземплярами *L. excubitor* въ музеѣ И. Академіи Наукъ, г. Радде не убѣдился однако въ самостоятельности палласовскаго вида и свелъ его на степень *varietas L. excubitor*. Впрочемъ изложены эти изслѣдованія такъ неопредѣленно, что нельзя несогласиться съ мнѣніемъ о нихъ Кабаниса, который говоритъ: «повидимому другъ Радде имѣлъ обширный матеріалъ, его трапеза богато обставлена, но все превращено въ такой *ragoût fin*, что никакой орнитологъ не въ состояніи разпознать различные виды» ⁷⁾. Гомейеръ по поводу этихъ же изслѣдованій говоритъ, что «бѣлое зеркальце на основаніи маховыхъ перваго разряда у *L. major* постоянно менѣе, чѣмъ у *L. excubitor*, такъ что безусловное соединеніе ихъ въ одинъ видъ не представляется возможнымъ» ⁸⁾. Къ счастью одинъ изъ экземпляровъ привезенныхъ и изслѣдованныхъ г. Радде уцѣлѣлъ въ академической коллекціи и послужитъ намъ для разъясненія спорнаго вопроса. Затѣмъ, въ послѣднее время въ литературѣ стали появляться нѣкоторыя свѣдѣнія о *L. major*. Эту птицу наблюдалъ и добывалъ въ восточной Сибири В. И. Дыбовскій;

⁴⁾ Brandt. Anh. zu Lehmann's Reise nach Buchara. Beitr. zur Kennt. d. Russ. Reichs. 1852. p. 320.

⁵⁾ Middendorff. Sibirische Reise. 1853. Bd. II. part. 2. p. 188. n. 107.

⁶⁾ Radde. Reise im Süden von Ost-Sibir. 1863. II. p. 274.

⁷⁾ Cabanis. Journ. f. Orn, 1873. p. 78.

⁸⁾ Homeyer, E. Journ. f. Orn. 1870. p. 168. n. 171.

въ статьяхъ В. К. Тачановскаго, обработывавшаго наблюденья этого путешественника, не разъ говорится о *L. major* Pall. Г. Тачановскій, признавалъ самостоятельность палласовскаго вида, пришелъ однако къ тому заключенію, что у него бываетъ и второе зеркальце; но для отличія говорить г. Тачановскій «остаётся форма клюва, цвѣтъ начала нижней челюсти у старыхъ, кончикъ хвоста, цвѣтъ общій у молодыхъ и нѣкоторыя другія подробности цвѣта, характеристическія для обѣихъ формъ»⁹⁾.

Нѣкоторые экземпляры изъ коллекцій д-ра Дыбовскаго, попавшіе въ музей Берлинскаго Университета, послужили матеріаломъ для изслѣдованій Кабаниса, который сравнивъ ихъ съ описаніями *L. borealis* Vieill. пришелъ къ заключенію, что *L. major* Pall. есть разновидность послѣдняго вида. Однако Кабанисъ говоритъ, что соединять ихъ въ одинъ видъ онъ не рѣшается, по недостатку матеріала для сравненія; далѣе Кабанисъ старается выставить различія между обѣими формами, полагая, что они заключаются въ большемъ распространеніи бѣлаго на различныхъ частяхъ у *L. major*, въ сравненіи съ *L. borealis*¹⁰⁾. Шарпъ и Дрессеръ, изслѣдовавъ экземпляръ *L. major* изъ коллекціи Дыбовскаго, не рѣшились признать самостоятельность этого вида, и хотя съ сомнѣніемъ, но отнесли сибирскую форму къ *L. excubitor* L.¹¹⁾ Изъ всего этого видно, что мнѣніе орнитологовъ относительно *L. major* Pall. еще не установилось. Одни считаютъ его разновидностью *L. excubitor* L. (Радде, Шарпъ и Дрессеръ); другіе напротивъ отдѣляютъ его отъ послѣдняго, но видимо колеблются въ опредѣленіи постоянныхъ различій (Гомейеръ, Тачановскій); Кабанисъ, несомнѣваясь въ различіи *L. major* отъ *L. excubitor*, предполагаетъ однако, что это разновидность *L. borealis* Vieill. и думаетъ, что *L. mollis* Eversm. есть молодой *L. major* Pall. Во всемъ этомъ заслуживаетъ вниманія

⁹⁾ Тачановскій. Тр. V съѣзда русск. естеств. 1877. p. 325.

¹⁰⁾ Cabanis. Journ. f. Orn. 1873. p. 78.

¹¹⁾ Sharpe and Dresser. A hist. of the Birds of Europe. 1871. Part. II.

одно обстоятельство — всё затрудняются указать такіе признаки, которые неизмѣнно отличали бы сибирскую форму отъ ее сородичей. Съ другой стороны не менѣе заслуживаетъ вниманія и то, что въ послѣднее время нерѣдко указываются находки *L. major* Pall. въ Европѣ, при чемъ никакихъ сомнѣній въ самостоятельности вида и въ возможности отличить его отъ *L. excubitor* L. незамѣтно. Только В. К. Тачановскій полагаетъ, что за *L. major* орнитологи принимаютъ такіе европейскіе экземпляры *L. excubitor*, у которыхъ второе зеркальце мало и бѣлое надхвостье (*l. c.*). Все это побудило меня съ особенной тщательностью изслѣдовать *L. major*.

Кромѣ экземпляровъ *L. major* (отъ г. Дыбовскаго и изъ Сарепты) изученныхъ мной въ берлинскомъ музеѣ и двухъ въ вѣнскомъ музеѣ, я изслѣдовалъ съ возможной тщательностью 9 экземпляровъ этого вида изъ Сибири, 5 экземпляровъ изъ Европейской Россіи, 4 экземпляра *L. borealis* изъ сѣверной Америки, и кромѣ того видѣлъ экземпляры г. Дыбовскаго въ Варшавѣ. Первой задачей моей было провѣрить оригинальное описаніе *L. major* Pall. и изслѣдовать постоянство признаковъ у этого вида. Для этого я взялъ сибирскіе экземпляры и получилъ слѣдующіе результаты:

По Палласу: Vertex et cervix cinerea, dorsum sordidius, cinerascente canum.

Въ сравненіи съ *L. excubitor* L. (по экземплярамъ и лучшимъ рисункамъ этого вида), у уральскаго (№ 333 кат.) спина не чисто-сѣрая, а съ примѣсью грязно-буроватаго; (№ 327 кат.) примѣсь бураго еще замѣтнѣе; къ послѣднему экземпляру близка старая самка (№ 334 кат.), но бурый отгѣнокъ еще сильнѣе; всё остальные сибирскіе экземпляры окрашены на тѣхъ же частяхъ уже не сѣрымъ, а свѣтлымъ, буровато-сѣрымъ. № 332 и 335 кат. отличаются наибольшимъ развитіемъ свѣтлаго бураго отгѣнка, но у нихъ этотъ цвѣтъ далеко не столь интенсивенъ, какъ у *L. mollis* Evms. и у молодого американскаго *borealis* — (№ 326 кат.). По этой коллекціи видно, что у сибирскаго вида перья го-

ловы, шеи и спины, будучи въ молодомъ возрастѣ свѣтло-буровато-сѣрыми, съ возрастомъ сѣрѣютъ, но грязно-буроватый оттѣнокъ сохраняется до старости и эти части никогда не приобретаютъ чистой сѣрой окраски какъ у *L. exhibitor*. Слѣдовательно признакъ подмѣченный Палласомъ — *dorsum sordidius, cinerascens capum*, очень важенъ для отличія отъ *L. mollis* и *L. exhibitor*; но не отличаетъ отъ *L. borealis* Viell.

По Палласу: *Uropygium album, tectrices caudae cinereo-undulatae*.

У № 331, 335, 332, 330 и 333 кат. надхвостье лишь немного сѣрѣе и чище спины; у № 329 и 334 кат. — замѣтно свѣтлѣе, сѣрѣе и чище спины; у № 327 кат. — сѣрое, свѣтлѣе спины; у № 328 кат. — свѣтло-сѣрое, даже бѣловатое. Слѣдовательно этотъ признакъ не соответствуетъ описанію Палласа; съ другой стороны бросается въ глаза индивидуальная измѣнчивость его, не связанная ни съ поломъ, ни съ возрастомъ. *Верхнія кроющія перья хвоста*: у № 333 чисто-сѣрыя, едва свѣтлѣе спины; у № 327 грязно-бѣловатыя, какъ надхвостье; у № 334 грязно-бѣловатыя; у № 328 такого же цвѣта, но съ слѣдами поперечныхъ полосокъ; у № 329 бѣловато-сѣрыя съ слабыми поперечными полосками; у остальныхъ свѣтло-сѣрыя, грязныя, съ буроватымъ оттѣнкомъ и явственными бурными волнистыми полосками. Слѣдовательно и здѣсь таже индивидуальная измѣнчивость и несходство съ описаніемъ Палласа. Повидимому эти перья у молодыхъ свѣтло-сѣрыя съ буроватымъ оттѣнкомъ, немного свѣтлѣе спины, и съ поперечными бурными волнистыми полосками (т. е. таковы какъ описано у Палласа); съ возрастомъ бурый оттѣнокъ и полосы исчезаютъ и перья становятся или чисто-сѣрыми, или бѣловато-сѣрыми. Ни у одного изъ девяти экземпляровъ нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ красновато-рыжаго оттѣнка на этихъ перьяхъ; — рѣзкое отличіе отъ *L. mollis* Everm.

Нижняя сторона. У всѣхъ экземпляровъ основной цвѣтъ грязный, сѣровато-бѣлый; у молодыхъ сѣроватый оттѣнокъ интенсивнѣе, а у нѣкоторыхъ даже съ слабой примѣсью красновато-

рыжаго. Съ возрастомъ основной цвѣтъ свѣтлѣеть и становится чище, но сѣроватый оттѣнокъ сохраняется у самыхъ старыѣхъ. У всѣхъ экземпляровъ вся нижняя сторона, за исключеніемъ горла, покрыта бурными поперечными волнистыми линіями. У молодыхъ эти линіи многочисленны, широки и рѣзко очерчены; съ возрастомъ число ихъ уменьшается, онѣ становятся уже и свѣтлѣе. Не видалъ я ни одного сибирскаго экземпляра у котораго эти полоски исчезли бы совсѣмъ.

Нижнія кроющія перья хвоста. У № 329, 334, 330 и 333 чисто-бѣлыя; у № 327, 328, 332 грязно-бѣлыя; у № 331 грязно-бѣлыя съ слѣдами поперечныхъ волнистыхъ линій. Вѣроятно въ гнѣздовомъ нарядѣ эти перья грязно-бѣлыя и полосатыя, но уже въ переходномъ нарядѣ полосатость исчезаетъ и перья становятся бѣлыми, какъ сказано у Палласа. Здѣсь тоже рѣзкое отлічіе отъ *A. mollis* Eversm.

Черная подглазная полоса крайне измѣнчива въ формѣ, величинѣ и цвѣтѣ. У стараго № 333 она чисто-черная, на ушной части коротка и широка, а отъ передняго и нижняго края глаза идетъ до основанія верхней челюсти; у № 334 цвѣтъ ее тусклый, черно-бурый и до основанія клюва она не доходитъ; у № 327, 331 и 330 цвѣтъ такой же, но между глазомъ и клювомъ вмѣсто этой полосы, только волосовидныя черноватыя бородки перьевъ; у № 335, 332, 329 полоса бурая, а между глазамъ и клювомъ нѣтъ даже слѣдовъ ея; у № 328 цвѣтъ полосы еще блѣднѣе и она столь же коротка.

Верхнее вѣно глаза и полоса надъ нимъ у старыѣхъ бѣлыя; но у молодыхъ здѣсь бѣлаго почти не замѣтно. Вообще бѣлая полоса, отдѣляющая у *L. exhibitor* и другихъ черную полосу отъ сѣраго теменя, — у *L. major* очень мала, а у молодыхъ ее вовсе нѣтъ.

Крылья. Отсутствіе бѣлаго зеркала на основаніи вторыхъ маховыхъ считается Палласомъ и Кабанисомъ главнымъ отличительнымъ признакомъ *L. major*. По Палласу «gemiges 2 ad 9 basi albae»; Радде утверждаетъ, что бѣлыя пятна бываютъ до 11 маховаго пера. У всѣхъ безъ исключенія сибирскихъ экземп-

ляровъ (между прочимъ и у экземпляра отъ г. Радде) бѣлыя пятна на маховыхъ перваго разряда отъ 2—10-го. У № 328, 331, 332, 329, 334 и 330 начиная съ 12 маховаго пера, на основаніи наружнаго опахала вторыхъ маховыхъ, ясно замѣтны небольшія бѣловатыя пятна, но они прикрыты совершенно большими кроющими перьями; у остальныхъ сибирскихъ экземпляровъ нѣтъ и слѣдовъ этого зачаточнаго зеркальца на вторыхъ маховыхъ. Слѣдовательно отсутствіе втораго зеркальца нельзя считать абсолютнымъ признакомъ *A. major*. Замѣчательно, что появленіе это признака не связано съ возрастомъ, черта свойственная многимъ варьирующимъ признакамъ этого вида. Неустойчивость этого признака впрочемъ далеко не лишаетъ его діагностическаго значенія, такъ какъ зачатки втораго зеркальца ни у одного экземпляра не выступаютъ наружу; а первое зеркальце у всѣхъ экземпляровъ меньше, чѣмъ у *L. excubitor*. Конечная кайма на вторыхъ маховыхъ сильно варьируетъ въ своей ширинѣ; у молодыхъ она узка, грязно-бѣловатая, съ рыжеватымъ оттѣнкомъ; съ возрастомъ — дѣлается шире, бѣлѣе, утрачивая вполнѣ рыжеватый оттѣнокъ. Большія кроющія перья у молодыхъ съ свѣтло-рыжими каймами, которыхъ нѣтъ у старыхъ. Плечевыя перья на концахъ: у № 335 и 330 такого же цвѣта какъ спина; у № 327, 331, 332 и 329 свѣтлѣе спины; у № 331 и 334 бѣловаты и образуютъ замѣтную полосу на крылѣ. Ни у одного экземпляра эта полоса не имѣетъ красновато-рыжаго оттѣнка, какъ у *L. mollis*, и не достигаетъ такой ширины какъ у *L. excubitor*.

Хвостъ. Д-ръ Кабанисъ придаетъ большое значеніе распространенію бѣлаго поля на наружныхъ рулевыхъ перьяхъ и утверждаетъ, что «крайнее рулевое почти все бѣлое, какъ замѣтилъ уже Палласъ, и только на верхней трети внутренняго опахала, вдоль почти бѣлаго веретена, находится болѣе или менѣе значительное черное пятно»¹²⁾. Изъ девяти сибирскихъ экземпляровъ только у № 331 крайнее рулевое перо все бѣлое, а веретено его въ основной и

¹²⁾ Cabanis J. f. O. 1873 p. 78.

средней части черное; у остальныхъ бѣлое поле занимаетъ все наружное опахало и конечную половину внутренняго опахала крайняго рулевого пера. Размѣры бѣлаго поля на внутреннемъ опахалѣ очень измѣнчивы, но всегда это поле меньше тѣмъ у *L. excubitor*. Конечная кайма на среднихъ рулевыхъ, бѣлая у старыхъ и рыжевато-бѣлая у молодыхъ — крайне измѣнчива въ величинѣ.

Клювъ постоянно немного длиннѣ плюсны (на 1—2^{мм}.), у старыхъ буровато-черный, основаніе челюсти свѣтлѣе; у молодыхъ клювъ бурый. Ноги чернобурыя.

Все это приводитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) сибирскій сорокопуть (*L. major* Pall) представляетъ форму замѣчательно варьирующую въ своихъ признакахъ. Самые рѣзкіе и опредѣленные признаки этого вида: цвѣтъ спины и нижней стороны, и одиночное зеркальце. Зачатки втораго зеркальца (на основаніи вторыхъ маховыхъ) хотя и появляются у нѣкоторыхъ особей, тѣмъ не менѣе этотъ признакъ не можетъ служить для соединенія *L. major* и *L. excubitor* (еслибъ даже это зачаточное зеркальце достигало 17—20^{мм} какъ утверждаетъ г. Тачановскій¹³⁾; *врязный, темносѣрый цвѣтъ спины, съ буроватымъ оттѣнкомъ, и, врязный же, блѣдый, съ сѣроватымъ оттѣнкомъ, цвѣтъ брюшной стороны, съ постоянно сохраняющимися поперечными линиями,* — наконецъ, *одиночное зеркальце* служатъ самыми надежными признаками для отличія сибирскаго сорокопута отъ европейскаго *L. excubitor*. Цвѣту надхвостья и окраскѣ хвоста нельзя придавать никакого значенія, по измѣнчивости этихъ признаковъ у обоихъ видовъ. Формѣ клюва и его окраскѣ, величинѣ плюсны и вообще всѣмъ пластическимъ признакомъ нельзя придавать ни малѣйшаго діагностическаго значенія, во 1-хъ потому, что разница у обоихъ видовъ этихъ частей ничтожна; во 2-хъ потому, что всѣ эти части варьируютъ у обоихъ.

2) Сибирскій *L. major* меньше *L. mollis* Evms. и оба такъ сильно разнятся цвѣтными признаками, что считать ихъ за одинъ видъ совершенно немислимо.

¹³⁾ Тачановскій. Тр. V сѣзда рус. ест. 1877. р. 325.

Сравнимъ теперъ сибирскую форму съ американской *L. borealis* Vieill.

Сходство *L. borealis* съ сибирской формой *L. major*, var. *L. Gm.* указано уже Виейль¹⁴⁾. Къ тому же выводу пришелъ, какъ сказано выше, Пр. Кабанисъ. Но Кабанисъ находитъ между обими видами слѣдующія различія: «у сибирскаго болѣе распространень бѣлый цвѣтъ. Бѣлое зеркальце на первыхъ маховыхъ болѣе развито; бѣлыя конечныя каймы на заднихъ маховыхъ шире; бѣлое поле на рулевыхъ шире. Крайнее рулевое почти все бѣлое, только на основной трети внутренняго опахала находится черное пятно, различной величины. Наружное опахало крайняго рулевого пера во всѣхъ возрастахъ чисто-бѣлое. Второе рулевое перо имѣетъ столько же бѣлага, сколько первое рулевое перо у *L. borealis*; а 5° столько же сколько 4° у *L. borealis*. Оба средня рулевья перья постоянно имѣютъ еще немного бѣлага, чего у *borealis* не встрѣчается. Плечевыя, на концахъ, и надхвостье также бѣлѣе, чѣмъ у *L. borealis*»¹⁵⁾.

Сравненіе съ сибирскими, четырехъ экземпляровъ *L. borealis* Vieill. изъ сѣверной Америки и рисунковъ Виейль, Рихардсона, Вильсона, Одюбона и Спенсера Берда указываетъ, что эти отличительные признаки несостоятельны. Величина, форма клюва, и всѣ пластическіе признаки у сибирской и американской птицъ до того сходны, что ихъ невозможно различить. Распространеніе бѣлага цвѣта, на указанныхъ Кабанисомъ частяхъ, у обихъ измѣнчиво и никакихъ различій не представляетъ. Бѣлая полоска на концахъ среднихъ рулевыхъ бываетъ также у *L. borealis* (см. рис. Одюбона, Pl. 192, f. 3; а также экз. Акад. колл. № 323), какъ у *L. major*. Бѣлое зеркальце у сибирскаго тоже меньше, чѣмъ у американскаго. Тѣмъ не менѣе различія между обими есть. Основной сѣрый цвѣтъ у стараго сибирскаго темнѣе и чище, за то бурый оттѣнокъ сохраняется у стараго американскаго значительно больше, особенно на голова и шеѣ. Разница эта очень

¹⁴⁾ Vieillot. l. c. p. 80.

¹⁵⁾ Cabanis. J. f. O. 1873. p. 78.

незначительна и самцовъ старыхъ очень трудно различить. У самокъ различія гороздо больше. Старая американская самка гораздо бурѣе старой сибирской, и болѣе подходит по преобладанію бурога къ сибирскимъ молодымъ. А молодыя американскія птицы еще рѣзче разнятся отъ молодыхъ сибирскихъ; бурый цвѣтъ у первыхъ на столько интензивенъ и ярокъ, что я долгое время затруднялся отнести экземпляръ № 326 Акад. коллекціи (вполнѣ схожій съ рисункомъ Віельо) къ *L. borealis*, и опредѣлилъ бы его какъ *L. mollis* Evn., еслибы не размѣры различныхъ частей и, несвойственные послѣднему, оттѣнки нѣкоторыхъ цвѣтовъ.

Это сравненіе приводитъ къ тому выводу, что нѣтъ никакихъ рѣзкихъ признаковъ, которые давали бы возможность определенно различать американскую и сибирскую формы, какъ *виды*, а потому правильнѣе смотрѣть на *L. borealis* и *L. major* какъ на мѣстныя породы одного вида, видовые признаки которыхъ еще не выработались и неупрочились. Общій ходъ возрастныхъ измѣненій цвѣта у обоихъ видовъ вполнѣ аналогиченъ: у обоихъ съ возрастомъ бурый пигментъ вытѣсняется сѣрымъ, но у сибирскаго это вытѣсненіе бурога пигмента идетъ дальше, а сѣрый пигментъ отлагается обильнѣе. Разница въ цвѣтѣ между молодыми и самками съ одной стороны и старыми самцами съ другой — у американской породы больше, чѣмъ у сибирской.

Молодые сибирской породы неимѣютъ никакого сходства съ *L. mollis*, тогда какъ молодые американской породы очень похожи на старыхъ самокъ *L. mollis*. Отношенія эти имѣютъ большой интересъ для разъясненія сродства различныхъ видовъ и мы разберемъ это въ своемъ мѣстѣ. Теперь же замѣчу только, что приведенные выше результаты не позволяютъ раздѣлять какъ виды *L. borealis* и *L. major*; поэтому я оставилъ какъ общее видовое названіе *L. borealis* Vieill., во 1-хъ какъ болѣе старое, во 2-хъ потому, что оно правильнѣе, осмысленнѣе; названіе *major* уже потому неправильно, что есть сорокопуты бблшаго роста, чѣмъ описанный Палласомъ подъ этимъ именемъ, какъ напр. *L. mollis* и *L. sphenocercus*.

Затѣмъ остается сравнить сибирскую породу съ экземплярами *L. major*, найденными въ Европѣ. Кромѣ сарептскаго экземпляра, видѣннаго мной въ Берлинскомъ музеѣ и описаннаго Пр. Кабанисомъ, и двухъ экземпляровъ найденныхъ мной въ 1876 г. въ вѣнскомъ музеѣ, я имѣю для сравненія двухъ старыхъ самцовъ изъ С. Петербургской губ., и двухъ молодыхъ изъ Тверской губ., привезенныхъ Ф. Д. Плеске; кромѣ того изслѣдовалъ экземпляръ въ Московскомъ музеѣ изъ Крыма, отъ г. Шатилова. Коллекція эта не велика, но однообразный характеръ экземпляровъ придаетъ ей большое значеніе; и несмотря на малочисленность ее, я рѣшаюсь утверждать, что европейскіе экземпляры принадлежатъ къ особой породѣ, гораздо болѣе отдѣлившейся и обособившейся отъ сибирской, чѣмъ послѣдняя отъ американской.

Величина птицъ и пластическіе признаки европейской породы вполне одинаковы съ сибирской.

Старый самецъ европейской породы похожъ на стараго самца сибирской, но отличается отъ него слѣдующими признаками:

а) сѣрый цвѣтъ верхней стороны такой же темный, но немного чище; б) черная подглазная полоса шире и достигаетъ до основанія верхней челюсти; в) нижняя сторона, сохраняя слабый грязно-сѣроватый оттѣнокъ, замѣтно бѣлѣе, а *поперечныя волнистыя линіи* у одного экземпляра *въ небольшомъ числѣ и едва замѣтны*, у другого же болѣе стараго *не сохранилось и слѣда ихъ*; д) бѣлое поле на внутреннемъ опахалѣ крайняго рулевого пера шире.

Экземпляра старой самки у меня нѣтъ, но мнѣ кажется, что гг. Шарпъ и Дрессеръ ¹⁶⁾ подъ именемъ самки *L. excubitor*, изобразили на рисункѣ, по экземпляру убитому 21 Апрѣля 1861 г. около Або въ Финляндіи, самку *L. borealis europaeus*; рисунокъ этотъ очень походитъ на самцовъ послѣдней породы окраской нижней стороны и присутствіемъ зеркала только на первыхъ маховыхъ. Впрочемъ не имѣя возможности изучить оригинальный экземпляръ

¹⁶⁾ Sharpe and Dresser. A hist. of the Birds of Europe. 1871. Part. II. Pl. X.

этого рисунка, я высказываю это не болѣе какъ въ видѣ предположенія. Два молодыхъ экземпляра добытые Ф. Д. Плеске, 2 Августа 1878 г. около с. Буславля, Вышневолоцкаго у. Тверской губ. не имѣютъ даже слѣдовъ втораго зеркальца. Зеркальце первыхъ маховыхъ такой же величины какъ у старыхъ. На головѣ и шеѣ сохранились еще рыхлыя перья гнѣздоваго наряда, цвѣтъ ихъ грязный сѣро-пепельный, съ слабымъ буроватымъ оттѣнкомъ. Подглазная полоса темно-бурая. На спинѣ перья темно-сѣрыя, съ грязнымъ оттѣнкомъ, но бурый оттѣнокъ такъ же слабо сохранился какъ у старыхъ европейской породы. Надхвостье и верхнія кроющія хвоста такого же цвѣта какъ спина, но свѣжія перья, появляющіяся между старыми рыхлыми, сѣрѣе и чище. Нижняя сторона у обоихъ типичнаго грязно-бѣлаго цвѣта съ сильнымъ буровато-сѣрымъ оттѣнкомъ; у одного экземпляра есть немногочисленныя волнистыя линіи, у другаго нѣтъ и слѣдовъ ихъ. Это тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что оба молодыхъ по свидѣтельству г. Плеске принадлежать къ одному выводку и убиты въ одномъ мѣстѣ, на что указываетъ и сходный характеръ оперенія и мягкая кожа на углахъ челюстей. Почти полное отсутствіе буроаго пигмента въ опереніи рѣзко отличаетъ ихъ отъ молодыхъ сибирской и американской породъ; а характерный цвѣтъ и отсутствіе втораго зеркальца ставятъ не менѣе рѣзкую границу между ними и молодыми *L. excubitor*. Замѣчательно также, что у всѣхъ экземпляровъ старыхъ и молодыхъ надхвостье и верхнія кроющія перья хвоста только немного свѣтлѣе спины и безъ всякихъ слѣдовъ бѣлизны.

Суммируя всѣ полученные результаты я прихожу къ слѣдующимъ выводамъ:

1) *L. major* Pall. невозможно отдѣлить какъ видъ отъ американскаго *L. borealis* Vieill. почему я считаю ихъ только мѣстными породами одного вида.

2) Европейскаго *L. major* (Cabanis, Meves, Schalow etc., нес. Pall.) нельзя соединять какъ тождественную форму съ сибирскимъ *L. major* Pall., и слѣдуетъ отдѣлить отъ послѣдняго какъ

особую породу, которая обособилась гораздо больше отъ сибирской, чѣмъ послѣдняя отъ американской. На этомъ основаніи я оставляю всѣмъ тремъ формамъ общее видовое названіе *L. borealis* Vieill. и обозначаю породы мѣстными географическими названіями: 1) *L. borealis americanus*; 2) *L. borealis asiaticus* (*L. major* Pall.); 3) *L. borealis europaeus* (*L. major* auct., nec Pall.).

3) *L. borealis americanus* есть наиболее консервативная порода, молодья которой весьма похожи на старыхъ самокъ *L. mollis* Evn.; старые же сохранили въ опереніи значительную примѣсь бураго пигмента.

У *L. borealis asiaticus* уже въ молодомъ возрастѣ замѣтно развитіе сѣраго пигмента на счетъ бураго, а у старыхъ это явленіе ушло дальше. Потому эта порода уже рѣзко различается даже въ молодомъ возрастѣ отъ *L. mollis*.

У *L. borealis europaeus* бурый пигментъ почти окончательно вытѣсненъ сѣрымъ, даже въ молодомъ возрастѣ. Потому эта порода стоитъ еще дальше отъ *L. mollis* и составляетъ наиболее прогрессивную форму въ группѣ *L. borealis*. Уменьшеніе полосатости нижней стороны у всѣхъ трехъ породъ идетъ въ томъ же порядкѣ: американская и азіатская породы сохраняютъ ее до старости; европейская теряетъ совершенно иногда уже въ переходномъ нарядѣ.

4) *L. borealis europaeus* есть форма наиболее близкая къ *L. exhibitor* L., но рѣзко отличается отъ него слѣдующими признаками: сѣрый цвѣтъ верхней стороны темнѣе, и не столь чистъ; нижняя сторона бѣлая, но съ постоянной примѣсью грязно-сѣраго оттѣнка; надхвостье и кроющія перья хвоста светлосѣрыя; зеркальце меньше и только на первыхъ маховыхъ. Если же у сибирской породы замѣтны слѣды зеркальца на вторыхъ маховыхъ, то эти зачатки никогда не достигаютъ такого развитія, какъ у самыхъ молодыхъ *L. exhibitor*. На хвостѣ *L. borealis* всѣхъ породъ бѣлое поле меньше, чѣмъ у *L. exhibitor* (хотя бываютъ исключительные случаи, что крайнее перо совсѣмъ бѣлое какъ у сибирскаго экземпляра № 331).

Географическое распространіе.

Американская порода по наблюденіямъ Виейльо, Рихардсона, Вильсона, Одюбона, Спернера Берда и др., водится въ сѣверныхъ и среднихъ штатахъ сѣверной Америки, отъ Атлантическаго до Тихаго океана, удаляясь для гнѣздовья въ гористыя страны и спускаясь осенью въ равнины и на югъ. Къ этому можно прибавить, что И. Г. Вознесенскій нашелъ эту птицу на островѣ Ситхѣ.

Азіатская порода. По Палласу: «In Rossia boreali, omnique Sibiria frequens, maxime in sylvis, etiam hieme rigidissima in densis sylvis montanis, circa Jeniseam et Lenam copiose occurrit»¹⁷⁾. Г. Майдель добылъ эту птицу въ землѣ Чукчей 18 Августа 187 г. Ак. А. Ф. Миддендорфъ, видѣлъ сорокопута 19 Сентября по рѣчкѣ Сырани, впадающей въ Охотское море, который вѣроятно относится къ этому же виду, а не къ *L. excubitor*¹⁸⁾. Н. М. Пржевальскій наблюдалъ его на пролетѣ на берегахъ озера Ханка 6 Марта 1869 г.¹⁹⁾ В. И. Дыбовскій находилъ его: на озерѣ Ханка²⁰⁾; у станицы Казакевичевой, на устьяхъ Уссури 3 Сентября и 31 Марта²¹⁾; кромѣ того по его наблюденіямъ этотъ сорокопуть прилетаетъ на берега Байкала на зиму и остается тутъ съ половины Октября до половины Апрѣля²²⁾. Г. И. Радде убилъ экземпляры этой птицы: 7 Октября около Иркутска; 29 Ноября на Яблоновомъ хребтѣ; 15 Октября и 27 Сентября на Бурейнскихъ горахъ; и 16 Юня въ Саянскихъ горахъ, на границѣ древесной растительности, на высотѣ 1800—2000^м; 27 Сентября наблюдалъ онъ его въ долинѣ р. Иркуты²³⁾. Г. Маакъ добылъ этого сорокопута: 25 Апрѣля около Якутска;

¹⁷⁾ Pallas. Z. R. A. I. p. 401.

¹⁸⁾ Middendorff. Sibirische Reise. Bd. II. p. 188. n. 107.

¹⁹⁾ Пржевальскій. Путеш. въ Уссур. краѣ. 1870. прил. p. 59.

²⁰⁾ Taczanowski. Journ. f. Orn. 1876. p. 196.

²¹⁾ Taczanowski. Journ. f. Orn. 1875. p. 249.

²²⁾ Taczanowski. Journ. f. Orn. 1872. p. 445.

²³⁾ Radde. Reise im Süden von Ost-Sibirien. 1863. II. p. 277.

29 Августа на р. Вилюѣ; 31 Августа немного сѣвернѣе Вилюя. Г. Чекановскій—3 Сентября окол. Туруханска. Экземпляры Г. С. Карелина добыты на южномъ Уралѣ. Н. А. Сѣверцовъ помещаетъ этого сорокопута въ каталогѣ Туркестанской фауны, какъ рѣдкую зимнюю птицу въ культурномъ и лѣсномъ поясахъ Семирѣченскаго края²⁴⁾. По словамъ Зеебома этотъ видъ обыкновененъ отъ Енисейска до Томска²⁵⁾.

Находка сибирскаго сорокопута г. Майдеземъ въ землѣ Чукчей указываетъ, что на востокѣ область его отдѣлена отъ американскаго сорокопута только моремъ. Судя по находкамъ г. Майделя и Чекановскаго надо полагать, что эта птица идетъ на сѣверъ по тайгѣ очень далеко и безъ сомнѣнія гнѣздится тамъ. Въ гнѣздовое время и на гнѣздовѣхъ наблюдалъ его только г. Радде, въ Саянскихъ горахъ. На Байкалѣ и въ южно-Уссурійскомъ краѣ, также въ Китаѣ и въ Туркестанѣ, эта птица попадалась наблюдателямъ только на пролетѣ и на зимовѣ. Такъ, что въ общей сложности очертить границы области гнѣздовья этой птицы пока невозможно. Относительно того водится ли она въ западной Сибири, въ бассейнѣ Оби и Иртыша, ничего неизвѣстно.

Европейская порода. Находки экземпляровъ этой породы всѣ на счету. Въ мартѣ на Волгѣ, вѣроятно около Сарепты²⁶⁾; въ Декабрѣ 1853 г. въ Крыму (экз. кол. Шатилова въ Москвѣ); 2 Августа 1878 г. молодые около с. Буславля, Вышневолоцкаго у. Тверской губ. (Ф. Д. Плеске); около С.-Петербурга (см. списокъ). В. Ф. Руссовъ сообщилъ мнѣ, что ему случалось убивать эту птицу около Ревеля и Дерпта. Одинъ экземпляръ добытъ поздней осенью около Стокгольма; другой тоже осенью въ Вермландѣ, въ Швеціи²⁷⁾. Одинъ экземпляръ убитъ около Бергена 23 Октября 1877 г.²⁸⁾. Въ Германіи экземпляры этой породы были

²⁴⁾ Сѣверцовъ. Верт. и гориз. распр. турк. жив. р. 67.—Также въ Jour. f. Orn. 1875. p. 179.

²⁵⁾ Seebohm. Ibis. 1878. p. 338.

²⁶⁾ Cabanis. Jour. f. Orn. 1873. p. 75.

²⁷⁾ Meves. Jour. f. Orn. 1875. p. 482.

²⁸⁾ Stejneger. Ornith. Centralblatt. 1878. p. 109.

убиты: у Ціона, около Стенза, въ округѣ Франкфурта на О. ²⁹⁾; около Штауфена въ Брейзгау ³⁰⁾; и въ Бартельгагенѣ, въ восточной Помераніи ³¹⁾; 2 Ноября 1878 г. у замка Берлепшъ, около Витценгаузенъ, въ сѣверной Германіи ³²⁾. Въ Австріи: около Галлейна ³³⁾; въ Штейрмаркѣ и въ нижней Австріи (въ И. К. Музеѣ въ Вѣнѣ. Эти два экземпляра были рассмотрѣны мной въ 1876 г. и я вполне согласенъ съ мнѣніемъ г. Шалова ³⁴⁾, что это не *L. excubitor*, а *L. major*); въ Зибенбургенѣ, въ Февралѣ 1872; въ Арвѣ, въ верхней Венгріи; въ Нетичейнѣ, въ Моравіи ³⁵⁾. Наконецъ молодой экземпляръ этого вида изъ Франціи, находится въ музеѣ И. С.-Петербургской Академіи Наукъ.

3. LANIUS MERIDIONALIS Temm.

Diagn. *L. supra plumbescenti-cinereus; remigibus nigris, primariis ad basin albis; fronte anguste et superciliis albis; loris, fascia infraoculari et regione parotica nigris; mento genisque albis; corpore subtus reliquo rosaceo tincto.*

1820. *Lanius meridionalis*. Temminck. Man. d'Ornith. I. p. 148.

1829. *Lanius meridionalis*. Roux. Ornith. provencale. I. p. 251. Pl. 158.

1837. *Collurio meridionalis*. Gould. Birds of Europe. II. Pl. 67.

1859. *Lanius meridionalis*. Jaubert et Barthelemy Lapommeraye. Richesses ornith. du midi de la France. p. 175.

1871. *Lanius meridionalis*. Sharpe and Dresser. Birds of Europe. IX. Pl. 79.

Рисунки: Roux. l. cit. Pl. 158.—Gould. l. cit. Pl. 67.—Bouteille. Orn. Dauph. Pl. XVIII. f. — Fritsch. Vögel Europ. Taf. XXI. f. 18. — Sharpe and Dresser. l. cit. IX. Pl. 79.

²⁹⁾ Schalow. Journ. f. Orn. 1875. p. 232.

³⁰⁾ Cabanis. Journ. f. Orn. 1876. p. 211.

³¹⁾ Cabanis. Journ. f. Orn. 1876. p. 222.

³²⁾ Schalow. Ornith. Centralblatt. 1878. p. 181.

³³⁾ Tshusi zu Schmidhofen. Journ. f. Orn. 1878. p. 96.

³⁴⁾ Schalow. Ornith. Centralblatt. 1878. p. 95.

³⁵⁾ Tschusi zu Schmidhofen. Ornith. Centralblatt. 1878. p. 108.

Первое указаніе на то, что *L. meridionalis* водится въ предѣлахъ Россіи, принадлежитъ Пр. Калениченко, который, основываясь на наблюденіяхъ Пр. Криницкаго, говоритъ, что эта птица «довольно обыкновенна въ кустарникахъ на южномъ берегу Крыма и около Судана»¹⁾. Если Калениченко составилъ діагнозъ этого сорокопута по экземпляру привезенному Криницкимъ, то въ точности опредѣленія вида сомнѣваться нельзя; но проверить это тоже невозможно потому, что въ музей Харьковскаго Университета (гдѣ хранится коллекція Криницкаго) экземпляръ этого вида не оказалось.

Затѣмъ Пр. А. Нордманнъ, въ первоначальномъ каталогѣ южнорусскихъ птицъ, говоритъ «*L. meridionalis Temm. Ubique*»²⁾; въ позднѣйшемъ же, полномъ сочиненіи у него сказано только, что этотъ видъ «въ фаунѣ Понта гораздо рѣже, чѣмъ *L. excubitor L.*»³⁾. По словамъ г. Радде онъ наблюдалъ этого сорокопута на низовьяхъ Днѣпра и въ степныхъ садахъ этой мѣстности⁴⁾. Въ Крыму г. Радде не наблюдалъ его, но увѣряетъ что онъ несомнѣнно тамъ водится⁵⁾. Вотъ всѣ положительныя указанія относительно находженія этой птицы въ Россіи. Проверить эти свѣденія по коллекціямъ названныхъ ученыхъ не предвидится возможности; но и принять на вѣру эти показанія тоже нельзя. Въ каталогѣ крымскихъ птицъ І. Н. Шатилова объ этомъ сорокопутѣ не упоминается, а въ коллекціи его, хранящейся въ музеѣ Московскаго Университета, экземпляра нѣтъ. Блакитонъ, Ирби и Тайлоръ въ своихъ замѣткахъ о фаунѣ Крыма не упоминаютъ этого сорокопута. Не нашли его: въ губерніяхъ Кіевскаго округа (Кесслеръ), въ Каменецъ-Подольскѣ (Бельке), въ Бессарабіи (Гарданъ) и въ Уманскомъ уѣздѣ (подробно изслѣдованномъ Гёбелемъ). Послѣдній не нашелъ его также (въ тѣхъ именно

1) Kaleniczenko. Bull. de Moscou. 1839. T. XII. p. 244.

2) Nordmann. Bull. de Moscou. 1834. p. 446.

3) Nordmann. Obs. sur la faune pontique. Voyage de Demidoff dans la Russie mer. 1840. III. p. 113.

4) Radde. Jour. f. Orn. 1854. p. 56.

5) Radde. Bull. de Moscou. 1854. T. II. p. 136.

мѣстахъ, гдѣ видѣлъ Радде) въ устьяхъ Дибра и около Одессы. Такъ, что впредь до новыхъ изслѣдованій включить въ русскую фауну этотъ видъ можно лишь условно. Можетъ быть впрочемъ показанія Криницкаго, Норманна и Радде подтвердятся такъ какъ этотъ сорокопутъ найденъ положительно на Цикладскихъ островахъ (Эрардъ), и въ Греціи (Линдермайеръ). Впрочемъ и на эти показанія трудно полагаться. По крайней мѣрѣ Дрессеръ полагаетъ, что *L. meridionalis* найденный Тристрамомъ въ Палестинѣ есть *L. lathora*. Вообще же нѣтъ ни малѣшаго сомнѣнія въ томъ, что *L. meridionalis* Temm. часто смѣшивали и съ *L. lathora*, и особенно съ *L. algeriensis* Less. Поэтому пока можно достоверно сказать только то, что *L. meridionalis* Temm. водится въ Испаніи, въ южной Франціи и нѣкоторыхъ частяхъ Италіи.

4. LANIUS MINOR Gm. ЧЕРНОЛОБЫЙ СОРОКОПУТЬ.

Diagn. supra pulchre cinereus, uropygio et scapularibus exterioribus vix pallidioribus; pileo antico, regione oculari et parotica nigerrimis; tectricibus alarum, remigibus primariis nigricantibus, ad basin late albis, speculum magnum alarem exhibentibus; secundariis anguste albo terminatis; cauda nigra, rectricibus extimis omnino albis; subtus albis, pectore et hypochondriis roseo lavatis. Rostro et pedibus nigris.

Fem. ad. mari similima, sed pileo antica minus nigricante.

1770. *Pie-Grièche*. d'Italie. Buffon. Pl. enl. t. 32. f. 1.

Synon.

1780. *Lanius minor*. Gmelin. Syst. nat. I. p. 308. n. 49.

1790. *Lanius italicus*. Latham. Ind. Orn. I. p. 71. n. 13.

1805. *Lanius minor*. Bechstein. Naturg. Deutschl. II. p. 42. Taf. 50.

1811. *Lanius vigil*. Pallas. Zoographia Rosso-Asiat. I. p. 403.

1822. *Lanius minor*. Naumann. Naturg. d. Vög. Deutschl. II. p. 42. Taf. 50.

1831. *Lanius minor*. Brehm. Handb. d. Naturg. der Vög. Deutschl. p. 235.
 1831. *Lanius nigrifrons*. Brehm. ibid. p. 236.
 1831. *Lanius medius*. Brehm. ibid. p. 236.
 1840. *Enneoctonus minor*. Keyserling und Blasius. Wirbelth. Europ
 p. 194.
 1847. *Lanius minor*. Кесслеръ. Ручов. для опр. пр. Е. Россіи. p. 188.
 1858. *Enneoctonus italicus*. Bonaparte. Rev. et Mag. de Zool. p. 488.
 1866. *Lanius minor*. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. вр. III. p. 237.
 1869. *Enneoctonus minor*. Gray. Hand-List. of Birds. I. p. 393 n. 5966.
 1872. *Lanius minor*. Sharpe and Dresser. Ahist. of the B. of. E. Par.
 XIII. Pl. 109.

Рисунки: Buffon, Pl. Enl. tab. 32. f. 1.; Bechstein, Naturg. Deutschl. Taf. 50; Naumann, Vög. Deutschl. Taf. 50. f. 1. (♂ ad.), f. 2 (juv.); Werner, Atlas. Insectiv. Pl. 4; Roux, Ornith. Prov. pl. 154; Gould, Birds of Europe. II. pl. 68; Fritsch, Vög. Europa's. Tab. 21 f. 18 (ad.) et (juv.). Sharpe and Dresser. Birds of Europe. Part. XIII. Pl. 109 (♂ ad., ♀ ad. и juv.); Gould, Birds of Gr. Britain. II. Pl. 14.

Чернолобый сорокопуть занимаетъ въ группѣ сѣрыхъ сорокопудовъ довольно изолированное положеніе и рѣзко разнится отъ всѣхъ сородичей своими цвѣтными и пластическими признаками. Это одна изъ самыхъ малорослыхъ формъ между сѣрыми сорокопудами. Клювъ чернолобаго сорокопуда небольшой, но довольно толстый, отличается слабымъ развитіемъ крючка на концѣ. Сравнительно длинныя и острыя крылья (у которыхъ 3 маховое перо самое длинное) составляютъ другой отличительный признакъ этого вида. Широкая черная полоса опоясывающая лобъ и довольно густой розовый налетъ на зобу, груди и бокахъ туловища представляютъ, не менѣе рѣзкіе, цвѣтные признаки его. Объ отношеніи чернолобаго сорокопуда къ другимъ сородичамъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ, теперь же опишу эту птицу и ея возрастныя и половыя наряды.

Старый самецъ. Лобъ и передняя часть темени опоясаны широкой черной полосой, которая захватывая глазъ, идетъ, сгущиваясь немного, на перья уха. Затѣмъ вся верхняя сторона до кроющихъ перьевъ хвоста, включительно, чистаго и интенсивнаго сѣраго цвѣта; на верхнихъ кроющихъ хвоста и на плечевыхъ од-

нако этотъ цвѣтъ немного свѣтлѣе. Вся нижняя сторона чистаго бѣлаго цвѣта, который на зобу, груди и на бокахъ туловища ярко отгнѣненъ густымъ розовымъ налетомъ. Всѣ перья крыла, какъ маховыя, такъ и кроющія, матоваго чернаго цвѣта. Мелкія кроющія крыла съ сѣроватыми ободками. Маховыя перваго разряда на основной половинѣ бѣлыя, чѣмъ образуется на крылѣ довольно большое бѣлое зеркальце. Кончики первыхъ маховыхъ имѣютъ узкую бѣлую каемку. Вторыя маховыя имѣютъ болѣе широкую бѣлую конечную кайму. Два среднихъ рулевыхъ чернобурыя на всемъ протяженіи; у слѣдующей пары основаніе бѣлое; у слѣдующей это бѣлое поле шире, кромѣ того на концѣ бѣлое пятно; четвертая пара бѣлая съ большимъ чернымъ пятномъ на конечной половинѣ; у пятой пары едва замѣтное черное пятно на внутреннемъ опахалѣ; а послѣдняя пара вся бѣлая. Клювъ синеваго-черный, сильно сжатый съ боковъ, съ тупымъ крючкомъ и зубцомъ. Ноги и когти чернобурыя. Радужина бурая.

Старая самка совершенно похожа на самца, но всѣ цвѣта блѣднѣе и грязнѣе; полоса на лбу узка и чернобураго цвѣта. Крылья и хвостъ бурѣе. Розовый отгнѣнокъ нижней стороны слабѣе и грязнѣе.

Гнѣздовой нарядъ сильно отличается отъ взрослога. Черной полосы на лбу нѣтъ вовсе. Вся верхняя сторона грязнаго буросѣраго цвѣта, съ поперечными бурыми полосками; особенно полосаты перья головы, плечевыя и кроющія хвоста. Отъ основанія клюва черезъ глазъ, на ухо идетъ узкая бурая полоса. Нижняя сторона бѣлая, съ слабымъ рыжеватымъ налетомъ на зобу, груди и бокахъ, но безъ малѣйшаго признака поперечныхъ полосокъ. Черный цвѣтъ на крыльяхъ и хвостѣ замѣненъ бурымъ. На первыхъ и вторыхъ маховыхъ, а также на кроющихъ крыла широкія рыжевата-бѣлыя конечныя каймы. Клювъ свѣтло-роговаго цвѣта. Ноги бурыя.

Переходный нарядъ сорокопуть получаетъ очень рано, именно къ тому времени какъ достигаетъ полнаго роста. Отъ гнѣздоваго этотъ нарядъ разнится лишь тѣмъ, что на спинной сторонѣ почти

совсѣмъ пропадаетъ полосатость; а. полосатыя перья гнѣздоваго наряда замѣняются одноцвѣтными бурострыми, и лишь кое гдѣ (на головѣ, плечахъ и кроющихъ хвоста) сохраняются слабыя слѣды полосокъ. Въ остальномъ нѣтъ разницы отъ гнѣздоваго наряда.

Въ этомъ переходномъ нарядѣ молодые сорокопуть улетаютъ изъ области гнѣздовья и сбрасываютъ его на зимовьѣ, откуда возвращаются уже въ нарядѣ взрослыхъ.

Когда происходитъ линянье молодыхъ и взрослыхъ пока достоверно неизвѣстно; но кажется во время пребыванія чернолобаго сорокопута въ области гнѣздовья, лѣтомъ, никто линяющихъ птицъ не наблюдалъ.

Чернолобый сорокопуть, подобно жуламу, представляетъ чрезвычайно прочно установившійся типъ. При громадномъ протяженіи гнѣздовой области экземпляры изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ оказываются совершенно сходными, за исключеніемъ самыхъ ничтожныхъ варіацій въ длиннѣ и толщинѣ клюва, въ длиннѣ крыльевъ и хвоста; но и въ этихъ варіаціяхъ пока трудно видѣть слѣды мѣстныхъ особенностей. Больше всего варьируетъ у чернолобаго сорокопута ширина чернаго поля на лбу, но это вѣроятно нужно приписать возрасту, такъ какъ подобныя варіація встрѣчаются всюду.

Отъ выцвѣтанія и обнаживанія опереніе измѣняется очень мало. Довольно сильно подверженъ выцвѣтанію черный пигментъ, превращающійся въ чернобурый. Лѣтомъ также замѣтно выцвѣтаетъ розовый пигментъ на нижней сторонѣ. Отъ обнаживанія пропадаютъ бѣлыя каемки на маховыхъ перьяхъ.

Географическое распространеніе чернолобаго сорокопута въ Россіи почти совпадаетъ съ областью *E. collurio*. Палласъ сообщаетъ о немъ слѣдующее: «in australioribus Rossiae, circa Rhympum, Volgam et Tanain inter arbusta frequens et ni fallor migratorius» ¹⁾.

¹⁾ Pallas. Zoographia Rosso-As. I. p. 403.

Подвѣйшія наблюденія значительно разширили область распространенія этой птицы.

1) Въ области чернозема чернолобый сорокопуть обыкновенная, лѣтняя, гнездящаяся птица въ губерніяхъ: Подольской (Кесслеръ ²; Бальке ³; Богдановъ, Іюль 1877 г.), Бессарабской (Нордманнъ ⁴; Тарданъ ⁵; Кесслеръ ²), Херсонской (Нордманнъ ⁴; Кесслеръ ²; Гёбель ⁶), Волынской (Кесслеръ ²), Кіевской (Андржейовскій ⁷; Кесслеръ ²; Гёбель ⁸; Гольцъ ⁹), Полтавской (Кесслеръ ²; Богдановъ, Іюль 1877 года), Екатеринославской (Нордманнъ ⁴; Калениченко ¹⁰; Богдановъ, Іюнь, Іюль 1877 г.), Черниговской (Шевелевъ ¹¹), Орловской (Даниловъ ¹²), Курской (Богдановъ 1877 и 1878 гг.), Харьковской (Калениченко ¹⁰; Чернай ¹³; Богдановъ 1877 г. и 1878 г.), Воронежской (Сѣверцовъ ¹⁴), Рязанской (Богдановъ въ 1875, 1877 гг.), Пензенской (Богдановъ въ 1869, 1875, 1877 гг.), Саратовской (Арцибашевъ ¹⁵; Богдановъ ¹⁶), Симбирской (Богдановъ ¹⁶), Казанской (Эверсманнъ ¹⁷; Богдановъ ¹⁶), Оренбургской (Эверсманнъ ¹⁷; Скorpionяковъ, кол. Ак. н.), Уфимской, до р. Бѣлой (Богдановъ въ 1867 и 1872 гг.). Слѣдовательно эта птица найдена во всѣхъ губерніяхъ Черноземной области, кромѣ Нижегородской, Самарской,

²) Кесслеръ. Ест. ист. губ. Кіев. уч. окр. II. p. 34.

³) Belke. Bull. de Moscou. 1853, p. 419; и 1859. p. 29.

⁴) Nordmann. Obs. sur la faune pont. p. 114.

⁵) Tardent. Essai sur l'hist. nat. de la Bessarab. 1841. p. 19.

⁶) Goebel. Journ. f. Orn. 1873. p. 120.

⁷) Andrzejowski. Bull. de Moscou. 1839. p. 15.

⁸) Goebel. Journ. f. Orn. 1870. p. 442.

⁹) Holz. Journ. f. Orn. 1873. p. 142.

¹⁰) Kaleniczenko. Bull. de Moscou. 1839. p. 244.

¹¹) Шевелевъ. Тр. Хар. Общ. исп. пр. 1875. IX. p. 198.

¹²) Daniloff. Bull. de Moscou. 1864. p. 456.

¹³) Черной. Фауна Харьковской губ.

¹⁴) Сѣверцовъ. Період. явл. въ жизни звѣрей, птицъ и гадокъ Воронеж. губ. 1855. p. 72, 73, 78, 83, 86, 88, 131, 211, 229, 242, 404.

¹⁵) Artzibacheff. Bull. de Moscou. 1859. p. 57.

¹⁶) Богдановъ. Птицы и звѣри черноземной полосы Поволжья. p. 74.

¹⁷) Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. края. ч. III. p. 237.

Тамбовской и земли Войска Донскаго, гдѣ не было изслѣдованій.

2) Въ области ели и валуновъ найденъ въ губерніяхъ: царства Польскаго (Тачановскій ¹⁸); Литвы (Тизенгаузь ¹⁹), въ Курляндской (Безеке ²⁰; Каваль и Меркель ²¹; Бузе и Шведеръ ²²; Гебель ²³); въ Лифляндской очень рѣдокъ (Мейеръ ²⁴) и доходитъ только до Дерпта (по словесному сообщенію В. Ф. Руссова). Въ Финляндіи замѣченъ какъ случайно залетная птица (Нордманнъ ²⁵). Найденъ также въ Московскомъ уѣздѣ (Сабанѣевъ ²⁶) и въ Тульской губ. (хотя рѣдокъ здѣсь) ²⁷.

Въ остальныхъ губерніяхъ этой области чернолобый сорокопуть никому изъ орнитологовъ не попадался. Поэтому надо предполагать, что сѣверная граница этого вида отъ береговъ Рижскаго залива идетъ на Дерптъ, огибаеть Чудское озеро, направляется черезъ Смоленскую, Московскую губ. Дальше на востокъ слѣдить эту границу еще труднѣе, но вѣроятно она идетъ по сѣверной части Казанской губ. Въ Уфимской губ. эту границу образуетъ рѣка Бѣлая (нижнее и среднее теченіе ея), потому что нѣгъ чернолобый сорокопуть попадался въ Мензелинскомъ у.; а въ Бирскомъ у., по прагую сторону Бѣлой, Ф. Д. Плеске его уже не встрѣчалъ. Такъ что граница эта проходитъ между 58° с. ш. и 56° с. ш., т. е. нѣсколько южнѣ сѣвернаго предѣла *E. collurio*.

3) Въ области Урала. Экспедиція Гофманна не нашла черно-

¹⁸) Taczanowski. Bull. de la S. Zool. de Fr. 1877. p. 146.

¹⁹) Tuzenhauz. 1846. Orn. I. p. 298.

²⁰) Beseke. Vögel Kurland. 1792. p. 28.

²¹) Kawall und Merkel. Correspondenzblatt des Naturforsch. Ver. zu Riga. 1846. II. № 13. p. 41.

²²) Buhse und Schweder. Verz. der Säugeth. und Vögel d. Ostseeprr. 1870. p. 16.

²³) Goebel. Journ. f. Orn. 1873. p. 9 и 15.

²⁴) Meyer. Vög. Liv-Estland. 1815. p. 42.

²⁵) Nordmann. Arth. Journ. f. Orn. 1864. p. 368.

²⁶) Сабанѣевъ. Bull. de Moscou. 1871. p. 251. примѣч.

²⁷) Мензбиръ. Bull. de Moscou. 1879. T. L. IV. № 2. p. 341, 368, 397, 408, 419.

лобаго сорокопута на сѣверномъ Уралѣ. Мевесу и Сабанѣву онъ не попадался нигдѣ на Уралѣ. Эверсманнъ замѣчаетъ только что этотъ сорокопуть попадается въ степныхъ мѣстахъ чаще, а въ сѣверныхъ частяхъ Оренбургской губ. рѣже обыкновеннаго сѣраго сорокопута ¹⁷⁾. По всей вѣроятности на западныхъ склонахъ южнаго Урала чернолобый сорокопуть останавливается тамъ, гдѣ лиственные лѣса замѣняются хвойными.

4) Въ Крыму чернолобый сорокопуть обыкновенная лѣтняя, гнѣздящаяся птица (Калениченко ¹⁰⁾; Раdde ²⁸⁾; Ирби ²⁹⁾; Шатиловъ ³⁰⁾; Гёбель ³¹⁾).

5) Въ Кавказской области обыкновенная лѣтняя птица; въ горахъ до 1300^m (Богдановъ ³²⁾).

6) Въ Арало-Каспійской области чернолобый сорокопуть колонизировался на тѣхъ же условіяхъ, какъ и *E. coburgio*, т. е. по уртамъ и кривымъ рѣчнымъ долинамъ. По долигѣ Волги я прослѣдилъ его до взморья, гдѣ видѣлъ на островѣ 11 Юля; тамъ же наблюдали его Эверсманнъ ¹⁷⁾ и Генке ³³⁾; въ долигѣ р. Урала этого сорокопута наблюдали многіе (Эверсманнъ ¹⁷⁾, Даль, Карелинъ, Сѣверцовъ) и здѣсь вѣроятно онъ идетъ до взморья. Можетъ быть эта птица попадается между Волгой и Ураломъ во Внутренней Ордѣ, гдѣ есть кусты и деревья, напр. по рр. Узеньямъ или около Камышъ-Самарскихъ озеръ. На Мангышлакѣ и Усть-Ургѣ я ни разу не встрѣтилъ этой птицы въ теченіе Мая, Юня и Юля. Въ колоніи А. Лемана (въ музеѣ И. СПб. Ак. Н.) есть экземпляръ убитый 15 Мая 1840 г. около бывшаго укрѣпленія Ново-Александровска; однако въ концѣ Юня я не нашелъ тамъ сорокопута; поэтому думаю, что Леману попался запоздальный на пролетѣ.

На Аму-Дарьѣ и въ Кызыль-Кумахъ чернолобый сорокопуть

²⁸⁾ Radde. Bull. de Moscou. 1854. p. 136.

²⁹⁾ Irby. Zoologist. 1857. p. 5355.

³⁰⁾ Schatloff. Bull. de Moscou. 1860. p. 496.

³¹⁾ Goebel Journ. f. Orn. 1874. p. 452.

³²⁾ Богдановъ. Птицы Кавказа. 1879. p. 85.

³³⁾ Яковлевъ. Bull. de Moscou. 1873. p. 935.

попадаея мнѣ только на пролетѣ. По Сѣверцову онъ гнѣздится на всемъ западномъ склонѣ Тянь-Шаня, отъ Семирѣчья до Зарявшана (I, II, III, IV области горизонтальнаго распространения, принятыя этимъ ученымъ) и отъ верхняго предѣла листовныхъ лѣсовъ (1800^м—2200^м) до равнинъ Арало-Каспійскихъ³⁴); при чемъ, однако, не указано, гдѣ именно гнѣздится эта птица на равнинахъ; въ безводныхъ пустыняхъ? или только по лѣсочкамъ и садамъ рѣчныхъ долинъ? послѣднее болѣе вѣроятно. Экземпляры добыты въ первую экспедицію г. Сѣверцова (1858 г.) убиты все на р. Сыръ-Дарьѣ (Май, Июль и Августъ), гдѣ очевидно эта птица гнѣздится. Руссовъ наблюдалъ чернолобаго сорокопута около Чиназа (15, IV до 11, V), въ Пенджакентѣ (28, VI) и въ Кштутѣ (5, VII).

Н. М. Пржевальскій нашелъ его въ Юнѣ на р. Или, въ Кульдѣ, и на притоцѣ ея Текесѣ. Г. Абакумовъ добылъ чернолобаго сорокопута на западномъ склонѣ Алатау, на р. Аксу въ началѣ Юля 1848 г., слѣдовательно на гнѣздовѣ. Г. С. Карелинъ нашелъ молодыхъ въ Юлѣ 1842 г. около Бухтарманска и въ Сентябрѣ 1842 г. въ соснякахъ на Верхнемъ Иртышѣ. Романовъ добылъ: въ той же мѣстности въ концѣ Мая 1840 г.; 3 Юня 1841 г. на р. Аягузѣ; 26 Юня 1841 г. въ горахъ Тарбагатай. Въ полосѣ западной Сибири, между Ураломъ и Алтаемъ, образующей сѣверную границу Арало-Каспійскаго края, чернолобый сорокопутъ найденъ въ послѣднее время И. Я. Слопцовымъ. Изъ всѣхъ этихъ данныхъ можно заключить, что водясь на восточныхъ, сѣверныхъ и западныхъ окраинахъ Арало-Каспійской области, чернолобый сорокопутъ проникаетъ далеко въ глубь ея, по долинамъ рѣкъ; но въ безводной пустынѣ не водится, а бываетъ только на пролетѣ какъ я наблюдалъ это въ Кызыль-Кумахъ.

Сѣверный предѣлъ этого вида въ Западной Сибири едва ли переходитъ 56° или 57° с. ш. Алтай, Тарбагатай, Алатау и бас-

³⁴) Sewerzow. Journ. f. Orn. 1875. p. 179.

сейтъ Или; составляютъ восточные предѣлы области чернолобого сорокопута; дальше которыхъ уже ничего не встрѣчалъ. Итакъ въ Россіи область чернолобого сорокопута ограничивается на сѣверѣ 56° — 58° с. ш.; на востокѣ Алтаемъ, Тарбагатаемъ, Алатаемъ и Тянь-Шанемъ; а на югѣ и на западѣ политическими границами государства. За предѣлами Россіи чернолобой сорокопутъ населяетъ почти весь континентъ западной Европы; но въ сѣверныхъ частяхъ ея рѣже, чѣмъ въ южныхъ. Въ Англію повидимому залетаетъ лишь случайно. Въ южныхъ частяхъ Швеціи очень рѣдокъ, хотя попадался до Лунда.

Чернолобой сорокопутъ найденъ мѣстами въ Азіатской Турціи (Тристрамъ, Кейсъ Абботъ), и въ Персіи (Филиппи, Бленфордъ и Воскобойниковъ). Но гнѣздится ли онъ тамъ, и гдѣ вообще южная граница гнѣздовья вида въ Малой Азіи, пока неизвѣстно.

На всемъ пространствѣ обширной области занимаемой чернолобымъ сорокопутомъ въ Россіи онъ встрѣчается только лѣтомъ, и улетаетъ на зиму. И я не знаю ни одной мѣстности у насъ, гдѣ эту птицу кто нибудь видѣлъ зимой.

Весной чернолобой сорокопутъ прилетаетъ довольно поздно, въ числѣ послѣднихъ. Въ Закавказьѣ онъ появляется уже въ Апрѣлѣ (19, IV, Ленкорань, Радде), въ Европейской же Россіи въ первой половинѣ Мая; а въ предѣлахъ еловой области едва ли когда нибудь ранѣ половины Мая. Характеръ весенняго перелета никѣмъ пока не прослѣженъ. По свойствамъ мѣстообитанія чернолобой сорокопутъ очень напоминаетъ жулана; подобно послѣднему онъ любитъ опушки мелкихъ лѣсочковъ и крупныхъ лѣсовъ, уремы рѣкъ и сады. Внутри старыхъ и большихъ лѣсовъ никогда не встрѣчается; также какъ и въ безлѣсной степи, гдѣ нѣтъ кустарниковъ. Но отъ жулана чернолобой сорокопутъ разнится тѣмъ, что для жилища выбираетъ не мелкіе кусты, а невысокіе или средней величины деревца, на которыхъ любитъ держаться на верхинкѣ, или на верхнихъ сучьяхъ. Отсюда онъ высматриваетъ добычу, сюда же приносить ее и натываетъ на су-

іе сучки или въ развилки вѣтвей. Охотѣ сорокопуть посвящаетъ все утро и весь вечеръ; а въ пасмурные дни, или осенью даже цѣлый день. Я не разъ наблюдалъ какъ онъ, облетая поле, лугъ или степь, ближайшіе къ его жилищу, останавливается внезапно на полетѣ, трясется надъ однимъ мѣстомъ, какъ пустельга, и выстрѣль добычу бросается на нее отвѣсно. Этого приема у другихъ сорокопутовъ видѣть не случалось. Добыча чернолобаго сорокопута состоитъ изъ различныхъ насѣкомыхъ, по преимуществу изъ жуковъ, orthoptera, бабочекъ и ихъ гусеницъ. Это безспорно наименѣе хищный изъ всѣхъ сорокопутовъ; хотя трудно ругаться, чтобъ онъ отказался при случаѣ полакомиться птенцомъ какой нибудь пѣвчей птицы, или оплошавшей полевкой.

Вскорѣ послѣ прилета сорокопуть спариваются и приступаютъ къ постройкѣ гнѣзда, которое помѣщается въ густыхъ вѣтвяхъ любимаго дерева и довольно высоко надъ землей. Гнѣздо открытое сверху, довольно объемистое, состоитъ изъ сухихъ стеблей растеній, а внутри выложено волосами и шерстью животныхъ. Въ концѣ Мая или въ началѣ Іюня самка кладетъ отъ пяти до семи яицъ. Яйца голубовато-зеленаго, свѣтлаго, цвѣта съ бурыми пятнами скучивающимися особенно на тупомъ концѣ; длина 22—27^{мм}, ширина 16,5—19^{мм} (по Гёбелю). Но наблюденіямъ Наумянна самка чередуется съ самцомъ при насиживаніи яицъ. Пѣсня самца, подобно другимъ сородичамъ, состоитъ изъ смѣси криковъ и стрוף другихъ пѣвчихъ птицъ.

Достигнувъ половины роста и оперившись, молодые вылетаютъ изъ гнѣзда и разсаживаются по вѣткамъ родимаго деревца. А за тѣмъ постепенно выучиваются летать; быстро подрастаютъ на готовомъ кормѣ доставляемомъ стариками; и подъ руководствомъ послѣднихъ начинаютъ бродяжничать по окрестнымъ мѣстностямъ.

Отлетъ совершается незамѣтно. По крайней мѣрѣ ни самому мнѣ не удалось прослѣдить какъ летятъ сорокопуть, не нашелъ я надежныхъ указаній у другихъ. Въ разныхъ мѣстностяхъ Европейской Россіи чернолобые сорокопуть скрываются обыкновенно

въ Августѣ. На Иртышѣ Карелинъ добылъ эту птицу разъ въ Сентябрь.

Я предполагаю, что въ области ели чернолобый сорокопутъ подвигается на сѣверъ, вслѣдствіе тѣхъ же причинъ какъ и жуланъ; хотя долженъ замѣтить, что прямыхъ наблюденій пока не имѣется.

5. LANIUS EXCUBITOR L. ЕВРОПЕЙСКІЙ СОРОКОПУТЬ.

Diagn. *L. pulchre cinereus*; fronte, linea superciliari genisque albis; fascia orbitali per oculum eunte usque ad regionem paroticam producta, nigra; scapularibus pure albis; dorso postico cinereo, uropygio albo; tectricibus alarum nigris, minoribus cinereo marginatis; remigibus brunnescenti-nigris, extus ad basin albis, duplicem fasciam alarem formantibus, secundariis etiam albo terminatis; cauda nigra plumis omnibus versus apicem albis, duabus mediis paullulo, proximus gradatim albo magis terminatis usque ad extimas fere omnino albas ad basin tantum nigras; subtus albus, hypochondriis paullo cinerascens; rostro et pedibus nigris.

Fem. mari similis, sed subtus paullo cinerascens et interdum fasciis obsolete transfasciata.

1766. *Lanius excubitor* Linne. Syst. Nat. XII ed. I. p. 135.

Synon.

1805. *Lanius excubitor*. Bechstein. Naturg. Deutschl. II. p. 1306.
Taf. XIII.

1811. *Lanius excubitor*. Pallas. Zoographia Rosso-Asiatic. I. p. 402. n. 56

1822. *Lanius excubitor*. Naumann. Naturg. Vögel Deutschl. II. p. 7. Taf. 49

1831. *Lanius major*. Brehm. Handbuch. d. Naturg. aller Vögel Deutschl.
p. 232.

• *Lanius excubitor*. Brehm. id. p. 232.

1840. *Lanius excubitor*. Keyserling und Blasius. Die Wirbelth. Europa's. p. 194.
1847. *Lanius excubitor*. Кесслеръ. Руковод. для опредѣл. птицъ вод. въ Е. Россіи. p. 188.
1853. *Lanius excubitor*. Воварарте. Rev. et Mag. de Zool. p. 292.
1854. *Lanius rapax*. Brehm, Jour. f. Orn. p. 144, 147.
 * *Lanius excubitor*. Brehm. idem. p. 144, 147.
1866. *Lanius excubitor*. Эверманъ. Ест. ист. Оренб. края III. p. 235.
1870. *Lanius excubitor*. Dresser and Sharpe. Proc. Zool. Soc. p. 590.
1871. *Lanius excubitor*. Dresser and Sharpe. A hist. of the Birds of Europe. Part. II. Pl. 10.
1874. *Lanius excubitor*. Cabanis. Jour. f. Orn. p. 223.
1876. *Lanius excubitor*. Cabanis. Journ. f. Orn. p. 222.

Рисунки: Bechstein op. cit; Naumann op. cit; Fritsch. Vög. E. Taf. 12. f. 12; Dresser and Sharpe op. cit; Gould. Birds. of. Gr. Britian. Pl. 13.

Изъ обширной литературы европейскаго сѣраго сорокопута, я привелъ лишь немногія сочиненія, гдѣ птица эта описана и изображена съ большей или меньшей точностью, и тѣ въ которыхъ есть критическая оцѣнка вида. Кромѣ того описанія или свѣдѣнія объ этомъ сорокопутѣ можно найти во всякомъ руководствѣ по Орнитологіи Европы, или отдѣльных мѣстностей ее. Въ Европѣ этого сорокопута рѣдко смѣшивали съ другими, развѣ только съ *L. borealis europaeus* и съ *L. meridionalis*. Но въ наблюденіяхъ надъ птицами Африки и Азіи именемъ *L. excubitor* очень часто обозначали совершенно другіе виды, потому къ этимъ свѣдѣніямъ слѣдуетъ относиться съ крайней осторожностью. Хр. Бремъ различалъ двѣ породы сѣраго сорокопута, возведенныя имъ потомъ на степень видовъ: *L. rapax* и *L. excubitor*. Первый, по его словамъ, отличается большимъ ростомъ, большимъ клювомъ и тѣмъ, что среднія рулевья черныя на всемъ протяженіи, или имѣютъ лишь очень небольшое бѣлое пятно у корня; а распространеніе бѣлаго поля на двухъ крайнихъ рулевыхъ тоже меньше, чѣмъ у *L. excubitor* ¹⁾. Къ сожалѣнію Бремъ не

¹⁾ Brehm. Journ. f. Orn 1854. p. 144.

упоминаеть о зеркальцѣ и существуютъ ли какія либо различія въ немъ у обѣихъ формъ. Указываемые же имъ признаки можетъ быть представляють возрастныя или индивидуальныя различія. Можетъ быть *L. rapax* Br. есть *L. borealis europaeus*? или же просто разность *L. excubitor*? рѣшить этотъ вопросъ я представлю тѣмъ, кто будетъ имѣть возможность изслѣдовать знаменитую коллекцію Хр. Брема, объ участи которой не мѣшало бы позаботиться нѣмецкимъ орнитологамъ.

Въ настоящее время у меня въ рукахъ весьма небольшая коллекція экземпляровъ сѣраго сорокопута, но и этого материала достаточно, чтобы убѣдиться въ сильной измѣчивости вида въ его пластическихъ и цвѣтвыхъ признакахъ. Я почти не сомнѣваюсь, что кромѣ многочисленныхъ индивидуальныхъ отклоненій отъ типа, есть измѣненія позволяющія подозрѣвать существованіе мѣстныхъ разновидностей, или зачинающихся породъ. Бѣдность материаловъ не допускаеть говорить объ этомъ положительно, но, описавъ типичную форму, я постараюсь указать на эти мѣстныя разновидности и вообще на варіаціи признаковъ. Измѣчивость пластическихъ признаковъ легко видѣть въ приложенной таблицѣ измѣреній, поэтому я обращу вниманіе на цвѣтныя признаки.

Старый самецъ. (№ 404 кат.). Голова, задняя часть шеи и спина пепельно-сѣрая, цвѣтъ чистый безъ примѣси бураго, свѣтлѣе чѣмъ у *L. borealis europaeus*; на лбу перья свѣтлѣе и бѣловатѣе; ясно очерченная бѣловатая полоска, окаймляя основаніе верхней половинки клюва протягивается надъ глазами, гдѣ она становится чище и явственнѣе. Подъ ней отъ угла челюсти идетъ черная уздечка къ глазу и, подъ нимъ, на ухо. Плечевыя перья бѣлыя и образуютъ на крылѣ широкую полосу. Надхвостье и верхнія кроющія хвоста свѣтло-сѣрыя, немного свѣтлѣе спины. Вся нижняя сторона одноцвѣтная сливочно-бѣлая. Крыловыя перья матово-черныя. Мелкія кроющія на сгибѣ крыла сѣрыя, а на краю его бѣлыя. Основаніе первыхъ и вторыхъ маховыхъ (на обѣихъ опахалахъ) бѣлое, чѣмъ образуется двойное бѣлое

зеркальце; но второе зеркальце значительно меньше и задній край его доходить только до середины перваго. У среднякъ маховыхъ втораго разряда внутреннее опахало свѣтлѣе наружнаго и имѣеть широкую свѣтлую, даже бѣловатую, кайму, простирающуюся отъ зеркальца до бѣлаго конца перья; всѣ вторыя маховыя имѣють бѣлую конечную кайму, которая шире всего на среднякъ изъ нихъ. Средня рулевая черная; у корня ихъ маленькое бѣлое поле, а на концахъ узкая рыжевато-бѣлая каемка. У слѣдующихъ рулевыхъ постепенно бѣлое поле у корня и особенно на концѣ пера расширяется, въ ущербъ черному, такъ, что крайнее рулевое совсѣмъ бѣлое и только средняя часть веретена его сохранила черный цвѣтъ; второе рулевое съ чернымъ продольнымъ пятномъ на внутреннемъ опахалѣ. Клювъ черный, основаніе нижней челюсти свѣтлое. Ноги чернобурныя.

Старая самка отличается отъ самца только тѣмъ, что на нижней сторонѣ сливочный отгѣнокъ интенсивнѣе и грязнѣе; кромѣ того на зобѣ и бокахъ туловища есть остатки бурыхъ волнистыхъ линий. Впрочемъ съ возрастомъ слѣды полосатости все болѣе исчезаютъ. Зеркальца на крыльяхъ нѣсколько меньше.

Оба пола въ переходномъ нарядѣ похожи на старую самку, но нижняя сторона грязнѣе и полосатость сильнѣе (особенно у самки); сѣрый цвѣтъ верхней стороны съ примѣсью буроватаго палета, особенно на головѣ. Крыловыя и рулевыя перья съ буроватымъ отгѣнкомъ. Зеркальца на крыльяхъ меньше, а второе иногда совсѣмъ прикрито большими кроющими крыла; послѣднія съ рыжими каемками. Бѣлый цвѣтъ на рулевыхъ тоже менѣе распространенъ; а крайнее рулевое имѣеть болѣе или менѣе значительное черное пятно на внутреннемъ опахалѣ, вдоль веретена. Клювъ чернобурый, основаніе нижней челюсти свѣтлое; ноги чернобурныя.

Гнѣздовой нарядъ верхняя сторона пепельно-буро-сѣрая, цвѣтъ тусклый, грязноватый; на головѣ явственныя слѣды полосатости. Бѣлой каймы на лбу и полосы надъ глазами нѣтъ. Подглазная полоса бурая, начинается только подъ глазомъ и идетъ на ухо.

Нижняя сторона грязная, съ рыжеватымъ оттѣнкомъ, сильно полосатая. Маховыя и рулевыя буро-черныя. Плечевыя перья одного цвѣта съ спиной и не образуютъ бѣлой полосы на крылѣ. Зеркала еще меньше; второе прикрыто кроющими крыла. На рулевыхъ бѣлый цвѣтъ распространяетъ еще меньше. Клювъ и ноги бурые.

Отъ выцвѣтанія и обнашиванія перьевъ у старыхъ сѣрый цвѣтъ становится свѣтлѣе, а сливочный оттѣнокъ нижней стороны пропадаетъ и она дѣлается бѣлой. Черный цвѣтъ на разныхъ частяхъ бурѣетъ.

Вариации типа. Кромѣ возрастныхъ измѣненій и такихъ которыя составляютъ результатъ обнашиванія и выцвѣтанія перьевъ у сѣраго сорокопута встрѣчается не мало мелочныхъ совершенно индивидуальныхъ уклоненій отъ типа. Величина бѣлыхъ зеркалецъ на крыльяхъ и бѣлыхъ отиѣтинъ на хвостѣ подвержена сильнымъ колебаніямъ. Ширина конечныхъ каемокъ на вторыхъ маховыхъ тоже измѣнчива. Кромѣ этихъ индивидуальныхъ вариаций я замѣтилъ, что западные и сѣверные экземпляры очень разнятся отъ восточныхъ.

Напр. самецъ, № 420 кат., чрезвычайно рѣзко разнится отъ принятаго мной за типъ кіевского экземпляра: сѣрый цвѣтъ верхней стороны значительно свѣтлѣе; надхвостье свѣтлѣе спины; верхнія кроющія хвоста бѣлыя, съ слабымъ сѣрымъ налетомъ; нижняя сторона бѣлѣе; подглазная черная полоса такой же формы, но бѣлая надглазная явственнѣе и лобъ бѣловатѣе; зеркала на крыльяхъ больше и второе простирается дальше середины перваго; конечныя бѣлыя каймы на вторыхъ маховыхъ въ трое шире; на второмъ, снаружи, рулевымъ перѣмъ черное пятно внутренняго опахала значительно меньше. Вообще этотъ экземпляръ отличается свѣтлымъ цвѣтомъ и сильнымъ развитіемъ бѣлыхъ отиѣтинъ. Казанскіе и оренбургскіе экземпляры по этимъ признакамъ весьма близки къ нему, тогда какъ сѣверные и западные экземпляры ближе къ кіевскому. Такъ, что здѣсь очевидно выдѣляется восточная, свѣтлая, съ сильно развитыми бѣлыми отиѣ-

птицами, порода. Но пока слишкомъ мало матеріала, чтобъ констатировать рассовый характеръ указанныхъ отличій. Сѣверные и западные экземпляры близки по цвѣту съ *L. borealis europaeus*, тогда какъ восточные очевидно составляютъ переходъ къ *L. Homeyeri*. Итакъ ясно, что и *L. excubitor* подобно *L. borealis*, варьируетъ въ признакахъ и выдѣляетъ мѣстные, зачинающіяся породы, и прогрессивное измѣненіе типа проявляется на юго-восточной крайней области вида.

Географическое распространеніе въ Россіи. Определить истинную область гнѣздованія обыкновеннаго сѣраго сорокопута въ высшей степени затруднительно, во первыхъ, потому, что многіе не отличали его отъ *L. borealis europaeus* и *L. Homeyeri*; во вторыхъ, наблюденія надъ гнѣздованіемъ этой птицы очень недостаточны.

Палласъ говоритъ: «In Rossia et Europa tota, etiam in borealibus frequens»²⁾. О томъ, что встрѣчается этотъ видъ въ Сибири Палласъ не упоминаетъ; въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ по орнитологіи Сибири однако *L. excubitor* L. попадаетъ не рѣдко; но въ описаніи *L. borealis* мной приведены достаточные доказательства, что именемъ *L. excubitor* обозначали обыкновенно послѣдній видъ. Основываясь на повѣркѣ указаній различныхъ орнитологовъ по оригинальнымъ экземплярамъ, я считаю возможнымъ засвидѣтельствовать тотъ фактъ, что на всемъ пространствѣ Сибири, до самыхъ западныхъ предѣловъ ея, въ сѣверо-восточной части Арало-Каспійскаго края и въ Туркестанѣ до сихъ поръ не найдено никѣмъ ни одного экземпляра настоящаго *L. excubitor* L. Эта птица появляется только на Уралѣ, откуда прослѣдимъ ее въ Европейской Россіи.

1) Въ области Урала. Экспедиціей Гофманна³⁾ на сѣверномъ Уралѣ добыто два экземпляра обыкновеннаго сѣраго сорокопута: на верхнемъ Щугурѣ, 19, VIII (63¹/₃^o с. ш.) и около горы Нойки,

²⁾ Pallas. Zoogr. R.-A. I. p. 402.

³⁾ Гофманнъ. Сѣверный Уралъ и хр. Пай-хой. 1855. II. Позвоночныя жив. сѣверо-вост. Россіи. Брандта. р. 68.

6, IX (64 — 65° с. ш.). По наблюденіямъ Л. П. Сабанѣева этотъ видъ гнѣздится на всемъ изслѣдованномъ имъ пространствѣ сѣвернаго и средняго Урала (въ Екатеринбургскомъ у. незамѣченъ, въ полосѣ березовыхъ лѣсовъ обыкновененъ ⁴). Эверсманнъ говоритъ, что этотъ сорокопутъ не рѣдокъ въ предгоріяхъ Урала и въ сѣверной части Оренбургской губ., въ рѣдкихъ лѣсахъ, лугахъ и поляхъ ⁵).

2) Въ области ели и эрастическихъ валуновъ сѣраго сорокопуга находили въ слѣдующихъ мѣстахъ: около Мезени (Быстровъ ⁶); около Архангельска (Иверсенъ ⁷); Альстонъ и Брунъ говорятъ, что онъ въ Архангельской губ. обыкновененъ ⁸). По наблюденіямъ Шрадера въ Русской Лапландіи гнѣздится и изрѣдка доходить до 69° с. ш. ⁹). Въ Архангельскомъ музеѣ находятся яйца этого сорокопуга (Гёбель ¹⁰).

Межаконъ говоритъ, что около Вологды онъ убивалъ экземпляры этой птицы въ Февралѣ и Ноябрьѣ и заключаетъ по этому, что сорокопутъ можетъ быть осѣдлый тамъ ¹¹). По Нордманну, въ Финляндіи онъ распространенъ по всей странѣ ¹²). Пальменъ и Сальбергъ нашли его около Кутокейно ¹³). Въ музеѣ Гельсингфорскаго университета есть экземпляры изъ Ниланда и финской Лапландіи ¹⁴). Въ Олонецкой губ. этотъ видъ найденъ И. С. Поляковымъ весной на юго-восточномъ берегу Ладожскаго

⁴) Сабанѣевъ. Bull. de Moscou. 1871. p. 251. Его же 1874. Позвоночныя средняго Урала. p. 102.

⁵) Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. края. III. p. 236.

⁶) Экземпляръ музея И. Спб. Ак. Н.

⁷) Экземпляръ музея И. Сиб. Унив.

⁸) Alston and Brown. Ibis. 1873. p. 60.

⁹) Schrader. Journ. f. Orn. 1853. p. 242, 248.

¹⁰) Goebel. Journ. f. Orn. 1873. p. 420.

¹¹) Mejakoff. Bull. de Moscou. 1856. p. 629.

¹²) Nordmann. Journ. f. Orn. 1864. p. 368.

¹³) Palmen och Sahlberg. Not. Salk. pro Fauna et Flora Fennica. 1867, IX. p. 241.

¹⁴) Palmen. Univ. i Helsingf. finska fogelsamml. 1871. p. 9.

озера, и въ началѣ Августа 1871 г. въ густолѣсьи, въ долинѣ р. Водло¹⁵⁾; Сиверсъ нашелъ его также около Свири, Онеги и Сегозера¹⁶⁾. Въ С.-Петербургской губ. сѣрый сорокопутъ нерѣдокъ и гнѣздится (Порчинскій,¹⁷⁾ коллекціи Андреевскаго и Плеске). Въ Ярославской губ. гнѣздится и изрѣдка зимуетъ (Сабанѣевъ.¹⁸⁾ Въ Псковской губ. попадаетъ нерѣдко (Эсауловъ¹⁹⁾. Въ Эстляндіи и Лифляндіи довольно рѣдокъ, чаще попадаетъ весной и осенью, а также зимуетъ; гнѣздится по опушкамъ моховыхъ болотъ²⁰⁾. Въ Курляндіи его находили тоже нерѣдко; по Мейеру онъ водится въ лѣсахъ, особенно въ чернолѣсьѣ, напр. около Риги и во многихъ другихъ мѣстностяхъ внутри страны, гнѣздится на высокихъ густыхъ деревьяхъ²¹⁾. Въ музеѣ Рижскаго Общ. естествоиспыт. есть экземпляръ изъ Кокенгузена²²⁾. По Тизенгаузу водится въ Литвѣ²³⁾; Эйхвальдъ тоже приводитъ его между птицами Литвы²⁴⁾. По Тачановскому въ Польшѣ довольно обыкновененъ зимой, но не многочисленъ; гнѣздится же тамъ въ очень ограниченномъ числѣ²⁵⁾. Относительно распространенія сѣраго сорокопута въ остальныхъ губерніяхъ этой области: Смоленской, Новгородской, Калужской, Тверской, Московской, Костромской, Владимірской, сѣверныхъ частей Нижегородской — нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Мензбиръ сообщаетъ, что онъ

¹⁵⁾ Сообщено И. С. Поляковымъ.

¹⁶⁾ Sievers. Ornith. anteeqn. etc. Meddel. of Soc. pro Fauna et Flora Fennica. 1877. II.—переводъ въ Ann. and Mag. of Nat. hist. 1877. XII. p. 496.

¹⁷⁾ Порчинскій. Позвои. Гдовскаго у. Труды СПбургскаго Общ. естеств. 1872. III. p. 384.

¹⁸⁾ Сабанѣевъ. Bull. de Moscou. 1868. p. 259.

¹⁹⁾ Эсауловъ. Труды СПбургскаго Общ. ест. 1878. IX. p. 228.

²⁰⁾ Сообщено В. Ф. Руссовымъ. А также см. Russow. Die Ornith. E.-L. u. K. 1880. p. 49.

²¹⁾ Meyer. Vögel Lif.- und Estlands. 1815. p. 41.

²²⁾ Buhse und Schweder. Verz. der Säugeth. u. Vögel der Ostseeprovinz. 1870. p. 16.

²³⁾ Tysenhauz. Orn. I. p. 298.

²⁴⁾ Eichwald. Naturh. Skizze. 1830. p. 236; id. Zool. Special. 1831. III. p. 231.

²⁵⁾ Taczanowski. Bull. de la Soc. Zool. de France. 1877. p. 146.

«только нѣсколько разъ видѣлъ этого сорокопута *лѣтомъ* въ Тульскомъ и Алексинскомъ у. Тульской губ.»²⁶⁾.

3) Въ области чернозема. Въ Оренбургской губ. Эверсманнъ наблюдалъ его въ сѣверной части въ предгоріяхъ Урала и на Общемъ Сыртѣ; по его мнѣнію онъ «чаще бываетъ въ сѣверныхъ мѣстахъ, нежели въ южныхъ» (ор. cit). Въ Уфимской губ. я нашелъ его гнѣздящемся въ Мензелинскомъ и Белебеевскомъ уѣздахъ (1872). Въ Казанской и Симбирской губ. эта птица хотя вообще рѣдка, но гнѣздится²⁷⁾. Гнѣздование этого сорокопута въ Саратовской губ. пока еще не доказано положительно. Около Сарепты, на южной границѣ области чернозема, его наблюдали Мёшлеръ и Рикбейль, послѣдній говорилъ мнѣ, что онъ бываетъ тамъ только на пролетѣ и негнѣздится²⁷⁾; Мёшлеръ же въ своемъ каталогѣ приводитъ его гнѣздящимся²⁸⁾; но въ послѣдствіи изъ Сарепты были присланы въ Берлинъ шкурки и яйца, принадлежашіе, по Кабанису, *L. Homeyeri*. Въ Воронежской губ. Н. А. Сѣверцову обыкновенный сѣрый сорокопутъ попался одинъ разъ въ Іюль 1849 г.²⁹⁾ Павловъ нашелъ этого сорокопута около Рязани³⁰⁾. Изъ изслѣдованій Пр. Черная (вообще очень отрывочныхъ и неопредѣленныхъ) можно заключить, что въ Харьковской губ. онъ бываетъ только на пролетѣ и не зимуетъ³¹⁾; въ лѣтніе мѣсяцы 1877 и 1878 гг. я тамъ его не могъ найти. Въ Черниговской губ. пролетъ его наблюдалъ г. Шевелевъ, но гнѣздится ли онъ тамъ неизвѣстно³²⁾.

²⁶⁾ Мензбиръ. Bull. de Moscou. 1879. № 2. p. 341. Никакъ не могу понять почему г. Мензбиръ утверждаетъ, что онъ видѣлъ эту птицу только *лѣтомъ*, дальше показываетъ ее зимующей (p. 368), а также—встрѣчающейся въ странѣ круглый годъ, хотя и блуждающей (p. 346)?!

²⁷⁾ Богдановъ. Птицы и звѣри черн. пол. Поволжья. 1871. p. 73.

²⁸⁾ Mёschler. Naumannia. 1853. p. 804.

²⁹⁾ Сѣверцовъ. Періодич. явл. въ жизни звѣрей, птицъ и гадовъ Воронеж. г. 1855. p. 707.

³⁰⁾ Павловъ. Труды Спб. Общ. ест. 1880. Т. X. p. 120.

³¹⁾ Czernay. Bull. de Moscou. 1850. I. p. 609, 614; а также: Черная, Фауна Харьков. губ. 1853. II. p. 31, 32.

³²⁾ Шевелевъ. Труды Харьк. Общ. исп. пр. 1875. IX. p. 198.

Относительно Кіевской губ. К. Ф. Кесслеръ говоритъ: «въ окрестностяхъ Кіева показывается по видимому только на осеннемъ и весеннемъ пролетѣ, а не остается на лѣтнее время. Увѣрили меня неоднократно, что попадаетея тутъ иногда зимою» ³³⁾. Гебель считаетъ сѣраго сорокопута осѣдлымъ въ Уманскомъ у. Кіевской губ. и говоритъ, что онъ тамъ чаще зимой нежели лѣтомъ, прибавляя къ тому, что «яйца еще не найдены» ³⁴⁾. Нордманнъ говоритъ, что «*L. excubitor* очень обыкновененъ во всей Новороссіи и гнѣздится въ садахъ. Нѣкоторые остаются у насъ зимовать и тогда кормятся мышами и мелкими птицами, но большая часть улетаетъ съ наступленіемъ холодовъ и возвращаются въ началѣ Апрѣля. Въ эпоху спариванія, каждая пара занимаетъ извѣстный округъ и защищаетъ его отъ вторженія своихъ сородичей» ³⁵⁾. Радде утверждаетъ, что этотъ сорокопутъ «лѣтомъ обыкновененъ особенно на Днѣпрѣ и въ степныхъ садахъ недалеко отъ него, напр. въ имѣніяхъ г. Васаля» ³⁶⁾.

4) Въ Крыму найденъ пока только І. Н. Шатиловымъ «отъ Ноября до Марта, одиночными экземплярами» ³⁷⁾.

5) На Кавказѣ. Единственное указаніе на присутствіе *L. excubitor* въ фаунѣ Кавказа, именно въ Елизаветпольской губ., есть въ каталогѣ Гогенакера ³⁸⁾; но въ какое время и какой видъ нашелъ онъ тамъ? былъ ли это настоящий *L. excubitor* или другой рѣшить невозможно. Весьма вѣроятно, что если этотъ видъ тамъ и не водится (уступая свое мѣсто *L. Homeyeri*), то можно навѣрное предполагать, что онъ является туда зимовать. Это подтвердилось, теперь, находкой г. Михайловскимъ сѣраго сорокопута около Кутаиса.

6) Въ Арало-Каспійской области европейскій сѣрый сороко-

³³⁾ Кесслеръ. Ест. ист. губ. Кіев. уч. окр. Вып. II. p. 33.

³⁴⁾ Goebel. Beitr. zur Kenntn. d. R. R. 1879. Zw. Folge. Bd. II. p. 93.

³⁵⁾ Nordmann. Obs. sur la faune pont. p. 113.

³⁶⁾ Radde. Journ. f. Orn. 1854. p. 56.

³⁷⁾ Schatiloff. Bull. de Moscou. 1860. p. 496.

³⁸⁾ Hohenacker. Bull. de Moscou. 1837. p. 180.

путь положительно нигдѣ не гнѣздится. На пролетѣ его встрѣчали: въ землѣ Уральскаго казачьяго войска (Карелинъ ³⁹⁾; около г. Уральска (15. XI. Скорняковъ); въ Астрахани по словамъ В. Е. Яковлева «замѣченъ зимой; въ это время нерѣдокъ и держится по садамъ и рѣчной уремѣ долины Волги» ⁴⁰⁾. Экземпляръ № 420 кат.) полученный отъ В. Е. Яковлева не оставляетъ сомнѣнiя, что эти наблюденiя относятся къ *L. excubitor*. Наконецъ М. Н. Савенковъ прислалъ мнѣ экземпляръ убитый около Нукуса, на Аму-Дарѣ (28. II. 1875), вѣроятно заблудившiйся на пролетѣ. Здѣсь приведены всѣ существующiя наблюденiя, извѣстныя мнѣ надъ распространенiемъ и гнѣздованiемъ *L. excubitor* въ Россiи. Нельзя не отмѣтить, что эта птица попадалась наблюдателямъ гораздо рѣже, чѣмъ *E. collurio* и *L. minor*. Изъ этихъ данныхъ можно заключить, что въ области Урала и въ области ели *L. excubitor* гнѣздится на всемъ пространствѣ ихъ, вѣроятно до сѣвернаго предѣла лѣсовъ (69° с. ш. въ Лапландiи и 65° с. ш. на Уралѣ); въ западныхъ и южныхъ частяхъ области ели нѣкоторыя особи его даже зимуютъ (Межаковъ, Сабанѣевъ, Руссовъ, Тачановскiй). Въ предѣлахъ черноземной области несомнѣнно гнѣздящейся эта птица найдена только въ восточныхъ частяхъ ея (Уфимская, Казанская и Симбирская губ.); въ остальныхъ губернiяхъ сорокопуть попадался рѣдко и преимущественно на пролетѣ, гнѣздованiе же его тамъ никѣмъ положительно наблюдаемо не было. И я склоненъ думать, что въ южной полосѣ черноземной области, т. е. въ полосѣ степей, этотъ видъ не гнѣздится, и эта полоса раздѣляетъ гнѣздовую область *L. excubitor* отъ области *L. Homeyeri*. Вѣроятно, Нордманнъ и Радде принимали эту послѣднюю форму за *L. excubitor*.

По Шагилову *L. excubitor* въ Крыму только зимуетъ, что подтверждаетъ мое предположенiе, что это сѣверный видъ, не гнѣздящiйся въ степныхъ мѣстахъ юга. Остается необъясненнымъ еще странное обстоятельство: въ области ели *L. excubitor* мѣста-

³⁹⁾ Карелинъ. Труды С.-Петербур. общ. ест. 1875. т. VI. р.

⁴⁰⁾ Яковлевъ. Bull. de Moscou. 1873. р. 335.

ми зимуетъ; встрѣчается онъ зимой также въ западной части черноземной области (Гёбель), въ средней же и восточной частяхъ этой области зимой никѣмъ не замѣченъ. Можетъ быть это объясняется тѣмъ, что въ малолѣсистыхъ, степныхъ мѣстностяхъ, несмотря на ихъ болѣе южное положеніе, суровость зимы, вьюги гуляющія на просторѣ, вмѣстѣ съ недостаткомъ пищи дѣлаютъ эти страны неудобными для зимовья; тогда какъ въ лѣсистыхъ мѣстахъ западной и сѣверной Россіи, находя пищу и защиту отъ зимнихъ непогодъ, сорокопуть остается въ небольшомъ числѣ зимовать. Но вообще, нужно сознаться, существующія наблюденія надъ этимъ видомъ бѣдны и отрывочны, такъ что обозначить южную границу его гнѣздовой области невозможно теперь. Также мало данныхъ, чтобъ опредѣлить восточную границу *L. excubitor*; положительныя наблюденія указываютъ, что онъ водится на всемъ Уралѣ; но гдѣ останавливается онъ за Ураломъ? доходить ли до р. Оби? а можетъ быть и переходить ее? пока нѣтъ никакихъ данныхъ; можно только повторить, что *въ Сибири, какъ восточной такъ и въ западной, никто еще не встрѣчалъ L. excubitor* L. и достовѣрной областью его гнѣздовья слѣдуетъ пока считать Уралъ и область ели.

Въ западной Европѣ наблюденій надъ *L. excubitor* L. несравненно больше. Шарпъ и Дрессеръ въ монографіи привели лишь самую ничтожную часть изъ имѣющихся въ литературѣ наблюденій; достаточно указать на то, что въ ихъ работѣ не упоминаются вовсе такіе классическіе и капитальные источники, каковы сочиненія Науманна, Брема и многихъ другихъ германскихъ и французскихъ орнитологовъ. Несмотря на богатство западно-европейской орнитологической литературы наблюденіями надъ обыкновеннымъ сѣрымъ сорокопутомъ, область его гнѣздованія тамъ также не опредѣлена какъ и въ Россіи. Я не рѣшаюсь коснуться этого вопроса и разобрать имѣющіеся матеріалы потому, что многія наблюденія весьма неопредѣленны, требуютъ дополненія и поѣрки на мѣстѣ, что, конечно, доступно только мѣстнымъ орнитологамъ. Насколько простирается мое знакомство съ литерату-

рой, я могу только высказать предположеніе, что и въ западной Европѣ обыкновенный сѣрый сорокопуть населяетъ сѣверъ и едва ли гнѣздится по ту сторону Альпъ.

6. LANIUS HOMEYERI Cab. СОРОКОПУТЬ ГО- МЕЙЕРА.

Таб. III ф. 1.

Diag. *L. Lanio excubitori similis, sed differt speculis duobus alarum majoribus, speculo remigum 4 et 5 secundariorum in fasciam longitudinalem, pogonium externum occupantem, producto et cum macula apicali conjuncto; colore cinereo laetiore et albo ubique magis diffuso.*

1873. *Lanius Homeyeri* n. sp. Cabanis. Journ. f. Orn. p. 75 etc. Synon.

1873. *Lanius leucopterus* nov. Сѣверцовъ. Вѣст. и горн. распр. турк. жив. Изв. И. М. О. люб. ест. А. Э. Т. VIII. вып. II. 67.

1874. *Lanius Homeyeri*. Cabanis. Journ. f. Orn. p. 234 et 237.

1875. *Lanius Homeyeri*. Sewerzow. Journ. f. Orn. p. 179.

1876. *Lanius Homeyeri*. Cabanis. Journ. f. Orn. p. 222.

Этотъ сорокопуть отличонъ, какъ особый видъ, только въ 1873 г. одновременно Н. А. Сѣверцевымъ — подъ именемъ *L. leucopterus*, и Кабанисомъ — подъ именемъ *L. Homeyeri*. Такъ какъ описаніе отличительныхъ признаковъ сдѣлано только Кабанисомъ, то Сѣверцовъ принялъ потомъ для открытаго имъ вида, названіе *L. Homeyeri*.

По Кабанису *L. Homeyeri* отличается отъ *L. excubitor* L. слѣдующими признаками: а) бѣлыми размахами двухъ бѣлыхъ зеркалацъ на маховыхъ перьяхъ; б) бѣлымъ распространениемъ

блѣно на рулевыхъ перьяхъ; с) бѣлымъ лбомъ и надглазной полосой; d) болѣе или менѣе чисто-бѣлымъ или бѣловатымъ надхвостьемъ.

Въ Берлинѣ, благодаря любезности Пр. Кабаниса, я осмотрѣлъ восемь оригинальныхъ экземпляровъ, по которымъ установленъ видъ. Сравненіе ихъ съ *L. excubitor* привело къ слѣдующимъ результатамъ: величина и пластическіе признаки, т. е. форма клюва, ногъ, хвоста и крыльевъ у обоихъ одинаковы; по цвѣту спинной и брюшной стороны оба вида тоже сходны. Отличія (точно указанные Кабанисомъ) заключаются въ величинѣ пераго и втораго зеркалецъ на маховыхъ и вообще въ томъ, что на лбу и надглазной полосѣ, на концахъ вторыхъ маховыхъ, на плечевыхъ, на крайнихъ рулевыхъ бѣлый цвѣтъ чище и занимаетъ большее пространство; а верхнія кроющія хвоста болѣе или менѣе чисто бѣлыя.

Разбирая эти отличія оказывается, что нѣтъ ни одного абсолютнаго признака, по которому бы, безъ сравненія, можно было различать оба вида. Въ настоящее время, сравнивая всю lyingщуюся подъ руками коллекцію экземпляровъ обоихъ видовъ, я прихожу къ заключенію, что:

1) *L. Homeyeri* Cab. есть восточная форма *L. excubitor* L. (какъ это высказалъ и Кабанисъ).

2) отличительные признаки *L. Homeyeri* заключаются въ большемъ развитіи бѣлыхъ отмѣтинъ и въ томъ, что сѣрый цвѣтъ его верхней стороны едва только свѣтлѣе, чѣмъ у *L. excubitor*.

3) между обѣими формами есть незамѣтные переходы, т. е. обѣ формы еще не раздѣлились окончательно и должны, собственно говоря, считаться породами (точно также какъ приняты мной породы *L. borealis*).

4) *L. Homeyeri* еще не установился окончательно, потому, что характерные признаки его варьируютъ.

Поэтому я оставляю условно видовое названіе *L. Homeyeri*, котораго съ большимъ правомъ можно принять за породу *L. ex-*

subitor, тѣмъ болѣе, что появленіе признаковъ *L. Homeyeri* мы нашли у ряда юго-восточныхъ экземпляровъ *L. excubitor*.

Старый самецъ осенью: голова, задняя сторона шеи и спина свѣтлая пепельно-сѣрая (едва свѣтлѣе *L. excubitor*); на лбу перья свѣтлѣе; надглазная полоска бѣлая (ни чѣмъ не разнится отъ восточныхъ экземпляровъ *L. excubitor*); кроющія крыло плечевыя бѣлыя; надхвостье свѣтлѣе спины; верхнія кроющія хвоста бѣлыя съ слабымъ сѣроватымъ налетомъ. Нижняя сторона сливочно-бѣлая. Подглазная черная полоса сходна съ таковою у *L. excubitor*, но уздечка между глазомъ и основаніемъ клюва суживается и начинаетъ бѣгѣть. Окраска хвоста какъ у *L. excubitor*, но и здѣсь замѣтно большее вытѣсненіе бѣлымъ чернаго; у корня среднихъ рулевыхъ бѣлое поле значительно шире, также какъ и у остальныхъ перьевъ; крайнее рулевое все бѣлое, но средняя часть веретена черноватая; второе рулевое тоже все бѣлое (чернота на веретенѣ больше распространена) и только на средней части внутренняго опахала около веретена сохранилась узкая черная полоска; третье рулевое похоже по окраскѣ на второе рулевое типичнаго западнаго *L. excubitor*. Общая окраска крыльевъ какъ у послѣдняго, но первое зеркальце больше; а второе значительно больше, такъ что доходитъ до задняго края перваго; самый характерный отличительный признакъ *L. Homeyeri* заключается именно въ окраскѣ вторыхъ маховыхъ: уже у *L. excubitor* есть слѣды соединенія бѣлаго поля находящагося у корня перьевъ съ бѣлой каймой на концѣ перьевъ, при помощи свѣтлой и даже бѣловатой каймы на внутреннемъ опахалѣ. У *L. Homeyeri* бѣлое зеркальце вторыхъ маховыхъ соединяется по краю наружнаго опахала, 4 и 5 изъ этихъ перьевъ, бѣлой каемкой съ конечной бѣлой полосой; на внутреннемъ опахалѣ вторыхъ маховыхъ бѣлое зеркальце значительно шире, соединяется каймой съ конечной полосой, такъ что черный сохранился здѣсь въ видѣ большаго пятна у веретена, окаймленнаго бѣлымъ. Вотъ это и есть главный существенный отличительный признакъ *L. Homeyeri*. Ширина бѣлой конечной каймы на вторыхъ маховыхъ больше, чѣмъ у

L. excubitor, но она довольно измѣнчива; а у нѣкоторыхъ восточныхъ экземпляровъ *L. excubitor* эта кайма столь же широкая, что зашаетъ этотъ признакъ диагностическаго значенія.

Зимой отъ выцвѣтанія сѣрый цвѣтъ слегка свѣтлѣетъ и на лбу дѣлается бѣловатѣе.

Старая самка не различима отъ самца; только сливочный оттѣнокъ нижней стороны гуще; у взрослыхъ самокъ почти нѣтъ поперечныхъ полосокъ на нижней сторонѣ, а у старыхъ ихъ нѣтъ и слѣдовъ.

Въ переходномъ нарядѣ цвѣта нѣсколько менѣе чисты, бѣлыя конечныя каймы на вторыхъ маховыхъ меньше. Большія кроющія крыла съ рыжеватыми каемками. Но типичный признакъ вида (или породы) — бѣлая кайма на наружномъ опахалѣ 4 и 5 маховыхъ втораго разряда есть у всѣхъ экземпляровъ.

Гнѣздовой нарядъ неизвѣстенъ.

Географическое распространеніе. Область этого сорокопута очертить въ настоящее время столь же трудно, какъ и опредѣлить видовую самостоятельность его.

Кабанисъ получилъ оригинальные экземпляры и яйца откуда-то съ Волги (вѣроятно изъ Сарепты) и одинъ экземпляръ изъ Крыма. Можетъ быть эту форму приводитъ Мёшлеръ въ своемъ каталогѣ, подъ именемъ *L. excubitor*, какъ гнѣздящуюся и довольно обыкновенную подъ Сарептой¹⁾. Въ Крыму находили до сихъ поръ *L. excubitor* только зимой (см. геогр. распр. *L. excubitor*). Когда тамъ добытъ экземпляръ Кабаниса неизвѣстно. Сорокопуть видѣнные мной въ Поволжьѣ т. е. въ губерніяхъ Казанской, Уфимской, Сибирской, хотя принадлежать къ восточной разности *L. excubitor*, но тѣмъ не менѣе ихъ нельзя счесть за *L. Homeyeri*. Г. Мевесъ сообщаетъ, что онъ нашелъ *L. Homeyeri* по дорогѣ изъ Кунгура въ Пермь, 27 Августа, и описываетъ довольно подробно убитый имъ экземпляръ молодого самца; но изъ этого описанія никакъ нельзя убѣдиться, что онъ

¹⁾ Möscher. Naumannia 1853. III. p. 304.

нашелъ *L. Homeyeri*, а не восточную разность *L. excubitor*; и описаніе его какъ нельзя болѣе подходитъ къ молодому экземпляру *L. excubitor* изъ Казани (№ кат.) ²⁾.

Весьма вѣроятно, что лѣтомъ 1871 года я наблюдалъ *L. Homeyeri* въ черноземныхъ степяхъ, по кустарникамъ, въ Ставропольской губ., такъ какъ сорокопуть видѣнные мной тамъ обращали на себя вниманіе сильнымъ развитіемъ бѣлыхъ отмѣтннъ на крыльяхъ и хвостѣ, но тогда я не придалъ этому особаго значенія.

Достоверно найденъ до сихъ поръ *L. Homeyeri* въ слѣдующихъ мѣстностяхъ (кромѣ тѣхъ откуда получалъ экземпляры Кабанись); подъ Оренбургомъ (VII — Скорняковъ); около Чиназа (въ Ноябрь—Руссовъ); по Н. А. Сѣверцову *L. Homeyeri* (или его *L. leucopterus*) гнѣздится въ западныхъ предгоріяхъ Тянь-Шаня, въ полосѣ лѣсохъ отъ 1500^м до 3000^м, а въ остальныхъ мѣстностяхъ Туркестана встрѣчается на пролетѣ ³⁾. Н. М. Пржевальскимъ этотъ сорокопуть добытъ около Лобь-Нора (III и XI), Карашара (X) и Гученя (XI). Наконецъ Кабанись сообщаетъ будто бы этотъ видъ найденъ около Анклама въ Пруссіи ⁴⁾.

НВ. В. К. Тачановскій пишетъ, что *L. Homeyeri* найденъ В. И. Дыбовскимъ въ Дарасунѣ и Култукѣ ⁵⁾; но затѣмъ г. Тачановскій самъ измѣнилъ это показаніе и пишетъ, что «вслѣдствіе лучшаго изслѣдованія предъидущей формы (т. е. *L. major* Pall.) я убѣдился, что экземпляры (т. е. принятыя имъ за *Homeyeri* изъ Дарасуна и Култука) принадлежать къ *L. major* Pall. и потому надо вычеркнуть положительно *L. Homeyeri* изъ фауны восточной Сибири» ⁶⁾. Замѣтки мои объ упомянутыхъ экземплярахъ,

²⁾ Meves. Journ. f. Orn. 1875. p. 431.

³⁾ Сѣверцовъ. Верт. и гориз. распр. Турк. жив. 1873. p. 67.

⁴⁾ Cabanis. Journ. f. Orn. 1876. p. 222.

⁵⁾ Taczanowski, Journ. f. Orn. 1874. 322.

⁶⁾ Тачановскій. Труды V съѣзда русскихъ ест. въ Варшавѣ. 1877. Вып. III. p. 326.

сдѣланныя въ Варшавскомъ музеѣ, къ сожалѣнію утрачены. В. И. Дыбовскій былъ столь обязателенъ, что вызвался доставить мнѣ сомнительные экземпляры для опредѣленія; но это оказалось невозможнымъ и онъ сообщилъ мнѣ только, что сравненіе ихъ съ экземплярами сибирскаго сорокопута подтвердило, что экземпляры изъ Дарасуна и Култука, принятыя сначала за *L. Homeyeri*⁷⁾, есть ничто иное какъ *L. major* Pall. (т. е. *L. borealis sibiricus* Bogd.). Такое объясненіе меня однако не удовлетворяетъ. Я никакъ не могу представить, чтобъ можно было даже при самомъ поверхностномъ опредѣленіи принять *L. borealis sibiricus* за *L. Homeyeri*; во вторыхъ послѣдняя замѣтка г. Тачановскаго о *L. major* Pall., гдѣ онъ говоритъ о присутствіи у этого вида зеркальца на вторыхъ маховыхъ до 17 — 20^{мм} величиной, ясно указываетъ, что тутъ есть какая-то ошибка. Я глубоко убѣжденъ, что экземпляры съ вторымъ зеркальцемъ въ 17 — 20^{мм} вовсе не *L. borealis sibiricus* Bogd. (*L. major* Pall.), а принадлежать къ какому-то другому виду изъ группы *L. excubitor*, *Homeyeri*, *Przewalskii* и *sphenocercus*, но къ какому именно — пусть рѣшатъ будущія наблюденія.

7. LANIUS PRZEWALSKII Bogd. СОРОКОПУТЬ ПРЖЕВАЛЬСКАГО.

Таб. III. Ф. 2.

Diag. *L. Lanio Homeyeri similis; sed colore cinereo laetiori, maculis fasciisque albis ubique majoribus et laetioribus, remigibus secundariis 5, 6 et 7 tobis albis, maculis parvis oblongis nigris ante apicem ornatis; alis acutioribus, cauda longiori et fortissime gradata.*

⁷⁾ Тачановскій. 1877. op. cit. p. 325.

Недавно доставлены въ музей И. С.-Петербургской Академіи Наукъ четыре экземпляра сорокопуга неподходящіе ни къ одному изъ извѣстныхъ видовъ. По своимъ признакамъ эти сорокопугы близки къ *L. Homeyeri* и къ *L. sphenocercus*, но рѣзко отличаются отъ обихъ и представляютъ промежуточную форму. Интересно то, что географически они тоже занимаютъ пространство раздѣляющее названные виды. По окраскѣ этотъ видъ весьма похожъ на *L. Homeyeri*, но отличается еще *большимъ развитіемъ бѣлыхъ отмѣтинъ, особенно на крыльяхъ, длиннымъ ступенчатымъ хвостомъ, острыми крыльями*. Отличія эти болѣе рѣзки нежели отличія *L. Homeyeri* отъ *L. excubitor var. orientalis*. Отъ *L. sphenocercus* отличается *болѣе свѣтлымъ цвѣтомъ, бѣлымъ надхвостомъ и вообще сильнымъ развитіемъ бѣлыхъ отмѣтинъ особенно на крыльяхъ и нѣсколько меньше ступенчатымъ и болѣе короткимъ хвостомъ*.

Старый самецъ осенью. Верхняя сторона такого же цвѣта, какъ у *L. Homeyeri*; нижняя сторона бѣлѣе. Бѣлая полоса на лбу и надъ глазами чище. Подглазная полоса такой же формы какъ у *L. Homeyeri*. Бѣлая полоса образуемая плечевыми перьями шире. Зеркальце первыхъ маховыхъ значительно больше, чѣмъ у *L. Homeyeri*; а второе зеркальце еще больше. Вообще окраска вторыхъ маховыхъ представляетъ рѣзкій отличительный признакъ. Бѣлыя отмѣтины ихъ расширились до того, что на трехъ предъ-послѣднихъ перьяхъ (15, 16, и 17) черный цвѣтъ сохранился только въ видѣ небольшихъ продолговатыхъ узкихъ пятенъ на обихъ опахалахъ около веретена. Всѣ бѣлыя каймы и пятна на крыльяхъ шире и больше. Бѣлое поле на корнѣ среднихъ рулевыхъ больше; оба крайнія рулевые вполне бѣлыя. Кромѣ того у этого сорокопуга длинный и ступенчатый хвостъ и заостренные крылья, что вмѣстѣ съ цвѣтными признаками составляетъ рѣзкое отличіе отъ *L. Homeyeri*; такъ что самостоятельность этого вида не подлежитъ сомнѣнію. Я называю его именемъ нашего извѣстнаго путешественника, Почетнаго члена И. С.-Петербургской Академіи Наукъ, Н. М. Пржевальскаго, наблюденія

котораго были особенно цѣнны для моей работы надъ сорокопутьми.

Оба экземпляра найдены такъ близко отъ русскихъ границъ: одинъ между Зайсанскимъ постомъ и Гученемъ, а другой около Карашара, потому не было сомнѣнiя, что этотъ видъ заходитъ и въ предѣлы нашей фауны. Затѣмъ доставлена колекція В. Ф. Руссова; въ ней между прочимъ нашлось два экземпляра сорокопутьа Пржевальскаго, изъ которыхъ одинъ убитъ около Ташкента, другой около Чиназа.

8. LANIUS SPHENOCERCUS Cab. СОРОКОПУТЬ КЛИНОХВОСТЫЙ.

Diagn. L. notaeo toto pure cinereo; gastraeo albo rosaceo tincto; crisso pure albo. Cauda omnium Laniorum longissima et maxime gradata. Specula alba alarum ut in Lanio Homeyeri, remigum secundariarum vero pogoniis internis totis albis. Rostrum et pedibus nigris.

1873. *Lanius sphenocercus* n. sp. Cabanis. Journ. f. Orn. p. 76.

1876. *Lanius sphenocercus*. Пржевальскiй. Монг. и страна танг. II. p. 62.

1877. *Lanius sphenocercus*. Taczanowski. Bull. de la S. Z. de Fr. p. 165.

1877. *Lanius sphenocercus*. Тачановскiй. Крит. обзоръ орнит. фауны вост. Сибири. Тр. V съезда русс. ест. въ Варшавѣ. p. 326.

1877. *Lanius sphenocercus*. David et Oustalet. Ois. de la Chine. p. 92. Pl. 76.

Рисунокъ. David et Oustalet. op. cit.

Первый экземпляръ китайскаго сорокопутьа добытъ въ 1869 году Н. М. Пржевальскимъ, опредѣлившемъ его сначала какъ *L. excubitor*¹⁾. Вскорѣ однако Кабанисъ, получившiй эту птицу

¹⁾ Пржевальскiй. Путешествiе въ Уссурiйскiй край. 1870. Прилож. p. 67. № 147. Но потомъ самъ авторъ исправилъ эту ошибку; см. его же Монголиа и страна тангутовъ. 1876. II. p. 69. Примѣчанiе.

изъ Китая, опредѣлили ее какъ особый видъ, рѣзко отличающійся отъ всѣхъ другихъ. До сихъ поръ китайскій сорокопуть еще рѣдокъ въ коллекціяхъ. Я видѣлъ оригинальный экземпляръ въ музеѣ Берлина; нѣсколько находится въ музеѣ Варшавскаго Университета и два экземпляра въ музеѣ И. С.-Петербургской Академіи Наукъ. По замѣткамъ, сдѣланнымъ мной въ Берлинѣ и Варшавѣ, и по сравненію, съ этими замѣтками и описаніями Кабаниса, академическихъ экземпляровъ можно судить, что китайскій сорокопуть есть весьма прочно установившійся видъ. Къ сожалѣнію полъ большей части осмотрѣнныхъ экземпляровъ неопредѣленъ. Впрочемъ, никакихъ различій почти не существуетъ. Еще болѣе жаль, что до сихъ поръ нѣтъ экземпляровъ въ переходномъ и гнѣздовомъ нарядѣ, что затрудняетъ опредѣленіе его генеалогическихъ отношеній къ другимъ видамъ.

Китайскій сорокопуть немного больше другихъ, но разница главнымъ образомъ зависитъ отъ удлиненнаго хвоста. Хвостъ болѣе ступенчатъ, чѣмъ у всѣхъ другихъ сѣрыхъ сорокопутовъ. Вся спинная сторона, до верхнихъ кроющихъ хвоста включительно, чистаго, пепельно-сѣраго цвѣта, какъ у *L. excubitor*. Вся брюшная сторона, бѣлая, съ замѣтнымъ красновато-палевымъ оттѣнкомъ, какъ у *L. Grimmi*. Нижнія кроющія хвоста чисто-бѣлыя. Черная подглазная полоса начинаясь у основанія верхней челюсти идетъ къ глазу и подъ нимъ, на ушные перья, какъ у *L. excubitor*. Лобъ, перышки покрывающія ноздри и полоса идущая надъ глазомъ — бѣлыя. Крылья чернобурыя. На 2 — 10 первыхъ маховыхъ бѣлое зеркальце. На вторыхъ маховыхъ (за исключеніемъ двухъ послѣднихъ) широкое бѣлое зеркальце, какъ у *L. Homeyeri*; на 15 и 16 маховыхъ перьяхъ отъ зеркальца идетъ по краю наружнаго опахала бѣлая каемка до бѣлой же широкой конечной каймы этихъ перьевъ. Кромѣ того у вторыхъ маховыхъ (за исключеніемъ двухъ послѣднихъ) внутреннее опахало почти все бѣлое, какъ у *L. lathora* и у *L. Grimmi* Bogd. Концы плечевыхъ перьевъ образуютъ на крылѣ широкую бѣлую полосу. Два среднихъ рулевыхъ черныя; слѣдующія имѣютъ бѣлый ко-

нецъ и бѣлое основаніе; три крайнихъ рулевыхъ чисто-бѣлыя безъ черныхъ пятенъ, но съ черными веретенами. Клювъ и ноги черныя.

Сорокопуть этотъ водится въ Китаѣ. Пржевальскій и Дыбовскій нашли его въ южной части Уссурийскаго края. Пржевальскій говоритъ, что «этотъ видъ рѣдокъ въ юго-восточной Монголіи и замѣченъ былъ здѣсь только на весеннемъ пролетѣ въ концѣ марта и въ началѣ апрѣля. Въ Ордоcѣ, какъ кажется, гнѣздится». У Давида сказано относительно этого вида: «каждый годъ особи его прилетаютъ зимовать на равнины и безлѣсныя долины сѣвернаго Китая, возвращаясь весной въ Монголію и на сѣверъ».

9. LANIUS GRIMMI Bogd. ПУСТЫННЫЙ СОРОКОПУТЬ.

Табл. IV.

Diagn. L. capite, collo dorsoque pallide cinereis. Uropygio et supracaudalibus laetioribus et rufescentibus. Gastraeo albo rosaceo-isabellino tincto. Macula ante oculos fasciaque parotica nigris. Fascia superciliari alba. Remigibus primariis fusco-nigris dimidi basali albo;—secundariis nigris albo marginatis et pogonio interno apiceque albis. Rostro nigro-fusco. Pedibus fusciscentibus.

Супон.

1873. *Lanius pallidirostris*. Сѣверцовъ. Верт. и гориз. распр. турк. жив. Изв. И. М. О. Люб. ест. Антр. и Этн. т. VIII. в. 2. р. 24 и 67.
1875 *Lanius pallidirostris*. Sewerzow. Journ. f. Orn. XXIII. p. 179.

Въ маѣ 1873 г. на правомъ берегу Аму-Дарьи, на урочищѣ Акъ-Камышъ, солдаты туркестанскаго отряда принесли мнѣ двухъ молодыхъ сорокопутовъ, еще не летавшихъ и не вполне оперившихся; эти птицы обратили мое вниманіе своей свѣтлой окраской и отсутствіемъ полосъ на нижней сторонѣ тѣла. Къ сожалѣнію старыхъ птицъ мнѣ не удалось достать тогда. За то въ 1874 г. я собралъ хорошую коллекцію экземпляровъ этого соро-

копута, принятаго мной сначала, по примѣру г. Сѣверцова, за *L. pallidirostris* Cass. Но, сравнивъ эту коллекцію съ экземплярами настоящаго *L. pallidirostris* Cass., я убѣдился, что это опредѣленіе ошибочно, такъ какъ арало каспійскій видъ вполне отличенъ отъ африканскаго. Это заключеніе вполне подтвердилось при изученіи коллекціи сорокопутовъ въ И. СПб. Академіи Наукъ, при чемъ оказалось, что экземпляры съ р. Сыръ-Дарьи, опредѣленные Н. А. Сѣверцовымъ за *L. pallidirostris* Cass., совершенно тождественны съ моими, а слѣдовательно различны отъ *L. orbitalis* Licht. = *L. pallidirostris* Cass. и составляютъ особый видъ, который я называю именемъ моего товарища по экспедиціи П-ра О. А. Гримма — *L. Grimmi*.

Небольшая коллекція экземпляровъ этого вида, имѣющихся въ моемъ распоряженіи, представляетъ всѣ возрасты обоихъ половъ; нѣтъ только стараго самца, но судя по переходному наряду полы не разнятся у этой птицы, слѣдовательно отъ этого строгое опредѣленіе вида не страдаетъ.

Старая самка. Голова, шея и спина свѣтлаго пепельно-сѣраго цвѣта. Надхвостье и верхнія кроющія перья хвоста немного свѣтлѣе спины и сѣрый цвѣтъ здѣсь съ примѣсью рыжеватаго. Мелкія кроющія перья крыла пепельно-сѣрыя; мелкія же перья на сгибѣ крыла и нижнія кроющія крыла бѣлыя. Нижняя сторона вся бѣлая, съ замѣтнымъ розовато-палевымъ оттѣнкомъ, который на груди и бокахъ туловища интенсивнѣе. Нижнія кроющія хвоста чисто-бѣлыя. Отъ передняго угла глаза начинается черная полоса идущая подъ глазомъ и кончающаяся на перьяхъ прикрывающихъ ухо. Надъ глазомъ и позади его, надъ черной полосой, идетъ довольно широкая бѣлая полоса. Между началомъ черной полосы и основаніемъ клюва, а также на лбу, перья пепельныя, грязныя, немного свѣтлѣе головы. Маховыя перваго разряда, съ 2 — 10, на конечной половинѣ черно-бурья, на основной — чисто бѣлыя, чѣмъ образуется на крылѣ большое бѣлое зеркальце. Первое маховое перышко чернобурое, но на основной части внутренняго опахала имѣетъ большое бѣлое пятно.

На заднихъ маховыхъ перваго разряда бѣлый цвѣтъ распростра-
ненъ очень сильно, кромѣ того 9 и 10 изъ нихъ имѣють узкія
бѣлыя каемки на концахъ. Вторыя маховыя перья темнѣ пер-
выхъ, почти совсѣмъ черныя; заднія изъ нихъ одноцвѣтныя; у
переднихъ и среднихъ все внутреннее опахало, конецъ пера и уз-
кая кайма на конечной половинѣ наружнаго опахала — бѣлыя.
Плечевыя перья у основанія пепельно-сѣрыя къ концу становят-
ся бѣлыми и образуютъ на крылѣ полосу. Хвостовыя перья узки;
два среднія почти совсѣмъ черныя, у слѣдующихъ основаніе и
конецъ бѣлыя; кромѣ того у третьяго пера, съ краю, все наруж-
ное опахало съ широкой бѣлой каймой; два крайнихъ съ каждой
стороны совсѣмъ бѣлыя, съ чернобурыми веретенами. Клювъ
чернобурый; основаніе нижней челюсти свѣтло-роговаго цвѣта.
Радужина бурая. Ноги свѣтло-бурныя, когти чернобурныя.

Это описаніе составлено по четыремъ экземплярамъ въ ве-
сеннемъ и лѣтнемъ перѣ (№ 437 — 440), которые совершенно
сходны между собой, за исключеніемъ ничтожныхъ различій въ
оттѣнкахъ цвѣтовъ, зависящихъ отъ степени изношенности перь-
евъ; но и у самаго изношеннаго іюльскаго экземпляра (440)
розовато-палевый оттѣнокъ нижней стороны вполне сохранился.
Этотъ экземпляръ (№ 440 кат.) былъ сравненъ въ Вѣнѣ, Штут-
гартѣ и Берлинѣ съ экземплярами *L. orbitalis* Licht. (*L. palli-
dirostris* Cass. Heugl.). Различія оказались слѣдующія:

- 1) *L. Grimmi*. немного больше, чѣмъ *L. orbitalis*.
- 2) Клювъ у *L. Grimmi* толще, длиннѣе и чернѣе.
- 3) Черноватаго пятна, образуемаго щетинистыми бородами
перьевъ у передняго угла глаза *L. Grimmi*, — ни у одного экзем-
пляра *L. orbitalis* нѣтъ. Подглазная полоса у *L. Grimmi* черная,
у *L. orbitalis* бурая и передній конецъ ее не выдвигается впередъ
глаза.

4) Широкой бѣлой надглазной полосы *L. Grimmi*, у *L. or-
bitalis* почти незамѣтно.

5) Общій цвѣтъ спинной стороны у *L. Grimmi* чистый, пе-
пельно-сѣрый, — у *L. orbitalis* значительно темнѣе и съ рыже-

ватымъ отгѣнкомъ (особенно у штутгартскаго экземпляра изъ Нуби, v. Müller).

6) Цвѣтъ нижней стороны у *L. Grimmi* чистый бѣлый съ розовато-палевымъ отгѣнкомъ, у *L. orbitalis* этотъ отгѣнокъ замѣненъ сѣрымъ отгѣнкомъ.

7) Бѣлое зеркальце на первыхъ маховыхъ у *L. Grimmi* значительно меньше.

8) Цвѣтъ вторыхъ маховыхъ и большихъ кроющихъ крыла у *L. Grimmi* почти совсѣмъ черный, у *L. orbitalis* — буро-черный.

9) Два наружныхъ рулевыхъ у *L. Grimmi* всѣ бѣлыя, у *L. orbitalis* на второмъ перѣ есть черныя пятна.

Привожу здѣсь только тѣ отличія, которыя вполне постоянны, и мнѣ кажется ихъ очень достаточно, чтобъ легко различить оба вида. Разница между ними гораздо болѣе, чѣмъ между *L. excubitor* и *L. Homeyeri*.

Гнѣздовой нарядъ. Половыхъ различій нѣтъ. Покровныя перья мягки и пушисты; маховыя и рулевые только, что растутъ. Верхняя сторона свѣтло-рыжеватаго, песочнаго цвѣта; только на головѣ слабыя слѣды бѣловатыхъ полосокъ; спина одноцвѣтна. Надхвостье и верхнія кроющія хвоста темнѣе и рыжѣе спины; то же безъ признаковъ полосатости. Плечевыя перья такого же цвѣта какъ спина и концы ихъ не образуютъ свѣтлой полосы на крылѣ. Подглазная полоса бурая, такой же формы какъ у взрослыхъ; то же и щетинистыя бородки перьевъ передъ глазомъ буроватыя. Надглазная полоса совершенно такой же формы какъ у взрослыхъ, но бѣлый цвѣтъ ее не такъ чистъ. Нижняя сторона бѣлая, съ розовато-палевымъ отгѣнкомъ, который интенсивнѣе на груди и бокахъ туловища, особенно интенсивенъ на нижнихъ кроющихъ хвоста; нигдѣ нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ темныхъ поперечныхъ полосокъ. Основной цвѣтъ маховыхъ и рулевыхъ буровато-черный, а вторыхъ маховыхъ почти черный. На первыхъ пяти маховыхъ бѣлаго пятна у основанія нѣтъ, на 6—10 чисто бѣлое пятно такъ же велико какъ у взрослыхъ. На внутреннемъ опа-

халѣ вторыхъ маховыхъ бѣлая полоса есть, но уже чѣмъ у взрослыхъ. Концы первыхъ пяти маховыхъ имѣютъ узкую бѣловатую каемку; на слѣдующихъ эта кайма шире; а на вторыхъ маховыхъ она очень широка, особенно на наружномъ опахалѣ, и не бѣлаго, а рыжевато-песочнаго цвѣта. Большія кроющія перья крыла съ широкой рыжевато-песочной каймой. Мелкія перья на сгибѣ и на краю крыла чисто бѣлыя. Нижнія кроющія крыла бѣлыя. Крайнее рулевое перо все бѣлое; у слѣдующаго на внутреннемъ опахалѣ черное пятно; 3 и 4 съ свѣтлыми концами; а среднія съ свѣтлыми конечными каймами; бѣлый цвѣтъ на всѣхъ этихъ перьевъ съ сильнымъ рыжевато-песочнымъ оттѣнкомъ.

Клювъ, ноги и когти свѣтло-роговаго цвѣта. Радужина бурая.

Это описаніе составлено по экземплярамъ ♂ и ♀ (№ 452, 453.) которые еще не летали и взяты около гнѣзда.

Экземпляръ ♂ (№ 451) повидимому на вѣскольکو дней старше предъидущихъ; онъ сходенъ съ ними, только: а) клювъ немного темнѣе, буроватый; б) верхняя сторона немного свѣтлѣе и сѣрѣе; в) концы плечевыхъ перьевъ значительно свѣтлѣе спины, почти бѣловаты и образуютъ на крылѣ широкую полосу; д) нижняя сторона свѣтлѣе и бѣлѣе. Перья также рыхлы и пушисты.

Два экземпляра (№ 449 и 450) указываютъ, что гнѣздовой нарядъ весьма скоро смѣняется на

Переходный нарядъ. Оба эти экземпляра значительно темнѣе, чѣмъ въ гнѣздовомъ и окончательномъ нарядѣ. Верхняя сторона сѣровато-пепельная съ сильнымъ буро-рыжеватымъ оттѣнкомъ; у самки № 449 рыжеватый оттѣнокъ интенсивнѣе; № 450 напротивъ сѣрѣе. У № 449 надхвостье, верхнія кроющія перья хвоста и плечевыя перья сильно рыжеваты и цвѣтъ ихъ интенсивнѣе чѣмъ у гнѣздовыхъ; у № 450 эти перья блѣднѣе, но не рыжѣе спины. Розовато-палевый оттѣнокъ нижней стороны значительно интенсивнѣе и грязнѣе, чѣмъ у гнѣздовыхъ и взрослыхъ. Большія кроющія крыла такого же цвѣта, какъ у гнѣздовыхъ. Конечныя каймы вторыхъ маховыхъ блѣднѣе. Бѣлое зеркальце начинается съ 3 маховаго пера (у втораго маховаго оно есть только на внутрен-

немъ опахалѣ). Маховыя и рулевыя сильно изношены и выцѣбли, почему стали бурѣе, чѣмъ у гнѣздовыхъ. Клювъ у № 449 такой же свѣтлый какъ у № 450; а у № 451 значительно чернѣе. Изъ всего этого видно, что первое линянье наступаетъ въ июлѣ (см. числа когда убиты экземпляры) и при томъ равнѣе, чѣмъ птицы достигнуть полного роста (№ 449 далеко еще не выросъ). При этомъ линяньѣ смѣняются только покровныя перья; маховыя и рулевыя остаются безъ перемѣны и только доростають до надлежащей величины. Свѣжія перья переходнаго наряда очень богаты пигментомъ, который однако вслѣдствіе рыхлости перьевъ скоро же утрачивается до извѣстной степени, чѣмъ объясняется разница въ цвѣтѣ ихъ; и въ этомъ періодѣ клювъ уже начинаетъ чернѣть. Шесть экземпляровъ самцовъ и самокъ убитыхъ въ іюнь и іюль № 443—448 въ изношенномъ опереніи служатъ положительнымъ доказательствомъ того, что переходный нарядъ выросшій при первомъ линяньи носится всю осень, зиму, весну и начало лѣта до втораго линянья, которое наступаетъ въ концѣ іюля. Всѣ шесть экземпляровъ сходны между собой и отличаются отъ № 449 болѣе свѣтлымъ цвѣтомъ выцвѣтшихъ перьевъ. Цвѣтъ спинной стороны у нихъ свѣтлѣе и чище, но еще не столь чистъ какъ у взрослыхъ; № 448 свѣтлѣе остальныхъ потому, что перья у него не такъ обношены, а края этихъ перьевъ свѣтлѣе средней части ихъ. Нижняя сторона свѣтлѣе, и почти такого же цвѣта какъ у взрослыхъ. Разница въ интенсивности розовато-палеваго оттѣнка обуславливается степенью изношенности перьевъ, но вообще ничтожна и у всѣхъ экземпляровъ этотъ оттѣнокъ вполне явственный. Плечевыя перья на концахъ значительно блѣднѣе и образуютъ примѣтную полосу на крылѣ, которая однако не столь блѣда какъ у взрослыхъ. Рыжеватый оттѣнокъ надхвостья и верхнихъ кроющихъ хвоста сохранился у всѣхъ экземпляровъ, но замѣтно слабѣе и свѣтлѣе; у № 443 этотъ оттѣнокъ почти исчезъ и эти перья стали почти такого же цвѣта какъ у взрослыхъ. Концы вторыхъ маховыхъ и внутрення опахала ихъ значительно блѣднѣе, но еще съ слабой примѣсью рыжаго. Большія кроющія кры-

за сохранили еще широкія, свѣтло-рыжеватыя каймы; у № 444 эти каймы очень побѣлѣли. На малыхъ кроющихъ крыла каймы эти тоже явственны; у № 446 эти перья линяютъ и замѣняются одноцвѣтными черными, какъ у взрослыхъ. У многихъ на внутреннемъ опахалѣ втораго рулеваго пера есть черное пятно; у № 448 эти перья уже совсѣмъ бѣлыя. На наружномъ опахалѣ третьяго рулеваго пера появляется бѣлая кайма, которая однако уже чѣмъ у взрослыхъ, и у нѣкоторыхъ экземпляровъ идетъ даже не во всю длину опахала. Подглазная полоса такой же формы какъ у всѣхъ другихъ, а по цвѣту занимаетъ средину между молодыми и старыми.

Въ этомъ переходномъ нарядѣ на второмъ году жизни птица уже размножается какъ это доказываетъ (№ 445), убитый мной на гнѣздѣ съ яйцами. Послѣ вывода дѣтей, въ концѣ іюля и въ августѣ наступаетъ второе, въ жизни, линянье при чемъ переходный нарядъ вполне смѣняется окончательнымъ. Замѣчательно, что и въ переходномъ нарядѣ между самцомъ и самкой не оказалось ни малѣйшей разницы.

Резюмируемъ возрастныя измѣненія цвѣтныхъ признаковъ. Пепельный цвѣтъ спинной стороны съ примѣсю свѣтло-рыжеватаго у молодыхъ, съ возрастомъ становится чище и свѣтлѣе, причемъ рыжий пигментъ окончательно исчезаетъ. Только въ гнѣздовомъ нарядѣ есть слабые слѣды поперечныхъ полосъ на головѣ. Форма и распространеніе подглазной полосы замѣчательно устойчивы и однообразны во всѣхъ возрастахъ и у обоихъ половъ, только цвѣтъ ея изъ бурога переходитъ въ черный. Свѣтло-рыжеватыя концы плечевыхъ перьевъ съ возрастомъ дѣлаются бѣлыми. Нижняя сторона во всѣхъ возрастахъ безъ малѣйшихъ слѣдовъ поперечныхъ волнистыхъ линий, бѣлая съ розовато-палевымъ оттѣнкомъ; этотъ оттѣнокъ въ гнѣздовомъ нарядѣ слабъ, послѣ перваго линянья интенсивенъ, но не чистъ; къ веснѣ слѣдующаго года онъ блѣднѣетъ отъ того, что перья обнашиваются и выцвѣтаютъ, послѣ втораго линянья—становятся чище и розоватѣе и такимъ сохраняется всю жизнь. Цвѣтъ маховыхъ, расположеніе и величина бѣлыхъ пятенъ на первыхъ маховыхъ почти постоян-

ны, только рыжеватые концы вторыхъ маховыхъ становятся потомъ бѣлыми. Кроющія перья крыльевъ бурья съ свѣтло-рыжеватыми каймами въ гнѣздовомъ и переходномъ нарядѣ, при второй линкѣ становятся одноцвѣтными черными. Первое рулевое перо во всѣхъ возрастахъ бѣлое съ чернымъ веретенкомъ. Второе рулевое при второй линкѣ теряетъ черное пятно на внутреннемъ опахалѣ и становится вполне бѣлымъ. Третье рулевое при второй линкѣ получаетъ узкую бѣлую кайму, которая съ возрастомъ дѣлается шире. Клювъ свѣтло-роговой въ молодости, послѣ первой линки темнѣетъ, а за тѣмъ становится черно-бурнымъ. Ноги и когти тоже темнѣютъ. Изъ этого видно, что большая часть цвѣтныхъ признаковъ отличаются крайней устойчивостью и опредѣленностью, что указываетъ на то, что видъ вполне установился. Но это ни мало не исключаетъ возможности индивидуальныхъ отступленій отъ типа, а также можетъ быть мѣстныхъ разновидностей, что опредѣлится только въ будущемъ при болѣе обширномъ матеріалѣ.

Географическое распространѣніе. Г. С. Карелинъ, первый добывшій пустынного сорокопуга, убилъ его на р. Атрекѣ въ июлѣ, т. е. во время гнѣздованья. Я прослѣдилъ его гнѣздовье на Мангышлакѣ и сѣверной части Усть-Урта; далѣе по нижнему теченію р. Аму-Дарьи до границы бухарскихъ владѣній. Въ пустыни Кызылъ-Кумъ есть всѣ условія для гнѣздованія этой птицы и я приписываю простой случайности, что я ея не встрѣтилъ тамъ. По каталогу г. Сѣверцова видно, что этотъ сорокопугъ гнѣздится въ Сыръ-Дарьинской области и только въ поясѣ низкихъ равнинъ, т. е. до 300 м.; выше этого въ культурномъ поясѣ онъ показанъ только пролетнымъ ¹⁾. В. Ф. Руссовъ нашелъ 21 февраля 1878 около Ташкента, а 21 марта около Чиназа. Н. М. Пржевальскій привезъ старую самку пустынного сорокопуга изъ Алашаня и говоритъ, что этотъ видъ водится «въ Ордосѣ и Ала-

¹⁾ Sewerzow. Journ. f. O. 1875. XXIII, p. 179.

шанѣ, гдѣ держится преимущественно въ саксаульникахъ». Все это указываетъ, что коренное мѣстопробываніе пустыннаго сорокопута есть песчаная и глинистая пустыня поросшія колючкой, саксауломъ и другими кустарниками. Но точныхъ границъ области вида пока провести невозможно. Ни въ черноземной области, ни на Кавказѣ его нѣтъ. А какъ далеко идетъ онъ на востокъ и югъ пока неизвѣстно. Въ Арало-Каспійскомъ краѣ это очевидно гнѣздящаяся, улетающая на зиму, птица; но время прилета и отлета еще не прослѣжено.

Пустынный сорокопуть гнѣздится въ кустарникахъ песчаныхъ, глинистыхъ и каменистыхъ пустынь. Гнѣздо найденное мной юня 1874 г. на Мангышлакѣ въ долинѣ Актау и Каратау, около урочища Джангильды было помѣщено на мелкомъ кустарникѣ Сагагана sp. выросшемъ въ углубленіи огромнаго валуна саморода (фосфорита). Остовъ гнѣзда сдѣланъ изъ сухихъ прутьевъ, а внутри оно выложено мягкой шерстью киргизскихъ овецъ. Кладку составляли пять яицъ совершенно свѣжихъ.

Яйца цвѣтомъ сѣро-зеленоватые, съ слабо замѣтными, свѣтло-сѣрыми пятнами, которыми гуще покрыта тупая половина.

Самки при гнѣздѣ я не засталъ; самецъ сидѣвшій на яйцахъ описанъ выше. Это очевидно очень поздняя кладка. На Усть-Уртѣ, на урочищѣ Самъ, въ томъ же году убитъ молодой, вылезшій изъ гнѣзда, но еще нелетный, 4 іюля; а на Аму-Дарѣ найдены нелетавшіе молодые 12 мая 1873 г.; слѣдовательно родители послѣднихъ свили гнѣздо и положили яйца не позже первой половины апрѣля. Питается пустынный сорокопуть насѣкомыми, мелкими птичками (*Sylvia papa* Н. et Е. и др.) и мелкими звѣрками. Не знаю ѣсть ли онъ ящерицъ, которыхъ такое множество въ пустынѣ.

Примѣчаніе. Алашанскій экземпляръ немного рыжеватѣе западныхъ.

10. LANIUS ASSIMILIS L. et A. Brehm.

Diagn. L. supra pulchre canus; scapularibus albis; remigibus primariis extus et intus ad basin albis; secundariis intus albis usque ad apicem, extus albo marginatis; fronte et superciliis distincte albis; loris cum regione oculari et parotica nigris. Gastraeo toto albo, roseo tincto.

1854. *Lanius assimilis*. Ch. L. Brehm. Journ. f. Orn. p. 146, 148.
Synon.

1870. *Lanius hemileucurus*. Finsch et Hartlaub. Die Vög. Ost-Afrika's, Decken's Reise etc. Bd. IV. p. 329.

1872. *Lanius lathora*. Sharpe and Dresser. A hist. of the Birds of E. Part. XI et XII. Pl. 91.

Рисунки: Sharpe and Dresser. op. cit.

Въ изученной мной коллекціи сорокопутовъ нашлось два экземпляра полученные отъ Нойе изъ Константинополя; какъ и вся коллекція Нойе, они добыты вѣроятно гдѣ нибудь въ прибрежныхъ мѣстностяхъ Малой Азіи. Въ 1875 г. такого же сорокопута доставилъ мнѣ, съ береговъ Аму-Дарьи, М. Н. Савенковъ. Наконецъ, Н. М. Пржевальскій привезъ еще экземпляръ убитый на р. Хайдуголь, въ восточномъ Тянь-Шанѣ. Всѣ эти экземпляры оказались очень сходными съ рисункомъ и описаніемъ *L. lathora* находящимся въ сочиненіи Шарпа и Дрессера ¹⁾; незначительныя различія состоятъ лишь въ томъ, что у моихъ экземпляровъ: надхвостье одного цвѣта съ спиной; нижняя сторона съ замѣтнымъ розовымъ оттѣнкомъ; второе рулевое перо съ чернымъ пятномъ на срединѣ внутренняго опахала.

Сравнивъ этого сорокопута съ экземплярами *L. lathora* Sykes изъ Индіи, я прихожу къ заключенію, что это два различные вида, которые совершенно неосновательно смѣшаны Шарпомъ и

¹⁾ Sharpe and Dresser. op. cit. XI—XII. Pl. 91.

Дрессеромъ. Такой выводъ подтверждается слѣдующими доказательствами:

1) Въ оригинальномъ описаніи *L. lathora* Сайксъ указываетъ, что черная полоса опоясывая начало лба, у основанія верхней челюсти, идетъ черезъ глазъ на ухо (*marginе frontali nigra*)²⁾.

2) Эта полоса, болѣе или менѣе широкая, изображена на рисункахъ *L. lathora* и *L. burra* въ сочиненіи Грея³⁾; причеиъ надъ ней нѣтъ слѣдовъ бѣлой надглазной полосы.

3) Въ діагнозахъ *L. lathora* у Гейглина⁴⁾ и у Финча и Гартлауба⁵⁾ постоянно упоминается этотъ характерный признакъ.

4) У всѣхъ, видѣнныхъ мной, экземпляровъ настоящаго *L. lathora* признакъ этотъ выраженъ вполне типично; только ширина чернаго пояса на лбу варьируетъ.

А гг. Шарпъ и Дрессеръ не только изобразили на рисункѣ сорокопутовъ неимѣющихъ этого признака, но прямо говорятъ въ діагнозѣ: «*fronte et supercilio distincto albis, loris cum regione osulari et parotica nigris*».

Для меня совершенно непонятно какимъ образомъ эти авторы, имѣя въ своемъ распоряженіи 22 экземпляра этихъ двухъ видовъ, изъ разныхъ мѣстъ южной Азіи и Африки, не только не замѣтили ихъ видовой разницы, но въ синониміи вида привели цѣлый рядъ видовъ, отдѣльность которыхъ неоспорима. Такъ напр. какимъ образомъ американскій видъ *L. elegans* Sw. оказался синонимомъ азіатско-африканскаго *L. lathora* Sykes? Здѣсь ошибка положительная.

Возвращаясь къ разбираемымъ формамъ, я не могу не признать, что *L. lathora* Sykes и *L. lathora* Sh. et Drs. есть два различныхъ вида. Кромѣ указаннаго признака они различаются еще

²⁾ Sykes. Proc. Zool. Soc. of Lond. 1832. p. 86.

³⁾ Gray. Illustr. of Indian Zool. 1833. Vol. II. Pl. 31 et 32.

⁴⁾ Heuglin. Orn. N. O. Afr. I. Bd. 2. Abth. p. 448.

⁵⁾ Finsch u. Hartlaub. Decken's Reise. etc. Bd. IV. p. 328.

тѣмъ, что у настоящаго *L. lathora*: хвостъ и крылья длиннѣе; сѣрый цвѣтъ темнѣе; нижняя сторона бѣлѣе.

Затѣмъ сравнивая мои экземпляры съ описаніями различныхъ сорокопутовъ я прихожу къ заключенію, что этотъ видъ описанъ А. и Л. Бремами подъ именемъ *L. assimilis*, по экземплярамъ изъ сѣверо-восточной Африки. Описание этого вида, данное Хр. Бремомъ, вполне подходит къ моимъ экземплярамъ ⁶⁾. Точно также подходит къ послѣднимъ описаніе *L. hemileucuruss* Finsch et Hartl. (op. cit.); поэтому оставляя изслѣдуемому виду название *L. assimilis* Brm., я считаю *L. hemileucurus* F. et H. и *L. lathora* Sh. et Drs. (nec Sykes) его синонимами.

Старый самецъ весной. Вся верхняя сторона, до верхнихъ кроющихъ хвоста включительно, пепельно-сѣрая. Отъ основанія клюва (но непоясывая его) идетъ къ глазу черная уздечка, продолжающаяся на ухо. Надъ ней, опоясывая лобъ, идетъ надъ глазомъ узкая бѣловатая полоска. Нижняя сторона бѣлая съ розоватымъ отгѣнкомъ. Большія плечевыя перья на конечной половинѣ бѣлыя. Перья крыла черныя. Маховыя перваго разряда на основной половинѣ бѣлыя, чѣмъ образуется на крылѣ большое зеркальце. У вторыхъ маховыхъ концы и все внутреннее опахало бѣлы; а у среднихъ изъ нихъ черное наружное опахало окаймлено узкой бѣлой каймой. Среднія рулевые черныя, у слѣдующихъ на корнѣ и на концѣ появляются бѣлыя пятна; а два крайнія совсѣмъ бѣлыя, только у предпослѣдняго изъ нихъ на внутреннемъ опахалѣ узкая черная полоса. Клювъ и ноги чернобурые. Экземпляры отъ Нойе темнѣе цвѣтомъ; а каймы на вторыхъ маховыхъ съ примѣсью рыжеватаго. Нижняя сторона грязнѣе. По всей вѣроятности болѣе молодые.

Географическую область этого сорокопута опредѣлить пока не мыслимо. Р. Хайдуголь въ восточномъ Тянь-Шанѣ (Пржевальскій—май); дельта Аму-Дарьи (мартъ—Савенковъ). Сенааръ

⁶⁾ Brehm. Journ. f. Orn. 1854 p. 146, 148.

(зимой — Бремъ). Вотъ всё точно извѣстные пункты нахождения этого сорокопута, указывающіе на широкое распространеніе его.

Впрочемъ свѣдѣнія о распространеніи этого сорокопута пополнятся когда гг. Шарпъ и Дрессеръ убѣдятся въ различіи *L. lathora* Sykes отъ *L. assimilis* Brehm, и разберутъ свою богатую коллекцію экземпляровъ этихъ видовъ. Было бы желательно также узнать какой видъ Бленфордъ упоминаетъ въ фаунѣ Персіи подъ именемъ *L. lathora* ⁷⁾; я думаю, что это тотъ же *L. assimilis*.

Было бы желательно убѣдиться точно ли *L. hemiliucurus* F. et H. синонимъ *L. assimilis*.

Не окажутся ли синонимами того же вида: *L. dealbatus* De Fil. и *L. Aucheri* Pucher.

Въ списокѣ туркестанскихъ птицъ Н. А. Сѣверцовъ приводитъ *L. leucopygos* Непр. ⁸⁾. Потомъ въ нѣмецкомъ переводѣ его сочиненія этотъ видъ обозначается такъ: *L. leucopygos*, Ehrb., Непр., Neugl. (*L. lathorae*, var.) ⁹⁾. Не выдавъ экземпляровъ изъ коллекціи этого ученаго, не могу судить какой видъ онъ приводитъ здѣсь. Очень возможно, что это тоже *L. assimilis* Brehm. Но, можно ручаться, что это не *L. leucopygos* Непр. et Ehrb., который навѣрное не доходитъ до Туркестана.

Такимъ образомъ списокъ сѣрыхъ сорокопутовъ русской фауны составленный по литературнымъ даннымъ значительно измѣняется. — *L. major* Pall. нужно признать породой *L. borealis* Vieill. Присутствіе *L. meridionalis* Temm. на югѣ европейской Россіи оказывается сомнительнымъ. *L. leucopygos* H. et E. и *L. pallidirostris* Cass. введены въ списокъ русскихъ птицъ ошибочно и можно утверждать положительно, что этихъ видовъ въ предѣлахъ Россіи нѣтъ. Въ замѣнъ того пришлось установить новую породу *L. borealis europaeus*, и два новыхъ вида: *L. Przewalskii* и *L. Grimmi* и ввести *L. assimilis* Brehm. Кромѣ того трудно рѣ-

⁷⁾ Blanford. Eastern Persia. II. p. 136.

⁸⁾ Сѣверцовъ. Верт. и гориз. распр. турк. жив. Изв. Об. люб. ест. А. и Э. 1873. т. VIII. в. 2. p. 67.

⁹⁾ Sewerzow. Journ. f. Orn. 1875, p. 179.

шить, какую птицу, съ Байкала, принялъ сначала г. Тачановскій за *L. Homeyeri* Cab.? Можетъ быть это особый видъ; но во всякомъ случаѣ не *L. major* Pall.

Разборъ иностранныхъ видовъ сѣрыхъ сорокопутовъ, не встрѣчающихся въ Россіи, представлялъ для меня подчасъ неодолимые трудности, какъ по недостатку матеріаловъ въ коллекціяхъ, такъ и по запутанности синониміи. Въ пересмотрѣнныхъ коллекціяхъ разныхъ музеевъ многихъ видовъ не оказалось; другіе музеи посѣтить не удалось. По этому ограничусь самыми короткими замѣтками объ остальныхъ видахъ рода *Lanius* и постараюсь сдѣлать такую редуцію видовъ и синонимовъ ихъ, которая *кажется мнѣ* наиболѣе правильной.

11. LANIUS ALGERIENSIS Lesson.

Diagn. *L. meridionali* similis, sed obscurior; notaeo schistaceo-cinereo; gastraeo sordide cinerascete-albido (nec rosaceo); margine frontali conspicuo, loris, ciliis et regione parotica nigerrimis; fasciis frontali et superciliari albis nullis. Rostro brevior et robustior.

1839. *Lanius algeriensis* n. sp. Lesson. Revue zoologique. p. 134.

1867. *Lanius algeriensis*. Loche. Hist. nat. des ois.—Explor. scientif. de l'Algerie. Zoologie. T. II. p. 47.

1871. *Lanius algeriensis*. Sharpe and Dresser. A hist. of the Birds of Europe. Part. III. Pl. 17.

Рисунокъ: Sharpe and Dresser. l. c. Pl. 17.

Алжирскій сорокопуть безъ сомнѣнія рѣзко выдѣлившійся и установившійся видъ. Но многіе его смѣшивали съ другими. Ближе всего онъ стоитъ къ *L. meridionalis* Temm., однако сразу отличается отъ послѣдняго: *темнымъ, черновато-сѣрымъ цветомъ верхней стороны; отсутствіемъ белой полосы на лбу и надъ глазами; причѣмъ черная полоса охватываетъ весь глазъ и на лбу*

отмывается клювъ; съ густымъ спрымъ отпѣнкомъ на нижней сторонѣ, въ замѣнъ розоваго, характеризующаго *L. meridionalis*; клювъ короче и немного толще.

Всѣ видѣнные мной экземпляры сходны между собой и вполне подходят къ рисунку Шарпа и Дрессера; но экземпляръ берлинскаго музея, изъ Морокко, *меньше и темнѣе* алжирскихъ.

Въ приведенныхъ сочиненіяхъ находятся очень хорошія описанія этого сорокопута. Свѣдѣнія о его жизни изложены у Лоша (ор. с.). До сихъ поръ эту птицу находили положительно: въ Тунисѣ (Сальвинъ), въ Алжирѣ (Лошъ, Бюври и др.), въ Морокко (берлинскій и музей), въ южной Испаніи (Буасонно).

12. LANIUS FALLAX Finsch.

Diagn. Supra dilute cinereus; area latissima utrinque a rostro per oculum ducta nigra, supra minus distincta, albo marginata; subtus totus albus, pectore et abdomine conspicue cinerascete lavatis; remigibus nigricanti-fuscis, a basi ad medium fere pure albis, minoribus limbo apicali albo; scapularibus fuscis, apicibus albo marginatis, pogonio interno versus basin sensim albiore; subalaribus albis; rectricibus mediis fusco-nigris, limbo apicali tenui albo, extima fere tota alba, scapo latius fusco; secunda fusca, macula terminali majore alba; rostro nigricante, mandibulae dimidio basali albo; pedibus plumbeis. (Finsch).

1870. *Lanius fallax* n. sp. Finsch. Trans. of the Zool. Soc. of London. Vol. VII. Part. 4. p. 249. Pl. XXV.

Описаніе и рисунокъ Финча не оставляютъ сомнѣнія въ самостоятельности этого вида. Самый ближайшій къ нему есть *L. pallidirostris* Cass., но послѣдній легко отличается формой и

цвѣтомъ клюва, а также болѣ узкой черной уздечкой и вообще цвѣтомъ, какъ объ этомъ можно судить по описаніямъ и рисункамъ обоихъ видовъ. Шарпъ и Дрессеръ ¹⁾, а за ними Гейглингъ ²⁾, совершенно ошибочно считаютъ *L. fallax* синонимомъ *L. lathora* Sykes. Отъ послѣдняго, кромѣ признаковъ указанныхъ Финчемъ, *L. fallax* отличается болѣе короткимъ и менѣе ступенчатымъ хвостомъ, также болѣе короткими крыльями и плюснами (судя по размѣрамъ приводимымъ Финчемъ). Экземпляровъ этого вида я однако не видалъ и опираюсь на описаніе и рисунокъ Финча, точность которыхъ для меня несомнѣнна. Насколько въ дѣйствительности этотъ видъ отличается отъ *L. pallidirostris* Cass., безъ точнаго сравненія экземпляровъ нельзя судить; но во всякомъ случаѣ этотъ послѣдній видъ самый близкій къ нему.

Найденъ пока только въ Абисиніи.

13. LANIUS PALLIDIROSTRIS Cass.

Diagn. *L. similis L. Grimmi*, sed minor; macula nigra ante oculos nulla; fascia parotica fusca; notaeo rufescente tincto; gastraeo cinerascete (nec rosaceo) tincto; remigibus et tectricibus fuscescentibus; rostro corneo-fusco, graciliore et breviorе.

1851. *Lanius pallidirostris* n. sp. Cassin. Proc. Acad. of Nat. Sc. of Philad. p. 244.

1853. *Lanius pallidirostris*. Cassin. Journ. Acad. of Nat. Sc. of Philadelphia. Vol. II. Second series. Part. III. p. 258. Pl. XXIII. f. 2.

1854. *Lanius orbitalis* Lichtenstein. Nomenclator Avium Mus. Berlinensis. p. 12.

¹⁾ Sharpe and Dresser. A hist. of. the Birds of Europe. 1872. Part. XI and XII. Vide *L. Lathora* p. 3.

²⁾ Heuglin. Orn. N.-O. Africa. 1873. II. Abth. p. CXXI. n. 425.

1864. *Lanius pallidus* n. sp. Antinori. Cat. descrit. di una collez. di Ucceli fatta nell'interno dell'Africa centr. Milano. p. 56.
1870. *Lanius pallidirostris*. Finsch. u. Hartlaub. Decken's Reise in Ost-Africa. IV Bd. p. 328 und 866.
1871. *Lanius pallidirostris*. Heuglin. Ornithol. N. O. Africa. I Bd. 2. Abth. p. 482.

Рисунокъ: Cassin. Journ. Acad. of Nat. Sc. Philad. 1853. Pl. XXIII. f. 2.

Этотъ видъ изученъ до сихъ поръ плохо и очень рѣдокъ въ музеяхъ. Экземпляры этого сорокопута найдены мной, и сравнены съ *L. Grimmi*, въ музеяхъ Вѣны и Штутгарта. Въ музеѣ Берлинскаго университета есть экземпляръ *L. Orbitalis* Licht. (№ 457 моего кат.); Финчъ и Гартлаубъ отнесли его къ *L. lathora* Sykes ¹⁾; Гейглинъ — частью къ *L. leucopygus* Н. Е., частью къ *L. lathora* Sykes ²⁾; Кабанисъ — къ *L. lathora* Sykes, прибавляя при этомъ, что по цвѣту клюва этотъ сорокопутъ близокъ къ *L. pallidirostris* Cass.; но этому признаку Кабанисъ не придаетъ значенія, полагая, что клювъ у сорокопутовъ мѣняетъ свой цвѣтъ и къ веснѣ дѣлается чернымъ ³⁾.

На мой взглядъ этотъ единственный оригинальный экземпляръ *L. orbitalis* Licht. есть настоящій *L. pallidirostris* Cass. и не имѣетъ никакого сходства съ настоящимъ *L. lathora* Sykes. Точно также молодой экземпляръ (№ 458 моего кат.), находящійся въ берлинскомъ музеѣ, подъ именемъ *L. lathora* Sykes., есть тоже молодой *L. pallidirostris* Cass. Не видалъ я оригинала *L. pallidus* Antinori, но О. Финчъ, изучившій его, утверждаетъ что это тотъ же *L. pallidirostris* Cass. Во всякомъ случаѣ смѣшивать этого послѣдняго съ *L. lathora* Sykes, или съ *L. dealbatus* De Fil. нѣтъ никакого основанія.

Этотъ видъ весьма близокъ къ *L. Grimmi*, но въ описаніи послѣдняго подробно указаны ихъ различія. Онъ составляетъ про-

¹⁾ Finsch u Hartlaub. l. cit. p. 329. Примѣчаніе.

²⁾ Heuglin. loc. cit. 480, et 483.

³⁾ Cabanis. Journ. f. Orn. 1874. p. 284.

межуточную форму между послѣднимъ и *L. fallax* Finsch. По Гейглину это «настоящая птица пустынь и степей, водящаяся въ южной Нубіи, Сенаарѣ, Кордофанѣ, у Абіада, и въ жаркихъ странахъ Абисиніи до Краснаго моря».

14. LANIUS LATHORA Sykes.

Diagn. Supra cinereus, subtus albus, pectore et hypochondriis dilute cinereo-lavatis. Margine frontali utrinque in vittam ocularem et paroticam latam producto nigro. (Lineis superciliari et frontali albis nullis). Remigibus primariis ad basin albis, —secundariis speculo albo nullo, sed pogoniis internis et margine apicali late albis.

1832. *Collurio lathora*. Sykes. Proc. Zool. Soc. p. 86.

1834. *Lanius lathora*. Gray and Hardwicke. Illustr. Ind., Zoology. II. Pl. 32.

1834. *Lanius burra*. Gray and Hardwicke, ibid. Pl. 33. f. 3.

1870. *Lanius lathora*. Finsch u. Hartlaub. Decken's Reise in Ost-Africa. IV Bd. p. 327.

1871. *Lanius lathora*. Heuglin. Orn. N.-O. Africa. I Bd. 2 Abth. p. 483.

Рисунки: Gray and Hardwicke. Ill. Ind. Zool. 1834. II. Pl. 32 et 33. f. 3.

Этотъ сорокопуть весьма интересенъ по своему широкому географическому распространению: отъ Индіи до сѣверо-восточной Африки. Къ сожалѣнію, многочисленными свѣдѣніями, заключающимися въ орнитологической литературѣ, объ этомъ видѣ воспользоваться почти невозможно для опредѣленія границъ его области, потому, что его постоянно смѣшивали съ другими сородичами. Довольно подробный сводъ этихъ свѣдѣній находится въ монографіи Шарпа и Дрессера ¹⁾, но въ этой же монографіи су-

¹⁾ Sharpe and Dresser. A hist. of. the Birds of Europe. Part. XI and XII. *Lanius Lathora* Sykes.

шествуетъ наибольшая путаница, такъ какъ Шарпъ и Дрессеръ непоятнѣмъ для меня образомъ, редуцировали къ *L. lathora* Sykes нѣсколько видовъ совершенно отличныхъ отъ него: *L. elegans* Sw., *L. pallens* Cass., *L. Aucheri* Puch., *L. dealbatus* De Fil., *L. leuconotus* Brehm., *L. orbitalis* Licht., *L. hemileucurus* Finsch et Hartl., *L. leucopygus* H. E., *L. fallax* Finsch. Въ то же время изображенъ на рисунокѣ (Pl. 91) и описанъ этими авторами вовсе не типичный *L. lathora* Sykes, а совершенно другой видъ. Имѣющіеся у меня экземпляры, а также тѣ которые я видѣлъ въ музеяхъ Берлина, Вѣны и Штутгарта, изъ Индіи и изъ Африки, убѣдили меня, что описаніе Сайкса, рисунки Грея и Гардвика, и описанія Финча и Гартлауба, Гейглина совершенно точны. Самостоятельность этого вида и постоянство его типичныхъ признаковъ неподвержены сомнѣнію. Но, чтобы очистить литературу отъ ошибокъ и составить опредѣленное понятіе о географическихъ предѣлахъ вида, необходимо пересмотрѣть экземпляры въ большинствѣ музеевъ Европы и Индіи; а трудъ этотъ всего легче выполнить англійскимъ орнитологамъ. Пока этого не сдѣлано, лучше не дотрогиваться до существующихъ литературныхъ матеріаловъ.

15. LANIUS LEUCOPYGUS Hempr. et Ehrenb.

Diag. Magnitudine vix *L. minorem* aequans, sed cauda longiore. *L. lathorae* simillimus, sed minor et albescentior. Supra pallide cinereus; uropygio, supracaudalibus et scapularibus albis; supracaudalibus canescente-lavatis. Gastraeo albo plerumque vix rosaceo-tincto. Margine frontali, loris, fasciaque oculari et parotica nigris. Remigum primariarum dimidio basali, secundariarum pogonio interno, margine externo et apice late albis. Cauda gradata, nigra, rectricibus 3 extimis albis. Rostro gracili, nigro. Pedibus fuscis.

1828. *Lanius leucopygus* Hemprich et Ehrenberg. Symb. Phys. Aves. I. fol.
- Synon.
1854. *Lanius leuconotus* Brehm. Journ. f. Orn. p. 147, 148.
1870. *Lanius lathora* Sharpe and Dresser. Proc. Zool. Soc. p. 596.
1871. *Lanius leucopygus* Heuglin. Orn. N. O. Africa. I Bd: 2 Abth. p. 480.
1872. *Lanius lathora* Sharpe and Dresser. A hist. of the Birds of Europe. Part. XI and XII. Ex parte.
1874. *Lanius leucopygus* Cabanis. Journ. f. Orn. p. 235.

Я вполне согласенъ съ Кабанисомъ, что *L. leuconotus* Brehm, есть *L. leucopygus* H. et E. Шарпъ и Дрессеръ, а также Шелли¹⁾ ошибочно относятъ этотъ видъ къ *L. lathora* Sykes, отъ котораго онъ рѣзко разнится ростомъ и другими пластическими признаками, а также цвѣтомъ; эти различія подробно описаны у Гейглина (ор. с.) и Кабаниса (ор. с.). Весьма вѣроятно, что *L. pallens* Cass.²⁾ есть молодой экземпляръ этого же вида; но чтобъ убѣдиться необходимо сравнить ихъ.

Водится въ Аравіи, около Краснаго моря, въ верхнемъ Египтѣ, Нубіи, восточномъ Сенаарѣ и Кордофанѣ.

16. LANIUS EXCUBITORIUS O. de Murs.

Diag. Maximus; supra cinereus, infra albus; vitta frontali lata, longa per oculos ad latera colli ducta alisque nigris; primariarum basi late alba; caudae longae, gradatae rectricibus $\frac{1}{4}$ intermediis (basi alba excepta) nigris, reliquarum dimidio basali albo, dimidio apicali nigro, apice partim albo-marginato; uropygio et supracaudalibus cinerascente-albidis; subalaribus nigris;

¹⁾ Shelley A handboock to the Birds of Egypt. 1872. p. 115.

²⁾ Cassin. Proc. Acad. Nat. Sc. Philadelphia. 1851. p. 244. Journ. Acad. Nat. Sc. Philadelphia. 1853. Vol. II. Second series. Part. III. p. 258. Pl. XVIII f. 1.

rostr. nigro; pedibus fuscis; iride fusca; long. tot. $9\frac{1}{2}$ " , rostr. a fr. 7" . al. 4" 2" . caud. vix 5" . tars. $12\frac{1}{3}$ " (Heuglin).

- 1845—50. *Lanius excubitoroides*, s. *excubitorius* Prevost et O. de Murs. Voyage en Abyssinie. IV Part. Zoologie. T. VI. p. 99. Pl. 8.
 1850. *Lanius princeps* Cabanis. Museum Heineanum. I. p. 73, (not.).
 1852. *Lanius Kiek* Vierthaler. Naumannia. II. Heft. 2. p. 57.
 1853. *Lanius macrocercus*. De Filippi. Revue et Mag. de Zool. p. 290.
 1870. *Lanius excubitorius*. Sharpe and Dresser. Proc. Zool. Soc. p. 599.
 1871. *Lanius excubitorius*. Heuglin. Orn. N. O. Africa. I Bd. 2 Abth. p. 478.

Рисунокъ. Prevost et O. de M. op. cit.

Этотъ видъ стоитъ совершенно особнякомъ и рѣзко различается отъ всѣхъ своихъ родичей. Ближе всѣхъ къ нему стоятъ *L. lathorata* Sykes и *L. minor*, но и тѣ далеки. Очевидно есть промежуточные формы, пока неизвѣстныя.

Водится въ верхнемъ Египтѣ, Нуби и Абисини.

17. LANIUS LUDOVICIANUS Briss.

Diagn. Fusco-cinereus, capistro concolore vix nigricante, superciliis albis; subtus albo griseus; speculo alari albo circumscripto remigum secunda sextam aequante; tertia omnium longissima; rectricibus angustis, lateralibus apice late albis; rostro nigerrimo (ap. Bonap.).

1760. *Lanius ludovicianus* Brisson. Ornithologia. T. II. p. 162. Pl. XV. f. 2.

Synon.

1766. *Lanius ludovicianus* Linne. Syst. Nat. T. I. p. 134.

1831. *Lanius ludovicianus* Audubon. Ornith. Biogr. I. p. 300. Pl. LVII.

1831. *Lanius excubitorides* Swainson. F. bor.-amer. II. p. 115. Pl. 34.

1832. *Lanius carolinensis* Wilson. Amer. Orn. I. p. 344. Pl. 22. f. 5.
 1853. *Lanius ludovicianus* Bonaparte. Rev. et Mag. de Zool. p. 295.
 1860. *Collyrio excubitoroides* Baird. Birds of N. Amer. p. 327. Pl. LXXV.
 f. 2.
 1870. *Collyrio excubitoroides* Cooper. Orn. of Califor. p. 138.
 1870. *Lanius ludovicianus* Dresser and Sharpe. Proc. Zool. S.p. 595.

Рисунки: Brisson; Audubon; Swainson; Wilson; Baird.

Немѣтя достаточно матеріала, не могу судить дѣйствительно ли *L. ludovicianus* Briss. отличается отъ *L. excubitoroides* Sw. какъ это утверждаетъ Бердъ (Baird. op. cit. 1860. p. 327).

Этотъ сорокопуть ближе всего стоитъ къ *L. borealis*. Водится въ Соединенныхъ Штатахъ сѣверной Америки.

18. LANIUS ELEGANS Sw.

Diagn. Pulchre plumbeus; subtus candidus; frontula capiti concolori; speculo albo conspicuo; cauda gracili elongato-cuneata, margine albo percincta; remige secunda sextam superanti; quarta longissima; tarsis rostrum longitudine superantibus. (Swainson).

1831. *Lanius elegans* Swainson. F. bor.-amer. II. p. 122.

Synon.

1853. *Lanius elegans*. Bonaparte. Rev. et Mag. de Zool. p. 295.
 1860. *Lanius elegans* Baird. Birds of N. Amer. p. 338. Pl. LXXV. f. 1.
 1870. *Lanius elegans* Cooper. Birds of Califor. p. 140.

Рисунки: Baird (op. cit. 1860) и Cooper (op. cit. 1870).

Этого сорокопута мнѣ тоже не удалось изучить по отсутствію экземпляровъ. Судя по описаніямъ и рисункамъ онъ очень похожъ на *L. ludovicianus* и отличается очень незначительными признаками. Водится въ Соединенныхъ Штатахъ сѣверной Америки.

Итакъ, слѣдовательно, въ родѣ *Lanius* извѣстно до настоящаго времени 18 формъ, которыя съ большей или меньшей основательностью можно признать отдѣльными видами. При этомъ однако не поручусь, что нѣкоторые изъ этихъ видовъ можетъ быть не болѣе какъ мѣстныя породы. Этотъ вопросъ разберемъ еще далѣе. Теперь же предложу списокъ сѣрыхъ сорокопутовъ, какой мнѣ кажется наиболѣе правильнымъ для однорядной классификаціи.

Genus *Lanius*.

- A) *L. mollis* Evm.
- B) { *L. borealis* Vieill.
       L. meridionalis Temm.
       L. algeriensis Less.
- C) *L. minor* Gm.
- D) { *L. ludovicianus* L.
       L. elegans Sw.
- E) { *L. excubitor* L.
       L. Homeyeri Cab.
       L. Przewalskii Bogd.
       L. sphenocercus Cab.
- F) { *L. assimilis* Brhm.
       L. lathora Sykes.
       L. leucopygus Hempr. et Ehrb.
       L. excubitorius O. de M.
- G) { *L. Grimmi* Bogd.
       L. pallidirostris Cass.
       L. fallax Finsch.

Общій обзоръ сорокопутовъ и филіація видовъ въ этой группѣ птицъ.

Изложеннымъ, на предыдущихъ страницахъ, выполнена та задача, которая указана въ введеніи. Наблюденія надъ сорокопу-тами, водящимися въ Россіи, разъяснены, редуцированы и сгру-пированы настолько, что географическое размѣщеніе этихъ птицъ въ Россіи стало яснымъ. Но, только въ общихъ чертахъ. Дѣло въ томъ, что систематическое опредѣленіе наблюдаемой формы вовсе не такъ легко, какъ обыкновенно къ этому относятся; по той простой причинѣ, что въ наукѣ *точною, абсолютною критерію вида нѣтъ*; да едва ли онъ и можетъ быть. Отсутствие этого критерія, въ связи съ недостаточностью матеріала и недоступностью обширной литературы, порождаютъ тѣ ошибки, съ которыми пришлось бороться въ этой работѣ. Будучи убѣжденъ, что я сладилъ съ этой трудностью относительно большинства видовъ русскихъ сорокопутовъ, я въ тоже время готовъ утверждать, что самъ сомнѣваюсь, дѣйствительно ли мнѣ удалось установить точно виды, породы и разновидности. Сомнѣніе это основывается на слѣдующемъ: 1, матеріалъ во многихъ случаяхъ былъ недоста-точень для строгаго опредѣленія видовой самостоятельности формъ; 2, отсутствіе точнаго критерія вида, какъ рамки, въ которую можно бы было всегда легко вставлять изслѣдуемыя формы. И такъ, откровенно заявляю, что я никакъ не буду утверждать, что напр. *L. excubitor*, *L. Homeyeri*, *L. Przewalskii*—виды (*species*); какъ не буду ручаться и за то, что *O. Romanowi* и *O. Karelini* суть породы (*subspecies*) одного вида *O. phoenicuroides*. Въ опредѣленіи *отдѣльности* формъ, какъ видовъ, я руководился тѣмъ, что они отличались какимъ нибудь хотя-бы *незначительнымъ*, но *абсолютно имъ только свойственнымъ* признакомъ. Самъ сознаю, что это очень не надежно. Если десять, двадцать экзем-пляровъ имѣвшихся при изслѣдованіи не представляли случая за-мѣтить переходность признаковъ, то у двадцать перваго экземп-

яра такая переходность можетъ быть. Слѣдовательно тутъ и значительное количество изученныхъ особей не даетъ гарантіи точнаго опредѣленія обособленности формъ. Поэтому отъ ошибокъ не отрекаюсь и охотно приму другой списокъ, гдѣ многіе мои виды будутъ обозначены породами, или на оборотъ.

Равнымъ образомъ, вовсе не утверждаю, что установилъ точно области принятыхъ мной видовъ сорокопутовъ. Впрочемъ, это даже лишняя оговорка, потому, что, очерчивая границы областей разныхъ видовъ, я постоянно указывалъ, что по недостатку матеріаловъ точныхъ пограничныхъ линій провести нельзя. Нельзя ихъ провести и потому еще, что границы каждаго вида колеблются изъ году въ годъ, изъ мѣсяца въ мѣсяць. Но, задача моя была въ томъ, чтобъ хотя поверхностно уяснить какъ размѣщены сорокопуты на земной поверхности; и это достигнуто. Виѣстъ съ тѣмъ, какъ результатъ изслѣдованія, явились слѣдующіе выводы:

1) Виды наиболѣе изолированныя, выдѣлившіеся отъ другихъ, представляютъ многочисленныя варіаціи типа, хотя ничтожныя, но тѣмъ не менѣ замѣтныя, доступныя наблюденію. (См. *E. collurio* и *L. minor*).

2) Эти виды, не будучи свободны отъ мелкихъ варіацій типа, въ сравненіи съ другими, однако, кажутся установившимися, окрѣпшими. Другіе виды, на оборотъ, находятся въ періодѣ крайней измѣнчивости. (Сравн. *L. minor* и *L. borealis*).

3) Измѣнчивость признаковъ чрезвычайно разнообразна даже въ близкихъ между собою формахъ. Такъ напр. какой нибудь признакъ у одного вида является строго неподвижнымъ; у близкаго же вида, напротивъ, крайне измѣнчивъ. За то другіе признаки, измѣнчивые у перваго вида, у втораго представляютъ постоянство.

Но, въ тоже время, когда прослѣдишь измѣненіе признаковъ во всемъ рядѣ изученныхъ формъ, то приходишь къ заключеніямъ, высказаннымъ мной на стр. XI; именно, что въ ряду видовъ сорокопутовъ замѣчается одновременно регрессъ однихъ и прогрессъ другихъ признаковъ (независимо отъ постоянства или измѣнчиво-

сти типа въ разныхъ видахъ); и этотъ двойной ходъ явленій находится въ связи съ географическимъ размѣщеніемъ формъ. Этотъ непосредственный выводъ изъ фактовъ я считаю самымъ важнымъ результатомъ работы.

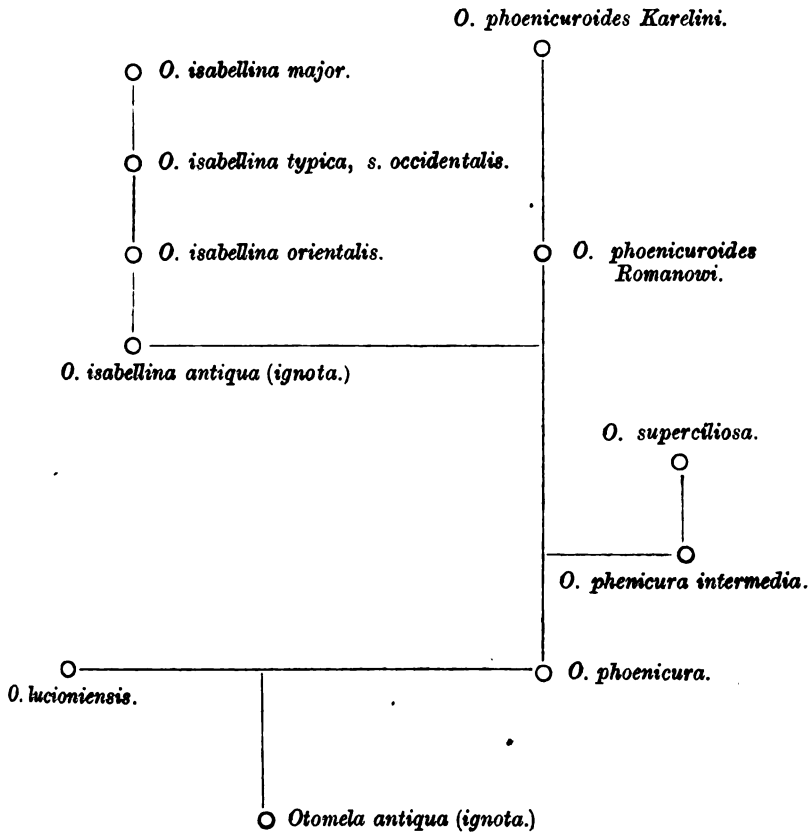
На основаніи этого вывода, и многочисленныхъ данныхъ породившихъ его, убѣждаешься положительно, что всѣ виды, разсмотрѣнныхъ пяти родовъ, сорокопутовъ произошли отъ одного общаго родича, неизвѣстнаго теперь и можетъ быть уже исчезнувшаго.

Чтобъ разъяснить и доказать это положеніе разберу каждую родовую группу сорокопутовъ.

Въ описаніи сорокопутовъ, въ размѣщеніи видовъ и родовъ ихъ, мной принятъ порядокъ во многомъ не соответствующій всѣмъ существующимъ класификаціямъ. На первомъ мѣстѣ поставленъ родъ *Otomela*, послѣднее — занимаетъ родъ *Lanius*. Этотъ порядокъ не случайный. Я принялъ его потому, что напр. бурыхъ сорокопутовъ считаю представителями наиболѣе древняго типа въ ряду современныхъ формъ семейства. Поэтому и рассмотримъ прежде всего генеалогію и исторію формъ этого рода.

На стр. 53 — 55, какъ непосредственный выводъ изъ фактовъ, представлена характеристика рода, соврѣменный составъ его и таблица видовъ. При этомъ мной сдѣлана оговорка, что размѣщеніе видовъ, хотя и болѣе правильное чѣмъ въ прежнихъ спискахъ, все-же не выражаетъ вполнѣ ихъ взаимнаго родства; и въ рядовой класификаціи избѣжать неправильнаго размѣщенія формъ нельзя.

Поэтому, чтобъ показать взаимныя отношенія формъ необходимо прибѣгнуть къ слѣдующей схемѣ:

Такая схема не только выражает вполне близость, или различия, отдельных форм, но представляет въ тоже время и родословную ихъ. Изъ этой родословной легко понять, что *O. isabellina* и *O. Karelini* есть виды сравнительно новые, молодые; это послѣдніе отпрыски родословнаго дерева. Тогда какъ *O. lucioniensis* и *O. phoenicura* есть древніе типы, удержавшіе много особенностей типа неизвѣстнаго родоначальника *O. antiqua*. Здѣсь являются

два вопроса: 1) существовалъ ли этотъ родичъ *O. antiqua*?; 2) почему нельзя принять обратной генеалогіи видовъ? Отвѣчу на это фактами, доступными для анализа, фактами изложенными въ описаніи видовъ и въ характеристикѣ рода.

Попрошу только имѣть въ виду генеалогическую схему и слѣдить за мной, по описаніямъ отдѣльныхъ видовъ и породъ. Условясь въ этомъ, прослѣжу признаки регрессирующие и прогрессирующие.

У *O. lucioniensis* самый толстый и большой клювъ. У *O. phoenicura* и *O. superciliosa* онъ уже немного меньше. У *O. phoenicuroides* и *O. isabellina* — еще меньше. У *O. Karelini* клювъ самый маленькій.

У *O. lucioniensis*, *phoenicura* и *superciliosa* крылья довольно закругленные, короче хвоста (мѣряя крыло отъ сгиба до конца); хвостъ закругленный, полуступенчатый.

У *O. phoenicuroides* крылья острия, хвостъ короткій усѣченный. *O. isabellina* по формѣ и относительнымъ размѣрамъ этихъ частей стоятъ въ промежуткѣ между первыми тремя видами и *O. phoenicuroides*, но ближе къ послѣднему, а по ширинѣ рулевыхъ перьевъ уклонился отъ всѣхъ сородичей.

Общій цвѣтъ оперенія у *O. lucioniensis* очень тусклый; краски не ярки; отдѣльные цвѣта выдаются слабо и плохо разграничены.

У *O. phoenicura* цвѣта ярче; отдѣльные пигменты выступаютъ рѣзче, опредѣленнѣе.

У *O. lucioniensis* голова и шея пепельно-бурая, тускляя, какъ и все опереніе. У *O. phoenicura* голова буровато-рыжая. Въ первомъ случаѣ рыжій пигментъ исчезъ; во второмъ, напротивъ, усилился и вытѣснилъ черный. Уже этого одного признака достаточно, чтобъ отрицать возможность происхожденія *O. phoenicura* отъ *O. lucioniensis*. Напротивъ, я нахожу что оба вида есть филиальные формы одного родича, у котораго цвѣта были еще тусклѣе и пигменты были смѣшаны равномѣрнѣе на всѣхъ перьяхъ, подобно тому какъ у птенцовъ. Цвѣтная особенность *O. phoenicura*, развитіе рыжаго оттѣнка на головѣ, у приморской

разности его выражена яснѣе, чѣмъ у представителей вида. Если же сопоставить *O. phoenicura*, его разность *intermedia* и *O. superciliosa*, то окажется что это дѣйствительно рядъ формъ, въ которомъ развитіе рыжаго пигмента и яркость окраски идутъ прогрессивно. У *O. superciliosa* яркая красновато-бурая окраска головы, распространяется по всей спинѣ. Кромѣ того узкая, неясно ограниченная бѣлая надглазная полоса *O. phoenicura*; у разности его *intermedia* шире и чище; а у *O. superciliosa* чиста, широка и рѣзка настолько, что, какъ характерный признакъ, послужила для обозначенія вида.

Окраска *O. phoenicuroides Romanowi* чрезвычайно сходна съ окраской *O. phoenicura*; но и въ этомъ видѣ бѣлая полоса шире, чище и точнѣе ограничена.

O. isabellina по окраскѣ удалена отъ всѣхъ сородичей; хотя пигменты здѣсь тѣже. Окраска у него однообразная, но не тусклая, а правильнѣе сказать свѣтлая. Его глинистый сѣровато-бурый цвѣтъ, съ рыжимъ оттѣнкомъ, трудно смѣшать съ окраской другихъ сородичей. Даже бѣлой надглазной полосы у него только слѣды, вслѣдствіе сильной пигментации перьевъ рыжимъ пигментомъ. Еще рѣзче выдѣляется онъ отъ сородичей цвѣтомъ нижней стороны тѣла, окрашенной однообразно интенсивнымъ розовато-рыжимъ пигментомъ.

O. Karelini по окраскѣ также отличается отъ своей родоначальной формы (*O. Romanowi*). Сравнивая обѣ породы *O. phoenicuroides* ясно видно, что пигменты тѣже, но смѣшаны въ разныхъ пропорціяхъ. Въ свѣжемъ перѣ обѣ формы представляютъ общій оттѣнокъ бурый. Но при выцвѣтаніи у *O. Karelini* бурый цвѣтъ, превращается въ сѣроватый; т. е. исчезаетъ рыжій пигментъ. Голова у послѣдней породы окрашена менѣе ярко, а при выцвѣтаніи особенно сильно сѣрѣеть.

Палевый оттѣнокъ нижней стороны *O. Romanowi*, превращается у *O. Karelini* въ розовый.

У *O. lucioniensis* и *O. phoenicura* у основанія первыхъ маховыхъ нѣтъ и слѣда бѣлаго пятна. Признаки этого пятна появля-

ются у *O. phoenicura* var. *intermedia*; у *O. superciliosa* этотъ признакъ усиливается, но пятно еще прикрыто кроющими. У *O. Romanowi* бѣлое зеркальце уже замѣтно у самца и у самки; но у молодыхъ еще нѣтъ его. У *O. Karelini* зеркальце немного больше и, кромѣ взрослыхъ, бываетъ у нѣкоторыхъ молодыхъ самцовъ въ переходномъ нарядѣ. У *O. isabellina* зеркальце у обоихъ половъ и больше, чѣмъ у другихъ сородичей; притомъ у породы западной (*typica* s. *occidentalis*) больше чѣмъ у восточной; въ переходномъ же нарядѣ бываетъ не только у самцовъ, но и у самокъ, хотя у послѣднихъ рѣже.

Хвостъ у *O. lucioniensis* буро-рыжій; у *O. phoenicura* — буровато-рыжій; у *O. superciliosa* — темно-рыжій; у *O. Romanowi* — рыжій, съ примѣсью чернаго пигмента на конечной половинѣ; у *O. Karelini* — рыжій, съ слабымъ бурымъ налетомъ; у *O. isabellina* чисто рыжій. Въ общемъ хвостъ въ свѣжемъ опереніи бурѣе, чѣмъ въ выщѣтшемъ; у молодыхъ бурѣе, у старыхъ рыжѣе и ярче.

У всѣхъ видовъ *Otomela* птенцы очень сходны въ гнѣздовомъ нарядѣ. Всѣ покровныя перья у нихъ тускло окрашенныя, поперечно-полосатыя. Бурый оттѣнокъ преобладаетъ. Съ возрастомъ полосатость исчезаетъ; пигментация усиливается; пигменты обособляются, отчего окраска становится ярче и опредѣленнѣе на разныхъ частяхъ. Верхняя сторона утрачиваетъ полосатость полнѣе, чѣмъ нижняя.

У самцовъ полосатость исчезаетъ раньше и полнѣе, чѣмъ у самокъ. Таковъ общій ходъ возрастныхъ измѣненій этого признака у всѣхъ *Otomela*. Если же прослѣдить это у отдѣльныхъ видовъ, то окажется, что полосатость у древнихъ формъ удерживается упорнѣе, чѣмъ у новыхъ, у которыхъ она исчезаетъ раньше и полнѣе. Такъ напр. у *O. lucioniensis* и *O. phoenicura* до старости сохраняются слѣды полосатости на хвостѣ.

На основаніи всего этого я прихожу къ заключенію, что въ древности существовалъ *O. antiqua*, отъ котораго произошли всѣ современные *Otomela*.

Этотъ *O. antiqua* имѣлъ толстый большой клювъ, закругленные крылья (безъ зеркальца) и округленно-ступенчатый хвостъ, бураго цвѣта, поперечно-полосатый. Покровныя перья его были тусклаго буроватаго цвѣта, съ поперечными полосами. Жилъ этотъ сорокопутъ на крайнемъ юго-востокѣ Азіи, можетъ быть даже тамъ, гдѣ теперь на Тихомъ океанѣ возвышается Формоза и другіе смежныя острова. Расселяясь на западъ *O. antiqua*, при этомъ поступательномъ движеніи, далъ начало цѣлому ряду разновидностей, изъ которыхъ уцѣлѣли и обособились *O. lucioniensis* и *O. phoenicura*. При этомъ обособленіи формъ полосатость постепенно утрачивалась у самцовъ, вслѣдствіе развитія пигментации и обособленія пигментовъ. Затѣмъ это унаслѣдовалось самками. Но развитіе и обособленіе пигментовъ у *O. lucioniensis* и *O. phoenicura* шло въ различномъ направленіи. *O. lucioniensis* по какимъ то причинамъ раньше остановился на пути прогресса и не далъ дальнѣйшихъ отраслей. Напротивъ *O. phoenicura*, ушедшій дальше, въ прогрессивномъ движеніи, отъ типа родича, сталъ родоначальникомъ всѣхъ остальныхъ бурыхъ сорокопутовъ. По своему географическому положенію онъ тоже подвинулся дальше на западъ и сѣверъ, въ сравненіи съ *O. lucioniensis*.

На восточной окраинѣ своей области даурскій сорокопутъ далъ начало var. *intermedia*, а эта послѣдняя была родоначальной формой *O. superciliosa*. Островное положеніе послѣдняго, можетъ быть было причиною, что онъ такъ рѣзко обособился и выработалъ тѣ признаки, которые у var. *intermedia* только въ зачаткѣ.

На западныхъ предѣлахъ своей области *O. phoenicura* соприкасается съ двумя видами: *O. isabellina* и *O. phoenicuroides Romanowi*. Разбирая и сравнивая эти формы невольно приходишь къ убѣжденію, что *O. phoenicura* былъ родоначальникомъ обѣихъ.

Если сравнить *O. phoenicura* и *O. isabellina*, сравнить признаки за признакомъ и припомнить при этомъ общій ходъ измѣненія признаковъ у всѣхъ *Otomela*, то исчезаетъ всякое сомнѣніе въ происхожденіи послѣдняго отъ перваго. Расселяясь на западъ *O. phoenicura* достигъ восточной окраины великихъ

пустынь Азии, по своимъ біологическимъ условіямъ рѣзко отличившихся отъ условій его области. Мы видимъ теперь множество примѣровъ, что условія пустынь, т. е. недавно осушившихся морскихъ днищъ, настолько рѣзки, что органическое население окрестныхъ странъ, растительное и животное, лишь съ величайшимъ трудомъ, преимущественно по слѣдамъ текучихъ водъ (по долинамъ рѣкъ), проникаетъ въ это заколдованное царство. Но, пустыня, уступая приливу этихъ живыхъ, органическихъ силъ, кладетъ на нихъ неуклонно свою особую, рѣзкую печать. Она требуетъ отъ нихъ устойчивости въ борьбѣ за существованіе; воздержанія отъ питья, и поддѣлки къ цвѣту ея почвы.

Первое и послѣднее условія очевидно выполнено буланымъ сорокопутомъ. Устойчивость его типа и сходство въ окраскѣ съ колоритомъ песчаной пустыни несомнѣнны. Но все же по всѣмъ признакамъ это филиальная форма *O. phoenicura*; а, какъ произошла эта форма, какъ совершался процессъ колонизаціи *O. phoenicura* въ пустынь и какъ онъ превратился тамъ въ *O. isabellina*, пояснить намъ исторія *O. phoenicuroides*.

На стр. 19 указаны особенности отличающія *O. phoenicuroides Romanowi* отъ *O. phoenicura*. Рисунки обоихъ сорокопутовъ наглядно поясняютъ ихъ сходство. По географическому положенію романовскій сорокопутъ занимаетъ мѣстности лежащія на западъ отъ области даурскаго сорокопута. Области ихъ раздѣляются горной страной Саяна, откуда пока не имѣется экземпляровъ ни того, ни другого вида. Между тѣмъ именно изъ этой мѣстности можно ожидать формъ промежуточныхъ, связывающихъ оба вида, подобному тому какъ *var. intermedia* связала *O. phoenicura* и *O. superciliosa*. Тѣмъ не менѣе сравненіе обоихъ видовъ указываетъ, что *O. phoenicura* есть прямой родоначальникъ *O. phoenicuroides Romanowi*. Главныя отличія послѣдняго заключаются въ ростѣ, въ размѣрѣ и формѣ крыльевъ и хвоста. Кромѣ того признаковъ появившійся въ зачаткѣ у *O. superciliosa*, — бѣлое зеркальце, — у романовскаго сорокопута выраженъ уже явственно. Полосатость регрессируется полнѣе. Но замѣчательно

при этомъ, что общая окраска осталась неизмѣнной. Такъ, что признаки *O. phoenicura* переданные неизмѣненными въ наслѣдство *O. superciliosa*, при переходѣ *O. phoenicura* въ *O. phoenicuroides Romanowi* измѣнились кореннымъ образомъ; на оборотъ тѣ признаки, которые, измѣнившись, придали своеобразие типу *O. superciliosa*, перешли къ *O. Romanowi* въ неизмѣненномъ состояніи. Последнее обстоятельство можно объяснить развѣ только тѣмъ, что *O. Romanowi* по свойствамъ мѣстообитанія не очень уклонился отъ своего родича. Однако были же какія нибудь важныя причины измѣнившія его ростъ, длину и форму крыльевъ и хвоста?

Обитатель горныхъ долинъ, романовскій сорокопуть спустился по теченію рѣчекъ, по уремѣ ихъ, къ подножію горъ; но рѣчки не остановились тутъ и протекли дальше по Прибалхашской равнинѣ, увлекая за собой, сопровождающую ихъ флору и фауну. Спустился за этимъ въ пустыню и сорокопуть; и пустыня непременно отразитъ на немъ свое вліяніе. *O. Romanowi* превратился въ *O. Karelini*. Области обѣихъ формъ не разграничились. Нерѣдко они попадаютъ вмѣстѣ. Настоящіе переходныя формы между ними еще не найдены, но вѣроятно будутъ найдены. Различія и сходство обѣихъ породъ указаны выше (на стр. 19). Измѣненіе цвѣта карелинской породы можно положительно приписать вліянію пустыни. Но этимъ послѣднимъ ни какъ не объяснимо почему у этой породы клювъ сталъ тоньше, а зеркальце больше? Почему уменьшеніе полосатости сдѣлало еще шагъ впередъ?

Если сравнить *O. isabellina* и *O. Karelini*, то неостается никакого сомнѣнія, что они оба имѣютъ въ окраскѣ нѣчто близкое, аналогичное и что эти особенности прямо обусловлены вліяніемъ пустыни. Мы указали, что *O. Karelini* есть прямой потомокъ *O. Romanowi*, который спустился съ горъ на равнину по теченію рѣчекъ. Условія мѣстообитанія *O. phoenicura* и *O. Romanowi* очень сходны, поэтому, по аналогіи, можно предположить, что и *O. phoenicura* слѣдуя по теченію рѣкъ спустился

на равнины Монголіи и подъ вліяніемъ новыхъ условій далъ начало новой породѣ *O. isabellina antiqua*, жившей подобно *O. Karelini*, хотя и въ пустынѣ, но не удалявшейся отъ рѣчныхъ долинъ въ глубь безводныхъ пространствъ. Со временемъ однако потомки *O. isabellina antiqua* могли постепенно, привлекаемые обиліемъ добычи въ пескахъ, удаляться все дальше и дальше отъ рѣчекъ, и въ концѣ концовъ, совершенно приурочились въ саксаульникахъ. При этомъ конечно типъ ихъ долженъ былъ еще болѣе уклониться отъ первоначальнаго. Что мы и видимъ дѣйствительно. Поэтому *O. isabellina antiqua*, родичъ *O. isabellina* современнаго, былъ бы аналогиченъ *O. Karelini*; а современный *O. isabellina* есть самая конечная, прогрессивная вѣтвь изъ тѣхъ, которымъ далъ начало *O. phoenicura*.

У *O. isabellina* мы установили три разности, или породы, причемъ я высказалъ было, что западную породу *O. isabellina typica* s. *occidentalis* можно было считать за коренную, которая на восточной окраинѣ варьируетъ и даетъ начало породѣ *orientalis*. Теперь я думаю, что этотъ взглядъ ошибоченъ. Послѣдующее изученіе матеріала скорѣе указываетъ на то, что *var. orientalis* есть болѣе древняя порода (по формѣ уздечки и сходству этого признака съ *O. phoenicura* и *O. Romanowi*), а западная порода, дающая отъ себя еще вѣтвь *var. major*, есть болѣе новая; такая у которой типичныя особенности вида выражены полнѣе.

И такъ передъ нами крайне интересный примѣръ происхожденія видовъ путемъ измѣненія первоначальной формы; измѣненія совершающагося подъ вліяніемъ разнообразныхъ условій, дѣйствующихъ при движеніи или расселеніи вида-родича за предѣлы той области, гдѣ сложился и выработался его типъ. Интересно здѣсь то обстоятельство, что степень измѣненія различныхъ филиальныхъ формъ вполне гармонируетъ съ ихъ географическими отношеніями къ области родича.

Резюмируя все сказанное можно повторить, что всѣ виды *Otomela* произошли отъ *O. antiqua* жившаго на крайнемъ во-

стокѣ Азіи. Отъ этаго неизвѣстнаго, и можетъ быть уже несуществующаго, сорокопута при движеніи на западъ выдѣлились двѣ филиальныя формы: *O. lucioniensis* и *O. phoenicura*. *O. lucioniensis* выработавъ свой типъ остановился и не далъ дальнѣйшаго потомства.

O. phoenicura прогрессировавшій нѣсколько дальше и заселившій мѣстности болѣе на западъ и сѣверъ лежащія, далъ на своихъ окраинахъ начало тремъ филиальнымъ формамъ: *O. superciliosa*, *O. phoenicuroides Romanowi* и *O. isabellina antiqua*. Восточная филиальная форма *O. superciliosa* сохранила связь съ своимъ родичемъ, въ разновидности *O. intermedia*.

O. isabellina antiqua давъ начало *O. isabellina orientalis*, исчезъ и связь послѣдняго съ родичемъ порвалась.

Точно также утрачена связь между родичемъ *O. phoenicura* и филиальной формой его *O. Romanowi*. При дальнѣйшемъ движеніи на западъ *O. isabellina orientalis* перерождается въ *O. occidentalis s. typica*, въ которомъ особенности типа, выработаннаго въ пустынѣ, выступаютъ съ наибольшей яркостью. Эта порода въ свою очередь даетъ начало разновидности *O. isabellina major*.

Точно также и *O. Romanowi* подвигаясь на западъ выдѣляетъ степную породу *O. Karelini*, составляющую подобно *O. isabellina major* конечное звѣно въ прогрессивномъ движеніи *Otomela* и измѣненія ихъ типа.

Родъ *Enneoctonus*. Въ этомъ родѣ всего два вида: *E. magnirostris* и *E. collurio*. Разсматривая объ эти формы, подобно тому какъ разсмотрѣны *Otomela*, и проводя аналогію между обоими родами, приходишь къ слѣдующимъ выводамъ:

1) *E. magnirostris* есть древняя форма, отъ которой произошелъ цѣлый рядъ разновидностей, съ постепенно прогрессирующими признаками, и послѣднимъ членомъ этого ряда слѣдуетъ признать *E. collurio*.

2) Наиболее древние представители *Otomela* и *Enneoctonus* имѣютъ болѣе общихъ признаковъ, чѣмъ конечныя филиальныя формы обоихъ родовъ. Это даетъ поводъ думать, что болѣе отдаленные предки обоихъ родовъ были еще болѣе схожи между собой. А это ведетъ къ тому заключенію, что *O. antiqua* и *Enneoctonus antiquus* произошли отъ одного общаго родича. И дѣйствительно, птенцы *Enneoctonus* въ гнѣздовомъ и переходномъ нарядѣ такъ схожи съ птенцами *Otomela*, что иногда ихъ даже трудно различить (напр. *O. Karelini* и *E. collurio*). Самки *Enneoctonus* отличаются отъ *Otomela* уже больше, а самцы разнятся совсѣмъ рѣзко.

Толстый клювъ и полосатость мы признали древними признаками въ родѣ *Otomela*, и показали какъ при прогрессивномъ движеніи этихъ сорокопутовъ на западъ и связанномъ съ нимъ измѣненіи типа, эти древние признаки постепенно регрессировались. Тѣ же два признака и еще въ болѣе рѣзкой формѣ существуютъ у *E. magnirostris*, который обладаетъ клювомъ болѣе толстымъ и массивнымъ, чѣмъ у какого либо *Otomela*; а спина и бока туловища, даже у самаго стараго самца, украшены рѣзкими поперечными полосами. Тогда какъ у крайней филиальной формы *E. collurio* клювъ малъ, тонокъ и полосатость у самцовъ окончательно исчезла. Аналогія между двумя родами до такой степени очевидна, что сомнѣваться въ происхожденіи видовъ въ родѣ *Enneoctonus* невозможно. Эта аналогія дополняется тѣмъ, что древние виды *Enneoctonus magnirostris* и *O. lucioniensis* занимаютъ даже одну область почти; а филиальная конечная форма *E. collurio*, подобно самымъ прогрессивнымъ *Otomela*, обитаетъ на западѣ. Слѣдовательно *E. antiquus*, отъ котораго произошелъ *E. magnirostris*, жилъ болѣе къ востоку, т. е. тамъ, гдѣ по нашему предположенію жилъ *O. antiqua*. Нѣтъ сомнѣнія, что обѣ эти исчезнувшія формы были очень близки и сходны между собой и произошли отъ одного общаго родича.

Разница въ современномъ положеніи рода *Enneoctonus* отъ *Otomela* заключается въ томъ, что промежуточныя звенья между

E. magnirostris и *E. collurio* исчезли, или по крайней мѣрѣ неизвѣстны намъ. Но, если хотя одна изъ этихъ промежуточныхъ формъ уцѣлѣла, то ее надо искать между пустыней Гоби и Гималаями, между собственно Китаемъ и Тянь-Шанемъ, т. е. въ странѣ раздѣляющей оба вида *Emneocotus*.

Съ другой стороны, если промежуточные формы связывавшія *E. magnirostris* и *E. collurio* исчезли, то они оставили, кромѣ *E. collurio*, еще многочисленное потомство—это родъ *Collurio*.

На стр. 55 и 78, 79 представлена характеристика родовъ *Emneocotus* и *Collurio*. При сравненіи этихъ двухъ группъ сорокопутовъ оказывается громадная разница въ пластическихъ признакахъ: одни короткохвостые, острокрылые, мелкіе; другіе крупные, тупокрылые и очень долгохвостые. Съ другой стороны, нетрудно замѣтить аналогію въ окраскѣ *E. collurio* и *C. erythronotus*, конечно неполную, но такую, что сходство бросается въ глаза. Если же сравнить гнѣздовой нарядъ *Collurio* и *Emneocotus*, то сходство или родство этихъ группъ выступитъ еще рѣзче. Для того, чтобы окончательно установить фактъ кровнаго родства этихъ родовъ, рассмотримъ самый рѣзкій признакъ, различающій обѣ группы, хвостъ.

У *E. magnirostris* хвостъ рыжій, съ слѣдами бѣловатыхъ конечныхъ каемокъ на нижней сторонѣ крайнихъ рулевыхъ; этотъ хвостъ слегка закругленъ.

У *E. collurio* два среднія совсѣмъ черныя; у слѣдующихъ основаніе бѣлое и на концѣ бѣлая койма; у крайняго все наружное опахало окаймлено бѣлымъ; хвостъ короткій усѣченный. У самки же этого вида хвостъ на концѣ чернобурый, а чѣмъ дальше къ основанію тѣмъ бурѣе. У молодыхъ рыжебурый, т. е. типа *Atomela*.

Слѣдовательно при измѣненіи типа, отъ *E. magnirostris* до *E. collurio*, закругленный рыжій хвостъ превратился въ усѣченный; рыжій пигментъ исчезъ, взамѣнъ его на среднихъ перьяхъ развился черный пигментъ; на слѣдующихъ этотъ пигментъ

скупился въ видѣ болѣе или менѣе широкихъ пятенъ, а остальные части перьевъ остались не пигментированными.

У *C. erythronotus*: четыре среднія рулевья чернобурья съ узкой рыжеватой коймой. На слѣдующихъ чернобурый пигментъ уступаетъ, постепенно, мѣсто бурому и свѣтло-бурому; при чемъ являются поперечныя полосы и т. д. (см. стр. 80). Это ли не промежуточная окраска хвоста между *E. magnirostris* и *E. collurio*? Однако форма рулевыхъ другая, совсѣмъ уклонная.

Но, припомнимъ, что въ группѣ *Otomela* мы встрѣтили аналогичные факты, т. е. въ одномъ случаѣ варьируютъ пластическіе признаки, а цвѣтныя сохраняются; въ другомъ дѣло происходитъ на оборотъ. Слѣдовательно нѣтъ никакихъ оснований придавать большаго значенія пластическимъ признакамъ, или на оборотъ цвѣтнымъ, при оцѣнкѣ сходства, постоянства или измѣчивости формъ.

На основаніи этого съ полной достовѣрностью можно утверждать, что одинъ изъ промежуточныхъ, исчезнувшихъ видовъ *Enneoctonus* (потомокъ *E. magnirostris*) былъ родоначальникомъ рода *Collurio*.

Недостатокъ матеріала не позволяетъ разобрать филіацію видовъ въ этомъ родѣ; но изъ всѣхъ *Collurio*—*C. erythronotus* и *C. schach* есть наиболѣе древніе типы.

Родъ *Phoneus* находится совершенно въ такомъ же положеніи какъ и родъ *Enneoctonus*. Оставивъ въ сторонѣ проблематическій видъ *Ph. brachyurus* Pall., въ этомъ родѣ извѣстны тоже два вида.

Ph. bicephalus по всѣмъ признакамъ есть древняя форма; живетъ онъ тамъ же гдѣ *E. magnirostris*.

Ph. ruficeps (съ его близкими породами, или видами) есть новая, филіальная форма; обитаетъ тамъ же гдѣ и *E. collurio*.

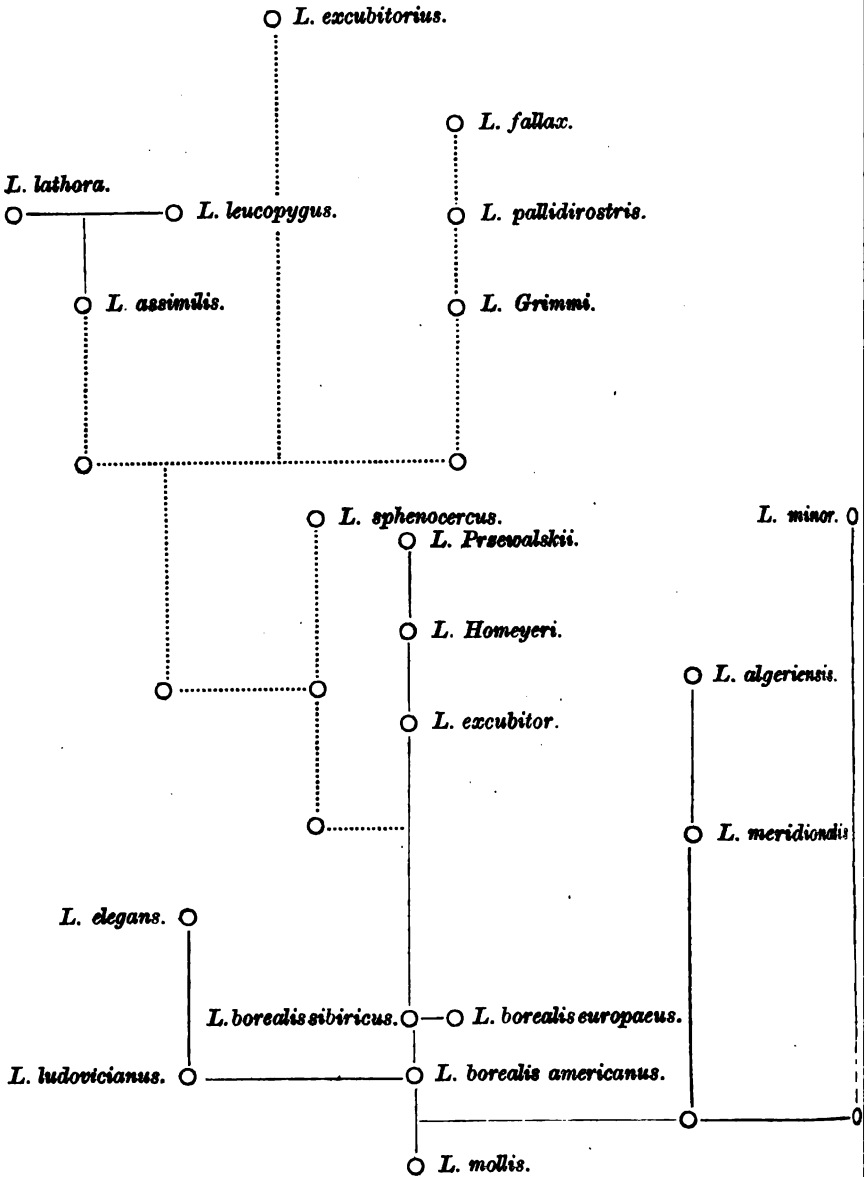
Промежуточные формы въ родѣ *Phoneus* до сихъ поръ не найдены.

Гнѣздовой нарядъ *Phoneus* очень сходенъ съ гнѣздовымъ нарядомъ *Otomela* и *Enneostonus*. Тотъ же однообразный рыже-вато-бурый цвѣтъ, та же полосатость. У *Ph. biserphalus* эти древніе признаки въ значительной степени удерживаются старой самкой. Самка *Ph. ruficeps* утрачиваетъ ихъ съ возрастомъ вполне. Возрастные измѣненія въ окраскѣ хвоста *Phoneus* и *Enneostonus* аналогичны. Клювъ *Ph. biserphalus* больше и толще, чѣмъ у *Ph. ruficeps*. Бѣлое зеркальце у древняго вида меньше, чѣмъ у новаго.

Слѣдовательно и здѣсь нельзя избѣжать заключенія, что родъ *Phoneus* имѣлъ общаго родича съ *Otomela* и *Enneostonus*; а прогрессивное измѣненіе типа было вызвано и обусловлено расселеніемъ на западъ по средней Азіи, въ Европу и Африку. Промежуточные формы *Phoneus*, если они есть, нужно искать въ той же части Азіи, гдѣ и промежуточные формы *Enneostonus*; если же ихъ уже нѣтъ, то конечно какія нибудь общія причины повліяли на исчезновеніе тѣхъ и другихъ.

Послѣдній родъ сорокопутовъ, *Lanius*, наиболѣе богатый видами, представляетъ и наибольшія трудности для выясненія филіаціи или генеалогіи формъ. Однако я думаю, что слѣдующая схема очень близка къ дѣйствительности:

Выше я уже замѣтилъ, что *L. mollis* есть примитивная форма всѣхъ сѣрыхъ сорокопутовъ (стр. 98); здѣсь же я буду утверждать, что это прямой родоначальникъ отъ котораго произошли всѣ остальные виды *Lanius*.

По цвѣту алтайскаго сорокопута даже нельзя назвать сѣрымъ (см. рисунокъ и описаніе), но онъ такъ тѣсно примыкаетъ къ остальнымъ *Lanius*, что отдѣлить его отъ нихъ тоже невозможно. Съ другой стороны, по окраскѣ своей, по развитію полосатости *L. mollis* сильно приближается къ древнимъ видамъ *Otomela* и *Phoenus*. Изъ *Otomela* наиболѣе сходства съ *O. lucioniensis*. Тѣ же тусклые цвѣта, сѣроватый на головѣ, красноватый на спинѣ. Сильное же развитіе полосатости на нижней сторонѣ придаетъ *L. mollis* даже болѣе древній отпечатокъ, чѣмъ у древнихъ *Otomela*, *Enneoclonus* и *Phoenus*. Гнѣздовой нарядъ *L. mollis* и всѣхъ представителей этихъ трехъ родовъ очень сходенъ.

Поэтому нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что тотъ исчезнувшій видъ, отъ котораго произошли *O. antiqua*, *E. antiqua* и *Ph. antiquus* далъ начало и ближайшему предку *L. mollis*. Послѣдній однако уклонился отъ всѣхъ своихъ древнихъ сородичей болѣе широкимъ ростомъ; онъ отдалился отъ нихъ и отъ области общаго предка и географически. Впрочемъ въ настоящее время еще трудно говорить о географическомъ положеніи алтайскаго сорокопута. До самаго послѣдняго времени было извѣстно только, что онъ водится на Алтаѣ; находка этого сорокопута Пржевальскимъ въ Тянь-Шанѣ, сразу раздвинула предѣлы области его на громадное разстояніе къ югу. По свойствамъ пребыванія очевидно это горная птица. И не будетъ ничего страннаго, если въ ближайшемъ будущемъ мы узнаемъ, что этотъ сорокопутъ водится по всѣмъ горнымъ хребтамъ восточной Сибири, до Камчатки и даже до сѣверной Америки включительно. На послѣднее предположеніе наводитъ то обстоятельство, что *L. borealis americanus* и *L. borealis sibiricus* есть ближайшія формы къ *L. mollis*. Сходство всѣхъ этихъ формъ указано въ описаніи ихъ. И я никакъ не сомнѣваюсь, что обѣ эти породы *L. borealis* произошли

прямо отъ *L. mollis*. *L. borealis europaeus* есть филиальная форма сибирской породы *L. borealis sibiricus*.

Молодые *L. borealis americanus* поразительно сходны съ старой самкой *L. mollis*: молодые сибирской породы уже разнятся отъ послѣдней; различія же европейской породы отъ *L. mollis* еще рѣзче. Поэтому нужно допустить слѣдующій ходъ явленій: *L. mollis*, на сѣверныхъ окраинахъ своей области, спустиась съ горъ на лѣсистыя равнины сталъ измѣняться здѣсь, подъ влияніемъ новыхъ условій. Рыжій пигментъ, придававшій многимъ частямъ его оперенія красноватую и красновато-бурую окраску, сталъ быстро исчезать; сохранившійся черный пигментъ мѣстами (на крыльяхъ и хвостѣ) усилился, мѣстами же остался въ разсѣянномъ состояніи; въ первомъ случаѣ черный цвѣтъ перьевъ сталъ чище, во второмъ — явился сѣрый цвѣтъ; американская порода сохранила большее количество рыжаго пигмента, унаслѣдованнаго отъ *L. mollis*; сибирская порода сохранила въ меньшей степени этотъ признакъ, а потому стала сѣрѣе и уклонилась дальше отъ родича. Всѣ перья или каймы ихъ, бывшія у *L. mollis* чистаго рыжеватого или красноватого цвѣта, у *L. borealis* вслѣдствіе утраты рыжаго пигмента стали бѣлѣть и этотъ переходъ легко прослѣдить по возрастамъ. Полосатость нижней стороны тоже у обѣихъ породъ *L. borealis* утратилась въ значительной степени и у сибирской породы утрачена больше, чѣмъ у американской. Дальнѣйшій ходъ этого измѣненія пигментации наглядно представляетъ *L. borealis europaeus*, у котораго исчезли послѣдніе слѣды рыжаго пигмента во всѣхъ возрастахъ уже; а также уменьшилась и полосатость. Только въ этой породѣ извѣстны старые экземпляры самцовъ, утратившіе окончательно полосатость. Рядомъ съ этими явленіями у *L. borealis* мы видимъ появленіе зачатковъ бѣлаго зеркальца на вторыхъ маховыхъ, именно у сибирской породы. Но зеркальце это едва примѣтно; у однихъ есть, у другихъ его вовсе нѣтъ. У европейской породы этихъ зачатковъ пока не найдено. Величина же зеркальца на первыхъ маховыхъ возрастаетъ отъ американской до европейской породы. Подробный ана-

изъ всѣхъ породъ *L. borealis* показалъ, что этотъ видъ вообще находится въ состояннн крайне неустойчивомъ; трудно было отмѣтить хотя бы одинъ признакъ неварьвирующнн, установившннся. Очевидно, что видъ еще вырабатывается и при этомъ дробится на мѣстныя породы.

Если мы сопоставимъ съ этимъ видомъ *L. excubitor*, *L. Hottmeyer* и *L. Przewalskii*, то придемъ къ тому выводу, что явленнн измѣненнн пигментацин подмѣченныя у *L. borealis* въ этомъ рядѣ видовъ только продолжаютъ развиваться.

L. excubitor есть безъ сомнѣннн ближайшая филиальная форма *L. borealis* и именно *L. borealis sibiricus*; у послѣдней проявляются уже зачатки бѣлаго зеркальца на вторыхъ маховыхъ; у *L. excubitor* это второе зеркальце является нормальнымъ признакомъ у обоихъ половъ и во всѣхъ возрастахъ. Но величина его измѣнчива у особей изъ разныхъ мѣстностей. Бѣловатая конечная кайма вторыхъ маховыхъ у *L. borealis* уская, у *L. excubitor* дѣлается шире и чище. У западныхъ и сѣверныхъ особей *L. excubitor* второе зеркальце мало и кайма эта узка; у особей юго-восточныхъ зеркальце больше и конечная кайма шире. У *L. Hottmeyer* второе зеркальце еще больше, поперечная кайма шире и на среднихъ маховыхъ второго разряда появилась узкая бѣлая кайма соединяющая это зеркальце съ бѣлымъ концомъ пера; а на внутреннемъ опахалѣ тоже исчезаетъ черный пигментъ. Наконецъ у *L. Przewalskii* среднн перья втораго разряда сдѣлались почти совсѣмъ бѣлыми, сохранивъ лишь небольшнн черныя пятна на обоихъ опахалахъ. Подобно этому мы увидимъ, что остальные признаки въ названномъ рядѣ видовъ представляютъ такой же постепенный прогрессъ или регрессъ.

Буровато-черный хвостъ *L. mollis* у *L. borealis* дѣлается чернымъ. Бѣлыя пятна и полосы на крайнихъ рулевыхъ, незначительныя у *L. mollis* (кромѣ того съ рыжеватымъ оттѣнкомъ) въ рядѣ его потомковъ всѣ разширяются на счетъ черныхъ частей перьевъ и у *L. Przewalskii* эти бѣлыя отмѣтины развиты больше всѣхъ.

Темный сѣрый цвѣтъ *L. borealis* у *L. excubitor* свѣтлѣе; сѣверныя особи этого вида темнѣе южныхъ и юго-восточныхъ; *L. Homeyeri* еще свѣтлѣе; а *L. Przewalskii* совсѣмъ свѣтло-сѣрый.

Тѣ части надхвостья и верхнихъ кроющихъ хвоста, которыя у *L. mollis* были пепельно-сѣраго и красновато-рыжаго, у *L. borealis* совсѣмъ утратили рыжій оттѣнокъ. При томъ у однихъ особей эти части сѣры, у другихъ бѣловаты. У *L. excubitor* бѣлизна развивается больше, но еще окраска этихъ частей непостоянна, у однихъ сѣрая, у другихъ бѣловатая, а у юго-восточныхъ особей бѣлая. У *L. Homeyeri* эти части бѣлыя; а у *L. Przewalskii* бѣлое поле тутъ значительно шире.

Полосатость нижней стороны у *L. excubitor* слаба; ее удерживаютъ еще самки; самцы же въ взросломъ состояннн совершенно утратили. Полосатость у самокъ *L. Homeyeri* еще слабѣе. Такимъ образомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣннн, что *L. mollis* далъ начало *L. borealis*; *L. borealis* въ свою очередь выдѣлилъ *L. excubitor*. *L. mollis* разграничивается отъ *L. borealis* довольно надежно. Мы не нашли почти ни одного признака абсолютнаго, который позволилъ бы точно разграничить породы *L. borealis*. Отличнне *L. excubitor* отъ *L. borealis* заключается въ присутствнн втораго зеркальца. Но у *L. borealis* есть уже зачатки этого признака. Кромѣ того лѣтомъ 1880 г. Ф. Д. Плеске, во время путешествнн по Лапланднн, убилъ на одномъ деревѣ послѣдовательно двухъ сорокопутовъ, молодыхъ въ переходномъ нарядѣ, одного возраста и очевидно одного выводка; у одного изъ нихъ второе зеркальце есть, у другаго же нѣтъ и слѣдовъ. Всего вѣроятннѣе, что это выводокъ ублюдковъ отъ спарившихся *L. excubitor* и *L. borealis europaeus*. Еще условннѣе признаки отличающнне *L. excubitor*, *L. Homeyeri* и *L. Przewalskii*. И при существующннхъ данныхъ, т. е. лучше сказать при существующемъ недостаткѣ биологическихъ наблюдений, трудно, даже невозможно рѣшить составляютъ ли *L. borealis*, *excubitor*, *Homeyeri* и *Przewalskii* виды,

ли это породы ¹⁾ нераздѣлившіяся окончательно; породы, особи которыхъ спариваются нормально, когда случится имъ встрѣтиться. Но съ другой стороны каждый видъ или порода обладаетъ уже извѣстными особенностями типа, почему соединять ихъ безъ различія невозможно, да и не слѣдуетъ. Пока *L. major* и *L. excubitor* соединяли въ одинъ видъ, никто не подмѣтилъ и не уяснилъ того ряда прогрессивныхъ явленій въ измѣненій типа а тѣмъ болѣе связи его съ географическимъ размѣщеніемъ формъ, который приведенъ выше. Теперь же мы шагъ за шагомъ могли прослѣдить какъ *L. mollis* превратился въ *L. Przewalskii*, а уже конечно эти двѣ формы никто бы не смѣшалъ.

Кромѣ *L. borealis*, у *L. mollis* есть еще потомокъ — *L. meridionalis*. Но между родичемъ и потомкомъ очевидно были промежуточныя звѣнья, которыя до сихъ поръ неизвѣстны. Отъ одной изъ этихъ промежуточныхъ формъ отдѣлился также предокъ *L. minor*, но этотъ послѣдній уклонился значительно и отъ *L. mollis* и отъ *L. meridionalis*. Онъ развивался совершенно особнякомъ, и, по причинамъ пока совершенно необъяснимымъ, (въ противоположность предъидущей группѣ потомковъ *L. mollis*) выработалъ такой прочный, устойчивый типъ, какъ пожалуй ни одинъ изъ сѣрыхъ сорокопудовъ.

L. algeriensis очевидно произошелъ отъ общаго родича съ *L. meridionalis* и можетъ быть даже просто филиальная форма послѣднаго.

Пока очень трудно разяснить происхожденіе *L. sphenocercus*. Онъ очень близокъ къ *L. Przewalskii* и *L. Homeyeri*, но признавать его филиальной формой одного изъ нихъ нельзя; этого не допускаетъ сильное развитіе сѣраго цвѣта у *L. sphenocercus*, и характеръ бѣлыхъ отмѣтинъ на вторыхъ маховыхъ. Поэтому надо думать, что *L. sphenocercus* произошелъ хотя тоже отъ *L. borealis*, но помимо *L. excubitor*, *Homeyeri* и *Przewalskii*.

---

¹⁾ Какъ принимаетъ *L. major*, *excubitor* и *Homeyeri* Гомейеръ. см. *Journ. f. Orn.* 1880 p. 143.

По окраскѣ вторыхъ маховыхъ *L. sphenocercus* служить отчасти связующимъ звѣномъ между *L. borealis* и двумя группами южныхъ сѣрыхъ сорокопутовъ, (обозначенными мной въ опискѣ буквами *F* и *G*, см. стр. 173).

Обѣ эти группы отличаются отъ всѣхъ другихъ сорокопутовъ тѣмъ, что второго зеркальца у нихъ нѣтъ, т. е. нѣтъ бѣлаго пятна на основаніи наружнаго опахала у маховыхъ перьевъ второго разряда. Но, за то внутреннее опахало этихъ перьевъ все, или почти все, бѣлое, также какъ и конецъ перьевъ; тогда какъ наружное опахало черное, иногда съ узкой бѣлой каймой по краю. Этотъ признакъ свойственъ семи видамъ, которые располагаются въ двѣ группы: (*F*) *L. assimilis*, *L. lathora*, *L. leucopygus* и *L. excubitorius*; (*G*) *L. Grimmi*, *L. pallidirostris* и *L. fallax*. Между собой обѣ группы различаются общимъ оттѣнкомъ оперенія; у группы *F*. сѣрый цвѣтъ чистъ и болѣе или менѣе ярокъ; у группы *G*. цвѣтъ этотъ очень блѣденъ, а у *L. pallidirostris* и *L. fallax* даже слегка грязноватъ или буроватъ.

Такъ что *L. sphenocercus* и связываетъ повидимому обѣ эти группы съ *L. borealis*. Но пока выяснитъ ихъ филіацію я не берусь. Замѣчу только, что южные виды группъ *F* и *G* больше всѣхъ сѣрыхъ сорокопутовъ утратили тотъ наследственный признакъ, который служилъ намъ часто надежнымъ руководителемъ при опредѣленіи взаимнаго сродства формъ, — именно полосатость. Напр. у *L. Grimmi* даже въ гнѣздовомъ нарядѣ уже нѣтъ и слѣдовъ полосатости.

Изъ всего сказаннаго я прихожу къ заключенію, что въ отдаленныя времена (вѣроятно въ раннія эпохи третичнаго періода) на материкѣ, бывшемъ на мѣстѣ Формозы, и другихъ острововъ Тихаго океана существовалъ сорокопутъ, обладавшій уже выработавшимися прочно признаками семейства, т. е. толстымъ крючкообразнымъ клювомъ и связанной съ этой формой клюва хищностью. Окраска этой птицы была однообразная тусклая, буроватая. Всѣ перья покровныя и хвостовыя были украшены по-

перечными полосками. Крыловые перья, особенно кроющія крыла имѣли свѣтлыя каймы.

Отъ этого вида произошли *O. antiqua*, *E. antiqua*, *Ph. antiquus* и *L. antiquus*, т. е. родоначальники всѣхъ разсмотрѣнныхъ родовъ сорокопутовъ. Дальнѣйшій ходъ измѣненій типа и развѣтленія формъ, т. е. филиація видовъ прослѣжены выше.

Правда, при этомъ осталось многое сомнительнымъ, не выясненнымъ; и виной тому, конечно, недостатокъ біологическихъ и другихъ наблюдений. Въ общей сложности однако можно сказать, что филиація видовъ болѣе или менѣе выяснилась; генеалогическія таблицы не только поясняютъ эту филиацію и связываютъ родственныя формы, но вмѣстѣ съ тѣмъ представляютъ ту *естественную систему*, къ которой всегда стремились систематики. Въ этой системѣ каждый видъ занимаетъ мѣсто, которое принадлежитъ ему по праву происхожденія и по его типичнымъ особенностямъ.

Кромѣ того эти таблицы указываютъ также географическія соотношенія видовъ. Руководясь ими легко прослѣдить какъ потомки древняго сорокопута, жившаго на крайнемъ востокѣ Азіи, расселились постепенно на западъ, распадаясь при этомъ на отдѣльныя разновидности, породы и виды. Сорокопуты представляютъ наглядное доказательство того, что измѣненіе типичныхъ признаковъ находится въ тѣсной связи съ расселеніемъ вида за предѣлы области. Слѣдовательно измѣнчивость типа есть результатъ расселенія, или движенія по земной поверхности. Вступая въ сосѣдную область, масса особей вида встрѣчаетъ тамъ новыя условія, новую группировку организмовъ; все это вызываетъ новыя привычки у колонистовъ; измѣненіе привычекъ нарушаетъ фізіологическій строй жизни въ организмѣ, а это порождаетъ измѣненія и во внутренней организаціи и въ наружныхъ формахъ и покровахъ. Такимъ образомъ сознавая тѣсную связь движенія организмовъ по землѣ съ ихъ измѣнчивостью, мы приходимъ къ пониманію истинныхъ задачъ зоологической географіи. Когда удастся изслѣдовать массу другихъ группъ животныхъ, съ тѣми

приемами, которые мы употребили при изученіи сорокопутовъ, тогда, и только тогда, возможно будетъ установить истинныя (а не фиктивные, какъ было доселѣ) зоологическія области. Установленіе этихъ областей имѣетъ огромное значеніе для успѣховъ науки. Зоологическая область это государство, это мірокъ, съ обособленными условіями, съ извѣстной группировкой формъ, съ опредѣленнымъ строемъ жизни; это сложный организмъ, въ которомъ нѣтъ механической связи между элементами, но есть связь біологическая, и при томъ связь, слагающаяся исторически. Зоологическая географія, руководясь филиальными отношеніями формъ, не только установитъ подобныя области, но и выяснитъ ихъ взаимныя отношенія, ихъ относительную древность и тѣмъ дастъ возможность вести біологическія изслѣдованія рационально. Освѣтивъ прошлое органическихъ формъ, можно будетъ познать ихъ настоящее и отчасти даже будущее.

Но съ другой стороны, одно только передвиженіе формъ по земной поверхности не обуславливаетъ исключительно всѣхъ явленій измѣнчивости типа. Въ данномъ случаѣ, въ семьѣ сорокопутовъ, есть явленія которыя нельзя объяснить съ этой точки зрѣнія; напротивъ, совершенно очевидно, что эти явленія не имѣютъ никакой связи съ размѣщеніемъ формъ и абсолютно независятъ отъ того комплекса условій, въ которомъ вращается птица. Таковы, на примѣръ, исчезаніе полосатости въ генеалогическомъ рядѣ сорокопутовъ, и развитіе у нихъ бѣлыхъ отмѣтокъ на крыльяхъ. Регрессъ перваго признака и прогрессъ втораго идутъ вмѣстѣ, послѣдовательно и совершенно независимо отъ того, какъ измѣняется окраска птицъ, какіе пигменты исчезаютъ, и т. д. Въ настоящее время нѣтъ возможности дать какое либо объясненіе этихъ явленій. Но очевидно только, что они отнюдь не зависятъ отъ внѣшнихъ вліяній среды. Ни теорія естественнаго подбора, ни теорія охранительныхъ цвѣтовъ, ни одна изъ существующихъ гипотезъ не въ состояніи объяснить, зачѣмъ могли бы быть нужны сорокопугу бѣлыя зеркальца на крыльяхъ. Можно съ увѣренностью сказать, что объясненіе значенія этихъ явленій можетъ дать, и то

въ отдаленномъ будущемъ, только физиологія. Когда химія раскроетъ составъ пигментовъ, а физиологія уяснитъ причины и способы образованія и отложенія ихъ, тогда только явленія окраски покрововъ организмовъ, законы образованія пятенъ, полосъ и т. п. объяснятся удовлетворительно. Поэтому, не прибѣгая къ напраснымъ измышленіямъ почему у сорокопутовъ исчезла постепенно полосатость и въ замѣнъ ея развились бѣлыя отмѣтины и дифференцировка пигментовъ, мы убѣжденно замѣтимъ, что эти явленія обуславливаются и вызываются физиологической работой организма, совершенно независимо отъ внѣшнихъ вліяній. Организмъ, вращаясь въ извѣстномъ комплексѣ біологическихъ условій, подчиняясь переменамъ, совершающимся въ этомъ комплексѣ, измѣняется самъ въ различныхъ частностяхъ строенія. Но измѣненія однѣхъ частей, вызванныя внѣшними стимулами, ведутъ за собой неизбежно измѣненія въ другихъ частяхъ, для того чтобы возстановилось анатомическое и физиологическое равновѣсіе въ организмѣ. Подобныя передѣлки въ организаціи и вызываютъ, по всей вѣроятности, тѣ явленія, на которыя мы указали. Впрочемъ повторяю, что теперь даже догадки о значеніи и смыслѣ подобныхъ явленій — преждевременны.

Это тѣмъ болѣе, что относительно сорокопутовъ напр. есть еще много ближайшихъ и очень важныхъ задачъ для изслѣдованія. Большинство видовъ оказываются вовсе почти не изученными въ біологическомъ отношеніи. *E. collurio* и *L. minor* въ этомъ отношеніи извѣстны болѣе другихъ, но и въ ихъ жизни много неизвѣстныхъ сторонъ. За то есть много такихъ видовъ, о жизни которыхъ буквально нѣтъ свѣдѣній. Поэтому я считаю мою работу лишь подготовительнымъ матеріаломъ для работъ будущихъ наблюдателей, которымъ предстоитъ поправить и ошибки, вкравшіяся несомнѣнно въ эту монографію.

ПЕРВОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ.

Списокъ сорокопутовъ, послужившихъ матеріалами для изслѣдованія.

№	Полъ и воз- растъ.	Когда до- бытъ.	Кѣмъ добытъ.	Гдѣ добытъ.	Гдѣ нахо- дится.
Genus I. Otomela Вр.					
1. O. lucioniensis L.					
1	♂ ст.	v 61.	Свингоз.	Амой, вост. Китай.....	Ак. Н.
2	♂ ст.	v 61.	»	» »	»
3	♂ ст.	v 61.	?	?	»
4	♂ ст.	?	Свингоз.	Амой, вост. Китай.....	»
5	♂ ст.	v 61.	»	» »	»
6	♂		Китлицъ.	Манила	»
7	♀		»	»	»
8	♀		»	»	»
9	♀		»	»	»
2. O. rhoenicura Pall.					
10	♂ ст.	42.	?	Пекинъ.....	Ак. Н.
11	♂ ст.	⁹ /vп 55.	Радде.	Сѣв. бер. Байкала	»
12	♂ ст.	²⁴ /v 73.	Чекановскій.	Подволочная, на Н. Тунгускѣ	»
13	♂ ст.	71.	Пржевальскій.	Юго-вост. Монголія.....	»
14	♂ ст.	69.	»	Южно-Уссурийскій край.....	»
15	♂ ст.	69.	»	»	»
16	♂ ст.	vп 72.	»	Ганьсу.....	»
17	♂ ст.	²⁵ /v 69.	Гартунгъ.	Усола, на Ангарѣ	Плеск.
18	♂ ст.	69.	»	»	»
19	♀ ст.	?	?	?	»
20	♀ ст.	42.	?	Пекинъ.....	Ак. Н.
21	♀ ст.	52.	Поповъ.	Верхне-Удинскъ.....	»
22	♀ ст.	¹⁰ /vп 74.	Чекановскій.	Оленекъ, 67°7' с. ш.....	»
23	♀ ст.	69.	Гартунгъ.	Усола, на Ангарѣ.....	Плеск.
24	♂ мол.	¹⁴ /vпп 56.	Радде.	Кулусутаевскъ.....	Ак. Н.
25	♂ мол.	vпп 71.	Пржевальскій.	Ордосъ.....	»
26	♀ мол.	¹³ /vпп 56.	Радде.	Кулусутаевскъ.....	»

№	Полъ и воз- растъ.	Когда до- бытъ.	Кѣмъ добытъ.	Гдѣ добытъ.	Гдѣ нахо- дится.
---	-----------------------	--------------------	--------------	-------------	---------------------

O. phoenicura Pall. (Продолженіе.)

27	мол.	69.	Гартунгъ.	Усола, на Ангарѣ.....	Плеске.
28	мол.	14/VIII 45.	Вознесенскій.	р. Алдома, около Аяна.....	Ак. Н.
29	птен.	27/VII 55.	Маакъ.	р. Амуръ.....	»

 β . var. *intermedia* Bogd.

30	♂ ст.	31/V 47.	Миддендорфъ.	Удской острогъ.....	Ак. Н.
----	-------	----------	--------------	---------------------	--------

3. *O. superciliosa* Lath.

31	♂ ст.	11/V 61.	Максимовичъ.	Хакодате, о. Иессо.....	Ак. Н.
----	-------	----------	--------------	-------------------------	--------

4. *O. phoenicuroides* Sew., subsp. *Romanowi* Bogd.

32	♂ ст.	12/VI 40.	к. Эверсманна.	Джунгарія.....	Ак. Н.
33	♂ ст.	41.	»	Тарбагатай.....	»
34	♂ ст.	VI 44.	Карелинъ.	р. Аягузъ.....	»
35	♂ ст.	VI 44.	»	».....	»
36	♂ ст.	6/V 48.	Абакумовъ.	р. Биень, въ Алатау.....	»
37	♂ ст.	30/V 48.	»	р. Копаль.....	»
38	♂ ст.	2/VI 48.	»	».....	»
39	♂ ст.	4/VII 78.	Руссовъ.	Кишлакъ Кштуть.....	»
40	♂ ст.	1/IV 78.	»	Чиназъ.....	»
41	♂ ст.	4/IV 78.	»	».....	»
42	♂ ст.	VI 77.	Пржевальскій.	р. Цанма, въ вост. Тянь-Шанѣ.....	»
43	♀ ст.	VIII 44.	Карелинъ.	р. Аягузъ.....	»
44	♀ ст.	11/V 48.	Абакумовъ.	р. Копаль.....	»
45	♀ ст.	7/IV 78.	Руссовъ.	Чиназъ.....	»
46	мол.	43.	к. Эверсманна.	Алтай.....	»
47	мол.	43.	Карелинъ.	Джунгарія.....	»
48	мол.	IX 42.	»	р. Аягузъ.....	»
49	мол.	VIII 44.	»	».....	»
50	мол.	VII 44.	»	р. Ай, въ Алатау.....	»
51	мол.	VIII 44.	»	р. Тентекъ, ».....	»
52	мол.	VIII 44.	»	».....	»
53	♀ ст.	6/VII 78.	Словцовъ.	около оз. Норъ-Зайсана.....	»

O. phoenicuroides Sew. β subsp. *Karelini* Bogd.

54	♂ ст.	43.	Карелинъ.	Джунгарія.....	Ак. Н.
55	♂ ст.	53.	Н. Эверсманнъ	р. Сыръ-Дарья.....	»
56	♂ ст.	14/IV 58.	Съверцовъ.	».....	»
57	♂ ст.	2/VII 58.	»	».....	»
58	♂ ст.	4/VII 58.	»	».....	»
59	♂ ст.	4/VII 58.	»	».....	»

№	Полъ и воз- растъ.	Когда до- бытъ.	Кѣмъ добытъ.	Гдѣ добытъ.	Гдѣ нахо- дится.
<i>O. phoenicroides</i> Sew. β . subsp. <i>Karelini</i> Bogd. (Продолженіе.)					
60	♂ ст.	8/VII 58.	Сѣверцовъ.	р. Сыръ-Дарья.....	Ак. Н.
61	♂ ст.	10/VII 58.	»	»	»
62	♂ ст.	25/VII 58.	»	»	»
63	♂ ст.	1/VIII 58.	»	р. Джаманъ-Дарья.....	»
64	♂ ст.	15/VIII 58.	»	р. Сыръ-Дарья.....	»
65	♂ ст.	16/VIII 74.	Богдановъ.	Нукусъ, на Аму-Дарьѣ.....	Сиб. У.
66	♂ ст.	16/VIII 74.	»	»	»
67	♂ ст.	19/IV 78.	Руссовъ.	Чиназъ	Ак. Н.
68	♀ ст.	25/IV 58.	Сѣверцовъ.	р. Сыръ-Дарья.....	»
69	♀ ст.	18/VII 58.	»	»	»
70	♀ ст.	11/IV 78.	Руссовъ.	Чиназъ	»
71	♂ пер.	24/V 41.	к. Эверсманна.	Джунгарія.....	»
72	♂ мол.	23/VII 58.	Сѣверцовъ.	р. Сыръ-Дарья	»
73	♂ мол.	29/VII 58.	»	»	»
74	♂ мол.	30/VII 58.	»	»	»
75	♂ мол.	2/VIII 58.	»	»	»
76	♂ мол.	11/VIII 58.	»	»	»
77	♂ мол.	3/IX 58.	»	»	»
78	♂ мол.	22/VII 74.	Богдановъ.	род. Косарма, зап. б. Арала ..	Сиб. У.
79	♂ мол.	18/VIII 74.	»	Нукусъ, на Аму-Дарьѣ.....	»
80	♂ мол.	12/IX 74.	»	Куванъ-Джарма	»
81	♂ мол.	15/IX 74.	»	Нукусъ	»
82	♂ мол.	17/IX 74.	»	оз. Майли-Куль, Аму-Дарья ..	»
83	♂ мол.	17/IX 74.	»	ур. Арыкъ-Балыкъ, Аму-Дарья ..	»
84	♂ мол.	23/IX 74.	»	окр. Петро-Александровска ..	»
85	♂ мол.	29/IX 74.	»	ур. Акъ-Камышъ	»
86	♂ мол.	29/IX 74.	»	»	»
87	♂ мол.	29/IX 74.	»	»	»
88	♂ мол.	1/X 74.	»	»	»
89	♂ мол.	1/X 74.	»	»	»
90	♂ мол.	VIII 76.	Пржевальскій.	р. Или, въ Кульдѣжъ.....	Ак. Н.
91	♂ мол.	VIII 76.	»	р. Кунгесъ	»
92	♀ мол.	22/IX 74.	Богдановъ.	Петро-Александровскъ.....	Сиб. У.
93	♀ мол.	14/VIII 78.	Руссовъ.	Искандеръ-куль.....	Ак. Н.
94	♀	41.	Романовъ.	Джунгарія.....	»
95	♀ мол.	10/VII 58.	Сѣверцовъ.	р. Сыръ-Дарья.....	»
96	мол.	22/VIII 76.	Березовскій.	р. Кранъ, пр. Чернаго Иртыша ..	»
5. <i>O. isabellina</i> Hemp. et Ehrb.					
<i>a. typica, s. occidentalis.</i>					
97	♂ ст.		к. Гемприха и Эренберга.	Аравія.....	Ак. Н.
98	♂ ст.	Осень 43.	Карелинъ.	Джунгарія	»
99	♂ ст.	Весна 44.	Воскобойниковъ.	Сѣв. Персія.....	»
100	♂ ст.	18/VIII 74.	Богдановъ.	Нукусъ, на Аму-Дарьѣ.....	Сиб. У.

№	Полъ и воз- растъ.	Когда до- бытъ.	Кѣмъ добытъ.	Гдѣ добытъ.	Гдѣ нахо- дится.
<i>O. isabellina</i> Hempr. et Ehrb.					
<i>α. typica, s. occidentalis.</i> (Продолженіе.)					
101	♂ ст.	20/VIII 74.	Богдановъ.	Нукусъ, на Аму Дарьѣ.....	Спб. У.
102	♂ ст.	21/VIII 74.	»	»	»
103	♂ ст.	21/VIII 74.	»	»	»
104	♂ ст.	3/III 78.	Руссовъ.	Чиназъ.....	Ак. Н.
105	♂ ст.	3/III 78.	»	»	»
106	♂ ст.	6/IV 78.	»	»	»
107	♂ ст.	7/III 78.	»	»	»
108	♂ ст.	7/III 78.	»	»	»
109	♂ ст.	12/III 78.	»	»	»
110	♂ ст.	11/IV 78.	»	»	»
111	♂ ст.	III 77.	Пржевальскій.	р. Таримъ.....	»
112	♂ ст.	III 77.	»	»	»
113	♂ ст.	III 77.	»	»	»
114	♂ ст.	III 77.	»	оз. Лобъ-Норъ.....	»
115	♂ ст.	IV 77.	»	гор. Корле.....	»
116	♂ ст.	IV 77.	»	р. Таримъ.....	»
117	♂ ст.	V 77.	»	гор. скл. Тянь-Шаня.....	»
118	♀ ст.	22/III 42.	Леманъ.	Бухара.....	»
119	♀ ст.	19/IV 58.	Скорняковъ.	Киргизская степь.....	»
120	♀ ст.	21/III 78.	Руссовъ.	Голодная степь.....	»
121	♀ ст.	18/III 78.	»	Чиназъ.....	»
122	♀ ст.	3/III 78.	»	»	»
123	♀ ст.	18/III 78.	»	»	»
124	♀ пер.	9/VIII 78.	»	Искандеръ-куль.....	»
125	♀ пер.	9/VIII 78.	»	Чиназъ.....	»
126	♀ ст.	III 77.	Пржевальскій.	р. Таримъ.....	»
127	♀ ст.	III 77.	»	»	»
128	♀ ст.	III 77.	»	оз. Лобъ-Норъ.....	»
129	♀ ст.	III 77.	»	»	»
130	♂ мол.	15/IX 74.	Богдановъ.	Нукусъ.....	Спб. У.
131	♂ мол.	15/IX 74.	»	»	»
132	♂ мол.	15/IX 74.	»	»	»
133	♀ мол.	9/VIII 78.	Руссовъ.	Искандеръ-куль.....	Ак. Н.
134	♀ мол.	9/IX 74.	Богдановъ.	Куванъ-Джарма.....	Спб. У.
135	♀ мол.	9/IX 74.	»	»	»
136	♀ мол.	25/IX 74.	»	Петро-Александровскъ.....	»
137	♀ мол.	11/VIII 78.	Руссовъ.	Искандеръ-куль.....	Ак. Н.
138	♂ мол.	11/VIII 78.	»	»	»
139	♂ мол.	19/VIII 78.	»	»	»
140	мол.	28/VI 78.	»	»	»
141	♂ ст.		Гемприхъ и Эренбергъ.	Гумфюде.....	Берл. м.
142	♂ ст.		»	»	»
143	♂ ст.		»	Аравія.....	Вѣнск. м.
144	♀ ст.		»	Гумфюде.....	Берл. м.
145	♀ мол.		»	Аравія.....	»
146	♂ ст.		Бойеръ.	Индія.....	Вѣнск. м.
147	♀ мол.		Андерсонъ.	Даржилингъ.....	Берл. м.

№	Поль и воз- растъ.	Когда до- бытъ.	Кѣмъ добытъ.	Гдѣ добытъ.	Гдѣ нахо- дится.
β. var. <i>major</i> Bogd. et Przew.					
148	♂ ст.	III 77.	Пржевальскій.	р. Таримъ.....	Ак. Н.
149	♂ ст.	III 77.	»	»	»
δ. var. <i>orientalis</i> Bogd. (speculigera Tacz).					
150	♂ ст.	Весенній.	Дыбовскій.	Старо-Цурухайтуевская.....	Варш. у.
151	♂ ст.	V 73.	Пржевальскій.	Алашань	Ак. Н.
152	♀ ст.	Весенняя.	Дыбовскій.	Старо-Цурухайтуевская.....	Варш. у.
153	♂ мол.		Пржевальскій.	Ордосъ	Ак. Н.
Genus II. <i>Enneoctonus</i> Boie.					
1. <i>E. magnirostris</i> Less.					
154	♂ ст.	42.	?	Пекинъ.....	Ак. Н.
155	♂ ст.		Яирахъ.	?	»
156	♂ мол.		Шрадербъ.	Ява.....	»
157	♀ оч. ст.	12/VI 75.	Дыбовскій.	зап. Стрѣлокъ, Уссур. край..	Сиб. у.
158	♀		Прево.	Ява.....	Ак. Н.
159	♀		Томсонъ.	Малака.....	»
160	♀		?	?	»
161	♀		Яирахъ.	?	»
162	♀		Герц. Нассауск.	?	»
2. <i>E. collurio</i> L.					
163	♂ ст.	VIII 30.	Хр. Брэмъ.	Рентендорфъ.....	Ак. Н.
164	♂ ст.	VIII 29.	»	»	»
165	♂ ст.		Михазлесъ.	Германія.....	»
166	♂ ст.		Нойе.	Турція	»
167	♂ ст.	23/VI 75.	Плеске.	Петергофъ	»
168	♂ ст.	9/VI 76.	Михаловскій.	С.-Петербургъ	»
169	♂ ст.	28/VI 77.	»	Гдовскій у.....	»
170	♂ ст.	VI 38.	Эверсманнъ.	Казань	»
171	♂ пер.		»	»	»
172	♂ ст.	26/VII 55.	Скормяковъ.	Оренбургъ	»
173	♂ ст.	XI 48.	Ценковский.	Кордофанъ	»
174	♂ ст.		Брандтъ въ Г.	Земля Кафровъ.....	»
175	♂ ст.	30.	Менетри.	Ленкоранъ	»
176	♂ ст.	30.	»	Кавказъ	»
177	♂ ст.	20/IV 78.	Михаловскій.	Цины, Закавказье.....	»
178	♂ ст.	24/IV 78.	»	Сурамъ, »	»
179	♂ ст.	11/V 59.	к. Сѣверцова.	Ф. Александровскъ.....	»
180	♂ ст.	24/IV 78.	Руссовъ.	Чиназъ.....	»
181	♂ ст.	8/V 58.	Сѣверцовъ.	Перовскъ.....	»
182	♂ ст.	24/V 58.	»	»	»
183	♂ ст.		Карелинъ.	?	»

№	Полъ и воз- растъ.	Когда до- бытъ.	Кѣмъ добытъ.	Гдѣ добытъ.	Гдѣ нахо- дится.
<i>E. collurio</i> L. (Продолженіе.)					
184	♂ ст.	10/v	43. Карелинъ.	р. Иртышъ.....	Ак. Н.
185	♂ ст.	10/v	43. »	»	»
186	♂ ст.	vii	44. »	»	»
187	♂ ст.	vii	44. »	»	»
188	♂ ст.	vii	44. »	»	»
189	♂ ст.	vii	44. »	»	»
190	♂ ст.	41.	к. Эверсманна.	Джунгарія.....	»
191	♂ ст.	41.	»	»	»
192	♂	27/v	41. »	» на китайскойгран..	»
193	♂	41.	78. Словцовъ.	Акмолинская об.....	Словцовъ.
194	♂ пер.	16/v	38. Эверсманнъ.	Казань.....	Ак. Н.
195	♂ пер.	71.	Поляковъ.	Вытегорскій у., Олонец. губ..	Спб. у.
196	♀		Нордманнъ.	Юж. Россія.....	Ак. Н.
197	♀		»	»	»
198	♀ оч.ст.	25/vi	77. Михаловскій.	Гдовскій у. Спб. г.....	»
199	♀ ст.	1/vii	76. »	»	»
200	♀ ст.	10/vii	76. »	»	»
201	♀ ст.	23/vii	57. Сѣверцовъ.	Оренбургъ	»
202	♀ ст.	25 v	62. »	Фори. Сломихинъ, на р.Уралъ.	»
203	♀ ст.	12/viii	59. »	Ашуръ-Адде	»
204	♀ ст.	12 v	58. »	Сыръ-Дарья.....	»
205	♀ ст.	v	43. Карелинъ.	Иртышъ.....	»
206	♀ ст.	10 v	43. »	»	»
207	♀ ст.	vi	44. »	Аягузъ	»
208	♀ ст.	v	41. »	Семипалатинскъ.....	»
209	♀ ст.	41.	Романовъ.	Джунгарія.....	»
210	♀ пер.	6 vii	40. »	Бухтарминскъ	»
211	♀ ст.	vii	40. »	»	»
212	♀ пер.	19 v	58. Сѣверцовъ.	Сыръ-Дарья.....	»
213	♀ пер.	19/viii	74. Богдановъ.	Нукусъ	Спб. у.
214	♂ ст.		Брандтъ, въ Г.	Земля Кафровъ	Ак. Н.
215	♂ м.	ix	48. Ценковскій.	Кордофанъ.....	»
216	♂ м.	6 viii	61. Сѣверцовъ.	Гурьевъ.....	»
217	♂ м.	4 viii	61. »	Бударинъ.....	»
218	♂ м.	20 viii	55. Бэръ.	Астрахань.....	»
219	♂ м.	15 viii	75. Кесслеръ.	Татакой, Крымъ.....	Спб. у.
220	♂ м.	15 viii	75. »	»	»
221	♂ м.	17 viii	75. »	»	»
222	♂ м.	25 viii	75. »	Поти.....	»
223	♂ м.	21 ix	57. Сѣверцовъ.	Джаль-тау	Ак. Н.
224	♂ м.	10/viii	58. »	Сыръ-Дарья.....	»
225	♂ м.	29 viii	74. Богдановъ.	Нукусъ.....	Спб. у.
226	♀ м.	9/viii	78. Руссовъ.	Искандеръ-куль.....	Ак. Н.
227	♂ м.	vii	40. Романовъ.	Бухтарминскъ	»
228	♂ м.	6 vii	40. »	»	»
229	♂ м.	24/viii	77. Березовскій.	р. Эдеръ.....	»
230	♀ м.	44.	Воскобойников.	Персія.....	»

№	Полъ и воз- растъ.	Когда до- бытъ.	Кѣмъ добытъ.	Гдѣ добытъ.	Гдѣ нахо- дится.
<i>E. collurio</i> L. (Продолженіе.)					
231	♀ м.	44.	Воскобойников.	Персія	Ак. Н.
232	♀ м.	26/VIII 75.	Кесслеръ.	Поти.	Сиб. у.
233	♀ м.	15/VIII 61.	Сѣверцовъ.	Бударинъ.	Ак. Н.
234	♀ м.	19/VIII 58.	»	Сырѣ-Дарья.	»
235	♀ м.	10/VIII 74.	Богдановъ.	Нукусъ.	Сиб. у.
236	♀ м.	9/VIII 74.	»	»	»
237	♀ м.	9/VIII 74.	»	»	»
238	♀ м.	4/VIII 74.	»	Ходжа-куль, Аму-Дарья.	»
239	♀ м.	9/VIII 78.	Руссовъ.	Искандеръ-куль.	Ак. Н.
240	♀ м.	43.	Каранинъ.	Джунгарія.	»
241	м.	13/VII 77.	Михалонскій.	Гдовскій у., Сиб. г.	»
242	м.	6/VII 78.	»	Квирилы, Кутавс. г.	»
243	м.	VIII 78.	Березовскій.	Севастополь.	»
244	м.	VIII 48.	»	»	»
245	м.	VIII 78.	»	»	»
246	м.	VIII 78.	»	»	»
247	м.	VII 42.	Эверсманнъ.	с. Спасское, Оренб. у.	»
248	м.		Романовъ.	Улутау?	»
249	м.	VII 42.	Карелинъ.	Бухтарминскъ.	»
250	м.	VII 42.	»	»	»
251	м.	VII 44.	»	р. Ай.	»
252	м.	VIII 44.	»	р. Аягузь.	»

Genus III. *Collurio* Br.1. *C. erytronotus* Vig.

253	ст.		Стриклендъ.	Индія.	Ак. Н.
254	♂ ст.	13/I 76.	Бруксъ.	Каунпуръ, Индія.	»
255	ст.		Фильдъ.	Индія.	»
256	ст.		»	»	»
257	♀ ст.		»	»	»
258	♂ ст.	1/VII 58.	Сѣверцовъ.	Сырѣ-Дарья.	»
259	♂ ст.		»	»	»
260	♂ ст.	11/VIII 58.	»	»	»
261	♂ ст.	11/VIII 58.	»	»	»
262	ст.		Скорняковъ.	Самаркандъ.	»
263	♂ ст.	26/IV 78.	Руссовъ.	Пенджакентъ.	»
264	♂ ст.	19/IV 78.	»	Чиназъ.	»
265	♂ ст.	24/IV 78.	»	»	»
266	♂ ст.	10/V 78.	»	»	»
267	♂ ст.	30/IV 78.	»	»	»
268	♂ ст.	25/IV 78.	»	»	»
269	♂ ст.	25/IV 78.	»	»	»
270	♂ ст.	12/V 78.	»	»	»
271	♀ ст.	23/IV 78.	»	»	»
272	♀ ст.	30/IV 78.	»	»	»
273	♀ ст.	26/V 78.	»	Зааминъ.	»

№	Полъ и воз- растъ.	Когда до- бытъ.	Кѣмъ добытъ.	Гдѣ добытъ.	Гдѣ нахо- дится.
---	-----------------------	--------------------	--------------	-------------	---------------------

C. erythronatus Vig. (Продолженіе.)

274	♀ ст.	10/V	78.	Руссовъ.	Чиназъ	Ак. Н.
275	♀ ст.	5/VIII	78.	»	Искандеръ-куль	»
276	♂ пер.	26/VII	78.	»	»	»
277	♂ пер.	9/VIII	78.	»	»	»
278	♀ пер.	9/VIII	78.	»	»	»
279	♀ пер.	9/VIII	78.	»	»	»
280	мол.	27/VI	78.	»	Зааминъ	»
281	♂ ст.	22/VIII	58.	Сѣверцовъ.	Сырѣ-Дарья	»
282	мол.			Фильдъ.	Индія	»

2. *C. schach* L.

283	ст.	IV	61.	Свингосъ.	Амой	Ак. Н.
284	ст.		61.	»	»	»
285	ст.		61.	»	»	»
286	ст.		61.	»	»	»
287	ст.		62.	»	Формоза ю.-з.	»
288	ст.	II	62.	»	»	»
289	ст.		61.	»	Амой	»

3. *C. bentet* Horsf.

290	ст.	?		?	?	Ак. Н.
291				?	?	»
292	♂ ст.			?	Ява	»
293	ст.			Темминкъ.	Борнео	»

4. *C. tephronotus* Vig.

294	♂ ст.	V	72.	Пржевальскій.	Ганьсу	Ак. Н.
295	♂ ст.	V	72.	»	»	»
296	♂ ст.	VII	72.	»	»	»
297	♀ ст.	VI	72.	»	»	»

5. *C. cephalomelus* Wp.

298	♂ ст.			Китлицъ.	Манила	Ак. Н.
299	♂ ст.			»	?	»

№	Полъ и воз- растъ.	Когда до- бытъ.	Кѣмъ добытъ.	Гдѣ добытъ.	Гдѣ нахо- дится.	
Genus IV. Phoneus Kaup.						
1. <i>Ph. bicephalus</i> Temm. A. Schl.						
300	♂ ст.	$\frac{4}{V}$	61.	Максимовичъ.	Хакодате.....	Ак. Н.
301	♂ ст.	$\frac{22}{VI}$	75.	Дыбовскій.	зап. Абрекъ.....	Сиб. у.
302	♀ ст.			Темминкъ.	Мооцу, Японія.....	Ак. Н.
303	м.			»	»	»
2. <i>Ph. ruficeps</i> Bechst.						
304	ст.			?	?	Ак. Н.
305	ст.			?	?	»
306	♂ ст.			Дейроль.	Франція.....	»
307	♂ ст.			Брандтъ, въ Г.	Германія.....	»
308	♀ ст.			Блазиусъ.	»	»
309	♂ ст.	$\frac{5}{IV}$	77.	Юнкеръ.	Макрака, Африка.....	»
310				Клотъ-Бей.	Каиръ	»
311	♂	X	48.	Ценковскій.	Кордофанъ.....	»
312	♀ м.	XI	48.	»	»	»
3. <i>Ph. rutilans</i> Temm.						
313	♂ ст.	$\frac{22}{V}$	55.	Буври.	Лѣсъ Практа-эль-Аббиа, пров. Константина.....	Ак. Н.
314	♀	$\frac{5}{V}$	55.	»	Долина Энъ-Макра, пр. Кон- стантина	»
315	мол.			»	Алжиръ.....	»
Genus V. Lanus L.						
1. <i>L. mollis</i> Eversm.						
316	♂ ст.	$\frac{10}{IX}$	43.	П. Романовъ.	р. Чуй, на Алтай.....	Ак. Н.
317	♂ пер.	XII	77.	Березовскій.	Хобдо.....	»
318	♂ пер.	осень	78.	Словцовъ.	окр. Норъ-Зайсана.....	к. Словоцк.
319	♀ ст.	IX	44.	Карелинъ.	Лепса.....	Ак. Н.
320	мол.	VII	44.	»	Иртышъ.....	»
321	♂ мол.	VI	77.	Пржевальскій.	р. Цанма, въ Турк.....	»
2. <i>L. borealis</i> Vieill. L.						
α. <i>americanus</i> Bogd.						
322	♂ ст.	$\frac{21}{I}$	44.	Вознесенскій.	Ситха.....	Ак. Н.
323	ст.	$\frac{20}{III}$	43.	»	Иконтога	»
324	♀ пер.			Томсонъ.	Сѣв. Америка.....	»
325	мол.		43.	Вознесенскій.	Ново-Архангельскъ.....	»

№	Полъ и воз- растъ.	Когда до- бытъ.	Кѣмъ добытъ.	Гдѣ добытъ.	Гдѣ нахо- дится.
---	-----------------------	--------------------	--------------	-------------	---------------------

β. *sibiricus* Bogd.

326	ст.	25/IV	54.	Маакъ.	р. Лунджа, Якутскъ.....	Ак. Н.
327	♀ ст.		69.	Пржевальскій.	Усурійскій край.....	»
328		29/VIII	54.	Маакъ.	р. Вилюй.....	»
329	♂ пер.	6/IX	73.	Чекановскій.	Туруханскъ.....	»
330	♂ пер.	18/VIII	70.	Майдель.	Земля Чукчей.....	»
331	пер.	31/VIII	54.	Маакъ.	сѣвернѣе р. Вилюя.....	»
332	ст.	7/VII	52.	Карелинъ.	Ф. Топольской.....	»
333	♀ ст.	22/IX	52.	»	Гурьевъ.....	»
334	♀ м.	23/IX	59.	Радде.	Хинганскій хребетъ.....	»

γ. *europaeus* Bogd.

335	♂ ст.			А. П. Веселовскій.	окр. С.-Петербурга.....	Спб. у.
336	♂ ст.			Графъ.	».....	Ак. Н.
337	ст.	XII	53.	Шатиловъ.	Крымъ.....	Моск. у.
338	ст.			?	Волга.....	Берл. м.
339	мол.	12/VIII	78.	Плеске.	д. Буславль, Вышневолоц. у.	Плеске.
340	мол.	12/VIII	78.	»	Твер. губ.....	»
341	мол.			Фельдегъ.	юж. Франція.....	Ак. Н.

3. *L. ludovicianus* Briss.

342				Росеть.	Канада.....	Ак. Н.
343				Шрадеръ.	Техась.....	»
344	♂ ст.		42.	Вознесенскій.	юж. Калифорнія.....	»
345	♂ ст.	9/I	42.	»	п. Эскондидо.....	»
346	♂ пер.	16/I	42.	»	».....	»
347	♀	II	40.	Кабанисъ.	юж. Каролина.....	»

4. *L. meridionalis* Temm.

348			56.	Парейсъ.	Испанія.....	Ак. Н.
349			42.	Брандтъ, въ Г.	?.....	»
350				Дейроль.	?.....	»
351				Парзудаки.	юж. Европа.....	»

5. *L. algeriensis* Less.

352	♂ ст.	5/V	55.	Буври.	Газерасть, пр. Константина...	Ак. Н.
353				»	Константина.....	Берл. м.
354				»	».....	»
355				»	».....	»
356				?	Мороко.....	»
357				Буасоно.	Испанія.....	Вѣн. м-

№	Полъ и воз- растъ.	Когда до- бытъ.	Кѣмъ добытъ.	Гдѣ добытъ.	Гдѣ нахо- дится.
6. <i>L. minor</i> Gm.					
358	♂ ст.	28 V	Эверсманнъ.	Сарепта.....	Ак. Н.
359	♂ ст.	26/V	68. Скорняковъ.	Оренбургъ.....	»
360	♂ ст.		40. Даль.	р. Уралъ.....	»
361	♂ ст.	14/V	61. Сѣверцовъ.	Гурьевъ.....	»
362	♂ ст.	27/V	61. »	Ф. Кармановъ, на Уралѣ.....	»
363	♂ ст.	15/V	40. Леманъ.	Ф. Ново-Александровскъ.....	»
364	♂ ст.	26/VI	78. Михаловскій.	Сурамъ.....	»
365	♂ ст.	15/V	58. Сѣверцовъ.	р. Сыръ-Дарья.....	»
366	♂ ст.	24/VI	78. Руссовъ.	Чиназъ.....	»
367	♂ ст.	24/IV	78. »	».....	»
368	♂ ст.	VI	77. Пржевальскій.	р. Текесъ.....	»
369	♂ ст.	VI	77. »	р. Или, въ Кульдждѣ.....	»
370	♂ ст.	27 V	40. Романовъ.	Джунгарія.....	»
371	♂ ст.		43. Карелинъ.	».....	»
372	♀ ст.	19/IV	66. Радде.	Ленкоранъ.....	»
373	♀ ст.	3/VI	41. Романовъ.	р. Аягузъ.....	»
374	♀ ст.	26/VI	41. »	Тарбагатай.....	»
375	♀ ст.	VI	77. Пржевальскій.	р. Или, въ Кульдждѣ.....	»
376	ст.		39. Буасоно.	?.....	»
377	ст.		55. Скорняковъ.	Оренбургъ.....	»
378	ст.		Эверсманнъ.	?.....	»
379	ст.	IX	42. Карелинъ.	Иртышъ.....	»
380	ст.	2/IX	47. Абакумовъ.	р. Балыкты, Семирѣч. кр....	»
381	ст.	8/V	48. »	р. Аксу.....	»
382	ст.	8/V	48. »	».....	»
383	ст.	8/V	48. »	».....	»
384	♂ ст.	24/IV	78. Руссовъ.	Чиназъ.....	»
385	♂ ст.	11/V	78. »	».....	»
386	♂ ст.	25/IV	78. »	».....	»
387	♂ ст.	25/IV	78. »	».....	»
388	♀ ст.	24/IV	78. »	».....	»
389	ст.		76. Генке.	Астрахань.....	Спб. у.
390	♀ ст.		78. Слозцовъ.	Акмолинская область.....	в.Слозцовъ
391	♂ м.	24/VII	61. Сѣверцовъ.	р. Чаганъ, около Уральска.....	Ак. Н.
392	♂ м.	13/VIII	58. »	Бабастыкуль, у Сыръ-Дарья.....	»
393	♂ м.	12/VIII	78. Богдановъ.	с. Тучное, Лебедин. у. Хар. г.	Спб. у.
394	♀ м.	X	48. Ценковскій.	Кордофанъ.....	Ак. Н.
395	♀ м.	8/VIII	74. Богдановъ.	Нукусъ, Аму-Дарья.....	Спб. у.
396	м.		71. Ходоровскій.	Красноводскъ.....	Ак. Н.
397	м.		55. Скорняковъ.	Оренбургъ.....	»
398	м.		43. Карелинъ.	Джунгарія.....	»
399	м.	VII	42. »	Бухтарминскъ.....	»
400	м.	VII	42. »	».....	»
401	м.		78. Слозцовъ.	Акмолинская область.....	в.Слозцовъ
402	♂ пт.	5/VII	78. Богдановъ.	с. Тучное, Лебедин. у. Хар. г.	Спб. у.

№	Полъ и воз- растъ.	Когда до- бытъ.	Кѣмъ добытъ.	Гдѣ добытъ.	Гдѣ нахо- дится.	
<i>7. L. excubitor L.</i>						
403	♂ ст.		39.	Гохгутъ.	Кіевъ.....	Ак. Н.
404	♂ ст.	9/X	77.	Павловъ.	Рязань.....	Спб. у.
405	♂ ст.	22/XI	52.	Карелинъ.	Гурьевъ.....	Ак. Н.
406	♀ ст.			Михаэльсъ.	зап. Европа.....	»
407	ст.	6/IV	42.	Эверсманнъ.	Казань.....	»
408	♀ ст.	21/III	55.	Карелинъ.	Гурьевъ.....	»
409			41.	Быстровъ.	Мезень.....	»
410		19/VIII	47.	Госманъ.	верхн. Щугуръ.....	»
411		6/IX	47.	»	гора Нойка, на Уралѣ.....	Спб. у.
412	ст.	VI	38.	Эверсманнъ.	Казань.....	Ак. Н.
413	♂ пер.	15/XI		Скорняковъ.	Уральскъ.....	»
414	пер.	12/VII	77.	Михаловскій.	окр. С.-Петербурга.....	»
415	пер.		69.	Иверсенъ.	Архангельская губ.....	Спб. у.
416	мол.	VI	38.	Эверсманнъ.	Казань.....	Ак. Н.
417	♂ ст.	23/II	75.	Савенковъ.	Нукусъ, Аму-Дарья.....	Спб. у.
418	♂ ст.	2/XI	79.	Михаловскій.	Кутайсъ.....	Ак. Н.
419	♂ ст.		76.	Генке.	Астрахань.....	»

8. L. Homeyeri Cab.

420	♂ ст.	X	76.	Пржевальскій.	Карашаръ.....	Ак. Н.
421	♂ ст.	XI	76.	»	Лобъ-Норъ.....	»
422	♂ ст.	XI	77.	»	Гучень.....	»
423	♂ пер.	15/XI	78.	Руссовъ.	Чиназъ.....	»
424	♂ пер.	9/XI	78.	»	».....	»
425	♀ ст.	III	77.	Пржевальскій.	Лобъ-Норъ.....	»
426	♀	25/VII	55.	Скорняковъ.	Оренбургъ.....	»
427	♀ пер.	12/XI	78.	Руссовъ.	Чиназъ.....	»
428	♀ мол.	18/XI	78.	»	».....	»

9. L. Przewalskii Bogd.

429	♂ ст.	осень	76.	Пѣвцовъ.	кит. Джунгарія.....	Ак. Н.
430	♂ ст.	X	76.	Пржевальскій.	Карашаръ.....	»
431	♂ ст.	21/II	78.	Руссовъ.	Ташкентъ.....	»
432	♂ ст.	10/I	78.	»	Чиназъ.....	»

10. L. sphenocercus Cab.

433	♂ ст.			?	Китай.....	Берл. м.
434	♂ ст.		69.	Пржевальскій.	Усурійскій край.....	Ак. Н.
435	♀ ст.	3/III	71.	»	Гучень-Гурбу.....	»

№	Полъ и воз- растъ.	Когда до- бытъ.	Кѣмъ добытъ.	Гдѣ добытъ.	Гдѣ нахо- дится.	
11. <i>L. Grimmi</i> Bogd.						
436	♀ ст.	28/III	58.	Сѣврцовъ.	р. Сыръ-Дарья.....	Ак. Н.
437	♀ ст.	1/IV	58.	»	»	»
438	♀ ст.	23/V	59.	»	Дуль-Дуль-Ата, около Красно- водска	»
439	♀ ст.	4/VII	74.	Богдановъ.	кол. Тасъ-Кудукъ, уроч. Самъ, Усть-Уртъ	Спб. у.
440	♀ ст.	21/II	78.	Руссовъ.	Ташкентъ	Ак. Н.
441	♀ ст.	21/III	78.	»	Чиназъ	»
442	пер	VII	36.	Карелинъ.	р. Атрекъ	»
443	♂ пер.	21/VI	58.	Сѣврцовъ.	р. Сыръ-Дарья	»
444	♂ пер.	10/VI	74.	Богдановъ.	Каратау, Мангышлакъ, между Уланакомъ и Джангильды	Спб. у.
445	♂ пер.	22/VII	74.	»	род. Коссарма, зап. б. Арала.	»
446	♂ м.	4/VII	74.	»	кол. Алты-Кудукъ, ур. Самъ, Усть-Уртъ	»
447	♀ пер.	21/VI	58.	Сѣврцовъ.	р. Сыръ-Дарья	Ак. Н.
448	♀ м.	14/VIII	58.	»	»	»
449	♀ м.	26/VIII	74.	Богдановъ.	Нукусъ, Аму-Дарья	Спб. у.
450	♂ пт.	4/VII	74.	»	кол. Тасъ-Кудукъ, ур. Самъ, Усть-Уртъ	»
451	♀ пт.	12/V	73.	»	ур. Акъ-Камышъ, Аму-Дарья.	»
452	♂ пт.	12/V	73.	»	»	Ак. Н.
453	♀ ст.	осень	72.	Пржевальскій.	Алашань	»
12. <i>L. pallidirostris</i> Cass.						
454	♂		49.	Бар. Мюлеръ.	Нубія	Штгт.
455	ст.			Гейглинъ.	Сѣв.-вост. Африка	Вѣн.
456	♀			Гемприхъ и Эренбергъ.	Нубія	Берл.
457	мол.			»	»	»
13. <i>L. lathora</i> Sykes.						
458				Бар. Гюгель.	Кельтъ, Индія	Вѣн.
459				»	»	»
460	♂ ст.			Гейглинъ.	Дагалакъ, с.-в. Африка	Штгт.
461	♀ м.			»	»	»
462	ст.			Фильдъ.	Индія	Ак. Н.
463	ст.			»	»	»
464	ст.			»	Пенджабъ, Индія	»
465	ст.			Свингозъ.	Индія	»
14. <i>L. assimilis</i> Brehm.						
466	♂ ст.	30/III	75.	Савенковъ.	Нукусъ, Аму-Дарья	Спб. у.
467	♂ ст.	V	77.	Пржевальскій.	р. Хайдуголь, вост. Тянь-Шань	Ак. Н.
468				Нойе.	Турція	»
469				»	»	»

№	Полъ и воз- растъ.	Когда до- бытъ.	Кѣмъ добытъ.	Гдѣ добытъ.	Гдѣ нахо- дится.
15. <i>L. leucopygus</i> Hempr. et Ehrb.					
470	♀ ст.	IV	48. Ценковскій.	Кордофанъ.....	Ак. Н.
471	ст.		41. Кочи.	Сенааръ.....	Вѣн. м.
472	ст.		52. Кноблехеръ.	Хартумъ.....	»
473	♀ ст.		49. Бар. Мюлеръ.	Египетъ.....	Штутг. м.
16. <i>L. excubitorius</i> O. de Murs.					
474			Кноблехеръ.	центр. Африка.....	Вѣн. м.
475			»	»	»
476			?	Египетъ	»
477			?	»	»

ВТОРОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ.

При изученіи сорокопутовъ я обратилъ особенное вниманіе на размѣры различныхъ частей ихъ и вообще на пластическіе признаки. Поэтому всѣ экземпляры были тщательно измѣрены мной. Но, имѣя матеріалъ въ шкуркахъ, или въ набитыхъ чучелахъ, нельзя было опредѣлить ни общей длины птицъ, ни размѣровъ туловища, шеи и т. д. Къ тому же измѣривъ раньше нѣсколько тысячъ убитыхъ птицъ я пришелъ къ заключенію, что точныхъ абсолютныхъ цифръ, выражающихъ величину органовъ птицъ, получить нельзя. Въ этомъ убѣдиться весьма легко крайне простымъ опытомъ: измѣривъ птицу только-что убитую и измѣривъ ее же черезъ нѣсколько часовъ, когда тонусъ мускуловъ исчезнетъ и ткани сдѣлаются болѣе дряблыми. Болѣе точныя цифры конечно дало бы измѣреніе скелетовъ; но ни одинъ музей пока не имѣетъ подобнаго матеріала въ достаточномъ количествѣ. Задачей же моихъ измѣреній было опредѣлить насколько постоянна величина различныхъ частей тѣла въ томъ или другомъ видѣ сорокопутовъ. Поэтому я измѣрилъ, по строго установленному методу, нѣкоторыя части сорокопутовъ; а именно:

1) *Длина клюва.* Одну ножку циркуля я ставилъ въ уголъ рта, другую — у самой выдающейся части конца клюва, по линіи разрѣза рта.

2) *Длина плюсны.* Отъ пяточного сгиба до сгиба задняго пальца.

3) *Длина хвоста.* Отъ сосочка надхвостной железы до конца самыхъ длинныхъ рулевыхъ перьевъ.

4) *Крыло.* Отъ сгиба до конца самыхъ длинныхъ маховыхъ.

Измѣрять длину пальцевъ, толщину клюва, и т. д. я не призналъ возможнымъ, такъ какъ точности приѣма тутъ достигнуть нельзя. Но, и сдѣланныя мной измѣренія не считаю точными, такъ

какъ выбрать постоянныя, строго опредѣленныя точки для приложенія циркуля нѣтъ возможности. Приводимыя ниже цифры имѣютъ лишь то значеніе, что добыты при употребленія одинаковаго приѣма при измѣреніяхъ, при чемъ всѣ субъективныя погрѣшности измѣрявшаго будутъ одинаковы для всѣхъ измѣреній. Поэтому привожу результаты измѣреній съ единственною цѣлью показать устойчивость и размѣры колебаній въ величинѣ нѣкоторыхъ частей сорокопутовъ. Всѣ размѣры показаны въ миллиметрахъ.

O. lucioniensis.

Самецъ: клювъ 11—12, 5; плюсна 21—22; хвостъ 91—95; крыло 87—90. Крайнее рулевое короче среднихъ на 21—25; второе рулевое короче среднихъ на 6—11; III и IV маховыя равны и образуютъ конецъ крыла.

Всѣ размѣры самки отъ 0,5 до 1,5 меньше, чѣмъ у самца.

O. phoenicura.

Самецъ: клювъ 11—12; плюсна 22—23; хвостъ 83—90; крыло 85—88. Крайнее рулевое короче среднихъ на 14—24; второе рулевое короче среднихъ на 6—17. III маховое равно IV и образуютъ конецъ крыла.

Самка: на 1—1,5 меньше самца.

β. var. intermedia.

Самецъ: клювъ 12; плюсна 23; хвостъ 89; крыло 89. Остальное какъ у типичной формы.

O. superciliosa.

Самецъ: клювъ 11,5; плюсна 22; хвостъ 87; крыло 87. Крайнее рулевое короче среднихъ на 24; второе рулевое—на 11. III маховое едва больше IV; оба образуютъ вершину крыла.

O. Romanowi.

Самецъ: клювъ 10—11; плюсна 22—23; хвостъ 80—84; крыло 91—95. Крайнее рулевое короче среднихъ на 10—12;

второе рулевое—на 2—6. III маховое больше IV, хотя и незначительно.

Самка: размеры на 1—1,5 меньше.

O. Karelini.

Самец: клювъ 10—11; плюсна 22; хвостъ 78—80; крыло 90—92. Крайнее рулевое короче средних на 9—11; второе рулевое—на 2—5. III маховое едва больше IV.

Самка на 0,5—1,5 меньше.

O. isabellina.

a. orientalis.

Самец: клювъ 11; плюсна 22; хвостъ 87; крыло 94. Крайнее рулевое короче средних на 12; второе рулевое—на 3. III маховое равно IV.

β. occidentalis, s. typica.

Самец: клювъ 10—10,5; плюсна 22; хвостъ 78—88; крыло 87—94. Крайнее рулевое короче средних на 8—17; второе рулевое на 2—7. III маховое равно, или едва больше IV.

δ. var. major.

Самец: клювъ 11; плюсна 24—24,5; хвостъ 91—97; крыло 100. Крайнее рулевое короче средних на 12—13; второе рулевое на 4—6. III маховое больше IV.

Самка вообще у обѣихъ породъ *α* и *β* на 0,5—1,5 меньше.

E. magnirostris.

Самец: клювъ 17—19; плюсна 21—22; хвостъ 79—82; крыло 90—92. Крайнее рулевое короче средних на 19—20; второе рулевое—на 8. IV маховое длинное.

Самка немного меньше самца.

E. collurio.

Самец: клювъ 10—11; плюсна 22, у немногихъ экземпляровъ 23; хвостъ 76—82; крыло 92—98. Крайнее рулевое ко-

роче среднихъ на 6—10; второе рулевое—на 1—4. III маховое самое большое.

Самка: клювъ 10; плюсна 21—22; хвостъ 77—80; крыло 89—97.

Самецъ изъ Африки: клювъ 10; плюсна 21; хвостъ 75; крыло 88.

Collurio erythronotus.

Самецъ: клювъ 11—12; плюсна 25—28; хвостъ 108—120; крыло 91—100. Крайнее рулевое короче среднихъ на 32—43; второе рулевое—на 14—20. III, IV и V маховыя почти равны и образуютъ вершину крыла.

Самка едва меньше самца.

Phoneus bicephalus.

Самецъ: клювъ 17—18; плюсна 22—23; хвостъ 91—93; крыло 88—90. Крайнее рулевое короче среднихъ на 23—25. III, IV и V маховыя почти ровны и образуютъ вершину крыла.

Самка едва меньше самца.

Phoneus ruficeps.

Самецъ: клювъ 16—17; плюсна 22—23; хвостъ 82—87; крыло 94—98. III и IV маховые образуютъ вершину крыла; V едва короче ихъ.

Самка почти не разнится размѣрами.

Lanius mollis.

Самецъ: клювъ 14—15; плюсна 26; хвостъ 118—119; крыло 119—121. Крайнее рулевое короче среднихъ на 20—28; второе рулевое—на 7—14. IV маховое самое длинное; V почти равно ему; а III не много меньше V.

Молодой въ гнѣздовомъ нарядѣ: клювъ 14; плюсна 26; хвостъ 118; крыло 120.

*Lanius borealis.**α. americanus.*

Клювь 14—14,5; плюсна 24; хвостъ 107—112; крыло 112—117.

β. sibiricus.

Клювь 12,5—13,5; плюсна 22—25; хвостъ 108—117; крыло 113—117.

δ. euroraecus.

Клювь 14—15; плюсна 22,5—26; хвостъ 114—115; крыло 114—115. При малочисленности экземпляровъ *L. borealis* въ размѣрахъ ихъ частей больше непостоянства, чѣмъ у какого либо вида семейства.

Почти у всѣхъ особей IV маховое самое длинное; III почти равно ему; а у одного III больше IV.

Крайнее рулевое короче среднихъ на 16—30; второе рулевое — на 8—20.

Самки размѣрами почти не разнятся отъ самцовъ.

Lanius meridionalis.

Клювь 14; плюсна 25—27; хвостъ 109—112; крыло 102—103. Крайнее рулевое короче среднихъ на 28—31; второе рулевое — на 13—14. IV маховое самое длинное.

Lanius algeriensis.

Плюсна 27; хвостъ 109; крыло 104. Крайнее рулевое короче среднихъ на 30; второе рулевое — на 15.

Lanius minor.

Клювь 11—12, у одного 13; плюсна 22—23; хвостъ 90—97; крыло 115—123. Крайнее рулевое короче среднихъ на 12—20; второе рулевое — на 2—8. III маховое на 2—5 больше II; II на 1—4 больше IV.

Самка едва меньше самца.

Lanius excubitor.

Клювъ 14—14,5; плюсна 24—25, рѣдко 26; хвостъ 114—116, у одного 117; крыло 111—116. Крайнее рулевое короче среднихъ на 17—26; второе — на 9—14. IV маховое едва больше III, которое немного больше V.

Lanius Homeyeri.

Клювъ 14—15; плюсна 25—26; хвостъ 112—119; крыло 112—117. Крайнее рулевое короче среднихъ на 19—25; второе рулевое — на 9—15. IV маховое едва больше III, которое на 2—3 больше V.

Lanius Przewalskii.

Клювъ 14—15; плюсна 26—26,5; хвостъ 123—132; крыло 118—125. Крайнее рулевое короче среднихъ на 27—31; второе рулевое — на 15—18. IV маховое едва больше III, которое на 1—3 больше V.

Lanius sphenocercus.

Клювъ 14; плюсна 27—28; хвостъ 131—136; крыло 114—119. Крайнее рулевое короче среднихъ на 38—50; второе рулевое — на 19—32. III маховое едва длиннѣе IV, которое на 3—7 длиннѣе V.

Lanius. Grimmi.

Клювъ 11—13, у одного 14; плюсна 26—27; хвостъ 96—106; крыло 105—109. Крайнее рулевое короче среднихъ на 18—23; второе рулевое — на 10—11. III маховое, самое длинное, на 1 или 0,5 больше IV.

Lanius assimilis.

Клювъ 13,5—14,5; плюсна 27—28; хвостъ 111—112; крыло 108—109. Крайнее рулевое короче среднихъ на 20—31; второе рулевое — на 11—16. IV маховое почти равно III, самая длинная.

Lanius lathora.

Клювъ 13—14; плюсна 27—28; хвостъ 117—120; крыло 109—111. Крайнее рулевое короче среднихъ на 28—33; второе рулевое—на 17—19. IV маховое едва больше, или равно III.

Lanius leucopygus.

Клювъ 14; плюсна 25; хвостъ 94; крыло 96. Крайнее рулевое короче среднихъ на 29; второе рулевое—на 14. IV маховое равно III.

Всѣ эти цифры приводятъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

- 1) размѣры различныхъ частей въ каждомъ видѣ, подобно цвѣтнымъ признакамъ, варьируютъ.
- 2) вариации эти однако имѣютъ, очевидно, предѣлы.
- 3) измѣненіе размѣровъ различныхъ частей идетъ въ генерации формъ параллельно измѣненію цвѣтныхъ признаковъ.

Но, съ другой стороны, убѣждаемся, что истинные размѣры частей тѣла разныхъ видовъ, также какъ предѣлы колебанія этихъ величинъ, можно вывести только изъ измѣренія громаднаго количества экземпляровъ.

Поэтому неизбѣжно заключеніе, что пластическіе признаки даютъ столь же слабый критерій для распознаванія видовъ, какъ и цвѣтные, и имѣютъ значеніе лишь въ совокупности съ послѣдними. Впрочемъ приведенныя цифры лучше всего поясняютъ этотъ выводъ.

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ ПОЛЕВОКЪ,

ВОДЯЩИХСЯ ВЪ СИБИРИ.

ИВ. С. ПОЛЯКОВА.

Чтано въ засѣданіи Физико-Математическаго Отдѣленія Императорской
Академіи Наукъ 3 февраля 1881 года.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ XXXIX-му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 2.

—
—
САНКТПЕТЕРБУРГЪ. 1881.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИССИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

Н. Глазунова, въ С. П. Б.

Н. Книппеля, въ Ригѣ.

Эггерса и Комп., въ С. П. Б.

Цена 40 коп.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Санктпетербургъ. Мартъ 1881 г.

Непреѣнный Секретарь, Академикъ *К. Весселовскій*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I.

Общій взглядъ на полевокъ и ихъ распространеніе въ Сибири.

	Стран.
Полевки, какъ «камень преткновенія».....	1
Цѣль настоящей работы—облегчить дальнѣйшее изученіе полевокъ.	2
Недостатки въ описаніяхъ полевокъ прежнихъ натуралистовъ....	4
Мои мѣры противъ недоразумѣній: этикетировка экземпляровъ....	7
Зубы полевокъ, какъ главная основа къ классификаціи.....	8
Внѣшній видъ полевокъ, какъ мало существенный систематическій признакъ.....	10
Значеніе полевокъ для практическихъ интересовъ человѣка.....	11
Устройство жилья полевокъ.....	13
Практическая польза, приносимая полевками въ Камчаткѣ, въ Забайкальѣ и фонъ объ этомъ наблюденія.....	15
Полевка мякирная.....	21
Услуги полевокъ въ Добруджѣ, во время послѣдней войны съ Турціей.....	22
Вредъ, приносимый полевками человѣку.....	24
Плодовитость полевокъ и ихъ переселенія.....	27
Области распространенія полевокъ въ Сибири.....	28
Уловія и причины видовой измѣняемости полевокъ.....	31
Роды грызуновъ, близкіе къ полевкамъ.....	34
Многочисленность видовъ полевокъ въ Сибири и причины этого...	39
Синоптическая таблица.....	40

II.

Описание видовъ полевокъ, водящихся въ Сибири.

	Стран.
1. Полевка водяная. (<i>Arvicola amphibius</i> L.)	41
2. Полевка камчатская. (<i>Arvicola kamtschatica</i> n. sp.) . .	43
3. Полевка экономка. (<i>Arvicola oeconomus</i> Pall.)	45
4. Полевка красная. (<i>Arvicola rutilus</i> Pall.)	51
5. Полевка амурская. (<i>Arvicola amurensis</i> Schrenck.) . .	55
6. Полевка Вознесенскаго. (<i>Arvicola Wosnessenskii</i> n. sp.) .	56
7. Полевка красно-сѣрая. (<i>Arvicola rufocanus</i> Sundev.) . .	59
8. Полевка Брандта. (<i>Arvicola Brandtii</i> Radde.)	62
9. Полевка Эверсмана. (<i>Arvicola Eversmannii</i> n. sp.) . . .	63
10. Полевка стадная. (<i>Arvicola gregalis</i> Pall.)	66
11. Полевка Миддендорфа. (<i>Arvicola Middendorffii</i> n. sp.) .	70
12. Полевка Норденшильда. (<i>Arvicola Nordenskiöldii</i> n. sp.)	72
13. Полевка каменная. (<i>Arvicola saxatilis</i> Pall.)	73
14. Полевка обыкновенная. (<i>Arvicola arvalis</i> Pall.)	74
15. Полевка общественная. (<i>Arvicola socialis</i> Pall.)	82
16. Полевка Радде. (<i>Arvicola Raddei</i> n. sp.)	87
Тезисы, какъ заключеніе	92

I.

ОБЩИЙ ВЗГЛЯД НА ПОЛЕВОКЪ И ИХЪ РАСПРОСТРАНЕНІЕ ВЪ СИБИРИ.

Полевки, какъ «камень преткновенія». — Цѣль настоящей работы — облегчить дальнѣйшее изученіе полевокъ. — Недостатки въ описаніяхъ полевокъ прежнихъ натуралистовъ. — Мои мѣры противъ недоразумѣній: этикетировка экземпляровъ; зубы полевокъ, какъ главная основа къ классификаціи. — Высшій видъ полевокъ, какъ мало существенный систематическій признакъ. — Значеніе полевокъ для практическихъ интересовъ человѣка. — Устройство жилья полевокъ. — Практическая польза, приносимая полевками въ Камчаткѣ, въ Забайкальѣ и мои объ этомъ наблюденія. — Полевка мякирная. — Услуги полевокъ въ Добруджѣ во время послѣдней войны съ Турціей. — Вредъ, приносимый полевками человѣку. — Плодовитость полевокъ и ихъ переселенія. — Области распространенія полевокъ въ Сибири. — Условія и причины ихъ видовой измѣняемости. — Роды грызуновъ, близкіе къ полевкамъ. — Многочисленность видовъ полевокъ въ Сибири и причины этого. —
Синоптическая таблица.

Возвратившись осенью 1877 года изъ путешествія въ Кузнецкій край, въ Западный Алтай и въ степи Семирѣченской области, я между прочимъ приступилъ къ составленію каталога высшихъ животныхъ, водящихся въ Западной Сибири, въ Киргизскихъ степяхъ и въ Джунгаріи; этотъ каталогъ мнѣ желательно было приложить къ отчету о путешествіи за лѣто 1877 года. При составленіи каталога я принялъ въ основаніе матеріалъ какъ лично собранный мною о животныхъ во время своей двукратной поѣздки въ Западную Сибирь, такъ и тѣ коллекціи, которыя были доставлены отсюда въ Зоологическій Музей Академіи Наукъ въ разное время, различными путешественниками и учеными. Имѣя

въ виду то, что составленіе каталога тогда только будетъ плодотворно и научно полезно, когда оно основано на точныхъ данныхъ, на тщательномъ сравненіи какъ научныхъ матеріаловъ, такъ и ученыхъ работъ, уже раньше клонившихся къ выполненію поставленной мною задачи, — я временно отказался отъ своего первоначальнаго намѣренія и невольно отклонился въ сторону, не желая застарѣлыя ошибки облекать въ новыя формы. Опредѣливъ съ большей или меньшей точностью представителей, относящихся къ родамъ грызуновъ: *Dipus*, *Meriones*, *Spermophilus*, *Ellobius*, — я въ глубокомъ раздумьи остановился въ заключеніе на добытыхъ мною полевахъ, — *Arvicola*: однимъ словомъ эти маленькіе грызуны сдѣлались для меня «камнемъ преткновения». — Чтобъ отнести добытые мною экземпляры къ тому или другому виду, я долженъ былъ обратиться къ существующимъ описаніямъ, въ которыхъ я встрѣтилъ съ одной стороны неполноту, съ другой — противорѣчія. Оказалось необходимымъ сравненіе привезенныхъ мною полевокъ не съ описаніями, а съ оригинальными экземплярами; такимъ образомъ отъ равнинъ Западной Сибири я долженъ былъ перейти къ высотамъ Алтая и ознакомиться съ тѣмъ матеріаломъ, который имѣется въ нашемъ музеѣ отсюда. Потомъ полевокъ съ Алтая непременно требовалось сравнить съ водящимися въ Таймурской землѣ, на крайнемъ сѣверѣ Сибири. Когда я осмотрѣлъ Алтайскій и Таймурскій матеріалъ по полевамъ, то понятно, я былъ принужденъ ознакомиться съ представителями этого рода изъ Восточной Сибири, сначала изъ Забайкалья, потомъ съ Амура и наконецъ изъ Камчатки. Затѣмъ я обратился къ матеріаламъ и литературѣ по изученію полевокъ, имѣющимся у насъ съ Кавказа, изъ восточной и сѣверной Россіи, изъ Швеціи и Норвегіи и наконецъ изъ Западной Европы, начиная съ равнинъ Германіи и Франціи до Альпійскихъ высотъ Швейцаріи.

Такимъ образомъ передо мной оказалась масса матеріала по изученію полевокъ; я имѣлъ передъ собой сотни экземпляровъ этихъ мелкихъ грызуновъ изъ разныхъ мѣстъ Западной Европы,

Европейской и Азіатской Россіи. Если взять въ соображеніе то, что я отдавалъ больше предпочтенія сравненію экземпляровъ полевокъ между собой, чѣмъ существующимъ объ нихъ литературнымъ даннымъ, то будетъ понятно, что кропотливость труда еще болѣе усилилась; кромѣ внѣшняго осмотра и измѣреній экземпляровъ, приходилось считать зубцы и впадины на коренныхъ зубахъ этихъ грызуновъ, при томъ такую работу возможно было производить съ надлежащей точностію только при хорошей лупѣ. Отсюда будетъ понятно, почему эта частная, спеціальная задача, касающаяся изученія полевокъ, водящихся въ Сибири, отвлекла меня отъ первоначальнаго намѣренія, — составленія общаго каталога западно-сибирскихъ животныхъ, — млекопитающихъ, пресмыкающихся и рыбъ. Отсюда будетъ ясно и то, что подобная работа должна была потребовать много времени, усидчивости и терпѣнія; я остановился однако же исключительно и прежде всего на ней, предвидя болѣе или менѣе существенные научные результаты по ея окончаніи. Преодолевая тѣ или другія трудности при изученіи полевокъ, я пришелъ къ тѣмъ заключеніямъ, которыя и изложены въ настоящемъ «Систематическомъ обзорѣ полевокъ, водящихся въ Сибири». Однако же, сдѣланные мною въ этой работѣ выводы я далеко не считаю конечными; — напротивъ дѣль ея заключается отчасти и въ томъ, чтобъ дать возможность лицамъ, интересующимся изученіемъ окружающихъ ихъ животныхъ, сознательно, съ опредѣленною цѣлью собирать матеріалъ для болѣе полнаго познанія полевокъ; я долженъ сказать, что въ дѣломъ весь матеріалъ, которымъ я располагалъ, собранъ случайно, неудовлетворительно по отношенію къ современнымъ требованіямъ науки. Воспользовавшись наличнымъ матеріаломъ для изученія полевокъ, я хочу сказать даже то, что самое обстоятельное и научное изслѣдованіе полевокъ — это задача будущаго. Тотъ научный интересъ, который я предполагалъ, приступая къ изученію полевокъ, въ значительной степени оправдался, и теперь я думаю, что онъ еще больше усилится, если коллекціи этихъ грызуновъ изъ разныхъ мѣстъ увеличатся и если онѣ будутъ собраны

систематически. При этомъ систематическое, правильное составленіе коллекцій полевокъ я разумѣю въ слѣдующемъ смыслѣ: такъ какъ извѣстно, что часто въ одной и той же мѣстности водятся разные виды полевокъ, то интересно и важно въ научномъ отношеніи собирать представителей этихъ видовъ, съ точнымъ обозначеніемъ времени года, мѣстности, гдѣ экземпляры добыты, также необходимо дѣлать наблюденія и отмѣчать черты изъ образа жизни этихъ полевокъ, касательно размноженія, устройства норъ, способа пропитанія и т. далѣе.

Хотя музейскій матеріалъ, которымъ я располагалъ, и былъ относительно весьма неполонъ, однакоже въ немъ я нашелъ гораздо болѣе ясныхъ и опредѣленныхъ данныхъ, чѣмъ въ цѣлой массѣ существующихъ литературныхъ источниковъ, изъ которыхъ, безспорно, самымъ важнымъ слѣдуетъ признать ту систематику и тѣ свѣдѣнія о полевкахъ, которыя находятся въ трудѣ профессора Блазиуса «Die Säugethiere Deutschland's». Въ этомъ трудѣ разсмотрѣны впрочемъ въ наибольшей полнотѣ преимущественно только полевки центральной Европы и частію идетъ рѣчь о водящихся въ Европейской Россіи. Но при хорошемъ методѣ классификаціи и изученія полевокъ, у Блазиуса не доставало матеріала о Сибирскихъ полевкахъ, почему онъ и впалъ въ ошибку, описавъ напримѣръ новый видъ *Arvicola ratticeps*, въ то время, когда представители этого вида относятся на самомъ то дѣлѣ къ весьма распространенному въ Сибири виду *Arvicola oeconomus* Pall. или же составляютъ только ея географическую разность. Хотя литература, касающаяся собственно полевокъ, водящихся въ Сибири, необширна, но однакоже въ нее вкралось уже нѣсколько весьма существенныхъ промаховъ и неточностей; различнаго рода научные недостатки произошли въ литературѣ о сибирскихъ полевкахъ отъ того, что зоологи, описывавшіе маленькихъ грызуновъ, не имѣли въ рукахъ сколько-нибудь достаточнаго сравнительнаго матеріала. А подѣ часть случалось и то, что они не были вполне знакомы съ самыми обыкновенными видами полевокъ и представителей этихъ видовъ описывали подѣ новыми названіями

или же причисляли къ нимъ полевокъ, относящихся дѣйствительно къ новымъ видамъ. Въ описаніи сибирскихъ полевокъ, вмѣстѣ съ недостаткомъ сравнительнаго матеріала, господствовалъ еще весьма несостоятельный принципъ; именно, если найдено нѣсколько видовъ животныхъ, то эти животныя непременно должны принадлежать къ такимъ-то и такимъ-то ранѣ описаннымъ видамъ; точно также, выпадали въ другую крайность: — страна отстоитъ болѣе или менѣе далеко отъ той, гдѣ какія либо животныя водятся, — значитъ новые представители относятся къ новому виду, хотя бы это было неосповательно. При подобнаго рода руководящихъ принципахъ въ опредѣленіи животныхъ, въ томъ числѣи полевокъ, — играетъ сильную роль авторскій произволъ, часто вмѣсто выясненія научной истины, ее затемняющій. Указывая на господство подобнаго рода принципа, выразившагося и въ систематикѣ сибирскихъ полевокъ, я совсѣмъ не хочу поставить его въ упрекъ прежнимъ зоологамъ; мнѣ, какъ и всякому другому, занимавшемуся систематикой животныхъ, весьма хорошо извѣстны трудности при разграниченіи и установленіи видовъ, въ особенности, если представители ихъ въ разныхъ областяхъ болѣе или менѣе измѣнчивы. При томъ въ классификаціи и опредѣленіи такихъ животныхъ, какъ полевки, еще въ недавнее время играли роль только внѣшніе признаки, часто весьма не существенные. Такъ, даже по отношенію къ европейскимъ полевкамъ, зоологи принимали за существенный систематическій признакъ напримѣръ цвѣтъ шерсти или мѣстообитаніе животнаго; поэтому для однихъ и тѣхъ же видовъ зоологи создали весьма обширную синониміку. Къ числу такихъ видовъ относится напримѣръ *Arvicola glareolus* Schreb.; она имѣетъ слѣдующіе синонимы: *Arvicola rutilus* var., *fulvus*, *rubidus*, *rufescens* или *riparia* и *pratensis*; точно также у *Arvicola arvalis* существуютъ слѣдующіе синонимы: *Arvicola fulvus*, *arenicola*, *rufescente-fuscus*, *rufo-fuscus* и пр. Такимъ образомъ названіе *Arvicola fulvus* Millet. относилось къ *Arvicola glareolus*, а Де-Селисъ (De Selys) разумѣлъ и описывалъ подъ тѣмъ же названіемъ другую, весьма обыкновенную полевку, *Arvicola arvalis*; слѣдовательно подъ однимъ и тѣмъ же

научнымъ терминомъ смѣшивались два весьма другъ отъ друга отличныя животныя, которыхъ Блазіусъ отнесъ даже къ двумъ отдѣльнымъ подородамъ. Тѣ же недоразумѣнія, съ тѣмъ же видомъ *Arvicola arvalis* произошли и въ Сибири; такъ въ сороковыхъ годахъ професоръ Казанскаго университета Эверсманъ описалъ полевку, водящуюся на Алтаѣ, подъ именемъ *Arvicola obscurus*; получивъ оригинальные экземпляры этого вида и сравнивъ ихъ съ типичными, я пришелъ къ заключенію, что представители новаго описаннаго Эверсманомъ вида принадлежать не иначе, какъ къ обыкновенной полевкѣ (*Arvicola arvalis*). Между тѣмъ ошибка Эверсмана ввела въ заблужденіе другихъ; да и трудно было иначе, при прежнихъ почти стереотипныхъ характеристикахъ видовъ, въ родѣ сдѣланной Эверсманомъ; напр.: «*Supra fusco-nigricans, subtus albidus, auriculis villosis vix vellere prominulis, cauda¹, corporis*». Подобнаго рода видовую характеристику можно отнести со всею справедливостью или же съ большими или меньшими натяжками къ массѣ видовъ полевокъ разныхъ странъ, кромѣ тѣхъ экземпляровъ полевокъ, которые были въ рукахъ Эверсмана. И дѣйствительно, вполнѣдствіи академикъ А. Θ. Миддендорфъ подъ названіемъ *Arvicola obscurus* описалъ совершенно особенный и характерный только для глубокаго сѣвера Сибири видъ полевки, который я представляю подъ именемъ *Arvicola Midden-dorffii*. Далѣе, извѣстный зоологъ и путешественникъ по Восточной Сибири, Г. И. Радде подъ именемъ *Arvicola arvalis* описалъ видъ полевки, водящейся въ Забайкальи; сравнивая этихъ полевокъ съ типичными экземплярами, я пришелъ къ заключенію, что г. Радде имѣлъ подъ руками не представителей обыкновенной полевки (*Arvicola arvalis*), а скорѣе родственниковъ этого рода грызуновъ, обитающихъ въ степяхъ Средней и Западной Азіи, именно полевки общественной (*Arvicola socialis Pall.*); этихъ полевокъ изъ Забайкалья я призналъ необходимыми отнести къ совершенно особому отъ нашей обыкновенной полевки виду, *Arvicola Raddei*. За тѣмъ я считаю излишнимъ продолжать здѣсь далѣе перечень тѣхъ промаховъ въ систематикѣ Сибирскихъ полевокъ, которые

проникли въ литературу. Одной изъ весьма важныхъ задачъ относительно полевокъ, водящихся въ Сибири, является еще одна, — именно опредѣлить съ большею или меньшею точностью тѣ виды, которые зналъ и описал Палласъ въ его зоографическихъ работахъ. Выполнить эту задачу въ большинствѣ случаевъ возможно только приблизительно и частію гадательно; труды Палласа, положившаго прочное основаніе къ познанію фауны Россійской имперіи, — были образцовыми для своего времени и во многихъ случаяхъ на всегда останутся знаменательнымъ памятникомъ трудолюбія и генія величайшаго изъ натуралистовъ, въ самомъ обширномъ смыслѣ слова, и путешественниковъ прошлаго столѣтія. По отношенію же къ полевамъ видовыя діагнозы Палласа, также какъ на примѣръ Линнеевскія, весьма общи, основаны всегда на внѣшнихъ признакахъ, общихъ весьма многимъ видамъ. При неполнотѣ описанія, при отсутствіи оригинальныхъ экземпляровъ, и приходится теперь только догадываться, что именно, какой видъ разумѣлъ Палласъ подъ тѣмъ или другимъ описаніемъ. Въ этомъ отношеніи наиболѣе цѣнными руководящими основаніями являются указанія Палласа на области распространенія описываемыхъ имъ видовъ, на нѣкоторыя черты изъ образа жизни бывшихъ въ его рукахъ мелкихъ грызуновъ и только частію приходится основываться на признакахъ сохранившихся экземпляровъ. Во всякомъ же случаѣ, діагнозы Палласа на столько мало опредѣленны, что вводили въ заблужденіе нѣкоторыхъ изъ весьма заслуженныхъ нашихъ зоологовъ. Такъ профессоръ Эверсманъ подъ именемъ установленнаго Палласомъ, весьма типичнаго вида «*Arvicola oecotomus*» разумѣлъ полевку, водящуюся на высотахъ Алтая и относящуюся къ совершенно особому, характерному для горныхъ высотъ виду, который я обозначилъ именемъ: *Arvicola Eversmannii*.

Я выставилъ на видъ нѣкоторыя неточности и неполноту прежнихъ натуралистовъ въ опредѣленіи и описаніи полевокъ со всѣмъ не съ тою цѣлью, чтобъ умалить заслуги этихъ труженниковъ науки, указавшихъ дорогу по изслѣдованію естествен-

ныхъ произведеній нашего отечества людямъ послѣдующихъ поколѣній. Въ число послѣдователей этихъ натуралистовъ я позволяю себѣ включить и самаго себя съ полнымъ сознаниемъ въ томъ, что и я, какъ всякій смертный, способенъ ошибаться. — Мнѣ предстоитъ задача — принять мѣры противъ этихъ возможныхъ ошибокъ; для этого я долженъ вооружиться всѣми мѣрами предосторожности, сообразно съ современно выработанными методами борьбы противъ заблужденій и личнаго произвола. — Принявъ въ этомъ отношеніи съ своей стороны всѣ мѣры, я не думаю однако же, чтобъ въ послѣдствіи, съ большимъ приращеніемъ матеріала, и нѣкоторыя мои опредѣленія не оказались противорѣчащими исторіи науки и дѣйствительности. Чтобъ дать возможность контроля надъ своими опредѣленіями и описаніями видовъ полевокъ будущимъ натуралистамъ, я указываю всегда на нумера тѣхъ экземпляровъ, которые были у меня въ рукахъ и которые значатся по спискамъ Зоологическаго Музея Академіи Наукъ; въ случаѣ же, если экземпляры были спиртовые, то ихъ можно розыскать по этикеткамъ, находящимся на банкахъ, съ указаніемъ мѣстъ находенія полевокъ.

За тѣмъ я считаю себя болѣе застрахованнымъ отъ болѣе или менѣе грубыхъ промаховъ въ опредѣленіи видовъ полевокъ и потому, что я руководился систематическимъ признакомъ, постоянство и относительная прочность котораго признаны въ недавнее время у полевокъ, живущихъ въ Европѣ. Это — коренные зубы, устройство и форму которыхъ прежніе натуралисты или не принимали во вниманіе при описаніи видовъ, какъ Палласъ и Эверсманъ, или же, какъ другіе, не наблюдали ихъ съ достаточною точностью. — Число всѣхъ зубовъ у полевокъ равняется 16-ти. Въ томъ числѣ у нихъ находится четыре рѣзца: два верхніе и два нижніе, какъ у всѣхъ грызуновъ, кромѣ зайца (*Lepus*) и пищухи (*Lagomys*), у которыхъ существуютъ зачатки добавочныхъ рѣзцовъ. Остальные 12 зубовъ у полевокъ исключительно коренные, изъ которыхъ 6 приходится на нижнюю и такое же число на верхнюю челюсть; въ свою очередь изъ шести

коренныхъ зубовъ три помѣщаются на одной сторонѣ челюсти, остальные на другой. — Всѣ коренные зубы съ боковъ кажутся состоящими изъ призмъ, стоящихъ болѣе или менѣе вертикально, сверху же зубы кончаются площадками или эмалевыми петлями, при чемъ ребра призмъ представляются въ видѣ зубцовъ, раздѣленныхъ другъ отъ друга впадинами. Число зубцовъ, впадинъ и эмалевыхъ петель всегда постоянно на переднемъ коренномъ зубѣ верхней челюсти; на немъ находится по три зубца съ внутренней и внѣшней стороны и по двѣ впадины между ними, на поверхности зуба — пять эмалевыхъ петель; за тѣмъ слѣдуетъ средній или второй въ верхней челюсти, на которомъ видно три зубца и двѣ впадины между ними съ внѣшней стороны и два зубца съ одной впадиной съ внутренней стороны; на поверхности зуба — четыре эмалевыхъ петли, за исключеніемъ европейскаго вида *Arvicola agrestis*, у котораго находится пятая петля. Къ числу также весьма постоянныхъ коренныхъ зубовъ относятся средній или второй и послѣдній или третій въ нижней челюсти. Средній зубъ нижней челюсти вполне сходствуетъ съ первымъ кореннымъ верхней, если только послѣдній взять въ обратномъ видѣ; — на немъ по три зубца и по двѣ впадины между ними и пять эмалевыхъ петель. На третьемъ или послѣднемъ коренномъ зубѣ нижней челюсти находится по три зубца и по двѣ впадины между ними; на поверхности зуба — три эмалевыхъ петли. — *Измѣнчивыми по виду, по количеству зубцовъ, впадинъ и эмалевыхъ петель являются передніе коренные зубы въ нижней челюсти и задніе коренные въ верхней.* Эти то зубы сообразно съ ихъ формой и служатъ самыми существенными систематическими признаками при описаніи и классификаціи полевокъ. Такъ у разныхъ видовъ полевокъ, разныхъ группъ ихъ, число зубцовъ съ внѣшней стороны *на переднемъ коренномъ зубѣ нижней челюсти* измѣняется отъ 3 до 5 и отъ 4 до 6 съ внутренней; количество эмалевыхъ петель на поверхности зуба колеблется между семью и девятью. Число зубцовъ *на заднемъ коренномъ зубѣ верхней челюсти* съ внѣшней стороны измѣняется у разныхъ видовъ отъ 3 до 4, съ числомъ впадинъ между ними

отъ 3 до 4; съ внутренней стороны число зубцовъ колеблется между 2 и 5, съ впадинами лежащими между ними, отъ 2 до 4. Количество площадокъ или эмалевыхъ петель на поверхности зуба доходить отъ 5 до 8. Передній коренной зубъ нижней челюсти и задній верхней у одного и того же вида довольно постоянны по своей формѣ, по числу зубцовъ и впадинъ между ними, а также по количеству эмалевыхъ петель, лежащихъ на поверхности зубовъ, — хотя изрѣдка случается, въ особенности на заднемъ коренномъ зубѣ то, что на немъ появляется едва замѣтно развитый лишній зубецъ; случается, что въ мелкихъ частностяхъ зубъ одной стороны не вполне сходствуетъ съ зубомъ другой стороны той же челюсти, одного и того-же экземпляра. Кромѣ этихъ мелкихъ особенностей бываютъ нѣкоторыя отклоненія въ самой формѣ эмалевыхъ петель у представителей одного и того же вида, но изъ разныхъ, болѣе или менѣе другъ отъ друга отдаленныхъ мѣстностей. Въ этомъ отношеніи, при опредѣленіи степени родства полевокъ, также при рѣшеніи вопроса, принадлежать ли полевки какой бы то ни было мѣстности къ новому виду или же составляютъ мѣстную разность какаго либо извѣстнаго, — форма зубовъ играетъ рѣшительное, первенствующее значеніе.

Всѣ другіе признаки, во внѣшнемъ видѣ полевокъ, крайне не опредѣленны и измѣнчивы у представителей одного и того же вида, живущихъ въ разныхъ географическихъ областяхъ. У всѣхъ полевокъ морда тупая, шея почти не замѣтна; уши округленныя, покрытыя рѣдкими волосами, особенно на заднемъ краю и почти скрытыя въ шерсти, одѣвающей болѣе или менѣе густо животное. Полевки — небольшой величины: обыкновенно общая длина ихъ простирается отъ 80 до 150 мм., рѣдко болѣе; но бываютъ и такія, какъ на примѣръ водяная полевка (*Arvicola amphibius*), которая иногда достигаетъ значительно большаго роста, чѣмъ домашняя крыса. Полевки имѣютъ короткій хвостъ, который изрѣдка равняется половинѣ длины туловища вмѣстѣ съ головой, обыкновенно же только $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{4}$ длины всего животнаго; хвостъ покрытъ рѣдкими или даже густыми

волосами. Въ этихъ именно признакахъ, въ короткихъ, едва выдающихся изъ шерсти ушахъ, на краяхъ волосистыхъ, въ короткомъ и волосистомъ хвостѣ заключается различіе полевокъ отъ полевыхъ и домашнихъ мышей, у которыхъ уши голыя, хвостъ длинный и также почти голый. Я не говорю уже объ отличіи полевокъ отъ мышей по ихъ зубной системѣ.—Между тѣмъ полевокъ въ обществѣ часто смѣшиваютъ съ мышами, понимая послѣднихъ въ тѣсномъ зоологическомъ смыслѣ слова, какъ представителей рода не полевокъ (*Arvicola*), а рода мышь (*Mus*). Смѣшеніе происходитъ преимущественно отъ почти одинаковой величины животныхъ, также отъ ихъ болѣе или менѣе сходнаго образа жизни, и ихъ цвѣта и шерстянаго покрова. Полевки отличаются въ общемъ ихъ видѣ болѣе толстымъ тѣломъ, короткими ногами, иногда покрытыми густыми волосами, — напримѣръ у красной полевки (*Arvicola rutilus* Pall.). — Многие виды полевокъ измѣнчивы и по цвѣту, сообразно съ географическими областями, гдѣ они распространяются. Обыкновенно полевки бываютъ покрыты мягкой, болѣе или менѣе густою и пушистою шерстью, при томъ живущія въ сѣверныхъ или холодныхъ областяхъ имѣютъ шерсть болѣе густую, длинную и мягкую, чѣмъ виды, водящіяся въ южныхъ странахъ. Цвѣтъ шерсти ихъ измѣняется отъ красноватаго и буроватаго до мышьянаго, сѣропепельнаго и темнаго; иногда же цвѣтъ шерсти бываетъ почти черный; по сильной измѣнчивости цвѣта шерсти въ особенности замѣчательна водяная полевка (*Arvicola amphibius*).

Если полевки не имѣютъ ничего выдающагося по своему вѣншему виду, будучи смѣшиваемы даже съ мышами, то съ другой стороны — по ихъ нравамъ, образу жизни и привычкамъ — онѣ являются замѣчательнѣйшими звѣрками, достойными полнаго вниманія со стороны человѣка. — Бобръ (*Castor fiber* L.) считается грызуномъ, наиболѣе выдающимся по его уму, по искусству, съ которымъ онъ возводитъ себѣ постройки среди рѣчныхъ или озерныхъ водъ; упрочилъ онъ себѣ извѣстность и своимъ мѣхомъ, прославившимся какъ матеріалъ для

одежды у народовъ Старога и Новаго Свѣта; и, можетъ быть, благодаря цѣнности своего мѣха, а еще болѣе значенію въ обществѣ бобровой струи, бобръ теперь почти исчезъ на громадныхъ пространствахъ европейско-азиатскаго материка, уцѣлѣвъ въ самыхъ неприступныхъ болотахъ, напримѣръ Полѣсья, или въ тѣхъ странахъ, гдѣ ему оказывается покровительство или гдѣ, какъ въ Сѣверной Америкѣ, онъ во многихъ случаяхъ находится въ полуприрученномъ часто состояніи, отличаясь умственными достоинствами, бросающимися въ глаза въ меньшей степени, чѣмъ то видно у собаки. — Полевки же, какъ мелкіе грызуны, не имѣютъ особенно замѣтнаго, непосредственнаго отношенія къ человѣку; но болѣе или менѣе косвенное ихъ значеніе для человѣка часто бываетъ громаднымъ. — Какъ бобръ является архитекторомъ около водъ, такъ и о полевкахъ можно сказать, что это — замѣчательнѣйшіе инженеры на сушѣ, среди тундръ, луговъ, степей и громадныхъ альпійскихъ горныхъ высотъ. Полевки столько же наземные, сколько и подземные работники и землекопы. — Людямъ, стоящимъ въ болѣе или менѣе близкихъ отношеніяхъ съ природой, должны быть хорошо извѣстны польза и вредъ полевокъ для человѣческихъ интересовъ. Польза полевокъ неоспорима для человѣка, живущаго въ странахъ не воздѣланныхъ, не культурныхъ, среди лѣсовъ, не вспаханныхъ луговыхъ пространствъ лѣсной полосы Сибири, ея также луговыхъ, покрытыхъ травою степей, — этихъ прерій Старога Свѣта. Вредъ же полевокъ очевиденъ всякому хозяину, ведущему хлѣбопашество, садоводство, огородничество, травосѣяніе и пр. — Подземныя работы полевокъ въ странахъ не воздѣланныхъ — это можно сказать — первобытная культура почвы, ея воздѣлываніе, разрыхленіе, — это работы полезныя. Но если полевки производятъ свои подземныя работы среди воздѣланныхъ уже человѣкомъ нивъ и луговъ, — тамъ онѣ являются страшными врагами сельскаго хозяйства. — По отношенію къ культурнымъ и некультурнымъ странамъ полевки — обоюдоострый ножъ; онѣ питаются растительными веществами, лукови-

цами и корнями разныхъ растений или растительными сѣменами. Въ странахъ не воздѣланныхъ онѣ собираютъ себѣ матеріалъ для пропитанія съ естественныхъ нивъ и луговъ; въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ человѣкъ воздѣлываетъ почву, засѣвая на ней дающія питательныя вещества растенія, онѣ конкурируютъ съ нимъ и часто, прежде чѣмъ человѣкъ приступитъ къ жатвѣ или сбору засѣянныхъ имъ продуктовъ, полевки снимаютъ лучшую жатву.

Въ почвѣ полевки устраиваютъ себѣ жилье, состоящее изъ болѣе или менѣе длинныхъ коридоровъ, ведущихъ въ округленныя камеры, служащая то мѣстомъ для отдыха и ночлега, то складочными магазинами для заготовляемой на зиму провизіи. Какъ въ устройствѣ жилища, такъ и въ способѣ приготовленія запасовъ поражаетъ у Сибирскихъ полевокъ столько же замѣчательное трудолюбіе, сколько искусство и предусмотрительность, — многія изъ тѣхъ качествъ, которыми мы удивляемся въ высокоцивилизованныхъ людяхъ. — Полевки въ разныхъ частяхъ Сибири устраиваютъ себѣ жилье отдѣльными семействами; если мѣстность изобилуетъ тѣми растеніями, корни которыхъ собираются въ запасъ на зиму, то она обыкновенно бываетъ усѣяна громаднымъ количествомъ поселеній полевокъ; жилье всякой семьи или парочки отстоитъ не на дальнемъ разстояніи отъ другаго и въ такомъ случаѣ, на пространствѣ нѣсколькихъ десятинъ, можно насчитать десятки или сотни отдѣльныхъ жилищъ, представляющихъ тогда благоустроенную колонію трудолюбивыхъ подземныхъ работниковъ. — Отдѣльное ли жилье полевокъ или ихъ колонію отыскать всегда легко по рыхлой почвѣ, которую онѣ вырываютъ изъ коридоровъ или норъ и камеръ; въ окрестностяхъ входовъ въ норы полевки прокладываютъ всегда замѣчательно чистыя дорожки — это корытообразныя впадины, значительно углубленныя въ землю; ширина ихъ какъ разъ соответствуетъ ширинѣ тѣла самихъ полевокъ, которыя и могутъ проходить вполне безпрепятственно по устраиваемымъ ими путямъ. Устройство дорогъ въ районѣ самаго жилья и частію въ его окрестностяхъ имѣетъ важное экономическое и стратегическое значеніе. Такъ какъ самое жилье

устраивается обыкновенно среди луговъ, лѣсовъ, гдѣ почва неровная, покрытая травой, кочками или камнями и сучьями, то чтобъ протащить какой нибудь корень, который часто равняется величинѣ самой полевки, конечно удобнѣе по хорошо устроенной дорогѣ, гдѣ нѣтъ никакихъ внѣшнихъ препятствій, ни сучка, ни травинки. Дороги важны еще и на случай опасности отъ врага; у полевокъ этихъ враговъ достаточно; за ними зорко слѣдятъ въ лѣсныхъ областяхъ совы, напр. сова лѣсная (*Surnia funerea* Lath.), также сарычи и луны (*Buteo*, *Circus*). Въ разныхъ мѣстахъ Восточной Сибири мнѣ часто приходилось, въ особенности по вечерамъ, передъ закатомъ солнца, охотиться на полевокъ одновременно съ этими пернатыми хищниками, отъ которыхъ трудолюбивые звѣрки опять таки легче могутъ спастись, благодаря своимъ корытообразнымъ, углубленнымъ въ землю, чистымъ дорожкамъ. Тѣ же дорожки облегчаютъ борьбу мирныхъ грызуновъ съ лисицами, горностаями и ласками; — эти три четвероногие хищника также весьма охочи до мяса полевокъ, трудящихся по обезпеченію своего существованія преимущественно ночью. Повидимому полевки болѣе всего безопасны отъ враговъ зимою; сдѣлавъ себѣ осенью запасы изъ различныхъ питательныхъ корней, онѣ спокойно проводятъ зиму въ обширныхъ подземныхъ сооруженіяхъ, удовлетворяя аппетитъ заранѣе собранными продуктами. Вѣроятно также, что онѣ не подвержены спячкѣ; по крайней мѣрѣ глубокою зимою ихъ можно встрѣчать бѣгающими въ юртахъ различныхъ Сибирскихъ инородцевъ, для которыхъ онѣ какъ бы замѣняютъ нашихъ домашнихъ мышей. Въ тоже время представители нѣкоторыхъ видовъ, живущіе среди травянистыхъ степей и луговъ, видимо бродятъ зимою и подъ снѣгомъ; для этого они устраиваютъ галереи на поверхности почвы. Прокладывая дорожки, они сгибаютъ сводообразно съ обѣихъ сторонъ находящуюся траву; такія сооруженія они производятъ по разнымъ направленіямъ отъ своего жилья; эти сооруженія играютъ роль совершенныхъ тоннелей; снѣгъ, выпадая большими или меньшими массами, не нарушаетъ формы этихъ сводообразныхъ галерей и

полевки свободно и безопасно гуляютъ подъ снѣгомъ. Въ 1877 году, въ Омскѣ, И. Я. Словцовъ рассказывалъ мнѣ, что весной въ окрестностяхъ города, когда снѣгъ уже исчезалъ, онъ часто среди травянистыхъ степей замѣчалъ подобнаго рода травяныя галереи и всегда становился въ недоумѣніе при мысли объ ихъ значеніи. Извнѣ нельзя было видѣть около этихъ галерей никакой жизни, никакого движенія; и г. Словцовъ только случайно узналъ источникъ, изъ котораго возникло явленіе, такъ долго остававшееся для него загадкой. — Однажды онъ поджегъ эти, состоящія изъ сухой весенней травы галереи, — и съ этимъ обнаружилось около нихъ движеніе. Полевки въ большомъ количествѣ высыпали изъ подземелья на дневную поверхность, въ тревогѣ и суетѣ, — чѣмъ и дали случай къ разгадкѣ значенія галерей. Изловленные здѣсь полевки оказались весьма близко подходящими къ обыкновенной полевкѣ (*Arvicola arvalis*), съ нѣкоторыми небольшими отъ нея отклоненіями, почему я и обозначилъ этихъ полевокъ какъ разность — *Arvicola arvalis*, var. *Slowzowii*. Значеніе травяныхъ галерей для безопасности полевокъ весьма понятно; онѣ столько же полезны для мелкихъ, изобрѣтательныхъ четвероногихъ архитекторовъ зимой подъ снѣгомъ, сколько и весной, когда галереи дѣлаютъ полевокъ недоступными различнымъ четвероногимъ и въ особенности пернатымъ хищникамъ, изъ которыхъ послѣдніе, въ періодъ перелета, должны быть весьма многочисленны; лѣтомъ же укрыться отъ нихъ легче, подъ защитою свѣжей, молодой травы.

Теперь я остановлюсь на опредѣленіи взаимныхъ отношеній между полевками и человѣкомъ, выставивъ прежде всего на видъ, какъ *Homo sapiens* эксплуатируетъ трудъ не менѣе мудрыхъ представителей рода *Arvicola*. Начну съ Камчатки, гдѣ мѣстная полевка-экономка (*Arvicola kamtschatica* m.) является рѣшительною благодѣтельницей для мѣстныхъ жителей; о Камчатскихъ полевкахъ-экономкахъ Эрманъ говоритъ, что эти прилежныя животныя по справедливости названы у мѣстныхъ крестьянъ «Камчатскими землевладѣльцами» (*Kamtschatische Grundbesitzer*). (Er-

man's Reise um die Erde, В. III, р. 257). По словамъ Эрмана, Камчатская полевка-экономка устраиваетъ вокругъ камеры, служащей для зимняго жилья и уложенной тщательно травкою, отъ 5 до 6 другихъ камеръ, обыкновенно наполняемыхъ луковичами *сараны* (*Fritillaria*), корнями гречишниковъ (*Polygonum*), въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ корнями кемчиги (*Polygonum viviparum?*), называемой въ другихъ мѣстахъ Сибири мыкыромъ или мякиромъ. Всѣ эти запасы на зиму содержатся удивительно чисто и сухо, разсортированы по видамъ; только къ нимъ умышленно бываютъ примѣшаны корни ядовитаго волкобоя (*Aconitum kamtschaticum*). Эрманъ, описывая способъ собиранія камчадалами запасовъ, сдѣланныхъ полевыми, говоритъ, что трехъ такихъ жилищъ полевокъ достаточно, чтобъ вынуть изъ нихъ и наполнить питательными кореньями мѣшокъ, составляющій полный грузъ для человѣка (Reise um die Erde, III, р. 257). Камчадалы изъ магазиновъ полевокъ собираютъ для себя запасы пищи на цѣлую зиму. Палласъ, указывая на Сибирскую полевку-экономку, говоритъ: «Трудно понять, какъ пара этихъ крошечныхъ звѣрковъ можетъ вырыть и натаскать такое множество крѣпко вросшихъ корней. Изъ одной кладовой добываютъ отъ 8 до 10 фунтовъ, а такихъ кладовыхъ бываетъ по 3 и по 4 при каждомъ гнѣздѣ. Не рѣдко эти мыши приносятъ себѣ провизию очень издалека». — Значеніе полевокъ и ихъ запасовъ для жителей Забайкальскаго края, въ особенности монголо-бурятъ, описываетъ извѣстный мисіонеръ, знатокъ монгольскаго языка, близко изучившій бытъ инородцевъ, протоіерей К. Стуковъ. — «Монголо-буряты, говоритъ онъ, собираютъ весною и осенью значительное количество луковичъ цвѣтка *сараны* (*Lilium spectabile*), которымъ усыпаны братскія-степи, и варятъ эти луковичы въ молокѣ. Блюдо очень не дурное.

«Къ сожалѣнію, при этомъ удовлетвореніи прихоти богачей (и подъ часъ нужды бѣдняковъ), двуногіе старшіе братья, по выраженію ламъ, не рѣдко грабятъ четвероногихъ своихъ братьевъ. Случалось-ли вамъ, просвѣщенный читатель, кое-что слышать про Забайкальскій *урганъ*? Видите: на братскихъ степяхъ кочуетъ вмѣ-

стѣ съ монголо-бурятами безчисленное множество черноватыхъ и свѣтло-сѣроватыхъ мышей (по Палласу *Mus oesonopus* et *Mus socialis*), мышей, которыя съ первыхъ чиселъ августа каждаго года начинаютъ запасать для себя и для своихъ семействъ провизію на зимнее время. При этой страдѣ мышинныя порядки чуть-ли не лучше порядка Забайкальскихъ *православныхъ* крестьянъ, въ свою очередь заготавливающихъ для себя продовольствіе на зиму. Сперва эти подземные обитатели раздѣляются на общины, приурочивающія себѣ извѣстныя пространства земли, а общины въ свою очередь разбиваются на семейства, особи по двѣ, по четыре и вырываютъ для своего помѣщенія и для склада провизіи отъ трехъ до шести пещерокъ. Сохрани Богъ, чтобы, отдавая предпочтеніе мышамъ передъ *православными* крестьянами относительно порядка заготовленія съѣстныхъ припасовъ, я позволилъ себѣ глумиться надъ православнымъ людомъ, — нѣтъ, я хочу только этимъ выразить свое удивленіе относительно инстинкта мышей малютокъ и сожалѣніе о «живетѣ» дюжого и подчасъ смышленнаго Сибирскаго крестьянина. Такъ Забайкальскій крестьянинъ, *православный*, убирающій хлѣбъ съ поля или сѣно съ сѣнокосной дачи, пока раза два-три не опрокинетъ своего воза, во время проѣзда по ямамъ и ухабамъ, пока раза два-три не увязитъ своей лошади между кочками, православный (смѣло держите пари) не скопаетъ бугорка, не закидаетъ ухаба и не сдѣлаетъ насыпи на тропѣ, ведущей его на торную дорогу; — мало: при взглядѣ на работу *раскольника*, выравнивающаго между полями, нашъ *православный* «живетъ», яко двойникъ монгольскаго «дзоке», пожалуй еще скажетъ свое любимое: вотъ нечего-то дѣлать! или-же: тотъ тужи, у кого ременные гужи, а наше лыко да мачало, туда-же помчало. А *Mus oesonopus* et *Mus socialis* прежде, чѣмъ принятыя за рытье кореньевъ, осматривать плантаціи и, безо всякаго наряда со стороны своего начальства, подѣлаютъ отъ нихъ мышинныя дорожки къ складочному пункту. Это—фактъ, который вы во всякое время года можете проверить, ѣдучи по братской степи. Далѣе: въ амбарѣ у

Забайкальскаго крестьянина, православнаго, — прости Господи, — чертъ переломить ногу (столько въ немъ сору и всякаго хламу); а *Mus oeconomicus* et *Mus socialis* въ такой чистотѣ содержатъ свои кладовыя, что даже и старообрядцы, завзятые любители чистоты, удивляются щепетному уборству мышей экономовъ. И это еще не все: самая провизія мышей такъ мастерски рассортирована и такъ симметрически раскладена по магазинамъ, что сортировка и симетрія сдѣлали-бы честь любому сортовому комисариатской комисіи и любому вахтеру провіантскихъ магазинововъ. Не угодно-ли при случаѣ заглянуть въ эти мышьиные магазины? — Въ отдѣльныхъ каморахъ вы увидите, въ родѣ миниатюрныхъ полѣненокъ, пшеничные, ржаные и ячменные колоски, очищенные отъ оси — и гдѣ-же? — на мѣстѣ плантаціи; въ отдѣльныхъ каморахъ вы увидите коренья: шидуна (обыкновенная *Sanguisorba officinalis*), макира (*Polygonum viviparum*) и какой-то одуряющей моркови *Carlina acaulis*. Межъ этой провизіей первое мѣсто занимаютъ огромные склады луковицъ сараны (*Lilium Spectabile*), а послѣднее — чеснокъ (*Allium tenuissimum*). Не знаю, къ чему это отнести — къ алчности-ли затворниковъ или къ предусмотрительности самой природы, только подземные запасы нашихъ малютокъ почти всегда не помѣрно велики. Такъ наприимѣръ, во время пятилѣтнихъ моихъ наблюдений надъ житьемъ-бытьемъ мышей, не разъ случалось вынимать около трехъ пудовъ провизіи, заготовленной только на парочку мышей, а однажды довелось наткнуться на магазины, въ которыхъ оказалось 6 пудовъ 32 фунта хлѣбныхъ колосевъ, сараны и корней, запасенныхъ на зиму четырьмя подземными отшельниками. Такіе запасы — настоящій кладъ какъ для русскихъ, такъ и для монголо-бурятскихъ тунеядцевъ, — не правда-ли? Да! А между тѣмъ стоитъ еще замѣтить, что подобныхъ магазинововъ на братскихъ степяхъ, по удостовѣренію самихъ монголо-бурятъ, не менѣе миллиона.»

«Но отложимъ до поры до времени описаніе подземно-животнаго царства на братскихъ степяхъ: вѣдь мы, нечего грѣха

тять, — и людей-то, кочующихъ по этимъ степямъ, еще очень плохо знаемъ, хотя и имѣемъ честь называться членами Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Къ тому-же у насъ идетъ теперь рѣчь не о продовольствіи мышей *Mus oesopus* et *Mus socialis*, которыя живутъ себѣ безъ всякихъ провіантскихъ комиссій и даже безъ контроля, а о пищѣ монголо-бурятъ, владѣющихъ не только стяжаніемъ, но и жизнію своихъ миниатюрныхъ оброчниковъ, на основаніи чингисхановскаго вотчиннаго и крѣпостнаго права.»

«И такъ: съ пятнадцатыхъ чиселъ первой осенней луны, когда монголо-буряты начинаютъ остепеняться (они, какъ извѣстно, *сидятъ* араку и пьянствуютъ цѣлое лѣто), первая мысль, которая приходитъ имъ въ голову, это — осенняя перекочевка, а вторая заготовленіе продовольствія на зиму, или точнѣе, подспорья арсѣ. И вотъ старъ и малъ пускаются на охоту, извѣстную у Забайкальскихъ русскихъ подъ техническимъ названіемъ *урганачитъ*. Урганаченье это истинное нашествіе на Русь извѣстнаго Батухана съ татарскою ордою, когда не было ни плѣна, ни военныхъ судовъ, ни висѣлицъ, ни контрибуцій, а на каждомъ шагу представлялись ужасы безопадной смерти, грабежа и разрушенія. Тщетно ламы возстаютъ противъ этого варварскаго похода своихъ прихожанъ, открыто нарушающихъ одно изъ основныхъ положеній буддѣйской вѣры: послѣдніе, строго держась своихъ исконныхъ національныхъ порядковъ, и думать не хотятъ ни о татарски-грубыхъ, ни о елейно-умаслительныхъ проповѣдяхъ достопочтенныхъ ламъ.» Хотя буряты и считаютъ законнымъ свой промыселъ за запасами полевокъ, такъ какъ «онѣ живутъ» на ихъ землѣ, однакоже ламы, по словамъ о. Стукова, читаютъ своимъ прихожанамъ нотации въ родѣ слѣдующей: — «По дѣломъ вамъ, если вы иногда и голодуете по недѣлѣ! по дѣломъ потому, что не хотите поучиться у мышей — какъ добрыя существа запасаются на зиму продовольствіемъ. У васъ только и рѣчей: ахъ все засохло! ахъ мы умремъ съ голоду! А мышь... да ей и дѣла до того нѣтъ, засохло-ли все или нѣтъ... мышь роетъ себѣ зем-

лю да потаскиваетъ корешки. Посмотришь осенью: у тебя ничего нѣтъ, а у нея цѣлые вороха съѣстныхъ припасовъ.» (К. Стуковъ, О пищѣ монголо-бурятъ буддистовъ, Записки Сибир. Отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общ. кн. VIII, стр. 151 — 155).

Къ этимъ словамъ почтеннаго мисіонера я долженъ по личному опыту прибавить слѣдующее: кромѣ упомянутыхъ растений, полевки собираютъ корни кипрея (*Epilobium angustifolium*), какъ это наблюдалъ я на Витимскомъ плоскогоріи. По рѣкѣ Аргуни, на лугахъ, не далеко отъ жилья, гдѣ травы выбиты скотомъ, растетъ только одинъ могучникъ (*Potentilla anserina*); въ такихъ мѣстахъ его корневища и служатъ матеріаломъ для составленія зимнихъ запасовъ полевокъ; эти корневища или такъ называемая *чигина*, или *ыджигина*, считаются также съѣдомыми и употребляются въ пищу людьми. Вообще характеръ зимнихъ запасовъ полевокъ зависитъ вполне отъ характера мѣстности, среди которой онѣ поселяются; при томъ онѣ изъ году въ годъ измѣняется, сообразно съ урожаями или не урожаями любимыхъ полевокъ корней. Въ при-Аргунѣ въ мѣстахъ, удаленныхъ отъ жилья, любимымъ матеріаломъ для запасовъ служатъ полевокъ *сарана* (*Lilium tenuifolium*); съ урожаемъ сараны, запасы полевокъ состоятъ почти исключительно изъ нее, при не урожаяхъ, къ саранѣ примѣшиваются другіе корни, часто для людей не съѣдомые. Въ годы неурожайные самые запасы меньше; въ урожайные обратно, — вмѣсто одного *урана* или запаснаго магазина, бываетъ два и рѣдко больше. Если гнѣздо и магазины полевокъ разорены окончательно, онѣ переходятъ на другое мѣсто, если-же жилье повреждено только частію, то ремонтируютъ его, вырывая новую камеру для запасовъ. При разореніи полевокъ нѣсколько разъ могутъ возобновлять заготовки, если еще не поздняя осень и нѣтъ морозовъ. Если же жилище разорено, запасы вынуты поздней осенью, и если нѣтъ никакихъ средствъ и полный недостатокъ времени для новыхъ заготовокъ, то по всеобщему повѣрью сибиряковъ, полевки будто-бы рѣшаются на самоубійство; такъ въ при-Аргунѣ я слышалъ, что буд-

то-бы разоренныя окончательно полевки выбираютъ около разрушеннаго жилья травинку или стебель съ развилиной на верху, взлѣзаютъ туда, вставляють голову въ развилину и такимъ образомъ, во избѣжаніе предчувствуемой голодной смерти, лишаются жизни самоповѣшеніемъ. По увѣренію о. Стукова, полевки, лишеныя запасовъ, въ самомъ дѣлѣ гибнутъ на братскихъ степяхъ десятками тысячъ отъ голоду и холоду. — Приписывая трудолюбивымъ грызунамъ, въ виду ихъ дѣйствительной предусмотрительности, человѣческое качество — способность къ самоубійству, народная молва предполагаетъ въ нихъ еще одну человѣческую слабость — нѣкоторую наклонность къ опьяняющимъ веществамъ, въ родѣ корней *Aconitum* и *Carlina acaulis*. — Определить съ точностью трудно, къ какимъ именно видамъ полевокъ относятся всѣ сдѣланныя наблюденія, — но въ большинствѣ случаевъ мнѣ кажется всѣми качествами трудолюбія и предусмотрительности въ Забайкальѣ отличаются не «*Mus oesonomus* et *Mus socialis*», а *Arvicola gregalis*, — одинъ изъ самыхъ малыхъ видовъ полевокъ.

О полевкахъ, водящихся въ области Саянскаго хребта Г. Н. Потанинъ сообщилъ мнѣ слѣдующую выписку изъ своего дневника: — «По долину Оджигень-гола встрѣчалось много монгольскихъ юртъ; подлѣ юртъ на разостланныхъ войлокахъ сушился *мякиръ* т. е. корни растенія *Polygonum viviparum* L. Корни эти обыкновенно выкапываются изъ норъ одной полевки, которая ихъ запасаетъ на зиму; они складываются полевками въ особыя вмѣстелища подъ землю, устроенныя на глубинѣ не болѣе, какъ на четверть отъ земной поверхности; въ половинѣ сентября монголы отправляются на поиски, съ палкой въ рукѣ и по стуку ея объ землю узнають о присутствіи пустоты, наполненной мякиромъ. Изъ одной норы вынимають около 3 шапокъ или 20 фунтовъ; каждое семейство монголовъ запасаетъ себѣ на зиму пуда полтора и болѣе этого корня. Это служитъ хорошимъ подспорьемъ къ пищѣ здѣшнимъ жителямъ, которые не могутъ заниматься

хлѣбопашествомъ, потому что занимаемыя ими земли лежать на значительной абсолютной высотѣ.»

— «По караульной линіи отъ южнаго конца Косокола до Шибира все населеніе добываетъ мякирь изъ мышинныхъ норъ; мякирь встрѣчается безъ примѣси, а изрѣдка съ примѣсью какого-то другаго горькаго корешка. Не попадаетъ вмѣстѣ съ мякиромъ и сарана, хотя она на южномъ склонѣ Танну-олы встрѣчается; не дѣлаютъ запасовъ сараны и сами монголы, зная ее; бывший-же съ нами вожакъ даже копалъ ее. — Можетъ быть сарану запасаетъ другая полевка или это растеніе не растетъ на южномъ склонѣ Танну-олы, на тѣхъ высотахъ, гдѣ живетъ полевка, или-же наконецъ, можетъ быть, полевка дѣлаетъ запасъ сараны въ другое время. На Терь-норѣ, изъ котораго вытекаетъ Хуакемъ, на сѣверномъ склонѣ Танну-олы, урянхайцы дѣлаютъ запасы и мякира и сараны. Въ Хангаѣ, къ в. отъ Уляс-сутая, также дѣлаются запасы мякира. Но въ Алтаѣ, въ Кобдинскомъ округѣ и восточнѣе, *Polygonum viviparum* извѣстенъ подъ именемъ ургена, корень-же его копаютъ только ламы, какъ лекарственный».

— «Монголы кладутъ мякирь въ супъ съ бараниной въ видѣ приправы, а также дѣлаютъ изъ него густое тѣсто, съ масломъ или саломъ. Сырой мякирь напоминаетъ вкусомъ лещинный орѣхъ, съ примѣсью особаго аромата; вареный же напоминаетъ картофель съ каштаномъ. — На караульной линіи мякирная полевка во множествѣ попадалась на южномъ берегу Косокола, на высотѣ 5320 фут. надъ ур. м., — на перевалѣ Их-Хайдзынъ, въ вершинахъ Шибира — на высотѣ 7740 фут.; къ западу отсюда на Тесѣ, на высотѣ 4600 футовъ ея уже нѣтъ, или же можетъ быть только то, что мы не встрѣтили ея запасовъ.— Урянхайцы на Терь-норѣ говорили намъ, что они добываютъ изъ норъ полевокъ одинъ только мякирь, сарану же роютъ сами.» Къ сожалѣнію ни одного экземпляра этого интереснаго, альпійскаго вида мякирной полевки не было у меня въ рукахъ.

Укажу еще на одинъ примѣръ, когда полевки могутъ быть

полезны и въ Европѣ, хотя и въ исключительныхъ случаяхъ; можно сказать, что и онѣ оказали услуги нашему отечеству во время минувшей войны съ Турціей. Генераль-лейтенантъ И. А. Андріановъ, командовавшій казачьей бригадой въ Добруджѣ, сообщилъ мнѣ свои записки, веденныя во время войны, въ рукописи, подъ заглавіемъ «Мирные эпизоды изъ военной жизни войскъ корпуса генераль-лейтенанта Циммермана.» Изъ записки видно, что со вступленіемъ русскихъ войскъ въ Добруджу, большая часть мусульманскаго населенія удалилась на югъ, оставивъ свои жилища, засѣяныя нивы и огороды. Въ послѣдствіи было дано позволеніе на этихъ покинутыхъ пепелищахъ поселиться татарамъ, пришедшимъ изъ другихъ мѣстъ; касательно этихъ новыхъ поселенцевъ въ запискѣ говорится: — «На вновь занятыхъ мѣстахъ они, татары, нашли роскошные урожаи хлѣбовъ, также уже созрѣвшіе огородные овощи и баштаны съ арбузами и дынями. Хлѣбъ стоялъ бодро, не помятымъ; золотистые, тяжелые колосья его сами, такъ сказать, лезли въ глаза и требовали только рукъ для уборки. Отъ скопленія народа рукъ было достаточно, а также и рабочаго скота, котораго русскія войска не трогали: оставалось только, съ упованіемъ на миролюбіе русскихъ войскъ, приняться за сборъ готоваго хлѣба, и татары не замедлили къ нему приступить, со свойственнымъ имъ трудолюбіемъ и умѣньемъ; спорная ихъ работа закипѣла на необъятномъ пространствѣ: чужой хлѣбъ собирали они по обѣимъ сторонамъ нашей аванпостной дѣли и далѣе, къ югу внутрь страны. Работу свою они не прекращали и при слѣдованіи чрезъ ихъ поля нашихъ колонъ для набѣговъ; тяжелые ихъ возы часто втягивались въ рамки подвижныхъ патрульныхъ звеньевъ, колонны окружавшихъ.»

«На этомъ роскошномъ сельско-хозяйственномъ пирѣ, устроенномъ небомъ, не были забыты старые и слабые, и поздно, послѣ уборки хлѣбовъ, прибывшіе татары: какой-то ночной звѣрекъ, во множествѣ расплодившійся въ этихъ мѣстахъ и названіе котораго я не знаю, явился даровымъ работникомъ для нуждающихся въ помощи: съ полегшихъ уже стеблей на необрунанныхъ

поляхъ срывалъ онѣ лучшіе колосья и складывалъ въ кучи для зимняго своего обихода, очищая отъ ости и прикрывая ихъ землей. Эти кучи были такъ велики, что намочачивалось съ каждой почти до полумѣрки зерна; при этомъ эти кучи въ такомъ огромномъ количествѣ раскиданы были по полямъ и пашнямъ, что не только нуждающіеся татары, но и 4 казачьихъ полка непрерывно собирали ихъ въ мѣшки; сборъ этотъ дѣлалъ съ одинаковымъ успѣхомъ, въ разныхъ мѣстахъ, изо дня въ день. Казачьи бивуаки превратились положительно въ тока, на которыхъ сотни рукъ вымочачивали ячмень, — главный хлѣбный посѣвъ татаръ; такое насиліе надъ маленькимъ труженникомъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока хлѣбъ не проросъ, накрытый землей.» — Хотя изъ разсказа И. А. Андріянова и видно, что этотъ маленькій, таинственный и трудолюбивый работникъ относился къ роду полевокъ (*Arvicola*), но къ какому виду — это остается вопросомъ.

Трудолюбіе полевокъ бываетъ однако иногда и страшно и убыточно для человѣка, въ особенности тогда, когда полевки производятъ свои работы среди пашень мирнаго населенія. Бывали примѣры, по словамъ Блазіуса (*Säugethiere*, p. 386), что обыкновенная полевка истребляла на огромныхъ пространствахъ почти всю жатву, портила тысячи десятинъ молодаго буковаго лѣса, обдирая кору съ деревьевъ. Появляясь иногда громадными массами, полевки приносятъ истинное бѣдствіе, изрывая пашни, истребляя посѣвы; благодаря ихъ работѣ, приходилось переплывать въ Германіи болѣе десятка тысячъ акровъ земли, что обходилось отъ 20 до 30 тысячъ талеровъ; въ нѣкоторые года, въ самое короткое время, полевки ловились въ мѣстахъ ихъ появленія сотнями тысячъ или даже миліонами. У насъ вредъ полевокъ хорошо извѣстенъ по бѣдствіямъ, причиненнымъ ими въ Закавказскомъ краѣ, гдѣ онѣ появлялись громадными массами во второй половинѣ семидесятыхъ годахъ. Появленіе ихъ было какъ бы внезапное, онѣ шли массами въ томъ или другомъ направленіи, даже переплывая рѣки, на примѣръ, по свидѣтельству К. О. Кесслера, Куру. Какъ извѣстно, полевки на Кавказѣ были не разъ,

за послѣднее время, причиною повторявшихся тамъ голодовокъ; можетъ быть причиняемый ими вредъ полямъ и нивамъ только въ малой степени уступаетъ вреду, приносимому саранчей. Полевки, причиняющія иногда голодовки на Кавказѣ, какъ уже раньше указалъ К. Э. Кесслеръ, относятся къ виду *Arvicola socialis Pall.* Въ половинѣ сентября, 1879 года, я самъ наблюдалъ ихъ на юго-западномъ берегу озера Гокчи; бывшіе со мной гребцы молokane жаловались, что полевки и за всѣ послѣдніе года причиняли вредъ пашнямъ, въ чемъ, во время ожиданія «у моря погоды», я и самъ убѣдился. Вулканическая, трахитовая почва, — эти древніе мощные потоки лавы кажутся часто какъ бы недавно изверженными. Сверхъ сплошныхъ трахитовыхъ массъ разбросано громадное количество осколковъ и глыбъ трахита; во многихъ мѣстахъ трахитъ является въ видѣ голыхъ скалъ, въ другихъ же, именно въ лощинахъ и на пологихъ скатахъ, онъ покрытъ нетолстымъ слоемъ чернозема. Эти то мѣстности и избираетъ человѣкъ для пашень и на нихъ же селится общественная полевка (*Arvicola socialis Pall.*); и она не любитъ твердой, недоступной ей когтямъ и зубамъ почвы для устройства своихъ подземныхъ сооружений, какъ и землешапель для пашни. И вотъ на этомъ основаніи является здѣсь борьба человѣка съ полевкой. Среди клочковъ земли, вспаханной подъ пашню, селится и полевка; тамъ гдѣ взошли лучшіе всходы хлѣба, значитъ почва здѣсь тучнѣе и мягче, — это выгодноѣе для полевки и она подрываетъ здѣсь всходы, прокладывая галереи въ подземельѣ и дорожки на поверхности пашни. Въ особенности она любитъ устраивать свои ходы около камней. Настойчивость и трудолюбіе полевокъ извѣстны; если пахарь весной, съ помощію своей сохи, вспахалъ землю и разрушилъ частію ихъ сооруженія, то онѣ снова ихъ ремонтируютъ, въ ущербъ урожаю. Должно быть подземныя сооруженія полевокъ весьма обширны: на томъ же берегу Гокчи, около бухты, гдѣ стояла лодка, я замѣтилъ на лужайкѣ; на небольшомъ пространствѣ, болѣе десятка норъ, притомъ у входовъ въ нѣкоторыя были ясныя слѣды пребыванія полевокъ. Дабы

вызвать ихъ на дневной свѣтъ, я долженъ былъ вылить въ норы болѣе пятнадцати ведеръ воды; вода, вылитая въ одинъ входъ, показывалась иногда въ другомъ, пройдя по подземелью, а полевокъ все не было и только наконецъ, послѣ весьма продолжительной работы, намъ удалось изъ этихъ норъ вызвать двухъ маленькихъ грызуновъ, которые и были, вѣроятно, единственными обитателями въ этомъ обширномъ подземномъ лабиринтѣ. Вскорѣ, впрочемъ, оказалось, что полевокъ можно ловить въ изобиліи и съ меньшими трудностями; именно, одинъ изъ моихъ гребцовъ отвортилъ однажды случайно большой камень съ его мѣста и подъ нимъ оказалось около десятка общественныхъ полевокъ; повторяя это сворачиваніе камней, мы убѣдились затѣмъ въ томъ, что мелкіе грызуны, такъ вредящіе хлѣбамъ, не всѣ еще устроили постоянное жилище. Очень можетъ быть, что полевки, скрывавшіяся подъ камнями, были молодыми экземплярами и не успѣли еще устроить себѣ жилищъ, — и холодъ и вьюги, часто снѣговья на окрестныхъ горахъ, загнали ихъ подъ камни. И если онѣ проведутъ зиму благополучно, то, конечно, весной онѣ явятся новыми и страшными конкурентами съ земледѣльцами по обработкѣ почвы. И такъ, если представить себѣ, что эти громады полевокъ, кромѣ вреда почвѣ, наносятъ еще прямой ущербъ посѣвамъ, собирая съ нихъ себѣ пропитаніе, подѣкая хлѣбъ и пользуясь его колосьями, если при прожорливости животнаго, для пропитанія котораго необходимо по крайней мѣрѣ пять фунтовъ зерна, оно можетъ появиться милліонами на нивахъ поселянъ, — то тогда можно оцѣнить ихъ вредъ, какъ бѣдствіе для земледѣльческаго края. Выраженіе: «мышь хлѣбъ ѣсть!» — по всей Россіи и Сибири произносится съ одинаковымъ ужасомъ и сожалѣніемъ. Если полевки не дѣлаютъ себѣ запасовъ на зиму среди нивъ, то онѣ часто въ огромномъ количествѣ собираются около скирдъ и уничтожаютъ здѣсь готовый запасъ. Когда мнѣ случалось, во время лѣтнихъ экскурсій, наводить справки у крестьянъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи и Сибири о мышахъ, то я часто слыхалъ отвѣтъ: — «О, теперъ какія мыши, а вотъ бы вы приѣхали, когда

мы хлѣбъ убираемъ, осенью, а въ весной изъ скирдъ, вотъ тогда бы этого гнуса сколько хошь!». Даже сибирскія полевки, напримеръ забайкальскія, бываютъ опасны, когда онѣ переносятъ свою дѣятельность изъ степей на хлѣбныя поля. Покрайней мѣрѣ я помню слѣдующій фактъ изъ времени своей юности, когда, въ періодъ жатвы хлѣба, мнѣ приходилось *ураначитъ* на пашнѣ отца; часто съ пространства одной десятины мнѣ удавалось собирать тогда нѣсколько пудовъ колосьевъ, которые обыкновенно лежали въ разныхъ мѣстахъ, среди нивы, въ подземныхъ магазинахъ. Порядокъ и чистота, въ которой эти запасы были уложены, дѣйствительно, замѣчательны; если бы подобные запасы остались неразысканными, то хозяинъ пашни собралъ бы на пятую долю до десятой урожая меньше.

Полевки, отличаясь замѣчательнымъ трудолюбіемъ и предусмотрительностью, являются въ тоже время образцовыми представителями семейныхъ началъ. Онѣ плодятся, какъ это извѣстно для европейскихъ полевокъ, отъ 3 до 4 разъ въ году, при чемъ за каждый разъ появляется у нихъ отъ 4 до 7 дѣтенышей. Есть виды, у которыхъ, «въ мягкихъ гнѣздахъ, разъ по шести въ годъ» находили отъ 3 до 5 дѣтенышей. При болѣе или менѣе благоприятныхъ пищевыхъ условіяхъ населеніе полевокъ можетъ возрасти въ громадной геометрической прогрессіи, а за тѣмъ съ менѣе благоприятными условіями, это населеніе должно искать себѣ пропитанія за предѣлами той области, гдѣ оно размножилось. Такимъ образомъ являются переселенія полевокъ, ихъ странствованія по разнымъ направленіямъ, черезъ рѣки и озера. Эти мелкіе странники, можетъ быть, преимущественно молодые, какъ это слѣдуетъ думать изъ наблюденій Блазиуса надъ обыкновенной полевкой, могутъ на чужбинѣ подвергнуться лишеніямъ, неудобствамъ, а въ слѣдствіе этого и болѣзнямъ, заразѣ, — почему онѣ и должны погибнуть; Блазиусъ допускаетъ даже, что онѣ могутъ поѣдать другъ друга (Säugethiere, p. 385). Можетъ быть даже, частію хотя, полевки выселяются часто съ ихъ родины, въ силу эпидемій, нападенія на нихъ паразитовъ, какъ объ этомъ гово-

риль В. Е. Яковлевъ касательно *Arvicola amphibius*. Извѣстно также много примѣровъ переселеній, кромѣ полевки общественной (*Arvicola socialis*) и экономки (*Arvicola oeconomus*), у камчатской экономки (*Arvicola kamtschatica*). О послѣдней камчадалы думаютъ даже, что она во время переселеній не только переплываетъ рѣки, но даже моря, въ томъ числѣ мировое море, причемъ будто бы пользуется раковинами моллюсковъ, какъ кораблями. Последнее повѣрье камчадаловъ ушло однако же весьма далеко за предѣлы возможнаго. Какъ бы однако ни были значительны иногда переселенія полевокъ, — въ общей сложности эти переселенія не выходятъ за границы тѣхъ или другихъ географическихъ областей. Въ примѣръ можно поставить близкаго къ полевокѣ лемминга или норвежскую пеструшку (*Myodes norvegicus*), славящагося своими переселеніями, слухи о которыхъ, при томъ, во многихъ случаяхъ нужно считать преувеличенными. Во всякомъ же случаѣ леммингъ, при его переселеніяхъ, не выходитъ изъ предѣловъ сѣвера Скандинавскаго полуострова и Лапландіи; онъ, по видимому, не встрѣчается къ востоку отъ Бѣлаго моря. Точно также, вѣроятно, и полевки, если и совершаютъ переселенія, то только въ тѣсномъ смыслѣ слова, — въ районахъ, ограниченныхъ физико-географическими условіями областей.

Дѣйствительно, виды полевокъ, водящихся въ Сибири, весьма строго, по ихъ распространенію, распредѣляются по географическимъ областямъ, характеризую ихъ такъ-же, какъ песецъ — глѣбкій сѣверъ, джигетай — югъ Забайкалья, енотовая собака — Амуръ, бараны: камчатскій (*Ovis nivicola*) — Камчатку, алтайскій (*Ovis argali*) — Алтай и пр. Всякая изъ этихъ областей, характеризующаяся тѣми или другими млекопитающими, только ей свойственными по сравненію съ другими сибирскими, — имѣетъ и свои виды полевокъ, по распредѣленію которыхъ Сибирь можетъ быть раздѣлена на слѣдующія части.

I. Область глубокаго Сѣвера, Таймурскій полуостровъ.

Этой области, въ которой распространены песецъ, пеструшка обская (*Myodes obensis*), мышь съ копытцами (*Borioikon torquatus*), свойственно два вида полевокъ:

1. *Arvicola Middendorffii* n. sp.
2.   »   *Nordenskiöldii* n. sp.

II. Камчатка.

Въ этой странѣ камчатскаго барана, того самаго, который распространенъ вѣроятно и въ Америкѣ, также камчатскаго байбака, встрѣчаются:

1. *Arvicola kamtschatica* n. sp.
2.   »   *Wosnessenskii* n. sp.

III. Амуръ.

Въ Амурской области, тамъ, гдѣ тигръ охотится на сѣвернаго оленя, куда заходитъ частію тибетскій медвѣдь, не говоря о другихъ характерныхъ млекопитающихъ, до сихъ поръ извѣстенъ одинъ, ясно самостоятельный видъ:

1. *Arvicola amurensis* Schrenck.

IV. Забайкалье.

Въ южной части Забайкалья, на этой сѣверной окраинѣ Гобійской степи, гдѣ вмѣстѣ съ джигетаемъ водятся корсакъ, дзерець (*Antilope gutturosa*), сибирскій байбакъ (*Arctomys Baibac* var. *sibirica* Brandt) и пр., встрѣчаются:

1. *Arvicola Brandtii* Radde
2.   »   *Raddei* n. sp.

V. Алтай.

Алтай — высочайшій хребетъ въ Сибири съ его вѣчно снѣговыми вершинами, съ широкими альпійскими луговыми простран-

ствами и субъ-алпійскими черноземными полями или же частью степными предгоріями — долженъ представлять весьма разнообразный рядъ физико-географическихъ условій для жизни животныхъ, а вслѣдствіе этого долженъ вызывать измѣняемость въ ихъ видовыхъ признакахъ. И какъ я уже сказалъ, онъ имѣетъ своего горнаго барана, также хорька, суслика и пр., вмѣстѣ съ тѣмъ на немъ нужно искать нѣкотораго разнообразія и своеобразности въ представителяхъ полевокъ; въ моихъ рукахъ уже есть нѣкоторый матеріалъ, оправдывающій подобное предположеніе, но такъ какъ этотъ матеріалъ пока не достаточенъ и говорить о немъ было бы преждевременно, то я укажу на одинъ вполне особенный видъ полевки, свойственный наиболѣе значительнымъ высотамъ Алтая; это:

1. *Arvicola Eversmannii* n. sp.

VI. Средняя, лѣсная полоса Сибири.

Если принять въ соображеніе географическое положеніе пяти предыдущихъ областей, то окажется, что всѣ онѣ окраинныя; онѣ лежатъ на глубокомъ сѣверѣ, въ полосѣ тундръ, на крайнемъ востокѣ, какъ Камчатка и Амуръ, или же на южныхъ окраинахъ Сибири, смежныхъ съ центрально и средне-азиатскими степями. Всякая изъ этихъ пяти областей имѣетъ свои физико-географическія особенности, климатическія и почвенныя; поэтому понятна и разница населяющихъ области представителей изъ рода полевокъ. Остается средняя, лѣсная полоса Сибири, съ болѣе однообразными физико-географическими условіями; она также имѣетъ своихъ представителей изъ рода полевокъ, распространенныхъ часто на громадныхъ протяженіяхъ. Такъ, въ частяхъ этой области болѣе сѣверныхъ, лѣсныхъ господствуютъ слѣдующіе виды:

1. *Arvicola oeconomus* Pall.
2.   »   *rutilus* Pall.
3.   »   *rufocanus*, var. *sibirica*, m.

Въ болѣе южныхъ частяхъ средней полосы Сибири являются господствующими среди лѣсовъ, перемежающихся со степями, съ безлѣсными черноземными пространствами, виды:

4. *Arvicola gregalis* Pall.

5.   »   *arvalis* Pall.

Само собой разумѣется, что всѣ эти виды по большей части вторгаются и въ сосѣднія области, по всѣмъ направленіямъ.

Есть еще одинъ видъ, водящійся въ Сибири, это полевка водяная или водяная крыса въ общезитіи (*Arvicola amphibius*). Это, можно сказать, видъ космополитическій по отношенію ко всѣмъ областямъ Сибири, за исключеніемъ Камчатки, гдѣ онъ по видимому отсутствуетъ. Въ общемъ же онъ распространенъ, начиная съ Европы, отъ береговъ Атлантическаго Океана до Охотскаго моря. Въ разныхъ областяхъ Сибири представители водяной полевки хотя нѣсколько и измѣняются частію по величинѣ, частію по цвѣту шерсти, — въ общей же сложности они остаются весьма постоянными по своимъ видовымъ признакамъ, въ особенности же по зубамъ. Это относительное постоянство водяной полевки и на такой громадной площади ея распространенія — имѣеть глубокой смыслъ по отношенію къ причинамъ и условіямъ измѣняемости видовъ. Постоянство и малая измѣнчивость водяной полевки, по сравненію съ другими видами этого рода, какъ будто противорѣчитъ извѣстному правилу: *что виды, широко распространенные, даютъ большее количество разновидностей, чѣмъ виды мало распространенные*. Чтобы отстранить крошечное здѣсь видимое противорѣчіе, я долженъ внести слѣдующую поправку: вышеуказанное правило, касательно измѣняемости видовъ, должно остаться во всей своей силѣ, если будутъ приняты во вниманіе физико-географическія условія, среди которыхъ видъ обитаетъ. *Если видъ распространенъ весьма широко, но живетъ при однообразной физико-географической обстановкѣ, онъ будетъ меньше измѣнчивъ, чѣмъ другой, меньше широко распространенный, но въ области съ разнообразными условіями,*

почвенными, климатическими и пр. Водяная полевка, по сравненію съ другими видами рода *Arvicola*, принадлежитъ именно къ первой категоріи ихъ; хотя она живетъ въ различныхъ климатическихъ областяхъ, но это различіе въ климатахъ умѣряется тѣмъ, что образъ ея жизни находится въ тѣсной связи съ водой, ибо она обитаетъ въ долинахъ рѣкъ, около стариць, прудовъ, прѣсноводныхъ озеръ. Рѣдко удаляясь отъ воды и то не надолго, — около водъ, на сырыхъ лугахъ она ищетъ себѣ пропитанія, устраивая даже самыя свои норы съ выходами, ведущими непосредственно въ воду. Эта то непосредственная связь водяной полевки съ водой и является причиной ея малой измѣнчивости по сравненію съ другими видами полевокъ, изъ которыхъ однакоже еще можно найти весьма мало измѣнчивыхъ на большихъ протяженіяхъ. — Существуетъ еще одинъ видъ полевки, исключительно сухопутный, но также мало измѣнчивый и весьма стойкій, хотя область его распространенія гораздо уже, чѣмъ у предыдущаго вида. Это красная полевка (*Arvicola rutilus* Pall.); она обитаетъ преимущественно въ сѣверной части средней полосы Сибири, удаляется до границы древесной растительности въ полосу тундръ; затѣмъ, встрѣчаясь къ Камчаткѣ и проходя черезъ лѣсную полосу Сибири, сѣверный Уралъ, она доходитъ до сѣверной части Скандинавскаго полуострова; и на всемъ протяженіи, отъ Камчатскаго полуострова до Нордкапа она остается неизмѣнною, или измѣняется въ предѣлахъ, трудно уловимыхъ для глаза. Другой видъ полевки оказывается также весьма стойкимъ; онъ распространенъ въ тѣхъ же мѣстахъ, какъ и красная полевка, и кромѣ того еще на Алтаѣ; и отличіе экземпляровъ изъ Лапландіи весьма мало по сравненію съ экземплярами изъ Сибири; много, если только возможно сибирскіе экземпляры признать разностью вида изъ Лапландіи. Видъ этотъ — *Arvicola rufocanus* Sundev. Слѣдующій видъ средней Сибири — *Arvicola oeconomus*, уходитъ на югъ еще дальше двухъ предыдущихъ видовъ, почему онъ представляетъ уже больше разностей, частью въ Забайкальѣ, частью же въ южныхъ частяхъ Урала, въ окрестностяхъ Оренбурга; раз-

ность изъ послѣдней области можетъ быть даже возведена на степень вида. — Во всякомъ случаѣ, всѣ эти виды полевокъ, господствующіе въ сѣверной части средней полосы Сибири и вообще въ полосу, близкой къ полярному кругу или лежащей около него, живутъ при условіяхъ гораздо болѣе однообразныхъ, чѣмъ тѣ, какія представляетъ полоса Сибири, прилегающая къ южнымъ ея окраинамъ, гдѣ разнообразіе въ физико-географическихъ условіяхъ усложняется рядомъ огромныхъ горныхъ хребтовъ, съ черноземными или луговыми предгоріями, къ тѣмъ именно окраинамъ, въ которыя врѣзываются степи, какъ Гобійская въ Забайкальѣ, Киргизская въ Западной Сибири. Къ числу этихъ видовъ принадлежитъ обыкновенная полевка (*Arvicola arvalis*), распространенная во всей средней и южной Европѣ, также и на Кавказѣ. Переходя также и въ Сибирь, въ Туркестанъ, до Бухары, она живетъ при самыхъ разнообразныхъ климатахъ, среди всевозможнаго рода растительности, то на тучныхъ лугахъ, то на черноземныхъ горныхъ склонахъ, то посреди солончаковыхъ пространствъ, покрытыхъ чіемъ (*Lasiogrostis splendens*). При такихъ условіяхъ существованія этого вида на весьма большихъ разстояніяхъ, естественно ожидать отъ него и разновидности, часто становящіяся на степень вида, какъ напр. *Arvicola gregalis*. Весьма вѣроятно, что вполнѣдствіи съ накопленіемъ матеріала возможно будетъ отдѣлить многія разновидности отъ типичнаго вида; — теперь же это невозможно, такъ какъ пришлось бы очень увеличить число видовъ полевокъ въ Сибири, безъ прочныхъ къ тому основаній. — Вообще, обыкновенная полевка, будучи одною изъ самыхъ распространенныхъ, хотя и менѣе, чѣмъ водяная, составляетъ съ ней полный контрастъ по измѣнчивости. Въ южныхъ частяхъ Сибири и въ средней Азіи обыкновенная полевка и ея близкіе родственники живутъ часто въ однихъ мѣстахъ съ видами чисто центрально и средне-азиатскими, какъ *Arv. Brandtii* и *Raddei* въ Забайкальѣ и *Arvicola socialis* въ Западной Сибири. — И такъ, разсматривая составъ Сибирскихъ полевокъ, можно ярийти къ заключенію, что въ Сибири существуютъ виды мѣ-

стные, напримѣръ въ Таймурѣ, въ Камчаткѣ и на Алтаѣ; въ сѣверныхъ частяхъ средней Сибири господствуютъ виды, имѣющіе своихъ представителей на сѣверѣ Европы; въ южныхъ же частяхъ находятся родственныя формы вида, обыкновенной полевки, водящейся въ средней и южной Европѣ; наконецъ тамъ находятся виды, распространенные въ степяхъ центрально и среднеазиатскихъ. На основаніи подобнаго рода фактовъ возможно бы было сдѣлать ближайшія заключенія касательно самаго происхожденія всѣхъ этихъ видовъ, — но до накопленія болѣе полного матеріала рѣшеніе подобной задачи я считаю преждевременнымъ.

Теперь мнѣ остается опредѣлить отношеніе представителей рода *Arvicola* къ ближайшимъ его родственникамъ. До сихъ поръ къ представителямъ *Arvicola* считался ближайшимъ родъ *Myodes*. Сюда включались весьма разнообразныя виды, какъ-то: *Myodes norvegicus*, *M. schisticolor* Liljeb., *M. obensis* Middnd., *Myodes torquatus* L., *Myodes luteus* Eversm., *M. lagurus* Pall. Всѣ эти виды грызуновъ, живущихъ въ географическихъ областяхъ весьма различнаго характера, причисляли къ одному роду, очевидно, только на основаніи одного, общаго имъ внѣшняго признака, — именно: у всѣхъ у нихъ весьма короткій, часто едва замѣтный хвостъ, почему всѣ они и казались рѣзко отличными въ особенности отъ полевокъ. На основаніи же устройства и формы зубовъ, мнѣ кажется вполне необходимо и законно разбить всѣхъ представителей рода *Myodes* на три естественныхъ рода, изъ которыхъ будутъ два рода новые. Собственно къ роду *Myodes* я отношу три вида: *Myodes norvegicus*, *schisticolor* et *obensis*. Прежній *Myodes torquatus* долженъ составить новый родъ — *Borioikon*; *Myodes luteus* et *lagurus* образуютъ новый родъ — *Eremiomys*. Такое разчлененіе представителей прежняго рода — *Myodes* на три родовыхъ группы, на основаніи устройства ихъ зубовъ, будетъ соответствовать центрамъ ихъ географическаго распространенія; виды рода *Myodes* въ тѣсномъ смыслѣ занимаютъ сѣверную часть Скандинавіи, побережья Ледовитаго океана въ сѣверной Россіи и Сибири, до Таймурской земли; далѣе

на востокъ слѣдуетъ *Borioikon torquatus*, проходя Чукотскую землю до Уналашки и сѣверной Америки, до залива Нортонъ. Виды рода *Eremiomys* свойственны исключительно центральной и средней Азии; такъ *Eremiomys lagurus* водится въ степяхъ при-Алтайскихъ, въ Джунгаріи и въ Тянь-Шанѣ; *Eremiomys luteus* распространенъ въ Киргизскихъ степяхъ и въ Туркестанѣ; тотъ же видъ или близкій къ нему привезенъ Н. М. Пржевальскимъ изъ Цайдама. Родовыя различія всѣхъ названныхъ грызуновъ, по сравненію съ полевыми, будутъ очевидны изъ слѣдующей таблицы, въ которой я перечисляю эмалевыя петли на коренныхъ зубахъ; съ этимъ различіемъ эмалевыхъ петель на коренныхъ зубахъ сопряжена разница и въ количествѣ зубцовъ и впадинъ на нихъ

Число эмалевыхъ петель.	<i>Myodes.</i>	<i>Arvicola.</i>	<i>Eremio- mys</i> n. gen.	<i>Borioikon.</i> n. gen.
Верхняя челюсть:				
На переднемъ коренномъ зубѣ.	5	5	5	7
» среднемъ » » .	4	4	4	6
» заднемъ » » .	4—5	4—8	5—6	6
Нижняя челюсть:				
На переднемъ коренномъ зубѣ.	5	7—9	7—9	10
» среднемъ » » .	5	5	5	5
» заднемъ » » .	4	3	5	5

Изъ этой таблички видно, что *Borioikon torquatus* сходенъ съ представителями ближайшихъ къ нему родовъ только по формѣ средняго зуба въ нижней челюсти; по устройству же всѣхъ остальныхъ зубовъ онъ представляетъ крайнюю противоположность, въ особенности съ представителями рода *Myodes*; на переднемъ и среднемъ коренномъ зубѣ верхней челюсти у него двумя эмалевыми петлями больше, чѣмъ у всѣхъ другихъ родовъ, хотя послѣдняя петля, прилегающая къ передней части средняго зуба—

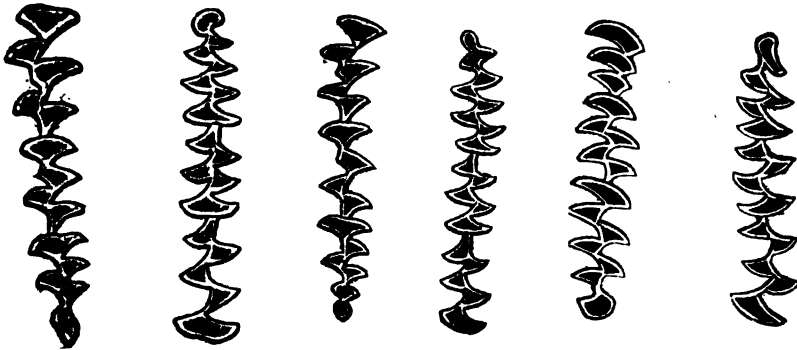
зачаточна, также какъ и послѣдняя, шестая—въ среднемъ зубѣ. По заднему коренному зубу верхней челюсти *Borioikon torquatus* также вполне отличенъ отъ представителей рода *Myodes*, сходствуя частью съ нѣкоторыми видами родовъ *Arvicola* и *Eremiomys*. На переднемъ его зубѣ нижней челюсти въ два раза больше эмалевыхъ петель, чѣмъ у *Myodes*; въ этомъ отношеніи роды *Arvicola* и *Eremiomys* являются промежуточными между двумя крайними. Разнится *Borioikon torquatus* отъ всѣхъ другихъ родовъ и своимъ заднимъ кореннымъ зубомъ въ нижней челюсти, на которомъ находится 5 ясно другъ отъ друга разграниченныхъ эмалевыхъ петель; въ этомъ отношеніи онъ немного напоминаетъ родъ *Eremiomys*, у представителей котораго также пять петель на соответственномъ зубѣ, но онѣ узки и вытянуты. У видовъ рода *Myodes* только четыре петли, но онѣ сдвинуты, зубцы и впадины между ними мало замѣтны, такъ какъ впадины заполнены зубнымъ веществомъ. Какъ у *Myodes*, такъ у *Borioikon* и *Eremiomys* число петель на заднемъ коренномъ зубѣ нижней челюсти—больше, чѣмъ у рода *Arvicola*, у котораго ихъ всего только три.—Виды *Arvicola* отличаются отъ рода *Myodes* большимъ количествомъ эмалевыхъ петель на заднемъ коренномъ зубѣ верхней челюсти и на переднемъ—нижней и меньшимъ количествомъ петель на заднемъ коренномъ той же нижней челюсти. Главное отличие *Arvicola* отъ *Eremiomys* въ видѣ и количествѣ эмалевыхъ петель на заднемъ же коренномъ нижней челюсти, которыхъ у перваго рода—3, а у втораго—5. Родъ *Eremiomys* разнится отъ всѣхъ другихъ узкими и вытянутыми въ длину коренными зубами и въ особенности присутствіемъ двухъ зачаточныхъ зубцовъ съ внутренней стороны, въ верхней челюсти, у третьей петли перваго кореннаго и у второй втораго кореннаго зуба. Разницу въ формѣ зубовъ наприимѣръ *Arvicola Brandtii Radde*, съ зубами *Eremio-*

mys luteus et lagurus можно усмотрѣть на прилагаемыхъ здѣсь полиטיפажахъ; Фиг. 1, 2 и 3.

Фиг. 1.
Eremiomys luteus.

Фиг. 2.
Eremiomys lagurus.

Фиг. 3.
Arvicola Brandtii.

На всѣхъ трехъ фигурахъ слѣва представлены ряды коренныхъ зубовъ съ лѣвой стороны верхней челюсти, справа — ряды коренныхъ зубовъ съ лѣвой стороны нижней челюсти; какъ на этихъ, такъ и на слѣдующихъ полиטיפажахъ зубы значительно увеличены.

Полевокъ легко отличить съ перваго взгляда отъ представителей рода *Eremiomys* уже потому, что эмалевыя петли на ихъ коренныхъ зубахъ очерчены всегда вполне ясно, точно также всегда болѣе или менѣе хорошо другъ отъ друга разграничены, зубцы у эмалевыхъ петель на коренныхъ зубахъ полевокъ острѣе, чѣмъ у ихъ ближайшихъ родовичей. Эмалевыя петли въ такой же степени ясны и хорошо разграничны у *Borioikon torquatus*, который въ этомъ отношеніи и можетъ быть принятъ за ближайшаго родственника полевокъ, но онъ рѣзко различенъ отъ нихъ по количеству петель. — Кромѣ того у полевокъ второй или средней коренной зубъ нижней челюсти, если представить его въ обратномъ видѣ и обратить его нижнемъ концемъ кверху, — будетъ вполне уподобляться первому коренному зубу верхней челюсти, исключая европейскую *Arvicola agrestis*; у видовъ же *Eremiomys* этого не будетъ, благодаря зачаточному четвертому зубцу съ внутренней стороны передняго кореннаго зуба верхней челюсти.

Для опредѣленія родовъ, прилагаю здѣсь синоптическую таблицу:

*

Синоптическая таблица родовъ грызуновъ, близкихъ къ полёвкамъ.

Число эмалевыхъ петель на переднемъ
коренномъ зубѣ верхней челюсти

<p>7; на среднемъ 6, на переднемъ коренномъ нижней челюсти 10 эмалевыхъ петель..... <i>Portacolum n. gen. *</i></p>	<p>6; на переднемъ коренномъ зубѣ нижней челюсти одного эмалево- выхъ петель</p>	<p>отъ 7 до 9; на заднемъ корен- номъ зубѣ нижней челюсти эмалево- выхъ петель</p>	<p>6; съ внутренней стороны на первомъ и второмъ коренныхъ зубахъ верхней челюсти нахо- дятся зачаточные зубы..... <i>Eremophilus n. gen. **</i></p>
	<p>6; на заднемъ коренномъ 4 петли .....</p>	<p>..... <i>Atvisoka Lacépède</i></p>	<p>..... <i>Myodops Pall.</i></p>

*) отъ тѣ борца — сѣверъ; 6 окан — обитатели.

***) отъ η фрѣца — пустыня; 6 мѣс — мышь.

Мнѣ кажется, выдѣляя изъ прежняго рода *Myodes* два новые рода, я не преувеличилъ значеніе существующихъ у всѣхъ этихъ звѣрковъ различій въ устройствѣ коренныхъ зубовъ. Известно, что даже самихъ представителей рода *Arvicola* дѣлятъ на подроды, какъ сравнительно не мала разница въ формѣ ихъ зубовъ, передняго кореннаго въ нижней и задняго кореннаго — въ верхней челюсти. Однако же и это дѣленіе все-таки болѣе или менѣе естественно, такъ какъ подроды обнимаютъ болѣе или менѣе естественныя группы полевокъ. Въ нижеслѣдующей синонитической таблицѣ полевокъ, водящихся въ Сибири, первая и третья группы будутъ соответствовать подродамъ *Paludicola* и собственно *Arvicola Blasius*'а, вторая — *Hypudaeus Illiger*. Изъ нижеслѣдующаго систематическаго описанія полевокъ, также изъ прилагаемой таблицы видно, что число видовъ полевокъ, живущихъ въ Сибири, громадно, по сравненію со всѣми другими млекопитающими, водящимися въ этой странѣ. Но число полевокъ, живущихъ въ Сибири и здѣсь описанныхъ, можно сказать — минимальное; я описалъ только тѣ виды, сомнѣваться въ самостоятельности которыхъ весьма трудно. Но съ увеличеніемъ матеріала, число видовъ полевокъ, обитающихъ въ Сибири, должно, *безъ сомнѣнія*, увеличиться; очень вѣскіе намеки, въ видѣ отдѣльныхъ шкурокъ и экземпляровъ и теперь уже находятся въ моихъ рукахъ и я оставляю ихъ пока въ сторонѣ, не желая на основаніи отрывочныхъ данныхъ описывать новые или старые виды. На этомъ именно основаніи я не включилъ въ списокъ полевокъ, водящихся въ Сибири, три вида, описанные Г. И. Раде. Видъ полевки, *Arvicola mongolicus*, описанный этимъ путешественникомъ, можетъ легко быть синонимомъ *Arvicola gregalis*, если судить объ этомъ по одному неполному экземпляру. Касательно слѣдующихъ двухъ видовъ Г. И. Раде, — *Arvicola russatus* et *A. macrotis* я не привелъ также ни какихъ свѣдѣній, за неимѣніемъ въ своихъ рукахъ никакого объ нихъ надежнаго матеріала, даже ни одного экземпляра. На вѣроятность, что въ Алтаѣ существуетъ больше видовъ полевокъ, чѣмъ я описалъ, мною уже указано. Не

помѣстилъ я въ эту работу описанія Амурскаго вида полевки *Arvicola Maximowiczii Schrenck*, частію по недостатку матеріала для точнаго его описанія, частію же потому, что мнѣ кажется этотъ видъ есть только разность *Arvicola arvalis*. За тѣмъ, уже за предѣлами Сибири, въ Монголіи и въ сѣверномъ Тибетѣ, существуетъ множество новыхъ видовъ полевокъ, привезенныхъ въ разное время Н. М. Пржевальскимъ; описаніе этихъ видовъ будетъ предметомъ особой статьи. Теперь же я долженъ сказать, что виды полевокъ, водящихся въ Сибири и въ центральной Азій, многочисленнѣе, чѣмъ виды въ какомъ либо семействѣ или родѣ млекопитающихъ Азіатскаго материка. Это широкое распространеніе видовъ полевокъ, способность ихъ принаравливаться къ бесплоднымъ и песчанымъ степямъ и пустынямъ, къ черноземнымъ и луговымъ пространствамъ, также къ лѣсамъ, горнымъ высотамъ и къ тундрамъ глубокаго Сѣвера — все это стоитъ, повидимому, въ зависимости отъ ихъ духовныхъ, умственныхъ качествъ. Вездѣ онѣ сьумѣютъ поселиться, освоиться, при всевозможныхъ физико-географическихъ условіяхъ, благодаря ихъ трудолюбію, предусмотрительности, развитію началъ семейной и общественной жизни, — все это такія качества, которыя столько же интересны, сколько должны быть и поучительны для самаго человѣка, хотя даже, въ крайности, въ виду той цѣли, чтобъ успѣшно бороться съ этими мелкими и плодовитыми грызунами, въ случаѣ, если они проявятъ силу своего культурнаго развитія на нивахъ земледѣльца.

Число зубцовъ на переднемъ крае зуба индикетъ чистоты съ вышн-ней стороны:

3. Съ внутренней стороны того же зуба находится

4. Между этими зубцами находится

4 зу	.....	1. <i>Arvicola amphibius</i> L.
5 зу	.....	2. <i>Arvicola kamschatica</i> n. sp.
ном	.....	3. <i>Arvicola oeconomus</i> Pall.
рен	.....	4. <i>Arvicola rutilus</i> Pall.
3 в	.....	.....
Пер	} сжаты и округлены.....	5. <i>Arvicola amurensis</i> Schrenck
бецъ		6. <i>Arvicola Wosnessenskii</i> n. sp.
наг	} приострены	7. <i>Arvicola rufocanus</i> Sundev.
наг		8. <i>Arvicola Brandtii</i> Radde.
внѣ	.....	.....
	изъ 9 эмалевыхъ петель на поверхности	9. <i>Arvicola Eversmannii</i> n. sp.
	образить и не существуетъ; поэтому сл-	.....
	съ четыре, на другомъ только три зубца..	10. <i>Arvicola gregalis</i> Pall.
по	.....	.....
час	.....	11. <i>Arvicola Middendorffii</i> n. sp.
дин	.....	.....
вы	.....	12. <i>Arvicola Nordenskiöldii</i> n. sp.
на	.....	.....
ко	.....	13. <i>Arvicola saxatilis</i> Pall.
зуб	.....	.....
чел	} 6; хвостъ содержится въ	.....
внѣ		длинѣ тѣла 2,5 до 3 разъ. 14. <i>Arvicola arvalis</i> Pall.
днемъ	} 7; хвостъ содержится въ	.....
корен-		длинѣ тулов. 4,3 разъ ... 15. <i>Arvicola socialis</i> Pall.
ерхней	.....	.....
челю-	.....	.....
сти	.....	16. <i>Arvicola Raddei</i> n. sp.

II.

ОПИСАНІЕ ВИДОВЪ ПОЛЕВОКЪ, ВОДЯЩИХСЯ ВЪ СИБИРИ.

---

1. Полевка водяная. (*Arvicola amphibius* L.).

Mus amphibius. Linn. Syst. Nat. XII, p. 82.

Arvicola amphibius. Blasius, Fauna der Wirbelthiere Deutschlands, Säugethiere, p. 343.

На переднемъ коренномъ зубѣ нижней челюсти съ внѣшней стороны находится три зубца и три впадины между ними, съ внутренней стороны четыре мало развитыхъ зубца, съ четырьмя впадинами между ними; пятый зубецъ зачаточный. На поверхности зуба лежитъ семь эмалевыхъ петель, при чемъ вторая и третья мало между собою разграничены.

На заднемъ коренномъ зубѣ верхней челюсти находится съ внѣшней стороны три зубца и три впадины между ними, съ внутренней три зубца и двѣ впадины между ними; иногда третій зубецъ съ этой стороны мало развитъ, почему въ этомъ случаѣ на поверхности зуба лежатъ только четыре ясно развитыя эмалевыя петли; при нормальномъ же развитіи всѣхъ трехъ съ внутренней и внѣшней стороны, на поверхности зуба бываетъ обыкновенно пять эмалевыхъ петель.

Водяная полевка достигает обыкновенно величины домашней крысы, — пасюка, иногда бывает меньше, иногда и больше; экземпляръ, въ шкуркѣ, гораздо большій по величинѣ, чѣмъ домашняя крыса, имѣется въ нашемъ Музеѣ изъ Восточнаго Саяна. Вообще, водяная полевка столько же измѣнчива по величинѣ, какъ и по цвѣту своего довольно мягкаго мѣха; цвѣтъ ея шерсти измѣняется отъ сѣро-бураго, рыжеватаго почти до чернаго на верхнихъ частяхъ тѣла, отъ сѣроватаго до желто-бураго и темнаго на нижнихъ. Определить оттѣнки въ ея окраскѣ по областямъ нѣтъ ни возможности, ни достаточнаго матеріала, такъ какъ по окраскѣ экземпляры разныхъ областей представляютъ между собою постепенные переходы. Какъ я уже сказалъ выше, полевка эта водится во всѣхъ областяхъ Сибири, исключая, можетъ быть, Камчатку. Самъ я лично наблюдалъ ее въ низовьяхъ Оби, около Обской губы; въ этихъ мѣстахъ она настолько многочисленна, что мѣстные жители даже ловятъ ее и готовятъ изъ ея шкурки дешеваго сорта мѣха, — больше для домашняго употребленія. Какъ извѣстно, водяная полевка живетъ преимущественно около водъ, по берегамъ озеръ и въ долинахъ рѣкъ. Въ послѣднихъ мѣстахъ ея пребываніе небезопасно, особенно во время разлива рѣкъ; но благодаря замѣчательному искусству плавать, водяная полевка и во время разливовъ рѣкъ спасается на пловучихъ деревьяхъ, на кустахъ, выходящихъ изъ воды. Въ искусствѣ, которымъ владѣетъ полевка въ плаваніи, я убѣдился въ 1877 г. въ долинѣ Тобола, гдѣ я встрѣтилъ ее окруженною водою болѣе чѣмъ на пять верстъ вокругъ; однако сучки и кусты спасали ее и здѣсь отъ гибели.

2. Полевка камчатская. (*Arvicola kamtschatica* n. sp.).

Mus ossonotus, var. *Kamtschatica*. Pall. Novae spec. Quadr. e Glir. Ord. p. 238.

Въ переднемъ коренномъ зубѣ нижней челюсти съ вѣшной стороны находится 3 зубца и 3 впадины. Съ внутренней по 5 зубцовъ и по 4 впадины; 5-я впадина неза-
мѣтна или развита весьма мало. Число эма-
левыхъ петель на поверхности зуба 7, из-
рѣдка 8, при чемъ двѣ послѣднія петли со-
вершенно не отдѣлены другъ отъ друга.

Въ заднемъ коренномъ зубѣ верхней
челюсти въ вѣшной стороны находится по
3 зубца и по 3 впадины, исключая нѣ-
которые экземпляры; съ внутренней стороны
также по 3 зубца и по 3 впадины, за ис-
ключеніемъ Харчинскаго экземпляра. На поверхности зуба ле-
жить 6 эмалевыхъ петель.

Здѣсь прилагаю таблицу для характеристики зубовъ у различ-
ныхъ особей изъ Камчатки и съ сосѣднихъ съ нею острововъ.

Фиг. 4.
Ar. kamtschatica.

	Передній коренной зубъ ниж- ней челюсти.					Задній коренной зубъ верх- ней челюсти.				
	Съ вѣшной стороны.		Съ внутрен- ней стороны.			Съ вѣшной стороны.		Съ внутрен- ней стороны.		
	Зубцы.	Впади- ны.	Зубцы.	Впади- ны.	Число эмале- выхъ петель.	Зубцы.	Впади- ны.	Зубцы.	Впади- ны.	Число эмале- выхъ петель.
79. Камчатка.....	3	3	5	4	7	3	3	3	3	6
80. Камчатка.....	3	3	5	4	7	3	3	3	3	6
82. Камчатка около Ключев- скаго.....	3	3	5	4	7	3	3	4	4	7
84. Камчатка.....	3	3	5	4	7	3	3	3	3	6
78. Остр. Уналашка.....	3	3	5	4	7	3	3	3	3	6
81. Остр. Уналашка.....	3	3	5	4	7	?	?	?	?	?
85. Остр. Карачинскій.....	3	3	5	4	7	3	3	3	3	6
83. Харчино.....	3	3	5	4	7	4	4	4	4	8

Палласъ, принимая этотъ видъ за разность обыкновенной *Arvicola oeconomus*, говоритъ объ ней слѣдующее. (Novae sp. Quadrp. e Glir. Ord. p. 233). «Varietas Kamtschatica muris oeconomi, cujus exuvias habeo, sibiricos maximos aequat, simillima vellere, auriculis, forma, proportione pedum atque caudae. Sed aliquantum differt colore, qui his muribus omni tempore anni idem consistit. Sicut enim e borealioribus paulo nigriora solita habui specimina, ita Kamtschaticae, quarum sex pelles accepi, magis e fusco lutescunt, dilutiore colore, quam in reliqua Sibiria, praeterquam quod ad Tschulymum subsimiles habui».

У насъ, также какъ и у Палласа, имѣются только шкурки камчатскаго вида, хотя и хорошо приготовленныя; на основаніи ихъ нужно думать, что камчатскій видъ имѣетъ болѣе крупныхъ представителей, чѣмъ сибирская *Arvicola oeconomus*. Кромѣ того у камчатскаго вида хвостъ относительно длиннѣе; по шкуркамъ же можно приблизительно заключить, что онъ содержится не больше 3-хъ разъ въ общей длинѣ туловища, вмѣстѣ съ головкой, — тогда какъ у настоящаго вида *Arvicola oeconomus* хвостъ содержится въ длинѣ туловища не меньше 4-хъ разъ (См. Pallas. l. c. p. 235). Впрочемъ это увѣреніе Палласа едвали справедливо. Вотъ измѣреніе шкурокъ трехъ камчатскихъ экземпляровъ.

Общая длина отъ конца носа до основанія

хвоста.. .. .	125	149	140
Длина хвоста.. .. .	48	50	45

Камчатскіе экземпляры покрыты сверху буро-желтыми волосами, согласно показанію Палласа, у многихъ экземпляровъ волоса имѣютъ сверху свѣтло-желтый цвѣтъ, который въ малой степени переходитъ на бока и придаетъ желтоватый оттѣнокъ сѣрому брюху; въ этомъ отношеніи животное близко подходит къ алтайскому виду *Arv. Eversmannii*, а еще больше къ таймурскому, *Arv. Middendorfi*. Хвостъ довольно густо покрытый волосами, сверху темно-бурый, снизу, также какъ и ноги, бурожелтый. Изъ представителей настоящаго вида *Arv. oeconomus* у насъ имѣются нѣсколько экземпляровъ съ р. Тунгузски, которые нѣ-

сколько приближаются по цвѣту шерсти къ наиболѣе бурымъ экземплярамъ изъ Камчатки, но существенно отличаются отъ нихъ темно-сѣрымъ, иногда свинцово-и грязно-сѣрымъ цвѣтомъ нижней стороны тѣла и ногъ. Точно также отличіе этихъ двухъ видовъ постоянно и по зубной формулѣ. У камчатскаго вида въ заднемъ коренномъ зубѣ постоянно встрѣчается съ внутренней и съ вѣшной стороны по 3 зубца и по 3 впадины и иногда съ одной, въ видѣ исключенія, или съ двухъ сторонъ бываетъ по 4 зубца и по 4 впадины. У настоящаго *Arv. oesonotus* обратно число 3 является какъ рѣдкое исключеніе, нормальное же число зубцовъ и впадинъ съ каждой стороны зуба по 4.

3. Полевка энономка. (*Arvicola oesonotus* Pall.).

Myodes oesonotus. Pallas, Novae sp. e Glin. Ord. 225. Zoographia v. I, p. 174.
Arvicola oesonotus (?). Эверсманъ, Естеств. истор. Оренбург. края, ч. II. стр. 165.

На переднемъ коренномъ зубѣ нижней челюсти съ вѣшной стороны находится три зубца и между ними три впадины; съ внутренней стороны пять зубцовъ и между ними пять впадинъ, при чемъ послѣдняя совершенно ясно развита, гораздо больше, чѣмъ у *Arv. kamtschatica*. На поверхности зуба лежитъ 7 эмалевыхъ петель.

На заднемъ коренномъ зубѣ верхней челюсти съ вѣшной и съ внутренней стороны находится по четыре зубца и по четыре впадины между ними; иногда, въ видѣ исключенія, съ внутренней стороны недостаетъ одной, послѣдней впадины или она не доразвивается.

Фиг. 5.

Ar. oesonotus Pall.

Обыкновенно на поверхности зуба лежит восемь эмалевых петель, из которых три послѣднія не вполне раздѣлены другъ отъ друга; вмѣстѣ же съ недоразвитіемъ послѣдней впадины съ внутренней стороны, эмалевыхъ петель бываетъ 7. Для характеристики зубной системы прилагаю слѣдующую таблицу.

	Передній коренной зубъ нижней челюсти.					Задній коренной зубъ верхней челюсти.				
	Съ вѣшной стороны.		Съ внутренней стороны.			Съ вѣшной стороны.		Съ внутренней стороны.		
	Зубы.	Впадин.	Зубы.	Впадин.	Число эмалевыхъ петель.	Зубы.	Впадин.	Зубы.	Впадин.	Число эмалевыхъ петель.
№ 53. Тунка, въ Восточномъ Саянѣ.....	3	3	5	5	7	4	4	4	4	8
№ 54. » въ Вост. Саянѣ.	3	3	5	5	7	4	4	4	4	8
№ 106. Хангирь, Восточная Сибирь....	3	3	5	5	7	4	4	4	4	8
№ 11. Рѣка Нижняя Тунгуска.....	3	3	5	5	7	4	4	4	4	8
№ 12. » Нижняя Тунгуска.....	3	3	5	5	7	4	4	4	4	8
№ 13. » Нижняя Тунгуска.....	3	3	5	5	7	4	4	4	4	8
№ 14. » Нижняя Тунгуска.....	3	3	5	5	7	4	4	4	4	8
№ 108. Восточная Сибирь, р. Лена?.....	3	3	5	5	7	4	4	4	4	8
№ 449. Восточная Сибирь...	3	3	5	5	7	4	4	4	4	8
№ 2268. Восточная Сибирь...	3	3	5	5	7	4	4	4	4	8
№ 55. Сѣверо-западный бер. Байкала.....	3	3	5	5	7	4	4	4	3	7
Устье рѣки Надыма, въ Обской губѣ (спиртовой).....	3	3	5	5	7	4	4	4	4	8
Алтай (спиртовой)....	3	3	5	5	7	4	4	4	4	8
Сѣверо-западный бер. Байкала, (спиртовый экземпляръ).....	3	3	5	5	7	4	4	4	4	8
Сѣверо-западный бер. Байкала, (спиртовый экземпляръ).....	3	3	5	5	7	4	4	4	4	8
Яблонный хребетъ, (спиртовой).....	3	3	5	5	7	3	3	4	4	7

Отношеніе частей тѣла животнаго можно усмотрѣть изъ слѣдующихъ измѣреній трехъ экземпляровъ, происходящихъ съ сѣверо-западнаго берега Байкала, съ Алтая и изъ окрестностей Обской губы, при устьяхъ р. Надыма; всѣ экземпляры сохранены въ спирту.

	Байкаль.	Алтай.	Надымь.
Общая длина.....	150	142	170
Длина тѣла отъ конца носа до основа-			
» нія хвоста.....	110	101	128
» головы.....	29	28	31
» хвоста.....	30 *)	43	50
Въ томъ числѣ длина волосъ на			
концѣ хвоста.....	?	5,5	10
Расстояніе между серединою глазъ и око-			
нечностью носа.....	12	12,5	14,5
Расстояніе между глазами и слуховымъ			
отверстіемъ.....	15	14	15
Высота ушей съ вѣшной стороны....	8	8	8,9
Длина передней лапы съ когтемъ.....	12	12	13
» когтя въ третьемъ пальцѣ.....	3	3	3,5
» задней ноги съ когтемъ.....	19	19	20,5
» когтя въ третьемъ пальцѣ.....	3	3	3,8.

Изъ этихъ данныхъ слѣдуетъ, что длина хвоста безъ волосъ, находящихся на концѣ его, содержится въ длинѣ туловища съ головой отъ 2,8 до 3 разъ, что согласно съ мнѣніемъ Миддендорфа (l. c. p. 112); тотъ же выводъ можно сдѣлать изъ измѣреній, сообщенныхъ г. Радде (l. c. p. 189), поэтому едва ли можно считать справедливымъ показаніе Палласа и Эверсмана о томъ, что у *Arv. oesonotus* хвостъ составляетъ $\frac{1}{4}$ часть длины туловища. — Хвостъ значительно превосходитъ длину вытянутыхъ назадъ ногъ. Уши, безъ волосъ, составляютъ болѣе одной чет-

*) Эта длина хвоста безъ шерсти на его концѣ.

вертой части длины головы; по краямъ, особенно съ внутренней стороны, онѣ покрыты довольно длинными волосами; снаружи онѣ усѣяны рѣдкой шерстью.

Большая часть нашихъ экземпляровъ покрыта сверху темно-бурою шерстью, которая къ бокамъ постепенно свѣтлѣетъ, а на нижней части тѣла становится темно или грязно сѣрою; ноги и нижняя часть хвоста одноцвѣтны съ животомъ, притомъ хвостъ, обыкновенно темно-бурый сверху, снизу бываетъ и грязно-сѣрый и чисто-бѣлый. Нѣкоторые экземпляры, напримѣръ съ р. Тунгуски и Надымскіе, изъ окрестностей Обской губы, имѣютъ сверху шерсть съ значительнымъ рыжеватымъ отливомъ. Что же касается до спиртоваго экземпляра изъ окрестностей Алтая, то онъ покрытъ въ такой степени рыжею шерстью, что вполне напоминаетъ видъ *Arvicola Eversmannii*, представляя въ тоже время отъ него существенное различіе по зубной формулѣ, которая у него совершенно таже, что и у типичныхъ *Arv. oeconomus*. Самъ Палласъ, установившій этотъ видъ, даетъ слѣдующую характеристику его мѣха.

«Vellus luteo nigroque mixtipile, obscurum, magis lutescens, quam in *M. arvali*, medio dorso nigricantius, subtus a gula ad caudam canum (supra fuscam lanuginem.) — In junioribus color magis fuscus. Dilutior et magis lutescens maximis et item Kamtschaticis». (Novae sp. e Glir. Ord. p. 235).

Эверсманъ такъ характеризуетъ *Arvicola oeconomus*: «верхняя сторона изжелта-сѣробурая, брюшная бѣловатая. Шерсть закрываетъ уши. Хвостъ длиною около четвертой части тѣла, сверху бурый, снизу бѣлый». (l. c. p. 165).

Не говоря о томъ, что отношеніе длины хвоста къ длинѣ тѣла слишкомъ мало, мнѣ кажется, что Эверсманъ сдѣлалъ опредѣленіе мѣха *Arv. oeconomus* Pall. по экземплярамъ Алтайскаго вида *Arv. Eversmannii* m., которые находились въ его коллекціи и обозначены имъ на этикеткахъ, какъ *Arv. oeconomus*. Настоящаго же Палласовскаго вида въ его коллекціи не было.

Уже изъ вышеприведеннаго перечня экземпляровъ, по пово-

ду разсмотрѣ зубовъ, можно судить, что *Arv. oeconotus* имѣеть въ Сибири весьма широкое распространіе. Начиная отъ при-Байкаля, Восточнаго Саяна и предгорій Алтая, она идетъ къ сѣверу Сибири, по долинамъ разныхъ рѣкъ и ихъ притоковъ, Лены, Енисея и Оби. Однимъ словомъ, она занимаетъ большую часть пространства, покрытыхъ хвойными лѣсами въ Восточной и Западной Сибири. На всей обширной области своего распространія если она нѣсколько и измѣняется по цвѣту, то по устройству зубовъ представляетъ поразительное постоянство, какъ это очевидно изъ вышепредставленной таблицы. На сѣверо-востокѣ Сибири, въ Камчаткѣ, она имѣеть близкій, родственннй себѣ видъ, *Arvicola kamtschatica m.*; на сѣверо-западѣ области ея распространія, на Сѣверѣ Россіи, водится полевка *Arvicola raticiceps Blas.* (Wirbelth. Deutschl. Säugeth. p. 365), еще болѣе къ ней близкая, какъ по устройству зубовъ, такъ и по цвѣту шерсти, почему и приходится думать, что полевка сѣверно-русская тождественна съ сибирской или есть только географическая ея разность. Акад. О. О. Брандтъ указываетъ еще на два экземпляра *Arvicola*, привезенныхъ изъ Сѣвернаго Урала и въ которыхъ онъ, хотя и съ колебаніемъ, рѣшилъ принять *Arv. oeconotus* (Гофманъ, Сѣверн. Уралъ, позвоночн. животн. стр. 37). Къ сожалѣнію я не могъ затѣмъ разыскать въ коллекціи Зоологическаго Музея этихъ экземпляровъ. Съ юга области распространія *Arv. oeconotus*, на Алтаѣ, стоить родственннй ей видъ *Arv. Eversmannii m.* — Что-же касается до Забайкаля, то здѣсь довольно трудно опредѣлять съ точностью границу распространія *Arv. oeconotus Pall.* Въ коллекціи Радде я нашелъ три экземпляра изъ Забайкаля; одинъ спиртовой изъ области Яблоноваго хребта; этотъ экземпляръ имѣеть съ внѣшней стороны въ заднемъ коренномъ зубѣ верхней челюсти только три яснозамѣтныхъ зубца; четвертый весьма мало замѣтенъ съ боку, такъ что зубъ напоминаетъ скорѣе *Arvicola gregalis Pall.*; два другіе экземпляра въ шкурахъ не имѣють въ цѣлости характерныхъ зубовъ, такъ что о нихъ трудно сказать что либо. При томъ самъ

Радде далъ рисунокъ, въ которомъ у задняго кореннаго зуба верхней челюсти представлено только 3 зубца, вмѣсто четырехъ, какъ это бываетъ у типичной *Arvicola oeconomus* Pall. (Reise im Süden von Ost.-Sibir. Taf. VII, fig. 5 b.); если это отсутствіе четвертаго зубца и впадина въ названномъ зубѣ постоянны, то Забайкальскіе экземпляры должны составить другой, новый видъ или по крайней мѣрѣ разновидность обыкновенной *Arv. oeconomus*.

Гдѣ проходитъ граница распространенія *Arv. oeconomus* въ юго-западной части Сибири, именно проходитъ ли *Arv. oeconomus* изъ лѣсной полосы Западной Сибири въ степь Барабинскую, а затѣмъ и дальше, до при-Уральскихъ Киргизскихъ степей, какъ это утверждалъ Георги. Отвѣчать на это пока трудно. Изъ окрестностей Оренбурга у меня находится пока одна шкурка *Arvicola*, по внѣшнему виду совершенно сходная съ *Arv. oeconomus*. Но по формѣ зубовъ этотъ экземпляръ значительно отклоняется отъ *Arv. oeconomus*. Такъ напримѣръ, у этого экземпляра на переднемъ коренномъ зубѣ нижней челюсти нѣтъ съ внутренней стороны пятой зачаточной складки, почему здѣсь, вмѣсто пяти зубцовъ и впадинъ, свойственныхъ типичному виду *Arv. oeconomus*, находится только четыре зубца и четыре впадины. Точно также въ заднемъ коренномъ зубѣ верхней челюсти съ внутренней и съ внѣшней стороны находится по три зубца и по три впадины. Такимъ образомъ Оренбургскій экземпляръ по устройству зубовъ больше приближается къ *Arv. kamtschatica* m., а по цвѣту шерсти и по общему виду сходенъ съ настоящей *Arv. oeconomus*. Если впоследствии эти признаки повторятся на многихъ экземплярахъ, то въ имѣющемся у насъ экземплярѣ нужно будетъ признать новый видъ полевки, свойственной южному Уралу, почему я и предложу назвать его *Arv. uralensis*. Теперь же въ нашемъ экземплярѣ я вижу пока только разновидность, — *Arv. oeconomus* var. *uralensis*.

4. Полевка красная. (*Arvicola rutilus* Pall.)

Mus rutilus. Pallas, Novae spec. e Glir. Ord. p. 246.

Myodes rutilus. Pallas, Zoograph., Rosso-Asiatic. I, p. 177.

Mus rutilus. Schreber's, Säugeth. IV, p. 672.

Hypudaeus rutilus. Schreber's, Säugeth. Supplementbd. Dritte Abth. p. 583

Arvicola rutila. Эверсманъ, Естеств. истор. Оренб. края ч. II. стр. 167.

На переднемъ коренномъ зубѣ нижней челюсти находится съ внѣшней стороны четыре зубца и три впадины между ними; съ внутренней стороны пять зубцовъ и четыре впадины между ними; у нѣкоторыхъ же экземпляровъ бываетъ съ внутренней стороны только четыре зубца и четыре же впадины. На поверхности зуба лежитъ семь эмалевыхъ петель, изъ которыхъ только двѣ первыя неполнѣ раздѣлены другъ отъ друга; иногда же онѣ рѣзко другъ отъ друга разграничиваются, но вмѣсто того, петли ниже ихъ лежація, являются не вполне другъ отъ друга раздѣленными. Вообще форма передняго кореннаго зуба у разныхъ экземпляровъ весьма значительно видоизмѣняется.

На заднемъ коренномъ зубѣ верхней челюсти съ внѣшней стороны находится или только три зубца и три впадины или же четыре зубца и четыре впадины, при чемъ какъ послѣдній зубецъ, такъ и впадина бываютъ весьма мало замѣтны. Съ внутренней стороны находится четыре зубца и три впадины между ними. На поверхности зуба лежитъ шесть по большей части вполне другъ отъ друга раздѣленныхъ эмалевыхъ петель, въ случаѣ же присутствія четвертаго зубца и четвертой впадины съ внѣшней стороны, на поверхности зуба можно усмотрѣть седьмую эмалевую петлю. Вообще, форма зубовъ этого вида весьма близко подходитъ къ зубамъ *Arvicola (Hypudaeus) glareolus* Schreb., которую Палласъ принималъ, только за разность *Arvicola rutilus*; послѣдній видъ сходенъ съ первымъ и по формѣ втораго кореннаго зуба нижней челюсти, въ которомъ изъ

пяти эмалевыхъ петель какъ двѣ первыя, такъ и двѣ нижеслѣдующія не вполне раздѣлены другъ отъ друга; въ этомъ отноше-
 нии рисунокъ зуба для *Arvicola glareolus*, представленный у Бла-
 зиуса (Säugethier. p. 338), вполне сходенъ съ имѣющимися у насъ
 экземплярами этого вида изъ Западной Европы; подобную же
 форму имѣетъ зубъ у разныхъ экземпляровъ *Arvicola rutilus* изъ
 Сибири. Съ другой стороны вышеназванный коренной зубъ у
 Зюндеваля изображенъ какъ для *Arvicola glareolus* Schreb. такъ и
 для *Arvicola rutilus* Pall. нѣсколько иначе (Konigl. Vetenskaps-
 Academiens Handlingar, för år 1840, Tab. I); именно, у него
 представлены три заднія петли совершенно между собою разгра-
 ниченными, переднія же петли разграничены больше у *Arvicola
 glareolus*, чѣмъ у *Arvicola rutilus*, изъ которыхъ у послѣдней двѣ
 переднія петли отдѣляются отъ передняго кореннаго зуба эмале-
 вой складкой не въ видѣ ломанной линіи, а въ видѣ правильно
 выгнутой впередъ дуги, т. е. дуги, выгнутой въ обратномъ на-
 правленіи, чѣмъ дуга, ограничивающая сзади передній коренной
 зубъ. Такой формы дуги на передней крайнѣ втораго кореннаго
 зуба нижней челюсти не существуетъ какъ у Сибирскихъ экзем-
 пларовъ *Arvicola rutilus*, такъ и у *Arvicola glareolus*; и вмѣсто
 представленной Зюндевалемъ дуги, я нашелъ у присланнаго мнѣ
 экземпляра *Arvicola rutilus* изъ Швеціи только эмаль въ видѣ ло-
 манной линіи, въ родѣ того, какъ это имѣетъ мѣсто у *Arvicola gla-
 reolus*. Такимъ образомъ линія, ограничивающая переднюю часть
 втораго кореннаго зуба, представлена у Зюндеваля или не вполне
 точно, или онъ имѣлъ иную, отличную отъ настоящихъ *Arvicola
 rutilus* разность.

Для характеристики зубовъ *Arvicola rutilus* Pall. изъ раз-
 ныхъ мѣстъ Сибири представляю нижеслѣдующую таблицу.

	Передній коренной зубъ нижней челюсти.					Задній коренной зубъ верхней челюсти.				
	Съ вѣшной стороны.		Съ внутренней стороны.		Число эмалево-вѣкъ зубовъ.	Съ вѣшной стороны.		Съ внутренней стороны.		Число эмалево-вѣкъ зубовъ.
	Зубцы.	Впадин.	Зубцы.	Впадин.		Зубцы.	Впадин.	Зубцы.	Впадин.	
2242. Табальчикъ, въ Камчаткѣ	4	3	5	4	7	4	4	3	7	
70. Аянъ	4	4	4	4	7	3	3	4	6	
2291. Аянъ	4	3	4	4	7	3	3	4	6	
100. Вилкой?	4	3	5	4	7	3	3	4	6	
101. Вилкой?	4	3	4	4	7	3	3	4	6	
102. »	4	3	4	4	7	4	3	5	8	
60. Амуръ	4	3	5	4	7	3	3	4	7	
58. »	4	3	4	4	7	3	3	4	7	
139. Рѣка Уса	4	3	4	4	7	3	3	4	6	
Экземпляръ изъ Лапландіи.	4	3	5	4	7	3	8	4	6	
Экземпляры спиртовые.										
Экземпл. Радде изъ Восточной Сибири, Дамгу	4	3	4	4	7	3	3	4	6	
Тоже	4	3	5	4	7	4	3	4	6	
Амуръ	4	3	5	4	7	3	3	4	6	
»	4	3	5	4	7	4 ¹⁾	3	4	6	
Камчатка	4	3	5	4	7	3	3	4	6	
»	4	3	5	4	7	3-4	3	4	6	

Для характеристики отношенія различныхъ частей тѣла между собою, привожу слѣдующія измѣренія, на основаніи спиртовыхъ экземпляровъ.

	Камчатка.	Хианганъ.
Общая длина	120 мм.	119
Длина тѣла отъ конца носа до основанія хвоста.	85 »	85
» головы	25 »	24
» хвоста	35 »	34
Въ томъ числѣ длина волосъ на концѣ хвоста	10 »	11
Разстояніе между среднюю глазъ и концомъ носа	12 »	11,6

¹⁾ У этого экземпляра задній коренной зубъ верхней челюсти, если отнять у него по одному отростку съ той и другой стороны, (отростки же эти развиты вообще весьма мало), то онъ будетъ вполне похожъ на соответственный зубъ *Arvicola rufocanus Sundev.*

	Камчатка.	Хингаь.
Разстояніе между глазами и слуховымъ отверстиемъ	10 мм.	11
Высота ушей съ вѣшной стороны	8,5 »	8,5
Длина передней лапы съ когтемъ	9,5 »	9,5
» когтя въ третьемъ пальцѣ	3 »	?
» задней ноги съ когтемъ	19 »	18
» когтя въ третьемъ пальцѣ	3,2 »	?

Отсюда видно, что длина туловища съ головой превосходитъ почти въ 2,5 раза длину хвоста, съ волосами; длина же хвоста, безъ волосъ, почти въ 3,5 раза меньше длины туловища съ головой. Длина головы почти равна длинѣ хвоста, безъ волосъ; высота ушей почти въ 4 раза меньше длины головы. Разстояніе между глазами и концомъ носа больше разстоянія между глазами и слуховымъ отверстиемъ; хотя Палласъ относительно этого и выражается въ текстѣ довольно не опредѣленно, словами: «*Oculi vix rostro propiores, parvuli*», однако же представленныя имъ измѣренія (*Novae sp. Quadr. e Glir. Ord. p. 148 et 149*) совершенно подтверждаютъ наше мнѣніе: *Distantia oculi a naso—4^{3/4}'''*, *auris ab oculo—4'''*.

Животное покрыто сверху мягкимъ мѣхомъ желто или огненно краснаго, или же желто-бураго цвѣта, который на бокахъ становится блѣднымъ, а на нижней части животнаго желтовато-сѣрымъ. Самъ Палласъ, установившій этотъ видъ, говоритъ объ его мѣхѣ слѣдующее «*Vellus fere tenerius, quam in M. oeconomo. Color a media fronte per dorsum ad clunes usque uniformis laete rufo-fulvis, vix summis, longiorum pilorum fuscescentibus; latera dilute griseo-flavescent, ut et rostrum, immixtis pilis sparsis fuscis; alvis et gula sensim albescunt. Pedes albi, piliores quam affinibus. Cauda supra tractus fusco, subtus pallida lateribus flavidior. Lanugo velleris ubique fusca*». — Вообще, по цвѣту шерсти, между *Arvicola rutilus* въ разныхъ частяхъ Сибири существуютъ мѣстные разности. Изъ нихъ особенно отличны экземпляры изъ области Ленской долины, привезенные Маакомъ; у нихъ

огненнаго оттѣнка на верхней части тѣла почти незамѣтно, шерсть имѣть свѣтло-желтый цвѣтъ, и притомъ она весьма длинная и мягкая; также хвостъ покрытъ весьма густой и длинной шерстью особенно на концѣ, при томъ на немъ почти назамѣтно двуцвѣтности, какъ это имѣеть мѣсто у многихъ экземпляровъ изъ другихъ частей Сибири. Двуцвѣтность хвоста всего замѣтнѣе у Амурскихъ экземпляровъ, также у экземпляровъ съ Сѣвернаго Урала. —Шведская разность отличается отъ сибирскихъ сѣрымъ цвѣтомъ нижней части тѣла, безъ желтоватаго отлива.

Изъ всего выше сказаннаго можно уже заключить, что *Arvicola rutilus* принадлежитъ къ видамъ, наиболѣе широко распространеннымъ и довольно постояннымъ въ своихъ признакахъ. Мы имѣемъ большое количество экземпляровъ изъ Камчатки, изъ окрестностей Аяна, съ Амура, изъ Ленскаго бассейна, изъ Сѣвернаго Урала. Уже Блазіусъ указалъ на то, что она распространяется въ Сѣверной Россіи. Наконецъ я получилъ экземпляръ этого вида изъ Швеціи; онъ былъ первоначально добытъ въ Лапландіи.

5. Полевка амурская. (*Arvicola amurensis* Schrenck).

Arvicola amurensis. L. Schrenck, Reisen und Forschungen im Amur-Lande, Band I, 1 Lieferung, S. 129, Taf. VI, fig. 1 und 2.

На переднемъ коренномъ зубѣ нижней челюсти находится съ вѣшной стороны четыре зубца и три впадины между ними, съ внутренней стороны—пять зубцовъ и четыре впадины между ними, на поверхности зуба находится семь эмалевыхъ петель. На заднемъ коренномъ зубѣ верхней челюсти находится съ вѣшной стороны три зубца и три впадины, съ внутренней стороны—четыре зубца и три впадины. На поверхности зуба лежитъ шесть эмалевыхъ петель. Длина хвоста съ шерстью содержится въ дли-

нѣ туловища около двухъ разъ. Цвѣтъ ногъ бѣловатый, самое туловище сверху рыжевато. Этотъ видъ весьма близокъ къ *Arvicola rutilus* Pall.; но отличается отъ него коренными зубами, которыя болѣе узки; зубцы же на зубахъ болѣе округлены, чѣмъ у *Arvicola rutilus* Pall. Одинъ экземпляръ этого вида былъ найденъ Л. И. Шренкомъ около Николаевска и хранится въ Зоологическомъ Музеѣ Академіи; онъ былъ подробно описанъ подъ именемъ *Arvicola amurensis* самимъ академикомъ Шренкомъ въ вышецитированномъ отчетѣ о путешествіи въ Амурскую область.

6. Полевка Вознесенскаго. (*Arvicola Wosnessenskii* n. sp.)

Вмѣстѣ съ двумя представителями подрода *Hypudaeus*, именно съ *Arvicola rutilus* Pall. и *Arvicola rufocanus* Sund. var. *sibirica* m., въ Камчаткѣ несомнѣнно водятся еще третій видъ, принадлежащій къ этому подроду; въ память Вознесенскаго, привезшаго изъ Камчатки къ сожалѣнію только два экземпляра полевокъ этого вида, я называю его *Arvicola Wosnessenskii*. Отъ двухъ вышеназванныхъ видовъ, нашъ отличается какъ цвѣтомъ шерсти, такъ и формой зубовъ, — въ особенности заднимъ кореннымъ зубомъ верхней челюсти.

Передній коренной зубъ нижней челюсти имѣетъ съ внѣшней стороны четыре зубца и три впадины, съ внутренней стороны пять зубцовъ и четыре впадины, на поверхности зуба лежатъ семь эмалевыхъ петель, довольно ясно другъ отъ друга разграниченныхъ; — вообще этотъ зубъ по своей формѣ совершенно уподобляется соответственнымъ зубамъ другихъ представителей подрода *Hypudaeus*, какъ то *Arvicola glareolus* Schreb., *Ar. rutilus* Pall., *Arv. rufocanus* Sund. На заднемъ коренномъ зубѣ верхней челюсти находится съ внѣшней стороны по три явственныхъ зубца и по три впадины и кромѣ того позади зуба можно замѣ-

тить зачаточный четвертый зубецъ, безъ ясной за нимъ впадины; съ внутренней стороны находится четыре зубца, считая въ томъ числѣ конечный, и между ними три впадины. На поверхности зуба лежатъ шесть эмалевыхъ петель, изъ которыхъ послѣдняя или развита весьма мало или же, въ случаѣ значительнаго развитія, отогнута на внѣшнюю сторону. Такимъ образомъ *Arvicola Wosnessenskii* по числу отростковъ или зубцовъ на заднемъ коренномъ зубѣ верхней челюсти, отличаясь съ перваго уже взгляда отъ разновидностей *Arvicola rufocanus*, приближается къ *Arvicola rutilus*. Но въ свою очередь она вполне отлична и отъ этой послѣдней по формѣ зубцовъ и впадинъ, а также и эмалевыхъ петель на всей верхней челюсти. Зубцы *Arvicola rutilus* на всѣхъ зубахъ округленные, съ тупыми концами, лежатъ они близко другъ къ другу, почему и отдѣляются только узкими впадинами, тогда какъ у нашего вида зубцы имѣютъ довольно острые края, отстоятъ довольно далеко другъ отъ друга или отдѣляются другъ отъ друга широкими впадинами, въ слѣдствіе этого рядъ зубовъ на всей верхней челюсти у нашего вида длиннѣе, чѣмъ у *Arvicola rutilus*. Такъ длина ряда зубовъ въ верхней челюсти на черепѣ одного изъ экземпляровъ нашего вида равняется 6 мм., тогда какъ на черепѣ почти такой же величины *Arvicola rutilus* длина соответственнаго ряда зубовъ только 4,7 мм., а у экземпляра *Arv. rutilus*, черепъ котораго весьма значительно превосходитъ величину взятаго черепа для *Arvicola Wosnessenskii*, длина названнаго ряда зубовъ доходить только до 5,5 мм.

Размѣры экземпляра, сохраненнаго въ спирту, слѣдующіе:

	Камчатка.
Общая длина.....	123
Длина тѣла отъ конца до основанія хвоста.....	83
» головы.....	26
» хвоста.....	36
Въ томъ числѣ длина волосъ на концѣ хвоста.....	4,5
Разстояніе между серединою глазъ и концомъ носа.....	13
» между серединою глазъ и слуховымъ отверстіемъ....	13

	Камчатка.
Высота ушей съ вѣшной стороны.....	8,5
Длина передней лапы съ когтями.....	11
» задней лапы съ когтемъ.....	19,5

Длина тѣла превосходитъ около 2,5 разъ длину хвоста; длина же хвоста безъ волосъ составляетъ около $\frac{1}{8}$ длины тѣла; разстояніе между серединою глазъ и концомъ носа равно разстоянію между серединою глазъ и слуховымъ отверстіемъ.

Животное покрыто сверху короткою, относительно рѣдкою буроватою шерстью, на концѣ рыла, на бокахъ и нижней части тѣла преобладаетъ темно-пепельный цвѣтъ шерсти; хвостъ покрытъ также рѣдкою шерстью и имѣетъ на концѣ короткіе волосы, чѣмъ существенно отличается отъ всѣхъ родственныхъ видовъ. Вообще, изъ родственныхъ видовъ ни одинъ не имѣетъ въ такой степени преобладающаго по всему тѣлу темнаго цвѣта шерсти.

Экземпляръ въ шкуркѣ былъ отмѣченъ у Вознесенскаго, какъ молодой *Arvicola rufocanus*, что во всѣхъ отношеніяхъ не справедливо, такъ какъ черепъ этого экземпляра и зубы вполне развиты. Какъ этотъ, такъ и другой экземпляръ, сохраненные въ спирту, происходятъ изъ Камчатки.

7. Полевка красно-сѣрая. (*Arvicola rufocanus* Sundev.)

- Hypodaemus rufocanus*. Sundevall, Öfversigt af Kongl. Vetenskaps — Akademiens Förhandlingar. N 5, 1846, p. 122. Isis von Oken, 1848, p. 392.
- Hypodaemus rufocanus*. Löwenhjelm, Öfversigt af K. V. — A. Förhandlingar, N 5, 1846, p. 124.
- Letmus rufocanus*. Nilsson, Skandinavisk fauna I, p. 365.
- Arvicola rufocanus*. Middendorff, Sibir. Reise, B. II. Th. 2, p. 114; Tab. XI, fig. 9.
- Arvicola rufocanus*. Radde, Reise im Süden von Ost-Sibir. B. I, p. 185 (ex parte)¹⁾.

На переднемъ коренномъ зубѣ нижней челюсти находится съ вѣшной стороны четыре зубца и три впадины между ними, съ внутренней — пять зубцовъ и четыре впадины. На поверхности зуба лежатъ семь эмалевыхъ петель, которыя довольно рѣзко другъ отъ друга разграничены. На заднемъ коренномъ зубѣ верхней челюсти съ вѣшной стороны находится три зубца и три впадины, съ внутренней — три зубца и двѣ впадины или также три впадины. На поверхности зуба лежатъ пять эмалевыхъ петель, которыя довольно рѣзко между собою разграничены; если же съ внутренней стороны зуба существуетъ третья впадина, то пятая эмалевая петля слегка дѣлится на двѣ половины или получаетъ неправильную форму.

Для характеристики зубовъ представляю слѣдующую таблицу.

¹⁾ На рисунки зубовъ полевокъ, находящихся въ трудѣ Г. И. Радде, я вообще стараюсь не ссылаться, такъ какъ они до такой степени далеки отъ дѣйствительности, которую можно видѣть на оригинальныхъ экземплярахъ, что могутъ, если ими пользоваться безусловно, ввести только въ заблужденіе.

	Передній коренной зубъ нижней челюсти.					Задній коренной зубъ верхней челюсти.				
	Съ вѣшной стороны.		Съ внутренней стороны.		Число звеновъ въ петле.	Съ вѣшной стороны.		Съ внутренней стороны.		Число звеновъ въ петле.
	Зубы.	Впадин.	Зубы.	Впадин.		Зубы.	Впадин.	Зубы.	Впадин.	
Сѣверная Норвегія...	4	3	5	4	7 ¹⁾	3	3	3	2	5
113. Таймурская земля....	4	3	5	4	7	3	3	3	3	5
63. Камчатка.....	4	3	5	4	7	3	3	3	3	5
57. Амуръ	4	3	5	4	7	3	3	3	3	5
59. Амуръ.....	4	3	5	4	7	3	3	3	2	5
3032. Алтай.....	4	3	5	4	7	3	3	3	3	5
Байкаль, экземп. спиртовой.....	4	3	5	5	7	3	3	3	2	5

Для характеристики отношеній между различными частями тѣла даю слѣдующія измѣренія экземпляра *Arvicola rufocanus*, привезеннаго г. Раде изъ окрестностей озера Байкала.

Общая длина.....	119 мм.
Длина тѣла отъ конца носа до основанія хвоста.....	87 »
» головы.....	26 »
» хвоста.....	32 »
Въ томъ числѣ длина волосъ на концѣ хвоста.....	10 »
Разстояніе между серединою глаза и концомъ носа.....	13 »
» между серединою глазъ и слуховымъ отверстіемъ.	11 »
Высота ушей съ вѣшной стороны...	8 »
Длина передней лапы съ когтемъ.....	10 »
» задней лапы съ когтемъ.....	18 »

Длина тѣла, данная Зюндевалемъ для оригинальныхъ экземпляровъ — около 100 мм., длина хвоста безъ волосъ 20 мм., съ волосами — 30 мм. Сравнивая эти данныя съ только что представленными для сибирскаго экземпляра, найдемъ въ отношеніи частей тѣла *Arvicola rufocanus* значительную разницу; у оригинальныхъ экземпляровъ хвостъ съ волосами будетъ составлять около 3,5 длина тѣла; безъ волосъ — хвостъ будетъ въ пять разъ меньше длины всего тѣла, тогда какъ у сибирскаго хвостъ со-

¹⁾ Двѣ послѣднія петли не раздѣлены другъ отъ друга.

ставяетъ около 2,7 длины тѣла, безъ волосъ же — $\frac{1}{4}$ длины тѣла. Точно также, изъ измѣренія, приведеннаго г. Радде для *Arvicola rufocanus*, — если только у него былъ въ рукахъ дѣйствительно представитель этого вида, а не *Arvicola rutilus*, — слѣдуетъ, что длина туловища превосходитъ длину хвоста не больше, какъ въ 3 раза. У сибирскаго экземпляра разстояніе между концомъ носа и серединою глазъ больше разстоянія между серединою глазъ и слуховымъ отверстиемъ.

Сибирскіе экземпляры изъ разныхъ мѣстъ покрыты сверху красно-бурою шерстью, которая на бокахъ и на концѣ рыла становится блѣдно-рыжею, а на нижней части тѣла грязно-сѣрою. Въ отличіе отъ *Arvicola rutilus*, у описываемаго вида ни на бокахъ и на нижней части тѣла нѣтъ желтоватаго оттѣнка. Точно также, верхняя часть головы и щеки описываемаго вида грязновато-сѣры, тогда какъ верхняя часть головы и щеки *Arvicola rutilus* желто-буры.

Вообще же, на основаніи всего выше сказаннаго, форму сибирской полевки, соотвѣтствующую *Arvicola rufocanus* Sund. изъ Лапландіи, можно принять какъ разновидность этого вида. Съ другой стороны между сибирскою разновидностью *Arvicola rufocanus* и сибирскимъ видамъ *Arvicola rutilus* существуетъ много общаго, много переходовъ, такъ что г. Радде многіе Амурскіе экземпляры *Arvicola rutilus* опредѣлил, какъ *Arvicola rufocanus* Sund., — такъ по крайней мѣрѣ можно судить по надписямъ на экземплярахъ, которые онъ оставилъ послѣ своей работы въ Зоологическомъ Музеѣ Академіи Наукъ.

Arvicola rufocanus Sundev. распространена въ Лапландіи; сибирская же разность встрѣчается въ Камчаткѣ, на Амурѣ, въ Прибайкальѣ, на Алтаѣ и вообще на сѣверѣ Сибири; во многихъ мѣстахъ она встрѣчается повидимому совмѣстно съ близко ей родственнымъ видомъ *Arvicola rutilus* Pall. Вообще же для опредѣленія отношенія *Arvicola rufocanus* къ только что названному виду требуется еще большой матеріалъ.

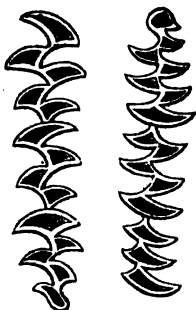
8. Полевка Брандта. (*Arvicola Brandtii* Radde.)

Arvicola Brandtii. G. Radde, Reise im Süd. von Ost-Sibir. I, p. 199.

Въ переднемъ коренномъ зубѣ нижней челюсти находится съ внѣшней стороны четыре зубца и три впадины между ними, съ

Фиг. 6.

Arvicola Brandtii Radde.

внутренней пять зубцовъ и четыре впадины между ними; на поверхности зуба лежатъ семь эмалевыхъ петель; всѣ петли вполне разграничены другъ отъ друга. — На заднемъ коренномъ зубѣ верхней челюсти находится какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны по три зубца и по три впадины между ними; на поверхности зуба находится пять эмалевыхъ петель. Это одна изъ довольно большихъ полевокъ; она достигаетъ отъ 90 до 130 мм. длины, та-

ковы спиртовые экземпляры; экземпляры же въ шкуркахъ имѣютъ и до 170 мм. въ длину, при весьма короткомъ хвостѣ, не превышающемъ длины вытянутыхъ назадъ ногъ. Цвѣтъ шерсти желтоватый, какъ бы гесчаный, ибо полевка живетъ въ степныхъ мѣстностяхъ Забайкалья, въ сѣверныхъ частяхъ Гоби. Г. И. Радде вывезъ большое количество представителей этого вида изъ Забайкалья и вновь описалъ ихъ подъ выше приведеннымъ именемъ. Вообще, это видъ степной; многіе родственные съ нимъ виды живутъ въ сѣверной Монголіи, въ Нань-Шанѣ, Цайдамѣ и въ сѣверномъ Тибетѣ, откуда въ послѣднее время они вывезены Н. М. Пржевальскимъ. Этотъ видъ полевки весьма близко подходит по своему внѣшнему виду, по формѣ тѣла и цвѣту мѣха, даже по короткому хвосту къ *Eremiomys luteus* *Eversm.*, но рѣзко отличенъ отъ него по зубамъ. Изъ внѣшняго сходства слѣдуетъ только, что степь кладетъ свою печать на внѣшность своихъ обитателей, подгоняя ихъ, силою естественнаго подбора, къ своему однообразному, желтовато-сѣрому колориту.

9. Полевна Эверсмана. (*Arvicola Eversmannii* n. sp.)

Въ переднемъ коренномъ зубѣ нижней челюсти съ внѣшней стороны находится четыре зубца и между ними четыре впадины, съ внутренней стороны — пять зубцовъ и между ними пять впадинъ. На поверхности зуба лежатъ девять эмалевыхъ петель, изъ которыхъ три послѣднія не вполне раздѣлены другъ отъ друга.

Задній коренной зубъ верхней челюсти съ внѣшней стороны ограниченъ 3 зубцами, съ 3 впадинами между ними. Съ внутренней стороны находится по 4 зубца и столько же впадинъ, изъ которыхъ послѣдняя бываетъ иногда малоразвита или почти незамѣтна. Число эмалевыхъ петель на поверхности зуба доходитъ до 7, но бываетъ иногда на коренномъ зубѣ одной половины челюсти 7 эмалевыхъ петель, тогда какъ на другой только 6; изрѣдка бываетъ на обѣихъ половинахъ верхней челюсти только по 6 эмалевыхъ петель на заднемъ коренномъ зубѣ.

Какого рода встрѣчаются индивидуальныя измѣненія въ устройствѣ зубовъ у разныхъ экземпляровъ, можно видѣть изъ слѣдующей таблицы. Изъ этой таблицы очевидно, что устройство и форма передняго кореннаго зуба весьма постоянны, тогда какъ измѣчивость появляется въ заднемъ коренномъ зубѣ верхней челюсти, гдѣ послѣдняя впадина съ внутренней стороны зуба или ясно развита или отсутствуетъ, почему и эмалевыя петли бываютъ въ количествѣ 7 или 6.

Фиг. 7.

Arvicola Eversmannii.

	Передній коренной зубъ имъ- ной челюсти.					Задній коренной зубъ верх- ней челюсти.				
	Съ вѣшной сторонн.		Съ внутрен- ней сторонн.		Число эмале- выхъ петель.	Съ вѣшной сторонн.		Съ внутрен- ней сторонн.		Число эмале- выхъ петель.
	Зубцн.	Впади- ны.	Зубцн.	Впади- ны.		Зубцн.	Впади- ны.	Зубцн.	Впади- ны.	
8013. Алтай.....	4	4	5	5	9	3	3	4	4	7
8016. Алтай, Уймонъ.....	4	4	5	5	9	3	3	4	3	6 ¹⁾
8014. Алтай.....	4	4	5	5	9	3	3	4	4	6
8017. Алтай?.....	4	4	5	5	9	?	?	?	?	?
Экземп. изъ спирта, Алтай.	4	4	5	5	9	3	3	4	4	7 ²⁾
Тоже.....	4	4	5	5	9	3	3	4	4	7
Тоже.....	4	4	5	5	9	3	3	4	3	6 ³⁾

Наибольшій изъ имѣющихся экземпляровъ въ шкуркѣ имѣеть до 150 мм. длины; здѣсь же представляю измѣреніе двухъ небольшихъ экземпляровъ, сохраненныхъ въ спирту.

Общая длина.....	112 мм.	113
Длина тѣла отъ конца морды до основанія хвоста.....	82 »	80
» головы.....	27 »	27
» хвоста съ шерстью.....	30 »	34
» волосъ на концѣ хвоста.....	6 »	5
Высота ушей сзади.....	7,5 »	7
Разстояніе между глазами и оконечностью носа.	11 »	11,5
» между глазами и слуховымъ отверстиемъ.....	11 »	11,3
Длина передней лапы съ когтемъ.....	9 »	9
» когтя въ третьемъ пальцѣ.....	3,8 »	3,5
» задней ноги съ когтемъ.....	17 »	17
» когтя въ третьемъ пальцѣ.....	3,9 »	3,5
» усовъ.....	25 »	26.

1) У этого экземпляра не достаетъ послѣдней впадины въ заднемъ коренномъ зубѣ верхней челюсти.

2) Смотря по тому, есть или нѣтъ послѣдняя впадина въ заднемъ коренномъ зубѣ верхней челюсти, на поверхности зуба находится 6 или 7 эмалевыхъ петель; послѣднее имѣеть мѣсто тогда, когда впадина замѣтно развита.

3) У этого экземпляра на обѣихъ половинахъ верхней челюсти находится на послѣднемъ коренномъ зубѣ только по 6 эмалевыхъ петель.

Туловище вмѣстѣ съ головой, въ $2\frac{1}{2}$ раза больше длины хвоста. Хвостъ значительно превосходить длину вытянутыхъ назадъ ногъ. Уши составляютъ $\frac{1}{4}$ длины головы и съ внутренней стороны покрыты, начиная отъ середины ушной раковины, рѣдкими, рыжеватыми волосами, увеличивающимися въ густотѣ на вершинѣ уха.

Цвѣтъ шерсти у взрослыхъ экземпляровъ сверху темно-желтый, по бокамъ свѣтло-желтый, на животѣ свѣтло-сѣрый съ желтоватымъ отливомъ. У молодыхъ экземпляровъ цвѣтъ шерсти темнѣе, сверху желто-бурый, снизу свѣтло-сѣрый, съ меньшими проблесками желтизны, чѣмъ у взрослыхъ экземпляровъ. Основная половина волосъ по всему тѣлу синеваато-темная; ноги и нижняя часть хвоста покрыты бѣловатыми волосами, съ желтоватымъ оттѣнкомъ.

Этотъ видъ распространенъ на Алтаѣ, въ самыхъ возвышенныхъ его точкахъ, какъ напр. въ Уймонѣ. Изъ Алтая имѣется 5 экземпляровъ отъ Эверсмана, который впрочемъ ошибочно принималъ этотъ видъ за *Arvicola oeconotus* Pall.—Самое рѣзкое различіе этого вида, названнаго въ честь Эверсмана, отъ *Arv. oeconotus* Pall. заключается прежде всего въ томъ, что у нашего вида съ внѣшней стороны на переднемъ коренномъ зубѣ нижней челюсти находится 4 зубца и 4 впадины, тогда какъ у *Arv. oeconotus* имѣется всего въ соответственномъ мѣстѣ по 3 зубца и впадины. Нѣсколько экземпляровъ *Arv. Eversmannii* находится у насъ въ спирту отъ покойнаго д-ра Геблера,—также изъ Алтая.

10. Полевна стадная. (*Arvicola gregalis* Pall.).

Mus gregalis. Pallas, Nov. spec. Quadr. e Glir. Ord. p. 288.

Myodes gregalis. Pallas, Zoograph. Ros.-Asiat. I, p. 176.

Mus gregalis. Schreber, Säugeth. IV, p. 674.

Hypudaeus gregalis. Schreber's Säugeth. Suppl. Andr. Wagner, Dritte Abtheil. p. 586.

Arvicola gregalis. Radde, Reise im Süden von Ost-Sibir. B. 191, Tab. VII, p. II, fig. 7 a—c und. Tab. XI, fig. 2.

Подъ именемъ *Arvicola gregalis* Pall. я рѣшился принять ту форму, которую привезъ изъ Забайкальской области и описалъ Радде, и вѣроятно ту самую, которую имѣли въ рукахъ подъ этимъ именемъ Кейзерлингъ и Блазиусъ и указали хотя и неполнѣ на одну весьма существенную особенность, свойственную этой формѣ *). Именно Кейзерлингъ и Блазиусъ сдѣлали замѣчаніе, что въ переднемъ коренномъ зубѣ этого вида находится только 8 призмъ, чего нѣтъ ни у одного изъ существующихъ видовъ, а г. Радде нашелъ, что число призмъ доходитъ даже до семи, почему и вывелъ ее изъ промежуточнаго положенія между подродами *Arvicola* и *Hypudaeus* и причислилъ къ послѣднему подроду (l. c. p. 141). Я въ свою очередь пришелъ къ слѣдующему заключенію относительно устройства зубовъ этой формы. Здѣсь измѣнчивость происходитъ не въ заднемъ коренномъ зубѣ верхней челюсти, какъ это замѣтно у большинства видовъ, а въ переднемъ коренномъ нижней челюсти. Измѣнчивость эта проявляется въ томъ, что передніе коренные зубы нижней челюсти бываютъ несимметричны, на той и другой сторонахъ челюсти они имѣютъ различную форму у одного и того же экземпляра, чтоъ выражается

*) Mémoires présentés à l'Acad. I. des sc. de St. Pet. par. sav. étrang. t. IV, p. 332.

въ различномъ числѣ зубцовъ по сторонамъ зуба и въ разномъ количествѣ эмалевыхъ петель.

Изъ восьми экземпляровъ, челюсти которыхъ я рассматривалъ, у четырехъ на переднемъ коренномъ зубѣ нижней челюсти съ внѣшней стороны находится по три зубца и по три впадины между ними; съ внутренней стороны пять ясно развитыхъ зубцовъ и пять между ними впадинъ; на поверхности зуба лежатъ восемь эмалевыхъ петель; у двухъ слѣдующихъ экземпляровъ, сохраненныхъ въ спирту, и у одного въ шкуркѣ въ переднемъ коренномъ зубѣ нижней челюсти съ внѣшней стороны находится по четыре зубца и по четыре же впадины, при чемъ послѣдній зубецъ и послѣдняя впадина хотя и замѣтны, но не сильно развиты. Наконецъ у послѣдняго экземпляра, сохраненнаго въ шкуркѣ, на переднемъ коренномъ зубѣ нижней челюсти, на правой ея половинѣ, съ внѣшней стороны находится весьма ясно развитый четвертый зубецъ и четвертая впадина, — это типъ зуба совершенно подобный соотвѣтственному зубу *Arvicola arvalis* Pall., тогда какъ на переднемъ коренномъ зубѣ съ лѣвой стороны челюсти находится извнѣ только три зубца и три впадины, — зубъ напоминаетъ по своему устройству и формѣ соотвѣтственный зубъ *Arvicola oeconomus* Pall. Такимъ образомъ здѣсь мы можемъ видѣть, какъ у разныхъ экземпляровъ въ отдѣльности, такъ и у одного и того же, признаки въ устройствѣ передняго кореннаго зуба нижней челюсти, свойственные двумъ группамъ полевокъ, изъ которыхъ одна собственно *Arvicola*, другая подродъ Блазюса, *Paludicola* (Säugethier. Deutschl. p. 333). Слѣдовательно *Arvicola gregalis* должна занять во всѣхъ отношеніяхъ средину между двумя названными группами полевокъ или — она, сказать иначе, есть переходное звено между подродами *Arvicola* и *Paludicola*. Что же касается заключенія г. Раде, по которому онъ причисляетъ *Arvicola gregalis* къ представителямъ подрода *Hypudacus*, то для этого, мнѣ кажется, нѣтъ никакихъ существенныхъ основаній, такъ какъ у всѣхъ рассмотрѣнныхъ мною экземпляровъ пятый зубецъ и пя-

тая впадина съ внутренней стороны передняго кореннаго зуба развиты весьма ясно.

На заднемъ коренномъ зубѣ верхней челюсти находятся съ вѣшной стороны три зубца и три впадины, съ внутренней стороны четыре зубца, число же впадинъ различно, иногда ихъ бываетъ только три, — это въ большинствѣ случаевъ, иногда же бываетъ развита вполне отчетливо и четвертая впадина;— въ зависимости отъ развитія или отсутствія четвертой впадины число эмалевыхъ петель, лежащихъ на поверхности зуба, доходить отъ 6 до 7. Вообще, форма задняго кореннаго зуба верхней челюсти весьма близко напоминаетъ форму соответственнаго зуба *Arvicola arvalis Pall.* Для характеристики зубовъ представляю слѣдующую таблицу.

	Передній коренной зубъ нижней челюсти.					Задній коренной зубъ верхней челюсти.				
	Съ вѣшной стороны.		Съ внутренней стороны.			Съ вѣшной стороны.		Съ внутренней стороны.		
	Зубца.	Впадин.	Зубца.	Впадин.	Число эмалевыхъ петель.	Зубца.	Впадин.	Зубца.	Впадин.	Число эмалевыхъ петель.
38. Забайкалье, старая Чиндантская крѣп.....	3	3	5	5	8	3	3	4	3	6
37. Оттуда же.....	3	3	5	5	6	?	?	?	?	?
429. Тоже.....	4 ¹⁾	4	5	5	9	3	3	4	4	6
431. Тоже.....	3	3	5	5	8	3	3	4	3	6
432. Тоже.....	4 ²⁾	4	5	5	9	3	3	4	4	7
433. Тоже.....	3	3	5	5	8	3	3	4	3	6
Экземпляръ спиртовой изъ Яблоноваго хребта.....	4	4	5	5	9	3	3	4	4	7
Экземпляръ оттуда же.....	4	4	5	5	9	3	3	4	4	7

Изъ 12 экземпляровъ, привезенныхъ г. Радде изъ Забайкалья, только два находятся въ спирту и при томъ они сохранены такъ плохо, что я не могъ сдѣлать измѣреніе частей ихъ тѣла; изъ того же измѣренія, которое представилъ для этого ви-

¹⁾ Четвертый зубецъ и четвертая впадина замѣтны при внимательномъ разсмотрѣнн, хотя развиты весьма мало.

²⁾ Относится до зуба съ правой стороны челюсти.

да самъ г. Радде, видно, что хвостъ, безъ волосъ на концѣ, составляетъ около $\frac{1}{4}$ длины туловища съ головой; если же принять въ расчетъ и волосы на концѣ хвоста, то мы найдемъ, что онъ будетъ составлять 3,4 длины туловища съ головой, — въ такомъ случаѣ отношеніе будетъ то же, которое мы имѣемъ въ отношеніи длины хвоста къ длинѣ туловища у *Arvicola Raddei*, въ то же время оно будетъ большее, чѣмъ у *Arvicola socialis*. Данное же отношеніе хвоста къ длинѣ туловища у описанныхъ г. Радде экземпляровъ будетъ довольно близко подходить къ отношенію длины хвоста къ туловищу того экземпляра *Arvicola gregalis*, измѣреніе котораго далъ самъ Палласъ (Nov. sp. e Glig. Ord. p. 245).

Экземпляры, привезенные г. Радде, покрыты сверху темно-бурою шерстью, которая на бокахъ становится болѣе блѣдною, на нижней же сторонѣ тѣла она принимаетъ сѣровато-бѣлый или грязно-бѣлый оттѣнокъ. Нѣкоторые же экземпляры имѣютъ сверху шерсть съ значительнымъ рыжеватымъ оттѣнкомъ, а снизу, къ грязно-бѣлому фону примѣшаны желтые волосы. Палласъ описываетъ мѣхъ *Arvicola gregalis* слѣдующимъ образомъ: «Vellus rude, duriusculum, minus laeve, sed strictum. Color supra griseo-pallescentis, pilis medio dorso crebrioribus, nigriscentibus abfuscatus: lateribus sensim pallidus, pilis griseis mixtus; subtus pallidus sordideve albescens». Относительно же Забайкальскихъ экземпляровъ онъ говоритъ: «Vellus paulo rudius videbatur, et color minus flavicans».

Оригинальному виду *Arvicola gregalis* Палласъ отводитъ весьма обширную область распространенія. Начиная съ р. Чулыма, Палласъ находилъ установленный имъ видъ выше Красноярска между рр. Юсомъ и Енисеемъ до Абакана, многочисленнымъ населеніемъ этотъ видъ въ Дауріи, а также допускаетъ его распространеніе и въ Камчаткѣ. Въ какой степени представители этого вида сохранили въ разныхъ мѣстахъ между собою сходство и дѣйствительно ли во всѣхъ указанныхъ Палласомъ мѣстахъ живетъ одинъ видъ, *Arvicola gregalis*, — рѣшить этотъ вопросъ трудно, такъ какъ мы имѣемъ экземпляры только изъ Забайкалья, преимуще-

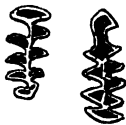
ственно изъ окрестностей Чинданта. Эти экземпляры собраны г. Раде, который въ то же время указываетъ на южныя части Яблонскаго хребта, на окрестности карауловъ Киринскаго, Алтанскаго и Букукунскаго, какъ на пункты, гдѣ *Arvicola gregalis* весьма обыкновенна.—Извѣстно, что *Arvicola gregalis* собираетъ на зиму запасы луковицъ отъ различныхъ лилейныхъ растений и что мѣстные обыватели, буряты, вырывая эти запасы изъ норъ полевокъ, пользуются ими для своихъ собственныхъ цѣлей, употребляя ихъ въ пищу.

11. Полевка Миддендорфа. (*Arvicola Middendorffii* n. sp.).

Arvicola obscurus. Midd. Sibirische Reise. B. II. Th. 2. Erste Liefer. p. 109.

Въ вышеуказанной работѣ этотъ видъ глубокаго сѣвера былъ ошибочно принятъ А. О. Миддендорфомъ за *Arvicola obscurus* Eversm., отъ котораго онъ совершенно отличенъ и близко подходитъ по многимъ признакамъ къ другому алтайскому виду, который я описалъ подъ именемъ *Arvicola Eversmannii*. Форма и строеніе зубовъ *Arvicola Middendorffii* слѣдующая.

Фиг. 8.
Arg. Middendorffii.

На переднемъ коренномъ зубѣ нижней челюсти съ внѣшней стороны находится 4 вполне ясныхъ зубца и между ними 4 впадины; съ внутренней стороны 5 явственныхъ зубцовъ и между ними 5 впадинъ; число эмалевыхъ петель на поверхности зуба — 9.

На заднемъ коренномъ зубѣ верхней челюсти съ внѣшней стороны находится 4 явственныхъ зубца и между ними 4 впадины, точно такъ же, какъ и съ внутренней стороны по 4 зубца

и по 4 впадины; эмалевыхъ петель, лежащихъ на поверхности зуба,—8. Эта формула зубовъ у разныхъ экземпляровъ и изъ различныхъ мѣстъ весьма постоянна, что можно видѣть изъ прилагаемой таблицы.

	Передній коренной зубъ нижней челюсти.					Задній коренной зубъ верхней челюсти.				
	Съ вѣшной стороны.		Съ внутренней стороны.		Число эмалевыхъ петель.	Съ вѣшной стороны.		Съ внутренней стороны.		Число эмалевыхъ петель.
	Зубца.	Впадин.	Зубца.	Впадин.		Зубца.	Впадин.	Зубца.	Впадин.	
111. Таймуръ	4	4	5	5	9	4	4	4	4	8
437. Тоже	4	4	5	5	9	4	4	4	4	8 ¹⁾
447. Тоже	4	4	5	5	9	4	4	4	4	8
105. Р. Виллюй	4	4	5	5	9	4	4	4	4	8
2299. Аянъ	4	4	5	5	8	4	4	4	4	8
141. Р. Кара	4	4	5	5	9	4	4	4	4	8 ²⁾

А. О. Миддендорфъ, вѣроятно имѣвшій въ рукахъ живые экземпляры, даетъ для вида слѣдующую характеристику. «Хвостъ, вмѣстѣ съ волосами, составляетъ около $\frac{1}{4}$ длины туловища съ головой, и иногда достигаетъ до конца пальцевъ въ вытянутыхъ назадъ заднихъ ногахъ, обыкновенно же доходитъ только до основанія пальцевъ. Уши почти никогда не выдаются изъ зимней шерсти и даже изъ лѣтней только едва замѣтно выступаютъ; онѣ составляютъ немного болѣе $\frac{1}{4}$ длины головы и покрыты весьма рѣдкими волосами, кромѣ густыхъ, короткихъ волосъ, одѣвающихъ края ушной раковины съ внутренней стороны и вдающихся во внутрь только отъ конца уха.

¹⁾ Эти экземпляры по строенію и формѣ зубовъ почти тождественны съ Алтайскимъ видомъ, *Ag. Evermannii*; только у нихъ первые зубцы на переднемъ коренномъ зубѣ болѣе ясно выражены, потому и три первыхъ эмалевыхъ петли являются болѣе обособленными; тоже самое нужно сказать и о заднемъ коренномъ зубѣ верхней челюсти. При томъ различіи еще въ томъ, что у Алтайскаго вида на заднемъ зубѣ верхней челюсти съ вѣшной стороны находится по 3 зубца, тогда какъ у Таймурскаго ихъ 4.

²⁾ У этого экземпляра на переднемъ коренномъ зубѣ можно отличить 8 явныхъ эмалевыхъ петель; 9-я только зачаточна.

При ближайшемъ разсмотрѣніи животныхъ находимъ, что волоса ихъ по всему тѣлу на основной половинѣ голубовато-черные; изъ этого составляютъ исключеніе только совершенно бѣлые волосы на нижней части хвоста».

12. Полевка Норденшильда. (*Arvicola Nordenskiöldii* n. sp.).

На переднемъ коренномъ зубѣ нижней челюсти съ внѣшней стороны находится четыре зубца и четыре впадины между ними; съ внутренней стороны находится шесть зубцовъ, изъ которыхъ первый иногда довольно явственный, иногда зачаточный, между зубцами— пять впадинъ; на поверхности зуба находится 9 эмалевыхъ петель.

На заднемъ коренномъ зубѣ верхней челюсти, съ внутренней и внѣшней стороны, находится по четыре зубца и по столько же впадинъ между ними. На поверхности зуба лежитъ 8 эмалевыхъ петель, изъ нихъ двѣ послѣднія плохо между собою разграничены, причѣмъ послѣдняя петля отогнута въ сторону. Въ этомъ послѣднемъ признакѣ заключается отличіе описываемаго здѣсь вида отъ *Arvicola Middendorffi*, у котораго двѣ послѣднія петли на соответственномъ зубѣ вполне раздѣлены между собою.

Arvicola Nordenskiöldii меньше ростомъ, чѣмъ *Arvicola Middendorffi*, при томъ она имѣетъ короткій хвостъ, не превосходящій длину вытянутыхъ назадъ ногъ. На нижней части тѣла, также хвоста, господствуетъ пепельно-сѣрый цвѣтъ, который за тѣмъ, на верхней части тѣла, при основаніи волосъ, становится болѣе темно-сѣрымъ; самые же концы волосъ рыжеваты. Нѣсколько экземпляровъ описываемаго здѣсь вида было привезено, въ шкуркахъ, А. Θ. Миддендорфомъ изъ Таймурской земли.

13. Полевка каменная. (*Arvicola saxatilis* Pall.).

Mus saxatilis. Pallas, Nov. sp. Quad. e Gl. Ord. p. 255, tab. XIII. B.

Myodes saxatilis. Pallas, Zoograph. I, p. 175.

Arvicola saxatilis. L. v. Schrenck, Reisen und Forschungen im Amur-Lande, B. I, p. 137, Tab. VI, fig. 3.

Первоначально *Arvicola saxatilis* была описана Палласомъ, съ указаніемъ на тотъ фактъ, что она встрѣчается только въ Забайкальѣ и въ степяхъ Монголіи. Но со времени Палласа до сихъ поръ она не была привезена изъ тѣхъ мѣстъ ни однимъ путешественникомъ; и только въ недавнее время академикъ Л. И. Шренкъ описалъ подъ этимъ именемъ одинъ экземпляръ полевки, добытый по теченію Амура, именно, около устья Буреи. Сожалѣя объ отсутствіи матеріала объ *Arvicola saxatilis* изъ тѣхъ мѣстъ, откуда она первоначально описана, я представляю здѣсь характеристику этого вида на основаніи работы Л. И. Шренка и привезеннаго имъ Амурскаго экземпляра полевки, который сохраняется въ спирту, въ Зоологическомъ Музеѣ.

На переднемъ коренномъ зубѣ нижней челюсти находится съ вѣршной стороны четыре зубца и четыре впадины, при томъ четвертый зубецъ и четвертая впадина вполнѣ ясно развиты на правомъ коренномъ зубѣ, на лѣвомъ же зубецъ и впадина на столько мало замѣтны, что зубъ уподобляется по формѣ соотвѣтственному зубу *Arvicola oeconotus*, хотя зубецъ можно видѣть, если зубъ разсматривать съ боку. Съ внутренней стороны находятся по пяти явственныхъ зубцовъ и впадинъ. На поверхности зуба ле-

жать девять эмалевыхъ петель; изъ нихъ три послѣднія не разграничены другъ отъ друга; при томъ на лѣвомъ коренномъ зубѣ одна изъ трехъ петель, соотвѣтствующая четвертому зубцу съ внѣшней стороны, вполне зачаточна, такъ что въ этомъ отношеніи *Arvicola saxatilis* весьма близко напоминаетъ *Arvicola gregalis* и служитъ вторымъ примѣромъ несиметріи въ формѣ переднихъ коренныхъ зубовъ на правой и на лѣвой сторонахъ нижней челюсти.

На послѣднемъ коренномъ зубѣ верхней челюсти съ внѣшней стороны находится три зубца и три впадины между ними, съ внутренней чегыре зубца и три же впадины между ними. На поверхности зуба лежитъ шесть эмалевыхъ петель.

Все животное достигаетъ 160 мм. въ длину, при чемъ на голову и туловище приходится 103 мм., на хвостъ съ конечными волосами 57 мм., откуда видно, что хвостъ составляетъ нѣсколько болѣе, чѣмъ половину длины туловища съ головой.

---

14. Полевка обыкновенная. (*Arvicola arvalis* Pall.).

Myodes arvalis. Pallas, Zoograph. Rosso-Asiatica I, p. 174.

Mus arvalis. Pallas, Nov. sp. e Glir. Ord. p. 78, n. 14.

Arvicola arvalis. Blasius, Wirbelthier. Deutschlands I, p. 379.

Hypudaeus obscurus. Эверсманъ, Учен. Записки Казанск. Университета, 1841 г. кн. I. Addenda ad celeberr. Pallasii Z. R.-A., p. 156.

Въ переднемъ коренномъ зубѣ нижней челюсти съ внѣшней стороны находится по четыре зубца и по четыре впадины между ними, съ внутренней по пяти зубцовъ и по пяти впадинъ; эмалевыхъ петель на поверхности зуба девять.

Въ заднемъ коренномъ зубѣ верхней челюсти съ вѣшней стороны находится по три зубца и по три впадины между ними,

Фиг. 9.

Arg. arvalis. Ленса.

Фиг. 10.

Arg. obscurus. Кирг. степь.

Фиг. 11.

Arg. obscurus. Алтай.

Фиг. 12.

Arg. arvalis. var. *Slowzowii*. Омскъ.

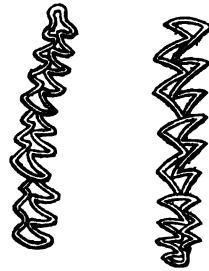
Фиг. 13.

Arg. arvalis. Тифлисъ.

Фиг. 14.

Arg. arvalis. Бухара.

На фиг. 9 представлены передній коренной зубъ нижней челюсти и задній коренной верхней, съ лѣвой стороны. — Фиг. 10 — тѣже зубы *Argvicola arvalis*, экземпляра изъ Киргизской степи, который Эверсманъ описалъ какъ *Argvicola obscurus*; на фиг. 11 представленъ экземпляръ *Argvicola arvalis*, описанный Эверсманомъ также подъ именемъ *Argvicola obscurus*: слѣва задній коренной зубъ верхней челюсти, справа передній коренной зубъ съ правой стороны нижней челюсти. — Фиг. 12. Соответственные коренные зубы правый коренной верхней и лѣвый нижней челюсти. — Фиг. 13 — разность *Argvicola arvalis* Кавказская. Фиг. 14 — экземпляръ *Argvicola arvalis* изъ Бухары; эта разность кажется отличною по зубамъ отъ другихъ потому, что зубы сдѣланы другимъ художникомъ по системѣ, принятой у Блазиуса. Въ дѣйствительности же отличие бухарской разности отъ остальныхъ незначительно, хотя и существуетъ.

съ внутренней стороны по четыре зубца и только три впадины или же, какъ это бываетъ у нѣкоторыхъ Сибирскихъ формъ, по четыре зубца и по четыре впадины. На поверхности зуба лежатъ шесть эмалевыхъ петель. Для опредѣленія степени постоянства въ устройствѣ зубной системы представляю нижеслѣдующую таблицу.

	Передній коренной зубъ нижней челюсти.					Задній коренной зубъ верхней челюсти.				
	Съ вѣшной стороны.		Съ внутренней стороны.		Число эмале-выхъ петель.	Съ вѣшной стороны.		Съ внутренней стороны.		Число эмале-выхъ петель.
	Зубц.	Впади-ны.	Зубц.	Впади-ны.		Зубц.	Впади-ны.	Зубц.	Впади-ны.	
145. Восточная Европа....	4	4	5	5	9	3	3	4	4	6
151. Россія?.....	4	4	5	5	9	3	3	4	3	6
Гольштинія.....	4	4	5	5	9	3	3	4	3	6
3023. Тифлисъ.....	4	4	5	5	9	3	3	4	3	6
Общій-Сыртъ.....	4	4	5	5	9	3	3	4	3	6
144. Кавказъ?.....	4	4	5	5	9	3	3	4	3	6
134. Оренбургъ.....	4	4	5	5	9	3	3	4	3	6
3024. Казань.....	4	4	5	5	9	3	3	4	4	6
133. Киргизская степь.....	4	4	5	5	9	3	3	4	3	6
3034. Киргизская степь (ори- гина. экземп. Эверсма- на <i>Arv. obscurus</i>).....	4	4	5	5	9	3	3	4	4	6
124. Копаль.....	4	4	5	5	9	3	3	4	3	6
138. Семирѣчье.....	4	4	5	5	9	3	3	4	3	6
3018. Тарбагатайская степь.	4	4	5	5	9	3	3	4	4	6
3021. Тарбагатайская степь.	4	4	5	5	9	3	3	4	4	6
116. Западная Сибирь.....	4	4	5	4	9	3	3	4	3	6
117. » ».....	4	4	5	5	9	3 ¹⁾	3	4	4	6
119. » ».....	4	4	5	5	9	3	3	4	4	6
125. » ».....	4	4	5	5	9	3	3	4	3	6
130. » ».....	4	4	5	5	9	3	3	4	4	6
120. » ».....	4	4	5	5	9	3	3	4	3	6
127. » ».....	4	4	5	5	9	3 ²⁾	3	4	4	6
128. » ».....	4	4	5	5	9	3	3	4	4	6
129. » ».....	4	4	5	5	9	3	3	4	4	6
3033. Алтай <i>Arv. obscurus</i> <i>Eversm.</i>	4	4	5	5	9	3	3	4	3	6
Лепса.....	4	4	5	5	9	3	3	4	3	6
Омскъ.....	4	4	5	5	9	3	3	4	3	6
Омскъ.....	4	4	5	5	9	3	3	4	4	6

Изъ этой таблицы видно, что въ устройствѣ зубовъ *Arvicola arvalis* существуетъ измѣнчивость, но не большая, именно нѣсколько измѣняетъ свою форму задняя эмалева я петля въ послѣднемъ коренномъ зубѣ верхней челюсти; смотря потому, существуетъ или нѣтъ послѣдняя впадина, четвертая, съ внутренней стороны, она является или угловатою, съ зачаткомъ другой петли, или округленною.

¹⁾ У экземпляра № 117 съ вѣшной стороны на правомъ коренномъ зубѣ находится 4 зуба и 4 впадины. Лѣвый же устроенъ нормально.

²⁾ У экземпляра № 127 правый зубъ образованъ, какъ у экземпляра № 117.

Для опредѣленія размѣровъ животнаго представляю слѣдующія данныя.

	A r v. a r v a l i s.			
	Р. Бердянка.	Оренбургъ.	Петербургъ.	Блазіуса. Экземпляръ
Общая длина	142	106	127	105
Длина тѣла отъ конца носа до основанія хвоста	102	79	92	80
Длина головы	28	22	—	24
» хвоста	43	27	33	30
Въ томъ числѣ длина во- лосъ на концѣ хвоста	4	4	3,8	3,6
Разстояніе между средн- ною глазъ и оконеч- ностью носа	12,5	9,2	—	10,2
Разстояніе между глаза- ми и слуховымъ от- верстіемъ	12,5	12	—	10,2
Высота ушей съ вѣш- ней стороны	8	6	6	5,7
Длина передней лапы съ когтемъ	9	10	10	8,2
Длина когтя въ третьемъ пальцѣ	2,5	2,7	2,3	2
Длина задней ноги съ когтемъ	17,5	15	16,5	16,5
Длина когтя въ третьемъ пальцѣ	3,5	2,9	2,5	2

Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что хвостъ содержится отъ 2,5 до 3 разъ въ длинѣ тѣла; тоже самое видно и на экземплярѣ изъ Западной Европы отъ самаго Блазіуса, между тѣмъ какъ изъ измѣреній самаго Блазіуса приходится заключить, что хвостъ у *Arv. arvalis* составляетъ или $\frac{1}{3}$ часть длины туловища, иногда не много больше, и рѣдко меньше (Säugeth. Deutschl. p. 381). Уши содержатся около 4 и 4,5 разъ въ длинѣ головы. Разстояніе между глазами и слуховымъ отверстіемъ равно или нѣсколько больше разстоянія между глазами и оконечностью носа.

Цвѣтъ шерсти сверху сѣро-бурый, снизу темно или свѣтло-сѣрый. Въ общей же сложности экземпляры изъ разныхъ мѣстъ весьма различны по цвѣту шерсти; у нѣкоторыхъ Сибирскихъ формъ цвѣтъ шерсти сверху изъ сѣро-бурого становится темнымъ (*obscurus*), у другихъ онъ приближается къ пепельно-сѣрому; вообще же, всѣ Сибирскія формы и формы восточной Россіи отличаются отъ Европейскихъ болѣе темнымъ мѣхомъ съ верхней стороны, какъ уже это замѣтилъ Блазиусъ (l. c. p. 381); формы же Западной Европы имѣютъ цвѣтъ болѣе желто-сѣрый. На основаніи цвѣта шерсти и частію другихъ признаковъ у Сибирскихъ экземпляровъ изъ разныхъ мѣстъ можно подмѣтить нѣсколько мѣстныхъ географическихъ разностей.

Одною изъ такихъ разностей, обитающей на Алтаѣ, нужно признать *Arvicola obscurus* *Everm.*; эта разность отличается отъ другихъ наиболѣе темнымъ цвѣтомъ мѣха; вообще по длинѣ волосъ и по цвѣту мѣха эта разность напоминаетъ Европейскую *Arv. agrestis*. Самъ авторъ описываетъ эту разность, какъ видъ, слѣдующимъ образомъ. «*Supra fusco-nigricans, subtus albidus, auriculis villosis vix vellere prominulis, cauda 1/4 corporis*. — «*Species haec, quae montes altaicos incolit, subsimilis est H. oeconomo et H. arvali, deffert autem ab ambobus vellere multa breviora et auriculis dense pilosis*.

«*Descriptio*. Dentes primores et inferiores fulvi. Corpus supra nigricans, pilis apice sordide luteolis, quibus autem color niger non obtegitur; subtus vellere raro, albedo, pilis albis, basi nigricantibus, quo color coerulescenti — albidus efficitur. Mystaces cetis capite brevioribus nigrus, apice albis. Auriculae dense pilosae, vellere paulum prominulae. Pedes eodem quo abdomen colore, unguibus albis, vola nuda. Cauda exanulata 1/4 corporis, albidula, in dorso obscurior, pilis brevibus obsida». — При описаніи вида Эверманъ не располагалъ вѣроятно достаточнымъ количествомъ экземпляровъ; по крайней мѣрѣ въ его коллекціи, поступившей въ Зоологическую Музей Академіи, нашелся только одинъ экземпляръ съ отмѣткой самого автора: *Hypnidaeus obscu-*

rus, съ Алтая; и этотъ экземпляръ послужилъ вѣроятно Эверсману матеріаломъ для установленія вида. Что же касается до другаго экземпляра съ отмѣткой автора *Hyp. obscurus*, добытаго въ южныхъ частяхъ Урала, то это типичный экземпляръ *Arv. arvalis* въ той формѣ, въ какой этотъ видъ встрѣчается вообще въ восточныхъ частяхъ Россіи. Отсюда именно слѣдуетъ, что видъ, установленный Эверсманомъ, *Arv. obscurus*, стоитъ весьма близко къ обыкновенной *Arv. arvalis*, до такой степени, что даже самъ авторъ смѣшалъ обѣ формы; это тѣмъ болѣе понятно, что форма зубовъ *Arv. obscurus* почти тождественна по устройству зубовъ съ *Arv. arvalis* Pall. Гораздо ближе стоятъ къ Алтайской разности нѣкоторые экземпляры полевокъ, привезенные изъ Западной Сибири Карелинымъ.

Въ числѣ экземпляровъ, привезенныхъ также Карелинымъ изъ Западной Сибири или скорѣе изъ Западно-Сибирскихъ степей, находится нѣсколько, отличныхъ отъ другихъ по свѣтло-сѣрому, нѣсколько пепельному цвѣту шерсти на верхней части туловища и по бѣловатому цвѣту нижней стороны тѣла животнаго. — Экземпляры изъ степей Семирѣченской области и изъ окрестностей Тарбагатай на верхней части тѣла имѣютъ желтоватый оттѣнокъ, а на нижней желтовато-сѣрый. Отъ этихъ степныхъ формъ отличаются представители *Arv. arvalis*, живущіе внѣ степной, безлѣсной области Западной Сибири, напр. около Омска, — тамъ, гдѣ лежитъ начало черноземной области Западной Сибири, переходъ отъ степей къ полосѣ березовыхъ рощъ. — Изъ окрестностей Омска я получилъ отъ И. Я. Словцова значительное количество экземпляровъ полевокъ въ спирту, которые я предварительно принимаю, какъ разность — *Arv. arvalis*, var. *Slowgowii*. Эта разность отличается отъ типичныхъ экземпляровъ формой передняго кореннаго зуба въ нижней челюсти, въ которомъ передняя эмалевая петля коротка и не отгибается на внѣшнюю сторону челюсти, какъ это имѣетъ мѣсто у типичныхъ экземпляровъ, при томъ съ внутренней стороны она даетъ замѣтный шестой отростокъ или зубецъ. Въ заднемъ коренномъ зубѣ верхней

челюсти, съ вѣшной стороны, иногда существуетъ четвертый зачаточный зубецъ, а съ внутренней стороны четвертая впадина; двѣ послѣднія эмалевыя петли сильно сдвинуты между собой, такъ что третья эмалевая петля съ вѣшной стороны лежитъ *немного* выше третьей петли съ внутренней стороны. Сверху животное покрыто темно-бурою шерстью, снизу бѣловатою; хвостъ рѣзко двуцвѣтенъ, сверху темный, снизу бѣлый, покрытъ довольно густо волосами, которые на концѣ достигаютъ весьма значительной длины; хвостъ безъ волосъ коротокъ. Представляю здѣсь измѣреніе.

Общая длина.....	120	119	146
Длина тѣла отъ конца морды до основанія хвоста.....	93	91	117
» головы.....	25	27	31
» хвоста.....	28	28	30
Въ томъ числѣ длина волосъ на концѣ хвоста.....	10,5	10,5	10
Расстояніе между глазами и оконечностью носа.....	12	12	13,2
» между глазами и слуховымъ отверстіемъ.....	12	12	13,2
Высота ушей съ вѣшной стороны съ волосами.....	8	8	9
Длина передней лапы съ когтемъ.....	9	9	9
» когтя въ третьемъ пальцѣ.....	3	3	3
» задней лапы съ когтемъ.....	16	17	17
» когтя въ третьемъ пальцѣ.....	3	2,6	2,7.

Изъ этихъ данныхъ слѣдуетъ, что хвостъ составляетъ отъ 3,2 до 3,0 длины всего тѣла; если же изъ длины хвоста вычесть длину волосъ его на концѣ, то отношеніе длины хвоста къ длинѣ тѣла еще болѣе уменьшается, до такой степени, какъ это не возможно встрѣтить у настоящихъ *Arv. arvalis*.

Всѣ виды, широко распространенные, даютъ большое количество разновидностей: *Arvicola arvalis* есть одинъ изъ такихъ; ея распространеніе идетъ изъ глубины Западной Европы

въ среднюю и южную Россію, частію въ сѣверную и на Кавказъ; отсюда ея распространеніе можно прослѣдить въ средне-азиатскія степи, въ предгорія Алтая, въ окрестности Тарбагатая и Семирѣчнскаго Алатау. Для сѣверныхъ частей Западной Сибири еще Палласъ указалъ на Березовъ, какъ на пунктъ распространенія описываемаго здѣсь вида (Nov. sp. Quard. e Gl. Ord. p. 78). Та степень измѣнчивости, какую наблюдалъ у *Arv. arvalis* Блазиусъ и другіе зоологи въ Западной Европѣ, имѣетъ мѣсто для этого вида и въ Россіи, и въ Азіи, и только въ Восточной Сибири *Arv. arvalis* настолько измѣнилась, что получила здѣсь новое видовое названіе, какъ *Arv. gregalis* Pall. И въ самомъ дѣлѣ Палласъ, не допуская существованія *Arv. arvalis* въ Восточной Сибири, ограничивая распространеніе этого вида пространствомъ, лежащимъ по сю сторону Оби, изъ области Енисея и Забайкалья описалъ новый видъ *Arv. gregalis*, весьма близкій, родственнѣйшій съ *Arv. arvalis*; такъ что оба эти вида, одинъ въ юго-восточной Сибири, другой въ Европѣ и въ Западной Сибири замѣщаютъ другъ друга. Иначе сказать, каждый изъ видовъ, распространяющійся въ своей собственной области, исключаетъ возможность распространяться въ ней другому родственному виду, свойственному иной области. И мнѣ кажется невозможнымъ найти *Arv. gregalis* въ степяхъ Западной Сибири, также какъ нельзя ждать *Arv. arvalis* въ степяхъ Забайкальской области; всѣ имѣющіеся факты оправдываютъ это заключеніе. — Въ недавнее время д-ръ Радде привезъ изъ Забайкальской области значительное количество экземпляровъ полевокъ и описалъ ихъ, какъ *Arv. arvalis* Pall., высказавъ при томъ удивленіе, что ни одинъ изъ путешественниковъ, бывшихъ въ томъ краѣ раньше, не нашелъ тамъ этого вида полевки. Но все это — было ошибкой со стороны г. Радде. Полевка, которую онъ нашелъ въ Забайкальѣ, около Тарей-нора и описалъ на стр. 193 — 194 своего *Reise im Süden von Ost-Sibir*. В. I, — есть форма, совершенно отличная отъ *Arv. arvalis* Pall.; я ей даю новое видовое названіе — *Arv. Raddei*; она стоитъ въ большомъ родствѣ съ *Arv. socialis* Pall., распространяющейся

на югѣ Россіи, на Кавказѣ и въ при—Каспійскихъ степяхъ; отношеніе между распространеніемъ *Arv. Raddei* и *Arv. socialis* почти тоже, какое мы видимъ у *Arv. gregalis* и *Arv. arvalis*. Можетъ быть впрочемъ и то, что настоящій видъ *Arvicola arvalis* и существуетъ въ Забайкальѣ, но еще не найденъ и не попалъ въ коллекцію; полевки же, весьма близко подходящія къ этому виду, водятся на Амурѣ; представитель таковыхъ былъ найденъ академикомъ К. И. Максимовичемъ и описанъ Л. И. Шренкомъ подъ именемъ *Arvicola Maximowiczii* (Reisen und Forschung. im Amur-Land. I, p. 141). Впрочемъ можетъ быть съ приобрѣтеніемъ болѣе полнаго матеріала мое мнѣніе окажется ошибочнымъ; во всякомъ случаѣ, — *Arvicola Maximowiczii Schrenck*, если не будетъ видомъ тождественнымъ съ типичнымъ *Arv. arvalis*, то по крайней мѣрѣ это будетъ или его разность или же — самый близкій къ нему видъ.

15. Полевка общественная. (*Arvicola socialis* Pall.)

Mus socialis. Pallas, Nov. sp. Quadr. e Glir. Ord. p. 218, tab. 13.

Myodes socialis. Pallas, Zoograph. R.-As. I p. 176.

Mus socialis. Schreber, Säugeth., IV, p. 682.

Arv. socialis. Эверманъ, Естеств. ист. Ор. кр. ч. II, стр. 169.

Въ переднемъ коренномъ зубѣ нижней челюсти съ внѣшней стороны находится по четыре зубца и впадины, съ внутренней пять зубцовъ и пять впадинъ, на поверхности зуба лежатъ девять эмалевыхъ петель, изъ которыхъ три послѣднія не вполне отдѣлены другъ отъ друга.

Въ заднемъ коренномъ зубѣ верхней челюсти съ внѣшней стороны находится по три зубца и по три впадины, съ внутренней стороны лежатъ четыре зубца и четыре впадины; на поверхности зуба находится семь эмалевыхъ петель, изъ которыхъ

двѣ послѣднія не раздѣлены другъ отъ друга, или скорѣе, ихъ можно принять за одну петлю не правильной формы. Въ этомъ отношеніи строеніе и форма задняго кореннаго зуба вполнѣ напоминаетъ у этого вида тѣ разности *Arv. arvalis*, у которыхъ въ соответственномъ зубѣ съ внутренней стороны развита послѣдняя, четвертая впадина; но у экземпляра *Arv. socialis* съ р. Урала послѣдней, четвертой впадины съ внутренней стороны не существуетъ, почему послѣдняя эмалевая петля является округленной съ внутренней стороны зуба.

	Передній коренной зубъ нижней челюсти.					Задній коренной зубъ верхней челюсти.				
	Съ внешней стороны.		Съ внутренней стороны.		Число эмалевыхъ петель.	Съ внешней стороны.		Съ внутренней стороны.		Число эмалевыхъ петель.
	Зубцы.	Впадины.	Зубцы.	Впадины.		Зубцы.	Впадины.	Зубцы.	Впадины.	
461. Елизаветполь.....	4	4	5	5	9	3	3	4	4	7
462. ".....	4	4	5	5	9	3	3	4	4	7
465. Бишъ-Тамакъ въ Киргизской степи.....	4	4	5	5	9	3	3	4	4	7
Тифлисъ, экземпляръ спиртовой.....	4	4	5	5	9	3	3	4	4	7
464. Р. Уралъ.....	4	4	5	5	9	3	3	4	8	6

Для опредѣленія размѣровъ и взаимнаго отношенія частей тѣла представляю слѣдующія данныя касательно экземпляра *Arv. socialis*, сохраненнаго въ спирту и привезеннаго изъ Тифлиса.

Общая длина.....	123
Длина тѣла отъ конца носа до основанія хвоста.....	105
» головы.....	28
» хвоста съ шерстью.....	24
» волосъ на концѣ хвоста.....	4
Разстояніе между глазами и оконечностью носа.....	13,5
» между глазами и слуховымъ отверстіемъ.....	13,5
Высота ушей съ внешней стороны.....	6,5
Длина передней лапы съ когтемъ.....	10
» когтя въ третьемъ пальцѣ.....	2,5
» задней ноги съ когтемъ.....	18
» когтя въ третьемъ пальцѣ.....	3
» усовъ.....	27

Изъ этихъ данныхъ видно, что хвостъ содержится въ длинѣ туловища съ головой около 4,3 раза, — слѣдовательно хвостъ такъ коротокъ, что по нему нельзя смѣшать этотъ видъ, напр., съ *Arv. arvalis* и др. — Хвостъ едва превосходитъ длину вытянутыхъ назадъ ногъ и имѣеть меньшую длину, чѣмъ голова; онъ покрытъ короткими волосами, которые на концѣ только имѣютъ до 4 мм. длины. Уши коротки, высота ихъ содержится около 4,3 разъ въ длинѣ головы; онѣ почти голы и только на краяхъ обсажены короткими волосами. Разстояніе между глазами и концомъ носа равно разстоянію между глазами и слуховымъ отверстіемъ.

Животное покрыто сверху довольно густою, мягкою шерстью, цвѣтъ которой у разныхъ экземпляровъ значительно измѣняется; у наиболѣе взрослога Елизаветпольскаго экземпляра по основному желтому цвѣту проходитъ отъ носа до основанія хвоста по всей спинѣ полоса темныхъ волосъ, которые замѣтны и на верхней части хвоста; на бокахъ цвѣтъ въ большей степени сохраняетъ желтый оттѣнокъ, также какъ и на ногахъ, особенно заднихъ, и на нижней части хвоста; нижняя часть тѣла животнаго покрыта свѣтло-сѣрою шерстью съ желтоватымъ налетомъ. У втораго Елизаветпольскаго экземпляра примѣсь буроватыхъ волосъ наиболѣе замѣтна только около носа, по всей же верхней части тѣла распространяются сѣро-желтые волосы, и на нижней — темно-сѣрые, съ малой примѣсью желтизны и самый переходъ волосъ на бокахъ отъ верхней части тѣла къ нижней, не имѣеть рѣзкихъ границъ. Третій Елизаветпольскій экземпляръ, видимо молодой, имѣеть на всемъ тѣлѣ темно-бурый цвѣтъ, такъ какъ волосы его еще рѣдки и на концахъ имѣютъ на столько мало желтизны, что не скрываютъ свинцово-темнаго основанія волосъ. Экземпляръ, привезенный Леманомъ изъ Киргизскихъ степей, нѣсколько сходенъ по цвѣту со вторымъ Елизаветпольскимъ экземпляромъ, но за то онъ не имѣеть примѣси темныхъ волосъ около носа, а примѣсь является въ большей степени на самой спинѣ животнаго; нижняя часть тѣла, пространство около груди, переднія и заднія ноги, нижняя часть хвоста имѣютъ сѣроватый

отгѣнокъ, который около брюха затемняется чисто желтымъ цвѣтомъ. Самъ Палласъ описываетъ мѣхъ животнаго слѣдующимъ образомъ.

«*Vellus tenerum, mollissimum, aequale, laeve, sed largius, quam M. arvali, altitudine 5''' et ultra. Color supra praeter nasum fusciscentem, totus e gryseo pallidus, lateribus sensim albidior, subtus et extremitatibus candidulus; lanugo tamen etiam subtus plumbei coloris. Darsales pili partim extremo concoleres, partim apice fusci. — Persicum specimen, quod sub oculis habeo, dorsi colore intensiore, gryseo-lutescente, lateribus flaveni-pallido, ab Astrachanensibus et Rhymnicis differt.* (Nov. sp. e Geir. p. 221).

Этотъ видъ полевки, распространяющійся въ степяхъ при—Каспійскихъ, на Кавказѣ и въ Персіи, уходитъ также въ предѣлы Киргизскихъ степей и на сторону Западной Сибири, въ степи при—Уральскія, но крайней мѣрѣ Эверсманъ говоритъ, что «эта полевка обитаетъ въ южныхъ и западныхъ безплодныхъ степяхъ Оренбургской губерніи, лежащихъ по обѣимъ сторонамъ Урала и по восточному берегу Каспійскаго моря» (1. с. стр. 169). Такое показаніе нужно признать довольно вѣрнымъ, такъ какъ въ Зоо-логическомъ музеѣ находится одинъ экземпляръ отъ Даля съ р. Урала, а изъ Киргизскихъ степей одинъ экземпляръ отъ Лемана. Что же касается сѣверныхъ частей Урала, то тамъ едва ли есть вѣроятность встрѣтить этотъ видъ, какъ на это указываетъ высокоуважаемый академикъ, 'Ө. Ө. Брандтъ въ своей статьѣ о «Позвоночн. животн. Европ. Россіи и въ особенности Сѣверн. Урала» стр. 38. Онъ говоритъ именно слѣдующее:—«Нѣсколько экземпляровъ какой то полевки, добытыхъ Уральской экспедиціей около Хорь-хури, подъ 67° с. ш., похожи даже чернымъ хвостомъ на экземпляры *Arvicola socialis*, вывезенные Менетриэ (Cat. p. 23) съ Кавказа, именно съ Талышинскихъ горъ, — похожи, говорю, такъ близко, что я не осмѣливаюсь ни причислить ихъ одни къ другимъ, ни составить изъ нихъ отдѣльнаго вида. Если обѣ формы, какъ я и думаю, дѣйствительно тождественны

между собой, то *Arvicola socialis* имѣла бы значительное распространѣніе по меридіану». Къ сожалѣнію, въ нашей коллекціи я не нашелъ этихъ экземпляровъ полевокъ, привезенныхъ Уральскою экспедиціей, но тѣмъ не менѣе, мнѣ кажется сомнительнымъ, чтобъ *Arvicola socialis* распространялась такъ далеко по меридіану, къ полосѣ тундръ; самый признакъ, указанный О. О. Брандтомъ, именно черный хвостъ, не свойствененъ настоящей *Arvicola socialis* Pall. — такъ какъ Палласъ говоритъ о хвостѣ ея «cauda albida», и у нашихъ экземпляровъ съ Кавказа и изъ южноуральскихъ степей хвостъ или сѣро-желтый или сѣвоватый и желтоватый снизу и только сверху представляетъ не большую буроватую полосу. При томъ и самое мѣсто обитанія, указанное для *Arvicola socialis* Палласомъ, — это песчано-глинистыя голыя степи и пески при-Каспійскаго края и Персіи — «in arenosolimosiis nudis desertis et in sabuletis circa mare Caspium usque in Persiam frequens». — (Zoograph. R.—A., p. 176). Такимъ образомъ, если нѣтъ вѣроятности, чтобъ *Arvicola socialis* распространялась далеко къ сѣверу, какъ о томъ говоритъ Палласъ, то нужно думать, что его утвержденіе о томъ, что она не идетъ на востокъ, слѣдуетъ принять также съ ограниченіемъ. Именно на востокъ *Arvicola socialis* распространяется вѣроятно дальше по песчанымъ пространствамъ Средней Азіи. Это можно сказать на томъ основаніи, что даже въ степяхъ Забайкальской области распространяется форма полевки, весьма близкая къ *Arvicola socialis*; — эта форма, *Arvicola Raddei* m., напоминаетъ *Arv. socialis* по своему внѣшнему виду, по образу жизни и по характеру мѣстообитанія, — однимъ словомъ оба названные вида полевокъ нужно разсматривать, какъ ближайшихъ между собою родственниковъ.

16. Полевна Радде. (*Arvicola Raddei* n. sp.).

Arvicola arvalis. Radde, Reise im Süden von Ost-Sibirien. B. I. Säugeth. p. 193.

Въ переднемъ коренномъ зубѣ нижней челюсти съ внѣшней стороны находится четыре зубца и четыре впадины, съ внутренней стороны — пять зубцовъ и пять впадинъ. На поверхности зуба лежатъ девять эмалевыхъ петель, изъ которыхъ три послѣднія неполнѣ раздѣлены другъ отъ друга.

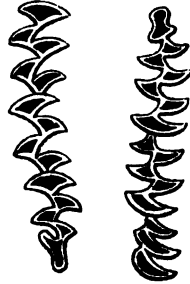
Въ заднемъ коренномъ зубѣ верхней челюсти съ внѣшней стороны находится три зубца и три впадины, съ внутренней также три зубца и три впадины, въ такомъ случаѣ на поверхно-

сти зуба лежатъ шесть эмалевыхъ петель, изъ которыхъ только три первыя ясно другъ отъ друга разграничены, остальные же три не имѣютъ между собою разграниченія; у одного имѣющагося у насъ спиртоваго экземпляра можно различить только пять эмалевыхъ петель, а съ внутренней стороны три зубца и только двѣ впадины, особенно на правой челюсти. У одного изъ экземпляровъ находится съ внутренней стороны зачатокъ четвертаго зубца, безъ четвертой впадины, почему между тремя послѣдними эмалевыми петлями разграниченіе болѣе значительное, хотя также не полное. Наконецъ у одного экземпляра изъ окрестностей Нерчинска четвертый зубецъ развитъ еще больше и три послѣднія петли еще болѣе разграничены и въ такомъ видѣ зубъ этого экземпляра весьма близко подходит по формѣ къ соответственному зубу *Arvicola socialis* Pall. Но въ этой формѣ зубовъ *Arv. Raddei* мы имѣемъ только переходъ отъ типичнаго вида къ *Arvicola*

Фиг. 15.
Arv. Raddei

Фиг. 16.
Arv. Raddei

Коренные зубы верхней и нижней челюсти съ лѣвой стороны; относятся къ двумъ разнымъ экземплярамъ

socialis, но не тождество; эти переходы указывают только на большое родство двух названных видов. За видовую же самостоятельность двух видов говорит различие въ формѣ череповъ. Одно изъ самыхъ рѣзкихъ различій, бросающихся въ глаза, — это то, что промежутокъ въ черепѣ, раздѣляющій глазныя впадины, у *Arv. Raddei* имѣетъ около двухъ миллиметровъ, тогда какъ у *Arv. socialis* онъ имѣетъ почти вдвое большую ширину. Въ зависимости отъ этого происходятъ и другія различія въ формѣ головы. Касательно же устройства зубовъ привожу слѣдующую таблицу.

	Передній коренной зубъ нижней челюсти.					Задній коренной зубъ верхней челюсти.				
	Съ внешней стороны.		Съ внутренней стороны.			Съ внешней стороны.		Съ внутренней стороны.		
	Зубцы.	Впадины.	Зубцы.	Впадины.	Число эмалевыхъ петель.	Зубцы.	Впадины.	Зубцы.	Впадины.	Число эмалевыхъ петель.
49. Оз. Тарей-норъ, Кулусунай	4	4	5	5	9	3	3	3	3	6
51. Тоже	4	4	5	5	9	3	3	3	3	6
469. Даурія	4	4	5	5	9	3	3	3	3	6
52. Оз. Тарей-норъ	4	4	5	5	9	3	3	4	3	6
106. Нерчинскъ	4	4	5	5	9	3	3	4	3	6
Экземп. спирт., Тарей-норъ.	4	4	5	5	9	3	3	3	2	5

Такимъ образомъ *Arvicola Raddei* по формѣ своего задняго кореннаго зуба въ верхней челюсти, по преобладанію на этомъ зубѣ отъ 5 до 6 эмалевыхъ петель, также какъ и по формѣ черепа, совершенно отличается отъ *Arvicola socialis* Pall., у которой число эмалевыхъ петель на заднемъ коренномъ зубѣ бываетъ отъ 6, какъ исключенія, до 7.

Одинъ изъ экземпляровъ *Arvicola Raddei* сохраненъ въ спирту, хотя и весьма плохо и съ него я возьму нѣсколько измѣреній; г. Раде бралъ свои измѣренія вѣроятно съ того же экземпляра, хотя онѣ нѣсколько различны отъ моихъ. (См. I. с. p. 194).

	Мои измѣр.	Измѣр. Раdde.
Длина тѣла отъ конца морды до основанія хвоста.....	83	80
Длина головы.....	24	26
» хвоста.....	24	25
Въ томъ числѣ длина волосъ на концѣ хвоста	6,7	5
Разстоянiе между концомъ носа и серединою глаза.....	10,5	8
Разстоянiе между серединою глаза и слуховымъ отверстiемъ.....	10,5	9
Длина передней лапы.....	9	8
» задней лапы.....	15,5	13,5

Голова *Arvicola Raddei* менѣе толста, чѣмъ у *Arvicola socialis*. Длина головы почти равняется длинѣ хвоста. Хвостъ коротокъ, довольно близко напоминающій хвостъ *Arvicola socialis*, но судя по спиртовымъ экземплярамъ, онъ нѣсколько длиннѣе у описываемаго нами вида, чѣмъ у *Arv. socialis*; между тѣмъ при сравненiи экземпляровъ въ шкуркахъ, этого незамѣтно. Онъ едва превосходитъ длину вытянутыхъ назадъ ногъ и составляетъ у нашего вида около 3,5 частей длины туловища съ головой. Вообще, *Arvicola Raddei* по длинѣ хвоста должна принадлежать къ типу коротко-хвостыхъ полевокъ, почему ее и нельзя смѣшвать, не принимая уже во вниманiе устройства зубовъ и формы черепа, съ *Arvicola arvalis*. Относительная длина хвоста нашего вида нѣсколько увеличивается только потому, что онъ покрытъ болѣе густо шерстью, особенно на концѣ, чѣмъ хвостъ *Arvicola socialis*. Разстоянiе между серединою глаза и оконечностью носа равняется разстоянiю между серединою глаза и слуховымъ отверстiемъ.

По цвѣту шерсти нашъ видъ также сильно напоминаетъ типичную *Arvicola socialis*. Особенно близко подходит по мѣху къ экземпляру Лемана изъ Киргизской степи. У большей части нашихъ экземпляровъ преобладаетъ на верхней части тѣла сѣровато желтая шерсть, примѣсь бураго цвѣта существуетъ на волосахъ въ малой степени, какъ у одного изъ Елизаветпольскихъ

экземпляровъ *Arvicola socialis*; у нѣкоторыхъ экземпляровъ едва замѣтна примѣсь бурыхъ волосъ около носа. Вообще преобладаніе свѣтло-желтаго оттѣнка въ мѣхѣ, съ малою примѣсью темнаго налета, дѣлаетъ цвѣтъ животнаго песчанымъ, — это тотъ самый цвѣтъ, который въ болѣе ясныхъ формахъ является у многихъ степныхъ грызуновъ, начиная съ байбака, сусликовъ и кончая напримѣръ Эверсмановскимъ *Myodes (Eremiomys) luteus*. Экземпляръ *Arvicola Raddei* изъ окрестностей Нерчинска представляетъ переходъ отъ господствующаго сѣро-желтаго цвѣта съ легкимъ буроватымъ оттѣнкомъ къ темно-желтому или къ бурому цвѣту. Вообще же для нашего вида опредѣленіе цвѣта мѣха, данное г-номъ Радде въ нижеслѣдующемъ выраженіи, неполнѣ вѣрно. Онъ говоритъ «сверху мѣхъ желто-сѣрый, съ сильнымъ чернымъ оттѣнкомъ». — На бокахъ цвѣтъ шерсти *Arvicola Raddei* принимаетъ еще болѣе чистый желтый оттѣнокъ; снизу животное покрыто свѣтло-сѣрою или блѣдно-желтою шерстью; у Нерчинскаго экземпляра она нѣсколько темнѣе, чѣмъ у другихъ, добытыхъ на Тарей - норѣ. Хвостъ слегка двуцвѣтенъ, темнѣе сверху, чѣмъ снизу, что особенно ясно замѣтно у Нерчинскаго экземпляра.

Г. Радде привезъ изъ окрестностей Тарей-нора значительное количество экземпляровъ этого вида; одинъ экземпляръ привезенъ Маакомъ изъ окрестностей Нерчинска, одинъ Зальбергомъ изъ Дауріи. Касательно распространенія г. Радде указываетъ (I. с. р. 193), что эта полевка живетъ, какъ единственный видъ своего рода, кромѣ *Arvicola Brandtii*, на солонцеватой почвѣ Гобійской степи, чего и слѣдовало ожидать отъ этого вида, какъ родственнаго съ *Arvicola socialis* и живущаго въ подобныхъ же условіяхъ въ своей области обитанія. Далѣе г. Радде, указавъ на Тарей-норѣ, какъ на пунктъ, гдѣ она наиболѣе изобильна, хотѣлъ вѣроятно выразить между прочимъ ту мысль, что нашъ видъ, который онъ принималъ за *Arvicola arvalis*, живя на солончаковой почвѣ, не распространяется въ мѣстностяхъ богатыхъ черноземомъ, какъ то въ Забайкальѣ, на Амурѣ и даже въ самой Монголіи; вотъ это, весьма трудно понятное выраженіе: «Plus Vor-

kommen war bis dahin bis den westlichen Altai durch Pallas und Georgi nachgewiesen. Das Vorkommen derselben erweitert sich also ostwärts bis in die Mongolei. Auffallend ist es, dass keiner der früheren und neueren Reisenden sie in denjenigen Gegenden fand, welche an schwarzer Erde reicher, in Transbaicalien und in dem Amurland gelegen. Nach meinen Beobachtungen ist sie von diesen auch in der Mongolei ausgeschlossen, wie im Onon-Thal, meidet aber den Salzboden nicht».

---

1. Полевки полезны въ странахъ не земледѣльческихъ, не культурныхъ и вредны въ странахъ культивированныхъ.
2. Замѣчательное трудолюбіе полевокъ и ихъ предусмотрительность находятся въ соотношеніи съ ихъ малой величиной и сильной плодовитостью, также со способностью ихъ питаться только растительными веществами.
3. Полевки, какъ животныя малыя, сильно плодовитыя и предусмотрительныя, болѣе измѣнчивы, чѣмъ крупныя млекопитающія, и поэтому виды ихъ болѣе многочисленны.
4. Переселенія полевокъ хотя и существуютъ, но происходятъ на ограниченнхъ географическихъ областяхъ.
5. Полевки по своему распространенію, въ общемъ, подтверждаютъ правило: «что виды широко распространенные даютъ болѣе разностей, чѣмъ виды мало распространенные».
6. Виды полевокъ, хотя и широко распространенные, но живущіе при однообразныхъ физико-географическихъ условіяхъ, болѣе постоянны, чѣмъ менѣе широко распространенные, но живущіе при разнообразныхъ мѣстныхъ условіяхъ.
7. Методы изслѣдованія и способы описанія не только Сибирскихъ полевокъ, но и вообще всѣхъ позвоночныхъ животныхъ были по большей части неудовлетворительны до самаго послѣдняго времени.
8. Систематическія работы тогда только станутъ на высоту своего научнаго значенія, когда онѣ будутъ сопровождаться всестороннимъ изслѣдованіемъ организаціи животныхъ, вмѣстѣ съ ихъ жизнью, и когда въ основаніи изслѣдованій будетъ лежать методъ статистическій.

О ВЪКОВЫХЪ ВОЗМУЩЕНІЯХЪ

БОЛЬШОЙ ПОЛУОСИ ТРЕТЬЯГО ПОРЯДКА

ОТНОСИТЕЛЬНО МАССЪ.

А. Веребрюсова,

ПРЕПОДАВЕТЕЛЯ КУБАНСКОЙ ВОЙСКОВОЙ ГИМНАЗИИ ВЪ ЕКАТЕРИНОДАРЪ.

Читано въ засѣданіи Физ.-Мат. Отд. 11 Ноября 1880.

ПРЕДЛОЖЕНІЕ КЪ XXXIX-МУ ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМИИ НАУКЪ.

№ 3.

•

САНКТПЕТЕРБУРГЪ. 1881.

ПРОДАЕТСЯ У КОМІСИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

И. Глазунова, въ С. П. Б.

Эггерса и Копп., въ С. П. Б.

Н. Киммеля, въ Ригѣ.

Цена 15 коп.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ. Мартъ 1881 г.

Непрѣмѣнный Секретарь, Академикъ *К. Вессловскій*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

**О вѣбовыхъ возмущеніяхъ большой полуоси
третьяго порядка относительно массъ.**

А. Веребрюсова,

преподавателя Кубанской войсковой Гимназіи въ Екатеринодарѣ.

(Читано 11 Ноября 1880.)

Пусть будутъ элементы орбиты планеты

π долгота перигелія,

θ » восходящаго узла,

τ время прохожденія черезъ перигелій,

$$c = -\frac{M+m}{2a},$$

$$q = \sqrt{M+m} \sqrt{p},$$

$$s = \sqrt{M+m} \sqrt{p} (1 - \cos i),$$

гдѣ M масса солнца, m масса планеты, a большая полуось, p полу-
параметръ, i наклоненіе орбиты; пертурбаціонную функцію озна-

чимъ черезъ Ω . Для планеты возмущающей тѣже величины одна-
чимъ черезъ π' , θ' , τ' , c' , q' , s' , m' , a' , p' , i' и Ω' .

Какъ показалъ Гамильтонъ, при такой системѣ элементовъ
 π , θ , τ , c , q и s , мы получаемъ дифференціальныя уравненія
переменныхъ элементовъ въ слѣдующей простой, канонической
формѣ:

$$\begin{aligned} \frac{d\tau}{dt} &= \frac{d\Omega}{dc} & \frac{dt}{dc} &= -\frac{d\Omega}{d\tau} & \frac{d\tau'}{dt} &= \frac{d\Omega'}{dc'} & \frac{dc'}{dt} &= -\frac{d\Omega'}{d\tau'} \\ \frac{dq}{dt} &= \frac{d\Omega}{d\pi} & \frac{d\pi}{dt} &= -\frac{d\Omega}{dq} & \frac{dq'}{dt} &= \frac{d\Omega'}{d\pi'} & \frac{d\pi'}{dt} &= -\frac{d\Omega'}{dq'} \\ \frac{d\theta}{dt} &= \frac{d\Omega}{ds} & \frac{ds}{dt} &= -\frac{d\Omega}{d\theta} & \frac{d\theta'}{dt} &= \frac{d\Omega'}{ds'} & \frac{ds'}{dt} &= -\frac{d\Omega'}{d\theta'} \dots (1) \end{aligned}$$

Значенія Ω и Ω' для какого нибудь времени назовемъ черезъ
 Ω_0 и Ω'_0 . При первомъ приближеніи вмѣсто Ω и Ω' возь-
мемъ Ω_0 и Ω'_0 , считая элементы постоянными, такъ что воз-
мущенія перваго порядка относительно массъ выразятся слѣ-
дующимъ образомъ:

$$\begin{aligned} d\tau &= \int \frac{d\Omega_0}{dc} dt & \delta c &= -\int \frac{d\Omega_0}{d\tau} dt & \delta\tau' &= \int \frac{d\Omega'_0}{dc'} dt & \delta c' &= -\int \frac{d\Omega'_0}{d\tau'} dt \\ \delta q &= \int \frac{d\Omega_0}{d\pi} dt & \delta\pi &= -\int \frac{d\Omega_0}{dq} dt & \delta q' &= \int \frac{d\Omega'_0}{d\pi'} dt & \delta\pi' &= -\int \frac{d\Omega'_0}{dq'} dt \\ \delta\theta &= \int \frac{d\Omega_0}{ds} dt & \delta s &= -\int \frac{d\Omega_0}{d\theta} dt & \delta\theta' &= \int \frac{d\Omega'_0}{ds'} dt & \delta s' &= -\int \frac{d\Omega'_0}{d\theta'} dt (2) \end{aligned}$$

Внеся въ Ω_0 и Ω'_0 вмѣсто τ , q , θ , c , π , s , τ' , q' , ... болѣе
точные величины ихъ $\tau + \delta\tau$, $q + \delta q$, ... и отбросивъ въ раз-
ложеніи члены третьяго и высшихъ порядковъ, получимъ Ω и
 Ω' вѣрно до членовъ втораго порядка относительно массъ:

$$\begin{aligned} \Omega = \Omega_0 &+ \frac{d\Omega_0}{d\tau} \int \frac{d\Omega_0}{dc} dt - \frac{d\Omega_0}{dc} \int \frac{d\Omega_0}{d\tau} dt \\ &+ \frac{d\Omega_0}{dq} \int \frac{d\Omega_0}{d\pi} dt - \frac{d\Omega_0}{d\pi} \int \frac{d\Omega_0}{dq} dt \\ &+ \frac{d\Omega_0}{d\theta} \int \frac{d\Omega_0}{ds} dt - \frac{d\Omega_0}{ds} \int \frac{d\Omega_0}{d\theta} dt \\ &+ \frac{d\Omega_0}{d\tau'} \int \frac{d\Omega_0'}{dc'} dt - \frac{d\Omega_0}{dc'} \int \frac{d\Omega_0'}{d\tau'} dt \\ &+ \frac{d\Omega_0}{dq'} \int \frac{d\Omega_0'}{d\pi'} dt - \frac{d\Omega_0}{d\pi'} \int \frac{d\Omega_0'}{dq'} dt \\ &+ \frac{d\Omega_0}{d\theta'} \int \frac{d\Omega_0'}{ds'} dt - \frac{d\Omega_0}{ds'} \int \frac{d\Omega_0'}{d\theta'} dt \end{aligned}$$

$$\begin{aligned} \Omega' = \Omega'_0 &+ \frac{d\Omega'_0}{d\tau'} \int \frac{d\Omega'_0}{dc'} dt - \frac{d\Omega'_0}{dc'} \int \frac{d\Omega'_0}{d\tau'} dt \\ &+ \frac{d\Omega'_0}{dq'} \int \frac{d\Omega'_0}{d\pi'} dt - \frac{d\Omega'_0}{d\pi'} \int \frac{d\Omega'_0}{dq'} dt \\ &+ \frac{d\Omega'_0}{d\theta'} \int \frac{d\Omega'_0}{ds'} dt - \frac{d\Omega'_0}{ds'} \int \frac{d\Omega'_0}{d\theta'} dt \\ &+ \frac{d\Omega'_0}{d\tau} \int \frac{d\Omega_0}{dc} dt - \frac{d\Omega'_0}{dc} \int \frac{d\Omega_0}{d\tau} dt \\ &+ \frac{d\Omega'_0}{dq} \int \frac{d\Omega_0}{d\pi} dt - \frac{d\Omega'_0}{d\pi} \int \frac{d\Omega_0}{dq} dt \\ &+ \frac{d\Omega'_0}{d\theta} \int \frac{d\Omega_0}{ds} dt - \frac{d\Omega'_0}{ds} \int \frac{d\Omega_0}{d\theta} dt \dots \dots \dots (3) \end{aligned}$$

Для краткости означимъ:

$$\frac{d\Omega_0}{d\tau} \int \frac{d\Omega_0}{dc} dt - \frac{d\Omega_0}{dc} \int \frac{d\Omega_0}{d\tau} dt = (\tau_0, c_0)$$

$$\frac{d\Omega_0}{d\tau'} \int \frac{d\Omega_0'}{dc'} dt - \frac{d\Omega_0}{dc'} \int \frac{d\Omega_0'}{d\tau'} dt = (\tau'_0, c'_1)$$

и подобнымъ же образомъ другія выраженія. Предъидущія формулы получаютъ тогда слѣдующій видъ:

$$\Omega = \Omega_0 + (\tau_0, c_0) + (q_0, \pi_0) + (\theta_0, s_0) + (\tau'_0, c'_1) \\ + (q'_0, \pi'_1) + (\theta'_0, s'_1)$$

$$\Omega' = \Omega'_0 + (\tau'_1, c'_1) + (q'_1, \pi'_1) + (\theta'_1, s'_1) + (\tau_1, c_0) \\ + (q_1, \pi_0) + (\theta_1, s_0).$$

Внеся эти выраженія Ω и Ω' въ дифференціальныя уравненія (1), черезъ интеграцію получимъ слѣдующія формулы возмущеній, вѣрныя до втораго порядка относительно массъ:

$$\delta\tau = \int \frac{d\Omega_0}{dc} dt + \int \frac{d(\tau_0, c_0)}{dc} dt + \int \frac{d(q_0, \pi_0)}{dc} dt + \int \frac{d(\theta_0, s_0)}{dc} dt + \int \frac{d(\tau'_0, c'_1)}{dc} dt \\ + \int \frac{d(q'_0, \pi'_1)}{dc} dt + \int \frac{d(\theta'_0, s'_1)}{dc} dt$$

$$\delta c = - \int \frac{d\Omega_0}{d\tau} dt - \int \frac{d(\tau_0, c_0)}{d\tau} dt - \int \frac{d(q_0, \pi_0)}{d\tau} dt - \int \frac{d(\theta_0, s_0)}{d\tau} dt - \int \frac{d(\tau'_0, c'_1)}{d\tau} dt \\ - \int \frac{d(q'_0, \pi'_1)}{d\tau} dt - \int \frac{d(\theta'_0, s'_1)}{d\tau} dt$$

$$\delta q = \int \frac{d\Omega_0}{d\pi} dt + \int \frac{d(\tau_0, c_0)}{d\pi} dt + \int \frac{d(q_0, \pi_0)}{d\pi} dt + \int \frac{d(\theta_0, s_0)}{d\pi} dt + \int \frac{d(\tau'_0, c'_1)}{d\pi} dt \\ + \int \frac{d(q'_0, \pi'_1)}{d\pi} dt + \int \frac{d(\theta'_0, s'_1)}{d\pi} dt$$

$$\delta\pi = - \int \frac{d\Omega_0}{dq} dt - \int \frac{d(\tau_0, c_0)}{dq} dt - \int \frac{d(q_0, \pi_0)}{dq} dt - \int \frac{d(\theta_0, s_0)}{dq} dt - \int \frac{d(\tau'_0, c'_1)}{dq} dt \\ - \int \frac{d(q'_0, \pi'_1)}{dq} dt - \int \frac{d(\theta'_0, s'_1)}{dq} dt$$

$$\delta\theta = \int \frac{d\Omega_0}{ds} dt + \int \frac{d(\tau_0, c_0)}{ds} dt + \int \frac{d(q_0, \pi_0)}{ds} dt + \int \frac{d(\theta_0, s_0)}{ds} dt + \int \frac{d(\tau'_0, c'_1)}{ds} dt \\ + \int \frac{d(q'_0, \pi'_1)}{ds} dt + \int \frac{d(\theta'_0, s'_1)}{ds} dt$$

$$\delta s = - \int \frac{d^2 \Omega_0}{d\theta} dt - \int \frac{d(\tau_0, c_0)}{d\theta} dt - \int \frac{d(q_0, \pi_0)}{d\theta} dt - \int \frac{d(\theta_0, s_0)}{d\theta} dt - \int \frac{d(\tau'_0, c'_1)}{d\theta} dt - \frac{d(q'_0, \pi'_1)}{d\theta} dt - \int \frac{d(\theta'_0, s'_1)}{d\theta} dt. \dots \dots \dots (4)$$

Подобныя же выраженія для возмущающей планеты мы не приводимъ для краткости.

Чтобы имѣть разложеніе пертурбаціонной функціи вѣрное до членовъ третьяго порядка, опять въ Ω_0 вмѣсто $\tau, q, c, \dots$ вставимъ $\tau + \delta\tau, q + \delta q, \dots$ гдѣ $\delta\tau, \delta q, \dots$ опредѣляются (4) формулами и подобными же для возмущающей планеты, причемъ въ разложеніи члены четвертаго и высшихъ порядковъ отбросимъ; поэтому квадраты и произведения $\delta\tau, \delta c, \dots$ составляются, удерживая въ нихъ только члены перваго порядка

$$\int \frac{d^2 \Omega_0}{dc} dt, - \int \frac{d^2 \Omega_0}{d\tau} dt, \dots$$

Имѣя это въ виду, нетрудно получить слѣдующую формулу, содержащую всѣ 150 членовъ пертурбаціонной функціи третьяго порядка относительно массъ:

$$\begin{aligned} \Omega = & \frac{d\Omega_0}{d\tau} \left[\int \frac{d(\tau_0, c_0)}{dc} dt + \int \frac{d(q_0, \pi_0)}{dc} dt + \int \frac{d(\theta_0, s_0)}{dc} dt + \int \frac{d(\tau'_0, c'_1)}{dc} dt \right. \\ & \left. + \int \frac{d(q'_0, \pi'_1)}{dc} dt + \int \frac{d(\theta'_0, s'_1)}{dc} dt \right] \\ - & \frac{d\Omega_0}{dc} \left[\int \frac{d(\tau_0, c_0)}{d\tau} dt + \int \frac{d(q_0, \pi_0)}{d\tau} dt + \int \frac{d(\theta_0, s_0)}{d\tau} dt + \int \frac{d(\tau'_0, c'_1)}{d\tau} dt \right. \\ & \left. + \int \frac{d(q'_0, \pi'_1)}{d\tau} dt + \int \frac{d(\theta'_0, s'_1)}{d\tau} dt \right] \\ + & \frac{d\Omega_0}{dq} \left[\int \frac{d(\tau_0, c_0)}{d\pi} dt + \int \frac{d(q_0, \pi_0)}{d\pi} dt + \int \frac{d(\theta_0, s_0)}{d\pi} dt + \int \frac{d(\tau'_0, c'_1)}{d\pi} dt \right. \\ & \left. + \int \frac{d(q'_0, \pi'_1)}{d\pi} dt + \int \frac{d(\theta'_0, s'_1)}{d\pi} dt \right] \end{aligned}$$

$$\begin{aligned}
& - \frac{d\delta\Omega_0}{d\pi} \left[\int \frac{d(\tau_0, c_0)}{dq} dt + \int \frac{d(q_0, \pi_0)}{dq} dt + \int \frac{d(\theta_0, s_0)}{dq} dt + \int \frac{d(\tau'_0, c'_1)}{dq} dt \right. \\
& \quad \left. + \int \frac{d(q'_0, \pi'_1)}{dq} dt + \int \frac{d(\theta'_0, s'_1)}{dq} dt \right] \\
& + \frac{d\delta\Omega_0}{d\theta} \left[\int \frac{d(\tau_0, c_0)}{ds} dt + \int \frac{d(q_0, \pi_0)}{ds} dt + \int \frac{d(\theta_0, s_0)}{ds} dt + \int \frac{d(\tau'_0, c'_1)}{ds} dt \right. \\
& \quad \left. + \int \frac{d(q'_0, \pi'_1)}{ds} dt + \int \frac{d(\theta'_0, s'_1)}{ds} dt \right] \\
& - \frac{d\delta\Omega_0}{ds} \left[\int \frac{d(\tau_0, c_0)}{d\theta} dt + \int \frac{d(q_0, \pi_0)}{d\theta} dt + \int \frac{d(\theta_0, s_0)}{d\theta} dt + \int \frac{d(\tau'_0, c'_1)}{d\theta} dt \right. \\
& \quad \left. + \int \frac{d(q'_0, \pi'_1)}{d\theta} dt + \int \frac{d(\theta'_0, s'_1)}{d\theta} dt \right] \\
& + \frac{d\delta\Omega_0}{dc'} \left[\int \frac{d(\tau'_1, c'_1)}{d\tau'} dt + \int \frac{d(q'_1, \pi'_1)}{dc'} dt + \int \frac{d(\theta'_1, s'_1)}{dc'} dt + \int \frac{d(\tau_1, c_0)}{dc'} dt \right. \\
& \quad \left. + \int \frac{d(q_1, \pi_0)}{dc'} dt + \int \frac{d(\theta_1, s_0)}{dc'} dt \right] \\
& - \frac{d\delta\Omega_0}{d\tau'} \left[\int \frac{d(\tau'_1, c'_1)}{dc'} dt + \int \frac{d(q'_1, \pi'_1)}{d\tau'} dt + \int \frac{d(\theta'_1, s'_1)}{d\tau'} dt + \int \frac{d(\tau_1, c_0)}{d\tau'} dt \right. \\
& \quad \left. + \int \frac{d(q_1, \pi_0)}{d\tau'} dt + \int \frac{d(\theta_1, s_0)}{d\tau'} dt \right] \\
& + \frac{d\delta\Omega_0}{dq'} \left[\int \frac{d(\tau'_1, c'_1)}{d\pi'} dt + \int \frac{d(q'_1, \pi'_1)}{dq'} dt + \int \frac{d(\theta'_1, s'_1)}{dq'} dt + \int \frac{d(\tau_1, c_0)}{dq'} dt \right. \\
& \quad \left. + \int \frac{d(q_1, \pi_0)}{dq'} dt + \int \frac{d(\theta_1, s_0)}{dq'} dt \right] \\
& - \frac{d\delta\Omega_0}{d\pi'} \left[\int \frac{d(\tau'_1, c'_1)}{dq'} dt + \int \frac{d(q'_1, \pi'_1)}{d\pi'} dt + \int \frac{d(\theta'_1, s'_1)}{d\pi'} dt + \int \frac{d(\tau_1, c_0)}{d\pi'} dt \right. \\
& \quad \left. + \int \frac{d(q_1, \pi_0)}{d\pi'} dt + \int \frac{d(\theta_1, s_0)}{d\pi'} dt \right]
\end{aligned}$$

$$\begin{aligned}
 & + \frac{d\delta\Omega_0}{d\theta'} \left[\int \frac{d(\tau', c'_1)}{ds'} dt + \int \frac{d(q', \pi'_1)}{ds'} dt + \int \frac{d(\theta', s'_1)}{ds'} dt + \int \frac{d(\tau_1, c_0)}{ds'} dt \right. \\
 & \quad \left. + \int \frac{d(q_1, \pi_0)}{ds'} dt + \int \frac{d(\theta_1, s_0)}{ds'} dt \right] \\
 & - \frac{d\delta\Omega_0}{ds'} \left[\int \frac{d(\tau', c'_1)}{d\theta'} dt + \int \frac{d(q', \pi'_1)}{d\theta'} dt + \int \frac{d(\theta', s'_1)}{d\theta'} dt + \int \frac{d(\tau_1, c_0)}{d\theta'} dt \right. \\
 & \quad \left. + \int \frac{d(q_1, \pi_0)}{d\theta'} dt + \int \frac{d(\theta_1, s_0)}{d\theta'} dt \right] \\
 & + \frac{1}{2} \frac{d^2\delta\Omega_0}{d\tau^2} \left(\int \frac{d\delta\Omega_0}{dc} dt \right)^2 - \frac{d^2\delta\Omega_0}{d\tau dc} \int \frac{d\delta\Omega_0}{dc} dt \cdot \int \frac{d\delta\Omega_0}{d\tau} dt + \frac{d^2\delta\Omega_0}{d\tau dq} \int \frac{d\delta\Omega_0}{dc} dt \cdot \int \frac{d\delta\Omega_0}{d\pi} dt \\
 & \quad - \frac{d^2\delta\Omega_0}{d\tau d\pi} \int \frac{d\delta\Omega_0}{dc} dt \cdot \int \frac{d\delta\Omega_0}{dq} dt \\
 & + \frac{d^2\delta\Omega_0}{d\tau d\theta} \int \frac{d\delta\Omega_0}{dc} dt \cdot \int \frac{d\delta\Omega_0}{ds} dt - \frac{d^2\delta\Omega_0}{d\tau ds} \int \frac{d\delta\Omega_0}{dc} dt \cdot \int \frac{d\delta\Omega_0}{d\theta} dt + \frac{d^2\delta\Omega_0}{d\tau d\tau'} \int \frac{d\delta\Omega_0}{dc} dt \cdot \\
 & \quad \int \frac{d\delta\Omega'_0}{dc'} dt - \frac{d^2\delta\Omega_0}{d\tau dc'} \int \frac{d\delta\Omega_0}{dc} dt \cdot \int \frac{d\delta\Omega'_0}{d\tau'} dt \\
 & + \frac{d^2\delta\Omega_0}{d\tau dq'} \int \frac{d\delta\Omega_0}{dc} dt \cdot \int \frac{d\delta\Omega'_0}{d\pi'} dt - \frac{d^2\delta\Omega_0}{d\tau d\pi'} \int \frac{d\delta\Omega_0}{dc} dt \cdot \int \frac{d\delta\Omega'_0}{dq'} dt + \frac{d^2\delta\Omega_0}{d\tau d\theta'} \int \frac{d\delta\Omega_0}{dc} dt \cdot \\
 & \quad \int \frac{d\delta\Omega'_0}{ds'} dt - \frac{d^2\delta\Omega_0}{d\tau ds'} \int \frac{d\delta\Omega_0}{dc} dt \cdot \int \frac{d\delta\Omega_0}{d\theta'} dt \\
 & + \frac{1}{2} \frac{d^2\delta\Omega_0}{dc^2} \left(\int \frac{d\delta\Omega_0}{d\tau} dt \right)^2 - \frac{d^2\delta\Omega_0}{dc dq} \int \frac{d\delta\Omega_0}{d\tau} dt \cdot \int \frac{d\delta\Omega_0}{d\pi} dt + \frac{d^2\delta\Omega_0}{dc d\pi} \int \frac{d\delta\Omega_0}{d\tau} dt \cdot \\
 & \quad \int \frac{d\delta\Omega_0}{dq} dt - \frac{d^2\delta\Omega_0}{dc d\theta} \int \frac{d\delta\Omega_0}{d\tau} dt \cdot \int \frac{d\delta\Omega_0}{ds} dt \\
 & + \frac{d^2\delta\Omega_0}{dc ds} \int \frac{d\delta\Omega_0}{d\tau} dt \cdot \int \frac{d\delta\Omega_0}{d\theta} dt - \frac{d^2\delta\Omega_0}{dc d\tau'} \int \frac{d\delta\Omega_0}{d\tau} dt \cdot \int \frac{d\delta\Omega'_0}{dc'} dt + \frac{d^2\delta\Omega_0}{dc d\tau'} \int \frac{d\delta\Omega_0}{d\tau} dt \cdot \\
 & \quad \int \frac{d\delta\Omega'_0}{d\tau'} dt - \frac{d^2\delta\Omega_0}{dc dq'} \int \frac{d\delta\Omega_0}{d\tau} dt \cdot \int \frac{d\delta\Omega'_0}{d\pi'} dt
 \end{aligned}$$

$$\begin{aligned}
& + \frac{d^2 \delta_{\tau 0}}{d c d \pi'} \int \frac{d \delta_{\tau 0}}{d \tau} dt \int \frac{d \delta_{\tau' 0}}{d q'} dt - \frac{d^2 \delta_{\tau 0}}{d c d \theta'} \int \frac{d \delta_{\tau 0}}{d \tau} dt \int \frac{d \delta_{\tau' 0}}{d s'} dt + \frac{d^2 \delta_{\tau 0}}{d c d s'} \\
& \int \frac{d \delta_{\tau 0}}{d \tau} dt \int \frac{d \delta_{\tau' 0}}{d \theta'} dt \\
& + \frac{1}{2} \frac{d^2 \delta_{\tau 0}}{d q^2} \left(\int \frac{d \delta_{\tau 0}}{d \pi} dt \right)^2 - \frac{d^2 \delta_{\tau 0}}{d q d \pi} \int \frac{d \delta_{\tau 0}}{d \pi} dt \int \frac{d \delta_{\tau 0}}{d q} dt + \frac{d^2 \delta_{\tau 0}}{d q d \theta} \int \frac{d \delta_{\tau 0}}{d \pi} dt \\
& \int \frac{d \delta_{\tau 0}}{d s} dt - \frac{d^2 \delta_{\tau 0}}{d q d s} \int \frac{d \delta_{\tau 0}}{d \pi} dt \int \frac{d \delta_{\tau 0}}{d \theta} dt \\
& + \frac{d^2 \delta_{\tau 0}}{d q d \tau'} \int \frac{d \delta_{\tau 0}}{d \pi} dt \int \frac{d \delta_{\tau' 0}}{d c'} dt - \frac{d^2 \delta_{\tau 0}}{d q d c'} \int \frac{d \delta_{\tau 0}}{d \pi} dt \int \frac{d \delta_{\tau' 0}}{d \tau'} dt + \frac{d^2 \delta_{\tau 0}}{d q d q'} \int \frac{d \delta_{\tau 0}}{d \pi} dt \\
& \int \frac{d \delta_{\tau' 0}}{d \pi'} dt - \frac{d^2 \delta_{\tau 0}}{d q d \pi'} \int \frac{d \delta_{\tau 0}}{d \pi} dt \int \frac{d \delta_{\tau' 0}}{d q'} dt \\
& + \frac{d^2 \delta_{\tau 0}}{d q d \theta'} \int \frac{d \delta_{\tau 0}}{d \pi} dt \int \frac{d \delta_{\tau' 0}}{d s'} dt - \frac{d^2 \delta_{\tau 0}}{d q d s'} \int \frac{d \delta_{\tau 0}}{d \pi} dt \int \frac{d \delta_{\tau' 0}}{d \theta'} dt \\
& + \frac{1}{2} \frac{d^2 \delta_{\tau 0}}{d \pi^2} \left(\int \frac{d \delta_{\tau 0}}{d q} dt \right)^2 - \frac{d^2 \delta_{\tau 0}}{d \pi d \theta} \int \frac{d \delta_{\tau 0}}{d q} dt \int \frac{d \delta_{\tau 0}}{d s} dt + \frac{d^2 \delta_{\tau 0}}{d \pi d s} \int \frac{d \delta_{\tau 0}}{d q} dt \\
& \int \frac{d \delta_{\tau 0}}{d \theta} dt - \frac{d^2 \delta_{\tau 0}}{d \pi d \tau'} \int \frac{d \delta_{\tau 0}}{d q} dt \int \frac{d \delta_{\tau' 0}}{d c'} dt \\
& + \frac{d^2 \delta_{\tau 0}}{d \pi d c'} \int \frac{d \delta_{\tau 0}}{d q} dt \int \frac{d \delta_{\tau' 0}}{d \tau'} dt - \frac{d^2 \delta_{\tau 0}}{d \pi d q'} \int \frac{d \delta_{\tau 0}}{d q} dt \int \frac{d \delta_{\tau' 0}}{d \pi'} dt + \frac{d^2 \delta_{\tau 0}}{d \pi d \pi'} \int \frac{d \delta_{\tau 0}}{d q} dt \\
& \int \frac{d \delta_{\tau' 0}}{d q'} dt - \frac{d^2 \delta_{\tau 0}}{d \pi d \theta'} \int \frac{d \delta_{\tau 0}}{d q} dt \int \frac{d \delta_{\tau' 0}}{d s'} dt \\
& + \frac{d^2 \delta_{\tau 0}}{d \pi d s'} \int \frac{d \delta_{\tau 0}}{d q} dt \int \frac{d \delta_{\tau' 0}}{d \theta'} dt \\
& + \frac{1}{2} \frac{d^2 \delta_{\tau 0}}{d \theta^2} \left(\int \frac{d \delta_{\tau 0}}{d s} dt \right)^2 - \frac{d^2 \delta_{\tau 0}}{d \theta d s} \int \frac{d \delta_{\tau 0}}{d s} dt \int \frac{d \delta_{\tau 0}}{d \theta} dt + \frac{d^2 \delta_{\tau 0}}{d \theta d \tau} \int \frac{d \delta_{\tau 0}}{d s} dt \\
& \int \frac{d \delta_{\tau' 0}}{d c'} dt - \frac{d^2 \delta_{\tau 0}}{d \theta d c'} \int \frac{d \delta_{\tau 0}}{d s} dt \int \frac{d \delta_{\tau' 0}}{d \tau'} dt
\end{aligned}$$

$$\begin{aligned}
 & + \frac{a^2 \delta \Delta_0}{d\theta d\alpha'} \int \frac{d\delta \Delta_0}{ds} dt \cdot \int \frac{d\delta \Delta'_0}{d\pi'} dt - \frac{a^2 \delta \Delta_0}{d\theta d\alpha'} \int \frac{d\delta \Delta_0}{ds} dt \cdot \int \frac{d\delta \Delta'_0}{d\alpha'} dt + \frac{a^2 \delta \Delta_0}{d\theta d\theta'} \int \frac{d\delta \Delta_0}{ds} dt \\
 & \quad \int \frac{d\delta \Delta'_0}{ds'} dt - \frac{a^2 \delta \Delta_0}{d\theta ds'} \int \frac{d\delta \Delta_0}{ds} dt \cdot \int \frac{d\delta \Delta'_0}{d\theta'} dt \\
 & + \frac{1}{2} \frac{a^2 \delta \Delta_0}{ds^2} \left(\int \frac{d\delta \Delta_0}{d\theta} dt \right)^2 - \frac{a^2 \delta \Delta_0}{ds d\alpha'} \int \frac{d\delta \Delta_0}{d\theta} dt \cdot \int \frac{d\delta \Delta'_0}{d\alpha'} dt + \frac{a^2 \delta \Delta_0}{ds d\alpha'} \int \frac{d\delta \Delta_0}{d\theta} dt \\
 & \quad \int \frac{d\delta \Delta'_0}{d\alpha'} dt - \frac{a^2 \delta \Delta_0}{ds d\alpha'} \int \frac{d\delta \Delta_0}{d\theta} dt \cdot \int \frac{d\delta \Delta'_0}{d\alpha'} dt \\
 & + \frac{a^2 \delta \Delta_0}{ds d\alpha'} \int \frac{d\delta \Delta_0}{d\theta} dt \cdot \int \frac{d\delta \Delta'_0}{d\alpha'} dt - \frac{a^2 \delta \Delta_0}{ds d\theta'} \int \frac{d\delta \Delta_0}{d\theta} dt \cdot \int \frac{d\delta \Delta'_0}{ds'} dt + \frac{a^2 \delta \Delta_0}{ds ds'} \\
 & \quad \int \frac{d\delta \Delta_0}{d\theta} dt \cdot \int \frac{d\delta \Delta'_0}{d\theta'} dt \\
 & + \frac{1}{2} \frac{a^2 \delta \Delta_0}{d\alpha'^2} \left(\int \frac{d\delta \Delta'_0}{d\alpha'} dt \right)^2 - \frac{a^2 \delta \Delta_0}{d\alpha' d\alpha'} \int \frac{d\delta \Delta'_0}{d\alpha'} dt \cdot \int \frac{d\delta \Delta'_0}{d\alpha'} dt + \frac{a^2 \delta \Delta_0}{d\alpha' d\alpha'} \int \frac{d\delta \Delta'_0}{d\alpha'} dt \\
 & \quad \int \frac{d\delta \Delta'_0}{d\alpha'} dt - \frac{a^2 \delta \Delta_0}{d\alpha' d\alpha'} \int \frac{d\delta \Delta'_0}{d\alpha'} dt \cdot \int \frac{d\delta \Delta'_0}{d\alpha'} dt \\
 & + \frac{a^2 \delta \Delta_0}{d\alpha' d\theta'} \int \frac{d\delta \Delta'_0}{d\alpha'} dt \cdot \int \frac{d\delta \Delta_0}{ds'} dt - \frac{a^2 \delta \Delta_0}{d\alpha' ds'} \int \frac{d\delta \Delta'_0}{d\alpha'} dt \cdot \int \frac{d\delta \Delta'_0}{d\theta'} dt \\
 & + \frac{1}{2} \frac{a^2 \delta \Delta_0}{d\alpha'^2} \left(\int \frac{d\delta \Delta'_0}{d\alpha'} dt \right)^2 - \frac{a^2 \delta \Delta_0}{d\alpha' d\alpha'} \int \frac{d\delta \Delta'_0}{d\alpha'} dt \cdot \int \frac{d\delta \Delta'_0}{d\alpha'} dt + \frac{a^2 \delta \Delta_0}{d\alpha' d\alpha'} \int \frac{d\delta \Delta'_0}{d\alpha'} dt \\
 & \quad \int \frac{d\delta \Delta'_0}{d\alpha'} dt - \frac{a^2 \delta \Delta_0}{d\alpha' d\theta'} \int \frac{d\delta \Delta'_0}{d\alpha'} dt \cdot \int \frac{d\delta \Delta'_0}{ds'} dt \\
 & + \frac{a^2 \delta \Delta_0}{d\alpha' ds'} \int \frac{d\delta \Delta'_0}{d\alpha'} dt \cdot \int \frac{d\delta \Delta'_0}{d\theta'} dt \\
 & + \frac{1}{2} \frac{a^2 \delta \Delta_0}{d\alpha'^2} \left(\int \frac{d\delta \Delta'_0}{d\alpha'} dt \right)^2 - \frac{a^2 \delta \Delta_0}{d\alpha' d\alpha'} \int \frac{d\delta \Delta'_0}{d\alpha'} dt \cdot \int \frac{d\delta \Delta'_0}{d\alpha'} dt + \frac{a^2 \delta \Delta_0}{d\alpha' d\theta'} \int \frac{d\delta \Delta'_0}{d\alpha'} dt \\
 & \quad \int \frac{d\delta \Delta'_0}{ds'} dt - \frac{a^2 \delta \Delta_0}{d\alpha' ds'} \int \frac{d\delta \Delta'_0}{d\alpha'} dt \cdot \int \frac{d\delta \Delta'_0}{d\theta'} dt
 \end{aligned}$$

$$\begin{aligned}
& + \frac{1}{2} \frac{d^2 \Omega_0}{d\pi^2} \left(\int \frac{d\Omega'_0}{dq'} dt \right)^2 - \frac{d^2 \Omega_0}{d\pi d\theta'} \int \frac{d\Omega'_0}{dq'} dt \cdot \int \frac{d\Omega'_0}{ds'} dt + \frac{d^2 \Omega_0}{d\pi ds'} \int \frac{d\Omega'_0}{dq'} dt \cdot \\
& \quad \int \frac{d\Omega'_0}{d\theta'} dt \\
& + \frac{1}{2} \frac{d^2 \Omega_0}{d\theta'^2} \left(\int \frac{d\Omega'_0}{ds'} dt \right)^2 - \frac{d^2 \Omega_0}{d\theta' ds'} \int \frac{d\Omega'_0}{ds'} dt \cdot \int \frac{d\Omega'_0}{d\theta'} dt \\
& + \frac{1}{2} \frac{d^2 \Omega_0}{ds'^2} \left(\int \frac{d\Omega'_0}{d\theta'} dt \right)^2 \dots \dots \dots (5)
\end{aligned}$$

Внося эти члены Ω въ дифференціальныя уравненія и интегрируя, получимъ возмущенія третьяго порядка. Наша цѣль состоитъ въ розысканіи вѣковыхъ возмущеній большой полуоси a или, что тоже, элемента c , такъ какъ послѣдній зависитъ только отъ a . Поэтому вышеприведенное выраженіе будемъ вычислять на столько, насколько это нужно для нашей цѣли.

Означая вообще черезъ C какую нибудь постоянную, зависящую отъ элементовъ кромѣ τ и τ' , а черезъ P періодическую функцію, не содержащую постояннаго члена, легко видѣть, что члены Ω вида

$$C, Ct, Ct^2, P, Pt, Pt^2, P(t-\tau), P(t-\tau')$$

не дадутъ вѣковыхъ возмущеній въ c ; напротивъ члены вида $C\tau$, $Ct\tau$ или

$$C(t-\tau), C(t-\tau)^2, C(t-\tau)(t-\tau')$$

дадутъ въ своей производной по τ постоянный членъ и потому могутъ дать возмущеніе большой оси.

Пертурбаціонная функція Ω_0 приводится къ виду

$$\Omega_0 = U + \Sigma (A \sin T + B \cos T) \dots \dots \dots (6)$$

гдѣ постоянный членъ U выдѣленъ особо, знакъ Σ относится къ

указателямъ i, i' , которые при A и B для краткости опущены, а

$$T = i' n' (t - \tau') - i n (t - \tau).$$

Знакъ Σ распространяется на всѣ цѣлыя значенія i и i' отъ $-\infty$ до $+\infty$, исключая одновременнаго положенія $i = 0$ и $i' = 0$ или $T = 0$. Всѣ послѣдующія Σ должны быть принимаемы въ этомъ смыслѣ.

T зависитъ только отъ элементовъ τ, τ', c и c' , изъ которыхъ c и c' скрыты въ n и n' ; отношеніе между n и c имѣетъ видъ $n^2 c^3 = \text{постоянной}$; слѣдовательно

$$\frac{dn}{dc} = \frac{3n}{2c} \quad \frac{dn'}{dc'} = \frac{3n'}{2c'}$$

Поэтому получимъ:

$$\frac{dT}{dc} = -\frac{3}{2} \frac{t-\tau}{c} i n \quad \frac{dT}{dc'} = \frac{3}{2} \frac{t-\tau'}{c'} i' n'$$

$$\frac{dT}{d\tau} = i n \quad \frac{dT}{d\tau'} = -i' n'$$

A, B и U содержатъ всѣ элементы кромѣ τ и τ' , которые входятъ не иначе, какъ сопровождая t . Имѣя это въ виду, составимъ частныя производныя Ω_0 :

$$\frac{d\Omega_0}{d\tau} = \sum i n (A \cos T - B \sin T)$$

$$\frac{d\Omega_0}{dc} = \frac{dU}{dc} + \sum \left(\frac{dA}{dc} \sin T + \frac{dB}{dc} \cos T \right) - \frac{3}{2} \frac{t-\tau}{c} \sum i n (A \cos T - B \sin T)$$

$$\frac{d\Omega_0}{dq} = \frac{dU}{dq} + \sum \left(\frac{dA}{dq} \sin T + \frac{dB}{dq} \cos T \right) \text{ и подобныя.}$$

$$\frac{d\delta\Omega_0}{d\tau'} = - \sum i' n' (A \cos T - B \sin T)$$

$$\frac{d\delta\Omega_0}{dc'} = \frac{dU}{dc'} + \sum \left(\frac{dA}{dc'} \sin T + \frac{dB}{dc'} \cos T \right) + \frac{3}{2} \frac{t-\tau'}{c'} \sum i' n' (A \cos T - B \sin T) \dots \dots \dots (7)$$

Умножая эти выражения на dt и интегрируя, примемъ во вниманіе, что

$$\int \sin T dt = - \frac{\cos T}{i' n' - i n} \quad \int (t-\tau) \sin T dt = - (t-\tau) \frac{\cos T}{i' n' - i n} + \frac{\sin T}{(i' n' - i n)^2}$$

$$\int \cos T dt = \frac{\sin T}{i' n' - i n} \quad \int (t-\tau) \cos T dt = (t-\tau) \frac{\sin T}{i' n' - i n} + \frac{\cos T}{(i' n' - i n)^2} \dots \dots \dots (8)$$

и получимъ:

$$\int \frac{d\delta\Omega_0}{d\tau'} dt = \sum \frac{i n}{i' n' - i n} (A \sin T + B \cos T)$$

$$\int \frac{d\delta\Omega_0}{dc'} dt = t \frac{dU}{dc'} - \sum \frac{1}{i' n' - i n} \left(\frac{dA}{dc'} \cos T - \frac{dB}{dc'} \sin T \right) - \frac{3}{2c} \sum \frac{i n}{(i' n' - i n)^2} (A \cos T - B \sin T) - \frac{3}{2} \frac{t-\tau'}{c'} \sum \frac{i n}{i' n' - i n} (A \sin T + B \cos T)$$

$$\int \frac{d\delta\Omega_0}{d\tau'} = - \sum \frac{i' n'}{i' n' - i n} (A \sin T + B \cos T)$$

$$\int \frac{d\delta\Omega_0}{dc'} dt = t \frac{dU}{dc'} - \sum \frac{1}{i' n' - i n} \left(\frac{dA}{dc'} \cos T - \frac{dB}{dc'} \sin T \right) + \frac{3}{2c'} \sum \frac{i' n'}{(i' n' - i n)^2} (A \cos T - B \sin T) + \frac{3}{2} \frac{t-\tau'}{c'} \sum \frac{i' n'}{i' n' - i n} (A \sin T + B \cos T) \quad (9)$$

Для всѣхъ же остальныхъ элементовъ, кромѣ c , τ , c' и τ' , получимъ вообще:

$$\int \frac{d\delta\Omega_0}{dp} dt = t \frac{dU}{dp} - \sum \frac{1}{i'n' - in} \left(\frac{dA}{dp} \cos T - \frac{dB}{dp} \sin T \right) \dots \dots (10)$$

Для возмущающей планеты пусть

$$\Omega'_0 = U' + \Sigma(A' \sin T + B' \cos T)$$

такъ, что для полученія формулъ, относящихся къ Ω'_0 , достаточно въ (7), (9) и (10) прибавить значки одновременно къ Ω_0 , U , A и B .

Разсмотримъ выраженіе

$$\frac{d\Omega_0}{df} \int \frac{dM}{dg} dt - \frac{d\Omega_0}{dg} \int \frac{dM}{df} dt$$

гдѣ M такого же вида, какъ Ω_0 , f и g два элемента τ , c или q , τ или θ , s и т. д. Если не будемъ разсматривать постоянныхъ членовъ въ производныхъ M , то получимъ выраженіе такого же вида, какъ Ω_0 . Въ самомъ дѣлѣ, для другихъ группъ элементовъ кромѣ τ , c и τ' , c' это очевидно, такъ какъ въ этомъ случаѣ производныя M періодическія функціи; если же элементы будутъ τ , c , то какъ показываютъ формулы (7) и (9):

$$\int \frac{dM}{dc} dt = M' - \frac{3}{2} \frac{t-\tau}{c} \int \frac{dM}{d\tau} dt \quad \frac{d\Omega_0}{dc} = N - \frac{3}{2} \frac{t-\tau}{c} \frac{d\Omega_0}{d\tau}$$

Поставивъ эти величины въ предъидущее выраженіе, увидимъ, что коэффициентъ $t - \tau$ уничтожится. Тоже самое для группы τ' , c' . Итакъ члены содержащіе t внѣ знаковъ $\sin$ и $\cos$ могутъ получиться только отъ постояннаго члена M , именно

$$t \left(\frac{dM_0}{dg} \frac{d\delta\Omega_0}{df} - \frac{dM_0}{df} \frac{d\delta\Omega_0}{dg} \right),$$

гдѣ M_0 есть постоянный членъ M . Прилагая это къ выраженіямъ $(\tau_0, c_0), (q_0, \pi_0), \dots$, получимъ слѣдующіе члены этихъ выраженій вида Ct и Pt , кромѣ періодическихъ вида P :

$$(\tau_0, c_0) = t \frac{dU}{dc} \frac{d\Omega_1}{d\tau} \quad \Omega_1 = \Omega_0 - U$$

$$(q_0, \pi_0) = t \left(\frac{dU}{d\pi} \frac{d\Omega_1}{dq} - \frac{dU}{dq} \frac{d\Omega_1}{d\pi} \right)$$

$$(\theta_0, s_0) = t \left(\frac{dU}{ds} \frac{d\Omega_1}{d\theta} - \frac{dU}{d\theta} \frac{d\Omega_1}{ds} \right)$$

$$(\tau'_0, c'_1) = t \frac{dU'}{dc'} \frac{d\Omega_1}{d\tau'}$$

$$(q'_0, \pi'_1) = t \left(\frac{dU}{dq'} \frac{dU'}{d\pi'} - \frac{dU}{d\pi'} \frac{dU'}{dq'} \right) + t \left(\frac{dU'}{d\pi'} \frac{d\Omega_1}{dq'} - \frac{dU'}{dq'} \frac{d\Omega_1}{d\pi'} \right)$$

$$(\theta'_0, s'_1) = t \left(\frac{dU}{d\theta'} \frac{dU'}{ds'} - \frac{dU}{ds'} \frac{dU'}{d\theta'} \right) + t \left(\frac{dU'}{ds'} \frac{d\Omega_1}{d\theta'} - \frac{dU'}{d\theta'} \frac{d\Omega_1}{ds'} \right)$$

Поэтому всѣ члены втораго порядка пертурбаціонной функціи имѣютъ видъ

$$Ct + Pt + P_1$$

Отсюда ясно, что большая полуось не имѣетъ вѣковыхъ возмущеній втораго порядка относительно массъ.

Обращаясь теперь къ членамъ Ω третьяго порядка, составляющимъ выраженіе (5), рассмотримъ сначала 72 его первыхъ члена, которые можно соединить по два, стоящихъ одно подъ другимъ, въ 36 членовъ вида

$$\frac{d\Omega_0}{df} \int \frac{dM}{dg} dt - \frac{d\Omega_0}{dg} \int \frac{dM}{df} dt$$

гдѣ f и g два изъ 12 элементовъ, соединяемыхъ извѣстными

образомъ, а N одно изъ выраженій $(\tau_0, c_0), (q_0, \pi_0), \dots$. Въ послѣднихъ мы можемъ вовсе не разсматривать члены вида P , такъ какъ по предъидущему они не дадутъ членовъ могущихъ произвести вѣковыя возмущенія c . Разсмотримъ выраженіе:

$$\frac{d\delta\Omega_0}{d\tau} \int \frac{d(\tau_0, c_0)}{dc} dt - \frac{d\delta\Omega_0}{dc} \int \frac{d(\tau_0, c_0)}{d\tau} dt$$

Пусть

$$(\tau_0, c_0) = t \Sigma (A_1 \sin T + B_1 \cos T)$$

гдѣ T отлично отъ нуля. Дифференцируя, получимъ:

$$\begin{aligned} \frac{d(\tau_0, c_0)}{dc} &= t \Sigma \left(\frac{dA_1}{dc} \sin T + \frac{dB_1}{dc} \cos T \right) - \frac{3}{2} \frac{t(t-\tau)}{c} \Sigma in (A_1 \cos T \\ &\quad - B_1 \sin T) \end{aligned}$$

$$\frac{d(\tau_0, c_0)}{d\tau} = t \Sigma in (A_1 \cos T - B_1 \sin T).$$

Умноживъ на dt и интегрируя, примемъ во вниманіе, что

$$\int t(t-\tau) \Sigma in (A_1 \cos T - B_1 \sin T) dt = t(t-\tau) \Sigma \frac{in}{i'n' - in} .$$

$$(A_1 \sin T + B_1 \cos T)$$

$$+ (2t - \tau) \Sigma \frac{in}{(i'n' - in)^2} (A_1 \cos T - B_1 \sin T)$$

$$- 2 \Sigma \frac{in}{(i'n' - in)^3} (A_1 \sin T + B_1 \cos T).$$

Вслѣдствіе этого получимъ:

$$\begin{aligned}
 \frac{\Omega_0 d^n}{d\tau^n} & \left[-t \sum \frac{1}{i'n'-in} \left(\frac{dA_1}{dc} \cos T - \frac{dB_1}{dc} \sin T \right) + \sum \frac{1}{(i'n'-in)^2} \left(\frac{dA_1}{dc} \sin T \right) \right. \\
 & \quad + \frac{dB_1}{dc} \cos T - \frac{3}{2} \frac{t(t-\tau)}{c} \sum \frac{in}{i'n'-in} (A_1 \sin T + B_1 \cos T) \\
 & \quad - \frac{3}{2} \frac{2t-\tau}{c} \sum \frac{in}{(i'n'-in)^2} (A_1 \cos T - B_1 \sin T) \\
 & \quad \left. + \frac{3}{c} \sum \frac{1}{(i'n'-in)^3} (A_1 \sin T + B_1 \cos T) \right] \\
 & - \left[\frac{dU}{dc} + \sum \left(\frac{dA}{dc} \sin T + \frac{dB}{dc} \cos T \right) - \frac{3}{2} \frac{t-\tau}{c} \frac{d\Omega_0}{d\tau} \right] \\
 & \left[t \sum \frac{in}{i'n'-in} (A_1 \sin T + B_1 \cos T) + \sum \frac{in}{(i'n'-in)^2} (A_1 \cos T - B_1 \sin T) \right]
 \end{aligned}$$

Разматривая это выражение, находимъ, что члены содержащіе $t(t-\tau)$, а также τ , уничтожаются и остаются члены вида Ct и Pt , кромѣ періодическихъ.

Все сказанное отъ слова до слова прилагается и ко всѣмъ остальнымъ подобнымъ выраженіямъ, составляющимъ двѣ первыя строки въ членахъ (5), кромѣ тѣхъ, въ которыхъ (q'_0, π'_1) и (θ'_0, s'_1) имѣютъ члены вида Ct , которые произведутъ члены вида Pt^2 .

Слѣдующія затѣмъ четыре строки членовъ имѣютъ подъ интегралами производныя по элементамъ q, π, θ и s , не входящимъ въ T , почему производныя эти имѣютъ тотъ же видъ, какъ и самыя функціи; результаты получатся вида Ct, Pt и Pt^2 .

Совершенно тоже самое можно сказать объ остальныхъ шести строкахъ, содержащихъ производныя Ω_0 по элементамъ возмущающей планеты. И такъ эти 36 членовъ не даютъ вѣковыхъ возмущеній большой оси.

Для составленія остальныхъ 78 членовъ третьяго порядка въ (5) вычислимъ вторыя производныя Ω_0 ; при составленіи

$\frac{\partial^2 \Omega_0}{\partial c^2}$ и $\frac{\partial^2 \Omega_0}{\partial c'^2}$ надо обратить вниманіе на n и n' , входящіе въ первыя производныя.

$$\frac{\partial^2 \Omega_0}{\partial c^2} = - \sum i^2 n^2 (A \sin T + B \cos T)$$

$$\begin{aligned} \frac{\partial^2 \Omega_0}{\partial c \partial c} &= \sum in \left(\frac{dA}{dc} \cos T - \frac{dB}{dc} \sin T \right) + \frac{3}{2c} \sum in (A \cos T - B \sin T) \\ &+ \frac{3}{2} \frac{t-\tau}{c} \sum i^2 n^2 (A \sin T + B \cos T) \end{aligned}$$

$$\frac{\partial^2 \Omega_0}{\partial c \partial q} = \sum in \left(\frac{dA}{dq} \cos T - \frac{dB}{dq} \sin T \right) \text{ и подобныя.}$$

$$\frac{\partial^2 \Omega_0}{\partial c \partial c'} = \sum in i' n' (A \sin T - B \cos T)$$

$$\begin{aligned} \frac{\partial^2 \Omega_0}{\partial c \partial c'} &= \sum in \left(\frac{dA}{dc} \cos T - \frac{dB}{dc} \sin T \right) - \frac{3}{2} \frac{t-\tau}{c'} \sum in i' n' (A \sin T \\ &+ B \cos T) \end{aligned}$$

$$\begin{aligned} \frac{\partial^2 \Omega_0}{\partial c^2} &= \frac{\partial^2 U}{\partial c^2} + \sum \left(\frac{\partial^2 A}{\partial c^2} \sin T + \frac{\partial^2 B}{\partial c^2} \cos T \right) - \frac{3}{4} \frac{t-\tau}{c^2} \sum in (A \cos T - B \\ &\sin T) - 3 \frac{t-\tau}{c} \sum in \left(\frac{dA}{dc} \cos T - \frac{dB}{dc} \sin T \right) - \frac{9}{4} \frac{(t-\tau)^2}{c^2} \\ &\sum i^2 n^2 (A \sin T + B \cos T) \end{aligned}$$

$$\begin{aligned} \frac{\partial^2 \Omega_0}{\partial c \partial q} &= \frac{\partial^2 U}{\partial c \partial q} + \sum \left(\frac{\partial^2 A}{\partial c \partial q} \sin T + \frac{\partial^2 B}{\partial c \partial q} \cos T \right) - \frac{3}{2} \frac{t-\tau}{c} \sum in \left(\frac{dA}{dq} \cos T \right. \\ &\left. - \frac{dB}{dq} \sin T \right) \text{ и подобныя.} \end{aligned}$$

$$\frac{d^2 \delta \Omega_0}{dc d\tau'} = - \sum i' n' \left(\frac{dA}{dc} \cos T - \frac{dB}{dc} \sin T \right) - \frac{3}{2} \frac{t-\tau'}{c} \sum i n i' n' (A \sin T + B \cos T)$$

$$\begin{aligned} \frac{d^2 \delta \Omega_0}{dc d\tau'} &= \frac{d^2 U}{dc d\tau'} + \sum \left(\frac{d^2 A}{dc d\tau'} \sin T + \frac{d^2 B}{dc d\tau'} \cos T \right) + \frac{3}{2} \frac{t-\tau'}{c'} \sum i' n' \left(\frac{dA}{dc} \cos T - \frac{dB}{dc} \sin T \right) \\ &\quad - \frac{dB}{dc} \sin T - \frac{3}{2} \frac{t-\tau'}{c} \sum i n \left(\frac{dA}{dc'} \cos T - \frac{dB}{dc'} \sin T \right) \\ &\quad + \frac{9}{4} \frac{t-\tau'}{c} \frac{t-\tau'}{c'} \sum i n i' n' (A \sin T + B \cos T) \end{aligned}$$

$$\frac{d^2 \delta \Omega_0}{dq d\pi} = \frac{d^2 U}{dq d\pi} + \sum \left(\frac{d^2 A}{dq d\pi} \sin T + \frac{d^2 B}{dq d\pi} \cos T \right) \text{ и ПОДОБНЫЯ.}$$

$$\frac{d^2 \delta \Omega_0}{d\tau'^2} = - \sum i'^2 n'^2 (A \sin T + B \cos T)$$

$$\begin{aligned} \frac{d^2 \delta \Omega_0}{d\tau' d\tau'} &= - \sum i' n' \left(\frac{dA}{d\tau'} \cos T - \frac{dB}{d\tau'} \sin T \right) - \frac{3}{2c'} \sum i' n' (A \cos T - B \sin T) \\ &\quad + \frac{3}{2} \frac{t-\tau'}{c'} \sum i'^2 n'^2 (A \sin T + B \cos T) \end{aligned}$$

$$\frac{d^2 \delta \Omega_0}{d\tau' dq} = - \sum i' n' \left(\frac{dA}{dq} \cos T - \frac{dB}{dq} \sin T \right) \text{ и ПОДОБНЫЯ.}$$

$$\begin{aligned} \frac{d^2 \delta \Omega_0}{dc'^2} &= \frac{d^2 U}{dc'^2} + \sum \left(\frac{d^2 A}{dc'^2} \sin T + \frac{d^2 B}{dc'^2} \cos T \right) + 3 \frac{t-\tau'}{c'} \sum i' n' \left(\frac{dA}{dc'} \cos T - \frac{dB}{dc'} \sin T \right) \\ &\quad + \frac{3}{4} \frac{t-\tau'}{c'^2} \sum i' n' (A \cos T - B \sin T) \\ &\quad - \frac{9}{4} \frac{(t-\tau')^2}{c'^2} \sum i'^2 n'^2 (A \sin T + B \cos T) \end{aligned}$$

$$\frac{r^2 \Omega_0}{dc'dq} = \frac{d^2 U}{dc'dq} + \sum \left(\frac{d^2 A}{dc'dq} \sin T + \frac{d^2 B}{dc'dq} \cos T \right) + \frac{3}{2} \frac{t-t'}{c'} \sum i' n' \left(\frac{dA}{dq} \cos T - \frac{dB}{dq} \sin T \right) \text{ и подобныя. . . . . (11)}$$

Остающіеся 78 членовъ раздѣлимъ на три части. 36 изъ нихъ содержатъ вторыя производныя Ω_0 и первыя подъ интегралами по элементамъ, между которыми нѣтъ ни c , ни c' . Первый множитель въ каждомъ изъ этихъ членовъ периодическій, остальные два вида $Ct + P$, слѣдовательно ихъ произведеніе имѣтъ видъ

$$Pt^2 + P_1 t + P_2.$$

Эти члены не дадутъ вѣковыхъ возмущеній большой полуоси. Для краткости выпишемъ только названія элементовъ при дифференціалахъ въ знаменателяхъ въ томъ же порядкѣ, какъ въ (5):

q^2, π^2	$q\theta', \pi s'$	$\pi\pi', qq'$	$\theta\pi', sq'$	$s\theta', \theta s'$	π'^2, q'^2
$q\pi, \pi q$	$qs', \pi\theta'$	$\pi\theta', qs'$	$\theta\theta', ss'$	$ss'\theta\theta'$	$\pi'\theta', q's'$
$q\theta, \pi s$	π^2, q^2	$\pi s', q\theta'$	$\theta s', s\theta'$	q'^2, π'^2	$\pi's', q'\theta'$
$qs, \pi\theta$	$\pi\theta, qs$	θ^2, s^2	s^2, θ^2	$q'\pi', \pi'q'$	θ'^2, s'^2
$qq', \pi\pi'$	$\pi s, q\theta$	$\theta s, s\theta$	$sq', \theta\pi'$	$q'\theta', \pi's'$	$\theta's', s'\theta'$
$q\pi', \pi'q$	$\pi q', q\pi'$	$\theta's, s\pi'$	$s\pi', \theta q'$	$q's', \pi'\theta'$	s'^2, θ'^2

Изъ остальныхъ 42 членовъ десять содержатъ въ знаменателяхъ c, c, τ, τ или c, c', τ, τ' или c', c', τ', τ' ; другіе 32 члена между четырьмя элементами въ знаменателяхъ содержатъ c или c' ; тѣ и другіе дадутъ первую и вторую степень времени.

Десять членовъ слѣдующіе:

$$\begin{aligned} & \frac{1}{2} \frac{d^2 \delta \omega_0}{d\tau^2} \left(\int \frac{d \delta \omega_0}{dc} dt \right)^2 - \frac{d^2 \delta \omega_0}{d\tau dc} \int \frac{d \delta \omega_0}{dc} dt \cdot \int \frac{d \delta \omega_0}{d\tau} dt + \frac{d^2 \delta \omega_0}{d\tau d\tau'} \int \frac{d \delta \omega_0}{dc} dt \cdot \int \frac{d \delta \omega_0'}{d\tau'} dt \\ & \quad - \frac{d^2 \delta \omega_0}{d\tau dc'} \int \frac{d \delta \omega_0}{dc} dt \cdot \int \frac{d \delta \omega_0'}{d\tau'} dt \\ & + \frac{1}{2} \frac{d^2 \delta \omega_0}{dc^2} \left(\int \frac{d \delta \omega_0}{d\tau} dt \right)^2 - \frac{d^2 \delta \omega_0}{dc d\tau'} \int \frac{d \delta \omega_0}{d\tau} dt \cdot \int \frac{d \delta \omega_0'}{d\tau'} dt + \frac{d^2 \delta \omega_0}{dc dc'} \int \frac{d \delta \omega_0}{d\tau} dt \cdot \\ & \quad \int \frac{d \delta \omega_0'}{d\tau'} dt + \frac{1}{2} \frac{d^2 \delta \omega_0}{d\tau'^2} \left(\int \frac{d \delta \omega_0'}{d\tau'} dt \right)^2 + \\ & - \frac{d^2 \delta \omega_0}{d\tau' dc} \int \frac{d \delta \omega_0'}{d\tau'} dt \cdot \int \frac{d \delta \omega_0'}{d\tau'} dt + \frac{1}{2} \frac{d^2 \delta \omega_0}{dc'^2} \left(\int \frac{d \delta \omega_0'}{d\tau'} dt \right)^2. \end{aligned}$$

Внеся сюда вмѣсто каждаго множителя равное ему выраженіе изъ (7), (9), (10) и (11) и отбирая члены, содержащіе квадратъ времени, получимъ изъ:

$$\begin{aligned} 1) \text{ члена: } & - \frac{9}{8} \frac{(t-\tau)^2}{c^2} \left(\sum_{i'n'-in} \frac{in}{i'n'-in} (A \sin T + B \cos T) \right)^2 \\ & \sum i^2 n^2 (A \sin T + B \cos T) \dots \dots \dots (1) \text{ см. (4) и (12)} \\ & - \frac{1}{2} t^2 \left(\frac{dU}{dc} \right)^2 \sum i^2 n^2 (A \sin T + B \cos T) \dots (2) \\ & + \frac{3}{2} \frac{t(t-\tau)}{c} \frac{dU}{dc} \sum i^2 n^2 (A \sin T + B \cos T) \\ & \sum \frac{in}{i'n'-in} (A \sin T + B \cos T) \dots \dots \dots (3) \text{ см. (5)} \\ 2) \text{ члена: } & + \frac{9}{4} \frac{(t-\tau)^2}{c^2} \left(\sum_{i'n'-in} \frac{in}{i'n'-in} (A \sin T + B \cos T) \right)^2 \\ & \sum i^2 n^2 (A \sin T + B \cos T) \dots \dots \dots (4) \text{ см. (1) и (12)} \end{aligned}$$

$$-\frac{3}{2} \frac{t(t-\tau)}{c} \frac{dU}{dc} \sum i^2 n^2 (A \sin T + B \cos T)$$

$$\sum \frac{in}{i'n' - in} (A \sin T + B \cos T) \dots \dots (5) \text{ см. (3)}$$

3) члена: $-\frac{9}{4} \frac{t-\tau}{c} \frac{t-\tau'}{c'} \sum \frac{in}{i'n' - in} (A \sin T + B \cos T)$

$$\sum \frac{i'n'}{i'n' - in} (A' \sin T + B' \cos T) \sum in i'n'$$

$$(A \sin T + B \cos T) \dots \dots \dots (6) \text{ см. (10)}$$

$$+ t^2 \frac{dU}{dc} \frac{dU'}{dc'} \sum in i'n' (A \sin T + B \cos T) . (7)$$

$$-\frac{3}{2} \frac{t(t-\tau)}{c} \frac{dU'}{dc'} \sum in i'n' (A \sin T + B \cos T)$$

$$\sum \frac{in}{i'n' - in} (A \sin T + B \cos T) \dots \dots (8) \text{ см. (14)}$$

$$+\frac{3}{2} \frac{t(t-\tau')}{c'} \frac{dU}{dc} \sum \frac{i'n'}{i'n' - in} (A' \sin T + B' \cos T)$$

$$\sum in i'n' (A \sin T + B \cos T) \dots \dots (9) \text{ см. (11)}$$

4) члена: $+\frac{9}{4} \frac{t-\tau}{c} \frac{t-\tau'}{c'} \sum \frac{in}{i'n' - in} (A \sin T + B \cos T)$

$$\sum \frac{i'n'}{i'n' - in} (A' \sin T + B' \cos T) \sum in i'n'$$

$$(A \sin T + B \cos T) \dots \dots \dots (10) \text{ см. (6)}$$

$$-\frac{3}{2} \frac{t(t-\tau')}{c'} \frac{dU}{dc} \sum in i'n' (A \sin T + B \cos T)$$

$$\sum \frac{i'n'}{i'n' - in} (A' \sin T + B' \cos T) \dots \dots (11) \text{ см. (9)}$$

$$5) \text{ члена: } -\frac{9}{8} \frac{(t-\tau)^2}{c^2} \left(\sum \frac{in}{i'n'-in} (A \sin T + B \cos T) \right)^2$$

$$\sum i^2 n^2 (A \sin T + B \cos T) \dots \dots \dots (12) \text{ см. (1) и (4)}$$

$$6) \text{ члена: } +\frac{9}{4} \frac{t-\tau}{c} \frac{t-\tau'}{c'} \sum \frac{in}{i'n'-in} (A \sin T + B \cos T)$$

$$\sum \frac{i'n'}{i'n'-in} (A' \sin T + B' \cos T) \sum in i'n'$$

$$(A \sin T + B \cos T) \dots \dots \dots (13) \text{ см. (15)}$$

$$+\frac{3}{2} \frac{(t-\tau)}{c} \frac{dU'}{dc'} \sum in i'n' (A \sin T + B \cos T)$$

$$\sum \frac{in}{i'n'-in} (A \sin T + B \cos T) \dots \dots \dots (14) \text{ см. (8)}$$

$$7) \text{ члена: } -\frac{9}{4} \frac{t-\tau}{c} \frac{t-\tau'}{c'} \sum \frac{in}{i'n'-in} (A \sin T + B \cos T)$$

$$\sum \frac{i'n'}{i'n'-in} (A' \sin T + B' \cos T) \sum in i'n'$$

$$(A \sin T + B \cos T) \dots \dots \dots (15) \text{ см. (13)}$$

$$8) \text{ члена: } -\frac{9}{8} \frac{(t-\tau)^2}{c^2} \sum i'^2 n'^2 (A \sin T + B \cos T)$$

$$\left(\sum \frac{i'n'}{i'n'-in} (A' \sin T + B' \cos T) \right)^2 \dots (16) \text{ см. (19) и (21)}$$

$$-\frac{1}{2} t^2 \left(\frac{dU'}{dc'} \right)^2 \sum i'^2 n'^2 (A \sin T + B \cos T) \dots (17)$$

$$-\frac{3}{2} \frac{(t-\tau)}{c'} \frac{dU'}{dc'} \sum i'^2 n'^2 (A \sin T + B \cos T)$$

$$\sum \frac{i'n'}{i'n'-in} (A' \sin T + B' \cos T) \dots \dots \dots (18) \text{ см. (20)}$$

9) члена: $+\frac{9}{4} \frac{(t-\tau)^2}{c^2} \sum i'^2 n'^2 (A \sin T + B \cos T)$

$$\left(\sum \frac{i'n'}{i'n'-in} (A' \sin T + B' \cos T) \right)^2 \dots (19) \text{ см. (16) и (21)}$$

$$+\frac{3}{2} \frac{t-\tau}{c} \frac{dU'}{dc'} \sum i'^2 n'^2 (A \sin T + B \cos T)$$

$$\sum \frac{i'n'}{i'n'-in} (A' \sin T + B' \cos T) \dots (20) \text{ см. (18)}$$

10) члена: $-\frac{9}{8} \frac{(t-\tau)^2}{c^2} \sum i'^2 n'^2 (A \sin T + B \cos T)$

$$\left(\sum \frac{i'n'}{i'n'-in} (A' \sin T + B' \cos T) \right)^2 \dots (21) \text{ см. (16) и (19)}$$

Всѣ эти члены взаимно уничтожаются за исключеніемъ (2), (7) и (17), которые вида Pt^2 .

Составляя затѣмъ первую степень времени, получаемую изъ 10 вышеприведенныхъ членовъ, отбросимъ тѣ изъ нихъ, которые содержатъ $t-\tau'$ и просто t , такъ какъ они не произведутъ вѣковыхъ возмущеній c ; мы получимъ слѣдующіе члены:

$$1) -\frac{3}{2} \frac{t-\tau}{c} \sum i'^2 n'^2 (A \sin T + B \cos T) \sum \frac{in}{i'n'-in} (A \sin T + B \cos T) \sum \frac{1}{i'n'-in} \left(\frac{dA}{dc} \cos T - \frac{dB}{dc} \sin T \right) \dots (1) \text{ см. (5)}$$

$$+\frac{9}{4} \frac{t-\tau}{c^2} \sum i'^2 n'^2 (A \sin T + B \cos T) \sum \frac{in}{i'n'-in} (A \sin T + B \cos T) \sum \frac{in}{(i'n'-in)^2} (A \cos T - B \sin T) \dots (2) \text{ см. (6)}$$

$$2) +\frac{3}{2} \frac{t-\tau}{c} \left(\sum \frac{in}{i'n'-in} (A \sin T + B \cos T) \right)^2 \sum in \left(\frac{dA}{dc} \cos T - \frac{dB}{dc} \sin T \right) \dots (3) \text{ см. (10)}$$

$$+ \frac{9}{4} \frac{t-\tau}{c^2} \left(\sum \frac{in}{i'n'-in} (A \sin T + B \cos T) \right)^2 \sum in (A \cos T - B \sin T) \dots \dots \dots (4)$$

$$+ \frac{3}{2} \frac{t-\tau}{c} \sum i^2 n^2 (A \sin T + B \cos T) \sum \frac{in}{i'n'-in} (A \sin T + B \cos T) \sum \frac{1}{i'n'-in} \left(\frac{dA}{dc} \cos T - \frac{dB}{dc} \sin T \right) \dots \dots (5) \text{ см. (1)}$$

$$+ \frac{9}{4} \frac{t-\tau}{c^2} \sum i^2 n^2 (A \sin T + B \cos T) \sum \frac{in}{i'n'-in} (A \sin T + B \cos T) \sum \frac{in}{(i'n'-in)^2} (A \cos T - B \sin T) \dots \dots (6) \text{ см. (2)}$$

$$3) + \frac{3}{2} \frac{t-\tau}{c} \sum in i'n' (A \sin T - B \cos T) \sum \frac{in}{i'n'-in} (A \sin T + B \cos T) \sum \frac{1}{i'n'-in} \left(\frac{dA'}{dc'} \cos T - \frac{dB'}{dc'} \sin T \right) \dots \dots (7) \text{ см. (12)}$$

$$- \frac{9}{4} \frac{t-\tau}{cc'} \sum in i'n' (A \sin T + B \cos T) \sum \frac{in}{i'n'-in} (A \sin T + B \cos T) \sum \frac{i'n'}{(i'n'-in)^2} (A' \cos T - B' \sin T) \dots \dots (8) \text{ см. (13)}$$

$$4) - \frac{3}{2} \frac{t-\tau}{c} \sum \frac{i'n'}{i'n'-in} (A' \sin T + B' \cos T) \sum \frac{in}{i'n'-in} (A \sin T + B \cos T) \sum in \left(\frac{dA}{dc} \cos T - \frac{dB}{dc} \sin T \right) \dots \dots (9) \text{ см. (14)}$$

$$5) - \frac{3}{2} \frac{t-\tau}{c} \left(\sum \frac{in}{i'n'-in} (A \sin T + B \cos T) \right)^2 \sum in \left(\frac{dA}{dc} \cos T - \frac{dB}{dc} \sin T \right) \dots \dots (10) \text{ см. (3)}$$

$$- \frac{3}{8} \frac{t-\tau}{c^2} \left(\sum \frac{in}{i'n'-in} (A \sin T + B \cos T) \right)^2 \sum in (A \cos T - B \sin T) (11)$$

$$6) - \frac{3}{2} \frac{t-\tau}{c} \sum in i'n' (A \sin T + B \cos T) \sum \frac{in}{i'n'-in} (A \sin T + B \cos T) \sum \frac{1}{i'n'-in} \left(\frac{dA}{dc'} \cos T - \frac{dB}{dc'} \sin T \right) \dots \dots (12) \text{ см. (7)}$$

$$+ \frac{9}{4} \frac{t-\tau}{cc'} \sum in i'n' (A \sin T + B \cos T) \sum \frac{in}{i'n'-in} (A \sin T + B \cos T) \sum \frac{i'n'}{(i'n'-in)^2} (A' \cos T - B' \sin T) \dots \dots (13) \text{ см. (8)}$$

$$7) + \frac{3}{2} \frac{t-\tau}{c} \sum \frac{in}{i'n'-in} (A \sin T + B \cos T) \sum \frac{i'n'}{i'n'-in} (A' \sin T + B' \cos T) \sum in \left(\frac{dA}{dc'} \cos T - \frac{dB}{dc'} \sin T \right) \dots \dots (14) \text{ см. (9)}$$

Изъ этихъ членовъ неунитожаются только (4) и (11), которые даютъ

$$+ \frac{15}{8} \frac{t-\tau}{c^2} \left(\sum \frac{in}{i'n'-in} (A \sin T + B \cos T) \right)^2 \sum in (A \cos T - B \sin T) \quad (21)$$

Этотъ членъ могъ бы произвести вѣковое возмущеніе большой полуоси, еслибы, какъ дагѣ будетъ доказано, онъ не состоялъ изъ періодическихъ членовъ.

Остающіеся 32 члена дадутъ первую и вторую степени времени. Отбирая квадратъ времени и отбрасывая всѣ члены вида Pt^2 и Pt ($t-\tau$), получимъ слѣдующее; для краткости означимъ:

$$\sum \frac{in}{i'n'-in} (A \sin T + B \cos T) = L; \quad \sum in (A \cos T - B \sin T) = M$$

$$1) - \frac{3}{2} \frac{t(t-\tau)}{c} \frac{dU}{d\pi} L \frac{dM}{dq}$$

$$4) + \frac{3}{2} \frac{t(t-\tau)}{c} \frac{dU}{d\theta} L \frac{dM}{ds}$$

$$2) + \frac{3}{2} \frac{t(t-\tau)}{c} \frac{dU}{dq} L \frac{dM}{d\pi}$$

$$5) - \frac{3}{2} \frac{t(t-\tau)}{c} \frac{dU'}{d\pi'} L \frac{dM}{dq'}$$

$$3) - \frac{3}{2} \frac{t(t-\tau)}{c} \frac{dU}{ds} L \frac{dM}{d\theta}$$

$$6) + \frac{3}{2} \frac{t(t-\tau)}{c} \frac{dU'}{dq'} L \frac{dM}{d\pi'}$$

$$\begin{array}{ll}
 7) -\frac{3}{2} \frac{t-\tau}{c} \frac{dU'}{ds'} L \frac{dM}{d\theta'} & 12) -\frac{3}{2} \frac{t-\tau}{c} \frac{dU'}{d\theta} L \frac{dM}{ds} \\
 8) +\frac{3}{2} \frac{t-\tau}{c} \frac{dU'}{d\theta'} L \frac{dM}{ds'} & 13) +\frac{3}{2} \frac{t-\tau}{c} \frac{dU'}{d\pi'} L \frac{dM}{dq'} \\
 9) +\frac{3}{2} \frac{t-\tau}{c} \frac{dU'}{d\pi} L \frac{dM}{dq} & 14) -\frac{3}{2} \frac{t-\tau}{c} \frac{dU'}{dq'} L \frac{dM}{d\pi'} \\
 10) -\frac{3}{2} \frac{t-\tau}{c} \frac{dU'}{dq} L \frac{dM}{d\pi} & 15) +\frac{3}{2} \frac{t-\tau}{c} \frac{dU'}{ds'} L \frac{dM}{d\theta'} \\
 11) +\frac{3}{2} \frac{t-\tau}{c} \frac{dU'}{ds} L \frac{dM}{d\theta} & 16) -\frac{3}{2} \frac{t-\tau}{c} \frac{dU'}{d\theta'} L \frac{dM}{ds'}
 \end{array}$$

Члены 1 и 9, 2 и 10, и т. д., уничтожаются.

Наконец вычислимъ первую степень времени въ этихъ 32 членахъ. Означивъ еще

$$\sum \frac{1}{e^{in} - in} (A \cos T - B \sin T) = N$$

и отбрасывая члены вида Pt и $P(t-\tau)$, получимъ:

$$\begin{array}{ll}
 1) +\frac{3}{2} \frac{t-\tau}{c} L \frac{dM}{dq} \frac{dN}{d\pi} & 7) +\frac{3}{2} \frac{t-\tau}{c} L \frac{dM}{ds'} \frac{dN'}{ds'} \\
 2) -\frac{3}{2} \frac{t-\tau}{c} L \frac{dM}{d\pi} \frac{dN}{dq} & 8) -\frac{3}{2} \frac{t-\tau}{c} L \frac{dM}{ds'} \frac{dN'}{d\theta'} \\
 3) +\frac{3}{2} \frac{t-\tau}{c} L \frac{dM}{d\theta} \frac{dN}{ds} & 9) -\frac{3}{2} \frac{t-\tau}{c} L \frac{dM}{dq} \frac{dN}{d\pi} \\
 4) -\frac{3}{2} \frac{t-\tau}{c} L \frac{dM}{ds} \frac{dN}{d\theta} & 10) +\frac{3}{2} \frac{t-\tau}{c} L \frac{dM}{d\pi} \frac{dN}{dq} \\
 5) +\frac{3}{2} \frac{t-\tau}{c} L \frac{dM}{dq'} \frac{dN'}{d\pi'} & 11) -\frac{3}{2} \frac{t-\tau}{c} L \frac{dM}{d\theta} \frac{dN}{ds} \\
 6) -\frac{3}{2} \frac{t-\tau}{c} L \frac{dM}{d\pi'} \frac{dN'}{dq'} & 12) +\frac{3}{2} \frac{t-\tau}{c} L \frac{dM}{ds} \frac{dN}{d\theta}
 \end{array}$$

$$13) - \frac{3}{2} \frac{t-\tau}{c} L \frac{dM}{dq'} \frac{dN'}{d\tau'}$$

$$15) - \frac{3}{2} \frac{t-\tau}{c} L \frac{dM}{d\theta'} \frac{dN'}{ds'}$$

$$14) + \frac{3}{2} \frac{t-\tau}{c} L \frac{dM}{d\kappa'} \frac{dN'}{dq'}$$

$$16) + \frac{3}{2} \frac{t-\tau}{c} L \frac{dM}{ds'} \frac{dN'}{d\theta'}$$

Эти члены также всё уничтожаются.

И такъ мы нашли только одинъ членъ (12), могущій произвести въковое возмущеніе большой оси; но можно показать, что выраженіе

$$\left(\sum_{i'n'-in}^{in} (A \sin T + B \cos T) \right)^2 \sum in (A \sin T - B \cos T) \dots (13)$$

не содержитъ постояннаго члена. Приводимъ доказательство Д-ра Баклунда.

Возьмемъ одинъ членъ (13) выраженія:

$$in (A \cos T - B \sin T) \cdot \frac{i_1^n}{i_1 n' - i_1 n} (A_1 \sin T_1 + B_1 \cos T_1).$$

$$\frac{i_2^n}{i_2 n' - i_2 n} (A_2 \sin T_2 + B_2 \cos T_2),$$

гдѣ не можетъ быть одновременно $i = i' = 0$ или $i_1 = i'_1 = 0$ или $i_2 = i'_2 = 0$.

Пусть

$$i'n' - in = v \quad A \cos T - B \sin T = q \cos (vt + P)$$

$$A \sin T + B \cos T = q \sin (vt + P)$$

Тогда предъидущее выраженіе будетъ:

$$\frac{i_1 i_2}{v_1 v_2} q_1 q_2 n^3 \cdot v \cos (vt + P) \sin (v_1 t + P_1) \sin (v_2 t + P_2),$$

гдѣ по предъидущему ни одно ν не можетъ быть нулемъ. Такимъ же образомъ изъ (13) получимъ еще

$$\frac{i i_1 i_2}{\nu \nu_1 \nu_2} q q_1 q_2 m^3 \cdot \nu_1 \cos(\nu_1 t + P_1) \sin(\nu_2 t + P_2) \sin(\nu t + P)$$

и

$$\frac{i i_1 i_2}{\nu \nu_1 \nu_2} q q_1 q_2 m^3 \cdot \nu_2 \cos(\nu_2 t + P_2) \sin(\nu t + P) \sin(\nu_1 t + P_1)$$

Сумма этихъ выраженій дастъ общій членъ (13):

$$\frac{i i_1 i_2 m^3 q q_1 q_2}{4 \nu \nu_1 \nu_2} \left\{ \begin{array}{l} -(\nu + \nu_1 + \nu_2) \cos[(\nu + \nu_1 + \nu_2)t + P + P_1 + P_2] \\ +(\nu + \nu_1 - \nu_2) \cos[(\nu + \nu_1 - \nu_2)t + P + P_1 - P_2] \\ +(\nu - \nu_1 + \nu_2) \cos[(\nu - \nu_1 + \nu_2)t + P - P_1 + P_2] \\ +(-\nu + \nu_1 + \nu_2) \cos[(-\nu + \nu_1 + \nu_2)t - P + P_1 + P_2] \end{array} \right\}$$

Между такими членами выраженія (13) нѣтъ постоянныхъ, такъ какъ послѣдніе получатся только, когда выполняется одно изъ равенствъ

$$\nu + \nu_1 + \nu_2 = 0 \quad \nu + \nu_1 - \nu_2 = 0 \quad \nu - \nu_1 + \nu_2 = 0$$

$$-\nu + \nu_1 + \nu_2 = 0$$

вслѣдствіе которыхъ члены эти, какъ умноженные на нуль и уничтожаются.

Поэтому заключаемъ, что *болшія полуоси планетныхъ орбитъ не подвержены съковымъ возмущеніямъ третьяго порядка относительно массъ.*

Изъ предъидущаго также можно видѣть, что всѣ члены пер-

турбационной функции третьяго порядка составляютъ выраженіе вида

$$C + C_1 t + C_2 t^2 + Pt + P_1(t - \tau) + P_2(t - \tau') + P_3 t^2 + P_4$$

Дифференцируя это выраженіе по τ и интегрируя, получимъ для членовъ третьяго порядка δc слѣдующую формулу:

$$\delta c = P + P_1 t + P_2 t^2$$

гдѣ P, P_1, P_2 вида $\Sigma (A \sin T + B \cos T)$, а T отлично отъ нуля.

ОПЕЧАТКИ И ОПИСКИ.

Стр.	Строка	Напечатано	Читай
I.	9 св.	вгляда	взгляда
III.	8 св.	L. lathora Sykes	L. leucopygos H. E.
V.	2 и 4 св.	Wilss.	Wils.
1.	12 св.	Линеевское	линнеевское
2.	3 —	исключены изъ этого рода (обозначенваго Lanius) L. magnirostris и L. Andersoni.	это описка, кото- рую слѣдуетъ ис- ключить.
7.	14 —	O. lucioniensis L.	O. cristata L.
9.	5 —	рыжими	рыжими
11.	10 —	Онона	Онона
15.	3 —	Эверсманнъ.	Eversmann.
—	5 —	Eversmann	Эверсманнъ.
28.	1 —	I sabellina	Isabellina.
29.	14 св.	p.	p. 331.
43.	2 св.	подъ	надъ
51.	1 —	Otomela	5. Otomela
79.	11 —	Индійскіи	Индійскій
—	5 св.	1873.	1878.
85.	12 св.	1867	1869
92.	5 —	Ornithorogia	Ornithologia
102.	2 —	gastreao	gastreao
—	14 —	jud.	juv.
—	17 —	Spensser Baird.	Cooper.
103.	3 св.	ib.	id.
130.	1 —	id.	ibidem
131.	7 св.	idem	ibidem
140.	12 —	нельза	нельза
142.	10 —	conjuncto	conjuncto
165.	11 —	берлинскій и музей	берлинскій музей
174.	1 св.	сороконутовъ	сороконутовъ

Въ рукописи списка экземпляровъ пропущенъ № 262, потому всѣ ссылки въ текстъ на послѣдующіе №№ списка надо читать такъ: гдѣ указывается напр. № 317 читай 316.

CROISSANS-CRESCENS

и

СРЕДНЕВѢКОВЫЯ ЛЕГЕНДЫ О ПОЛОВОЙ МЕТАМОРФОЗѢ.

Академика А. Н. Веселовскаго.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ XXXIX-МУ ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 4.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ. 1881.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИСІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:
Н. Глазунова, въ С. П. Б.   Эггерса и Комп., въ С. П. Б.
Н. Книппеля, въ Ригѣ.

Цѣна 15 коп.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ. Мартъ 1881 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

CROISSANS-CRESCENS

и

СРЕДНЕВѢКОВЫЯ ЛЕГЕНДЫ О ПОЛОВОЙ МЕТАМОРФОЗѢ.

(Академика А. Н. Веселовскаго).

Разбирая источники небольшой поэмы Антонио Пуччи ¹⁾, я указалъ, по поводу эпизода «о перемѣнѣ пола», на сходный рассказъ, встрѣчающійся въ Продолженіи къ туринскому *Huon de Bordeaux*. Съ тѣхъ поръ такая-же легенда встрѣтилась мнѣ въ другой итальянской поэмѣ — о прекрасной Камиллѣ ²⁾, а благодаря любезности проф. туринскаго университета I. Мюллера, я получилъ въ 1873 году копию съ большого отрывка туринской рукописи, что дало мнѣ возможность ближе познакомиться съ содержаніемъ французской легенды, извѣстной мнѣ дотолѣ лишь изъ предисловія издателей къ древней поэмѣ о *Huon de Bordeaux*. Изданіе туринскаго его Продолженія готовится проф. Графомъ; въ виду этого обстоятельства я могу сократить цитаты изъ подлиннаго текста, и приведу изъ него лишь отрывки, относящіеся къ *роману о Croissant*, о которомъ говорятъ пересказъ поэмы о *Huon de Bordeaux* въ александрийскихъ стихахъ, сохранившійся въ одной парижской рукописи:

¹⁾ Le tradizioni popolari nei poemi di Antonio Pucci, отдѣльный оттискъ изъ *Ateneo Italiano*, 1866, 15 Aprile p. 6.

²⁾ *Сл. Novella della figlia del re di Dacia*. Pisa, 1866, p. LXV sqq.

Et par icelle paix dont je fais parlement
 Fust fais ung mariage, se l'histore ne ment,
 De Clarisse la belle et du noble Flourent;
Mais n'est pas en ce livre, car il prent finement,
Ains est ens ou rommant, par le corps saint Climent,
De Croissant, cilx de Romme, qui moult ost hardement ¹⁾.

I.

Hues de Bordiaus выдаетъ свою дочь, Clarisse, за Flourent (Fleuriant; Flores, Floures) d'Arragon; у него дочь Ydée ²⁾; по смерти жены онъ влюбляется въ свою собственную дочь и клянется взять её за себя замужъ. Но Господь помогъ ей сохранить себя: переодѣтая мужчиной, она бѣжитъ отъ отца, добравается до Рима, гдѣ вступаетъ на службу къ императору Октавиану (Othevien; Otes), который такъ ею доволенъ, что дѣлаетъ её рыцаремъ и даже поручаетъ ей орифламму. Такъ рассказываетъ самъ Hues ³⁾:

f. 401 r. c. 1 Hues apres li dist et raconta
 Com faitement sa fille maria
 Au roi Flourent qui noblement regna
 Et d'Arragon la terre gouvrena
 Dusque a ce tans que del mont devia
 f. 401 r. c. 2 Sa fille, en qui une fille engenra.
 Quant morte fu, li rois Flourens jura

¹⁾ Huon de Bordeaux, ed. Guessard et Grandmaison, p. LII.

²⁾ Florens и Ydes упоминаются въ туринской ркп. Loherains: Et Coustentins et Florens et Ydes; Li rois Florens, Ydes et Coustentins. Сл. Stengel, Mittheil. aus franz. Hss. der Turiner Univ. Bibl. Marburg, Pfeil, p. 25, 27. — Сл. Roman de Vespasien (у Comparetti, Virgilio etc. II, 199): et a Florent et au boinx conte Yde.

³⁾ Печатаемая слѣдующій текстъ мы старались держаться возможно ближе имѣющейся у насъ копіи съ подлинника. Къ случаямъ лирической цезуры, нерѣдкимъ въ изданномъ Графомъ Aubegon, встрѣчающимся и въ нашемъ текстѣ, слѣдуетъ, быть можетъ, допустить и замѣченную въ Aiol'ѣ цезуру послѣ шестаго слога: Que sa fille prendroit; mal exploita. — Il vous avoit dit voir, mais c'est passe.

Que sa fille prendroit; mal exploita,
 Car Dieus a lui de ce se courecha
 Et sa fille bonement consella
 Si que lonc tans virginite garda.
 A miedi li pucele s'enbla
 De dras d'oume son cors apparella,
 Tant le chemin vers Romme chemina
 C'a Romme vint et tantos s'acointa
 A l'empereur, et si bien se prouva
 C'a l'empereur telement agrea
 Que chevalier en fist et li carcha
 S'oliflanbe; maint grant estour outra.

Императоръ хотеть выдать за неё свою дочь Оливу; особый эпизод поэмы открывается рубрикой: *Ensi que Ydes, fille Flourent d'Arragon, espousa Olive le fille Othevien l'empereur de Roume*. Сцена открывается описаніемъ брачнаго торжества; Оливу ведутъ въ брачный покой и укладываютъ; туда-же является и *Ydée*, опечаленная; она говорить молодой, что ей нездоровится:

f. 394 v. c. 2 *Jou ai un mal dont j'ai ciere troublee.*

Та успокоиваетъ её: лишь-бы соблюсти приличія и не подать повода къ шуткамъ и злостнымъ насмѣшкамъ (*ib. Que jou nen soie escarnie et gabee*). Въ самомъ дѣлѣ: на слѣдующій день на вопросъ отца, хорошо-ли ей за-мужемъ, она отвѣчаетъ, что совершенно счастлива:

f. 395 r. c. 1 *Fille, fait-il, coment ies mariee?*

— *Sire, dist ele, ensi con moi agreee. —*

Adont ot il u palais grant risee.

Только когда гости разъѣхались *Ydée* рѣшается открыть Оливѣ настоящую причину своего воздержанія: она — дѣвушка, убѣжала отъ грѣшныхъ вожелѣній своего отца; она просить Оливу пощадить её. Та утѣшаетъ её, клянется пресвятой Дѣвой — никогда не говорить о томъ своему отцу; такъ какъ *Ydée* рѣшилась сказаться мущиной, чтобы сохранить свою дѣвственность

ность, то и она готова раздѣлить ея участь. — Одинъ предатель подслушалъ эту исповѣдь и на слѣдующій же день идетъ съ доносомъ къ императору. Тотъ не вѣритъ своимъ ушамъ, грозитъ смертью негодю, еслибъ его показанія оказались ложными. Но донощикъ о томъ и проситъ, чтобъ императоръ самъ убѣдился въ ихъ достовѣрности. И императоръ рѣшается сдѣлать опытъ: велитъ приготовить себѣ ванну, самъ вошелъ въ неѣ и, позвавъ Ydée, приказываетъ ей сдѣлать то-же. Ydée колеблется, проситъ уволить еѣ; императоръ настаиваетъ: если вѣрно то, о чемъ ему донесли, онъ велитъ сжечь Ydée и Оливу, и бароны подтверждаютъ приговоръ. Въ эту минуту является ангелъ и говоритъ императору, чтобы онъ не тревожился: доносъ былъ вѣренъ, но Господь, по своей милости, превратилъ Ydée въ мучицу, Ydée стала Ydes'омъ; отъ него и Оливы родится сынъ, Croissans.

f. 395 r. c. 2 Devers le ciel descent une clartes,
 Ce fu un angles, Dix le fist avaler;
 Au roi Oton a dit: «Tout cois estes,
 Jhesus te mande, li rois de maïste,
 Que tu te baignes et si lai chou ester,
 Car jou te di en bonne verite:
 Bon chevalier a u vassal Yde,
 Dix li envoie et donne par bonte
 Tout chou c'uns hom a de s'umanite;
 Lai le garchon, dist li angles, aler,
 Il vous avoit dit voir, mais c'est passe,
 Hui main iert femme, or est uns hom carnes:
 Dix a partout poissance et poeste.
 Otes, bons rois, dedens. VIII. jours venres
 En l'autre siecle, de cestui partires,
 Et vostre fille avoec Ydain laires,
 Un fil aront, Croissans iert apelles,
 En sen venir fera mult de bontes

f. 395 v. c. 1 A mult de gent, dont il iert poi ames,
 Et si ara mult de grans povertes».
 A ices mos s'en est l'angles tournes

Qui bien les a en Romme confortes,
Et en cel jour fu Croissans engennes.

Имя дано новорожденному не случайно:

(l. c.) *Nouviex tans est, le croissant ont vëu,
L'enfant ont pris quant delivree fu,
Au baptisier lor en est souvenu:
Croissant ot non, pour chou qu'il l'ont vëu,
Mande l'avoit par son angle Jhesus.*

Всего ближе къ рассказанному нами эпизоду, по завязкѣ и точкѣ отправленія, итальянская поэма о прекрасной Камиллѣ. И здѣсь причиной, которая заставляетъ дѣвушку бѣжать и скрываться въ образѣ мушны, является любовь отца, царя Amideo, который поклялся своей умиравшей женѣ, что онъ не возьметъ себѣ въ жены никого, кто бы не былъ красивѣе ея, — а таковой оказалась его собственная дочь Камилла. И вотъ она бѣжитъ, принявъ имя Amadio и переодѣвшись мушной; добирается, послѣ разныхъ приключеній, до страны, гдѣ властвовалъ царь Felice, дочь котораго, Sambragia, влюбилась въ прекраснаго пришельца. Сыграна свадьба; въ брачную ночь Amadio сознается своей женѣ, что она — дѣвушка; это признаніе подслушано карликомъ и передано царю. Felice желаетъ самъ увѣриться въ справедливости доноса и велитъ своимъ отправиться вмѣстѣ съ нимъ купаться; всѣ раздѣваются, одинъ Amadio не хочетъ послѣдовать общему примѣру; его начинаютъ раздѣвать насильно, когда появленіе львицы обращаетъ всѣхъ въ бѣгство. Amadio, напротивъ, ищетъ смерти и самъ идетъ на встрѣчу бѣшеному звѣрю, который отступаетъ передъ нимъ, заводитъ его въ лѣсную глушь — и здѣсь объявляетъ себя Божьимъ ангеломъ: Господь смилосердился надъ бѣдствіемъ Камиллы, которая отнынѣ станетъ мушной. Камилла-Amadio возвращается къ своимъ и можетъ безъ страха подвергнуться испытанію — купаньемъ.

Содержаніе этой поэмы, какъ большей части итальянскихъ *cantari di piazza*, по всей вѣроятности, французское; оно встрѣ-

тилось мнѣ въ одномъ французскомъ мираклѣ, который будетъ изданъ G. Paris'омъ и Raynaud. Пробѣжавъ его въ рукописи (Пар. нац. библ. № 820, f. 221 r. sqq.), я сообщу вкратцѣ его содержаніе:

У одного короля нѣтъ наслѣдника; по молитвѣ его и королевы — послѣдняя забеременѣла. Мужъ отправляется къ святымъ мѣстамъ, чтобы возблагодарить Бога за оказанную ему милость; въ его отсутствіе королева разрѣшилась отъ бремени дѣвочкой и умерла. Это повергло въ горе возвратившагося между тѣмъ короля. Когда, по прошествіи нѣкотораго времени вассаллы побуждаютъ его жениться, чтобы имѣть наслѣдника, онъ отвѣчаетъ:

Biaux seigneurs, mentir ne vous quier,
 Sachiez, femme n'espouseray
 Se telle n'est con vous diray
 Que semblable soit a ma femme
 Trespasee, dont Diex ait l'ame,
 De maniere, de senz, de vis,
 Car je li juray et plevis
 Que ja femme n'espouseroie,
 Ne ma compaigne n'en feroie
 Se elle n'estoit de sa samblance,
 De son sens et de sa vaillance;
 Et se de telle savez point,
 Mene m'avez jusqu'a ce point
 Que la prendray.

Вассаллы принимаются искать; не найдя женщины, которая отвѣтила-бы требованіямъ короля, они указываютъ ему на его дочь: она всѣмъ похожа на его покойницу-жену. Король уступаетъ требованіямъ вассалловъ, хотя самъ говоритъ о бракѣ между отцемъ и дочерью, какъ о неслыханномъ. Онъ объявляетъ свое рѣшеніе дочери Ysabel. Та отговаривается, затѣмъ притворно соглашается, испросивъ срокъ для приготовленія, мѣсяцъ, либо два. Помолившись, она сообщаетъ обо всемъ своей воспитательницѣ (maistresse) Аннѣ, и обѣ рѣшились бѣжать тайкомъ,

переодѣтыя мушкетерами, взявъ съ собою одного конюшаго (escuier) для охраны. Въ лѣсу онъ сбивается съ дороги; но архангелъ Гавріилъ, посланный Богомъ, направляетъ его къ кораблю, который снаряжался въ Грецію, и самъ соглашается быть ихъ драгоманомъ, latinier. Обратившись къ хозяину корабля, онъ говоритъ ему:

Magister, bona requies
 Sit vobis et bona dies!
 Vultis vos mare transsire?
 Cupimus Greciam ire.
 Si per vos mare transimus,
 Mercedem vobis dabimus
 Competentem.

Такой-же эпизодъ съ корабельщикомъ нашель себѣ мѣсто и въ поэмѣ о Камиллѣ.

Приставъ къ берегу, Ysabel и ея спутники выдаютъ себя за sodoiers ertraps и поступаютъ на службу къ константинопольскому императору, который дѣлаетъ Ysabel маршаломъ своего войска. Они помогаютъ императору отбить нападеніе турецкаго царя, съ которымъ соединились короли «de Hongrie, de Tartres, de Cerces et de Arabes». Изабелла беретъ ихъ въ плѣнъ и по совѣту арх. Гавріила предлагаетъ ихъ въ даръ дочери императора, который, въ свою очередь, сулитъ побѣдителю половину своего царства — и руку царевны. Не смотря на отговоры Изабеллы, бракъ состоялся; наученная арх. Михаиломъ, она во всемъ открывается женѣ, но одинъ «religieux» подслушалъ, по желанію императора, разговоры новобрачныхъ и говоритъ, что Изабелла — женщина. Императоръ не вѣритъ.

Le Religieux

Chier sire, entendez a mes diz,
 Ce que je dy vray trouverez,
 Vezci comment l'approuverez:
 Faites en une chambre mettre
 Vostre fille et avec elle estre

Une quantite de pucelles,
 Quantes femmes damoisesles,
 La les menez sanz deporter,
 Puis y faictes de fruit porter
 Qu'aval la chambre on jettera,
 Et s'il est femme, il y courra
 Et se penera d'en avoir.
 Oultre encore pourrez savoir
 S'il est femme par ceste voie:
 Faites qu'avec femmes se voie
 Estre tout seul priveement,
 Et vous verrez certainement,
 Se femme est, tout coy se tenra,
 S'il est homme, a eulz se prenra
 Et ne se tenra point en paiz
 Qu'il ne les taste et pince mais.
 Encore un tiers point vous diray
 Et a tant je me cesseray:
 Se tout nu sans riens espargnier
 Avec vostre fille baignier
 Le faites.

Купанье поставлено здѣсь въ ряду другихъ испытаній, назначенныхъ раскрыть полъ, — какъ въ сказаніи Славянской Палеи о Соломонѣ (мытьѣ рукъ, подбораніе овощей) и въ народныхъ пѣсняхъ о дѣвушкѣ-воинѣ. Я имѣлъ, стало быть, право, припомнить послѣднія, разбирая эпизодъ о купаньѣ въ поэмѣ Пуччи¹⁾.

Императоръ избираетъ испытаніе — купаньемъ, но и здѣсь, какъ въ пѣснѣ о Камиллѣ ангель-львица, является на выручку бѣлый олень — архангелъ Михаилъ, за которымъ всѣ пускаются въ погоню, въ числѣ прочихъ и Изабелла. Въ глѣсу ангель-олень вѣщаетъ ей: пусть вернется и подвергнется испытанію, она всѣмъ покажется мужчиной. Метаморфоза не происходитъ на самомъ дѣлѣ, она — только кажущаяся, и мотивированная этимъ развязка едва-ли не принадлежитъ автору ил-

¹⁾ I. с. р. 4—6; сл. Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ стр. 348.

ракля: Изабелла рассказываетъ императору исторію своихъ приключеній, и онъ самъ женится на ней.

До сихъ поръ поводомъ къ переодѣванію и бѣгству дѣвушки являлась — *любовь отца къ своей дочери*: мотивъ вообще извѣстный въ средневѣковой сагѣ (Machogel въ Ортнитѣ, Ааронъ въ Oswald'ѣ), усвоенный и нѣкоторыми редакціями распространенной повѣсти о невинно преслѣдуемой красавицѣ (Mai und Beafloer, Des Reussenkönigs Tochter, des Büheler's Königstochter von Frankreich.—Roman de la Manekine, Histoire de la belle Helene de Constantinople.—St. Uliva, Figlia del re di Dazia, Pulzella d'Inghilterra и т. д.) ¹⁾. Иную завязку представляетъ Reina d'Oriente Пуччи: у царицы востока не было дѣтей; она проситъ папу помолиться, чтобы у нея родился сынъ — наслѣдникъ. Вскорѣ она забеременѣла отъ мужа, который вслѣдъ за тѣмъ умираетъ, а у царицы родится не сынъ, а дочь. Повѣренная царицы, Берта, предвидѣвшая эту возможность, подмѣнила на первый разъ дѣвочку мальчикомъ, котораго и показываетъ баронамъ. Между тѣмъ царская дочь возрастаетъ на сторонѣ, еѣ одѣваютъ и воспитываютъ по мужски; когда ей минуло 15 лѣтъ, она возвращается ко двору, гдѣ прибытіе мнимаго царевича вызвало общую радость: онъ такъ разумно говоритъ, что всѣмъ на диво, владѣетъ оружіемъ и является на турнирахъ. Римскій императоръ шлетъ къ нему пословъ и предлагаетъ руку дочери. Мать и мнимый сынъ не знаютъ, какъ быть, но Берта совѣтуетъ не отказывать, предложеніе необходимо принять, а она съ своей стороны клянется уладить всё дѣло. По ея совѣту мнимый царевичъ открывается во всемъ женѣ, которую убѣждаетъ — быть ему сестрою. Такимъ образомъ тайна на первый разъ соблюдена, и молодые ѣдутъ домой. Прошло два года, когда Берта, оскорбленная рѣзкой выходкой мнимаго супруга, задумала от-

¹⁾ См. о такомъ-же мотивѣ въ народной литературѣ Archiv. für Slav. Philologie, II, p. 623—625 примѣчанія къ № 23 пересказанныхъ тамъ сербскихъ сказокъ.

мстить ему: сплѣснуть въ Римъ и всё рассказала императору; тотъ вызываетъ къ себѣ зятя и дочь подѣ предлогомъ болѣзни, устраиваетъ охоту, по возвращеніи съ которой думаетъ предложить зятю — выкупаться при всѣхъ въ ваннѣ. Кто-то шепнулъ объ этомъ намѣреніи мнимому мужу; и вотъ, пока всѣ другіе охотятся, онъ, отставъ отъ другихъ, ищетъ, гдѣ-бы ему утопиться; не найдя воды, сходить съ коня и, водрузивъ въ землю мечъ, начинаетъ молиться, испрашивая у Бога смерти. Въ это время, не вѣсть откуда, взялся передъ нимъ олень, между его рогъ явился ангель и проговорилъ: Не печалься, царь, а тотчасъ возвратись въ городъ, потому что по милости Божіей ты сталъ мужчиной. — Чудо совершилось надъ нимъ и, вернувшись домой, онъ могъ безъ страха принять ванну. На вопросъ императора, гдѣ онъ такъ долго скрывался, онъ отвѣчалъ, что Энохъ и Илья взяли его въ гѣсу и отнесли въ земной рай; тамъ Соломонъ сказалъ мнѣ, будто вамъ донесли, что я — женщина; я и вернулся, чтобы всѣхъ разувѣрить.

Я кончу перечень извѣстныхъ мнѣ средневѣковыхъ сказаній о «перемѣнѣ пола» разборомъ относящагося сюда эпизода французскаго романа о Tristan de Nanteuil ¹⁾. Молодой Tristan живетъ въ гѣсу съ Blanchandine, дочерью армянскаго царя Galafre, съ которой прижилъ сына Raimon (женатаго впоследствии на Parise la duchesse); оба попадаютъ въ плѣнъ къ Галафру; освобожденный изъ заключенія, Тристанъ освобождаетъ и Blanchandine'у, креститъ её и женится на ней по христіанскому обряду, а для того, чтобы уберечь её отъ преслѣдованій, одѣваетъ её рыцаремъ: отнынѣ она станетъ называться — Blanchandin. Въ нее-то, мнимаго мужчину, влюбляется ея кузина Clarinde, дочь султана (soudan); Blanchandine старается избѣжать брака съ нею подѣ предлогомъ, что Кларинда язычница; когда свадьба

¹⁾ Сл. P. Meyer, Notice sur le roman de Tristan de Nanteuil въ Jahrb. f. rom. und englische Literatur, IX B. p. 1—42, 353—398; сл. также пересказъ содержанія въ Hist. Littéraire de la France v. XXVI.

состоялась, она упорствуетъ въ своемъ рѣшеніи — не сожительствовать съ Клариндой, пока она не крестится. Между тѣмъ какой-то сарацинъ, признавшій въ Blanchandine женщину, рассказываетъ о томъ Клариндѣ, которая, чтобы убѣдиться въ справедливости доноса, настаиваетъ на томъ, чтобы Blanchandine искупалась при всѣхъ. Ей предстоитъ быть открытой, когда является въ покояхъ олень и топчетъ всѣхъ Сарацинъ, какіе попались ему на пути. Пользуясь общимъ смятеніемъ, Blanchandine бѣжитъ въ лѣсъ, гдѣ передъ нею снова предсталъ олень и божій ангелъ спустился съ неба, вѣщая, что Господь рѣшилъ Blanchandine'у обратитьъ въ мушину. Она соглашается, тѣмъ охотнѣе, что считаетъ Тристана убитымъ и желаетъ отмстить за его смерть. Возвратившись назадъ, она велитъ Клариндѣ креститься, а сама безбоязненно подвергается испытанію купаньемъ. У Кларинды и Blanchandin'a родится сынъ — св. Эгидій прованскій.

Сводя вмѣстѣ общее, представляемое приведенными выше рассказами въ эпизодѣ о перемѣнѣ пола, мы можемъ прийти къ слѣдующимъ выводамъ:

1. Во всѣхъ пяти рассказахъ метаморфоза пола связана съ купаньемъ. Последнее всюду понято какъ испытаніе; авторъ миракли, мы видѣли, особенно развилъ эту точку зрѣнія, предложивъ, наравнѣ съ купаньемъ, и другія испытанія пола. Сравненіе съ нѣкоторыми восточными легендами сходнаго содержанія, которыя мы разберемъ далѣе, позволяетъ поставить вопросъ: не являлось-ли, въ первичномъ рассказѣ, измѣненіе пола прямымъ слѣдствіемъ купанья, которымъ и обусловливалась послѣдовавшая за тѣмъ метаморфоза?

2. Изъ пяти изводовъ того-же эпизода въ трехъ является на сценѣ олень-ангелъ, что указываетъ на черты какого-то общаго легендарнаго подлинника.

Интересно, какимъ образомъ авторъ Tristan de Nanteuil ввелъ въ свою поэму Эгидія, святаго греческаго происхожденія — по житію, неизвѣстному восточной церкви и рано приуро-

ченному къ Провансу, — какъ самъ Эгидій привлеченъ былъ къ сагѣ о Карлѣ Великомъ ¹⁾).

Привязывая это житіе, своеобразно измѣненное, къ эпизоду о «перемѣнѣ пола», авторъ Тристана обѣщаетъ рассказать по-вѣсть

De sains et de saintes que Jhesus ot tant cher,
 Sy que ceste chançon en fait plus à priser:
 On la pourrait moult hien en un moustier prescher.

Вотъ въ какомъ видѣ представляется легенда ²⁾ въ пересказѣ поэмы: Blanchandins завоевываетъ Грецію, въ которой велитъ проповѣдывать Христову вѣру; здѣсь родится Эгидій. Одинъ предатель, изъ новообращенныхъ сарацинъ, по имени Caudas, нападаетъ на замокъ Blanchandin'a, у него самого перебито плечо, тогда какъ Claginde бросается въ лодку съ двухнедѣльнымъ ребенкомъ на рукахъ. Послѣ разныхъ приключеній она добирается до Кобленца, гдѣ открывается епископу. У него она поселяется вмѣстѣ съ сыномъ; будучи еще десятилѣтнимъ мальчикомъ, Эгидій запирался на цѣлый день, чтобы предаваться молитвѣ, и раздавалъ свое платье неимущимъ. Похоронивъ мать, побѣдоносно выдержавъ борьбу съ земною страстью (Марія, племянница епископа, предлагаетъ ему свою любовь), онъ поселяется отшельникомъ въ Провансѣ, землѣ своихъ отцовъ, которой владѣлъ тогда Карлъ Великій. Онъ питается травами и молокомъ лани, каждый день являющейся къ нему по повелѣнію Господа. Преслѣдуя эту лань Raumon, сынъ Blanchandine'ы и Тристана, добирается до жилища своего брата ³⁾; сюда-то присылаетъ за святымъ Карлъ Великій, чтобы покаяться ему въ своихъ грѣхахъ.

¹⁾ G. Paris, Hist. poétique de Charlemagne, p. 378 sqq.

²⁾ Сл. Acta sanctorum, Sept. I, 299—314.

³⁾ Въ латинскомъ житіи этотъ эпизодъ о лани рассказывается о царѣ Флавіи; въ старофранцузской легендѣ о st. Gire (XII в.), которая будетъ издана G. Paris'омъ, — о Floevant (= Flavius).

Соединеніе легенды о св. Эгидіи съ разсказомъ о Blanchandine-Blanchandin представляется чисто внѣшнимъ: *Raymond de Saint Gilles*, мужъ Parise la duchesse въ поэмѣ этого имени, сынъ Morant de Rivier въ Gaufrey¹⁾, либо Тристана de Nanteuil по генеалогіи нашего автора, могъ напомнить ему *Saint Gilles* — Эгидія, котораго онъ и сдѣлалъ своднымъ братомъ Raymond'a — Въ легендахъ, привязавшихся къ имени Croissant, мы найдемъ такую-же попытку внѣшняго свода.

II.

Вѣрованіе въ возможность чудесной метаморфозы половъ распространено было на востокѣ и на западѣ. Сага о Ньялѣ говорить о мущинахъ, обращавшихся каждую девятую ночь въ женщинъ; наоборотъ, по вестфальскому народному повѣрью, дѣвушка, пробѣжавшая подъ радугой, становится мужчиной²⁾. Къ этимъ представленіямъ, которыя могли корениться въ народномъ, первичномъ повѣрѣ, присоединились другія: однородныя повѣрья, пошедшія изъ классической древности; современные естественнo-историческіе факты, физиологическія уродства, истолкованныя съ точки зрѣнія тѣхъ-же представленій³⁾. Во всемъ этомъ инквизиціонная практика XVI—XVII вѣка почерпала готовый матеріалъ, потому что половая метаморфоза, т. е. то, что представлялось таковымъ, являлась дѣломъ нечистой силы. — Любопытная книжка Корнманна (1613 г.) соединила въ CXVI-й главѣ цѣлый рядъ свѣдѣній «de puellis virginibus in saeres mutatis», начиная съ данныхъ, почерпнутыхъ у Гиппократа, Плинія и др., и кончая почти современными, въ родѣ слѣ-

¹⁾ Сл. Parise la duchesse, ed. Guessard et Larchey, Préface.

²⁾ Hertz, Der Werwolf. p. 25—6, прим. 4.

³⁾ Сл. E. Krause, Der Ursprung der Iphis-Dichtung und einige damit zusammenhängende morphogenetische Fragen (въ Kosmos I, 496 sqq.), цит. Liebrecht'омъ, Zur Volkskunde p. 507; сл. ib. p. 362.

дующаго: *Cajetana muliercula viro piscatori nupta cum quo annos complures veneris res miscuerat, ut Antonius Panhormita, piscatoris amicus, referre adolescentibus solitus est, post quartum decimum annum e muliere in virum transiit... aliud exemplum idem refert de Aemylia mutata in virum»* ¹⁾ и т. п.

Въ классической древности извѣстенъ былъ цѣлый рядъ подобныхъ метаморфозъ. Укажу на извѣстный мифъ объ Ифисѣ у Овидія, *Metamorph. IX, 665 sqq.* ²⁾: въ городѣ Фестѣ, на Критѣ, жилъ когда-то мужъ, благороднаго происхожденія и замѣчательной честности, по имени *Ligdus*. Своей женѣ *Telethusa* онъ приказалъ, буде она разрѣшится отъ бремени дѣвочкой, то умертвить её, коли мальчикомъ, то сохранить. Богиня *Изида*, явившись *Телетузѣ* въ сновидѣннн, посовѣтовала ей воспитать имѣющаго родиться ребенка, выдавъ его за мальчика: ему дали имя *Iphis*. Когда *Iphis* выросъ и возмужалъ, отецъ приводитъ ему въ невѣсты *Janthe*'у, дочь *Телеста*. *Iphis* и *Janthe* влюбляются другъ въ друга; мать перваго въ смущеннн — но снова является на помощь *Изида* и обращаетъ *Ифиса* въ юношу, дабы бракъ могъ состояться.

Тотъ-же разсказъ встрѣчается у *Антонина Liberalis* ³⁾, съ тѣмъ-же приуроченнмъ къ *Фесту* на *Критѣ*, но иными именами: *Лигду* отвѣчаетъ *Лампросъ*, *Телетузѣ* — *Галатея*, *Ифису* — *Левкиппъ*, *Изидѣ* — *Латона*. По этому поводу сообщается нѣсколько другихъ указаннй на греческня повѣрья о половой метаморфозѣ:

(*Ἱστορεῖ Νίκανδρος ἑτεροιοιμένων β'.*) *Γαλάτεια ἢ Εὐρυτίου τοῦ Σπάρτωνος ἐγῆματο ἐν Φαίστῳ τῆς Κρήτης Λάμπρῳ τῷ Πανδίωνος. ἀνδρὶ τὰ μὲν εἰς γένος εὐ ἔχοντι, βίου δὲ ἐνδεεῖ. οὗτος, ἐπειδὴ ἐγκύμων ἦν ἢ Γαλάτεια, ἠόξατο μὲν ἄρρενα γενέσθαι αὐτῷ παιδα, πρῶτ.*

¹⁾ *Enucleatae quaestiones complectentes perjurandum ac plane novum tractatum de Virginum statu ac jure etc. auctore Heinrico Kornmanno. Jenae, typis Weidnerianis sumptibus Philippi Wagneri, anno 1613.*

²⁾ *Сл. Lactantii Placidi Argumenta Metamorphoseon Ovidii c. XСII.*

³⁾ *Μυθόγραφοι, ed. A. Westermann p. 217—218.*

γάρουσε δὲ τῇ γυναικί, ἐὰν γεννήσῃ κόρην, ἀφανίσει. καὶ οὗτος μὲν ἀπιὼν ἐποίμαινε τὰ πρόβατα, τῇ δὲ Γαλατεῖα θυγάτηρ ἐγένετο. καὶ κατοικτείρασα τὸ βρέφος καὶ τὴν ἐρημίαν τοῦ οἴκου λογισαμένη, συλλαμβανόντων δ' ἔτι καὶ τῶν ὀνείρων τῶν μάντεων, οἱ προηγόρευον τὴν κόρην ὡς κόρον ἐκτρέφειν, ἐψεύσατο τὸν Λάμπρον ἄρρην λέγουσα τεκεῖν, καὶ ἐξέτρεφεν ὡς παῖδα κοῦρον, ὀνομάσασα Λευκίππον. ἐπεὶ δὲ ἠῤῥετο ἡ κόρη καὶ ἐγένετο ἄφατόν τι κάλλος, δείσασα τὸν Λάμπρον ἢ Γαλάτεια, ὡς οὐκ ἐνῆν ἔτι λαθεῖν, κατέφυγεν εἰς τὸ τῆς Λητοῦς ἱερόν καὶ πλεῖστα τὴν θεὸν ἰκέτευσεν, εἰ πως αὐτῇ κόρος ἢ παῖς ἀντὶ τῆς θυγατρὸς δύναιτο γενέσθαι, καθάπερ ὅτε Καινίς μὲν Ἄτρακος οὔσα θυγάτηρ βουλῇ Ποσειδῶνος ἐγένετο Καινεὺς ὁ Λαπίθης, Τειρεσίας δὲ γυνὴ μὲν ἐξ ἀνδρός, ὅτι τοὺς ἐν τῇ τριόδῳ μιγνυμένους ὄφεις ἐντυχῶν ἀπέκτεινε, ἐκ δὲ γυναικὸς αὐτῆς ἀνὴρ ἐγένετο* διὰ τὸ δράκοντα πολλακίς πάνακτα δε* καὶ Ὑπερμήστραν πιπρασχομένην ἐπὶ γυναικί μὲν ἄρασθαι τίμον, ἀνδρὰ δὲ γενομένην Αἰθῶνι τροφήν ἀποφέρειν τῷ πατρὶ, μεταβαλεῖν δὲ καὶ τὸν Κρῆτα Σιπροίτην, ὅτι κυνιγετῶν λουομένην ἶδε τὴν Ἄρτεμιν. ἡ δὲ Λητώ συνεχῶς ὀδυρομένην καὶ ἰκετεύουσαν ὤκτειρε τὴν Γαλάτειαν καὶ μετέβαλε τὴν φύσιν τῆς παιδὸς εἰς κόρον. ταύτης ἔτι μέμνηται τῆς μεταβολῆς Φαίστιοι καὶ Δύουσι Φυτῆ Λητοῖ, ἣτις ἔφυσε μῆδεα τῇ κόρῃ, καὶ τὴν ἑορτὴν Ἐχδύσια καλοῦσιν, ἐπεὶ τὸν πέπλον ἢ παῖς ἐξέδου. νόμιμον δέστιν ἐν τοῖς γάμοις πρότερον παρακλίναςθαι παρὰ τὸ ἄγαλμα τοῦ Λευκίππου.

Подобнаго рода греческія сказанія (о Тирезіи и Кенеѣ), сообщаютъ, въ связи съ другими свѣдѣніями объ андрогинахъ, Phlegon Trallianus ¹⁾; но и приведенныя нами, разумѣется, не исчерпывающія предметъ, предлагаютъ параллели къ соотвѣтствующимъ преданіямъ востока и запада. По отношенію къ послѣднимъ интереснымъ представляется критскій обрядъ ἐχδύσια; не сохранилась-ли здѣсь память объ испытаніи пола? Что желаніе отца имѣть сына, а не дочь, является для матери побужденіемъ скрыть полъ новорожденной — эта черта

¹⁾ Παραδοξόγραφοι ed. Westermann, p. 131—136 § IV—X.

встрѣтится намъ въ восточныхъ легендахъ, какъ и двоякая метаморфоза (изъ мушины въ женщину и обратно), приписанная Тирезію ¹⁾ — и герою современной греческой сказки. Бѣднякъ, играя на цитрѣ, обращенъ въ женщину проклятіемъ нерейды; онъ спасаетъ отъ седмиглаваго дракона царевну, выставленную ему на пожраніе, но отказывается отъ ея руки. Получивъ отъ нея и ея отца коня-молнію, онъ переносится въ другой городъ, царь котораго судить руку своей дочери тому, кто перескочитъ черезъ извѣстный ровъ. Конь-молнія уноситъ героя такъ далеко, что его не догнали люди, за нимъ посланные; но при вторичной скачкѣ онъ попадаетъ въ разставленныя тенета и принужденъ жениться на царевнѣ. Когда черезъ недѣлю молодая говоритъ отцу, что она выдана за женщину, царь пытается отдѣлаться отъ страннаго зятя, посылая его на трудные подвиги. Третій подвигъ слѣдующій: герой долженъ добыть яблоко, которое подбрасываетъ кверху и ловить на лету мавръ-великанъ. Это удается герою при помощи коня-молніи; не успѣвъ задержать его, мавръ кричитъ ему въ слѣдъ: коли ты мушина, обратись въ женщину, коли женщина — стань мушиной. И желанная метаморфоза совершается ²⁾.

Богатое развитіе получила легенда о половой метаморфозѣ въ сказаніяхъ востока, которыми я пользуюсь главнымъ образомъ въ пересказахъ Бенфея ³⁾.

Въ разсказѣ такъ называемой южной Панчатантры, который

¹⁾ Миѣ о немъ разсказанъ кромѣ того у Аполлодора I. III, с. 6, 7; Фулгенція I. II, с. 8; Hyginus Fab. LXXV; Lact. Plac. с. XVII. — По Птоломею Гефестіону lib. I Тирезій семь разъ подвергся превращенію и у Критянъ считается дочерью Форбанта.

²⁾ Nahn, Griechische und albanesische Märchen № 58.

³⁾ Benfey, Panchatantra I, § 9. Сл. Weber, Ueber eine Episode im Jaini-Bhârata, въ Monatsberichte d. k. preuss. Akademie d. W. Jan. 1869, стр. 39. — Сл. Baitâl Pachisi oder 25 Erzählungen eines Dämons, in deutscher Bearbeitung etc. von H. Oesterley, № 14 и тамъ же литературу разсказа; Mélanges asiatiques 1876, 12/24 Oct. p. 164—171. Покойный акад. Шифнеръ сообщилъ мнѣ еще нѣсколько другихъ указаній на восточные (тибетскіе) пересказы легенды о половой метаморфозѣ.

мы приводимъ, воспроизведена, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, легенда Махабгараты. Царь Anga-deca желалъ-бы имѣть сына, а царица производитъ на свѣтъ однѣхъ дочерей. Онъ готовъ развестись съ ней, но министръ совѣтуетъ ему обождать — результатъ ея беременности. Царица снова родила дочь, а министръ объявляетъ, что родился сынъ, и что ни отецъ, ни кто другой не увидитъ его, пока онъ не женится. Мнимый сынъ воспитывается у министра; когда онъ былъ на возрастѣ, министръ идетъ войною на царя Паталипутры и заставляетъ его отдать руку своей дочери — мнимому царевичу, т. е. царевнѣ. Въ нее влюбился между тѣмъ ракшаса, жившій неподалеку отъ ея дома; онъ открывается въ своей страсти министру, который въ свою очередь рассказываетъ ему о затрудненіи, въ которое ставитъ его полъ царевны — въ виду ожидаемаго брака. Влюбленный ракшаса готовъ помѣняться съ ней поломъ на нѣсколько дней, пока состоится свадьба. Бракъ совершается безпрепятственно; но когда министръ снова является къ ракшасѣ, чтобы предложить ему, по условію, обратный обмѣнъ половъ, для того это оказывается уже невозможнымъ — и онъ предпочитаетъ остаться женщиной.

Особыми чертами отличается легенда о метаморфозѣ въ нѣкоторыхъ отраженіяхъ индійскаго Siddharati. Перемѣна пола происходитъ двоякая, притомъ, согласно съ характеромъ сборника, первая метаморфоза совершается надъ мужчиной, царевичемъ, который, напившись изъ чудодѣйственнаго источника, обращается въ женщину. Такъ въ Семи Визиряхъ, въ Сандабарѣ, въ Сиятипѣ. Въ послѣднемъ обратное превращеніе мотивировано, какъ въ рассказѣ южной Панчатантры: садовникъ, какъ тамъ ракшаса, мѣняется поломъ съ превращеннымъ принцемъ, которому предстоитъ бракъ. Въ Сандабарѣ и Семи Визиряхъ эта вторичная метаморфоза объясняется иначе: превращенный въ женщину царевичъ напивается изъ другаго чуднаго источника и снова становится мужчиной. Бенфей считаетъ этотъ послѣдній мотивъ позднѣйшимъ, ставя его въ зависимость отъ

сказочнаго представленія, по которому одинъ и тотъ-же предметъ, та-же стихія, иначе дифференцированная, можетъ вызвать противоположныя дѣйствія ¹⁾. Самое представленіе о вліяніи питья на половую метаморфозу представляется Бенфею переднеазиатскимъ; распространеніемъ въ Европѣ цикла Siddharati онъ склоненъ объяснить появленіе въ европейскихъ преданіяхъ того-же сюжета. Если это вѣроятно для эпизода о превращающихъ источникахъ въ Orlando innamorato Боярда, то другіе, родственные факты, едва-ли не требуютъ инаго, мѣстнаго объясненія. Я припоминаю по этому поводу распространенную сказку о сестрѣ и братѣ, напившемся изъ заколдованнаго источника и обратившемся въ серну, овечку и т. п. ²⁾. Индійскія сказанія, на сколько они стали извѣстны Бенфею, не знаютъ метаморфозы вслѣдствіе питья, и, наоборотъ, рассказываютъ о превращеніи пола, какъ результатѣ купанья: мотивъ, лежащій, быть можетъ, въ основѣ разобранныхъ выше европейскихъ легендъ о Croissant, Камиллѣ и др.

Доискиваясь религіозной идеи, обусловившей появленіе индійскихъ повѣстей о половой метаморфозѣ, Бенфей обращается къ анализу Пуранъ, который я передамъ въ извлеченіи.

Вишну-пурана рассказываетъ о Ману, что, не имѣя дѣтей, онъ принесъ жертву Митрѣ и Варунѣ, прося даровать ему дѣтей мужскаго пола, но при жертвоприношеніи произошла неправда, слѣдствіемъ которой было то, что родился не сынъ, а дочь — *Ida*. По милости боговъ она обращается потомъ въ мушину, по имени Sudyumna, и снова въ женщину, вслѣдствіе проклятія Сивы. Въ этомъ видѣ она забеременѣла отъ Budha'ы, сына *мтсаяа*, и родитъ сына *Pururavas*; наконецъ, по молитвѣ одного риши, Вишну во второй разъ превращаетъ её въ мушину, въ Судьюмну.

Рассказъ Matsja-purana'ы отличается тѣмъ, что у Ману прямо родится сынъ *Ida*, котораго отецъ дѣлаетъ властителемъ

¹⁾ Сл., впрочемъ, сказаніе о Тирезіи.

²⁾ Сл. Аванасьева, Нар. русск. сказки № 146 и прим.

семи острововъ (т. е. свѣта). Обѣзжая свои владѣнія, Ида зашелъ однажды въ лѣсъ Сивы, гдѣ когда-то мудрецы потревожили въ неурочное время супругу Сивы, Парвати, вслѣдствіе чего богъ заклилъ этотъ лѣсъ тикъ, чтобы всякій мущина, который въ него вступить, обращался въ женщину. Это случается и съ Идой: изъ *Ida* онъ становится женщиной, *Idā*, а вслѣдствіи, по принесеніи жертвы однимъ изъ ея братьевъ, двойственнымъ существомъ (*kimrugusha*), являющимся попеременно, въ теченіи мѣсяца, то женщиной, то мущиной. — Сива-пурана приписываетъ послѣднее превращеніе, и также вслѣдствіе проклятія Парвати, *Rugāvas'u*, сыну *Idā'y*.

Vajū-ṛigana согласна съ Вишну-пураной относительно рожденія дочери *Idā'y* и ея перваго превращенія въ *Idā'y* или Судьюмну; въ слѣдующихъ подробностяхъ съ *Matsja-ṛigana'oй*, за исключеніемъ той черты, что герой въ извѣстные сроки мѣняетъ свой полъ. Послѣдняя подробность встрѣчается въ редакціи *Bhāgavata-ṛigana'y*, въ которой замѣчаются еще слѣдующія отличія: когда Ману приноситъ жертву съ цѣлью испросить себѣ сына, его жена молитъ въ то же время жреца Васишту о дарованіи ей дочери, вслѣдствіе чего послѣдній неправильно произноситъ слово *vashat*, — и рождается дочь. По молитвѣ Васишты Нагі обращаетъ еѣ въ героя Судьюмну; дальнѣйшія метаморфозы какъ въ *Matsja-ṛigana'ѣ*: Судьюмна попадаетъ въ лѣсъ *Sukshaga*, гдѣ покоится Сива съ своей супругой; становится женщиной, его жеребецъ — кобылой и т. д.

Приведенныя легенды пуранъ Бенфей склонены объяснить древнимъ индоевропейскимъ вѣрованіемъ въ андрогиническія божества. Ближе представляется связь полового превращенія, особливо въ тѣхъ разсказахъ, гдѣ оно совершается попеременно, отъ одного мѣсяца къ другому, съ олицетвореніемъ лунныхъ фазъ, смѣна которыхъ могла быть выражена въ формахъ очередной половой метаморфозы. Въ самомъ дѣлѣ: *Idā-Ida* родитъ отъ *Budha'y* сына *Rugāvas'a*; подъ *Будой* или Буддой разумѣли планету Меркурій, либо его правителя и, вмѣстѣ, сына

Soma's, мѣсяца; подъ его сыномъ Purûgavas — втораго царя лунной династїи.

Внося это толкованіе въ легенду о Croissant мы дѣлаемъ это съ большимъ сомнѣніемъ — не относительно восточнаго происхожденія легенды, которое представляется мнѣ вѣроятнымъ: сомнѣніе возбуждаетъ, при нашей гипотезѣ, большая сохранность представленій и образовъ. Какъ у *Ida-Idâ* сынъ Пуруравасъ, мужъ — *Budha*, и тотъ и другой обличающіе отношеніе къ лунѣ, такъ во французской легендѣ у *Ydée-Ydes* родится сынъ Croissant, и имя ему дано отъ — *новаго мѣсяца* ¹⁾, который увидѣли въ небѣ въ пору его рожденія:

Nouviaux tens est, le croissant ont vëu,

. . . . .
Au baptizier lor en est souvenu:

Croissant ot non, pour chou qu'il l'ont vëu.

Замѣтимъ кстатѣ что въ одномъ изъ итальянскихъ текстовъ Семи мудрецовъ «*tour Croissant*» французскаго текста передано словами: *Torre della luna* ²⁾.

III.

Что далѣе сообщается объ этомъ Croissant въ туринскомъ Продолженіи къ *Huon de Bordeaux*, обличаетъ приуроченіе восточнаго разсказа къ мѣстнымъ римскимъ преданіямъ. Соединеніе того и другаго могло быть обусловлено — тождествомъ имени дѣйствующаго лица.

¹⁾ Сл. Henschel-Ducange: *croisant* съ ссылкой на *Partenop. de Blois (Soleil et lune et ans et jors — Et les croisans et les decors)*. — *Litré: il fist la lune en ses tens, en croissant et en decors, Psautier f. 124.* — Къ этимъ цитатамъ можно присоединить и *Brunetto Latini, Livr. dou Tresor, ed. Chabaille p. 137: lors apert li croissans à nostre vëue; Les joies nostre Dame (ed. Reinsch, Zs. f. rom. Phil. III, p. 216, v. 403—4: Et la lune qui fait son curs — E sun cressant e sun decurs.*

²⁾ *Il libro dei sette Savj di Roma ed. D'Ancona p. 27.*

Ydée, отправляясь, вмѣстѣ съ женой, навѣстить отца своего, Florent, отдаетъ сыну Croissant, всё свое достояніе

f. 395 v. c. 1 Et le trezor qui au roi Oton fu,

завѣщая ему — быть щедрымъ, потому что щедрость привлечетъ къ нему людей. И Croissans слѣдуетъ этому наставленію: поселился посрединѣ города, угощаетъ и одаряетъ всѣхъ, такъ что имъ не нахвалятся; одинъ только мудрый человѣкъ пророчитъ ему:

f. 395 v. c. 2 Il donra tant, quil demourra caitis
Se ne li rent li rois de paradis.

И дѣйствительно: по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ Croissans роздалъ всё, что имѣлъ, сталъ бѣднякомъ; друзья его оставили, и въ то время, какъ онъ одинъ выкрадывается изъ Рима, горожане передаютъ городъ Guimart'у, посланнику короля Деидерія и владѣтелю Spoleto (Ispolite). — Croissans скитается, продалъ своего коня;

f. 396 r. c. 1 El tans d'iver, que par tout fu negiet,
En une ville u il couroit marcies
Entra Croissans apres soleil couciet,
Oit le pestel c'on hurtoit au mortier,
Li compaignon atournent a mengier;
Et Croissans s'est cele part adrecies.
Li compaignon li dient: «Bien vignies,
Vous plairoit il huemais a herbergier?»
— «Oïl, dist-il, j'en ai mult grant mestier».
Li huis sont clos, s'assieent au mengier,
Croissant ont mult festoiet cil houlier,
Mult bel samblant li font au commencier;
Si longement ont li ribaut mengie
Que toute gent furent ale coucier,
A Croissant ont trestous ses dias prisies,
La nape osterent, s'ont de vin .I. sestier,
De sor la table le portent pour tencier,
A Croissant dient: «Biax dous amis, paies,

Cascuns de nous doit .XL deniers».

Li autre dient: «Encore les laissier,

Nos escos doit que as des soit paies».

A ces paroles ont mult de des sacies.

L'oste apella Croissant, li s'est drecies,

Les des dessert, s'a tout l'escot paiiet,

Et li ribaut l'en ont mult merchiet.

.I. poi apres que furent asegiat,

Ne lor sist pas qu'en alast si entiers,

Car tous ses dras avoient convoities;

Desus la table espandent le vin vies,

Puis i refu aportes un(s) sestiers.

«Met cha .III. des, ribaus, ce dist Rogiers,

Et cils valles jetera tout premiers».

— «Deportez m'ent», dist Croissans li legiers. —

«Biax dous compains, dist Guilebers li fiers,

Il est ensi, vous jeteres premiers,

Ne vous doutes, n'i seres empiries».

Croissans jeta, ce fu ses grans mescies:

f. 396 r. c. 2 Quato(r)ze pous li ont trestout jugiet.

Après a dit qu'il voelt estre coucies.

«Vous pa(i)eres anchois, ce dist Rogiers,

Despouillies vous et paies volentiers».

Croissans a dit: «Seignor, ne me toucies,

Je finerai, puis que vous le jugies».

Adont a tous les siens dras despouillies.

«Seignour, dist-il, vers moi faites pecie,

Je cuidoie estre a nuit bien herbergies».

Dist Guilebers: «Fix a putain, loudiers,

Vous nous laires et cauces et cauciers».

Adont li ont vilainement sacies,

Fors de l'ostel l'ont mis li pautonnier.

Cele nuit fu dolans et courouchies,

En une escrienne est li caitis mucies,

Au demain est vers Romme repairies

Tant qu'il ara ses amis essaies.

Ore a Croissans par le pais ale,

S'il voelt mengier, pour Diu l'a demande,

Si gentis hom a trop grant poverté.

Quant vint a Romme, on li a tant conte

Qu'empereour avoient estore.
 «Tu as perdu ton fief et t'irete,
 Se t'emporoles, t'aras le cief cope». —
 — «Las, dist Croissans, com jou ai mal ouvre
 Et mon avoir folement assene!
 E! rois de gloire, aïies de moi pite
 Et si m'aidies par la vostre bonte
 Qu'encore raie Romme la grant cite!» —
 En .I. fourbourc s'est Croissans arrestes,
 As povres gens a errant demande
 De chou qu'il viut, et on li a conte.
 Font li enfant: «U avez vous este?»
 Croissans respont: «En grant caitivete». —
 Parmi la ville ont l'un l'autre conte
 Que Croissans est ribaus estrumeles;
 Cascuns li a son ostel refuze.
 Li empereres a tout chou escoute
 Que Croissans est drois hoirs de la cite,
 Et non pourquant ne li a riens donne.
 Quaresmes fu, que les gens ont june,
 Croissans ala tout droit en .I. fosse,
 Foing i avoit, tant en a assamble,
 Asses en ot de pain pour lui disner,
 Mais l'endemain n'a de coi desjuner.
 f. 396 v. c. 1 Jours fu de paske, au moustier est ales,
 Son salveour a rechiut et uze,
 Mais n'ot apres nulle riens que disner;
 Honte a Croissans, nen oze demander,
 Pour le haut jour s'en voloit deporter),
 Maint gens l'ont a cel jour esgarde
 Qui sunt du sien en grant avoir monte,
 Mais ils ne l'ont de noient conforte.
 Sor .I. perron par devant .I. ostel
 S'assist Croissans, s'a tenrement ploure,
 Viandes voit et vin laiens porter,
 Le bourgeois a hautement escrie:
 «Pour l'amour Diu donnes moi a disner». —
 Li bourgeois l'ot, prist soi a ramembrer,
 .I. caudron d'iauve li fist aval jeter.
 Croissans s'en va, s'a tenrement ploure;

En .I. palais de vielle antiquite
 (Grant tans avoit c'om n'i avoit este,
 Gastes estoit, crentes i ot plente),
 En .I. escons la est Croissans entres,
 Grant duel mena, car trop avoit june,
 Iluec atent tant qu'il fu avespre.
 Du grant castel l'a on bien esgarde,
 Li rois Guimars n'a pas dit son pense,
 Il dist en bas coiemment a cele:
 «Si m'alt Dix, merveille ai esgarde
 De cel ribaut dont on a tant parle
 Qui ensi a si grant avoir donne,
 Et cils bourgeois l'ont a hui ramprosne.
 Ne mengerai, s'arai a lui parle:
 J'ai recëu le roi de maiste,
 Ne doi avoir homme deshirete».
 Dont a Guimars tout son cor(s) desguize,
 .I. pain a pris et avoec .I. paste,
 Vint a Croissant (que) nus la esgarde,
 Si l'a dormant en la crente trouve,
 Et dales lui avoit mult grant clarte.
 Dont a mis jus le pain et le paste
 De sus Croissant a la houce jete.
 A icel mot a sor destre esgarde,
 Voit .I. celier ouvert et desferme
 Et .I. trezor, ainns mais hom ne vit tel,
 Letre i avoit, qui bien a devise
 Que c'est Croissant qui la est endines
 Et qu'autres hon nel doit d'iluec oster.

f. 396 v. c. 2   Li rois Guimars a resgarder s'en prist
 Pour le celier qu'il a vëu ouvrir,
 De le clarte s'en est tous esbahis
 Que li ors jete, qui forment resplendist;
 Si grant tresor onques mais hom ne vit.
 Prendre en cuida, mais lui fu contredis:
 Doi serjant sunt par devant lui sali,
 Cascuns avoit .I. blanc hauberc vesti
 Et en sa main le branc d'acier fourbi;
 Dient au roi: «Ales vous ent de chi,

Ou autrement ja seres mal baillis».
 Et dist li rois: «Seignor, pour Diu merci,
 Rois sui de Romme, si doit tout estre a mi»
 Dist li serjans: «Il n'ira mie ensi,
 Ains l'iert Croissans au gent cors seignori;
 Mais pour itant que tu venis ichi
 Ces .III. besans emporteras o ti
 Dont tu seras durement esjois:
 Done ta fille au baron posteis.

Li rois Guimars a ces mos escoutes,
 Grant merveille a de chou c'a escoute,
 Et de l'avoir qui fu la amasses,
 En .XXX. mons fu bien amoncelles;
 Si grans avois u puet estre trouves?
 Dist as serjans: «Seignour, or m'escoutes:
 Pour l'amour Diu, est cts tresors faes?»
 «Nenil, font il, mais il est conjures,
 A Croissant est, chou est la verites.
 Bien vous dirons comment vous le sares:
 Es .III. besans o vous emporteres,
 Les povres gens au castel manderes,
 .I. seul besant cascun povre donres,
 Ces .III. besans en .III. lius jeteres».

Quant la parole oit Guimars li vaillans,
 Q'il jeteroit en .III. lix les besans,
 «Seignour, dist-il, ils valent d'avoir tant,
 Se jou les perch, mult en serai dolans».
 «Nenil, font il, mal en seres doutans,
 Avoec les povres, u vous verres Croissant,
 Les jeteres, ne le laissies noient,
 Ne nus fors il nes trouvera noient.
 S'il est prodom, tu les raras esrant,
 A toi venra quanqu'il porra courant,
 Par chou saras, que c'estera Croissans:
 Fai le honorer tost et isnelement ¹⁾

¹⁾ Слѣдующіе въ рукописи стихи написаны на полулистѣ безъ пагинаціи,
 отъ котораго отрѣзана вдоль часть, отвѣчающая 2-му столбцу лиц. и 1-му обор.
 Verso этого полулиста начинается со стиха: Si m'ait Dix.

Et mariaze fai tost de ton enfant,
 Se li rent Romme et tout son chasement».
 Et dist li rois: «Je ferai vo commant».
 Atant s'en tourne, et cil vont l'uis fermant,
 Dedens sa main emporte les besans,
 Dusc'au palais ne fist arrestement,
 Il voit sa gent, si lor va commandant,
 Pour la donnee les ala mult coitant,
 Que venir facent toute la povre gent,
 Si lor donra .I. denier bonement.
 Par le marciest le va uns mes criant.

Croissans li enfes a ichou escoute
 C'on donra ja .I. denier monnaie,
 Il dist en bas, nus ne l'a escoute,
 Que la ira, n'i ara demoure,
 Vers le palais a son cemin tourne.
 Li rois Guimars l'a mult bien avize
 Et povre gent a vëu a plente,
 .I. des besans a a terre jete;
 Croissans le vit, si l'a mult esgarde,
 Il s'abaissa, en sa main l'a combre,
 As gens le monstre, dont fu avironnes:
 «Ves c'ai trouve pour Jhesu nostre De».
 Cascuns l'esgarde et l'a mult goulouze.
 «Dix, dist Croissans, con sui malëures,
 Quant jou n'ai riens en chou que j'ai trouve:
 Se fust argens, il me fust demoures,
 Puis que c'est ors, je l'averioie emble,
 Se ou seignour ne l'avoie porte;
 N'arresteraï, si i arai este».
 Li rois Guimars l'a toujours esgarde
 Pour le besant que de terre ot leve;
 .I. poi avant en a Croissans ale,
 L'autre besant a li enfes trouve.
 Il vint au roi, se li a presente:
 «Sire, fait il, pour Diu de maïste,
 Ves .III. besans que vous ai aportes,
 Si m'alt Dix, jou n'en ai plus trouve.
 Il sont a vous, bien en sai la verte,
 Puis que vous estes sire de la chite».

Li rois l'antent, s'a Croissant accolle:
 «Amis, dist-il, Dix te croisse bonte,
 Car jou voi bien, tu aimmes loiaute;
 Chou que t'as fait te sera bien moustre».
 Les millours dras de Romme la cite
 Ont a Croissant maintenant accate,
 Quant l'ont vestu, mult fu biaux bachelers.

Царь сосваталъ за него свою дочь, обѣщаетъ отдать ему Римъ;
 однажды ночью онъ отправляется съ нимъ вдвоемъ къ развали-
 намъ дворца, гдѣ видѣлъ кладъ; просить Croissant:

f. 397 r. l c. «Biaux flex, dist-il, demandes qui est la,
 Car aucun bien, se Die[x] plaist, vous verra
 Dont vostre honnors, se Dieu[s] plaist, croistera».
 Li damoisiaus hautement s'escria:
 «Diex, secour moi, se chaiens nullui a
 Qui puist parler, si se traie a moi cha».
 A ices mos .I. vois s'escria:
 «Ves la Croissant c'atendons grant piech'a,
 Car li rendons l'avoirs que siens sera».
 L'uis ont ouvert, cascuns d'iaus l'enclina;
 Li damoisiaus le tresor esgarda
 Qui tant est grans, grant joie demena,
 Les besans d'or voit iteus con trouva,
 Bien les connuit et au roi les moustra.
 Guimars respont que nule riens n'i a
 Fors que s'il plaist Croissant li l'en donra.
 Li bers respont, qui ains ne fu escharz,
 Ja plus du roi .I. seul besant n'ara.

Онъ женится на царской дочери и становится впоследствии импера-
 торомъ; такъ снова онъ добылъ свое царство.

Вся исторія о кладѣ, хранимомъ невѣдомой силой для его
 настоящаго обладателя, рассказана хроникеромъ XIV вѣка,
 Ясоро d'Asqui, безъ мотивовъ и собственныхъ именъ, но въ
 приуроченіи къ римской мѣстности и къ происхожденію рода
 Colonna. Ясоро почерпнулъ её изъ «quadam cronica». — «Non
 inveni millesimum nec aliquod bene certum nisi ut infra scribi-

tur. Dicitur enim quod in illo tempore fuit in Roma quidam ferrarius qui habebat unam vacham que omni die mane per se ibi ad pascum et sero domum revertebatur sola. Miratur ferrarius de via istius vache quid facit, insequitur eam et observat quo vadit. Et invenit quod intrat quamdam magnam testitudinem obscuram cujusdam maxime *ruine murorum*. Vadit ferrarius ulterius et invenit vacca quemdam magnum foramen et genibus flexis intrat vacha, et invenit quemdam pratum sicut esset claustrum et ibi comedit vacha. Intrat ferrarius ibi curiose, querit et invenit quoddam edificium et in medio edificii erat quedam columpna lapidea et supra columpnam vas de ere plenum maxima pecunia. Vult ferrarius accipere de ista pecunia et audit vocem sibi dicentem: Dimitte, dimitte, quia non est tua. Iterum temptat accipere et sic usque tertio. In tertia vice dicitur sibi: *Accipe tres denarios* et invenies in foro cujus est hec pecunia. Accepit ferrarius tres denarios et projecit in foro hinc inde. Et ecce quidam *pauper juvenis despectus* invenit unum et accepit, et invenit duos, invenit tertium. Et ferrarius illum domum suam introduxit, a sordibus mundavit, induit et filiam suam in uxorem dedit. Iste juvenis de illa multos filios generavit, de pecunia vero predicta multas possessiones acquisivit, et in brevi tempore crevit in Roma in populum et fecit arenam suam una columpna intus et vocavit se cum sequacibus suis dominus O. de Collumpna de facto predicto. Aliam certitudinem nisi predictam inveni ¹⁾.

Если въ этомъ римскомъ преданіи поставитъ имя Croissant вмѣсто безыменнаго pauper juvenis despectus, царя Guinars вмѣсто ferrarius, то сходство между двумя разсказами о кладѣ окажется полное. Легенда о Колоннахъ оставляетъ открытымъ вопросъ — почему тотъ кладъ предназначенъ именно для бѣдняка; иначе въ повѣсти о Croissant: это и есть то сокровище, которое онъ самъ раздарилъ, которое собрано и хранится для него

¹⁾ Historiae patriae monumenta ed. jussu Regis Caroli Alberti, Scriptorum III: Chronicon imaginis mundi p. 1608—4.

невѣдомой силой въ развалинахъ стараго дворца; въ этой связи я понимаю и черту, что три бизанта, взятые оттуда царемъ Guisart'омъ, снова туда возвращаются. Вмѣстѣ съ тѣмъ это — *сокровище* дѣда Croissant, римскаго императора Октавяна. О немъ нерѣдко говорится во французскомъ эпосѣ — и во французскихъ редакціяхъ Семи мудрецовъ въ пересказѣ извѣстной повѣсти о ловкомъ ворѣ (gaza): императоръ Октавянъ хранитъ свою казну — въ *tour Croissant, Cressant*¹⁾. Извѣстно одно изъ средневѣковыхъ названій Castel Sant' Angelo, древней moles Hadriani: *castellum, castrum, turris Crescentis* или *Crescentii; tour, palais Croissant* и т. п.²⁾; *Castellum Crescens* у Gualterus Mapes (*De Nugis Curialium* Dist. IV, с. 11) въ разсказѣ о папѣ Гербергѣ; о немъ упоминаетъ древняя французская *chanson de geste* о хожденіи Карла Великаго въ Иерусалимъ и Константинополь: любуясь дворцемъ константинопольскаго императора Карль говорить:

Seignurs, dist Carles, mult gent palais a ci:
Tel n'en out Alixandre ne li vielz Costantins,
N'en out Crisans de Rome qui tans honors bastid³⁾.

Названіе башни, замка Кресценція начинаетъ встрѣчаться съ конца X вѣка, и уже давно предположена была связь этого названія съ римскимъ, кореннымъ родомъ *Кресценціевъ*, игравшимъ такую видную роль въ судьбахъ Рима именно десятаго столѣтія: извѣстенъ Кресценцій de Theodora, возбудившій въ 974 г. возстаніе противъ Бенедикта VI; Иоаннъ Кресценцій (можетъ быть, сынъ предъидущаго), казненный на стѣнахъ Castel St. Angelo въ 998 году, палъ защищая интересы народной партіи противъ папства и имперіи; *Pulcher in aspectu dominus*

¹⁾ Keller, *Li romans des sept Sages* p. 111 sqq.; G. Paris, *Deux redactions du roman de sept Sages* p. 34 sqq.

²⁾ Massmann, *Kaiserchronik* III, 897—8; Müllenhoff, *Zur deutschen Heldensage*, Zs. f. deutsch. Alterth. XII, № XXI, p. 319 sqq. Сл. *Destruction de Rome* ed. Groeber (*Romania* № 5) vv. 520 и 579.

³⁾ Charlemagne ed. Fr. Michel p. 15 v. 365—7.

Crescentius et dux — *Inclyta progenies quem peperit sobolem*, говорила его эпитафія, и народная память объ его исторической роли могла выразиться въ легендѣ, подобной легендѣ о Croissant, потомкѣ римскихъ императоровъ, которому противопоставляется лонгобардъ Guinarg. Что въ основѣ послѣдней могла лежать какая нибудь генеалогическая сказка — на это указываетъ аналогія преданія о происхожденіи рода Колоннъ.

Рядомъ съ названіемъ *turris Crescentii* извѣстно другое — для того-же *Castel St. Angelo: domus Theodorici, Dietriches hūs*. Какъ объяснить его — я не знаю; во всякомъ случаѣ едва-ли кто согласится съ Ваккернагелемъ, предполагающимъ, что пошло оно изъ древняго преданія, даваго сюжетъ древнѣмѣцкой поэмѣ о Кресценціи и двухъ Дитрихахъ. Естественнѣе допустить, что пересказывая распространенную легенду о невинно преслѣдуемой красавицѣ, женѣ римскаго императора, авторъ приурочилъ её къ мѣстности, для которой уже существовали два названія: *turris Crescentii* и *domus Theodorici*, и что онъ ограничился своеобразнымъ перенесеніемъ этихъ именъ въ свою поэму. У римскаго царя Нарцисса два сына, красивый и некрасивый *Дитрихи*; оба сватаются за *Кресценцію*, дочь африканскаго царя; она предпочитаетъ втораго. Когда ея мужъ отправился на войну, деверь начинаетъ осаждать её предложеніями любви; Кресценція старается избѣжать ихъ, обращается къ уловкамъ, показываетъ видъ, что склоняется на его просьбы: пусть только построятъ *крѣпкую башню*, куда-бы они могли скрыться вдвоемъ отъ возможнаго гнѣва Римлянъ. И Дитрихъ строить башню; но не добившись своего, онъ же обвиняетъ Кресценцію передъ вернувшимся мужемъ въ прелюбодѣянніи. Отсюда ея исторія развивается по обычному типу легендъ о преслѣдуемой красавицѣ, женѣ, дочери и т. д. Вышнее приуроченіе именъ кажется мнѣ яснымъ; если-бы я рѣшился предположить ихъ основными въ поэмѣ, я остановился-бы на имени не Дитриха, а Кресценціи: Кресценція-Croissant напомнили-бы мнѣ *Ydée-Ydes*.

Загадочнымъ остается мистическій колоритъ разсказа о Croissant, обѣдѣвшемъ отъ щедрости, скитальцѣ, засыпающемъ надъ кладомъ, для него уготованнымъ, о свѣтѣ, сіяющемъ вокругъ него, когда посѣщаетъ его царь. Всё это отзывается стихемъ легенды. Въ этомъ смыслѣ интересно появленіе имени Croissant въ передѣлкѣ вступительныхъ сценъ изъ Варлаама и Иоасафа, пріютившейся въ романѣ о Baudouin de Sebourg, гдѣ Croissans также заключенъ отцемъ, желающимъ уберечь его отъ вліяній христіанства, какъ Иоасафъ Абеннеромъ, и происходятъ извѣстныя встрѣчи съ типами человѣческой немощи (больнымъ, хромымъ и слѣпымъ), которыя наводятъ юношу на «спасенный путь».

ЮЖНО-РУССКІЯ БЫЛИНЫ.

Академика А. Н. Веселовскаго.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ XXXIX-му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 5.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ. 1881.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИССИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

И. Глазунова, въ С. П. Б.

Эггерса и Комп., въ С. П. Б.

Н. Киммея, въ Ригѣ.

Цена 35 коп.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ. Мартъ 1881 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лн., № 12.)

ЮЖНО-РУССКІЯ БЫЛИНЫ.

(Академика А. Н. Веселовскаго).

Занимаясь съ нѣкотораго времени вопросомъ о составѣ и развитіи южно-русскаго эпоса, я разработывалъ частями его отдѣльные циклы ¹⁾, стараясь опредѣлить ихъ какъ особи и вмѣстѣ услѣдить идею ихъ связи съ цѣлымъ. Такимъ образомъ получились ряды обобщеній, обнимающихъ весь южно-русскій былевой эпосъ. Самый характеръ изслѣдованія, опредѣленный своеобразнымъ качествомъ матеріала, указываетъ мѣсто этимъ обобщеніямъ не въ предисловіи, а въ послѣсловіи къ изслѣдованію. Основанныя на извѣстномъ, хотя-бы и значительномъ количествѣ частныхъ наблюденій, они явились-бы въ началѣ труда программой, которая связала-бы отчасти ихъ дальнѣйшую объективную выработку, обусловленную не столько новыми данными, открытіе которыхъ всегда возможно, сколько повѣрочнымъ, взаимнымъ сравненіемъ частныхъ выводовъ, полученныхъ изъ изученія каждой былинной группы порознь. Такой обоюдный контроль представляется мнѣ однимъ изъ немногихъ экзегетическихъ приѣмовъ при критикѣ пѣсеннаго преданія, не записаннаго въ древнихъ текстахъ, которые позволили-бы построить его

---

¹⁾ См. мои Beiträge zur Erklärung des russischen Heldenepos, въ Archiv für slavische Philologie, III, p. 549—93.

генеалогію; выработавшаго цѣлый рядъ опредѣленно-очерченныхъ богатырскихъ типовъ, которые, сами являясь вопросомъ историческаго сложения и послѣдовательныхъ нарощеній, не могутъ служить исходной точкой для возстановленія древней пѣсенной основы.

Между тѣмъ и частные результаты, добытые при разборѣ отдѣльныхъ былинныхъ группъ, въ свою очередь нуждаются въ повѣркѣ — со стороны лицъ, занимающихся тѣмъ-же вопросомъ. Съ этою цѣлью и печатаются слѣдующіе опыты. Что касается до порядка ихъ появленія, то онъ не отвѣчаетъ органической программѣ, выражающей идею былиннаго развитія, какъ *пока* она представляется автору — потому именно, что повѣрочныя изслѣдованія могутъ повести къ ся, теперь не предусмотрѣннымъ, измѣненіямъ.

I.

Михаилъ Даниловичъ и младшіе богатыри.

I.

Малорусское сказаніе о «златыхъ вратахъ» записано было и издано впервые Кулишемъ ¹⁾ и въ той-же редакціи воспроизведено гг. Антоновичемъ и Драгомановымъ ²⁾. Подъ Кіевомъ (въ Гвоздовѣ) слышалъ его, и почти въ томъ же пересказѣ, польскій писатель Михаилъ Грабовскій ³⁾; въ Кіевѣ-же слышалъ его, въ дѣтствѣ, г. Стояповъ, но еще въ формѣ пѣсни ⁴⁾; даѣе будетъ сказано нѣсколько словъ о варьянтѣ легенды, сообщенномъ Н. И. Костомаровымъ ⁵⁾. Въ недавнее время новая редакція того-же сказанія напечатана была въ Малорусскихъ народныхъ преданіяхъ и разсказахъ Драгоманова ⁶⁾.

Мнѣ нѣсколько разъ приходилось возвращаться къ этой ле-

---

¹⁾ Кулишъ, Записки о Южной Руси I, стр. 3—5.

²⁾ Историч. пѣсни малорусскаго народа съ объясненіями Антоновича и Драгоманова I, № 15.

³⁾ Кулишъ I. с. стр. 5 прим.

⁴⁾ Антон. и Драгом. I. с. стр. 51.

⁵⁾ Костомаровъ, Историческое значеніе южнорусскаго народнаго пѣсеннаго творчества, Бесѣда 1872 г. XII, стр. 39—40.

⁶⁾ Драгоманова, Малорусск. народн. преданія и разсказы стр. 249—251.

гендѣ ⁷⁾ и предложить ея объясненіе, съ сущностью котораго согласились новѣйшіе изслѣдователи малорусскихъ народныхъ пѣсенъ ⁸⁾. Настоящая замѣтка назначена не столько отмѣнить, сколько видоизмѣнить мое прежнее объясненіе — въ интересахъ южнорусскаго эпоса. Л. Н. Майковъ (О былинахъ Владим. дика, стр. 32) и О. Э. Миллеръ (Илья Мур., стр. 694) сближали Михайлика малорусской легенды съ Михайломъ Игнатъевичемъ русской быliny. Новый варьянтъ послѣдней, сообщаемый мною далѣе, даетъ этому сближенію болѣе прочныя основы.

Легенда о «золотыхъ воротахъ», въ редакціи Кулиша, рассказывается такимъ образомъ: Какъ было лихолѣтье, пришелъ чужеземецъ, Татаринъ, и вотъ ужъ ударилъ на Вышгородъ, а потомъ подступаетъ и къ Кіеву. А тутъ былъ богатырь Михайликъ. Какъ взошелъ на башню да пустилъ изъ лука стрѣлу, то стрѣла и упала Татарину въ миску. Только что сѣлъ онъ у скамейки и благословился обѣдать, какъ стрѣла и воткнулась въ печеню (жаркое). «Э», говоритъ, «да тутъ есть могучій богатырь!... Выдайте», говоритъ Кіевлянамъ, «выдайте мнѣ Михайлика, такъ отступлю». Вотъ Кіевляне шушу-шушу, и совѣтуются: «Чтò-же? выдадимъ!» А Михайликъ говоритъ: «Какъ выдадите меня, то въ послѣдній разъ видѣть вамъ Золотыя Ворота». Сѣлъ на коня, обернулся къ нимъ и проговорилъ:

Ой Кіяне, Кіяне, павдѣ громада!

Погана ва́ша рада:

Якъ-би́ ви Михайлика не отдавали,

Поки свѣтъ сонца, ворогі́ бѣ Кіева не достали!

---

⁷⁾ Въ замѣткѣ, помѣщенной въ С.-Петербур. Вѣдомостяхъ 1874 г. Октябръ по поводу 1-го выпуска пѣсенъ гг. Антоновича и Драгоманова; въ Опытахъ по исторіи развитія христіанской легенды: Легенда о возвращающемся императорѣ Ж. М. Н. Пр. 1875 г. Май, стр. 78—79; въ отчетѣ о Малорусск. нар. предан. и рассказахъ Драгоманова, помѣщенн. въ Древней и Новой Россіи 1877 г. Февраль.

⁸⁾ Антоновичъ и Драгомановъ, Истор. пѣсни малорусск. народа, II. предисловіе стр. VII.

И поднялъ онъ копьемъ ворота — такъ вотъ, какъ поднимешь снопъ святаго жита, и поѣхалъ черезъ Татарское войско въ Цареградъ. А Татары и не видятъ его. И какъ открылъ ворота, то чужеземцы ввалились въ Кіевъ да и пошли по́топтомъ.

И живетъ богатырь Михайликъ доселѣ въ Цареградѣ. Передъ нимъ стаканчикъ воды да просторка; больше ничего не ѣсть. И Золотыя Ворота стоятъ въ Цареградѣ. И наступить, говорятъ, время, что Михайликъ воротится въ Кіевъ и поставитъ ворота на мѣсто. И, если, идучи мимо, ктонибудь скажетъ: «О Золотыя Ворота! стоятъ вамъ тамъ опять, гдѣ стояли» — то золото такъ и засіяетъ. Если-жъ не скажетъ, или подумаетъ: «Нѣтъ, ужъ не бывать вамъ въ Кіевѣ!» — то золото такъ и померкнетъ.

Въ пѣснѣ, слышанной Стояновымъ, Михайликъ стрѣлялъ три раза: въ первый разъ онъ выбилъ у султана трубку изъ зубовъ, другою стрѣлою убилъ его самого, а третьею — его жену.

Редакція той-же легенды, записанная Трусевичемъ ¹⁾, предлагаетъ кое-какія новыя подробности — между прочимъ ту, что насильникъ Кіева названъ Батыемъ. Принадлежитъ ли рассказчику отождествленіе Михайлы съ основателемъ Михайловскаго монастыря (построеннаго Святополкомъ — Михаиломъ) — мы не знаемъ. Какъ въ предъидущемъ пересказѣ легенда начинается съ того, что войско Батыя стало въ Вышеградѣ (*wójzka jego stanęły w Wyszogrodzie*). Далѣе она передается такимъ образомъ.

Wiele razy Batij przypuszczał szturm do Kijowa, ale zawsze na próżno. W Kijowie mieszkał w owe czasy znakomity rycerz *Michałko* (ten sam właśnie, który zbudował Michałowski monastér), był on oddawna postrachem tatarwy i dzielnym obrońcą Kijowa. Wiedział to dobrze Batij, że dopóki tylko żyje na świecie *Michałko*, do sądnego dnia, nawet, nie wzięść mu Kijowa; wiedział to psia wiara, ale ba! nie mógł na to poradzić. Jednego tedy

¹⁾ Kwiaty i owoce, wydał Ignacy Trusiewicz. Kijów 1870, стр. 237—8.

razu Michałko, opatrując strażę, zobaczył z wałów Batego, siedzącego, ze swoją tatarwą, na wyszogrodzkiej górze. Akurat jedli oni wtedy obiad. Michałko napisał drobnymi literami piśmo, w którym radził Batemu odejść od Kijowa, przywiązał to piśmo do strzały i wypuścił ją z łuka do Batego. Srebrna łyżka wypadła z ręki tatarskiego Atamana. Strzała jak raz przeszła mu rękę na wylot. Rozwścieklony Batyj w téj że chwili wysłał posłów do Kijowa z tym rozkazem, żeby mu wydali natychmiast Michałka; w przeciwnym, bowiem, razie, groził spaleniem całego miasta i wyrznięciem w niem wszystkich mieszkańców, nie wyjmując nawet kobiet i dzieci drobnych. Michałko poprzysiął pobić Batego i ocalić miasto, ale przestraszeni mieszkańcy nie decydowali się wystąpić przeciwko Batemu. Zbierali się oni tłumami na ulicach, ustawicznie radzili coś pomiędzy sobą i, jak te oto baby, płakali. Cały naród kochał Michałka, cały naród wierzył święcie w jego waleczność, pomimo to więcej daleko jeszcze cały naród bał się tatarów. Otoż tedy strach otrzymał, wreszcie, zwycięstwo i Kijowianie uradzili pomiędzy sobą wydać Michałka. Dowiedziawszy się o tém Michałko, prosił by mu wolno było przynajmniej pożegnać lud i Kijów święty. Wdział on tedy na siebie swą śliczną zbroję, siadł na swego ulubionego konia i wyjechał na plac złoto-wrotsky. Tam zgromadzonemu ludowi, przedstawił Michałko smutną dolę Kijowa, jaka go czeka po wejściu tatarów, a w końcu, widząc niezachwiane postanowienie Kijowian, rzekł: «oj panowie gromada! kiepskaż wasza rada» (Kijowlanie! Kijowlanie! pohana wasza rada), a powiedziawszy to Michałko uderzył kopiję w złote wrota, podniósł je na plecy, jakoby kopicę siana, i, wraz z niemi, powoli wyjechał z miasta. Od tego czasu złotych wrót nie stało w Kijowie. Mówią starzy ludzie, że kiedyś powrócą i złote wrota i Michałko, ale kiedy? Jeden Bóg święty raczy to wiedzieć.

Въ легендѣ, слышанной Н. И. Костомаровымъ, Михайликъ назывался *Михайломъ Семилиткомъ*; онъ необыкновенный ребенокъ, которому предстоитъ возрасть въ Константинополь.

Переходимъ къ легендѣ, изданной Драгомановымъ въ Малорусскихъ народныхъ преданіяхъ и розказахъ.

— Колись, каже, давно то ще, був князь на світі Владимир. Володимер князь царствомъ всімъ обладуе, а Михайл то *син царський*, али ще він молодий, то на царство ёго не садовлять; нехай підростае, а Володимер то старіщий, то він усімъ і править. Добре, так оце діється. . . . А в стороні Татаре своє царство мають. То ніби ідно царство, а то татарське друге, і в стороні татаре живють. І знахорі татарські стали ворожити, догадались про Михайла, кажуть своїмъ: «глядіть, шоб не було чого нам, росте з боку коло нас такий і такий Михайл; тепер от ёго і нечуті, а виросте той Михайл, тоді вже будемо знати, шо то за Михайл; кажуть знахорі, шо воїн, воїн з ёго вийде, може ше світ не бачив такого ліцера». Росказали знахорі про Михайла; тепер треба шось робити. Татарський пише до Владимира: «ми довідались, пише Татарський, за Михайла, він ще дитина у вас, ёго царство, ёго все буде, як підросте — то віддай нам ёго; будьмо сватами». Ото Володимер скликае людей, говорить, шо Татарський хоче до себе взяти Михайла, далі дае цю річ до Санау. Міркували скрізь, чи зробити так, як Татарський пише, і присудили, шо віддаймо малого. Вся громада сказала так....

Ну, ото присудили так, Володимер примітив, шо Михайл став хмурний дуже, ходить такий засмучаний.... *А Михайл був уже паробок літ 18.* Спитав Володимер ёго: «що ёму за туга така?» *Михалятко-дитятко!* чого ти засмучаний такий?

В тебе чаша золотая,
Вина повна
Завжде,
І часть Кііва на тебе йде....

Міні так здається, шо журитись тобі нема чого. Михайл і каже Володимерові:

Господару-Цару Володимеру!
Так, в мене чаша золотая,
Вина повная
Завжде....

І часть Кієва на мене йде,
Али Кієвська громада,
То зла в неї рада . . . .

Володимер на цеє промовчав. А Михаїл каже до меча свого, що на стіні висів:

Мечу мій мечу! та на Татарове,
Мечу мій мечу! та на Юланове . . . .

Михаїлові буйдуже, що Татаре хтять ёго брати, він меч свой як візьме, то . . . . Али Володимер цеє вислухав і дивиться, що Михаїл малий такий, і каже ёму: *«Михалятко-дитятко! молоде ти і неспосібне, то тра щоб бути літ 20 або 30, тоді зібав за меч можна братись»*. Влодимер так до Михаїла говорить, а Михаїл ёму одказує по своёму:

*«Господару Цару Володимеру!
Возьми ти утятко молоденьке,
І пусти на море синеньке:
Воно попливе як і стареньке»*.

Тоді Володимер каже до Михаїла: «як так оце ти говориш, то, Боже, тебе благослови».

Посля того Михаїл взяв меч, копію, коня ёму вивели; їде Михаїл і зострічає, що стоїть Татаруга, Турок той; Михаїл нічого не робив, оно перехрестив вісько татарське своїм мечем. То по обидві сторони Михаїла не стало того віська: на ліву сторону то так як огнем спалило, на праву — так як солому ви-клав. Як посів тее вже вісько, Михаїл, то поїхав в світа і при-шлось ёму їхати через царські ворота; то до їдного стремена взяв на ногу їдну половину, а на другу ногу другого стремена взяв другу половину. С тими ворітьми поїхав за якісь *горы* . . . . і став там жити, тай досі, каже, живий . . . . а може й помер . . . . Так оце розказують про Михаїла . . . .

Конець этой легенды, особливо въ редакціи Кулиша, ея эсхатологическій характеръ (ожидаемое въ будущемъ возвраще-ніе Михайлика въ Кієвъ), связь Кієва съ Царьградомъ, нако-

нець имя **Михаила** — все это повело меня къ заключенію, что въ легендѣ мы имѣемъ народный, приуроченный къ Киеву пересказъ эпизода, находящагося въ позднихъ русскихъ текстахъ Откровеній Меѳодія интерполированной редакціи ¹⁾. Популярность Откровеній, распространенныхъ во множествѣ списковъ, легко объясняла такого рода мѣстное, народное примѣненіе, примѣровъ котораго можно-бы привести не мало: многія изъ такъ называемыхъ мѣстныхъ сказаній ни что иное, какъ локализованныя повѣсти и анекдоты, такъ что интересъ локализации состоитъ не столько въ содержаніи сказаній, сколько въ открытіи причинъ, вызвавшихъ ихъ приуроченіе.

Разсказъ интерполированныхъ Откровеній слѣдующій:

Въ послѣднія лѣта выйдутъ **Измаильтяне** и поплѣнятъ всю землю и дойдутъ до Рима; дважды побѣжденные Римлянами, они «Римъ возьмутъ, а не всю землю, и дойдутъ до Говата великаго, иже есть за Римомъ». Здѣсь произойдетъ великая сѣча, и побѣда останется на сторонѣ **Измаильтянъ**, которые овладѣютъ Персіей, Греціей, Ассиріей, Египтомъ и морскими островами; останется только одинъ городъ на морѣ **Эѳіопскомъ** (т. е. византійскомъ, какъ поясняетъ греческій текстъ), не взятый врагами; очевидно, **Константинополь**. **Измаильтяне** подступятъ къ нему, «прійдутъ къ золатымъ вратамъ, иже суть заключены издавна (изъ давнихъ лѣтъ), никому же не отверзошась. Тѣмъ же повелѣніемъ Божіимъ отверзутся имъ, и пойдутъ и досѣкутся сватыя **Софіи**». Тогда явится избавитель: «Возстанетъ на на царь отъ пищихъ, **Архангелъ Михайлъ** во има его»; ангелъ принесетъ его изъ Рима и положитъ во святѣй **Софіи** на алтарѣ. Тогда царь **Михайлъ** «возстанетъ яко отъ сна и возьметъ мечъ свой и рече: «дадите ми конь борзъ», и пойдетъ противу **Измайловичъ** съ великою яростію и панесетъ мечъ свой на нихъ съ гнѣвомъ. Ангелъ же господень, первое ходивый со **Измайловичи**, обра-

¹⁾ См. **Тихонравовъ**, Пам. русск. отр. литер. II, № III, стр. 255—263 и ркп. Имп. Публ. Библ.-XVII № 82 (1602 г.) Сл. Опыты по истор. разв. христіанск. легенды I. с. стр. 62—73.

тится съ Михайломъ на нихъ и разслабитъ сердце Измаильяномъ, яко воду, а тѣлеса ихъ аки воскъ растають, и мужество ихъ ни во что же будетъ». Побѣдивъ враговъ Михайлъ воцарится, и настанетъ повсюду тишина и благоденствіе и добродѣтельное житіе; но люди вскорѣ забудутся, начнутъ жить беззаконно, и за то разгѣвается на нихъ Господь: «и повелитъ Господь Михайлу царю скрытися въ единомъ (отъ) острововъ морскихъ. И увидетъ царь Михайлъ въ корабль, и отнесетъ его Богъ въ единъ отъ острововъ морскихъ, и пребудетъ въ немъ до уреченнаго ему времени». Слѣдуетъ въ текстѣ Откровеній пространная вставка изъ житія Андрея Юродиваго: тогда разверзнутся горы «сиверскія», и выйдутъ оттуда Гогъ и Магогъ и будутъ неистовствовать и дойдутъ до Іерусалима и Іосафатовой долины, гдѣ будутъ побиты архангеломъ. Беззаконные цари слѣдуютъ другъ за другомъ въ Царьградъ — за тѣмъ текстъ продолжаетъ: Антихристъ родится въ Хоразинѣ, вскормленъ въ Виисайдѣ, воцаряется въ Капернаумѣ. «Егда же Божиимъ повелѣніемъ царь Михайлъ отъ морскихъ острововъ принесенъ будетъ и сядетъ во Іерусалимѣ на царство и будетъ царствовать 12 лѣтъ», — Антихристъ придетъ къ нему и послужитъ и будетъ имъ возлюбленъ; и будетъ сначала кротокъ и смиренъ, богобоязливъ, нищелюбъ, и станеть творить чудеса. «Егда же придетъ 12 лѣтъ, и тогда царь Михайлъ, возставъ и придетъ на мѣсто святаго Голгоѣы, идѣже распятъ Христъ Богъ нашъ. И ту снидетъ съ небеси животворящій крестъ Господень и станеть на мѣстѣ Голгоѣы. Царь же Михайлъ, ставъ предъ нимъ, и сойметъ вѣнецъ свой съ главы своея и возложитъ его на животворящій крестъ. Царь же, воздѣвъ ружь свои на небо, и предасть царство свое Богу.... И паки животворящій крестъ взидеть на небо предъ всѣми людьми и съ вѣнцемъ царя Михайловымъ. Царь же предасть душу свою въ ружь Божію и уснетъ вѣчнымъ сномъ».

Отношенія этого эпизода къ малорусскому сказанію о Михайликѣ (за вычетомъ мѣстнаго приуроченія и народныхъ чертъ,

въ родѣ малолѣтства богатыря) представлялись мнѣ слѣдующими: Измаильтяне осаждаютъ Византію, какъ Татары Кіевъ; тамъ и здѣсь Михаилъ — Михайликъ является освободителемъ; тотъ и другой удаляются на время, и возвращеніе обоихъ ожидается въ неопредѣленномъ будущемъ: будетъ время. Связь Кіева съ Царьградомъ (куда удаляется Михайликъ, гдѣ онъ, по другой редакціи, воспитывается), упоминаніе золотыхъ воротъ (перенесенныхъ изъ Кіева въ Царьградъ; сл. въ эпизодѣ Меѳодія золотыя врата, къ которымъ подступаютъ Измаильтяне), наконецъ эсхатологическій характеръ послѣдней части Малорусской легенды: таковы были основанія, увлекшія меня къ предположенію, что въ сказаніи о Михайликѣ сохранилась въ иной обстановкѣ, съ Кіевомъ и Татарами вмѣсто Царьграда и Измаильтянъ, повѣсть о послѣднемъ императорѣ Византіи, Михаилѣ¹⁾. Знакомство съ новой редакціей русской былины о Михаилѣ Даниловичѣ заставило меня видоизмѣнить этотъ взглядъ. Я предполагаю, что въ кіевскомъ богатырскомъ эпосѣ дѣйствительно существовалъ рассказъ о малолѣтнемъ богатырѣ Михаилѣ, что онъ сохранился въ великорусскихъ былинахъ о Михаилѣ Даниловичѣ, тогда какъ одна изъ редакцій подпала вліянію эсхатологическаго сказанія о послѣднемъ императорѣ и обернулась — малорусской легендой о Михайликѣ.

Прежде чѣмъ предложить доказательства, постараемся свести къ немногимъ общимъ чертамъ содержаніе легенды, извлекаемая изъ извѣстныхъ намъ редакцій.

1. *Михаилъ — юный богатырь*; ему семь лѣтъ (Костомаровъ), или 18 (Драгомановъ) — цифра, вѣроятно, ошибочная (вмѣсто 12?), поставленная рассказчикомъ по требованіямъ вѣроятія, тогда какъ онъ же заставляетъ Владиміра обращаться къ Михайлику не иначе, какъ съ воззваніемъ: Михалятко-дитятко! молоде ти і неспосібне (ему 18-ть лѣтъ), то тра щоб бути літ 20 (!) або 30, тоді хіба за меч можна братись». Очевидно,

¹⁾ Опыты I. с. стр. 78.

что и въ редакціи Драгоманова Михалятко — Михайликъ Кулиша — являлся мальчикомъ. *Онъ сильный богатырь*, про то знаютъ Татары (Кулишъ, Драгомановъ) и потому его боятся. Замѣтимъ въ пересказѣ Драгоманова: *Татарове-Юланове*. Только въ этомъ послѣднемъ пересказѣ Михайль является въ какихъ-то неясныхъ, какъ будто родственныхъ отношеніяхъ къ Владиміру, котораго величаетъ: *«Господару Цару»* (царь-государь). Рассказывается такъ: Владиміръ князь править всѣмъ царствомъ, онъ *старшій*, а Михайль, *сынъ царскій*, былъ еще юнъ, «то на царство его не садовлятъ». Въ другомъ мѣстѣ Владиміръ говоритъ ему, что «на него идетъ» часть Кіева, а татарскій царь пишетъ про него: «він ще дитина у вас, ёго царство, ёго все буде, як підросте». Можетъ быть, эти родственныя отношенія Владиміра и Михаила принадлежатъ древнему сказанію — хотя положительнаго здѣсь сказать ничего нельзя, при недостаточности данныхъ. Выраженіе: «і часть Кіива на тебе йде» мы постараемся объяснить въ иной связи.

2. *Татары-Юланове подходятъ подъ Кіевъ.*

3. *Недрузи Михаила, Кіевляне, требуютъ его выдачи татарамъ. Онъ жалуется на поганую, злую раду Кіевлянъ.* Такъ въ редакціи Кулиша и въ пересказѣ Драгоманова.

4. *Михайль выходитъ противъ татаръ*; Владиміръ его удерживаетъ. Когда юноша беретъ за мечъ, чтобъ идти на вражье войско, Владиміръ останавливаетъ его словами: ты еще молодъ, не твое это дѣло — а Михайль отвѣчаетъ ему, что богатырство у него рожденное, какъ вылупившемуся изъ яйца утенку прирождено плавать по синему морю ¹⁾.

5. *Михайль побиваетъ Татаръ-Юлановъ.*

6. *Онъ удаляется въ Царьградъ, куда перенесъ и золотыя ворота, гдѣ живетъ, питаясь водой и просфорою; или же въ какія-то горы.*

---

¹⁾ Сл. относительно этой анекдотической черты новеллу въ Вилла Альберти и у Des Periers. Сл. Вилла Альберти стр. 289—290.

II.

Въ сборникѣ Кирѣевского¹⁾ напечатаны двѣ былины подъ заглавіемъ: Данило Игнатьевичъ съ сыномъ. Такъ какъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ нихъ является сынъ, и этотъ сынъ названъ Михайломъ (такъ у Кирѣевского № II и въ сказкѣ-побывальщинѣ, сообщенной ниже; въ № I Кир. имя ему Иванъ), то ближе къ дѣлу было-бы такое заглавіе: Былины о Михайлѣ Даниловичѣ.

1. Въ Кіевѣ постригся въ монастырѣ сильный, могучій богатырь Данило Игнатьевичъ. Прослышали орды невѣрныя, что не стало у Владиміра сильнаго богатыря, и пишутъ ему ярлыки: пусть вышлетъ имъ поединщика, не то они выжгутъ, вырубятъ все его царство и самого его въ полонъ возмутъ. Растужился, расплакался Владиміръ князь, что некому у него сѣздить въ чисто поле, некому привести языка поганаго. Приходитъ къ нему молодой выюношъ, «*двѣнадцатилѣтцъ*»; былина называетъ его Иваномъ Даниловичемъ, но сравненіе съ другой былиной и побывальщиной, какъ и слѣдующее сближеніе съ Михайломъ малорусскаго сказанія, заставляютъ предположить здѣсь позднюю замѣну одного имени другимъ, болѣе ходячимъ. Далѣе мы будемъ называть двѣнадцатилѣтняго богатыря Михайломъ. Онъ вызывается передъ княземъ сѣздить въ чисто поле, провѣдать орды великія, привести языка поганаго. Владиміръ останавливаетъ его — его молодостью:

Молодохонекъ, зеленехонекъ,
Ты на большихъ бояхъ не бывывалъ.

Но Михайлѣ говоритъ ему, что онъ пойдетъ къ батюшкѣ родному, возьметъ у него благословеньице великое, попроситъ коня и сбрую богатырскую.

¹⁾ Пѣсни, собранныя Кирѣевскимъ, вып. 3, стр. 39—51.

Былина непосредственно переноситъ насъ къ этой сценѣ.
Михайло въ монастырѣ:

Государь ты мой батюшка, Данила Игнатьевичъ!
Дай ты мнѣ благословеньце великое,
Коня добраго и сбрую богатырскую.

Отецъ также пытается остановить его, указывая на его юные годы, но потомъ склоняется на его просьбы.

Юноша ѣдетъ въ чистое поле, а татарской силѣ конца не видно, смѣты нѣтъ. Конь подъ нимъ разъярился и свалилъ его; всталъ молодецъ на рѣзвы ноги, взялъ Татарина за ноги и сталъ побивать имъ силу невѣрную; всю побилъ и легъ ночевать въ шатрѣ. Между тѣмъ конь его прибѣжалъ къ монастырю, гдѣ сидѣлъ его отецъ; какъ увидѣлъ его Данила, вскочилъ на него, прискакалъ къ шатру,

И — пыхъ изъ лука стрѣлой — шатеръ бѣлый спихъ,
И увидѣлъ свое дѣтище.

Затѣмъ оба отправляются къ Владиміру.

Конецъ былины представляется мнѣ нѣсколько скомканнымъ, хотя не безефектно. Настоящее мѣсто шатра и опочива, вѣроятно, сохранилось въ побывальщинѣ.

2¹⁾ Былина открывается однимъ изъ обычныхъ пировъ Владиміра, на которомъ всѣ напивались и всѣ порасхвастались, кто чѣмъ. Одинъ молодецъ не пьетъ, не ѣстъ, и не хвастаетъ.

И повѣсилъ молодецъ да буйну голову:
Ише на имя Данила свѣтъ Игнатьевичъ.

На вопросъ Владиміра онъ отвѣчаетъ

- Ише чимъ мнѣ-ка, Владиміръ князь, видъ хвастатп?
- Ни двора-то у меня широкаго не было,
- Золотой у меня казны видъ не лучилося,
- А и сила-та была видъ во мнѣ ровная.

¹⁾ Замѣтимъ, что для этой былины издатель имѣлъ еще другой вариантъ или «образецъ», въ которомъ юноша-витязь также носилъ имя Михайла.

- Видь служилъ я у тебя да пятьдесятъ годовъ,
  - Да убилъ я тобѣ видь пятьдесятъ царёвъ,
  - А мелкодѣ силы убилъ — да той и смѣту нѣтъ.
  - Топерь отъ роду мнѣ стало девяносто лѣтъ:
  - Ты спусти-тко, спусти, Владиміръ, въ монастырь пречѣстные,
  - Да во тѣ ли спусти во кельи низкія,
  - Да спасти мнѣ-ка, спасти да душа грѣшная.
- А отвѣтъ держалъ Владиміръ князь:
 «Ой, нельзя, нельзя спустить тебя, Данилушко,
 «Ише нѣкому дѣлать видь зацпты всему Кіеву».

Еще разъ просится Данило, и указываетъ Владиміру на своего сына:

Да и будетъ тѣ защита всему Кіеву:
 Есть видь у меня да сынъ Михайлушко.

И Владиміръ отпускаетъ его. Далѣе былина совпадаетъ съ ходомъ предъидущей; рассказъ о томъ, какъ Данила Игнатьевичъ отпросился въ монастырь (сл. далѣе № 3) является прелюдіей къ гѣснѣ о Михаилѣ.

Невѣрные цари узнали,

Што во Кіевѣ богатыри ушли въ монастыри.

И вотъ подъ Кіевъ подходитъ невѣрный царь и требуетъ «поединцины». Смотритъ Владиміръ — а вражьей силы въ полѣ «будто облако ходячое нагонено»; на пиру онъ три раза («въ первой, второй, во третей накѣнъ») спрашиваетъ у своихъ бояръ, князей и паленицъ удалыхъ, не найдется ли кого, кто бы съѣздить въ чисто поле пересчитать силы невѣрныя? Но большой хоронится за средняго, а средній хоронится за младшаго, а отъ младшаго Владиміру отвѣту нѣтъ.

А и въ тѣмъ-то порѣ было, во то время
 Выходилъ тутъ добродне доброй молодець
 Изъ за тово онъ стола видь бѣлодубова,
 Ише на имя Михайло да Даниловичъ.
 Понизѣшеньку онъ Владиміру поклоняется,
 Помалѣшеньку во Владиміру подвигается:
 — Ты спусти-тко, спусти, Владиміръ князь, въ чисто полѣ,
 — Пересчитывать-то видь силъ невѣрныя.

А отвѣтъ таковъ держалъ ему Владиміръ князь:

«Ой же ты, Михайло да Даниловичъ!

«А и ростомъ-то видь ты же есть малешенёкъ,

«Да и разумомъ-то ты же есть глупешенёкъ;

«Топерь отъ роду, Михайло, тѣ двѣнадцать лѣтъ,

«Потеряшь, братъ, ты, Михайло, свою голову».

Разгнѣвался тутъ Михайло: скоро шелъ «по сѣреды кирпичныя», отворялъ двери на пяту и хлопнулъ ими такъ крѣпко, что онѣ разсыпались на щепы, а палата запаталась. Пошолъ къ своей матери, осѣдлалъ лошадь добрую, выѣзжаетъ во чисто поле — и тутъ раздумался, что не съѣздитъ онъ къ своему родителю, не взялъ у него благословленіе. Онъ поворачиваетъ къ монастырю. «А въ тую пору мать сыра земля да зазыбалася, — Старо старчипшо Данильшо засовалося: — А не мой ли видь приѣхалъ да Михайлушко?» Онъ спрашиваетъ сына: куда путь держить?, и узнавъ обо всемъ, начинаетъ отговаривать его тягостью взятаго на себя порученія:

— Топерь отъ роду, Михайло, тѣ двѣнадцать лѣтъ,

— Да потеряешь ты, Михайло, свою голову!

А и то видь какъ Михайлу да не показалося,

Скоро поворачивалъ добра коня въ чисто поле.

И рыкалъ да старо старчипшо Данильшо гласомъ громкіемъ:

— Стой-ко ты, Михайло, да удѣржи коня,

— Да возьми-тео отъ меня благословленіе полноѣ.

— А поѣдешь ты, Михайло, во чисто полѣ,

— *Выдѣши ты на шеломя на окатисто,*

— А по Русскому — на гору да на высокую,

— Да крочи-тео ты, Михайло, во всю голову,

— Ише требуй-ко ты бурушка косматого:

«Ай, которой же служилъ ты мойму батюшкн,

«Послужи-тео ты топерь сыну Михайлушку!»

— Прибѣжить тутъ конь да видь косматые,

— Стоитъ онъ на горы да на высокія;

— Да отмѣрь-ко ты, Михайлушко, какъ пять локотъ,

— И копай-ко ты, Михайло, мать сыру землю,

— Да во сторону копай да ты во востосьную:

— А п тугова збура да видь богатырская.

Михайло все достаетъ по указанію отца, поѣхалъ въ чисто полѣ:

Забречала его палица боѣвая,
 Засвистѣла его сабля, сабля вострая.
 Выходило старо старчишко Данильшо на зеленый лугъ,
 Да просилъ онъ Спаса съ Богородицѣй:
 — Ты, Спаса всемплосива Богородиця!
 — Да прими-тко ты моленѣ пустынноѣ,
 — Да прими-тко ты моленѣ скоро на-скоро,
 — Помогн-тко ты сыну Михайлушку:
 — Исполнять онъ все да дѣла добрыя,
 — Ише дѣлатъ онъ защиту всему Кіеву.
 Только въ туя было пору, въ то время
 Доброй конь у Михайла провѣщился:
 «Бей-ко ты, Михайло, силу съ крайчику,
 «Не заѣжжай-ко се, Михайло, въ силу въ мѣтнуку:
 «А и копають тутъ *уланове* три погребя,
 «А три погребя копають тутъ глубокиѣ,
 «И становятъ тутъ у погребъ копыя вострыѣ,
 «Ише первой-отъ я погребъ дакъ перѣскочу,
 «Видь и другой-отъ я погребъ да перѣскочу,
 «А третьѣго мнѣ-ка погребя не перѣскачнть».

Онъ дѣйствительно не перескочилъ третьяго, упалъ на заднія ноги, уронилъ Михайла въ глубокой погребъ, гдѣ его схватили «уланове поганые», вязали ему руки бѣлыя петлями шелковыми, ковали въ желѣза тяжелыя ноги рѣзвыя, повели къ царицу ко Уланицу.—Михайло молится «Спасу съ Богородицей», и у него «съ двое съ трое силы прибыло»: онъ разорвалъ петли, сломалъ желѣзки и, ухвативъ «ослядь телѣжную», началъ ею помахивать. «Какъ впередъ-то онъ махнетъ — дакъ тѣто улица, — А назадъ-ту отмахнетъ — дакъ переулочекъ».

Далѣе былина № 2 спутала подробности, настоящей смыслъ которыхъ легко возстановить при помощи № 1 ¹⁾. Разказавъ о томъ, какъ Михайло перебилъ татаръ ослядью, № 2 продол-

¹⁾ Изд. пѣсень Кирѣевскаго, по моему мнѣнію, превратно поняли соотношенія слѣдующаго эпизода въ № 1 и 2. См. 1. с. стр. 41, прим *.

жаеть: тутъ прибѣжалъ къ нему его конь, онъ садится на него, снова побиваетъ татаръ, а царицу Уланицу отсѣкаетъ голову; ѣдетъ по чисту полю — а ему на встрѣчу старчище Данилище, принимаетъ Михайла за поганаго улановина, убившаго его сына, и готовъ вступить съ нимъ въ бой. Какъ видно, появленіе коня мало мотивировано, такъ какъ Михайло уже успѣлъ осилить не-пріятеля, и остается непонятнымъ, почему именно Данило является на мѣсто битвы съ готовымъ подозрѣніемъ, что его сынъ убитъ. Настоящая послѣдовательность былины была слѣдующая: Михайль Даниловичъ, сброшенный съ коня, расправляется съ татарами, убиваетъ царица Уланица; между тѣмъ его конь прискакалъ въ монастырь, и у Данилы вполнѣ естественно является мысль, что его сына нѣтъ болѣе въ живыхъ.

И вотъ, вооружившись желѣзною клюкою въ сорокъ пудовъ, онъ идетъ (или ѣдетъ на конѣ Михаила, какъ въ № 1), приговаривая:

- Ой же вы еси, уланове поганые,
- А убили у меня вы сына Михайлушка!

Встрѣтивъ сына, онъ не призналъ его:

- Ой же ты, улановищ поганые!
  - Да подвинься-ко сюда, да ко мнѣ старому,
  - Давъ розсѣву я тя клюкой и съ конемъ на двое.
- А скрнчалъ Михайло гласомъ скромнѣмъ,
Ише скромнѣмъ онъ гласомъ, да робечѣемъ:
«Стой-ко-се ты, монахъ, да удѣржи коня,
«Приздыни-тео ты свой колпакъ шелковые,
«Втогда да увидишь, кого надобѣтъ!»
Приздынулъ монахъ колпакъ шелковые,
Подѣвжалъ втогда Михайло близъ его.

Отецъ и сынъ узнали другъ друга, и Михайло сообщаетъ отцу, въ какой онъ былъ бѣдѣ, а убить не былъ:

- «Видно ваши-то молитвы да пустынные
- «Видь послѣдовали къ Спасу многомилосливу!

«Да поди-тко ты, бачко, во монастырь пречѣстные,
 «Да молч-тко ты, молч Бога по прежному,
 «А самъ-оть'я поѣду видѣ во Кіевъ градъ».

Въ Кіевѣ Владиміръ встрѣчаетъ его почестнымъ пиромъ.

3. Былина о Данилѣ Игнатъевичѣ, помѣщенная въ сборникѣ Гильфердинга подѣ № 192, представляетъ редакцію значительно сокращенную. Начало сходно съ № 2 Кир.: былина открывается пиромъ у Владиміра ¹⁾, у котораго Данило отпрашивается въ монастырь; но кому будетъ защищать Кіевъ? Отвѣчаетъ Данило:

«Есть у меня чадо и въ девять лѣтъ.
 «Когда будетъ чадо въ двѣнадцать лѣтъ,
 «И будетъ стоять по городи по Кіеву
 «И по тебѣ Владиміръ стольне-кіевской.

Сынъ Данилы названъ, какъ Кир. № 1, Иваномъ. — Татары подходятъ подѣ Кіевъ; на пиру Владиміръ вызываетъ своихъ бояръ, богатырей и поляницъ — выбрать поединщика

Ѣхать во далечѣ чисто полѣ,
 Намъ сла считать, полки высмѣкать.

Иванъ вызывается на подвигъ.

Говорить царь таково слово:
 «Нѣтъ ли поматерѣе Ѣхать добра молодца?»
 И говорятъ вси князи, вси бояре,
 Все сильни могучи богатыри,
 Все поляницы удалыи:
 — Видѣтъ добра молодца по походочкамъ,
 — Видѣтъ добра молодца по поступочкамъ.
*Наливалъ осударь чару зелена вина,
 Вѣсомъ та чара полтора нуда,
 Мѣрой та чара полтора ведра.
 Принималъ Иванушко единой рукой,
 Вышивалъ Иванушко на единый духъ.*

¹⁾ Въ текстѣ онъ спутанъ съ грознымъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ.

Вид'ли добра молодца садучись,
 Не вид'ли добра молодца поѣдучись.
 А во чистомъ поли курева стоятъ,
 Курева стоятъ, дымъ столбомъ летить,
 На встрѣчу бѣжитъ родной батюшко,
 Онъ голосомъ кричитъ, шляпой маше:
 «Молодой Иванушко Данильевичъ!
 «Ты не ѣдь-ко въ дѣлмй гужъ,
 «Ты не ѣдь-ко въ полъ-гужа,
 «Ты силу руби съ одного плеча».

Посѣщенія отца въ монастырѣ нѣтъ, и нѣтъ его вторичнаго появленія въ концѣ былины. Конь Ивана (Михаила) «жествуетъ» человѣческимъ голосомъ, что татары копали погребѣ глубокіе, и что третій ему не перескочить. И конь и всадникъ попадаютъ въ погребъ.

Расплакался добрый молодець.
 Богородица Иванушку гласъ гласить,

поучаетъ его, какъ порвать путы и желѣза — и былина кончается разговоромъ о томъ, какъ конный богатырь «сталъ татаринномъ помахивать».

4. Слѣдующая побывальщина, сохранившаяся въ ркп. XVIII вѣка, сообщена мнѣ Л. Н. Майковымъ ¹⁾. Она озаглавлена:

**Гистория о киевскомъ богатыре Михаиле сыне Даниловиче
 двенатцати летъ.**

Бысть в великомъ в красномъ столномъ граде киеве, у великаго князя владимера всеславьевича, было пированіе почестное на руския сильныя богатыри. Пьетъ, естъ велики князь, те-

¹⁾ Она находится въ рукописи, принадлежащей Московскимъ Публичному и Румянцевскому Музеямъ № 774. Рукопись эта составляетъ тетрадку въ 4-ю долю листа, занимающую въ себѣ 12 листовъ и писанную скорописью второй половины XVIII в.; на листѣ первомъ находится заглавіе, помѣченное выше, а съ листа 2-го идетъ самый текстъ; оканчивается онъ на оборотѣ листа 11-го.

шится, а надъ собою кручины не ведаеть. То в то время идетъ молодець ис поля чистого, из шелому из баканова на дву аргамаческихъ коняхъ, и въезжаетъ на государевъ дворъ, и коня ставитъ без привези, бежитъ во светлую горницу, предъ княземъ колпака не сымаеть; и сталъ говорить ему: «Государь велики князь владимеръ всеславъевичъ киевской, пьешъ ты и ешь и тешился, а надъ собою, государь, кручины не ведаешъ: идетъ из большия орды царь бахметъ сынъ тавруевичъ, а с нимъ идутъ богатыри три брата братовича, а с ними силы со всякимъ богатыремъ по три тысячы; да с нимижь идутъ семь князей ширскихъ, а с ними силы идутъ со всякимъ княземъ по семи тысячъ; да с нимиже идутъ сорокъ царевичей, а со всякимъ царевичемъ силы по сороку тысячъ, а всей силы с царемъ бахметомъ сыномъ тавруевичемъ сметы нѣтъ. И хоцетъ твои столнои градъ киевъ за щитомъ взять, князей и бояръ всехъ под мечъ подклонить, а тебя, великаго князя, поневолитъ». Тогда велики князь *владимеръ всеславъевичъ киевской* *закручинился; наливаеть онъ в турей рогъ меду слаткова и подноситъ своимъ тридцати богатырямъ и говоритъ имъ: «Которой из васъ выпьетъ турей рогъ меду слаткова, тот бы вынулъ ис подъ знамени человека перваго, которой ведаеть думу царскую».* И в то время болшей богатырь хоронитца за меншихъ, а меншой богатырь хоронитца за болшихъ, и ни которой за то дело не внимаеться. Потомъ изъ техъ богатырей *выступаеть младъ михаило сынъ даниловичъ: «Государь князь велики владимеръ всеславъевичъ киевской! Я, государь, выпью турей рогъ меду слаткова и выиму ис под знамени человека перваго, которой ведаеть думу царскую».* И в то время взговорить велики князь владимеръ всеславъевичъ киевской: *«Младъ михаило сынъ даниловичъ, малымъ ты малешенекъ и молодымъ ты молодешенекъ, всево тебе от роду двенадцать летъ; а умомъ ты, михаило сынъ даниловичъ, глупешенекъ, в чистомъ полѣ не бывалъ¹⁾, криваго ты человека не види-*

¹⁾ Вѣроятно: не бывывалъ.

валъ, на крепкомъ деле не ставялъ, ребячимъ умомъ говоришь». Ответъ держитъ младъ михаило сынъ даниловичъ: «Государь князь владимерь всеславьевичъ киевской! Вели, государь, поимать гоюля и вели держать три года, да пусти, государь, того гоюля на воду, и умъет-ли тотъ гоюль по воде плавати: так-та наше богатырское сердце неуимчиво». Тогда великому князю владимеру всеславьевичу киевскому то слово полюбилось. И говорить ему, младу михаилу сыну даниловичу ¹⁾: буди ты пожалованъ во всемъ столномъ граде киеве. — Отвѣтъ держитъ младъ михаило сынъ даниловичъ: «Много твоего государскаго жалованья». — И оседлалъ младъ михаила сынъ даниловичъ добраго коня наступчитова с черкасскимъ седломъ и подтянулъ двенадцатью подпружиннами шелку шемоханскаго и надевалъ на себя крепкой доспехъ богатырской и положилъ на главу свою златой венець. И садился младъ михаило сынъ даниловичъ на своего добраго коня наступчитова и поехалъ ис киева града не воротами, а ²⁾ скакалъ чрезъ ограду каменную, и поехалъ къ почестному монастырю, к отцу своему даниле ивановичу ³⁾ просить от него прощения и благословения. Тогда приехалъ младъ михаило сынъ даниловичъ ко отцу своему данилу ивановичу и сталъ у него просить благословения: «Благослови ты меня, батюшка, ехати в поле чистое на шеломъ и на бакановъ противъ царя бахмета сына тавруевича и вынетъ ис под знамени ⁴⁾ челоуѣка перваго, которой ведаеть думу царскую». Потомъ сталъ говорить отецъ его данило ивановичъ: «Чадо мое милое, младъ михаило сынъ даниловичъ ⁵⁾, азъ я в киеве жилъ девяносто летъ, выезжаючи ис киева побивалъ девяносто побоищевъ и ис под знамени челоуѣка перваго не вынимывалъ, и х киеву къ великому князю вла-

¹⁾ Ркп. младъ михаила сынъ даниловичъ.

²⁾ Ркп. и.

³⁾ Въ №№ 1 и 2 оны названъ по отчеству Игнатьевичемъ. Въ связи съ «Ивановичемъ» нашего также стоитъ, быть можетъ, названіе Микхила — Ивановъ въ № 1.

⁴⁾ Ркп. земли.

⁵⁾ Ркп. Ивановичъ.

димеру всеславьевичю не проваживалъ и на муку такова человека не давивалъ и греха на себя не принимывалъ. Буде ты, чадо мое милое, едешъ неволею, и ты добивайся до знамени перваго¹⁾; а буде ты, чадо мое, едешъ волею, и ты добивайся до знамени последнею, и ни на кого не надейся: Богъ тебѣ, чадо мое, на помощь подастъ». Тогда младъ михаило сынъ даниловичъ взялъ у отца своего благословение и прощение и поехалъ в поле чистое на шеломъ и на бакановъ противъ царя бахмета сына тавруевича. Тогда поглядитъ в сторону — сила рать великая, в другую сторону посмотреть — и тово болѣе, а на третью сторону поглядитъ — аки вода сильная колыбается. Тогда младъ михаила сынъ даниловичъ утрашился и рече себѣ: Буде поехать мне молотцу не побивъ побойща к столному граду киеву и великому князю владимеру, то принять мне от него кручину великую, а от своей братьи позоръ мне будетъ великой; а какъ побью побойще и с того побойща поеду к столному граду киеву к великому князю владимеру всеславьевичу киевскому, то будетъ мне честь и хвала от великаго князя владимера всеславьевича киевскаго и от своей братьи великая. Тогда младъ михаило сынъ даниловичъ помолился честнымъ образомъ и сталъ призывать Господа Бога на помощь, и сталъ напуцать онъ на полки татарскіе, что ясенъ соколъ на стада на галечья²⁾. Тогда выезжаютъ противъ михаила сына даниловича сильныя богатыри три брата братовича, а с ними силы выходятъ по три тысячи. Тогда младъ михаила сынъ даниловичъ убилъ трехъ братьевъ братовичевъ, такожь и силу ихъ всю побилъ. Потомъ выезжаетъ противъ ево семь князей ширскихъ, а силы с ними по семи тысячъ; и младъ михаила сынъ даниловичъ убилъ семь князей ширскихъ, такожь и силу ихъ

¹⁾ Ркп. чернаго, очевидно ошибочно; см. далѣ противоположеніе: (перваго) — последнею.

²⁾ См. Слово о Полку Игоревѣ: не буря соколы занесе чрезъ поля широкія, малици стады бѣжать къ Дону великому. Въ битвѣ подъ Перемышлемъ 1097 г. половецкій ханъ Боянкъ, по словамъ лѣтописи, сбиваетъ Венгровъ въ мячъ, точно такъ какъ соколъ сбиваетъ галокъ. Соловьевъ, Ист. Россіи, II (1852 г.) р. 62—3.

всю побилъ. А потомъ выехали противъ михайла сына даниловича сорокъ царевичевъ, а силы с ними со всякимъ царевичемъ по сороку тысячъ; тогда младъ михайла сынъ даниловичъ убилъ сорокъ царевичевъ, такожь и силу ихъ всю побилъ. Потомъ выезжаютъ противъ михайла сына даниловича мурзы уланова, и говорятъ¹⁾ ему таково слово: «Государь ты дородной доброй молодець, какъ тебя по имени зовутъ и по отечеству? и дай ты намъ сроку на три дня». — Тогда младъ михайла сынъ даниловичъ ответъ держитъ: «Зовутъ меня по имени михайлою, а по отечеству даниловичемъ, а ежу я ис краснаго столного града киева отъ великаго князя владимера всеславьевича киевскаго». То михайла сынъ даниловичъ далъ имъ сроку на три дня, а самъ поехалъ къ белому своему шатру полотняному и сталъ в томъ шатре опочивать и опочивалъ три дня и три нощи бес просыпу²⁾. А мурзы уланова в ту пору около полковъ своихъ копали рвы глубокия, ва рвахъ тыкали тарчи вострыя, крыли полстыми³⁾ ордынскими, делали мосты опрометныя. Тогда младъ михайла сынъ даниловичъ от сна просыпается и вооружается и садится на свой доброй конь и напустилъ на полки татарскія — первой полкъ побилъ; тогда напустилъ на второй полкъ и тотъ полкъ побилъ; тогда напустилъ на третей полкъ и тотъ же полкъ побилъ. И в те поры младъ михайло сынъ даниловичъ ввалися въ яму глубокую, а конь его выдрался и поскакалъ в чистое поле; а михайлу сына даниловича вынули изъ ямы и связали ево, оковали ему ноги по колени, а руки по локти, и повели ево в полки татарскія ко царю бахмету сыну тавруевичю. Что взговорить царь бахметъ сынъ тавруевичъ: «михайле сыну даниловичю, какъ тебя, молотца, по имени зовутъ, и которой ты деревни или вотчины?» Ответъ держалъ младъ михайла сынъ даниловичъ: «Государь царь бахметъ сынъ тавруевичъ, по имени меня зовутъ михайлою, а по отечеству сынъ даниловичъ; а ежу

¹⁾ Ркп. — ить.

²⁾ См. эпизодъ съ шатромъ въ концѣ № 1 и выше мою замѣтку по его поводу.

³⁾ Ркп. полстыми.

я истолного града с киева от великаго князя владимера всеславевича киевскаго». Тогда стать ему говорить царь бахметъ сынъ тавруевичъ: михаиле сыну даниловичю, служи ты мне верою и правдою, какъ ты служилъ великому князю владимеру всеславьевичю киевскому; я тебѣ у себя в золотой орде долю ¹⁾ дамъ да треть своего царства. Отвѣтъ держитъ младъ михаила сынъ даниловичъ царю бахмету сыну тавруевичю: «Радъ тебѣ служить верою и правдою, своею саблею вострою — над твоею шею толстою». Тогда взговоритъ царь бахметъ сынъ тавруевичъ: «Мурзы, уланова, возьмите михаилу сына даниловича за бѣлые руки и поведите ево за бѣлые шатры полотняные и снимите с него буйную ево голову». — Потомъ сталъ имъ говорить младъ михаила сынъ даниловичъ: «Кто хоцетъ жить подолше, тотъ бжи подале, а хто хоцетъ жить поменше, тотъ подвнся поближе». — Тогда взговорятъ ему мурзы уланова: «Брате михаиле, теперь ты у насъ в рукахъ, а грозижъ намъ». — Потомъ не ясенъ соколъ вострепенулся, а младъ михаила сынъ даниловичъ сложилъ с себя железа с рукъ и с ногъ и побилъ около себя людей многое множество; и тогда люди его многия обхватили, и онъ ис под телеги ордынской ось выломилъ и учаль ихъ побивать на все четыре стороны и дограбился до добра сотка каменного, и тутъ полки клонилъ. Уже михаило сынъ даниловичъ уже по колени в крови бродитъ. Тогда выходилъ из бѣла шатра царь бахметъ сынъ тавруевичъ и бьет челомъ о сыру землю: «Государь мой, младъ михаило сынъ даниловичъ, отпусти ты меня в мою орду хотя саматретья, и аз бы в своей орде племя развелъ». Тогда сталъ говорить младъ михаила сынъ даниловичъ царю бахмету сыну тавруевичю: «Отпущу я тебя в твою орду за то саматретья, что азъ былъ у тебя в поимани, — в болшей орде долю давалъ да треть своего царства; и ты поди в свою орду». Тогда царь бахметъ сынъ тавруевичъ поклонился ему и поехалъ в свою орду, а младъ михаила сынъ даниловичъ уби-

¹⁾ Сл. далѣе: в болшей орде долю давалъ да треть своего царства.

рался и вооружался и садился на свой доброй конь и поехалъ к столному граду киеву, к великому князю владимеру всеславьевичю. Тогда лихъ былъ ка михаилу сыну даниловичю ¹⁾ оговорщикъ в киеве, оговорилъ великому князю владимеру всеславьевичю киевскому: «Государь велики князь владимеръ всеславьевичъ киевской! Младъ михаило сынъ даниловичъ ездить по деревнямъ да по вотчинамъ, пилъ да елъ да бражничелъ, а не у твоего ²⁾ дела царскаго былъ». Тогда велики князь владимеръ всеславьевичъ киевской ка михаилу сыну даниловичю ³⁾ разкручинился и велелъ его посадить в темницу заключенную, въ яму глубокую, сорока сажень, где сиделъ ставерха сынъ годиновичъ. Посадили михаилу сына даниловича въ яму глубокую; и велелъ ему на неделю мѣста хлѣба по снопу по овсяному давать: то ему михаиле сыну даниловичю за выслугу. И накрыли цкою железною, и зарыли землю накрепко, опустили решетки железныя и приставили крепость великую. Потомъ велики князь владимеръ всеславьевичъ киевской призываетъ слугу своего вернаго, по имени зовутъ илью муромца, проведать о побойще михаила сына даниловича; «коли онъ побилъ силу рать великую, то я ево (ис?) тюрьмы выпущу». Тогда илья муромецъ скоро метался и садился на свой доброй конь и поехалъ в чистое поле на шеломъ на бакановъ. И ездить илья муромецъ двенатцать дней и не могъ онъ доехать трупъ татарскаго; и потомъ изъехалъ ⁴⁾ трупъ татарской — где при горе, тутъ по щеку коню крови, а гдѣ при вражке, тутъ по колени коню крови, а гдѣ при брегѣ, тутъ по чрево коню крови. Потомъ илья муромецъ возвратился к столному граду киеву к великому князю владимеру всеславьевичю киевскому; и какъ будетъ илья муромецъ среди двора государева и ставить своего коня бес привези, а самъ бежитъ скоро в бюокаменные палаты и молитца честнымъ образомъ и бьетъ челомъ

1) Ркп. сына даниловича.

2) Ркп. своего.

3) Ркп. даниловича.

4) Ркп. изъехалъ?

великому князю владимеру всеславьевичю киевскому о сыру землю. Что взговорить ильа муромецъ: «Гои еси велики князь владимеръ всеславьевичъ киевской, живу я у тебя тритцать три года, а побойща такого не побывывалъ, что грозно побилъ побойща младъ михаила сынъ даниловичъ. А трупы татарскаго — где при горе, тутъ по щеку коню крови, а где при вражке, тутъ по колени коню крови; а гдѣ при брегѣ, тутъ по чрево коню крови». Тогда велики князь владимеръ всеславьевичъ киевской в тот часъ велелъ изъ ямы вынуть михаила сына даниловича. И в то время вынули его изъ ямы глубокия и привели его предъ великаго князя владимера всеславьевича киевскаго. Что взговорить велики князь владимеръ всеславьевичъ киевской: *Михаиле сыну даниловичю! буди ты от меня пожалованъ, злата казна про тебя не запечатана, драгоценное платье про тебя не изношено, добрыя кони стоять не объезжаны.* — Тогда сталъ говорить младъ михаило сынъ даниловичъ: «Государь мой великій князь владимеръ всеславьевичъ киевской! много твоего государскаго жалованья; пожалуй, государь, *отпусти ты меня к батюшке даниле ивановичю в монастырь постригца; а у тебя, государя моего, в великомъ столномъ граде киеве михи оговорцики: не велятъ тебѣ, великому князю владимеру всеславьевичю киевскому, служить верою и правдою и вочью неизменя*» (?) — Потомъ велики князь владимеръ всеславьевичъ киевской отпустилъ млада михаилу сына даниловича *двенадцати летъ* к отцу его даниле ивановичю в монастырь для пострижения в монашески чинъ. Тогда младъ михаила сынъ даниловичъ великому князю владимеру всеславьевичю киевскому поклонился и чуднымъ образомъ помогался и поехалъ к отцу своему даниле ивановичю в монастырь. *И приехавши в тотъ монастырь, постригся в монашески чинъ, и сталъ в томъ монастыре жить в великой славе и чести до смерти своей. Темъ сия исторія конецъ восприяла.*

Сообщенная здѣсь впервые сказка-побывальщина, сохранившая во всемъ своемъ складѣ слѣды былиннаго изложенія и нерѣдко цѣлыя стихи, интересна, не столько подробностями языка

и указаніями на другихъ богатырей и пѣсни кievскаго цикла, сколько своими отношеніями къ разсмотрѣннымъ выше былинамъ о Михаилѣ Даниловичѣ №№ 1, 2 и 3. Характеризуя послѣднія, героемъ которыхъ представился г. Безсонову не Михайло, а отецъ его Данило, издатель сборника Кирѣевскаго усмотрѣлъ въ нихъ «отрывокъ сказаній о послѣднихъ дняхъ нѣкогда грознаго и страшнаго богатыря (т. е. Данилы): будемъ ожидать открытія пѣсенъ о былой его славѣ»¹⁾. Если ожиданія эти не оправдались по отношенію къ біографіи Данилы, то для критики пѣсенъ о Михаилѣ Даниловичѣ «Гистория» предлагаетъ весьма важный матеріалъ.

«Гистория» ни что иное, какъ прозаическій пересказъ былины, стихъ которой иногда легко возстановить, удаливъ не нужныя повторенія. Примѣры легко подобрать во всѣхъ частяхъ текста. Такъ въ началѣ:

Бысть во стольпомъ городѣ во Кіевѣ
У великаго князя Владиміра
Было пированіе почестное
На русскіе сильныя богатыри.
Пьеть, ѣсть великій князь, гѣшится,
А надъ собою кручины не вѣдаеть и т. д.

Или:

Какъ побью я побоище
И поѣду къ стольному граду Кіеву
Къ великому князю Владиміру,
Будеть мнѣ честь и хвала
Отъ великаго князя Владиміра
И отъ своей братьи великая.

«а какъ побью я побоище и с тою
побоища поеду к столному граду
киеву к великому князю владиме-
ру *всеславъевичу киевскому*, то бу-
детъ мнѣ честь и хвала от вели-
каго князя владимера *всеславъевича*
киевскаго и от своей братьи вели-
кая».

Грамотнику пересказчику принадлежитъ, вѣроятно, эпитетъ Владиміра: *великій князь*, вмѣсто «ласковаго», и такія формы

¹⁾ Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ в. III, приложенія стр. IV.

какъ *бысть, хочеть, рече, азъ*, и т. п.; въ остальномъ сохранился народный словарь, въ которомъ замѣтимъ: *шеломъ* въ значеніи холма: изъ шелому изъ баканова, на шеломъ на бакановъ (трижды); сл. шеломя въ Словѣ о Полку Игоревѣ; шеломя окатисто въ былинѣ о Михаилѣ № 2; шеломя окатное (оскатное) въ былинѣ объ Ильѣ Муромцѣ и Ермакѣ Рыбн. I, 103, 104; шеломя окатистые (Пам. великорусск. нар. Прибавл. къ Изв. Акад. Наукъ, Спб. 1855, стр. 77. Слич. стр. 118, 119, 123: по замѣчанію записавшаго былину шеломя значить — холмъ необрывистый, пологій. — Ср. шеломъ — въ смыслѣ утеса, Каз. губ.). — *Сердце неумичиво* (Даль а. в. неумичивое). — *Добро коня наступчивова* (дважды); сл. Кир. Пѣсни II, 64: наступчатый; VIII, 7, тоже, о конѣ: съ перевозу-то съ васъ беру По добру коню наступчату; у Даля помѣчено лишь: наступчивый; сл. Кир. Пѣсни II, 45, Рыбн. I, 82, 15, IV, 101: наступчивый (о конѣ). — И сталъ *напуцать* онъ на полки татарскіе, что *ясенъ соколъ на стада на галечья*; сл. Слово о Полку Игоревѣ: не .i. соколовъ на стадо лебедѣй пуцаше, и выше стр. 21 прим. 2. — «Ва рвахъ тыкали *тарчи* вострыя, крыли *полстыми* (рпк. полстыми) ордынскими, делали мосты *отрометныя*. Сл. стар. торчъ = копейное древко, ратовище (Даль а. в. торгать); Кир. I, 3, стр. 120: Заплетайте вы туры высокія, А ставьте *поторчичи* дубовыя, Колотите вы надолбы желѣзные; торчей Псковск. Тверск. = замѣтка на полѣ, тычка (Дополн. къ Оп. областн. великор. языка а. в. торчей и поторкать. Сл. Рыбн. I, 30, 111: Гдѣ было татарина кольемъ тарыкать; ib. 136, 175: сталъ косматаго бурушка потаркивати). — Прилагательному *отрометный* Даль а. в. даетъ лишь значеніе: скорый, легкомысленный и т. п.; отрометные мосты, несомнѣнно, перекинутые: во рвахъ натыканы ратовища и на нихъ раскинуты полости — будто ровное мѣсто: въ эту то западню и попадаетъ богатырь. — *Добрабился до сотка* каменнаго и тутъ полки клонилъ.

Названіе холма «бакановымъ» принадлежитъ къ реальнымъ подробностямъ русскаго эпоса, и если я не ошибаюсь, еще

встрѣчается въ поющихъ нынѣ пѣсняхъ. (Сл. впрочемъ: барханъ — отдѣльный песчаный холмикъ въ землѣ Ур. Каз. войска, и Рыбн. II, № 11, стр. 41: А Добрыня Никитовичъ на Воргановыхъ горахъ). — *Тавруевичъ*, отечество Бахмета (= цариче Уланище № 2-го), встрѣчается въ былинахъ о Щелканѣ Дудентьевичѣ въ формѣ Таврольевичъ. — *Три брата братовича* — это не братья-ли Сбродовичи другихъ пѣсенъ? — О семи *ширскихъ князьяхъ* я ничего не знаю. — Интересно указаніе на былинѣ о Ставрѣ Годиновичѣ, посаженномъ въ темницу — по особой формѣ его имени: *Ставерха*. — «*Турей розъ меду слаткова*» является необычной замѣной эпической чаши; *тридцать*, какъ типическое число богатырей Владиміра, чередуется въ былинахъ съ двѣнадцатю и семью (сл. напр. былины о семи богатыряхъ и о томъ, какъ перевелись на Руси богатыри). — Отношенія богатырей къ князю представляются, какъ служилыя: Илья Муромецъ — его вѣрный слуга, живетъ у него тридцать три года; въ былинѣ у Кирѣев. № 2 Данило служить у него пятьдесятъ годовъ и на девяностомъ отпрашивается въ монастырь (сл. Гисторію: азъ я в Кіевѣ жилъ девяносто летъ, выезжаючи ис Кіева побивалъ девяносто побоищевъ).

Гисторія не знаетъ разсказа, съ котораго начинается Кир. № 2: какъ старый Данила просится у князя на покой; я предполагаю, что этотъ эпизодъ (вызванный желаніемъ объяснить себѣ, почему отецъ Михаила живетъ въ монастырѣ), можетъ быть, поздняго происхожденія. — Затѣмъ Гисторія совпадаетъ съ ходомъ былинъ 1 и 2, опуская подробность, вѣроятно, принадлежавшую къ древней формациі сказанія: о томъ, что конь Михаила, сбросивъ его, прибѣжалъ къ отцу, и тотъ выходитъ отмстить за сына, котораго считаетъ убитымъ, встрѣчается съ нимъ и, не признавъ его, готовъ съ нимъ сразиться (см. № 2). — Въ концѣ всѣ три редакціи расходятся другъ съ другомъ: въ № 1 отецъ и сынъ вмѣстѣ ѣдутъ въ Кіевъ; въ № 2 Данило идетъ въ монастырь, а Михайло къ князю Владиміру: Такъ и въ Гисторіи — съ тою разницею, что разсказъ здѣсь поведень

дальше. Это-то продолженіе, которое я считаю не придѣланнымъ къ Гисторіи, а опущеннымъ въ №№ 1 и 2, представляется мнѣ особенно важнымъ, такъ какъ оно раскрываетъ отношенія сѣверно-русскихъ былинъ о Михайлѣ Даниловичѣ къ малорусской легендѣ о Михайликѣ.

Михайло возвращается въ Кіевъ съ побѣдой, но у Владимира его оговорили: будто онъ у дѣла царскаго не былъ, а вмѣсто того пилъ, да ѣлъ, да бражничалъ. Раскручинился Владиміръ, велитъ посадить Михаила въ яму глубокую, давать ему въ недѣлю по снопу овсяному за выслугу — а Илью Муромца посылаетъ провѣдать о побоищѣ: коли Михайло въ самомъ дѣлѣ побилъ силу-ратъ великую, онъ его изъ тюрьмы выпустить. Илья привозитъ вѣсти о побѣдѣ, и Владиміръ не только освобождаетъ Михаила, но и хочетъ его пожаловать. Михайло отъ всего отказывается: въ Кіевѣ ему нѣтъ житья отъ лихихъ оговорщиковъ, и онъ проситъ князя отпустить его въ монастырь, гдѣ онъ и постригся.

Развязка напоминаетъ, въ общихъ чертахъ, былинну о Суханѣ или Сухманѣ Одихмантьевичѣ, одномъ изъ такъ называемыхъ старшихъ богатырей кіевского цикла ¹⁾. Вызвавшись достать Владимиру живьемъ лебедь бѣлую, онъ отправился за ней, но встрѣтилъ по дорогѣ сорокъ тысячъ татаръ поганыхъ и побилъ ихъ. Совершивъ этотъ подвигъ, онъ возвращается къ Владимиру, но тотъ не повѣрилъ его разсказу и велитъ посадить его въ глубокой погребъ. Богатыри, посланные Владиміромъ, донесли ему, что они дѣйствительно видѣли побитую татарскую рать. Тогда Владиміръ велитъ привести къ себѣ Сухмана и хочетъ его пожаловать; но оскорбленный княземъ Сухманъ не идетъ къ нему: «не умѣлъ меня солнышко миловать, не умѣлъ меня солнышко жаловать, а теперь не видать меня во ясны очи». Выдергивалъ онъ листочки маковые съ тыхъ ранъ со кровавыхихъ, а самъ приговаривалъ: «потеки Сухманъ-рѣка отъ моей крови горячія, отъ горячія крови отъ напрасныя».

¹⁾ Рыбн. I, № 6, стр. 26 и слѣд.

Въ Гисторіи - былинѣ о Михаилѣ — исходъ разнится тѣмъ, что оскорбленный витязь уходитъ въ монастырь. Удаленіе отъ міра обыкновенно освящало собою конецъ долгой, иногда тревожной боевой жизни: какъ Данило въ № 2 живетъ въ рознь съ женою, спасаясь въ монастырѣ, такъ часто въ нашей исторіи подлюбовно расходились въ старости своей супруги, чтобъ остатокъ дней посвятить одному Богу ¹⁾). Какъ на западѣ пресыщенный подвигами и успѣхами рыцарь запирался въ келью и герои западнаго эпоса, Ренд де Монтаuban и Вальтеръ Аквитанскій кончаютъ дни въ святости — такъ и объ Ильѣ Муровцѣ существуютъ преданіе, что онъ посхимился, «*всемился въ пещеру*», построилъ «церкву пещерскую, тутова старъ и окаментльз» (сл. О. Миллеръ, Илья Мур. стр. 797 и слѣд.), сталъ каликой (Чоботокъ Кольнофойскаго?) ²⁾ — и слѣдуетъ, быть можетъ, приписать одному случаю, что этотъ эпизодъ выпалъ изъ его былинь. Но духъ отваги, крѣпость мышцъ не оставляютъ этихъ витязей-отшельниковъ и подъ иноческой рясой: въ минуту опасности Вальтеры, Ренд, Ильзаны выходятъ изъ монастырскихъ затворовъ и совершаютъ чудеса храбрости — какъ Данило Игнатьевичъ въ былинахъ о его сынѣ и Старчище Билогремлище (Пилигримище), крестовый батюшка Василья Буслаевича — въ былинахъ о послѣднемъ. — Врагамъ на руку это удаленіе богатырей

¹⁾ Кир. I. с. III прилож. стр. III. Въ былинѣ № 2 просвѣчиваетъ и другой мотивъ удаленія Данилы въ монастырь: недовольство на князя: жилъ онъ у него пятьдесятъ лѣтъ, не нажилъ ни золотой казны, ни двора широкаго. Да и сила у меня была малая (равная), прибавляетъ онъ иронически; жаловаться не за что: онъ убилъ всего 50 царей, а темной силы и смѣту нѣтъ.

²⁾ Чоботокъ = калига (откуда калика)? Впрочемъ, Лассота отличаетъ богатыря Чоботка отъ Ильи: «ein Riesz und Bohater Czobotka genendt, von dem sagt man, dass er einmalls von neben seinen Feinden unversehens überfallen worden, gleich wie er den einen Stiefel angelegt; als er aber in der Eill zu keiner andern Wehr kommen können, hat er sich mitt dem andern Stiefel, so er noch nicht angezogen, zur Gegenwehr gesetzt undt sie alle damit erlegt und davon den Nahmen bekommen. — Въ русскихъ былинахъ богатыри, застигнутые врасплохъ, схватываютъ осляда желѣзную, или отмахиваются татаринномъ, взявъ его за ноги, либо колпакомъ, шляпой «земли греческой». Отмахиваніе чоботомъ могло исчезнуть въ сѣверно-русскихъ пересказахъ.

отъ ратнаго дѣла: въ былинѣ о Михаилѣ Даниловичѣ № 2 невѣрные цари подходятъ подъ Кіевъ, когда довѣдались,

Што во Кіевѣ богатыри ушли въ монастыри,

посхимились. Побѣдоносные въ борьбѣ съ земными врагами они не устояли въ борьбѣ съ нездѣшной силой, принуждены ей покориться. Былина о томъ, какъ перевелись на святой Руси богатыри, образно представляетъ этотъ моментъ.

Выѣхали однажды на Сафатъ рѣку Илья и Добрыня, Алеша Поповичъ и др.; на восходѣ краснаго солнышка видятъ — черезъ рѣку переправляется несмѣтная сила басурманская. Бросились они на нее, стали колоть-рубить, изрубили силу поганую.

И стали витязи похваляться:

«Не намахалися наши могучія плечи,

«Не уходилися наши добрые кони,

«Не притупились мечи наши булатные!»

И говорить Алеша Поповичъ младъ:

«Подавай намъ силу нездѣшнюю:

«Мы и съ тою силою, витязи, справимся!»

Какъ промолвилъ онъ слово неразумное,

Такъ и явились двое вонтелей,

И крикнули они громкимъ голосомъ:

— А давайте съ нами, витязи, бой держать,

— Не глядите, что насъ двое, а васъ семеро.

Не узнали витязи вонтелей;

Разгорѣлся Алеша Поповичъ на ихъ слова,

Поднялъ онъ коня борзаго,

Налетѣлъ на вонтелей

И разрубилъ ихъ по поламъ со всего плеча:

Стало четыре — и живы всѣ.

Такъ-же двоятся нездѣшняя сила подъ ударами Добрыни, Ильи и всѣхъ витязей вмѣстѣ:

Стали они силу колоть-рубить,

А сила все растеть да растеть,

Все на витязей съ боемъ идетъ.

Испугались богатыри, побѣжали въ каменные горы, въ темныя пещеры, да тамъ и окаменѣли. Съ тѣхъ поръ и перевелись вѣтязи на святой Руси ¹⁾).

Старые герои удаляются на склонѣ дней, побѣжденные христіанской идеей, въ пещеры, въ горы, т. е. въ монастыри. У насъ «монастырече на *горахъ* стаща, черноризци явишася», говоритъ Иларіонъ ²⁾; «богатыри ушли въ монастыри».

Этимъ удаленіемъ пользуются враги, но находятъ себѣ неожиданный отпоръ; въ *Guy de Bourgogne* молодое поколѣніе паладиновъ побѣждаетъ сарацинское войско; у насъ такая неожиданная побѣда достается двѣнадцатилѣтнему Михаилу Даниловичу. Но и онъ удаляется въ монастырь, обиженный княземъ, какъ другіе уходили въ него въ юныхъ лѣтахъ и полные силъ, избѣгая мірскаго соблазна. Такъ разсказывается о сынѣ перваго боярина Изяславова, по имени Іоанна: почувствовавъ въ себѣ сильное призваніе къ иноческой жизни, онъ явился къ пещерѣ Антонія, облекшись въ свѣтлую одежду, на богато убранномъ конѣ, окруженный отроками, и когда отцы пещерники при встрѣчѣ поклонились ему, по обычаю, какъ вельможѣ, онъ самъ поклонился имъ до земли; потомъ снялъ съ себя боярскую одежду и положилъ ее передъ Антоніемъ, поставилъ передъ нимъ своего коня и сказалъ: Твори съ нимъ, что хочешь; я уже презрѣлъ все мірское, хочу быть инокомъ, жить съ вами въ пещерѣ, и никогда не возвращусь въ домъ свой. — Его постригли подъ именемъ Варлаама ³⁾).

III.

Пѣсенныя сказанія о Михаилѣ Даниловичѣ могутъ быть сведены къ слѣдующей схемѣ.

¹⁾ Кир. IV, стр. 108—115. Съ окаменѣніемъ богатырей сл. старослѣв. *stein* въ значеніи кельи отшельника, *Fms. X, 373; setjask í stein, Nj. 268, Grett. 162, Trist; gefa sik í stein, Játv. ch. 8; sitja í helgum steini.*

²⁾ Прибавл. къ Твор. св. Отц. II, 241.

³⁾ Исторія русск. церкви Макарія, 2-е исправл. изданіе, т. II, стр. 53—55.

1. Михайлъ — юный богатырь; ему двѣнадцать лѣтъ.
2. Татары съ царемъ Уланищемъ подходятъ подъ Кіевъ.
3. Михайлъ выходитъ противъ нихъ. Владиміръ его оставиваетъ:

Младъ Михайло сынъ Даниловичъ,
 Малымъ ты малѣшенекъ
 А молодымъ ты молодѣшенекъ:
 Всего тебѣ отъ роду двѣнадцать лѣтъ;
 А умомъ ты, Михайло, глупѣшенекъ,
 Въ чистомъ полѣ не бывывалъ,
 Кривого челоуѣка не видывалъ,
 На крѣпкомъ дѣлѣ не станвалъ,
 Ребачьимъ умомъ говоришь.
 Отвѣтъ держитъ младъ Михайло сынъ Даниловичъ:
 Государь князь Владиміръ Всеславьевичъ!
 Вели, государь, помнать гоголя
 И вели держать его три года
 Да пусти того гоголя на воду,
 Умѣеть-ли гоголь по водѣ плавати?
 Такъ-то богатырское сердце неумичиво. («Гисторія»).

Тогда Владиміръ подноситъ ему чару зелена вина («турей рогъ меду слаткова») говорить ему: «буди ты пожалованъ во всемъ столномъ граде Кіеве».

4. Михайлъ побиваетъ татаръ и убиваетъ царице Уланище.
5. Лихой оговорщикъ (далѣе въ гисторіи говорится о лихихъ оговорщикахъ) наклеветалъ на него передъ княземъ, который его заточаетъ.
6. Михайло удаляется въ монастырь, не смотря на уговоры князя и на обѣщаніе награды:

Михаиле сыну Даниловичу,
 Буди ты отъ меня пожалованъ:
 Злата казна про тебя не запечатана,
 Драгоцѣнное платье не изношено,
 Добрые кони стоятъ не обѣзжаны.
 — Говоритъ младъ Михайло сынъ Даниловичъ:
 Государь великій князь Владиміръ Всеславьевичъ,

Много твоего государскаго жалованья.

У тебя въ стольномъ градѣ Кіевѣ,
Въ градѣ Кіевѣ лихи оговорщики,
Не велять тебѣ служить вѣрой-правдою. («Гисторія»).

Подъ эту схему не трудно подвести и ту, которую мы составили выше на основаніи данныхъ, извлеченныхъ изъ малорусскихъ легендъ о Михайликѣ. Существенная разница состоитъ въ перестановкѣ двухъ §§ и въ измѣненіи мотива оговора, клеветы. Вотъ какъ перестраивается разсказъ о Михайликѣ въ примѣненіи къ схемѣ былины о Михайлѣ Даниловичѣ:

1. Михайликъ — юный богатырь; ему 7 или 12 (вмѣсто 18) лѣтъ.

2. Татары — юланове подходятъ подъ Кіевъ.

3. Михайликъ выходитъ противъ нихъ, Владиміръ его останавливаетъ: «Михаятко-дитятко! молоде ти и неспособне, то тращоб бути літ 20 або 30, тоді хіба за меч можна братись». — Михайлъ отвѣчаетъ:

Господару Цару Володимеру!
Возьми ти утятко молоденьке,
І пусти на море синеньке:
Воно попливе як і стареньке.

(Владиміръ подносилъ ему чашу, говорилъ что «часть Кіива на тебе иде»).

4. Михайло побиваетъ татаръ-юлановъ.

5. Кіевляне оговариваютъ Михайлика.

6. Онъ удаляется, не смотря на то, что Владиміръ останавливаетъ его словами, являющимися, въ восстановленномъ текстѣ былины, эпическимъ дублетомъ эпизода, стоявшаго уже въ § 3. и въ немъ единственно удержаннаго русскими пересказами.

Владиміръ говоритъ Михайлику:

В тебе чаша золотая,
Вина повна
Завжде,
І часть Кіива на тебе иде.

Михайликъ отвѣчаетъ:

Господару-Цару Володимеру!
 Так, в мене чаша золотая
 Вина повная
 Завжде....
 І часть Кііва на мене йде,
 Али Кіівська громада,
 То зла в неі рада.

(въ редакціи Кулиша: Ой Кіяне, Кіяне, панове громада — Погана ваша рада).

Онъ удаляется въ Царьградъ, унося съ собою золотыя ворота. Тамъ онъ живетъ, питаясь водой и просвирую. Въ передачѣ Драгоманова онъ «поїхав за якісь *юри.... и став там жити*»: на горахъ или въ горахъ, т. е. въ монастырѣ или въ пещерахъ, гдѣ онъ спасается, подвергая себя посту?

Какъ видно, содержаніе сѣвернорусскихъ былинъ о Михайлѣ и южнорусской легенды о Михайликѣ, за немногими исключениями, совпадаетъ одно съ другимъ. Главное отличіе, опредѣлившее и перетасовку содержанія, состоитъ въ требованіи Кіевлянъ — выдать Михаила татарамъ, о чемъ былины ничего не знаютъ. Въ послѣднихъ вся вина падаетъ на Владиміра, повѣрившаго оговорщикамъ, тогда какъ въ южнорусской легендѣ вина «злой рады» принадлежитъ кіевлянамъ, и князь нехотя подчиняется ей, обнаруживая дружественныя отношенія къ молодому Михаилу. Можетъ быть, мы вправѣ говорить о двухъ редакціяхъ одного и того-же сказанія, распредѣлившихся между сѣверомъ и югомъ. Южная редакція сохранила въ легендѣ о Михайликѣ, не смотря на ея благочестиво-мистическую обработку, черты и отношенія древнѣйшей пѣсни, зародившейся въ дружинномъ быту и преслѣдовавшей княжескіе интересы въ разрѣзъ съ интересами земства, вѣча, громады: ея-то злая рада заставила удалиться Михаила, потому что татары требовали его выдачи и горожане опасались за себя; князь долженъ склониться къ ихъ желанію, и Михаилъ идетъ; Владиміру хотѣлось-бы удержать

Михаила, своего сродника: не ходи, тебѣ хорошо живется, у тебя чаша всегда полная, да и часть Кіева тебѣ достанется. Но Михайликъ отвѣчаетъ указаніемъ — на злую раду громады, съ которой не желаетъ вѣдаться — и какъ бы въ насмѣшку надъ нею одинъ побиваетъ непріятельскую рать. — Мистическая легенда обратила эту побѣду въ какое-то чудо.

Мы имѣемъ дѣло съ пѣснью, отзывающеюся той порой, когда городская громада-вѣче могла еще изгонять князя дружинника, а въ дружинной средѣ складывались пѣсни про князя, выжитаго трусливыми горожанами и одержавшаго, имъ на зло, блестящую побѣду надъ вражьемъ войскомъ. Въ этой связи родственныя отношенія Владиміра къ Михаилу, о которыхъ говорить южнорусская легенда, представляютъ древнюю черту, о которой сѣвернорусскія былины забыли. Въ нихъ Владиміръ является единодержавнымъ властителемъ Руси, у него нѣтъ ни братьевъ, ни сыновей, ни сродниковъ; богатыри находятся у него въ услуженіи; такъ и Илья Муромецъ. Между тѣмъ по свидѣтельству норвежской Тидрекъ-саги (XIII в.) ярль Иліасъ греческій (т. е. русскій) является братомъ Владиміра — и мы не имѣемъ никакого права заподозривать сагу въ ошибкѣ и извращеніи другихъ, болѣе древнихъ отношеній.

Если извращеніе произошло, то всего скорѣе его ожидать именно въ кругу сѣверно-русскихъ былинь. Отрѣзанныя отъ почвы, на которой онѣ создались, отдѣленные цѣлыми вѣками отъ историческихъ отношеній, которыя воплотились въ нихъ впервые, онѣ поневолѣ должны были исказить ихъ въ уровень съ новой исторической средой и той общественной и природной обстановкой, въ которой имъ суждено было доживать свою вѣковую жизнь. Приуроченіе вышло не полное. Образы южнорусской природы обратились въ общія мѣста, не разцвѣтятся новыми сѣверными красками; преувеличенію открылось широкое поле, потому что перепѣвалась не своя пѣсня, прямо вынесенная изъ жизни, изъ своего непосредственнаго прошлаго, однимъ словомъ изъ тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ пѣвецъ могъ-бы по-

стоянно почерпать чувство мѣры и норму вѣроятія: перепѣв-
лась пѣсня привнесенная, которую слѣдовало истолковать и пере-
ложить на ново, иначе она была-бы полупонята. Отсюда явленіе
шаржа: татарина, этого сравнительно поздняго, общаго врага
русской земли, онъ почти не коснулся; но онъ являлся во всей
силѣ, когда на сцену выходило Идолище поганое, Змѣй или
Старчище-пилигримище, съ исполинскимъ колпакомъ-колоколомъ
и клюкой, или — на этотъ разъ татаринъ — царище Уланище
(Кир. I. с. № 2):

Вить ушишша-та у царшша — быдто блюдишша,
А глазишша-та у царшша — быдто чаши пивныя,
А носишшо-то у царшша — быдто палица боевая.

Въ чертахъ этого шаржа несомнѣнно сказалось сѣверно-русское
народное примѣненіе, вѣроятно, не останавливавшееся на однихъ
вѣшнихъ сторонахъ эпоса (деревни, вотчины Гисторія), а про-
никавшее въ его суть и глубь, чтобы пересоздать его по своей
мѣркѣ. Вѣроятно, этому процессу принадлежатъ сословныя харак-
теристики богатырей, сдѣлавшія Алѣшу сыномъ попа, Добрыню
бояриномъ и т. д. Надо полагать, что въ древнихъ пѣсняхъ объ
этихъ богатыряхъ были данныя, изъ которыхъ, при извѣстныхъ
средствахъ примѣненія, могли выработаться позднѣйшіе сослов-
ные типы. Тоже можно замѣтить и объ Ильѣ Муромцѣ: пред-
ставленіе его крестьяниномъ принадлежитъ, быть можетъ, сѣ-
вернорусской порѣ эпоса: въ старыхъ пѣсняхъ о немъ откры-
лись сѣвернымъ сказателямъ черты, которыя были *такъ* поняты
или *такъ* истолкованы: въ богатырѣ, подвиги котораго были
имъ особенно симпатичны, они увидѣли своего героя, крестья-
нина-богатыря. Въ XIII вѣкѣ его знали еще яромъ-дружин-
никомъ.

Подобнаго рода процессъ, примѣненія и односторонняго по-
ниманія, совершился и надъ древней былинной о Михаилѣ. Распря
громады-вѣча съ княземъ, лежавшая въ ея основѣ, была забы-
та — вмѣстѣ съ забвеніемъ вѣчевыхъ порядковъ, являющихся

уже со второй половины XIV вѣка — лишь въ видѣ исключенія. Это вызвало въ былинѣ новый мотивъ: вмѣсто совѣта громады явились оговорщики, а вмѣстѣ съ ними и роль Владиміра приняла существенно враждебную окраску: онъ уже не дѣйствуетъ, увлеченный народнымъ рѣшеніемъ, противъ своей воли: онъ послушался оговора, и вся вина лежитъ на немъ. — Сѣверно-русскій сказитель, не понявъ участія громады, свелъ историческій моментъ борьбы между княземъ и вѣчемъ — къ княжескому капризу, отъ котораго страдаетъ неповинный дружинникъ.

При толкованіи русскихъ былинъ необходимо слѣдуетъ имѣть въ виду, что мы имѣемъ дѣло съ матеріаломъ, подвергавшимся не только историческому и бытовому примѣненію, но и всѣмъ случайностямъ устнаго пересказа, не рѣдко собирающаго въ одно, что пѣлось порознь, или же разбрасывающаго по разнымъ пѣснямъ и лицамъ, что пѣлось въ одной пѣснѣ и объ одномъ лицѣ. — При такомъ качествѣ матеріала въ высшей степени важно бываетъ — опереться на источникъ, стоящій внѣ его, по крайней мѣрѣ отъ него обособившійся и не пережившій всѣхъ его превращеній. Я разумѣю, въ данномъ случаѣ, малорусскую легенду о Золотыхъ воротахъ. Сравненіе ея съ нашими былинами о Михайлѣ позволило намъ возстановить съ нѣкоторою вѣроятностью ихъ первичную схему. Слѣдующій разборъ дастъ намъ возможность внести въ нее нѣсколько другихъ подробностей, вѣроятно ей принадлежавшихъ. — Обратимся къ былинамъ о Ермакѣ.

IV.

Гильф. № 92. Калинъ царь посылаетъ къ князю Владиміру татарина съ требованіемъ — очистить для него палату княженецкую, подворья богатырскія. Владиміръ обращается къ помощи своихъ богатырей, и они *вызываютъ* изъ Кіева, обѣщая съ неприятелемъ «поправиться». Былъ у Владиміра любимый *племичекъ*,

Младшій Ермакъ Тимофеевичъ, —
 А приходитъ онъ къ дялюшкѣ къ князю Владимиру,
 А бьетъ челомъ, покланяется:
 «А дялюшка князь ты Владимиръ стольнѣ-кѣвской!
 «А дай мнѣ прощеньице благословленьице
 «А изъ города изъ Кіева повывѣхати!»
 А прогбворить князь Владимиръ стольнѣ-кѣвской:
 — Ай же любимый мой племянчикъ,
 — Младшій Ермакъ Тимофеевичъ!
 — А ты младешенекъ да ты мунешенекъ,
 — А отъ роду отку двѣнадцать лѣтъ,
 — А устрашишься ты вѣдь ужѣхнешься
 — Силы войска татарскаго:
 — Не дамъ тебѣ прощеньица благословленьица
 — А изъ города изъ Кіева повывѣхати. —
 А спрогбворить младшій Ермакъ Тимофеевичъ:
 «Дялюшка князь Владимиръ стольно-кѣвской!
 «А ты дашь мнѣ прощеньице, повывѣду,
 «Аль не дашь мнѣ прощеньица, повывѣду».

Выбравъ на конюшнѣ коня добраго, взявъ копье и палицу, онъ выѣзжаетъ изъ Кіева, видитъ въ полѣ шатры, гдѣ расположились богатыри, которыхъ упрекаетъ, что они тѣшатся, забавляются, тогда какъ Владимиръ остался кручиновать, печаловать. Богатыри велѣли ему взлѣсть на сырой дубъ — поглядѣть на войско татарское; когда онъ долго не возвращается, посылаютъ за тѣмъ-же Алешу Поповича. Смотритъ Алеша съ сыра дуба — а Ермакъ ѣздитъ по татарской силѣ, куда ѣздитъ — туда улица, а повернетъ — переулками. Къ нему отряжаютъ Добрыню, чтобъ онъ уговорилъ его словами ласковыми, удержалъ баграми желѣзными, укротилъ-бы сердце богатырское. (Сл. Рыбн. I, № 21). — Былина № 105 Гильф. открывається такимъ-же посольствомъ Калина, которому Илья Муромецъ отвозитъ княжескіе подарки; испросивъ у Калина сроку на три мѣсяца, Илья отъѣзжаетъ на гору Латинскую, гдѣ «стоятъ войны кѣвскіе — тридцать воиновъ безъ воина». Между тѣмъ Владимиръ повѣсилъ буйну голову; «нѣтъ во Кіевѣ защитчиковъ», говоритъ онъ

племяннику, Ермаку Тимофеевичу — а тотъ просится у него выѣхать «во тую силу во поганую — попробовать своихъ плечъ богатырскихъ». Владиміръ отказываетъ ему въ этомъ, но даетъ свое благословеніе — выѣхать на горушку Латынскую. Въмѣсто того Ермакъ, выбравшись изъ Кіева, обращается на Калиново войско, которое «валомъ валить». Илья увидѣлъ его съ горы и посылаетъ къ нему Алешу Поповича, а за тѣмъ Добрыню — упросить его словами ласковыми, накинуть на него «храпы бѣлые — чтобы укротилъ свое сердце богатырское». Не удается это ни Алешѣ, ни Добрынѣ, ни самому Ильѣ — и былина кончается тѣмъ, что самъ Илья, не смогши укротить юнаго богатыря, вмѣстѣ съ нимъ пускается побивать Татаръ. — Сл. Рыбн. I № 20: Владиміръ шлетъ Калину подарки по совѣту богатырей, *стоящихъ на заставѣ* и посылающихъ къ нему гонца; двѣнадцатилѣтній Ермакъ — *племянникъ* князя; Илья смотритъ на его богатырскіе подвиги со Скать-горы; посылаетъ удержать его Алешу, Добрыню, укрощаетъ его самъ. «Тутъ молодой Ермакъ онъ *преставился* (?)». Богатыри побиваютъ Калиново войско. — Въ былинѣ у Кир. I, 1 стр. 58—66 мѣсто Калина занимаетъ Мамай, Владиміръ проситъ у него срока на три мѣсяца, по совѣту Ильи, который *отправляется* въ поле за тридевятью богатырями: Алешей, Самсономъ, Свѣтогоромъ, Дономъ Ивановичемъ, Иваномъ Колывановичемъ. Онъ встрѣчаетъ ихъ, и они просятъ его войти во бѣлъ шатерь, выпить чару зелена вина. Съ той ли чары Илью хмѣль зашибъ — и онъ засыпаетъ на двѣнадцать дней. Между тѣмъ Владиміръ «посылаетъ ко Ильѣ онъ *племянника*, — молодова Ермака Тимофееча» — далѣе Ермакъ величаетъ Илью дядюшкой; — о томъ что онъ дѣлаетъ это по настоятельной просьбѣ молодаго богатыря, а не по своей волѣ, — нѣтъ рѣчи. Ермакъ наѣзжаетъ на шатерь, отказывается войти въ него и испить чару — и, оборотивъ коня къ Кіеву, вступаетъ въ бой съ татарами, обступившими городъ:

*Побилъ онъ силы Мамаевой безъ счету,
А силы все, кажись, не убыло,
А Ермакъ изъ силы выбился.*

Онъ ложится опочивъ держать, а богатыри тѣмъ временемъ доканчиваютъ побѣду и вмѣстѣ съ Ермакомъ возвращаются въ Кіевъ. — Былина переходитъ далѣе въ другую (?): о боѣ Ермака съ Бабищей Мамаишной. — Эпическое выраженіе, что вражьей силы все «не убыло», разработано въ нѣкоторыхъ былинахъ въ извѣстный уже намъ эпизодъ о гибели богатырей на Руси. Такъ въ № 138 Гильферд.: самъ Владиміръ по совѣту Ильи, везетъ подарки Калину; всѣ двѣнадцать богатырей *вытѣзаютъ* на заставу великую, между тѣмъ какъ Владиміръ одинъ остается въ Кіевѣ, а за Кіевъ градъ постоять некому.

*Съ того царева со кабака,
Зъ-за тыхъ зъ-за бочекъ зъ-за винныхъ,
Повыскочилъ младый Ермакъ Тимоеевичъ,*

называетъ Владиміра *крестнымъ батюшкой*, проситъ коня, чтобъ поѣхать на заставу; Владиміръ отговариваетъ его, но тѣмъ принужденъ уступить. Далѣе былина развивается, какъ № 92 Гильф. (сырой дубъ), но представляетъ своеобразное окончаніе: по наказу Ильи богатыри скрутили Ермака, вывели изъ силы великой, не то онъ, младый выюношь, перервется, не будетъ впредь богатыремъ. Послѣ того они принимаются бить тарть, перебили ихъ, порасхвастались:

*«Кабы была на небо лѣстница,
«Мы прибили-бы мы всю силу небесную».
А тутъ убьютъ татарина — станетъ два да три.
Тутъ русскіе могучіе богатыри,
Прибились они, примучились,
И другъ друга прикололи, прирѣзали,
Не осталось на Руси богатырей,*

кромѣ Ермака, который одинъ возвращается въ Кіевъ. — Такое-же окончаніе представляетъ былина № 121 Гильф.: посоль-

ство Калина; Владиміръ не отдаривается; Илья Муромецъ обѣщается постоять за Кіевъ, но проситъ поотдохнуть двѣнадцать дней. Этимъ объясняется *отъѣздъ* богатырей и ихъ отдыхъ въ шатрахъ. Ермакъ также просится у Владиміра, который отговариваетъ его молодостью: ему семнадцать лѣтъ. — Да гдѣ-же родной твой батюшка? спрашиваетъ его Владиміръ:

Мой то родной батюшко ушолъ къ Герману Сергію,
Въ старци ушолъ постригатися.

Отъѣздъ Ермака, который пріѣзжаетъ къ богатырскимъ шатрамъ; Илья велитъ ему взлѣзть на широкой дубъ, посмотрѣть на войско татарское — послѣ чего онъ отправляется побивать татаръ. Илья также «высталъ ли въ тотъ широкъ дубъ» и также выѣзжаетъ въ поле. Вмѣстѣ они прирубили поганую силу; тутъ расхвастался Илья:

«Какъ явилась-бы тутъ сила небесная,
Прирубили-бы мы силу всю небесную!»
Розрубить татарина единого,
А сдѣлается съ едина два.

«Пересѣлся» тутъ Илья «отъ этихъ татаръ да отъ поганыхъ»:

Окаменѣлъ его конь да богатырской,
И сдѣлалися мощи да святни
Да со старѣ казака Ильи Муромца

(Сл. Рыбн. I, № 22).

Былина Гильф. 69 сохранила въ нѣкоторыхъ чертахъ связь съ той особой рецензіей былинь о Калинѣ, въ которой Илья Муромецъ сидитъ въ тюрьмѣ, куда заключилъ его Владиміръ и откуда онъ принужденъ его выпустить въ минуту опасности, поклониться ему: тогда Илья ѣдетъ собирать богатырей, разсердившихся на Владиміра за его расправу съ Илей и *отъѣзжающа* изъ Кіева. Въ № 69 Гильф., когда Апраксія узнаетъ о требованіяхъ Калина, она говоритъ Владиміру:

*А ѿ выпущай затюремщииковъ
 А ѿ прощай-ко во всѣхъ винахъ великихъ,
 А ѿ какъ всихъ призывай къ себѣ да на почестенъ пиръ,
 А ѿ какъ призывай-ко сильнихъ могучихъ богатырей,
 Призывай-ко старого казака да Илью Муромца.
 А хоша онъ сердитъ на тебя на солнышка князя на Владимира,
 А може пріѣде къ тебѣ да на почестенъ пиръ.*

Далѣ эти аллюзіи не разработаны: Илья на пиру у Владимира велитъ отправить къ Калину пословъ съ подарками и проситъ срока, а самъ *уѣзжаетъ* собирать дружину. Между тѣмъ срокъ проходить, а Ильи нѣтъ; тогда молодой Ермакъ просится у Владимира— поѣхать съискать Илью Муромца. Три раза онъ проситъ, три раза отказывается Владимиръ и *трижды подноситъ богатырю по чарѣ зелена вина*. Слѣдуетъ отѣздъ Ермака: онъ прямо направляется къ татарскому войску, въ то время какъ съ другой стороны на него-же наѣзжаетъ Илья съ своей дружиной; богатыри «силу присѣкли до одинаго». — Таковую же связь съ упомянутымъ выше особымъ цикломъ былинъ о Калинѣ (Илья въ погребу; недовольные богатыри въ отлучкѣ), хотя менѣе ясную, представляетъ Рыбн. I № 19: узнавъ требованія Калина, Владимиръ поочередно обращается за помощью къ Добрынѣ, Михаилу, Потокѣ, Ильѣ; всѣ отказываются: они не могутъ болѣе служить — стоятъ за Кіевъ градъ и всѣ «*поворотъ держатъ*». Тогда *племянникъ* Владимира, младъ Ермакъ Тимофеевичъ, просится у него на подвигъ; тотъ удерживаетъ его, но подъ конецъ позволяетъ выдать коня и ратную сбрую. Ермакъ находитъ богатырей въ шатрахъ, упрекаетъ ихъ; Илья велитъ ему взойти на гору и посмотрѣть на татарскую силу; Ермакъ бьется съ ней три дня и три ночи; проснувшійся Илья спрашиваетъ, вернулся-ли Ермакъ съ горы, и узнавъ что его нѣтъ, выговариваетъ русскимъ богатырямъ: «Погубили вы головку наилучшую, — Бьется тамъ Ермакъ — пересядется!» И богатыри отправляются къ нему на помощь: «Укроти свое сердце богатырское», говоритъ ему Илья, «А мы нонь за тебя поработаемъ». Прибили они всю силу въ три часа.

Въ какихъ отношеніяхъ стоятъ эти былины о Калинѣ и Ермакѣ къ тому циклу пѣсенъ; въ которыхъ главную роль играетъ Илья, выпущенный изъ заключенія Владиміромъ? — Илья посаженъ Владиміромъ въ «глубокъ погребъ», богатыри, оскорбленные несправедливостью князя, отказываются служить ему и *выѣзжаютъ* изъ Кіева. Когда является посланный Калина, Владиміръ освобождаетъ Илью, винится передъ нимъ и проситъ защиты; Илья отправляется искать богатырей, находить ихъ въ шатрахъ, сообщаетъ просьбу Владиміра. Тѣ не хотятъ о ней слышать — но подъ конецъ соглашаются, и всѣ вмѣстѣ собираются противъ татаръ; между ними названъ одинъ, къ которому Илья и дѣржитъ рѣчь: его крестный батюшка, Самсонъ Самойловичъ (№ 57 Гильф.; сл. № 75 ib.), или дядюшка Самсонъ богатырь (№ 296 ib.), Самсонъ Нанойловичъ (ib. № 304). Но Ильѣ «не спится, мало сбится»: онъ выѣзжаетъ одинъ, рубить рать-силу поганую, его конь перескочилъ черезъ два подкова татарскихъ, въ третій свалился Илья, а его конь убѣжалъ. Илью ведутъ на казнь; какъ взмолился онъ всѣмъ святителямъ, его конь примчался изъ чиста поля, разорвалъ его путы шелковыя, и Илья стрѣляетъ на ту гору, гдѣ въ шатрахъ покоятся богатыри. Они предупреждены, и являются на встрѣчу Ильѣ (Гильф. № 57). Тоже содержаніе въ № 75 Гильф., только здѣсь богатыри не хотятъ ѣхать на помощь Владиміру и выѣзжаютъ лишь на помощь Ильѣ (сл. ib. № 296; въ № 257 нѣтъ богатырей; въ 304, наоборотъ, забыто заключеніе Илья, но развитіе тоже, что въ №№ 57 и 296).

Сближая эту былинку съ пересказанными выше пѣснями о Ермакѣ и Калинѣ, легко замѣтить общія черты, остающіяся за вычетомъ особенностей: 1) Ермакъ выѣзжаетъ изъ Кіева, когда тамъ *нѣтъ богатырей*; находитъ ихъ покоящимися въ шатрахъ, говоритъ имъ объ опасности, самъ пускается на татарское войско; богатыри являются ему на помощь; между ними главный Илья Муромецъ, который въ одной пѣснѣ Кир. I, 1 стр. 58—66 названъ его дядей. 2) Илья (выпущенный изъ тюрьмы) вы-

ѣзжаетъ изъ Кіева, гдѣ *богатырей не случилось*, наѣзжаетъ на шатры, просить богатырей о помощи, самъ выходитъ противъ татаръ; богатыри выручаютъ его; главный между ними — его дядя или крестный батюшка: Самсонъ Самойловичъ или Нанойловичъ. 3) Мы можемъ установить еще третью параллель: между этими былинными сюжетами и пѣснями о Михаилѣ Даниловичѣ. Михаилъ выѣзжаетъ изъ Кіева (Ермакъ, Илья), ѣдетъ за совѣтомъ къ богатырю, какъ Илья и Ермакъ обращаются къ богатырямъ, расположившимся въ шатрахъ, на заставѣ. Родственнымъ отношеніямъ Ильи къ Самсону, Ермака къ Ильѣ, отвѣчаютъ такія-же въ пѣснѣ о Михаилѣ: онъ совѣтуется со своимъ отцемъ, богатыремъ, ушедшемъ въ монастырь, какъ въ одномъ пересказѣ былины объ Ермакѣ (Гильф. № 121) отецъ его также постригся въ старцы. Какъ Илья, такъ и Михаилъ попадаютъ въ подкопы; богатыри являютъ на помощь Ильѣ, между ними его дядя или крестный батюшка Самсонъ; родной отецъ Михаила догадывается объ его участи, увидѣвъ коня, сбросившаго его (та же черта въ былинахъ объ Ильѣ), и идетъ къ нему на помощь; не признавъ его, онъ готовъ съ нимъ сразиться. Этотъ эпизодъ, можетъ быть, объяснить намъ подробность въ былинахъ о Ермакѣ: что Илья, выѣхавшій къ нему на помощь, налагаетъ на него храпы, чтобъ укротить его сердце богатырское. Древняя былина говорила, быть можетъ, о враждебной встрѣчѣ отца съ сыномъ, какъ въ былинахъ о Михаилѣ, о Саулѣ Леванидовичѣ и въ особомъ циклѣ пѣсенъ о боѣ Ильи съ сыномъ, имъ неузнаннымъ.

Позволено поставить вопросъ: въ какой изъ разобранныхъ нами былинныхъ группъ принадлежали первоначально общія мѣста, опредѣлившіяся, какъ таковыя, изъ предъидущаго сопоставленія? Онѣ сводятся къ типу *юнаго богатыря*, выѣзжающаго самовольно на бранный подвигъ и получающаго помощь отъ старшаго, ему родственнаго. — На сколько этотъ эпизодъ слѣдуетъ считать подлиннымъ въ былинахъ объ Ильѣ — это зависитъ отъ нашей точки зрѣнія на былинный типъ Ильи, какъ

старого, матераго, и на древность такъ называемыхъ богатырей «старшихъ», къ которымъ принадлежитъ и Самсонъ Нанойловичъ. Смотря потому, какъ мы уяснимъ себѣ этотъ хронологическій вопросъ, сложится и наше рѣшеніе о значеніи выше разобраннаго эпизода: онъ представится намъ либо перенесеннымъ отъ Ильи къ богатырямъ младшимъ, либо разработаннымъ въ былинахъ объ Ильѣ по типу пѣсенъ о послѣднихъ, сыновьяхъ и племянникахъ: Ермакъ названъ въ былинахъ о немъ *племянникомъ* Владиміра; Михайликъ также находится въ какихъ то родственныхъ отношеніяхъ къ нему: онъ царскій сынъ, на его долю приходится часть Кіева; эти отношенія слѣдуетъ, вѣроятно, распространить и на Михаила русскихъ былинъ. Въ крайне запутанной былинѣ о князѣ Карамышевскомъ (Гильф. № 10) племянникомъ Владиміра является какой-то Василій Ивановичъ. Не Василій-ли Игнатьевичъ, Пяница?

V.

Уже Майковъ (I. с. 32) замѣтилъ, что въ лицѣ Михайлика, вѣроятно, соединились Михайлъ Даниловичъ и Василій Пяница русскихъ пѣсенъ. О послѣднемъ поется, что онъ освободилъ Кіевъ отъ подступавшей подъ него татарской силы, и былины начинаются съ эпизода, напоминающаго чудесную стрѣльбу Михайлика. Когда Батыга подошелъ подъ Кіевъ и потребовалъ себѣ поединщика (Рыбн. II, № 11, стр. 41, ст. 53; III, № 37, стр. 222, ст. 32), всѣ богатыри въ отлучкѣ.

А случилось во Кіевѣ голь кабацкая,
 А Василей сынъ Игнатьевичъ.
 Направляетъ онъ стрѣлочку каленую,
 Онъ стрѣляетъ по бѣлымъ по шатрамъ,
 А убилъ-то вѣдь лучшихъ три головушки,

сына и зятя Батыевыхъ, да «дьячка да выдумщикка» (Гильф. № 41, стр. 206. Сл. тройкую стрѣльбу Михайлика въ пѣснѣ,

слышанной Стояновымъ). Батыга требуетъ его выдачи, какъ и въ малорусской легендѣ татары требуютъ выдачи Михайлика. Далѣе сходство между былиной и легендой прекращается — въ общемъ, но частныя совпаденія подробностей замѣчательны, открывая просвѣты въ тайны постояннаго сложенія и, вмѣстѣ, искаженія народной пѣсни. Последнее раскрывается мнѣ въ представленіи Василья — пьяницей, «упьянсливимъ», голю кабацкою. Такъ во всѣхъ былинахъ о немъ и Батыгѣ; такъ даже въ № 258 Гильф., сохранившемъ несомнѣнно слѣды древности въ чертѣ, снова сближающей Василья съ Михайликомъ: Василій — двѣнадцатилѣтній мальчикъ, какъ Михайло, какъ Константинъ Сауловичъ въ былинахъ о немъ (ему 9 или 12 лѣтъ), Добрыня и Волхъ и Федоръ Тиронъ русскаго духовнаго стиха.

Только во Кіевѣ осталосе во городѣ

Одна-та вѣдь голя-та кабацкая,

Молодые Василей Игнатьевъ сынъ.

Да въ молодые лѣта онъ во двѣнадцать лѣтъ,

Да онъ пропиль житѣе бытѣе отеческо богатство (стр. 1180).

Былина Гильф. № 18 поняла это иначе: по голямъ-то гулялъ *двѣнадцать лѣтъ*. Сл. Рыбн. I № 29, II № 10. Упьянсливость молодого богатыря явилась слѣдствіемъ наивнаго, простонароднаго обобщенія одной черты, находившейся въ древней пѣснѣ и легко возстановимой по моему мнѣнію: въ малорусской легендѣ (Кулишъ) Михайликъ стрѣляетъ въ татаръ, которые требуютъ его выдачи; Владиміръ напутствуетъ его чашей. Я уже указалъ выше на настоящее мѣсто, къ которому слѣдуетъ приурочить, согласно съ русскими былинами о Михайлѣ, слова Владиміра къ Михайлику (по Драгомановской редакціи):

В тебе чаша золотая

Вина повна?

Въ былинахъ о Васильѣ и Батыгѣ — Василій убиваетъ сына и близкихъ людей Батыги, татары требуютъ выдачи виновнаго, и Владиміръ посылаетъ его, также напутствуя его чашей, или скорѣе

тремя чашами, заповѣданными древнерусскимъ домостроемъ. Эта черта, открывавшая древнюю былинну (сл. также былинну № 69 Гильф. о Ермакѣ), послужила въ сѣвернорусскихъ ея пересказахъ къ характеристикѣ ея протагониста, какъ упянсливаго. Его находятъ въ кабакѣ (сл. № 138 Гильф. о Ермакѣ) и приводятъ къ Владиміру; онъ проситъ опохмѣлиться.

Наливае онъ чару зелена вина,
Другу наливае пива пьянаго,
А ѣ третью рюму да сладкаго меду (Гильф. № 18, стр. 118).

Только тогда онъ отправляется къ Батыгѣ, у котораго также проситъ опохмѣлиться — и затѣмъ уже побиваетъ татаръ.

Эту характерную упянсливость Василя едва-ли не слѣдуетъ приписать самостоятельной поэтической дѣятельности сѣвернорусскихъ пересказчиковъ, пересоздавшихъ по своему, на основаніи одного внѣшняго мотива, двѣнадцатилѣтняго богатыря древней пѣсни. Такого рода искаженія не рѣдки въ нашемъ эпосѣ. Если это толкованіе вѣрно, то въ связи съ нимъ можно-бы объяснить и самое имя богатыря: Василій упянсливый подставился, быть можетъ, на мѣсто другаго имени, потому что былъ народнымъ типомъ пьяницы. Въ древне-русской словесности извѣстно слово «Василя о томъ, какъ подобаетъ воздръжати отъ пьянства»¹⁾; русскій духовный стихъ перевелъ эти назиданія въ конкретные образы: Василя Великаго, которому является Богородица, побуждающая его оставить хмѣльное питіе²⁾. Типическое имя было готово.

Сообщенное выше содержаніе былинъ о Васильѣ позволяетъ намъ предложить нѣсколько соображеній объ ихъ отношеніяхъ къ пѣснямъ о Михайлѣ и къ легендамъ о Михайликѣ. Послѣднія

¹⁾ Срезневскій, Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, Сборн. отдѣленія русск. языка и словесности Имп. Акад. Наукъ т. XII (1875) стр. 321—6.

²⁾ Якушкинъ, Русск. пѣсни № XVI; Безсоновъ, Калики VI, № 572 и слѣд.

мы старались свести къ одной общей схемѣ, выбирая изъ нихъ лишь *общія черты* и вмѣняя ихъ тому предполагаемому первообразу, изъ котораго потекли и наши былины о Михайлѣ Даниловичѣ. Къ этимъ общимъ чертамъ мы не нашли возможности отнести слѣдующія: 1) *стрѣльба богатыря*: рассказывается о Михайликѣ¹⁾, не о Михайлѣ; 2) *требованіе его выдачи со стороны татаръ*: передается о Михайликѣ, не о Михайлѣ — вслѣдствіе чего наше сближеніе соотвѣтствующихъ эпизодовъ былинь и легенды должно было выразиться общимъ мѣстомъ: удаленія Михаила — Михайлика (въ легендѣ по требованію татаръ и настоянію кievской рады; въ былинѣ по наговорамъ). Въ 3) можно было колебаться относительно мѣста, какое занималъ въ древней былинѣ эпизодъ о *чашѣ*, которою князь чествовалъ богатыря. Согласіе былинь о Михайлѣ и о Васильѣ рѣшаетъ противъ кievской легенды. Такимъ образомъ всѣ ея подробности покрываются соотвѣтствующими чертами русскихъ былевыхъ пѣсенъ — потому что былины о Васильѣ позволяютъ намъ еще разъ видоизмѣнить предложенную не разъ схему древнѣйшей пѣсни:

1. Михайлъ — юный богатырь.

2. Татары подходят подъ Кіевъ. *Онъ въ нихъ стрѣляетъ. Татары требуютъ его выдачи.*

3. Михайлъ выходитъ противъ нихъ. Владиміръ останавливаетъ его, *подноситъ ему чашу*, обѣщаетъ награды.

4. Михайлъ побиваетъ татаръ.

5. Его оговариваютъ.

6. Онъ удаляется въ монастырь.

Это предполагаемое содержаніе древней пѣсни неравномѣрно распредѣлилось въ позднихъ русскихъ и малорусскихъ пересказахъ. Былины о Васильѣ сохранили исключительно первые четыре

¹⁾ Съ стрѣльбой Михайлика сл. слѣдующую черту въ малорусской легендѣ о Паліи: онъ обступилъ мазепино войско, «а Мазепа проклятий сидитъ у камяному мури на третѣму етажі і чай пѣе.... Палій подививсь, і як пустив стрілу, та стріла Мазепи в шклянку попала» и т. д. Драгомановъ, Малорусскія народн. предан. и рассказы р. 204.

эпизода пѣсни, былины о Михаилѣ ихъ сократили, развить преимущественно ея конецъ. Малорусскіе пересказы легенды удержали её цѣликомъ, но сплотивъ въ одинъ мотивъ, — что вначалѣ пѣлось раздѣльно: мотивъ выдачи съ мотивомъ удаленія, по требованію злой рады горожанъ. Что послѣдняя отвѣчаетъ именно наговору русскихъ былинь о Михаилѣ, выясняется изъ связи этого эпизода съ непосредственно слѣдующимъ: удаленіе Михаила въ монастырь едва-ли можно отдѣлить отъ таинственнаго исчезновенія Михайлика. — На дальнѣйшія видоизмѣненія древней пѣсни на русской почвѣ въ пѣсняхъ о Васильѣ Игнатьевичѣ указано было выше.

Я не утверждаю, чтобъ послѣдней предложенной нами схемѣ отвѣчала когда-либо такая-же *цѣльная пѣсня* о Михаилѣ. Для нашей цѣли было-бы достаточно, еслибъ намъ удалось возстановить содержаніе того *цикла* пѣсенъ, связанныхъ общностью героя и единствомъ эпической темы, котораго отдѣльные отрывки дошли до нашей поры, разбредясь по разнымъ легендарнымъ и былиннымъ группамъ.

Нѣкоторыя пѣсни о Васильѣ становятся особо, какъ продуктъ вѣшняго смѣшенія. Въ былинѣ у Кириши (Кир. I, 1, стр. 70—76) Василий Пьяница стрѣляетъ съ башни въ татаръ и убиваетъ зятя царя Калина (= Батыги другихъ пѣсенъ). Царь требуетъ его выдачи. Какъ и въ другихъ былинахъ — въ то время «богатырей въ Кіевѣ не случилось». На выручку является возвратившійся Илья Муромецъ: вмѣстѣ съ Владиміромъ, перодѣтымъ поваромъ, онъ отправляется въ татарскій станъ съ «честными подарками» и побиваетъ вражье войско. Василий не показывается въ дальнѣйшемъ ходѣ былины: расправившись съ татарами, Илья застаётъ его въ Кіевѣ «на кружалѣ Петровскимъ». Въ былинѣ № 170 Гильф. Калинъ требуетъ себѣ поединщика; богатырей въ Кіевѣ нѣтъ; тогда «Васильюшка ульянсливый» предлагаетъ Владиміру — пойти оповѣстить отсутствующаго Илью, который и расправляется съ Калиномъ. — Такое-же смѣшеніе представляетъ былина № 186 Гильф.: на Кіевъ на-

ѣхалъ *идолице* великое, требуетъ себѣ поединщика. О томъ, что въ Кіевѣ нѣтъ богатырей — былина умалчиваетъ, но положеніе дѣла представляется очевидно то-же:

Бѣда пришла неминучая.

А ѣ говоритъ тутъ Василей устьянсливой,

Говоритъ тутъ онъ таково слово:

— Стольнѣ князь стольнѣ-кїевской!

— Дай-ко-сь мнѣ зелена вина,

— Ретливó сердце мнѣ прїобвѣтить,

— Буйна гóлова мнѣ извѣселить.

Ему наливаютъ чару зелена вина въ полтора ведра, онъ беретъ въ руки «клюху» богатырскую. — Далѣе былина переходитъ въ другую: объ Ильѣ Муромцѣ и Идолицѣ, причемъ Василій является каликой, въ роли каликѣ Иванища, *Игнатїица* (Рыбн. III, № 9) или Данилы *Игнатъевича* (Кир. IV, стр. 22—38). Смѣшеніе объясняется механически: Василій въ пѣсняхъ о немъ обыкновенно прозывается *Игнатъевичемъ*¹⁾; *Данило Игнатъевичъ* извѣстенъ намъ изъ пѣсень о Михайлѣ: это — монахъ богатырь, снабжающій конемъ и ратной сбруей своего сына, юнаго богатыря, какъ въ былинахъ объ Идолицѣ Илья беретъ каличѣйское платье и «земле-грецкую шляпу, сорокъ пять пудовъ» у богатыря-калики, *дяди* Данилы Игнатъевича (Кир. I. с.). — Эта черта обращаетъ насъ къ пѣснямъ объ Ильѣ и Идолицѣ: можетъ быть, онѣ дадутъ намъ возможность уяснить нѣкоторыя подробности легенды о Михайликѣ. Въ связи съ этими пѣснями мы поставимъ былины объ Ильѣ и голяхъ кабацкихъ.

VI.

1. *Илья и Идолице*. *Идолице* поганое обнасилничалъ Кіевъ, пока Илья былъ въ *отлучкѣ* (Кир. I, 4, стр. 18: двѣ-

¹⁾ Только въ былинѣ Кир. I, 2, стр. 93—6 Василій пьяница названъ Казнѣровичемъ, т. е. Казимировичемъ.

надцать лѣтъ). Калика «Сильный Иванище», встрѣтившись съ нимъ, говоритъ ему о томъ; Илья мѣняется съ нимъ платьемъ; явившись въ Кіевъ каликой, говоритъ, что пришелъ со степенъ Цѣцарскихъ поклониться пресвѣтлому князю Владимиру, и побиваетъ Идолище шляпой земли греческой (Кир. I. с. р. 18—21; сл. ів. I, 1, стр. XXI—XXII: сказку объ Ильѣ Муромцѣ; «Колѣчища прохожій» не названъ). — Въ былинѣ № 4 Гильф. *Идолище* подошелъ подъ Кіевъ, когда не было тамъ «русьскіихъ могучіихъ богатырей» кромѣ Алешеньки Левонтьевича; *Илья Муромецъ ѣздилъ въ то время у Царя-града*. На дорогѣ въ Кіевъ ему встрѣчается «Перегримище да тутъ могучій Иванище», который извѣщаетъ его о бѣдѣ, постигшей Владимира. Дальнѣйшій ходъ былины тотъ-же. — Въ былинѣ № 144 Гильф. насильникъ Кіева названъ *татариномъ*; калика переходящая безъ имени; «въ Кіевѣ богатырей не случилось» (сл. Рыбн. II, № 7).—Гильф. № 245: «*Едолище*, по прозванію Батыга Батыговичъ»; «переходящая калика бродимая», «славно Иванище»; *по дорогѣ въ Кіевъ* Илья проситъ голей кабацкихъ опохмѣлить его и самъ выкатываетъ имъ три бочки. Развязка та-же. — № 22 Гильф. *Батыга Батыговичъ* подходит подъ Кіевъ, Владимиръ выходитъ къ нему съ подарками, проситъ хлѣба-соли покушать, а самъ *посылаетъ вѣсточку* Ильѣ Муромцу, во чисто поле. Илья является въ одеждѣ калики, убиваетъ Идолище и затѣмъ побиваетъ рать силушку великую. Калики переходящаго нѣтъ, былина забыла его, или, скорѣе, пѣвецъ припуталъ къ его имени событіе, стоящее внѣ содержанія былины: въ другихъ ея пересказахъ калика, встрѣчающійся съ Ильей, называется сильнымъ могучимъ Иванищемъ; наша былина рассказываетъ послѣ побѣды Ильи, и внѣ всякой связи съ ней, о томъ, какъ онъ сватаетъ своего брата названнаго, «Иванушка могучаго», за дочь короля «литомскаго» (Литовскаго, политовскаго).—Въ былинѣ Рыбн. I, № 15 отлучка Ильи забыта, и послѣдовательность спутана, въ сравненіи съ предыдущими пересказами, но содержаніе то-же (*Одолище*, каличище Иванище).

Насильникъ названъ то Идолицемъ, то Батыгой. Илья находитъся въ отлучкѣ. Одна изъ былинъ (Гильф. № 4) говоритъ, что онъ ѣздилъ у Царя-града, когда надъ Кіевомъ стряслась бѣда. Эта локализациа въ нашемъ случаѣ едва-ли случайна: она поддерживается цѣлымъ кругомъ пѣсенъ, въ которыхъ мотивъ предъидущихъ является приуроченнымъ именно къ Царьграду.

Такъ въ былинѣ № 48 Гильф. (сл. ту же редакцію № 17 у Рыбн. I). Калика «сильной могучей Иванище» ходилъ молиться къ городу Еросолиму и оттуда поворотъ держалъ на Царьградъ.

Какъ тутъ было еще въ Царі-гради
Наѣхало погано тутъ Идолицо,
Одолѣли какъ погани вси татарева.

Узнавъ отъ пойманнаго имъ татарина, какой у нихъ тамъ Идолице, калика идетъ впередъ и встрѣчается путемъ дорожкой съ Ильей Муромцемъ. На его вопросъ, откуда онъ путь держитъ и все-ли въ Царьградѣ по старому, онъ сообщаетъ ему о татарскомъ погромѣ:

Наѣхалъ есть поганое Идолицо,
Святни образа были покóлоты,
Въ черныи грязи были потоптаны,
Да во Божьихъ церквахъ тамъ коней кормятъ.

Илья упрекаетъ калику, затѣмъ онъ не выручилъ «царя-то Костянтина Боголюбова», и, обмѣнявшись съ Иванищемъ платьемъ, идетъ въ образѣ калики перехожаго въ Царьградъ (допросъ пойманнаго имъ татарина является далѣе дублетомъ къ предъидущему), просить у Константина Боголюбовича милостыни спасенья, а затѣмъ расправляется съ Идоломъ и татарами — какъ въ былинахъ, приурочившихъ эти событія къ Кіеву. Царь благодаритъ Илью, предлагаетъ ему остаться у него «на жительствѣ», пожаловать его воеводою.

Какъ говоритъ Илья ему Муромецъ:
«Спасибо царь ты Костянтинъ Боголюбовицъ!
«А послужилъ у ты столькѣ я три часу,

«А выслужилъ у тя хлѣбъ соль мяккую,
 «Да я у тя еще слово гладкое,
 «Да еще увѣтливо да привѣтливо.
 «Служилъ-то я у князя Володимера,
 «Служилъ я у его ровно тридцать лѣтъ,
 «Не выслужилъ-то я хлѣба соли тамъ мяккіи,
 «А не выслужилъ-то я слова тамъ гладкаго,
 «Слова у его я увѣтлива есть привѣтлива.

Тѣмъ не менѣе онъ не хочетъ остаться въ Царьградѣ и, богато одаренный царемъ, возвращается въ Кіевъ. По дорогѣ онъ снова обмѣнялся платьемъ съ Иванищемъ:

Прощай-ко нуль ты сильное могучо Иванищо!
 Впредь ты такъ да больше не дѣлай-ко,
 А выручай-ко ты Русію отъ поганыхъ.

«Русія» подставилась въ памяти пѣвца случайно, по смѣшенію двухъ рецензій былины, приуроченныхъ то къ Кіеву, то къ Царьграду. — Подобное-же забвеніе пѣвца представляетъ одна былина у Кирѣвскаго. Въ предъидущемъ пересказѣ калика, идя изъ Іерусалима, заходилъ въ Царьградъ и далѣе рассказывалъ Ильѣ объ Идолицѣ, который обнасильничалъ Царьградъ и царя Константина Боголюбовича. У Кир. I, 4, 22—38 Іерусалимъ и Царьградъ смѣшаны: калика Данило Игнатъевичъ говорить Ильѣ:

Иду я отъ града Ерусалима,
 Отъ царя Константина Боголюбова,

и рассказываетъ объ Идолицѣ, вселившемся въ Іерусалимъ. Далѣе былина развиваетъ въ общихъ чертахъ содержаніе предъидущей, но заключительныя слова не мотивированы: когда Илья побилъ Идолице, и Константинъ хочетъ наградить его казною, Илья отвѣчаетъ:

Чтò мнѣ надобно, каликѣ перехожему?
 На приходѣ ты гостя не учествовалъ,
 На походѣ-то гостя не учествовать!

Пѣсня либо забыла досказать, чѣмъ не учествовалъ Илью Константинъ, либо перепутала послѣдовательность фабулы: въ № 48 Гильф. Илья выражаетъ такое именно неудовольствіе на Владимира, у котораго онъ не выслужилъ ни хлѣба-соли, ни слова гладкаго; его удаленіе изъ Кіева, очевидно, мотивировано такимъ неудовольствіемъ.

Былина № 196 Гильф. не вноситъ никакихъ новыхъ чертъ въ пересказъ извѣстнаго намъ содержанія: Илья встрѣчаетъ въ чистомъ полѣ калику Иванища, слышитъ отъ него вѣсти объ Идолицѣ и Царьградѣ и, переодѣтый каликой, очищаетъ Царьградъ (сл. еще №№ 106, 178 Гильф.).

2. *Илья и Голи Кабацкія*. И въ этомъ циклѣ былинъ мы встрѣчаемъ тоже двойственное приуроченіе. У Гильф. № 239 калика идетъ по городу Кіеву, заходитъ на царевъ кабакъ, проситъ цѣловальниковъ, чтобъ они его опохмѣлили. Тѣ не вѣрятъ ему; бѣдныя голи кабацкія, мужики деревенскіе, сложились и наполнили его. Тогда самъ калика принимается угощать ихъ, насильно выкатывая у цѣловальниковъ бочки вина. Тѣ идутъ жаловаться къ Владимиру, который велитъ позвать къ себѣ калику — а тотъ идетъ по городу, кричитъ громкимъ голосомъ:

А ѣ ты Владимиръ князь столень-кіевской!
Получай-ко сумму за зелено вино
Ты съ донского казака-ли съ Илья Муромца:
Я пойду теперь старикъ во чисто полѣ,
И на ту пойду дорогу на латынскую,
И на ту пойду заставу богатырскую,
Да подь тотъ пойду, старой, подь сырой дубъ.

«*Сырой дубъ*», какъ увидимъ далѣе, подставился въ народномъ произношеніи вмѣсто *Царьградъ*. (Короткій пересказъ Гильф. № 281, я обхожу).

Другія былины (Гильф. № 220, Рыбн. III, стр. 37—40) приурочиваютъ то же дѣйствіе — къ Царьграду. Илья «калика переходящая» приходитъ изъ Кіева, и повторяется рассказъ о голяхъ, при чемъ роль Владимира играетъ царь Константинъ Бого-

любовичъ. Царь требуетъ его къ себѣ, а Илья удаляется, какъ въ предъидущей былинѣ, со словами:

Ты де батюшко царь Костянтинъ Боголюбовецъ!
 Да ищи казну за Ильей славнымъ Муромцемъ,
 Да приходилъ къ тебѣ на славу на великую,
 Да и пить зелено вино безденежно.

И онъ идетъ во чисто поле, раздернулъ бѣлый шатеръ и ложится опочивъ держать.

Можно объяснить себѣ двоякое приуроченіе однихъ и тѣхъ же событій (Идолице; голи кабацкія) простымъ перенесеніемъ ихъ отъ одного мѣста къ другому, что легко вмѣнить самостоятельности народнаго пѣвца. При такой постановкѣ вопроса предстояло-бы рѣшить себѣ: какое изъ двухъ приуроченій древнѣе? Но уже изъ сообщенныхъ выше пѣсенъ видно, что въ ихъ прототипѣ Кіевъ и Царьградъ уже имѣли мѣсто: Илья ѣздилъ у Царьграда, когда Кіевомъ одолѣлъ Идолице; отслуживъ царю Константину, Илья снова ѣдетъ въ Кіевъ. Эта двойственность мѣста дѣйствія и вызвала, вѣроятно, смѣшеніе эпизодовъ, первоначально приуроченныхъ къ Кіеву или Царьграду, а нынѣ рассказывающихся безразлично о томъ и другомъ. Былина № 232 Гильф., дѣйствительно, распредѣляетъ оба эпизода между Кіевомъ и Царьградомъ, такъ что къ первому привязанъ рассказъ о голяхъ, а эпизодъ объ Идолицѣ отнесенъ къ Царьграду. Илья приходитъ въ Кіевъ въ образѣ калики; слѣдуютъ извѣстныя намъ подробности о голяхъ. Потребованный Владиміромъ, Илья уходитъ, приговаривая:

Да и свѣтъ государь нашъ Владиміръ князь!
 Да ищи-ко за три бочки зелена вина,
 Да ищи ты на Ильи славномъ Муромци,
 Ёнъ на славу приходилъ въ стольній Кіевъ градъ,
 Да пошелъ-де Илья ко Царю-граду.

По дорогѣ онъ встрѣчаетъ «сильнаго могучаго да Иванишо», узнаетъ отъ него, что Цареградомъ «Овладебо да поганое Издо-

лищо», отъ котораго Илья и освобождаетъ Константина Боголюбовича.

Было-ли такое именно распредѣленіе эпизодовъ первоначальнымъ — на это едва-ли возможно отвѣтить положительно. Приуроченіе Идолища къ Кіеву могло быть не случайнымъ, а вызвано какимъ нибудь мотивомъ древней былины, подобно тому, какъ упоминаніе Кіева и Царьграда въ первичной ея редакціи дало толчекъ къ безразличному географическому приуроченію пѣсенныхъ мотивовъ, на что указано выше. Въ былинѣ Гильф. № 245 Илья опохмѣляется съ голями передъ встрѣчей съ Идолицемъ въ Кіевѣ; въ другихъ сцена съ голями кабацкими въ Кіевѣ связана непосредственно съ какимъ нибудь освободительнымъ подвигомъ Ильи: онъ бился съ разбойниками (Гильф. № 249), привезъ въ Кіевъ Соловья разбойника и не былъ учествованъ княземъ Владиміромъ (Рыбн. II, № 63), не позванъ на почестень ширъ (Рыбн. I, № 18); одна былина о Калинѣ (Гильф. № 257) начинается съ разсказа о голяхъ, съ которыми Илья упивается: обливалъ шубу зеленымъ виномъ,

Самъ волочить по лужечку зеленому,
Онъ ко шубы приговаривалъ:
«Уливайся, моя шуба, зеленымъ виномъ.
Судить ли мнѣ Богъ волочить собаку царя Галина,
Да по этому лужечку зеленому,
А ёму отъ моихъ бѣлыхъ рукъ плакати?»

Цѣловальники доносятъ о томъ Владиміру, наклепавъ на Илью, будто онъ пожелалъ другаго:

Да судить-ли мнѣ Богъ волочить собаку князя Владиміра.

За это онъ посаженъ въ «погребъ глубокіе», и былина развивается далѣе по типу нѣкоторыхъ пѣсенъ о Калинѣ.

Насколько расплывчивый матеріалъ былинъ позволяетъ заключеніе къ ихъ первичному составу, предшествовавшій обзоръ позволяетъ такой выводъ: въ былинахъ объ Идолицѣ эпизодъ о голи кабацкой былъ мотивированъ какимъ нибудь непризнан-

нымъ подвигомъ Ильи, который удалялся вслѣдствіе этого не-признанія, либо вслѣдствіе наговора — какъ Михаилъ Даниловичъ въ побывальщинѣ о немъ. Онъ удаляется въ Царьградъ— какъ Михайликъ малорусскаго сказанія. Если въ послѣдней легендѣ эта черта, дѣйствительно, древняя (въ Костомаровскомъ пересказѣ Михайликъ даже возрастаетъ въ Царьградѣ), то мы можемъ предположить для древнихъ былинь о Михаилѣ двѣ-ственную редакцію: по одной онъ удалялся въ Царьградъ, по другой — въ монастырь (какъ въ напечатанной выше побывальщинѣ); малорусская легенда отразила, быть можетъ, слѣды того и другаго извода, въ комбинаціи Царьграда и золотыхъ воротъ Кіева съ постнической жизнью богатыря. Вліяніе мееодіевской статьи, предположенное мною, дало этому соединенію мистическій отгѣнокъ: Михаилъ удалился, но когда нибудь вернется, какъ послѣдній императоръ греческаго откровенія.

Роль Царьграда въ русскихъ былинахъ обращаетъ на себя особое вниманіе. Илья является поочередно въ Кіевѣ и Константинополѣ не только въ былинахъ объ Идолицѣ, но и въ «Сказаніи о семи русскихъ богатыряхъ», къ которому я думаю обратиться впослѣдствіи, когда текстъ этого сказанія, находящійся въ рукописи XVII вѣка (въ библ. Е. В. Барсова), будетъ изданъ въ цѣломъ либо въ вариантахъ, и такимъ образомъ откроются новые матеріалы для его критики.

II.

Илья Муромецъ и Соловей Будимировичъ въ письмѣ XVI вѣка.

Проф. Первольфу я обязанъ указаніемъ на упоминаніе Ильи Муромца въ вѣстовой отпискѣ Оршанскаго старосты Филона Кмиты Чернобыльскаго къ Остафію Воловичу, кастеляну Троцкому «изъ Орши, 1574 года, Августа 5 дня». Это — на 20 лѣтъ раньше извѣстнаго свидѣтельства Эриха Лассоты (1594 г.) о гробницахъ Ильи Муромца и его товарища, видѣнныхъ имъ въ одномъ придѣлѣ кievской св. Софіи. Русскій былинный эпосъ, при своей несомнѣнной древности, такъ бѣденъ регестами, которыя позволили-бы прослѣдить его развитіе въ прошломъ, что всякое новое свѣдѣніе о немъ является не лишнимъ. Я не стану преувеличивать значеніе сообщаемого здѣсь; въ крайнемъ случаѣ оно можетъ служить свидѣтельствомъ *географическаго* распространенія былинъ, такъ какъ Воловичу должны-же были быть понятны аллюзіи на богатырей, да и Кмита поминаетъ ихъ, какъ нѣчто общеизвѣстное. Многія изъ свидѣтельствъ, собранныхъ В. Гриммомъ въ его *Deutsche Heldensage*, не имѣютъ иной цѣли, какъ доказать, хотя-бы и позднее, распространеніе извѣстныхъ эпическихъ сюжетовъ въ литературѣ и народномъ преданіи.

Письмо Кмиты было дважды издано: въ первый разъ Малиновскимъ и Пржездзецкимъ (Zródła do dziejów polskich, wyd. przez M. Malinowskiego i A. Przezdzieckiego, t. II, Wilno, 1844, стр. 287—292), во второй Археографическою комиссіею (Акты, относящіяся къ исторіи Западной Россіи, т. III, Спб. 1848, № 58, письмо XIV, стр. 174), послѣднею — въ видѣ извлеченія, на что указываютъ точки, иногда (и не вездѣ, гдѣ-бы слѣдовало) поставленныя въ текстѣ. Этотъ способъ изданія позволилъ сократить письмо Кмиты на одну пятую его часть; вмѣстѣ съ другими сократилась и интересующая насъ подробность объ Ильѣ Муромцѣ.

Я приведу начало письма по изданію Малиновскаго, отмѣчая въ немъ курсивомъ мѣста, сохраненныя Археографическою комиссіею. Это уяснить соотношеніе двухъ текстовъ.

Jasne welmożny miłostiwuj pane trockij, pane, pane moj miłostiwuj!

O nowinach hodnych wiadomosci waszej m. p. m. m., zwłaszcza o posłancach j. kr. m. do Moskwy, o przyjściu ich do Orszy, postanowieniu na hranicach Awhusta perwoho dnia, o tom wsem dałem już osobliwym listom moim do wsich w obce w. m. panow Rad wiadat'; s ktoroho mam za to: że w. m. m. m. pan sprawit' raczył, jako i listy jeho korolewskoj miłosti panow posłanczow doszli, kotoryje znat' czerez pana Suchodolskoho iti mieli. A szto sie potem ponowit, nieomieszkam w. p. m. dat' znat'. A na tot czas, z łaski Bożoj, z owej strony ticho, i peremirja sie doczasnoho spodiewamy, i tut o wsiem sie tom s pany sekretary, wedle nauki w. m. panow namowilo i sprawilo, i o innych sprawach nieprijetelskich, wiadomostiej wszelakich, ich miłostiam oznajmilo, wontpit' (?) w. panskim miłostiam niepotreba. W ktoroj otprawie doszlo mie pisanje w. m. m. m. pana, s Polski pierwiej sieho, i tepier, czerez sluzebnika mojeho Zuba, o otjechanie hosudarskoje i o inszije riezcy, ktoroje, miłostiwuj hosudariu, chotiaz podoloznoje ale Bohodochnowennoje niedarmo movi pismo: «zapowied' hospodnia iż dalecze proświeszczajuszczе oczy», a nie-

tolko oczy, ale i serce moje oswietilo. *Diwnyje sut' sud'by Bożi! my ot worot, a on diroju won. Nie tolko nam to rozumieti, ale takoho hosudarskoho otjechania wsemu swietu niewmiestiti. Nie-slychana ot wieku, aby chto sleporoženu otworył oczy: tak i pomanzańcu Bożemu tym sposobom od poddanych swoich ujechati!* Owa wtoryj jest Neptonow! *by tu w. m. p. m. m. uszy swoi miał, jakijże okolo toho szmer na Moskwie, jakij pry hranicach! Strach Bożij! O wsem wse wiedajut, prekladajuczy to żiwot hosudarskij, jako był w rukach naszych, котораја јему была wczastnost, jakij pokoj, jakowaja wdiacznost', szto za roskosz, szto za posłuszeństwo, jakaja soromota czerez ceduły za oczy i w oczy, jaka prespiecznost' zdrowia jeho, jaka tepier obelziwost', pochwałki, odpowiedi! jesliby czoho komu niedał, jesliby też wedle prawa komu sudił, wytiehajuczy remienja z nas, i szto za wichowanie miał, uruhania, posmiechu, prikrostiej, samemu i słuham jeho Francuzam, rozberaniem majetnosti jeho, imenej, skarbow, diw Bożij i strach Bożij! Niewymowit', niewypisat' toho czołowiek nie może, и т. д.*

Перехожу къ интересующему насъ эпизоду письма: «*Słowiesia hospodnia, słowiesia czysta, Ty nas, Hospodi, sochraneszy i sobludeszy ny ot roda*» ¹⁾. — *Pan i hosudar moj miłostiwuj, piszesz o ostrożnost moju, jesliby i powtore w takich służbach rozkazowano i używano, abym sie opatrował jako j. m. pan Haraburda. Hosudaru pane! i kaszy nie chczu, i po wodu nie idu. — Pisz mi hosudarinia moja pani trockaja: ożohszysią na mołoce weleno na wodu dut'. Ja toho i pierwiej nie znał szto czynit', tolko szto weleno czynit' toje czynit' ²⁾*; a seje pisanije w. m. hosudariej moich.... ³⁾ Boh i slepomu oczy otworit i wse pered w. m., da Boh,

¹⁾ Интересно употребленіе *roda* въ смыслѣ *семьи*, по смѣшенію *уѣвца* съ *уѣвца*. Примѣры см. у Миклошича, Лех., а. в. родъ. См. въ Ирениномъ мученіи (Тихонравовъ, Пам. отр. русск. лит. II, стр. 151): плодъ бо суть родъствоу огни.

²⁾ На этомъ кончается письмо въ изданіи Археограф. комиссіи, и слѣдуетъ помѣтка: «Данъ зъ Орши, року 74, Августа 5 дня».

³⁾ Точки въ изданіи Малиновскаго.

prijechaniem moim okažu, tolko, hosudaru, czołom bju o nauku, czy źdati mnie posłancow z Moskwy, abo zaraz jechati, szto bych rad serdecznie uczynił aby u Wilnie w. p. m. zajechał. A szto w. m. pan moj miłostiwuj raczysz pisat', iż j. m. pan podskarbi, za pryczynuju w. m. panskoju, obiecał menie czymkolwiek na strawu mnie i na posłańcy obslati, ino hosudariu niczoho mi nie posłał j. m. Nieszczasnyj jeźmi dworanicin, zhib jesmi w nendzy, a bolsz z żalu: ludi na kaszy perejeli kaszu, a ja z hołodu zdoch na storozы. Pomsti Boże hosudariu hrechopadenije, chto rozumiejet, bo prijdet czas, koli budiet nadobie Ilii Murawlenina i Sołowia Budimirowicza, prijdet czas, koli budiet służb naszych potreba. — Въ концѣ письма Кмита еще разъ возвращается къ тѣмъ-же жалобамъ и просьбѣ о помощи.

Какимъ образомъ Кмитѣ подвернулась память о богатыхъ — видно изъ связи, въ какой они являются въ письмѣ. Онъ самъ стоитъ на сторожѣ, погибая съ голода и холода; такъ ставали на заставахъ старые богатыри. Ими также небрегли, какъ часто Владиміръ Ильею, но въ минуту опасности ихъ службъ бываетъ «надобѣ», и Владиміръ кланяется Ильѣ, котораго передъ тѣмъ засадилъ въ погребъ:

Ай же ты, старый казакъ Илья Муромецъ!
Съѣзди, постарайся ради дому пресвятя Богородицы,
И ради матушки свято-Русь земли. (Рыбн. III, № 35).

«Муромецъ» — обычное прозвище Ильи въ русскихъ былинахъ; въ этомъ отношеніи интересно, что два независимыя другъ отъ друга свидѣтельства о немъ, оба XVI вѣка, даютъ другую форму его имени: у Кмиты *Муравленинъ*, у Лассоты *Mogowlin*, съ которымъ проф. О. Миллеръ¹⁾ сближаетъ Илью *Муровца* въ разсказѣ, заимствованномъ изъ записной книги разстриженнаго единовѣрческаго монаха Григорія Панкѣева²⁾.

¹⁾ О. Миллеръ, Илья Муромецъ, стр. 800 прим. 108; сл. l. с. стр. 261.

²⁾ Къ какой мѣстности относится преданіе, разсказанное Панкѣевымъ, изъ сообщенія проф. О. Миллера стр. 261 не ясно.

Соловей Будимировичъ въ сообществѣ съ Ильей могъ бы возбудить вопросъ о причинахъ такого сопоставленія, еслибы не представлялась вполне естественной догадка, что имя перваго явилось случайно, на мѣсто любого другаго богатыря, и внѣ внутренней связи съ значеніемъ Ильи. Въ самомъ дѣлѣ, Соловей Будимировичъ не радѣтель о русской землѣ, онъ — богатырь приѣзжій, и соединеніе его съ кievскимъ цикломъ чисто внѣшнее: я разумѣю тѣ былины, въ которыхъ Илья и съ нимъ другіе богатыри являются на кораблѣ Соколѣ (Кир. I № 7, стр. 22—23, № 5 стр. 40—41; Тихонравовъ, Лѣтописи, т. IV, Матеріалы, стр. 9—11); такъ названъ чудесный корабль Соловья въ пѣснѣ о немъ у Кириши Данилова (№ I), и нѣкоторыя подробности описанія однѣ и тѣ-же, тамъ и здѣсь:

Носъ, корма по туриному,
 Бока взведены по звѣриному (Кириша).
 Бока сведены по звѣриному,
 А нос-о-тъ да корма по звѣриному (Кир. I, р. 22).

Замѣтимъ, впрочемъ, что другія извѣстныя намъ редакціи былины о Соловьѣ, представляя сходныя черты въ описаніи корабля, умалчиваютъ о названіи его Соколомъ — если, вообще, Соколъ — прозвище, а не эпитетъ:

Одинъ корабль получше всѣхъ:
 У того было у сокола у корабля и т. д. (Кириша)
 Плавалъ соколъ-корабль ровно тридцать лѣтъ
 (Кир. I, стр. 22).

Общія черты былинь о Соловьѣ во всѣхъ записяхъ существенно однѣ и тѣ-же: исключеніе составляетъ редакция у Кириши съ эпизодомъ о «голомъ шапѣ Давидѣ Поповѣ», котораго не знаютъ другіе пересказы: эпизодомъ, если не вторгшимся цѣликомъ въ первичныя рамки пѣсни, то во всякомъ случаѣ сильно ихъ измѣнившимъ. Въ слѣдующей передачѣ содержанія я приму его въ расчетъ лишь условно ¹⁾.

¹⁾ Въ основу слѣдующаго пересказа взять текстъ Кириши.

Тридцать кораблей — одинъ корабль
Славнаго гостя, богатаго,
Молода Соловья, сына Будиміровича ¹⁾

Бѣгутъ ко городу [ко] Кіеву.

Всѣ они изукрашены богато, получше всѣхъ соколъ-корабль, оснастка котораго изображена въ фантастическихъ чертахъ, разнообразившихся въ дальнѣйшихъ перелѣвахъ: это — какой-то чудный, морской звѣрь, вмѣсто очей у него вставлено по яхонту, вмѣсто бровей прибавано по соболю, вмѣсто гривы — двѣ лисицы бурнастыя и т. д. И въ остальномъ устройствѣ та-же диковинная роскошь, какъ въ подаркахъ Владимиру и его книгѣ: соболя и лисицы и «камка бѣлохрущатая»:

Недорога камочка — узоръ хитерь:
Хитрости Царя-града,
Мудрости Іерусалима,
Замысли Соловья [сына] Будиміровича.

Владиміръ предлагаетъ ему для подворья княжескіе и боярскіе дворы; но Соловей отказывается отъ этого:

Только ты дай мнѣ загоны земли,
Непаханья и неоранья,
У своей, осударь, княжесенской племянницы,
У молодъ Запавы Путятинны, ²⁾
Въ ея, осударь, зеленомъ саду,
Въ вишеняхъ, въ оршисняхъ
Построить мнѣ Соловью снарядеиъ дворецъ.

¹⁾ Гильф. № 53: Гудиміровичъ; № 68: то же; Рыбн. III № 32 и 33: Будиміровичъ и Гудиміровичъ.

²⁾ Рыбн. IV, № 11: Забава Путятична; ib. III, № 32: Забавушка Путятична; II, № 31: Любава Путятична; I, № 53: Забава Путятична; № 54: Любавушка Запавична. — Гильф. № 36: Забава Путятична; № 53: Любавушка Забавишна; № 68: Забавушка Путятична и Утятична; № 199: Забава Путятична; № 206: Забава Путятична.

Иначе выражено это желаніе Гильф. № 68 (сл. Рыбн. III, № 31; IV, № 11):

Есть у ты молода племянница,
 Молода Забавушка Путятична,
 У ней какъ есть во зеленомъ садахъ
 Дубыща вязѣ повѣрощеноѣ:
 Позволь-ко мнѣ-ка нунь су (такъ!) повѣрубити,
 Изъ саду вонъ мнѣ повѣметати,
 Построить мнѣ да тамъ три терема,
 Со трѣбми со сѣнями съ нарядными.

Подробность о «зеленомъ садѣ» княжеской племянницы принадлежитъ къ несомнѣнно основнымъ чертамъ пѣсни, хотя инья редакція её забыли или исказили¹⁾. Слѣдуетъ помнить, что Соловей прѣхалъ свататься, что его поѣздка, въ сущности, брачная: съ этой точки зрѣнія его подарки представляются свадебными, а его просьба Владимиру освѣтится символикой русскихъ свадебныхъ пѣсень. Соловей проситъ отвести ему загонъ земли «непаханой, неораной», въ зеленомъ саду Запавы, въ ея вишеньѣ-орешеньѣ; онъ хочетъ повѣрубить его и построить свой теремъ. Въ русскихъ свадебныхъ пѣсняхъ обычно представленіе дѣвчества — садомъ-виноградомъ: это «вишнёвый садойко», который дѣвушка садить, холить — и который грозитъ вытоптать женихъ съ поѣздками:

*Ой ходила Марися по новижъ двору,
 Сѣла садъ-виноградъ съ притолу,
 Забула воритечки заченити,
 Ажъ мусіа батенька просити:
 «Ой піди-жь, мій батеньку, зачини воритця:
 Якъ приде Иванъ зъ боярами,
 То витопче садъ-виноградъ кониками²⁾,*

¹⁾ Рыбн. I, № 34: терема ставятся середь города, середь рыночка; сл. Рыбн. II, № 31: на горку на конную, Во тотъ-ли садъ во Путятичной (сл. Гильф. № 36: подите-тко на горку вы на конную; садъ забыть); Гильф. № 53 (середь города да середь Киева).

²⁾ Труды этнограф. стат. эксп. въ западно-русс. край, снаряженной Имп. Русск. Геогр. Общ. Юго-зап. отдѣл. Матеріалы и изслѣдованія, собр. П. П. Чубинскимъ, т. IV, стр. 70—1, № 19.

либо: То потопче мої квіти чобітками,
Повносять за ворота підківками ¹⁾ и т. п.

Великорусскимъ пѣснямъ знакомы тѣ-же представленія «зеленаго сада, винограда», «вишенья», куда залетають соловей, соколъ-женихъ ²⁾, топтанья муравы, порчи сада:

У вороть трава росла,
У вороть шелковая.
Кто ту траву топталъ,
Бто ту топталъ шелковую?
. . . . .
Ай топталъ Николай сударь,
Ай топталъ Ивановичъ.

Или отецъ невѣсты спрашиваетъ:

Кто безъ меня въ зеленомъ саду былъ?
Кто желѣзну тымъ переломилъ?
Кто безъ меня у яблони сукъ сломилъ? ³⁾

То-же у бѣлоруссовъ:

За сѣнями, сѣнями зялёнъ садъ,
Нихто ў тымъ садзѣ ня бываецъ,
Одна толькы Гамулька гуляецъ:
Синіи васильки сѣяла,
А чарвоную рожу садзала . . . .
Тогда прытхалъ Сопронька самъ-дзесять,
Пустнў коннеа ў зяленъ садъ,
Синіи васильки потопталъ,
Чарвоную рожу сорвалъ ⁴⁾.

Образы сада, попорченной лозы и т. п. не безъизвѣстны въ эрической пѣснѣ другихъ народовъ; сорванная роза лежитъ въ основѣ аллегоріи Roman de la Rose.

¹⁾ I. с. стр. 288 № 732; сл. стр. 113 № 136, стр. 121—2 № 150—151, стр. 173 № 349 (сл. ib. p. 326 № 862).

²⁾ Шейнъ, Русск. нар. пѣсни стр. 414 № 4, стр. 484 № 13.

³⁾ Сахаровъ, Сказанія Русскаго народа, т. I, кн. 3-я, стр. 116, № 33; стр. 136, № 104 (стр. 151, № 169).

⁴⁾ Шейнъ, Бѣл. нар. пѣсни, стр. 475, № 67.

Въ связи съ этой символичкой стоитъ и просьба Соловья, только что значеніе ея затемнилось образомъ диковинныхъ теремовъ, вырастающихъ за одну ночь въ саду Запавы подъ булатными топориками работныхъ людей. Когда на утро проснулась Запава, златоверхіе терема показались ей видѣніемъ: посмотрите-тко, говоритъ она нянюшкамъ и мамушкамъ, «что мнѣ за чудо показалося». Тѣ отвѣчаютъ: «Матушка, Запава Путятинна! Изволь-ко сама посмотрѣть: Счастье твое на дворъ къ тебѣ пришло». И Запава наряжается, идетъ въ свой зеленый садъ:

У перваго терема послушала:

Тутъ въ теремѣ щелчить-могчить —

Лежитъ Соловьева золота казна;

Во второмъ теремѣ послушала:

Тутъ въ теремѣ по тихоньку говорятъ,

По маленьку говорятъ, всё молитву творять, —

Молится Соловьева матушка

Со вдовы честны, многоразумными;

У третьяго терема послушала:

Тутъ въ теремѣ музыка гремитъ:

Играетъ Соловей на гуслихъ ¹⁾.

Входила Запава въ сѣни косящатыя,

Отворала двери на пату —

Больно Запава испугалася,

Рѣзвы ноги подломилися,

Чудо въ теремѣ показалося:

На небѣ солнце — въ теремѣ солнце,

На небѣ мѣсяцъ — въ теремѣ мѣсяцъ,

На небѣ звѣзды — въ теремѣ звѣзды,

На небѣ заря — въ теремѣ заря

И вся красота поднебесная.

Мѣсяцъ, солнце, звѣзды въ теремѣ (сл. Рыбн. III, № 33; IV, № 11) напоминаютъ такой-же параллелизмъ колядокъ, только въ былинѣ онъ не выдержанъ и не примѣненъ въ полнотѣ. Бе-

¹⁾ Сл. Рыбн. I № 53, в. 220 слѣд.; № 54, в. 209; IV № 11, в. 119; III № 32 в. 149 и др.

ремь на выдержку отрывокъ бѣлорусской колядки ¹⁾: колядов-
щики просятъ хозяина — выглянуть на свой дворъ:

Ў твоемъ дворку якъ ў вянку, —
Увесь тыномъ тынинь,
Тыномъ тынинь, ўсё жалгъзнымъ,
Вороцткы ўсё золотыя,
Вервячки ўсё мидзяныя,
Замочки витраныя,
Подворотница — рыбба косточка.
Иване слаўный пане!
Ў твоемъ дворку якъ ў вянку:
Пяць цяралоў зъ прыцаромеама,
Ў водномъ цяралу — ясенъ мѣсяць,
А ў другимъ цяралу — ясна зорушка,
Ў трецимъ цяралу — буйны вѣтры,
А ў чатвертымъ цяралу — дробны звѣзды,
Да ў пятимъ цяралу — ясны зоры,
Ясны зоры, ясно соўнца.
Ясенъ мѣсяць — самъ Иванька,
Ясна зора — яго жонка,
Буйны вѣтры — яго сыны,
Дробны звѣзды — яго цурки,
Ясны зоры — яго нявѣсткы.

Уподобленія такого рода встрѣчаются и въ свадебныхъ пѣсняхъ,
напр. въ слѣдующей коровайнѣ:

Бувавъ-же я, чувавъ-же я
Місяца зъ зорю.
Не есть-же то, не есть-же то
Місяць изъ зорю,
А есть-же то, а есть-же то
Иванко зъ жоною,

или: «ясненькій місяченько» — то «риденный батенько», «ясная
зуровька» — «ридная матюнка» ²⁾. Символика обрядовой пѣсни

¹⁾ Шейнъ, Бѣлор. нар. пѣсни, стр. 45—7, № 91.

²⁾ Чубинский, I. с. стр. 245, № 584; стр. 378, № 1056.

шла на встрѣчу хитрымъ украшеніямъ терема, замысламъ Соловья Будиміровича, и должна была сливаться съ ними.

Соловей играетъ на гусяхъ; сидитъ на стулѣ червленомъ, золоченомъ, забавляется съ дружиной, — говорится въ нѣкоторыхъ редакціяхъ пѣсни (Рыбн. I № 54; Гильф. № 53). Увидѣвъ Запаву, онъ

Бросилъ свои звончаты гусли,
 Подхватывалъ дѣвицу за бѣлы ручки,
 Кладъ на кровать слоновыхъ костей,
 Да на тѣ-ли перины пуховныя:
 «Чего-де ты, Запава, испужалася?
 Мы, де, оба, на возрастѣ». —
 А и я, де, дѣвица, на выданѣ,
 Пришла, де, сама за тебя свататься.
 Тутъ они и помолвили.

Въ № 199 Гильф. Соловей приглашаетъ Запаву сѣсть на ремечать стулъ,

А стали они играть во шахматы.
 А й тутъ-ли Соловей снѣгъ Будиміровичъ,
 Разъ тотъ сыгралъ, Запаву поигралъ,
 Другой тотъ сыгралъ, Запаву поигралъ,
 Третьей тотъ сыгралъ, Запаву поигралъ.
 А говорить тутъ Забава дочь Путятична:
 «Ахъ молодець ты заужишекъ добръ!
 Кабы взялъ за себя, я-бы шла за тебя».

Приведемъ нѣсколько параллелей изъ свадебныхъ пѣсень.

Молодець-женихъ играетъ на гусяхъ:

Ой у полі садочокъ некритий,
 Зеленою ругонькою обвитий,
 А въ тому садочку никто не бувавъ,
 Молодній Ивашко въ гуслі гравъ
 И свою Марусю підмовлявъ ¹⁾

¹⁾ Чубинскій I. с. стр. 85, № 68.

Ай ты свѣтъ мой, свѣтлая свѣтлица,
 Ахъ ты свѣтъ-ли мой, столовая горница,
 . . . . .
 На прекрасномъ мѣстѣ свѣтлица ставлена,
 Косящатыми окошками во зеленый садъ,
 Крутымъ краснымъ крылечкомъ во широкій дворъ.
 Какъ во той-ли-то во свѣтлой во свѣтлицѣ,
 Какъ во той-ли во столовой новой горницѣ,
 Наставлены столы-то всё дубовые,
 Разостланы скатерти бранны;
 А за тѣмъ-ли столомъ бѣлодубовымъ
 Сидѣлъ удалой, добрый молодець,
 Какъ по имени Василій сударь Григорьевичъ,
 Онъ игралъ во гусли звончатыя,
 Онъ наигрывалъ волю, волю батюшкину,
 Онъ наигрывалъ нѣгу, нѣгу матушкину.
 Приходила гусли слушать Ольга душа,
 Приходила гусли слушать Аванасьевна и т. д. ¹⁾

Игра въ шахматы:

Течеть винная рѣченъка,
 Сахарная источинка,
 . . . . .
 Далеко рѣка во садъ прошла,
 Не далече во зеленый протекла.
 . . . . .
 У родителя у батюшка
 Было умное дитятею,
 Было умное разумное,
 Было тихое смиренное.
 Оно ходило, показывало,
 Гуляло погуливало,
 По высокимъ новымъ горницамъ,
 Изъ горницъ въ шатеръ взшло
 Бъ удалому добру молодцу.
 Она будила, пробуживала:
 Ужь ты встань душа, умный мой,
 . . . . .

¹⁾ Сахаровъ I. с. стр. 198, № 4.

Я пришла къ вамъ разгуляться,
 Во игры играть, во шахматы.
 Обыграла красна дѣвица душа
 Удалого добра молодца,
 Проигрался удалой молодець, —
 Съ правой руки значень перстень,
 . . . . .
 Проигралася красна дѣвица душа
 Удалому добру молодцу,
 Проиграла свою вольну волюшку ¹⁾.

Слич. слѣдующій вариантъ

Ты рѣка-ль моя рѣченька,
 . . . . .
 У тебя-ли, у рѣченьки,
 Берега были хрустальныя,
 А пески были жемчужныя;
 Какъ на томъ-ли на бережку,
 Что стоялъ бѣлотонкой шатерьъ,
 Ужь какъ вышла дѣвица изъ терема,
 Что пришла ко бѣгу шатру,
 Что будила, побуживала
 Удалаго, добраго молодца.
 . . . . .
 «Я пришла позабавиться
 Въ политаври (?) во золотыя». —
 Проиграла красна дѣвица,
 Проиграла золотъ перстень и т. д. ²⁾

Игра въ шахматы, тавлеи нерѣдко служила средневѣковымъ поэтамъ для любовной символики; нигдѣ, быть можетъ, такъ ярко и реально, какъ въ извѣстномъ стихотвореніи Вильгельма IX, графа Пуату (*Ben voill que sarchon li pluzor*).

¹⁾ Ефименко, Матеріалы по этнографіи русскаго населенія архангельской губерніи, часть вторая: Народная словесность (Москва 1878), стр. 88, № 9 (изъ Мезени).

²⁾ Сахар. I. с. стр. 113, № 24.

Выборъ дѣвушкой суженаго: она выходитъ изъ терема, на широкій дворъ, въ зеленый садъ, садилась за дубовый столъ, смотрѣла прїѣзжихъ гостей, «выбирала себѣ суженаго»; «ужъ выбравши любовалася, — любовалася, красовалася: — ужъ какъ-то онъ мнѣ понравился, — ужъ какъ-то онъ мнѣ по сердцу и т. д. ¹⁾).

Вернемся къ разбору былины. Выше было замѣчено, что текстъ Кириши кончается эпизодомъ, котораго не знаютъ другіе пересказы: мать Соловья — непременно являющаяся въ сообществѣ сына во всѣхъ былинахъ о немъ — прослышала о его помолвкѣ и отсрочиваетъ свадьбу: пусть сначала поѣдетъ за море, расторгнется и тогда уже женится. Отсутствіемъ Соловья пользуется «голой шапъ Давидъ Поповъ», рассказываетъ, что видѣлъ Соловья за моремъ, гдѣ онъ попалъ въ «протаможье», и что корабли у него отобраны. Владимиръ закручинился, но вскорѣ вздумалъ о свадьбѣ: отдать Запаву за Давида Попова. Въ самый день свадьбы пристають къ Кіеву корабли Соловья; онъ и его дружина въ каличейскомъ платьѣ, но Запава тотчасъ-же узнаетъ своего «обрученаго» жениха, пошла съ нимъ за столы бѣлодубовые, на большое мѣсто, а надъ Давидомъ Поповымъ смѣется: здравствуй женимши, да не съ кѣмъ спать! Это — слова Добрыниной жены къ Алешѣ Поповичу въ былинахъ о Добрынѣ въ отъѣздѣ. На сходство нашего эпизода съ такимъ-же окончаніемъ послѣднихъ указано было уже въ примѣчаніи къ былинѣ Кириши въ изданіи пѣсенъ Кириѣвскаго; слѣдуетъ, быть можетъ, пойти и дальше, посмотрѣвъ на весь этотъ эпизодъ, какъ на перенесенный изъ былинъ о Добрынѣ. Поводомъ къ тому могло послужить имя *Запавы*, общее пѣснямъ о Соловьѣ и былинамъ о Добрынѣ, хотя и не специально тому ихъ циклу, въ которомъ Алеша *Поповичъ* является въ роли Давида *Попова*. Заключить изъ этого перенесенія, что первоначально въ пѣсняхъ о Добрынѣ Запава занимала иное мѣсто, чѣмъ въ дошедшихъ до насъ пере-

¹⁾ I. с. стр. 122—123, № 56.

пѣвахъ, я пока не рѣшусь. Ясно, во всякомъ случаѣ, что о ней пѣли и при Соловьѣ, и при Добрыньѣ, иначе становится непонятнымъ нарощеніе пѣсни у Кирши, чисто внѣшнее, потому что сюжетъ пѣсни естественно исчерпывался бракомъ. Такъ въ большинствѣ записанныхъ послѣ Кирши былинь; если въ № 208 Гильф. и Рыбн. I № 53 этого нѣтъ, и Соловей уѣзжаетъ, не сочетавшись бракомъ съ Запавою, то объясняется это своеобразнымъ пониманіемъ ея типа, котораго нѣтъ и слѣда въ редакціи Кирши. У него Запава говоритъ Соловью, что сама пришла за него свататься — и они помолвились. У Рыбн. I № 54 = Гильф. № 53 на такое-же предложеніе Запавы Соловей отвѣчаетъ:

Ты всѣмъ мнѣ, дѣвушка, во любовь пришла,
 Однимъ ты мнѣ, дѣвка, не въ любовь пришла,
 Сама ты себя, дѣвушка, просватываешь.

Тѣмъ не менѣе онъ ѣдетъ свататься за нее къ Владимиру и, лишь исполнивъ эту обрядность, принимаетъ съ ней златые вѣнцы. У Рыбн. II, № 31 онъ ограничивается однимъ замѣчаніемъ Запавѣ и новаго сватовства нѣтъ (то-же ib. III, № 32, IV № 11; Гильф. № 199), или онъ посылаетъ её напередъ къ Владимиру — бить ему челомъ, «чтобы онъ завѣлъ какъ нынѣ почестный пиръ» (Гильф. № 68). — Очевидно, сватовство Запавы понято было, какъ нѣчто выходящее изъ обрядоваго приличія; вотъ почему иные пѣвцы и не довели её до свадьбы, заставивъ Соловья собрать свои злаченые терема и отѣхать въ свою землю. У Кирши не видно такого отношенія къ дѣвицѣ-самокруткѣ, просватывающей самое себя, какъ Петруша сербской пѣсни, которая даже похищаетъ себѣ жениха: многіе домогались ея руки, приходили со всѣхъ концевъ свѣта, она всѣмъ отказываетъ, просить отца:

Вей ти бави орахову грађу,
 И набави тридесет мајстора,
 Те ми гради орахову лађу,
 И у лађи тридесет весала,
 Свако весло дрво шимширово,

И у лађи тридесет возара,

. . . . .

И у лађи шеја свакојака

А при томе вина и ракије,

А највише перја окатога.

На этой чудной ладѣ, напоминающей корабль Соловья Будимировича, Петруша ѣдетъ въ столичный Бѣлградъ, чтобы до-
стать себѣ въ мужья красиваго Влаховича Стояна. Сестра
его пришла къ берегу по воду, когда увидѣла диковинный ко-
рабль, о которомъ рассказала брату; тотъ отправился погля-
дѣть на него, его приняли и напоили и пьянаго увезли; когда
онъ проснулся на третій день, онъ былъ женихомъ Петруши ¹⁾.
Петруша — дочь Ледьянскаго царя; попытка объяснить назва-
ніе Леђана была недавно сдѣлана Новаковичемъ и привела
его къ слѣдующимъ результатамъ: Лахъ, т. е. полякъ, выра-
жается у мадяровъ словомъ lengyel; отсюда сербское Ledjanin
(= legjanin), прозвище венгерскаго короля Владислава, т. е.
польскій, полякъ; съ забвеніемъ смысла этого прозвища, Ледья-
нинъ былъ понятъ какъ живущій, властвующій въ какомъ-то
городѣ Ледьянѣ и т. д. Сомнѣніе, что Ледьянъ, можетъ быть, =
Млѣтки, Венеція, устраняется, по мнѣнію Новаковича, той-же
пѣсней о Петрушѣ, которая сама родомъ изъ Ледьяна, тогда
какъ за неѣ сватается, между прочимъ, какой-то Марко изъ Ве-
неціи. Такое соединеніе названій, само по себѣ, еще не ве-
детъ къ заключенію, что Ледьяна не слѣдуетъ искать въ Вене-
ціи, такъ какъ древнія и новыя, забытыя и живыя названія
одной и той-же мѣстности легко могутъ соединяться въ одной и
той-же пѣснѣ.

Нашъ Соловей такой-же приѣзжій, какъ и Петруша. Откуда
онъ родомъ? Онъ изъ за моря *сияно*, «отъ славнаго города *Ле-
денца*» (Кирша); «изъ-за славнаго сина моря Вольтинскаго, Изъ

¹⁾ Novaković, Vila 1866 p. 425; сл. того-же автора: Ueber Legjan-grad
(Ledjan-stadt) der serbischen Volkspoesie, у Jagić'a, Archiv. f. slav. Philologie,
III, 124—130.

за того *Кодольскаго* острова, Изъ за того лукоморья зеленаго» (Рыбн. I, № 53); съ снѣга моря съ *Турецкаго* (ib. I, № 54, сл. Гильф. № 36, 53, 199), «изъ за того-ли (было) острова *Кодольскаго*,— той-то земли *Веденецкія* (Рыбн. II, № 31); изъ за горы Сорочинскія, изъ того-ли острова *Кодольскаго*, изъ славнаго моря за *Дунайскаго* (ib. III, № 32); изъ за острововъ *Кодольскіихъ* (ib. III, № 33); изъ за моря за *Дунайскаго*, изъ за острова *Кодольскаго* (Гильф. № 68); по морю по Веряйскому, по морю по *Дунайскому*, изъ за острова *Кодольскаго* (ib. № 208; сл. Рыбн. IV, № 11: море Виряное; «по синюю морю Верейскому» въ одной свадебной пѣснѣ у Снегирева, Русск. Простонародн. праздники, IV, стр. 181). Свести эти показанія, съ цѣлью доискаться настоящихъ названій, едва-ли возможно. Синее, Турецкое, Дунайское море указываютъ на югъ; Леденець и Веденецкая земля несомнѣнно стоитъ одно за другое; но въ какомъ изъ нихъ больше смысла, рѣшить трудно: можетъ быть Веденецкое вм. Венедецкое? сл. въ Сказаніи о Кіевскихъ богатыряхъ (рпк. Е. В. Барсова, XVII в.): камки венецкіе, и въ нашей лѣтописи: «Корлязи, *Вендици*, Фрягове». Леденець легко бы объяснить искаженіемъ Веденца; аналогія Ледяна устривается объясненіемъ Новаковича. — Кодольскаго острова я потому не рѣшаюсь объяснить, что на форму имени могло подѣйствовать созвучіе. Сл. Рыбн, III, № 32:

У якорей колечки серебряные,

У колечиковъ *кодолы* съ семи шелковъ.

Кодолы толкуются: толстые канаты (сл. Рыбн. I, № 53, стр. 326 v. 21).

Обобщая сказанное нами въ разборѣ былинь о Соловьѣ, мы будемъ скромны въ выводахъ. Въ основѣ—это былина о брачной поѣздкѣ какого-то заморскаго молодца, прельщающаго свою невѣсту роскошными диковинками; это — не былина объ увозѣ невѣсты. Что другое, какъ не брачный характеръ сюжета былъ поводомъ пѣвцамъ — разработать его общими мѣстами пѣсенной

свадебной символики? Оттуда указанные мною аналогіи. — Необходимо предположить, что прошло много времени, прежде чѣмъ Илья Муромецъ и другіе богатыри собраны были на корабль-Соколѣ, т. е. сдѣлался возможнымъ синкретизмъ, обличающій упадокъ народной поэзіи, въ родѣ того, который свелъ въ поэмѣ о *Rosen-garten*'ѣ героевъ различныхъ цикловъ нѣмецкаго эпоса. Если сопоставленіе Илья и Соловья Будимировича въ отпискѣ Кмиты позволено истолковать въ томъ смыслѣ, что оно было навѣяно какой нибудь изъ подобныхъ синкретическихъ былинъ, то слѣдуетъ предположить, что въ концѣ XVI вѣка былина о Соловьѣ была уже древнею.

О КСАНΘΙΝῆ.
ГРЕЧЕСКАЯ ТРАПЕЗУНТСКАЯ БЫЛИНА
ВИЗАНТІЙСКОЙ ЭПОХИ.

Г. С. Дестунисъ.

ΤΟΥ ΞΑΝΘΙΝΟΥ.

Ἄσμα δημοτικὸν Τραπεζοῦντος τῆς Βυζαντινῆς ἐποχῆς,
ἐκδοθέν, ῥωσιστὶ μεταφρασθὲν καὶ διερμηνευθὲν παρὰ

Γαβριήλ Δεστόνη.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ XXXIX-му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМИИ НАУКЪ.
№ 6.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ. 1881.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

И. Глазунова, въ С. П. Б.

Эггерса и Коми., въ С. П. Б.

Н. Книмеля, въ Ригѣ.

Цѣна 15 коп.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ. Мартъ 1881 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

ВСТУПЛЕНИЕ.

Издаваемая мною былина и по языку, и по образу изложения, и по содержанию, принадлежит средневѣковой народной Греческой словесности. При ея созданіи Греческій народъ руководился тѣмъ же, глубоко засѣвшимъ въ немъ, чувствомъ необходимости борьбы со своими исконными врагами — мусульманами, какое одушевляетъ и другіе памятники его народной эпики въ эпоху Христіанскую. Въ этой былинѣ о Ксанонинѣ такъ же какъ и въ былинахъ объ Андроникѣ, Акритѣ, Армурѣ, отразился отрывочно одинъ лишь какой нибудь краткій эпизодъ, выхваченный изъ цѣлаго ряда враждебныхъ столкновений. Здѣсь, какъ и въ тѣхъ былинахъ, дѣйствіе происходитъ въ эпоху борьбы Грековъ съ Сарацинами, предшествовавшей эпохѣ борьбы ихъ съ Турками.

Богатырь одной стороны, Ксанонинъ, владѣтель того края, въ которомъ онъ живетъ, грозный и всѣми прославленный воевода, и сынъ его, Василій, ужъ одними именами своими облачаютъ свою принадлежность къ міру Греко-Христіанскому. Личныя имена мужскія Ξάνθος и Ξάνθιος, и женскія Ξανθώ и Ξανθιον въ древнемъ мірѣ, имѣющія этимологическую связь съ словомъ ξανθός, русскій, бѣлокурый, указываютъ на Греческое свое происхожденіе. Между Святыми находимъ опять Ксанонія (9-го Марта). Имя Ξάνθινος, принадлежащее герою нашего раз-

сказа, мнѣ до сихъ поръ нигдѣ еще не встрѣчалось, кромѣ лишь той греческой былины, которая издана Ксанеопуломъ въ его *Φιλολογικὸς Συνέδημος*, и перепечатана въ Сборникѣ Пассова, откуда она мнѣ извѣстна¹⁾. Имя Ксанеинъ, при всей его малоизвѣстности столько же Греческое, какъ и имя Василя, сына этого Ксанеина. Въ былинѣ оба они отнесены къ міру греко-христианскому, какъ видно изъ того соперничества съ Саракинами, которое выдвигается въ былинѣ на первый планъ. Къ ихъ же сторонѣ надо отнести и умыченную дѣвицу, находящуюся въ одной изъ ноздрей главнаго Саракина. Мы подошли къ важнѣйшему лицу другой стороны: это владѣтель многочисленныхъ замковъ, тотъ чей замокъ разрушенъ былъ когда-то Ксанеиномъ, и котораго отместки надъ сыномъ своимъ опасался Ксанеинъ, когда запрещалъ своему сыну идти въ чужія владѣнія. У этого могучаго Саракина, котораго имя не приведено, живутъ другіе Саракины подначальные, которые по убіеніи его Ксанеиномъ выпущены на волю. Тому-же сильному владѣтелю служить и Саракинъ-деревеньщина, что приставленъ надзирать за взятымъ въ плѣнъ Василемъ, запряженнымъ въ одну телѣгу съ буйволомъ. Итакъ передъ нами два властелина, воплощающіе въ себѣ эпическое представленіе о двухъ отдѣльныхъ народностяхъ, одна съ другою враждующихъ. Въ рукахъ каждого изъ этихъ князей воля и неволя людей, ихъ жизнь и смерть. Ксанеинъ — такой же былевой витязь, какъ и Андроникъ, Акрита, Армуръ.

Лицъ, упомянутыхъ въ нашей былинѣ, не можемъ приурочить къ исторіи. Въ упомянутой выше былинѣ *Ὁ ἕμιρ Ἀλῆς* есть какой-то удалой Ксанеинъ, воюющій съ Турками; но есть ли между этими одноименными витязями какое либо, хотя бы былинное сродство, прослѣдить едва ли можно при такой скудости былиннаго запаса. Замѣтимъ, что обѣ былины съ именемъ Ксанеина

---

1) Passow, *Popularia carm.* N. CCCCLXXXII, *Ο ἕμιρ Ἀλῆς (Τραπεζους)*, гдѣ ссылка на *Ξανθοπουλ. Φιλολογικὸς συνέδημος* 404. Δ., откуда эта былина заимствована Пассовомъ.

принадлежать Трапезунту. Желательно, чтобъ образованные люди Трапезунта, Керасунта и другихъ городовъ того края продолжали собирать, подобно Ксанеопулу и Иоанниду, остатки эпоса еще живущаго въ устахъ народа. При сравненіи многихъ былинь быть-можетъ и опредѣлилось бы нѣсколько историческихъ лицъ или эпическихъ типовъ. Для насъ названныя лица до сихъ поръ остаются эпическими богатырями.

Мѣсто дѣятельности ихъ по видимому не поименовано какимъ либо именемъ собственнымъ. Мѣдный токъ (*σπὸ χαλκίνον στ' ἄλόν*, стихъ 5) — это весьма обобщенное поприще для всякой борьбы между лицами съ мифическими очертаніями. Почти во всѣхъ тѣхъ изъ Греческихъ Хароновскихъ пѣсенъ, гдѣ изображенъ молодець борющійся съ Харономъ (Харомъ) — борьба эта совершается на мѣдномъ току. И въ нашей былинѣ, когда отецъ предостерегаетъ сына, чтобы тотъ не ходилъ къ мѣдному току, то этими словами какъ бы сказывается тожѣ, что не ходи въ то мѣсто, гдѣ тебѣ предстоитъ неминуемая смерть. Главное основаніе, почему не надо туда ходить, отецъ, правда, видитъ въ томъ, что когда-то онъ тамъ разрушилъ замокъ: а все же въ выраженіи отца «не ходи къ мѣдному току» заключается для сына, выросшаго въ народныхъ повѣрьяхъ, что-то зловѣщее, роковое.

«Горы-холмы солнца» *τοῦ ἡλ' τὰ βουνά, τ' ὄρια* — другая мѣсто-описательная черта заслуживала бы особливаго вниманія знатоковъ сравнительной литературы и мифологіи. Симвулидъ, доставившій намъ текстъ разбираемой былины, написавъ ἡλ' черезъ малую иту, далъ намъ право принимать это существительное за солнце. О возможности такой формы родит. падежа для этого слова скажемъ ниже. Если допустить ея возможность, то остается вопросъ: какое отношеніе къ горамъ имѣетъ здѣсь солнце? Просто ли это какія либо горныя вершины, которыя солнечными лучами освѣщаются постоянно и дольше, чѣмъ мѣста низменныя и впаляя? Или это «солнцевы горы», горы солнца, какъ одной изъ силъ природы, силы, обратившейся въ мѣстное божество, и уцѣлѣвшей въ народномъ преданіи? Но вызывая этими во-

просами догадки людей болѣе свѣдущихъ, я считаю нужнымъ сблизить разбираемый здѣсь оборотъ съ другими двумя на него похожими, вычитанными мною въ Трапезунтскихъ же пѣсняхъ: одно у Иоаннида σ' σοῦ Ἡλίου τὰ παρχάρια²⁾, другое у Леграна ἐπιγεῖν καὶν ἐκόνεψεν καὶ στοῦ Ἡλί το κάστρον³⁾. Спрашивается, что это за слово, которое у обоихъ стоитъ въ род. падежѣ: оба пишутъ первый звукъ его большою буквою, указывая тѣмъ, что это имя собственное, а второй сверхъ того и переводитъ dans la forte-gesse de Hili? Допустивъ, что это имя собственное какой либо Понтской мѣстности, спрашиваемъ: откуда оно заимствовано отъ языческаго ли бога Ἡλιος, которому въ глубокой древности могли тутъ поклоняться, или отъ ветхозавѣтнаго пророка, которому въ Христіанскія времена могла быть посвящена какая либо часовня? Отвѣты на эти вопросы будемъ ожидать отъ мѣстныхъ наблюдателей и изслѣдователей. Отложивъ попеченіе о дальнѣйшемъ анализѣ слова, употребленнаго во всѣхъ трехъ текстахъ въ формѣ род. падежа, коснемся другой трудности. Мы видимъ какое-то сходство между оборотомъ въ Симвулидовой былинѣ τὰ βουνὰ τ' ὄρια и оборотомъ въ Иоаннидовой τὰ παρχάρια. Пасовъ, вѣроятно съ голоса Ксанеопула, толкуетъ въ своемъ указателѣ: «παρχάρεο τὸ ital. parco, hortus 543, 3»⁴⁾. Иоаннидъ же въ своемъ указателѣ объясняетъ: «παρχάρ, τὸ καὶ ὁ παρχάρς λέξις οὐχὶ νεοσυνήθιστος, ὀροπέδιον, λειβάς, λέξις κατὰ τινὰς ἰνδικῆ εἰς σειρὰν ὀρέων»⁵⁾. Итакъ мы имѣемъ два другъ другу противорѣчивыя объясненія: съ одной стороны, «паркъ, садъ», съ другой «плоскогоріе, лощина»; эти объясненія притомъ слишкомъ общи и неточны. Къ сожалѣнію, если вѣрно замѣчаніе Иоаннида, что

2) Ἱστορία καὶ στατιστικὴ Τραπεζούντος καὶ τῆς περὶ ταυτὴν χώρας ὡς καὶ τὰ περὶ τῆς ἐνταυθα ἐλληνικῆς γλώσσης, ὑπὸ Σαβ. Ἰωαννίδου διδασκάλου τοῦ ἐν Τραπεζοῦντι Φροντιστηρίου. Ἐν Κωνσταντινουπόλει 1870. См. стр. 286, N. 18, стихъ 13.

3) Recueil de chansons populaires grecques publiées et traduites pour la première fois par Emile Legrand. Paris 1874. См. стр. 76—77, N. 49, стихъ 3.

4) Passow, Pop. carm. . . въ Index verbor. s. παρχάρεο.

5) Ἰωανν. Ἱστορία... въ Λεξιλογία τῆς κατὰ Πόντον Ἑλληνικῆς διαλέκτου, въ словѣ Παρχάρ.

это слово теперь не въ употребленіи—*λέξις οὐχὶ νεοσυνήθιστος*—, то мало надежды узнать его точный смыслъ изъ живой рѣчи нынѣшнихъ Понтскихъ Грековъ. Быть-можетъ загадочный оборотъ, прослышанный въ цѣлой массѣ пѣсень, потеряетъ нѣкоторую долю своей загадочности, а мѣстныя условія бросятъ свѣтъ на весь вопросъ. Производствомъ же отъ италіянскаго или индѣйскаго ничего твердаго не добьемся. Итакъ и мѣстоописательная черта нашей былины, возбуждая вопросъ за вопросомъ, не даетъ пока возможности приковать дѣйствіе къ опредѣленной географической мѣстности.

Время, изображенное въ былинѣ о Ксанөннѣ, относится къ періоду частыхъ сношеній Византійскихъ Грековъ съ Саракинами. Однако жъ это не эпоха начальнаго появленія мусульманскихъ завоеваній. Мы видимъ Саракиновъ въ этой былинѣ осѣдлыми, поселившимися въ многочисленныхъ замкахъ. Не одними захватами чужой собственности занимаются они, но засѣвають поля и мелютъ хлѣбъ на мельницахъ. Саракины эти такъ ужь присосѣдились къ Христіанамъ, что обоюдныя враждебныя ихъ столкновения стали дѣломъ часто повторяющимся и неизбѣжнымъ. Мало того: между двумя соперничающими сторонами есть и соотношенія миролюбивыя, взаимно-благоклонныя: такъ Ксанөннъ, этотъ эпическій представитель Греко-Христіанскаго міра, по убіеніи имъ главнаго князя Саракинскаго, выпускаетъ на волю подначальныхъ этому главному князю князьковъ, не простирая на нихъ своей мести.

Близко опредѣлить время образованія разбираемой былины по находящимся въ ней словамъ иностраннаго происхожденія — *κάστρου, χαντζάρην, ἀμυράδοντες*, по видимому тоже нельзя. *Κάστρου* есть Греческая передѣлка Латинскаго *castrum*; оно зашло въ Греч. языкъ почти одновременно съ образованіемъ Византійской имперіи и просуществовало въ немъ до сихъ поръ. Слово ханджаръ (ханджёръ) имѣется и въ Арабскомъ и въ Турецкомъ языкѣ, и по этому нельзя съ положительностію рѣшить, чтобъ былина заимствовала это слово отъ Турокъ. Форму *χαντζάρην*

т. е. черезъ Русское ч, какъ пишеть это слово Симвулидъ, чтобъ показать его выговоръ, Трапезунтскіе Греки «во всякомъ случаѣ взяли *не* у Арабовъ, такъ какъ звука ч въ Арабскомъ языкѣ нѣтъ, а есть только *дж*»⁶⁾. Это ч, по свойству Греческаго Понтскаго говора, замѣщаетъ обычныя Греческія τζ и τσ, какъ читатель можетъ убѣдиться въ этомъ изъ текста Ксанонина на словахъ ὀμαλοῦχχα (16), χαμελετίχα (см. стихи 25 и 31). Эта ч у Симвулида, мнѣ кажется, доказываетъ только, что такъ произносятся слово *καυτζάριν* Понтскіе Греки—*нынѣ*. Какъ произносилось оно *въ ту пору*, когда слагалась былина неизвѣстно: по этому и нѣтъ данныхъ для отвѣта на вопросъ: изъ какого языка заимствовала это слово былина. Слова ἀμῆραδοντες и ἀμῆροντες очевидно производныя отъ «ἀμῆρᾶς — эмиръ», слова Арабскаго; но этимъ производнымъ придана форма Греческихъ причастій съ значеніемъ существительныхъ въ родѣ ἀρχοντες. Итакъ ни Италіанскихъ, ни Турецкихъ словъ въ былинѣ нѣтъ: вотъ признакъ, служащій однимъ изъ основанийъ для приуроченія ея къ памятникамъ очень стариннымъ. Въ разбираемой былинѣ есть нѣсколько древнихъ реченій, либо вовсе не находящихся въ общеупотребительномъ нынѣшнемъ Греческомъ языкѣ, либо составляющихъ въ немъ рѣдкость; таковы: πάνδεινος (стихъ 1), ἄγωμε (ст. 4), λευρόν (5), βυχέντριν (12), ὀμάλια (16), ὄρια (20), хотύλα (25). Но на сколько могутъ они служить доказательствомъ въ пользу древности языка этой былины я не въ состояніи судить, по незнакомству съ нынѣшнимъ мѣстнымъ разговорнымъ языкомъ Понтійскихъ Грековъ. Такъ какъ въ этомъ послѣднемъ сохранилось много старинныхъ и даже древнихъ словъ, то не знакомый

---

6) Слова, поставленные нами здѣсь между кавычками принадлежатъ нашему арабисту барону В. Р. Розену, которому приношу за это свидѣніе глубокую благодарность (это отвѣтъ на мой вопросъ). «Въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ бедунскихъ нарѣчіяхъ, продолжаетъ Г. Розень, звукъ этотъ (т. е. ч) права встрѣчается, но исключительно въ такихъ словахъ, гдѣ въ обыкновенномъ арабскомъ языкѣ стоитъ к, которое, какъ въ Славянскомъ и другихъ языкахъ смягчилось черезъ е, і въ ч».

съ нимъ, легко можетъ принять за исключительно старинное, такое слово, которое ежедневно слышится и понынѣ.

Итакъ будемъ довольствоваться покамѣстъ тѣмъ общимъ выводомъ, что какъ содержаніе нашей былины, такъ и языкъ ея не представляютъ никакихъ слѣдовъ ни Италіянскаго, ни Турецкаго вліянія. Миѳическія же частности и эпическій тонъ ея подтверждаютъ древность ея происхожденія.

Я позволю себѣ представить нѣкоторыя мѣстныя формы, входящія въ составъ нашей былины.

1) Существительныя, прилагательныя и причастія страдательнаго залога, оканчивающіяся на *ος*, по мѣстному Понтскому говору, то сохраняютъ это окончаніе, то измѣняютъ его на *ον*. Такъ рядомъ со словами: *ἀνέφορος* (15), *κατέφορος* (15), *ζυγός* (16), *ἄρρωστος* (22), *βυθισμένος* (22) читаемъ здѣсь *ὁ Ξάνθινον*, *ὁ πάνδεινον*, *ὁ παντολαλεμένον* (1), *ὁ βούβαλον* (14). Вышеприведенная двойкая форма подтверждается слѣдующими примѣрами:

ὁ ἥλον (Ἰωανν. № 13, 16)⁷⁾ *ἥλιος* (тамъ же ст. 23).

ὁ κωνσαντίνον ὁ καλόν, *ὁ καλοκωνσαντίνος* (I. 23, 1).

ὁ ἀλεπόν (I. стран. 264 въ баснѣ 1.) *ὁ ἀλεπός* (тамъ же).

Іоаннидъ весьма опредѣлительно, хотя я и не знаю на столько же ли вѣрно, высказываетъ такое правило: «*Βольшею частію* имен. падежъ 2-го склон. оканчивается на *ον*, какъ-то *ὁ Γεώργιον*, *ὁ Σταύρον*» (Ἰωανν. 261—2). Маврофридъ объ этомъ явленіи Трапезунтскаго говора подъ статіею *ἐνικὴ ὀνομαστικὴ* не упоминаетъ⁸⁾. Такіе же двойкіе именительные на *ον* вмѣсто *ος* находятся у Леграна и у Пассова; но первый пишетъ вторую форму черезъ *ον*⁹⁾, а второй то черезъ *ον*, то черезъ *ων*; наприм: *ὁ κόσ-*

7) При сокращенномъ Ἰωανν. или I. мы имѣемъ въ виду все то же сочиненіе, котораго подробное заглавіе выписано нами въ прим. 2.

8) Μαυροφρίδου, Δοκίμιον ἱστορίας τῆς Ἑλληνικῆς γλώσσης, стран. 476—480.

9) Легранъ, въ Сборникѣ, приведенномъ нами въ пр. 3. — Трапезунтскихъ пѣсень у него здѣсь всѣхъ три, NN. 49—51

μος οὐλων Pass. Pop. Carth. № 500, 6), ὁ Ξάνθινον № 482). Можно догадываться, что Пассовъ слѣдовалъ Ксанеопулу, изъ котораго онъ заимствовалъ свой Трапезунтскій запасъ: но о правописаніи Ксанеопула не можемъ утверждать положительно, такъ какъ не имѣемъ подъ рукою его сочиненія *Φιλολογικός συνέκδημος*¹⁰⁾.

2) Опущенія диффонга *ου* въ концѣ род. падежа словъ на *ς* былина представляетъ три случая, которые разберемъ каждый отдѣльно.

а. του λιθαρί? (стихъ 19). Сравни съ подобными явленіями у Иоаннида: του μοναστηρί? (стран. 270, въ пословицахъ подь буквой τ), λιθαρί? μ (N. 7, 16), παλλίκαρι? (N. 17, 5), σ'σωφιδί? (271 = εἰς τοῦ ὀφιδίω), καραβί? (N. 16, 2, 3, 5). Изъ всѣхъ приведенныхъ примѣровъ явствуетъ, что такой родит. произошелъ изъ полнѣйшаго του λιθαρίου, τῆ μοναστηρίω и т. д., въ слѣдствіе того, что *ου* перестаетъ быть слышно, при чемъ удареніе остается на своемъ мѣстѣ. Иначе образуется эта род. форма, чѣмъ общепринятая въ Ново-Греческомъ просторѣчии, (не чуждая и Понтскому говору) при чемъ съ сохраненіемъ суффикса род. над. на него переносится удареніе; напр. τῆ λιθαριῶν вмѣсто τῆ λιθαρίου. На основаніи вышеприведенныхъ примѣровъ въ стихѣ, что у Пассова (N. 543, 6)

Νὰ κεῖνταν ἄποχοιμηθῆν στοῦ κλωνάρι? μ? τὸν ἴσκιον

нужно, я полагаю, измѣнить въ предпоследнемъ имени удареніе и читать κλωνάρι μ?. Этого требуетъ какъ выше изложенное правило, такъ и размѣръ¹¹⁾. Быть-можетъ и Леграново Ἴηλι въ стихѣ:

10) Pass. ср. у него стр. VII, N. 10 и пѣсни подь NN. 198, 440, 481, 482, 486, 500, 505, 510, 527, 538, 552. Это все съ обозначеніемъ Трапезунта; Керасунтскія же за NN. 543 и 544 заимствованы Пассовомъ изъ Πανδώρα φυλλ. 194, 48.

11) Стихотвореніе, изъ котораго приведенъ этотъ стихъ, заимствовано Пассовымъ изъ Πανδ. φυλλ. 194, 48; а такъ какъ этого номера журнала у насъ нѣтъ подь рукою, то мы не знаемъ на кого пенять за удареніе κλωνάρι μ въ род. пад.

Ἐπῆγεν καὶν ἐκόνεψεν καὶ στοῦ Ἥλι τοῦ κάσρον,

лучше бы читать какъ 'Нлї', т. е. какъ усѣченное изъ 'Нліου'. Впрочемъ мы въ этомъ не увѣрены, по темнотѣ этого слова¹²⁾.

б. τοῦ ἥλ' (20). Надо думать — это род. падежъ отъ именит. ὁ ἥλον (Ἰωανν. N. 13, 16; пиши: ἥλον). Въ этой самой формѣ слово это вошло въ составъ прекраснаго словечка: ἡλοκόρασον, въ стихѣ:

σήμερον τ' ἡλοκόρασον δύο καρδίας ἔχει

= сегодня у солнца-дѣвицы два сердца (красавицу выдаютъ замужъ и сердце ея раздваивается между родителями и женихомъ, I. N. 27, ст. 15). Однакожъ въ Понтійскихъ же пѣсняхъ читаемъ: еще и ἡλιού, и Ἥλιε, какъ род. падежи; но какого именительнаго? Первый родит. въ стихѣ:

καὶ στοῦ ἡλιού τ' ἀπόκλωσμα ἐκρέμασα τὰ πόσια. Pass. 505, 13 (Ξ).

очевидно отъ имен. ἥλιος въ общенародной формѣ. Въ общепринятомъ разговорномъ удареніе доякое: ἡλιού, какъ въ приведенномъ примѣрѣ, и ἥλιου. Эту послѣднюю форму видимъ и въ Трап. пѣснѣ у Иоан. σ' σῆ Ἥλιου τὰ παρχάρια (N. 18, 13). Что же касается о Леграновомъ Ἥλι см. выше стр. 4.

в. τὸν υἰόνατ (3 и 18), κύρνατ (7), ζυγόσατ (16), хотύλιанаτ (25), βωθούνινατ (26), κεφάλινατ (29) вмѣсто υἰὸν ἀτοῦ (αὐτοῦ, τῆ) и т. д. Подобные примѣры читаемъ и у другихъ: σπάδιαν ἀτς, 'σέρι ἀτς, τ' αἰμιαν ἀт (I. 18, 3 и 6), μεγάλην ἔννοιαν τῆ σπανῆ ἀν 'х εὔρεθῆ τὸ χτένι ἀт' (велика важность для плѣшака, коли не отгъщется его гребень, I. стран. 269, въ пословицахъ), καλάμ' ὕ' ἀт' (Pass. N. 440, 10, = Ξανθοп. φιλολ. συνέχδ. 436). Въ ἀтоῦ происходитъ усѣченіе окончанія род. пад., когда это мѣстоименіе ставится послѣ имени для означенія привадежности. Такимъ

12) См. наше прим. 3, выше.

образомъ съ исчезновеніемъ въ мѣстоименіи цѣлаго слога съ его удареніемъ, остается одно лишь удареніе имени, причеиъ оба слова составляютъ какъ бы одно. Эту особенность Маврофридъ относить къ говору Керасунтскому¹³⁾. Но при нынѣшнемъ запасѣ печатнаго матеріала нельзя ограничивать ее однимъ Керасунтскимъ говоромъ.

3) τούς δύο (8). Δύς произошло изъ δύοуc посредствомъ выпаденія ου, безъ всякихъ другихъ переиѣнъ. Маврофридъ говоритъ: «ἐν δὲ τῇ τῶν Κερασουντίων καὶ ἄλλων Ποντικῶν διαλέκτῳ τὸ δύο κλίνεται κατὰ γένη καὶ πτώσεις ὡς· οἱ δύοι, τῶν δύοων, τοῖς δύοουc· αἱ δύοαι, τὰ δύοα κ τ λ.»¹⁴⁾ т. е. въ говорѣ Керасунтцевъ и другихъ Понтійцевъ δύο измѣняется по родамъ и падежамъ, какъ-то . . . . .» Однакожь изъ одной басни, приведенной Иоаннидомъ, мы видимъ что рядомъ съ τοῖς δύοουc есть и τοῖς δύοуc; примѣръ: αἶ ἔλ' ἄς πάμε συγγνωμιάσκουμεc με δύοуc νομάτc (нуже пойдемъ посоветоваться съ двумя особами (Ἰωανν. стр. 266, басня). — Стало быть это слово имѣеть у Понтійцевъ двойное удареніе, какъ и въ общепринятомъ: δύο и δύο. Но съжившиеся δύοc, повторяемъ, произошло изъ δύοуc, а не изъ δύοуc.

4) ἡ ἔχουcев (7). Первое изъ сихъ словъ есть любопытный обломокъ древности. Иоаннидъ объясняетъ: ἡ, не, пишется передъ согласною; а передъ гласною х²; на примѣръ: ἡ θέλω, не почу, х² ἔρχουμαι, не приакожу «(=ἡ, οὐχί, πρὸ συμφώνου, πρὸ φωνήεντος δὲ х², οἶον ἡ θέλω, х² ἔρχουμαι»¹⁵⁾. Тоже наблюдение и у Маврофрида¹⁶⁾. Самъ же я представляю себѣ дѣло такъ, что изъ древняго οὐχί произошло ἡ, а отъ ἡ усѣчена гласная передъ гласною слѣдующаго слова, и вышло х². Писать же слѣдуетъ этотъ послѣдній обломокъ между двумя апострофами, чтобъ показать.

13) Μαυροφρύδου, Δοχίμιον стр. 596—597.

14) Μαυροφρ. Δοχιμ. 551.

15) Мы привели въ текстѣ мѣсто изъ Иоаннида исправивъ его, какъ мы думаемъ, по мысли автора; въ книгѣ же его напечатано ошибочно слѣд. образомъ: «ἡ, οὐχί πρὸ συμφώνου καὶ πρὸ φωνήεντος, δὲ х²: οἶον, ἡ θέλω х² ἔρχουμαι.» См. въ его λεξ. подъ ἡ.

16) Μαυροφр. 689.

что съ обѣихъ стороно урѣзанъ. Древнее же οὐκ встрѣтили мы только въ одной пѣснѣ; но пока это не подтверждено другими примѣрами, оно возбуждаетъ въ насъ сомнѣнiе. Есть у Иоан. одинъ стихъ, который напечатанъ слѣдующимъ образомъ:

— Οὐκ εἶπά σε, ναί, κὺρ Πόρφυρα βαρέα μὴ χαιχᾶσαι¹⁷⁾.

Легранъ, перепечатавшій все стихотворенiе о Порфирiи изъ Иоаннида, какъ онъ о томъ и самъ упоминаетъ, и приложившій свой переводъ, почувствовавъ, должно быть, всю противоразумѣрность этого стиха, выкинулъ изъ него ναί, и стихъ вышелъ мѣрный:

«οὐκ εἶπά σε, κὺρ Πόρφυρα, βαρέα μὴ χαιχᾶσαι¹⁸⁾».

Но οὐκ остался и у Леграна. Если же съ одной стороны удержать необходимое здѣсь, крѣпкое ναί, а съ другой, устранить подозрительное οὐκ, замѣнивъ его Понтскою предгласною формой ἄ, то получится слѣдующій стихъ:

ἄ εἶπά σε, ναί, κὺρ Πόρφυρα, βαρέα μὴ χαιχᾶσαι,

«Не сказала ли я тебѣ, по истинѣ, сударь Порфиръ, больно не хвастай».

Вѣрна ли наша поправка укажутъ другiе.

5. φυγαδῆσμενЦа (27). Это слово сопоставимъ съ слѣдующими причастными страдательными формами жен. рода, находящимися у Иоаннида: βαρασμένησα (стран. 270, въ пословицахъ подъ τ), τιμεμένησα (N. 27, 6), διαβολεμένη(τ)σα (въ Указателѣ его). Спрашиваемъ: отъ чего у I. такое тройкое написанiе, и чрезъ одну сигму, и чрезъ двѣ и чрезъ тафъ съ сигмой (σ, σσ, τσ)?

17) Ἰωανν. стр. 289, въ кон.

18) Le exploits de Digénis Akritas épopée byzantine du dixième siècle publiée pour la première fois d'après le manuscrit unique de Trébizonde par C. Sathas et E. Legrand. Par. 1875. См. Introduction, p. СIII.

Отъ тройкаго ли произношенія сихъ словъ Понтскими Греками, или отъ колебанія Иоаннида въ изображеніи одного и того же звука? На это не могу дать опредѣленнаго отвѣта; выговоръ же, графически изображенный Симвулидомъ чрезъ *Ц*, считаю не подлежащимъ ни малѣйшему сомнѣнію¹⁹⁾. Этотъ выговоръ между прочимъ подтверждается и приведеннымъ нами выше изъ Иоаннида словомъ *διαβλεμέν(τ)σα*. Зачѣмъ *τ* поставлено имъ въ скобки, онъ не объясняетъ: но то важно, что онъ слышалъ такой выговоръ. Это впрочемъ единственный примѣръ произношенія причастія страдательнаго въ прош. соверш. времени жен. р. во всемъ его словоуказателѣ, въ сборникѣ же его нѣтъ ни одного примѣра на *τσα*²⁰⁾.

6) *ξάν* (34). Пассовъ даетъ такое объясненіе: «*Ξάν* τгаρ. *πάλιν*, *rursus*; *rectius fortasse interpretaris: omnino, prorsus, compositum enim videtur ex praepositionibus ἐξ et ἀνά* 198, 10» (Pop. Carm. въ Index verb. подъ *Ξάν*). Въ стихѣ, на который дѣлаетъ здѣсь ссылку Пассовъ, дѣйствиельно значеніе этого слова *omnino, prorsus*. Дѣло идетъ о бумагѣ, на которой написано пророчество о паденіи Романіи: «*κανεὶς ἀπὸ παλ' κ' ἀναγνώθ', κανεὶς ξάν κ' ἀναγνώθει*». = Никто ее рѣшительно не читаетъ, никто вовсе не читаетъ». Здѣсь *παλ'* и *ξάν* употреблены не въ первоначальномъ ихъ смыслѣ «опять», «снова», а въ дальнѣйшемъ смыслѣ, которому по-Русски отчасти соотвѣтствуетъ: «опять же» «таки». Первоначальное значеніе слова *ξάν* находимъ дважды въ баснѣ о лисицѣ. Когда мужикъ принялъ притворившуюся лисицу за мертвую и вытащилъ ее изъ западни, то онъ *ῶρδωνεν ξάν τήν παγίδα* т. е. «опять устраивалъ западню». Лисица убѣжала и повстрѣчала волка; другая опасность: *ξάν πῶς νὰ ποίη²¹⁾*;

19) См. ниже о транскрипціи Симвулида.

20) Пассова (въ Pop. sag.), у Леграна. (въ Resueil) не попадаетъ ни одного случая окончанія упомянутыхъ причастій на *σα*, *σσα* или *τσα*. Очень возможно, что *λουγμένη* (Pass. N. 510, 23=Ξανδόπουλ. Φιλολογ. συνεχδ. 328) поется в *λουγμένα* или *λουγμέντσα*.

21) *Ἰωανν. 264, 10*, переводить *πῶς νὰ κάμη*, при чемъ оставляетъ *ξάν* не переведеннымъ.

«опять какъ ей быть?» Въ томъ же первоначальномъ смыслѣ надо понимать и въ слѣдующемъ стихѣ:

κα ὑτίζω τὰ φτεροῦλα μου ξάν ἄμμον καὶ πῶς ἔσαν²²⁾.

Птица съ подломленными крыльями говорить о себѣ: нужно золото и серебро, «чтобъ поправить мои крылышки *опять* подобно тому, какъ они были». Такъ мы поняли это слово и въ слѣднемъ стихѣ Ксанөина. — Особенность ξάν въ Понтскомъ говорѣ заключается въ томъ, что оно въ предложении является отдѣльно какъ самостоятельное нарѣчiе, и притомъ въ усѣченномъ видѣ; между тѣмъ какъ въ общегреческомъ разговорномъ языкѣ оно является въ полной формѣ ξανα* не особо стоящимъ, а всегда соединеннымъ въ одно слово съ глаголомъ и поставленнымъ впереди его: ξαναγράφω, ξαναέρχομαι (все равно съ согласнаго ли, или съ гласнаго этотъ глаголь начинается).

7) ἐντώχεν (30) = «поразилъ, ударилъ», какъ истолковано Иоаннидомъ въ Словоуказателѣ, и какъ можно судить и изъ слѣдующихъ двухъ мѣстъ:

καὶ ἔστυρεν τὴν σπάθην αὐτῆς, Σαρακενὸν ἐντώχεν (I. N. 18, 5) =

«и вытащила свой мечъ, поразила Саракина» (Мѣрмика).

δίχα σπαθίν, δίχα κοντάρ, ἐγ' ἀτουνοῦς ἐντώχα

(I. N. 22, 56, гдѣ дважды повторенное δίχα едва ли вѣрно) =

«безъ меча, безъ копiя я ихъ убилъ»

который способъ писанiе вѣрнѣе черезъ ο (Симв.) или черезъ ω (Иоан.), — объ этомъ судить не могу, потому что мнѣ не извѣстно происхождение этого слова.

Разобранныя здѣсь слова, я думаю, могутъ быть отнесены къ исключительно Понтскимъ; чего не смѣю съ одинакою увѣ-

22) Ἰωανν. N. 8, 10. Мы устранили запятую, которая въ этомъ текстѣ у Иоаннида стоитъ послѣ ξάν.

ренностію утверждать о ζευλία (стихъ 10), ζυγониότης (11), ἐμάλια, и ἐμαλούτσικα (16), βάρβδιαν (29).

Симвулидъ желая какъ можно точнѣе воспроизвести мѣстный выговоръ Трапезунтскій, какъ тамошній уроженецъ, могъ это исполнить очень хорошо. Неоднократныя посѣщенія роднаго ему города, обновляли въ его памяти тѣ воспоминанія, которыя остались въ немъ съ дѣтства. Знакомый съ Русскимъ языкомъ въ слѣдствіе долгой его службы по врачебной части въ нашей гвардіи, онъ придумалъ выразить графически текстъ Ксановина и нѣкоторые другіе тексты не одиѣми Греческими буквами, но и Русскими: послѣднія онъ пустилъ въ ходъ въ тѣхъ только случаяхъ, гдѣ Греческія буквы, по ихъ обычному произношенію, не могли передать мнѣ съ полною исправностію произношеніе его родичей, съ которымъ онъ желалъ меня познакомиться. Обращаю здѣсь вниманіе читателей на его приемы.

1) Я ставитъ Симвулидъ тамъ гдѣ альфѣ предшествуетъ краткій звукъ и; слѣдовательно вм. λαλιάν (2) χαλάζια (2), δάχρυα (2), ἐδιαρμένευεν (3), πανογύρια (4), κι' ἀγροίικισον (11), κι' ἄν (14), ἐμάλια (16), ὄρια (20), λιθάρια (9), κι' ἀπάν (21), φυγαδιᾶς (32), φυγαδιασμέντσα (27),—онъ пишетъ λαλ'Ян, χαλάζ'Я и. т. д.

б) тамъ гдѣ альфа стоитъ послѣ ρ; вм. χάσρα (4), ἀμηράδοντες (33), онъ пишетъ κάШтрЯ, ἀμηЯ'δοντες.

в) и слово Σαραχηνόν не знаю почему пишетъ онъ ΣαραЯ-νόν (11 и 21).

2) Ш вм. χ пишетъ онъ въ словахъ εἶχεν (2 и 23), χέρινατ' (12), слѣдующимъ образомъ: εἶШен, Шέρινατ'. Это согласно съ правиломъ Иоанниды; «τὸ χ πρό τοῦ α, ο, ω καὶ τῶν διφθόγγων τῶν ἐχόντων ἀρχτικόν τὸ α ἢ τὸ ο, ὡς χ · πρό δὲ τῶν λοιπῶν φωνήεντων ὡς σ δασύ · σέρι=χέρι, σειμών=χειμών κ. τ. λ.» (Iwan. 261). Подъ σ δασύ Иоаннидъ разумѣетъ тутъ звукъ, который выражается въ Русскомъ чрезъ ш, во фр. чрезъ sh, въ нѣм. чрезъ sch. — Почему Симв. употребилъ ш въ словѣ χάστρον, т. е. тамъ гдѣ сигма передъ тафомъ, точно въ нѣмецкомъ Strom, объяснить не умѣю.

3) Ч пишеть онъ тамъ, гдѣ обычно пишутъ τσ или τζ, слѣдовательно: χανЧáριν (12), χανЧарéας (14), ὀμалоῦЧихα (16), χамελετίЧа (25 и 31).

4) Ц въ словѣ φυγαδῆЮрμένЦα (27).
(см. выше).

Считая авторитетъ Симвулида важнымъ, я рѣшился напечатать писанную его рукою народную былинку съ соблюденіемъ его правописанія безъ малѣйшагѣ измѣненія; а въ тѣхъ случаяхъ, когда съ нимъ расходился, отмѣтилъ свои замѣчанія подѣ текстомъ.

4-го Іюня 1880 г.

Гавріиль Дестунисъ.

О КСАНΘΙΝῆ.

ТЕКСТЪ, ПЕРЕВОДЪ И КОММЕНТАРІЙ.

Τοῦ Ξανθίνου.

(Ἐξεδόθη ἀπαραλλάκτως κατὰ τὸ κείμενον τὸ ἰδιοχείρως παρὰ τοῦ Γ. Δ. Συμβουλίδου καταγεγραμμένον.)

Ὁ Ξάνθινον ὁ πάνδεινον κι'ὸ παντολαλεμένον,
ποῦ εἶπεν τὴν βροντὴν λαλῆν καὶ τὰ χαλάζῃ δάκρυ,
καθέτον κ' ἔδραρμένευεν τὸν υἷονατ τὸν Βασίλην.
«Στόλα τὰ κάπτρῃ ἄγωμε, στόλα τὰ πανογύρῃ,

1) Объ имени лица см. во Вступлении стр. 1. — Объ именит. надежахъ на онъ вм. оς Вступл. ст. 7. — Этотъ первый стихъ, представляющій сперва имя лица, а потомъ его эпитеты, сходень съ первыми же стихами слѣдующихъ былинъ:

ὁ Κωσαντίνον ὁ καλόν, ὁ καλο—Κωσαντίνος (I. N. 23)

ἡ Μέρμυκα, ἡ Μέρμυκα, ἡ ἴσλιομαγεμένη (I. N. 18, читай IIIλιο-
μαγευμένη)

ὁ Κωνσαντίνος ὁ μικρὸς κι' ὁ μικροπαντρεμμένος (Заμπ. . . Pass.
N. 458).

ἡ Εὐγενῆλ' ἡ εὐμορφη (ин. ѡм.) κ' ἡ μικροπανтρεμμένη (Влѣмшій
Амарантосъ N. XI¹) Заμπ; ст. 715²) Pass. NN. 414, 415).

2) εἶπεν = εἶχεν см. Вступл. стр. 14—λαλῆν, χαλάζῃ, δάκρυ
Вступл. стр. 14.— Говоръ у Ксановина—громъ; у архонта же Юанна,
героя другой Понтской быliny, былъ такой мечъ, отъ говора котораго
колебался замокъ:

κ' ἄς τὴν λαλιὰν τῆς σπάθης ἀτ' ἐσειέτην ὁ κάστρον (I. N. 17, 12:
читай τὸ κ.).

1) Амарантосъ или розы возрожденной Элады, Георг. Эвѣмпиоса, Савктп. 1843.

2) Заμπелίου, Ἄσματα δημοτικὰ τῆς Ἑλλάδος, Κέρκυρα, 1852.

О КСАНΘИНЪ.

(Издано буквально по тексту, написанному рукою Г. Д. Симвулида.)

Ксанѳинъ, прешрашный, всюду прославленный, чей говоръ — громъ, чьи слезы — градъ, сидѣлъ и наставлялъ сына своего Василя: «Ко прочимъ къ замкамъ пойдемъ, на прочія-то на тор-

3. καθέτον. Удареніе перешло на другой слогъ по условіямъ размера. Такъ измѣнено удареніе еще и въ слѣдующихъ словахъ нашей былинны: καρσόν (стихъ 6), ὄνταν (13), κορή (27), χαλάν (31). Слово καθέτον нѣтъ это удареніе вмѣсто κάθετο и въ пѣсняхъ не Понтскихъ; наприм.:

κ' ἠύρηκάν τον πῆ καθέτον (Legrand Rec. 1874, N. 126, 51).

Объ удареніи въ ἀπόσεκ (13), и ἀποσέκ (14) см. при сихъ стихахъ. — ἐδῆρμένευεν = ἐδιαρμένευε. τὸν υἰόνατ. см. Вступ. стр. 14 и 9. — τὸν Βασίλην пиш. C., по мѣому Βασίλειν, ибо изъ Βασίλιον.

4) στόλα τά, пишн ῥ τ' ὄλα τά т. в. εἰς τὰ ὀ. т. Ср. κί ἀτό κατέβεν (камень) κ' εὐρέμε στ' οὐλα τά πόνια πάνω (Pass. 552,4=Ξ). Но есть въ Понт. же говорѣ и другое построеніе безъ перваго члена: κάγν' ὄλον τὸν ποταμόν (Pass. 481, 1=Ξ; =I. N. 4, 1). "Ὀλον можетъ быть и вовсе безъ члена: ἕναν ἕν καὶ στόλα μπαίν' (I. стран. 271, 10 снизу; читай ϣ' ὄλα): это Трапезунтская загадка о вѣтрѣ: «онъ одинъ, а во все входитъ». — κάШτρῆ Вступ. стр. 14. — πανογύρη (?) = πανογύρια (?): опискою ли тутъ это слово вмѣсто πανηγύρια, или есть въ самомъ дѣлѣ мѣстное слово, которое такъ звучитъ? и если есть, то произошло ли оно отъ πανηγύρι, или это совершенно другое слово, составленное изъ 'πάνω (ἐπάνω) и γῦρος (γῦρα, γυρίζω)? (какъ бы «круженіе, хожденіе по верхамъ») сравни въ Словоуказателѣ Іоаннида

- 5 ἀκεῖ στό χάλκινον στ' ἄλόν και στό λευρόν τ' ἀπίδιν,
 ἐκεῖ κα^{III}τρὸν ἐχάλασα, Βασίλ, ἐκεῖ μὴ πάγης.
 Ἄτὸς τὸν κύρνατ' ἔκκουσεν, κί' ἀτὸς ἐκεῖ ἐπῆγεν.
 ἔκει μὲ τ' ἀγροβέβαλον τοὺς δὺς ζευγάρ ἐποίχαν.
 ἀτὸν ζευγάρ ἐποίχανε και κββαλεῖ λιθάρα.
- 10 ἐποίχαν χάλκινον ζυγόν και σιδηρᾶ ζευλία,
 Σαρακηνὸν κ' Ἰγροίκιστον ἐποίχαν ζυγον^{II}την.

подъ К: «Κσωγύρ, τό, = ἐξωγύριον, ὁ ἐπὶ τῆς μανδροθύρας ἐξώσης, σοφᾶς» = «балконъ, диванъ, находящійся у двери овчарни». — Ἄγωμε; ср.: ἄγωμ', ἀδέλφη μ' ἄγωμεν σὴν καλλορριζικίαν (I. N. 15, 6; вмѣсто сὴν читай : 'ς сὴν или 'ς τήν).

5) ἀκεῖ, а въ слѣд. стихѣ ἐκεῖ. Сравни: ἀκεῖ πέραν ὀμάλια ἴν, πᾶμ' ἐκεῖ και δίγωσε (Pass. 481, 7 = Ξανθοπ. ф. σ. 436); эта пѣсня тоже Трапезунтская, и въ ней тоже двойка, какъ въ стихѣ 7, такъ и въ 19. — στό, пиши 'ς τό; ἄλόν, пиши: ἄλῶν'. Сравни:

και ἄρ ἔλα ἄς παλαίβιμε σ'σο χάλκενον τ'ἀλῶνιν (I. 14, 19): тоже Трап. пѣсня, гдѣ Харонъ вызываетъ Акриту бороться на смерть на мѣдномъ току. Вступл. стр. 3. —

6) Βασίλ въ зват. пад.: изъ Βασίλιε — Βασίλι, а изъ этого Βασίλ: держимся апострофа вообще для облегченія читателя.

7) τὸν κύρνατ Вступл. стр. 9. — 'κ ἔκκουσεν Вступ. стр. 10.

8) ἀγροβέβαλον. Сравни Ἰωανν. Λεξ.: «ἀγρόκατα και ἀγρόκατκ και ἀγροκάτεδον, — ὁ ἄγριος ἀλβρος» (= дикая кошка, л. котъ, л. катенокъ). Но тутъ въ былинѣ отгѣнокъ иной: ἀγρόκατα (въ общемъ языкѣ: ἀγριόκατα и ἀγριόγατα) есть собственно дикая или одичавш. кошка; со словомъ же ἀγροβέβαλον соединяется здѣсь понятие не дикаго или одичалаго буйвола, а полеваго, сельскаго, домашняго, въ двномъ случаѣ тяглаго, ломоваго, если можно такъ выразиться о буйволѣ. Въ составъ входитъ ἄγρός, а не ἄγριος. — τοὺς δὺς Вступ. стр. 9. — ζευγάρ = ζευγάριον (отъ ζευγος), ζευγάρин, ζευγári, ζευγάρ'. У Иоаннида въ Λεξ.: «ζαγάρ, τό, ζευγος» безъ сомнѣнiя напечатано ошибочно, въ чемъ удостовѣряетъ во-первыхъ самая негнѣность формы, во-вторыхъ мѣсто, удѣленное авторомъ этому слову между ζερβός и ζευλίιν; прямое

жища; а туда на мѣдный токѣ, да къ гладкой грушѣ, . . . тамъ крѣпость разрушилъ я, . . . туда, Василий, не ходи!» А онѣ батюшки своего не послушавъ, онѣ туда-то и пойдѣ: тамъ съ буйволомъ полевымъ — обѣихъ запрягли въ пару; запрягли въ пару и возить каменя. Наладили ярмо мѣдное, ошейникъ желѣзный, Саракина деревенщину приставили погонщи-

указаніе на то, что Іоаннида написалъ ζευγάρ. Сравни подобныя формы: πιθάρ (I. стран. 268, въ пословицахъ подъ ε), λιθάρ (I. λεξ.), ἀπανωθύρ (I. λ.), μοναστήρ (I. N. 2, 4). Русскіе очень сходно усыкали постоянно имена на αριον и ηριον: тропарь, орарь, стихарь, стихирарь, монастырь, параномарь.

9) λιθάρЯ=λιθάρια Вступ. стр. 14.

10) ζευλία. Сравни: «ζευλίν, τό, ζεύγλη, τό μέρος τοῦ ζυγοῦ, ὅπου ἐμβαίνει ὁ τοῦ βοῦς λαϊμός» (I. λεξ.) = «то мѣсто въ ярмѣ, куда входитъ шея вола». Скарлатъ же Византій даетъ два перевода: «ζεύγλη, ἦ, collier de bœufs; eschafure du joug = ошейникъ воловій, выемка въ ярмѣ» (Λεξικόν Ἑλληνικόν καί Γαλλικόν . . . ὑπό Σκαρλάτῃ Δ. Βυζαντίῳ. . . Ἀθήνησιν, 1846)¹⁾. Вся упряжь металлическая для прочности: въ другой Трапез. пѣснѣ пастухъ, чтобъ отыскать своихъ овецъ долженъ обойти весь свѣтъ, и для этого «сдѣлалъ онѣ себѣ желѣзную палицу и мѣдную обувь» «ἐποίησεν σιδηρόν ραβδὸν καὶ χάλκινα τσαρβύχια (Pass. 505, 7, = Ξανθοπ. Φιλολ. συνεκ. 428).

11) О выговорѣ и написаніи см. Вступ. стр. 14. — ζυγονιάτην = ζυγονιάτην. Это слово находится и у Ксаннопула, какъ видно изъ Pass. 440, 3, въ пѣснѣ объ Акритѣ:

πῶλιν ἔρθεν κ' ἐκόνεψεν στοῦ ζυγονιάτ' τὴν ἄκραν.

Но въ той же пѣснѣ объ Акритѣ, въ сохранившемся у меня отрывкѣ, писанномъ рукою Симвулида, читаемъ вторую часть стиха въ такомъ видѣ:

1) Не имѣя подъ рукою 2-го изданія 1856, пользуюсь первымъ.

- ἔδωκεν ἐπὶ Πέρηναι χανΨάριν καὶ βουκέντρην.
 ὄνταν ἀπόσειχ ὁ Βασίλς, δά τρώγ' τὰ βυκέντρεας.
 κ' ἢν ἀπόσειχ ὁ βούβαλον, δά τρώγ' τὰ χανΨαρέας.
 15 ἀνέφορος κατέφορος, πάντα Βασίλης ἐμπρου'
 στ' ὀμάλῃ στ' ὀμαλούΨικα ἰσάζ' καὶ ὁ ζυγόσατ.
 ὁ Ξάνθινον ὁ πάνδεινον κί' ὁ παντολαλεμένον
 ἐξέβεν κεν ἐράειψεν τὸν υἱόνατ τὸν Βασίλην

. . . . . στοῦ ζυγονῆ τὴν ἄκραν

Недослышалъ ли С., что тутъ два τ: ζυγονιάτ' τὴν, или τοῦ ζυγονῆ
 есть род. пад. отъ какого либо имени ζυγονιάς*, какъ τοῦ φαγά, τῶ
 κτενά отъ ὁ φαγάς, ὁ κτενάς?

12) ἐπὶ Πέρηναι, и χανΨάριν Вступ. βυκέντρην, сравни: καρφώνει
 τὸ βυκέντρην ἀτ'. (Pass. 440, 10 = Ξανθοп. Φιλολ. συνεχδ. 436).

13) ὄνταν см. къ стиху 3. Такой переходъ ударенія въ этомъ словѣ
 видимъ и въ другихъ говорахъ; такъ размѣръ обусловилъ такое же уда-
 реніе и въ слѣдующей эпирской пословицѣ: ὄντά' прεπε δὲν ἔβρεχε,
 καὶ τὸν μάτ' χιονίζε (Маврофридъ, стр. 656) ¹⁾ = «когда надо было, не
 было дождя, а въ маѣ снѣгъ шолъ.» — ἀπόσειχ, а въ слѣд. стихѣ ἀπο-
 сείχ: думаю, что въ первомъ случаѣ это проходящее время, а во второмъ
 настоящее, чѣмъ и обусловлена главнымъ образомъ разность ударенія;
 въ обоихъ случаяхъ нуженъ бы апострофъ. — Βασίλς: Βασίλιος, Βασίλς,
 — λς. — ὁ βούβαλον Вступ. стр. 7. — τὰ βυκέντρεας и въ слѣд. стихѣ
 τὰ χанΨαρέας: такое смѣшеніе родовъ есть особенность Понтийскихъ
 говоровъ. сравни: στ' ἀψηλασέας (I. N. 2, 28), σ' ὄλα τὰ πολιτείας
 (I. 13, 18), τὰ πόρτας σιδερένια (I. 26, 27), με τὸ βαρὺν τὴν σκά-
 θην (I. 20, 26). — δά τρώγ'. Такъ какъ тутъ описаны двѣ случай-
 ности, нѣчто условное, то я полагаю, что это не будущее δά τρώγει,
 а условное δά ἔτρωγε, и въ такомъ случаѣ вѣрнѣе писать δά 'τρωγ'.

14) ἀνέφορος κατέφορος. Такъ же пишется первое изъ этихъ словъ
 и у Пасс. 527, 6 (Ξανθ. Ф. σ. 401. β.): ἐγάπη στὸν ἀνέφορον βα-
 ρὺν φορτίον ἐνι. А Іоанниδъ въ λεξ. колеблется; см. κατὰίφορος καὶ

1) Полное заглав. см. въ пр. 8 Вступл.

комъ, дали ему въ руку кинжалъ и бодець. Какъ поприготовится Василій, поугостятъ бодцомъ, какъ поприготовится буйволъ, поугостятъ кинжаломъ; въ гору ли, съ горы ли, все Василій впереди; какъ по ровному, по ровнехонькому рядышкомъ и ярмо. Ксанөиинъ претрашный, всюду прославленный, вышелъ и поискалъ сына своего Василя у разсѣлинъ камня, у сердцевины де-

κατήφορος, ὁ, ὁ τόπος κατωφερός; и тамъ же: κατεβαίνω, καταβαίνω. Не сохранилась ли тутъ древняя форма предлоговъ ἀναί, καταί, какъ въ παιδαίνω сохранился древній предлогъ ἀπαί? — Βασίλης, или Βασίλις. — ἔμπρв д. б. Понтское; ср. ἔμπρв καί ὀπίσω (I. 22, 15), ἀπ' ἔμπρв (I. 15, 37 и 22, 50).

16) στ' ὀμάλι = 'ς τὰ ὀμάλια. Сравни: ὄθεν πάει ἡ φωλέα μὲν ὀμάλια καὶ λειβάδια (I. 9, 8); τ' ὀμάλια Ἰὸρκς ἐγόμεωσεν καὶ τὰ βὺνὰ λεβέντες (Løgrand, N. 51, 2). Въ един. ч. ὀμάлин (Pass. 543, 1=Ξ) и ὀмάλ (I. въ лез.). — ὄστικός суффиксъ уменьшит. формы въ общемъ языкѣ для прилагательныхъ; здѣсь же особенно интересно сохраненіе этой формы несмотря на то, что прилаг. получило значеніе существительнаго, какъ въ нашемъ переводѣ по-Русски. — ἰσάζ' καὶ ὁ ζυγόσατ: выше сказано, что на неровныхъ мѣстахъ Василій постоянно впереди буйвола, теперь говорится, что только на ровномъ мѣстѣ ярмо его ровняется, т. е. прежде оно шло косо, однимъ концомъ впередъ, а теперь параллельно съ передкомъ телѣги. Такъ ли поняли мы?

18) ἐξέβεν. Ср. ἐξέβεν καὶ 'καυχέθεν (I. 22, 10). — κεν ἐράειψε составляли сперва для меня камень преткновенія, переводились наугадъ, по связи представленій. По сличеніи съ слѣдующими примѣрами утверждаюсь въ мысли, что κεν значить и: ἐρθανε κεν ἐντόχανε σταδία.... ὑτυπῆνε μισανέας ἐχτόχεν κεν ὁ Ξάνθινον (Pass. 482, 17—18 = Ξανθοπ. Ф. σ. 404. Δ.). Тоже, по видимому, слово Логранъ пишетъ καίν и понимаетъ его тоже какъ и: ἐπῆγεν καίν ἐχόνεψεν καὶ στοῦ 'Ηλί τὸ κάσρον = mais il alla à la forteresse de Hili et s'y arrêta (Løgrand, Rec. 1874, N. 49). Любезному вниманію Россійскаго генеральнаго консула въ Трапезунтѣ Николая Васильевича Тимофеева я обязанъ разъясненіемъ этихъ словъ на мѣстѣ: καίν значить дѣйствительно каі

στοῦ λιθαρί τὰ σκάσματα, στοῦ ξύλου τὰ καρδίας,
 20 στοῦ ποταμοῦ τὰ κλώσματα, στοῦ ἤλι' τὰ βενά, τ' ὄρη.
 Σαρακινόν ἀπήντησεν κ' Ἰπᾶν στό σταυροδρόμιν.
 ἐκείτονε καὶ ἄρρωστος στόν ὕπνον βυθισμένος.
 εἶπεν καὶ στό κεφάλινάτ' ἐξήντα πέντε κάΠτρᾶ:
 ἐξήντα πέντε κάΠτρᾶ ἴσαν, σαράντα δύο χωρία.
 25 ὀπίσω στήν κοτύλανατ χαμελετί' τὰ κλώσων.

==и, а ἐράεψε значить тоже, что и «ἐζήτησε» то есть, «поискалъ», отъ ἐραέβω.

19) στοῦ λιθαρί==ς τοῦ λιθαρί' см. Вступл.

τὰ καρδίας, сравни τὰ βωκεντρέας, τὰ χαντσαρέας въ стихахъ 13 и 14.

20) στῶ ποταμῷ τὰ κλώσματα. Какъ объяснить это переносное выражение? ниже κλώσκω (25) отнесено къ мельницамъ. А здѣсь оу-та ли это, водовороты, въ рѣкѣ, или извилины ея? Сравни стихъ другої Трапезунтской пѣсни: καὶ στοῦ ἡλιῷ τ' ἀπόκλωσμα (пиши: ἀπόκλωσμα ἐχρέμασα τὰ πόσια (Pass. 505, 13 = Ξανθ. Φιλ. σ. 428) т. е. на закаты (?) солнца раввѣсилъ я шкуры (волкъ говорить о шкурахъ по-жранныхъ имъ овецъ). κλώσκω значить тоже, что обыкновенное κλώδω = пряду; отсюда выражения στῶ ποταμῷ τὰ κλώσματα, χαμελετί' τὰ κλώσων, στῶ ἡλιῷ τ' ἀπόκλωσμα, дословно: пряжа рѣки, мельницы прядуть, какъ отпряло солнце (свою нить), что у насъ не говорится; за то у насъ «лошадь ушами прядетъ.» Вѣрно ли по этому перевелъ Легранъ слѣдующій стихъ одной Трапезунтской пѣсни: καὶ στὰ κλωθογυρίσματὰ τὸ ἐλύγαν τὰ χεμπία της=et dans ses allées et venues son corsage se deboutonna? мнѣ кажется надо бы перевести: при поворотахъ (дѣвухки), когда она кружилась, кружилась (рубя враговъ на всѣ стороны) порвались у ней пуговки. — στοῦ ἡλ' Вступ. τ' ὄρη=τὰ ὄρη Вступл.

21) Σαρακινόν, а въ стихѣ 11 Σαρακηνόν, обыкновенно же пишутъ Σαρακηνόν. — ἀπήντησεν пишетъ Симвуладъ, скорѣе по привычкѣ такъ писать это слово, чѣмъ по его выговору у Трапезунтцевъ; Іоаннидъ же высказавшій правило, что η у нихъ произносится, какъ ε, пишетъ обыкновенно ἀπέντεσεν (-σαν) (I. 2, 32; 12, 1; 17, 13; такъ же и у Pass. 505, 9 = Ξανθόπηνλ. Φιλολ. συνεχδ. 428). Обращаетъ

рева, на омутѣ рѣки, на холмахъ — на горахъ солнцевыхъ. Саракина повстрѣчалъ онъ на верху, на перекресткѣ; тамъ находился онъ, да и больной, въ сонъ погруженный; имѣлъ на головѣ своей шестьдесятъ пять замковъ; шестьдесятъ пять было замковъ, сорокъ двѣ деревни; на затылкѣ у него мельницы вертятся; какъ въ одной-то ноздрѣ его конь въ стойлѣ стоять, а въ

еще вниманіе читателя на эту последнюю ссылку по двумъ причинамъ. Тамъ читается цѣлый стихъ, построенный сходно съ разбираемымъ:

μόνον λύχον ἐπέπτεσεν ἅπαν' εἰς τὸ σαυροδρόμιον.

Сія сходно построенные два стиха имѣютъ между собою еще одну аналогію: говоряиъ о той опасности, на которую натакивается герой на перекресткѣ: въ Ксаноинѣ — встрѣча съ грознымъ Саракиномъ, а въ Пас. 505 (ὁ ἔρωσ τῶν ποιμένων) — встрѣча пастуха съ волкомъ. На перекресткахъ, по повѣрїямъ разныхъ народовъ, обыкновенно собирается нечистая сила въ разныхъ видахъ.

22) ἐχεῖτονε. Какъ понимать это: ἐχεῖ τ'ονε т. е. ἐχεῖ ἦτονε (что могло бы быть написано и ἐχ' ἦτονε) = тамъ онъ былъ. Трудно допустить, чтобъ ἐχεῖτονε произошло изъ ἐχεῖτο = онъ лежалъ (или какъ обыкновенно говорить въ просторѣчїи: ἐχεῖτενταν).

23) εἰΨεν, κάΨτρα Вступ. — κεφάλινат Вступ.

24) κάΨτρα 'σάν = κάσρα ἦσαν.

25) κοτύλανат. — Иоаннидъ въ Словоуказателѣ объясняетъ: «κοτύλα, ἦ = κοτύλη, αὐχὴν.» Но судя по этой былинѣ κοτύλα значить: тылъ, затылокъ, загривокъ т. е. та часть головы, которая по древнему называлась αὐχὴν, а по новому общему σβέρκος и σνίχι, и вовсе не соответствуетъ ни одному изъ древнихъ значеній слова κοτύλη. Отмѣтимъ здѣсь форму на а. — χαμελετίЧа Вступл. Отмѣтимъ поговорку Трапезунтскую: σὴν (т. е. 'ς τὴν) χαμελέτεν ἐμεῖνα τὰ γένεα μ' αἰλευρῶθεν (I. стр. 269 въ пословицахъ на Σ) = «побывалъ я на мельницѣ, борода въ мукѣ», въ родѣ: «съ кѣмъ поведешься, того и наберешься». — κλώσхан: у Симв. въ рукописи κλώσхου по опискѣ. Въ Словоук. Иоаннида: «κλώσχω, τὸ μέσον κλώσχωμαι = ἐπισρέφω, ἐπανακάμπτω, κλώθω = ἄλλον ἐπαναφέρω· σρέφω νῆμα.» Но въ стихѣ 25 нашей былинны κλώσхан имѣеть, кажется, значеніе непереходное, почему и пе-

στό ἕναν τό βωθούνηνατ ἄλογον σταλισμένον,
 και στ' ἄλλο τό βωθούνηνατ κορή φυγαδῆσμένῶα.
 Ὁ Ἐάνθινον ὁ πάνδεινον κι' ὁ παντολαλεμένον
 τὴν βάρδῆν ἑκατέβασεν ἀπάνω στό κεφάλνατ.
 30 ἔντόκεν και ἐγάλασεν τ' ἐξήνταπέντε κάШтрЯ.
 χαλάν' και τὰ χωρίατε και τὰ χαμελετίЧа.
 ἀποσαλιζ' και τ' ἄλογον και φυγαδῆ'ζ τὴν κόρην.
 ἔβγαῖτε ἀμῆρη'δοντες κ' Ἰμῆροντες παιδία,
 ἄδὰ κάШтрЯ ἐγάλασα και ξὰν θ' ἀπορρίζων.

реведено нами: «вертятся». Ни въ древнемъ, ни въ новомъ языкѣ, такое употребленіе мнѣ не извѣстно (ср. τὰ κλώσματα въ стихѣ 20). Не ужели надо допустить, что эти мельницы «спрядуть шелкъ» или «ленъ»?

26) τὸ βωθούνηνατ два раза въ рукописи по опискѣ нечаянно черезъ омикронъ. Въ Словоуказ. Іоаннида есть Трап.: τὸ βωθόν; въ общеупотребительномъ просторѣчїи τὸ βωθῆνι (древ. βώθων, ὅ). — ἄλογον σταλισμένον. Ср. въ стихѣ 32 ἀποσαλιζει τ' ἄλογον. Изъ сихъ выраженїи видно во 1-хъ, что слово σαλιζω у Трапезунтцевъ употребляется о лошади, во 2-хъ какъ глаголь переходный, въ 3-хъ, что изъ него составляется сложное ἀποσαλιζω. Въ любопытномъ и рѣдкомъ словарѣ Скарлата Византія 1835 г. слову σαλιζω приписанъ такой очень тѣсный смыслъ: (ἀναπαύομαι τὸ μεσημέρι εἰς τὸν ἴσκιον, κυρ. διὰ τὰ πρόβατα) β. ἀμ. (т. е. глаголь непереходный). Μεσημβριάζω: se reposer pendant les chaleurs de l'été (il ne se dit que pour les moutons)». Σкар. Δ. τοῦ Βυζαντίου, Λεξικ. τῆς καθ' ἡμᾶς διαλέκτε. . . Ἀθην. 1835. — Впрочемъ и Скарлатъ В. имѣлъ въ виду одинъ лишь какой нибудь мѣстный говоръ, а не всеобщее употребленіе. Примѣръ былинны и примѣръ словаря Скарлата В. наводятъ на мысль, что глаголь σαλιζω въ историческомъ развитїи языка долженъ представлять многостороннее значеніе. Если припомнимъ рядъ словъ въ разныхъ языкахъ одного корня съ нимъ, то убѣдимся, что и въ другихъ языкахъ сїи слова имѣютъ много значенїи. Наприм. stabulum (estable, étable, σταῦλος), stalla, stalle, Stall, стойло и т. д.

27) κορή см. Вступл. Въ стихѣ 32 ударенїе обычное κόρην. — φυγαδῆσμένῶα см. Вступл.

29) τὴν βάρδῆν (=τὴν βάρδιαν ударенїе здѣсь по той же, ка-

другую ноздрю дѣвица умычена. Ксанөинъ престрашный, всюду прославленный, палицу спустилъ ему на голову; разрушилъ тѣ шестьдесятъ пять замковъ, раззорилъ деревни его и мельницы, коня—то изъ стойла выгналъ, а дѣвицу выпустилъ: «Выходите вы амирскія дѣти, здѣсь я замки разрушилъ, и опять буду съ корнемъ вырывать.»

жеться, аналогіи, какъ и τὴν χάρδιαν въ слѣдующемъ стихѣ одной Трап. пѣсни: «σιτ' ἀναγνώθ', σίτ' ἀνακλαιγ', σίτ' ἀνακρέγ' τὴν χάρδιαν» (Pass. 198, 13 = Ξανδοπ. Φιλολ. συν. 401) и σπάδιαν въ слѣдующемъ стихѣ другой Трап. пѣсни: ἐπαῖρεν καὶ τὴ σπάδιαν ἀπο εἰς τὸ δεξιὸν τὸ σέρι ἀτς (I. 18, 3).

30) ἐντόχευ см. Вступл.

31) χαλάν' т. е. проходящее (imperfectum), χάλανε (=ἐχάλανε) съ усъченіемъ конечнаго звука ε и съ переносомъ ударенія въ угоду размеру и нащѣва.

32) ἀποσαλίζ' см. σαλισμένον въ ст. 26. — φυγαδῆζ=φυγαδιάζει въ смыслѣ φυγαδεύει обращаетъ въ бѣгство.

33) ἀμηρῆ'δοντες κ' Ἰμῆροντες παιδία см. Вступл. Каково взаимное соотношеніе между этими двумя сходными словами и зачѣмъ тутъ παιδία, для насъ неясно. Дѣти ли убитаго амира (эмира), или его родя и или его пажы, отпущены, какъ не виновные въ его тиранніи?

34) ἀδὰ въ Словоуказ. Іоаннида объяснено какъ общепотребительное ἐδὼ то есть: и здѣсь, и сюда. Сравни:

ἀδὰ γάμος 'κι' γίνεται, νυφίτσα 'κι' σολῆται (I. 12, 18)

= «здѣсь (въ аду) свадьбы не бываетъ, невѣсты не убираютъ»; или:

«ἀνοῖξ', ἀνοῖξον, Ῥυδιανή, ἐγὼ ῥθ' ἀδὰ μαδέτρια»

= «отвори дверь, отвори, Рудяна, я пришла сюда ученицей» (I. 3, 15).

34) ξάν см. Вступл. стр. 12—13.

4-го Іюня 1880 г. СПб.

Гавріиль Дестунисъ.

СВѢДѢНІЯ И ЗАМѢТКИ
О МАЛОИЗВѢСТНЫХЪ И НЕИЗВѢСТНЫХЪ
ПАМЯТНИКАХЪ.

И. И. Срезневскаго.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ XXXIX-му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ. 1881.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИСИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:
И. Глазунова, въ С. П. Б.   Эггерса и Коми, въ С. П. Б.
Н. Кимслея, въ Ригѣ.

Цѣна 15 коп.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Мартъ 1881 г.

Непрежѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

**СВѢДѢНІЯ И ЗАМѢТКИ
О МАЛОИЗВѢСТНЫХЪ И НЕИЗВѢСТНЫХЪ ПАМЯТНИКАХЪ**

Академика И. И. Срезневскаго *).

ХСІ.

Пятикнижіе Моисеево

въ спискѣ XIV вѣка.

Изъ книгъ Ветхаго Завѣта въ Славянскомъ переводѣ сохранилась въ древнихъ спискахъ, начиная съ XI вѣка, только одна — Псалтырь, и то не только какъ книга, необходимая для богослуженія и молитвы, но болѣе какъ книга учительная, а потому съ разными объясненіями изъ стиха въ стихъ. Не въ полнѣ, но значительною долею уцѣлѣла еще книга Иисуса сына Сирахова въ спискѣ XI вѣка, въ Святославовомъ сборникѣ 1076 г. Не въ такихъ древнихъ спискахъ, но все же въ переписяхъ и съ одного завѣдомо древняго списка, какъ свидѣтельствуеть запись 1047 г., сохранились книги Пророковъ, такъ же съ объясненіями. Нѣкоторыя другія въ древнихъ переписяхъ отрывками уцѣлѣли въ Паремейникѣ, котораго древнѣйшіе списки принадлежатъ XIII вѣку. Всего найденнаго въ древнихъ рукописяхъ въ отношеніи къ полному объему Ветхаго Завѣта — не

---

*) Продолженіе извѣстнаго труда, найденное въ бумагахъ покойнаго академика.

много; а между тѣмъ древнія свидѣтельства, начиная съ Паннонскаго житія Меодія, брата Константина философа, указываетъ на существованіе въ древнее время перевода если не всѣхъ, то большей части книгъ ветхозавѣтныхъ. Значительно болѣе того, что находится въ древнихъ рукописяхъ, доселѣ уцѣлѣвшихъ, но все таки далеко не всѣ книги Ветхаго Завѣта удалось найти сотрудникамъ архіепископа Геннадія въ концѣ XV вѣка, когда задумано было свести въ одно цѣлое всѣ части Ветхаго и Новаго Завѣтовъ: пришлось и дополнить новымъ переводомъ недостающее въ найденныхъ спискахъ, и вновь перевести болѣе десяти книгъ. Тѣмъ менѣе можно надѣяться на отысканіе недостающаго теперь: можно опасаться, что не малая доля ветхозавѣтныхъ книгъ древняго перевода погибла совершенно. Что касается до сохранившагося въ спискахъ Геннадіевской Библии и въ другихъ сборникахъ XVI и XVII в., то оно не бѣдно такими различіями, что все таки нельзя не желать найти списки, сколько нибудь болѣе древніе.

Въ ряду такихъ древнихъ рукописей, одно изъ самыхъ важныхъ мѣстъ по относительной древности написанія должна занять рукопись XIV вѣка Троицко-Сергіевской лавры, заключающая въ себѣ Пятикнижіе Моисеево.

Эта рукопись написана на пергаментѣ въ 6. 4—у въ 2 столбца и занимаетъ 166 лл. (20 тетрадей и 3 пришитыхъ листа). Пергаментъ плотный и довольно мягкій, но не выбранный, съ дырами, со сшивками и т. п. Начертанія буквъ и вязи ихъ (почти исключительно парами), а равно и правописаніе указываютъ на середину XIV вѣка. По начертаніямъ буквъ можно отличить десять писцовъ: — первый, умѣвшій писать хорошимъ продолговатымъ почеркомъ, написалъ только начало: менѣе трехъ первыхъ столбцовъ; второй, писавшій мельче и острѣе, продолжалъ работу перваго до л. 35, но съ перерывами, давши написать нѣсколько строкъ третьему на л. 5, нѣсколько же строкъ четвертому на л. 10, и нѣсколько столбцовъ на лл. 11—12 пятому, писавшему широко тѣсно-сбитыми строками; трудъ второго

писца продолжалъ на лл. 35 — 74 шестой писецъ, писавшій похоже на почеркъ второго, но еще острѣе; его мѣсто занялъ на лл. 75—78 третій и передалъ работу на лл. 78—89 седьмому, неумѣвшему вести прямую строку; за тѣмъ потрудился болѣе всѣхъ прежнихъ, на лл. 89—160 восьмой, писавшій почеркомъ ровнымъ, красивымъ, похожимъ на первый, но мельче и шире; послѣдніе листы 160—166 достались девятому писцу, предпочитавшему косою почеркъ; наконецъ десятый взялъ на себя трудъ перечестъ работу первыхъ восьми, и гдѣ какъ умѣлъ исправить описки ихъ, приписать пропуски и т. п. Работы разныхъ писцовъ отличаются и нѣкоторыми навыками правописанія, между прочимъ различнымъ употребленіемъ двухъ *и*—*і* и точекъ надъ гласными: въ большей части рукописи *и* осмеричное пишется послѣ согласной, а *і* десятеричное послѣ гласной, хотя бы и въ началѣ слова; но писцы второй, четвертый и пятый этого отличенія не держались, а шестой не постоянно; писецъ первый постоянно употреблялъ на гласной въ началѣ слога по двѣ точки (ä, ĩ, ê, ï, î, ō), второй и шестой писали такъ же двѣ точки, но не постоянно; другіе чаще писали одну точку; седьмой ставилъ одну точку на *и* послѣ согласной, а иногда одну или двѣ на слѣдующей гласной въ началѣ слога; восьмой почти не писалъ точекъ. Всѣ писцы одинаково держались слѣдующихъ привычекъ: 1) послѣ согласной писать *o, y, a, e*, а въ началѣ слова или слога $\omega = o, ou, \alpha, \kappa$ (иногда), *e*; 2) *z* и *z* въ 3-мъ лицѣ и въ падежахъ именъ писать смѣшанно; 3) *ŋ* и *e* не отличать; 4) допускать *ŋ* и вмѣсто *и*, а *и* вмѣсто *ŋ*; 5) *ты* писать постоянно, никогда *ы*; 6) вмѣсто *ты* послѣ гортанныхъ писать *и*; 7) вмѣсто *иѧ, иѨ, ию* писать (не безъ исключеній впрочемъ) *ыѧ = ѧѧ, ыѨ = ѧѨ, ыю*. Изъ приведеннаго ясно видно, что книгу писали Русскіе.

Каждая изъ пяти книгъ начинается заглавіемъ, написаннымъ киноварью.

— л. 1. Сия книги Мо^ссиви | первыйя ветхия нарицанья | бытїе. сказаны Гаврило^м ара | нгло^м. а списаны Мойсиѣмъ | законодавцемъ ѿ миротворенья. начало бытїя

— л. 56 об. Книги вторыя Моисеискиа | нарицаемыа
исходъ с̄но | въ Изрѣль въ Изъ Егупта. +

— л. 91 об. Книгъ Левгѣискиа

— л. 110. Числа с̄нвъ Изрѣль | книги. д. ѣ.

— л. 135. об. Книгъ. е. нарицаемыа | двѣтерономѣа
си | рѣчь второзаконикъ.

За этуо пятою книгою на л. 160 написано киноварью что то
въ родѣ записи, въ которой за перечнемъ пяти книгъ Моисее-
выхъ указаны такимъ же перечнемъ слѣдующія за ними:

— шестыа книги Іса Навгина. седмыа с̄дья. ѡсме-
рыа же Руфъ | же бѣ прабаба Дѣду црю. жена же бѣ
Во^озова. | како быти Во^озъ десятому ѡ Авраама. девятыа^а
книги тетровасили^ос̄. рекше четыри цртвыа.

Окончивъ на этомъ перечень, написавшій его далъ мѣсто
слѣдующей замѣткѣ:

— Но сию рѣчь до сдѣ ѡставляше. и паки на подлежащую
бесѣду възвратимся. | како по Мосий бѣ Исъ Навгинъ. его же
и книги шестыа ѡ Мойсиза начинаются. | муще начало писаниа
сиде:.

За этимъ слѣдуетъ хронографическое извлеченіе изъ означен-
ныхъ книгъ, а потомъ, послѣ краткихъ припоминачій о царствѣ
Вавилонскомъ и Египетскомъ хронографическое извлеченіе
о царствѣ Римскомъ съ Юлія Цезаря, о плѣненіи Іерусалиа
Веспасіаномъ и Титомъ и о царствѣ христіанскомъ съ Констан-
тина Великаго до Константина Порфиророднаго включительно.
(О Славянахъ, Русскихъ и т. п. нѣтъ и намека).

Въ разсматриваемомъ спискѣ перевода Пятикнижія Моисеева
допущены въ значительномъ количествѣ небольшіе пропуски,
и кромѣ того нѣсколько пропусковъ болшей величины. Такъ
между прочимъ выпущены:

— въ кн. Бытія. ст. 8—27 гл. XLVI.

— въ кн. Исходъ значительная часть гл. XXXVI, почти
вся XXXVII, вся XXXVIII и значительная часть гл. XXXIX.

— въ кн. Левитъ конецъ главы VII, кромѣ нѣсколькихъ стиховъ, почти вся VIII гл., вторая часть гл. XIV.

— въ кн. Числа почти вся гл. VII, кромѣ нѣсколькихъ стиховъ, ст. 11—32 гл. X, ст. 29—47 гл. XXXI, части гл. XXXII и почти вся глава XXXIII, кромѣ конца.

— въ кн. Второзаконіе почти вся гл. IV, V и ст. 1—18 гл. VI.

Нѣкоторые изъ пропусковъ можно объяснить ихъ ненужностью при церковныхъ чтеніяхъ; но и не всѣ, и притомъ, если бы имѣлись въ виду церковныя чтенія, то пропусковъ было бы значительно болѣе.

Къ стати отмѣтить здѣсь, что разсматриваемая книга могла бы быть не безъ значенія и для церковнаго употребленія, вмѣсто тѣхъ частей Паремейника, гдѣ приведены мѣста изъ Моисеевыхъ книгъ: это доказывается киноварными отмѣтками, приписанными гдѣ на поляхъ страницъ, гдѣ между строками, въ какой изъ дней читается то или другое мѣсто. Такъ: на первой же страницѣ подъ первымъ столбцомъ приписано: в по̣. а̣. нѣ по̣. се же и на рѣтво х̣во. и на кр̣щніе І в ве^а су^о. ве^р; а подъ вторымъ: во вто̣. а̣. нѣ по̣; на оборотѣ 56-го л. подъ началомъ книги Исходъ: в по̣. ст̣ртные нѣ. Ѡ исх̣д; и пр. Писавшій эти отмѣтки не довелъ однако своего дѣла до конца: отмѣтки его очень неполны — особенно во второй части книги.

Какъ бы то ни было, нельзя не разсматривать перевода Моисеева Пятикнижія, каковъ онъ есть въ Троицкой рукописи, какъ дѣло совершенно независимое отъ нуждъ церковныхъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, сличая съ нимъ по Паремейнику мѣста, выдѣленные для церковныхъ чтеній, нельзя не видѣть, что переводъ этихъ мѣстъ тотъ же самый, что и въ цѣльной книгѣ Пятикнижія, и не придти къ выводу, что переводчикъ Паремейника пользовался готовымъ переводомъ, выписывая изъ него что гдѣ было нужно.

Съ другой стороны, сличая чтеніе Моисеевыхъ книгъ по Троицкой рукописи съ другими, болѣе поздними списками, видимъ;

что въ нихъ во всѣхъ, за исключеніемъ частныхъ отличій въ нѣкоторыхъ словахъ и выраженіяхъ, повторяется одинъ и тотъ же переводъ. Рукопись половины XIV вѣка важна болѣе всего тѣмъ, что въ нѣкоторой степени облегчаетъ опредѣленіе давности разночтеній. Само собою разумѣется, что она важна и какъ свидѣтельство, въ какомъ видѣ Моисеево Пятикнижіе было извѣстно на Руси въ XIV вѣкѣ.

Для образца перевода и правописанія привожу нѣсколько выписокъ изъ разныхъ мѣстъ книги.

л. 1—2 Быт. I *).

Искони створи бѣ нбо і
 землю. земля же бѣ
 невидима і не оукра
 шена. і тма верху бе
 здныга. і дхъ бїи ноша
 шеса верху воды. і ре^а бѣ
 да буть свѣтъ. і бѣ свѣ
 ть. і видѣ бѣ свѣтъ како
 добро. і разлучи бѣ меж^д
 свѣтомъ и межю тмою. і
 наре^а бѣ свѣтъ днь а тму
 наре^а ношь. і бѣ вечерь. і
 бѣ заутра днь ідинь. (: пьрвыи).
 і ре^а бѣ да будеть твердь
 по среди (: по средѣ) воды. і да буть
 разлучающи (: —щига) межю (: между) водою і
 водою. і бѣ тако. і бѣ
 твердь. і разлучи бѣ
 межю водою іже бѣ на
 дъ твердью. і межю во
 дою іже бѣ подъ твердь

* Разночтенія изъ Паремейника 1271 и 1370 г.

ю. і наре^ѣ бѣ^ѣ твердь нѣбо.
 і видѣ^ѣ бѣ^ѣ ꙗко добро і бѣ^ѣ ве
 черь и бѣ^ѣ заоутра днѣ^ѣ в'то
 ры. і ре^ѣ бѣ^ѣ да сонмется (: сънметься)
 вода ꙗже бѣ^ѣ подѣ^ѣ нѣбмь. въ
 сонмы. кдингы (: въ сънѣмъ кдингы). і да ся
 гавить суша. і бѣ^ѣ тако.
 і снятсѣ (: сънятсѣ) вода ꙗже подѣ^ѣ
 нѣбмь (: нѣбсѣмъ). в сонмы (: въ сънмы) кдингы.
 і гависѣ суша. і наре^ѣ бѣ^ѣ су
 шю землю. а съставы во
 дныѣ наре^ѣ моря. і видѣ^ѣ
 бѣ^ѣ ꙗко добро. і ре^ѣ бѣ^ѣ да про
 зябнетъ земля траву сѣ
 мянную (: сѣнньюю). сѣющю (: —щюю) сѣмя.
 по роду и по подобью. і дре
 во плодовито творящей
 плодъ. кѣму же сѣмя кѣго
 в немъ по роду. и по подо
 бью на земли. і бѣ^ѣ тако.
 і прозябе земля траву
 сѣнньюю сѣющю сѣмя.
 по роду і по подобью. і дре
 во плодовито творящек
 плодъ. кѣму же сѣмя кѣ
 го в немъ. по роду на зем
 ли. и видѣ^ѣ бѣ^ѣ ꙗко добро.
 і бѣ^ѣ вечерь. і бѣ^ѣ заоутра.
 днѣ^ѣ третїѣ .:.
 Ре^ѣ бѣ^ѣ да будутъ свѣти
 ла на тверди небѣ^ѣ. ѿ
 свѣщати (: просвѣщати) землю. і разлу
 чати межю днемъ і ме
 жю нощю. і да будутъ

въ знамяныа (: въ знамениа). и во вре
 мяна (: — ме—). і во дни і в лѣта.
 і да будуть въ просвѣще
 ныа (: — ныа) на тверди небѣй.
 ꙗко свѣтити (: просвѣщати) по (: на) земли.
 і бѣ тако. і створи бѣ ѿ
 бѣ свѣтилѣ велицѣй (: — цѣ).
 велико (: — ка) свѣтило в ^{начато}
 къ дни. і свѣтило мень
 ше в начатѣхъ (: — тѣхъ) ношѣ.
 і звѣзды ѿ постави ѿ бѣ.
 на тверди небѣй. (ꙗко)
 свѣтити (: освѣщати) по землѣ (: землю). і вла
 сти днемъ і ношью. і ра
 злучати межю свѣтомъ
 і межю тмою. і видѣ бѣ
 ꙗко добро. и бѣ вечерь
 і бѣ заутра (: оутро) день .д. і
 ре бѣ да ізведуть воды
 гады дшѣ животенѣ (: дшѣ живы). ѿ
 птица парящѣй (: — щѣ) на (: по) зе
 мли. подѣ твердию не
 бною (: по т—и н—ѣи). і бѣ тако. і ство
 ри бѣ киты великыа.
 и всяку дшю животныа
 гадѣ (: животноу гадьскоу). ꙗже ізве^аша воды.
 на роды (: по родоу) ихъ. ѿ всяку
 птицю пернату на роды (: по родоу).
 ѿ видѣ бѣ ꙗко добро. ѿ
 блгви ꙗ бѣ глѣ. расти
 теся ѿ плодитесь (: множитесь). ѿ ѿ
 сполните воды (ꙗже) в мо
 рѣхъ (: — ри). и птица да оумно
 жатся (: плодятся) по земли ѿ бѣ ве

черь и бѣи заутра (: оутро) днѣ е .: .
 Ре гѣ да изведеть зе
 мля дшю живу на рѣ.
 четвероногата и гады. и
 звѣри земьскія. и ско
 ты. и вся гады земьски
 я (: земьскыя) на рѣ ихъ
 (: и бѣи тако и створи бѣи звѣри земьскыя
 на родъ ихъ и скоты на родъ ихъ и вся гады земьскыя
 на родъ ихъ).

и видѣ бѣи тако добро. и ре
 бѣи створимъ члѣка по
 образу нашему и по по
 добью. и да обладаетъ
 рыбами морьскими. и
 птицами нбѣи. и
 скоты и всею землею. и
 гады всѣми пресмыка
 ющимися по земли. и
 створи бѣи члѣка. по обра
 зу бѣи створи (и). мужа
 и жену створилъ я есть. и
 блгви я бѣи глѣ. растита.
 ся. и плодится. и испо
 лнита землю. и облада
 ета (: — ита) ею. и обладаета (: — ита) ры
 бами морьскими. и пѣ
 тцами нбѣи. и всѣ
 ми скоты и всею земле
 ю. и всѣми гады пресмы
 кающымися по земли.
 и ре бѣи се дахъ вамъ (: вама) вся
 ку траву сѣмяниту (: — ме—) сѣ
 юцю (: — щюю) сѣмя. еже ѣсть ве

рху всеі̄ земля ѿ̄ вся
 ко древо еже ѿ̄мать в себѣ̄
 плодъ. семене семѧни
 та (: —ме —) вама бѣ̄тъ в снѣдѣ. (: въ гадѣ).
 ѿ̄ всѣ̄мъ звѣ̄ремъ земь
 скымъ. (: земнымъ). ѿ̄ всѣ̄мъ птица
 мъ нб̄нымъ. ѿ̄ всякому
 гаду пресмыкающѣ̄му
 ся по земли. ѿ̄же ѿ̄мать (в себѣ̄)
 дѣ̄ло животну. вся
 ку (: и в—) траву злачну въ г
 дѣ. ѿ̄ бѣ̄ тако. ѿ̄ видѣ̄ бѣ̄ (вся)
 гже створи (ѿ̄ се) добро
 зило (: зѣ̄ло). ѿ̄ бѣ̄ вечерь. и бѣ̄
 заоутра (: оутро) днѣ̄ .5.

л. 40—41. (Быт. XXXVII).

— Оусели же ся Іако
 въ. в земли Ханаонѣ̄ ѿ̄
 де же обита оцѣ̄ его. си
 быты Іаковля. Іоси
 фъ же бѣ̄ше зѣ̄. гѣ̄ пасы̄
 овца оцѣ̄ своего съ бра
 тью своею съӣ оуно
 тою. с сѣ̄ми вальӣны
 — и сѣ̄ми зе̄^нфины оцѣ̄
 своего приложиша же ѿ̄ ѿ̄
 осифѣ̄ хулу злу ки ѿ̄
 зрѣ̄мо оцѣ̄ своему : Іа
 ков же любляше Іоси
 фа паче всѣ̄х сѣ̄въ его г
 ко сѣ̄ старостнымъ е

му бѣ. ризу красну нося.
 видѣвше же брѣта его ꙗ
 ко сего оцѣ любить. ꙗ
 че всѣхъ снѣвъ своихъ. взне
 навидѣша его и не можа
 ху глѣти. к нему мирна
 го. видѣв же Іосифъ со
 нъ и повѣда брѣи сво
 еи. и рече послушайте сна
 сего мняхся на поли сто
 ꙗ вяжюще снопы и въ
 ста мои снопы простъ ва
 ши же снопы поклонни
 шася моему снопу ре
 коша же ему брѣта. егда
 црѣтвоути црѣ будещи
 над нами. или вѣла обла
 даещи нами. и прило
 жиша еще ненавидѣ
 ти его сна дѣля его ви
 дѣ же сонъ .б. ꙗ повѣда
 оцю своему и брѣи сво
 — еи. и рече се видѣхъ сонъ.
 .б. ꙗ аки снѣце ꙗ луна ꙗ а
 зъ на .г. звѣздъ покло
 няхумися запрѣти
 же ему оцѣ. и рече то есть
 сово^о: и^о еси видѣлъ. дѣ
 ꙗ ли пришедъ. ^о и мѣи ꙗ
 братья твоѣи поклонни
 мся тебѣ до земли. въ
 здревноваша^о ему брѣ
 ꙗ его. ꙗ оцѣ снабдѣ сло
 во. ꙗ доша же брѣта его

пасти овецъ оца своего
 в Сухемъ. і рѣ Изрѣль
 Йосифу ото брага
 твоѧ васуть. в Сухемъ
 йди к нимъ. и рѣ. се азъ.
 і рѣ ему Изрѣль шедъ. ви
 жь здрава ли сѹ брага ти.
 ѧ овца ѧ повѣси*) ми глѣ.
 пусти же его Ѡ роздоли
 и Хеврона и приде в Сухе
 мъ. и стрече мужъ. ѧ рѣ че
 го ищещи. сий же рѣ бра
 га своего йщю. повѣжь
 ми кде пасуть. ѧ рѣ е
 му мужъ Ѡидоша Ѡ сю
 ду слышах бо га глѣца по
 йдемъ в Дофѣимъ. і і
 —де Йосифъ в слѣдъ бра
 га своего в Дофѣимъ. оу
 зрѣша же йздальча пре^т
 приближенія ёго к нимъ.
 ѧ озлобиша оубити^т. ѧ вѣ
 щаша же каждо ихъ къ
 брату своему.
 се сномъ вижа оно йде
 ть. нынѣ же ходите да
 и оубиемъ. ѧ ввержемъ^{оо}.
 въ едино Ѡ потокъ сихъ.
 и рѣмъ звѣръ лють. ѧ
 зѣль его. ѧ да оузримъ
 что будетъ сонъ его. съ
 гышав же Рувимъ. изба

*) и изъ ѡ.

ви ѿ ѿ рукъ ихъ и рече имъ
 не оубоймы в дѣшю. не
 пролите крове. въ ве
 рзѣте ѿ въ единъ пото
 къ пустына сего а ру
 ки не възложите на нь.
 како сѣи да избавить
 ѿ ѿ руки ихъ ѿ ѿпусти
 ть ко оцѣю ихъ бы егда
 придетъ Иосифъ. къ
 браѣи своей. совлекоша
 с него ризы красныѣ
 ꙗже бѣша на немъ. ѿ въ
 вергоша ѿ в потокъ. по
 —токъ же не имыи воды.
 ѿ сѣдоша ꙗсти хлѣбъ.
 ѿ възрѣвше очима сво
 има видѣша ѿ се путни
 ци измаилтяне. идя
 ху ѿ галада ѿ вельблуд
 ди ихъ полни темьсана
 и смогы ѿ вонявицъ и жѣ
 въ Египтъ. и рече Иуда
 къ братиѣи своей. что по
 требно ꙗще оубиемъ бра
 тьего. ѿ скроемъ кро
 въ его. да ѿдадимъ И
 осифа Измаилтомъ.
 а рудѣ наши ѿ не буде
 та оскверненѣ ꙗко бра
 нашъ и плоть на^{ша} есть. по
 слушаша бра^{та} его ми
 новаху же Мадямля
 не. и купци ѿзвлеко

ша Йсифа вонъ. ѿс по
 тока ѿ продаша ѿ Йзъ
 мантомъ. на .к̄. зла
 тникъ. и подведо
 ша И°сифа въ Єгу
 петъ възъратися Ру
 вимъ. к потоку не оу
 зрѣ Иосифа в потоцѣ.
 раздра ризы свои и при
 —де к братье своей ѿ рѣ о
 трочаще нѣ в потоцѣ ѿ
 зъ же камо иду по семь.
 взем же ризу Йосифлю
 заклаша козлище. ѿ
 помазаша ризы кровь
 ю ѿпустиша ризу кровь
 ную. ѿпринесоша ко оцю
 своему. и рекъша сию ри
 зу обрѣтохомъ. ѿпозна
 и ю аще риза сѣа твоего
 есть ѿли ни познай. Йаковъ
 рѣ риза сѣа моего есть.
 звѣрь лютии изѣлъ
 есть Иосифа. и пове
 рже Йаковъ ризы своя
 и възложи рыкъ на ся
 и сѣтова сѣа своего дни
 многи. собраша же ся
 вси сѣве. и дщери придо
 ша. оутѣшити его и не
 хотяше оутѣшиться
 глѣ. яко да сниду к сѣу
 своему сѣтуга. и пла
 кася его оцъ ему. Ма

днѣне же ѿдаша Иоси
фа Петерѣи рѣбичи *) **
Фараоню архимаги
ру.

л. 97—98 (Лев. XI).

И гла гѣ к Моисію і Арону ре
кии. се скоть иже ѣсти ѿ
скоть земныхъ. весь скоть
на двое дѣля пазноготь и
копыто на двое. ѿ рѣжа
жюеть въ скотѣхъ се да ѣ
—сте. велбудъ пазногты не
дѣлѣть на двое. не чѣтъ есть
вамъ. і заглѣцъ і глѣзва аще ѿ
рѣжюють жванье. но пазно
гты не дѣлѣть на двое. не
чѣте **) сѣ вамъ. і свинья аще
дѣлѣть пазноготь на двое
но не ѿрѣжеть жванье не
чѣто вамъ. ѿ мясъ ихъ да не
гасте. мртвчѣнѣ ихъ да не
присяжете. не чѣти сѣ вамъ.
си же да ѣсте ѿ всѣхъ гаже
в водахъ. на них же пера і
чешюга. а гаже нѣ пера ни
чешюга иже в водахъ скверь
на есть вамъ. і сихъ да не гажь

*) ** изъ ю.

**) изъ с сдѣлано ѣ.

те въ птицахъ гнусны суть
 орла и нога і морьскаго орла
 і негасыти і котина і еже
 подобно к симъ. і врана. і еже
 подобно к симъ. и совы выпѣ
 лица і сухолѣплѣ еже к се
 му подобно. і гастряба еже по
 добно к сему і врана ноцна
 і лилѣка і веснѣ і порфури
 она і родиона и харабрага
 і еже подобно симъ. і водна
 і ноцнаго нетопыря. і всѣ
 хъ гадъ птичихъ. іже хо
 дить четверъножь. іже иму
 —ть голени выше плесну и^х
 скакати ими ѿ земли.
 гусѣницю сверчекъ и пру
 зи і еже подобно к симъ
 і супротивящагося змиа
 і еже подобно к сему. весь
 же гадъ ѿ птицъ им же су
 ть .д. ноги скверно есть ва
 мъ і всихъ да ся не оскве
 рнавите. і весь присязам
 мртвечинѣ ихъ не чтѣ е
 сть. до ве^{ра} и весь взямя
 і мртвчину ихъ да измы
 еть ризы. нечѣть есть до
 ве^{ра} во всѣхъ скотѣхъ. і
 м же ся дѣлать на двое па
 зногти і копыто. ти жва
 нье не жю^{ть} не чтѣ суть
 вамъ. весь присязамі ме
 ртвечинѣ ихъ не чтѣ есть

до вечера. Во всѣхъ звѣре^{хъ}
 четвероногихъ. си иже
 вамъ не чти. ѿ гадъ плѣ
 жу^{хъ} на земли. лисица
 мышь коркодилъ му
 гали. левъ. калавоти
 съ гашеръ кроторыи.
 си нечисти суть вамъ
 ѿ всѣхъ гадъ иже на зе
 мли. и весь прикасаг
 — ся мртвечинѣ ихъ нечи
 сть есть до вечера і во все
 сожжение аще впадетъ
 ѿ мртвчины ихъ нечтъ
 есть ѿ всего ссуда древа
 на ли ризы ли кожа. і
 ли власяницу в водѣ да
 ся измочить и не что е
 до вечера. і что будетъ. а
 ще ли въ глинянъ ссудъ
 впадетъ то разбьется.
 і вся їдъ или питье в не
 же аще впадетъ ѿ мртве
 чины ихъ. не что есть. пе
 щь латки да ся очтять
 развѣ кладязнѣ водны
 і потокъ. і озера да суть
 чти. аще ли оумреть ѿ ск^о
 ть иже вамъ їсти. при
 сязані къ мртвчинѣ ѣ
 не чтъ есть до вечера. і га
 ды і земля ѿ мртвчины
 да испреть ризы и измье
 тся водою. і нечтъ есть до

вечера. і весь ходя чрево^м
і весь ходя четверьножь
і многоножное во всѣхъ
гадѣхъ. иже ползають
по земли да не гясте ихъ
яко скверно есть вамъ
— да ся не осквернавите в ни^{хъ}
і да остѣтесе і будите стѣ
яко святъ есмь азъ гб̄ бѣ ва^{мъ}.
се законъ о скотѣхъ и о пти
цахъ. і всякоя дѣла движюща
гяся в водахъ. і всякоя дѣла
движющатася по земли.

л. 144 — 145 (Второз. XIV).

і снѣе будете гѣ бѣ ваше^м
і не възложите плѣши ме
жю очима своима на мртвѣ^{мъ}
яко люди стѣ есте бѣ ваше
му. тебе бо избрагъ есть гѣ
бѣ твои. быти ему себѣ лю
демъ суци^{хъ} ѿ всѣхъ странъ.
яко же на лица земли. да не
ѣсте всего скверна воробья
і лебеди і катаракити. і
теслоноса і всѣхъ гадъ пти
чьски^{хъ}. не что есть вамъ.
всю птицю чтую да ѣсте.
да даеши .і. ну ѿ всего пло
да сѣмене твоего число
нивъ твоихъ ѿ года до года

да научисѣ богатѣ ꙗко ба
 твоего вся днѣ. аще ли по
 дали ѿ тебѣ мѣсто еже
 избереть бѣ твои себѣ.
 да ѿдасѣ ю на цѣнѣ і
 возмешѣ цѣну в руцѣ
 свои. да идеши в мѣсто еже
 избереть ꙗко бѣ твои себѣ і да
 си цѣну на всемъ на неже
 ти помыслить дшѣ твоѣ
 — да ꙗси ту прѣ рѣмъ бѣ тво
 имъ. по трехъ же лѣтехъ
 да изнесешѣ всю . і . тину
 в то лѣто. да положиши
 ю в градѣ своихъ. і приде
 ть левгитинъ. ꙗко нѣ е
 му части і жребѣа с тобою
 і приходъ и вдова і сирота
 иже въ градѣхъ твоихъ. да
 ѣдятъ и насытятся. да
 тя блѣвѣтъ ꙗко бѣ твои во
 всѣхъ дѣлѣ твоихъ. ꙗже
 створиши.

л. 157 (Второзаконіе XXXII: 1 — 43).

Вънемѣ ꙗко і възгла. і да слы
 шить земля глѣ оустъ мой
 да чаеѣ ꙗко дождь ^{про}вѣща
 нѣ мое. і спидуть ꙗко роса
 глѣ мои. ꙗко туча на треск
 ть. ꙗко иви на сѣно. ꙗко імя

гнѣ призвахъ. дадите вели
 чье бѹ нашему. бѣ истиннѣ *)
 дѣла его і вси путье его судъ.
 бѣ вѣренъ и нѣ неправды в не.
 праведенъ и прибогъ гъ. сгрѣ
 шаша не того чяда порочнаа ∴
 родъ строптивы і развраще
 нні. снѣ ли гви въздасте. си
 людье буга не мудри. не са
 мъ ли си оцъ стяжа
 тя тя і створи ты і созда ты ∴
 помянѣте днѣи вѣка. разу
 мѣйте же лѣта рода родовъ.
 възпроси оца твое^е і възвѣсти
 ть тебѣ. старца твоя рекуть
 тебѣ. егда раздѣляше вышнѣ
 языки. како расѣя снѣы Ада
 мовы. положи предѣлы
 языкомъ по числу англь
 бнхъ. і бѣ часть гнѣя Іако
 въ. каже достоиніе его Іѣль.
 оудовліи его в пустыни. і въ
 жажду знога в безводнѣ. о
 быде его і наказа его. і схра
 ни его како зѣницу ока. ка
 ко орелъ покрыти гнѣздо
 свое. і на птенца свога възде
 лѣ. простеръ крилѣ свої. и
 приять ка и възять ка на ра
 му своею. гѣ единъ вожаше
 ка. и не бѣ с нимъ бѣ чуждъ.
 възведе ка на силу земли і

*) Исправлено изъ истина.

насыти ихъ житъ селныхъ.
 съсаша медъ ис камене. і о
 лѣи ѿ тверда камене. масло
 кравье і млеко овчее. с туко^{мъ}
 агнецъ і овенъ снѣвъ юне
 цъ и козелъ. с тукомъ пше
 ничномъ. і кровь гроздову
 пиажу вино. і гаде
 Іаковъ и насыгтися і ѿ
 вержесе възлюбленн. оу
 ы " оутолгстѣ. раширѣ. и
 остави ба створшаго і ѿ
 ступи ѿ ба спса своего. ра
 згнѣваша мя ѿ туждихъ
 в мерзостехъ своихъ огорчи
 ша мя. пожроша бѣсомъ
 а не бѹ бѣмъ ихъ же не вѣдѣ
 ша. новиі се крати придо
 ша. ихъ же не вѣдѣша оѣи и^т
 ба рожьшаго тя остави. и
 забы ба питающаго тя. и
 видѣ гѣ и възревнова. і ра
 здражиша " за гнѣвъ снѣвъ
 своихъ и дщери. і рѣ ѿвбра
 цю лице свое ѿ ни^т. і пока
 жу ^{мъ} что будетъ ^{мъ} на послѣ
 докъ. іако рѣ развращенъ
 есть. снѣве ихъ же иѣ вѣры
 в ни^т. ти разгнѣваша мя
 не о бѣѣ. прогнѣваша мя
 о ідолѣхъ своихъ. і раздра
 жу ихъ не о изъщѣхъ. на
 изъщѣ неразумнѣ про
 гнѣваю ихъ. іако огонь ра

згорѣтъся ѿ гнѣсти моея.
 раждежеться до ада преи
 сподняго і поасть землю
 і жита ея. попалить осно
 ваниа горамъ. сберу на
 ня злата. і стрѣлы моя
 скончаю на нѣ. тающе
 гладомъ. і іаденьемъ пти
 ць. і гробъ нещѣленъ. зу
 бы звѣрей послю на ня.
 съ гнѣстью пресмѣкаю
 щимся по земли. вѣбоуду
 бещадить ихъ мечь. і ѿ хра
 мъ стра^х. юноша с дѣвою. и
 съсашемъ *) съ отрокомъ ста
 рцемъ. і рѣхъ расѣю ихъ оу
 ставла же ѿ члѣвкъ память
 ихъ. токмо за гнѣвъ врагъ
 да не долголѣтъствуютъ.
 и да не налягутъ на ня супо
 стати. да не рекутъ яко рука
 наша вѣсока а не гъ ство
 ри сихъ всѣхъ. яко іазыкы
 погубле свѣтъ есть. і нѣ въ
 нѣ^х художства. не смѣсли
 ша разумѣти. сиа вся да при
 имуть въ грядущее время
 како поженеть единъ ты
 сящю. а два двигнѣта ть
 му. аще не бѣ ѿдасть ихъ
 і о гъ предасть ихъ. не суть

*) Изъ А сдѣлано Ѵ.

бо бози и^х ꙗко бѣ нашъ. вра
 зи же наши не разумли
 вий. виногра̃ бо Содоме
 скъ виногра̃ ихъ. і лоза и^х
 ѿ Гоморы. гроздь ихъ гро
 здъ желчи. гроздь горе
 сти ихъ. горсть змиѣвы
 вино ихъ. горсть аспидо
 ва нещѣльна. не си ли си
 вси собрашася оу мене. і за
 печатѣшася въ скровищи^х мо
 ихъ. въ днѣ ѿмщениа въздамъ
 во время внегда соблазнитсѣ
 нога ихъ. ꙗко близъ днѣ погибѣ
 ли ихъ. і прѣсташа готова ѿмъ.
 ꙗко судить гѣ людемъ своимъ
 і о рабѣхъ своихъ оумилитсѣ
 видѣ бо и^х ослабѣвша. і въ плѣ
 нѣ ведомы скорбныи. і рѣ гдѣ
 кде суть бѣи ихъ. в них же оу
 поваша на ня. их же тукъ же
 ртвы ихъ гадясте і пиясте ви
 но требъ и^х. да въскнѣтъ и по
 могутъ вамъ. і будутъ ва^х по
 кровители. видите видѣте.
 ꙗко азъ есмь бѣ. і нѣ бѣ развѣ ме
 не. азъ оубю і жити створю
 поражаю азъ и цѣлю. нѣ же
 изметъ и ѿ руку моюю. ꙗко въ
 здвигну на нѣбо руку мою. і
 кленусѣ десницею моюю. і реку
 живу азъ в вѣки. ꙗко поощру
 ꙗко молънию мечъ мой. і при
 иметъ сѣ рука моя. въздамъ

мѣсть врагомъ. і ненави́дя
 щѣ^н мя вздамъ. оупою стрѣ
 лы мои Ѡ крови. і ору́жье мое
 снѣсть мяса. Ѡ крове гзвены
 хъ и плѣнениа. Ѡ главы
 князь гзычскыхъ. въ
 звеселитесь нбса купно с ни
 мь. і да поклонятся ему вси
 а́нгли бѣи. веселитесь гзы
 ци с людьми его. і да оукрѣи
 тся ему вси сѣве бѣи. како
 кровь сѣвъ своихъ мщаеть и
 Ѡмщаеть. въздасть мѣсть
 врагомъ и ненави́дящимъ
 его въздасть і очтѣтъ ѣъ
 землю люде^н своихъ.·:

Приведенныхъ отрывковъ, кажется, достаточно, чтобы удо-
 стовѣриться въ Русскомъ вліяніи на передачу подлинника по Рус-
 скому выговору времени переписи книги. Изъ особенностей этого
 вліянія, кромѣ выше означенныхъ навыковъ правописанія, вы-
 даются: — употребленіе о вм. а и е: (роздолии. 40, одному. 48,
 жону. 75, должонъ. 145); ро — по написанію писца — и оро —
 по поправкѣ поправлявшаго — вмѣсто ра: (вроженіемъ вро-
 жить — два раза съ ряду. Быт. XLIV: 5 и 15); е вм. и: (не пе-
 те. 97, необрегте. 103, кадеі. 127); ѣ вм. ѣа въ род. ж. ед.
 (стрѣтныя нѣа. 56, земли Еюпетьскіе. 110); оу вм. в и въ: (оу-
 селися. 40, оу всесожженіе. 118); ь вм. и во 2-мъ лицѣ ед. (при-
 ведешь. 125, створишь. 149, будешь. 150); ты вм. ть въ 1-мъ
 лицѣ множ. (не оубиимы. 40); ян вм. ен: (сѣмянную. 1, зна-
 мянїе. 8); ови вм. ове въ им. множ. (сѣви. 4, 58); несмягченіе

к передъ е (Валаке); приставное в (Ивосифомъ. 42, фаравонови. 43, въ вутробѣ. 117); т вм. д по выговору (тску. 82, тщери 86). Относительно употребленія двойственного числа, кромѣ смѣшенія окончаній а и ѣ: е (остаѣтъ: остаѣте два мужа, бѣѣте, придетъ, пририцѣѣте: пририцѣѣте. 47, вѣѣта. 32), замѣчательны слѣдующіе случаи: брата есмѣ себѣ вм. есвѣ. 11, двѣма женишема. 36.

Между остатками не-Русскаго выговора можно отмѣтить: е вм. а въ словѣ трепеза (трепезу. 91); у вм. ѡж (расыплу. 108); а вм. ѡж = ю (възгѣла. 157, съсѣщемъ. 158, оуоставла. 158); б вм. з (Мамбри. 13 и постоянно).

Древнія формы глаголовъ вообще соблюдены. Между прочимъ сохранено и достигаемое: (сиде гѣ бѣ видѣтъ граа. 10); иде оуловить ловъ. 27; приде дѣлать дѣлѣсь своихъ. 43; изведе ꙗ погубить. 86; влазя служить. 112, и пр. Прошедшее длительное всегда на мѣстѣ: ꙗко влазяше Моисѣ в храмъ ꙗ снѣдыше столпъ облачны ꙗ стѣняше предъ дверми храма. 87; въступляше облакъ. 91; въздвигняхуся. 91; въздвигняхуся сѣѣве ꙗзѣли, на коемъ мѣстѣ стѣняше облакъ на томъ же стѣняху сѣѣве. 116; пририцѣѣте. 117, и пр. Кромѣ обыкновеннаго прошедшаго совершеннаго, въ нѣсколькихъ мѣстахъ удержана краткая форма его: и вси звѣрье на родъ... и всяка птица на родъ виду к Ноеви в ковчегъ... мужескъ полъ и женескъ. Отъ всякою плоти виду (εἰσῆλθον). 6; и вси звѣриѣ... и всяка птица... ѡзиду ѡс ковчегѣ (ἐξῆλθον) 7; пусти гѣ змиѣ оумарѣюща и оугаду люди (ἔδρακον) 125 и пр. Не-Русскимъ обычаемъ, кажется, надобно считать употребленіе род. пад. вмѣсто вин.: видѣтъ града и столпа (τὴν πόλιν καὶ τὸν πύργον) 10; гѣ бѣ посѣти Сарры (Σάρραν) 19; приде дѣлать дѣлѣсь своихъ (τὰ ἔργα αὐτοῦ) 43; простираши руку на Егупта. 62; створиши покрова злата (χρυσάτια) 79; равно и употребленіе мѣстн. падежа вмѣсто творительнаго: плакася над немъ. 55.

ОТЧЕТЪ

0

ДВАДЦАТЬ-ТРЕТЬЕМЪ ПРИСУЖДЕНИИ

НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ XXXIX-му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМИИ НАУКЪ.
№ 8.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ. 1881.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИССИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ:

Н. Глазунова, въ С. П. Б.

Эггера и Копп., въ С. П. Б.

Н. Книпяля, въ Ригѣ.

Цена 1 руб.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Іюль 1881 года.

Непремѣнный Секретарь Академикъ *К. Веселовскій*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 л., № 12.)

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАН.
Отчетъ о двадцать-третьемъ присужденіи наградъ графа Уварова, читанный въ публичномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 25-го сентября 1880 года, Непремѣннымъ Секретаремъ Академикомъ К. С. Веселовскимъ.....	1— 20
I. Исторія Московской Духовной Академіи до ея преобразованія (1814—1870). С. Смирнова. Москва. 1879. Рецензія Члена-корреспондента Академіи Наукъ И. А. Чистовича.....	21— 50
II. О сочиненіи Архимандрита Амфилохія подъ названіемъ «Кондакарій въ греческомъ подлинникѣ XII—XIII в. по рукописи Московской Синодальной бібліотеки № 437 съ древнѣйшимъ славянскимъ переводомъ кондаковъ и икосовъ какіе есть въ переводѣ, и съ приложеніемъ выписокъ кондаковъ и икосовъ какіе есть въ переводѣ, и съ приложеніемъ выписокъ кондаковъ и икосовъ изъ служебныхъ греческихъ рукописныхъ мнѣй съ славянскимъ древнѣйшимъ переводомъ и 2, изъ славянскихъ служебныхъ мнѣй рукописныхъ съ грескимъ текстомъ и безъ онаго и съ разночтеніями на обѣихъ языкахъ съ снимками въ числѣ 229 страницъ». Москва. 1879 г. Рецензія Ординарнаго Профессора С.-Петербургской Духовной Академіи И. Е. Троицкаго.....	51— 74
III. Семейство Разумовскихъ. А. А. Васильчикова. Томъ первый. С.-Петербургъ. 1880. Рецензія Академика М. И. Сухомлинова.	75— 83
IV. Разборъ сочиненія Ѳ. Успенскаго: «Образованіе втораго Болгарскаго царства», составленный профессоромъ М. С. Дриновымъ.....	84—113
V. О сочиненіи г. Шафранова «О складѣ народно-русской гбсенной рѣчи, разсмариваемой въ связи съ запѣвами». Рецензія Ал. С. Фаминцына.....	114—197
VI. Анаематствованіе (отлученіе отъ церкви), совершаемое въ первую недѣлю великаго поста. Историческое изслѣдованіе о Чинѣ Православія свящ. Константина Никольскаго. С.П.Б. 1879. стр. I—IV+314. Рецензія профессора протоіерея М. И. Горчакова.....	198—243

ОТЧЕТЪ

0

ДВАДЦАТЬ-ТРЕТЬЕМЪ ПРИСУЖДЕНІИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА,

читанный въ публичномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 25-го сентября 1880 года, Непремѣннымъ Секретаремъ Академикомъ К. С. Веселовскимъ.

На соисканіе въ настоящемъ году наградъ графа Уварова было представлено девять историческихъ сочиненій, въ томъ числѣ восемь печатныхъ и одно рукописное. Для ихъ разсмотрѣнія и для постановленія о нихъ приговора Конференція Академіи Наукъ, согласно правиламъ объ Уваровскихъ наградахъ, назначила Комисію, со стоявшюю, подъ предсѣдательствомъ Непремѣннаго Секретаря, изъ гг. Академикомъ: И. И. Срезневскаго, Я. К. Грота, А. К. Наука, А. Ф. Бычкова, М. И. Сухомлинова, А. А. Куника и А. Н. Веселовскаго. Впослѣдствіи, по смерти академика Срезневскаго, его мѣсто въ составѣ Комисіи занялъ Академикъ И. В. Ягичъ.

Ознакомившись съ переданными на ея судъ сочиненіями, Комисія для ближайшаго разсмотрѣнія каждого изъ нихъ избрала рецензентовъ, частью изъ среды своей, частью изъ постороннихъ ученыхъ, и пригласила ихъ доставить подробные разборы конкурсныхъ произведеній къ назначенному для того сроку.

По полученіи этихъ рецензій, Комисія, принявъ во вниманіе отзывы, данные о конкурсныхъ сочиненіяхъ разсматривавшими ихъ критиками, и внимательно обсудивъ сравнительныя достоинства сочиненій, въ засѣданіи 9 сего сентября, большинствомъ голосовъ постановила шесть сочиненій удостоить Уваровскихъ наградъ, въ 500 руб. каждая.

Эти увѣнчанныя преміями сочиненія суть:

I.

Семейство Разумовскихъ. Сочиненіе А. А. Васильчикова. Томъ I.

При замѣчательномъ оживленіи трудовъ по Русской исторіи, которымъ такъ счастливо отличается наше время, все болѣе и болѣе привлекаетъ къ себѣ вниманіе изслѣдователей восемнадцатый вѣкъ, какъ такая эпоха, которая еще не такъ давно составляла у насъ почти заповѣдную область, въ которой поэтому всѣ раскрываемыя нынѣ картины прошлаго имѣютъ для многихъ всю прелесть новизны, не говоря уже о томъ, что самая близость времени придаетъ лицамъ и событіямъ особую для насъ поучительность и болѣе живой интересъ. Въ ряду историковъ, посвятившихъ себя изученію русскаго XVIII вѣка, весьма почетное мѣсто занялъ отнынѣ авторъ обширной монографіи о семействѣ Разумовскихъ, которой первый томъ участвовалъ въ настоящемъ соисканіи Уваровскихъ наградъ.

Академикъ М. И. Сухомлиновъ, принявшій на себя, по вызову Комисіи, составить разборъ этого сочиненія, указываетъ въ особенности на то, что монографіи, подобныя той, какую представлялъ А. А. Васильчиковъ, имѣютъ для исторической науки особое важное значеніе; онѣ даютъ твердую основу и живыя краски для полного и всесторонняго изображенія жизни общества въ ту или другую эпоху. Матеріалы для нихъ разсѣяны во многихъ архивахъ общественныхъ и частныхъ, и для того, чтобы собрать ихъ въ одно цѣлое, требуется много труда, любви къ дѣлу и умѣнья вести его.

Авторъ монографіи «Семейство Разумовскихъ» пользовался для своего сочиненія какъ печатными, такъ и рукописными матеріалами, собранными имъ въ большомъ количествѣ въ различныхъ архивахъ, общественныхъ и семейныхъ. Многочисленные, въ высшей степени любопытныя данныя извлечены имъ изъ Государственнаго Архива, изъ архивовъ: графа А. С. Уварова, князя Н. В. Репнина, князя А. К. Разумовскаго, изъ рукописнаго дневника Ханенки; изъ бумагъ семейства Ганскихъ; изъ рукописнаго историческаго словаря Казадаева и т. д. Многія интересныя бумаги и преданія сообщены автору Г. П. Галаганомъ и М. А. Крыжановскою, рожденною Перовскою.

Отыскивая, собирая и группируя разнообразныя матеріалы, ав-

торъ имѣлъ въ виду «возсоздать возможно вѣрно и полно старинный бытъ русскихъ баръ прошлаго времени». Онъ говоритъ: «Мы старались въ трудѣ нашемъ, по мѣрѣ возможности, возсоздать ежедневную жизнь добраго стараго времени, и какъ можно чаще говорить, если не устами, то по крайней мѣрѣ перомъ нашихъ героевъ. Чтобы еще ближе познакомить читателя съ бытомъ прошлаго времени, мы въ приложеніяхъ помѣстили всѣ грамоты, рядвыя записи, хозяйственныя распоряженія, штаты и проч., относящіяся до семейства Разумовскихъ. Бытъ можетъ, насъ упрекнутъ въ томъ, что мы не довольно строго разбирали имѣвшіеся у насъ подъ руками документы, и что въ трудъ нашъ вкралось многое, что вовсе не имѣетъ интереса. Если это такъ, то это произошло отъ того, что при непрестанномъ стремленіи нашемъ къ новизнѣ, при общемъ небреженіи, съ которымъ у насъ относятся къ остаткамъ прошедшаго, мы невольно вдались въ противоположную крайность и не захотѣли пожертвовать ни единымъ лоскутомъ старины».

Изобиліе помѣщенныхъ матеріаловъ, по мнѣнію рецензента, едва ли можно поставить автору въ вину. Въ трудахъ, предпринимаемыхъ съ подобною цѣлю, лучше помѣстить нѣсколько вещей бездвѣтныхъ, нежели пропустить хотя бы одну вещь, дѣйствительно любопытную и важную. Выборъ бываетъ затруднителенъ потому особенно, что иногда то, что само по себѣ не представляетъ интереса, оказывается пригоднымъ для разъясненія той или другой черты въ дѣятельности лицъ и въ ходѣ событій, не имѣющихъ прямого отношенія къ предмету монографіи. Что же касается распредѣленія матеріаловъ, собранныхъ въ такомъ изобиліи, то конечно часть ихъ, казалось бы, удобнѣе было помѣстить въ приложеніяхъ, а въ текстѣ передать только сущность ихъ, вслѣдствіе чего впечатлѣніе, производимое ими, было бы и сильнѣе и опредѣленнѣе. При томъ это вполне соответствовало бы намѣренію автора — возсоздать прежній бытъ, а для возсозданія не достаточно одного только накопленія бытовыхъ чертъ, которыя надо отыскивать въ трудѣ матеріаловъ, расположенныхъ въ чисто внѣшнемъ, хронологическомъ порядкѣ. Но если нѣкоторыя подробности и затрудняютъ чтеніе книги, вообще весьма интересной по своему содержанію и изложенію, то съ другой стороны многое, и весьма многое изъ того, что приведено подлинными словами документовъ, наглядно, живо и ярко рисуетъ нашу недавнюю старину.

Въ первомъ томѣ монографіи всего подробнѣе говорится о двухъ братьяхъ Разумовскихъ, Алексѣѣ Григорьевичѣ и Кириллѣ

Григорьевичѣ. По чертамъ, разсѣяннѣмъ въ трудѣ г. Васильчикова и сгруппированнымъ имъ въ одно цѣлое, можно составить себѣ живое понятіе о главныхъ дѣйствующихъ лицахъ «обыкновенной исторіи», рассказанной авторомъ.

Однако не одни только главныя дѣйствующія лица, но и многія другія очерчены болѣе или менѣе ярко въ монографіи г. Васильчикова.

Не распространяясь о содержаніи этого важнаго труда, замѣтимъ, что большую заслугу автора составляютъ и обиліе собранныхъ имъ матеріаловъ, и искусство, съ какимъ они представлены въ надлежащемъ свѣтѣ. Онъ пользовался такого рода источниками, которые по справедливости считаются наиболѣе надежными и существенно необходимыми при разработкѣ внутренней исторіи Россіи XVIII столѣтія. Если бы авторъ только собралъ, систематически расположилъ и издалъ такое количество матеріаловъ, то и тогда книга его была бы цѣннымъ приобрѣтеніемъ для русской литературы. Но г. Васильчиковъ не ограничился этою скромною задачею и принялъ на себя трудъ критически разсмотрѣть и обработать собранные имъ матеріалы. Рисуя картину минувшаго быта, онъ заимствуетъ краски для нея изъ первыхъ источниковъ, не отступая отъ нихъ ни ради болѣе яркости, ни ради какой-либо предвзятой мысли. Онъ не ставитъ героевъ своихъ на пьедесталъ и не скрываетъ темныхъ сторонъ въ тѣхъ событіяхъ и лицахъ, за которыми признаетъ высокое значеніе въ умственной и общественной жизни Россіи.

II.

Исторія Московской Духовной Академіи до ея преобразования (1814—1870). Сочиненіе Ректора этой Академіи, протоіерея Серг. Констант. Смирнова.

Высокопочтимый авторъ этого сочиненія извѣстенъ въ ученой литературѣ замѣчательными трудами по исторіи духовнаго просвѣщенія въ Россіи: несомнѣнные достоинства его *Исторіи Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи* доставили ему въ 1857 году одну изъ Демидовскихъ наградъ, а изданное имъ въ 1867 году историческое сочиненіе о Троицкой Лаврской Семинаріи было увѣнчано Уваровскою преміей.

Присуждая теперь еще разъ Уваровскую награду новому капитальному творенію протоіерея С. К. Смирнова, Академія имѣла удовольствіе основать свой приговоръ на отзывѣ такого компетентнаго судьи, какимъ, конечно, является авторъ Исторіи С.-Петербургской Духовной Академіи и біографъ Теофана Прокоповича. Нашъ многоуважаемый членъ-корреспондентъ Илл. Алекс. Чистовичъ доставилъ намъ, по нашей просьбѣ, разборъ, который будетъ съ величайшимъ интересомъ прочитанъ всѣми, кто слѣдитъ за судьбами отечественнаго просвѣщенія, и изъ котораго мы приведемъ здѣсь только заключительныя сужденія:

Желая очертить общій характеръ разбираемаго сочиненія, рецензентъ указываетъ на ту особенность новой книги протоіерея Смирнова, что въ ней излагается исторія учебнаго заведенія, только полвѣка тому назадъ начавшаго свое существованіе,—заведенія, въ которомъ авторъ самъ добрую половину протекшаго періода былъ дѣятелемъ и очевидцемъ совершившихся событій, а для другой, болѣе отдаленной половины имѣетъ свидѣтелей, при которыхъ началась жизнь преобразованной Академіи. Изъ лицъ, трудившихся въ Академіи съ самаго ея начала, весьма многія прошли и заканчивали свой путь передъ его глазами; образы другихъ сохранились въ живомъ и свѣжемъ преданіи. Собственно архивныя документы способствуютъ только провѣркѣ данныхъ, извлекаемыхъ изъ личныхъ впечатлѣній свидѣтелей происшествій. Съ этой стороны историкъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи всѣ выгоды живаго и свѣжаго преданія, шелъ, такъ сказать, по слѣдамъ событій уходящей жизни, имѣлъ всѣ способы представить главнѣйшихъ дѣятелей Академіи въ живыхъ очертаніяхъ и обликахъ, со всѣми отличительными особенностями ихъ духовнаго склада, и указать на тѣ стороны ихъ вліянія, которыя понятны только современникамъ и становятся неуловимыми и даже мало понятными для поколѣнія, которое судитъ о нихъ только по письменнымъ памятникамъ.

Но такое положеніе историка въ отношеніи къ изображаемымъ событіямъ имѣетъ и свою невыгодную сторону. Событія текущей жизни, въ особенности болѣе крупныя, такъ переплетаются одни съ другими и такъ развѣтвляются, что трудно опредѣлить и указать, такъ сказать, физическія ихъ границы. Соприкосновенность однихъ событій съ другими, сплетенія лицъ, интересовъ, цѣлей, причинъ ближайшихъ и отдаленныхъ, возбуждая интересъ каждое

въ своей мѣрѣ, легко могутъ увлечь историка и вывестъ рассказъ за предѣлы задачи, которая намѣчена предметомъ. Кромѣ того, отдаваясь личнымъ впечатлѣніямъ своимъ или чужимъ, историкъ легко можетъ утратить безпристрастіе и стать на точку зрѣнія одностороннюю.

Этими ли, или другими побужденіями руководствовался авторъ, но во всякомъ случаѣ, при чтеніи его книги, нельзя не примѣтить, что онъ излагаетъ факты такъ, какъ они улеглись и сохранились въ документальныхъ источникахъ, не вдаваясь въ разъясненіе ихъ далѣе тѣхъ указаній, какія даютъ архивные документы, очень рѣдко обращаясь къ источникамъ живаго преданія, очень мало внося воспоминаній, какія могли бы сообщить объ Академіи бывшіе ея воспитанники, и не внося почти ничего изъ своихъ личныхъ впечатлѣній. Памятники сохраняются во всякомъ случаѣ долѣе, нежели живое преданіе, которое скоро забывается и чрезъ одно-два поколѣнія уже исчезаетъ безслѣдно. Тѣмъ не менѣе этому живому преданію очень мало дано значенія въ трудѣ автора.

Обращаясь къ разсмотрѣнію самой книги, рецензентъ предлагаетъ весьма оживленный рассказъ о главныхъ событіяхъ въ исторіи Московскаго разсадника высшаго духовнаго образованія, въ связи съ нѣкоторыми внѣшними явленіями, имѣвшими вліяніе на судьбу Академіи, и въ заключеніи, сводя въ одно всё сдѣланныя имъ замѣчанія, заявляетъ, что книга протоіерея Смирнова, излагающая исторію Академіи въ продолженіе пятидесятилѣтняго періода ея отъ одного преобразования (въ 1814 г.) до другаго (въ 1870 г.), заключающая въ себѣ богатое собраніе матеріаловъ для исторіи духовнаго просвѣщенія въ Россіи и вообще для исторіи отечественнаго просвѣщенія, любопытная по своимъ подробностямъ о судьбѣ лицъ, получившихъ высшее образованіе въ Московской Духовной Академіи и съ честію трудившихся и трудящихся на разныхъ поприщахъ церковнаго, общественнаго и гражданскаго служенія, сообщающая весьма много любопытныхъ данныхъ о высококочтимомъ русскою церковію покойномъ Московскомъ святителѣ Филаретѣ, бывшемъ въ теченіе почти полувѣка непосредственнымъ руководителемъ Академіи, — составляетъ весьма почтенный вкладъ въ нашу историческую литературу. Служа продолженіемъ изданной авторомъ Исторіи Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи, она отличается такими же достоинствами отчетливаго и занимательнаго изложенія, какими отличался и первый его трудъ. Можно было бы желать болѣе полнаго изображенія собственно внутренней жизни

Академіи, болѣе цѣльныхъ и законченныхъ образовъ важнѣйшихъ ея дѣятелей—Филарета, Гумилевскаго, Голубинскаго, Горскаго и др., и болѣе полной оцѣнки ихъ ученой дѣятельности и заслугъ для науки и просвѣщенія: но всякому, знакомому съ этого рода сочиненіями, извѣстно также, какъ трудна подобная критическая работа тамъ, гдѣ не собрано еще первоначальныхъ матеріаловъ для внѣшней исторіи учебнаго заведенія. Въ этихъ случаяхъ добросовѣстно собранный, очищенный и стройно расположенный матеріалъ составляетъ весьма важную подготовку для послѣдующихъ ученыхъ трудовъ на томъ же поприщѣ, которые, безъ сомнѣнія, тѣмъ менѣе будутъ возбуждать желанія, подобныя вышензложенному, чѣмъ менѣе будутъ стѣснены этою первоначальною работою собиранія и очистки матеріала.

III.

Анаематствование (отлученіе отъ Церкви), совершаемое въ первую недѣлю Великаго поста. Историческое изслѣдованіе о чинѣ Православія, Священника К. Никольскаго. СПбургъ 1879 г.

Желая положить въ основаніе своего приговора объ этомъ сочиненіи сужденіе о немъ извѣстнаго знатока исторіи русской церкви и церковнаго права, Академія обращалась къ профессору здѣшняго университета священнику М. И. Горчакову съ приглашеніемъ разсмотрѣть изслѣдованіе отца Никольскаго. Съ рѣдкою готовностью принявъ это предложеніе и увлекшись самъ предметомъ, надъ которымъ трудился от. Никольскій, почтенный профессоръ сообщилъ намъ обстоятельную рецензію, въ которой не только представлена всесторонняя оцѣнка переданнаго на его судъ труда, но и сдѣланы многочисленныя существенныя дополненія и объясненія къ изысканіямъ и выводамъ автора.

По свидѣтельству рецензента, сочиненіе от. Никольскаго есть первое явившееся въ нашей церковно-исторической литературѣ ученое изслѣдованіе исторіи чина православія, составленное большею частью на основаніи не только неизданныхъ, но и оставшихся долгое время въ неизвѣстности, забытыхъ или тщательно скрывавшихся источниковъ. Своею книгою авторъ вывелъ изъ забвенія и неизвѣстности весьма любопытную, довольно сложную и почти вовсе необслѣдованную до него исторію важнаго во многихъ отно-

шеніяхъ памятника богослужебной литературы Ковстантинопольской и Русской церковей. Много стоило ему времени, труда, усердія, настойчивости и даже матеріальныхъ издержекъ, чтобы собрать таившійся преимущественно въ старыхъ архивахъ и бібліотекахъ рукописный матеріалъ, относящійся до его предмета; но за то ревность его увѣнчалась блестящимъ успѣхомъ, и можно сказать, что до сихъ поръ никому изъ частныхъ лицъ еще не удавалось собрать такой колекціи списковъ съ древнихъ русскихъ синодиковъ и чинопослѣдованій на недѣлю православія, какая накопилась у от. Никольскаго. Сверхъ того, онъ съ большимъ вниманіемъ изучилъ и печатные чины православія, какъ помѣщенные въ тріодяхъ XVII вѣка, такъ и изданные въ XVIII вѣкѣ. Но этимъ не ограничивается заслуга автора: значительной части собранныхъ имъ матеріаловъ онъ придалъ научную форму, привелъ ихъ во взаимную связь, изложилъ ихъ содержаніе въ исторической послѣдовательности, сопоставляя многіе факты и явленія, о которыхъ говорится въ нихъ, въ связь съ событіями и явленіями однородными и современными имъ и слѣдовавшими за ними, подобравъ и представивъ историческія объясненія ко многимъ изъ нихъ.

Отдавая въ этомъ отношеніи должную похвалу труду от. Никольскаго, рецензентъ находитъ однако, что авторъ воспользовался не всѣмъ собраннымъ имъ матеріаломъ, и при томъ не такъ, чтобы книга его не заставляла читателя желать и ожидать отъ нея большаго, чѣмъ сколько въ ней содержится изъ собранныхъ и указанныхъ от. Никольскимъ синодиковъ и чиновъ православія. Особенно можно пожалѣть о томъ, что онъ оказался скупъ на приложение къ книгѣ отысканныхъ и изученныхъ имъ древнихъ чиновъ православія, тогда какъ такія приложения дали бы возможность не только провѣрить сообщенія и выводы автора по самымъ документамъ, но и ближе ознакомиться съ любопытными и малоизвѣстными памятниками.

Обращаясь за тѣмъ къ характеру изслѣдованія от. Никольскаго, ученый критикъ прежде всего замѣчаетъ, что авторъ изложилъ исторію чина православія, какъ литургистъ и церковный археологъ, между тѣмъ какъ эта исторія, по своему содержанію, имѣетъ важное значеніе не въ одной области литургики и археологии, но и въ исторіи византійской и русской—церковной и гражданской, а также въ области церковнаго права. Хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сочиненія и можно встрѣтить указанія и отвѣты на относя-

щіяся сюда вопросы; эти указанія и отвѣты даются однако мимоходомъ и не съ тою полнотою и опредѣленностью, какія желательны для историка и правовѣда. Другое замѣчаніе рецензента касается заглавія книги, которое не вполне соотвѣтствуетъ ея содержанію. Назвавъ ее «Анаеѣматствованіе», авторъ присовокупилъ къ этому заглавію поясненіе, что предметъ ея «историческое изслѣдованіе о чинѣ православія». Хотя дѣйствительно, значительнѣйшая часть сочиненія посвящена изслѣдованію о той части чиновъ православія, въ которой содержатся отлученія отъ церкви, однако нельзя упустить изъ виду, что авторъ изслѣдуетъ не только эту часть, но и вообще чиноположеніе православія, а въ немъ анаеѣматствованіе является только однимъ изъ семи, а по древнимъ синодикамъ изъ пяти равночленныхъ предметовъ, такъ какъ въ содержаніе чиноположенія входятъ, сверхъ анаеѣматствованія, молебное пѣніе, канонъ, предисловіе синодика, статья о вѣчной памяти, многолѣтіе и заключительная молитва. По этому авторъ, давъ своему изслѣдованію вообще о чинѣ православія заглавіе «Анаеѣматствованіе», употребилъ названіе части предмета вмѣсто его цѣлаго.

Равнымъ образомъ въ отношеніи построенія книги отъ Никольскаго, планомъ и расположеніемъ которой онъ, повидимому, думалъ оправдать ея заглавіе, рецензентъ находитъ, что оно не соотвѣтствуетъ содержанію предмета, исторически изслѣдуемаго авторомъ. Представивъ весьма вѣсскія доказательства такому мнѣнію своему и остановившись за тѣмъ на частномъ разборѣ предисловія и каждой изъ пяти главъ, составляющихъ сочиненіе, отъ Горчакова заканчиваетъ свою рецензію слѣдующими словами: «Сочиненіе отъ Никольскаго слѣдуетъ признать оригинальнымъ и по тѣмъ, и по содержанію, и по отысканнымъ авторомъ матеріаламъ; оно представляетъ собою первый и пока единственный опытъ изслѣдованія объ исторіи чина православія — предмета, до сихъ поръ вовсе необслѣдованнаго и почти незатронутаго въ нашей ученой литературѣ. Сочиненіемъ своимъ авторъ приводитъ въ извѣстность и подвергаетъ научной разработкѣ разнообразныя списки почти совсѣмъ забытаго памятника богослужебной литературы древней Россіи, имѣвшаго свою исторію и свое, во многихъ отношеніяхъ важное, значеніе въ отечественной исторіи. Въ немъ авторъ указываетъ русскимъ историкамъ новый, до нашего времени оставившійся безъ вниманія, источникъ исторіи — церковной и государственной, исторіи языка, палеографіи, генеалогіи, даже иконописи и пр.; въ немъ впервые сообщаются многочисленныя историческія свѣдѣнія, извлечен-

ныя изъ архивовъ и библиотекъ и скрывавшіяся въ рукописяхъ, какъ сырой матеріалъ, какъ предметы, осужденные на забвеніе; значительная часть собранныхъ авторомъ матеріаловъ облечена въ научную форму: нѣкоторыя части историческаго изслѣдованія автора изложены съ безукоризненною обстоятельностью, полнотою и вѣрностью; къ инымъ частямъ изслѣдуемаго авторомъ чина православія представлены въ книгѣ достаточныя для предмета историческія объясненія и указанія; для изслѣдованія оставленныхъ авторомъ безъ обстоятельнаго разсмотрѣнія частей чина православія указаны въ сочиненіи его матеріалы, источники и способы; вообще все сочиненіе есть такой ученый трудъ, котораго не доставало въ нашей церковно-исторической литературѣ, котораго не могутъ замѣнять по своему содержанію никакія существующія сочиненія, и которое во многихъ отношеніяхъ и частяхъ удовлетворяетъ современнымъ требованіямъ науки и критики. Въ виду несомнѣнныхъ достоинствъ, сочиненіе от. Никольскаго, не смотря на недостатки его, обнаруживающіеся въ названіи книги, въ ея построеніи и общей постановкѣ, въ неполнотѣ изслѣдованія нѣкоторыхъ частей чина православія, и въ нѣкоторыхъ выводахъ и указаніяхъ, — вполне заслуживаетъ награжденія Уваровскою премією. Это сочиненіе тѣмъ болѣе достойно вниманія и уваженія, что такіе учено-спеціальныя труды въ литературѣ нашей появляются не часто, по достоинствамъ ихъ оцѣниваются весьма рѣдко и почти никогда въ нашемъ обществѣ не вознаграждаются ни нравственно, ни матеріально; между тѣмъ эти труды распространяютъ свѣтъ знанія на такія стороны исторической жизни, которыя, до появленія ихъ, оставались въ неизвѣстности и забвеніи.

IV.

О складѣ народно-русской пѣсенной рѣчи, разсматриваемой въ связи съ пѣтьями. Сочин. С. Шафранова.

Это сочиненіе, первоначально напечатанное въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, было впоследствии подвергнуто авторомъ исправленію и значительному дополненію. Въ новой, улучшенной редакціи трудъ г. Шафранова явился на судъ Академіи уже въ видѣ рукописи.

Принявъ этотъ трудъ къ соисканію Уваровскихъ наградъ, Комисія сознавала, что для правильнаго сужденія объ изслѣдованіи подобнаго рода необходимо, чтобы въ разсмотрѣніи его участвовали ученые, специально знакомый съ музыкаю. Поэтому она обращалась къ профессору здѣшней Консерваторіи А. С. Фаминцыну съ просьбою сообщить ей свое мнѣніе объ означенномъ сочиненіи, какъ къ такому лицу, которое своими познаніями по части теоріи и исторіи музыкальнаго искусства приобрѣлъ себѣ заслуженную извѣстность.

Въ доставленной намъ вслѣдствіе того подробной рецензіи, г. Фаминцынъ прежде всего останавливается на судьбахъ русской народной пѣсни въ прежнее время и на томъ, что до сихъ поръ было сдѣлано въ области ея изслѣдованія. Онъ объясняетъ, что съ одной стороны дѣятельность русскихъ музыкантовъ въ этомъ отношеніи ограничивалась почти исключительно собираніемъ и гармонизаціею нашихъ народныхъ пѣсенъ, а равно изученіемъ технически музыкальнаго ихъ склада, вызывавшимъ въ послѣднее время энергической протестъ противъ внесенія иноземнаго вліянія въ гармонизацію какъ народнаго, такъ и древне-церковнаго русскаго пѣнія. Съ другой стороны, филологи и любители отечественной древности, но немусыканты, изслѣдовали русскую пѣсню только въ отношеніи ея содержанія и стихосложенія.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, рецензентъ обращается къ сочиненію г. Шафранова, котораго заслуга, по его мнѣнію, заключается именно въ томъ, что онъ сталъ на совершенно новую точку зрѣнія: разсмотрѣлъ нашу народную пѣсню, какъ состоящую изъ двухъ неразрывно связанныхъ элементовъ, текста и напѣва, и распространилъ свои изысканія одновременно на музыкальную и словесную ея стороны. По свидѣтельству критика, авторъ очевидно не принадлежитъ къ числу музыкантовъ, какъ въ томъ убѣждаютъ читателя нѣкоторыя высказанныя имъ мнѣнія и даже бѣглый взглядъ на многочисленные приложенные къ его труду музыкальные примѣры, обнаруживающіе не только неопытность въ дѣлѣ нотописанія, но и довольно сомнительный вкусъ въ выборѣ напѣвовъ; однако это не помѣшало ему, въ главной части изслѣдованія, очутиться на твердой почвѣ, и подобно тому, какъ новѣйшіе русскіе музыканты повели борьбу противъ западно-европейскаго гнета, тяготѣвшаго многіе десятки лѣтъ надъ нашими народными напѣвами, повести, по отношенію къ стихосложенію, борь-

бу противъ теоріи версификаціи, разсматривавшей сложеніе пѣсенныхъ текстовъ совершенно независимо отъ соотвѣтствующихъ имъ напѣвовъ и видѣвшей основу, на которой зиждется гармонія русскаго стиха, въ числѣ удареній.

Разсужденіе г. Шафранова распадается на четыре статьи. Разсмотрѣнію народно-русскаго пѣсеннаго склада рѣчи авторъ предпослалъ изложеніе господствующихъ въ теоріи стихотворства воззрѣній на основные элементы ритмики и метрики, сопровождая ихъ замѣчаніями съ точки зрѣнія народно-русскаго пѣсеннаго стихосложенія, дабы такимъ образомъ выяснить, какія положенія греко-латинской метрики, усвоенныя и нѣмецкою, и нашею литературою, примѣнимы къ народно-русской пѣсенной рѣчи, и какія метрическія формы выработались въ ней самостоятельно. Первую статью своего труда авторъ посвящаетъ разсмотрѣнію основъ количественнаго греко-латинскаго стихосложенія. Отсюда, онъ переходитъ, во второй статьѣ, къ стихосложеніямъ слогочислительному и тоническому, разбирая ихъ по отношенію къ пѣсенному народно-русскому, при чемъ приходитъ къ заключенію, что истинной основы для строя своеобразной русской народной пѣсенной рѣчи слѣдуетъ искать не въ нихъ, а тамъ же, гдѣ найдется основа древне-греческой, т. е. въ пѣсенныхъ напѣвахъ. Заключивъ этими главами историко-литературный отдѣлъ, служащій какъ бы введеніемъ къ изслѣдованію собственно народно-русскаго пѣсеннаго стихосложенія, г. Шафрановъ, въ остальныхъ двухъ статьяхъ сочиненія, излагаетъ свой взглядъ на это послѣднее, равно какъ и на поэтическія формы, свойственныя русской пѣсенной рѣчи.

Подробный разборъ каждой изъ этихъ статей занимаетъ значительную часть рецензіи г. Фаминцына, который съ надлежащимъ вниманіемъ и строгостью обсудивъ выводы автора, сводитъ свою критику къ слѣдующему общему заключенію: Г. Шафрановъ, обративъ вниманіе свое на двусоставную природу пѣсни, какъ произведенія словеснаго и вмѣстѣ музыкальнаго, тѣмъ самымъ разрушилъ грань, до сихъ поръ раздѣлявшую изслѣдователей русскихъ народныхъ пѣсенъ на музыкантовъ и нем музыкантовъ, и на развалинахъ этой грани воздвигъ свое новое ученіе. Въ наглядной формѣ онъ очертилъ отношеніе основъ стихосложеній количественнаго (греко-латинскаго), слогочислительнаго (въ Зендавестѣ и Ведахъ) и тоническаго къ народно-русскому пѣсенному, при чемъ основывался на древнѣйшихъ формахъ этихъ стихосложеній, проявившихся въ тѣхъ пѣсняхъ, гдѣ рѣчь, какъ и въ народно-русскихъ, была

еще неразрывно связана съ пѣніемъ. За тѣмъ онъ объяснилъ близкое соотношеніе главныхъ частей напѣва съ соответствующими главными частями строфъ пѣсеннаго текста. Далѣе, признавая созданную Востоковымъ и развитую его послѣдователями теорію народно-русскаго стихосложенія, названнаго тоническимъ, искусственною и на самомъ дѣлѣ неоправдываемою пѣснями, разсматриваемыми въ связи съ ихъ напѣвами, и относя ритмическія ударенія не къ складу пѣсенной рѣчи, а къ способу ея произношенія, къ дикціи, г. Шафрановъ указалъ на важное значеніе стилистическихъ особенностей въ пѣсенной рѣчи и далъ стихосложенію народно-русской пѣсни названіе *стилистическаго*, какъ основывающемуся на особенностяхъ слога и на своеобразномъ поступательномъ движеніи рѣчи. Эти особенности слога онъ видитъ преимущественно въ *повтореніяхъ*, къ которымъ относятся между прочимъ и *примѣты*, а также въ *паралелизмъ*, при чемъ разсматриваетъ ихъ въ многочисленныхъ и разнообразныхъ примѣненіяхъ.

Отдавая такимъ образомъ справедливость достоинствамъ труда г. Шафранова, несомнѣнно пополнявшаго пробѣлъ въ области изученія русской народной пѣсни, и выставляя на видъ смѣлость и новизну высказанныхъ имъ положеній, во многихъ случаяхъ подтвержденныхъ доказательствами, профессоръ Фаминцынъ съ полнымъ безпристрастіемъ не умалчиваетъ и о недостаткахъ этого изслѣдованія. Они, какъ уже было упомянуто выше, обнаруживаются преимущественно въ специально-музыкальной части сочиненія и въ неудовлетворительности музыкальнаго приложенія, изъ котораго авторъ почерпаетъ примѣры для подтвержденія своихъ положеній.

V.

Образованіе втораго Болгарскаго царства. Оедора Успенскаго.

Исторія втораго Болгарскаго царства оставалась до послѣдняго времени въ той первоначальной разработкѣ, въ какой была передана нынѣшнему столѣтію Равчемъ и Энгелемъ. Только въ послѣдніа 10—12 лѣтъ, трудами покойнаго Карла Гопфа, профессора Макушева, г. Голубинскаго, д-ра Иречка и другихъ, этотъ темный періодъ Болгарской исторіи изслѣдованъ и освѣщенъ до нѣкоторой степени. Однако новые изслѣдователи обращали преимущественно вниманіе на внутреннія и виѣшнія отношенія уже

готоваго, вполне сформированнаго втораго Болгарскаго царства и мало касались самаго его рожденія, его образованія.

Разработкѣ этого любопытнаго, но крайне темнаго предмета главнымъ образомъ посвящено сочиненіе, съ которымъ г. Успенскій явился въ числѣ соискателей Уваровскихъ премій.

Для ближайшей оцѣвки этой книги, Академія обращалась къ содѣйствию профессора Харьковскаго университета М. С. Дринова.

Трудъ г. Успенскаго распадается на двѣ части. Первая, занимающая всего 73 страницы, служитъ какъ бы краткимъ введеніемъ ко второй, болѣе обширной, и посвящена изложенію состоянія Болгаріи подъ Византійскимъ игомъ. По словамъ рецензента, при современномъ положеніи литературы предмета нельзя было и ожидать отъ разсмотрѣнной имъ книги всесторонняго изслѣдованія этого вопроса. Повидимому авторъ желалъ оказать съ своей стороны лишь нѣкоторое содѣйствіе уясненію туманнаго періода Болгарской исторіи, непосредственно примыкающаго ко времени образованія втораго Болгарскаго царства. Здѣсь мы находимъ изслѣдованіе двухъ самыхъ важныхъ источниковъ для этого періода, а именно писемъ архіепископа Теофилакта и Евстафія Солунскаго, изъ которыхъ, въ особенности изъ перваго, сдѣланы значительныя извлеченія. Замѣчая, что въ этихъ извлеченіяхъ встрѣчается иногда несовсѣмъ удачный переводъ трудныхъ мѣстъ, рецензентъ тѣмъ не менѣе признаетъ, что изданіемъ этихъ матеріаловъ авторъ оказалъ немаловажную услугу Болгарской исторіи. Въ его переводѣ, общій смыслъ особенно важныхъ для послѣдней извѣстій Теофилакта переданъ вѣрнѣе, чѣмъ въ существовавшихъ латинскихъ переводахъ, которыми изслѣдователи преимущественно пользовались до сего времени. Историческое значеніе писемъ Теофилакта, по свидѣтельству профессора Дринова, выиграло и отъ хорошей группировки ихъ въ книгѣ г. Успенскаго. Но къ сожалѣнію, дѣлая собственную оцѣнку разсматриваемаго имъ историческаго матеріала, авторъ повторяетъ въ немногихъ словахъ лишь то, что неоднократно высказывали до него другіе писатели, тогда какъ богатыя по содержанію извлеченія изъ писемъ Теофилакта, при освѣщеніи ихъ другими извѣстіями того же времени, могли бы пролить болѣе свѣта на событія. При этомъ первая часть сочиненія стала бы существенно, необходимою для всего изслѣдованія, была бы связана со второю частью болѣе органически, а не казалась бы, какъ теперь, какъ бы несовсѣмъ умѣстною.

Изложеніе самой исторіи образованія втораго Болгарскаго цар-

ства г. Успенскій счелъ нужнымъ начать съ разсмотрѣнія вопроса о половцахъ, или куманяхъ, и румынахъ, или валахахъ. Затѣмъ слѣдуетъ подробный анализъ извѣстій о началѣ движенія въ Болгаріи и о первыхъ годахъ борьбы за независимость. Эти происшествія разсмотрѣны авторомъ на основаніи новыхъ, имъ самимъ добытыхъ данныхъ, доставившихъ ему возможность исправить смутныя сказанія Никиты Акомината, по которымъ доселѣ излагался ходъ этой борьбы. Въ особую заслугу критикъ ставитъ автору выясненіе важнаго значенія, какое имѣло для Болгарскихъ дѣлъ возмущеніе Византійскаго полководца Алексѣя Враны, отправленнаго съ военными силами имперіи противъ возставшихъ болгаръ. Разсказъ о Болгарскихъ дѣлахъ во время похода Фридриха Барбаросы на востокъ и объ отношеніяхъ сербовъ и угровъ къ болгарскому движенію составляетъ, по отзыву г. Дринова, самую удачную часть труда г. Успенскаго, хотя и здѣсь упущены изъ виду нѣкоторыя полезныя матеріалы и высказаны нѣкоторыя предположенія, съ которыми критикъ не можетъ согласиться. Слѣдя далѣе за изложеніемъ автора, послѣдовательно разсматривающаго движеніе на Балканскомъ полуостровѣ въ 1190—1196 гг., появленіе новыхъ болгарскихъ вождей, боярина Никиты и царя Іоанна, попытку уніи съ католической церковью, участіе богомиловъ въ событіяхъ борьбы за независимость, антиболгарское движеніе на Балканскомъ полуостровѣ, отношеніе угровъ и сербовъ къ болгарамъ и наконецъ роль Болгарскаго царя между греками и латинянами по завоеваніи Царяграда крестоносцами, рецензентъ останавливается на тѣхъ объясненіяхъ и заключеніяхъ автора, которыя недостаточно оправдываются бывшимъ въ его распоряженіи матеріаломъ, или опровергаются другими источниками, оставленными имъ безъ вниманія, хотя и отдаетъ ему должную дань похвалы относительно многихъ пунктовъ, впервые имъ намѣченныхъ, или лучше и полнѣе выясненныхъ имъ, чѣмъ его предшественниками.

Въ заключеніе своей рецензіи, професоръ Дриновъ признаетъ, что авторъ внесъ въ свое изслѣдованіе много новаго матеріала, частью изданнаго, но не употребленнаго надлежащимъ образомъ въ дѣло, необслѣдованнаго, а частью и неизданнаго. Огромный трудъ, котораго стоили собраніе, переводъ, изученіе и вообще обработка этого матеріала, оставлялъ ему мало времени для тщательнаго пересмотра общезвѣстныхъ источниковъ. Откуда произошли тѣ пробѣлы и, пожалуй, ошибки, которые встрѣчаются въ трудѣ г. Успенскаго. Но за то выдвинутый имъ новый матеріалъ, который

долженъ, по своей важности, занимать первое мѣсто между источниками Болгарской исторіи, далъ ему возможность пролить много новаго свѣта на изслѣдуемый вопросъ, принадлежащій къ самымъ важнымъ и самымъ темнымъ историческимъ вопросамъ. Если въ иныхъ случаяхъ авторъ и не совсѣмъ удачно воспользовался своимъ матеріаломъ, то это зависѣло отъ самаго свойства послѣдняго: такого рода матеріалы никогда не исчерпываются вполне первымъ обследованіемъ, какъ бы тщательно оно ни было. Будущіе изслѣдователи въ области южно-славянской, а также и византійской исторіи XI, XII и начала XIII вв., не обойдутся безъ книги г. Успенскаго. Они не мало будутъ благодарны автору и за помѣщенные имъ, какъ въ «приложеніяхъ», такъ и въ самомъ текстѣ книги, обширныя извлеченія изъ памятниковъ, отчасти совершенно новыхъ, или же сдѣлавшихся библиографическою рѣдкостью.

VI.

Кондакарій въ греческомъ подлинникѣ XII—XIII вв. по рукописи Московской Синодальной Библіотеки, съ древнѣйшимъ Славянскимъ переводомъ кондаковъ и икосовъ, какіе есть въ переводѣ Трудъ Архимандрита Амфилохія. М. 1879 г.

Ординарный профессоръ здѣшней Духовной Академіи, Ив. Е. Троицкій, занявшійся, по приглашенію Уваровской комисіи, разсмотрѣніемъ этого сочиненія, доставилъ намъ весьма подробный и обстоятельный разборъ его, дающій полную возможность оцѣнить по достоинству новый трудъ архимандрита Амфилохія. Внимательное чтеніе этой книги показываетъ, что авторъ имѣлъ въ виду интересы церковно-историческіе и литургическіе, равно какъ и интересы палеографіи и филологіи. Понятно, что удовлетворить столь многимъ и столь разнообразнымъ интересамъ въ одной книгѣ можно было, по весьма справедливому замѣчанію рецензента, лишь при ясномъ сознаніи требованій, предъявляемыхъ этими интересами, при строгомъ разграниченіи сферы каждаго изъ нихъ и при стройной выдержкѣ ихъ. Къ сожалѣнію, во всѣхъ этихъ отношеніяхъ книга архимандрита Амфилогія оставляетъ желать многого. Указавъ въ подробности тѣ обстоятельства и соображенія, изъ которыхъ вытекаетъ этотъ приговоръ, ученый рецензентъ замѣчаетъ, что при всемъ томъ означенная книга представляетъ со-

бою большую цѣнность для церковной гимнографіи. Потребность въ возможно-полномъ собраніи и критическомъ изданіи оригинальнаго текста древнѣйшихъ и наиболѣе употребительныхъ церковныхъ пѣснопѣній, какими являются кондаки и икосы, чувствовалась давно въ этой области. Авторъ одинъ изъ первыхъ попытался удовлетворить этой потребности. По богатству собраннаго имъ матеріала, его книга превосходитъ аналогическіе съ нею труды кардинала Питры и Параники, заключаая въ себѣ много матеріаловъ, извлеченныхъ изъ рукописныхъ источниковъ. Цѣнность ея, кромѣ вариантовъ, подведенныхъ къ греческому тексту, увеличивается еще массою драгоценныхъ славянскихъ текстовъ, извлеченныхъ изъ первоисточниковъ и обогащенныхъ вариантами. Пользованіе этимъ богатымъ матеріаломъ значительно облегчается тѣмъ, что большая часть черновыхъ, и слѣд. самыхъ кропотливыхъ и неблагодарныхъ работъ, неизбежно сопряженныхъ съ изданіемъ рукописныхъ текстовъ, выполнена самимъ авторомъ и при томъ, вообще говоря, удовлетворительно. Не мало также разсѣяно въ книгѣ вѣрныхъ и мѣткихъ замѣчаній, дающихъ полезныя указанія для будущихъ изслѣдователей въ этой, сравнительно очень мало изслѣдованной области.

VII.

Независимо отъ премій, раздаваемыхъ Академіею вообще за сочиненія по русской и славянской исторіи, Положеніемъ объ Уваровскихъ наградахъ установлена особая «поощрительная» премія, которая присуждается за сочиненія, служащія удовлетворительнымъ рѣшеніемъ той или другой ученой задачи, предлагаемой Академіею.

Въ настоящемъ году мы получили одно такое сочиненіе, написанное на тѣму, заданную Академіею нѣсколько лѣтъ тому назадъ: рукописное изслѣдованіе *И. Тихомирова «О составѣ западно-русскихъ, такъ называемыхъ Литовскихъ лѣтописей».*

По порученію Комисіи, предварительнымъ разсмотрѣніемъ этого сочиненія занимался Академикъ А. А. Куникъ, который въ своемъ донесеніи сообщилъ, что авторъ, уже извѣстный въ нашей литературѣ въ особенности изданнымъ имъ разборомъ такъ называемой Тверской Лѣтописи, въ новомъ трудѣ своемъ критически разсмотрѣлъ два изданные до сихъ поръ Свода Литовскихъ лѣтописей. Одинъ изъ нихъ, а именно изданный Нарбутомъ въ 1846 г. онъ называетъ «Полною редакціею Литовскихъ лѣтописей», а сводъ изданный въ 1823 (1827) и въ 1854 гг. И. Д. Даниловичемъ и А. Н.

Поповымъ «Краткою редакціею Литовскихъ лѣтописей». Собственно критическій трудъ авторъ занимаетъ въ первой части не болѣе 81 писаной страницы въ листъ. Остальная часть содержитъ въ себѣ отдѣльныя свѣдѣнія о Литвѣ, извлеченныя изъ хроникъ Стрыковского и Бѣльскаго и преимущественно изъ *Historia polonica* Длугоша

По мнѣнію г. Куника, названіе редакцій «Полною» и «Краткою» можно допустить только въ условномъ смыслѣ; на краткую редакцію никакъ нельзя смотрѣть какъ на сокращеніе Полной; Полная же редакція, въ томъ видѣ, какъ она дошла до насъ въ спискѣ, напечатанномъ Нарбутомъ, дѣйствительно объемистѣе Краткой и отличается между прочимъ отъ нея тѣмъ, что передаетъ, хотя и въ сказочномъ видѣ, первоначальную исторію Литвы до Гедимина, и что въ составъ ея вошло нѣсколько статей и извѣстій, не находящихся въ такъ называемой Краткой редакціи.

Авторъ, по вѣрно обдуманному плану, приступаетъ сперва къ разбору и оцѣнкѣ Краткой редакціи, а за тѣмъ переходитъ къ разбору Полной, въ которой рассказъ событій доведенъ до XVI вѣка, т. е. гораздо дальше, чѣмъ въ Краткой. Путемъ сравнительнаго анализа, г. Тихомировъ старается разъяснить существующее между обоими сводами внутреннее сходство и указать на различіе между ними какъ въ цѣломъ, такъ и въ частностяхъ. Выяснивъ эти и другіе вопросы, онъ переходитъ къ послѣдней части задачи, постановленной програмою, а именно «изъ Польскихъ историковъ сдѣлать выборку событій, имѣющихъ отношеніе къ Западно-Русскому краю и находящихся въ напечатанныхъ спискахъ Западно-Русскихъ лѣтописей, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ» и т. д. По отзыву г. Куника, авторъ выполнилъ эту весьма трудную часть программы не вездѣ достаточно удовлетворительно; но за то онъ мѣтко характеризовалъ древне-польскихъ хронистовъ, пользовавшихся Литовскими лѣтописями, при чемъ правдолюбіе и добросовѣстность Стрыковского являются въ болѣе выгодномъ свѣтѣ чѣмъ представлялось въ былое время. Кромѣ того, становится очевиднымъ, что Бѣльскій и Стрыковский имѣли передъ собою списки Литовскихъ лѣтописей въ нѣкоторыхъ частяхъ болѣе полные, чѣмъ списки, которыми пользовались составители двухъ изданныхъ до сихъ поръ Литовскихъ лѣтописей.

Г. Тихомировъ нигдѣ не упоминаетъ о Литовскихъ лѣтописяхъ, встрѣчающихся въ рукописяхъ, до сихъ поръ неизданныхъ, тогда какъ ему, безъ сомнѣнія, могли быть извѣстны оглавленіе и отрывокъ, напечатанные Бодянскимъ по Познанскому списку полного свода

По убѣжденію г. Куника, окончательное и полное рѣшеніе вопроса о Литовскихъ лѣтописяхъ и ихъ сводахъ невозможно безъ разсмотрѣнія тѣхъ списковъ этихъ лѣтописей, которые остаются еще въ рукописи, и цѣлый рядъ которыхъ г. Куникъ приводитъ въ своемъ донесеніи. Эти списки, вмѣстѣ взятые, представляютъ такой обильный и разнообразный матеріалъ для рѣшенія задачи, что нельзя оставлять ихъ безъ вниманія. Безспорно, сравненіе упомянутыхъ списковъ между собою и съ печатнымъ текстомъ такъ называемыхъ Полной и Краткой Редакцій потребуетъ не мало времени и труда; но г. Куникъ увѣренъ, что г. Тихомировъ не откажется отъ такого сравненія, коль скоро ему сдѣлается доступнымъ весь до сихъ поръ извѣстный матеріалъ для оцѣнки Литовскаго лѣтописанья. Въ семь случаевъ г. Куникъ готовъ, съ своей стороны, оказать г. Тихомирову содѣйствіе къ доведенію его изслѣдованія до желаемой полноты предоставленіемъ ему возможности пользоваться многими, важными для его труда, рукописями, которыя теперь могутъ быть доступны.

Соглашаясь съ этимъ заключеніемъ своего сочлена, Уваровская комісія, на основаніи пункта 3-го § 16 Положенія объ Уваровскихъ наградахъ, присудила г. Тихомирову *почетный отзывъ*, предоставивъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ право вторично представить это сочиненіе, въ новой обработкѣ, на одинъ изъ слѣдующихъ Уваровскихъ конкурсовъ.

Въ заключеніе своего отчета не можемъ не вспомнить о томъ значеніи, какое Уваровскія преміи въ теченіе почти двадцатипятилѣтняго своего существованія имѣли на развитіе у насъ ученой критики историческихъ трудовъ. Въ напечатанныхъ доселѣ отчетахъ о присужденіяхъ этихъ премій мы съ удовольствіемъ и гордостью видимъ цѣлый рядъ основательныхъ и безпристрастныхъ рецензій, изъ которыхъ многія могутъ считаться образцовыми въ своемъ родѣ. Важность этихъ рецензій увеличивается еще особымъ обстоятельствомъ: на Уваровскія состязанія является почти все, что производитъ русская историческая литература, а по соблюдаемому Академіею правилу печатаются только разборы трудовъ, увѣнчанныхъ наградами, т. е. лучшихъ изъ ихъ числа. По этому занимающіея русской и славянскою исторіею находятъ въ нашихъ отчетахъ серьезную оцѣнку почти всего наиболѣе выдающагося въ этой области.

При этомъ случаѣ долгъ благодарности обязываетъ насъ заявить о томъ сочувствіи, которое Академія всегда встрѣчаетъ въ кругу постороннихъ ученыхъ, приглашаемыхъ ею къ участию въ разсмотрѣніи конкурсныхъ сочиненій. Многіе изъ этихъ специалистовъ, не ограничиваясь предѣлами собственно критики, пользуются ею, какъ поводомъ сообщать ученому міру и собственныя, иногда очень обширныя изслѣдованія, составляющія для науки вкладъ не менѣе цѣнный, чѣмъ и самыя разбираемыя сочиненія. Нѣсколькими такими превосходными критическими трудами наука обогатилась и въ настоящемъ году въ тѣхъ рецензіяхъ, которыя будутъ напечатаны въ приложеніи къ настоящему нашему отчету.

Принося свою искреннюю признательность вообще всѣмъ постороннимъ ученымъ, участвовавшимъ въ разсмотрѣніи сочиненій нынѣшняго конкурса, Академія съ особымъ удовольствіемъ присудила золотыя Уваровскія медали, установленныя для такихъ критиковъ, члену учебнаго комитета при Св. Синодѣ Илл. Алексѣев. Чистовичу, профессорамъ: здѣшняго университета священнику Мих. Ив. Горчакову, Варшавскаго университета Викент. Васил. Макушеву, здѣшней Духовной Академіи Ив. Егоров. Троицкому и С.-Петербургской музыкальной консерваторіи Александр. Серг. Фаминцыну.

I.

ИСТОРИЯ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ ДО ЕЯ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ (1814 — 1870). С. СЖИРНОВА. МОСКВА. 1879.

Рецензія Члена-корреспондента Академіи Наукъ Н. А. Чистовича.

Авторъ «Исторіи Московской духовной академіи» извѣстенъ въ ученой литературѣ двумя своими трудами, однородными съ этимъ послѣднимъ по содержанію, именно «Исторію Московской Славяно-греко-латинской академіи» и «Исторію Троицкой семинаріи». Новый трудъ его имѣетъ ту особенность, что въ немъ излагается исторія учебнаго заведенія, только долѣвка назадъ начавшаго свое существованіе, — заведенія, въ которомъ авторъ самъ добрую половину протекшаго періода былъ дѣятелемъ и очевидцемъ совершавшихся событій, а для другой, болѣе отдаленной, половины имѣетъ свидѣтелей, при которыхъ началась жизнь преобразованной академіи. Изъ лицъ, трудившихся въ академіи съ самаго ея начала, весьма многіе проходили и заканчивали свой путь передъ его глазами; образы другихъ сохранились въ живомъ и свѣжемъ преданіи. Собственно архивные документы способствовали только провѣркѣ и точности данныхъ, которыя передавались въ свѣжихъ впечатлѣніяхъ самихъ же бывшихъ наставниковъ академіи и ихъ слушателей. Съ этой стороны историкъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи всѣ выгоды живаго и свѣжаго преданія, шелъ, такъ сказать, по слѣдамъ событій уходящей жизни, имѣлъ всѣ способы представить главнѣйшихъ дѣятелей академіи въ живыхъ очертаніяхъ и обликахъ, со всѣми отличавшими ихъ особенностями ихъ духовнаго склада, и указать на тѣ способы и стороны ихъ вліянія, которыя понятны только современникамъ и становятся совершенно неуловимыми и даже мало понятными для поколѣнія, которому осталось судить о нихъ только по оффиціальнымъ памятникамъ.

Но такое положеніе историка въ отношеніи къ описываемымъ событіямъ имѣетъ и свою невыгодную сторону. Событія текущей

жизни, въ особенности болѣе крупныя, такъ переплетаются одни съ другими и такъ развѣтвляются, что трудно опредѣлить и указать ихъ, такъ сказать, физическія границы. Соприкосновенность однихъ событій съ другими, сплетенія лицъ, интересовъ, дѣлей, причинъ ближайшихъ и отдаленныхъ, возбуждая интересъ каждое въ своей мѣрѣ, легко могутъ увлечь историка вывести рассказъ далеко за предѣлы специальной задачи, которая намѣчена его предметомъ. Съ другой стороны, отдаваясь личнымъ впечатлѣніямъ своимъ или чужимъ, историкъ легко можетъ утратить безпристрастіе и образовать точку зрѣнія на предметъ одностороннюю, личную.

Этими ли, или другими побужденіями руководствовался авторъ, но во всякомъ случаѣ, при чтеніи его книги, нельзя не примѣтить, что онъ излагаетъ факты такъ, какъ они улеглись и сохранились въ документальныхъ источникахъ, не вдаваясь въ разъясненіе ихъ далѣе тѣхъ указаній, какія даютъ архивные документы, очень рѣдко обращаясь къ источникамъ живаго преданія, очень мало внося воспоминаній, какія могли бы сообщить объ академіи бывшіе ея воспитанники, и не внося почти ничего изъ своихъ личныхъ впечатлѣній. Памятники сохраняются во всякомъ случаѣ долѣе, нежели живое преданіе, которое скоро забывается и черезъ одно — два поколѣнія уже исчезаетъ безслѣдно. Тѣмъ не менѣе этому живому преданію очень мало дано значенія въ трудѣ автора. Но обратимся къ разсмотрѣнію самой книги.

I.

Открытіе Московской академіи составляетъ звѣно въ ряду событій, составляющихъ свою совокупностію совершенное въ началѣ текущаго столѣтія преобразование духовно-учебныхъ заведеній. Общій планъ преобразования начертанъ былъ одинъ для всѣхъ духовныхъ академій, но осуществленіе его было неодинаково по отношенію къ С.-Петербургской и прочимъ академіямъ. Преобразование С.-Петербургской академіи было предметомъ особенной заботливости Коммиссіи духовныхъ училищъ, составленной изъ такихъ высоко-образованныхъ лицъ, какъ Сперанскій, князь Голицынъ, М. Амвросій, Теофилактъ Русановъ и др. Члены Коммиссіи сами пріискивали профессоровъ для преобразуемой академіи, и приняли на себя руководство за преподаваніемъ. Въ академію привлечены были лучшія силы изъ Россіи и изъ за-границы. Но извѣстно также и то, какими столкновеніями сопровождалось это соединеніе раз-

народныхъ элементовъ. Событія перваго курса С.-Петербургской академіи полны величайшаго интереса и еще далеко не выяснены.

Ко времени преобразования Московской академіи положеніе дѣлъ значительно измѣнилось. Вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ главнѣйшіе дѣятели Коммисіи прекратили свое участіе въ ея занятіяхъ. Оставшіеся, при высотѣ своего внѣшняго положенія, не имѣли достаточно внутренней силы. Въ это переходное время выступилъ на сцену дѣятель, которому потѣмъ суждено было овладѣть кормиломъ управленія не только духовныхъ училищъ, но и всей Русской церкви. Изъ скромнаго наставника выросъ руководитель и направитель всего дѣла духовнаго просвѣщенія. Нужно ли при-совокуплять, что это былъ Филаретъ, впоследствии митрополитъ Московскій. Ко времени преобразования Московской академіи онъ былъ, можно сказать, главнымъ дѣтелемъ въ Коммисіи, хотя и не былъ ея членомъ. Независимо отъ прочихъ распоряженій къ открытію Академіи съ ея учебнымъ округомъ, ему принадлежитъ выборъ первыхъ наставниковъ въ преобразуемую Академію. Составъ ихъ образованъ былъ частію изъ бывшихъ уже наставниковъ прежней Московской академіи и Троицкой семинаріи, частію изъ воспитанниковъ перваго курса С.-Петербургской академіи. Отъ преподавателей Славяно-греко-латинской академіи, а также Троицкой и Введенской семинаріи, потребованы были конспекты тѣхъ наукъ, которыя они желаютъ преподавать въ академіи или въ семинаріи. Такъ какъ въ это же время должно было совершиться преобразование всего Московскаго духовно-учебнаго округа, то такіе же конспекты потребованы были отъ всѣхъ семинарій округа, а правленію С.-Петербургской академіи поручено было разсмотрѣть ихъ и представить съ отзывомъ: достойны ли сіи конспекты преподаванія; могутъ ли сочинители оныхъ съ пользою для учащихся занимать искомыя ими кафедры, и заслуживаютъ ли званія профессоровъ. Представляя эти конспекты, управлявшій Московскою епархією, преосвященный Августинъ, рекомендовалъ съ своей стороны кандидатовъ къ занятію начальственныхъ и преподавательскихъ должностей въ Академіи, сопровождая свои рекомендаціи блестящими отзывами о представляемыхъ кандидатахъ: но разсмотрѣніе составленныхъ ими конспектовъ дало многимъ изъ нихъ другую оцѣнку.

Этимъ дѣломъ занимался ректоръ С.-Петербургской академіи, архимандритъ Филаретъ. Разсмотрѣніе конспектовъ составляетъ

весьма любопытный предметъ въ исторіи духовно-учебныхъ заведеній при ихъ преобразованіи. Это была повѣрка ученыхъ и учебныхъ силъ духовно-учебныхъ заведеній всей Россіи. Званіе профессора было достойнѣйшею наградою для немногихъ изъ огромнаго числа соискателей этой чести. Удостоенные онаго гордились этимъ званіемъ, какъ самою высокою наградою или самымъ лестнымъ отличіемъ. Если взять во вниманіе массу отзывовъ, которыми многіе составители конспектовъ, повидимому съ достоинствомъ занимавшіе различныя педагогическія должности, совершенно устранились съ оныхъ какъ неспособные къ дальнѣйшему преподаванію, или оставляемы были только по снисхожденію подъ какимъ либо болѣе опытнымъ педагогическимъ руководствомъ, то удостоенные по этому экзамену отличія профессорскаго званія конечно имѣли полное право считать это особымъ для себя отличіемъ. Въ Приложеніи мы помѣщаемъ отзывы Филарета о конспектахъ тѣхъ, впрочемъ немногихъ лицъ, которые искали права преподаванія въ новой Академіи. Кромѣ этихъ лицъ, другая половина состава преподавателей въ преобразованной Академіи образована была, по избранію Филарета же, изъ воспитанниковъ, окончившихъ курсъ въ С.-Петербургской академіи. Эта же послѣдняя академія снабдила Московскую программу преподаванія: а ректоръ С.-Петербургской академіи Филаретъ въ 1815 г. производилъ уже ревизію преобразованной Академіи. Такимъ образомъ Московская академія, при самомъ образованіи своемъ, стала подъ наблюдательное руководство Филарета, за долго до назначенія его Московскимъ первосвятителемъ, и вмѣстѣ получила тотъ типъ, который потѣмъ сохраняла въ продолженіе всего періода своего существованія. Преданное служеніе дѣлу науки, устраненіе отъ всего, что выходитъ за предѣлы этого служенія, уклоненіе отъ всякихъ увлеченій какими бы то ни было новыми направленіями, нѣкоторая даже ревность въ охраненіи этихъ принциповъ консерватизма, какъ скоро они затрогивались другими академіями (какъ напр. по дѣлу о налитографированіи Русской Библии въ С.-Петербургской академіи) — вотъ нѣкоторыя изъ чертъ этого типа, заботливо поддержанныя потѣмъ руководственнымъ наблюденіемъ преосвященнаго Филарета, устранившаго Академію отъ всякихъ колебаній, а равно устранившаго отъ Академіи все, что могло возмутить спокойное, ровное и свѣтлое теченіе ея жизни.

II.

Относительно этой дальнѣйшей исторіи Академіи авторъ говоритъ: «мы не можемъ не замѣтить въ ея исторіи поразительнаго явленія: въ продолженіе всего періода мы усматриваемъ въ ней единство духа и направленія образованія, и это отъ того, что почти съ самаго основанія ея и до конца періода она находилась подъ водительствою одного вождя — великаго святителя Московскаго Филарета. Такимъ образомъ можно сказать, что исторія Академіи въ теченіи 56 лѣтъ имѣла одинъ періодъ» ¹⁾).

Между тѣмъ въ продолженіи этого полувѣковаго періода совершились событія, которыя совершенно измѣнили строй *внѣшнюю* управленія духовно-учебныхъ заведеній и имѣли громадное вліяніе на ихъ *внутреннюю* жизнь. Московская академія, стоявшая вдали отъ этого движенія и охраняемая мощнымъ руководствомъ своего Первосвятителя, тѣмъ не менѣе должна была принять новое направленіе, выработанное этимъ движеніемъ, хотя уже какъ готовое. Эти перемѣны во внѣшнемъ и внутреннемъ строѣ духовно-учебныхъ заведеній начались съ назначеніемъ въ 1836 г. на должность оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода графа Н. А. Пратасова. Мы позволимъ себѣ изложить ихъ съ нѣкоторою подробностію.

Выше мы упомянули, что съ 1808 г. средоточіе управленія духовными училищами составляла Коммиссія духовныхъ училищъ. Графъ Пратасовъ нашолъ эту форму управленія духовно-учебными заведеніями неудобною. «Коммиссію составляютъ», писалъ онъ во всеподаннѣйшей докладной запискѣ 22 февраля 1839 года, почти тѣже лица, кои присутствуютъ въ Синодѣ. Ея обширную канцелярію, съ бухгалтерією и контролемъ, завѣдываетъ правитель дѣлъ, подъ главнымъ начальствомъ одного изъ членовъ съ гражданской стороны: обязанность, лежавшая прежде на министрѣ духовныхъ дѣлъ, а потомъ съ другими его обязанностями перешедшая къ оберъ-прокурору. Такимъ образомъ сіе, по существу своему духовно-гражданское, мѣсто представляетъ въ духовномъ вѣдомствѣ отдѣльную отъ Синода власть, при установленіи коей, безъ сомнѣнія, имѣлось въ виду дать высшему духовно-учебному начальству болѣе свободы въ дѣйствіяхъ: но такое раздвоеніе высшаго духовнаго правительства необходимо отразилось и на цѣломъ вѣдомствѣ его, сдѣлавъ повсюду духовно-учебную и епархіальную части одну другой чуждыми,

¹⁾ Стр. 10—11.

и устранивъ духовныя училища отъ должнаго вліянія епархіальныхъ властей, такъ что, вопреки духу церковныхъ правилъ, нигдѣ учебныя заведенія не знали надъ собою прямой власти особъ архіерейскаго сана, кромѣ лишь тѣхъ, которыя по Высочайшимъ указамъ засѣдаютъ въ Комиссіи. Но слѣдствія сего взаимнаго отчужденія замѣтны и въ самой Комиссіи. Ея духовныя члены, будучи епархіальными архіереями, привыкли взирать на учебную часть, какъ на нѣчто для нихъ постороннее, и даже засѣдая въ Комиссіи не могутъ имѣть по собственнымъ епархіямъ прямого въ ней участія. Сверхъ того, всѣ они постоянно отвлекаются главными своими занятіями по званію членовъ и присутствующихъ въ Синодѣ, и другими еще болѣе прямыми обязанностями управленія собственныя епархіи. При недостаткѣ ихъ досуга, и при множествѣ обременяющихъ Комиссію разнородныхъ, особенно же экономическихъ, предместовъ, поневолѣ ускользаетъ изъ виду главная обязанность ея по воспитанію духовнаго юношества, которая требовала бы всего ихъ вниманія». Затѣмъ показаны неудобства веденія въ Комиссіи хозяйственной части духовныхъ училищъ, требующей быстроты исполненія, несовмѣстимой съ порядкомъ коллегіальнымъ. «Что оставалось предпринять мнѣ въ столь затруднительномъ положеніи? Истоощивъ всѣ средства дать скорое движеніе дѣламъ ея и видя, что собственное устройство ея противится желаемому ихъ ходу, я долгомъ счелъ, уже не медля долѣе, изложить предъ Вашимъ Величествомъ столь важное обстоятельство.»

«Но и не смотря на всѣ вышеописанныя препятствія, я между тѣмъ спѣшилъ по возможности тѣми распоряженіями, которыя не терпѣли никакого отлагательства, отъ которыхъ зависитъ важнѣйшая часть ученія, дотогѣ не имѣвшая прочныхъ основаній: таковы были мѣры къ повсемѣстному улучшенію богословскаго преподаванія на твердомъ камени православія: вновь разсмотрѣны всѣ употребляемыя для сего книги, отобрано отъ всѣхъ ректоровъ мнѣніе касательно усовершенствованія и облегченія ученія, и впредь до новаго устройства академій и семинарій постановлены для нихъ правила, могущія восполнить замѣченный въ нихъ недостатокъ единства и направленія къ главной цѣли духовнаго образованія».

Въ такомъ убѣжденіи «что существованіе Комиссіи духовныхъ училищъ, по вышеизложеннымъ причинамъ, вовсе не представляетъ на будущее время нужныхъ средствъ къ успѣшному ходу духовно-учебной части, какъ не представляло ихъ прежде, графъ Пратасовъ представилъ на Высочайшее усмотрѣніе предположенія объ

упраздненія Комиссіи духовныхъ училищъ, съ передачею всѣхъ дѣлъ ея Святѣйшему Синоду, и объ учрежденіи, для исполнительнаго производства по симъ дѣламъ, Духовно-учебнаго и Хозяйственнаго управленія при Святѣйшемъ Синодѣ. По изъявленіи Государсмъ Императоромъ, 22 февраля 1839 г., согласія на сіи предположенія, представлены были и 1 марта утверждены положеніе и штаты этихъ новыхъ учреждений духовнаго вѣдомства.

Какъ ни уважительны были поводы къ упраздненію Комиссіи духовныхъ училищъ, но замѣнившее ее Духовно-учебное управленіе не улучшило положенія дѣла. Комиссію можно было упрекнуть только въ медленности дѣйствій, зависѣвшей отъ ея коллегіальнаго и притомъ весьма ограниченнаго состава: но она соединяла въ себѣ силы высшаго духовнаго управленія. Учрежденное, съ упраздненіемъ ея, Духовно-учебное управленіе, хотя должно было имѣть значеніе исполнительнаго мѣста, но въ существѣ сдѣлалось средоточіемъ высшаго управленія учебною частію духовныхъ училищъ, и ставши между ними и Святѣйшимъ Синодомъ, замедляло движеніе дѣлъ не менѣе прежняго и кромѣ того придадо управленію учебно-воспитательною частію бюрократическій характеръ. Въ немъ сосредоточены были назначенія всѣхъ лицъ на учебныя должности, разсмотрѣніе программъ, введеніе учебниковъ и учебныхъ пособій. Между тѣмъ составъ его былъ исключительно канцелярскій. Директоръ и начальники отдѣлений составляли такъ называемое *общее присутствіе*. По положенію, въ случаѣ надобности, могли быть приглашаемы ректоры здѣшнихъ академій и семинарій, а также прочихъ академій и семинарій: но эти приглашенія бывали только въ первое время и притомъ очень рѣдко. Впоследствии общее присутствіе стало наполняться чиновниками, иногда не получившими никакого образованія. Духовныя академіи подлежали вѣдѣнію его наравнѣ со всѣми духовно учебными заведеніями.

Но реформа не ограничилась одною внѣшнею стороною управленія духовныхъ училищъ, а простерлась на самую внутреннюю ихъ жизнь. Въ той же всеподданнѣйшей запискѣ графъ Пратасовъ писалъ: «вся учебная часть требуетъ совершеннаго преобразования; духовный судъ и самые догматы Церкви нуждаются въ изданіи книгъ, которыя служили бы основаніемъ православію и которыхъ доселѣ въ отечествѣ нашемъ не было.»

Въ виду этой нужды, одновременно съ перемѣною въ управленіи духовными училищами, произведена была реформа въ учебной части духовныхъ училищъ.

По первоначальному плану преобразованія духовныхъ училищъ начертанному Комитетомъ 1807 года, главнымъ предметомъ и цѣлю оныхъ поставлена была «*ученость собственно такъ называемая, сколько можно болѣе приспособленная къ наукамъ богословскимъ*», а основаніемъ учености признано образованіе въ древнихъ языкахъ. Комитетъ желалъ и предполагалъ поставить духовныя училища на такую высоту, чтобы они, сообщая своимъ воспитанникамъ основательное классическое образованіе, могли чрезъ нихъ имѣть вліяніе на всю систему нашего народнаго просвѣщенія. Предпринятая графомъ Пратасовымъ реформа духовно-учебныхъ заведеній въ значительной мѣрѣ ограничила задачу духовныхъ училищъ, поставивъ исключительную цѣлю ихъ образованіе достойныхъ священнослужителей, и вмѣстѣ съ тѣмъ самому преподаванію богословскихъ наукъ въ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ придавала *практическій* характеръ, предполагивъ приспособить оное *не только къ догматамъ, но и къ преданіямъ и чиноволоженіямъ Восточной Церкви.*

Въ этихъ видахъ въ кругъ предметовъ академическаго и семинарскаго преподаванія нѣкоторыя науки введены вновь; другія дана постановка, соотвѣтствующая новому направленію преподаванія въ сихъ училищахъ; третьи, наконецъ, совершенно исключены изъ семинарскаго курса.

Между предметами, вновь введенными въ семинарскій курсъ, первое мѣсто занимаетъ, по своей важности, *Православное Исповѣданіе св. отцовъ, соч. М. Петра Могилы.* Побужденіемъ къ избранію этой книги въ число руководственныхъ служило то, что, по извѣстію графа Пратасова, въ нашей отечественной литературѣ не было книги, которая бы служила основаніемъ православію и съ которою можно было бы повѣрять преподаваніе догматовъ. Православный катихизисъ, составленный митрополитомъ Филаретомъ и послѣ нѣкоторыхъ измѣненій и исправленій изданный въ 1827 году, былъ единственнымъ авторизованнымъ руководствомъ для направленія преподаванія Закона Божія въ учебныхъ заведеніяхъ. Но въ немъ «не были съ подробностію изъяснены нѣкоторые предметы, излагавшіеся въ Православномъ Исповѣданіи вѣры Петра Могилы.» Вслѣдствіе сего признано было необходимымъ послѣднее изъ названныхъ вѣроизложеній ввести въ учебный курсъ въ семинаріяхъ, а катихизисъ вновь пересмотрѣть и дополнить примѣнительно къ этому вѣроизложенію.

Поводомъ къ этому пересмотру Катихизиса указано слѣдующее:

обстоятельство. «При наблюденіи за употребленіемъ катихизиса усмотрѣно, что законоучители въ высшихъ классахъ учебныхъ заведеній дѣлають въ преподаваніи по оному дополненія, но иногда не въ тѣхъ частяхъ, которыя могли бы получить особенно полезное развитіе. Посему митрополитъ Московскій, по совѣщаніи съ митрополитами С.-Петербургскимъ и Кіевскимъ, призналъ нужнымъ пересмотрѣть означенную книгу и дополнить оную въ главнѣйшихъ частяхъ ученія, дабы при руководствѣ болѣе полною ученіе менѣе подвергалось недосмотрамъ и произволу.» Въ 1839 г. Катихизистъ, въ новой редакціи, введенъ въ преподаваніе во всѣ учебныя заведенія въ замѣнъ прежняго; но онъ введенъ въ качествѣ учебнаго руководства по Закону Божію, а вѣроизложеніе Петра Могилы введено какъ руководство, съ которымъ надлежало повѣрять самое изложеніе догматовъ, слѣдовательно въ качествѣ символической книги.

Обстоятельства введенія Православнаго Исповѣданія вѣры въ учебный курсъ, съ признаніемъ за нимъ достоинства символической книги, весьма любопытны во многихъ отношеніяхъ. Сначала «Православное Исповѣданіе» введено было въ послѣдній, собственно богословскій классъ семинарій, въ видѣ повторенія катихизическаго ученія и приготовленія къ богословскому, «дабы въ послѣдствіи можно было повѣрять съ онымъ богословіе догматическое и нравственное». По прошествіи года, отъ семинарій С.-Петербургскаго и Кіевскаго учебныхъ округовъ потребованы были свѣдѣнія о томъ, какимъ образомъ расположено преподавателями богословскихъ наукъ въ семинаріи упомянутое чтеніе Православнаго Исповѣданія, какою приняты порядокъ въ отношеніи къ объясненіямъ и отчетности и къ какому времени предположено окончить чтеніе.

Въ объясненіяхъ нѣкоторыхъ преподавателей показано было, между прочимъ, что при чтеніи Православнаго Исповѣданія менѣе извѣстныя истины объясняются указаніями на Слово Божіе и постановленія Вселенскихъ соборовъ (Новг. сем.); что мысли Православнаго Исповѣданія подтверждаются отеческими преданіями (Орлов. сем.); что трудные пункты поясняются Священнымъ Писаніемъ и извлеченіемъ изъ бесѣдъ Іоанна Златоуста и твореній Григорія Богослова (Олонеккой сем.). Особенно значительное донесеніе получено было изъ С.-Петербургской семинаріи, въ которой богословіе преподавалъ ректоръ архимандритъ Аѳанасій, впоследствии архіепископъ Казанскій. Въ донесеніи его говорилось, что 1) какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Православнаго Исповѣданія не ука-

заны весьма ясныя мѣста Священнаго Писанія, на которыхъ основываются изложенныя въ ономъ истины, то по необходимости, для полноты и ясности познанія истинъ, дѣлаются имъ нужныя дополненія; 2) въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вовсе не указано мѣстъ Священнаго Писанія, на которыхъ основываются истины: посему и эти мѣста, по необходимости, для основательности познанія истинъ, также дополнены; 3) въ самомъ изложеніи истинъ въ Православномъ Исповѣданіи встрѣчаются нѣкоторыя важныя погрѣшности, происшедшія частью можетъ быть отъ неисправнаго печатанія, хотя того въ концѣ книги и не означено, а частью и отъ другихъ причинъ: почему, по необходимости, дѣлаются нѣкоторыя перемены и въ самомъ текстѣ Православнаго Исповѣданія; 4) въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тексты приведены въ доказательство истинъ неточно: почему они замѣнены другими, совершенно ясно и удовлетворительно доказывающими истину.

Предварительно внесенія этихъ отзывовъ въ Святѣйшій Синодъ, графъ Пратасовъ просилъ Московскаго митрополита разсмотрѣть оныя. Преосвященный Филаретъ далъ слѣдующее мнѣніе ¹⁾:

«Вѣроятно, желаніе мастерски отвѣтить на данный вопросъ привело нѣкоторыхъ изъ ректоровъ къ тому, что они хуже говорятъ, нежели дѣлаютъ. Иной по всякому катихизическому вопросу хочетъ приставить преданіе, а иной пришить извлеченіе изъ Златоуста. Иной ²⁾ прежде требуетъ отчета, а потомъ объясняетъ.

Кажется надобно: 1) читать Православное Исповѣданіе по порядку въ одно время въ началѣ учебнаго курса; 2) употреблять на сіе отъ одного до двухъ мѣсяцевъ; 3) о томъ, что объяснено въ Синодальномъ Катихизисѣ, вопрошать, какъ сіе тамъ объяснено. Черезъ сіе, преподаваніе облегчится, катихизисъ повторится и согласіе Катихизиса съ Православнымъ Исповѣданіемъ покажется; 4) подобнымъ образомъ обращаться къ катихизису съ вопросами о тѣхъ

¹⁾ Написано собственноручно преосвященнымъ Филаретомъ и озаглавлено: «Мнѣніе преосвященнаго митрополита Московскаго о чтеніи Православнаго Исповѣданія Петра Могилы въ семинаріяхъ.

²⁾ Ректоръ Херсонской Семинаріи, архимандритъ Порфирій, относительно способа изученія Прав. Исповѣданія доносилъ, что ученики во время домашнихъ занятій прочитываютъ указанныя статьи, а потомъ въ учебныя часы даютъ наставнику отчетъ въ чтеніи, который поясняетъ имъ предметы, коихъ они не выразумѣли. Преосвященный Филаретъ написалъ противъ этого: «ученики преподаютъ себѣ дома, потомъ даютъ отчетъ и наконецъ уже слышать объясненіе. Не есть ли это каедрa обращенная вверхъ дномъ?»

предметахъ, на которые въ немъ представлены особенныя доказательства изъ Священнаго Писанія или изъ Св. Отецъ; 5) гдѣ нужно, истолковывать текстъ Православнаго Исповѣданія изъ собственнаго состава его, и разбирать приводимыя свидѣтельства Священнаго Писанія; 6) гдѣ нужно, вопрошать, какой катихизическій вопросъ къ какой части богословія относится; 7) предъ началомъ урока посредствомъ вопросовъ повторять тѣ части предшествовавшаго урока, которыя особенно нужно углубить въ разумѣніи и памяти; 8) по истолкованіи нѣсколькихъ членовъ вѣры, или всей первой части, подобно и далѣе, назначать особенное время для обстоятельнаго и непрерывнаго отчета въ истолкованныхъ статьяхъ; 9) отчетъ состоять долженъ не въ рабскомъ чтеніи на память выученнаго текста книги, но въ свободномъ изложеніи мыслей безъ нарушенія сущности дѣла; 10) впрочемъ изреченія Священнаго Писанія должны быть приводимы всегда съ строгою буквальною точностію». Марта 22. 1840 г.

Въ маѣ 1840 г. графъ Пратасовъ предложилъ полученные отзывы Святѣйшему Синоду, не упоминая о мнѣніи преосвященнаго Филарета, потому ли, что не во всемъ соглашался съ нимъ, или потому, что не хотѣлъ подвергать его критикѣ Святѣйшаго Синода. Святѣйшій Синодъ опредѣленіемъ отъ 10 мая (19 іюня) постановилъ: 1) Православное Исповѣданіе читать во всѣхъ семинаріяхъ въ самомъ началѣ курса въ 1-й годъ въ низшемъ отдѣленіи и продолжать въ непрерывномъ порядкѣ, дабы оное служило какъ бы повтореніемъ учебнаго катихизиса и введеніемъ въ кругъ наукъ собственно духовныхъ, которыя распространяются нынѣ на всѣ отдѣленія семинаріи; 2) въ мѣстахъ, требующихъ истолкованія текста Православнаго Исповѣданія, извлекать оное какъ изъ собственнаго его состава, такъ и изъ Синодальнаго Катихизиса и разбирать приводимыя на нихъ свидѣтельства Свящ. Писанія; 3) предъ начатіемъ каждаго класса по сему предмету, повторять, посредствомъ вопросовъ, тѣ части предшествовавшаго урока, которыя особенно нужно углубить въ разумѣніи и памяти учащихся; по изъясненіи же нѣсколькихъ членовъ вѣры, или всей какой-либо части, назначить особенное время для обстоятельнаго и непрерывнаго отчета въ пройденныхъ статьяхъ; 4) отчетъ состоять долженъ не въ одномъ только чтеніи на память выученнаго текста, но въ свободномъ изложеніи мыслей, безъ нарушенія сущности предмета. Впрочемъ изреченія Свящ. Писанія должны быть приводимы всегда съ строгою буквальною точностію. Затѣмъ 5) при преподаваніи бого-

словія Догматическаго и Правственнаго въ высшемъ отдѣленіи дѣлать указанія на Православное Исповѣданіе, дабы возобновлять въ памяти учащихъ главнѣйшія мѣста онаго и *посвятить съ оными предлагаемое изъясненіе богословскаго догмата* ¹⁾.

Съ указаніемъ руководства для изъясненія и преподаванія догматовъ, признано было необходимымъ дать такое же руководство относительно церковныхъ законовъ и въ тоже время ввести эту часть въ преподаваніе въ академіяхъ и семинаріяхъ, какъ самостоятельный предметъ.

Въ первомъ изъ этихъ пунктовъ графъ Пратасовъ встрѣтился съ предположеніемъ, которому данъ былъ ходъ съ небольшимъ за годъ до назначенія его оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода. Въ мартѣ 1835 г. бывшій оберъ-прокуроръ С. Д. Нечаевъ испросилъ Высочайшее соизволеніе приступить къ извлеченію изъ Синодальнаго архива и собранію во едино тѣхъ постановленій, которыя образовали церковное наше управленіе со времени уречденія Синода. По сношенію Нечаева съ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Сперанскимъ, изъ II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи командированъ былъ для этой работы, требующей особеннаго ученаго приготовленія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Куницынъ. Графъ Пратасовъ, по вступленіи въ должность оберъ-прокурора, нашелъ эту работу весьма полезною для справокъ по производящимся въ Святѣйшемъ Синодѣ дѣламъ, но неудобною для напечатанія, и въ этомъ смыслѣ доложилъ Государю. Государь поручилъ ему переговорить объ этомъ съ Сперанскимъ. Сперанскій, съ своей стороны, не имѣлъ повода настаивать на немедленномъ изданіи духовныхъ узаконеній, предоставивъ себѣ лично доложить о томъ Государю. Послѣ того Куницыну поручено было довести собраніе до конца, хотя оно должно было остаться въ рукописи. Въ замѣнъ того графъ Пратасовъ, съ Высочайшаго соизволенія, предложилъ Святѣйшему Синоду возобновить начатое въ 1734 году, но потомъ оставшееся недовершеннымъ, предпріятіе касательно изданія въ свѣтъ коренныхъ Каноническихъ Постановленій Православной церкви на греческомъ и русскомъ языкахъ. Въ 1839 г. этотъ трудъ былъ оконченъ.

Послѣ того, какъ дано было руководство для ознакомленія съ основными законами Православной церкви, въ 1840 году введено

¹⁾ Дѣло б. Духовно-учеб. управл. 1839 г. № 60.

въ академическій курсъ преподаваніе *Церковнаго Законодѣнія* въ качествѣ самостоятельной науки. Прежде сего преподаваніе этого предмета соединяемо было съ Догматическимъ богословіемъ и съ Церковной Исторіей.

Въ тоже время для ближайшаго приспособленія преподаванія богословскихъ наукъ къ преданіямъ и чиноположеніямъ Восточной церкви, въ кругъ академическаго и семинарскаго преподаванія введено *Историческое ученіе объ Отцахъ Церкви*, а въ семинарскій, крохѣ того, *Ученіе о богослуженіи и богослужебныхъ книгахъ*.

Введеніемъ Историческаго ученія объ Отцахъ Церкви или Патристики, какъ и всею реформою преподаванія богословскихъ наукъ, предполагалось возвысить значеніе *Преданія*, какъ одного изъ источниковъ и основъ богословскаго ученія. Понятіе о преданіи не было конечно новостью ни въ православномъ вообще, ни въ отечественномъ богословіи: но реформаторамъ богословскаго преподаванія казалось, что отношеніе его къ Свящ. Писанію не было достаточно выяснено и опредѣлено, равно какъ недостаточно опредѣлены источники преданія и ихъ сравнительное достоинство. Возвышеніе значенія *преданія* составляло, можно сказать, узелъ богословской учебной реформы сороковыхъ годовъ. Изъ какихъ побужденій это вышло — это вопросъ другой. Такимъ образомъ введеніе Патристики въ курсъ академическаго и семинарскаго преподаванія имѣетъ значеніе не только какъ дополненіе этихъ курсовъ одною изъ богословскихъ наукъ, но какъ нѣкоторое и притомъ существенное измѣненіе въ самомъ направленіи преподаванія и разработки богословскихъ наукъ.

Вмѣстѣ съ этимъ въ такъ называемое Основное богословіе (въ которомъ излагаются основныя понятія о религіи, объ источникахъ православнаго богословія и объ общемъ строѣ или системѣ богословскихъ наукъ) введено ученіе о *Церкви*, какъ хранилищѣ и истолковательницѣ преданія.

Чтобы дать мѣсто новымъ предметамъ, введеннымъ въ семинарскій курсъ, исключено изъ него преподаваніе *Исторіи философіи*.

Такимъ образомъ *ученость*, составлявшая до того времени жизненный нервъ семинарскаго образованія, уступила мѣсто другому направленію, специально-практическому. Графъ Пратасовъ говорилъ: «на что такая огромная богословія сельскому священнику? Къ чему нужна ему философія, наука вольномыслія, вздоръ, эгоизма, фанфаронства? на что ему тригонометрія, дифференціалы, интегралы?»

Пусть лучше затвердятъ хорошенько катихизисъ, церковный уставъ, нотное пѣніе, и довольно ¹⁾).

Это направленіе, при своемъ первомъ возникновеніи, неизбѣжно вдалось въ крайности, которыя въ свое время возбуждали опасенія, но которыя потомъ устранены были, такъ что для настоящаго времени они имѣютъ только исторической интересъ. Таково было предложеніе о составленіи учебныхъ руководствъ по богословскимъ наукамъ изъ отеческихъ твореній: такъ напримѣръ, по Догматическому богословію предполагалось ввести учебникомъ «Догматическое ученіе, выбранное изъ сочиненій Св. Дмитрія Ростовскаго»; по Священному Писанію—сочиненіе Св. Аѳанасія Александрійскаго: «Обзорѣніе священныхъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта», съ нѣкоторыми дополненіями изъ твореній Іоанна Златоуста и Кирилла Александрійскаго. Такою же крайностію было поставленіе богослужебныхъ книгъ въ рядъ источниковъ православнаго вѣроученія и въ качествѣ охранительнаго и изяснительнаго его начала. Таково же было предположеніе воспретить мірянамъ чтеніе Библии, такъ какъ домашнее чтеніе происходитъ внѣ руководства и учительнаго авторитета Церкви. Съ этимъ послѣднимъ предположеніемъ связывалось другое—авторизовать славянской переводъ Библии, какъ единственно дозволенный для употребленія православными русскими вѣрующими. Не излишнимъ считаемъ припомнить, что въ это именно время возбуждено было дѣло о переводѣ Библии на русскій языкъ прот. Г. П. Павскаго.

Нужно ли говорить, что всѣ эти реформы частію прямо и непосредственно, частію же посредственно коснулись и Московской академіи, хотя главнымъ центромъ движенія была С.-Петербургская академія? Авторъ исторіи Московской академіи обозначилъ введеніе новыхъ наукъ только хронологически: но оно находилось въ связи съ общими и важнѣйшими перемѣнами въ направленіи вообще образованія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

Впрочемъ въ одномъ пунктѣ это движеніе коснулось ближайшимъ образомъ Московской академіи. Между многими предположеніями, которыя измышляемы и предлагаемы были главными дѣятелями учебной реформы, возникло предположеніе—собрать и издать всѣ отеческія творенія, которыя въ отрывкахъ переведены были на русскій языкъ и напечатаны въ «Христіанскомъ Чтеніи.» Предположеніе это привело къ другому, болѣе серьезному—поручить

¹⁾ Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Росс. 1877 г. кн. 2, отд. 2, стр. 39.

академіямъ послѣдовательный и полный переводъ съ оригинальныхъ языковъ на русскій твореній Св. Отцевъ. Въ 1840 г. 13 мая графъ Пратасовъ предложилъ объ этомъ Святейшему Синоду. «Одинъ изъ главныхъ и существенныхъ предметовъ знанія для духовныхъ воспитанниковъ, какъ будущихъ служителей церкви, должны составлять, послѣ Свящ. Писанія, творенія Св. Отцевъ. Между тѣмъ опытъ показываетъ, что они не довольно бываютъ ознакомлены съ симъ предметомъ, частію по недостаточнымъ свѣдѣніямъ въ тѣхъ языкахъ, на коихъ писали Св. Отцы, частію по несовершенству переводовъ ихъ твореній на нашъ отечественный языкъ, которыми хотя богата Православная наша церковь, но языкъ сихъ переводовъ уже обветшалъ, такъ что они, оставаясь неопѣненнымъ сокровищемъ для любителей древняго нарѣчія, не могутъ удовлетворять новыхъ читателей, ищущихъ вмѣстѣ съ глубокими созерцаніями и пріятнаго изложенія.» Въ этихъ видахъ предполагалось необходимымъ предпринять новый и притомъ послѣдовательный переводъ Св. Отцевъ на языкъ общепотребительный, начавъ съ главнѣйшихъ Отцевъ, какъ-то: Аѳанасія Александрійскаго, Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста, и возложить исполненіе сего на первый разъ на Московскую академію, потому что двѣ другія уже заняты періодическими изданіями. Святейшій Синодъ утвердилъ это предложеніе 30 декабря того же 1840 г. ¹⁾ Такъ положено основаніе изданію при Московской духовной академіи журнала подъ названіемъ: «Творенія Св. Отцевъ въ рускомъ переводѣ.»

Главными дѣятелями этой реформы и исполнителями предначертаній графа Пратасова были послѣдовательно два лица — архимандритъ Никодимъ и архимандритъ, потомъ епископъ, Аѳанасій Дроздовъ.—Нужно сказать, что графъ Пратасовъ велъ все это дѣло въ тайнѣ отъ Синода до тѣхъ поръ, пока Синоду оставалось только утвердить уже выработанныя предположенія.

Въ мартѣ 1838 г., еще при существованіи Комиссіи духовныхъ училищъ, докладывая Государю, что уставы духовныхъ училищъ, изданные въ 1814 г., требуютъ пересмотра и ближайшаго приспособленія къ главной цѣли духовнаго воспитанія и потребностямъ настоящаго времени, графъ Пратасовъ испрашивалъ разрѣшенія поручить сдѣлать первоначальныя соображенія объ исправленіи и дополненіи сихъ уставовъ двумъ или тремъ ректорамъ семинарій,

¹⁾ Дѣло б. Дух. Уч. упр. № 2586.

подъ ея непосредственнымъ руководствомъ и наблюдениемъ, придавъ имъ въ помощь, буде окажется нужнымъ, и гражданскихъ чиновниковъ. По воспослѣдованіи на это Высочайшаго соизволенія, графъ Пратасовъ вызвалъ въ С.-Петербургъ ректора Вятской семинаріи, архимандрита Никодима ¹⁾, котораго конспектъ богословскихъ наукъ оказался лучше другихъ. Въ тайнѣ отъ Синода и присутствовавшихъ въ ономъ и въ Коммиссіи членовъ, ему поручено было составить новые уставы Академій, Семинарій и Училищъ ²⁾. По какой-то особенноти взглядовъ и отношеній, графъ Пратасовъ особенно сберегалъ все въ тайнѣ отъ Московскаго митрополита Филарета, къ которому чувствовалъ полное нерасположеніе и въ разговорахъ съ Никодимомъ откровенно его высказывалъ. По имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ трудно судить, что въ реформѣ 1840 г. принадлежитъ Никодиму и что графу и сподвижникамъ его, Сербиновичу и Карасевскому. Но благоволеніе Пратасова къ Никодиму продолжалось недолго. Для приведенія реформы къ окончанію избранъ былъ графомъ ректоръ Херсонской семинаріи, архимандритъ Аванасій Дроздовъ, назначенный вслѣдъ за тѣмъ (въ 1841 г.) ректоромъ С.-Петербургской академіи и посвященный въ санъ епископа ³⁾. Аванасій предсѣдательствовалъ въ Комитетахъ для разсмотрѣнія богословскихъ конспектовъ и составленія учебныхъ руководствъ по богословскимъ наукамъ въ семинаріяхъ. Это былъ человекъ не останавливавшійся на полдорогѣ. На сколько тутъ участвовало убѣжденіе, это рѣшить трудно. Онъ велъ дѣло, которое на себя принималъ, съ рѣшительностію и настойчивостію, тѣмъ болѣе, что въ отношеніи лицъ, которыя не соглашались съ его взглядами и образомъ дѣйствій, на его сторонѣ всегда была поддержка свѣтской власти. Онъ доводилъ новое направленіе до самыхъ крайнихъ предѣловъ и не стѣснялся самыми смѣлыми изъ него выводами, въ родѣ того, что когда есть преданіе, то и Библия не нужна. С.-Петербургская академія, въ которой онъ былъ ректоромъ, первая сдѣлалась поприщемъ для проведенія новыхъ взглядовъ и научнаго ихъ обоснованія. Крайности конечно не были приняты; многое отпало впослѣдствіи: но слѣдъ новаго направленія въ преподаваніи богословія остался. Чтобы нагляднѣе

¹⁾ Впослѣдствіи епископъ Енисейскій. Скончался на докоѣ въ Москвѣ, въ 1874 г.

²⁾ Никодимъ оставилъ любопытныя Записки объ этомъ, напечатанныя въ Читеніяхъ въ Общ. Ист. и Древ. Росс. 1877 г. кн. 2.

³⁾ Впослѣдствіи архіепископъ Астраханскій. Скончался въ 1876 г.

выразить это направленіе, Аванасій замѣнилъ прежній эпиграфъ, печатавшійся обыкновенно на заглавномъ листѣ каждой книжки издававшагося при академіи журнала Христіанское Чтеніе: *надати на основаніи апостоль и пророкъ сушу краугольну самому Іисусу Христу*, другимъ: *да утѣси, како подобаетъ въ дому Божіи жити, яко есть Церковь Бога жива, столпъ и утвержденіе истинны*. М. Филаретъ, въ это время (въ 1842 г.) уже не присутствовавшій въ Синодѣ, писалъ къ Рязанскому архіепископу (Гавриилу), вызванному въ Святѣйшій Синодъ для присутствованія: «Способствуйте охраненію ученія отъ уклоненій, благонамѣренныхъ по цѣли охранять преданіе, но небезопасныхъ по мыслямъ, унижающимъ достоинство Священнаго Писанія» ¹⁾.

Но произведенною реформою богословскаго преподаванія дѣло не закончилось. Дальнѣйшая реформа семинарій заключалась въ томъ, что въ учебный курсъ ихъ введено преподаваніе *Естественной исторіи, Медицины и Сельскаго хозяйства*. Такимъ образомъ семинарій реформа коснулась глубже, нежели академій. Но по внутренней, живой и постоянной связи академій съ семинаріями, состояніе однихъ непременно отражалось на состояніи другихъ. Академіи ни откуда не получали слушателей, кромѣ семинарій, и слѣдовательно учебный и умственный уровень этихъ послѣднихъ необходимо отражался на академіяхъ.

Своею учебною реформою графъ Пратасовъ уже достаточно специализировалъ духовно-учебныя заведенія и довольно внесъ въ нихъ элементовъ *практическаго* свойства. Но практическій духъ времени вынудилъ его повести дѣло еще дальше, и расположить образованіе въ духовныхъ училищахъ такимъ образомъ, чтобы приспособить обучающееся въ нихъ духовное юношество не только къ будущему состоянію ихъ, какъ священнослужителей, но ближайшимъ образомъ къ условіямъ и обстоятельствамъ жизни ихъ, какъ сельскихъ священниковъ. Починъ этого дѣла принадлежалъ министру Государственныхъ Имуществъ Киселеву. Въ январѣ 1838 года онъ писалъ къ графу Пратасову: «для распространенія среди сельскаго класса религіознаго воспитанія, исключительно на началахъ Православной вѣры основаннаго, не представляется благонадежнѣйшаго средства, какъ возложить обученіе сельскаго юношества въ приходскихъ училищахъ на обязанность сельскихъ сви-

¹⁾ Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Росс. 1868 г. кн. 2. V, стр. 167.

щенниковъ. Но сближая такимъ образомъ отношенія сельскаго духовенства къ сельскимъ обывателямъ, желательно было бы, для полнаго успѣха въ семъ предположеніи, сдѣлать въ первоначальномъ воспитаніи людей, предназначаемыхъ въ сельскіе священники, нѣкоторыя приспособленія къ положенію поселянъ и особенностямъ сельскаго быта. Судя по первому обозрѣнію сего предмета казалось бы, что сельскій священникъ, имѣя дѣло съ людьми, готовыми безспорно, въ дѣтской простотѣ, принять все сказанное пастыремъ, не столько имѣетъ нужды въ подробномъ и глубокомъ знаніи высшихъ наукъ, какъ въ умѣннѣ просто и ясно объяснять христіанскія истины и евангельскую нравственность, приводя ихъ въ положеніе, доступное для простыхъ умовъ поселянъ, и принаравливая евангельскія начала къ обстоятельствамъ сельской жизни. Просвѣщенное наше духовенство, безъ сомнѣнія, не отвергнетъ истины сего заключенія. Не излишнимъ также представляется, если бы священникъ, входя въ домъ поселянина для душевнаго врачеванія, могъ принести къ одру болящаго и врачеваніе тѣлесное. Само собою разумѣется, что отъ священника не требуется глубокихъ знаній въ медицинѣ; достаточно было бы, если бы, при изученіи общихъ началъ сей науки, священникъ могъ давать полезныя совѣты для приведенія въ употребленіе изданныхъ лечебниковъ, и руководствовать благоразумными наставленіями тѣхъ людей, которые, для ближайшаго надзора за больными въ селеніяхъ и исполненія наставленій священническихъ, будутъ особенно приготовлены по распоряженію Министерства Государственныхъ Имуществъ. Наконецъ, казалось бы весьма полезнымъ имѣть сельскому священнику нѣкоторыя свѣдѣнія и по части земледѣлія, дабы съ одной стороны, при стремленіи правительства къ распространенію между поселянами сего рода познаній, и въ семъ отношеніи быть если не выше, по крайнѣй мѣрѣ не ниже людей, которыхъ образованіе ему вручается, а съ другой открыть обильныя средства къ безбѣдному содержанію посредствомъ улучшеній въ обработываніи отводимыхъ къ церквамъ земельныхъ участковъ. Для достиженія сей цѣли потребовалось бы весьма немного прибавить къ тѣмъ познаніямъ естественныхъ наукъ, которыя уже преподаются въ духовныхъ училищахъ. Знаніе общихъ только началъ сельскаго хозяйства для священника было бы весьма достаточно. Когда сельскіе приходы будутъ имѣть священниковъ, соотвѣтственно вышеизложеннымъ потребностямъ приуготовленныхъ; тогда Министерство Государственныхъ Имуществъ приступитъ къ учрежденію, подъ ихъ

руководствомъ, училищъ, опредѣливъ въ тоже время достаточное, по возможности, содержаніе.»

Вслѣдствіе этихъ предположеній, удостоившихся Высочайшаго одобренія, Духовное Начальство постановило: 1) приспособить преподаваніе въ духовныхъ семинаріяхъ *Пастырскаго и Собесѣдовательнаго богословія* къ обязанностямъ сельскаго священника, дабы получившіе богословское образованіе воспитанники семинарій по принятіи священнаго сана умѣли нисходить къ понятіямъ простаго народа и бесѣдовать съ ними о спасительныхъ истинахъ вѣры и христіанскихъ обязанностяхъ языкомъ простымъ и вразумительнымъ; 2) *языки еврейскій, французскій и нѣмецкій* сдѣлать не общеобязательными, оставивъ ихъ для нѣкоторыхъ учениковъ по ихъ желанію; а *философію (собственно метафизику)* исключить изъ семинарскаго курса; 3) въ замѣнъ сокращаемыхъ предметовъ ввести преподаваніе новыхъ, болѣе полезныхъ въ общежитіи и житейскомъ быту священника, какъ-то: *естественныхъ наукъ и началъ медицины и сельскаго хозяйства*. Практическое направленіе преподаванія примѣняемо было съ такою настойчивостію, что преподавателю геометріи вмѣнено было въ обязанность занимать учениковъ практическими измѣреніями, примѣняясь преимущественно къ потребностямъ сельскаго быта.

Въ такомъ положеніи оставались духовныя училища до назначенія на должность оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода графа А. П. Толстаго. Недостатки учебной системы семинарій чувствовались очень живо. Ослабленіе учености и усиленное склоненіе образованія къ практическимъ цѣлямъ понизило уровень духовной школы и вмѣстѣ умственный уровень пастырства. Общее образованіе упало; сельское хозяйство и медицина не привились и не могли привиться къ духовной школѣ; воспитанники просто не занимались ими, не понимая ни смысла, ни цѣли ихъ. Въ самой богословской наукѣ усиленное обращеніе къ обрядамъ и чиноволоженіямъ произвело замѣтное пониженіе, примѣчающееся доселѣ.

Въ 1860 г. графъ А. П. Толстой писалъ: «состояніе духовныхъ училищъ и особенно направленіе, сообщенное нашему духовному просвѣщенію преобразованиемъ 1840 года, въ послѣднее время сдѣлавшееся предметомъ почти всеобщаго разсужденія и даже попечительнаго вниманія Государя Императора, уже давно представлялось самому духовному правительству требующимъ существеннаго измѣненія и многихъ улучшеній». Но, по особенностямъ духовнаго склада графа А. П. Толстаго, предположенный имъ способъ

поправленія духовныхъ училищъ велъ также къ крайности, не болѣе благопріятной для учебнаго дѣла, какъ и реформа 1840 года. Въ существѣ дѣла это было тоже практическое направленіе, но обращенное не на предметы изученія и практическаго примѣненія, а на образованіе и возвышеніе нравственной личности учащихся, въ чемъ и должны состоять главный предметъ и цѣль образованія.

Сущность предполагавшейся реформы заключалась въ томъ, чтобы ввести въ духовныя училища сильнѣйшія средства къ возвышенію нравственности и благочестія въ готовящихся быть служителями Церкви. Такимъ образомъ на первомъ планѣ стояло возвышеніе нравственной жизни воспитанниковъ. Впрочемъ съ этимъ соединялись нѣкоторыя переимѣны въ учебной части духовныхъ академій и семинарій, и именно исключеніе изъ академическаго курса Метафизики и введеніе въ него Библейской Археологіи, краткаго очерка Гражданскаго Законовѣдѣнія и Христіанской словесности (соединенія общей Словесности съ Гомилетикою); въ семинарскомъ курсѣ усиленіе преподаванія Догматическаго богословія, введеніе Пастырскаго богословія (въ соединеніи съ Гомилетикою, Литургіей и Каноническимъ правомъ), исключеніе Патристики, Православнаго Исповѣданія и предметовъ не имѣющихъ отношенія ни къ общему, ни къ специально-духовному образованію — Медицины, Сельскаго хозяйства и Естественной исторіи. Такимъ образомъ практическій принципъ остался и здѣсь руководящимъ, съ тою только особенностію, что устранено примѣненіе его къ образованію изъ священниковъ врачей и сельскихъ хозяевъ.

Предположенія эти сообщены были на разсмотрѣніе митрополитовъ Новгородскаго Григорія, Московскаго Филарета, Камчатскаго архіепископа Иннокентія и нѣкоторыхъ другихъ пресвященныхъ.

Митрополитъ Московскій, соглашаясь съ тѣмъ, что надобно усилить пошеченіе о сердечномъ образованіи юношества и о возбужденіи въ немъ духа благочестія, находилъ однакожъ, неудобными многія предполагавшіяся для сего внѣшнія мѣры. Равнымъ образомъ, признавая полезными нѣкоторыя измѣненія въ учебной части академій, семинарій и низшихъ училищъ, не далъ согласія на многія другія измѣненія, ведшія къ ущербу учебной части въ академіяхъ и семинаріяхъ¹⁾.

Послѣ этихъ предварительныхъ сношеній и подготовительныхъ

¹⁾ Замѣчанія пресвященнаго М. Филарета сообщаются въ Приложеніи.

работы, 8 марта 1860 г., учрежденъ былъ, подъ предсѣдательствомъ Херсонскаго архіепископа Димитрія, Комитетъ для разсмотрѣнія проекта преобразованія духовно-учебныхъ заведеній и составленъ былъ новый уставъ духовныхъ семинарій. Но за послѣдовавшими выходомъ графа А. П. Толстаго проектъ этотъ и вообще реформа не имѣли дальнѣйшаго движенія, до назначенія на должность оберъ-прокурора графа Д. А. Толстаго.

III.

Состояніе Московской академіи, въ первые годы послѣ ея преобразованія, далеко не было блестящимъ. Наличныя силы бывшихъ преподавателей были не высоки. Большая часть наставниковъ назначены были изъ студентовъ перваго курса С.-Петербургской академіи: это были хорошіе, но не лучшіе студенты, такъ какъ лучшіе оставлены были для Петербургской академіи. Изъ нихъ только одинъ — В. И. Кутневичъ оставилъ по себѣ слѣды и память въ Академіи. Прочіе прошли безслѣдно. Академія собственными усиліями должна была выработать себѣ мощь и положеніе. И это продолжалось довольно долго. Ревизовавшій Академію въ 1820 г. архіепископъ Московскій Филаретъ писалъ, что «Академія въ продолженіи 6-ти лѣтъ новаго своего существованія, между тѣмъ какъ занималась уже воспитаніемъ духовнаго юношества, проходила, можно сказать, и сама состояніе собственнаго своего воспитанія. Можно надѣяться, что седьмымъ годомъ академіи начнется ея совершеннолѣтіе».

Но и въ послѣдующее время, вслѣдствіе частой смѣны наставниковъ, нѣкоторыя академическія кафедры не выходили изъ-заурядныхъ. Монашествующія лица съ переходомъ на должности инспектора и ректора перемѣняли предметы преподаванія, а это конечно не было благоприятно для наукъ, которыя они должны были преподавать, такъ сказать, по необходимости и притомъ короткое время. Свѣтскіе наставники изъ студентовъ академіи, пробывъ въ академіи года два-три, выходили на священническія мѣста въ Москву, гдѣ самое бѣдное мѣсто болѣе обезпечивало, нежели званіе академическаго бакалавра и даже профессора, а независимости во всякомъ случаѣ было больше, нежели въ академіи подъ строгой ферулой митрополичьяго управленія.

Наиболѣе твердо поставлены были въ академіи Философскія науки и Церковная исторія.

Прочное основаніе класса Философскихъ наукъ положилъ бывшій воспитанникъ С.-Петербургской академіи В. И. Кутневичъ. «Своими лекціями онъ далъ понять своимъ слушателямъ высокое значеніе науки, способствовалъ развитію въ нихъ строгаго и основательнаго мышленія и сообщилъ доброе направленіе ихъ умственной дѣятельности.»¹⁾ Наставникъ познакомилъ ихъ съ многими новыми книгами по части наукъ философскихъ, выходящими въ ту пору на западѣ: всякую новую сколько-нибудь замѣчательную книгу онъ выписывалъ для академіи. Такъ онъ выписалъ въ одинъ разъ сочиненія Канта, Фихте, Шеллинга, Якоби и другія. Видно, какъ глубоко любилъ онъ философію и какъ ревностно заботился о усовершеніи самообразованія. По свидѣтельству учениковъ его онъ отличался въ преподаваніи своего предмета строгою логическою послѣдовательностію, ясностію и твердымъ нравственно-религіознымъ направленіемъ.

Сперва помощникомъ, а потомъ преемникомъ Кутневича по классу философскихъ наукъ былъ Ѳ. А. Голубинскій, изъ студентовъ 1-го курса Московской академіи, преподававшій философскія науки 36 лѣтъ. Личность Голубинскаго, въ высокой степени оригинальная и самобытная, не выработалась, однакожъ, въ опредѣленный типъ, не сложилась въ законченныя формы. При вѣншей простотѣ и даже угловатости приемовъ онъ поражалъ глубиною мысли, но не развилъ своего міровоззрѣнія, не привелъ своихъ понятій въ законченную систему. Онъ жилъ въ постоянномъ умственномъ процессѣ и не довелъ его до конца. Коренившіяся въ его душѣ мистическія склонности увлекали его къ источникамъ таинственнымъ. Онъ обращался къ древнимъ преданіямъ, разсѣяннымъ у послѣдователей талмуда и каббалы, къ разсказамъ ясновидящихъ о явленіяхъ изъ міра духовнаго, собранныхъ у Мейера и Кернера, и книгу послѣдняго *Die Seherin von Prevoist* онъ перевелъ даже на русскій языкъ. Въ этомъ видится его стремленіе искать истины не въ глубинѣ духа, а въ преданіяхъ древности и вообще въ источникахъ вѣншихъ. Но во всякомъ случаѣ онъ имѣлъ, по крайней мѣрѣ въ первое время своего преподаванія, большое вліяніе на своихъ слушателей и заслуга его состоитъ не въ созданіи какой-либо системы, а въ этомъ возбужденіи философскаго духа, которое дѣйствовало столь сильно.

¹⁾ Ист. Акад. стр. 46.

Церковная исторія имѣла достойнѣйшихъ представителей въ лицѣ Филарета Гумилевскаго и А. В. Горскаго. Слава преосв. Филарета, какъ замѣчательнаго изслѣдователя въ Русской Церковной исторіи, началась еще въ бытность его ректоромъ Московской академіи. Онъ возбудилъ стремленіе къ историческимъ занятіямъ въ А. В. Горскомъ, именемъ и заслугами котораго справедливо можетъ гордиться академія. Горскій 30 лѣтъ преподавалъ Церковную исторію. Перечень напечатанныхъ имъ трудовъ показываетъ, какъ многосторонни и глубоки были познанія его въ Церковной исторіи. «Евангельская Исторія» представляетъ образецъ ученыхъ достоинствъ и художественнаго изложенія. Труды его по Русской Церковной исторіи дали ему почетнѣйшее мѣсто между изслѣдователями въ этой области. А. В. Горскій былъ, безъ всякаго сомнѣнія, однимъ изъ самыхъ достойныхъ дѣятелей академіи. Но нельзя было не пожалѣть о томъ, что онъ сведенъ былъ съ ученой дороги на административную и на много лѣтъ прекратилъ свои любимыя занятія Исторіей.

Много было, и есть въ настоящее время, и другихъ почтенныхъ дѣятелей въ академіи, имена которыхъ вспоминаются и произносятся съ уваженіемъ: П. С. Делицынъ, П. С. Казанскій, Е. В. Амфитеатровъ, С. К. Смирновъ, архимандритъ, нынѣ преосвященный Михаилъ, Н. И. Субботинъ, В. Д. Кудрявцевъ и А. Ѳ. Лавровъ, нынѣ преосвященный Алексій.

IV.

Мы видѣли, что отношенія преосвященнаго Филарета къ Московской академіи начались ранѣе вступленіе его на Московскую кафедру, съ самаго преобразования академіи. Но они приняли видъ ближайшаго и непосредственнаго наблюденія послѣ перемѣщенія его на кафедру Московскихъ первосвятителей.

Отношенія его къ академіи можно разсматривать съ двухъ сторонъ: какъ высокообразованнаго богослова—къ ученой жизни и дѣятельности академіи, и какъ высшаго администратора—къ прочимъ сторонамъ академической жизни.

Чтобы оцѣнить благотворное вліяніе этого великаго ума на богословскую науку и учебныя заведенія, необходимо разсматривать его дѣятельность и исходившее отъ него направленіе въ связи съ направленіями понятій въ разныя эпохи его жизни. О немъ можно сказать справедливо, что онъ стоитъ на рубежѣ новаго просвѣ-

щенія и что онъ есть и первый человекъ и первый насадитель новаго просвѣщенія. Величіе его тѣмъ болѣе и выше, чѣмъ менѣе онъ имѣлъ внѣшнихъ способовъ высшаго образованія. Самъ онъ звалъ себя «самоучкою». Онъ въ одно и тоже время начертываетъ планъ преподаванія богословія, церковной археологіи, даетъ направленіе преподаванію исторіи и высокой образецъ изъясненія Писанія, — сверхъ того, что катихизисомъ далъ вѣроисповѣдную книгу основныхъ христіанскихъ православныхъ понятій.

Сравните это съ одной стороны съ тѣмъ, что было до него въ богословской наукѣ, и окажется все его превосходство. Съ другой стороны необходимо взять во вниманіе все разнообразіе направленій при которыхъ началась и среди которыхъ развивалась наша богословская наука, чтобы увидѣть, какъ прочны были положенныя имъ основанія для ея дальнѣйшаго развитія и какъ твердо онъ управлялъ ея движеніемъ и развитіемъ въ этомъ направленіи, устрояя ее отъ всякихъ крайностей. Какой хаосъ мнѣній и направленій былъ въ понятіяхъ, когда онъ начиналъ дѣло? Какое смѣшеніе понятій объ ученыхъ и церковныхъ предметахъ неученыхъ и недуховныхъ, хотя и вліятельныхъ людей, онъ долженъ былъ устранивать отъ церкви и духовной школы въ послѣдующее время своей жизни и служенія! Дѣятельность его по отношенію къ академіи была, такъ сказать, ближайшимъ приложеніемъ и примѣненіемъ его высокаго ума и образованія къ руководству высшимъ учебнымъ заведеніемъ, ведущимъ впередъ не только науку, но и дѣло церкви.

Такое руководственное отношеніе его проявлялось на экзаменахъ и при разсмотрѣніи сочиненій студентовъ на ученые степени

Академическимъ экзаменамъ, особенно выпускнымъ, онъ придавалъ весьма важное значеніе для испытанія студентовъ, для ознакомленія съ направленіемъ и достоинствомъ преподаванія и преподавателей, и наконецъ для разъясненія и разрѣшенія вопросовъ, требующихъ глубокаго разсужденія. Всѣмъ памяты рассказы бывшихъ студентовъ Московской академіи о томъ, что значило держать и сдать экзаменъ при Филаретѣ. Но испытаніе, направляясь на студентовъ, еще болѣе простиралось на самихъ преподавателей. Нельзя не примѣтить, что замѣчанія митрополита Филарета преподавателямъ бывали иногда довольно жестки и что исключеній изъ сего небыло ни для кого изъ академическихъ наставниковъ. Конечно это не могло имѣть особенно воодушевляющаго вліянія на наставниковъ, которыхъ не освобождали отъ страха

предъ этимъ, какъ называетъ его авторъ, «исполиномъ мысли и слова», ни званіе, ни продолжительность службы, ни присутствіе на экзаменѣ постороннихъ лицъ и пр.— Наконецъ высокообразованный богословъ предлагалъ на экзаменахъ множество вопросовъ, которые обеуждались и разрѣшались подъ его руководствомъ. На этихъ испытаніяхъ, говоритъ авторъ Исторіи, постороннему наблюдателю представилась бы такая школа ученія, которая въ одинъ разъ обогатила бы его множествомъ свѣдѣній энциклопедическихъ. Наставники академіи съ напряженнымъ вниманіемъ ловили каждое его слово, которое глубоко западало въ душу, рѣшая трудные вопросы науки. Профессоры Голубинскій и Горскій записывали каждое слово Филарета во время испытанія. Это были своего рода ученые праздники, на которыя Филаретъ любилъ приглашать образованныхъ людей, духовныхъ и свѣтскихъ, и которые всегда открыты были для всѣхъ любителей просвѣщенія.

Весьма важнымъ предметомъ испытанія было разсмотрѣніе сочиненій студентовъ на ученые степени. Митрополитъ самъ читалъ лучшія изъ нихъ и тѣ, которыя предназначались для чтенія на публичномъ испытаніи и потомъ для напечатанія. И здѣсь разсмотрѣнію подвергались и студенты и рецензентъ - наставникъ. Митрополитъ самъ писалъ цѣлыя и обширныя рецензіи на эти сочиненія. По окончаніи испытаній онъ давалъ предложеніе конференціи съ указаніемъ на предметы, обратившіе на себя его вниманіе.

Въ Исторіи Академіи есть нѣкоторыя намеки на то, что Филаретъ былъ будто-бы очень ревнивъ къ соперничеству съ нимъ въ ученыхъ трудахъ и съ неудовольствіемъ видѣлъ устраненіе его Библейской исторіи изъ числа учебныхъ руководствъ. Въ 1850 г. молодой бакалавръ Библейской исторіи Побѣдинскій написалъ въ отчетѣ, что онъ преподавалъ библейскую исторію по собственнымъ запискамъ. Митрополитъ написалъ на донесеніи: «желаю видѣть записки и узнать настоящую въ нихъ надобность, когда есть учебная книга и когда для студентовъ много письменной работы по предметамъ, неимѣющимъ учебныхъ книгъ.» Бакалавръ извинялся и просилъ Правленіе исходатайствовать ему у Митрополита прощеніе. Митрополитъ отвѣчалъ: «прощеніе не нужно. Вопросъ предложенъ былъ для полученія свѣдѣнія безъ предосужденія трудившемуся»¹⁾. Но тотъ же Митрополитъ писалъ, при другомъ случаѣ,

¹⁾ Истор. Акад. стр. 170, 42—43.

о своей книгѣ къ ректору архимандриту Филарету. «Вы въ оправданіе ссылаетесь на книги, писанныя почти за тридцать лѣтъ назадъ человѣкомъ, который тогда былъ гораздо неопытнѣ васъ и учился самоучкою: симъ образомъ, если угодно, можете имѣть свиновнаго но не оправданіе. Пора вамъ исправить то, что прежде недосмотрѣно людьми, которымъ предшественники глаза закрывали. Сочинителю Библейской (исторіи) некогда было пересматривать свой давній трудъ, а преподаватели по сей книгѣ брели до сихъ поръ по чужому слѣду, не разсуждая, хотя имъ о семъ часто напоминали». То-же писалъ и въ предложеніи конференціи: «Справедливо было бы разсудить, что классическія книги, писанныя людьми, самоучившимися по тѣмъ предметамъ, въ разные годы ихъ занятій, во времена меньшей взыскательности за строгую ученость, не должны усыплять дѣятельности нынѣшнихъ ученыхъ»¹⁾. Такимъ образомъ едвали можно подозрѣвать въ указанномъ фактѣ, какъ и во многихъ другихъ, ревность и самолюбіе такого высокодаровитаго человѣка, какъ преосвященный Филаретъ. Можно сказать только, что онъ требовалъ отъ писателей разныхъ учебныхъ руководствъ, и особенно отъ начинающихъ авторовъ, болѣе, нежели сколько они могли дать, что измѣряя все высотой своего таланта онъ не былъ довольно снисходителенъ къ обыкновеннымъ дарованіямъ со всегда присущими имъ недостатками. При желаніи все видѣть соотвѣтственнымъ разъ выработанному имъ идеалу, онъ предъявлялъ требованія слишкомъ высокія, и чѣмъ выше были требованія, тѣмъ рѣзче казались отступленія отъ нихъ, уже не оставлявшія мѣста поддержкѣ и ободренію. Во всякомъ случаѣ этимъ великимъ человѣкомъ руководила не мелкая придирчивость и зависть, а высокіе принципы, дорогіе для человѣка, посвятившаго имъ всю силу своего таланта и всю свою жизнь.

Административное отношеніе его къ академіи обнимало всѣ стороны ея жизни—внутреннее управленіе академіи, нравственную и хозяйственную часть и внѣшнее управленіе академическимъ округомъ.

Дѣятельный самъ, онъ ни въ чемъ не терпѣлъ распушенности, неряшливаго отношенія къ дѣлу, и приучалъ подчиненныхъ академическихъ къ порядку и законности. Авторъ приводитъ множество замѣчаній, указаній, выговоровъ Филарета ректорамъ и прочимъ членамъ корпораціи въ этомъ родѣ. Но читая ихъ, невольно пора-

¹⁾ Стр. 226.

жаешься обиліемъ поводовъ къ этимъ замѣчаніямъ, и тѣмъ болѣе цѣнишь терпѣливое, хотя иногда и жесткое, отношеніе Митрополита къ этимъ поводамъ и къ тѣмъ лицамъ, которые были виновны въ оныхъ. Напримѣръ, протоіерей Голубинскому поручено было въ 1832 г. обозрѣть семинаріи Калужскую и Тульскую. Отчетъ не былъ представленъ до 1836 года. Митрополитъ спрашиваетъ о причинѣ. Протоіерей отвѣчаетъ: «не могу ничего сказать въ извиненіе своей медленности». И это было не разъ, такъ что Митрополитъ написалъ на представленной ему вѣдомости о нерѣшенныхъ дѣлахъ: «думаетъ ли онъ, что еще не довольно испытывалъ, имѣетъ ли начальство терпѣніе, и что не настало еще время испытывать, имѣетъ ли онъ послушаніе» ¹⁾. Нерѣдки также были и разныя упущенія со стороны Правленія. «Неужели оно, писалъ преосвященный Филаретъ въ 1832 г., думаетъ, что моя должность повѣрять цифры и буквы и что мое время не нужно для занятій нѣсколько болѣе важныхъ?» ²⁾.

Время управленія двухъ ректоровъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, особенно богато этими замѣчаніями. Ректоръ архимандритъ Поликарпъ (Гойтанниковъ) былъ грубъ и непокоренъ, не говоря уже о личныхъ недостаткахъ, и получалъ много рѣзкихъ замѣчаній, пока наконецъ не истощилъ терпѣнія Филарета и не былъ удаленъ изъ академіи. Преемникъ его, Филаретъ, (впослѣдствіи архіепископъ Черниговскій), при вступленіи въ административную должность, былъ крайне неопытенъ въ управленіи и принужденъ былъ выслушивать отъ Митрополита множество замѣчаній. «Приучайтесь къ понятію о точности въ дѣлахъ. Не думайте, что приказныя дѣла превышаютъ разумъ человѣческой и что въ нихъ надобно по буквѣ дѣлать и то, что противно здравому смыслу. Разбирайте, давайте мѣсто разсужденію сочленовъ, совѣтуйтесь и поступая осмотрительно берегите достоинство мѣста, которому принадлежите. Не примите моихъ словъ за брань; не негодую, а объясняю дѣло и показываю, какъ ему быть надобно» ³⁾.

Неблагопріятно сложившіяся для преосвященнаго Филарета обстоятельства, сначала вслѣдствіе споровъ изъ-за Катихизиса и закрытія Библейскаго Общества, потомъ вслѣдствіе начавшихся

¹⁾ Стр. 93.

²⁾ Стр. 165.

³⁾ Стр. 253.

столкновеній съ графомъ Пратасовымъ, были причиною, что оный относился слишкомъ воспримчиво и чутко ко всему, что могло подать какой-либо поводъ къ придирамъ, и соразмѣрно съ тѣмъ развила свою требовательность относительно всего, что могло подать поводъ къ неприятностямъ для него съ какой бы то ни было стороны. Точно также онъ постоянно стоялъ, такъ сказать, на стражѣ Академіи, которая изданіемъ своихъ ученыхъ трудовъ особенно была открыта для нападеній со стороны недоброжелателей Митрополита. Этими обстоятельствами изъясняется странная исторія съ сочиненіемъ Руднева «О ересяхъ и расколахъ въ Русской Церкви», печатаніе котораго, съ различными исправленіями и приспособленіями ко взглядамъ Графа Пратасова на преданіе, длилось нѣсколько лѣтъ, тяжело отозвавшись на многихъ лицахъ, которыя оффиціально принимали въ этомъ дѣлѣ участіе (цензоръ протоіерей Делицынъ и ректоръ архимандритъ Филаретъ) ¹⁾.

V.

Судьбы студентовъ, по выходѣ ихъ изъ высшаго учебнаго заведенія, не предопредѣляются полученнымъ ими образованіемъ. Множество разнообразныхъ условій, иногда силетенія случайныхъ обстоятельствъ, имѣютъ весьма большое вліяніе не только на вѣншее ихъ положеніе, но и на ходъ и направленіе внутренней жизни. Но тѣмъ не менѣе полученное ими образованіе составляетъ основу дальнѣйшаго развитія ихъ и послѣдующей жизни въ качествѣ самостоятельныхъ членовъ общества. Поэтому всегда можетъ быть относима къ чести заведенія послѣдующая полезная и плодотворная дѣятельность ея воспитанниковъ, на какомъ бы поприщѣ служенія она ни была проходима. Личная исторія ихъ до нѣкоторой степени принадлежитъ исторіи воспитавшаго ихъ учебнаго заведенія. Съ этой стороны Московская академія, считающая между своими воспитанниками весьма много высокихъ и общеуважаемыхъ лицъ въ духовной іерархіи, много извѣстныхъ ученыхъ, духовныхъ и свѣтскихъ, весьма многихъ почтенныхъ дѣятелей на разнообразныхъ поприщахъ общественнаго служенія, можетъ справедливо гордиться именами, трудами и заслугами этихъ своихъ питомцевъ.

¹⁾ Стр. 216—229.

Мы не будемъ перечислять здѣсь этихъ именъ. Но Исторія академіи, въ которой изложеніе судьбы бывшихъ ея воспитанниковъ занимаетъ почтенную часть книги, приобретаетъ отъ этого весьма живой интересъ, не только для бывшихъ ея воспитанниковъ, но и для всѣхъ интересующихся судьбами духовнаго и вообще отечественнаго просвѣщенія. Нельзя не быть благодарнымъ автору за то, что, за обозначеніемъ служебнаго положенія лицъ, онъ поименовалъ всѣ сочиненія, къ которымъ были изданы.

VI.

Сводя въ одно всѣ сдѣланныя замѣчанія, мы можемъ сказать, что книга протоіерея Смирнова, излагающая исторію Московской Академіи въ продолженіе пятидесятилѣтняго періода ея, отъ одного преобразования (въ 1814 г.) до другаго (въ 1870 г.), заключающая въ себѣ богатое собраніе матеріаловъ для исторіи духовнаго просвѣщенія въ Россіи и вообще для исторіи отечественнаго просвѣщенія, любопытная по своимъ подробностямъ о судьбѣ лицъ, получившихъ высшее образованіе въ Московской духовной академіи и съ честію трудившихся и трудящихся на разныхъ поприщахъ церковнаго, общественнаго и гражданскаго служенія, сообщающая весьма много любопытныхъ данныхъ о высокочтимомъ Русскою церковію покойномъ Московскимъ святителѣ Филаретѣ, бывшемъ въ теченіе почти полулѣтка непосредственнымъ руководителемъ академіи,—составляетъ весьма почтенный вкладъ въ нашу историческую литературу. Служа продолженіемъ изданной авторомъ Исторіи Московской-Славяно-греко-латинской академіи, она отличается такими же достоинствами отчетливаго и занимательнаго изложенія, какими отличался первый его трудъ. Можно было бы желать болѣе полнаго изображенія собственно внутренней жизни академіи, болѣе цѣльныхъ и законченныхъ образовъ важнѣйшихъ ея дѣятелей—Филарета Гумилевскаго, Голубинскаго, Горскаго и другихъ, и болѣе полной оцѣнки ихъ ученой дѣятельности и заслугъ для науки и просвѣщенія: но всякому, знакомому съ этого рода трудами, известно такъ же, какъ не легко вести подобную критическую работу тамъ, гдѣ не собрано еще первоначальныхъ матеріаловъ для внѣшней исторіи учебнаго заведенія. Въ этихъ случаяхъ добросовѣстно собранный, очищенный и стройно расположенный матеріалъ составляетъ весьма важную подготовку для послѣдующихъ ученыхъ трудовъ на томъ же поприщѣ, которые безъ сомнѣнія тѣмъ менѣе

50 ОТЧЕТЪ О ДВАДЦАТЬ-ТРЕТЬЕМЪ ПРИСУЖДЕН. НАГРАДЪ ГР. УВАРОВА.

будуть возбуждать желанія, подобныя вышеизложенному, чѣмъ менѣе будутъ стѣснены этою первоначальною работою собранія и очистки матеріала. По уваженію къ изложеннымъ достоинствамъ сочиненія протоіерея Смирнова, я съ своей стороны полагаю бы совершенно справедливымъ отличить этотъ почтенный трудъ меньшею наградою графа Уварова.

II.

О сочиненіи Архимандрита Амфилохія подъ названіемъ: „Кондакарій въ греческомъ подлинникѣ XII—XIII в. по рукописи Московской Синодальной библиотеки № 437 съ древнѣйшимъ славянскимъ переводомъ кондаковъ и икосовъ какіе есть въ переводѣ, и съ приложеніемъ выписокъ кондаковъ и икосовъ изъ служебныхъ греческихъ рукописныхъ миней съ славянскимъ древнѣйшимъ переводомъ и 2, изъ славянскихъ служебныхъ миней рукописныхъ съ греческимъ текстомъ и безъ онаго и съ разночтеніями на обоихъ языкахъ съ снимками въ числѣ 229 страницъ“. Москва. 1879 г.

Рецензія Ординарнаго Профессора С.-Петербургской Духовной Академіи
И. Е. Троицкаго.

Задачи своего труда авторъ нигдѣ прямо и точно не опредѣляетъ, такъ что ее приходится опредѣлять по тому, что имъ сдѣлано. По видимому, въ началѣ для него вполне ясно было одно, что Кондакарій, указанный ему г. Гезеномъ, какъ одна изъ рѣдкихъ и неизданныхъ книгъ, нужно издать. Вопросы же о томъ, какъ и для чего издать, выяснялись, рѣшались и даже перерѣшались во время самаго процесса труда.

Рѣшеніе издать его тѣми двумя способами, которыми онъ и дѣйствительно изданъ, т. е. посредствомъ снятія fac-simile и обыкновенной транскрипціи, было, по видимому первоначальнымъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно думать на основаніи разъясненнаго имъ самимъ процесса его труда: «съ самаго начала, говоритъ онъ, я выписывалъ изъ греческаго Кондакарія по одному кондаку и икосу и одного творца, и другаго, и 3-го, и 4-го, гдѣ было, съ древнѣйшимъ Славянскимъ переводомъ и безъ перевода, если его не было. Потомъ выписалъ и остальные икосы: 2, 3, 4 и т. д. безъ перево-

довъ, а гдѣ находилъ переводъ 2, 3, или 4 икоса, тѣ приписывалъ къ первой тетради, гдѣ выписано по одному кондаку съ икосомъ съ переводомъ и безъ перевода. (Предисловіе, стр. V)». Часть первой изъ этихъ тетрадей онъ предполагалъ издать тѣмъ и другимъ способомъ, т. е. и посредствомъ факсимилированія и посредствомъ транскрипціи; остальную ея часть, равно какъ и всю вторую тетрадь лишь вторымъ способомъ. Но потомъ програма изданія расширилась и нѣсколько видоизмѣнилась. Авторъ пришелъ къ мысли издать не одни только, находящіеся въ Кондакаріѣ кондаки и икосы, но и всѣ, какіе только могли быть найдены въ другихъ богослужебныхъ книгахъ, какъ греческихъ, такъ и славянскихъ рукописныхъ.

Осуществленіе этой мысли повело къ цѣлому ряду дополненій къ объему тетрадемъ. Къ первой, которой въ томъ видѣ, въ какомъ она явилась въ свѣтъ, усвоено названіе «снимковъ», авторъ «прибавилъ 4 страницы недостающихъ икосовъ изъ Тріоди постной Севастьяновскаго собранія № 29 1460 г., а кондакъ съ икосами по неполному акростиху св. Романа Сладкопѣвца на Срѣтеніе Господне провѣрилъ по кондаку со всѣми и недостающими икосами по служебной февральской минеѣ № 151 Моск. Синод. библи. XII—XIII в. и недостающіе два икоса скопировалъ на одной страницѣ (Предисловіе стр. V)».

Ко второй, названной «Изслѣдованіемъ», сдѣлано два Дополненія. Первое носитъ слѣдующее заглавіе: «Дополненіе къ греческому Кондакарію изъ мѣсячныхъ миней» и распадается на два отдѣла, въ 1-мъ (стр. 200—234) подъ вышепрописаннымъ заглавіемъ помѣщенъ греческій и славянскій текстъ (en regard) кондаковъ и икосовъ, заимствованныхъ исключительно изъ мѣсячныхъ миней, во 2-мъ (стр. 234—260) подъ заглавіемъ: «Выписки кондаковъ и икосовъ изъ древле-славянскихъ письменныхъ служебныхъ Миней. Тріоди, Октоиха, Кондакарія, которыхъ нѣтъ въ греческихъ рукописяхъ Московской Синодальной библи. и собранія г. Севастьянова. кромѣ кондаковъ, помѣщенныхъ въ Святцахъ 1323 г. № 2 Севастьяновскаго собранія», — кондаки и икосы изъ поименованныхъ въ заглавіи книгъ ¹⁾.

Второе озаглавлено просто: «Дополненіе къ Кондакарію XII—XIII в.» съ особымъ выходнымъ листомъ и особымъ счетомъ лис-

¹⁾ Почему сдѣлано исключеніе для кондаковъ Севастьяновскихъ Святцевъ 1323 г., авторъ не объясняетъ.

товъ, подраздѣляется тоже на два отдѣла: въ 1-мъ (стр. 1—92) помѣщена часть Кондакарія, изданнаго Питрою въ 1876 г. въ Парижѣ, во 2-мъ, подъ заглавіемъ: «Выписки кондаковъ и икосовъ греческимъ святымъ и днямъ праздниковъ изъ рукописей моего собранія, которыхъ въ вышеприведенныхъ выпискахъ нѣтъ», — помѣщены кондаки и икосы — исключительно на славянскомъ языкѣ, извлеченные изъ разныхъ богослужебныхъ книгъ, составляющихъ собственную колекцію автора.

Вопросъ о томъ, для чего издавать, тоже, по видимому, рѣшался авторомъ по мѣрѣ развитія его труда. По крайней мѣрѣ, въ его книгѣ онъ рѣшается въ два приема, и притомъ не прямо, а косвенно. Въ Предисловіи, гдѣ авторъ указываетъ поводъ къ своему труду, перечисляетъ бывший въ его рукахъ письменный и печатный матеріалъ и разъясняетъ процессъ труда, онъ, по видимому, рѣшалъ этотъ вопросъ въ интересѣ филологическомъ. По крайней мѣрѣ, такое рѣшеніе подсказываютъ слѣдующія проектируемыя имъ здѣсь же детали его труда, — именно онъ обѣщаетъ 1) сохранить древнее правописаніе какъ греческое, такъ и славянское, 2) послѣ снимковъ приложить *Сравнительный Словарь* темныхъ словъ, встречающихся въ Кондакаріѣ, 3) словарныя словосокращенія объяснить въ началѣ Словаря. Если къ этому прибавить самый текстъ изданныхъ имъ многочисленныхъ древнихъ памятниковъ на обоихъ языкахъ, то само собою напрашивается заключеніе, что трудъ автора предпринятъ имъ былъ въ интересѣ филологіи. Но исчисливши свои обѣщанія въ интересѣ филологическомъ, авторъ непосредственно же присовокупляетъ, что онъ «при изслѣдованіи кондаковъ и икосовъ не забывалъ мысли покойнаго митрополита Филарета заниматься древностями не съ одною филологическою цѣлію, а и съ цѣлію опровергать неправильныя мнѣнія нашихъ старообрядцевъ. Для этого въ моемъ изслѣдованіи мною обращено особенное вниманіе на старопечатныя книги при патріархахъ Іовѣ, Гермогенѣ и Іосифѣ. Гдѣ есть ошибки противъ древнихъ рукописныхъ въ книгахъ, печатанныхъ при патріархахъ, ни одной не оставлялъ безъ вниманія» (Предисловіе, стр. VI). Такимъ образомъ, трудъ автора былъ предпринятъ и въ интересѣ полемики съ расколомъ.

На стр. 30 «Изслѣдованія», говоря о важности греческаго Кондакарія и древняго его перевода славянскаго, авторъ важность эту полагаетъ, между прочимъ, въ томъ, что «кондаки и икосы св. Романа Сладкопѣвца объясняютъ намъ исторію праздниковъ и святыхъ, чтимыхъ въ его время, а «кондаки и икосы св. Козмы и

Анастасія и другихъ творцевъ, хотя и неизвѣстныхъ для насъ важны, какъ памятники до 1-ой половины X в. Они своими хвалебными пѣснопѣніями пополняютъ историческія свѣдѣнія о праздникѣ или святомъ, о которыхъ изъ церковныхъ пѣснопѣній ничего не осталось, кромѣ кондака съ икосомъ или двумя и болѣе. Такимъ образомъ, можно думать, что въ рѣшимости автора предпринять свой трудъ имѣли извѣстное значеніе и интересы церковно-историческіе и церковно-литургическіе.

Наконецъ, изданіе весьма значительнаго числа снимковъ посредствомъ fac-simile свидѣтельствуетъ о томъ, что авторъ имѣлъ въ виду и интересы палеографіи.

Такимъ образомъ, предпринимая трудъ изданія Кондакаря, авторъ надѣялся удовлетворить нѣсколькимъ интересамъ.

Понятно, что удовлетворить столь многимъ и столь разнообразнымъ интересамъ въ одной книгѣ, можно было лишь при ясномъ сознаніи требованій, предъявляемыхъ этими интересами, при строгомъ разграниченіи сферъ cadaго изъ нихъ и при гармонической выдержкѣ ихъ. Къ сожалѣнію, во всѣхъ этихъ отношеніяхъ книга автора оставляетъ желать многого. Начнемъ съ палеографіи.

По видимому, задачи палеографіи авторъ понимаетъ широко и правильно. Для ихъ разрѣшенія онъ не только сдѣлалъ цѣлыхъ 229 страницъ снимковъ, но и обѣщалъ приложить 1) чтеніе 1-го кондака и икоса, а въ субботу мясопустную кондаки и всѣ икосы, 2) древнюю азбуку, словосокращеніе и связь нѣкоторыхъ словъ — для облегченія пользованія снимками. Но, во 1-хъ, послѣдняго своего обѣщанія авторъ не исполнилъ — въ его книгѣ нѣтъ ни древней азбуки, ни словосокращенія, ни связи какихъ-либо словъ; а первое имѣетъ второстепенное значеніе для цѣлей палеографіи. Во 2-хъ, какъ количество, такъ и выборъ кондаковъ и икосовъ для снимковъ опредѣлялись не потребностями палеографіи, а потребностями церковной гимнографіи. Съ одной стороны выбирались для снимковъ кондаки и икосы на дни особенно важные въ церковномъ отношеніи, съ другой — кондаки и икосы, составленные древнѣйшими и знаменатѣйшими пѣснописцами. Вслѣдствіе этого въ составъ сборника вошли кондаки и икосы на господскіе и богородичные праздники, на важнѣйшіе дни великаго поста и наиболѣе извѣстныхъ святыхъ, и притомъ преимущественно кондаки и икосы съ *Романа Сладкопѣвца* и такъ называемые *самомасны*, которые, по мнѣнію автора, «по всей вѣроятности, принадлежать ему же, какъ первому творцу кондаковъ и икосовъ (Исслѣдованіе, стр. 14)». По-

ятно, что при такомъ руководящемъ началѣ въ составъ сборника, предназначеннаго, по видимому, служить цѣлямъ палеографіи, должны были войти не тѣ страницы рукописи, которыя представляли наибольшій интересъ для палеографіи, а лишь тѣ, которыя были важны для церковной гимнографіи. Правда, не мало вошло въ него страницъ, интересныхъ и въ палеографическомъ отношеніи, но это было чистою случайностью. Во всякомъ случаѣ нельзя не видѣть здѣсь смѣшенія разныхъ научныхъ сферъ, не желательнаго въ интересѣ той и другой.

Въ 3-хъ, для цѣлей палеографіи было бы весьма важно имѣть возможно обстоятельное, подробное и точное описаніе наружнаго вида рукописи, матеріала, на которомъ она писана, степени ея сохранности какъ со стороны матеріала, такъ и текста, формы буквъ, количества и особенностей почерковъ, цвѣта чернилъ, рисунка заставокъ (если онѣ есть), формы инициаловъ и пр. Въ удовлетвореніе этихъ требованій авторъ даетъ а) опредѣленіе почерка, называя его скорописью — что совершенно вѣрно въ нашемъ смыслѣ этого слова, но невѣрно въ Византійскомъ (слово *ταχυγράφη* въ Византіи имѣло другое значеніе, удерживаемое имъ и теперь въ палеографіи), — матеріала (пергаминъ), формы строкъ (въ одинъ столбецъ по нарѣзамъ), б) измѣреніе длины и ширины пергамина, и мимоходомъ дѣлаетъ замѣчанія о «колерахъ», встрѣчающихся въ рукописи, безъ точнаго опредѣленія, гдѣ они встрѣчаются, и коегдѣ подъ строками отмѣчаетъ фактъ поврежденія текста, (тогда какъ обходится молчаніемъ цѣлыя страницы, вылинявшія и отчасти подновленныя поздней рукой), и — только.

Въ 4-хъ, для цѣлей палеографіи весьма важно было бы имѣть обстоятельное и точное описаніе правописанія рукописи. Между тѣмъ для удовлетворенія этого требованія авторъ даетъ лишь двѣ замѣтки и притомъ не прямо съ этою цѣлію, а косвенно, по поводу другихъ вопросовъ, — именно первую онъ дѣлаетъ при опредѣленіи «палеографическихъ признаковъ письма XII—XIII в.», — здѣсь онъ замѣчаетъ, что «древнихъ дыханій полукрестиками, употребляемыхъ въ первой половинѣ XII в., здѣсь очень мало (Изслѣдованіе, стр. 9)», вторую — при разъясненіи важности греческаго Кондакарія, гдѣ, между прочимъ, важность его полагается въ томъ, что «правописаніе въ немъ самое древнее, какое встрѣчается въ рукописяхъ V и VI вѣка, напр. почти постоянно вмѣсто ϵ пишется η и наоборотъ, вмѣсто α — ϵ и наоборотъ, вмѣсто ω — σ и наоборотъ». (Тамъ же. стр. 30). И сами по себѣ эти бѣглыя замѣтки,

какъ-бы случайно оброненныя въ двухъ разныхъ мѣстахъ книги, неудовлетворительны для цѣлей палеографіи, а въ виду богатаго матеріала, представляемаго съ этой стороны разсматриваемой рукописью, просто ничтожны. Въ самомъ дѣлѣ, въ указанномъ отношеніи разсматриваемая рукопись представляетъ весьма интересное явленіе. Не только гласныя и дwoегласныя буквы, поименованныя и непоименованныя (ι, υ, σ), употребляются безразлично одна вмѣсто другой, но и дыханія и ударенія. Словомъ, правописаніе ея находится почти въ томъ-же фазисѣ развитія, въ какомъ оно, по справедливому замѣчанію автора, встрѣчается въ рукописяхъ V и VI в. Между тѣмъ это обстоятельство не вызвало въ авторѣ даже вопроса: какимъ образомъ правописаніе V—VI вв. могло очутиться въ рукописи XII—XIII вѣка? А вопросъ этотъ стоить того, чтобы на немъ остановиться. Не останавливается авторъ и на другой особенности правописанія, — именно на знакахъ препинанія и ихъ разстановкѣ, хотя она заслуживала особеннаго вниманія. Дѣло въ томъ, что во всей рукописи употребляются только три знака препинанія: колонъ, запятая и заключительный знакъ: или: — Самый употребительный изъ нихъ есть первый. Онъ ставится или вверху строки или посрединѣ ея. Запятая употребляется гораздо рѣже и ставится тоже въ половинѣ строки. Послѣдній обыкновенно ставится въ концѣ текста кондаковъ и икосовъ. Особеннаго вниманія эти знаки заслуживали потому между прочимъ, что они разставлены въ текстѣ не по требованію грамматики, а по требованію мелодіи, т. е. для показанія остановки голоса при пѣніи.

Въ 5-хъ, для цѣлей палеографіи желательнo было бы не пропускать безъ вниманія ни одной самой незначительной подробности, хотя бы она и не имѣла, по видимому, ни прямаго, ни косвеннаго отношенія къ задачамъ палеографіи, — ни одной надписи — особенно современной тексту, — ни одной замѣтки, ни одного знака — особенно условнаго или техническаго и пр. Есть такія надписи и знаки и въ разсматриваемой рукописи. Такъ напр. на оборотѣ 236 листа, гдѣ заканчивается первая половина Кондакарія, писецъ, переписывавшій послѣдніе листы этой половины, приписалъ къ ней слѣдующія строки: † Ἐτληω τῷ παρῶν κοῦχάριον διὰ ἀντιψέως τοῦ ἀυτῆ ἡμῶν τοῦ ἀγίω, καὶ οἱ ἀναγινώσκοντες εὐχέσθε αὐτῷ ἀμήν. Правда, эта надпись не заключаетъ въ себѣ никакихъ точныхъ указаній. Самый смыслъ ея можетъ быть предметомъ спора. Но можетъ встрѣтиться въ другомъ рукописномъ сборникѣ надпись аналогическая съ этой, но болѣе точная и обстоятельная и даже писанная той же

рукой, и дать ключъ какъ къ ея смыслу, такъ и къ датѣ. Между тѣмъ авторъ не только не снялъ ее въ свои снимки, но и не упомянулъ объ ней въ Исслѣдованіи, точно ея совсѣмъ и нѣтъ въ рукописи.

На листѣ 213 есть на нижнемъ полѣ подпись [древняя] одного изъ владѣльцевъ рукописи: † αλ (μοναχοῦ) Νικολάου καὶ παρῆλλησι-ἀρχου, тоже не дающая ничего для палеографіи (кромѣ почерка), но при случаѣ могущая кое-что дать для исторіи рукописи.

На л. 109 почти цѣлая страница занята нотными знаками къ заключительнымъ словамъ икоса: ἤλθε εἰσάνης τὸ φῶς τὸ ἀπρόσπου. Нѣсколько такихъ же знаковъ есть также на лл. 122—123.

На л. 139 есть музыкальный знакъ $\overset{\alpha}{\text{N}}\overset{\alpha}{\text{N}}$.

На лл. 133 и 134 есть какія-то (позднія, впрочемъ) надписи надъ строками, по видимому, долженствовавшія замѣнить нотные знаки.

На л. 233 ч. строки: 6, 7, 8, 9, 10, 15, 16, 17 и 18 не дописаны почти на-половину (къ полю), очевидно, вслѣдствіе поврежденія рукописи, съ которой писалъ переписчикъ.

Все это нужно было бы не только отмѣтить, но и описать, а, если можно, то и объяснить въ интересѣ палеографіи; между тѣмъ нашъ авторъ изъ всѣхъ перечисленныхъ особенностей рукописи обратилъ вниманіе лишь на двѣ: а) на ноты на л. 109, скопировавши ихъ въ свои снимки безъ всякихъ объясненій, и б) на недописку строкъ на л. 233, ограничившись бѣглой замѣткой подъ строкой на стр. 132 Исслѣдованія, что «на строкахъ перваго икоса 1—6 не дописано, вѣроятно потому, что въ подлинникѣ, съ котораго списывалъ писецъ, или стерто это мѣсто или вырѣзано (почему же не истлѣло отъ времени или не изгладилось отъ продолжительнаго и частаго употребленія? И не здѣсь ли разгадка, почему въ рукописи XII—XIII в. встрѣчается правописаніе V—VI вѣка?); точно такія же недописи на 4-хъ строкахъ 2-го икоса». Остальное же оставлено безъ вниманія.

Вообще описаніе рукописи, данное авторомъ, нельзя не признать крайне неудовлетворительнымъ. Оно а) и неполно и б) отчасти неточно. а) Къ образчикамъ неполноты, указаннымъ выше, нужно прибавить еще то, что авторъ не сказалъ, сколькими руками писана рукопись, — что, какъ увидимъ, сказалось важными неудобствами при опредѣленіи ея даты. б) Неточность заключается въ томъ, во 1-хъ, что къ тропарямъ и икосамъ, написаннымъ на 1 л. (переплетномъ), не отнесены тропари и икосы, написанные на лл. 328 verso

и 329 recto, — тоже поздніе, и во 2-хъ, начало тропаря въ великій четвергъ и кондака изъ великаго канона Андрея Критскаго написаны по-славянски, тогда какъ текстъ ихъ греческій, и во избѣжаніе недоумѣній не сдѣлано никакой оговорки.

Но что особенно замѣчательно, такъ это то, что изъ всѣхъ вопросовъ, вызываемыхъ палеографіей рукописи, прямо ставится лишь одинъ, — именно вопросъ о датѣ рукописи, — всѣ же остальные возбуждаются и рѣшаются косвенно — или подъ другими рубриками (описаніе напр. дается подъ рубрикой: *Содержаніе греческаго Кондакарія*), или въ примѣчаніяхъ.

Вопросъ о датѣ рукописи рѣшается подъ рубрикой: *Палеографическіе признаки письма XII—XIII в.*

Въ редакціи этой рубрики дается уже и отвѣтъ на возбужденный вопросъ. Авторъ относитъ рукопись къ XII—XIII в. на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) въ ней мало встрѣчается древнихъ дыханій полукрестиками, употреблявшихся въ 1-ой половинѣ XII в., 2) сѣровая или свѣтлоричневая краска въ заглавіяхъ вмѣсто киновари встрѣчается въ рукописяхъ 2-ой половины XIII в. — А чисто вишневыи колеръ встрѣчается въ рукописи 1391 за № 269 (Синод. библ.), 3) въ заглавіи кондака 8 ноября на день Архистратига Михаила надписано: ἦχος β. ἰδιόμελον τὸ κοινὸν т. е. Кукузеля, жившаго въ послѣдней четверти XII в. при царѣ Комнинѣ (Изсгѣд. стр. 9)».

Но это рѣшеніе вопроса нельзя признать ни правильнымъ, ни основательнымъ.

Неправильно оно потому, что рукопись писана не одной рукой, а нѣсколькими (по моему, пятью различными руками, не считая 1 и 338—339 лл., которые въ свою очередь писаны еще пятью руками), и слѣдовательно вопросъ о датѣ рукописи нужно было рѣшать относительно каждой руки; къ общему же рѣшенію приступать не прежде, какъ удостовѣрившись, что всѣ эти руки современныя. Это тѣмъ необходимѣе было сдѣлать, что перечисленные авторомъ колера (съ присоединеніемъ и киновари — и притомъ двухъ оттѣнковъ — имъ опущенной) и служащіе для него однимъ изъ основаній для рѣшенія вопроса, не только не встрѣчаются заурядъ по всей рукописи, а прямо и ясно распредѣляются между разными руками, разбивая тѣмъ общій вопросъ на частные.

Неосновательно потому, что не вытекаетъ изъ тѣхъ основаній, на которыхъ строитъ его авторъ. За XII вѣкъ у него приведено два основанія: 1-е употребленіе дыханій полукрестиками и 2-е упо-

минаніе о Кукузелѣ, жившемъ будто бы «въ концѣ XII в. при царѣ Комнинѣ» (точно одинъ только и былъ царь Комнинъ!). Но 1-ое не выдерживаетъ никакой критики, а 2-ое совершенно ложно.

Въ греческой палеографіи давно уже установилось положеніе, что древнія дыханія и ударенія и вообще правописаніе удерживалось въ разныхъ степеняхъ въ большей части богослужебныхъ книгъ до XV в. включительно, благодаря тому, что книги эти списывались съ древнѣйшихъ экземпляровъ, часто съ дипломатическою точностью; слѣдовательно, присутствіе извѣстнаго количества дыханій древней формы не можетъ служить надежнымъ признакомъ для опредѣленія даты на маломъ пространствѣ времени.

Что же касается времени жизни Кукузеля, то изъ двухъ знаменитыхъ Византійскихъ композиторовъ, носившихъ эту фамилію, Іоаннъ былъ современникомъ императора Андроника Палеолога Старшаго (1282—1328) и слѣд. жилъ въ концѣ XIII и первой четверти XIV в. (См. Χρυσάνθου Θωορητικὸν μέγα τῆς Μεσαιχῆς, σελ. 29 ἐν ὑποσημείωσι), а Іоасафъ, названный въ отличіе отъ перваго новымъ Кукузелемъ (ὄρος κοινουζέλης), в еще позднѣе. Итакъ оба Кукузеля ведутъ автора — первый къ началу, второй къ концу XIV вѣка.

Къ XIV же вѣку ведетъ его и одно изъ остальныхъ двухъ основаній, заставившихъ его приурочить дату рукописи къ XIII в., именно: чистовишневый колеръ, встрѣченный имъ въ рукописномъ сборникѣ 1391 года.

А такъ какъ и сѣровая краска, остающаяся единственнымъ основаніемъ за XIII в., по словамъ самого автора, встрѣчается въ рукописяхъ 2-й половины этого вѣка; то на приведенныхъ имъ основаніяхъ вѣрнѣе относить рукопись къ XIII—XIV в. вмѣсто XII—XIII. — Но, повторяю, вопросъ этотъ не можетъ быть рѣшаемъ огуломъ о всей рукописи, въ виду различія рукъ, которыми она писана.

На этомъ примѣрѣ наглядно сказывается не только недостаточность предварительнаго изученія палеографическихъ особенностей рукописи и неудовлетворительность ея описанія, но и невыгоды того и другаго для дѣла.

Правда, собранный авторомъ, на 229 л. снимковъ, богатый палеографическій матеріалъ восполняетъ до извѣстной степени недостатки изысканій автора и открываетъ опытнымъ палеографамъ возможность самимъ восполнить его опущенія. Но а) если авторъ не хотѣлъ ограничиться одними снимками, а рѣшился присоединить къ нимъ изслѣдованіе, то наука въ правѣ была ожидать отъ него

извѣстнаго вниманія къ ея требованіямъ, и б) на основѣ данныхъ имъ снимковъ нельзя восполнить недостатковъ его изслѣдованія, не имѣя подъ руками подлинника во 1-хъ потому, что не все можно было передать въ снимкахъ, и не все дѣйствительно передано, напр. различные колера, играющіе такую важную роль въ его выводахъ, многія заставки, украшающія рукопись, и въ томъ числѣ первая, лучшая и наиболѣе характерная изъ всѣхъ и пр., и во 2-хъ и то, что было можно, не представляетъ вполне надежнаго матеріала для изслѣдованій, благодаря множеству разныхъ недостатковъ.

Недостатки эти двоякаго рода: одни изъ нихъ обусловливались самымъ способомъ полученія снимковъ, другіе — нѣкоторой невнимательностью и небрежностью отчасти копировщика, отчасти литографа.

На послѣдней страницѣ своихъ снимковъ авторъ дѣлаетъ такое сообщеніе относительно способа воспроизведенія снимковъ: «перекопировано мною съ снимковъ, сдѣланныхъ карандашемъ въ 1869 г., литографической тушью 1879 года въ августѣ и сентябрѣ въ свободные дни отъ другихъ занятій», (стр. 227).

Изъ этого сообщенія видно, что авторъ а) снималъ текстъ карандашемъ въ 1869 г. б) черезъ 10 лѣтъ именно въ 1879 г. перекопировалъ его тушью и в) сдѣлалъ это въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, между другими дѣлами. Потомъ ретушеванный текстъ былъ, очевидно, переведенъ на камень, съ котораго и получено извѣстное число оттисковъ литографическимъ способомъ. Способъ этотъ нельзя признать благопріятнымъ для дѣла и дѣйствительно онъ отразился на трудѣ автора нѣкоторыми болѣе или менѣе серьезными недостатками.

Къ числу этихъ недостатковъ должны быть отнесены слѣдующіе:

1) При литографическомъ способѣ полученія снимковъ не дается никакого понятія о нынѣшнемъ состояніи пергамина, на которомъ писана рукопись, о его цвѣтѣ, степени сохранности или поврежденія и пр. Толстая желтоватая бумага, на которую переведены снимки съ литографскихъ камней, и которая предназначается, очевидно, для симуляціи пергамина, дала крайне неудовлетворительные результаты, такъ какъ а) самый цвѣтъ ея избранъ не совсѣмъ удачно и б) бумага, равно какъ и ея цвѣтъ повсюду являются одинаково ровными и свѣжими, чего вовсе нѣтъ въ подлинникѣ.

2) Не только не дается вѣрнаго понятія о состояніи текста рукописи въ разныхъ мѣстахъ, но и дается понятіе прямо ложное: въ

снимкахъ текстъ повсюду является съ одинаковой степенью сохранности какъ относительно цвѣта чернилъ, такъ и относительно *statu quo* буквъ, въ подлинникѣ же въ этомъ отношеніи существуетъ большое разнообразіе — встрѣчаются цѣлыя страницы до того выпцвѣтшія, съ словами и цѣлыми строками, до того стертыми, что едва допускаютъ чтеніе, напр. л. 176 на обор., между тѣмъ въ снимкѣ эта вылинявшая и неудобъ читаемая страница является столь же ярко и удобочитаемою, какъ и всѣ остальные страницы подлинника, дѣйствительно обладающія этими качествами.

3) Въ снимкахъ въ общемъ буквы выходятъ грубѣе и аляповатѣе, чѣмъ въ оригиналѣ; а нѣкоторыя изъ нихъ или совсѣмъ не вышли, или вышли только на половину; отъ того страницы подлинника, хорошо сохранившіяся, гораздо легче читаются, чѣмъ соответствующія имъ страницы снимковъ. Нѣкоторыя изъ этихъ послѣднихъ вышли до того неудачными, что не всѣ слова можно разобратъ безъ помощи подлинника, ср. напр. л. 73 подлинника икосъ Николаю Чудотворцу и л. 34 в. Снимковъ.

Къ недостаткамъ втораго рода должно быть отнесено:

1) то, что въ снимкахъ почти совсѣмъ ступшевывается различіе между почерками, какими писаны разные отдѣлы рукописи, — различіе болѣе или менѣе рельефно выступающее въ подлинникѣ. Произошло это отъ недостатка тщательности при копировкѣ карандашемъ и еще болѣе при ретушевкѣ. То и другое сдѣлано, по видимому, механически безъ серьезнаго предварительнаго изученія приѣмовъ и навыковъ древняго письма, далеко не тождественныхъ съ приѣмами и навыками нашего времени; такъ напр. въ рукописи, о которой рѣчь, всѣ буквы выводились съ одинаковой степенью ширины во всѣхъ своихъ частяхъ, безъ утолщенія въ срединѣ и безъ утоненія въ концахъ, между тѣмъ въ снимкахъ автора постоянно даютъ себя чувствовать приѣмы и навыки нашего времени — буквы постоянно обнаруживаютъ стремленіе утолщаться въ срединѣ и утончаться въ концахъ. Благодаря этому текстъ, по видимому, точно скопированный буква въ букву, въ общемъ получаетъ другую физиономію сравнительно съ текстомъ подлинника. Это тѣмъ легче могло произойти, что авторъ, ретушевывая его по карандашу 10 лѣтъ спустя послѣ копировки, по видимому, не имѣлъ въ это время предъ глазами подлинника, такъ что незамѣтно для себя самого могъ практиковать при этомъ приѣмы письма нашего времени. Остальное могло быть dokonчено при переведеніи текста на камень и наконецъ при печатаніи. Отъ чего бы, впрочемъ, это ни происхо-

дѣло, но на всѣхъ снимкахъ замѣчается что-то общее, однообразное, чего нѣтъ въ подлинникѣ, что затушевываетъ многія его особенности и прежде всего особенности разныхъ почерковъ. Этихъ привнесеніемъ къ процессу работы навыковъ нашего времени нужно объяснять и то, что нѣкоторыя буквы, напр. алфа, во всей рукописи являющаяся съ формою *α*, какъ еѣ и теперь изображаютъ грехи на письмѣ, въ снимкахъ автора весьма часто обнаруживаетъ поповеніе явиться съ печатною своею формою *α*.

Къ этому нужно еще прибавить, что въ рукописи вторая рука, которою, по моему мнѣнію, писаны листы: 4 verso до 35 v., 73—109, 237—338, отличается замѣчательно ровнымъ, твердымъ и выдержаннымъ почеркомъ, строки одинаковой ширины, буква къ буквѣ подобраны тщательно и плотно, между тѣмъ какъ въ снимкахъ всѣ эти качества почти утрачиваются—буквы не только теряютъ свою изящную ровность и округленность формъ, но и компактность общаго строя—смотреть врознь, даже строки кажутся по чему-то уже, чѣмъ въ оригиналѣ . . . .

Къ недостаткамъ этого-же рода должны быть отнесены а) многочисленные пропуски знаковъ препинанія (конечно не всѣ они остались на литографическихъ камняхъ), б) замѣна однихъ знаковъ другими—запятыхъ точками и наоборотъ, тонкихъ дыханій густыми и наоборотъ, даже удареній дыханіями и обратно, в) пропуски нѣкоторыхъ буквъ, какъ напр. на л. 108-мъ подлинника и 72-мъ снимковъ не дописано слово *κράτων* (въ снимкѣ только *κρά*). г) помѣщеніе лишнихъ буквъ въ текстѣ подлинника, напр. на л. 9-мъ подлинника и 2-мъ снимковъ на строкѣ 12-й въ словѣ *τίχα* прибавлено *ε*—*τίχτα*, на л. 220-мъ verso подлинника и 113 снимковъ на строкѣ 15-й къ слову *σαφῆ* прибавлено въ концѣ *σ*, д) невѣрное чтеніе и копировка буквъ, напр. на л. 43 снимковъ, на строкѣ 18-й прочитано *κροορῆμνοι* вм. *κροορῆμνοι* (л. 85 подлинника), на л. 214 строка 10 *συελεε* вм. *συεχεε* (л. 312 подлинника), на л. 227 строка 16 *ἐμδελουται* вм. *ἐμδελουται* (л. 319 подл.) и пр.

Благодаря значительному количеству указанныхъ недостатковъ, дополнять на основаніи снимковъ автора пробѣлы въ его изслѣдованіи текста рукописи оказывается не совсѣмъ удобнымъ. Во всякомъ случаѣ, съ увѣренностью можно сказать, что его снимки не замѣняютъ подлинника ни вообще, ни въ частности для палеографическихъ изслѣдованій.

Недостатки эти были почти неизбѣжны, съ одной стороны, при избранномъ авторомъ способѣ полученія снимковъ, съ дру-

гой — при ихъ многочисленности, дѣлающей почти невозможною одинаковую тщательность и точность копировки и отдѣлки деталей даже при крайней внимательности, упорствѣ и продолжительности труда; онъ же, какъ самъ признается, всѣ эти 229 страницъ отдѣлалъ въ теченіе 2-хъ мѣсяцевъ, и притомъ между дѣломъ Можно ли ожидать точности и отчетливости отъ такой спѣшной работы?.. И это тѣмъ болѣе жаль, что этотъ оказавшійся столь неблагодарнымъ трудъ авторъ предпринялъ совершенно напрасно. Съ палеографической точки зрѣнія не было никакой нужды въ такой массѣ снимковъ. Для ея цѣлей достаточно было бы снятъ нѣсколько страницъ, писанныхъ разными почерками и притомъ всего лучше фотографически. Онѣ дали бы гораздо болѣе вѣрное и точное представленіе не только объ особенностяхъ почерковъ, но и о statu quo самой рукописи, чѣмъ всѣ эти 229 страницъ сомнительной точности и слѣд. таковаго же достоинства. Еще менѣе требовалась эта масса снимковъ для цѣлей церковно-литургическихъ, въ пользу которыхъ, по видимому, поусердствовалъ авторъ. Для этихъ цѣлей важенъ самый текстъ священныхъ пѣснопѣній, а не ихъ графическая форма.

Такимъ образомъ, на дѣлѣ оказывается, что задачи палеографіи авторъ понялъ довольно узко и даже въ предѣлахъ своего пониманія разрѣшилъ не всѣ, а только нѣкоторые и притомъ несовсѣмъ удовлетворительно.

Не шире поняты и не лучше разрѣшены и задачи филологіи. Кромѣ транскрипціи большей части греческаго текста и точной копировки славянскаго съ удержаніемъ правописанія того и другаго, авторъ присоединилъ къ тому и другому разночтенія и предполагалъ присоединить сравнительный словарь темныхъ словъ встречающихся въ Кондакаріѣ.

Но, во 1-хъ, и здѣсь авторъ не все выполнилъ, что обѣщалъ, именно вмѣсто полнаго сравнительнаго словаря далъ лишь пробный отрывокъ, состоящій всего изъ 11 словъ [см. стр. VI — VII Предисловія]. Правда, въ замѣнъ того онъ далъ а) довольно длинный списокъ древнихъ словъ, выбранныхъ изъ кондаковъ и иконовъ (славянскихъ), которыхъ нѣтъ въ словарь Востокова (стр. 32 — 44 Исслѣдованія) (если только этотъ списокъ не есть тотъ самый словарь, о которомъ въ Предисловіи сказано, что онъ готовится къ печати, и изъ котораго тамъ приведено 11 словъ для образца, такъ какъ онъ составленъ по тому же плану,¹ по которому приведенный въ Предисловіи отрывокъ) и б) началъ

было составлять «Историко-филологическое изслѣдованіе каждаго кондака и икоса, имѣющаго древній переводъ, хотя-бы и печатный стр. 50—51)», — но а) списокъ словъ, отсутствующихъ въ словарѣ Востокова, какъ-бы длиненъ ни былъ, не можетъ, замѣнить Сравнительнаго Словаря и б) свое «Историко-филологическое изслѣдованіе» авторъ оборвалъ на первомъ же кондактѣ и икосѣ, обѣщая продолжать оное, такъ-же подробно въ «Сравнительномъ словарѣ», который тоже существуетъ пока *in voto*.

Во 2-хъ, и здѣсь не все сдѣлано такъ, какъ желательно было-бы въ интересѣ филологіи, — именно: предположивши «удерживать древнее правописаніе какъ греческое, такъ и славянское», авторъ не всегда строго выдерживаетъ свой планъ по крайней мѣрѣ относительно греческаго текста. Славянскаго текста, по неимѣнію подъ руками рукописей, съ которыхъ онъ скопированъ авторомъ, я не могъ провѣрить. Относительно греческаго текста онъ позволяетъ себѣ нерѣдко отступленія отъ его буквы, ничѣмъ не мотивированныя. Эти отступленія касаются главнымъ образомъ, словъ, написанныхъ по гречески сокращенно. Иногда онъ удерживаетъ эту сокращенную форму, а иногда развертываетъ ее и пишетъ сполна и притомъ не всегда удачно. Такая неудача постигла его на словѣ *προοβμιου* (подобенъ). Въ подлинникѣ оно постоянно пишется сокращенно въ формѣ *Γ*. Эту же форму иногда удерживаетъ и авторъ; но большею частію развертываетъ ее и пишетъ — въ началѣ: *προοβμιου* (предисловіе), а потомъ *προβμιου* (слово, ни въ одномъ словарѣ не встрѣчающееся). Такъ и до конца не удалось ему напасть на правильное чтеніе, хотя онъ могъ найти его въ любой изъ богослужебныхъ греческихъ книгъ, бывшихъ у него подъ руками. Того же приѣма держится онъ и относительно нѣкоторыхъ другихъ словъ. Вообще греческому тексту въ транскрипціи автора еще менѣе посчастливилось, чѣмъ въ снимкахъ. Авторъ дѣлаетъ надъ нимъ по истинѣ безжалостные эксперименты: а) произвольно распоряжается съ его знаками; такъ напр. кромѣ удареній — остраго, тяжелаго и обличеннаго въ подлинникѣ есть еще знакъ сокращенія, — который всегда аккуратно и правильно ставится только надъ словами, написанными сокращенно (и надъ собственными именами, гдѣ онъ имѣетъ другое назначеніе), и во всякомъ случаѣ никогда ни съ какимъ удареніемъ не смѣшивается. Напгъ авторъ почему-то не желаетъ этого знать и большею частію замѣняетъ его (изрѣдка удерживая) обличеннымъ удареніемъ и тѣмъ вноситъ путаницу въ ясную и точную систему знаковъ и со-

вершено напрасно запутываетъ и затрудняетъ чтеніе не только для неопытныхъ, но и для опытныхъ читателей, такъ напр. когда читатель сколько-нибудь знакомый съ системой знаковь, принятыхъ въ рукописяхъ, встрѣчается въ подлинникѣ съ словомъ $\epsilon\nu\acute{\iota}\acute{\epsilon}$, то онъ знаетъ, какъ его прочитать, а когда встрѣтитъ тоже слово въ транскрипціи нашего автора въ формѣ $\epsilon\nu\acute{\iota}\epsilon$, то по-неволѣ задумается, что это такое? Нѣкоторыя изъ такихъ словъ, прикрытыхъ облеченнымъ удареніемъ, просто дѣлаются загадкою, напр. $\pi\rho\acute{\omicron}\nu$. Кто бы подумалъ, что здѣсь скрывается $\kappa\alpha\tau\epsilon\rho\omega\nu$. Между тѣмъ удержи авторъ правописаніе рукописи: $\pi\rho\acute{\omicron}\nu$, даже и малоопытный читатель не затруднился бы ни на минуту. β) Столь же произвольно авторъ распоряжается связью и раздѣленіемъ словъ — сочетаваетъ то, что въ подлинникѣ раздѣлено, и раздѣляетъ то, что тамъ соединено. Особенно часто онъ позволяетъ себѣ послѣднее и притомъ въ мѣстахъ, наиболѣе характеристичныхъ для рукописи въ палеографическомъ отношеніи, напр. буква σ особенно въ предлогахъ повсюду въ рукописи стремится къ сочетанію съ слѣдующимъ словомъ, именно вмѣсто $\pi\rho\acute{\omicron}\varsigma\ \tau\omicron\nu$, или $\epsilon\acute{\iota}\varsigma\ \tau\omicron\nu$ постоянно пишется $\pi\rho\acute{\omicron}\varsigma\omicron\nu$, или $\epsilon\acute{\iota}\varsigma\omicron\nu$, или $\pi\rho\acute{\omicron}\varsigma\ \omicron\nu$ и $\epsilon\acute{\iota}\ \omicron\nu$, а въ транскрипціи нашего автора она всегда пишется въ связи съ тѣмъ словомъ, которому принадлежитъ, т. е. по нынѣшнему. Гдѣ же старое правописаніе, которое обѣщалъ удерживать авторъ? γ) Съ знаками дыханій, удареній и препинаній здѣсь авторъ еще менѣе церемонится, чѣмъ въ Снимкахъ: опущенія ихъ, замѣны однихъ другими, произвольная разстановка встрѣчаются чуть не на каждой строчкѣ. Выше я замѣтилъ, что въ рукописи употребляются всего три знака препинанія: колонъ, запятая и заключительный знакъ: или : ~ и что первые два ставятся большею частію въ срединѣ строки и лишь изрѣдка и какъ бы по ошибкѣ внизу ея на линейкѣ; въ транскрипціи же нашего автора царитъ почти безраздѣльно точка и постоянно ставится внизу строки.

Такимъ образомъ, заявленіе автора объ удержаніи въ транскрипціи правописанія рукописи нельзя понимать — по крайней мѣрѣ относительно греческаго текста — въ буквальномъ смыслѣ.

Въ 3-хъ, система подбора разночтеній, принятая авторомъ, возбуждаетъ не мало недоумѣній и не можетъ быть одобрена съ филологической точки зрѣнія. Вотъ она. «Изъ рукописей славянскихъ (онъ) дѣлалъ разночтенія, не болѣе какъ изъ одной, или *древнѣйшей* близкой къ XI, XII, XIII и XIV вв., или *позднѣйшей* XV в. и старопечатныхъ, чтобы множествомъ разночтеній не

испестрить текста сличаемаго. Если же гдѣ выбиралъ разночтеніе изъ 3-й рукописи, или и 4-й, то его или тутъ же означалъ вѣкомъ и N рукописи, или же относилъ его къ изслѣдованію, или къ сравнительному словарю. Точно также я дѣлалъ и съ греческимъ текстомъ. Если не встрѣчалъ гдѣ другаго списка рукописнаго для разночтенія, тамъ оставлялъ безъ разночтеній; а по старопечатнымъ и новопечатнымъ или въ изслѣдованіи, или въ словарѣ объ этомъ упоминалъ» (Предисловіе, стр. V).

Изъ этихъ словъ видно, что основаніемъ для выбора разночтеній служило для автора *начало эстетическое* — некрасиво было пестрить текстъ множествомъ разночтеній. Но это неудобство можно было устранить, отнеся всѣ варианты подѣ черту, какъ это обыкновенно дѣлается въ ученыхъ изданіяхъ текстовъ, а не помѣщать ихъ въ самомъ текстѣ, ограждая ихъ скобками, какъ это дѣлаетъ авторъ. При его же системѣ размѣщенія вариантовъ, помѣщеніе многихъ было бы не только не эстетично, но и невозможно, такъ какъ текстъ каждаго кондака и икоса растянулся бы на нѣсколько страницъ: и притомъ до того испестрился бы разными скобками въ скобкахъ, что трудно было бы въ нихъ разобраться. Далѣе, — выборъ разночтеній изъ *древтѣйшихъ* рукописей еще можетъ быть понятъ и безъ указанія основаній и мотивовъ, но выборъ разночтеній изъ *позднѣйшихъ* рукописей и старопечатныхъ книгъ, безъ разъясненія этихъ основаній, понятъ быть не можетъ. Ужъ не повліяла ли на этотъ выборъ полемиическая тенденція автора, направленная на обличеніе раскола? Во всякомъ случаѣ, потребности филологіи здѣсь принесены въ жертву другимъ интересамъ. Затѣмъ, при выборѣ разночтеній изъ 3-й рукописи или 4-й мало было обозначить ея вѣкъ и N, а нужно было указать филологическія основанія для предпочтенія одного чтенія другому, или—всего лучше—привести оба. Разбрасываніе же разночтеній то въ Изслѣдованіе, то въ Сравнительный Словарь по произволу безъ нужды—лишь затрудняетъ пользованіе трудомъ автора.

Въ 4-хъ, греческій текстъ въ транскрипціи испещренъ ошибками и притомъ не типографскими только (этими послѣдними можно было бы наполнить не одинъ листъ). Вотъ для примѣра нѣкоторыя изъ нихъ: на стр. 52 въ началѣ 2 го икоса напечатано βίον вм. χάριν, на стр. 53 въ концѣ кондака преподобному Анонму и предѣ 1-мъ икосомъ пропущены слова: ἢ ὁ μετὰ τρίτην, на той же страницѣ въ концѣ 1-го икоса пропущено: Ταῖς σαΐς, тутъ же

въ началѣ 2-го икоса напеч. ποιμένα вм. ποιμῶνας, тутъ же въ кондакѣ св. Василиссѣ напеч. ἕσανον вм. ἕρανισον и на той же строкѣ пропущено слово τὸν, тамъ же въ началѣ 2-го икоса напеч. ἀνρισαμένη вм. ἀνδρισαμένη и черезъ 2 строки на 3-й ὑψίστου вм. ὑψίστου, на стран. 60-й на 2-й строкѣ сверху пропущены слова: τίνες δὲ, на страницѣ 62-й въ началѣ 2-го икоса св. Діонисію Ареопагиту пропущено слово θεορῶς и черезъ 2 строки слова Τῆ ὑπερμάχῳ, на стр. 64 въ началѣ 3-го икоса муч. Евлампію и Евлампіи напечат. κλήματος вм. βήματος, на стр. 67 въ концѣ кондака преп. Аверкію пропущены слова пр. αὐτὸν μόνον, на стр. 73 въ кондакѣ I. Златоусту пропущено ἔλεον, на стр. 74 въ началѣ кондака ап. Филиппу пропущены слова: ἦχ π̄ 3 Γ̄ ὡς ἀπαρχάς, на стр. 77 пропущено начало 5 икоса на Введение во Храмъ Пресв. Богородицы: Ἀρρήτων ὄντως ποιήτης, на стр. 78 въ концѣ 1-го икоса ап. Андрею пропущено слово εὐρήχαμεν, на стр. 81 въ началѣ 1-го икоса на зачатіе св. Анны на 2-й строкѣ послѣ слова τρέμω пропущены слова τρωδῆς ἀμαρτίας βέλη. τρέμω, на той же стр. въ кондакѣ мученикамъ Минѣ, Гермогену и Евграфу слова: Ἐρμούγενῶν τὸν θεῶν напеч. прежде словъ μηνῶν τὸν (а не τῶν, какъ у автора) ἀλλοφόρων тогда какъ въ подлинникѣ на оборотѣ, тутъ же чрезъ 6 строкъ пропущено слово ζητὸν въ ἵκοςѣ тѣмъ же мученикамъ, на стр. 88 въ началѣ кондака на Обрѣзавіе пропущены слова: ἡμῶν ἰὺ χ̄υ, на стр. 93 пропущено начало 2-го и 3-го икоса преп. Антонію.

Списокъ погрѣшностей этого рода можно было бы еще значительно удлиннить, но для характеристики транскрипціи автора и степени пригодности ея для цѣлей филологіи достаточно и этого.

Транскрипціей и подборомъ разночтеній и исчерпываются задачи филологіи въ трудѣ автора.

Главное вниманіе автора было обращено на требованія церковной гимнографіи и полемики съ расколомъ. Мы видѣли, что потребности той и другой были однимъ изъ главныхъ побужденій, заставившихъ его приняться за изданіе Кондакарія. Эти же потребности заставили его расширить первоначальную програму изданія чрезъ присоединеніе къ кондакамъ и икосамъ, находящимся въ Кондакаріѣ, и всѣхъ недостающихъ въ немъ какъ греческихъ, такъ и славянскихъ. Эти же потребности заставили его ввести въ составъ сборника снимковъ текстъ кондаковъ и икосовъ важныхъ въ церковномъ, а не въ палеографическомъ отношеніи. Эти же потребности, по видимому, руководили имъ отчасти

и при выборѣ разночтеній къ славянскому тексту кондаковъ и икосовъ. Наконецъ удовлетворенію этихъ потребностей посвящена и большая часть «Изслѣдованія».

Здѣсь онъ 1) даетъ понятіе о кондакаріѣ, кондакѣ и икосѣ, 2) дѣлаетъ критическія замѣчанія на краткое изслѣдованіе кондакарія греческаго XII—XIII в. архіепископомъ Черниговскимъ Филаретомъ, помѣщенное въ его сочиненіяхъ: въ «Историческомъ обзорѣ пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣній греческой церкви» и въ «Ученіи объ отцахъ церкви»; 3) распространяется «о творцахъ кондаковъ съ икосами и напечатаніи ихъ и ненапечатаніи», 4) о «важности греческаго Кондакарія и древняго его перевода славянскаго», 5) объ «образцахъ, по которымъ составлялись кондаки и икосы», 6) о томъ, «гдѣ помѣщались и помѣщаются кондаки и икосы въ богослужебныхъ книгахъ», и наконецъ 7) даетъ «опытъ перевода нѣкоторыхъ икосовъ св. Романа Сладкопѣвца».

Опредѣленіе Кондакарія взято изъ славянскаго Кондакарія XI в. N 1 Синод. типографской библіотеки; опредѣленіе кондака есть обычное—ходячее; опредѣленіе икоса взято изъ греко-англійскаго церковнаго словаря Софокла. Остальные, затронутые авторомъ вопросы рѣшаются имъ болѣе или менѣе самостоятельно.

Погрѣшности преосвящ. Филарета Черниговскаго относительно греческаго Кондакарія, изданнаго авторомъ, сводятся—

1) къ неправильному названію пѣснопѣній Кондакарія: кондаки у него часто называются икосами, а икосы кондаками;

2) къ неправильному исчисленію тѣхъ и другихъ, напр. вмѣсто того, чтобы сказать — 4 икоса и 1 кондакъ, у него сказано 4 кондака и икосъ, или вмѣсто 24 икосовъ и одного кондака исчислено всего 20 кондаковъ и икосъ;

3) къ излишнему довѣрію къ акростихамъ Кондакарія и вслѣдствіе этого къ неправильному опредѣленію количества пѣснопѣній на основаніи количества буквъ акростиха; такъ напр. на Срѣтеніе Господне въ Кондакаріѣ акростихъ: *той тапелюу Рѣманси*, на основаніи котораго преосвящ. Филаретъ исчислилъ количество пѣснопѣній въ 18 икосовъ и 1 кондакъ, тогда какъ въ дѣйствительности 16 икосовъ и 1 кондакъ;

4) къ недосмотрамъ въ родѣ слѣдующаго: въ подлинникѣ извѣстное число кондаковъ и икосовъ показано въ *Субботу сырную*, а у него въ *Недѣлю сырную*;

5) къ неправильному переводу нѣкоторыхъ словъ, напр. τῆς μεσοσηφίμου у него переведено словомъ *помощница* вмѣсто средней или средикрестной недѣли;

6) къ неправильному чтенію нѣкоторыхъ пѣснопѣній, напр. 1-го кондака и икоса св. Романа Сладкопѣвца на Пасху;

7) къ неправильному принятію заключительнаго слова (πολυέλεε) кондаковъ и икосовъ въ недѣлю всѣхъ святыхъ за оглавление ихъ;

8) къ неправильному показанію числа кондаковъ.

Всѣ эти погрѣшности тщательно исправляются о. Амфилохіемъ и это составляетъ немаловажную заслугу его предъ церковной гимнографіей, такъ какъ освобождаетъ ее отъ значительнаго числа невѣрныхъ данныхъ, которыя, подъ защитою авторитета ученаго архіепископа, могли вести къ неправильнымъ выводамъ.

Подъ рубрикой: «О творцахъ кондаковъ съ икосами и напечатаніи ихъ и ненапечатаніи» дается собственно классификація кондаковъ и икосовъ, заключающихся въ Кондакаріѣ, съ отмѣткой противъ каждаго кондака и икоса — напечатанъ онъ (и гдѣ) или не напечатанъ.

Вся масса кондаковъ и икосовъ (тѣхъ и другихъ вмѣстѣ 1427) разбивается на 13 категорій; въ основу ихъ сортировки полагаются а) ихъ надписи и б) начальныя буквы. Первый признакъ даетъ автору 5 категорій, послѣдній 8.

Здѣсь же авторъ разсматриваетъ и рѣшаетъ вопросъ о составителѣ такъ называемаго Акаѳиста Божіей Матери. Оспоривая гипотезу, принятую большинствомъ ученыхъ, о принадлежности Акаѳиста Георгію Писидійскому, онъ старается поддержать гипотезу о принадлежности его Роману Сладкопѣвцу.

Важность Кондакарія съ церковно-гимнографической точки зрѣнія авторъ видитъ въ томъ, что кондаки и икосы, въ немъ заключающіеся, «объясняютъ исторію праздниковъ и святыхъ, чтимыхъ во времена составленія этихъ священныхъ пѣснопѣній».

По вопросу «объ образцахъ, по которымъ составлялись кондаки и икосы», авторъ приходитъ къ слѣдующему рѣшенію:

1) «Первые образцы, безъ сомнѣнія, образцы кондаковъ и икосовъ св. Романа Сладкопѣвца и образцы стихами».

2) «кромѣ того подражали и образцу кондака св. Козмы на Успеніе Божіей Матери и образцамъ сѣдальновъ»;

3) «авторы кондаковъ и икосовъ Русскимъ святымъ не всегда подражали составу (?) греческихъ кондаковъ и икосовъ».

Отвѣчая на вопросъ о томъ: «гдѣ помѣщались и помѣщаются кондаки и икосы въ богослужебныхъ книгахъ», называетъ эти книги и перечисляетъ, сколько въ какой помѣщено.

Переведено имъ на русскій языкъ въ общей сложности 18 икосовъ на разные праздники.

Всѣми этими вопросами далеко не исчерпывается сфера потребностей церковной гимнографіи и не всѣ они рѣшаются удовлетворительно.

Одну изъ давнишнихъ и настоятельнѣйшихъ потребностей церковной гимнографіи составляетъ разъясненіе ея исторіи вообще и въ частности происхожденія формы пѣснопѣній, извѣстныхъ подъ названіемъ кондаковъ и икосовъ. Этой потребности книга автора совсѣмъ не удовлетворяетъ. Оставлены имъ также въ сторонѣ и всѣ вопросы, связанные съ композиціей этихъ пѣснопѣній и съ способомъ ихъ исполненія при богослуженіи и много другихъ не менѣе важныхъ.

Справедливость, впрочемъ, требуетъ замѣтить, что при современномъ состояніи источниковъ церковной гимнографіи и ученыхъ изслѣдованій въ этой области и невозможно сколько-нибудь удовлетворительное разъясненіе исторіи стихотворной и музыкальной композиціи церковныхъ пѣснопѣній вообще и въ частности кондаковъ и икосовъ безъ предварительныхъ и притомъ широкихъ изысканій въ области Византійскаго театра и музыки, — а изысканія эти лишь начинаются.

Такимъ образомъ, строго говоря, нельзя претендовать на автора за то, что онъ ограничилъ кругъ вопросовъ изъ области церковной гимнографіи сравнительно немногими и притомъ не особенно важными.

Затронутые авторомъ вопросы разсматриваются и рѣшаются имъ въ связи съ ближайшими потребностями изданнаго имъ кондакаря и въ тѣсныхъ предѣлахъ этихъ потребностей, — въ кондакаріѣ же большею частію берутся и данныя для отвѣтовъ. Такъ напр. вопросъ о составителяхъ, или на языкѣ автора, «творцахъ кондаковъ съ икосами» вызванъ тѣмъ обстоятельствомъ, что надъ одними кондаками и икосами прямо надписывается имя ихъ составителей, имя другихъ скрывается въ начальныхъ буквахъ этихъ кондаковъ и икосовъ или въ такъ называемомъ акростихѣ ихъ, имя третьихъ совершенно умалчивается, и все изслѣдованіе автора состоитъ въ разоблаченіи этихъ именъ. Самое же разоблаченіе состоитъ въ констатированіи того, въ какомъ положеніи находится

ния составителя въ кондакаріѣ т. е. прописано ли оно вполне, или сохранилось только отчасти въ акростихѣ и въ какомъ количествѣ буквъ.

Подобнымъ же образомъ рѣшаются вопросы «объ образцахъ, по которымъ составлялись кондаки и икосы» и «о томъ, гдѣ помѣщались и помѣщаются кондаки и икосы въ богослужебныхъ книгахъ?» Въ первомъ случаѣ авторъ перечисляетъ образцы, во второмъ — книги.

Отвѣты на вопросы, требующіе не одного простаго описанія, даются аподиктически. Такъ формулируется отвѣтъ на вопросъ «объ образцахъ, по которымъ составлялись кондаки и икосы», въ первомъ изъ вышеприведенныхъ пунктовъ. Здѣсь авторъ считаетъ достаточнымъ ограничиться заявленіемъ, что «первые образцы *безъ сомнѣнія* образцы кондаковъ и икосовъ св. Романа Сладкопѣвца». Это *безъ сомнѣнія* и рѣшаетъ у него все дѣло. А вытекаетъ оно изъ убѣжденія автора, что Романъ Сладкопѣвецъ былъ *первымъ* составителемъ этого рода пѣснопѣній. Убѣжденіе же это основано на томъ, что въ богослужебныхъ книгахъ онъ называется *творцемъ кондаковъ*. Но дѣло въ томъ, что какъ смыслъ этого названія, такъ и право на него св. Романа служатъ еще предметомъ спора.

Удачнѣе аргументируетъ авторъ въ пользу авторства св. Романа въ спорномъ вопросѣ о составителѣ Акаѳиста.

Аргументы его, направляемые имъ противъ гипотезы о принадлежности Акаѳиста Георгію Писидійскому, могутъ быть сформулированы въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) Противъ гипотезы объ авторствѣ Георгія Писидійскаго говорить молчаніе о имени составителя кондаковъ и икосовъ на Благовѣщеніе послѣ наименованія ихъ Акаѳистомъ у писателей ближайшихъ по времени.

Сила этого аргумента заключается въ томъ, что, по сказанію такъ называемой «Повѣсти о несѣдальномъ», кондаки и икосы, которые пѣли въ Константинополѣ въ 625 г., во время осады города персами и аварами, не были сочинены тогда вновь специально для этого случая, а были выбраны уже готовые, бывшіе до тѣхъ поръ въ церковномъ употребленіи, и именно кондаки и икосы на Благовѣщеніе, по мнѣнію автора, безспорно принадлежащіе св. Роману Сладкопѣвцу, — и все различіе ихъ пѣнія въ знаменательную ночь послѣдняго приступа отъ пѣнія ихъ въ предшествовавшее этому время состояло лишь въ томъ, что прежде ихъ пѣли сидя, а въ эту

ночь стѣя, — отсюда и названіе Акаѣиста (Несѣдаленъ). При предположеніи, что св. Романъ жилъ въ V в. и былъ авторомъ кондаковъ и икосовъ на Благовѣщеніе, молчаніе писателей, ближайшихъ по времени къ факту превращенія этихъ кондаковъ и икосовъ въ Акаѣистъ, объ имени составителя Акаѣиста дѣйствительно можетъ быть понято въ томъ смыслѣ, что было излишне называть это имя, такъ какъ въ сущности самаго факта сочиненія Акаѣиста не было, а было лишь приспособленіе къ потребностямъ положенія пѣснопѣній, давно уже бывшихъ въ употребленіи, имя автора которыхъ, какъ всѣмъ извѣстное, излишне было называть.

2) Трудно предположить, чтобы св. Романъ, почтившій кондаками и икосами всѣ существовавшіе въ его время праздники, сдѣлалъ исключеніе для Благовѣщенія — одного изъ важнѣйшихъ праздниковъ.

3) Первый кондакъ (Взбранной Воеводѣ) и первый икосъ (Ангель предстатель), какъ въ древности, такъ и теперь поются по 6 пѣсни въ канонѣ на Благовѣщеніе.

4) Всѣ кондаки и икосы на Благовѣщеніе помѣщаются — а) въ Синодальной типогр. служебной Мартовской минеѣ XIV в., б) въ разсматриваемомъ Кондакаріѣ и в) въ славянскомъ Кондакарѣ XI в. (№ 1 Синод. типогр. библ.) и нигдѣ не называются Акаѣистомъ. (Значить это названіе не было первоначальнымъ и постояннымъ ихъ названіемъ).

5) Исторически не доказано, чтобы Георгій Писидя сочинялъ кондаки и икосы, не подражая никому. Въ изслѣдуемомъ Кондакаріѣ есть кондакъ и 3 икоса 9 декабря на зачатіе св. Анны съ начальными буквами икосовъ Гѣо. На этотъ же день Георгіемъ сочиненъ и канонъ, но Писидой ли, это — еще вопросъ.

6) Во время осады некогда было составлять такіа превосходныя по глубинѣ мыслей пѣснопѣнія.

7) Сходство нѣкоторыхъ выраженій Акаѣиста съ выраженіями встрѣчающимися въ стихотвореніяхъ Писиды, ничего не доказываетъ. Подобное же сходство можно констатировать между Акаѣистомъ и нѣкоторыми твореніями св. Златоуста; но на этомъ основаніи никто и никогда не приписывалъ акаѣиста этому отцу церкви.

8) Первый икосъ: *Ангель предстатель* говоритъ въ пользу того мнѣнія, что кондаки и икосы на Благовѣщеніе на этотъ именно праздникъ и составлены св. Романомъ. Св. Романъ въ 1 икосѣ всегда продолжаетъ описывать пространно то, что вкратцѣ имъ сказано въ

кондакъ. И припѣвъ икосовъ: *Радуйся*... есть ангельское привѣтствіе при Благовѣщеніи.

9) Варианты въ текстѣ, указывающіе, повидимому, на связь Акакиста съ событіемъ освобожденія Константинополя отъ осады *персозъ*, не выяснены со стороны происхожденія и значенія.

Не всё эти аргументы одинаково серьезны и въ общемъ не даютъ рѣшительнаго результата ни противъ оспариваемой, ни въ пользу защищаемой авторомъ гипотезы, такъ какъ остается нерѣшеннымъ главный вопросъ, съ судьбою котораго связана вся аргументація автора, — именно вопросъ о времени жизни св. Романа. Авторъ держится мнѣнія, что онъ жилъ при императорѣ Анастасіѣ I (491—518); но имѣеть за себя извѣстныя основанія и мнѣніе, пріурочивающее появленіе его въ Константинополѣ и его гимнографическую дѣятельность здѣсь ко времени царствованія Анастасія II (713—716), и пока эти основанія не опровергнуты, нельзя успокоиваться на простомъ признаніи перваго мнѣнія болѣе вѣроятнымъ.

Во всякомъ случаѣ если аргументація автора и не можетъ быть признана рѣшительною, тѣмъ не менѣе заслуживаетъ полнаго вниманія по своей серьезности. Авторъ является здѣсь не простымъ описателемъ фактической стороны дѣла и отмѣтчикомъ ея деталей, какъ въ большей части своего труда, но и дѣйствительнымъ изслѣдователемъ.

Къ роли отмѣтчика онъ возвращается и остается ей вѣренъ до конца въ той части своего труда, въ которой ведетъ полемику съ расколомъ. Она, впрочемъ, вполне гармонируетъ съ его взглядомъ на причины происхожденія русскаго раскола и на болѣе дѣлесообразный способъ его обличенія и опроверженія. Объясняя происхожденіе раскола слѣпой привязанностью къ буквѣ испорченныхъ старопечатныхъ книгъ, лучшее средство къ обличенію онъ видитъ въ указаніи погрѣшностей, вкравшихся въ эти книги частію вслѣдствіе неправильныхъ переводовъ съ греческаго, частію вслѣдствіе невѣжества переписчиковъ, и въ силу этого съ скрупулезною тщательностью отмѣчаетъ всё случаи неправильнаго перевода того или другаго слова въ до-никоновскихъ старопечатныхъ книгахъ съ греческаго или неправильной замѣны болѣе точнаго перевода этихъ словъ въ древнихъ рукописныхъ славянскихъ богослужебныхъ книгахъ. Съ этой точки зрѣнія полемическій приемъ автора правиленъ; но въ настоящее время этотъ взглядъ немного уже можетъ насчитать сторонниковъ и еще менѣе охотниковъ раздѣлять надежды автора, что еслибы раскольники провѣрили текстъ своихъ старопечатныхъ книгъ

и исправили ихъ погрѣшности по греческому тексту, то «расколъ палъ бы самъ собою» (Предисловіе, стр. 17).

Такимъ образомъ и церковно-гимнографическія задачи поняты о. Амфилохіемъ не широко и разрѣшены лишь въ предѣлахъ ближайшихъ потребностей Кондакарія.

При всемъ томъ книга его представляетъ большую цѣнность для церковной гимнографіи. Потребность въ возможно-полномъ собраніи и критическомъ изданіи оригинальнаго текста древнѣйшихъ и наиболѣе употребительныхъ церковныхъ пѣснопѣній, какими являются кондаки и икосы, чувствовалась давно въ этой области. Авторъ одинъ изъ первыхъ послѣдшихъ на помощь этой потребности и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ удовлетворилъ ей такъ полно, какъ никому до сихъ поръ это не удавалось. По богатству собраннаго имъ матеріала его книга превосходитъ аналогическіе съ нею труды кардинала Питры, цитованные выше, и Параники: *Anthologia graeca sagminum christianorum. Lipsiae 1871* (куда кондаки и икосы вошли только отчасти), и такъ какъ а) большая часть матеріала извлечена имъ изъ рукописныхъ источниковъ и б) въ составъ книги вошли и недостававшіе въ источникахъ автора кондаки и икосы изъ собранія Питры; то съ этой стороны его книга представляетъ единственное въ своемъ родѣ явленіе. Цѣнность ея, кромѣ варіантовъ, подведенныхъ къ греческому тексту, увеличивается еще массою драгоценныхъ славянскихъ текстовъ, извлеченныхъ изъ первоисточниковъ и обогащенныхъ варіантами. Пользованіе этимъ богатымъ матеріаломъ значительно облегчается тѣмъ, что большая часть черновыхъ и слѣд. самыхъ кропотливыхъ и неблагодарныхъ работъ, неизбѣжно сопряженныхъ съ изданіемъ рукописныхъ текстовъ, выполнена самимъ авторомъ и притомъ, вообще говоря, удовлетворительно. Не мало также разсѣяно въ книгѣ автора вѣрныхъ и мѣткихъ замѣчаній дающихъ полезныя указанія для будущихъ изслѣдователей въ этой сравнительно очень мало изслѣдованной области.

И потому, не смотря на указанные выше недостатки, вредно отражающіеся на палеографической и филологической сторонѣ громаднаго и въ своемъ замыслѣ грандіознаго и въ высшей степени своевременнаго и цѣлесообразнаго труда автора, онъ, по моему мнѣнію, заслуживаетъ награжденія малою Уваровскою преміей.

III.

СЕМЕЙСТВО РАЗУМОВСКИХЪ. А. А. ВАСИЛЬЧИКОВА. ТОМЪ ПЕРВЫЙ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1880.

Рецензія Академика М. И. Сухомлинова.

Въ общественной и государственной жизни Россіи видную роль играли въ прошломъ столѣтіи такъ называемые *временщики*. Авторъ разсматриваемаго труда отиѣчаетъ три эпохи въ исторіи русскихъ временщиковъ. Впервые появились они на Руси при Петрѣ Великомъ, когда для новыхъ порядковъ нужны были и новые дѣятели, и дѣятели въ настоящемъ смыслѣ этого слова — труженики неутомимые и способные. Иными свойствами отличались временщики второй эпохи — эпохи дворцовыхъ переворотовъ, продолжавшейся отъ кончины Петра Великаго до восшествія на престолъ Екатерины II: они выдвигались слѣпою игрою случая, и вся дѣятельность ихъ состояла въ придворныхъ интригахъ и проискахъ. Третья эпоха наступила съ воцареніемъ Екатерины II, при которой достигали государственнаго значенія только люди дѣйствительно талантливые и притомъ природные русскіе, любившіе Россію и дорожившіе ея интересами. При ней возвысились, какъ государственные дѣятели: Орловъ, Потемкинъ, Завадовскій, а другіе, какъ напримѣръ: Зоричъ, Римскій-Корсаковъ, Ланской, получили только богатые подарки да камергерскіе ключи.

По времени и по случайности своего возвышенія, Разумовскіе принадлежатъ ко второй эпохѣ, ко второму типу временщиковъ; но по своему образу дѣйствій они, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, составляютъ блестящее исключеніе. Разумовскіе умѣли заслужить сочувствіе и расположеніе современнаго имъ общества; они оставили по себѣ добрую память и въ народѣ. По свидѣтельствѣ Екатерины II, никто и никогда изъ временщиковъ не пользовался

до такой степени общою любовью, какъ семейство Разумовскихъ. «Причину этой любви — говоритъ авторъ монографіи — угадать не трудно: Разумовскіе, не чуждаясь просвѣщенія, жили жизнью народною, любили все отечественное, и къ нимъ вполне можно было примѣнять стихи Державина:

Я — князь, коль мой сіяетъ духъ,
Владѣлецъ — коль страстьми владѣю,
Боляринъ — коль за всѣхъ богѣю,
Царю, отчизнѣ, церкви другъ.

Приводя стихи эти, припомнимъ, что Державинъ заимствовалъ ихъ изъ *Письма о достоинствѣ* Сумарокова. Сумароковъ долгое время былъ генеральскъ-адъютантомъ при гр. Разумовскомъ. Лучшаго идеала достоинства, какъ въ начальникѣ своемъ, найти онъ не могъ, и нѣтъ сомнѣнія, что письмо свое онъ написалъ съ натуры».

Судьба Разумовскихъ, любопытная и сама по себѣ, представляя скоростижное превращеніе украинскихъ пастуховъ въ русскихъ Моиморанси, заслуживаетъ вниманія и въ томъ отношеніи, что въ ней отражаются болѣе или менѣе ярко тогдашніе нравы и тогдашніе общественные порядки. По этому нельзя не привѣтствовать счастливой мысли г. Васильчикова представить рядъ монографій, относящихся къ семейству Разумовскихъ. Подобныя монографіи необходимы какъ существенныя части того цѣлаго, истолкованіе и оцѣнка котораго составляютъ задачу русской исторической науки. Они даютъ твердую основу и живыя краски для полнаго и всесторонняго изображенія русской жизни въ ту или другую эпоху. Матеріалы для нихъ разсѣяны во многихъ архивахъ, общественныхъ и частныхъ, и для того, чтобы собрать ихъ въ одно цѣлое, требуется много труда, любви къ дѣлу и умѣнья вести его.

Авторъ монографіи: «Семейство Разумовскихъ» пользовался для своего труда какъ печатными, такъ и рукописными матеріалами, собранными имъ въ большомъ количествѣ въ различныхъ архивахъ, общественныхъ и семейныхъ. Многочисленные и въ высшей степени любопытныя данныя извлечены имъ: изъ государственнаго архива; изъ архивовъ: графа Алексѣя Сергѣевича Уварова; князя Н. В. Рѣпина, князя Андрея Кириловича Разумовскаго; изъ рукописнаго дневника Ханенки; изъ бумагъ семейства Тянскихъ; изъ рукописнаго историческаго словаря Казадаева и т. д. Многія интересныя бумаги и преданія сообщены автору Г. П. Галаганомъ и М. А. Крыжановскою, рожденною Перовскою, и т. д.

Отыскивая, собирая и группируя разнообразныя матеріалы, авторъ имѣлъ въ виду «возсоздать возможно вѣрно и полно старинный бытъ русскихъ баръ прошлаго времени». Онъ говоритъ: «Мы старались въ трудѣ нашемъ, по мѣрѣ возможности, возсоздать ежедневную жизнь добраго стараго времени, и какъ можно чаще говорить, если не устами, то по крайней мѣрѣ перомъ нашихъ героевъ. Чтобы еще ближе познакомить читателя съ бытомъ прошлаго времени, мы въ приложеніяхъ помѣстили всѣ грамоты, рядныя записи, хозяйственныя распоряженія, штаты, и проч., относящіяся до семейства Разумовскихъ. Быть можетъ, насъ упрекнутъ въ томъ, что мы не довольно строго разбирали имѣвшіеся у насъ подъ руками документы, и что въ трудъ нашъ вкралось многое, что вовсе не имѣетъ интереса. Если это такъ, то это произошло отъ того, что при непрестанномъ стремленіи нашемъ къ новизнѣ, при общемъ небреженіи, съ которымъ у насъ относятся къ остаткамъ прошедшаго, мы невольно вдалились въ противоположную крайность, и не захотѣли жертвовать ни единымъ лоскутомъ старины».

Изобиліе помѣщенныхъ матеріаловъ едва ли можно поставить автору въ вину. Въ трудахъ, предпринятыхъ съ подобною цѣлю, лучше помѣстить нѣсколько вещей безцвѣтныхъ, нежели пропустить хотя бы одну вещь, дѣйствительно любопытную и важную. Выборъ бываетъ затруднителенъ потому особенно, что иногда то, что само по себѣ не представляетъ интереса, оказывается пригоднымъ для разъясненія той или другой черты въ дѣятельности лицъ и въ ходѣ событій, неимѣющихъ прямого отношенія къ предмету монографіи. Что же касается распредѣленія матеріаловъ, собранныхъ въ такомъ изобиліи, то значительную часть ихъ удобнѣе было бы помѣстить въ приложеніяхъ, а въ текстѣ передать только суть ихъ, вслѣдствіе чего впечатлѣніе, производимое ими, было бы и сильнѣе и опредѣленнѣе. Притомъ это вполне соответствовало бы намѣренію автора — *возсоздать* прежній бытъ, а для возсозданія недостаточно одного только накопленія бытовыхъ чертъ, которыя надо отыскивать въ грудѣ матеріаловъ, расположенныхъ въ чисто-внѣшнемъ хронологическомъ порядкѣ. Но если нѣкоторыя подробности и затрудняютъ чтеніе книги, вообще весьма интересной по своему содержанию, то съ другой стороны многое и весьма многое изъ того, что приведено подлинными словами документовъ, наглядно, живо и ярко рисуетъ нашу недавнюю старину.

Въ первомъ томѣ монографіи всего подробнѣе говорится о двухъ братьяхъ Разумовскихъ, Алексѣѣ Григорьевичѣ и Кириллѣ Григорь-

евичѣ. По чертамъ, разсѣяннѣмъ въ трудѣ г. Васильчикова и сгруппированнымъ имъ въ одно цѣлое, можно составить живое понятіе о главныхъ дѣйствующихъ лицахъ «обыкновенной исторіи», разсказываемой авторомъ. Добродушный, спокойный, оставшійся навсегда такимъ, какимъ создала его украинская природа, Алексѣй Разумовскій не увлекся водоворотомъ столичной и придворной жизни, чуждался интригъ и домогательствъ, и если иногда слѣдовалъ по словицѣ: «моя хата съ краю», то никогда не поддавался чувству мести, не рылъ ямы своимъ соперникамъ, и даже пригрѣвалъ ихъ подъ своимъ гостепріимнымъ кровомъ. Въ складѣ его понятій, въ его неподвижности и наружномъ спокойствіи, въ его покорности судьбѣ, нельзя не узнать свойствъ истаго малороса. Не таковъ былъ братъ его Кириллъ. Слишкомъ рано оторванный отъ роднаго очага, слишкомъ быстро брошенный въ омутъ столичной жизни, онъ скоро разорвалъ живую связь съ родиной. Бальная атмосфера была ему милѣе воздуха родныхъ полей; его постоянно тянуло въ Петербургъ, въ Парижъ и т. п., а отнюдь не въ Малороссію.

Алексѣй Разумовскій возвысился при Елисаветѣ, и былъ не только терпимъ, но и любимъ и при Петрѣ III и при Екатеринѣ II. Чему же всего болѣе обязанъ онъ положеніемъ своимъ втеченіе трехъ царствованій? Отвѣтъ на это находимъ въ тѣхъ данныхъ, которыя извлечены авторомъ изъ первыхъ источниковъ, а также въ тѣхъ соображеніяхъ, которыя высказаны имъ на основаніи этихъ же источниковъ.

Сынъ украинскаго пастуха, Алексѣй Розумъ, случайно замѣченъ былъ полковникомъ Вишневымъ, возвращавшимся изъ Венгріи, куда онъ ѣздилъ покупать вина для императрицы Анны Ивановны, и вывезенъ имъ изъ Малороссіи въ Петербургъ. За свой прекрасный голосъ Розумъ былъ опредѣленъ въ придворный хоръ, но оставался тамъ недолго. Возвышеніе Розума авторъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: «Цесаревна просила уступить ей молодаго пѣвчаго. Красота его поразила великую княжну еще болѣе, чѣмъ голосъ. До 1731 года первымъ лицомъ при дворѣ цесаревны Елисаветы Петровны былъ сержантъ семеновскаго полка Шубинъ. Онъ какъ-то неосторожно выразилъ при свидѣтеляхъ мысль, что напрасно избрали Анну Ивановну и не вспомнили про дочь Петра Великаго. Слова эти были немедленно переданы, куда слѣдуетъ. Шубина схватили, пытали, заключили въ такъ называемый каменный мѣшокъ, и наконецъ, послѣ наказанія кнутомъ и вырѣзанія языка, сослали въ Камчатку. Арестъ Шубина и горестная судьба его сдѣ-

дали сильное впечатлѣніе на великую княжну. Она долгое время была неутѣшна по своему любимцу, и есть преданіе, что Елисавета намѣревалась принять иноческій чинъ въ александровскомъ успенскомъ монастырѣ. Когда первые порывы грусти прошли, цесаревна почувствовала себя совершенно одинокою среди непріязненнаго къ ней петербургскаго двора. Дочь Екатерины, напомнившей родства, возросшая среди птенцовъ великаго Петра, которыхъ грозный царь набиралъ на всѣхъ ступеняхъ общества, Елисавета Петровна была вполне чужда родовымъ предразсудкамъ и аристократическимъ понятіямъ. Постоянно подозрѣваемая, окруженная шпионами, она поневолѣ жила въ сомкнутомъ кружкѣ своего маленькаго двора, избѣгая всякаго новаго знакомства, всякаго сближенія съ лицами, игравшими важную роль въ свѣтѣ. Но если бы Елисавета Петровна и желала окружить себя рюриковичами или потомками Гедимины, едва ли бы удалось ей это. Оставшись на 18-мъ году отъ рожденія, одна, безъ руководителей, во всемъ блескѣ красоты необыкновенной, получивши въ наслѣдіе отъ родителей страстную натуру, отъ природы одаренная добрымъ и нѣжнымъ сердцемъ, кое-какъ или, вѣрнѣе, вовсе невоспитанная, среди грубыхъ нравовъ, испорченныхъ еще лоскомъ обманчиваго полуобразованія, бывши предметомъ постоянныхъ подозрѣній и недовѣрія со стороны двора, цесаревна видѣла ежедневно, какъ ея избѣгали и даже нерѣдко отъ нея отворачивались сильные міра сего, и поневолѣ искала себѣ собесѣдниковъ и утѣшителей между меньшею братією. Послѣ ссылки Шубина, Елисавета обратила свое вниманіе на молодаго Розума, потерявшаго свой голосъ и переименованнаго въ придворные бандуристы. Вскорѣ изъ бандуристовъ уже не *Розумъ*, а *Разумовскій* произведенъ былъ въ управляющіе однимъ изъ цесаревнинныхъ имѣній. Мало-по-малу и другія недвижимыя имущества, а вслѣдъ за этимъ и весь небольшой дворъ Елисаветы Петровны, очутились подъ вѣдѣніемъ Алексѣя Григорьевича. Однимъ словомъ, онъ вполне занялъ мѣсто ссыльнаго Шубина. Сама Елисавета называетъ его въ письмахъ другомъ нелицемернымъ, и. т. д.

Преемникъ Елисаветы постоянно оказывалъ Алексѣю Разумовскому вниманіе и благоволеніе. «Въ день переѣзда императора въ новый зимній дворецъ, Алексѣй Григорьевичъ поднесъ ему богатую трость и просилъ дозволенія присоединить къ этому миліонъ рублей. Петръ III, вѣчно нуждавшійся въ деньгахъ, охотно принялъ оба подарка, и сталъ еще благосклоннѣе къ Разумовскому».

Екатерина II была глубоко тронута поступкомъ Алексѣя Разумовскаго, истребившаго всѣ бумаги, бросавшія тѣнь на отношенія его къ покойной императрицѣ. Екатерина сказала по этому поводу о Разумовскомъ: «почтенный старикъ предупредилъ меня: Я ожидала этого отъ свойственнаго малороссіянину самоотверженія».

Кириллъ Разумовскій въ дѣтствѣ былъ также пастухомъ, а пятнадцати лѣтъ отъ роду отправленъ былъ за границу для довершенія образованія, которое едва только начиналъ въ Петербургѣ. Восемнадцатилѣтнимъ мальчикомъ онъ назначенъ былъ президентомъ академіи наукъ. Въ дипломѣ на графское достоинство сказано: «въ разсужденіи разсмотрѣнной въ немъ особливою способности и приобрѣтеннаго въ наукахъ искусства нашей академіи наукъ въ президенты всемилостивѣйше пожалованъ». Понятно, что въ такіе года и съ такой подготовкой Разумовскій неизбежно подпалъ чужому влиянію. Главнымъ руководителемъ его по управленію академіею былъ Тепловъ. Но какъ ни сильно было влияніе Теплова и его сторонниковъ, Разумовскій становился иногда выше партій, слѣдуя въ подобныхъ случаяхъ своему вѣрному, природному чутью. Особенно ярко обнаруживается это въ означеніяхъ его къ Ломоносову, которыя авторъ монографіи очерчиваетъ такимъ образомъ. «Къ не-счастію, крайне неуживчивый Ломоносовъ съумѣлъ поссориться со всѣми лицами, окружавшими Разумовскихъ. Вражда его съ Сумароковымъ извѣстна. Объ Елагинѣ онъ иначе и не отзывался, какъ о *Перфильевичѣ*, въ самыхъ презрительныхъ выраженіяхъ. Съ Тепловымъ онъ тоже былъ на ножахъ. Понятно, что и Тепловъ, и Елагинъ, и Сумароковъ, съ своей стороны, его не щадили, и что отовсюду доходили до президента самые невыгодные для поэта-академика отзывы. Не смотря на это, Разумовскій безсознательно, самъ собою, понялъ, что Ломоносовъ не походилъ на окружавшихъ его; что въ этой грубой личности было что-то, вселявшее и сочувствіе и удивленіе, и какое-то невольное почтеніе къ заносчивому профессору. Русскому вполне, каковъ былъ Разумовскій, нравилась даже эта размахистая натура, которую не удерживали ни приличія свѣта ни торжественность академическихъ засѣданій, и наперекоръ всѣмъ стоявшимъ близъ президента, какъ въ официальной сферѣ, такъ и въ семейномъ кружкѣ, онъ, гдѣ только могъ, подавалъ Ломоносову руку помощи».

Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій былъ, какъ извѣстно, и гетманомъ Малороссіи. Живя во Глуховѣ, онъ старался сдѣлать изъ него подобіе столицы: при своемъ маленькомъ дворѣ устраивалъ

пиры и банкеты, давалъ торжественныя аудіенціи, и т. п. Обаяніе власти сильно подѣйствовало на гетмана; онъ часто выходилъ за предѣлы своихъ правъ: раздавалъ мѣста и награды единственно по своему усмотрѣнію, мечталъ даже упрочить наследственное гетманство въ своемъ родѣ, и т. п. Эти честолюбивые замыслы и погубили его: черезъ нихъ онъ потерялъ и значеніе свое при Дворѣ, и власть. По замѣчавію г. Лазаревскаго — одного изъ лучшихъ въ наше время знатоковъ исторіи и быта Малороссіи, управление Разумовскаго было тяжелою порою для Малорусскаго народа: «При Разумовскомъ, старшина окончательно взяла верхъ, и пользуясь родственными связями съ гетманомъ, снѣшила забирать оставшіяся еще свободными села *въ вѣчное и потомственное свое и наследниковъ своихъ владѣніе* — формула совершенно новая, впервые явившаяся въ гетманскихъ универсалахъ при Разумовскомъ. Закрѣпощеніе крестьянъ, узаконенное черезъ двадцать лѣтъ послѣ гетманства Разумовскаго, было логическимъ послѣдствіемъ тѣхъ отношеній старшины къ народу, которыя окончательно установились при Разумовскомъ» (стр. 323).

Не одни только главныя дѣйствующія лица, но и многія другія очерчены болѣе или менѣе ярко въ монографіи г. Васильчикова. Двѣ крайности составляютъ: простодупная Разумиха, Наталья Демьяновна, мать временщика, и хитрый, дальновидный и вѣчно интригующій канцлеръ Бестужевъ.

Послѣ коронованія императрицы Елисаветы Петровны отправленъ былъ нарочный за Натальею Демьяновною; изъ малорусскаго хутора ее привезли въ Петербургъ, чтобы предстать ко Двору. Ее напудрили, нарумянили, одѣли въ роскошное платье, и повезли во дворецъ, предупредивши, что она должна пасть на колѣни при появленіи государыни. Во дворцѣ старушка очутилась передъ большимъ зеркаломъ, во всю вышину стѣны; увидавъ себя въ роскошномъ нарядѣ въ зеркалѣ, она приняла себя за государыню, и пала на колѣни.

Личность канцлера Бестужева обрисовывается весьма рельефно въ разсказѣ о бракѣ Разумовскаго, устроенномъ Бестужевымъ, о стараніяхъ канцлера выдвинуть Бекетова, красиваго юношу, игравшаго роли первыхъ любовниковъ, и т. п.

Авторъ говоритъ: «Бестужевъ былъ настолько хитеръ, чтобы сразу понять, сколь необходима была для него при дворѣ сильная подпора: онъ ухватился за Разумовскаго. Бывшій камеръ-юнкеръ короля великобританскаго Георга I, близко знакомый съ англійскою

литературу, живо помнилъ изреченіе Шекспира: frailty—thy name is woman, т. е. слабость, переменчивость—твое имя женщина. Государыня было всего 33 года, красоты она была необыкновенной. Имя Россіи громко звучало по всей Европѣ; въ продолженіе 60 лѣтъ бездомные иностранцы стекались сюда со всего свѣта и находили здѣсь обильную добычу для кармановъ и честолюбія. Того гляди, какой-нибудь принцъ-искатель приключеній, въ родѣ инфанта португальскаго, принцевъ гессенъ-гомбургскихъ, и т. п. приглянется императрицѣ, и, чего добраго, надѣнетъ вѣнецъ и бармы мономаха. Тогда—конецъ всѣмъ честолюбивымъ замысламъ Бестужева; тогда, пожалуй, опять на сцену выйдетъ Остерманъ, и мѣсто великаго канцлера, на которое уже мѣтилъ Алексѣй Петровичъ, придется промѣнять на хижину въ Березовѣ» (стр. 17). Чтобы предупредить грозившую ему или по крайней мѣрѣ возможную для него опасность, Бестужевъ задумалъ устроить бракъ императрицы Елисаветы Петровны съ любимцемъ ея, Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ, и повелъ дѣло такъ искусно, что старанія его увѣнчались блестящимъ успѣхомъ.

Бракъ императрицы Елисаветы Петровны, совершенный въ величайшей тайнѣ, породилъ много толковъ и разсказовъ, которые сливаются въ легендѣ о княжнѣ Таракановой. Легенда эта вызвала цѣлую литературу. Авторъ монографіи сопоставляетъ различныя свидѣтельства, русскія и иностранныя, о загадочной судьбѣ Таракановой и критически разсматриваетъ ихъ. Онъ полагаетъ, что за дѣтей Разумовскаго приняты племянники его *Дараманы*. Фамилію *Дараманъ* придворные служители, какъ видно изъ камеръ-фурьерскихъ журналовъ, передѣляли въ *Дарамановы*, а изъ *Дарамановыхъ* петербургскіе нѣмцы, по свойству своего произношенія, сдѣлали *Таракановыхъ*, и т. д.

Не расиространяясь болѣе о содержаніи почтеннаго труда г. Васильчикова, замѣтимъ, что большую заслугу автора составляетъ и обиліе собранныхъ имъ матеріаловъ, и умѣнье представить ихъ въ надлежащемъ свѣтѣ. Онъ пользовался такого рода источниками, которые по справедливости считаются наиболѣе надежными и существенно необходимыми при разработкѣ внутренней исторіи Россіи восемнадцатаго столѣтія. Если бы авторъ только собралъ, систематически расположилъ и издалъ такое количество матеріаловъ, то и въ такомъ случаѣ книга его была бы цѣннымъ приобретеніемъ для русской литературы. Но г. Васильчиковъ, не ограничиваясь этою скромною задачею, принялъ на себя трудъ критически разсмотрѣть

и обработать собранные имъ матеріалы. Рисуя картину мнувшаго быта, онъ заимствуетъ краски для нея изъ первыхъ источниковъ не отступая отъ нихъ ни ради бѣльшей яркости, ни ради какой либо предвзятой мысли. Онъ не ставитъ героевъ своихъ на пьедесталъ и не скрываетъ темныхъ сторонъ въ тѣхъ событіяхъ и лицахъ, за которыми признаетъ высокое значеніе въ умственной и общественной жизни Россіи. Сочувствія его имѣютъ законную, исторически вѣрную основу, и едва ли можно сомнѣваться, что временщики, въ родѣ Разумовскаго, были для Россіи гораздо болѣе сносными, нежели тѣ большіе и малые Бироны, которые появлялись у насъ въ несчастную пору дворцовыхъ переворотовъ и господства иностранцевъ, нелюбившихъ Россіи и надѣлавшихъ много бѣдъ Русскому народу.

Какъ добросовѣстное и богатое собраніе матеріаловъ и какъ весьма удачный опытъ изобразить по нимъ нашъ старинный бытъ, книга г. Васильчикова заслуживаетъ радушнаго приѣма со стороны Академіи наукъ, которая всегда выражаетъ полную готовность поддержать и поощрить всякій разумный и дѣльный трудъ въ области Русской литературы и науки.

IV.

РАЗБОРЪ СОЧИНЕНІЯ В. УСПЕНСКАГО: „ОБРАЗОВАНИЕ ВТОРАГО БОЛГАРСКАГО ЦАРСТВА“,

составленный профессоромъ М. С. Дриновымъ.

Исторія втораго Болгарскаго царства до недавняго времени оставалась въ той первоначальной разработкѣ, въ какой была передана нынѣшнему столѣтію Райчемъ и Энгелемъ. Только въ послѣднія 10—12 лѣтъ трудами покойнаго Карла Гопфа, профессора Макушева, г. Голубинскаго, д-ра Иречка и другихъ этотъ темный періодъ Болгарской исторіи нѣсколько изслѣдованъ и освѣщенъ. Новые изслѣдователи, однако, обращали преимущественно вниманіе на внутреннія и вѣшнія отношенія уже готоваго, вполне сформированнаго втораго Болгарскаго царства и мало касались самаго рожденія его, его образованія.—Этому любопытному вопросу посвящена главная часть книги, заглавіе которой приведено выше. Разработкѣ главной своей темы авторъ предпослалъ небольшое изслѣдованіе «О состояніи Болгаріи подъ Византійскимъ игомъ». Съ этого изслѣдованія, которое составляетъ первую часть книги и занимаетъ первыя 73 страницы, мы и начнемъ разсмотрѣніе труда г. Успенскаго.

Византійское господство въ Болгаріи, обнимающее болѣе 150 лѣтъ (1018—1185), еще менѣе изслѣдовано, чѣмъ освобожденіе Болгаръ отъ Византійскаго ига, или образованіе втораго Болгарскаго царства. Мы можемъ назвать только одну серьезную попытку къ разработкѣ этого періода болгарской исторіи, именно попытку д-ра Рачкаго¹⁾, оставшуюся, къ сожалѣнію, неизвѣстной г. Успен-

¹⁾ См. въ «Rad jugoslav. akademije» XXV, XXVII, XXXI, статья: «Borba južnih slovena u XI vieku.»

скому. Эту попытку, однако, вопросъ не изслѣдованъ, да и не могъ быть изслѣдованъ всесторонне. Исторія Византійскаго господства въ Болгаріи находится въ тѣснѣйшей связи въ внутреннюю исторію Византіи въ XI и XII в.в., а эта часть Византійской исторіи до сихъ поръ остается мало извѣстною.

При такомъ состояніи вопроса о Византійскомъ господствѣ въ Болгаріи нельзя было и ожидать всесторонняго его изслѣдованія въ книгѣ г. Успенскаго, гдѣ этому вопросу могло быть удѣлено весьма немного мѣста. Первою частью своей книги авторъ лишь желалъ, по видимому, оказать съ своей стороны нѣкоторое содѣйствіе къ выясненію малоизвѣстнаго періода болгарской исторіи, непосредственно примыкающаго ко времени образованія втораго болгарскаго царства. — Между матеріалами для исторіи чужеземнаго господства въ Болгаріи (1018—1185) весьма видное мѣсто занимаютъ извѣстія, находящіяся въ письмахъ Теофилакта, архиепископа болгарскаго, извѣстія, «которымъ не дано еще подобающаго мѣста между источниками Болгарской исторіи». Разработкѣ этихъ извѣстій и посвящена главнымъ образомъ первая часть книги г. Успенскаго. Авторъ задался счастливою мыслью «извлечь изъ писемъ Теофилакта содержаніе, относящееся къ вопросу о состояніи Болгаръ подъ Византійскимъ господствомъ» (стр. 2), «освѣтить факты, почерпнутые изъ писемъ Теофилакта, другими извѣстіями тогоже времени» (стр. 5) и тѣмъ «бросить нѣкоторый свѣтъ на событія конца XII в.» (стр. 2), кончившіяся образованіемъ втораго Болгарскаго царства.

Каждый, кто хоть по наслышкѣ знакомъ съ содержаніемъ писемъ Теофилакта, затрогивающимъ самыя разнообразныя стороны обыденной жизни, легко пойметъ, съ какими трудностями пришлось г. Успенскому бороться при извлеченіи помѣщенныхъ въ его книгѣ многочисленныхъ выписокъ изъ этихъ писемъ, и не будетъ, надѣемся, слишкомъ строго судить автора за то, что онъ не вездѣ одинаково удачно преодолѣлъ такъ часто попадавшіяся ему тутъ препятствія. Не смотря на встрѣчающійся иногда въ разсматриваемыхъ извлеченіяхъ несовсѣмъ удачный переводъ нѣкоторыхъ особенно трудныхъ мѣстъ, на которыя отчасти указалъ профессоръ Васильевскій (см. его замѣчательную рецензію на книгу г. Успенскаго въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв. 1879 г. июль, августъ»), мы не затрудняемся сказать, что этими извлеченіями г. Успенскій оказалъ немаловажную услугу Болгарской исторіи. Общій смыслъ особенно важныхъ для послѣдней извѣстій Теофилакта въ переводѣ

г. Успенскаго переданъ вѣрнѣе, чѣмъ въ существующихъ латинскихъ переводахъ, которыми главнымъ образомъ пользовались изслѣдователи. Немало выиграло историческое значеніе извѣстій Теофилакта и отъ прекрасной группировки ихъ въ разбираемой книгѣ, гдѣ однородныя извѣстія болгарскаго архіепископа, взаимно дополняющія и освѣщающія одно другое, поставлены рядомъ. Вообще нужно сказать, что въ обработкѣ г. Успенскаго многія изъ извѣстій Теофилакта явились въ настоящемъ своемъ свѣтѣ. Укажемъ на одинъ—два примѣра. Уже давно извѣстно, что Теофилактъ, въ своихъ письмахъ, весьма часто жалуется на Византійскихъ сборщиковъ податей, которые причиняли ему большія непріятности, доводившія его до отчаянія. На эти *горькія жалобы* Теофилакта обыкновенно ссылались изслѣдователи, какъ на доказательство того, что *жизненные Византійскіе чиновники* безнаказанно грабили и разоряли Болгаръ. «Если они не щадили архіепископа», замѣчалъ еще не такъ давно професоръ Васильевскій («Византія и Печенѣги», стр. 150), «родомъ грека, человѣка, имѣвшаго важныя связи при дворѣ, то что было и что дѣлалось съ простымъ болгаринномъ?» Но довольно полное изложеніе въ книгѣ г. Успенскаго жалобъ Теофилакта показываетъ, что подобные выводы изъ нихъ дѣлались слишкомъ поспѣшно. Оказывается, что эти жалобы большею частію были вызваны личными столкновениями Теофилакта съ Византійскими чиновниками, столкновениями, въ которыхъ правда находилась не всегда на сторонѣ архіепископа. «Свѣтская власть, весьма основательно замѣчаетъ г. Успенскій, стремилась поставить въ извѣстность число церковныхъ людей и постоянно открывала на церковныхъ земляхъ бѣльшее число крестьянъ, чѣмъ какое установлено дарственными грамотами. Съ своей же стороны, высшее духовенство считаетъ нарушеніемъ исконныхъ правъ притязанія свѣтской власти узнать дѣйствительное число церковныхъ людей и старается всѣми мѣрами не допускать въ свои земли переписчиковъ» (стр. 20). Тутъ можно, однако, упрекнуть г. Успенскаго въ томъ, что онъ этимъ замѣчаніемъ и ограничилъ свою оцѣнку встрѣчающихся въ его извлеченіяхъ жалобъ Теофилакта на сборщиковъ податей, писцовъ дозорщиковъ, и не счелъ нужнымъ остановиться на нихъ подробнѣе и «освѣтить ихъ другими извѣстіями тогоже времени». Да и вообще, какъ увидимъ и на слѣдующемъ примѣрѣ, г. Успенскій мало заботился объ освѣщеніи извлеченнаго имъ изъ писемъ Теофилакта важнаго историческаго матеріала. — Въ разсматриваемыхъ извлеченіяхъ мы находимъ многіе отзывы Теофилакта о Болгарахъ вообще,

и въ частности объ охридянахъ и мокрянахъ (жителей области Мокры, лежавшей на западномъ берегу Охридскаго озера). Мы позволимъ себѣ привести нѣкоторые изъ этихъ отзывовъ. *Изъ письма къ Великому Доместику:* «У Эмпедокла вражда производитъ головы безъ туловищъ, а здѣшнее безначаліе породило безчисленное множество туловищъ безъ головы. Ибо не каждый ли охридянинъ есть безголовое существо, не вѣдающее ни Бога чтить, ни человѣка» (Успенскій 13 стр.). *Изъ письма къ Паниперсевасту Врѣннио:* рассказывая о борьбѣ, которую велъ противъ него какой-то болгаринъ Лазарь (изъ париковъ), Теофилактъ замѣчаетъ: «Болгарская природа—кормилица всякой злобы» (стр. 34) ¹⁾. *Изъ письма къ Видинскому епископу:* «Команы дѣлаютъ набѣги? Но это ничто въ сравненіи съ охридянами, дѣлающими на насъ набѣги изъ столицы ²⁾; ибо кто можетъ противостоять гражданамъ?.. Что твои злодѣи въ сравненіи съ нашими мокрянами?» (стр. 44—45). *Изъ письма къ Перилептику:* «Ты самъ знаешь, каковы дѣла болгарскія: кто держитъ власть, тотъ всегда имѣетъ предъ глазами образы (идолы) войны» (стр. 31). Укажемъ еще и на любопытную и въ другомъ отношеніи жалобу архіепископа на охридянъ за то, что они не позволяютъ ему ловить рыбу въ Охридскомъ озерѣ (39 стр.).

Опредѣляя смыслъ какъ этихъ, такъ и многихъ другихъ подобныхъ же отзывовъ Теофилакта о Болгарахъ, г. Успенскій въ многихъ словахъ повторилъ лишь то, что неоднократно до него высказывали на этотъ счетъ другіе изслѣдователи, не изучавшіе съ такимъ вниманіемъ, какъ онъ, переписки Теофилакта. Въ нѣкоторыхъ отзывахъ Теофилакта, по мнѣнію автора, высказывается «только брезгливость образованнаго грека и пренебреженіе его къ Болгарамъ», въ другихъ же имѣется указаніе «на рѣзкую вражду» между архіепископомъ и его паствою (стр. 11, 15 въ примѣчаніи, 30). Намъ кажется, что такую краткою и слишкомъ уже стереотипною

¹⁾ Слѣдуетъ любопытное для насъ мѣсто, которое невѣрно переведено г. У—мъ. Приводимъ его въ переводѣ г. Васильевскаго: «Какъ будто ему (Лазарю) было мало, что онъ вывелъ на войну противъ насъ въ видѣ своихъ союзниковъ жителей Охриды; онъ обходитъ другія Болгарскія области» и т. д. (Ж. М. Н. Пр. 1879, Апрель, стр. 419).

²⁾ Это упоминаніе о Куманяхъ, по нашему мнѣнію, чрезвычайно любопытно. Оно доказываетъ, что еще около конца XI в. Куманамъ была известна очень удобная переправа черезъ Дунай у Видина, которая еще въ XIV в. называлась «Коумански бродъ» Petriceicu—Hasdeu: «Originile craiovei» Вусевси, 1878 16—19.

оцѣнкою разсматриваемаго историческаго матеріала г. Успенскій только умалилъ значеніе своего труда, потраченнаго на подборъ и переводъ этого матеріала. У нѣкоторыхъ изъ современныхъ Теофилактѣ Византійскихъ писателей находятся извѣстія, которыя сами, такъ сказать, напрашиваются на сопоставленіе съ разсматриваемыми извѣстіями Болгарскаго архіепископа. Укажемъ, напримѣръ, на замѣчаніе Кедрина (Бонское изданіе, 527 стр.) о томъ, что народъ Болгарскій трудно мирился съ Византійскимъ игомъ «и сильно домогался своего освобожденія». Укажемъ также и на извѣстіе Анны Комнины о томъ, что во время первой норманской войны Охридяне сами обратились къ Бѣзмунду съ приглашеніемъ поспѣшить занятіемъ ихъ города, чѣмъ тотъ и не замедлилъ воспользоваться (Бонск. изд. 236). И это происходило въ 1083 г., т. е. въ то время, когда, по мнѣнію г. Успенскаго, Теофилактъ уже занималъ архіепископскій престолъ въ Охридѣ. Только-что приведенныя извѣстія Анны и Кедрина, на которыя авторомъ не обращено вниманія, открываютъ, по нашему мнѣнію, въ отзывахъ Теофилакта о Болгарахъ весьма важное историческое значеніе, особенно цѣнное для историка событій конца XII в., приведшихъ къ образованію втораго Болгарскаго царства.

Въ богатыхъ содержаніемъ извлеченіяхъ г. Успенскаго изъ писемъ Теофилакта мы могли бы указать еще нѣсколько извѣстій, которыя, при освѣщеніи ихъ «другими извѣстіями тогоже времени, могли бы также бросить нѣкоторый свѣтъ на событія конца XII в., которымъ посвящена главная часть разсматриваемой книги. И мы не сомнѣваемся, что если бы авторъ обратилъ больше вниманія на эту сторону дѣла, то разбираемая первая часть его книги составила бы существенную, необходимую часть изслѣдованія объ образованіи втораго Болгарскаго царства, *была бы связана со второй частью книги органически*, а не казалась бы *какъ-бы не совсѣмъ умѣстной*, на что уже указано однимъ рецензентомъ («Критическое Обзорѣніе» 1879 г. № 10 стр. 42). Матеріалъ для такого освѣщенія извѣстій Теофилакта нашелся бы у Византійскихъ писателей XI и XII в.в., которые далеко не такъ бѣдны извѣстіями о Болгарахъ, какъ утверждаетъ г. Успенскій на 1-ой стр. своей книги. Для освѣщенія извѣстій Теофилакта можно найти весьма любопытный матеріалъ и у нѣкоторыхъ изъ западныхъ писателей XI и XII в.в., на которыхъ авторъ совсѣмъ не обратилъ вниманія, какъ увидимъ ниже.

Послѣ извлеченій изъ писемъ Теофилакта въ разсматриваемой части книги г. Успенскаго слѣдуютъ довольно обширныя выписки

изъ сочиненій другаго византійца, писавшаго въ самомъ концѣ XII в., именно Евстафія Солунскаго. Но въ этихъ выпискахъ, взятыхъ преимущественно изъ большаго сочиненія Евстафія «Объ исправленіи монашеской жизни» мы, вопреки утверженію г. Успенскаго, не нашли ни новыхъ фактовъ, ни какого-нибудь освѣщенія извѣстій Теофилакта. Здѣсь мы имѣемъ отзывы Евстафія о монахахъ, отзывы, хотя и весьма изящно выраженные, но слишкомъ стереотипные. Такого рода отзывы о монахахъ имѣются не только у писателей, жившихъ задолго до Евстафія, но и у писателей болѣе позднихъ вѣковъ, даже нашего времени. Чтобъ не заходить слишкомъ далеко, укажемъ на Досифея Обрядовича (+1118), а также и на жившаго около конца X в. обличителя Болгарскаго духовенства, Козьму Пресвитера. Въ выпискахъ г. Успенскаго изъ большаго сочиненія Евстафія заслуживаютъ вниманія только слѣдующія слова: «Прежніе цари придумали хорошее средство, чтобы дать монастырямъ спокойствіе. Они приставляли къ великимъ обителямъ свѣтскихъ чиновниковъ, чтобы монахи занимались божественными дѣлами, а чиновники пеклись объ многомъ... Нѣкоторые же изъ монастырей добровольно закладывались за сильныхъ лицъ, предоставляя имъ внѣшнія дѣла, какъ иски въ судахъ, сами же спокойно занимались душевнымъ строеніемъ» (стр. 62). Тутъ мы имѣемъ любопытное указаніе на обычай, который былъ распространенъ въ Византійской имперіи еще до подчиненія ей Болгаріи и противъ котораго еще въ 1028 г. на мѣстномъ Константинопольскомъ соборѣ были постановлены нѣкоторыя запрещенія и ограченія ¹⁾. Но изъ словъ Евстафія не видно, былъ ли распространенъ этотъ обычай въ Болгаріи въ періодъ Византійскаго господства. — Любопытныя письма Теофилакта къ Софійскому епископу (у г. Успенскаго 47—52) даютъ скорѣе отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ по отношенію къ Софійской епархіи, въ которой было особенно много монастырей (въ настоящее время ихъ тамъ насчитываютъ около двадцати).

Переходимъ къ главнѣйшимъ выводамъ и заключеніямъ, къ которымъ авторъ пришелъ въ первой части своей книги. На стр. 57 онъ заявляетъ, что въ XII в., именно «при императорахъ Іоаннѣ и Мануилѣ Комнинахъ (1118—1180) самое имя Болгаріи и Болгарь какъ-будто изъято было изъ обращенія». Тоже самое почти дословно, только въ болѣе опредѣленномъ видѣ, повторяется и во

¹⁾ См. статью пр. Васильевскаго «Матеріалы для внутренней исторіи Византии въ XVII в.», Ж. М. Н. Пр. 1859 г. Апрель, стр. 401—405.

второй части книги г. Успенскаго, на стр. 104. Тутъ встрѣчаемъ слѣдующія рѣшительныя утверждения: «Имя Болгарь не упоминается больше у писателей XII в., а если и встрѣчается, то не въ политическомъ и не этническомъ смыслѣ», а совершенно въ другомъ, «какъ напр. у западныхъ писателей «haeresis Bulgarorum... haereticos, quos Bulgaros vocant»... «Путешественники XII в. согласно уже называютъ Валахіей страну, входившую прежде въ область державы болгарскаго царя Симеона».—Эти слова не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что, по мнѣнію г. Успенскаго, имя Болгаріи и Болгарь изъято было изъ употребленія не только у византійскихъ, но и у западно-европейскихъ писателей и путешественниковъ XII в. А между тѣмъ именно у путешественниковъ и писателей западно-европейскихъ того времени мы встрѣчаемъ чаще всего упоминаніе о Болгаріи и Болгарахъ. Причина этого будетъ понятна для каждаго, если мы напомнимъ только, что XII в. есть вѣкъ крестовыхъ походовъ, большихъ и малыхъ, и что главный путь крестоносныхъ войскъ пролегалъ чрезъ Балканскій полуостровъ. Чтобъ не входить въ подробное перечисленіе всѣхъ западно-европейскихъ писателей XII в., имѣвшихъ случай говорить о Балканскомъ полуостровѣ, мы назовемъ Альберта Аквенскаго, Реймунда Агильскаго, Роберта монаха, Петра Тудебода, Эккарда Оттона Фризингенскаго, Одо Діогильскаго, Вильгельма Тирскаго, Тагино, Ансберта. Всѣ эти и многіе другіе, современные имъ, западно-европейскіе писатели и путешественники неоднократно упоминаютъ о Болгаріи и Болгарахъ, которыхъ прямо называютъ ихъ именемъ, за исключеніемъ лишь одного, писавшаго въ самомъ концѣ XII в., Ансберта, который *имѣла* смѣшиваетъ Болгарь съ Валахами. Большинству писателей XII в., упоминающихъ о Болгарахъ, даже совсѣмъ неизвѣстно имя Валаховъ. Но что особенно любопытно и особенно невыгодно для разсматриваемаго заключенія г. Успенскаго, это то, что писатели XII в. подъ именемъ Болгаріи разумѣютъ именно «страну, входившую прежде въ область державы болгарскаго царя Симеона». Нѣкоторые изъ нихъ включаютъ въ Болгарію и г. Дурацо (Драчь) на Адриатическомъ морѣ. Такъ поступаетъ, между прочимъ, Норвежская сага, которая, повѣствуя о томъ, что Норвежскіе крестоносцы заѣзжали въ 1154 г. въ Дурацо, поясняетъ, что этотъ городъ находится «en Bolgaraland»¹⁾—Переходя къ ви-

¹⁾ Матковичъ, «Putovanja po Balkanskom poluotoku za srednjega veka». U Zagrebu 1878. 30.

зантійскимъ писателямъ XII в., мы остановимся только на трехъ изъ нихъ, ссылкой на которыхъ авторъ подтверждаетъ свое, разбираемое здѣсь, заключеніе, именно на Аннѣ Комниной, Кинамѣ и Никитѣ Акоминатѣ. Анна Комнина довольно часто говоритъ о Болгарахъ, которыхъ всякій разъ и называетъ ихъ же именемъ. Имя Влаховъ у нея попадаетъ только въ двухъ мѣстахъ и, по общепринятому мнѣнію, въ обоихъ этихъ мѣстахъ разумѣются настоящіе Влахи, а не Болгаре. Если г. Успенскій понимаетъ дѣло иначе, то ему слѣдовало выставить свои основанія. Кинамъ только одинъ разъ упоминаетъ о Влахахъ, указывая, однако, при этомъ, что подъ Влахами онъ разумѣетъ людей, «которыхъ считаютъ древними итальянскими колонистами». Последнее объясненіе прямо указываетъ на то, что Кинамъ не смѣшивалъ Влаховъ съ Болгарами. Изъ поименованныхъ г. Успенскимъ византійцевъ только Никита Акоминатъ, писавшій въ самомъ концѣ XII и началѣ XIII в., дѣйствительно смѣшиваетъ Влаховъ съ Болгарами, но при этомъ нельзя сказать, чтобы Никита *старательно обходилъ имя Болгаръ*, такъ какъ онъ многократно называетъ Болгаръ ихъ собственнымъ именемъ.

Мы не совсѣмъ согласны и съ другимъ высказаннымъ здѣсь заключеніемъ г. Успенскаго, именно, что въ періодъ византійскаго господства «славянское населеніе было оттѣснено съ юга на сѣверовостокъ греческими, турецкими и еврейскими колонистами» (стр. 66—7 ср. стр. 71). Ссылки, которыми авторъ оправдываетъ это заключеніе, намъ кажутся несовсѣмъ удачными. Къ турецкимъ колонистамъ, напр., принимавшимъ участіе въ предполагаемомъ вытѣсненіи Болгаръ изъ южныхъ областей въ періодъ византійскаго господства, авторъ относитъ и Вардарскихъ турокъ (стр. 67), о которыхъ положительно извѣстно, что они жили на р. Вардарѣ около 200 лѣтъ почти до подчиненія Болгаръ Византію. Еще древнѣе еврейскія поселенія въ областяхъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь. Но кромѣ того, еврейскіе колонисты, по нашему мнѣнію, совершенно некстати упомянуты въ рассматриваемомъ утвержденіи г. Успенскаго и потому, что они жили только въ городахъ, преимущественно приморскихъ, да къ тому же были сравнительно немногочисленны, какъ показываютъ статистическія свѣдѣнія, сообщаемыя Веніаминомъ Тудельскимъ († 1173). Мы не думаемъ, чтобы и греческій элементъ слишкомъ усилился въ древнихъ болгарскихъ областяхъ въ періодъ византійскаго господства въ Болгаріи. По крайней мѣрѣ г. Успенскій не представилъ относительно этого ника-

кихъ, сколько-нибудь убѣдительныхъ, данныхъ. — На стр. 58, въ доказательство нѣкоторой эллинизации Болгаріи въ XI и XII вв., авторъ говоритъ: «Обращая вниманіе на строй, который вводятъ въ Болгаріи цари XIII и XIV вв., и встрѣчая слѣды византійскаго вліянія въ мѣропріятіяхъ правительства, въ литературныхъ памятникахъ, въ особенности же въ разнообразныхъ проявленіяхъ общественной жизни, историкъ не можетъ не относить значительную долю этого наслѣдія на періодъ подчиненія Болгаріи власти Византіи». Но это доказательство, по нашему мнѣнію, не можетъ имѣть убѣдительной силы въ виду того, что слѣды такого же византійскаго вліянія мы находимъ въ государственномъ устройствѣ, въ литературныхъ памятникахъ, а также въ разныхъ проявленіяхъ общественной жизни и перваго Болгарскаго царства.

Находя заключеніе автора объ отгѣсненіи славянскаго элемента съ юга на сѣверовостокъ «турецкими, еврейскими и греческими колонистами» въ XI и XII вв., не совсѣмъ вѣрнымъ, мы, однако въполнѣ соглашаемся съ нимъ въ томъ, что «составъ населенія Болгаріи значительно измѣнился подъ византійскимъ господствомъ» (66 стр.) и что въ этомъ дѣлѣ игралъ важную роль «переходъ за Дунай Половецкихъ и печенѣжскихъ кочевниковъ» (тамъ же). Но, къ сожалѣнію, авторъ обратилъ слишкомъ мало вниманія на печенѣжскихъ и Половецкихъ колонистовъ, поселившихся въ это время въ разныхъ частяхъ Болгаріи. Мы не сомнѣваемся, что болѣе подробное разсмотрѣніе вопроса о печенѣжскихъ и Половецкихъ поселеніяхъ въ Болгаріи не только выяснило бы нѣкоторыя стороны вопроса о положеніи Болгаръ подъ византійскимъ господствомъ, но и пролило бы нѣкоторый свѣтъ на событія, разсматриваемыя во второй части изслѣдованія г. Успенскаго, къ разбору которой мы и переходимъ.

Вторая, главная часть изслѣдованія г. Успенскаго раздѣлена на 10 главъ. Въ вступительныхъ замѣткахъ къ этой части своего труда г. Успенскій весьма основательно говоритъ: «Въ борьбѣ, начавшейся съ 1185 г. и имѣвшей результатомъ восстановление политической свободы Болгаръ, сохранившіяся извѣстія представляютъ важное значеніе не только славянскому элементу, но также турецко-татарскому и романскому. Роль послѣдняго тѣмъ любопытнѣе, что именно въ этой борьбѣ впервые выступаютъ на сцену Румыны, народъ мало замѣтный и ничѣмъ не заявлявшій о себѣ до сихъ поръ. Роль татарско-турецкаго элемента (Половцы=Куманы) также имѣетъ право на вниманіе историка: Куманы оказали весьма

цѣнную услугу Болгарамъ, подкрѣпивъ быстрыми наѣздами, сопровождавшимися грабежемъ и опустошеніями, весьма слабо на первый разъ поставленныя предводителями движенія требованія къ Византіи» (стр. 74—75). Эти слова служатъ достаточнымъ оправданіемъ рѣшенія автора начать изслѣдованіе главнаго своего вопроса съ Половцевъ и Румынъ, которымъ и посвящены начальныя двѣ главы второй части, именно: первая — Половцамъ, вторая — Валахамъ.

Вопроса о родствѣ Половцевъ съ Татарами и Турками касался не такъ давно профес. Васильевскій, въ извѣстной статьѣ «Византія и Печенѣги». Въ этой статьѣ указана и важная роль, которую Половцы въ свое время играли въ исторіи европейскаго востока и Азии. Профес. Васильевскій представилъ тутъ и превосходную характеристику степняковъ, оказавшихъ Болгарамъ важную услугу ¹⁾. Этими общимъ вопросамъ о Половцахъ посвящена и большая часть главы, которую начинается вторая часть изслѣдованія г. Успенскаго. Изъ болѣе специальныхъ и менѣе изслѣдованныхъ вопросовъ о Половцахъ вниманіе автора здѣсь остановилъ на себѣ лишь вопросъ о постепенномъ распространеніи «хищниковъ» къ западу отъ Дона по направленію къ нижнему Дунаю. Относительно этого вопроса авторъ дѣлаетъ слѣдующіе выводы, которые мы передаемъ его же словами: «Послѣ Мономаха... половцы снова усилились, овладѣвъ теченіемъ Днѣпра. Скоро за тѣмъ не только южная Русь, но и вся полоса отъ Дона до Дуная сдѣлалась достояніемъ половцевъ... Загородивъ Русь отъ Дуная и оторвавъ ее отъ Чернаго моря, половцы заняли всѣ пути, которыми сносилась Русь съ Византіей и держали первую въ постоянномъ страхѣ. То было время, когда по землѣ сѣялись и росли усобицы, и въ княжихъ крамолахъ сокращался вѣкъ людской, когда въ русской землѣ рѣдко слышались крики земледѣльцевъ, но часто каркали вороны, дѣля себѣ трупы, часто говорили свою рѣчь галки, собираясь летѣть на добычу» (стр. 79—80). Нѣсколько ниже г. Успенскій точнѣе выражается о времени приближенія Половцевъ къ Дунаю. Упомянувъ о пораженіи Сѣверскихъ князей въ 1185 г. и о плѣнѣ князя Игоря, онъ продолжаетъ: «Еслибы русская лѣтопись и не отмѣтила того факта, что въ ближайшее за тѣмъ время половецкій напоръ, минуя русскіе предѣлы, направился къ югозападу, мы имѣли бы несомнѣнное право

¹⁾ Эту характеристику г. Васильевскій дополнилъ въ другомъ изслѣдованіи «Изъ исторіи Византіи въ XII в.» Славянскій Сборникъ т. II, стр. 219—223.

сдѣлать выводъ объ ослабленіи движенія на Днѣпрѣ и Дону изъ разсмотрѣнія событій, которыя происходили, или собственно подготовлялись на Дунаѣ. Но лѣтопись нѣсколько разъ объясняетъ успѣхъ русскихъ въ степи именно такъ: «Половцы были на Дунаѣ, половецкихъ вежъ не нашли». «Тое же зимы (6695 г.) сдумавъ Святославъ со сватомъ своимъ съ Рюрикомъ, посласта Черны Клобукъ на вѣжа за Днѣпръ, и Романа Нѣздиловича воеводою, и взяша вѣжа за Днѣпромъ и возвратишася во свояси, со славою и честию великою: Половци бо бяхуть шли въ Дунай, и не бѣ ихъ дома въ вѣжахъ своихъ» (стр. 80—81).—И такъ, по мнѣнію автора, Половецкая орда придвинулась къ Дунаю около 1185 г., т. е. около самаго начала борьбы Болгарь за независимость.

На болѣе раннихъ появленіяхъ Половцевъ на нижнемъ Дунаѣ и на Балканскомъ полуостровѣ, на ихъ сношеніяхъ съ Болгарами въ XI и XII вв. г. Успенскій почему-то не счелъ нужнымъ остановиться, не смотря на то, что объ этомъ имѣются любопытныя извѣстія у писателей XI и XII вв., какъ византійскихъ, такъ и западныхъ. Между этими извѣстіями есть и такія, которыя указываютъ на весьма раннія дружественныя отношенія между Болгарами и Куманами. Укажемъ, напримѣръ, на извѣстіе Атталоуты о томъ, что въ царствованіе Никифора Вотаниата (1077—1081) болгаринъ Добромиръ изъ Месемвріи вступалъ съ Печенѣгами и Куманами въ сношенія, наущая ихъ противъ Византійцевъ. Въ 1096 г. Куманы, вмѣстѣ съ Печенѣгами и Болгарами, по свидѣтельству Реймонда Агильскаго, безпокоили крестonosное войско Реймунда Тулузскаго по пути между Драчемъ и Родосто. Такого рода извѣстія, встрѣчающіяся и у нѣкоторыхъ другихъ писателей, доказываютъ, что еще за 100 лѣтъ до начала болгарскаго возстанія Куманы уже были хорошо знакомы съ Болгарами и съ того времени постоянно находились съ ними въ сношеніяхъ, если не всегда дружественныхъ, то и не постоянно враждебныхъ. Вотъ, по нашему мнѣнію, на чемъ слѣдовало г. Успенскому сосредоточить главнымъ образомъ свои изслѣдованія въ главѣ о Куманахъ. Въ такомъ случаѣ онъ могъ бы нѣсколько освѣтить ту роль, которую Куманы играли въ основаніи втораго Болгарскаго царства. Не коснувшись этой стороны дѣла, авторъ оставляетъ читателя въ недоумѣніи, какимъ образомъ могло такъ легко состояться *военное братство* между Половцами и Болгарами, — братство, о которомъ говорится на 133 стр. разбираемой книги и которому Половцы оставались вѣрными во все время войны Болгарь за независимость.

Недостатокъ, замѣченный нами въ главѣ, посвященной г. Успенскимъ Половцамъ, повторяется и въ слѣдующей главѣ, въ которой рѣчь идетъ о Валахахъ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь мы встрѣчаемъ слишкомъ подробныя разсужденія о вопросахъ, не столь важныхъ для историка Болгаріи, и не находимъ никакого почти упоминанія о предметахъ, имѣющихъ для такого историка первостепенное значеніе. Въ главѣ о Валахахъ нашъ историкъ главнымъ образомъ обратилъ вниманіе на вопросъ «о происхожденіи Румынъ Трансильваніи, Молдавіи и Валахіи». Тутъ имъ мастерски изложены и подтвергнуты сравнительной оцѣнкѣ существующія по этому вопросу противорѣчивыя мнѣнія Реслера, Юнга, Томашека. При этомъ (на стр. 101) онъ заявляетъ, что не сѣверные Румыны, а южные Валахи (балканскіе) принимали участіе «въ событіяхъ, сопровождавшихся освобожденіемъ Болгаріи отъ власти Византіи». Но объ этихъ Валахахъ въ разсматриваемой главѣ мы не находимъ ни слова. Повидимому г. Успенскій и не совсѣмъ знакомъ со всѣми древнѣйшими извѣстіями, касающимися южныхъ Валаховъ. Тѣмъ не менѣе онъ вступаетъ въ полемику съ «румынскими патриотами», приписывающими валашскому элементу въ борьбѣ Болгаръ за независимость преимущественное значеніе, доказывающими, что и самая династія Асѣней была румынскаго происхожденія. Авторъ опровергаетъ теорію румынскихъ патриотовъ лишь общими соображеніями, изъ коихъ нѣкоторыя весьма основательны. Такими доводами, впрочемъ, врядъ ли можно поколебать румынскую теорію, которая въ послѣднее время приобрѣла себѣ новаго поборника въ лицѣ извѣстнаго нѣмецкаго ученаго Гёфлера¹⁾. Соображенія г. Успенскаго тѣмъ менѣе могутъ имѣть убѣдительную силу для приверженцевъ румынской теоріи, что въ нихъ иногда попадаются такія обмолвки и противорѣчія, которыя прямо обнаруживаютъ недостаточное знакомство автора съ фактической стороною вопроса. Эта слабая сторона доводовъ автора превосходно выяснена въ рецензіи проф. Васильевскаго²⁾. Намъ кажется, однако, что г. Васильевскій не совсѣмъ правъ, считая невѣрною и самую постановку въ книгѣ г. Успен

¹⁾ См. его статью: «Abhandlungen aus dem Gebiete der slavischen Geschichte» *Sitzungsbereichte der Kaiserl. Akad. der Wissenschaften. Philos. - Histor. Cl.* Wien, 1879, Juli.

²⁾ Страницы (173—182), посвященныя въ рецензіи проф. Васильевскаго разсматриваемому вопросу, появились и на нѣмецкомъ языкѣ въ «*Arch. für Slav. Phil.*» IV, 4.

скаго вопроса о происхожденіи династіи Асѣней. Мы не можемъ согласиться съ ученымъ рецензентомъ въ томъ, что «Никита Акоминатъ выразительно и прямо, слѣдов., и вполне сознательно обозначаетъ двойственность элементовъ, участвовавшихъ въ возстаніи, отдаетъ обоимъ должное и могъ бы въ этомъ отношеніи служить, пожалуй, примѣромъ и образцомъ и для новыхъ изслѣдователей» (стр. 176). Примѣры, которые приводитъ г. Васильевскій изъ исторіи Никиты въ подтвержденіе своихъ словъ, опровергають утвержденіе г. Успенскаго, будто Никита «старательно обходитъ имя Болгаръ, замѣняя его выраженіемъ: Мизійцы или Валахи» (стр. 104). Но эти примѣры г. Васильевскаго не даютъ еще права къ такому заключенію, которое такъ рѣшительно высказано имъ въ вышеприведенныхъ его словахъ, такъ какъ въ исторіи Никиты можно найти довольно много другихъ примѣровъ, которые до известной степени говорятъ въ пользу утвержденія г. Успенскаго. Слишкомъ большая увѣренность въ умѣнья Никиты отличать Болгаръ отъ Валаховъ привела ученаго рецензента къ совершенно новой постановкѣ занимающаго насъ здѣсь вопроса. «По нашему мнѣнію, говоритъ г. Васильевскій, нужно признать... и то, что предводители возстанія вели свой родъ отъ прежнихъ (Прѣславскихъ?) царей, и то, что они въ известномъ смыслѣ были Влахами» (стр. 179). Поставивъ такимъ образомъ вопросъ, г. Васильевскій придумалъ для него и рѣшеніе. Оно основано на двухъ, почерпнутыхъ изъ известной книги Раковскаго («Нѣколко рѣчи о Асѣно првому»), известіяхъ, въ которыхъ говорится, что Асѣнь и Петръ «были отъ рода царскаго, внуци Гавріила, сына Самойлова, что «они жили во Влахіи», гдѣ былъ заточенъ Самуиломъ еще отецъ Асѣня, Гавріилъ, и откуда были призваны Болгарами (патріархомъ) для обновленія царства Болгарскаго. На основаніи этихъ известій, содержащихъ будто бы «отголоски національнаго болгарскаго историческаго преданія», г. Васильевскій рѣшаетъ вопросъ слѣдующимъ образомъ: «Петръ и Асѣнь были потомки прежнихъ болгарскихъ царей, выросшіе среди валахискаго населенія, въ такой мѣстности Болгаріи, гдѣ оно преобладало, вслѣдствіе того усвоившіе языкъ этого племени и т. д. Они могли считаться и Валахами, и Болгарами, могли обращаться къ тѣмъ и другимъ, какъ къ своимъ родичамъ и т. п.» (стр. 181). Мы не можемъ согласиться съ такимъ рѣшеніемъ вопроса. Известія, на которыхъ оно основано, не заключаютъ въ себѣ никакихъ отголосковъ народнаго болгарскаго преданія. Они попали въ книгу Раковскаго изъ известной книги

іеромонаха Паисія ¹⁾, и, по нашему мнѣнію, въ нихъ мы имѣемъ не болѣе, какъ домыслы, если не самого Паисія, то непременно какого-нибудь его предшественника, домыслы, построенные не совсѣмъ складно на свѣдѣніяхъ, почерпнутыхъ изъ книгъ, а не изъ народныхъ преданій. По нашему мнѣнію, и самая постановка вопроса у г. Васильевскаго не совсѣмъ правильна. Мы скорѣе готовы согласиться съ г. Успенскимъ, полагающимъ, что невѣрное мнѣніе о румынскомъ происхожденіи династіи Асѣней держится на несправедливомъ отрицаніи приверженцами румынской теоріи смѣшенія какъ у Никиты, такъ и у нѣкоторыхъ его современниковъ, имени Болгарь съ именемъ Влаховъ. И намъ кажется, что окончательнаго рѣшенія спорнаго вопроса можно ожидать лишь послѣ удовлетворительнаго объясненія причинъ этого смѣшенія и поводовъ къ нему.

Указанные нами недостатки первой и второй главы главной части изслѣдованія г. Успенскаго объясняются до извѣстной степени, быть можетъ, тѣмъ, что авторъ слишкомъ торопился приступить къ разсмотрѣнію главнаго вопроса—борьбы за независимость, къ чему манили его выдвинутые имъ новые матеріалы для исторіи этой любопытной борьбы.

Третья глава посвящена подробному анализу одного неизданнаго и двухъ хотя и изданныхъ, но еще не употребленныхъ надлежащимъ образомъ въ дѣло документовъ, относящихся къ началу возстанія Болгарь, извѣстія о которомъ до сихъ поръ черпались исключительно изъ «Исторіи» Никиты Акомината. Документы эти слѣдующіе: 1) *Слово* (неизданное) *Никиты Акомината*, составленное по случаю бракосочетанія Исаака Ангела съ Угорской принцесой, 2) *Панегирикъ*, произнесенный Аѳинскимъ митрополитомъ Михаиломъ Акоминатомъ въ честь тогоже Исаака Ангела, и 3) *Извѣстительное посланіе* къ патріарху и синоду, составленное Никитою Акоминатомъ, сопутствовавшимъ императору Исааку въ походѣ на Болгарь.

На основаніи добытыхъ г. Успенскимъ новыхъ данныхъ, въ четвертой главѣ излагается начало возстанія и первый періодъ борьбы за независимость. Новые матеріалы дали автору возмож-

¹⁾ Вотъ какъ читаются эти «извѣстія» въ одномъ принадлежащемъ мнѣ спискѣ Паисіевой исторіи. На листѣ 42: «Болгары изгнахъ Гаврила сына Самойлова въ Влахію»... На листѣ 47: «Патріархъ по повеленію Божию призвалъ Ясена и Петра брата его отъ Влахію: были отъ рода царска внуцы гаврилови, сими Самойлови, що быхъ изгнать, якоже речесе, въ Влахію»...

ность исправить смутныя сказанія исторіи Никиты Акомината, по которымъ доселѣ излагался ходъ борьбы. Въ особую заслугу тутъ можно поставить автору выясненіе важнаго значенія, которое имѣло для Болгарскихъ дѣлъ возмущеніе Византійскаго полководца Алексѣя Враны, отправленнаго съ военными силами имперіи противъ возставшихъ Болгаръ. Исслѣдованіе г. Успенскаго не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что «заговоръ Враны былъ благопріятнымъ для Асѣней обстоятельствомъ, которое дало имъ возможность лучше организовать возстаніе и подкрѣпить свои силы частію превращенцевъ павшаго генерала». Высказанное тутъ авторомъ предположеніе о существованіи связи между дѣломъ Враны и Болгарскимъ движеніемъ, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ полнаго вниманія.

Г. Успенскій не нашелъ однако въ своихъ новыхъ матеріалахъ какихъ-нибудь новыхъ указаній, которыя бы дали возможность исправить извѣстныя сказанія Никиты о ближайшихъ и непосредственныхъ причинахъ возстанія Болгаръ. По этому вопросу авторъ предлагаетъ кое-какія соображенія, которыя намъ показались неполными и односторонними.

Указывая, напримѣръ, на войну Нормановъ (Вильгельма, короля Сицилійскаго) съ Византіей въ 1185 г., авторъ говоритъ: «Нашествіе Нормановъ не могло не сопровождаться разнообразными потрясеніями установленнаго строя не только въ тѣхъ областяхъ, которыя подвергались временному занятію, но и въ сопредѣльныхъ. Населеніе селъ и деревень разбѣжалось въ горы и гѣса, куда не могли проникнуть непріатели... Бѣжавшіе изъ южной Македоніи Славяне были первыми вѣстниками той молвы, которая облетѣла Болгарію и которую воспользовались предводители Болгарскаго движенія, что великомученикъ Дмитрій покинулъ Солунь и переселился къ Болгарамъ, дабы, по повелѣнію Божію, быть имъ помощникомъ и сотрудиномъ въ борьбѣ съ Ромеями, оставленными божествомъ» (стр. 126—7). Но, признавая за норманскимъ походомъ, задѣвшимъ только самыя югозападныя Болгарскія окраины, такое значеніе для возстанія въ сѣверовосточной Болгаріи, авторъ ни слова не говоритъ тутъ о происходившей въ это время войнѣ между Византіей и Уграми, въ союзѣ съ которыми дѣйствовали Сербы. Захвативъ придунайскіе города — Бѣлградъ, Браничево, Угры во время этой войны черезъ Нишъ заходили далеко вглубь Болгаріи, до самой Софій, откуда мощи св. Іоанна Рыльскаго были увозимы тогда на нѣкоторое время въ Угрію, именно въ Гранъ. Движеніе Угровъ къ

Софіи происходило въ 1183 г., но что враждебныя дѣйствія ихъ противъ Византіи продолжались и послѣ этого года, въ этомъ не оставляетъ никакого сомнѣнія то обстоятельство, что нѣкоторые изъ захваченныхъ ими Византійскихъ городовъ (Бѣлградъ, Браничевъ) оставались въ ихъ рукахъ до заключенія родственнаго и политическаго союза между новымъ императоромъ, Исаакомъ и королемъ Белою, что произошло въ началѣ 1186 г. О походѣ Угровъ мы имѣемъ славянскія сказанія—сербскія и болгарскія; послѣднимъ, находящимся въ житіи Іоанна Рыльскаго, мы придаемъ особое значеніе, не сомнѣваясь, что они попали въ житіе изъ какого-нибудь современнаго походу сказанія или записи. На связь болгарскаго возстанія съ угорско-сербскимъ движеніемъ противъ Византіи, по нашему мнѣнію, прямо указываетъ и то обстоятельство, что еще въ первые годы борьбы Болгаръ за независимость Сербы являются ихъ союзниками. Умолчаніе о враждебныхъ отношеніяхъ Угровъ и Сербовъ къ Византіи и о вторженіи ихъ во внутреннія области Болгаріи тѣмъ менѣе извинительно г. Успенскому, что, по его мнѣнію, болгарское возстаніе предшествовало бракосочетанію Исаака, т. е. началось въ то время, когда непріязненныя отношенія Угровъ и Сербовъ къ Византіи еще продолжались.

Пятая глава безспорно принадлежитъ къ самымъ удачнымъ мѣстамъ изслѣдованія г. Успенскаго. Здѣсь прежде всего хорошо выяснены причины принятаго Уграми враждебнаго отношенія къ южно-славянскому движенію, получившему совершенно неожиданно для нихъ слишкомъ широкіе размѣры. Превосходно обрисованы и отношенія Фридриха Барбаросы, во время перехода его чрезъ Балканскій полуостровъ, къ Византіи и къ вождямъ южно-славянскаго движенія— Стефану Неманю, Асѣнѣ и Петру. Изслѣдованія г. Успенскаго бросили яркій свѣтъ не только на результаты, достигнутые Болгарами къ 1189 г., но и на слишкомъ смѣлую програму болгарскихъ вождей относительно будущихъ ихъ дѣйствій. Впрочемъ—тутъ пропущены авторомъ нѣкоторыя, хотя и незначительныя, но не безъ интереснаго извѣстія. Не упомянуто о сербскомъ посольствѣ, пріѣзжавшемъ въ Германію къ Фридриху Барбаросѣ съ изъясненіемъ радости сербскаго великаго жупана по случаю предпринимаемаго императоромъ крестоваго похода и съ извѣщеніемъ о томъ, что Стефанъ Неманя готовитъ торжественную встрѣчу крестonosному войску въ городѣ Нишѣ. — Говоря о переговорахъ которые Фридрихъ Барбароса велъ изъ Филиппополя съ византійскимъ императоромъ, авторъ, повидимому, совершенно опу-

стиль изъ виду одинъ изъ мотивовъ, которыми Исаакъ Ангель оправдывалъ свое недовѣріе къ крестоносцамъ. Исаакъ между прочимъ заявлялъ, что, по полученнымъ имъ извѣстіямъ отъ королей французскаго и англійскаго, а также отъ византійскаго правителя въ Браничевѣ, Нѣмцы намѣрены подчинить себѣ Грековъ и корону Болгарскую возложить на голову Швабскаго герцога ¹⁾).

На стр. 149, касаясь извѣстія Ансберта о томъ, что отрядъ крестоносцевъ, отправившійся къ югозападу отъ Филиппополя, нечаянно напалъ на какого-то жупана или сатрапа Болгарскаго (*juranium vel satrapum Bulgariae*), г. Успенскій высказываетъ предположеніе, что этотъ жунанъ или сатрапъ есть одно и тоже лицо съ извѣстнымъ Болгарскимъ вождемъ Хризомъ или Стрѣзомъ, который около десяти лѣтъ спустя, по удаленіи крестоносцевъ съ Балканскаго полуострова, фигурировалъ въ качествѣ полунезависимаго князя въ Македоніи, именно въ той области, гдѣ находятся города Струмица и Просѣкъ. Это предположеніе мы считаемъ неосновательнымъ, о чемъ будемъ имѣть случай говорить подробнѣе.

На стр. 144, гдѣ идетъ рѣчь о движеніи крестоносцевъ чрезъ Софію къ Филиппополю, авторъ замѣчаетъ, что крестоносцы двигались къ *Македоніи*. Если слово «Македонія» употреблено тутъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно употребляется въ источникахъ, то оно совершенно умѣстно. Но въ такомъ случаѣ нужно было пояснить дѣло читателю, который безъ такого поясненія весьма легко можетъ подумать, что Фридрихъ Барбароса заходилъ и въ страну, которую въ настоящее время называютъ Македоніей, чего на самомъ дѣлѣ не было.

Въ шестой главѣ излагается исторія движенія на Балканскомъ полуостровѣ отъ 1190 по 1196 г. Мы не можемъ согласиться съ высказаннымъ въ началѣ этой главы предположеніемъ, что въ 1189—90 г.г. Болгаре «едвали стояли въ открытой войнѣ съ Византійцами» (стр. 153). Неоднократныя обращенія Болгаръ къ Фридриху Барбаросѣ въ это время съ предложеніемъ союза противъ Византіи, заявленная ими готовность выставить къ веснѣ 1190 г. 40,000 Болгаръ и Половцевъ въ подкрѣпленіе Германскому императору, отъ котораго, въ замѣнъ этой помощи, просили обезпечить за Петромъ императорскій титулъ, едвали оправдываютъ такое предположеніе. Но кромѣ того, въ исторіи Никиты Акомината прямо говорится о томъ, что Влахи (Болгаре) и Скиевы (Половцы) въ это

¹⁾ Матковичъ. *Putovanja po Balkanskom poluotoku etc.* 65, 75, 76.

время огнемъ и мечемъ опустошали владѣнія имперіи. Такое же указаніе мы находимъ и въ одномъ изъ неизданныхъ словъ Никиты, выдержку изъ котораго г. Успенскій приводитъ на 155 стр. своей книги. Въ виду этихъ указаній мы не сомнѣваемся, что Болгаре воспользовались первымъ удобнымъ случаемъ для нарушенія Ловченскаго мира и для расширенія своихъ владѣній на счетъ Византіи, постановленной въ затруднительное положеніе походомъ Фридриха Барборосы. Это-то обстоятельство и заставило императора Исаака Ангела предпринять походъ противъ Болгаръ сейчасъ же послѣ того, какъ его отношенія къ Фридриху уладились, весною 1190 г. Самый походъ, о ходѣ и гибельномъ для Византіяцевъ исходѣ котораго не упоминають другіе памятники, г. Успенскій подробно описываетъ по исторіи Никиты Акомината, при чемъ останавливается на нѣкоторыхъ топографическихъ опредѣленіяхъ, съ которыми мы не совсѣмъ согласны. Если допустить съ авторомъ, что «Греки прошли въ Болгарію однимъ изъ самыхъ восточныхъ проходовъ, на Анхіалъ къ Варнѣ» (стр. 157), то трудно согласиться, что они во время этого похода, не продолжавшагося и двухъ мѣсяцевъ, могли успѣть подойти къ Тернову, откуда г. Успенскій заставляеть ихъ идти обратно къ Вероѣ (Эски-Загрѣ) ханн-кѣйскимъ проходомъ, получившимъ громкую извѣстность въ послѣднюю русско-турецкую войну. При тѣхъ природныхъ и искусственныхъ укрѣпленіяхъ, на которыя Византіяцы, къ изумленію своему, наткнулись при самомъ вторженіи своемъ въ Болгарію, при тѣхъ отчаянныхъ нападеніяхъ, которыя дѣлали на нихъ на каждомъ шагу Болгаре съ своихъ неприступныхъ горъ, трудно допустить, чтобы императоръ Исаакъ въ столь короткое время могъ совершить такой длинный путь по горнымъ частямъ Болгаріи.

Относительно дальнѣйшихъ событій болгаро-византійскихъ отношеній въ исторіи Никиты сообщаются крайне скудныя и неясныя свѣдѣнія, смыслъ которыхъ таковъ. *Влахи (Болгаре), ободренные одержанною побѣдою, не довольствовались болѣе опустошеніемъ полей и селъ, но начали нападать и на укрѣпленные города, — захватили, на востокъ, крѣпости Анхіалъ и Варну, а на западъ — Сардыку (Софію), Стобъ, доходимы и до Ниша. Императоръ осенью прибылъ въ Филиппополь, куда была переведена и женская половина двора, и отсюда отражалъ набѣги Влаховъ (Болгаръ) и Скивовъ (Половцевъ). Онъ предпринималъ походъ и противъ сербскаго жупана, доходившаго тогда до Скопья, и одержавъ надъ нимъ побѣду на р. Моравъ, имѣлъ на р. Савѣ свиданіе съ своимъ тестемъ, угорскимъ королемъ. Пробивъ*

съ послѣднимъ нѣскольکو времени, императоръ возвратился въ Филиппополь, минуя балканскіе проходы. — Этотъ сухой разсказъ исторіи Никиты, слегка затрогивающій цѣлый рядъ событій, о которыхъ до сихъ поръ не имѣлось другихъ извѣстій, служилъ камнемъ преткновенія для изслѣдователей, которые вообще полагали, что тутъ соединены въ одну кучу событія нѣсколькихъ лѣтъ, по крайней мѣрѣ 4 или 5. Нѣкоторыя изъ встрѣчающихся въ этомъ разсказѣ указаній казались даже невѣроятными и вслѣдствіе того или оставлены были безъ всякаго вниманія, или же служили поводомъ къ разнымъ догадкамъ, болѣе или менѣе остроумнымъ. При такомъ положеніи дѣла каждый легко пойметъ, какую услугу оказалъ г. Успенскій, внесши въ свое изслѣдованіе нѣсколько весьма важныхъ, частію малоизвѣстныхъ, частію совершенно новыхъ документовъ, проливающихъ яркій свѣтъ на занимающія насъ событія. Изъ этихъ документовъ особеннаго вниманія заслуживаютъ слѣдующіе два: 1) неизданное слово Никиты Акомината, произнесенное по случаю военныхъ дѣйствій императора Исаака въ Сербіи, и 2) слово Евстафія Солунскаго, произнесенное въ Филипполѣ въ 1191 г. Въ словѣ Никиты заключаются нѣкоторыя подробности о походѣ Исаака противъ Сербовъ. Мы считаемъ нужнымъ привести, съ нѣкоторыми сокращеніями, сообщаемый г. Успенскимъ отрывокъ изъ этого слова: «Какъ женихъ, говоритъ ораторъ, обращаясь къ императору, исходящій изъ чертога своего, свѣтлыми лучами ты разогналъ алеманскую силу, вытѣснивъ ее изъ ромейскихъ предѣловъ; обратившись затѣмъ къ сѣверу, ты оживилъ наши тамошнія дѣла, какъ бы оцѣпенѣвшія отъ варварскихъ нападений. Бросивъ свой жгучій лучъ на балканскихъ отступниковъ, ты ослѣпилъ ихъ. Племя отступническое, поднявшее на тебя руки, и скиены, полагающіеся на свой лукъ, какъ змѣи или мыши попрыгали въ подземныя пещеры. Затѣмъ ты прошелъ на западъ, нигдѣ не встрѣчая сопротивленія и, какъ огонь всепожирающій, явился передъ несчастнымъ далматинцемъ. Неманя, склонный на всякую злобу, растаялъ какъ воскъ и просилъ на концѣ пальца утолить его жажду. Сложивъ съ-себя символы власти и обнаженный отъ господства надъ далматами, онъ пришелъ коснуться прекрасныхъ ногъ твоихъ и пытался ослабить удары неумолимой сѣкиры твоей, посланной на него съ неба» (166 стр.). Слово Евстафія, въ которомъ также упоминается о сербскомъ походѣ, еще важнѣе для уясненія хода славянскаго движенія на Балканскомъ полуостровѣ въ разсматриваемый періодъ времени. Весною 1191 г., именно во время

Пасхи, Филиппополь подвергался нападеніямъ со стороны Куманъ ¹⁾. Два отряда хищниковъ были прогнаны византійскими войсками, при чемъ въ дѣлѣ принималъ участіе и самъ императоръ Исаакъ, находившійся тогда въ Филиппополѣ. Это-то обстоятельство и вызвало слово Евстафія, который тутъ, обращаясь къ императору, говоритъ: «Я былъ пораженъ ужасомъ въ ту ночь, когда ты, оставъ отъ сна, сражался во спасеніе наше съ непріятелями, которые, пользуясь темнотою ночи, разбойнически опустошали страну по ту сторону рѣки (конечно, Марицы). Я не могъ еще выйдти изъ оцѣпенѣнія, въ которое былъ погруженъ, и не прошло еще полныхъ четырехъ дней, какъ тебя призвалъ новый и тяжкій подвигъ. Ибо скиескій (куманскій) отрядъ, переправившись черезъ рѣку въ другомъ мѣстѣ, замышлялъ сдѣлать нѣчто страшное. Онъ воспользовался такимъ же временемъ, что и прежде, т. е. темною ночью съ проливнымъ дождемъ и ужаснымъ вѣтромъ. . . И на этотъ разъ ты надѣлъ вооруженіе и сталъ во главѣ отряда. И я не могу изъяснить даже теперь, въ какомъ страхѣ всѣ были; и было чего страшиться! Боялись всѣ тѣ, которые размышляли о несчастіяхъ войны; но были и спокойные, это тѣ, которымъ извѣстна была царская распорядительность, сила и мужество». За описаніемъ филиппопольскихъ подвиговъ, ораторъ дѣлаетъ намекъ на сербскія дѣла. «Чего же теперь ждать имъ (врагамъ имперіи), когда они знаютъ, какъ недавно поправа императоромъ сербская сила и надменность? Стоило бы имъ взглянуть на эту землю, за годъ передъ тѣмъ стѣсненную великимъ народомъ, тѣми тяжкими бѣдствіями, причиненными алеманнами, суровымъ народомъ полчищемъ непобѣдимымъ и коварнымъ. . ., нынѣ же освобожденную отъ него царскимъ промышленіемъ и многимъ смысломъ, и мужествомъ» (стр. 162—3). Въ приведенныхъ выпискахъ изъ внесенныхъ г. Успенскимъ въ его изслѣдованіе новыхъ документовъ заключаются драгоцѣнныя данныя для опредѣленія сербскаго похода. На основаніи этихъ данныхъ г. Васильевскій въ своей рецензіи (стр. 199) нашелъ точную дату этого похода, который несомнѣнно происходилъ осенью 1190 г., вскорѣ послѣ неудачнаго похода Исаака противъ Болгаръ.—Набѣги Половцевъ на Филиппополь, вызвавшіе рѣчь Евстафія, и происходившіе во время праздника Пасхи 1191 г., значить почти

¹⁾ Г. Успенскій ошибочно относитъ произнесеніе рѣчи, а равно и вызвавшіе ее куманскіе набѣги на Филиппополь, къ концу 1191 г. (стр. 164—5). Эта ошибка исправлена въ рецензіи профессора Васильевскаго (стр. 201—2).

черезъ полгода послѣ сербскаго похода, г. Васильевскій при этомъ весьма основательно отождествляетъ съ набѣгами Валаховъ и Скавовъ на этотъ же городъ, извѣстіе о которыхъ (набѣгахъ), какъ мы видѣли, помѣщено въ исторіи Никиты передъ краткой замѣткой его о сербскомъ походѣ, т. е. не на своемъ мѣстѣ. Извѣстіе Евстафія о набѣгахъ Половцевъ на Филиппополь въ 1191 г., по нашему мнѣнію, имѣетъ особое значеніе, такъ какъ оно бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на одно, особенно любопытное для болгарской исторіи мѣсто въ вышеприведенномъ сухомъ разсказѣ исторіи Никиты. Для насъ не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что болгарско-куманскіе отряды, явившіеся весною 1191 г. подъ Филиппополемъ и послѣ перваго отраженія ихъ, снова прибывшіе черезъ четыре дня пытать счастье подъ стѣнами временной резиденціи императора, имѣли, такъ сказать, своимъ операціоннымъ базисомъ не Балканскія горы, которыя отдѣлены отъ Филиппополя обширной равниной, а западную часть такъ называемой Средней горы, окружающую Филиппопольскую равнину съ сѣверозапада и отдѣляющую ее отъ Софійской долины. Весьма вѣроятно, что въ названіи «Куманичево», какое носила еще въ XV вѣкѣ одна мѣстность на этой части Средней горы¹⁾, мы имѣемъ слѣдъ отъ куманъ, съ которыми императоръ Исаакъ имѣлъ дѣло подъ Филиппополемъ. Какъ бы то ни было, но появленіе болгарскихъ и куманскихъ отрядовъ подъ Филиппополемъ въ 1191 г., можетъ служить доказательствомъ того, что въ это время и Софійская долина была уже доступна ихъ набѣгамъ. Тутъ мы имѣемъ подтвержденіе извѣстія Никиты (исторіи) о томъ, что вскорѣ послѣ одержанной побѣды надъ императоромъ Исаакомъ въ 1190 г. Болгаре заняли Софію. Занятіе этого города, который лежитъ на дорогѣ, ведущей изъ Филиппополя въ Сербію, повидимому, произошло сейчасть же послѣ возвращенія Исаака изъ сербскаго похода. Любопытное замѣчаніе Никиты (исторіи) о томъ, что Исаакъ на своемъ обратномъ пути изъ Сербіи шелъ необыкновеннымъ путемъ, а миновавъ Балканскіе проходы, указываетъ, быть можетъ, на то, что еще тогда примыкающая къ Софіи часть Балканскихъ горъ была уже объята болгарскимъ движеніемъ. Принявъ въ соображеніе, что городъ Стобъ, который тогда тоже перешелъ въ руки Асѣней, находится къ югу отъ Софіи, по ту сторону горы Витоши, у верховьевъ рѣки

¹⁾ Чолаковъ, «Описаніе на село Панигюрище» Цариградъ 1866, стр. 14.

Струмы ¹⁾, мы легко поймемъ ходъ болгарскаго движенія по р. Струмѣ въ окрестностяхъ Сѣра и даже Амфиополя въ 1193—5 г.г., движенія, о которомъ также находимъ лишь смутныя извѣстія въ исторіи Никиты.

Вотъ какое освѣщеніе даютъ, по нашему мнѣнію, введенныя въ изслѣдованіе г. Успенскаго новыя памятники движеніямъ на Балканскомъ полуостровѣ отъ 1190 по 1196 г. Г. Успенскій, какъ намъ кажется, не совсѣмъ удачно воспользовался своими драгоценными памятниками. За сербскимъ походомъ императора Исаака онъ оставилъ общепринятую почти дату, именно 1193 годъ, не смотря на то, что памятники его такъ явственно изобличаютъ ошибочность этой хронологіи. Имъ не обращено вниманія и на значеніе важнаго извѣстія Евстафія о куманскихъ набѣгахъ на Филиппополь въ 1191 г. Не удивительно послѣ этого, что краткая замѣтка Никиты (исторіи) о томъ, что Болгаре въ 1190 или 1191 г. доходили до Софіи и Стоба, показалась автору странною (стр. 161). Эту мнимую странность онъ старается объяснить предположеніемъ, что движеніе къ Софіи и Стобу предпринято было если не Сербами (которыхъ, значить, Никита здѣсь смѣшалъ съ Болгарами), то Болгарами Хриза (стр. 161), о дѣятельности котораго высказано въ разсматриваемой главѣ, нѣсколько весьма смѣлыхъ предположеній и заключеній. Тутъ Хризь фигурируетъ уже какъ совершенно самостоятельный болгарскій вождь, какъ глава южноболгарскаго движенія, не имѣвшаго будто бы ничего общаго съ движеніемъ, которымъ заправляли Асѣнь и Петръ. На счетъ Хриза г. Успенскій отнесъ и извѣстія, находящіяся въ исторіи Никиты о движеніи Болгаръ въ окрестностяхъ Сѣра, на рѣкѣ Струмѣ, и у Амфиополя, не смотря на то, что Никита прямо указываетъ, что и этимъ движеніемъ заправлялъ непосредственно самъ Асѣнь. Мы ниже увидимъ, насколько эти предположенія и заключенія неосновательны.

Седьмая глава посвящена событіямъ, послѣдовавшимъ за болгарскою смутою, жертвою которой сдѣлались Асѣнь и Петръ въ 1196 г. и которая чуть не погубила болгарское дѣло. Здѣсь говорится о попыткѣ новаго императора Алексѣя Ангела, при помощи перешедшихъ на сторону Византіи двухъ болгарскихъ вождей — Ивана, убійцы Асѣня, и Хриза, или Стрѣза, — положить предѣлъ

¹⁾ Новыя любопытныя свѣдѣнія о положеніи этого города сообщены въ недавно появившейся книгѣ извѣстнаго іеромонаха Неофита «Описаніе болгарскаго монастыря Рылсаго». Софія 1879 г. стр. 8.

распространенію новаго государства на югъ отъ Балканскихъ горъ, а, можетъ быть, и совершенно уничтожить это государство. Попытка эта хорошо рассчитанная Византією, быть можетъ и удалась бы, еслибы болгарское дѣло не попало въ искусныя и сильныя руки знаменитаго Іоанна, или Калояна, третьяго брата Асѣня. Въ изслѣдованіе событій, которымъ посвящена эта глава, г. Успенскій внесъ два недавно открытыхъ произведеній Никиты Акомината, проливающихъ яркій свѣтъ на замыслы, которые Византія имѣла въ виду осуществить при помощи перешедшихъ къ ней болгарскихъ бояръ, Ивана и Хриза, а также на ловкость, съ которою царь Іоаннъ не только отпарировалъ направленный противъ него ударъ, но и сумѣлъ весьма искусно направить его противъ самой Византіи. Царь Іоаннъ, который, по словамъ одного изъ вышепоименованныхъ документовъ, «положивъ въ свое сѣдалище заоблачный Балканъ, пускалъ оттуда искусственные громы» (201 стр.), въ время успѣлъ переманить на свою сторону новыхъ союзниковъ византійскаго императора и направить противъ Византіи собранныя ею для нихъ военныя силы. Мало того, ему удалось приобрести для своего дѣла поборниковъ и между византійцами въ лицѣ вліятельнѣйшаго вельможи, протостратора Мануила Камизи, и правителя Смолянскаго области Спиридоуана. Къ ужасу Византіи и совершенно неожиданно для нея, славянское движеніе, руководимое искусною рукою царя Іоанна, приняло самыя широкіе размѣры, отразившись въ Албаніи, Фессаліи и собственной Греціи. Разработкою ораторскихъ произведеній Никиты Акомината ¹⁾, заключающихъ въ себѣ драгоцѣнныя данныя для вышеизложенныхъ событій, г. Успенскій оказалъ немаловажную услугу болгарской исторіи. Недостатки, замѣчаемые въ этой разработкѣ, касаются преимущественно трудныхъ хронологическихъ вопросовъ, превосходно рѣшенныхъ проф. Васильевскимъ въ его рецензіи (стр. 203—212, 337 и сл.). Любители болгарской исторіи будутъ, конечно, благодарны г. Успенскому и за приведенную имъ, на стр. 205—6, выписку изъ неизданнаго письма Михаила Акомината.

Въ восьмой главѣ идетъ рѣчь о сношеніяхъ царя Іоанна съ папою Иннокентіемъ III по дѣлу объ уніи. Сохранившаяся переписка по этому дѣлу между папою и болгарскимъ царемъ превосходно разработана въ русской исторической наукѣ проф. Маку-

¹⁾ Одно изъ нихъ, изданное Саеой, въ 1872-мъ г., довольно подробно разработано въ магистерской диссертациі г. Успенскаго: «Византійскій писатель Никита Акоминитъ». СПб. 1874 г. 198—205 стр.

шевымъ «Болгарія въ концѣ XII и въ первой половинѣ XIII в.» стр. 17—25)—и въ книгѣ г. Голубинскаго («Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей болгарской, сербской и румынской» 264—280). Г. Успенскій ограничился только краткимъ пересказомъ содержанія упомянутой переписки, при чемъ имъ обращено особенное вниманіе на появленіе и постепенное развитіе въ ней мысли о римскомъ происхожденіи болгарскаго царя. На страницахъ 210—11 авторомъ приведены всѣ относящіяся сюда мѣста изъ переписки въ хронологическомъ порядкѣ писемъ. Сопоставленіе этихъ мѣстъ, сдѣланное г. Успенскимъ, можно бы порекомендовать вниманію Гефлера и другихъ, доказывающихъ, на основаніи переписки Иннокентія III съ Иоанномъ, что послѣдній самъ считалъ себя румыномъ, а не болгаринномъ. Нельзя не пожалѣть однако, что въ сопоставленіе г. Успенскаго не вошло извѣстное мѣсто письма папы Иннокентія къ венгерскому королю, отъ 15 сентября 1204 г., гдѣ папа утверждаетъ, что царь Иоаннъ, какъ и его братъ Петръ, происходили изъ рода прежнихъ болгарскихъ царей. Это мѣсто еще явственнѣе показало бы, какое смутное и неопредѣленное мнѣніе имѣлъ Иннокентій о происхожденіи Асѣней. Извѣстія о сношеніяхъ Иоанна съ Римомъ по дѣлу объ уніи въ настоящее время можно было бы дополнить еще однимъ указаніемъ, встрѣчающимся въ недавно изданной исторіи Клари¹⁾ и, повидимому, извѣстнымъ и г. Успенскому, который однако имъ не воспользовался. — Вторая половина разсматриваемой главы посвящена полемикѣ съ новыми историками Болгаріи, подъ которыми г. Успенскій разумѣетъ г.г. Макушева и Иречка, по вопросу объ участіи богомиловъ въ событіяхъ борьбы болгаръ за независимость. Мы вполне согласны съ г. Успенскимъ, доказывающимъ, вопреки утверженію вышеназванныхъ ученыхъ, — что филиппопольскіе павликіяне, участіе которыхъ въ болгарскомъ движеніи засвидѣтельствовано дошедшими до насъ памятниками, не были богомилами. Что же касается вопроса о религіозномъ и этнографическомъ отношеніи этихъ павликіанъ къ Армянамъ, то намъ кажется, что къ окончательному разрѣшенію этого вопроса можно будетъ приступить лишь послѣ болѣе близкаго ознакомленія съ живущими и до сихъ поръ въ Филиппполѣ и его окрестностяхъ павликіянами, въ которыхъ мы безспорно имѣемъ потомковъ прежнихъ филиппопольскихъ павликіанъ. Въ настоящее время о нихъ извѣстно лишь то, что они считаютъ бол-

1) Норф, «Chroniques Gréco-Romanes» Berlin, 1873. 52, 53.

гарскій языкъ своимъ роднымъ языкомъ, что своимъ говоромъ и, кажется, типомъ нѣсколько отличаются отъ сосѣднихъ православныхъ Болгаръ, которые все еще продолжаютъ называть ихъ павликианами, не смотря на то, что еще въ прошломъ столѣтїи они промѣняли свое павликианство на римскій католицизмъ. По послѣднимъ статистическимъ свѣдѣніямъ, число нынѣшнихъ филиппопольскихъ павликианъ доходитъ до 18,000 ¹⁾).

Девятая глава носитъ заглавіе: «Слѣды антиболгарскаго движенія на Балканскомъ полуостровѣ: Угры, Сербы и князь Просѣкъ Хризь, 1202—1205 гт.» Тутъ мы встрѣчаемся съ нѣкоторыми не совсемъ вѣрными заключеніями г. Успенскаго о второй половинѣ дѣятельности извѣстнаго уже намъ Хриза, или Стрѣза. Прежде чѣмъ указать на нихъ, мы должны нѣсколько остановиться на также невѣрныхъ, по нашему мнѣнію, сужденіяхъ г. Успенскаго о болѣе ранней дѣятельности этого болгарскаго вождя,—сужденіяхъ, которыхъ мы уже касались мимоходомъ. По дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, Хризь, или Стрѣзь, выступаетъ уже по смерти Асѣня и Петра въ качествѣ владѣтеля части македонской Болгарїи съ городами Струмицей и Просѣкомъ. Г. Успенскій, отождествляя, какъ намъ уже извѣстно, Хриза съ жупаномъ, или сатрапомъ Ансберта, заключаетъ, что онъ дѣйствовалъ въ названной области, какъ самостоятельный вождь, и гораздо ранѣе смерти Асѣня и Петра. «Въ то время, говоритъ авторъ, какъ родъ Асѣней утвердился въ сѣверо-восточной Болгарїи, другой родъ или нѣсколько вождей, не желая повиноваться имъ, начали независимо отъ Асѣней вести борьбу съ Византїей. Струмица и Просѣкъ были центромъ этого отдѣльнаго движенія» (стр. 171—172). «Хризь, читаемъ на 180 стр., почти одновременно съ Асѣнями началъ движеніе на югѣ и нѣгдѣ воплѣтъ справедливыя притязанія основать независимое ни отъ Византїи, ни отъ державы Асѣней славянское княженіе въ Македонїи». Въ другомъ мѣстѣ г. Успенскій замѣчаетъ: «Если можно гдѣ искать потомка болгарскихъ царей, то не тамъ, гдѣ дѣйствуютъ Петръ и Асѣнь, а около Струмицы и Просѣка, гдѣ выступаетъ сатрапъ Ансберта» (стр. 142).

Прежде всего мы должны сказать, что отождествленіе Хриза съ сатрапомъ, о которомъ говоритъ Ансбертъ, подъ 1190 г., по нашему мнѣнію, сдѣлано г. Успенскимъ совершенно произвольно. Мѣст-

¹⁾ «Български гласъ» (издающаяся съ Софіи болгарская газета) 1887. № 54 (отъ 29 іюня).

ность, въ которой, по разсказу Ансберта, отрядъ крестоносцевъ въ 1190 г. нечаянно наткнулся на жупана, или сатрана болгарскаго, находилась на Родопскихъ горахъ, можетъ быть, у юго-западной подошвы ихъ, около рѣки Струмы. Мѣстность эта никомъ образомъ не можетъ быть принимаема за область, въ которой впоследствии, около 1197 г., встрѣчаемъ Хриза, владѣтеля Струмицы и Просѣка: княжество Хриза находилось далеко отъ Родопскихъ горъ, на рѣкѣ Вардарѣ, куда отрядъ крестоносцевъ не могъ, да и не имѣлъ надобности заходить. Далѣе, вопреки утверженію г. Успенскаго, что Хризь, или Стрезь, происходилъ изъ другаго совсѣмъ рода, чѣмъ Асѣни, быть можетъ даже изъ рода прежнихъ болгарскихъ царей, мы ни мало не сомнѣваемся, что онъ былъ близкимъ родственникомъ основателей болгарскаго царства и происходилъ изъ одного съ ними рода. Въ этомъ вполне удостовѣряютъ насъ слѣдующія свидѣтельства. Доментіанъ, въ житіи Стефана Немани, называетъ Стрѣзя *ближникомъ Иоанна царя* (Изд. Даничича стр. 209), а въ житіи Саввы—*ужникомъ его* («ужика сы Калояна, царя загорскаго». Изд. Данич. стр. 103—107). Тоже самое утверждаетъ и императоръ Генрихъ, хорошо знавшій Стрѣзя («Stratius, peros Johannitii») ¹⁾. Въ извѣстномъ болгарскомъ Синодикѣ царя Борила Стрѣзь названъ *севастократоромъ*. Это указаніе, невѣрно, какъ увидимъ, понятое г. Успенскимъ, весьма важно. Званіе севастократора въ Болгаріи, какъ и въ Византіи того времени, давалось только ближайшимъ родственникамъ царей. Въ выше-названномъ болгарскомъ Синодикѣ, рядомъ съ севастократоромъ Стрѣземъ, поставленъ севастократоръ Александръ, о которомъ тутъ же замѣчено, что онъ былъ братомъ великаго царя Асѣня («Временникъ моск. общ. истор. и древн. росс.» кн. 21, стр. 11). Въ одной древнеболгарской надписи (отъ 1259 г.), находящейся въ церкви села Бояны, въ 5 верстахъ отъ Софіи ²⁾, упоминается севастократоръ Калоянъ, названный здѣсь племянникомъ («братучада») царя Константина Асѣня (1258 — 1277). Имѣется и третій памятникъ съ весьма любопытнымъ упоминаніемъ о болгарскомъ севастократорѣ. Это договорная грамота (отъ 1253 г.) Дубровничанъ съ болгарскимъ царемъ Михаиломъ Асѣнемъ (1246 — 1257), изъ которой мы узнаемъ, что званіе севастократора тогда носилъ

¹⁾ См. Макушева «Болгарія въ концѣ XI и въ первой половинѣ XII в.» стр. 60.

²⁾ «Гласникъ Држ. Срп. Слов.» кн. VII 1855 г. Ср. Любича: «Ogledalo Kniz. Jugoslav. I, 289.

зять царя Михаила, по имени Петръ (См. новое изданіе Шафариковыхъ «Ramatku» стр. 16—20). Не лишнимъ считаемъ замѣтить, что и въ Сербіи званіе севастократора носилъ ближайшій родственникъ главы государства (Миклошипча «Monumenta serbica» 443).—Въ вышеупомянутой договорной грамотѣ Дубровничанъ съ Михаиломъ Асѣнемъ находится любопытное указаніе, изъ котораго видно, что въ болгарскомъ государствѣ съ званіемъ севастократора соединялись весьма важныя права,—именно мы узнаемъ изъ этого памятника, что севастократоръ Петръ былъ правителемъ почти полунезависимой болгарской области, удѣльнымъ княземъ или васаломъ болгарскаго царя. Въ этой грамотѣ Дубровничане говорятъ болгарскому царю: «... Лудье и купци прѣславнаго града Дюбровника, еже приходеть въ земле светаго ти царства и въ земле зете светого ти царства Петра севастократора, да си купуютъ и продають своботно».—Указаніе это, проливающее свѣтъ и на политическія, такъ сказать, отношенія владѣтеля Просѣка и Струмицы, севастократора Стрѣзя (Хризъ) къ Асѣнямъ, особенно важно для оцѣнки слѣдующихъ предположеній, высказываемыхъ г. Успенскимъ, въ разсматриваемой 9-ой главѣ. «Судьба славянскаго княженія, которое основалъ этотъ бояринъ (Хризъ, или Стрѣзь) болгарскаго происхожденія въ Струмицѣ и Просѣкѣ, остается совсѣмъ неизвѣстною со времени 1201 г. (т. е. со времени окончанія войны Калояни съ Византіяцами, во время которой Стрѣзь былъ союзникомъ болгарскаго царя)...¹⁾ Можно предполагать одно изъ двухъ: или Хризъ, лишенный княженія въ 1201 г., перешелъ на службу къ болгарскому царю, или же, оскорбленный его притязаніями и боясь лишенія всѣхъ выгодъ, тогда же присоединился къ врагамъ его, принявъ участіе въ антиболгарскомъ движеніи, начавшемся изъ Сербіи. Правда, въ извѣстномъ Синодикѣ царя Борила помянутъ севастократоръ Срѣзь²⁾, что могло

¹⁾ Война эта кончилась не въ 1201 г., а въ 1202; какъ доказать проф. Васильевскій въ своей рецензій (стр. 211—212).

²⁾ Тутъ, какъ и на слѣдующей страницѣ въ примѣчаніи, г. Успенскій пишетъ «Срѣзь» вмѣсто Стрѣзь, ссылаясь на Синодикъ, въ которомъ, однако, стоитъ «Стрѣзь» (Временник. М. О. И. и Древ. Р. кн. 21, стр. 11). Въ дополненіе къ указаніямъ г. Иречка объ употребленіи имени Стрѣзя у македонскихъ Болгаръ и далматинскихъ славянъ прибавимъ, что это имя употребляется и въ другихъ частяхъ Болгаріи, какъ свидѣтельствуемъ одинъ памятникъ XV в., изъ котораго узнаемъ, что на средней горѣ, именно въ окрестностяхъ Панигюрища, находился тогда источникъ, носившій имя Стрѣзя: «Стрѣзовъ кладенецъ». См. Чолакова: «Описаніе на село Панагюрище», 14.

бы указывать на санъ, которымъ его почитали при дворѣ болгарскаго царя; но мы не можемъ остановиться на предположеніи, что Хризъ прижирился со скромной долей севастократора на службу у Иоанна, вводившаго у себя и дурные и хорошіе обычаи византійскаго двора. Намъ кажется весьма вѣроятнымъ, что Хризъ послѣ 1201 г. искалъ закрѣпить союзомъ съ великимъ жупаномъ Сербіи то положеніе, котораго хотѣлъ его лишить царь болгарскій» (236—7). Эти предположенія касательно причинъ, заставившихъ Хриза искать союза съ Сербами, предположенія, въ основѣ которыхъ лежитъ невѣрное пониманіе того важнаго положенія, которое въ Болгаріи, при Асѣняхъ, соединялось съ саномъ севастократора мы находимъ неосновательными, и какъ увидимъ ниже, излишними. Далѣе, въ разбираемой главѣ, г. Успенскій останавливается на довольно обстоятельномъ разсмотрѣніи Славянскихъ извѣстій о Хризѣ, въ особенности объ его отношеніяхъ къ Сербамъ. Извѣстія эти приводятъ автора къ слѣдующимъ выводамъ: «Хризъ вслѣдствіе неудовольствій съ болгарскимъ царемъ, искалъ себѣ помощи въ Сербіи, которая также находилась тогда въ враждебныхъ съ Болгаріей отношеніяхъ. Стефанъ Первовѣчанный нашелъ для себя выгоднымъ поднять, при помощи Хриза, славянское населеніе южной Македоніи противъ болгарскаго царя, что ему легко удалось, такъ какъ Хризъ былъ уже прежде владѣтелемъ Струмицы и Просѣка и пользовался извѣстностью въ странѣ... Всѣ извѣстія о дружественныхъ отношеніяхъ Хриза къ сербскому князю должны бы были относиться къ періоду отъ 1202 до 1205 г.» (стр. 240). Для насъ тутъ имѣетъ особенную важность хронологическая часть этихъ выводовъ, на которой мы только и остановимся. Относя дружественныя отношенія Хриза къ Стефану Первовѣчанному и совмѣстную борьбу ихъ съ болгарскимъ царемъ къ періоду отъ 1202—1205 г., авторъ упустилъ изъ виду одно немаловажное обстоятельство, то именно, что въ 1202 г. Стефанъ Первовѣчанный былъ согнанъ съ великокняжескаго сербскаго престола своимъ братомъ Волканомъ и не возвращался на оный до 1206 г. Стефану Первовѣчанному во все это время, конечно, некогда было думать о поднятій славянскаго населенія южной Македоніи противъ болгарскаго царя или о возстановленіи правъ Хриза, такъ такъ онъ самъ оставался лишеннымъ своихъ великожупанскихъ правъ въ Сербіи. Повидимому, г. Успенскій не обратилъ должнаго вниманія на заключающіяся въ славянскихъ извѣстіяхъ о дружественныхъ отношеніяхъ Хриза или Стрѣзья къ сербамъ, хронологическія указанія, которыя не остав-

ляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что эти дружественныя отношенія, какъ и самая война Сербовъ съ Болгарами изъ-за Стрѣзя, происходили по вторичномъ занятіи Стефаномъ Первовѣчаннымъ велико-жупанскаго престола и уже послѣ смерти болгарскаго царя Калояна, при преемникѣ послѣдняго, узурпаторѣ Борилѣ, занявшемъ болгарскій престолъ въ 1207 г. Не трудно въ такомъ случаѣ понять и настоящую причину, заставившую Стрѣзя искать помощи Сербовъ. Едвали нужно прибавлять, что ошибка, которую сдѣлалъ г. Успенскій, заставивъ Хриза принять участіе въ *антиболгарскомъ* движеніи Сербовъ и Угровъ въ 1202—1205 г., помѣшала ему уяснить настоящій характеръ и ходъ этого движенія.

Послѣдняя глава разсматриваемой книги посвящена выясненію роли, которую юному болгарскому царству суждено было играть въ событіяхъ, вызванныхъ завоеваніемъ Латинянами Царяграда въ 1204 г. (12 Апрѣля). Не вдаваясь въ подробное изслѣдованіе предмета, авторъ въ общихъ чертахъ, но съ большимъ знаніемъ дѣла, обрисовалъ дѣятельность Калояна, рѣшившагося «выступить защитникомъ православія и греко-болгарской народности противъ католическо-латинскаго преобладанія и съ тѣмъ вмѣстѣ принять на себя задачу оживленія *оскудѣвшаго въ Византіи императорства*» (стр. 245—6). Особенно рельефно очерчено здѣсь роковое значеніе для судьбы латынской имперіи поднятаго болгарскимъ царемъ противъ латынчанъ движенія. Такъ же наглядно представлено и значеніе борьбы Иоанна съ крестоносцами для упроченія никейской имперіи, не замедлившей выступить противъ стремленія болгарскаго царя «основать греко-болгарское царство на Балканскомъ полуостровѣ съ столицею въ Константинополѣ» (стр. 255).

Къ своему изслѣдованію г. Успенскій присовокупилъ восемь приложений, занимающихъ 76 стр. Они состоятъ главнымъ образомъ изъ разныхъ документовъ, частію малоизвѣстныхъ, частію совершенно новыхъ, впервые обнародованныхъ здѣсь авторомъ. Закрывающійся въ нихъ историческій матеріалъ превосходно оцененъ пр. Васильевскимъ, доказавшимъ какую большую услугу оказалъ наукѣ г. Успенскій своими приложениями. Нѣкоторые изъ заключающихся тутъ документовъ имѣютъ общенсторическое содержаніе; другіе болѣе относятся къ византійской и болгарской исторіи. Между послѣдними есть одно, особенно важное для насъ, извѣстіе (въ приложеніи V), указывающее на то, что въ 1186 г., въ войнѣ Болгаръ съ Византійцами, первымъ помогали Русскіе. При объясненіи этого извѣстія, находящагося въ неизданной рѣчи

Никиты Акомината, произнесенной въ 1190 г., г. Успенскимъ не обращено вниманія на извѣстное свидѣтельство Акрополиты о томъ, что сынъ Асѣня, Іоаннъ Асѣнь, тѣснимый узурпаторомъ Бориломъ, въ 1207 г. убѣжалъ къ Русскимъ. Черезъ нѣсколько времени онъ возвратился оттуда съ русскимъ отрядомъ и началъ войну съ узурпаторомъ за отцовскій престолъ. Это извѣстіе, по нашему мнѣнію, вполне заслуживаетъ сопоставленія съ извѣстіемъ о помощи, которую Русскіе оказали отцу Іоанна Асѣня.

Обобщая изложенныя въ нашемъ разборѣ замѣтки, мы, кажется, въ правѣ сказать слѣдующее: г. Успенскій внесъ въ свое изслѣдованіе много новаго матеріала, частію изданнаго, но не употребленнаго надлежащимъ образомъ въ дѣло, не обслѣдованнаго, частію и не изданнаго. Огромный трудъ, котораго стоили собраніе, переводъ, изученіе и вообще обработка этого матеріала, оставляя мало времени для тщательнаго пересмотра общеизвѣстныхъ источниковъ. Отсюда тѣ пробѣлы и, пожалуй, ошибки, на которые было указано. Но за то выдвинутый авторомъ новый матеріалъ, который дѣйствительно долженъ, по своей важности, занимать первое мѣсто между источниками болгарской исторіи, далъ ему возможность пролить много новаго свѣта на изслѣдуемый вопросъ, принадлежащій къ самымъ важнымъ и самымъ темнымъ историческимъ вопросамъ. Если въ иныхъ случаяхъ авторъ и не совсѣмъ удачно воспользовался своимъ матеріаломъ, то это зависѣло отъ самаго свойства послѣдняго: такого рода матеріалы никогда не исчерпываются вполне первымъ обслѣдованіемъ, какъ бы тщательно оно ни было. Будущіе изслѣдователи въ области южнославянской, а также и византійской исторіи XI, XII и начала XIII вв., не могутъ обойтись безъ книги г. Успенскаго. Они не мало будутъ благодарны автору и за помѣщенные имъ, какъ въ «приложеніяхъ», такъ и въ самомъ текстѣ книги, обширныя извлеченія изъ памятниковъ, или совершенно новыхъ, или такихъ, которые сдѣлались библиографическою рѣдкостью. Въ виду всего этого мы считаемъ трудъ г. Успенскаго весьма цѣннымъ вкладомъ въ русскую историческую литературу и вполне заслуживающимъ Уваровской награды.

V.

О СОЧИНЕНІИ Г. ШАФРАНОВА „О СКЛАДѢ НАРОДНО-РУССКОЙ ПѢСЕННОЙ РѢЧИ, РАЗСМАТРИВАЕМОЙ ВЪ СВЯЗИ СЪ НАПѢВАНІИ“.

Рецензія Ал. С. Фаминцына.

Русская народная пѣсня въ прошедшемъ столѣтіи была благо-склонно принята не только въ домахъ многихъ знатныхъ лицъ, но даже и при дворѣ. Императрица Елизавета Петровна во время пребыванія въ своихъ дачныхъ резиденціяхъ нерѣдко увеселялась со своимъ дворомъ крестьянскими хороводами, простонародными пѣснями и играми. Здѣсь ее самое видѣли иногда переряженною въ сарафанъ и кокошникъ и лично принимающею участіе въ деревенскихъ забавахъ, пѣсняхъ и пляскахъ.¹⁾ Въ царствованіе Императрицы Екатерины II, на такъ называемые эрмитажные вечера, по свидѣтельству П. И. Сумарокова, «иногда призывали музыку, танцовали, плясали по русски... пѣли хоромъ подблюдныя пѣсни». Кромѣ того, для забавы придворной публики нерѣдко призывались на этихъ вечерахъ дворцовые пѣвчіе, которые и пѣли, кромѣ любимыхъ хоровъ и арій изъ оперъ,—разнообразныя пѣсни *народныя* и искусственныя. Русскія и цыганскія пѣсни—народныя и подражательныя—вошли въ моду. «Послѣ обѣда»—пишетъ въ своихъ «запискахъ» г-жа Виже-Лебренъ, возвращавшаяся въ кругу высшаго Петербургскаго общества въ послѣдніе годы царствованія императрицы Екатерины II,—«совершали прогулки въ изящныхъ лодкахъ, разукрашенныхъ малиновымъ бархатомъ и золотою бахра-

---

¹⁾ В. Михневичъ, Очеркъ исторіи музыки въ Россіи въ культурно-общественномъ отношеніи. Стр. 162.

мою; въ богиѣ скромной лодкѣ ѣхалъ впереди насъ хоръ пѣсенниковъ и услаждалъ насъ своимъ пѣніемъ.» Въ пѣніи этомъ авторъ «Записокъ» находилъ «какую-то своеобразную дикость и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какую-то унылость и мелодичность.»²⁾ Допущенная ко двору, гдѣ, со времени введенія въ столицу итальянской оперы, въ музыкальномъ отношеніи царствовалъ итальянскій вкусъ, гдѣ блистали своими произведеніями выписываемые изъ за-границы знаменитые иноземные, преимущественно итальянскіе, композиторы (Арайа, Сальери, Йомелли, Галуппи, Сарти, Паэзіелло, Чимароза и др.), изъ коихъ нѣкоторые писали музыку въ итальянскомъ стилѣ и къ русскимъ опернымъ и пѣсеннымъ текстамъ³⁾, русская народная пѣсня стала мало по малу вводиться, сперва, разумѣется, въ иноземномъ гармоническомъ костюмѣ, и въ музыкально-драматическія придворныя увеселенія, а именно въ опереты или «комедіи на музыкѣ съ пѣніемъ и танцами», въ драмы съ музыкою и даже въ оперы. Русскіе композиторы конца прошедшаго и начала нынѣшняго столѣтія, воспитанные по преимуществу въ итальянской школѣ (Волковъ, Поповъ, Матинскій, Фомиинъ, Пашкевичъ и др.) старались иногда придавать музыкѣ, въ которую они облакали драматическіе тексты современныхъ имъ писателей (литераторовъ и дилетантовъ) характеръ народный, вводя въ нее русскіе мотивы, но, съ одной стороны, не постигнувъ дѣйствительнаго духа русскаго народнаго пѣнія, а съ другой—не будучи въ состояніи сбросить съ себя оковы иноземной школы, они навязывали избираемымъ ими народнымъ, или въ подраженіе имъ изобрѣтеннымъ, мотивамъ мало или вовсе несвойственную имъ, западно-европейскую гармонизацію. Они создали, такимъ образомъ, не оригинальный и самообытный, а псевдо-народный русскій музыкальный стиль, достигшій своего апогея въ массѣ слащавыхъ «русскихъ романсовъ», наводившихъ музыкальный рынокъ нашъ въ первыя десятилѣтія нынѣшняго столѣтія и въ которыхъ, по выраженію князя К. В.

²⁾ Тамъ же: стр. 272 и 273.

³⁾ Музыку къ первой оперѣ съ оригинальнымъ русскимъ текстомъ—«Цезаль и Прокрисъ» Сумарокова—написалъ Арайа (въ 1755 г.), послѣ него изъ числа иностранцевъ въ теченіи 18 столѣтія сочиняли музыку къ русскимъ опернымъ текстамъ: Раупахъ, Старцеръ, Мартини, Буланъ, Керцелли Сарти и др.—Послѣдній писалъ также музыку къ русскимъ пѣсеннымъ текстамъ (См. Штаффордъ, Исторія музыки, русскій переводъ съ дополненіемъ Воронова, стр. 380, примѣч).

Одоевскаго, «господствуютъ итальянскія фразы на нижегородск ладь, и наоборотъ». ⁴⁾

Какъ бы ни были несовершенны и «ненародны» эти первыя попытки къ созданію художественно-музыкальнаго народнаго стиля, тѣмъ не менѣ нельзя отрицать важность проявленія въ нихъ твердаго, опредѣленнаго стремленія къ этой цѣли. Русская народная пѣсня обратила на себя вниманіе образованнаго міра, она сдѣлалась предметомъ художественной разработки (первоначально конечно несовершенной), она даже сдѣлалась предметомъ научнаго изслѣдованія. Начали издаваться сборники русскихъ народныхъ пѣсенъ, сперва по большей части безъ напѣвовъ, позже— и съ напѣвами и притомъ снабженными гармонизаціей. Къ этимъ послѣднимъ принадлежатъ сборники Прача (1790 г.), съ «предувѣдомленіемъ» о русскихъ пѣсняхъ, ⁵⁾ затѣмъ изданные уже въ нынѣшнемъ столѣтіи сборники Кашина, Стаховича, Вильбоа, Воротникова, Рожнова, Аванасьева, Бернара и другихъ. Во всѣхъ этихъ сборникахъ русскіе народные напѣвы оказываются по большой части насильственно втиснутыми въ рамки нѣмецко-итальянской гармонизаціи и вслѣдствіе того нерѣдко въ болѣе или менѣе значительной степени искаженными. Подобной же участи подверглось у насъ и древне-русское церковное пѣніе, при гармонизаціи нерѣдко претерпѣвавшая такія же искаженія, какъ въ мелодическомъ, такъ и ритмическомъ отношеніяхъ ⁶⁾.

⁴⁾ Кн. Одоевскій, Русская и такъ называемая общая музыка, въ газетѣ «Русскій» № 11 и 12. 1867 г.

⁵⁾ По свидѣтельству кн. Одоевскаго («Русск. и т. называем. общая музыка») предувѣдомленіе это написано Н. А. Львовымъ.

⁶⁾ Господство у насъ, въ прошедшемъ столѣтіи, итальянскихъ композиторовъ распространилось и на церковное наше пѣніе, итальянское концертное пѣніе вторглось и въ область русской церкви. Итальянскіе мастера, писавшіе музыку въ своемъ національномъ стилѣ къ русскимъ опернымъ и пѣсеннымъ текстамъ, стали сочинять и духовные концерты для русской церкви. «Въ царствованіи достохвальныя Елизаветы — пишетъ митрополитъ Евгеній—*) въ Россійское пѣніе начала вводиться совершеннѣйшая итальянская музыкальная гармонія и показались уже знаменитые въ Россіи пѣнія реенты: каковыя суть наипаче Рачинскій и Березовскій. . . еще новѣйшая эпоха въ употребленіи церковнаго нашего пѣнія послѣдовала въ царствованіи блаженныя памяти императрицы Екатерины II. Сія мудрая Государыня, пекшаяся о распространеніи искусства въ Россіи, посылала нѣсколькихъ своихъ подданныхъ въ Италію для заимствованія вкуса итальянской музыки. . . Отъ сего то Россія полу-

*) Историческое разсужденіе о богослужебномъ пѣніи (1804 г.) стр. 14.

Насилованіе и переименованіе русских народныхъ (а равно и древне-церковныхъ) напѣвовъ, производимое гармонизаторами ихъ, смотрѣвшими на эти напѣвы чрезъ призму новѣйшаго западно-европейскаго ученія о музыкѣ и ставившими себѣ задачею, во чтобы то ни стало подчинять ихъ законамъ этого ученія, вызвало наконецъ, въ средѣ образованныхъ русскихъ музыкантовъ и читателей и цѣнителей народнаго творчества, энергическій протестъ. Стали ближе изучать характеръ народнаго (а равно и древне-церковнаго) русскаго пѣнія, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ въ твореніяхъ Глинки и его послѣдователей русская художественная музыка стала проявлять дѣйствительно своеобразный, самобытный стиль. ⁷⁾ Появился цѣлый рядъ изслѣдованій о русскомъ народ-

чила себѣ знаменитыхъ въ пѣвчествѣ учителей и сочинителей, изъ коихъ знаменитѣе всѣхъ другихъ есть до нынѣ Дмитрій Бортнянскій... Кромя сего знаменитаго реента (Бортнянскаго), въ наши времена принимались за сочиненіе пѣсносложеній грекороссійскія церкви и многіе иностранные капельмейстеры, каковы напр. Галуши (учитель Бортнянскаго), Керцелли, Димилеръ и славный капельмейстеръ Сарти. Но, съ дозволенія ихъ, нельзя не сказать правды, что они по незнанію ли силы и выразительности многихъ мѣстъ церковныхъ нашихъ стиховъ, или по предубѣжденію единственно къ музыкальнымъ своимъ правиламъ, пренебрегли часто о благопристойности мѣста и предмета своихъ концертовъ, такъ что вообще не музыка у нихъ прикроволена къ поемымъ словамъ священнымъ, но слова сіи только что приложены къ музыкѣ и часто весьма принужденно. Кажется, они хотѣли болѣе удивлять слушателей концертантною симфоніею, нежели трогать сердца благочестивою словесною мелодіею, и часто, при пѣсносложеніяхъ ихъ, церковь болѣе походитъ на итальянскую оперу, нежели на домъ благоговѣйнаго молитвословія ко Всевышнему... Надлежитъ однакоже признаться — говорить тотъ же авторъ въ другомъ мѣстѣ своего «разсужденія» — что христіанская православная наша церковь не все то приличнымъ себѣ почитаетъ, что происходитъ отъ вымысла ихъ (т. е. знаменитыхъ искусниковъ) и искусства*).

До какихъ предѣловъ доходило чужеземное вліяніе въ нашемъ церковномъ пѣніи, можно судить по тому, что даже стали исполняться въ церкви молитвы, подведенныя подъ музыку современныхъ свѣтскихъ сочиненій, напр. изъ ораторіи Гайдна «Твореніе міра» было составлено «гармоническое положеніе херувимской пѣсни», арія жреца изъ оперы «Весталка» Спонтини «приспособлена къ литургійскому пѣснопѣнію: Тебѣ поемъ», и пр. **)

⁷⁾ По этому поводу *Кн. Одоевскій* писалъ между прочимъ: «Довольно трудно для многихъ выразумѣть, что музыкальное произведеніе можетъ не содержать въ себѣ ни одного народнаго напѣва, а музыка быть вполнѣ русскою, и что, напротивъ, можно такъ переименовать ноты любой народной пѣсни, что

*) Тамъ же, стр. 36.

***) Д. Разумовскій, церковное пѣніе въ Россіи. стр. 231.

номъ (и древне-церковномъ) пѣснопѣвіи, преимущественно въ формѣ газетныхъ и журнальныхъ статей, въ которыхъ авторы старались выяснитъ характеръ, духъ твореній «безыменныхъ сочинителей» русскихъ, главнымъ же образомъ останавливались на техническомъ устройствѣ напѣвовъ и притомъ почти исключительно на строеніи лежащей въ основаніи упомянутыхъ напѣвовъ гаммы (діатонической), а слѣдовательно и способовъ ихъ гармонизаціи. Надо замѣтитъ, что изслѣдователи напѣвовъ только изрѣдка разсматривали мелодическій рисунокъ и ритмъ ихъ и почти вовсе не касались вопроса о формѣ ихъ вообще, т. е. о составѣ ихъ изъ мелодическихъ членовъ, колѣнъ, періодовъ; еще менѣе обращалось ими вниманіе на соотношеніе напѣвовъ и составныхъ частей ихъ съ соответствующими частями пѣсенной рѣчи, между метрическимъ устройствомъ текста пѣсенъ и ритмическимъ—напѣва. Дѣятельность авторовъ указанныхъ изслѣдованій была почти исключительно направлена противъ насильственныхъ операцій, производимыхъ гармонизаторами народныхъ (и древне-церковныхъ) напѣвовъ надъ этими напѣвами и лишаящихъ ихъ свойственнаго имъ строгаго діатонизма; въ статьяхъ и брошюрахъ своихъ они, такъ сказать, излили накопившуюся въ сердцахъ ихъ скорбь о жестокихъ истязаніяхъ, которымъ подвергались дорогія имъ произведенія народнаго творчества, и не переставали твердить и повторять на разные лады о діатонизмѣ тѣхъ напѣвовъ, недопускающемъ гармонизаціи ихъ съ точки зрѣнія новѣйшаго западно-европейскаго мажора и минора; кромѣ того они обращали вниманіе и на то, что многіе напѣвы въ устахъ народа, въ полномъ соответствіи съ пѣсенными текстами естественно изливаются въ свободныхъ, несимметрическихъ или взаимно смѣняющихся ритмахъ, которые безъ явнаго надъ ними насилія, не могутъ быть приведены къ западноевропейскому симметрическому, единообразному такту.

она едѣлается всѣмъ чѣмъ вамъ угодно: итальянскою, нѣмецкою, французскою, испанскою — только не русскою... Въ «Жизни за Царя» Глинки взяты изъ народныхъ пѣсенъ (и съ намѣреніемъ) лишь *два* первыя ноты перваго хора, а между тѣмъ кажется, что всѣ мелодіи Глинки мы когда-то, гдѣ-то слышали, что онѣ намъ родныя. Здѣсь вся и задача. Дѣло не въ томъ, чтобы перенести въ какое либо сочиненіе народный напѣвъ, а нѣчто гораздо труднѣйшее: переноса, или не переноса его, воспроизвести въ себѣ тотъ процессъ посредствомъ котораго съ незапамятныхъ временъ, творилось русское народное пѣніе — сочинителями безыменными». (Русск. и такъ назыв. обща музыка).

Однимъ изъ ревностнѣйшихъ поборниковъ неприкосновенности русскихъ, какъ народныхъ, такъ и древне-церковныхъ напѣвовъ, настаивавшихъ на примѣненіи къ нимъ особой гармонизаціи, соотвѣтствующей характеру этихъ напѣвовъ и строенію лежащихъ въ основаніи ихъ гаммъ («погласиць»), былъ Князь К. В. Одоевскій. Въ вышеупомянутой статьѣ своей (Русск. и такъ назыв. общ. музыка) авторъ, между прочимъ, пишетъ: «Надлежало бы записывать наши народные напѣвы какъ они дѣйствительно поются народомъ, съ мѣстными вариантами; записывать *точно*, безъ всякаго притязанія подводить ихъ подъ уровень общей музыки, или *поправлять* кажущіяся погрѣбности или же подклонять подъ какой либо симметрической ритмъ, или, что всего хуже, подводить подъ тотъ или другой тонартъ, прибавлять дѣззы или бемоли для удовлетворенія требованія такъ называемаго Генералъ-Баса... Какъ бы убѣдить господъ записывателей — продолжаетъ авторъ — что въ Велико-русскихъ пѣсняхъ *нѣтъ ни минорнаго, ни мажорнаго тона*, а есть діатоническая погласица ⁹⁾ *сама по себѣ*, какъ русскій языкъ не есть смѣсь какихъ либо разныхъ языковъ, какъ напр. какое либо нарѣчіе, но существуетъ *сама по себѣ*, какъ чистое нарожденіе славянскаго племени... Относительно переложеній и вообще гармонизаціи нашихъ древнихъ церковныхъ и мірскихъ напѣвовъ, а равно сочиненій въ русскомъ стилѣ, мы желали бы художественнаго воспроизведенія нашей исконной мелодіи во всей ея самобытности, со всѣми такъ называемыми ея погрѣбностями (въ западномъ смыслѣ)... Мы желали бы художественнаго воспроизведенія нашихъ гласовъ и погласиць какъ они есть,—желали бы не только изобрѣтенія напѣвовъ въ томъ или другомъ гласѣ или погласицѣ, но и, такъ сказать, драматическаго сопоставленія характера одного гласа характеру другаго; желали бы и гармонизаціи свойственной каждому изъ гласовъ въ особенности, желали бы господства діатонизма и допущенія хроматизма лишь въ сопровождающихъ партіяхъ, въ видѣ исключенія, на сколько это окажется нужнымъ для какого либо драматическаго движенія. *Pia desideria!* ⁹⁾. Въ статьѣ

⁹⁾ Поясненіе понятія «погласица» авторъ даетъ какъ въ этой статьѣ, такъ и въ письмѣ, служащемъ предисловіемъ къ 5-му выпуску сборника «Калѣки переходіе» Безсонова.

⁹⁾ Въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ обращаетъ вниманіе на то, что, древнія музыкальныя рукописи еще ожидаютъ ученой подробной разработки что такая разработка пояснитъ нѣкоторыя характеристическія особенности въ нашихъ народныхъ мелодіяхъ «столь рѣзко отличающихся отъ западныхъ».

«Мірская пѣсня, написанная на восемь гласовъ крюками съ кино-варными помѣтами», напечатанной уже послѣ его смерти ¹⁰⁾, Кн. Одоевскій, не переставая указывать на отличіе древняго народнаго и церковнаго пѣснопѣнія отъ музыки западно-европейской, на необходимость иной гармонизаціи нашихъ напѣвовъ, въ весьма мѣткихъ выраженіяхъ характеризуетъ взаимное отношеніе между смысломъ рѣчи и напѣвомъ въ народныхъ пѣсняхъ: «Пѣсня простолюдина—говорить онъ—какъ волна,—... и гульлива и вольна. Если художникъ простолюдинъ человекъ бездарный, то выходитъ просто галиматья; если онъ человекъ гениальный,—его произведенія имѣютъ полное право не только на сочувствіе, но и на изученіе; ибо эти созданія идутъ изъ такихъ тайниковъ души человѣческой, которыхъ далеко еще не изслѣдовала наука... Художника простолюдина не останавливаетъ недостатокъ связки между отдаленными понятіями, шероховатость рѣчи, неправильность фразы, или ударенія, въ словахъ. Внутреннимъ чувствомъ онъ мчится помимо всѣхъ этихъ требованій; зародилось въ немъ какое либо ощущеніе, поразило его какой либо внѣшній образъ (заходъ солнца, полетъ птицы, волны рѣки), фантазія унесла его за тридцать земель этого физическаго явленія, — оно процессомъ быстрѣйшимъ электрическаго, слилось съ его ощущеніемъ, превратилось въ скорбь, въ радость, въ воспоминаніе, и оба явленія соприсутствуютъ въ простонародномъ созданіи безъ промежутка, ускользнувшаго въ вѣчность:

Не шумъ шумить, не громъ гремитъ,
Младой Турчинъ полонъ дѣлать...

или:

Безъ поры только, безъ времени,
Стала травка сохнуть,
Безъ прикуки, безъ разлуки
Съ иною слюбился...

«Мы какъ будто забываемъ — прибавляетъ онъ—что изъ всѣхъ искусствъ преимущественно въ музыкѣ выразилась наша народная самобытность; всему виною (рѣчь идетъ здѣсь о подражаніи западной музыкѣ въ переложеніяхъ нашихъ напѣвовъ) беззаботное равнодушіе къ нашимъ народнымъ художественнымъ сокровищамъ». (Музыкальная грамматика или основаніе музыки для не-музыкантовъ стр. 7.)

¹⁰⁾ См. труды Археологическаго съѣзда (въ Москвѣ) 1871 г.

Найдите внѣшнюю связь между этими понятіями,—они раздѣлены необъятнымъ пространствомъ. Прислушайтесь къ напѣву этихъ пѣсенъ, и соединеніе этихъ разнородныхъ понятій для васъ сдѣлается понятнымъ; неуловимая между ними связка находитъ себѣ выраженіе въ общемъ чувствѣ всей пѣсни, т. е. въ ея музыкальной мелодіи. Это явленіе мы встрѣчаемъ на каждомъ шагу въ словахъ нашихъ пѣсенъ. Кажется, иногда онѣ или обвиваютъ какую либо невыговоренную мысль, или скользятъ между сотнями разныхъ понятій, не захватывая ни одного. Но въ этихъ, для ученаго, отчетливаго искусства, разрозненныхъ частяхъ есть жизненная цѣлость,—та цѣлость, которую мы замѣчаемъ во многихъ дѣятеляхъ, оставившихъ наиболѣе сильныя слѣды въ жизни всего человѣчества. Далеко не все выговаривается ими... Въ музыкѣ созданія безотчетнаго искусства еще важнѣе. Музыка сама по себѣ есть искусство безотчетное, искусство выразить невыразимое, т. е. то, что никакимъ другимъ способомъ не можетъ быть выражено, кромѣ самой музыки. Чего не можетъ высказать словами простолюдинъ, то онъ выражаетъ музыкой: слова для него служатъ лишь матеріальною подставкою; напѣвъ творится иногда какъ бы въ противорѣчіе съ отдѣльными словами; но вы всегда найдете связь между напѣвомъ и общимъ смысломъ всей пѣсни».

А. Н. Сѣровъ въ статьяхъ своихъ: «О великорусской пѣснѣ и особенностяхъ ея музыкальнаго склада»¹¹⁾ и «Русская народная пѣсня, какъ предметъ науки»¹²⁾ разсматриваетъ русскую народную пѣсню, подобно князю Одоевскому, но съ большею обстоятельностью, преимущественно со стороны музыкально-техническаго ея строенія, только поверхностно касаясь вопроса о текстахъ народныхъ пѣсень, при оцѣнкѣ, опять-таки почти исключительно съ точки зрѣнія музыкально-технической, различныхъ сборниковъ русскихъ народныхъ пѣсенъ. Подобно кн. Одоевскому, и Сѣровъ изслѣдуетъ русскую пѣсню въ ея противоположеніи музыкѣ западно-европейской. Онъ находитъ, что пѣсня наша, въ своихъ первобытныхъ формахъ, въ складѣ своемъ, обнаруживаетъ не только родство, но и буквальную тождественность съ древне-греческою музыкою, а именно, что она зиждется не на октавномъ звукорядѣ, какъ западно-европейская, а на семи-звучномъ, состоящемъ изъ слитныхъ діатони-

¹¹⁾ Въ газетѣ «Москва» 1868 г. №№ 19 и 20.

¹²⁾ Въ газетѣ «Музыкальный сезонъ» 1869—70 № 18 и 1870—71 №№ 6 и 13.

ческихъ тетрахордовъ трехъ видовъ, а слѣдовательная русская пѣсня не знаетъ ни минора, ни мажора, въ смыслѣ западнаго ученія о музыкѣ¹³⁾, и никогда немодулируетъ. Народная пѣсня—по выраженію Сѣрова—есть произведеніе чисто почвенное, растительное, оно представляетъ «неисчерпаемый родникъ народнаго музыкальнаго творчества, принадлежитъ къ памятникамъ народной жизни не-литературнымъ, не-письменнымъ». Народный напѣвъ нечто иное какъ *тема*, повторяемая столько разъ, сколько того требуютъ слова пѣсни. «Пѣнія безъ словъ, такъ же какъ и самостоятельной, эманципированной отъ слова, музыки инструментальной, народъ нашъ *не признаетъ*, повторяя въ этомъ на себѣ явленіе музыки древне-греческой и всей восточной.... Есть цѣлая сокровищница напѣвовъ—продолжаетъ авторъ—оригинальнѣйшихъ, прелестнѣйшихъ—потому что созданныхъ *изнутри*, а не сочиненныхъ, напѣвовъ не похожихъ на западно-европейскую музыку, потому что не подпавшихъ подъ вліяніе общей музыкальной культуры, но напѣвовъ люда безграмотнаго, сохраняющихся только устнымъ преданіемъ, вмѣстѣ со словами пѣсенъ, и вмѣстѣ съ ними же подвергающихся ежечасному, болѣе или менѣе важному видоизмѣненію, иногда искаженію, напѣвовъ деликатнѣйшаго свойства въ своихъ мелодическихъ изгибахъ и оттого способныхъ потерять всю прелесть отъ неуклюжей разработки, какъ радужная пыль съ крыльевъ бабочки разрушается однимъ прикосновеніемъ къ ней грубой руки. Записывая мотивы русскихъ пѣсенъ и пытаясь украсить ихъ гармонизацію, акомпаниментомъ на привычный западноевропейскій ладъ «музыкальные мастерские (музыканты-техники)—говоритъ Сѣровъ—натолкнулись на матеріалъ весьма непокорный, неподатливый, но этого, разумѣется, *не замѣтили*, и, руководясь своими тупѣйшими и ограниченными идеалами, гордясь своею «образованностью», подошли къ русскимъ народнымъ напѣвамъ съ совершенно ложной стороны, прикоснулись къ нимъ грубою ремесленною лапою и—стерли радужную пыль съ крыльевъ музыкальнаго мотылька, т. е. *искажали, обезобразили* руссконародныя мелодіи иногда до неузнаваемости». Приводя бѣглый обзоръ наиболѣе распространенныхъ сборниковъ напѣвовъ русскихъ народныхъ пѣсенъ, Сѣровъ замѣчаетъ, что исторія этихъ сборниковъ «съ конца прошлаго столѣтія вплоть до

¹³⁾ Сѣровъ и Кн. Одоевскій приходятъ здѣсь къ одинаковому заключенію, хотя «слитные тетрахорды», признаваемые первымъ за основу русскаго народнаго пѣнія, нѣсколько и разнятся отъ «погласицъ» втораго.

позднѣйшаго времени, представляетъ рядъ печальныхъ заблужденій и въ выборѣ пѣсенъ, и въ записываніи, и въ приемахъ гармонизаціи. Только со сборника г. Балакирева, изданнаго въ 1866 году, начинается отчасти здоровый, свѣтлый (хотя еще не критическій) взглядъ на дѣло». Изъ всѣхъ сборниковъ великорусскихъ пѣсенъ, перечисленныхъ Сѣровымъ (а имъ названы главнѣйшіе, вышедшіе до 1870 г.), кромѣ вышеупомянутаго труда Балакирева, заслужилъ отчасти одобреніе автора еще изданный Стелловскимъ въ началѣ 60-хъ годовъ сборникъ: «100 русскихъ народныхъ пѣсенъ, записанныхъ съ народнаго напѣва и аранжированныхъ для одного голоса, съ акомпаниментомъ фортепіано К. П. Вильбоа». Въ этомъ сборникѣ, по справедливому замѣчанію Сѣрова, замѣтенъ положительный прогрессъ. «Выборомъ пѣсенъ и редакцію ихъ текста (отчасти и музыки) занимался цѣлый кружокъ специалистовъ по русской пѣсни, куда принадлежали: извѣстный народный нашъ драматургъ А. Н. Островскій, чрезвычайный любитель и знатокъ русскаго почвеннаго творчества, критикъ Аполлонъ Григорьевъ и замѣчательный практическій знатокъ русской пѣсни Т. Филиповъ. К. П. Вильбоа, какъ практикъ по части записыванія и гармонизаціи(!), былъ только, такъ сказать секретаремъ, письмоводителемъ коллективныхъ редакторскихъ работъ этого кружка. Сказать правду, отъ такого рода работы слѣдовало бы ожидать результатовъ болѣе блистательныхъ, чѣмъ изданный Ѡ. Стелловскимъ сборникъ, въ сущности только посредственный. Но хорошо, что и то сдѣлано. Редакція текста многихъ пѣсенъ, чрезъ критическое сравненіе разныхъ вариантовъ, значительно лучше въ этомъ сборникѣ, чѣмъ во всѣхъ предъидущихъ и послѣдующихъ. Варианты напѣвовъ выбрапы также съ достаточнымъ толкомъ, хотя и замѣтно, что въ кружкѣ недоставала музыкальной силы для того, чтобы руководить работою, какъ слѣдуетъ. Нѣкоторыя пѣсни чрезвычайно типичны (въ томъ числѣ и лучшія изъ сборника Стаховича). Что касается гармонизаціи, то она—не смотря на то, что для г. Вильбоа идеаломъ служилъ Глинка въ «Жизни за Царя»—весьма слаба вообще, а мѣстами и совсѣмъ неправильна. Попадаются случайно и хорошіе приемы гармоническіе, но рѣдко. Строжайшій *діатонизмъ* русской пѣсни еще не сознанъ, и тональность за частую сбита, что иногда заразило и самыя напѣвы... Въ 1866 году появился сборникъ 40 русскихъ пѣсенъ, составленный М. Балакиревымъ. Тутъ въ первый разъ, при записываніи русскихъ народныхъ напѣвовъ, сознанъ и осуществленъ принципъ строжайшаго діатонизма... От-

сюда начинается совсѣмъ новая струя для работъ надъ русскими пѣснями, и въ этомъ отношеніи заслуга г. Балакирева весьма-почтенна. Съ дѣломъ вѣрнаго записыванія—продолжаетъ авторъ—совпадаетъ дѣло выбора лучшихъ варіантовъ напѣва и текста. Подробная сравнительная провѣрка сборниковъ въ этомъ отношеніи требуетъ обширнаго спеціальнаго труда. Далѣе Сѣровъ обращаетъ вниманіе на лишенное надлежащей критики записываніе г. Балакиревымъ, и напѣва и текста пѣсенъ, какъ ему случилось ихъ услышать, хотя бы въ до-нельзя искаженномъ видѣ, и приводитъ нѣсколько примѣровъ подобныхъ искаженій и между прочимъ даже смѣшенія въ одной пѣсни текстовъ двухъ различныхъ пѣсенъ: «Молодка, Молодка, Молоденькая» и «купался боберъ» (№ 14) также указываетъ на принятый Балакиревымъ въ свой сборникъ (№ 10: «солнце закаталось») текста съ «галантерейными высокопарными оборотами сомнительно литературнаго происхожденія», оказавшагося искаженными стихами Ломоносова: «Ночью темною покрыты небеса».

Не буду останавливаться на статьяхъ другихъ авторовъ о томъ же предметѣ, такъ какъ въ нихъ лишь съ нѣкоторыми варіантами повторялись мысли и взгляды на русское народное пѣніе, уже высказанные кн. Одоевскимъ и Сѣровымъ. Прибавлю только, что въ сборникахъ, изданныхъ послѣ сборника Балакирева, напѣвы являются уже гармонизованными съ соблюденіемъ свойственнаго имъ діатонизма (иногда впрочемъ, проведеннаго въ свою очередь съ нѣкоторыми натяжками и неуклюжею тяжеловѣсностью), таковы сборники гг. Чайковскаго, Римскаго-Корсакова, Рубца, Мельгунова. Здѣсь не мѣсто дѣлать разборъ этихъ сборниковъ, достаточно указать лишь на то, что въ молодомъ поколѣніи русскихъ музыкантовъ исчезли уже и слѣды прежняго исключительно западно-европейскаго взгляда на народные напѣвы, которыхъ своеобразный характеръ, нынѣ достаточно понятый, сталъ наконецъ сохраняться въ гармонизаціяхъ, и самые напѣвы избавились отъ насильственнаго навязыванія имъ хроматизма и несвойственныхъ имъ ритмовъ ¹⁴⁾.

¹⁴⁾ Одновременно съ заботой о сохраненіи въ полной неприкосновенности народнаго пѣнія, почитателями русскихъ древностей, во главѣ которыхъ, изъ числа любителей музыки, стоялъ тотъ же кн. Одоевскій, было приложено неменьшее попеченіе къ сохраненію въ совершенной чистотѣ и русскаго древнецерковнаго пѣснопѣнія:

А. Ф. Львовъ, въ сочиненіи своемъ: «О свободномъ или несимметрическомъ

Итакъ дѣятельность русскихъ музыкантовъ въ области народнаго пѣнія нашего ограничивалась почти исключительно собираніемъ и гармонизаціею народныхъ пѣсенъ, а равно и изученіемъ технически-музыкальнаго ихъ склада, вызвавшемъ въ послѣднее время столь дружный и энергическій протестъ противъ иноземнаго вліянія на гармонизацію какъ народныхъ, такъ и древне-церковныхъ русскихъ пѣснопѣній.—Русская пѣсня служила, однако, предметомъ изученія не только для музыкантовъ, но и для другихъ любителей и пѣвнителей русской старины, русскаго народнаго творчества—

ритмъ ратовалъ за вѣрное произношеніе текста церковныхъ пѣсенъ, съ соблюденіемъ естественнаго въ нихъ, несимметрическаго ритма.

Кн. Одоевскій, работавшій надъ рукописями нашихъ древне-церковныхъ напѣвовъ, старался, черезъ сличеніе ихъ между собою и съ изданіями синода, выяснитъ законы древней мелодіи и наиболѣе соответствующей ей гармонизаціи, въ упомянутыхъ выше статьяхъ энергически возставалъ противъ господства и въ церковномъ пѣніи нашемъ западноевропейскаго вліянія (въ переложеніяхъ Бортиянскаго, Турчанинова, Воротникова).

Н. М. Потуловъ, проникнутый тѣмъ же стремленіемъ, посвятилъ многіе годы на изученіе нашихъ церковныхъ мелодій и отысканіе способа ихъ гармонизаціи съ сохраненіемъ не только полной неприкосновенности напѣвовъ, но и настоящаго характера ихъ. По свидѣтельству лицъ, слышавшихъ церковные напѣвы, гармонизованные Потуловымъ, ему удалось разрѣшить поставленную имъ себѣ задачу. Онъ гармонизовалъ напѣвы синодальнаго изданія, сохранивъ «какъ святыню» каждую ноту ихъ, мелодіи этихъ напѣвовъ покоются въ его гармонизаціи на самыхъ простыхъ, безстрастныхъ, но полныхъ торжественнаго величія трезвучіяхъ, съ строгимъ соблюденіемъ діатонизма. О трудахъ Потулова писали кн. Одоевскій въ статьѣ: къ вопросу о древне-русскомъ пѣснопѣніи, въ газетѣ «День» 1864 г. № 17, и Д. Разумовскій въ сочиненіи: «Церковное пѣніе въ Россіи» стр. 255 и сл.

Въ томъ же духѣ, какъ Потуловъ, трудился надъ изученіемъ церковнаго пѣснопѣнія нашего, во всѣхъ его видахъ, Г. І. Ламакинъ, производившій въ гармонизаціи церковныхъ напѣвовъ, по свидѣтельству кн. Одоевскаго, «замѣчательные опыты», оставшіеся, однако, ненапечатанными.

Я позволилъ себѣ сдѣлать это небольшое отступленіе отъ главнаго предмета предисловія моего къ разбору сочиненія г. Шафранова потому, что вопросъ о ближайшемъ изученіи народнаго пѣснопѣнія нашего, а также объ избавленіи его отъ чужеземнаго ига, и по времени, и по существу своему, отчасти даже и по отношенію къ дѣятелямъ, подвизавшимся на этомъ поприщѣ, совпадаетъ съ тѣмъ же вопросомъ въ области древне-церковнаго пѣнія. Связующимъ звеномъ древне-церковнаго и народнаго пѣнія нашего служитъ лежащая въ основаніи того и другаго діатоническая гамма. Въ церковномъ пѣніи гамма эта является построенною изъ слитныхъ тетрахордовъ. Такое же строеніе Сѣровъ, какъ показано было выше, приписываетъ и гаммѣ, на которой зиждется и мірское народное наше пѣніе.

не-музыкантскою, изслѣдовавшихъ наши пѣсни со стороны ихъ содержанія и стихосложенія.

Въ издававшихся, начиная съ 70-хъ годовъ прошедшаго столѣтія, сборникахъ текстовъ народныхъ пѣсень, сія послѣдніе долгое время подвергались (подобно напѣвамъ въ сборникахъ музыкальныхъ) всевозможнымъ искаженіямъ и передѣлкамъ, по личному вкусу и произволу издателей. Въ сборники эти помѣщались нерѣдко, вмѣстѣ съ народными пѣснями и стихотворенія, сочиненныя современными писателями, а также тексты арій изъ любимыхъ оперъ и комедій. «По большой части—пишетъ Сахаровъ—редакція (сборниковъ пѣсень) выполнялась мелкими книжными торговцами, въ надеждѣ на выгодный сбытъ. Самая малая часть удостоилась только знатоковъ, принимавшихся за дѣло безъ всякихъ видовъ. Рыночныя издатели заботились только объ огромномъ заглавіи, многотомномъ собраніи, отъ этого зависѣлъ выгодный сбытъ... Ни одинъ изъ этихъ издателей не хотѣлъ вполнѣ передать народной пѣсни. Для однихъ они казались мужицкими, какими-то чудовищными изданіями, не имѣвшими никакого достоинства, для другихъ, очищенныхъ вкусомъ чужеземныхъ произведеній, надобны были исправленія, сообразныя понятіямъ редакторовъ. Вотъ отъ чего въ пѣсенникахъ печатались народныя пѣсни въ обезображенномъ видѣ»¹⁵⁾. Въ позднѣйшіе сборники Сахарова, Кирѣевскаго, Якушкина, Шейна и др., изданные съ надлежащею любовью и уваженіемъ къ предмету изданія, вошли дѣйствительныя произведенія народнаго творчества, въ разныхъ вариантахъ. Эти сборники могутъ и даже должны служить будущимъ издателямъ пѣсень съ напѣвами, для провѣрки и исправленія, въ настоящемъ народномъ духѣ, тѣхъ, иногда испорченныхъ, текстовъ, которые нерѣдко поются народомъ съ тѣмъ или другимъ напѣвомъ, и которые находили себѣ мѣсто въ сборникахъ пѣсень съ напѣвами, составленныхъ малоразборчивыми, по отношенію къ текстамъ,

¹⁵⁾ Сахаровъ. Сказанія русскаго народа. I, стр. 26.—О томъ, какъ въ прежнія времена издатели сборниковъ русскихъ пѣсень распоряжались съ ними, можно судить, между прочимъ, по предисловію, которое предпослалъ своему сборнику подъ заглавіемъ «Россійская Эрата» (1792), нѣкто М. Поповъ. Писавшій слѣдующее: «Со старинными пѣснями поступалъ я такимъ образомъ: По учиненіи оныхъ изъ преогромнаго стаи очень малаго выбора, потщася въ нѣкоторыхъ исправить не токмо разногласія и жрну во стихахъ, но и переставляя оныя въ иныхъ съ одного мѣста на другое, дабы связь теченія и смысла сдѣлать чрезъ то плавнѣйшею и естественнѣйшею». (Сказ. русс. нар. I. 28).

музыкантами ¹⁶). Оставляя въ сторонѣ труды ученыхъ, разсматривавшихъ русскія пѣсни съ бытовой ихъ стороны, я ограничусь здѣсь приведеніемъ главнѣйшихъ результатовъ лишь тѣхъ изслѣдованій, которыя имѣли предметомъ народно-русское стихосложеніе.

Во главѣ ученія о народно-русскомъ стихосложеніи стоитъ, безъ сомнѣнія, Востоковъ, изложившій свое ученіе въ сочиненіи: «Опытъ о русскомъ стихосложеніи» (2-е изд. 1817 г.) ¹⁷). Въ стихахъ «русскаго размѣра» онъ прежде всего замѣчаетъ преобладаніе краткихъ (неударяемыхъ, понижаемыхъ) слоговъ, между тѣмъ какъ во всемъ стихѣ слышны только два или три долгіе (ударяемые, повышаемые) слога. «Риѣмическую основу» стиха составляютъ по его мнѣнію, послѣдніе слоги стиха, прочія же части его, т. е. начало и середина не имѣютъ опредѣленнаго стопосложенія, что, впрочемъ, не мѣшаетъ стихамъ быть равными, ибо мѣра ихъ состоитъ въ удареніяхъ, коихъ число не измѣняется. Востоковъ находитъ затѣмъ названія слоговъ: «долгіи» и «краткіи» несвойственными, «ибо повышеніе голоса совсѣмъ не то, что *протяженіе* онаго. Сего послѣдняго нѣтъ въ русскомъ языкѣ, а потому и нѣтъ у насъ собственно долгихъ слоговъ... Они (*долгіе* слоги) столь же коротко и скоро произносятся, какъ прочіе слоги, на коихъ голосъ понижается и которые слывятся *краткими*». Сказанное относится до мѣры слоговъ въ разговорномъ языкѣ. «Я здѣсь не говорю—продолжаетъ Востоковъ—о мѣрномъ чтеніи стиховъ или о возгласеніи (декламаци) важной прозы, гдѣ слова произносятся уже нѣкоторымъ образомъ на распѣвъ, и гдѣ конечно русскій языкъ, какъ и всякій другой, воленъ давать словамъ протяженіе для выразительности или живописности». Рядъ словъ, въ коемъ одному

¹⁶) Г. Римскій-Корсаковъ въ своемъ «Сборникѣ русск. нар. пѣсенъ» (1876 г.) уже сдѣлалъ къ тому попытку, указывая на варианты нѣкоторыхъ пѣсенъ, существующіе въ другихъ сборникахъ.

¹⁷) Авторъ «Предувѣдомленія», предпосланнаго сборнику русскихъ пѣсенъ (съ напѣвами) Прача, изданному въ 1-й разъ въ 1790 г., говоритъ о русскихъ пѣсняхъ въ самыхъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, не имѣющихъ серьезнаго научнаго значенія: «Оное (стихосложеніе)—пишетъ онъ—представляетъ стихи многоразличныхъ родовъ и мѣръ. Во всѣхъ однако же разнообразныхъ его видахъ замѣчается правильность просодіи, удивительное согласіе сей послѣдней съ музыкою, пріятная для слуха плавность и частыя и естественныя отдохновенія для голоса, которымъ оно наиболѣе отличается отъ стихосложенія всѣхъ другихъ народовъ и потому преимущественнѣе».

слогу, повышаемому, подчиняются прочіе слоги, понижаемые, напр. «пѣй дѣшь-ли тѣ съ мною» Востоковъ называетъ *прозодическимъ періодомъ*. Въ народно-русскихъ стихахъ считаются не стопы, не слоги, а прозодическіе періоды, т. е. считаются ударенія, по которымъ и должно измѣрять стихи старинныхъ русскихъ пѣсень. Слѣдовательно, сколько удареній, столько и періодовъ, бываетъ же ихъ въ стихахъ, по мнѣнію Востокова, отъ одного до четырехъ.

Стихи русскихъ старинныхъ пѣсень Востоковъ дѣлитъ на *лирическіе* (пѣсенные) и *эпическіе* (сказочные). «Главное свойство тѣхъ и другихъ есть *равночисленность удареній*, но пѣсенные стихи бываютъ притомъ по большей части *равносложны* и имѣютъ (по большей же части) порядокъ удареній *неизмѣняющійся*. . . Пѣсенные стихи во всякомъ языкѣ бываютъ правильнѣе или лучше сказать одномѣрнѣе повѣствовательныхъ, *будучи сочиняемы подъ ладъ къ музыкѣ. Такъ и въ Русскомъ*». Востоковъ дѣлитъ пѣсенные стихи на виды, по числу въ каждомъ стихѣ прозодическихъ удареній, съ подраздѣленіями по числу слоговъ въ стихѣ и по роду окончанія его (дактилическому, хорейческому, трибрахическому).

Русскіе пѣсенные стихи имѣютъ свои *куплеты* или *строфы*. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ, названныхъ Прачемъ *протяжными*, мелодическіе періоды «объемлютъ только по одному стиху, и таковыя пѣсни можно назвать безстрофными; но въ другихъ пѣсняхъ по два и по четыре стиха входятъ въ составъ періода мелодическаго, чѣмъ естественно образуются куплеты. Въ русскихъ пѣсняхъ куплеты не содержатъ въ себѣ никогда болѣе 4-хъ стиховъ короткихъ, или 2-хъ длинныхъ, да и то послѣдній стихъ бываетъ нерѣдко только *повтореніемъ* перваго, предшествуемое обыкновенно какимъ нибудь общимъ *припѣвомъ* ¹⁸⁾. Иногда припѣвомъ куплеты оканчиваются. . . Припѣвы сіи употребительны болѣе въ плясовыхъ, хороводныхъ и свадебныхъ пѣсняхъ». Далѣе Востоковъ упоминаетъ о составленіи куплетовъ помощью разнаго рода повтореній цѣлыхъ стиховъ или частей ихъ, а именно: повторяется послѣдняя половина одного стиха въ первой половинѣ другаго ¹⁹⁾; повторяются первыя слова каждаго стиха или обѣ половины его по два, по три раза и болѣе ²⁰⁾; повторяется весь второй стихъ

¹⁸⁾ Напр. «Ой Дидъ и Ладъ», «Ой люли», «Ой жги».

¹⁹⁾ Напр. «А чтожь ты, голубчикъ, невеселъ сидишь, *Невеселъ сидишь и нерадостень*».

²⁰⁾ Напр. «По горамъ, *по юрамъ*
И я *по юрамъ* ходила».

одного куплета, составляя такимъ образомъ уже начало слѣдующаго куплета ²¹⁾. «Русская народная поэзія любить сіи повторенія и сію четность стиховъ и составляетъ куплеты свои чаще съ помощію повтореній, нежели изъ стиховъ неповторяемыхъ». «Нельзя ожидать отъ простыхъ нашихъ русскихъ пѣснеслагателей—прибавляетъ Востоковъ—какихъ либо непремѣнныхъ правилъ какъ въ разсужденіи порядочнаго расположенія куплетовъ, такъ и по всѣмъ другимъ принадлежностямъ стихосложенія. Часто разныя формы у нихъ перемѣшаны. Но сіе случайное наблюденіе правилъ доказываетъ только то, что правила еще не утверждены и не приведены въ извѣстность, а не то чтобы оныхъ совсѣмъ не было». Затѣмъ онъ упоминаетъ о допускаемыхъ вольностяхъ, каковы: разное слогаудареніе (дѣвица, дѣвѣица), частицы наполнительныя («А и конь подъ нимъ»...), вставки наполнительныхъ слоговъ для мѣры («И тѣмъ попамъ всѣмъ соборнымъ»), выбрасываніе слоговъ, не входящихъ въ мѣру («Горючьми слезьми»), усѣченія («бѣлу руку»).

Въ заключеніи о гармоніи русскаго стиха Востоковъ говоритъ между прочимъ: «поелику размѣръ сей (т. е. русскихъ народныхъ стиховъ) основанъ не на равносложности и не на порядкѣ стопъ то и не составляетъ въ немъ *разночисленность слоговъ* и *разномѣстность удареній* существенной негладкости или разноголосицы. Вольность сія нерѣдко еще благоприятствуетъ непринужденному выраженію и языку чувствъ». *Римы* были незнакомы стариннымъ пѣснотворцамъ русскимъ и, если иногда и встрѣчаются, то только случайно. Наконецъ Востоковъ обращаетъ вниманіе на то, что «переносы изъ одного стиха въ другой (enjambements) въ русскихъ стихахъ совсѣмъ не позволительны: у русскаго пѣснотворца или сказочника *въ каждомъ стихѣ полный смыслъ рчи заключается*, и расположеніе словъ ничѣмъ не отличается отъ простаго разговорнаго».

Пѣніе, по мнѣнію Востокова, не имѣетъ ничего общаго съ размѣромъ стиховъ. Пѣніе по большей части уравниваетъ долгіе слоги съ краткими и нерѣдко сіи послѣдніе протягиваетъ еще бо-

²¹⁾ Напр. «Ходила младшенька по борочку,
Брала, брала ягодку земляничку.
Брала брала ягодку земляничку,
Наколола ноженьку на тресочку,
Наколола ноженьку на тресочку,

и т. д.

лѣе первыхъ, превращая ихъ изъ пиррихіевъ въ спондеи и даже въ диспндеи. «При такомъ превращеніи естественно пропадаютъ ударенія, составляющія основу стиха русскаго. Но тѣмъ удивительнѣе то, что основа сія столь ощутительна при чтеніи стиховъ, кои конечно для пѣнія собственно, а не для чтенія сочинены, въ одно время съ ихъ голосами! Не берусь разъяснить сего противорѣчія между мелодіею и просодіею русскихъ пѣсень, но оно существуетъ; а природа, единственная учительница стихосложенію, умѣла согласить независимое существованіе въ русскомъ стихѣ двухъ разныхъ мѣръ, т. е. пѣнія и чтенія».

Дубенскій, слѣдовавшій ученію Востокова, говоритъ объ отношеніи напѣвовъ къ тексту пѣсень также въ самыхъ общихъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ: «Въ распредѣленіи ихъ (т. е. стопъ) слагатели пѣсень не держались никакихъ теорій, вдохновеніе и чувство вели ихъ; *напѣвъ стѣнный имъ спутникъ* соразмѣрлялъ слова по нѣкоторому тайному закону». ²²⁾

Перевлѣсскій ²³⁾ основываетъ свою теорію народнаго русскаго стихосложенія на результатахъ изслѣдованія Востокова. Удареніе, составляющее какъ бы вершину просодическаго періода, не получившее у Востокова особеннаго названія, Перевлѣсскій называетъ не совсѣмъ справедливо *логическимъ*, просодическому же періоду онъ даетъ также не совсѣмъ удачное названіе *тактъ*. Каждый тактъ, какъ цѣлое, долженъ быть отдѣленъ цезурою или паузою. О встрѣчающейся нерѣдко въ русской народной поэзіи неравносложности Перевлѣсскій замѣчаетъ, что «она не нарушаетъ единства ихъ ритма какъ въ отдѣльныхъ просодическихъ періодахъ, такъ и въ цѣломъ составѣ стиха: потому что удареніе, сосредоточивая силу произношенія на ударяемомъ слогѣ, можетъ *протягивать* или *сокращать* его, смотря по тому, недостаетъ ли слога въ періодѣ, или находится въ немъ слогъ лишній, и такимъ образомъ пополнить недостающіе слоги, скрадывать или дѣлать незамѣтными слоги лишніе».

Классовскій ²⁴⁾, отличая три рода удареній: грамматическое, логическое и стихотворное, называетъ ритмъ, происходящій отъ увеличенной важности стихотворнаго ударенія, *тоническимъ* и нахо-

²²⁾ «Опытъ о русскомъ народномъ стихосложеніи» 1828 г. см. Сахаровъ: Сказанія русс. нар. I.

²³⁾ «Русское стихосложеніе», 1853 г.

²⁴⁾ «Версификація», 1863 г.

дитъ *тоническую версификацію*, «самую естественную и по преимуществу музыкальную», — свойственною русскимъ народнымъ стихотвореніямъ. Версификацію же, свойственную русскимъ литературнымъ стихамъ, онъ называетъ *тонико-метрическою*. Въ главныхъ чертахъ ученіе его о тонической версификаціи основывается также на вышеозначенномъ трудѣ Востокова. Повышенію голоса (ударенію), производящему ритмъ въ тоническихъ стихахъ, онъ даетъ названіе *тоническаго ударенія*, а сумму слоговъ или словъ, подавляемыхъ тоническимъ удареніемъ, со включеніемъ въ нее и слога ударяемаго (т. е. прозодическій періодъ Востокова, тактъ Перевгѣскаго) называетъ *тоническимъ періодомъ*. Подобно Востокову, Классовскій подраздѣляетъ тоническіе стихи по числу тоническихъ въ нихъ удареній, складъ же стиха онъ опредѣляетъ счетомъ неударяемыхъ (подавляемыхъ) промежуточныхъ слоговъ между тоническими удареніями, обращая притомъ вниманіе на *начало* и *окончаніе* стиха. По примѣру Востокова, Классовскій обращаетъ вниманіе на наиболѣе часто встрѣчающіеся виды *куплетовъ* или *строфъ*, съ повтореніями стиховъ буквальными, или съ незначительными измѣненіями ²⁵⁾, съ пригѣвами простыми или двойными (повторяющимися) ²⁶⁾, съ пригѣвами въ видѣ одного неизмѣняющагося слова ²⁷⁾, съ повтореніями первыхъ словъ каждаго стиха или обѣихъ его половинъ, по два, по три раза и болѣе ²⁸⁾. «Другія особенности въ народныхъ лирическихъ пѣсняхъ — прибавляетъ Классовскій — какъ напримѣръ весьма распространенное повторе-

25) Напр.: «Во полѣ береза стояла,
Во полѣ кудрявая стояла.» } повтореніе небуквальное.

26) Напр.: «Люди, люди стояла,
Люди, люди стояла.» } двойной пригѣвъ, составляющій продолженіе приведеннаго въ пр. 24 двустишія.

27) Напр.: «Лѣнивая лѣнивица
Слава!
Лѣнилася она.
Слава!»

28) Напр.: «Во лужахъ, во лужахъ
Еще во лужахъ, зеленыхъ лужахъ,
Еще во лужахъ, зеленыхъ лужахъ
Выросла, выросла» и т. д.

нѣ послѣдней половины одного стиха въ первой половинѣ другого, съ пояснительною прибавкою, напр.

Чтожь ты голубчикъ невесель сидишь,
Невесель сидишь и нерадостень?» и т. д.

должны быть разсматриваемы въ стилистикѣ, а не въ версификаціи».

Срезневскій²⁹⁾, изслѣдуя размѣръ народныхъ стиховъ славянъ вообще, замѣчаетъ, что «древнѣйшій и у всѣхъ славянъ одинаково распространенный *эпическій* стихъ заключаетъ въ себѣ десять слоговъ съ двумя удареніями, такъ что или къ каждому слогу, обозначенному удареніемъ, относится одинаково по четыре слога безъ удареній (напр. Ужь какъ палъ туманъ — на синем море), или же къ одному изъ слоговъ съ удареніемъ относится три, а къ другому пять слоговъ безъ ударенія (напр. Aj wltawo — se mustiši wodu, — два се звука у брѣзгу колѣу)³⁰⁾. *Древнѣйшій* и также у всѣхъ славянъ распространенный *лирическій* стихъ заключаетъ въ себѣ шесть или восемь слоговъ тоже съ двумя удареніями, такъ что къ каждому принадлежитъ по два или по три слога безъ удареній. Позже появились стихи съ тремя удареніями въ двѣнадцать и болѣе слоговъ и съ однимъ удареніемъ на четыре и пять слоговъ. Каждая стопа, т. е. каждая часть стиха, отмѣченная отдѣльнымъ удареніемъ и заключающая въ себѣ определенное количество слоговъ,³¹⁾ должна была быть и по содержанию отдѣльною частію мысли или фразы; съ окончаніемъ стопы должно было оканчиваться и слово... на томъ же условіи соответствія, по которому въ одномъ и томъ же стихѣ могла быть одна стопа о четырехъ, а другая о шести слогахъ, образовалась также издревле сочетаніе паръ стиховъ, изъ которыхъ въ одномъ восемь, а въ другомъ шесть, или же въ одномъ семь или шесть слоговъ, а въ другомъ пять или четыре. Вмѣстѣ съ парованьемъ стиховъ положено начало куплетамъ: два равные стиха составляли сами по себѣ куплетъ; такъ что къ каждому стиху относилась половина

²⁹⁾ «Мысли объ исторіи русскаго языка», 1850 г. гл. VII.

³⁰⁾ Положеніе это авторъ подтвердилъ многочисленными примѣрами въ статьѣ: «Нѣсколько замѣчаній объ эпическихъ размѣрахъ Славянскихъ народныхъ пѣсень», напечатанной въ Извѣстіяхъ Имп. Ак. Наукъ по Отдѣлу Русск. яз. и словесности. Т. IX, вып. I.

³¹⁾ «Стопа» соответствуетъ здѣсь, слѣдовательно, приведенному выше «стихическому періоду» Классовскаго.

музыкальнаго напѣва; два неровныя стиха сочетавались съ такою же другою парю неровныхъ стиховъ, и въ такомъ случаѣ на половину напѣва приходилось по два стиха. Дальнѣйшее развитіе формъ куплетовъ принадлежать къ позднѣйшему времени. Изъ этого надобно исключить только употребленіе припѣвовъ, которые издревле были въ обычаѣ не только при окончаніи куплетовъ, но и каждаго стиха и даже каждой стопы. Нѣкоторые изъ этихъ припѣвовъ сочетавались послѣдними своими звуками съ послѣдними звуками той части стиха, за которою повторялись: это положило начало употребленію риемъ. Нельзя сказать, что риема есть изобрѣтеніе новое: въ древнѣйшихъ пословицахъ славянскихъ, сохранившихся у многихъ славянъ въ одномъ и томъ же неизмѣнномъ видѣ, видимъ риемы; въ сказочныхъ присказкахъ, неизмѣняемыхъ по волѣ расказчика, всюду повторяемыхъ дословно, тоже встрѣчаются риемы. Тѣмъ не менѣе риемованіе стиховъ въ пѣсняхъ есть явленіе позднее: многіе славяне до сихъ поръ или совсѣмъ не знаютъ обычая украшать стихи своихъ пѣсенъ риемами или употребляютъ риемы очень рѣдко. У Великоруссовъ и всѣхъ югозападныхъ славянъ употребленіе риемъ очень мало обычно; у Малоруссовъ и у Славянъ сѣверозападныхъ, за исключеніемъ Сербовъ Лужичанъ, риемы очень употребительны, но и у нихъ не вездѣ: такъ между прочимъ большая часть пѣсенъ обрядныхъ у всѣхъ народовъ Славянскихъ остается безъ риемъ.... Свобода несоблюдать въ стихахъ пѣсенъ опредѣленнаго количества слоговъ на опредѣленное количество удареній... увеличивалась все болѣе, увеличивалась съ отдаленіемъ языка отъ своего первообразнаго древняго вида, — и языкъ народной словесности, удаляясь отъ древнихъ условій гармоніи, все болѣе сближался съ языкомъ простаго, обыденнаго разговора. Вслѣдствіе этого сдѣлались возможными *такія народныя пѣсни, которыя отличаются отъ обыкновенной разговорной рѣчи только музыкальнымъ напѣвомъ*, и въ которыхъ выраженія по своей формѣ такъ мало завязать даже отъ напѣва, что одну и ту же пѣсню можно прилаживать къ напѣву и такъ и иначе, и вставляя слова, и выпуская, и мѣняя ихъ порядокъ». Въ этомъ послѣднемъ опредѣленіи авторъ безъ сомнѣнія имѣлъ въ виду преимущественно русскія народныя пѣсни.

Приведенными извлеченіями изъ указанныхъ сочиненій Востокова, Перевлѣскаго, Классовскаго и Срезневскаго исчертываются главнѣйшіе результаты изслѣдованій народно-русскихъ пѣсенныхъ стиховъ со стороны техническаго ихъ устройства.

Г. Шафрановъ, въ разсужденіи своемъ «*О складѣ народно-русской пѣсенной рѣчи, разсматриваемой въ связи съ напѣвами*», становится на совершенно новую точку зрѣнія, между музыкантами и не-музыкантами, и, разсматривая русскую народную пѣсню, какъ состоящую изъ неразрывно связанныхъ въ ней двухъ элементовъ: текста и напѣва, распространяетъ свои изслѣдованія одновременно на музыкальную и словесную ея стороны. Авторъ самъ очевидно не принадлежитъ къ числу музыкантовъ, — въ этомъ убѣждаютъ читателя нѣкоторыя высказываемыя имъ мнѣнія о вопросахъ специально-музыкальныхъ или даже бѣглый взглядъ на многочисленныя, приложенныя къ труду его, музыкальныя примѣры (народныя напѣвы), обнаруживающіе не только очевидную неопытность, въ дѣлѣ нотописанія, руки, начертавшей эти примѣры, но и довольно сомнительный вкусъ автора въ выборѣ напѣвовъ, нерѣдко принадлежащихъ именно къ разряду такихъ, въ которыхъ, по выраженію кн. Одоевскаго, «господствуютъ итальянскія фразы на нижегородскій ладъ, и на оборотъ». Это, впрочемъ, не помѣшало автору въ главномъ предметѣ своего изслѣдованія стать на твердую почву и, подобно тому, какъ новѣйшіе русскіе музыканты повели борьбу противъ западно-европейскаго гнета, тяготѣвшаго многія десятилѣтія надъ русскими народными напѣвами, повести по отношенію къ стихосложенію народныхъ пѣсень борьбу противъ теоріи версификаціи, разсматривавшей сложеніе текстовъ ихъ совершенно независимо отъ соотвѣтствующихъ имъ напѣвовъ, видѣвшей основу, «на коей утверждается гармонія стиховъ русскихъ» въ числѣ удареній (Востоковъ). Исходной точкой послужила автору мысль, почти только вскользь вымолвленная Востоковымъ, что пѣсенныя стихи вообще, въ томъ числѣ и народно-русскіе, сочиняются «подъ ладъ къ музыкѣ». Конечный результатъ, къ которому авторъ приходитъ въ своемъ изслѣдованіи, слѣдующій: *народно-русское стихосложеніе есть стилистическое, не имѣющее ничего общаго съ просодією, но оно тѣмъ не менше не уступаетъ въ музыкальности стихотвореніямъ просодическимъ. Главнѣйшую особенность склада нашей народной пѣсенной рѣчи составляютъ повторенія и параллелизмъ. Истинная основа строя пѣсенной рѣчи заключается въ пѣсенномъ ея напѣвѣ.*

Разсужденіе г. Шафранова распадается на четыре статьи. Разсмотрѣнію народно-русскаго пѣсеннаго склада рѣчи авторъ препосылаетъ изложеніе «господствующихъ въ теоріи стихотворства воззрѣній на основныя элементы ритмики и метрики, сопровождаая ихъ замѣчаніями съ точки зрѣнія народно-русскаго пѣсеннаго

стихосложенія, чтобы такимъ образомъ выяснилось, какія положенія греко-латинской метрики, усвоенныя и нѣмецкою и нашею литературою, примѣнимы къ народно-русской пѣсенной рѣчи, и какія метрическія формы выработались въ ней совершенно самостоятельно».

Нервную статью своего труда авторъ посвящаетъ разсмотрѣнію основъ количественнаго греко-латинскаго стихосложенія по сочиненіямъ: R. Westphal, *Metrik der Griechen* и W. Brambach, *Rhythmische und metrische Untersuchungen*, изъ которыхъ (въ особенности изъ сочиненія Вестфала) онъ приводитъ весьма пространныя цитаты и извлеченія, пополняя и связывая ихъ своими собственными разсужденіями объ *отношеніи основъ количественнаго стихосложенія къ народно-русскому пѣсенному*.

«Греческая метрика имѣетъ предметомъ формальную сторону греческой поэзіи, поколику сія послѣдняя представляетъ собою выраженіе ритмическихъ формъ въ словѣ... Ритмическія формы не составляютъ принадлежности языка (*sind etwas ausserhalb der Sprache liegendes*). Языкъ имѣетъ только способность къ ритмической обработкѣ и по этому свойству своему означаемъ былъ у древнихъ *ρῦθμικὸν*, но самый ритмъ есть произведеніе чело-вѣческаго духа, и различныя формы ритма создаются умомъ поэта, который напечатлѣваетъ на языкѣ прирожденное свое чувство порядка и соразмѣрности». Приведа эти слова Вестфала, г. Шафрановъ упрекаетъ его въ томъ, что «послѣ совершенно вѣрнаго различенія терминовъ — *метръ* и *ритмъ* — изъ которыхъ первый служитъ выраженіемъ ритмическихъ формъ въ словѣ, ... тотчасъ начинается уже (у Вестфала) смѣшиваніе метрическихъ формъ съ ритмическими», и прибавляетъ, что, «разъ установивъ понятіе о ритмѣ, какъ о складѣ напѣва и музыкальнаго произведенія вообще, и о метрѣ, какъ о складѣ стихотворной рѣчи, ... нельзя уже сказать, что языкъ имѣетъ способность къ ритмической обработкѣ. Упрекъ этотъ нельзя признать вполне справедливымъ, такъ какъ Вестфаль именно въ данномъ мѣстѣ понимаетъ слово «ритмъ» въ самомъ обширномъ его значеніи, какъ проявленіе упомянутаго выше прирожденнаго чело-вѣку чувства порядка и соразмѣрности вообще, которому, по выраженію Вестфала, приведенному г. Шафрановымъ далѣе «въ поэзіи подлежатъ слова, въ музыкѣ звуки, въ пляскѣ (орхестикѣ) тѣлодвиженія, причемъ самое движеніе составляетъ какъ бы матеріалъ, а ритмъ представляетъ собою упорядочивающій, формальный элементъ, нѣчто совершенно

независимое отъ сущности слова, звука и тѣлодвиженія». Нельзя, однако, не признать большаго удобства въ принятомъ авторомъ и проведенномъ черезъ все рассматриваемое сочиненіе его строгомъ разграниченіи понятій метръ и ритмъ, при чемъ словомъ *метръ* называется имъ складъ пѣсенной *рѣчи*, т. е. текста, а словомъ *ритмъ* — складъ пѣсеннаго *напѣва*, т. е. складъ музыкальный.

Далѣе авторъ, указывая на то, что у древнихъ грековъ поэзія была неразрывно связана съ пѣніемъ, а слѣдовательно подчинялась, при исполненіи, и метру, и ритму, знакомить читателя, помощью цитатъ изъ сочиненій нѣкоторыхъ древнихъ писателей (заимствованныхъ изъ того же сочиненія Вестфала) со сходствомъ и различіемъ между *метрическими стопами* и *ритмическими тактами*. «Изъ этихъ свидѣтельствъ убѣждаемся — пишетъ г. Шафрановъ — что естественная протяжность слоговъ (просодія) была искусственно измѣняема, какъ метрикою, въ стихотворномъ складѣ рѣчи, такъ еще болѣе ритмикою, въ напѣвѣ, именно метристы на мѣсто естественной, разнообразной и собственно неизмѣримой долготы и краткости гласныхъ, установили протяжность краткаго слога въ одну мѣру ($\chi\rho\nu\nu\sigma\ \tau\rho\acute{\iota}\tau\omicron\varsigma$, $\beta\rho\alpha\chi\epsilon\iota\alpha\ \mu\omicron\nu\acute{o}\sigma\eta\mu\omicron\varsigma = \frac{1}{8}$ такта)³²⁾, а протяжность долгаго слога въ двѣ мѣры ($\sigma\upsilon\lambda\lambda\alpha\beta\eta\ \mu\alpha\chi\rho\acute{\alpha}\ \delta\iota\sigma\eta\mu\omicron\varsigma = \cup\cup$ или —). Ритмисты, слагатели напѣвовъ, пошли далѣе: они и короткому слогу, когда хотѣли, давали протяженіе болѣе одной мѣры, а долгому слогу болѣе чѣмъ двѣ мѣры, именно три, четыре и пять мѣръ ($\mu\alpha\chi\rho\acute{\alpha}\ \tau\rho\acute{\iota}\sigma\eta\mu\omicron\varsigma = \cup\cup\cup$ или —, $\mu\alpha\chi\rho\acute{\alpha}\ \tau\epsilon\tau\rho\acute{\alpha}\sigma\eta\mu\omicron\varsigma = \cup\cup\cup\cup$ или —, $\mu\alpha\chi\rho\acute{\alpha}\ \pi\epsilon\nu\tau\acute{\alpha}\sigma\eta\mu\omicron\varsigma = \cup\cup\cup\cup\cup$ или ш).³³⁾ Метрика, разошедшись такимъ образомъ съ ритмикою въ опредѣленіи протяжности слоговъ, не могла уже остаться въ согласіи съ нею и относительно тактовъ».

Затѣмъ слѣдуетъ объясненіе, словами Вестфала, составныхъ частей пѣсенной рѣчи: «Время, употребляемое для произношенія

³²⁾ Принятіе $\frac{1}{8}$ такта за величину, равную наименьшей долгѣ времени греческаго ритма, т. е. одномѣрной краткости ($\chi\rho\nu\nu\sigma\ \tau\rho\acute{\iota}\tau\omicron\varsigma$), можетъ быть допускаемо только условно, такъ какъ дѣйствительная длительность $\frac{1}{8}$ въ музыкѣ вполне зависитъ отъ темпа: въ медленномъ темпѣ $\frac{1}{8}$ можетъ оказаться болѣе продолжительною, чѣмъ $\frac{1}{4}$, $\frac{3}{8}$ и даже $\frac{1}{2}$ въ темпѣ быстромъ.

³³⁾ «Для насъ же — продолжаетъ г. Шафрановъ — удивительно, если греческіе композиторы и на томъ остановились, т. е. связали себя пятимѣрностью слога: нынѣшніе относительно этого пользуются полною свободою; такъ въ пѣснѣ «Не бѣлы то снѣги послѣдній слогъ слова *сими* тянется шесть четвертей такта, равняющіяся 12-ти мѣрамъ греческимъ, если каждую изъ нихъ принять за $\frac{1}{8}$ такта».

(λεξις) или для выговора слоговъ и словъ стихотворенія, можетъ быть разлагаемо на отдѣлы, различаемые слухомъ вслѣдствіе того, что въ каждомъ отдѣлѣ (группѣ слоговъ) одинъ слогъ выдвигается изъ среды прочихъ особеннымъ напряженіемъ голоса (durch eine stärkere Intention der Stimme). Это напряжение голоса называется *ритмическимъ иктомъ* ... Технический терминъ для группы слоговъ, составляющихъ одно цѣлое, съ отдѣльнымъ ритмическимъ иктомъ, называется нынѣ тактомъ, у грековъ называется ποῦς, у латинянъ pes (нога, стопа).»³⁴⁾ Утвержденію Вестфала, что такты и икты выводятся изъ произношенія (λεξις), а не изъ пѣнія (μελος), авторъ противопоставляетъ слова Вестфала же, что греческіе поэты вмѣстѣ съ тѣмъ были и композиторами своихъ текстовъ, изъ чего авторъ выводитъ, что *ритмическія формы у древнихъ существенно основывались на музыкѣ*. Указывая за тѣмъ на то, что въ пѣніи употреблялись многообразныя фигуры мѣръ, а именно не только двухмѣрныя, но и трех-, четырех- и пяти-мѣрныя долготы, кромѣ того дробныя (ирраціональныя) мѣры и пустые такты (паузы), авторъ подтверждаетъ уже выше приведенное различіе между метрическими (стихотворными) и ритмическими (напѣвными) мѣрами, которыя аналогичны лишь до тѣхъ поръ, пока напѣвъ ведется въ простыхъ тактахъ, т. е. состоящихъ только изъ одномѣрныхъ и двухмѣрныхъ протяженій, но и въ такомъ случаѣ метрическія стопы и ритмическіе такты только аналогичны, а не тождественны, такъ какъ все же значительная разница между пѣніемъ и декламаціей, ибо въ первомъ двухмѣрная долгота принимается за наименьшую, а во второй за наибольшую, и (одномѣрная) краткость, т. е. единица времени въ пѣніи растяжимѣе, чѣмъ въ говореніи.

Изъ тактовъ (стопъ), соединяемыхъ въ группы, образуются *члены или колѣна* (κόλα), или, другими словами, членъ или колѣно составляется изъ мѣръ или стопъ и есть какъ бы сложная стопа, колѣна же по два (иногда и болѣе) соединяются въ *періодъ* (стихъ), при чемъ у грековъ первое колѣно (предъидущій членъ періода) называлось лѣвымъ, а второе (послѣдующій членъ періода) — правымъ. У древнихъ пѣсня дѣлилась на стихи сообразно съ строе-

³⁴⁾ Такты въ пѣніи отмѣчались у древнихъ ударами ноги (отсюда и названіе ποῦς, pes, стопа), при чемъ членъ такта, соотвѣтствовавшій поднятію ноги, т. е. неударяемый, легкій, назывался арсисъ (ἄρσις), а соотвѣтствовавшій опусканію (удару) ея, т. е. ударяемый, тяжелый — тезисъ (θέσις). Нѣкоторые (въ томъ числѣ и Классовскій) ошибочно понимали эти названія въ обратномъ смыслѣ.

ніемъ періодовъ мелодіи, именно каждый стихъ въ теченіи всего соотвѣтствовавшаго ему музыкальнаго періода заключалъ въ себѣ непрерывающуюся рѣчь, представлявшую по отношенію къ слѣдующему періоду самостоятельное цѣлое, такъ что конецъ періода совпадалъ съ концомъ слова. Въ древнѣйшихъ періодахъ (стихахъ) соблюдалась кромѣ того *цезура*, т. е. каждое изъ колѣнъ (полустипій) его заканчивалось съ концомъ слова. Впрочемъ, періоды бывали и одноколѣнные. Изъ періодовъ образуются, наконецъ, *строфы* ³⁵⁾. Основанія всѣхъ приведенныхъ раздѣленій поэтической рѣчи заключаются въ напѣвѣ (*μελος*). Данныя здѣсь объясненія составныхъ частей пѣсенной рѣчи выведены изъ разбора сохранившейся древнѣйшей пѣсни (текста съ напѣвомъ) «къ музѣ», извлеченнаго авторомъ изъ сочиненія Вестфала, при чемъ перепечатана въ разсматриваемомъ трудѣ и самая пѣсня эта съ нотами и текстомъ.

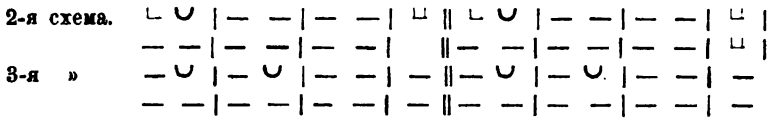
«Всѣ вышеупоминаемыя метрическія (стихотворныя) формы—пишетъ авторъ — имѣющія одинаковыя названія съ соотвѣтствующими имъ формами ритмическими (напѣвными) и происходящія изъ основаній, общихъ какъ тексту, такъ и напѣву, мы встрѣтимъ и въ народно-русской пѣсенной рѣчи», въ примѣръ чего приведена пѣсня «Дуня»:

		1-е колѣно		2-е колѣно
Строфа {	Періодъ (стихъ):	Дуня, Дуня румяна!		За что любишь Ивана?
	то же:	За то люблю Ивана,		головушка кудрява.

Изъ сравненія трехъ схемъ этой пѣсни: 1) *основанной на грамматическихъ удареніяхъ*, сливающихся съ усиленною протяжностью, 2) *ритмической*, заимствованной изъ напѣва и изображенной вышеприведенными древне-греческими ритмическими знаками и 3) *метрической*, помощью обыкновенныхъ метрическихъ знаковъ (только двухъ: — и ∪) изображающей предыдущую (ритмическую) схему:

1-я схема: ∪ ∪   ∪ ∪   ∪ ∪ || ∪ ∪   ∪ ∪   ∪ ∪   ∪ ∪ |
                   ∪ ∪   ∪ ∪   ∪ ∪ || ∪ ∪   ∪ ∪   ∪ ∪   ∪ ∪ |

³⁵⁾ «Соотвѣтственность строкъ—пишетъ Вестфаль—имѣетъ смыслъ только въ такихъ стихотвореніяхъ, которыя исполняются съ повторяемыми построѣнно мелодіями, или въ стихотвореніяхъ, составленныхъ по образцу такихъ, выполняемыхъ съ музыкою, стихотвореній».

г. Шафрановъ выводитъ, что въ этой пѣснѣ «есть строфы, соотвѣтствующія полному напѣвному обороту, есть и періоды или стихи, въ которыхъ мелодическое предложіе совпадаетъ съ логическимъ, есть колѣна или полустипія, соотвѣтствующія главнымъ членамъ мелодіи», но что вмѣстѣ съ тѣмъ пѣсенная рѣчь не укладывается въ такты или стопы, «хотя она совершенно удобно распѣвается, въ полномъ соотвѣтствіи съ ритмическими движеніями напѣва, ходъ которыхъ въ народной пѣснѣ постоянно отличается необыкновенною простотою, ясностью и опредѣленностью» ³⁶). Затѣмъ авторъ указываетъ на то обстоятельство, что, такъ какъ древнѣйшіе греческіе композиторы и поэты въ ходѣ и распредѣ-

³⁶) При этомъ авторъ прибавляетъ, что разнотактность, какая видна въ вышеупомянутой древнегреческой пѣснѣ «Къ музѣ» ($\frac{3}{8}$, $\frac{2}{8}$, $\frac{3}{4}$) и какую пытаются ввести въ русскія народныя пѣсни нѣкоторые изъ нынѣшнихъ нашихъ композиторовъ (напр. г. Балакиревъ), не встрѣчается ни въ одной изъ помѣщенныхъ въ «Приложеніи» къ его труду пѣсенъ. Косвенный упрекъ, сдѣланный здѣсь г. Балакиреву, не совсѣмъ справедливъ, такъ какъ изъ сорока собранныхъ г. Балакиревымъ пѣсенъ разнотактность встрѣчается только въ семи напѣвахъ и притомъ вызвана по большей части необходимостью, обусловлена требованіями соотвѣтствующихъ текстовъ, и пѣсни эти, при исполненіи ихъ голосомъ, въ томъ видѣ, какъ онѣ записаны въ указанномъ сборникѣ (т. е. съ разнотактностью), вслѣдствіе тѣсной связи въ нихъ напѣва съ текстомъ, звучать совершенно плавно и естественно. Г. Шафрановъ вѣроятно самъ до нѣкоторой степени раздѣляетъ это мнѣніе, вопреки высказанному имъ косвенному упреку г. Балакиреву, такъ какъ вопреки же приведенному завѣренію своему, онъ самъ помѣстилъ въ «Приложеніи» заимствованную изъ сборника г. Балакирева пѣсню «На Иванушкѣ чепанъ» (№ 117 приложенія, № 17 сб. Балакирева), представляющую чередующуюся разнотактность: $\frac{2}{4}$ и $\frac{7}{4}$; кроме того въ пѣснѣ № 127 «Приложенія: «Ночи темны» г. Шафрановъ допустилъ въ одномъ мѣстѣ вставку такта въ $\frac{2}{4}$, между тѣмъ какъ весь остальной напѣвъ написанъ въ $\frac{4}{4}$. Извѣстно, что въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ не особенно рѣдко встрѣчаются счеты въ $\frac{5}{4}$ и $\frac{7}{4}$, обыкновенно рассматриваемые какъ чередующіеся счеты $\frac{2}{4} + \frac{3}{4}$ ($= \frac{5}{4}$) и $\frac{3}{4} + \frac{4}{4}$ ($= \frac{7}{4}$). Таковы напр. пѣсни: «Не тесанъ теремъ» и «Зеленое мое ты винограды» (См. Сборн русс. нар. пѣсенъ Римскаго-Корсакова, №№ 76 и 57). Въ первой изъ нихъ каждый стихъ совершенно естественно поется на $\frac{5}{4}$, во второй — на $\frac{7}{4}$. Поричать или даже отрицать такую разнотактность въ напѣвахъ нѣкоторыхъ русскихъ народныхъ пѣсенъ равносильно поричанію или отрицанію въ текстахъ многихъ изъ нихъ напр. неравносложности, столь же въ нихъ естественной и несомнѣнной.

леніи напѣвныхъ (музыкальныхъ) тактовъ, принимали въ расчетъ и просодію текста, т. е. естественную долготу и краткость гласныхъ, то, не смотря на принимаемыя ими въ пѣніи «многообразныя фигуры мѣръ» (см. выше стр. 136), стопы, отдѣленные отъ напѣва, всетаки сохраняли на себѣ какъ бы слѣдъ или нѣкоторое отраженіе тактовъ. «Въ русской же пѣсенной рѣчи не остается и такихъ слѣдовъ тактнаго построенія напѣва: въ ней *нѣтъ стопъ*, потому что, хотя и въ русскихъ словахъ одинъ слогъ выговаривается протяжнѣе другихъ, но протяжность эта не прикрѣплена къ извѣстнымъ гласнымъ, а сливается обыкновенно съ удареніемъ, постановка котораго опредѣляется совсѣмъ иными причинами, не имѣющими ничего общаго съ природою гласныхъ. И такъ въ народно-русскомъ пѣсенномъ стихосложеніи нѣтъ стопъ, а если нѣтъ стопъ, то *нѣтъ и иктовъ*».

Авторъ формулируетъ выводы изслѣдованія объ основныхъ элементахъ ритмики и метрики, въ ихъ примѣненіи къ народно-русской пѣсенной рѣчи, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Ритмъ состоитъ въ размѣренности протяженій голосовой (вокальной) или инструментальной музыки. Въ той и другой протяжность звуковъ опредѣляется по отношенію къ движеніямъ мелодіи (къ движеніямъ звуковъ вверхъ и внизъ), а въ голосовой, сверхъ того, и по отношенію къ слогамъ словъ пѣсенной рѣчи. Ритмическій и мелодическій строй взаимно соприкасаются, такъ какъ всякій звукъ имѣетъ опредѣленную высоту и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣленную протяжность. Въ полной подчиненности тому и другому строю находится третій элементъ пѣсни—пѣсенная рѣчь или текстъ, потому что каждый слогъ текста выполняется звукомъ или звуками извѣстной высоты и извѣстной протяжности». (Нельзя согласиться съ выраженіемъ «въ полной подчиненности», потому что въ народной русской пѣсни,—главнымъ образомъ занимающей насъ здѣсь,—нерѣдко проявляетъ очевидное вліяніе на строй ритма и мелодіи именно этотъ «третій элементъ», т. е. текстъ пѣсни. Этимъ вліяніемъ текста объясняется и оправдывается, между прочимъ, ненавистная автору, но тѣмъ не менѣе несомнѣнно существующая въ народномъ пѣніи, разнотактность, а еще болѣе то мощное усиленіе, которое, независимо отъ выражаемаго въ напѣвѣ общаго настроенія пѣсни, приобрѣтаютъ отдѣльныя слова текста въ связи съ извѣстными нотами или фразами напѣва, какъ напр. въ чрезвычайно характерной, могучей пѣснѣ «эй ухнемъ» (№ 40 сборн. Балакирева, № 195 Приложенія къ сочиненію г. Шафранова) и во многихъ другихъ пѣс-

нихъ, доказывающихъ *не подчиненіе* текста ритму и мелодіи, а напротивъ—управленіе имъ въ данныхъ случаяхъ ритмомъ и мелодіей, въ пользу собственной своей выразительности. Тамъ-же, гдѣ не видно непосредственнаго вліянія отдѣльныхъ частей текста на строй ритма и вообще на ходъ мелодіи напѣва, сей послѣдній управляется только настроеніемъ, коимъ проникнута пѣсенная рѣчь, служа именно выраженіемъ его въ звукахъ.) «Въ древнѣйшее время — продолжаетъ авторъ — греческіе пѣснеслагатели были въ одно и тоже время поэты (даже и музыканты), а потому, слагая мелодію, они принимали въ соображеніе и естественную просодію своего языка, различавшаго гласныя долгія отъ короткихъ. Отсюда возникъ разнообразный складъ пѣсенной рѣчи, въ нѣкоторой степени возможный только для языковъ, сохранившихъ количественность гласныхъ: это количественный метръ, состоящій въ искусственномъ подборѣ и расположеніи словъ текста, для достиженія извѣстной послѣдовательности въ немъ долгихъ и короткихъ слоговъ, въ соотвѣтствіи разнообразному ритмическому (музыкальному) строю пѣсенъ. Хотя такимъ образомъ метръ есть какъ бы сколокъ ритма, но ни ритмъ, какъ принадлежность собственно музыкальнаго творчества, не имѣетъ самъ по себѣ никакого отношенія къ языку, ни греко-латинскій метръ, допускающій только двѣ условно принятыя мѣры протяжности слоговъ ($\cup$, —, краткость и долготу), и притомъ протяжности, неподвижно прикрѣпленной къ извѣстнымъ гласнымъ, не имѣетъ почти ничего общаго съ музыкою, въ которой композиторъ гораздо свободнѣе располагаетъ звуковою протяжностью (ритмомъ), хотя все-таки остается связанъ различіемъ протяжности между долгими и краткими гласными. Въ народно-русскихъ пѣсняхъ оба творчества, музыкальное и поэтическое, дѣйствуютъ съ совершенною свободою, не стѣсняя себя взаимными ограниченіями; любой слогъ текста, при распѣваніи, можетъ быть протянутъ, сколько то требуется напѣвомъ, а въ произношеніи, отдѣльномъ отъ напѣва, каждый слогъ произносится снова какъ въ обыкновенной рѣчи. Складъ русско-народной поэтической рѣчи опредѣляется, наравнѣ со складомъ напѣвнымъ, внутренними логическими законами выраженія мысли и чувства, относительно логическихъ дѣленій на строфы, періоды и колѣна почти совершенно такъ, какъ въ греко-латинской версификаціи; но съ внѣшней звуковой стороны древне-классическое и народно-русское стихосложеніе расходятся какъ въ цѣляхъ своихъ, такъ и въ средствахъ.

Тогда какъ въ первомъ искусственными метрическими приемами, чрезъ уподобленіе ихъ, впрочемъ лишь по наружности, ритмическимъ, какъ будто имѣлось въ виду придать рѣчи, не безъ ущерба ея вразумительности, музыкальность, для насъ теперь мало понятную,—главною заботою творца нашей народной пѣсни, какъ увидимъ на своемъ мѣстѣ, было не дать напѣву заслонить собою текстъ, а напротивъ усилить средствами напѣва впечатлѣніе рѣчи, содѣйствуя тому и различными своеобразными риторическими способами.» (Эти слова находятся въ противорѣчіе съ вышеприведеннымъ выраженіемъ автора, будто бы текстъ пѣсни вполне подчиняется строю ритма и мелодіи и подтверждаютъ сдѣланное мною выше, по этому поводу, замѣчаніе.) «Поэтическая рѣчь, какъ въ древне-греческомъ, такъ и въ народно-русскомъ языкѣ, возникла на одной и той же почвѣ — пѣсенной, но въ разные возрасты самыхъ языковъ: греческое стихосложеніе образовалось въ ту эпоху, когда въ языкѣ еще живо чувствовалось различіе долгихъ и высокихъ слоговъ; русское же тогда, когда звуковая долгота слилась уже съ высотой. Поэтому то и другое стихосложенія являются совершенно своеобразными. У грековъ творчество композитора сперва нѣсколько стѣсняемо было необходимостью сообразоваться съ просодіей языка, а поэтическая рѣчь, чрезъ уподобленіе, хотя отчасти только внѣшнее, строю напѣвному, усвоила себѣ чрезвычайное разнообразіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ, искусственность формъ въ рукахъ гениальныхъ художниковъ слова; русская же пѣсенная рѣчь, не налагавшая на напѣвный ритмъ никакихъ просодическихъ узъ, и сама сохранила полную свободу движенія; но будучи исключительнымъ достояніемъ простонародья, она осталась какъ бы въ элементарномъ состояніи, не раскрывшись въ такомъ разнообразіи стихотворныхъ формъ, какое достижимо только въ поэзіи литературной».

Во второй статьѣ авторъ разсматриваетъ *стихосложенія слоучислительное и тоническое по отношенію къ народно-русскому пѣсенному*. Въ первой части этой статьи главнымъ источникомъ послужило автору опять вышеназванное сочиненіе Вестфала. *Слоучислительное* стихосложеніе было, по мнѣнію Вестфала, первоначально общимъ для всѣхъ индо-европейскихъ племенъ, начиная съ зендскаго или иранцевъ, на языкѣ которыхъ написаны священныя преданія религіи Агура-мазда, извѣстныя подъ именемъ Авесты или Зендавесты, изложенныя частью въ прозѣ, частью въ метрической формѣ. «Метрическую часть составляютъ пѣсни религиоз-

наго содержанія, такъ называемыя *gathas*, т. е. оды, раздѣленные на стихи и строфы различныхъ метровъ. Метрическая форма стиха состоитъ въ опредѣленномъ числѣ слоговъ и въ цезурѣ. Въ остаткахъ эпической поэзіи (сохранившихся въ Авестѣ въ отдѣлѣ прозы) стихъ состоитъ изъ 16 слоговъ, съ цезурою послѣ восьмага:

— — — — — | — — — — —

Вмѣстѣ со стихомъ заканчивается обыкновенно и предложеніе, оба полустипія или ритмическія колѣна, по смыслу, обыкновенно составляютъ двѣ части предложенія. Каждый два стиха по содержанию составляютъ строфу, двоестипіе. Другія стихотворенія написаны метромъ изъ другаго числа слоговъ и въ строфахъ, содержащихъ болѣе чѣмъ два стиха, даже до пяти. О слоговой количественности и о грамматическомъ удареніи въ зендскомъ языкѣ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній... Стихосложеніе въ Авестѣ не количественное, а только слогочислительное. Подобное же стихосложеніе Вестфаль находитъ въ индійскихъ Ведахъ. «Метръ мифическихъ пѣсенъ въ Зендавестѣ и Ведахъ почти тождественны. Въ пѣсняхъ Ведъ мы встрѣчаемъ почти всѣ тѣ же метры Зендавесты съ совершенно одинаковымъ числомъ слоговъ, съ такою же цезурою и съ такимъ же распредѣленіемъ строфы. Но при этомъ встрѣчается одно видоизмѣненіе, которое мы считаемъ переходомъ отъ слогочислительнаго стихосложенія къ количественному, именно конецъ каждаго стиха, а часто и конецъ колѣнъ, внутри стиха, въ Ведахъ твердо опредѣленъ просодически. Вышеприведенный эпическій стихъ изъ Зендавесты является въ Ведахъ въ слѣдующемъ видѣ:

— — — — — | — — — — —

И здѣсь цезура послѣ восьмага слога, и здѣсь съ концомъ стиха, по возможности, оканчивается и предложеніе; и здѣсь два тактовыхъ стиха соединяются, по связи мысли, въ одну строфу—двоестипіе... Какъ въ вышеприведенномъ стихѣ, такъ и во всѣхъ стихотвореніяхъ Ведъ, всѣ стихи слогочислительные, періоды состоятъ изъ двухъ колѣнъ, съ постоянною между ними цезурою... Отъ чего количественность соблюдалась только въ концѣ стиха, а не во всемъ стихѣ? оттого, что когда стихъ поется, то заключеніе его составляетъ наиболѣе выдающуюся часть; а стихи Ведъ пер-

воначально, конечно, пѣлись, какъ бы ни былъ монотоненъ напѣвъ ихъ. По той же самой причинѣ въ послѣдствіи времени Романскіе народы и Византійцы, принявъ тоическое стихосложеніе, соблюдали совпаденіе ритмическаго икта съ грамматическимъ удареніемъ только въ концѣ стиховъ, или колѣнъ, а не соблюдали въ первыхъ частяхъ ихъ. По этой же причинѣ явилась приѣма во всѣхъ стихосложеніяхъ въ средніе вѣка.» Г. Шафрановъ по этому поводу высказываетъ предположеніе о вѣроятномъ сходствѣ выполнения стиховъ Авесты и Ведъ съ однотоннымъ выполненіемъ нѣкоторыхъ нашихъ церковныхъ пѣснопѣній, напр.:

«Чѣстнѣйшюу... сѣрафѣмъ, || бѣзъ ислѣвнѣй... вѣлѣчаѣмъ»,

въ которыхъ только значительные слоги произносятся нѣсколько протяжнѣе и съ бѣльшимъ напряженіемъ голоса, всѣ же прочіе выполняемы кратко и безъ соблюденія грамматическихъ удареній.

«Итакъ—продолжаетъ авторъ—приводимыя Вестфалемъ примѣры изъ Авесты и Ведъ несомнѣнно относятся къ стихосложенію слогочислительному, потому что въ нихъ каждый стихъ или періодъ состоитъ изъ одинаковаго числа слоговъ, раздѣляясь на два колѣна, состоящіе также изъ равнаго числа слоговъ; въ этомъ единственно состоитъ метръ или складъ.» И затѣмъ, для доказательства того, что русская пѣсенная рѣчь не слогочислительная, какъ и древне-греческая, авторъ приводитъ еще слѣдующія слова Вестфала: «Древніе (греческіе) ритмисты принимали слогъ за единицу мѣры и утверждали, что слогъ такъ относится къ ритму, какъ мѣра къ измѣряемому. Аристоксенъ первый училъ, что не слогъ, а *χρόνοι πρότοι* (т. е. одномѣрная краткость, см. выше стр. 136) суть единица ритмической мѣры», и прибавляетъ: «Отвергнутое Аристоксеномъ мнѣніе древнихъ ритмистовъ о слогочислительности греческаго стихосложенія могло образоваться только вслѣдствіе господствованія въ древней ритмикѣ такъ называемыхъ *числныхъ тактовъ*, т. е. такихъ, въ которыхъ каждому звуковому движенію въ напѣвѣ соотвѣтствуетъ особый слогъ текста, какъ это почти всегда наблюдать можно въ приводимыхъ у Вестфала (ч. I Supplement, стр. 45) древне-греческихъ пѣсняхъ, напр.:

КЪ МУЗЪ.

1-й стихъ: Ἄ | εἶδε | μοῦσα | μοι φί | λη, || μοῦ | πῆς δ' ἔ | μῆς κατ | ἀρ | χου.
(ритмъ 2-го стиха тождественъ ритму 1-го).

3-й » Καλλί | ού | πεῖσ | σο | φᾱ | μου- || σὼν προ | ούα | Σαῡ | ἔτι | τερω̄ν.
(ритмъ 4-го стиха тождественъ ритму 3-го).

Въ первыхъ двухъ (трохейческихъ, съ анакрузой [т. е. за-тактомъ]) стихахъ, въ восьми тактахъ (стопахъ) cadaго, полагая по два слога на тактъ, надобно было ожидать по 16-ти слоговъ; а ихъ насчитывается только по 15-ти, вслѣдствіе того, что стихосложеніе это не слогочислительное, а количественное, и тактъ должно считать не въ два слога, а въ три единицы мѣры (— ∪) Несмотря на неодинаковое число слоговъ и самыхъ тактовъ (въ первыхъ двухъ стихахъ по 15-ти слоговъ, въ послѣднихъ двухъ по 18-ти; въ первыхъ такты трехмѣрные; въ послѣднихъ четырехмѣрные), количество музыкальнаго времени во всѣхъ четырехъ стихахъ одинаково, именно 24 единицы мѣры (χρόνοι πρώτοι = ∪). Уравненіе достигнуто тѣмъ, что тогда какъ во всѣхъ тактахъ первыхъ двухъ стиховъ по одному двухмѣрному и по одному одномѣрному слогу, въ предпослѣднихъ тактахъ тѣхъ же стиховъ одному слогу дано три мѣры. Доказательство это могло быть извлечено только изъ напѣва, а не изъ количественнаго метра, который не знаетъ слоговъ протяженіемъ свыше двухъ мѣръ».— Авторъ называетъ «уравненіемъ» ритмическаго содержанія приведенныхъ стиховъ изъ пѣсни «къ Музѣ»—одинаковое въ каждомъ стихѣ количество единиц мѣры, а именно 24. Но «уравненіе» это нельзя не признать въ данномъ случаѣ только внѣшнимъ или даже случайнымъ: ритмъ въ первыхъ двухъ стихахъ трехвременный ($\frac{3}{8}$), а въ послѣднихъ двухъ — четырех- или двухвременный ($\frac{4}{8} = \frac{2}{4}$); каждый стихъ перваго двоестішя выразилась въ 8 (музыкальныхъ) тактахъ въ $\frac{3}{8}$ ($\frac{3}{8} \times 8 = \frac{24}{8}$), а каждый стихъ втораго двоестішя—въ 6 тактахъ въ $\frac{2}{4}$ ($\frac{2}{4} \times 6 = \frac{12}{4} = \frac{24}{4}$). Ни одинъ слушатель, однако, будь онъ музыкантъ, или не музыкантъ, не признаетъ равенства ритмическаго содержанія столь отличныхъ другъ отъ друга, по ритмической группировкѣ составныхъ частей своихъ, стиховъ перваго и втораго изъ данныхъ двоестішій, подобно тому какъ два зданія, совершенно различныя по архитектурнымъ формамъ своимъ, не могутъ быть признаны равными потому только, что на постройку cadaго изъ нихъ пошло одинаковое количество кирпичей. Такое же доказательство—продолжаетъ авторъ—можно представить и въ народно-русскомъ пѣсенномъ стихосложеніи, именно—что оно не слогочислительное. Вотъ примѣръ:

Ритмическая схема текста:

- 1) Вдоль по | морю | вдоль по | морю *) | — 8 слоговъ, 22 мѣры (U).
- 2) Вдоль по | морю, морю си | нему, || вдоль по | морю морю
си | нему | — 18 слоговъ, 26 мѣръ.
- 3) Плыветъ лебедь... (слѣдуютъ стихи съ совершенно одинаковымъ количествомъ слоговъ до стиха):
- 17) Лебедя | токь всѣхъ | лебедя | токь всѣхъ | — 10 слоговъ, 22 мѣры.
- пан:
- 17) Лебедя | тушекъ всѣхъ || лебедя | тушекъ всѣхъ | — 12 слоговъ, 22 мѣры.
- 18) Лебедятъ всѣхъ сиротать пустилъ (bis).

Въ 17-мъ стихѣ вмѣсто восьми слоговъ, какъ въ первомъ (и во всѣхъ нечетныхъ стихахъ пѣсни), встрѣчаемъ 10 слоговъ, двумя слогами болѣе, а въ его вариантѣ даже 12 слоговъ, слѣдовательно четырьмя слогами болѣе: но ни тотъ, ни другой стихъ ни мало не разстроиваютъ ритма, потому что ведется счетъ не слоговъ, а единицъ музыкальнаго времени, которыхъ и въ томъ и въ другомъ

*) Недостающая для полноты музыкальнаго періода четверть такта переносится на первые два слога слѣдующаго четнаго стиха, и чрезъ то оба стиха сливаются въ одно цѣлое, въ строфу. Оба музыкальные періода (стихи) окажутся совершенно равными по объему музыкальнаго времени, если первый періодъ пополнить двумя начальными мѣрами втораго, а ко второму прибавить двѣ мѣры, служащія переходомъ къ третьему періоду. Эти переходныя звуки служатъ для связи смежныхъ строфъ. Прим. г. Шафранова.

стихѣ 22, ровно столько же, какъ въ прочихъ нечетныхъ стихахъ. Уравненіе ³⁷⁾ достигнуто такимъ образомъ, что въ 17-мъ стихѣ для двухъ лишнихъ слоговъ двѣ двухмѣрныя ноты разложились каждая на двѣ одномѣрныя, а въ вариантѣ этого стиха для четырехъ лишнихъ слоговъ четыре двухмѣрныя ноты разложились каждая на двѣ одномѣрныя.

Ясно, что въ народо-русской пѣсенной рѣчи, какъ и въ греко-латинской, стихотвореніе не слогочислительное, потому что число слоговъ въ стихахъ можетъ быть неодинаковое, и не смотря на то, стихи въ ритмическомъ отношеніи, т. е. по количеству музыкальнаго въ нихъ времени, совершенно равны между собою, такъ какъ при этомъ считаются не слоги, а мѣры времени (*χρόνοι πρότοι*),¹ которыхъ количество во всѣхъ стихахъ одинаково. Изъ того же сравненія строя греческой и народно-русской пѣсни оказывается, что счетъ количества ведется въ той и другой по ритму, а не по метру, и что народно-русская пѣсенная рѣчь, хотя сама по себѣ не количественная, въ напѣвѣ принимаетъ количественность и въ этомъ смыслѣ становится ритмическою».

Приведенные здѣсь слова автора вызываютъ слѣдующія замѣчанія: я уже раньше высказалъ предположеніе, что авторъ не музыкантъ. Данный нотный примѣръ можетъ служить къ подтвержденію моего предположенія. Пѣсня «Вдоль по морю» выписана здѣсь въ счетѣ $\frac{3}{4}$. Она же въ приложеніи къ разсматриваемому труду (№ 31) выписана въ счетѣ $\frac{2}{8}$, при чемъ указанъ источникъ, откуда она заимствована, а именно сборникъ Балакирева; а между тѣмъ у Балакирева она написана въ счетѣ $\frac{3}{2}$. Авторъ очевидно совѣмъ не ощущаетъ различія между характеромъ трехчетвертнаго, двухчетвертнаго и трехполовиннаго счетовъ, не ощущаетъ различія между сильнымъ и слабымъ временами музыкальнаго такта, словомъ незнакомъ съ элементарными положеніями ученія о музыкальномъ ритмѣ. Эта нечувствительность автора къ различію между ритмами (счетами) двух- и трехвременными доказывается между прочимъ и тѣмъ, что, измѣняя счетъ, въ коемъ напѣвѣ указанной пѣсни записанъ у Балакирева, а именно $\frac{3}{2}$ въ $\frac{2}{4}$ (черезъ раз-

³⁷⁾ Здѣсь «уравненіе» ритмическаго содержанія четныхъ и нечетныхъ стиховъ дѣйствительно имѣетъ мѣсто и не есть только внѣшнее, случайное, какое мы видѣли выше въ первомъ и второмъ двустипшіи древне-греческой пѣсни «къ Музѣ», имѣющихъ первое нечетный, трехвременный, а второе—четный, двухвременный музыкальный ритмъ.

дробленіе каждаго такта Балакирева на три части: $\frac{3}{4} = \frac{2}{4} + \frac{1}{4} + \frac{1}{4}$, онъ даже не счелъ нужнымъ оговорить сдѣланное имъ измѣненіе. Подобное же обстоятельство повторяется и дагѣе: на стр. 99 помѣщена пѣсня (съ напѣвомъ) «Ужъ какъ пагъ туманъ» въ счетѣ $\frac{3}{4}$, въ приложеніи же авторъ пишетъ ту же пѣсню (№ 184) въ счетѣ $\frac{4}{8}$, очевидно опять не ощущая различія между трехчетвертными и четырехчетвертными счетами. Надо замѣтить, что при ближайшемъ разсмотрѣніи этихъ двухъ музыкальныхъ редакцій названной пѣсни оказывается, что обѣ онѣ невѣрны, а именно ее слѣдуетъ писать въ счетѣ $\frac{3}{4}$, но съ затактомъ (анакрузою) на слова «ужъ какъ» съ тѣмъ чтобы слово «пагъ» приходилось на первое, сильное, время такта.

Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о болѣе или менѣе вѣрныхъ способѣ изображенія данной пѣсни въ музыкальныхъ знакахъ, разсмотримъ сущность выведеннаго авторомъ заключенія, что «русская народная пѣсенная рѣчь, хотя сама по себѣ не количественная, въ напѣвѣ принимаетъ количественность и въ этомъ смыслѣ становится ритмическою». Авторъ высчитываетъ для этой цѣли количество слоговъ нѣкоторыхъ стиховъ данной пѣсни, нерѣдко измѣняющееся, и указываетъ на то, что несмотря на различіе числа слоговъ, соответствующее даннымъ стихамъ количество единицъ музыкальнаго времени въ напѣвѣ остается одно и тоже, и дѣйствительно оказывается въ напѣвѣ съ одной стороны, для четныхъ стиховъ, 26 мѣръ (т. е. $\frac{26}{8}$), съ другой же, для нечетныхъ — 22 мѣры ($\frac{22}{8}$), всего же въ строфѣ (двостипшіи) 48 мѣръ ($\frac{48}{8}$).—Это доказательство было бы дѣйствительно чрезвычайно убѣдительно, если бы каждый новый стихъ или каждая новая строфа пѣсни пѣлась на новый каждый разъ напѣвъ, и если бы въ каждомъ изъ этихъ новыхъ напѣвовъ дѣйствительно удерживалась постоянно такая строгая музыкальная равномѣрность въ его частяхъ и въ ихъ совокупности. Но вѣдь мы имѣемъ дѣло съ напѣвами строфными, т. е. такъ сказать, обязательно повторяющимися съ каждой новой строфой пѣсеннаго текста, а потому равномѣрность въ каждомъ соответствующемъ стихѣ строфы, а также въ каждой строфѣ, становится необходимою, и не представляется возможности, даже намѣренно, вводить въ теченіе пѣсни музыкальную разномѣрность, не искажая самаго папѣва, который, принявъ, однажды, известную форму, не можетъ не выдерживать вьсьгъ (т. е. всегда равное число) заключающихся въ немъ мѣръ, при повтореніи съ каждымъ новымъ стихомъ или новой строфой текста.

Сказанное относится вообще до всякаго рода строфныхъ пѣсенъ, къ какому бы роду стихосложенія тексты ихъ ни принадлежали, а потому указанная «равномѣрность» и не можетъ служить характеристическимъ признакомъ одного лишь народно-русскаго пѣснопѣнія. Слѣдую примѣру г. Шафранова, можно о всякой строфной пѣсенѣ, напр. нѣмецкой (написанной въ тоническомъ стихосложеніи) французской (въ слогочислительномъ), сказать тоже, что г. Шафрановъ, на основаніи выведеннаго имъ исчисленія количества музыкальныхъ мѣръ въ напѣвѣ, говоритъ о народно-русской пѣсенной рѣчи, а именно что счетъ количества ведется въ каждой изъ нихъ «по ритму», и что каждая изъ нихъ «въ напѣвѣ принимаетъ количественность и въ этомъ смыслѣ становится ритмическою, прибавивъ при этомъ, что онѣ, независимо отъ того, въ стихахъ сохраняютъ— первая свое тоническое, а вторая свое стогочислительное сложеніе.

Напр. 1-я строфа: 1 ст. Bringet des | treu-sten | Herzens | Grüsse |
 (9 слоговъ) = 23 мѣры и пауза: ♪ = 24 мѣры.

2 » Ei-len-de | Wel-len | zu ihr|hin... ♪ ♪
 (8 слоговъ) = 20 мѣръ и паузы: ♪ ♪ = 24 мѣры.

2-я » 1 » Sieh der | Wind zieht | ihr ent- | ge-gen,
 (8 слоговъ) = 23 мѣры и пауза: ♪ = 24 мѣры.

2 » Ihr ent- | ge-gen | eilt der | Bach... ♪ ♪
 (7 слоговъ) = 20 мѣръ и ♪ ♪ = 24 мѣры.

(«Reiselied» текстъ Эберта, музыка Мендельсона.)

Еще примѣръ: Mal- | brough s'en va t'en | guer-re, (7 слоговъ) = 11 мѣръ.

Miron|ton, mironton, miron|taine, (10 ») = 13 »

Mal- | brough s'en va t'en | guerre, (7 ») = 12 »

Né | saît quand revien-|dra. (6 ») = 12 »

и т. д.

Слѣдующіе куплеты по количеству какъ слоговъ, такъ и музыкальныхъ мѣръ тождественны съ этой первой строфой.

Тожѣ самое можно было бы даже отнести и къ прозѣ, подведенной подъ напѣвъ и раздѣленной на строфообразные отрѣзки, которые бы пѣлись съ даннымъ напѣвомъ, подобно строфамъ пѣ-

сни, что совсѣмъ не такъ невозможно, какъ полагаетъ авторъ, утверждающій (на стр. 129), будто бы проза можетъ быть пѣта «только речитативомъ». Это совершенно невѣрно: многія замѣчательнѣйшія произведенія, напр. ораторіи Генделя, Баха и др., заключающія въ себѣ, кромѣ речитативовъ, большія хоровыя пьесы, аріи, дуэты и проч., сочинены на тексты, написанные въ прозѣ³⁸⁾.

Авторъ обращается затѣмъ къ рассмотрѣнію *тоническаго стихосложенія*, при чемъ опять приводитъ пространныя выписки изъ сочиненія Вестфала. Изъ сопоставленія этихъ выписокъ, по словамъ автора, «становится яснымъ, что такъ называемое тоническое стихосложеніе возникло первоначально не у Германцевъ, а у тѣхъ же самыхъ народовъ, у которыхъ господствовало и вполнѣ развившееся количественное стихосложеніе, именно у Византійскихъ Грековъ и Римлянъ. Происхожденіемъ своимъ оно обязано тому неизбежному для всѣхъ языковъ процессу, по которому слоговая долгота, существовавшая сперва отдѣльно и независимо отъ слоговой высоты, мало по малу утрачивается и переносится на ударяемые слоги, которые отселѣ совмѣщаютъ въ себѣ звуковую высоту и протяжность. Возникло новое стихосложеніе тамъ же, гдѣ подготавлилось и перерожденіе языка, т. е. въ простомъ народѣ, мало знакомомъ съ литературными образцами и еще менѣе съ учеными о нихъ изслѣдованіями, и возникло на общей почвѣ исто-народной поэзіи, именно на почвѣ пѣсни, слѣдовательно въ подчиненіи условіямъ вокальной музыкѣ, стало быть и ритму. Подчиняясь ритму или музыкальному размѣру, при распѣваніи, греко-латинская народная (впослѣдствіи и церковная) пѣсня, подобно народно-русской, могла конечно остаться совершенно свободною отъ ритмическихъ узъ въ говореніи или въ декламаци; но при господствѣ въ то же время въ высшихъ сословіяхъ стихосложенія количественнаго, усвоившаго себѣ, хотя отчасти только номинально, ритмическій

---

³⁸⁾ Гибкость рѣчи, при соединеніи ея съ напѣвомъ, вообще изумительна. Доказательствомъ тому могутъ служить напр. изданные мною два сборника: «Русскій дѣтскій пѣсенникъ» (собраніе народныхъ напѣвовъ великорусскихъ, малорусскихъ и польскихъ) и «Баянъ» (собраніе напѣвовъ всѣхъ западно-европейскихъ народовъ), въ которыхъ, такъ какъ изданія эти предназначены для употребленія въ школахъ, подъ готовые, только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, и притомъ лишь весьма незначительно измѣненные народные напѣвы всѣхъ націй, подложены избранныя стихотворенія русскихъ авторовъ, написанныя въ разныхъ размѣрахъ. Всѣ эти пѣсни строчныя и вполнѣ естественно сливаются съ данными, весьма разнохарактерными, напѣвами.

(напѣвный) строй, она не только не избѣгла вліянія ученой метрики, но приняла даже виѣшнія метрическія формы, какія только могла. Съ такимъ сравнительно новымъ стихосложеніемъ латинскій языкъ въ средніе вѣка сдѣлался въ западной Европѣ языкомъ литературы и церкви, и тонически сложенные богослужебныя пѣсни не могли не послужить образцами версификаціи и для свѣтской поэзіи туземныхъ нарѣчій.

Итакъ тоническое стихосложеніе, по сущности своей, не оправдываетъ своего названія, потому что основалось не на высотѣ слоговъ, ни на грамматическомъ удареніи, которое никакъ не можетъ служить основой напѣвнаго ритма (звуковая высота и долгота суть совершенно разнородные элементы въ музыкѣ, и одна другую замѣнить никакъ не могутъ), а на такомъ же чередованіи долготы и краткости, съ тою лишь разностью, что долгота оказывается перемѣщенной на ударяемые слоги; а если пѣть придется на слогъ неударяемый, то и этому послѣднему фактивно присвоивается долгота, хотя въ живомъ произношеніи и невыполняемая. Принятіе фиктивныхъ долготъ оказалось необходимымъ для тонического стихосложенія, вслѣдствіе подражанія количественному, съ которымъ оно не могло сравниться метрическими средствами, такъ какъ ударяемыхъ слоговъ въ рѣчи гораздо менѣе, чѣмъ долгихъ, которыхъ можетъ въ одномъ быть по два въ одномъ словѣ и болѣе, а ударяемый обыкновенно только одинъ, нѣкоторые слова даже и того не имѣютъ. Такимъ образомъ, по общей участи всякихъ подражаній, тоническое стихосложеніе усвоило себѣ частью только виѣшнія формы образца своего, — стихосложенія количественнаго — безъ его сущности, подобно тому, какъ само количественное стихосложеніе первоначально было виѣшнимъ сколкомъ съ напѣвнаго ритма, лишь отчасти напоминающимъ его сущность». Затѣмъ авторъ возражаетъ противъ мнѣнія Вестфала, утверждающаго, что главнымъ формамъ нѣмецкаго стихосложенія неправильно придаютъ названіе трохеевъ и ямбовъ, которые не похожи на греческіе трохеи и ямбы, а суть скорѣе такты четные (*grade*, не «прямые», какъ переводитъ это выраженіе г. Шафрановъ), въ которыхъ *тяжелый и легкий члены, при чтеніи, совершенно равны по протяженію*, хотя бы композиторъ, при положеніи ихъ на ноты, и придалъ имъ различную протяженность. Нечетные (*ungrade*, — г. Шафрановъ невѣрно переводитъ: «непрямые») или трехмѣрные такты, каковы они въ греческомъ стихосложеніи, по Вестфалу могутъ быть приравняемы не къ трохеямъ и ямбамъ нѣмецкимъ, а скорѣе къ нѣмецкимъ дактилямъ

и анапестамъ, т. е. къ нѣмецкимъ метрамъ, состоящимъ изъ трехъ-сложныхъ тактовъ (съ двойнымъ пониженіемъ), «потому что каждый изъ трехъ слоговъ въ этихъ метрахъ мы (нѣмцы) произносимъ съ одинаковою протяжностью, а не такъ, чтобы повышаемый слогъ, по протяженію, одинъ равнялся обимъ понижаемымъ слогамъ взятымъ вмѣстѣ... У насъ (нѣмцевъ) стихотворенія пишутся для чтенія, пожалуй для декламаціи; музыка сдѣлалась вполнѣ самостоятельнымъ искусствомъ, и вполнѣ отъ усмотрѣнія композитора зависитъ, на сколько онъ захочетъ соблюсти распредѣленіе тактовъ стихотворнаго текста. Другое существенное различіе въ метрику нѣмецкой и древнегреческой состоитъ въ томъ, что ритмическая протяжность слоговъ въ текстѣ нашихъ (нѣмецкихъ) стихотвореній совершенно независима отъ грамматической просодіи. Кто повышеніе голоса въ нашемъ (нѣмецкомъ) стихосложеніи называетъ протяженіемъ и долготою, тотъ еще не умѣетъ различать понятіе объ удареніи и о просодіи».

Отрицаніе Вестфалемъ большей протяжности ударяемыхъ слоговъ ново-верхне-нѣмецкаго стиха сравнительно съ неударяемыми г. Шафрановъ старается опровергнуть двумя способами: во первыхъ онъ ссылается на композиторовъ, которымъ считаетъ необходимымъ предоставить «первенство тонкости слуха», и приводитъ четыре примѣра нѣмецкихъ пѣсенъ, съ напѣвами Рейхардта, Кулау, К. М. Вебера и Гривеца, въ которыхъ дѣйствительно музыкальный ритмъ придаетъ долгимъ слогамъ протяжность вдвое большую противъ короткихъ, такъ что въ данныхъ случаяхъ, въ пѣніи, нѣмецкіе хоры, дактили и проч. въ ритмическомъ отношеніи оказываются равными греческимъ (при двухмѣрной протяжности долгихъ слоговъ). Это *первое* доказательство не вполнѣ убѣдительно, такъ какъ можно привести не мало напѣвовъ, въ которыхъ протяжность такъ называемыхъ долгихъ и короткихъ слоговъ нѣмецкихъ стиховъ оказывается совершенно равною, при чемъ все различіе между тѣми и другими заключается лишь въ постановкѣ «долгихъ» слоговъ на сильныя времена, какъ извѣстно, всегда несущія на себѣ выдающееся удареніе. Напр.:

Als | ich ein Jung-ge | sellē war, nahm | ich ein stein-alt | Weib....
(Нѣмецкая народная пѣсня).

или: Wenn | Jemand eine | Reise thut, so | kann er was er- | zählen.... («Urian's
Reise» муз. Цельтера).

или: $\tilde{D}\tilde{a}\bar{s}$ | $\tilde{k}\bar{l}\bar{i}\bar{n}\bar{g}\bar{e}\bar{t}$ $\bar{s}o$ | $\bar{h}\bar{e}\bar{r}\bar{l}\bar{i}\bar{c}\bar{h}$, $\tilde{d}\tilde{a}\bar{s}$ | $\tilde{k}\bar{l}\bar{i}\bar{n}\bar{g}\bar{e}\bar{t}$ $\bar{s}o$ | $\tilde{s}\bar{c}\bar{h}\bar{o}\bar{n}$ . . . . . (Изъ оперы «Волшебная флейта» муз. Моцарта).

или: $\bar{L}\bar{e}\bar{i}$ $\bar{s}\bar{e}$ | $\bar{l}\bar{e}\bar{i}$ $\bar{s}\bar{e}$ $\bar{f}\bar{r}\bar{o}\bar{m}\bar{m}\bar{e}$ | $\bar{W}\bar{e}\bar{i}$ $\bar{s}\bar{e}$ . . . . (Изъ оперы «Волшебный стрѣлокъ» К. М. Вебера).

Какъ примѣры, приведенные г. Шафрановымъ, говорятъ въ пользу его мнѣнія о протяжности въ нѣмецкомъ языкѣ долгихъ слоговъ, такъ въ этихъ примѣрахъ, на оборотъ, находятъ себѣ полное подтвержденіе оспариваемое г. Шафрановымъ мнѣніе Вестфала о равномерности долгихъ и короткихъ слоговъ. Г. Шафрановъ совершенно упускаетъ изъ виду выдающееся въ ритмическомъ отношеніи значеніе сильныхъ временъ музыкальныхъ тактовъ и то обстоятельство, что, кромѣ ритма, въ музыкѣ немалую роль играютъ еще мелодія и гармонія, въ совокупности съ которыми въ напѣвѣ ритмъ нерѣдко дѣлается до того разнообразнымъ, что по извлеченной изъ напѣва ритмической схемѣ очень часто совсѣмъ невозможно бываетъ угадать размѣръ текста, положеннаго на данный напѣвъ. Напр. трудно догадаться, что слѣдующая ритмическая схема: $\bar{1} \bar{1} \bar{1} \bar{1} \bar{1} \bar{1} \bar{1} \bar{1}$ — соотвѣтствуетъ словамъ: «Ich bleib indessen hier», которыхъ метрическая схема выражается такъ $\bar{1} \bar{1} \bar{1} \bar{1} \bar{1} \bar{1} \bar{1} \bar{1}$, а между тѣмъ въ живомъ исполненіи этой фразы по указанной ритмической схемѣ съ соотвѣтствующей мелодіей и гармоніей и при данной сценической обстановкѣ (примѣръ замѣствованъ изъ оперы «Волшебная флейта» Моцарта) различіе и даже кажущееся противорѣчіе ритмическаго движенія съ метрической основной схемой приведеннаго текста слушателемъ вовсе не ощущается. О чрезвычайной гибкости и эластичности рѣчи, не связанной количественною просодією, я уже имѣлъ случай упомянуть выше, въ примѣчаніи на стр. 150.

Сказаннымъ мною о присутствіи сильныхъ временамъ музыкальныхъ тактовъ удареній и вышеприведенными примѣрами ритмическихъ схемъ, извлеченныхъ изъ наиболѣе популярныхъ пѣсень и музыкально-драматическихъ сочиненій знаменитыхъ германскихъ композиторовъ, опровергается справедливость и *etoratio* доказательства г. Шафранова противъ положенія Вестфала о равномерности (равенствѣ по протяжности) долгихъ и короткихъ слоговъ въ нѣмецкомъ языкѣ. Г. Шафрановъ утверждаетъ, что, отказывая своимъ ударяемымъ слогамъ въ долготѣ, Вестфаль «лишаетъ нынѣшнее нѣмецкое стихосложеніе ритмической, а вмѣстѣ съ тѣмъ и

всякой основы, потому что удареніе, относясь къ высотѣ звука, само по себѣ не можетъ служить основой ритма, если не соединено будетъ съ протяжностью», и затѣмъ, говоря объ усиленіи голоса въ пѣніи и въ декламациі стиховъ, которое Вестфаль прикрѣпляетъ къ иктовому (ударяемому) слогу, г. Шафрановъ прибавляетъ: «такое отрывистое налеганіе голоса надъ каждымъ однимъ изъ двухъ или трехъ слоговъ придавало бы дикціи отнюдь не музыкальность, не пѣвучесть, а совершенное подобіе рывканія. Не думаю, чтобы г. Шафрановъ при правильномъ, осмысленномъ, выразительномъ исполненіи приведенныхъ мною примѣровъ (въ которыхъ долгіе и короткіе слоги въ мелодіи оказываются равномерными), нашелъ въ нихъ воображаемое имъ «рывканіе»; правильность же, осмысленность и выразительность сочиненія и исполненія вокальной музыки заключаются именно въ распредѣленіи ударяемыхъ и неударяемыхъ слоговъ текста на главныхъ, сильныхъ, и второстепенныхъ, слабыхъ, временахъ тактовъ, на высокихъ или низкихъ нотахъ, на болѣе или менѣе выдающихся изъ общаго гармоническаго хода аккордахъ, и въ исполненіи ихъ пѣвцомъ съ особеннымъ выдѣленіемъ, акцентуаціей (реторической) главныхъ слоговъ (и словъ) текста, при точномъ, въ тоже время, соблюденіи избраннаго композиторомъ, но въ устахъ пѣвца подлежащаго нѣкоторой модификаціи ритма. Механическое исполненіе пѣсенной рѣчи въ пѣніи (или декламациі), въ которомъ исполнитель сталъ бы, если можно такъ выразиться, «рубить» рѣчь на равномерныя доли (по Вестфалю) или на неравномерныя (съ соблюденіемъ двойной протяжности долгихъ слоговъ противъ короткихъ, по требованію г. Шафранова) было бы въ обоихъ случаяхъ одинаково мертво и невыносимо для слушателя.

Какъ въ нѣмецкихъ, такъ и въ русскихъ литературныхъ стихахъ, которые читаются и поются совершенно такъ же, какъ нѣмецкіе, исполнитель (т. е. декламаторъ съ одной стороны, композиторъ же и пѣвецъ въ совокупности ³⁹⁾)—съ другой волею и даже долженъ, смотря по содержанію текста, отгнать тѣ или другіе слоги

---

³⁹⁾ Дѣятельность композитора и пѣвца должны въ данномъ случаѣ бытъ разсматриваемы слитно, такъ какъ музыкальная декламациа текста, въ главныхъ, самыхъ существенныхъ, частяхъ своихъ фиксируется композиторомъ въ нотахъ, оживляемыхъ исполненіемъ пѣвца, который, вращаясь въ точнo указанныхъ композиторомъ предѣлахъ, тѣмъ не менѣе вноситъ субъективный элементъ въ исполненіе, *воспроизводитъ* сочиненіе.

и слова его имѣющимися въ распоряженіи его средствами: декламаторъ или чтецъ можетъ позволять себѣ въ извѣстныхъ предѣлахъ придавать ударяемымъ слогамъ большую, а неударяемымъ — меньшую протяжность, можетъ ускорять или замедлять вообще течение рѣчи, повышать и понижать голосъ въ предѣлахъ интерваловъ сего послѣдняго; композиторъ же напѣва (и пѣвецъ) имѣетъ въ своемъ распоряженіи гораздо болѣе обширную скалу музыкальныхъ тоновъ, со всѣми безчисленными отгѣнками силы ихъ звука, отъ самаго тихаго *pianissimo* до самаго громкаго *fortissimo*, и со всѣми промежуточными степенями силы звука, то нарастающей, то спадающей, контрастами тихихъ и громкихъ, высокихъ и низкихъ тоновъ, быстрыхъ и медленныхъ ходовъ, имѣя возможность облекать текстъ въ разнообразныя ритмы (четные и нечетные, съ соблюденіемъ равномерности и неравномерности слоговъ текста), также подлежащія соотвѣтствующимъ модификаціямъ (замедленію, ускоренію), и т. д., долженъ умѣть помощію этихъ богатыхъ средствъ оживлять облеченную въ напѣвъ рѣчь, придавая тому или другому слогу, слову или фразѣ болѣе акцентъ, вѣсъ, выразительность и, пользуясь присущимъ главному времени каждаго такта акцентомъ, вносящимъ въ напѣвъ ритмъ, дробящимъ его на равномерныя группы тоновъ (такты), тѣмъ не менѣе не допускать и возможности возникновенія въ слухателѣ мысли о какомъ то «рявканіи», котораго опасается г. Шафрановъ, утверждающій, будто бы удареніе само по себѣ, т. е. не будучи соединено съ протяжностью, не можетъ служить основой ритма. Вышеуказанныя мною примѣры убѣждаютъ, однако, въ возможности противнаго. Уже самое возникновеніе спора о томъ, соблюдается, или нѣтъ, большая протяжность такъ называемыхъ долгихъ слоговъ въ новѣйшихъ нѣмецкихъ (въ русскихъ литературныхъ) стихахъ, одинаково читаемыхъ сторонниками обоихъ противоположныхъ мнѣній, — спора, неразрѣшеннаго, какъ видно изъ примѣровъ, и композиторами, за которыми г. Шафрановъ признаетъ «первенство тонкости слуха» — можетъ служить доказательствомъ неопредѣленности и неуловимости этой протяжности, *точная мѣра* которой въ тоническомъ стихосложеніи очевидно совсѣмъ *утрачена*.

Далѣе авторъ подвергаетъ разбору мнѣнія русскихъ изслѣдователей народно-русскаго стихосложенія, Востокова и Классовскаго. Онъ протестуетъ, какъ раньше противъ Вестфала, по отношенію къ нѣмецкому языку, такъ здѣсь противъ Востокова за то, что послѣдній не признаетъ въ русскомъ стихосложеніи протяжности такъ

называемыхъ долгихъ слоговъ. Ударенію, служащему по мнѣнію Востокова, основою народно-русскаго стихосложенія и оставленному имъ безъ опредѣленнаго названія, г. Шафрановъ даетъ наименованіе «реторическаго». Замѣчая, что въ одномъ и томъ же предложеніи, смотря по намѣренію говорящаго, каждое слово можетъ получить реторическое удареніе и лишиться его, напр.

- Утромъ (а не вечеромъ) ты пойдешь со мною на базаръ.
- Утромъ ты (а не кто другой) пойдешь со мною на базаръ.
- Утромъ ты пойдешь (а не поѣдешь) со мною на базаръ,

и т. д.

Г. Шафрановъ спрашиваетъ: «можетъ ли быть положено въ основу пѣсеннаго стиха, складывающагося въ каждой пѣснѣ не иначе, какъ по однообразной и непремѣнно соотвѣтствующей напѣвному ритму схемѣ, такое начало, которое отличается именно своею зыбкостью и непостоянствомъ?» Кроме того авторъ дѣлаетъ различныя замѣчанія по поводу нѣкоторыхъ опредѣленій Востокова, а именно находитъ, что въ «просодическомъ періодѣ» неудаемые слоги не всѣ произносятся съ равнымъ пониженіемъ голоса, какъ утверждаетъ Востоковъ, подтверждая это словами Востокова же, признающаго въ русскомъ произношеніи періодовъ три перевода голоса: высокій, средній и низкій; что, «отвергая въ русскихъ народныхъ стихахъ» присутствіе тоническихъ стопъ, основывающихся на грамматическихъ удареніяхъ, онъ (Востоковъ) однако дѣлитъ стихи именно по роду ихъ конечныхъ стопъ; что, «не признавая равносложности въ народныхъ стихахъ, Востоковъ однако вездѣ высчитываетъ въ нихъ слоги и выводитъ дѣленіе ихъ на семи-сложные, въ сочетаніе съ пяти—или восьми-сложными и т. п., хотя не объясняетъ причины таковой ихъ разносложности»; что, «полагая въ основу русскаго стиха удареніе, конечно реторическое, Востоковъ признаетъ однако же его разномѣстность и считаетъ достаточною основою строя стиховъ единственно равночисленность въ нихъ реторическихъ удареній»,—которая однако не вездѣ строго соблюдается; что «разномѣстность реторическихъ удареній въ стихѣ, долженствующемъ соотвѣтствовать данному напѣвному ритму, отнюдь не мыслима, потому что, при каждомъ перемѣщеніи ударенія, стихъ выбивался бы изъ своей ритмической колеи и не могъ бы быть пропѣтъ по данной мелодіи»; что, наконецъ, разномѣстность удареній нарушаетъ всякую послѣдовательность въ просодическихъ

періодахъ. Авторъ заключаетъ разборъ сочиненія Востокова слѣдующими словами: «вообще складъ народно-русской пѣсни, по ея первобытной безыскусственности, подобно складу древнѣйшихъ греческихъ стиховъ, не можетъ быть объясняемъ независимо отъ музыкальнаго элемента, и потому слѣдовало показать, какимъ напѣвнымъ свойствамъ соотвѣтствуютъ стихотворныя ударенія съ ихъ просодическими періодами, какъ укладываются стихи неравносложные, съ разномѣстными удареніями, подъ одну и ту же мелодію. Но Востоковъ, хотя приписывалъ относительно большую единомѣрность пѣсенныхъ стиховъ именно ихъ пѣсенности, вовсе однако не коснулся соотношенія между музыкальною стороною пѣсенъ и ихъ стихосложеніемъ».

Нельзя не согласиться съ авторомъ, что при изслѣдованіи предмета, состоящаго изъ двухъ взаимно проникающихъ другъ друга элементовъ, какова народно-русская пѣсня, состоящая изъ тѣсно связанныхъ въ ней текста и напѣва, необходимо, опредѣляя строеніе пѣсни въ ея сложности, а равно той или другой изъ составныхъ ея частей, отнюдь не упускать изъ виду указаннаго соотношенія этихъ частей, и главная заслуга г. Шафранова въ разбираемомъ сочиненіи его заключается именно въ томъ, что, приступая къ изслѣдованію склада народной пѣсни нашей, онъ *первый*, и вмѣстѣ съ тѣмъ вполне сознательно, избралъ эту новую точку зрѣнія, между тѣмъ какъ предшественники его ограничивались лишь намеками на то, что «пѣсни слагались подъ ладъ музыки», при чемъ «естественно пропадаютъ ударенія, составляющія основу стиха русскаго» (Востоковъ), что напѣвъ пѣсенъ, «вѣрный имъ спутникъ соразмѣрялъ слова по нѣкоторому тайному закону» (Дубенскій).

Обращаясь затѣмъ къ «Версификаціи» Классовскаго, авторъ указываетъ на неудачный, по его мнѣнію, выборъ Классовскимъ названій для удареній (грамматическаго, логическаго и стихотворнаго) и прибавляетъ: «Востоковъ, предложившій въ основу русскихъ народныхъ стиховъ риторическое удареніе, а за нимъ Классовскій, давшій этому самому ударенію названіе стихотворнаго, были введены въ заблужденіе самымъ произношеніемъ этихъ стиховъ. Народные стихи дѣйствительно, при чтеніи, не могутъ быть иначе произнесены, какъ съ соблюденіемъ риторическихъ удареній, которыхъ въ одной и той же пѣснѣ приблизительно бываетъ поровну въ каждомъ стихѣ, потому что въ этомъ и состоитъ отличный признакъ искусственной пѣсенной рѣчи, что стихи въней

большую частью равны по самому объему содержанія своего, слѣдовательно и по числу входящихъ въ нихъ предложеній (или частей ихъ), произносимыхъ каждое со своимъ особымъ риторическимъ удареніемъ. Но изъ этого *не слѣдуетъ, что стихи эти строятся на риторическихъ удареніяхъ*, а слѣдуетъ только, что они *произносятся съ соблюденіемъ такихъ удареній*, такъ какъ соблюденіе ихъ равно обязательно и при осмысленномъ чтеніи прозы и при декламациі тоническихъ стиховъ». Говоря далѣе о разнообразныхъ раздѣленіяхъ Классовскимъ народныхъ стиховъ по числу удареній, по мѣсту перваго ударенія считая отъ начала стиха, по мѣсту ударенія, считая отъ конца стиха, авторъ замѣчаетъ, что Классовскій приводитъ въ примѣры безразлично не только стихи пѣсенныя и былинныя, но даже пословицы и поговорки, не имѣющія конечно напѣвовъ и не складывающіяся, вслѣдствіе того, по напѣвнымъ требованіямъ.

Въ заключеніе второй статьи труда своего авторъ между прочимъ замѣчаетъ, что вообще въ стихосложеніяхъ слогочислительномъ, количественномъ и тоническомъ (тонико-метрическомъ по опредѣленію Классовскаго), «господствуютъ два основныя начала, по своей искусственности равно чуждыя складу народно-русской пѣсенной рѣчи, а именно внѣшняя равнообъемность или внутренняя (условная) единомѣрность. Первая соблюдается въ слогочислительномъ стихосложеніи, основывающемся на неудобовнятной для слуха равночисленности слоговъ въ римающихся стихахъ; внутренняя же единомѣрность выражается въ количественномъ и въ составившемся по образцу его тоническомъ стихосложеніи, тактнымъ построеніемъ... Затѣмъ народная пѣсенная рѣчь наша является свободною какъ отъ силлабической шнуровки, такъ и отъ искусственныхъ узъ мнимо-тактнаго построенія... *Истинной основой строя своеобразной русской народной пѣсенной рѣчи слѣдуетъ искать тамъ же, гдѣ найдена основа и древне-греческой: это пѣсенные напѣвы*». Этимъ заканчивается историко-литературный отдѣлъ, предпосланный авторомъ изслѣдованію народно-русскаго пѣсеннаго стихосложенія, съ цѣлью, указать ему, по выраженію автора, «подобающее мѣсто въ ряду другихъ стихосложеній, извѣстныхъ въ европейскихъ литературахъ».

Третья статья сочиненія г. Шафранова, посвященная разсмотрѣнію «народно-русскаго пѣсеннаго стихосложенія», начинается съ изложенія мнѣнія г. Олесницкаго (извлеченнаго изъ сочиненія сего послѣдняго: Ритмъ и метръ въ ветхозавѣтной поэзіи [Труды

Кіевск. Духовн. Академіи, сентябрь 1872 г.) о тождествѣ вародно-русскаго пѣсеннаго размѣра съ древне-еврейскимъ. Между прочимъ идетъ рѣчь и о *параллелизмѣ*, т. е. поэтической формѣ, свойственной какъ библейской, такъ и народно-русской пѣсенной рѣчи, и которю, по мнѣнію г. Шафранова, «существенно отличается отъ версификацій просодическихъ, движущихся въ ритмическихъ око-вахъ (количественной и тонической) версификація *стилистическая*, основывающаяся на особенностяхъ слога и на своеобразномъ поступательномъ движеніи рѣчи». Затѣмъ приводятся различныя объясненія поэтическаго параллелизма, изъ которыхъ г. Шафрановъ отдаетъ предпочтеніе объясненію Зальшютца (Saalschütz, Von der Form der hebräischen Poesie): параллелизмъ есть то ближайшее, то отдаленное родство въ содержаніи отдѣльныхъ строкъ или предложеній, обнаруживающееся то въ строкахъ слѣдующихъ одна за другою, то въ смѣшанномъ порядкѣ, напр. такъ, что первой строкѣ будетъ соотвѣтствовать содержаніе третьей», и приводитъ слѣдующіе примѣры:

Еврейск.: 1) Небо дождило и облака лили воду.

2) Вознесись молитва, словно дымъ съ кадила! Воздыму
я къ небу руки свои — это моя вечерняя жертва!

Русск.: 1) О чемъ ты дѣвица плачешь?

О чемъ ты слезы льешь?...

2) Ужъ какъ палъ туманъ на сине море,

А злодѣй тоска въ ретиво сердце...

«По объясненію Лофта — продолжаетъ г. Шафрановъ, цитируя слова Олесницкаго — къ которому склоняется и Блинкь, параллелизмъ вышелъ изъ первоначальной неумѣлости человѣческаго слова овладѣвать мыслию, вслѣдствіе которой человѣкъ говорилъ *разбросанными* предложеніями, не имѣющими между собою внутреннихъ отношеній и связи, но однако же параллельными съ внѣшней стороны, потому что всѣ они стремились овладѣть одною и тою же мыслию»... Далѣе г. Шафрановъ возстаетъ противъ мнѣнія Лея, который объясняетъ происхожденіе параллелизма изъ началъ аллитерациі, утверждая, что, «подобно тому какъ повтореніе буквъ, учащаясь болѣе и болѣе, перешло въ повтореніе цѣлыхъ словъ, въ теченіи времени, при дальнѣйшемъ интеллектуальномъ развитіи, повтореніе словъ замѣнилось повтореніями мыслей, потому что съ

усиленіемъ интереса въ мысли, фонетическій интересъ пересталъ обращать на себя вниманіе и постепенно затерся мыслию». Г. Шафрановъ находитъ это объясненіе крайне невѣроятнымъ: «въ фигурѣ звукоподражанія—возражаетъ онъ—единственно-допустимой для русской народной поэзіи, подобозвучію словъ должно во всякомъ случаѣ предшествовать сходство сопоставляемыхъ явленій физическаго и нравственнаго міра, напр.: мірская молва морская волна». Доказательствомъ тому, что параллелизмъ въ библейской поэзіи не представляетъ дальнѣйшей фазы аллитераціи, Олесницкій приводитъ то обстоятельство, что параллелизмъ полюбѣ именно въ древнѣйшихъ пѣсняхъ, съ теченіемъ же времени ослабѣваетъ, и въ тѣхъ библейскихъ книгахъ, гдѣ нѣтъ аллитераціи, тамъ весьма мало и параллелизма. Наконецъ Эвальдъ, стоящій во главѣ нѣмецкой библейской критики, утверждая, что языкъ ветхозавѣтной поэзіи недоразвился до метрической поэзіи, «признаетъ въ библии только независимый отъ внѣшнихъ обыкновенныхъ формъ, внутренней поэтической рѣчь мысли (Gedankenrhythmus), то опускающейся, то поднимающейся и такимъ образомъ образующей *Tanz der Gedanken* (пляску мыслей), замѣняющій просодію». . . Эвальдъ принимаетъ три рода параллелизма, изъ которыхъ однако, по мнѣнію Олесницкаго, съ которымъ соглашается и г. Шафрановъ, только одному принадлежитъ повтореніе членовъ и который Эвальдъ опредѣляетъ такъ: «самый сильный и прекрасный метръ бываетъ въ томъ случаѣ, когда мысль находитъ полное отзвучіе во второмъ членѣ, когда вполне повторяется предложеніе (*Wiederhall des ganzen Satzes*). Здѣсь не имѣетъ мѣста тавтологія или повтореніе словъ; но метръ держится только въ области мысли. Такимъ образомъ, гдѣ въ прозѣ два предмета стоятъ одинъ при другомъ, какъ два подлежащихъ, здѣсь для каждаго изъ нихъ отдѣляется особенное предложеніе. Напр.

Притч. 1, 10: Слушай, сынъ мой, наставленія отца твоего

И не отвергай назиданія матери твоей.

Въ прозѣ подлежащія *отецъ* и *мать* короче были бы названы въ одномъ предложеніи». Далѣе словами Олесницкаго же приводятся слѣдующіе факты: 1) независимо отъ поэтическихъ книгъ ветхаго завѣта, параллелизмъ встрѣчается во всѣхъ прозаическихъ, историческихъ книгахъ ветхаго завѣта, начиная съ книги Бытія

(Быт. 2. 2:) «и кончилъ Богъ въ день седьмый дѣла, которыя дѣлалъ, и почилъ въ день седьмый отъ дѣлъ, которыя дѣлалъ», (Быт. 2, 5:) «прежде чѣмъ какой либо кустъ появился на землѣ, прежде чѣмъ какой либо злакъ полевой выросъ». 2) Очень много стиховъ съ параллельными членами встрѣчаются въ новомъ завѣтѣ, написанномъ прозой и на греческомъ, а не на еврейскомъ языкѣ, напр. Мате. 10, 26: «Нѣтъ ничего сокровеннаго, что не открылось бы, и тайнаго, что не было бы узнано». 3) Параллелизмъ встрѣчается у всѣхъ древнихъ восточныхъ народовъ, даже тѣхъ, которые имѣютъ опредѣленную просодію звуковъ: у Египтянъ, у Индійцевъ, у Китайцевъ, у древнихъ и новыхъ нѣмцевъ, въ каждой русской народной былинѣ и пѣснѣ:

Ужь ты батюшка, свѣтелъ мѣсяцъ!
 Что ты свѣтишь не постарому,
 Не постарому, не попржему? . . .

Параллелизмъ можно встрѣтить отчасти у всѣхъ нашихъ поэтовъ до Пушкина, особенно у Державина, Жуковского и Кольцова. И такъ параллелизмъ есть нѣчто всеобщее, существующее въ самыхъ различныхъ степеняхъ у всѣхъ народовъ, какъ въ прозаическихъ, такъ и «въ поэтическихъ сочиненіяхъ, независимо отъ того, будетъ ли поэзія просодическая (т. е. имѣющая какой либо особенный метръ, независимый отъ метра мысли) или непросодическая, и постепенно исчезающее у всѣхъ народовъ съ развитіемъ аналитическаго движенія мысли вмѣсто первоначальнаго синтетическаго. Другими словами: параллелизмъ есть обыкновенный древній способъ выраженія мысли всѣхъ народовъ, не только не отличающій поэзіи отъ прозы, но именно представляющій нѣчто связывающее прозу и поэзію. . . Съ теченіемъ времени у всѣхъ народовъ этотъ естественный рѣзъ скрывается, отъ того что возникающія въ сознаніи противоположности (Олесницкій называетъ всякую связь между мыслями связью противоположности, въ широкомъ смыслѣ этого выраженія) отъ продолжительной практики мысли постепенно болѣе и болѣе сближаются между собою, такъ что мысль, вмѣсто прямого параллельнаго движенія по противоположностямъ, начинаетъ двигаться, такъ сказать, по діагонали параллелограмма. Напримѣръ, вмѣсто того чтобы сказать:

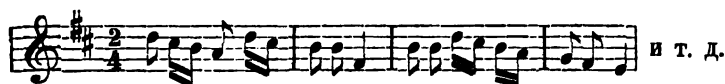
Гибель на языкѣ нечестивыхъ;
 Кто слушаетъ ихъ, погибнетъ,

мы говоримъ: совѣты нечестивыхъ пагубны; т. е. изъ двухъ параллельныхъ предложеній дѣлаемъ одно, стоящее посрединѣ между тѣмъ и другимъ предложеніемъ, но не совпадающее ни съ однимъ изъ этихъ предложеній взятыхъ отдѣльно. Съ своей стороны г. Шафрановъ прибавляетъ, что «вышеприведенной перефразировкой не только изъ двухъ предложеній сдѣлано одно, но вмѣстѣ съ тѣмъ два конкретныя, образныя представленія замѣнены однимъ отвлеченнымъ; поэтическая рѣчь превращена въ прозаическую именно вслѣдствіе уничтоженія параллелизма».—Я выписалъ здѣсь изъ пространныхъ извлеченій, сдѣланныхъ г. Шафрановымъ изъ статьи Олесницкаго, ту часть, съ содержаніемъ которой нашъ авторъ совершенно соглашается и въ которой выяснилось понятіе о *параллелизмѣ*, коему, вмѣстѣ съ *повтореніями*, какъ увидимъ далѣе г. Шафрановъ придаетъ столь важное значеніе въ русско-народной пѣсенной рѣчи.

Все вышеизложенное служить, такъ сказать, пьедесталомъ, на которомъ авторъ строитъ свое новое ученіе о складѣ нашихъ народныхъ пѣсень. Разсматривая сіи послѣднія одновременно съ напѣвной и стихотворной ихъ сторонъ, ему нерѣдко приходится касаться вопросовъ спеціально-музыкальныхъ, и въ этой области опредѣленія и поясненія его нерѣдко страдаютъ неточностью, недомолвками и даже погрѣшностями. Приступая къ разсмотрѣнію отношенія напѣва русской народной пѣсни къ ея тексту, авторъ утверждаетъ, что, «такъ какъ метръ во всѣхъ версификаціяхъ не имѣетъ никакого отношенія къ тональности напѣвовъ (къ мелодическому движенію звуковъ вверхъ и внизъ по октавной лѣстницѣ) и можетъ состоять въ связи только съ ихъ ритмическимъ построеніемъ, т. е. съ ихъ музыкальными размѣрами, то мнимо-народно-русскій тоническій или слоудоударительный размѣръ долженъ бы былъ состоять въ соотвѣтствіи риторическихъ удареній текста съ наибольшими напѣвными протяженіями; такъ слова (или вѣрнѣе слоги) риторически ударяемая, пѣлись бы самыми длинными нотами, ударяемая только грамматически—не столь длинными, во все же неударяемая слоги были бы постоянно пѣты самыми краткими или наиболѣе дробными нотами». Разбираемый затѣмъ примѣръ (пѣсня «Катенька веселая») приводитъ автора къ заключенію, что «какъ совпаденіе, такъ и несовпаденіе удареній съ протяженіями совершенно случайныя и не находятся между собою ни въ какомъ соотношеніи». Заключеніе это во многихъ случаяхъ дѣйствительно оправдывается, но оно не можетъ имѣть вполнѣ того

значенія, которое придаетъ ему авторъ, потому что несовпаденіе протяженій напѣвныхъ тоновъ съ ударяемыми слогами текста никакъ не можетъ служить доказательствомъ того, что въ напѣвѣ не соблюдены ударенія текста. Приведенные мною на стр. 152 и 153 примѣры текстовъ съ напѣвными схемами служатъ подтвержденіемъ тому, что такъ называемые долги (ударяемые) слоги нѣмецкихъ (а также русскихъ) стиховъ могутъ въ пѣніи довольствоваться лишь акцентомъ, присущимъ сильнымъ временамъ тактовъ) и могутъ легко обходиться безъ большаго противъ такъ называемыхъ короткихъ (неударяемыхъ) слоговъ протяженія. Прибавлю еще что авторъ, утверждая, что метръ не имѣетъ никакого отношенія къ мелодическому движенію звуковъ вверхъ и внизъ, упускаетъ изъ виду и всѣ тѣ средства, которыми, *кромя протяженія*, обладаетъ музыка для акцентуаціи, т. е. для выдѣленія даннаго ударяемаго слога напѣва изъ среды прочихъ, сосѣднихъ съ нимъ, неударяемыхъ слоговъ. Такими средствами могутъ служить: 1) поставленіе подлежащаго ударенію слога на главное, сильное время такта, какъ уже замѣчено выше, всегда несущее на себѣ самое сильное въ тактѣ удареніе; 2) поставленіе даннаго слога на болѣе высокій (при нѣкоторыхъ условіяхъ даже на болѣе низкій), сравнительно съ прочими сосѣдними слогами, тонъ, 3) произвольное на тонѣ, соответствующемъ данному слогу, усиленіе голоса, *кромя* того въ 4) въ пѣсняхъ, исполняемыхъ многоголосно, достаточно бываетъ иногда даже, не мѣняя тона ведущаго главную мелодію голоса, придавать ему, посредствомъ измѣненія, въ прочихъ голосахъ, аккорда, другое гармоническое значеніе, чтобы выдѣлить соответствующій этому тону слогъ напѣва изъ среды всѣхъ прочихъ. Итакъ вышеуказанное г. Шафрановымъ несовпаденіе протяженія напѣвныхъ тоновъ съ риторическими удареніями текста пѣсни еще не можетъ служить убѣдительнымъ доказательствомъ совершеннаго отсутствія этого ударенія въ соответствующемъ тонѣ ея напѣва. Разсмотримъ ближе примѣръ, на которомъ г. Шафрановъ строилъ свои доказательства, а именно начало пѣсни:

Ка-тень-ка ве - се-ла-я, Ка-тя чер-но - бро-ва-я...

Г. Шафрановъ выписываетъ тоническую и напѣвную (ритмическую) схемы этой пѣсни, выражающіяся такъ:

Схема тоническая: — — — — — — — — — — || — — — — — — — — — —
 » напѣвная: — — — — — | — — — — — || — — — — — | — — — — —

принимая при этомъ исключительно во вниманіе протяженіе каждаго слога въ напѣвѣ, и изъ сопоставленія этихъ схемъ выводить, что не только не оказывается повсемѣстнаго совпаденія слоговъ ударенія съ наибольшими напѣвными протяженіями, но какъ разъ противное тому. Взглянувъ же на данный напѣвъ но ближе и не только со стороны напѣвныхъ протяженій, мы напротивъ того найдемъ, что напѣвъ совершенно вѣрно передаетъ помѣченныя надъ тонической схемою ударенія, а именно пѣсня поется въ счетѣ: $\frac{3}{4}$, и главные ударенія приходятся естественно на первую восьмую каждаго такта: — — — — — | — — — — — || — — — — — | — — — — — —. Кроме того короткіе слоги текста, приходящіеся на вторую половину 2-го и 4-го тактовъ, несмотря на большее протяженіе свое (— = $\frac{1}{4}$), не только не несутъ ударенія, такъ какъ они стоятъ на слабыхъ временахъ тактовъ, но въ тоже время поются на самыя низкія ноты данной мелодіи, вслѣдствіе чего эффектъ отъ этихъ слоговъ еще болѣе ослабляется. Не слѣдуетъ вообще упускать изъ виду, что о музыкальномъ произведеніи, будь оно простая пѣсня или многосложная симфонія, должно судить не на основаніи кропотливаго взвѣшиванія протяженія каждой отдѣльной ноты, но по тому непосредственному впечатлѣнію, которое оно производитъ на слушателя въ живомъ исполненіи, дѣйствуя на него *всѣми* своими сторонами, всѣми свойственными ему средствами. Всякій, кто безъ предвзятой мысли прослушаетъ стихъ: «Катенька веселая, Ката чернобровая» съ приведеннымъ у г. Шафранова напѣвомъ, долженъ согласиться, что непосредственный эффектъ отъ нея таковъ, что тоническія ударенія текста вполне воспроизводятся даннымъ напѣвомъ. Въ числѣ слѣдующихъ стиховъ этой пѣсни есть и такіе, въ которыхъ риторическія ударенія текста утрачивается въ пѣніи (объ отношеніи напѣва къ *первой* и къ слѣдующимъ строфамъ пѣсеннаго текста, оставленномъ г. Шафрановымъ безъ вниманія, я скажу нѣсколько словъ ниже), и въ результатъ нельзя, вслѣдствіе того, не согласиться съ авторомъ, что риторическія ударенія не могутъ быть разсматриваемы какъ главная основа, на которой строятся русскія народныя пѣсни. Такого результата мы дости-

гаемъ тѣмъ путемъ, который избранъ г. Шафрановымъ, но съ извѣстными поправками, а именно обращая вниманіе на несовпаденіе въ нѣкоторыхъ стихахъ риторическихъ удареній не съ одними только *протяженіями* соответствующихъ тоновъ напѣва, но вообще съ музыкальной акцентуаціей ихъ, какими бы средствами таковая въ напѣвѣ ни достигалась.

Во второй статьѣ своего сочиненія г. Шафрановъ привелъ слова Брамбахъ о способѣ образованія формъ древнѣйшаго греческаго стиха на почвѣ народной пѣсни, который, по замѣчанію г. Шафранова, какъ бы повторился черта въ черту на русской народной пѣсенной рѣчи. «Въ древности — говоритъ Брамбахъ — какъ и во всѣ времена, пѣніе является сочетаніемъ мелодическихъ и ритмическихъ предложеній или фразъ. Эти фразы угрековъ такъ и назывались членами ($\chi\omega\lambda\alpha$, по русски пѣсенное колѣно). Члены (колѣна) греческой пѣсни такъ располагаются, что въ нихъ очевидно единство построенія. Единство это достигается тѣмъ, что или повторяются тождественные члены, или приводятся въ связь нетождественныя, но родственныя по строенію и объему группы тактовъ. Повтореніе тождественныхъ членовъ есть самый простой и древній способъ». Г. Шафрановъ уже раньше, по пѣснѣ «Дуня, Дуня румяна» показалъ дѣленіе пѣсенъ на строфы, стихи и колѣна и позже подтвердилъ то весьма важное обстоятельство, что «въ каждомъ двоестипіи вмѣстѣ съ окончаніемъ мелодическаго періода заканчиваются постоянно періоды рѣчи, т. е. или полныя предложенія, или самостоятельныя ихъ части (напр. обращенія). Далѣе, не только періоды текста, полныя предложенія или самостоятельныя ихъ части прилажены къ періодамъ мелодіи въ цѣломъ, но главныя и второстепенныя ихъ части соглашены съ главными и второстепенными частями мелодіи, именно каждый стихъ въ двоестипіи соответствуетъ одной половинѣ мелодіи, и каждое полустипіе — отдѣльному музыкальному колѣну. Соответствіе текста напѣву не идетъ далѣе этого, въ извѣстномъ смыслѣ внутренняго, соглашенія». Далѣе авторъ, пытаясь замѣнить слова ритмъ и метръ по отношенію къ русской народной пѣснѣ выраженіями *ладъ* и *складъ*, говоритъ: «Ладъ относится къ ритмическому построенію напѣва, складъ — къ построенію пѣсенной рѣчи», и прибавляетъ, что «требованія лада, иначе ритмическія, распространяются, конечно, и на пѣсенную рѣчь, на слова пѣсни, но лишь пока пѣсенная рѣчь распѣвается, а какъ скоро текстъ отдѣляется отъ напѣва, какъ

скоро пѣсня не поется, а говорится, то ладъ... уже становится къ ней непримѣнимъ».

Вслѣдъ за тѣмъ мы опять наталкиваемся съ одной стороны на неубѣдительное, потому что основанное на недоразумѣніи автора доказательство, а съ другой — на противорѣчіе. «Скажутъ — говоритъ авторъ — что рѣчь, построенная не ритмически, не можетъ назваться стихотвореніемъ, стихъ де не мыслимъ безъ опредѣленной размѣренности протяженій и безъ ритмическихъ иктовъ, и если въ народно-русской пѣсенной рѣчи не оказывается ни того, ни другаго, то русскія народныя пѣсни сложены де прозой, а не стихами». Въ числѣ аргументовъ противъ такого мнѣнія авторъ заявляетъ между прочимъ, что проза можетъ быть пѣта только речитативомъ, т. е. безъ ритма, въ русскихъ же пѣсняхъ соблюдается весьма правильно расчлененная мелодія. О томъ, что проза можетъ не хуже стиховъ быть полагаема на музыку, я говорилъ уже выше (стр. 150), а слѣдовательно и приведенный авторомъ аргументъ не имѣетъ значенія. Но авторъ тутъ же совершенно справедливо замѣчаетъ, что пѣсенная рѣчь отличается отъ обиходной, — отъ прозы, какъ соразмѣрностью частей періодовъ и притомъ преимущественно внутреннею соразмѣрностью самаго содержанія, понятій и мыслей, такъ и свойственными ей повтореніями, параллелизмомъ и другими поэтическими формами рѣчи. Вышеуказанное противорѣчіе въ опредѣленіи взаимнаго отношенія между напѣвомъ и текстомъ пѣсенъ заключается въ слѣдующемъ: На стр. 131 авторъ говоритъ, что «складъ народно-русской пѣсенной рѣчи объясняется самою сущностію двусоставной природы пѣсни, какъ произведенія музыкальнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ поэческаго, въ которомъ и музыка и рѣчь, сливаясь въ дружномъ дѣйствіи на слушателя, не стѣсняють себя взаимно, а сохраняютъ каждая свою свободу и свои средства». Между тѣмъ нѣсколько строкъ выше, а также на стр. 125 и въ другихъ мѣстахъ, авторъ утверждаетъ, что «рѣчь прилаживается напѣву, исполнѣ подчиняясь ему». Авторъ вообще склоненъ вѣрить въ это полное подчиненіе текста напѣву, который, по его мнѣнію, всегда слагается исполнѣ самостоятельно, безъ всякаго принорвленія къ удареніямъ въ текстѣ. Предоставляя себѣ ниже остановиться нѣсколько на этомъ вопросѣ, разсмотримъ его основательнѣе, приведу теперь слова автора о взаимномъ въ главныхъ, общихъ чертахъ, отношеніи напѣва и рѣчи въ русской пѣсни, — слова, которыя могутъ быть примѣнены не только къ русской, но и ко всякой другой *строфной* пѣснѣ. «Въ

пѣснѣ — говоритъ авторъ — чувства и мысли выражаются не просто словами, какъ въ обиходной рѣчи, но словами, произносимыми музыкально, по извѣстному напѣву, причѣмъ словами выражается рядъ однородныхъ мыслей и чувствъ, а музыкою (напѣвомъ, мелодіей въ общемъ значеніи этого слова) общее душевное настроеніе пѣвца въ минуту творчества. Напѣвъ есть рядъ различныхъ по высотѣ и протяжности звуковъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ въ извѣстномъ порядкѣ, который въ каждомъ данномъ случаѣ опредѣляется господствующимъ чувствомъ и врожденнымъ чело-вѣку чувствомъ звуковой красоты. Какъ высота, такъ и протяжность звука подлежатъ измѣренію, первая октавною лѣстницею звуковъ, вторая — тактами. Такъ какъ напѣвъ слагается совмѣстно съ первымъ полнымъ, законченнымъ выраженіемъ мысли или чувства, подъ дѣйствіемъ общаго настроенія души, и это общее настроеніе остается неизмѣннымъ во весь актъ пѣсеннаго творчества, то напѣвъ и повторяется съ каждымъ полнымъ отдѣломъ рѣчи (строфою или періодомъ) до конца пѣсни, какъ повторяется одинъ и тотъ же узоръ въ кружевѣ, въ цвѣтной или въ камчатной ткани. И такъ напѣвъ есть какъ бы музыкальная форма, въ которую вылилась овегцествившаяся въ словѣ первая мысль извѣстнымъ образомъ настроенной души. Разъ сложившаяся такимъ образомъ музыкальная форма остается затѣмъ уже неизмѣннымъ мѣриломъ слаживаемой съ нею рѣчи, до конца ея, опредѣляемаго истощеніемъ мыслей и чувствъ на данную тему. Творецъ народной пѣсни есть творецъ пѣсенной рѣчи и вмѣстѣ съ тѣмъ напѣва ея. Отъ того, вѣроятно, и зависитъ неподражаемая прелесть хорошей народной пѣсни, что она является органически цѣльнымъ плодомъ совокупнаго дѣйствія двухъ творчествъ, поэзіи и музыки, неотразимо плѣняющимъ наше чувство, какъ свѣтъ и теплота въ нераздѣльномъ явленіи. Если первый, начальный періодъ пѣсенной рѣчи зарождается въ одномъ актѣ творчества съ музыкальнымъ проявленіемъ чувства или съ напѣвомъ, то онъ необходимо слагается въ полномъ соотвѣтствіи съ напѣвомъ, сообразуясь во всемъ съ его условіями и требованіями. По складу перваго періода (перваго стиха или первыхъ двухъ стиховъ) пѣсенной рѣчи непрѣнно слагаются и всѣ остальные періоды пѣсни, и притомъ *точь въ точь* (?), иначе не могутъ быть подведены подъ напѣвъ перваго періода, который остается общимъ для всей пѣсни — не могутъ быть пропѣты. И такъ вся пѣсня составляетъ непрѣнно однимъ складомъ, именно складомъ перваго ея періода, *первый же періодъ* пѣсни

самъ складывается (?) по ея напѣву». Послѣднія положенія автора, отмѣченныя мною вопросительными знаками, подлежатъ значительной поправкѣ, а именно, какъ будетъ показано ниже, «остальные» періоды пѣсни въ весьма большомъ числѣ случаевъ складываются не «точь въ точь» какъ первый, первый же періодъ также въ весьма большомъ числѣ случаевъ не складывается самъ «по напѣву», а напротивъ очень часто *напѣвъ складывается* согласно требованіямъ текста перваго періода.

Въ вокальной музыкѣ, произведенія которой состоятъ изъ совокупности рѣчи и напѣва, и къ которой, разумѣется, принадлежитъ и русская народная пѣсня, слитіе этихъ двухъ элементовъ въ одно органическое цѣлое происходитъ въ нѣкоторомъ родѣ по закону параллелограмма силъ. Смотря по большому или меньшему равенству или неравенству въ данной формѣ вокальной музыки «силъ» того или другаго элемента (рѣчи или напѣва), другими словами, смотря по равноправности въ ней обоихъ названныхъ элементовъ или преобладанію одного изъ нихъ надъ другимъ, результатъ слитія рѣчи съ напѣвомъ выражается съ одной стороны въ формѣ сухаго разговорнаго речитатива (полное преобладаніе рѣчи надъ напѣвомъ), съ другой — въ формѣ колоратурной итальянской аріи (полное преобладаніе напѣва надъ рѣчью) съ безчисленными промежуточными, между этими двумя полюсами, степенями взаимныхъ соотношеній рѣчи и напѣва, которыя могутъ быть до нѣкоторой степени изображены графически, въ видѣ градусныхъ дѣленій на линіи, соединяющей указанные два полюса, изъ коихъ назовемъ первый буквою *A*, а второй — *B*. Г. Шафрановъ, какъ сказано выше, склоненъ признавать въ русской народной пѣснѣ *вообще* полное подчиненіе рѣчи напѣву, другими словами, онъ даетъ мѣсто русской народной пѣснѣ на полюсѣ *B*. Необходимая, въ этомъ отношеніи, поправка положенія г. Шафранова должна заключаться въ перемѣщеніи русской пѣсни изъ указаннаго ей г. Шафрановымъ мѣста въ *B* на значительное число градусовъ по направленію отъ *B* къ *A*. Замѣтимъ далѣе, что русскія народныя пѣсни, по характеру своему, а соотвѣтственно тому и взаимныя отношенія въ тѣхъ или другихъ изъ нихъ рѣчи и напѣва оказываются до того разнообразными, что было бы крайне ошибочно для всѣхъ русскихъ народныхъ пѣсней *вообще* опредѣлить соотвѣтствующее имъ мѣсто на одномъ какомъ либо градусѣ линіи *AB*, какъ дѣлаетъ г. Шафрановъ, утврждающій, будто-бы въ нихъ рѣчь вполнѣ подчиняется напѣву. Напротивъ того, область русской народной пѣсни въ данномъ отношеніи

такъ пространна, что, будучи нанесена на линію *AB*, она займетъ не одно дѣленіе, а цѣлую серію ихъ, при чемъ нельзя однако не замѣтить, что занятое ею мѣсто будетъ находиться ближе къ *B*, чѣмъ къ *A*. Вотъ почему я и говорилъ выше, что съ словами г. Шафранова о полномъ подчиненіи въ русскихъ пѣсняхъ рѣчи напѣву нельзя согласиться безусловно, и что опредѣленіе его подлежитъ значительной поправкѣ.

Если мы судимъ о народныхъ пѣсняхъ не по непосредственному впечатлѣнію, получаемому нами отъ живаго исполненія ихъ умѣлыми пѣвцомъ, а по *изложению ихъ въ нотахъ*, то прежде всего слѣдуетъ отнестись къ записанному съ строгою критикою, такъ какъ отъ *способа изображенія напѣва въ нотахъ* и положенія слоговъ пѣсенной рѣчи подъ нотами напѣва зависитъ въ значительной степени болѣе или менѣе вѣрное или превратное понятіе о пѣснѣ, получаемое при чтеніи записаннаго. Такъ напр. совсѣмъ небезразлично, написать ли напѣвъ къ словамъ: «какъ по садику, садику»

а)

такъ:

Какъ по са - ди-ку, са - ди-ку...

б)

или такъ:

Какъ по са - ди-ку, са - ди-ку..

При соблюденіи акцентовъ на сильныхъ временахъ тактовъ и при невольныхъ удареніяхъ на высокихъ нотахъ (на слогѣ «са»—[дику]), въ первомъ случаѣ (а) слышится: «какъ по садику садику», во второмъ же (б): «Какъ по садику, садику» (слоги ударяемые въ пѣннн означены здѣсь знакомъ: ´, а неударяемые — °). Я съ намѣреніемъ привелъ заимствованное изъ «Приложенія» къ сочиненію г. Шафранова начало пѣсни № 94, какъ примѣръ грубой ошибки въ ритмическомъ изображеніи напѣва. Впрочемъ, такое несоотвѣтствіе ритмическаго изображенія напѣва въ нотахъ съ дѣйствительнымъ, свойственнымъ послѣднему ритмомъ такъ очевидно, что всякій толковый исполнитель, руководствуясь художе-

ственнымъ чутьемъ своимъ, найдеть правильный способъ передачи невѣрно написаннаго и пропоеть данную фразу правильно, т. е. такъ, какъ она изображена въ примѣрѣ б. Но нерѣдко встрѣчаются случаи, гдѣ погрѣшность въ ритмическомъ распредѣленіи записаннаго напѣва не такъ очевидна. Напримѣръ для читающаго и поющаго совсѣмъ не все равно, написанъ ли напѣвъ къ стиху «Слышишь ли ты Иванушка»

Въ первомъ случаѣ (а) слышится: Слы́ишь ли ты Ива́нушка́, что невѣрно. Здѣсь поющій долженъ угадывать настоящій, разнотактный ритмъ напѣва, вопреки насильственно навязанному ему на бумагѣ, не свойственному ему $\frac{2}{4}$ -му счету. Во второмъ же случаѣ (и): «Слы́ишь ли ты Ива́нушка́» — возстановляется разрушенный въ предъидущемъ примѣрѣ дѣйствительный ритмъ напѣва, а вмѣстѣ съ нимъ и утраченное *на мазь* соотвѣтствіе между удареніями напѣва и риторическими удареніями текста. Въ подобныхъ приведенному случаяхъ нетолько не неумѣстно, но даже необходимо сохраненіе въ нотномъ изображеніи напѣва свойственной ему, вызываемой складомъ текста, разнотактности, которую не желаетъ признавать въ русской пѣснѣ г. Шафрановъ, выписавшій вышеуказанную мелодію (№ 117 приложения) такимъ образомъ:

Примѣръ этотъ, по отношенію къ нотному письму, представляетъ рядъ недоразумѣній, слишкомъ очевидныхъ для каждого, знакомаго съ нотными знаками и основными законами ритма, чтобы нужно было на нихъ останавливаться. Подобныя же неточности и погрѣшности могутъ встрѣчаться въ записанныхъ пѣсняхъ по отношенію къ подведенію слоговъ текста подъ ноты напѣва. Тотъ же самый текстъ подъ тѣмъ же напѣвомъ въ разныхъ сборникахъ иногда распредѣляется съ значительными отступленіями и различіями; это особенно имѣетъ мѣсто въ пѣсняхъ протяжныхъ, въ которыхъ напѣвъ заключаетъ въ себѣ обыкновенно гораздо болѣе тоновъ, чѣмъ слоговъ въ текстѣ, а потому на каждый слогъ иногда приходится цѣлыя группы тоновъ. Взглянемъ на примѣръ на различный образъ подложенія текста подъ ноты напѣва въ пѣснѣ «Какъ у батюшки въ зеленомъ саду»:

Въ сборн. Прача :	Какъ	у	ба	-	тѣш	-	ки
> > Воротникова :	Какъ	у	ба	-	тѣш	-	ки
> > Аванасьева :	Какъ у	ба	-	-	-	-	тѣш-ки

въ зе	-	ле	-	номъ	-	са	-	-	-	-	ду.	
въ зе	-		ле	-	номъ	-	са-ду,	а у	матушки	въ	славномъ	више-
въ зе	-	ле	-	-	номъ	-	са-ду,		(тоже)		[нѣи.	

У Прача вторая половина напѣва вся поется на два слога: са - ду, между тѣмъ какъ у Воротникова и Аванасьева подъ эту часть мелодіи подложенъ цѣлый стихъ: «А у матушки въ славномъ вишенъ.» Кроме того мы замѣчаемъ нѣкоторую разницу въ распредѣленіи словъ подъ нотами напѣва и въ первой его половинѣ, что трудно прослѣдить по данному нотному примѣру.

Указавъ на возможныя я въ самомъ дѣлѣ часто встрѣчающіяся недоразумѣнія и погрѣшности въ изображеніи ритма пѣсенъ на бумагѣ и подведеніи текстовъ подъ ноты напѣва (не говоря уже о безчисленныхъ, иногда весьма грубыхъ, искаженіяхъ, которымъ подвергается нерѣдко, при записываніи съ голоса, и чисто-мелоди-

ческая часть напѣвовъ), обращаюсь теперь къ разсмотрѣнiю отношенiя напѣва къ тексту, какъ оно проявляется въ дѣйствительности въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ разнаго характера. Подобно тому, какъ многiе слова и слоги, не несущiе на себѣ риторическихъ ударенiй, въ обиходной рѣчи выговариваемы какъ бы всколзъ, быстро и почти безъ ударенiй, въ возвышенной декламации получаютъ часто болѣе сильную акцентуацю, болѣе значительное протяженiе, — такъ еще въ гораздо большей степени проявляется это въ *пѣни*. Пѣнiе относится къ декламации, къ говоренiю, такъ, какъ художественная поступь, художественныя тѣловдвигенiя въ пляскѣ и пантомимѣ — къ простой ходьбѣ и обыденнымъ движенiямъ человѣка. Какъ здѣсь каждый шагъ, каждое движенiе, не утрачивая основной цѣли, основнаго назначенiя своего, принимаетъ лишь болѣе граціозный, пластическiй видъ, такъ и въ пѣнiи пѣсенная рѣчь, сохраняя свое основное метрическое строенiе, облекается въ болѣе широкiя ритмико-мелодическiя формы: не только главные слоги просодическихъ (тоническихъ) периодовъ, несущiе риторическое ударенiе, но и прочiе, по выраженiю Классовскаго, «подавляемые» этия ударенiемъ, утрачивающiе свои собственныя грамматическiя ударенiя, сосѣднiе слоги получаютъ большее значенiе, выражающееея, какъ въ большемъ ихъ усиленiи или протяженiи, такъ и въ возстановленiи ритмико-мелодическими средствами подавляемыхъ въ говоренiи ударенiй; какъ въ пляскѣ и пантомимѣ движенiя танцующаго нерѣдко прерывается въ своемъ теченiи остановками, моментами покоя (ферматами), выражающимися въ формѣ граціозныхъ позъ танцующаго, — такъ и въ пѣнiи пѣсенная рѣчь иногда прерывается въ своемъ теченiи остановками, моментами покоя, ферматами или голосовыми фигурами на одномъ какомъ либо слогѣ текста. И какъ въ хореографическомъ искусствѣ нерѣдко главною цѣлью становится красота и пластичность движенiй и позъ самихъ по себѣ, иногда доводимыя танцорами до виртуознаго изощренiя и извращенiя, движенiя и позы эти въ значительной степени утрачиваютъ формы лежащихъ въ основанiи ихъ естественныхъ движенiй человѣка, такъ и въ вокальной музыкѣ иногда главною цѣлью, къ которой стремится композиторъ, становится красота и выразительность звуковыхъ, мелодическихъ узоровъ самихъ по себѣ (также нерѣдко доводимыхъ до виртуознаго изощренiя и извращенiя), при чемъ въ мелодическомъ узорѣ, т. е. напѣвѣ, въ значительной степени утрачиваются метрическiя формы лежащаго въ основанiи его, полагаемаго на музыку стиха. И если при всемъ томъ, слушая пѣсню, въ напѣвѣ

которой являются несоблюденными требованія декламации, мы тѣмъ не мѣнѣе воспринимаемъ ее какъ нѣчто цѣльное, то причину тому слѣдуетъ искать въ духовномъ родствѣ мелодическаго содержанія напѣва и лежащаго въ основаніи пѣсенной рѣчи настроенія.

Присматриваясь ближе къ русскимъ народнымъ пѣснямъ, мы замѣчаемъ, что тѣ изъ нихъ, которыя поются въ скоромъ и умѣренно скоромъ тѣмпахъ (скуда по преимуществу принадлежатъ пѣсни плясовыя, также многія хороводныя), по большей части, по крайней мѣрѣ въ первой строфѣ своей, представляютъ почти полное соотвѣтствіе между ударяемыми слогами пѣсенной рѣчи и наиболѣе выдающимися по протяженію, по высотѣ или положенію своему на сильныхъ временахъ тактовъ тонами напѣвовъ. Периодически повторяющіяся ударенія на сильныхъ временахъ музыкальныхъ тактовъ по отношенію къ тексту пѣсни играютъ ту же роль, какъ икты въ литературномъ русскомъ и нѣмецкомъ тоническомъ (тоникометрическомъ) стихосложеніи. Въ виду того, что иктовъ въ метрической схемѣ стиха (литературнаго русскаго и нѣмецкаго) обыкновенно бываетъ больше, чѣмъ словъ въ стихѣ, а слѣд. и больше, чѣмъ грамматическихъ удареній, и что вслѣдствіе того нѣкоторые икты не совпадаютъ съ таковыми удареніями, эти послѣдніе икты имѣютъ только фиктивное значеніе, напр. въ стихѣ: «Ду́ховной жа́ждюю то́мимъ» икть на слогѣ ю фиктивный, и декламаторъ его не отличаетъ въ чтеніи. Точно такъ же и ударенія на сильныхъ временахъ тактовъ, или *музыкальные икты*, иногда въ пѣвнн получаютъ лишь фиктивное значеніе и въ этихъ случаяхъ отмѣчаются слабѣе, или же вовсе не отмѣчаются пѣвцомъ при исполненіи имъ напѣва. Напр.

Посѣ|юль я лебе|ду на бере|гу.

Въ осмысленномъ пѣвнн музыкальный икть на третьемъ слогѣ «юль» не отмѣчается, а тѣмъ сильнѣйшее удареніе падаетъ затѣмъ на слогъ «ду».

Весьма часто предшествующій цезурѣ послѣдній слогъ колѣна (полустишія), а равно и послѣдній слогъ цѣлаго стиха представляетъ въ напѣвѣ моментъ покоя, т. е. декламация текста здѣсь нѣсколько приостанавливается, и послѣдній слогъ поется или на ноту съ относительно бѣльшимъ протяженіемъ, или же на цѣлую группу нотъ т. е. голосовую фигуру,—происходитъ такимъ образомъ музыкальное выполненіе цезуры на предшествующемъ ей въ текстѣ слогѣ, а за-

тѣмъ пѣсенная рѣчь опять получаетъ въ пѣніи надлежащее теченіе до послѣдняго слога слѣдующаго колѣна или стиха, гдѣ повторяется подобная же приостановка, подобное же протяженіе послѣдняго слога. Напр. въ пѣснѣ:

находимъ музыкальное выполненіе цезуры на послѣднихъ слогахъ колѣнъ стиха: *макъ* и *такъ*, протянутыхъ каждый на два такта ⁴⁰⁾.

Наконецъ, въ стихахъ, коихъ первый слогъ короткій, а въ слѣдствіе того долженъ былъ бы и въ напѣвѣ получить ритмически маловажное значеніе, помѣщаться въ затактѣ,—этотъ слогъ, ради приданія мелодіи напѣва большей энергіи (мелодія имѣетъ обыкновенно болѣе рѣшительный характеръ, если начинается не затактомъ, а прямо на сильномъ времени), приобретаетъ иногда собственно несвойственный ему акцентъ, будучи поставленъ на сильномъ времени такта. Напр. въ пѣснѣ:

первые два слога, собственно короткіе, получили, ради своего положенія въ началѣ стиха, музыкальный вѣсъ, обусловливаемый энергическимъ характеромъ всего напѣва.

⁴⁰⁾ Такая остановка теченія текста въ напѣвѣ, независимо отъ необходимости музыкальнаго обозначенія цезуры стиха, вызывается обыкновенно свойственной музыкальнымъ формамъ архитектурной симметрией. Одному такту мелодіи обыкновенно соответствуетъ другой, группѣ изъ двухъ, четырехъ тактовъ, — такая же группа изъ равнаго съ первой числа тактовъ. Поэтому, если напр. текстъ перваго колѣна стиха занимаетъ въ четырехтактномъ музыкальномъ колѣнѣ только три такта, то послѣдній слогъ этого полустішія, хотя бы онъ былъ и короткій, нерѣдко растягивается въ напѣвѣ, пополнивъ собою недостающія до полныхъ четырехъ тактовъ мѣры времени, исполненію чего весьма способствуетъ цезура, совершенно естественно допускающая такую остановку, выполняющую музыкально цезуру и вводящую равновѣсіе въ данное колѣно напѣва. Примѣромъ можетъ служить выше приведенная пѣсня «Ай на горѣ макъ».

Не взирая на указанные уступки, дѣлаемые на счетъ вполне точной декламации, текста пѣсенъ въ пользу специально-музыкальныхъ свойствъ напѣвовъ ихъ, въ большинствѣ пѣсенъ, имѣющихъ скорый и умѣренно скорый темпъ, тѣмъ не менѣе, при живомъ, осмысленномъ исполненіи ихъ, весьма явственно просвѣчиваетъ, если можно такъ выразиться, черезъ напѣвъ метрическое сложеніе пѣсенной рѣчи. Въ первой строфѣ такихъ пѣсенъ мы въ большинствѣ случаевъ находимъ столь близкое соотношеніе и соответствіе рѣчи и напѣва, столь вѣрное музыкальное воспроизведеніе главныхъ и второстепенныхъ акцентовъ рѣчи, что о «полномъ подчиненіи текста напѣву», о которомъ говоритъ г. Шафрановъ, не можетъ быть и рѣчи, напротивъ, въ большемъ числѣ случаевъ мы замѣчаемъ, что текстъ управляетъ напѣвомъ, дѣлая ему, конечно, въ свою очередь мѣстами уступки, о которыхъ я говорилъ выше, безъ которыхъ органическое слитіе рѣчи съ напѣвомъ было бы невымыслимо.

Въ пѣсняхъ, имѣющихъ медленный темпъ, называемыхъ протяжными (и полу-протяжными), музыкальный элементъ обыкновенно значительно преобладаетъ надъ текстомъ. Народный пѣвецъ даетъ въ нихъ волю своему музыкальному вдохновенію, онъ останавливается въ музыкальной декламации текста не только въ концѣ колѣнъ и стиховъ т. е. на цезурахъ, какъ во многихъ пѣсняхъ скорыхъ, но и въ срединѣ колѣнъ, и поетъ нерѣдко длинныя мелодическія фигуры на отдѣльные слоги текста, которые получаютъ вслѣдствіе того нерѣдко чрезвычайное протяженіе. Однако, если опять присмотрѣться ближе къ такимъ пѣснямъ, мы замѣчаемъ, что эти продолжительныя остановки по преимуществу имѣютъ мѣсто на главныхъ, ударяемыхъ слогахъ и притомъ по преимуществу на ударяемыхъ слогахъ наиболѣе значительныхъ словъ стиха. Такъ напр.

Въ первомъ стихѣ пѣсни: «Ахъ ты день ты мой денечекъ» (№ 22 Приложенія) наибольшее протяженіе и мелодическое значеніе получаютъ слова: .....

день и денечекъ.

Въ первомъ стихѣ пѣсни: «Вздумала я дѣвица съ горя пошутила» (№ 39 Приложенія) наибольшее протяженіе приходится на слова: .....

дѣвица и пошутила.

Въ первомъ стихѣ пѣсни: «Матушка, да и что же въ полѣ пыльно» (№ 108 Приложенія) наибольшее протяженіе приходится на слова: .....

Матушка и пыльно

Въ первомъ стихѣ пѣсни: «Внизъ по матушкѣ
по Волгѣ, по широкому раздолью» (№ 44
Приложения) наибольшее протяженіе при-
ходится на слова:.....

Волгѣ и раздолью.

Слоги, получившіе широкое протяженіе, означены здѣсь *курсивомъ*. Въ нѣкоторыхъ протяжныхъ пѣсняхъ преобладаніе музыкальнаго элемента становится дѣйствительно весьма значительнымъ, когда народный пѣснеслагатель, увлекаясь потокомъ изобрѣтаемой имъ мелодіи, ведетъ ее далѣе, чѣмъ бы требовалъ стихъ или строфа текста, и тогда онъ дѣйствительно подчиняетъ текстъ напѣву, повторяя, иногда безъ особенной логической необходимости, лишь въ угоду широко раскинувшейся мелодической волнѣ напѣва, нѣкоторые слова текста, получающія въ такомъ случаѣ какъ бы значеніе канвы, по которой пѣвецъ вышиваетъ мелодическіе узоры напѣва. Но и въ такихъ случаяхъ обыкновенно повторяются преимущественно слова текста, наиболее важныя, и пространныя мелодическія фигуры напѣва совпадаютъ по преимуществу же съ ударяемыми слогами этихъ словъ. Разумѣется, нерѣдко въ сборникахъ пѣсень, а также въ устахъ народа мы встрѣчаемъ указанныя пространныя мелодическія фигуры и на неударяемыхъ въ чтеніи слогахъ текста, напр. въ пѣснѣ: «Ты стой моя рябинushка»—(№ 170 Прил.) на слогѣ *ну* (въ словѣ *рябишushка*). Это можетъ происходить отчасти вслѣдствіе невѣрнаго подведенія, на бумагѣ, текста пѣсни подъ ноты напѣва, отчасти вслѣдствіе невѣрнаго исполненія пѣсни неумѣлымъ пѣвцомъ, съ пѣнія котораго такая пѣсня записана, отчасти вслѣдствіе того, что на данный напѣвъ поются слова совершенно другой пѣсни (мы имѣемъ примѣры перетасовки напѣвовъ и текстовъ различныхъ пѣсень, такъ что тѣже слова въ разныхъ сборникахъ оказываются соединенными съ разными напѣвами и наоборотъ, независимо отъ существованія и въ народѣ различныхъ вариантовъ напѣва и текста той же самой пѣсни), наконецъ отчасти и вслѣдствіе того, что русская народная пѣсня есть продуктъ наивнаго творчества, руководимаго исключительно художественнымъ чутьемъ творца ея, не направляемымъ какими либо точно выработанными законами, — а при такихъ обстоятельствахъ встрѣчающіяся въ пѣсняхъ нѣкоторыя несовершенства не только возможны, но даже вполне естественны. «Будучи исключительно достояніемъ простонародія—пишетъ г. Шафрановъ о русской пѣсенной рѣчи — она осталась какъ бы въ элементарномъ

состояніи, не раскрывшись въ такомъ разнообразіи стихотворныхъ формъ, какое достижимо только въ поэзіи литературной». Можно къ этому прибавить, что музыкальная декламация текста въ народной русской пѣснѣ, удовлетворяя эстетическимъ требованіямъ музыкальнаго искусства въ большемъ числѣ случаевъ, иногда однако не представляетъ того совершенства, какого мы въ правѣ требовать лишь отъ музыки художественной.

Еще одно замѣчаніе. Абсолютно-музыкальная (т. е. сочиняемая безъ всякаго словеснаго текста) мелодія всегда представляетъ полную равномерность, симметрію частей. Въ нѣкоторыхъ же мелодіяхъ русскихъ народныхъ пѣсень мы не находимъ такой симметріи частей. Напр. въ извѣстной пѣснѣ: «Ужь какъ слава Богу на небѣ, || слава» (№ 162 Прилож.) первое колѣно напѣва состоитъ изъ 4 тактовъ съ затакомъ, а второе изъ неполныхъ двухъ тактовъ. Сравнивая эти части напѣва съ текстомъ, замѣчаемъ что 1-ая, большая часть соотвѣтствуетъ первому, большому колѣну стиха (т. е. первымъ шести словамъ его), а 2-ая, меньшая, — второму колѣну стиха: «Слава»; въ пѣснѣ «Сидитъ наша гостинька выше всѣхъ, || выше всѣхъ» (№ 157 Прил.) первое колѣно мелодіи состоитъ изъ 4 тактовъ, а второе — изъ 2; въ пѣснѣ: «Ахъ ты воля, || воля моя воля» (№ 27 Прил.) первое колѣно мелодіи простирается на 3 такта, а второе — на 4; въ пѣснѣ: «На Иванушкѣ чапанъ» (№ 117 Прил.) первая половина напѣва (соотвѣтствующая первому стиху текста) состоитъ изъ 4 тактовъ въ счетѣ $\frac{3}{4}$, а вторая (соотвѣтствующая второму стиху) — изъ 2 тактовъ въ счетѣ $\frac{7}{4}$ (или изъ 4 тактовъ въ перемежающемся счетѣ $\frac{3}{4}$ и $\frac{4}{4}$). Эта *разномѣрность* колѣнъ музыкальныхъ періодовъ, разумѣется, вызвана требованіями текста, т. е. разномѣрностью колѣнъ стиховъ, а не наоборотъ. — Приведенныхъ фактовъ, кажется, достаточно для доказательства неосновательности категорическаго заявленія г. Шафранова будто бы въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ пѣсенная рѣчь вполне подчиняется напѣву.

До сихъ поръ я говорилъ лишь объ отношеніи напѣва къ первой строфѣ ея текста (или къ первому стиху, если имъ исчерпывается все содержаніе напѣва). Что же касается остальныхъ строфъ (или стиховъ), то онѣ строятся *приблизительно* по складу первой строфы (или перваго стиха), но не «точь съ точь», какъ утверждаетъ г. Шафрановъ на стр. 132 своего сочиненія. Къ сожалѣнію авторъ не приложилъ къ труду своему полныхъ текстовъ пѣсень, а довольствовался только первыми строфами (или стихами) ихъ. Говоря о

дальнѣйшихъ строфахъ (стихахъ) пѣсенъ, я, вслѣдствіе сего, принужденъ буду брать примѣры уже не изъ «Приложенія» къ сочиненію г. Шафранова (какъ я дѣлалъ это до сего времени), а изъ другаго источника;— избираю для этого сборникъ пѣсенъ г. Балакирева. Сравненіе прочихъ строфъ (стиховъ) пѣсенъ съ первыми и между собою показываетъ, что какъ по количеству входящихъ въ составъ ихъ слоговъ, такъ и по мѣсту нахождения въ нихъ главныхъ (реторическихъ) и второстепенныхъ (грамматическихъ) удареній, онѣ нерѣдко и даже весьма часто различаются между собою, а потому въ этихъ «прочихъ» (но не *первыхъ*) строфахъ (стихахъ) нерѣдко проявляется несоотвѣтствіе, несопаденіе акцентовъ словесныхъ и напѣвныхъ; эти «*прочія*» строфы (стихи) дѣйствительно подчиняются установленной, созданной приноровительно къ первой строфѣ (первому стиху) мелодіи, оправдывая собою, но только *въ указанныхъ предѣлахъ*, слова г. Шафранова о подчиненіи текста напѣву. Напр.

(Сб. Балак. № 1)	Не было <i>отру</i> , вдругъ <i>назянуло</i>	= 10 слог.
	Расплакалась душа <i>Варюшка</i>	= 9 »
	Унимаетъ ее родная <i>матушка</i>	= 12 »
	Не <i>плачь</i> , на, не <i>плачь</i> , душа <i>Варюшка</i> ,	= 10 »
	Я <i>сострою</i> тебѣ сѣни <i>новыя</i> ...	= 11 »

(Напѣвъ исчерпывается первымъ стихомъ, котораго каждое колено поется по два раза.)

(Сб. Балак. № 12)	1-ая строфа.	$\left\{ \begin{array}{l} \text{Сидитъ наша } \textit{юстинька} \textit{ выше} \textit{ всѣхъ}, \textit{ выше} \\ \text{всѣхъ}, = 10 + 3 \text{ слог.} \\ \text{А держитъ } \textit{головушку} \textit{ ниже} \textit{ всѣхъ}, \textit{ ниже} \\ \text{всѣхъ}. = 10 + 3 \text{ слог.} \end{array} \right.$
5-ая строфа.	$\left\{ \begin{array}{l} \text{Ванюшка } \textit{Машеньку} \textit{ выспрашиваетъ} \textit{ вы-} \\ \text{спрашиваетъ}, = 11 + 5 \text{ слоговъ} \\ \text{Скажи, скажи } \textit{Машенька}, \textit{кто} \textit{ тебѣ} \textit{ милъ} \textit{ кто} \\ \text{тебѣ} \textit{ милъ?} = 11 + 4 \text{ слог.} \end{array} \right.$	

Реторическія ударенія находятся на слогахъ, напечатанныхъ курсивомъ, и разномѣстность ихъ во многихъ случаяхъ очевидна. Часто измѣняющееся въ стихахъ количество слоговъ также показано выше. Въ пѣснѣ «Во лугахъ» (Сб. Бал. № 19) число слоговъ въ стихахъ мѣняется отъ 9 до 14. Впрочемъ разночисленность слоговъ по отношенію къ напѣву не имѣетъ важнаго значенія,

такъ какъ въ такомъ случаѣ, смотря по количеству лишнихъ или недостающихъ слоговъ текста, соотвѣтствующіе тоны напѣва распадаются на болѣе дробныя части или же сливаются въ фигуры, исполняемыя на одинъ слогъ, при чемъ рисунокъ мелодіи не измѣняется. Разномѣстность же риторическихъ, а также и грамматическихъ, удареній нерѣдко ведетъ къ несовпаденію въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ словесныхъ и напѣвныхъ акцентовъ. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ, составляющихъ, впрочемъ, въ сборникѣ Балакирева, меньшинство, число слоговъ, въ особенности же ударенія дѣйствительно сохраняются на тѣхъ же мѣстахъ каждаго стиха въ продолженіи всей пѣсни, или по крайней мѣрѣ большинства ея строфъ (стиховъ), напр. въ пѣсняхъ: «На Иванушкѣ чапанъ» (Сб. Бал. № 17), «Подуй, подуй, непогодушка» (№ 21), «Заиграй моя дубинка» (№ 25), «Какъ во городѣ царевна» (№ 31) и др., вслѣдствіе чего въ нихъ и соотвѣтствіе акцентовъ словесныхъ и напѣвныхъ оказывается полнымъ. — Изъ всего вышеизложеннаго ясно, что *не естъ* стихи и строфы пѣсенъ строятся «точь въ точь» по складу перваго стиха или строфы, какъ утверждаетъ г. Шафрановъ.

Въ четвертой и послѣдней статьѣ своего труда г. Шафрановъ разсматриваетъ «*поэтическія формы народно-русской пѣсенной рѣчи*». Главное положеніе, доказываемое въ этой статьѣ, заключается въ слѣдующемъ: Народно-русское стихосложеніе есть *стилистическое*, не имѣющее ничего общаго съ просодією, но тѣмъ не менѣе не уступающее въ музыкальности стихосложеніямъ просодическимъ. Главнѣйшую особенность склада нашей народной пѣсенной рѣчи составляютъ *повторенія* (къ которымъ относятся и припѣвы) и *параллелизмъ*.

Признавая напѣвъ въ русской народной пѣснѣ за преобладающее въ ней начало, а также утверждая, что напѣвомъ опредѣляется размѣръ рѣчи, авторъ прибавляетъ, что поэзія русскихъ пѣсенъ должна быть названа *поэзією музыкальной*. «Существуетъ ли въ ней вообще размѣръ?—спрашиваетъ затѣмъ авторъ—не прозой ли составлены народно-русскія пѣсни, потому что вѣдь и проза могла бы быть распѣваема, какъ мы это видимъ въ нашемъ церковномъ пѣніи? церковныя наши осьмиголосныя пѣсни дѣйствительно составлены прозою, но ихъ гласы и напѣвы не мелодійные, единомѣрные, а речитативные, въ которыхъ мелодійнымъ мотивомъ выполняются только заключительныя слова текстоваго періода; иногда при этомъ еще начальное слово или одно изъ среднихъ отмѣчается нѣкоторымъ повышеніемъ голоса, всѣ же промежуточныя слова, сколько

бы ихъ ни было, произносятся читкомъ, т. е. вполне равнозвучно, безъ малѣйшаго повышенія или растяженія голоса на какомъ либо слогѣ, слѣдовательно, даже почти съ меньшею выразительностью, чѣмъ какъ она произнесены были бы въ декламациі. Такимъ образомъ речитативный періодъ не имѣетъ опредѣленнаго объема; онъ можетъ состоять или только изъ двухъ или изъ двадцати и болѣе словъ; это не болѣе какъ рѣчь, музыкально скрашиваемая въ концѣ своихъ періодовъ. Мелодія же, напротивъ того, всегда бываетъ опредѣленнаго объема, содержитъ въ себѣ такое или другое количество единицъ музыкальнаго времени; къ этому необходимо приспособляется и рѣчь мелодійно выполняемая; періоды ея должны укладываться въ рамку музыкальнаго періода и расчленяться въ полномъ соотвѣтствіи съ расчлененіями мелодіи. Эти то расчлененія рѣчи, соотвѣтствующія расчлененіямъ мелодіи, и называются стихами и полустихіями (колѣнами)⁴¹. Такую лишь рѣчь собственно и можно назвать музыкально размѣренной; такую мелодійною, а не речитативною рѣчью и составлены всѣ безъ исключенія народно-русскія пѣсни, какъ въ этомъ неопровержимо удостовѣряетъ ритмическая ихъ схематизація⁴². И такъ въ народно-русской пѣсенной рѣчи существуетъ размѣръ, и размѣръ именно мелодійный,—музыкальный».

Изъ приведенныхъ словъ автора слѣдуетъ заключить, что сложенные въ прозѣ, а не въ стихахъ, церковныя пѣсни наши потому именно и поются речитативомъ, что сложены въ прозѣ. Возьмемъ для примѣра текстъ: «Буди Господи милость Твоя на насъ, якоже уповахомъ на Тя». Молитва эта поется въ церкви на слѣдующій речитативный напѣвъ:

⁴¹) О томъ, что во многихъ случаяхъ расчлененія мелодіи соотвѣтствуютъ расчлененіямъ *первыхъ* стиховъ (строфъ), а не наоборотъ, я говорю на стр. 177 Слова автора сохраняютъ, однако, свое значеніе для *прочихъ* стиховъ (строфъ) текста, создаваемыхъ по складу *первыхъ*, а слѣдовательно и пригнѣняющихся, приспособляющихся къ расчлененіямъ напѣва.

⁴²) Ритмическія схемы, о которыхъ упоминаетъ здѣсь авторъ, помѣщены во 2-мъ Приложеніи. О нихъ нѣсколько словъ позже.

Первая часть текста, т. е. первые 11 слоговъ поются на ноту до а во второй части проявляется мелодическое оживленіе напѣва; этимъ вполне подтверждаются слова г. Шафранова, что въ данномъ случаѣ предъ нами рѣчь речитативная, музыкально скрапшываемая лишь въ концѣ своего періода. Теперь возьмемъ для при- мѣра пѣсню (№ 22 Прилож.), которой первая строфа поется такъ:

Ахъ, ты день ты мой де - ве - чекъ! Девъ пре-
крас - ный зо - ло - той!

Здѣсь мы имѣемъ передъ собою рѣчь, которая, по выраженію г. Шафранова, укладывается въ рамку музыкальнаго періода и расчленяется въ полномъ соотвѣтствіи съ расчлененіями мелодіи. «Такую лишь рѣчь—говорить авторъ— собственно и можно назвать *музыкально размыренной*». Но представимъ себѣ, что мы бы возъимѣли мысль, вышеназванную *речитативную* молитвенную рѣчь подписать подъ мелодію пѣсни «Ахъ ты день», и приведемъ это въ исполненіе:

Andante.

Бу - ди Гос - по - ди ми - лость Тво - я на насъ, я - ко - же
у - по - ва - хомъ, у - по - ва - хомъ на тя.

Здѣсь рѣчь, только что признававшаяся выше за *прозаическую*, будучи подписана подъ мелодію народной пѣсни (съ расчлененіями которой согласуются и расчлененія этой «прозаической» рѣчи), со-

гласно опредѣленію г. Шафранова, превратилась, слѣдовательно, въ *музыкально размыренную*. Это куріозное недоразумѣніе основано на увѣренности автора въ томъ, что проза (которой принадлежать по его же словамъ тексты церковныхъ нашихъ пѣсенъ) можетъ исполняться *только речитативомъ*, а между тѣмъ на самомъ дѣлѣ подобное приведенному подведеніе прозы подъ готовую мелодію часто не представляетъ трудности, такъ какъ и слова прозы, въ особенности же слова молитвъ, нерѣдко могутъ весьма удобно укладываться въ рамку музыкальнаго періода и расчленяться въ соотвѣтствіи съ расчлененіями данной мелодіи. Вслѣдствіе такой чрезвычайной гибкости рѣчи дѣйствительно возможны стали народные пѣсни, которыя, какъ замѣтилъ Срезневскій (см. выше, стр. 133), «отличаются отъ обыкновенной разговорной рѣчи только музыкальнымъ напѣвомъ».

Данное г. Шафрановымъ опредѣленіе свойствъ русскаго народнаго стиха должно быть пополнено. Такимъ пополненіемъ должно бы служить указаніе на весьма характеристическій признакъ русскаго пѣсеннаго стиха, состоящій въ томъ, что *каждый стихъ* (рѣже двоестипіе) *закмочаетъ въ себѣ обыкновенно вполне замкнутую мысль или картину*¹⁾; а потому онъ при декламациі невольно отдѣляется отъ сосѣднихъ стиховъ перерывомъ, паузой. Вслѣдствіе того текстъ всей пѣсни является какъ бы сложеннымъ изъ отрѣзковъ приблизительно равной величины, построенныхъ приблизительно по складу перваго стиха. Такому условію удовлетворилъ случайно приведенный текстъ «Буди Господи» и т. д., состоящій случайно изъ двухъ приблизительно равныхъ отрѣзковъ (первый изъ 11, а второй изъ 13 слоговъ), заключающихъ въ себѣ каждый замкнутую мысль и, вслѣдствіе того, дѣйствительно получающихъ характеръ стиховъ, независимо отъ того, будетъ ли напѣвъ ихъ речетативный или музыкально размыренный.

Возвращаюсь къ стихамъ народныхъ пѣсенъ нашихъ. Стихи эти, вслѣдствіе приблизительно взаимнаго равновѣсія въ нихъ какъ выражающихся въ каждомъ изъ нихъ картинъ или мыслей,

¹⁾ На это обратилъ уже вниманіе и Востоковъ: «у русскаго пѣснетворца—говорить онъ — въ каждомъ стихѣ полный смыслъ рѣчи заключается» и «переносы изъ одного стиха въ другой въ русскихъ стихахъ совсѣмъ не позволительны». И г. Шафрановъ упоминаетъ о томъ въ другихъ мѣстахъ своего сочиненія, но здѣсь, при опредѣленіи свойствъ русскаго народнаго стиха, это наиболѣе характеристическое свойство его осталось неназваннымъ.

такъ и вѣшней словесной ихъ формы, декламируются (и поются), какъ бы отдѣльными волнами. Въ каждомъ такомъ стихѣ мы при чтеніи невольно отличаемъ возвышеніемъ голоса (можетъ быть даже и незначительнымъ протяженіемъ — на чемъ такъ настаиваетъ г. Шафрановъ) одинъ, два или болѣе слога (реторическія ударенія) въ каждомъ стихѣ, дѣлая это по врожденному человѣку чувству порядка и соразмѣрности. Это и подало поводъ Востокову и его послѣдователямъ утверждать, будто бы стихи народно-русскихъ пѣсенъ строятся по просодическимъ (тоническимъ) періодамъ, противъ чего такъ энергически протестуетъ г. Шафрановъ, справедливо замѣчая, что реторическія ударенія, дѣлаемые нами при чтеніи стиховъ, принадлежатъ не къ складу пѣсенной рѣчи, а къ способу ея произношенія, къ дикціи.

Итакъ—продолжаетъ г. Шафрановъ—форма народно-русской пѣсенной рѣчи есть форма *стилистическая*, заключающаяся въ соразмѣреніи предложенія съ напѣвомъ, въ соглашеніи состава рѣчи съ составомъ мелодіи. Такое соразмѣреніе наблюдалось и въ древне-греческой поэзіи, пока она составляла одно цѣлое съ музыкою, съ разъединеніемъ же обоихъ этихъ искусствъ пришло въ забвеніе. Тамъ, творя безъ мелодіи, поэтъ не имѣлъ необходимости наблюдать строгое расположеніе, имѣющее смыслъ только въ связи съ мелодіей; по той же самой причинѣ онъ пересталъ заботиться о непремѣнномъ заключеніи цѣлаго предложенія или главной его части, или даже полустішія, съ заключеніемъ стиха, а заканчивалъ и начиналъ его въ любомъ мѣстѣ; заканчивалъ напр. въ срединѣ или въ началѣ стиха, а начиналъ въ концѣ стиха. Утративъ этотъ первобытный, всецѣло сохранившійся въ русской пѣсенѣ истинно и единственно музыкальный размѣръ поэтической рѣчи, количественное стихосложеніе ограничилось размѣромъ *просодическимъ*, состоявшимъ первоначально (т. е. пока стихи и сочинялись и выполнялись вмѣстѣ съ пѣніемъ) въ прилаживаніи слоговыхъ долготъ рѣчи къ звуковымъ напѣвнымъ долготамъ; въ послѣдствіи же, по разъединеніи поэзіи и музыки, просодическіе размѣры составлялись и выполнялись по комбинаціямъ, неимѣющимъ ничего общаго съ музыкальностью. Возникшее на развалинахъ количественнаго стихосложенія, тоническое унаслѣдовало, вмѣстѣ съ его отрицательнымъ свойствомъ (недостаткомъ истинной музыкальности), и нѣкоторыя положительныя, хотя далеко не всѣ, такъ какъ языки ново-греческій, ново-латинскій, за нимъ нѣмецкій, а за нимъ и русскій, съ Ломоносова, далеко не обильно слоговою долготою, слившееся уже

по большой части (и въ русскомъ языкѣ повсемѣстно) съ слоговой высотой или удареніемъ». Далѣе авторъ говоритъ, что стихосложеніе народно-русской пѣсни, какъ произведенія словеснаго и вмѣстѣ музыкальнаго, «совершенно чуждо просодическимъ количественнымъ и тоническимъ началамъ; ударяемые слоги ни въ качествѣ высокихъ, ни въ качествѣ долгихъ не имѣютъ въ немъ никакого значенія». Еслибы авторъ обратилъ вниманіе на специально-музыкальные акценты, о которыхъ я въ подробности говорилъ выше (стр. 163), то онъ вѣроятно нѣсколько смягчилъ бы это свое заключеніе.

Переходя затѣмъ къ рассмотрѣнію *пѣсенныхъ повтореній*, авторъ замѣчаетъ, что ни Востоковъ, ни Классовскій не упомянули ни *однимъ словомъ* (?) объ этой стилистической особенноти, и прибавляетъ, что такое умолчаніе ихъ о столь важной и столь своеобразной стиховой формѣ можно объяснить себѣ лишь тѣмъ, что они знакомились съ народно-русскими пѣснями, не живучи среди народа, а въ своемъ кабинетѣ, по печатнымъ пѣсенникамъ». На сколько несправедливъ этотъ упрекъ, дѣлаемый авторомъ двумъ названнымъ писателямъ, можно убѣдиться, бросивъ взглядъ на приведенныя мною съ намѣреніемъ, во вступленіи къ настоящему разбору, извлеченія изъ сочиненій Востокова и Классовскаго (см. выше стр. 128, 129 и 131), обратившихъ, какъ видно, немалое вниманіе на пѣсенныя повторенія и потому незаслужившихъ сдѣланнаго имъ г. Шафрановымъ упрека. «Пѣсенныя повторенія — пишетъ авторъ — въ устной народной поэзіи составляютъ одну изъ существенныхъ ея формъ, и если ихъ выпустить изъ текста тѣхъ пѣсень, въ которыхъ они въ пѣніи выполняются, то пѣсенные стихи утратятъ отличительное свое свойство пѣсенности — не могутъ быть пропѣты по данной мелодіи». Далѣе авторъ возражаетъ противъ мнѣнія Олесвицкаго, утверждающаго, будто бы пѣсенныя повторенія произошли изъ аллитераціи, которая, по мнѣнію г. Шафранова, вообще не свойственна русской народной поэзіи, по крайней мѣрѣ встрѣчается въ ней весьма рѣдко. Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ (48) схемъ различныхъ повтореній какъ отдѣльныхъ словъ или полустипій, такъ и цѣлыхъ стиховъ — *схемъ стилистическихъ*, напр.

- а Внизъ по Матушкѣ, по Волгѣ,
- б По широкому раздолью,
- б По широкому раздолью,

в Разыгралася погода,
в *Размиралася поюда.*

а Ахъ, не одна-то не одна во полѣ дороженька въ полѣ пролегла,
а б *Пролегла.* Частымъ сльничкомъ березничкомъ она заростала,
б' в *Заростала.* Молодымъ горькимъ и т. д.

а. а' Сидитъ наша гостинька выше всѣхъ, *выше всѣхъ,*
б. б' А головушку держитъ ниже всѣхъ, *ниже всѣхъ...*
и т. д.

а б Вдоль по рѣчкѣ, вдоль да по Казанкѣ,
в в Сизый селезень плыветь, *сизый селезень плыветь.*
и т. д.

а а Ай, во полѣ, *ай во полѣ,*
а б Ай во полѣ липинька,
а б *Ай во полѣ липинька*
и т. д.

Повторенные слова, колѣна и стихи въ приведенныхъ примѣрахъ напечатаны курсивомъ. Происхожденіе пѣсенныхъ повтореній, по мнѣнію г. Шаѣранова, прежде всего объясняется вліяніемъ самой мелодіи, которая въ каждой пѣснѣ непременно повторяется въ цѣломъ своемъ объемѣ столько разъ, сколько есть строкъ въ пѣснѣ; но сверхъ того весьма часто повторяется она и въ частяхъ своихъ, т. е. внутри той же самой строфы. Для поясненія сказаннаго авторъ выписываетъ опять длинный рядъ *схемъ мелодійныхъ*, извлеченныхъ изъ 207 примѣровъ пѣсенъ, помѣщенныхъ въ Приложеніи. Напр. мелодія пѣсни:

(№ 171 Прил.) «У воротъ воротъ» выражена схемой: АБ ВВ.
(№ 205 ») «Я посѣю-ли младенька» » АБ АГ.
(№ 72 ») «Зайнька поскачи» » АА ББ.
(№ 135 ») «Ой на горѣ горѣ» » АБ АБ.

И ту и другую таблицу схемъ (т. е. стилистическихъ и мелодійныхъ) авторъ, по составу стиховъ и строкъ пѣсенъ, дѣлитъ на слѣдующія группы:

а) Одноко́лѣбныя пѣсни.

Таблица схемъ стилистическихъ.

- а) Безъ повторенія текста:
 I Одностишія.
 II Двухстишія.
 III Трехстишія.
 IV Четырехстишія.
- б) Съ повтореніемъ внутри строфы.
 .....
- в) Съ междустрофными повтореніями.
 .....
- г) Съ повтореніями внутри строфы и междустрофными.
 .....

Таблица схемъ мелодійныхъ.

- а) Безъ повторенія мотивовъ:
 а) мелодіи одноко́лѣбныхъ одностишій,
 б) двухмотивныя мелодіи одноко́лѣбныхъ двухстишій,
 γ) трехмотивныя мелодіи одноко́лѣбныхъ трехстишій,
 δ) четырехмотивныя мелодіи однокол. четырехстишій.
- б) Съ повтореніями мелодійныхъ мотивовъ.

в) Двухко́лѣбныя пѣсни.

Таблица схемъ стилистическихъ.

- а) Безъ повтореній.
 б) Съ повтореніемъ внутри того же стиха.
 в) Съ повтореніемъ въ слѣдующемъ одностишіи.
 г) Съ припѣвомъ въ концѣ каждаго стиха.
 д) Съ припѣвомъ въ началѣ каждаго стиха.
 е) Съ повтореніемъ внутри строфы.
 ж) Съ междустрофными повтореніями.
 з) Съ повтореніями внутри строфы и междустрофными.

Таблица схемъ мелодійныхъ.

- а) Безъ повторенія мелодійныхъ мотивовъ.
 б) Съ повтореніемъ мелодійныхъ мотивовъ.

в) Пѣсни смѣшаннаго склада.

Таблица схемъ стилистическихъ.

- а) Однокогѣнный стихъ съ двукогѣннымъ:
 α) безъ повтореній,
 β) съ повтореніями внутри строфы,
 γ) съ междустрофными повтореніями,
 δ) съ повтореніями внутри строфы и междустрофными.
- б) Двукогѣнные стихи съ однокогѣнными:
 α) безъ повтореній,
 β) съ повтореніемъ внутри строфы.

Таблица схемъ мелодійныхъ.

- а) Двукогѣнные стихи съ однокогѣнными безъ повтореній.
 б) Однокогѣнные стихи съ двукогѣнными безъ повтореній.
 в) Двукогѣнные стихи съ однокогѣнными, съ повтореніями.

Въ этихъ таблицахъ (въ коихъ здѣсь не выписаны подраздѣленія отдѣльных рубрикъ, т. е. всѣ отдѣльныя схемы) авторъ представилъ 55 стилистическихъ схемъ пѣсенной рѣчи и 20 мелодійныхъ схемъ напѣвовъ. Схемы эти, какъ сказано выше, извлечены имъ изъ 207 пѣсенъ, помѣщенныхъ въ Приложеніи. Если бы онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи большее число пѣсенъ, то и число схемъ, безъ сомнѣнія, возрасло бы, даже при сохраненіи выписанныхъ здѣсь, означенныхъ буквами главныхъ рубрикъ. Авторъ иногда теряется въ этой схематизаціи (достаточно было бы и выписанныхъ рубрикъ, безъ дальнѣйшаго ихъ дробленія)—запутывается въ ней такъ въ таблицѣ мелодійныхъ схемъ (напр. подъ рубрикой Б. а, безъ повтореній — помѣщена пѣсня № 157 «Сидитъ ваша гостинька», въ которой мотивъ 2-го, краткаго когѣна есть буквальное повтореніе части мелодіи 1-го, длиннаго когѣна; сюда же причислены пѣсни №№ 11 «Ахъ какъ нынѣшня зима», 13 «Ахъ какъ чей это садочекъ», въ которыхъ оба музыкальныя когѣна перваго стиха почти тождественны, т. е. представляютъ почти буквальное повтореніе, 152 «Пошелъ козель», гдѣ мелодія перваго когѣна буквально повторяется во второмъ; съ другой стороны къ рубрикѣ Б. б, (съ повтореніями) отнесены напр. пѣсни № 35 «Вдоль по улицѣ» и № 55 «Въ темномъ лѣсѣ», въ которой повтореній нтъ; къ схемѣ, выражен-

ной формулою АА ВВ (подраздѣленіе рубрики Б. б.) причислены между прочимъ напѣвы пѣсенъ №№ 56, 96 и 169, въ дѣйствительности выражающіяся формулами: АБ ВВ^Г, АБ ВВ и АБ ВГ и т. д. При томъ же, я полагаю, было бы рациональнѣе, въ основаніе схематизации, имѣющей цѣлью показать, какъ часто встрѣчаются въ пѣсняхъ нашихъ повторенія, принять именно этотъ моментъ и дѣлать пѣсни на слѣдующія большія группы, легко допускающія дальнѣйшія дробленія и подраздѣленія:

1. Пѣсни, въ коихъ не встрѣчается повтореній ни въ текстѣ ни въ напѣвѣ.
2.   »   »   »   встрѣчаются повторенія только въ текстѣ.
3.   »   »   »   »   »   въ напѣвѣ.
4.   »   »   »   »   »   въ текстѣ и въ напѣвѣ.

Такое дѣленіе, кажется, нагляднѣе показало бы взаимное соотношеніе между частями текстovýchъ и напѣвовъ пѣсенъ, какъ повторяемыми, такъ и неповторяемыми.

«Уже судя по гораздо меньшему количеству повтореній мелодійныхъ — пишетъ авторъ — въ сравненіи съ текстowymi, слѣдуетъ заключать, что между повтореніями того и другаго рода не существуетъ повсемѣстнаго и полнаго соответствія, въ чемъ можно увѣриться изъ сравненія мелодійныхъ повтореній съ колѣнными (текста) одной и той же пѣсни.... Чаще всего полное соответствіе между повтореніями членовъ мелодіи и текстovýchъ колѣнъ встрѣчается въ двухколѣнныхъ двустипіяхъ.... Немало, однако, и такихъ пѣсенъ, въ мелодіи которыхъ встрѣчаются повторенія членовъ, а въ текстѣ колѣна не повторяются.... Но пѣсенъ, въ текстѣ которыхъ повторяются колѣна, а члены мелодіи не повторяются, очень мало.... Русскія народныя пѣсни также (т. е. какъ древне-греческія) отличаются простотой и ясностью ритма.... Но кромѣ ритмической простоты напѣва, народныя русскія пѣсенослагатели придумали обезпечить вразумительность пѣсенной рѣчи, придавъ складу ея особенности, неизвѣстныя въ рѣчи обиходной... Чтобы мелодія, прямое назначеніе которой — усиливать впечатлѣніе поэтической рѣчи, вмѣсто того не заслоняла бы ея собою, не ослабляла бы ея дѣйствія, для этого именно и служить пѣсенный приѣмъ — текстовыя повторенія. Итакъ повторенія прежде всего удовлетворяютъ потребности и употребляются: 1) для поддержанія вразумительности рѣчи, когда члены предложенія, хотя бы и въ предѣлахъ той же самой строфы,

такъ далеко разносятся одинъ отъ другаго, вслѣдствіе протяжности мелодійныхъ мотивовъ, что, безъ помощи повтореній, грамматическая связь ихъ потерялась бы совсѣмъ изъ виду....

Напр. Не бѣлы то снѣги
Снѣги во чистомъ полѣ
Снѣги забѣдѣлись.»

Сюда же г. Шафрановъ причисляетъ и междустрофныя повторенія, имѣющія цѣлью дѣлать *вязь идей* не только наглядною, но, такъ сказать, осязательною.

Напр. Голова болитъ.
Болитъ больно головушка, || не знаю какъ бытъ!
Не знаю какъ бытъ!
Вечоръ добрый молодець || у дѣвушки былъ.
У дѣвушки былъ.

и т. д.

2) для пополненія строфы или стиха или колыма, въ соотвѣтствіи съ мотивами мелодіи; 3) для завершенія строфы. «Когда мысль вопля въ уже выразилась въ первыхъ колѣнахъ; а мелодія не доведена еще до завершительнаго мотива, то съ этимъ мотивомъ еще разъ выполняется послѣдняя фраза текста.

Напр. Не кукушечка во сиромъ бору
Куковала, || куковала.

4) для сохраненія въ текстъ ритмическаго движенія, свойственнаго соотвѣтствующему мотиву; 5) для поддержанія связи между членами простаго или сложнаго предложенія, распространившася на нѣсколько строфъ: напр. въ пѣснѣ «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ» (см. выше стр. 184 и 185); 6) для уясненія внутренней связи между содержаніемъ двухъ сосѣднихъ строфъ чрезъ внѣшнее ихъ сближеніе. «Это бываетъ, когда теченіе рѣчи въ строфѣ прерывается введеніемъ въ средину ея припѣва.

Напр. Пора ему живиться, || время ему ѣхати,
Ай, люли, ай люли! || время ему ѣхати.

«Мы видѣли — продолжаетъ авторъ — что, возникнувъ ради удовлетворенія стилистической потребности рѣчи, именно для поддержанія ея вразумительности, форма повторенія получила потомъ

болѣе широкое примѣненіе, въ качествѣ фигуры усиленія рѣчи. Форма эта стала наконецъ употребляться уже для одного украшенія рѣчи, когда пѣснеслагатель пѣвецъ, какъ бы любуясь удавшимся выраженіемъ своего чувства, повторяетъ его, какъ говорится *на ось лады*, т. е. выполняя разными мотивами той же мелодіи. На основаніи всего сказаннаго съ увѣренностью можно сдѣлать заключеніе, что пѣсенныя повторенія обязаны своимъ происхожденіемъ отнюдь не скудости мелодійнаго и поэтическаго творчества у народныхъ пѣснеслагателей, а составляютъ нарочитый музыкальный и стихотворный приемъ, что видно впрочемъ уже изъ самой его выдержки, изъ правильнаго его выполненія отъ начала до конца пѣсни. Скажемъ болѣе: форма повторенія есть столь излюбленная форма пѣсеннаго изложенія, что въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ не ограничивается удвоеннымъ музыкальнымъ выполненіемъ отдѣльныхъ словъ, фразъ, колѣнъ и стиховъ, но доходитъ до повторенія самой пѣсни всей цѣликомъ, отъ начала до конца, съ измѣненіемъ только нѣсколькихъ словъ и даже до двукратнаго, троекратнаго и т. д. повторенія». Напр. въ пѣснѣ «Ай во полѣ липинька».

Къ повтореніямъ же авторъ относитъ и *припевы* (напр. «ай-люли», «ой Дидъ Ладо», «ты Дунай ли мой Дунай, сынъ Ивановъчъ Дунай» и др.), которые «уже по самому своему назначенію» должны быть повторяемы въ каждой строфѣ, и далѣе указываетъ на мѣста, которыя они занимаютъ въ составѣ пѣсенъ. Затѣмъ авторъ переходитъ къ разсматриванію *параллелизма*, «другой поэтической формы», которою, по словамъ автора, русская народная пѣсенная рѣчь отличается отъ склада всѣхъ поэзій просодическихъ. Дословное повтореніе предложенія или какой либо его части не относится къ параллелизму, но когда высказанная мысль или понятіе тутъ же рядомъ выражается «другими словами, служащими отчасти для пополненія и уясненія предшествующихъ, то это называется параллелизмомъ... Въ предотвращеніе ослабленія дѣйствія пѣсеннаго слова, заслоненія слова звуковыми извиціями голоса, рѣчь нарочито задерживается; повтореніями и параллельностью она какъ бы удваиваетъ размножаетъ свои средства, для овладѣнія вниманіемъ слушателя чрезъ продленіе, углубленіе и закрѣпленіе впечатлѣнія, производимаго на него словомъ».

Авторъ различаетъ *параллелизмъ полный и частный*. Первый заключается, по его опредѣленію: 1) въ полномъ повтореніи мысли въ отзвучномъ, синонимическомъ предложеніи. Напр.

Спится мнѣ младешенькѣ, дремлется,
Клонить мою головушку на подушечку,

2) въ разложеніи слитныхъ предложеній на простыя:

«Атамановы мы послушники,
Эсауловы мы разсыльщики»;

3) въ разложеніи одного предложенія на два, чрезъ разнесеніе составныхъ частей подлежащаго, дополненія или опредѣленія: «съ вѣнкомъ я кожу, съ зеленымъ я кожу»; 4) въ разложеніи одного предложенія на два, съ замѣною составнаго сказуемаго простымъ:

«Матушка, да и что же въ полѣ пыльно?
Сударыня моя, да и что же запылилось?»

5) въ повтореніи глагольнаго понятія чрезъ присоединеніе къ глаголу его синонима: «убилъ, ушибъ лебедь бѣлую»; 6) въ повтореніи содержащагося въ глаголѣ понятія другимъ видомъ того же глагола: «гдѣ ты была, побывала?» 7) въ удвоеніи понятія, заключающагося въ глаголѣ подлежащимъ того же корня и чрезъ дополненіе его существительнымъ того же корня: «гудки не гудите», «съ кѣмъ ты, воръ, воровалъ?»

Параллелизмъ частный г. Шафрановъ находитъ въ слѣдующихъ приемахъ: 1) въ выдѣленіи эпитета для произведенія имъ особаго впечатлѣнія, отдѣльно отъ опредѣляемаго имъ слова: «Винный нашъ колодезь, винный нашъ *глубокій*»; 2) въ повтореніи понятія повтореніемъ слова въ уменьшительномъ или, въ ласкательномъ окончаніи: «ночевала я подъ кустомъ, кусточкомъ»; 3) въ повтореніи понятія въ положительномъ и сподрядъ въ отрицательномъ выраженіи: «не величка, маленька»; 4) въ повтореніи понятіи въ синонимахъ: «деверечекъ, мужнинъ братъ»; и наконецъ 5) въ синонимѣ при особой цифрѣ счета: «есть четыре горя, пятая кручина».

Этимъ заключается разбираемый трудъ г. Шафранова. Остается разсмотрѣть еще принадлежащія къ нему «*приложенія*» и «*прибавленія*».

Первое (музыкальное) *приложеніе* составляетъ самую слабую часть книги. Не говоря уже о безчисленныхъ печаткахъ, опискахъ и недопискахъ въ нотныхъ примѣрахъ, прежде всего бросается въ глаза встрѣчающееся въ нихъ весьма часто невѣрное ритмическое распредѣленіе нотъ нагѣва, напр. пѣсни №№ 15, 35, 76, 125 и др. начинаются на сильномъ времени такта, между тѣмъ какъ

имъ непремѣнно слѣдовало бы начинаться на слабомъ времени, при чемъ главные акценты рѣчи совершенно правильно и естественно совпадали бы съ главными ритмическими (на сильныхъ временахъ) акцентами напѣва, между тѣмъ какъ при данномъ изображеніи названныхъ напѣвовъ пѣвцу, исполняющему ихъ, приходится какъ бы бороться со сдвинутымъ съ надлежащаго мѣста ритмомъ ихъ. Еще ббольшую ритмическую неурядицу мы находимъ напр. въ пѣсняхъ №№ 38, 55, 92, 94 и др., выписанныхъ въ четныхъ счетахъ, между тѣмъ какъ счетъ ихъ несомнѣнно нечетный. Не останавливаясь долѣе на недостаткахъ музыкальнаго приложенія со стороны технического изображенія напѣвовъ, обращаюсь къ самому выбору пѣсенъ, который обнаруживаетъ недостатокъ критическаго отношенія къ нимъ автора и потому не можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ. Напѣвы частью заимствованы авторомъ изъ разныхъ сборниковъ (источники показаны обозначеніемъ, при соотвѣтствующихъ напѣвахъ, фамиліи составителей сборниковъ), съ сохраненіемъ многихъ, очевидно при гармонизаціи напѣвовъ измѣненныхъ въ нихъ противъ оригиналовъ, хроматически разукрашенныхъ, нотъ⁴⁴⁾ и сомнительныхъ мелодическихъ оборотовъ,⁴⁵⁾ частью, а именно тѣ изъ нихъ (числомъ 115), при коихъ неозначено фамиліи, по увѣренію автора, положены имъ самимъ на ноты.⁴⁶⁾ Вообще же, независимо отъ того, откуда взяты

⁴⁴⁾ Напр. въ пѣсняхъ №№ 16 и 50, вмѣсто естественнаго въ гаммѣ данныхъ напѣвовъ *Si-bémol*, встрѣчается *si*, въ № 84, вмѣсто натурального *la*, въ 13-мъ и 14-мъ тактахъ поставлено *la-bémol*, въ № 153 послѣ натурального *la* непосредственно слѣдуетъ *la-dièse* — хроматическая послѣдовательность, немислимая въ русской народной пѣснѣ, и т. п.

⁴⁵⁾ Напр. въ № 54 вся музыкальная фраза, на которую поются слова: «слезою мальчикъ зальется», какъ по хроматизму (*mi* и *mi-bémol*, *fa* и *fa-dièse*), такъ и по рѣшительно несвойственной народному пѣнію слащавой сентиментальности, совершенно невозможна въ чистомъ, неиспорченномъ народномъ пѣніи; тоже надо сказать напр. о послѣднихъ шести тактахъ № 58. Въ № 39 встрѣчаются обширные скачки голоса вверхъ и внизъ, весьма сомнительные, въ № 100 такты 3-й и 9-ый, а въ № 88—заключеніе напѣва, и многія другія мѣста, перечисленіе которыхъ завело бы меня слишкомъ далеко, чрезвычайно отзываются стилемъ псевдо-русскихъ романсовъ тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія.

⁴⁶⁾ Нѣкоторые изъ нихъ, впрочемъ, вѣроятно по ошибкѣ, остались безъ обозначенія фамилій, хотя они положительно заимствованы изъ печатныхъ сборниковъ, Напр. №№ 115, 125, 141, 166, 179 взяты изъ сборника Балакирева №№ 1, 35, 55 и 185—изъ сборника Рожнова, № 121—изъ сборника Аванасьева. Я привелъ только замѣченные мною позаимствованія,—можетъ быть въ числѣ

авторомъ собранные имъ въ приложеніи напѣвы, они доказываютъ, что протестъ музыкальныхъ писателей противъ искаженій, которымъ подверглись русскіе народные напѣвы въ рукахъ гармонизаторовъ и издателей прежнихъ сборниковъ пѣсенъ (до выхода въ свѣтъ сборника Балакирева), — протестъ, образцы котораго не безъ намѣренія приведены мною во вступленіи къ настоящему разбору моему, собственными словами тѣхъ писателей, оставленъ авторомъ разсматриваемаго сочиненія совсѣмъ безъ вниманія, а можетъ быть даже остался ему неизвѣстнымъ. Этимъ только и можно объяснить, почему, наряду съ весьма сомнительными народными пѣснями, въ Приложеніи нашли себѣ мѣсто даже пѣсни, сочиненныя Яковлевымъ (№ 11) и Варламовымъ (№ 33). Замѣчательно еще, что авторъ оставилъ приведенные имъ напѣвы совершенно безъ обозначенія ихъ темпа, о которомъ читателю приходится каждый разъ самому догадываться. О редакціи текстовъ пѣсенъ, собранныхъ авторомъ въ Приложеніи, судить трудно, такъ какъ выписаны имъ только *перые* стихи или строфы ихъ, т. е. та часть каждаго текста, которая исчерпываетъ собою соотвѣтствующій напѣвъ при исполненіи его въ *первый* разъ. Между данными первыми стихами и строфами встрѣчаются стихи весьма сомнительнаго свойства, доказывающіе, что и къ текстамъ представленныхъ имъ пѣсенъ, авторъ иногда относился безъ надлежащей критики. ⁴⁷⁾

безъименныхъ напѣвовъ ихъ на самомъ дѣлѣ и больше. Притомъ надо замѣтить, что нѣкоторыя изъ прочихъ безъименныхъ пѣсенъ очень похожи на тѣже пѣсни, помѣщенные въ печатныхъ сборникахъ, которые авторъ имѣлъ подъ рукою, но нерѣдко представлены имъ въ редакціяхъ менѣе удовлетворительныхъ, чѣмъ въ печатныхъ сборникахъ. Почему авторъ остановился на выборѣ менѣе совершенныхъ вариантовъ тѣхъ пѣсенъ, — непонятно.

⁴⁷⁾ Напр. № 54 «Всѣмъ сердцемъ сушусь крушусь, слезою мальчикъ зальюсь

Самъ я знаю, для кого я вѣрно люблю».

№ 126. «Ни какъ невозможно безъ милова жить,
Любить дружка можно, нельзя по немъ тужить».

№ 127. «Ночи темны, тучи грозны,
Изъ подъ неба дождикъ льетъ.
Наши храбрые солдаты
Со ученья идутъ.
Они идутъ, маршируютъ»
и т. д.

№ 145: «Полно милая моя крушиться нѣжнымъ сердцемъ обо мнѣ,
Не порали намъ съ тобой открыться? Скажу милая моя
тебѣ»...

Во второмъ приложеніи помѣщены авторомъ *напѣвно-ритмиче-скія схемы пѣсенъ*, въ которыхъ за кратчайшую ритмическую мѣру (*χρόνος πρώτος* = $\cup$) принята $\frac{1}{4}$ такта, и въ которыхъ, высчитывается сумма такихъ мѣръ, заключающихся въ цѣломъ напѣвѣ, если послѣдній соотвѣтствуетъ одному лишь стиху; если же напѣвъ распространяется на два стиха (строфу), то показано число мѣръ въ первомъ и второмъ изъ нихъ особо. Напр.:

1) въ одностишіи:

«Нынче праздни́къ»—8 мѣръ,

2) въ двустишіи изъ стиховъ равномѣрныхъ:

«Здра́стуй, ми́лая; хоро́шая моя,—12 мѣръ,

Чернобро́вая похо́жа на ме́ня.—12 мѣръ,

3) въ двустишіи изъ стиховъ неравномѣрныхъ:

«Вы солда́тушки ула́ны—32 мѣры,

Гдѣ́жь вы бы́ли, побу́вали?»—24 мѣры

Авторъ поясняетъ: «Неравномѣрность стиховъ здѣсь разумѣется только по отношенію четныхъ къ нечетнымъ; но всѣ четные между собою и всѣ нечетные между собою равномѣрны во всей пѣснѣ.»

Въ прибавленіи авторъ рассматриваетъ нѣкоторыя несогласныя съ выводами его изслѣдованія положенія, содержащіяся въ двухъ сочиненіяхъ, имѣющихъ предметомъ складъ русско-народной пѣсни, а именно въ статьѣ Вестфала «О русской народной пѣснѣ» (Русск. Вѣстн. 1879 г. Сентябрь) и въ объясненіяхъ г. Мельгунова къ изданнымъ имъ Русскимъ пѣснямъ (Вып. I). Въ возраженіи своемъ на статью Вестфала г. Шафрановъ ограничивается немногими словами. Вестфальъ упрекаетъ его за то, что онъ въ послѣд-

№ 196: «Ябъ желала себя вольной птичкой,
Ябъ могла вездѣ летать»...

Такія строки, какъ бы онѣ ни «расчленялись» соотвѣтственно расчлененіямъ напѣвовъ (см. выше опредѣленіе г. Шафрановымъ понятія «стихъ» на стр. 67) и даже не смотря на встрѣчающіяся въ нѣкоторыхъ изъ этихъ рѣмы, — вслѣдствіе присущаго имъ безвкусія, не могутъ быть причислены къ поэтической рѣчи, тѣмъ болѣе не могутъ служить образцами *народной поэзіи*, съ которой онѣ ничего общаго не имѣютъ.

ней статьѣ своей (по времени выхода въ свѣтъ это могла быть только вторая статья) недостаточно ясно опредѣлить различіе между стопами и тактами. На это г. Шафрановъ отвѣчаетъ, что слова его во 2-ой статьѣ могутъ показаться неясными только тому, «кто не читалъ первой статьи его, которая почти вся посвящена именно уясненію существенно важнаго различія между стопою, какъ терминомъ метрическимъ, стихотворнымъ, и тактомъ, какъ терминомъ ритмическимъ, музыкальнымъ», и прибавляетъ, что данный Вестфалемъ неблагопріятный отзывъ о II статьѣ его труда можно объяснить лишь тѣмъ, что онъ не читалъ самъ этой статьи въ русскомъ подлинникѣ, вѣроятно по незнанію русскаго языка, а переводившій ему относящіяся до указаннаго вопроса слова II статьи на нѣмецкій языкъ, передалъ слова эти неясно. Къ непониманію дѣла русскимъ переводчикомъ статьи Вестфала «О русской народной пѣснѣ» (въ Русск. Вѣстн.) г. Шафрановъ относитъ не могущее принадлежать самому Вестфалу смѣшеніе въ этой статьѣ терминовъ: *колла* и *стихъ* или періодъ, которые въ нѣмецкомъ сочиненіи того же Вестфала Griechische Rhythmik und Harmonik совершенно ясно разграничены.

Что касается «объясненій» г. Мельгунова, то г. Шафрановъ дѣлаетъ автору ихъ упрекъ за употребленіе новыхъ терминовъ, вносящихъ въ дѣло путаницу и непонятность, а именно г. Мельгуновъ употребляетъ слово *строка* вмѣсто колѣна (полуступища), вслѣдствіе чего стихъ оказывается состоящимъ изъ двухъ «строкъ», а слово *колла* — вмѣсто термина: строфа. Далѣе г. Шафрановъ приводитъ слова г. Мельгунова, утверждающаго, что всѣ мелодіи русскихъ пѣсенъ строго подчинены ритму, гармоніи и тексту, и что съ другой стороны предложенія (т. е. текстъ) подчиняются вполне законамъ ритма. «Если текстъ подчиняется ритму — замѣчаетъ г. Шафрановъ — а слѣдовательно подчиняется и мелодіи, составляющей съ ритмомъ нераздѣльное цѣлое, то мелодія уже не можетъ наоборотъ подчиняться тексту». Мнѣ кажется, что въ словахъ г. Мельгунова слѣдуетъ видѣть не столько противорѣчіе, сколько неточность выраженія, и что ими онъ желалъ выразить взаимнодѣйствіе пѣсенной рѣчи и напѣва, проявляющееся въ моментъ созданія пѣсни и обнаруживающееся въ томъ, что текстъ до нѣкоторой степени даетъ направленіе мелодіи, влияетъ на мелодическій узоръ напѣва, въ то время какъ мелодія напѣва, въ свою очередь, такъ сказать, накидываетъ на пѣсенную рѣчь свою ритмическую сѣть, съ свойственными ей специально музыкальными, ритмическими

(на сильныхъ временахъ тактовъ) акцентами, которые можно называть музыкальными иктами. (О томъ, что въ живомъ, осмысленномъ исполненіи эти музыкальные икты иногда не отмѣчаются [или отмѣчаются слабѣе] тамъ, гдѣ они вступаютъ въ слышкомъ очевидное противорѣчіе съ грамматическими удареніями текста, я упомянулъ уже выше, на стр. 60). Г. Мельгуновъ признаетъ, однако, ритмическіе акценты не только на сильныхъ временахъ тактовъ, но и на первыхъ доляхъ каждой четверти (и даже отмѣчаетъ въ пѣсенныхъ текстахъ своего сборника несущія эти акценты гласныя—курсивнымъ шрифтомъ). Это испещреніе текста пѣсенъ воображаемыми, потому что въ пѣніи не соблюдаемыми⁴⁸⁾ ритмическими акцентами, соответствующими, по мнѣнію г. Мельгунова, первой долѣ каждой четверти въ напѣвѣ, дѣйствительно вноситъ въ понятіе о складѣ русско-народной пѣсенной рѣчи усложненіе, на которое справедливо сѣтуетъ г. Шафрановъ.

Трудъ г. Шафранова заключается «Алфавитнымъ указателемъ объясненій значенія встрѣчающихся въ изслѣдованіи важнѣйшихъ словъ». Объясненія эти изложены по большей части словами текста.

Г. Шафранову безспорно принадлежитъ немалая заслуга въ томъ, что онъ, принявъ во вниманіе двусоставную природу народно-русской пѣсни, какъ произведенія словеснаго и вмѣстѣ музыкальнаго, разрушилъ грань, раздѣлявшую до сего времени изслѣдователей русскихъ народныхъ пѣсенъ — музыкантовъ и нем музыкантовъ, изъ которыхъ первые изучали исключительно музыкальную, а вторые — исключительно словесную сторону пѣсенъ, и, на развалинахъ этой грани воздвигъ свое ученіе о складѣ народно-русской рѣчи, рассматривая ее въ связи съ напѣвами. Въ наглядной формѣ авторъ очертилъ отношеніе основъ стихосложеній количественнаго (греко-латинскаго), слогочислительнаго (въ стихахъ Зендавесты и Ведъ) и тоническаго—къ народно-русскому пѣсенному, останавливаясь преимущественно на древнѣйшихъ формахъ этихъ стихосложеній (въ особенности первыхъ двухъ), проявившихся въ пѣсняхъ, въ коихъ рѣчь, какъ и въ народныхъ пѣсняхъ русскихъ, была еще

⁴⁸⁾ Г. Мельгуновъ, упоминая о встрѣчающихся въ пѣсняхъ противорѣчіяхъ между грамматическими и ритмическими удареніями, самъ говоритъ, что «при исполненіи эти перенесенія удареній почти незамѣтны», (стр. XXIV) т. е. другими словами, что ритмическіе акценты, несовпадающіе съ грамматическими удареніями текста, въ пѣніи не соблюдаются; точно такъ же «незамѣтны» въ пѣніи и многочисленные, болѣе воображаемые, чѣмъ соблюдаемые «ритмическіе акценты» на первой долѣ каждой четверти.

неразрывно связана съ пѣніемъ. Онъ указалъ на близкое соотношеніе главныхъ частей напѣва съ соотвѣтствующими главными частями (стихами, колѣнами) строфъ пѣсеннаго текста. Далѣе, находя созданную Востоковымъ, развитую его послѣдователями, теорію народно-русскаго стихосложенія (названнаго тоническимъ), признающую число удареній (реторическихъ) въ стихѣ за основу стихосложенія, — искусственною и неоправдываемою на самомъ дѣлѣ пѣснями, разсматриваемыми въ связи съ ихъ напѣвами, и, относя реторическія ударенія не къ складу пѣсенной рѣчи, а къ способу ея произношенія въ чтеніи, къ дикціи, авторъ обратилъ вниманіе на стилистическія особенности пѣсенной рѣчи и далъ стихосложенію народно-русской пѣсни названіе *стимистическаго*, какъ основывающагося на особенностяхъ слога и на своеобразномъ поступательномъ движеніи въ пѣсняхъ рѣчи. Эти особенности слога суть преимущественно *повторенія* (къ коимъ относятся и *притѣвы*) и *параллелизмъ*, разсмотрѣнные авторомъ въ разнообразныхъ ихъ примѣненіяхъ.

Признавая неоспоримыя достоинства сочиненія г. Шафранова, несомнѣнно пополнившаго пробѣлъ въ области изученія народно-русской пѣсни, а равно и смѣлость и новизну положеній его, во многихъ отношеніяхъ подтвержденныхъ доказательствами, — заслуживающими вниманія и трудъ его достойнымъ поощренія, но съ другой стороны, находя въ трудѣ этомъ нѣкоторые указанные въ отзывѣ моемъ недостатки въ специально-музыкальной его части, кромѣ того, находя музыкальное приложеніе, изъ котораго почерпаются авторомъ примѣры для доказательствъ его положеній, неудовлетворительно составленнымъ и стоящимъ на несоотвѣтствующемъ тексту труда уровнѣ, я полагаю бы справедливымъ удостоить сочиненіе г. Шафранова почетнаго отзыва съ представленіемъ ему права представить трудъ свой въ исправленномъ видѣ снова къ одному изъ слѣдующихъ конкурсовъ (согласно § 16 п. 2 положенія о наградахъ гр. Уварова).

VI.

АНАТЕМАТСТВОВАНІЕ (ОТЛУЧЕНІЕ ОТЪ ЦЕРКВИ), СОВЕРШАЕМОЕ ВЪ ПЕРВУЮ НЕДѢЛЮ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Историческое изслѣдованіе о Чинѣ Православія свящ. Константина Никольскаго. С.П.Б. 1879. стр. I—IV+314.

Рецензія профессора, протоіерея М. И. Герцакова.

Богослужебнымъ уставомъ православныхъ помѣстныхъ церквей положено совершать ежегодно въ недѣлю православія, или въ первый воскресный день великаго поста, сверхъ обыкновенной воскресной службы, особое церковное чинопослѣдованіе, которымъ церковь выражаетъ торжество побѣды православія надъ ересями и расколами.

Въ современной Русской церкви это чинопослѣдованіе совершается исключительно въ кафедральныхъ соборахъ при архіерейскомъ служеніи.

Совершеніе церковнаго чинопослѣдованія въ недѣлю православія одною частію своего содержанія («анаематствованіями») и въ настоящее время производитъ извѣстнаго рода впечатлѣнія не только въ области церковной жизни того общества, среди котораго оно совершается, но иногда выступаетъ своимъ вліяніемъ и за границы среды этой жизни. Такъ, по поводу совершенія этого чина у насъ въ Россіи, въ новѣйшее время, едва ли не каждый годъ возбуждаются разсужденія и толки не только въ средѣ церковной жизни, но и въ періодической свѣтской литературѣ, относительно существа, степени значенія и современности провозглашенія въ XIX вѣкѣ анаемы.

Въ древней Россіи содержаніе чина православія было полнѣе и богаче нынѣшняго; составъ его обширнѣе; обряды совершенія сложнѣе и разнообразнѣе; потому и значеніе совершенія его было въ древней Россіи несравненно шире и глубже по отношенію къ народной жизни, чѣмъ въ новой Россіи и въ наше время. Въ древней Россіи совершеніе чина православія производило свое вліяніе на народъ не столько печальною и тяжелою для религіознаго чувства православныхъ людей частію своего содержанія (анаемому), сколько другими сторонами и частями его, болѣе торжественными, радостными и назидательными для членовъ православной церкви, чѣмъ анаематствованія. Въ особенности сильныя впечатлѣнія должны были производить на нашихъ предковъ такія статьи, входившія въ составъ чинопослѣдованія въ недѣлю православія, которыя служили выраженіемъ настроенія общества, церкви, всего русскаго народа того времени, когда совершалось церковное чинопослѣдованіе. Такъ торжественное, съ своеобразною музыкальностію, провозглашеніе и хоровое пѣніе вѣчной памяти «мужественно поборовшимъ и избѣненнымъ за православную вѣру» (съ перечисленіемъ именъ) въ нашествіе Батыя, Мамая, Тохтамыша, Олгерда, или въ другія, быть можетъ, не менѣе тяжелыя години испытаній отечества, пережитыя слушателями, должно было производить на нихъ потрясающее впечатлѣніе, сильнымъ образомъ возбуждать и укрѣплять въ нихъ чувства и настроеніе патриотизма, запечатлѣвать въ ихъ памяти имена отечественныхъ героевъ, положившихъ свою жизнь за родину и вѣру, и утверждать въ нихъ мысль, что церковь сохраняетъ и сохранитъ вѣчную память о заслугахъ, оказанныхъ отечеству подвижниками, на поляхъ брани славною смертію умершими. Чтеніе синодика съ именами убитыхъ во время войнъ, нашествій непріятелей на отечественную страну и походовъ противъ враговъ родины было прославленіемъ славныхъ подвиговъ лицъ, до смерти послужившихъ отечеству и церкви. Совершеніе чина православія въ древней Россіи было своего рода драматическимъ воспроизведеніемъ предъ слушателями цѣлой исторіи отечества... Это было, дѣйствительно, *торжество* православія и отечества, а не анаема!

Степень вліянія, какое производило совершеніе чина православія въ народѣ, находилась въ исторіи въ значительной зависимости отъ состава и содержанія чинопослѣдованія, которыя въ разные времена подвергались измѣненіямъ.

Чинъ православія первоначально былъ составленъ и устано-

вленъ въ Константинопольской церкви, въ IX вѣкѣ (въ 842 году), по случаю возстановленія иконопочитанія послѣ временъ иконоборства, въ ознаменованіе торжества церкви надъ противниками иконопочитанія и вообще православнаго ученія. Первоначальный чинъ, въ его неповрежденности и цѣлости, безъ прибавленія къ нему дополненій и измѣненій послѣдующихъ временъ, не сохранился до нашего времени; по крайней мѣрѣ, онъ не встрѣчается въ извѣстныхъ намъ нынѣ сборникахъ церковныхъ чинопослѣдованій. Но составъ этого чина можно, кажется, безъ затрудненій и съ вѣроятною полнотою возстановить на основаніи дѣяній VII вселенскаго собора и сохранившагося въ греческихъ памятникахъ письменности описанія церковнаго торжества, бывшаго въ 842-мъ году по случаю возстановленія иконопочитаніе ¹⁾. Къ первоначальному составу чина православія приближается списокъ этого чина, напечатанный въ одной изъ греческихъ постныхъ тріодей XVIII в. ²⁾. Съ несомнѣнностію можно утверждать, что въ составъ *первоначальной* редакціи чина православія входили слѣдующія главныя части: молебное пѣніе, соединенное съ крестнымъ ходомъ (церковною процессією) по улицамъ Константинополя и съ пѣніемъ соотвѣтствующаго, по своему содержанію, торжеству канона ³⁾, и такъ называемый — «Синодикъ» (Συνοδικόν). Составныя части синодика были: а) *предисловіе*, въ которомъ кратко объяснялась сущность торжества, выражалось прославленіе Бога («*Кто Богъ великъ*» и пр.) въ благодареніе за дарованіе побѣды церкви надъ иконоборцами и еретиками и произносилось исповѣданіе догматовъ съ провозглашеніемъ вѣчной памяти принимавшимъ и исповѣдывавшимъ истины церковнаго ученія; б) *анаематствованія* — иконоборцамъ и еритикамъ, отлученнымъ отъ церкви на вселенскихъ соборахъ; в) возгласенія *отъчной памяти* (Αἰώνια ἡ μνήμη) греческимъ императорамъ и іерархамъ, оказавшимъ услуги въ побѣдѣ вѣры и церкви надъ ересями и противниками церковнаго ученія; г) произношеніе *многочтія* (ἡ φήμη или

¹⁾ См. «Дѣянія вселенскаго собора» въ русскомъ переводѣ въ «Православномъ Собесѣдникѣ» 1875 г., май и июнь, стр. 423—426 и 610—612. см. Никольскаго «Анаематствованіе» стр. 16—21.

²⁾ Τριώδιον ψυχοφειλεστάτου, περιέχον τὴν πρέπουσαν τῇ ἀγίᾳ καὶ μεγάλῃ Θεσσαρακοστῇ ἄπασαν ἀκολουθίαν. Ἐν Βαυονίᾳ, αψχδ, с. 116—118.

³⁾ Канонъ помѣщается въ постныхъ греческихъ тріодахъ; у насъ онъ печатался въ постныхъ тріодахъ XVII в.; съ XVIII вѣка онъ не печатался у насъ и въ настоящее время не входитъ въ составъ чинопослѣдованія Русской церкви.

ἡ μακρότης τῶν βασιλέων, πατριαρχῶν καὶ ὄλων τῶν ζώντων) царствующему императору, іерархамъ и всѣмъ христіанамъ; и д) заключительная молитва о дарованіи отъ Бога участникамъ торжества твердости въ вѣрѣ. — Каждая изъ означенныхъ частей, за исключеніемъ заключительной молитвы, состояла изъ нѣсколькихъ статей или главъ (κεφάλαια).

Главные составныя части первоначальнаго чина православія, сохраняя основныя мысли своего содержанія, подвергались, съ теченіемъ времени, въ Греческой церкви въ своихъ частностяхъ дополненіямъ и измѣненіямъ. Такъ въ *предисловіи* первоначальнаго синодика было включено краткое объясненіе историческаго происхожденія праздника православія. Къ той части синодика, въ которой провозглашались «анаеematствованія» еретикамъ, были присоединены статьи, въ которыхъ съ болѣею противъ первоначальнаго синодика подробностію осуждались неправославныя понятія иконоборцевъ и, за тѣмъ, вновь явившіяся въ XI—XIV вв. ереси и противоцерковныя ученія; а лица, изобрѣвшія или распространявшія такія ереси и ученія, предавались анаеемѣ. Статьи «вѣчной памяти» дополнялись съ смертію каждаго покровителя, защитника и поборника вѣры и церкви (императоровъ, патриарховъ и т. п.) тѣмъ, что имя умершаго причислялось къ списку удостоенныхъ отъ церкви провозглашенія вѣчной памяти въ недѣлю православія. Измѣненія въ «многолѣтніхъ» синодика происходили съ каждою личною перемѣною на императорскомъ престолѣ Византійской Имперіи, на кафедрахъ патриаршихъ и архіерейскихъ. — Вслѣдствіе упомянутыхъ допозненій къ первоначальной редакціи синодика, въ теченіе XI—XIV вв. постепенно образовались въ Греческой церкви, кромѣ первоначальнаго чина, двѣ другія его редакціи — *дополненная* ¹⁾ и *распространенная*. Обѣ онѣ вошли въ употребленіе при Богослуженіи въ недѣлю православія. Въ дополненную редакцію внесены такія новыя, по содержанію, статьи предисловія и анаеematствованій, ка-

¹⁾ Греческаго текста этой редакціи, отдѣльно отъ распространенной, не встрѣчается въ печатныхъ богослужебныхъ книгахъ; но существованіе дополненной редакціи въ XIV вѣкѣ, отдѣльно отъ распространенной, показывается существованіемъ славянскихъ переводовъ ея, сдѣланныхъ въ XIV в. Все содержаніе ея въ греческомъ текстѣ можно возстановить изъ распространенной по содержанію статей славянскихъ переводовъ. Одинъ изъ двухъ рукописныхъ синодиковъ, осмотрѣнныхъ нами въ собраніи богослужебныхъ чиновъ Греческой церкви, составленномъ преосвященнымъ Порфиріемъ (Успенскимъ), относится къ типу синодика дополненной редакціи.

кихъ не могло быть въ первоначальномъ синодикѣ¹⁾, но съ опущеніемъ статей о древнихъ еретикахъ. Распространенная редакція заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя статьи съ подробными анаематствованіями, которыхъ нѣтъ въ дополненной редакціи²⁾. Она печатается съ XVI вѣка въ венеціанскихъ изданіяхъ греческихъ постныхъ тріодей³⁾ и помѣщена въ экземплярахъ этихъ тріодей, употребляемыхъ нынѣ въ греческой церкви⁴⁾.

Исторія перемѣнъ въ греческомъ чинослѣдованіи въ недѣлю православія отразилась на исторіи этого чина въ Русской церкви.

Греческій синодикъ на недѣлю православія весьма рано былъ принятъ въ славянскихъ православныхъ церквахъ⁵⁾. Въ Русской церкви уже въ XII в. существовалъ «сенаникъ», по которому положено было «проклинать» лицъ, «отнимающихъ» то, что принадлежитъ церкви⁶⁾. Этотъ синодикъ, по составу и содержанію своему, былъ, безъ сомнѣнія, тотъ самый, который употреблялся въ XII в. въ Константинопольской церкви, т. е. приближающійся къ первоначальной редакціи чина православія. Въ концѣ XIV вѣка перенесена была въ Русскую церковь, въ славянскомъ переводѣ, *дополненная* редакція греческаго синодика. Она введена была въ употребленіе при Богослуженіи въ Москвѣ всероссійскимъ митрополитомъ Киприаномъ, который извѣстенъ, какъ усердный переводчикъ и переписчикъ Богослужебныхъ книгъ на славяно-русской языкъ. Составленная при немъ редакція синодика на славянскомъ языкѣ, въ экземплярѣ его времени, сохранилась до настоящаго времени въ московской патриаршей библіотекѣ⁷⁾. Митрополитъ сообщилъ эту редакцію, также для употребленія при Богослуженіи, новгородскому и псковскому духовенству⁸⁾: въ новгородской епархіи она упо-

¹⁾ Таковы статьи объ ученіи Константина Болгариса, Варлаама и Акиндина и пр.

²⁾ Статьи объ ученіи Ивана Италя, также Варлаама и Акиндина.

³⁾ Изданія 1522, 1591, 1620, 1644, 1683, 1763, 1793, 1850 г.

⁴⁾ Τριώδιον κατανυκτικόν, περιέχον ἅπασαν τὴν ἀνήκουσαν αὐτῷ ἀκολουθίαν τῆς ἁγίας καὶ μεγάλης Τεσσαρακοστῆς. . . ἐξ ἀριστῶν παλαιῶν ἐκδόσεων καὶ χειρογράφων νεώσσι τυπωθὲν καὶ ἐπιμελῶς διορθῶθεν. . . Ἐν Ἐνετίῃσιν, 1860.

⁵⁾ Въ болгарской церкви онъ принятъ въ началѣ XIII в. См. въ Временникѣ Моск. Общ. Ист. и Древн. XXI, 1855, статью С. Палаузова «Синодикъ царя Бориса». Сп. Извѣстія Имп. Акад. Наукъ т. II. 1853.

⁶⁾ Истор. Русской церк. архіеп. Макарія т. II. Прил. № 14 сл. Никольскаго «Анаематствованіе» стр. 22.

⁷⁾ № ркп. 667. О немъ будемъ говорить ниже.

⁸⁾ Акты Истор. т. I. № 9. стр. 19. сл. Никольскаго «Анаематствованіе» стр. 22.

треблялась въ XVI и XVII вв., по экземплярамъ, сохранившимся доселѣ въ софійской библіотекѣ ¹⁾). — Черезъ введеніе дополненной редакціи синодика въ употребленіе въ Русской церкви, прежняя редакція, въ ней обрацавшаяся, не была совсѣмъ устранена изъ употребленія, но подверглась, подъ вліяніемъ Кипріановскаго синодика, дополненіямъ и удержала въ себѣ *нѣкоторые* слѣды первоначальнаго своего состава. Эти двѣ редакціи и обрацались въ разныхъ епархіяхъ Русской церкви до половины XVII вѣка. Около половины XVII вѣка перешли въ Русскую церковь и *распространенная* редакція греческаго синодика. Она переведена была со списка, помѣщеннаго въ печатныхъ изданіяхъ греческой постной тріоди явившихся въ Венеціи въ 1522, 1591 и 1620 гг.; въ славянскомъ переводѣ она издана въ Кіевѣ, сначала въ 1627 году по благословенію архимандрита Кіево-печерской Лавры Захарія Копыстенскаго подъ названіемъ «Послѣдованіе въ недѣлю православія на проклятіе еретиковъ ²⁾», — за тѣмъ въ 1640 и 1648 гг. въ постной тріоди по благословенію знаменитаго митрополита Петра Могилы, — и изъ кіевской тріоди перепечатана, съ исправленіями въ словахъ, въ постной тріоди московскаго изданія 1656 года. И распространенная редакція, принятая Русскою церковію въ Богослуженіе, не вытѣснила изъ употребленія въ нѣкоторыхъ епархіяхъ синодиковъ вышеуказанныхъ двухъ редакцій, обрацавшихся въ древней Россіи. Наконецъ и распространенная редакція греческаго синодика, вслѣдствіе своей обширности и вслѣдствіе многочисленности русскихъ статей, присоединявшихся къ греческимъ статьямъ всѣхъ редакцій синодика, была сокращаема въ Русской церкви для удобствъ употребленія ея при Богослуженіи; отсюда произошли русскіе списки XVII и XVIII вв. *сокращенной* редакціи греческаго синодика.

Греческіе синодики, обрацавшіеся въ Русской церкви въ славянскомъ переводѣ, дополнялись въ ней *русскими статьями*. Эти дополненія вносились, по преимуществу, въ тѣ части синодика, въ которыхъ провозглашались «анаема» и «вѣчная память». Русскія статьи объ анаематствованіяхъ стали вноситься въ синодики, употреблявшіеся при Богослуженіи въ недѣлю православія, съ начала XVI вѣка (о жидовствующихъ и др.), въ значительномъ числѣ увели-

¹⁾ №№ ркп. 1058 и 1060.

²⁾ И. Снегиревъ сообщаетъ, что «эта весьма рѣдкая книга находится въ драгоцѣнной спеціальной библіотекѣ А. Т. Худова». См. его замѣтку въ «Православномъ Обзорѣніи», февраль, 1865, стр. 68, подъ заглавіемъ: «Недѣля православія или сборное воскресенье въ Москвѣ».

чили въ теченіе XVII в. (о Григорѣ Отрепьевѣ, Разинѣ и раскольникахъ) и дополнились въ 1708-мъ году статьею объ Иванѣ Мазепѣ. Одни изъ русскихъ анаематствованій внесены были во всѣ синодики, употреблявшіеся въ русскихъ епархіяхъ; нынѣ же имѣются только въ нѣкоторыхъ спискахъ, употреблявшихся въ опредѣленныхъ епархіяхъ. О внесеніи въ синодики первыхъ статей состоялись, по всей вѣроятности, распоряженія высшей церковной власти, — а о внесеніи вторыхъ — распоряженія епархіальныхъ архіереевъ. — Особенно же значительны были дополненія русскими статьями той части русскихъ синодиковъ, въ которой провозглашалась вѣчная память. Въ этой части русскіе синодики отличались отъ греческихъ тѣмъ, что въ нихъ провозглашалась вѣчная память: во первыхъ — не только греческимъ императорамъ, но русскимъ князьямъ — великимъ, удѣльнымъ, мѣстнымъ, впоследствии — московскимъ и всея Руси, позднѣе — царямъ и императорскимъ особамъ; во вторыхъ — не только восточнымъ іерархамъ, но вѣророссійскимъ митрополитамъ и впоследствии патріархамъ, епархіальнымъ мѣстнымъ архіереевъ, основателямъ знаменитыхъ во всей Россіи или въ извѣстныхъ мѣстахъ монастырей, лицамъ, прославившимся во всей Россіи или приобрѣвшимъ мѣстную извѣстность своею святою или подвижническою жизнію (преподобнымъ, Христа-ради юродивымъ); — и въ третьихъ, — лицамъ поборавшимъ и убиеннымъ за православную вѣру и отечество во время войнъ, походовъ и нашествій непріятелей, въ междоусобныя брани, во время государевыхъ посылокъ, — погибшимъ отъ огненныхъ заpalеній и смертоносныхъ повѣтрій и нѣкоторымъ умершимъ насильственною смертію. — Эта часть русскихъ синодиковъ представляетъ интересъ для изслѣдователей русской исторіи — церковной и государственной. Въ ней излагаются древнѣйшіе и достовѣрнѣйшіе списки всероссійскихъ митрополитовъ¹⁾; изъ нея могутъ дополняться и отчасти ея провѣряться списки епархіальныхъ архіереевъ древней Россіи; въ ней указываются имена мѣстнотимныхъ лицъ, которыя, по смерти ихъ записанныя въ синодикѣ, признаны были впоследствии свя-

¹⁾ Составленіе *отрнаго* каталога первыхъ русскихъ митрополитовъ считается еще и теперь «вопросомъ не рѣшеннымъ окончательно». См. Исторію Русской Церкви» Е. Голубинскаго. Т. I. М. 1880, стр. 248. Голубинскій занимается составленіемъ и разборомъ этого каталога по спискамъ XVII вѣка; между тѣмъ въ синодикахъ XIV и XVI вѣковъ мы имѣемъ древнѣйшіе списки первыхъ русскихъ митрополитовъ, имена которыхъ вносились въ синодики, по большей части, вскорѣ послѣ ихъ смерти.

тыми; въ ней отображается отношеніе русской церкви къ важнѣйшимъ событіямъ и испытаніямъ въ исторіи отечества. Въ этой же части можно встрѣтить имена такихъ удѣльныхъ и мѣстныхъ князей, о которыхъ не сохраняется извѣстій ни въ какихъ другихъ памятникахъ. Въ ней хронологически вспоминаются нашествія непріятелей на Россію, походы противъ враговъ, войны противъ внѣшнихъ непріятелей, междоусобныя брани и бунты, съ перечисленіемъ нерѣдко въ весьма длинныхъ спискахъ именъ лицъ, пострадавшихъ, избѣнныхъ и погибшихъ во время такихъ страшныхъ для отечества испытаній. Въ этой части синодиковъ можно находить такія историческія свѣдѣнія, подробности, факты и указанія, касающіяся нѣкоторыхъ сторонъ государственнаго строя и общественной жизни древней Россіи, которыми могутъ подтверждаться, дополняться и исправляться лѣтописныя сказанія и сообщенія другихъ извѣстныхъ нынѣ источниковъ русской исторіи. Черезъ эту часть синодиковъ пріобрѣтались и распространялись въ Россіи свѣдѣнія какъ изъ исторіи отечественной, такъ Греческой церкви и Византійской имперіи. — Такимъ образомъ русскія статьи, имѣющіяся въ синодикахъ на недѣлю православія, могутъ служить однимъ изъ источниковъ русской исторіи — церковной и гражданской. И этотъ источникъ отечественной исторіи до сихъ поръ еще не обратилъ на себя вниманія нашихъ историографовъ. — Кромѣ того, — эта часть синодиковъ имѣла воспитательно-образовательное значеніе для русскаго народа ¹⁾, послужила образцомъ и основаніемъ для происхожденія и употребленія разнообразныхъ русскихъ синодиковъ ²⁾, содѣйствовала распространенію и утвержденію въ русскомъ народѣ обычая поминовенія умершихъ на панихидахъ — частныхъ и общихъ («вселенскихъ», въ «родительскія субботы», въ «Дмитріевскую субботу», 29 августа, въ «радоницу» ³⁾) и можетъ дать основанія для разъясненія происхожденія употребляемыхъ до сихъ поръ въ «помянникахъ» разныхъ приписокъ къ именамъ умершихъ — напр. помяни Господи — «болярина» такого-то, «вонна», «убитаго на войнѣ», «гро-

¹⁾ Черезъ синодики увѣковѣчивались въ памяти народа имена отечественныхъ героевъ и событія, имѣвшія значеніе въ исторіи отечества; черезъ посредство ихъ развивалось и поддерживалось въ народѣ убѣжденіе, что умирать за отечество, за св. Русь, значитъ умирать за св. вѣру, и что сражаться за родину значитъ подвизаться за вѣру.

²⁾ По образцу синодиковъ въ недѣлю православія составлялись родовые синодики, которые читались въ монастыряхъ и церквахъ.

³⁾ См. ниже примѣчаніе.

момъ убійнаго», «утопшаго» и т. п.), — а равно и возгашеній, допускаемыхъ нынѣ, по личному усмотрѣнію, священнослужителями при служеніи панихидъ по лицамъ, оказавшимъ какія либо заслуги отечеству и народу, съ напоминаніемъ объ этихъ заслугахъ.

Русскія статьи вносились въ синодики по распоряженіямъ властей — государственныхъ и церковныхъ¹⁾. Внесеніе ихъ происходило обыкновенно вскорѣ послѣ совершенія того событія, которымъ давалось содержаніе для синодика. Статьи объ анафематствованіяхъ русскихъ еретиковъ, бунтовщиковъ, измѣнниковъ и раскольниковъ включались въ синодики послѣ осужденія ихъ церковною властію. Имена умершихъ лицъ, удостоиваемыхъ сохраненія памяти о нихъ въ церкви и потомствѣ, записывались вскорѣ послѣ ихъ смерти. Списки объ убитыхъ во время той или другой войны, похода и нашествія непріятелей вносились въ синодики, по стать-

¹⁾ Въ Новгородскомъ 1682 г. синодикѣ на л. 88-мъ приписано: «Лѣта 7163-го февраля въ 20-й день (На полѣ замѣчено: «Сего на амвонѣ не чести»). Въ грамотѣ великаго государя, святѣйшаго Никона, патріарха московскаго и всея великія и малыя и бѣлыя Россіи, писано въ Великій Новгородъ, къ великому господину, преосвященному Макарію, митрополиту Великаго Новгорода и Великихъ Лукъ, а велѣно по преставльшихся отъ мороваго повѣтрія по митрополитѣ и по архіепископѣхъ, и по архимандритѣхъ, и по игуменѣхъ, и по протопопѣхъ, и по священникахъ, и по дьяконахъ, и по инокахъ, и всякаго священническаго и иноческаго чина, и по боярѣхъ и всякаго чина царскаго синклита, и по всѣхъ православныхъ христіанѣхъ мужеска полу и женска всякаго чина и возраста, пѣть чтыредесятициу, а послѣ чтыредесятициу память по нихъ творить по всѣмъ вселенскимъ субботамъ, ежегодъ, въ вѣчную память. Да по тѣхже, отъ мороваго повѣтрія преставльшихся, указатъ великій государь святѣйшій Никонъ, патріархъ московскій и вся великія и малыя и бѣлыя Росіи, творить вѣчную память, сирѣчь, ежегодъ ихъ помянать августа 20-е число, а на ектеніяхъ молитъ Бога за тѣхъ представльшихся». Соотвѣтственно грамотѣ патріарха, въ новгородскій синодикъ въ недѣлю православія (л. 89.) внесена статья: «Иже отъ Бога нашедшихъ на ны праведныхъ наказаній, грѣхъ ради нашихъ, въ лѣта 7162 и 163-го смертоносныя язвы на православное и благочестивое христіанство Богомъ спасаемаго царствующаго града Москвы, и во время посѣщенія Божія преставльшихся рабомъ Божиимъ—преосвященному митрополиту Селивестру, преосвященному архіепископу Софронію, преосвященному архіепископу Левкію, преосвященному архіепископу Іонѣ, преподобнымъ архимаритомъ и игуменомъ, а протопопомъ, и священноинокомъ, іереомъ и діакономъ, инокомъ и инокинямъ, и всякаго причта церковнаго, и мужемъ и женамъ, юношамъ и дѣвамъ, и сущимъ младенцемъ, и всякому возрасту мужеска полу и женска, во благочестіи отшедшимъ, во градѣхъ и во обителяхъ и въ весехъ, по волостемъ и по погостомъ (окончаніе статьи затеряно въ синодикѣ).

ямъ, вскорѣ послѣ окончанія событій, въ которыхъ подвизались пожертвовавшіе отечеству своею жизнію ¹⁾).

Вслѣдствіе описаннаго сейчасъ порядка дополненій въ той части русскихъ синодиковъ, въ которой возглашалась вѣчная память, число статей этой части постепенно и быстро увеличивалось. Съ теченіемъ времени эта часть синодика становилась столь обширною, что прочтеніе ея въ одну церковную службу, въ одинъ день, становилось невозможнымъ. Поэтому церковныя власти, продолжая вносить въ синодики новыя статьи, соотвѣтственные по содержанію современнымъ имъ событіямъ, находили необходимымъ сокращать и укорачивать прочтеніе синодика при Богослуженіи въ недѣлю православія, — но безъ ущерба для памяти современниковъ о событіяхъ прежняго времени. Сокращеніе прочтенія синодика въ недѣлю православія достигалось тремя способами. Во первыхъ, во время совершенія чина опускалось прочтеніе *греческихъ* статей той или другой части синодика. Во вторыхъ, изъ *русскихъ* статей одни соединялись съ другими, — въ иныхъ уменьшалось число собственныхъ именъ лицъ, убитыхъ въ одинъ и тотъ-же походъ, и въ замѣнъ собственныхъ именъ произносились слова — «и всѣхъ убитыхъ и пострадавшихъ въ тотъ походъ»; таковое сокращеніе большею частію касалось древнѣйшихъ статей, прочтеніе которыхъ въ первоначальной ихъ полнотѣ не могло имѣть такого значенія для слушателей, какое имѣли для нихъ позднѣйшія статьи, въ особенности относящіяся къ ихъ времени. Производимое указанными двумя способами сокращеніе статей нерѣдко отмѣчалось въ самыхъ синодикахъ (словами «не чти», «переступи», или зачеркиваніемъ статей и именъ ²⁾) по распоряженіямъ настоятеля той церкви, въ которой читался синодикъ; отмѣтки его служили указаніемъ и руководствомъ для чтеца синодика при Богослуженіи. Иногда же, по отмѣткамъ, сдѣланнымъ рукою настоятеля, переписывался синодикъ и составлялся такимъ образомъ *новый* списокъ, отличающійся отъ своего оригинала въ однихъ мѣстахъ сокращеніями, а въ дру-

¹⁾ Въ ростовскомъ синодикѣ 1642 г. записано: «Лѣта 7145-го въ азовское время, да во 149-мъ и *мыслимемъ* во 150-мъ году отъ турецкихъ и отъ крымскихъ людей въ Азовѣ посадѣ за православную христіанскую вѣру Донскіе казаки побиты: по государевѣ царевѣ и великаго князя Михаила Теодоровича всея Росіи грамотѣ, написати ихъ въ синодикъ въ вѣчное поминовеніе. Леонтію, Аристарху, Ивану, Мирону, Прокопію, Исидору, Тимоею, Кипріяну, Ивану, Ивану, Николаю, Гавріилу, Ивану, пострадавшимъ за святыя божія церкви и за православную вѣру христіанску во градѣ Азовѣ вѣчная память».

²⁾ См. новгородскіе синодики.

гихъ — вновь прибавленными статьями, которыя въ первый разъ вносились въ синодикъ, употреблявшійся при Богослуженіи въ недѣлю православія. — Въ третьихъ, въ видахъ сокращенія чтенія синодика въ недѣлю православія, выдѣлялась изъ него часть статей, въ которыхъ провозглашалась вѣчная память; и эта часть прочитывалась на одной какой либо «вселенской панихидѣ» — (въ Москвѣ въ XVII в. — обыкновенно на той, которая совершалась на недѣлѣ мясопустной, — по всероссійскимъ митрополитамъ, или на сыропустной — по всероссійскимъ патриархамъ). Предназначенная къ пропуску во время службы въ недѣлю православія часть синодика или прочитывалась на панихидѣ по тому же синодику, который употребляемъ былъ при Богослуженіи въ недѣлю православія, или выписывалась въ особый синодикъ «на подобство вселенскаго синодика»¹⁾. Такъ произошли особаго вида синодики, которые составлялись исключительно изъ русскихъ статей.

Синодики, употреблявшіеся въ Русской Церкви до половины XVII в., составляли видъ отдѣльныхъ богослужебныхъ книгъ и были рукописные. Русскія статьи размѣщались въ нихъ рядомъ съ греческими соотвѣтственнаго имъ содержанія. Мы выше упоминали, что пространная редакція греческаго синодика явилась въ Россіи въ XVII в. въ славянскомъ переводѣ напечатанною въ тріоди постной. Русскія статьи не вошли въ синодикъ тріоди. Но прочтеніе ихъ въ недѣлю православія на ряду съ греческими статьями печатнаго синодика признавалось необходимымъ. Поэтому, во второй половинѣ XVII в. найдено было нужнымъ, въ дополненіе къ печатному синодику тріоди, составить изъ русскихъ статей дополнительную къ нему часть. Эта дополнительная часть, дѣйствительно, и явилась. Она была составлена послѣ пересмотра русскихъ статей синодиковъ прежняго времени и представляетъ изъ себя новую ихъ редакцію съ присоединеніемъ статей, по содержанію относящихся къ XVII в. Эта часть является въ рукописяхъ или въ видѣ отдѣльной книги²⁾, или въ соединеніи съ рукописными списками пространной редакціи греческаго синодика, отпечатаннаго въ тріоди³⁾.

¹⁾ См. примѣчаніе на одной изъ предшествующихъ страницъ и см. «Старообрядческій синодикъ», составленный, въ подражаніе православнымъ, «на подобство вселенскаго канона, иже сотворенъ бысть по усопшихъ въ мясопустную субботу», будто бы «по благословенію великаго господина и первоначальнаго отца нашего святѣйшаго Іова патриарха московскаго и всея Россіи», и изданный Академіею Наукъ въ апрѣлѣ 1880 года.

²⁾ Таковъ одинъ синодикъ московской патриаршей библіотеки XVII в.

³⁾ Таковъ новгородскій синодикъ N. ркп. 1060.

Итакъ къ концу XVII вѣка употреблялись въ великорусскихъ епархіяхъ весьма разнообразныя списки чиновъ православія. Каждый списокъ, по мѣсту происхожденія и по содержанію его статей, раздѣлялся на два отдѣла: одинъ отдѣлъ статей заимствованъ былъ отъ Константинопольской церкви, другой состоялъ исключительно изъ статей русскаго происхожденія. Историческое изученіе греческаго отдѣла синодиковъ можетъ разъяснять — степень зависимости русской церкви отъ греческой въ древнія времена въ богослужебныхъ чинахъ, разности переводовъ однихъ и тѣхъ же чиновъ богослуженія, сдѣланныхъ въ разныя времена, отношенія русско-славянскаго языка къ греческому во времена переводовъ, вліяніе печатанія богослужебныхъ чиновъ на греческомъ языкѣ въ XVI и особенно въ XVII в. на составъ и исправленіе богослужебныхъ книгъ нашей Русской церкви, — вліяніе, степень котораго до сихъ поръ съ достаточною полнотою и ясностію не разъяснена и неопредѣлена, но которое выразилась въ многосложныхъ церковно-историческихъ фактахъ. — По составу, содержанію и количеству статей греческаго отдѣла синодиковъ, а также и по времени первоначальнаго появленія ихъ въ Россіи, разнообразныя списки ихъ можно подвести подъ слѣдующія *четыре* категоріи: а) списки, въ которыхъ сохранились слѣды первоначальной греческой редакціи, явившіяся въ Россіи не позже XII вѣка, — б) списки Киприановской редакціи (дополненной греческой), вошедшіе въ употребленіе въ Россіи съ конца XIV в.; в) списки печатной тріоди (распространенной редакціи), впервые сдѣланныя известными въ великорусскихъ епархіяхъ съ половины XVII вѣка; и наконецъ г) списки, сокращенныя изъ печатныхъ синодиковъ, введенныя въ употребленіе во второй половинѣ XVII и въ началѣ XVIII вв. — По составу же статей русскаго отдѣла, списки русскихъ синодиковъ въ недѣлю православія можно раздѣлить на *три* категоріи: а) списки московско-новгородскіе, въ которыхъ греческой отдѣлъ изложенъ по киприановскому переводу, б) списки съ значительнымъ числомъ мѣстныхъ статей, въ греческомъ своемъ отдѣлѣ сохранившіе слѣды первоначальной редакціи, и в) списки XVII вѣка, въ которыхъ греческой отдѣлъ излагается или въ распространенной редакціи или въ извлеченіяхъ изъ нея. — Въ обоихъ отдѣлахъ всѣхъ списковъ русскихъ синодиковъ въ недѣлю православія, о которыхъ мы доселѣ говорили, отображалась древняя православная Русь, съ весьма характеристическими особенностями церковныхъ обрядовъ, воззрѣній и отношеній.

Съ Петромъ Великимъ выступила на свѣтъ исторіи новая Россія. Начались реформы въ церкви и государствѣ, по новымъ началамъ и новыми способами. Для производства реформъ въ церкви выдвинуты были Петромъ на высшихъ степеняхъ духовной іерархіи кievскіе ученые. Киевскимъ ученымъ XVII и первой четверти XVIII вѣковъ были извѣстны только тѣ синодики, которые употреблялись въ малороссійскихъ епархіяхъ, то есть, печатанные въ Киевѣ въ постной тріоди. Употребленіе и произнесеніе въ чинѣ православія русскихъ статей, созданныхъ въ древней великой Россіи, и не напечатанныхъ въ богослужебныхъ книгахъ, іерархамъ церкви изъ кievскихъ ученыхъ было непонятно и казалось не нужнымъ. Въ русскихъ статьяхъ возвеличиваются герои древней Россіи, а она реформируется энергически желѣзною волею Петра. Петромъ Великимъ велись войны, въ теченіе которыхъ много русскихъ воиновъ пало на поляхъ битвъ; но отъ него не было издано ни одного указа о внесеніи въ синодикъ на недѣлю православія убитыхъ на войнѣ. Если не оказывалось надобности провозглашать вѣчную память убитымъ въ теченіе современныхъ войнъ; то зачѣмъ вспоминать, — думали іерархи-кievляне, — убиенныхъ въ древней Россіи?.. Правда, по указу Петра, сдѣлано было распоряженіе о внесеніи въ синодикъ анаемы Ивану Мазепѣ; но это была единственная статья составленная по именному государеву указу для отдѣла анаематствованій; да и она не правилась малороссамъ и, по нѣкоторымъ извѣстіямъ ¹⁾, никогда не читалась въ малороссійскихъ епархіяхъ. Въ отдѣлъ же «вѣчной памяти» со временъ Петра перестали вноситься новыя статьи о пострадавшихъ и убиенныхъ. Чѣмъ далѣе идетъ XVIII-й вѣкъ, тѣмъ больше усиливаются въ русской іерархіи малороссы до временъ Екатерины II.

Учрежденъ былъ въ 1721 году св. Синодъ. Съ его учрежденіемъ самостоятельность епархіальныхъ архіереевъ стала ограничиваться; неразлучное съ самостоятельностью епархій разнообразіе въ нѣкоторыхъ сторонахъ церковнаго управленія и жизни стало приводиться къ единообразію. Введеніе единообразія коснулось и богослужебныхъ чиновъ: уже въ 1726 году былъ изданъ отъ св. синода указъ, чтобы богослужебныхъ книгъ, не сходныхъ съ московскими изданіями, отнюдь не печатать въ типографіяхъ. Разности въ чинопослѣдованіяхъ въ недѣлю православія, употребляв-

¹⁾ Это извѣстіе получено г. Лѣсковымъ отъ «компетентнаго духовнаго лица» и сообщено имъ въ «Новомъ Времени» въ № 1449-мъ за 1890-й годъ.

шихся въ разныхъ епархіяхъ, обратили на себя въ первый разъ вниманіе св. синода въ 1749 году. Въ 1752 году, по порученію св. Синода, епископомъ коломенскимъ Гавріиломъ составлено было «Послѣдованіе православнаго исповѣданія, въ недѣлю первую святаго великаго поста бываемое». По этому послѣдованію совершался чинъ православія св. синодомъ; но онъ не былъ предписанъ къ введенію во всѣхъ епархіяхъ, въ которыхъ избраніе списка чинопослѣдованія для совершенія при богослуженіи сколько зависѣло отъ усмотрѣнія епархіальнаго архіерея, столько же опредѣлялось установившимся издревле обычаемъ.

Въ 1763-мъ году, въ недѣлю православія, въ Ростовскомъ каѳедральномъ соборѣ провозглашена была анаѳема «обидящимъ св. церкви» по такому списку синодика, который относился къ категоріи списковъ, сохранившихъ въ себѣ слѣды древнѣйшей въ Россіи и первоначальной греческой редакціи. Провозглашеніе было сдѣлано по распоряженію митрополита Арсенія Мацѣевича. Онъ извѣстенъ былъ въ С.-Петербургѣ за такого іерарха, который и устройство св. синода находилъ не согласнымъ съ канонами, и синодальную дѣятельность—несоотвѣтствующею пользамъ церкви, и тогдашнія отношенія государственныхъ властей къ ней—обидными для нея. О провозглашеніи въ Ростовскомъ соборѣ узнали въ С.-Петербургѣ, въ св. синодѣ и при дворѣ. Въ распоряженіи митрополита заподозрили, а за тѣмъ и постарались найти, слѣды преступленія. По поводу этого дѣла, св. синодъ «пожелалъ, чтобы чинъ православія совершался впредь повсюду однообразно». Для составленія такого однообразнаго чина, св. синодъ циркулярнымъ указомъ ко всѣмъ непосредственно подвѣдомственнымъ ему установленіямъ предписалъ — прислать ему чиноположенія на недѣлю православія, какія сыскаться могутъ, какъ письменныя, такъ и печатныя, *«всѣ безъ остатку»*.—Вслѣдствіе такого распоряженія, московская синодальная контора, епархіальные архіереи, лавры и ставропигіальные монастыри *обязаны* были выслать въ св. синодъ *всякіе* списки чинопослѣдованій, какіе только могли найтись въ ихъ установленіяхъ. Въ теченіе 1766-го года изъ 31-го церковнаго учрежденія было выслано въ св. синодъ около 40 списковъ чиновъ православія, рукописныхъ и печатныхъ. Послѣ присылки ихъ, по порученію св. синода, составленъ былъ новый чинъ православія тверскимъ епископомъ Гавріиломъ. Составленный имъ чинъ 15 декабря 1766 года былъ рассмотрѣнъ и исправленъ св. синодомъ и чрезъ великоновгородскаго архіепископа Димитрія Сѣченова поднесенъ на усмотрѣ-

ніе ея величества. Ея величество рескриптомъ отъ 19 февраля 1767 г. изъ Москвы на имя оберъ-прокурора св. синода Н. Н. Мелиссино повелѣла ему: «на поданной намъ отъ преосвященнаго Дмитрія, митрополита новгородскаго, зборное чиноположеніе, объявите *нашему* Синоду, что мы во ономъ полагаемся на мнѣніе Синода». Въ св. Синодѣ новосоставленный чинъ былъ утвержденъ, съ его благословенія напечатанъ въ 140 экземплярахъ и разосланъ по епархіямъ, для совершенія исключительно по этимъ экземплярамъ послѣдованія въ недѣлю православія. Этотъ чинъ былъ, при изданіяхъ его въ 1852 и 1869 годахъ, исправленъ въ нѣсколькихъ словахъ. Послѣ введенія этого чина въ употребленіе, всѣ списки старыхъ чинопослѣдованій, собранные въ св. синодъ изъ епархій и монастырей, сданы въ архивъ синодальный; два списка, изъ патриаршей библіотеки выписанные въ св. синодъ, возвращены въ московскую синодальную контору. Если же въ епархіяхъ и монастыряхъ оставались послѣ этого списки старыхъ чинопослѣдованій (а они дѣйствительно оставались¹⁾; то они должны были тщательно скрываться въ архивахъ, библіотекахъ и частныхъ рукахъ, какъ сочиненія, которыми не должны были обладать ни частныя лица, ни церковныя установленія, кромѣ архива св. синода, и какъ книги, утаенныя отъ церковной власти и невысланныя, по ея требованію, куда слѣдуетъ. Съ теченіемъ времени значеніе списковъ было забыто,—и они не обращали на себя вниманія.—Такъ устранены были изъ употребленія и изъ обращенія въ Русской церкви разнообразныя списки древнихъ чиновъ въ недѣлю православія. Этимъ устраненіемъ ихъ и введеніемъ въ богослужебное употребленіе вмѣсто ихъ однообразнаго «послѣдованія въ недѣлю православія» заключилась исторія чина православія въ Россіи.

Мы представили историческій очеркъ чинопослѣдованія въ недѣлю православія въ Константинопольской и Русской церквахъ на основаніи матеріаловъ, частію находящихся въ книгѣ о. Никольскаго, частію собранныхъ нами по ея указаніямъ и частію имѣвшихся у насъ подъ руками до изданія о. Никольскимъ его труда. Изложенъ же нами представленный очеркъ съ тою цѣлію, чтобы показать на какихъ основаніяхъ мы имѣемъ производить критическій разборъ сочиненія о. Никольскаго,—въ виду того, что въ изложеніи нѣкоторыхъ частей и сторонъ исторіи чина православія и съ нѣкоторыми наблюденіями, замѣчаніями, воззрѣніями, указа-

¹⁾ Въ софійской библіотекѣ доселѣ сохраняются 3 списка.

ніями и выводами о. Никольскаго, выраженными въ его книгѣ, мы имѣемъ основанія не соглашаться.—Приступаемъ къ самому разбору.

Сочиненіе о. Никольскаго представляетъ *первый* въ церковно-исторической литературѣ *опытъ ученаго изслѣдованія исторіи чина православія*, составленный большею частію на основаніи не только не изданныхъ въ печати, но остававшихся долгое время въ неизвѣстности, забытыхъ или тщательно скрывавшихся, матеріаловъ, относящихся до сего предмета. Какъ первый опытъ ученаго историческаго изслѣдованія о предметѣ, до сихъ поръ не только почти во все не разработанномъ, но и оставленномъ въ забвеніи, книга о. Никольскаго есть весьма цѣнное приобрѣтеніе въ области церковноисторической и литургической русской литературы. Но, въ то же время, справедливость заставляетъ сказать, что книга автора носитъ на себѣ признаки и недостатковъ перваго опыта изслѣдованія о предметѣ, составляющемъ ея содержаніе.

Своею книгою авторъ выводитъ изъ забвенія и неизвѣстности весьма любопытную, довольно сложную и во все почти не обслѣдованную до него исторію весьма важнаго во многихъ отношеніяхъ памятника богослужебной литературы Константинопольской и Русской церкви.

Много стоило автору времени, труда, усердія, настойчивости и даже издержекъ отыскивать, найти, собрать и, посредствомъ переписокъ, приобрѣсть въ свое распоряженіе, для ученыхъ цѣлей, матеріалы, относящіяся къ исторіи избраннаго имъ для изслѣдованія предмета. Матеріалы эти (въ подлинникахъ) лежатъ большею частію въ архивахъ и библіотекахъ разныхъ установленій въ неизвѣстности и забвеніи, какъ дѣла, сданныя въ архивъ, какъ рукописи старыя и не нужныя, какъ чины богослуженія, замѣненные новоизданнымъ отъ св. синода «последованіемъ въ недѣлю православія» и долженствовавшіе подлежать въ свое время отсылкѣ въ синодъ. Древніе синодики были осуждены введеніемъ новаго «последованія» въ богослуженіе на изыятіе изъ употребленія и на забвеніе¹⁾. Безъ сомнѣнія, съ цѣлію—сохранить въ литературѣ

¹⁾ Извѣстно, что старыя богослужебныя чинопоследованія, измѣненные св. синодомъ и замѣненные новыми, по установленной отъ св. синода практикѣ и едва ли не по примѣру, поданному п. Никономъ относительно старопечатныхъ книгъ, требуются въ св. синодъ и подлежатъ храненію здѣсь внѣ всякаго употребленія. Такъ поступлено въ недавніе годы съ «Молебнымъ

память о древнихъ синодикахъ, Н. И. Новиковъ, извѣстный русскій журналистъ конца прошлаго вѣка, напечаталъ въ 1775-мъ году, въ VIII томѣ своей «Древней Россійской Вивлюенки (во 2-мъ изданіи они помѣщены въ VI т.), два списка. Но эти списки напечатаны въ Вивлюенкѣ безъ всякихъ примѣчаній и объясненій, которыхъ они заслуживали бы первый по своей древности и по своему образованію въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, — а второй по своимъ отношеніямъ къ первому и по времени своего происхожденія въ XVII вѣкѣ. Списки эти оставались безъ вниманія, а о многихъ спискахъ не было и поминна въ литературѣ, — до нашего времени. Вспомнилъ о древнихъ чинахъ православія въ 1865-мъ году извѣстный археологъ Н. Снегиревъ. Въ февральской книжкѣ «Православнаго Обзорѣнія» за 1865-й годъ онъ написалъ замѣтку подѣ заглавіемъ «Недѣля православія или сборное воскресенье въ Москвѣ». Въ замѣткѣ своей онъ, между прочимъ, сообщаетъ, что «въ чинѣ харатейныхъ славяно-русскихъ рукописей патриаршей библиотеки находится такъ называемая *Троичная книга*, потому что на передней дскѣ ея переплета изображена пресвятая Троица. Она писана уставомъ въ XIV и XVII вѣкахъ (то есть — объясняемъ отъ себя, — различными почерками XIV, XV и XVI вв., съ одною вноскою и одною поправкою по подчищенному мѣсту XVII в.), въ десять. Это — сборникъ, содержащій въ себѣ разныя статьи, между прочимъ чиноположеніе въ недѣлю православія, относящееся къ XIV или къ началу XV вѣка». Почтенный археологъ, очевидно, не догадался, что «Троичная книга», которая никогда до него такъ не называлась и которой онъ далъ отъ себя названіе не по содержанію ея, а по личному своему впечатлѣнію, ею на него произведенному, не есть «сборникъ» изъ «разныхъ статей», а ничто иное, какъ полный подлинный Кипріяновскій синодикъ, дополнявшійся русскими статьями въ теченіе XV — XVII вв. Онъ не замѣтилъ также, что эта книга — подлинный рукописный оригиналъ, съ котораго цѣликомъ (за исключеніемъ первыхъ двухъ листовъ и одной вставки въ текстѣ сдѣланной въ XVII вѣкѣ) напечаталъ Новиковымъ первый списокъ синодика въ его Вивлюенкѣ, упоминаемый и археологомъ въ его замѣткѣ, но какъ списокъ отличный отъ «Троичной книги». — Очевидно, что въ XIX вѣкѣ такая тем-

---

пѣніемъ» на праздникъ Рождества Христова и въ память избавленія «Россійскія Державы отъ нашествія Галловъ» по поводу измѣненій, произведенныхъ въ заключительной молитвѣ этого молебна.

нота мрака и забвенія окружила древніе русскіе синодики, что и такіе люди, какъ опытный археологъ Снегиревъ, не могли узнавать ихъ. — Въ 1870 году напомнилъ въ литературѣ о древнихъ русскихъ чинопослѣдованіяхъ въ недѣлю православія ученый синодальный архивариусъ Н. И. Григоровичъ. Издавая въ «Русскомъ архивѣ» (№№ 4 и 5) «Тринадцать писемъ Екатерины II къ оберъ-прокурорамъ св. синода», онъ сообщилъ любопытныя, хотя и весьма краткія, свѣдѣнія изъ дѣлъ синода объ исправленіи чина православія съ 1749 до 1869 года, въ примѣчаніи къ вышеприведенному нами рескрипту императрицы на имя оберъ-прокурора Мелиссино о «зборномъ чиноположеніи», — пользуясь, между прочимъ, въ своемъ примѣчаніи о чинѣ православія «Пособіемъ къ изученію устава богослуженія православной церкви» соч. свящ. К. Никольскаго. Въ примѣчаніи своемъ г. Григоровичъ, между прочимъ, замѣтилъ: «Это священнодѣйствіе (чинъ православія) испытало, безъ сомнѣнія, въ осьмисотлѣтній періодъ времени, разныя мѣстныя дополненія и перемѣны, *сущность которыхъ и значеніе до половины XVIII в. за неимѣніемъ коллекцій списковъ епархіальныхъ «Чиновниковъ» остается пока не обсмѣдованною.* Въ 1872 году, въ «Руководствѣ для сельскихъ пастырей» (№ 10-й) сопоставлено содержаніе нынѣшняго чина православія съ отпечатанными синодиками въ Вивліювикѣ и повторены сообщенныя г. Григоровичемъ свѣдѣнія объ измѣненіи чина православія съ 1749 года. — Вотъ почти и все, что было извѣстно въ литературѣ нашей относительно исторіи чина православія въ Русской церкви¹⁾. Въ виду такихъ-то печатныхъ пособій и указаній литературы касательно «Чиновъ православія» Русской церкви, о. Никольскій пришелъ къ мысли предпринять историческое изслѣдованіе о чинѣ православія. На это предпріятіе и могъ съ надеждами на успѣхъ рѣшиться только такой церковный археологъ и литургистъ, какъ г. Никольскій. Онъ десятки лѣтъ занимается съ усердіемъ и постоянствомъ въ области специальной богословской науки, называемой *Литургикой*, сливающейся въ своемъ содержаніи съ Церковною Археологіею. Въ числѣ весьма не многихъ русскихъ специалистовъ, изслѣдующихъ область Литургики и Церковной Археологіи, о. Никольскій занимаетъ теперь едва ли не первое мѣсто. Кромѣ мелкихъ статей²⁾, онъ издалъ пользующіея вполне заслуженною из-

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ печатныхъ каталогахъ и описаніяхъ древнихъ рукописей есть еще указанія на «Синодики»; но, эти указанія нисколько незнакомятъ читателей ихъ съ исторіею чина православія.

²⁾ Намъ извѣстна статья о. Никольскаго, археологическаго содержанія,

вѣстностію и имѣющіе значеніе руководственныхъ и образцовыхъ по Литургикѣ сочиненій труды подъ заглавіемъ: «Обозрѣніе богослужебныхъ книгъ», Спб. 1-е изд. 1864 г.; 2-е изд. 1868; «Пособіе къ изученію устава богослуженія православной церкви» (1-е изд. 1862; 2-е изд. 1865; 3-е изд. 1873) и «Объ антимирахъ православной Русской церкви», 1872 г. — Въ этихъ сочиненіяхъ обнаруживаются обширныя свѣдѣнія автора по Литургикѣ. Ему близко знакомы всѣ чины богослуженія Православной церкви не только по современнымъ богослужебнымъ книгамъ, но по старопечатнымъ, греческимъ и славянскимъ, и по стариннымъ рукописямъ. При обширныхъ знаніяхъ литургики о. Никольскій понималъ и зналъ, что въ нашей литературѣ существуетъ пробѣлъ въ отношеніи исторіи чина православія. Какъ опытный изслѣдователь и ученый, онъ могъ изъ области специальной богословской науки избрать специальнѣйшую тему для своего изслѣдованія и зналъ — гдѣ и какъ отыскивать и приобрѣтать матеріалы для историческаго изученія чина православія. Онъ долженъ былъ отыскивать эти матеріалы по указаніямъ и даже намекамъ въ печати, по каталогамъ библіотекъ, печатнымъ и рукописнымъ, по личнымъ справкамъ и поискамъ въ архивахъ и библіотекахъ. Ему нужно было входить въ личныя и письменныя сношенія съ лицами, живущими въ разныхъ городахъ Россіи, для разъясненія — нѣтъ ли списковъ синодиковъ въ той или другой библіотекѣ. Получивъ справку или извѣстіе о томъ, что въ извѣстной библіотекѣ имѣется списокъ чина православія или синодика, отыскиватель долженъ былъ озаботиться — или имѣть копію съ него, или получить подробное его описаніе, или просмотрѣть и изучить списокъ въ сохранившемся подлинникѣ. Все это пришлось пройти и испытать о. Никольскому при отысканіи и приобрѣтеніи списковъ съ древнихъ чинопослѣдованій въ недѣлю православія. И ревность о. Никольскаго къ отысканію и собиранію матеріаловъ для изслѣдованія исторіи чина православія въ Россіи увѣнчалась блестящимъ успѣхомъ. До сихъ поръ еще никому изъ частныхъ лицъ не удавалось собрать для изученія и въ свое распоряженіе такой «коллекціи» списковъ съ древнихъ русскихъ синодиковъ и чинопослѣдованій

напечатанная въ IX томѣ (1879 года) «Извѣстій С.-Петербургскаго Археологическаго Общества» подъ заглавіемъ: «Триумфальныя ворота въ Москвѣ у Казанскаго собора, устроенныя св. синодомъ въ царствованіе Петра I и Елизаветы Петровны».

на недѣлю православія, какая накопилась у о. Никольскаго, какъ видно изъ его книги. Ему посчастливилось достать до 12-ти рукописныхъ списковъ древнихъ синодиковъ и чиновослѣдованій изъ библиотекъ: синодальной (въ С.-Петербургѣ), патриаршей и типографской (въ Москвѣ), соловецкой (въ Казани) и софійской (въ С.-Петербургѣ) и изъ синодальнаго архива. О бѣльшей части этихъ списковъ не имѣлось ни малѣйшихъ указаній и даже намековъ въ печати. Никольскій въ своей книгѣ поставилъ ихъ въ извѣстность ученому міру. Конечно, имѣются и еще въ нашихъ книгохранилищахъ списки древнихъ синодиковъ, которые не имѣлись въ виду о. Никольскаго и съ которыми онъ могъ бы ознакомиться такъ или иначе и по указаніямъ печатнымъ. Такъ онъ опустилъ изъ виду сдѣланныя Востоковымъ въ «Описаніи рукописей Румянцевскаго Музеума» (1839, стр. 571—572) указанія на «выписи изъ Софійскаго синодика», подлинникъ котораго былъ писанъ въ 1532 (7040) г., и на синодикъ 1635 года, который былъ списанъ «съ престарѣлыя ветхія литѣи», въ которой имена всероссійскихъ митрополитовъ доведены были лишь до св. Алексѣя (+1378). Не упомянуть также въ книгѣ о. Никольскаго «синодикъ уставный XVIII вѣка, 23 листа», о которомъ археологъ Строевъ въ описаніи «Рукописей славянскихъ и русскихъ, принадлежащихъ Царскому» замѣтилъ: «Заглавіе: «Сборное дѣяніе святаго вселенскаго седмаго собора». Синодикъ сборнаго воскресенія, т. е. первыя недѣли поста, временъ Императрицы Елизаветы Петровны, противъ стариннаго (См. Древн. Вивліое. VI. 420) гораздо короче». — Оставленъ безъ просмотра и изученія о. Никольскимъ синодикъ XVI в., хранящійся въ Императорской Публичной библиотекѣ (Сборникъ въ Древлехранилищѣ Погодина № 1596) и указанный въ печатномъ «Описаніи рукописей библиотеки» (во 2-мъ выпускѣ, стр. 285, изданномъ, впрочемъ, послѣ появленія въ печати книги о. Никольскаго), составленномъ А. Ѳ. Бычковымъ. Мы раздѣляемъ мнѣніе о. Никольскаго (см. его Предисловіе стр. III—IV), что, безъ сомнѣнія, находятся въ библиотекахъ и въ рукахъ частныхъ лицъ и еще списки старыхъ синодиковъ. Но полагаемъ также, что г. Никольскому удалось собрать для своего изслѣдованія списки, относящіяся ко всѣмъ указаннымъ нами выше категоріямъ редакцій древнерусскихъ синодиковъ, и едва ли отыщется къмъ нибудь такой списокъ, который бы нельзя было подвести подъ которую нибудь изъ указанныхъ категорій. Конечно, всякій вновь отысканный древній списокъ синодика — можетъ имѣть то или

другое значеніе для объясненія исторіи чина православія; но думается, что дѣйствительнымъ приобрѣтеніемъ для науки и существеннымъ дополненіемъ къ указаннымъ о. Никольскимъ спискамъ древнерусскихъ синодиковъ былъ бы только списокъ съ синодика, употреблявшася въ Россіи до XIV вѣка и не измѣннаго подъ вліяніемъ Кипріановской редакціи. Находка такого списка была бы открытіемъ въ исторіи памятниковъ русской письменности.

Употребивъ много усилій и стараній на отысканіе рукописныхъ синодиковъ и чиновъ православія, о. Никольскій съ полною заботливостію ознакомился и съ печатными чинами православія, какъ помѣщенными въ тріодяхъ XVII вѣка, такъ и изданными въ XVIII в. въ Вивлюеникѣ и по благословенію св. Синода. По видимому, ему не удалось видѣть изданія Копыстенскаго, о которомъ Снегиревъ замѣтилъ, что оно — «весьма рѣдкая книга». Не безъизвѣстны о. Никольскому и греческіе чины православія, напечатанные въ тріодяхъ разныхъ изданій.

Ревностно собирая «чины православія», о. Никольскій напелъ для себя возможнымъ отыскать и изучить дѣла синодальнаго архива, изъ которыхъ онъ могъ извлечь и дѣйствительно извлекъ весьма цѣнные матеріалы для историческаго изслѣдованія избраннаго имъ предмета, также, какъ и многіе отысканныя имъ чины православія, остававшіеся доселѣ не извѣстными и не подвергнутыми научной разработкѣ.

И такъ о. Никольскимъ собрано весьма много цѣнныхъ матеріаловъ, до него малозвѣстныхъ и, большею частію, во все неизвѣстныхъ въ печати, скрывавшихся въ рукописяхъ библиотекъ и въ дѣлахъ синодальнаго архива. Количество собранныхъ имъ таковыхъ матеріаловъ такъ значительно, что ими могла бы наполниться цѣлая книга, равная по объему изданному о. Никольскимъ изслѣдованію или превышающая его. Матеріалы эти имѣютъ цѣнность не только для историческаго изслѣдованія чина въ недѣлю православія, но и для другихъ сторонъ и частей исторіи церковной и гражданской. Одно сообщеніе такихъ матеріаловъ было бы заслугою о. Никольскаго предъ русскою наукою. Но о. Никольскій *значительной* части собранныхъ имъ матеріаловъ придалъ научную форму, поставилъ ихъ во взаимную связь, изложилъ ихъ содержаніе въ исторической послѣдовательности, сопоставилъ многіе историческіе факты и явленія, о которыхъ говорится въ нихъ, въ связь съ однородными, историческими событіями и явленіями предъидущими, современными имъ и по-

слѣдующими за ними, подобралъ и представилъ ко многимъ изъ нихъ историческія объясненія и т. п. Собраннымъ матеріаломъ авторъ воспользовался въ своемъ изслѣдованіи въ разныхъ видахъ: часть ихъ онъ описалъ, часть помѣстилъ въ видѣ извлеченій въ текстѣ и примѣчаніяхъ книги, частію дѣлаетъ на собранные имъ матеріалы ссылки и нѣчто изъ нихъ напечаталъ въ приложеніи. Однако о. Никольскій воспользовался для своего изслѣдованія не всѣмъ собраннымъ имъ матеріаломъ и, при томъ, не такъ, чтобы книга его не заставляла ея читателя или рецензента желать и ожидать отъ нея большаго, чѣмъ сколько въ ней содержится изъ собранныхъ и указанныхъ о. Никольскимъ синодиковъ и чиновъ православія. Читатель изслѣдованія о. Никольскаго, встрѣчая на большей части страницъ его книги сообщенія о рукописныхъ матеріалахъ, извлеченія изъ нихъ, ссылки, — также свѣдѣнія о фактахъ, о которыхъ говорится въ сообщеніяхъ и т. д., почти постоянно чувствуетъ въ себѣ потребность — въ просмотрѣ сообщеній автора по подлиннымъ документамъ, изъ которыхъ авторъ извлекъ свои сообщенія. Такая потребность пробуждается и поддерживается во время чтенія книги о. Никольскаго не вслѣдствіе недовѣрчивости или подозрительности къ автору, но вслѣдствіе новости и малоизвѣстности сообщаемыхъ имъ свѣдѣній и указаній, вслѣдствіе отсутствія въ печати тѣхъ чиновъ, о которыхъ пишется книга, вслѣдствіе интереса и ученаго любопытства, возбуждаемаго матеріалами, которыми пользовался авторъ, и вслѣдствіе желанія — получить такъ сказать наглядную и документальную убѣдительность въ достовѣрности сообщеній автора.

Рецензентъ же книги о. Никольскаго поставленъ ея авторомъ въ весьма затруднительное положеніе. Рецензенту необходимо провѣрить то, что пишетъ авторъ, убѣдиться во-очію въ правильности отношеній автора къ матеріаламъ, которыми онъ пользовался, и критически отнестись къ приѣмамъ его изслѣдованія, къ выводамъ и результатамъ, имъ сдѣланнымъ изъ новыхъ матеріаловъ. Между тѣмъ книга о. Никольскаго, основанная на неизвѣстныхъ и малоизвѣстныхъ матеріалахъ, не даетъ рецензенту возможности провѣрить автора въ его изслѣдованіи по самымъ матеріаламъ. Авторъ изслѣдованія оказался скупъ на приложенія къ книгѣ отысканныхъ и изученныхъ имъ древнихъ чиновъ православія. Изъ всѣхъ чиновъ онъ помѣстилъ въ своей книгѣ единственный — Кіево-черниговскій, неизвѣстно кѣмъ составленный, по своему происхожденію — не древнѣе XVIII вѣка — и въ

исторіи чиновъ православія имѣвшій значеніе несравненно меньшее противъ большей части тѣхъ, которыми пользовался о. Никольскій. Но о. Никольскій не сочолъ возможнымъ для себя издать при своей книгѣ ни одного чина XVI и XVII вѣковъ. Сравнительное изданіе чиновъ XVI и XVII вѣковъ не только облегчило бы трудъ рецензента книги о. Никольскаго въ ея оцѣнкѣ, не только удовлетворяло бы вышеуказанной потребности читателей ея, но возвысило бы и научную цѣнность самаго изслѣдованія. Эта цѣнность, конечно, могла бы возвысить и матеріальные издержки автора на изданіе книги, но вмѣстѣ съ тѣмъ, по всей вѣроятности, и расходъ книги въ обществѣ. Авторъ книги, достигнувъ чести представить въ нашей литературѣ *первый* опытъ историческаго изслѣдованія о чинѣ православія, добровольно самъ себя лишилъ, быть можетъ, чести быть *первымъ* издателемъ такихъ древнихъ синодиковъ, рукописные списки которыхъ онъ первый изучилъ, указалъ ученому міру и описалъ въ своей книгѣ. Это лишеніе должно быть довольно чувствительно для ученаго самолюбія автора.

Настроеніе читателя книги о. Никольскаго мною было испытано вскорѣ послѣ появленія ея въ свѣтъ. Положеніе рецензента ея почувствовано мною послѣ приглашенія Академіи наукъ представить ей критическій разборъ изслѣдованія. Я рѣшился принять на себя лестное для меня порученіе Академіи наукъ только въ надеждѣ, что и Академія и другія учрежденія откроютъ мнѣ возможность — ознакомиться съ тѣми матеріалами, которыми пользовался авторъ изслѣдованія. Я не обманулся въ этой надеждѣ. По моей просьбѣ, академикъ К. С. Веселовскій выписалъ для меня чрезъ Академію наукъ изъ патриаршей бібліотеки два списка рукописныхъ синодиковъ — древнѣйшій изъ существующихъ — Киприановскій, названный г. Снегиревымъ «Троичною книгою», а о. Никольскимъ — «Троицкою», — и дополнительный къ печатному въ тріоди XVII вѣка (не бывшіе подъ руками о. Никольскаго¹⁾). Академикъ А. Θ. Бычковъ пожертвованіемъ мнѣ втораго выпуска «Описанія рукописныхъ сборниковъ Императорской Публичной бібліотеки» открылъ мнѣ возможность узнать о существованіи въ

¹⁾ «Троичною книгою» о. Никольскій пользовался, но не въ оригиналѣ, а въ копіи, для него снятой. А это далеко — не одно и тоже. Личный осмотръ книги устранилъ бы нѣкоторые невѣрные сужденія о ней о. Никольскаго.

ней списка синодика XVI вѣка и, потомъ, доступъ къ осмотру и изученію этого списка, оставшагося неизвѣстнымъ о. Никольскому. Академикъ А. Н. Веселовскій подарилъ мнѣ «Старообрядческій Синодикъ», сообщенный Академіи наукъ А. Н. Пынинимъ и изданный ею въ апрѣлѣ текущаго 1880 года. Библіотекаръ С.-Петербургской духовной академіи А. С. Родосскій доставилъ мнѣ удобства осмотрѣть и изучить рукописные синодики софійской бібліотеки, которые описаны въ книгѣ о. Никольскаго на стр. 26—29; а начальникъ архива и бібліотеки св. Синода Н. И. Григоровичъ оказалъ мнѣ содѣйствіе при собраніи, для моего знакомства и изученія, всѣхъ тѣхъ матеріаловъ, которыми пользовался о. Никольскій, при составленіи своего изслѣдованія, въ архивѣ и бібліотекѣ св. Синода.—Благодаря просвѣщенному вниманію упомянутыхъ лицъ, я могъ собрать въ свое распоряженіе при составленіи рецензіи на книгу о. Никольскаго не только всѣ тѣ матеріалы, которыми онъ пользовался при своемъ изслѣдованіи, но и такіе, которыхъ не имѣлъ подъ руками и самъ авторъ. Вслѣдствіе такого обладанія матеріаловъ, къ собиранію которыхъ побудилъ меня недостатокъ приложеній при книгѣ о. Никольскаго, съ моей стороны могутъ быть заявлены къ его сочиненію такія требованія, которыя могли бы быть предъявлены и не къ *первому* только опыту историческаго изслѣдованія, но и къ послѣдующимъ за нимъ (если бы только они явились), для которыхъ указаны о. Никольскимъ матеріалы, содержаніе и дорога.

Первое требованіе, которое могло бы быть предъявлено къ книгѣ о. Никольскаго, состоитъ въ томъ, что его изслѣдованіе должно бы быть поставлено на такихъ основаніяхъ, на которыхъ содержаніе его могло бы быть несравненно полнѣе, а вслѣдствіе того, и научное значеніе его шире, чѣмъ какъ то и другое представляется въ настоящемъ составѣ сочиненія.—Дѣло въ томъ, что о. Никольскій излагаетъ исторію чина православія, какъ литургистъ и какъ археологъ церковный. Но исторія чиновъ православія имѣетъ значеніе, по своему содержанію, не только въ области литургики и церковной археологіи, но въ исторіи византійской и русской-церковной и гражданской, — объ этомъ мы уже говорили выше, — а также и въ области церковнаго права — о чемъ мы еще не говорили, но должны сказать нѣсколько словъ въ виду заявленнаго нами требованія въ книгѣ о. Никольскаго. Какъ литургистъ, о. Никольскій слѣдитъ въ исторіи чиновъ православія за тѣмъ, что въ нихъ содержалось, какъ содержаніе измѣнялось,

что въ нихъ вносилося, въ какой формѣ, — и объясняетъ содержаніе ихъ историческими указаніями и свѣдѣніями. Но съ точки зрѣнія церковнаго права желательно было бы знать наприимѣръ: — кто имѣлъ право и власть въ то или другое время вносить въ синодикъ и исключать изъ него статьи объ анаеѣматствованіи или о вѣчной памяти; какія условія требовались для внесенія таковыхъ статей; какія послѣдствія были для положенія внесеннаго въ статью объ анаеѣматствованіи лица въ церкви, обществѣ и государствѣ и т. п. Правда, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ книги о Никольскаго можно встрѣчать нѣкоторые указанія и отвѣты на означенные и имъ подобные вопросы; но эти указанія и отвѣты дѣлаются мимоходомъ, не въ такой полнотѣ и не съ такою опредѣленностію, въ какой желательно правовѣду. Со стороны церковнаго права можно, на основаніи содержанія чиновъ православія, требовать отъ изслѣдователя исторіи этихъ чиновъ разрѣшенія вышеуказанныхъ вопросовъ; историки церковные и гражданскіе, на томъ же основаніи, могутъ задавать изслѣдователю о чинѣ православія другіе вопросы, отвѣтовъ на которые не находится въ книгѣ о Никольскаго. Правда, если бы о Никольскій въ своемъ изслѣдованіи могъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ, какія могутъ, по поводу его сочиненія, предъявлены къ нему канонистами и историками; то онъ тогда не былъ бы литургистъ и археологъ. Весьма достаточнымъ извиненіемъ и оправданіемъ его въ такой постановкѣ его сочиненія, въ какой оно издано, служить именно то, что оно написано литургистомъ и археологомъ. Но, во всякомъ случаѣ, для церковнаго правовѣда и для историковъ о Никольскій оказалъ бы услугу, если бы онъ открылъ имъ возможность пользоваться для ихъ наукъ чинами православія посредствомъ приложеній ихъ къ своей книгѣ.

Второе наше требованіе отъ книги о Никольскаго касается ея названія. Авторъ назвалъ свою книгу — «Анаеѣматствованіе (отлученіе отъ церкви) совершаемое въ первое недѣлю великаго поста» и это названіе поясняетъ на оберткѣ книги словами: «историческое изслѣдованіе о чинѣ православія». Итакъ о Никольскій далъ названіе «Анаеѣматствованіе» своему «историческому изслѣдованію о чинѣ православія». Названіе «Анаеѣматствованіе» показываетъ, что главное содержаніе его книги — изслѣдованіе объ анаеѣматствованіяхъ. Дѣйствительно, значительнѣйшая часть сочиненія (изъ пяти главъ, на которыя оно дѣлится, три, — изъ IV + 314 страницъ 194-ре, значить почти двѣ трети книги) занята изслѣдованіемъ о

той части чиновъ православія, въ которой содержатся анаеоматствованія; въ продолженіе чтенія всей книги автора поддерживается вниманіе читателя къ анаеоматствованіямъ. — Но «анаеоматствованія» не составляютъ исключительнаго содержанія чиновъ православія; понятія «чинъ православія» и «анаеоматствованіе» далеко не покрываютъ себя,—выражаемся языкомъ школьной логики,—взаимно ни по своему содержанію, ни по своему объему; «анаеоматствованіе» является въ *чинахъ* православія *однимъ* изъ *семи*, а въ древнихъ синодикахъ — изъ *пяти* равночленныхъ ему предметовъ, изъ которыхъ состоитъ цѣльное содержаніе всего чиноположенія, — такъ какъ въ содержаніи его, какъ мы видѣли, равностепенное съ «анаеоматствованіями» положеніе занимаютъ: молебное пѣніе, канонъ, предисловіе синодика, статьи вѣчной памяти, многолѣтіе и заключительная молитва. Въ виду всего этого, если авторъ составляетъ «историческое изслѣдованіе о чинѣ православія» и даетъ ему названіе «Анаеоматствованіе», — то значитъ, что онъ названіе *цѣлаго* предмета означаетъ названіемъ, соотвѣтствующимъ только одной его *части*, — иначе говоря, — поступаетъ нелогично. — Правильнѣе бы авторъ поступилъ, если бы онъ назвалъ свою книгу «Исторію чина православія въ Русской церкви» и, если ему хотѣлось указать на содержаніе значительнѣйшей части своей книги, — то могъ бы прибавить: — «съ особеннымъ вниманіемъ къ анаеоматствованіямъ въ историческомъ развитіи чина православія.» — Авторъ, быть можетъ, избралъ названіе для своей книгѣ въ виду того, что нынѣ употребляемый въ Русской церкви чинъ православія, составленный, какъ мы видѣли, кievскими учеными, которые всегда были не чужды въ своихъ воззрѣніяхъ оттѣнка западно-католическаго, производитъ сильнѣйшее впечатлѣніе на слушателей анаеоматствованіями, чѣмъ другими своими частями, и включаетъ въ себѣ въ три раза большее число статей съ анаеомою (12-ть), чѣмъ статей вѣчной памяти (4-ре). Но во первыхъ, главная суть въ чинослѣдованіяхъ православія — въ торжествѣ его, а не въ анаеомѣ, — и во вторыхъ — въ древней Россіи наибольшее значеніе въ жизни народа и церкви имѣли тѣ статьи синодика, въ которыхъ возглашались вѣчная память и многолѣтіе и указывались обряды молебнаго пѣнія. Авторъ же разбираемаго сочиненія, издавая ученое *историческое* изслѣдованіе о чинѣ православія, въ названіи «Анаеоматствованіе», данномъ ему, обнаружилъ въ нѣкоторой степени не надлежащую податливость впечатлѣніямъ, получаемымъ массою, и этимъ самымъ чрезъ свою книгу можетъ поддерживать невѣрное, но, къ сожалѣ-

нію, распространенное въ нашемъ обществѣ убѣжденіе ¹⁾, что главная суть чина православія и состоитъ въ анаемѣ. — Неприятное впечатлѣніе, производимое названіемъ книги о. Никольскаго — быть можетъ — оригинальнымъ, но рѣзкимъ для глазъ и слуха, сглаживается, при чтеніи ея, въ нѣкоторой степени тѣмъ, что въ ней заключается, кромѣ анаематствованій, изложеніе какъ общей исторіи чина православія, такъ и другихъ составныхъ частей чиноположенія (молебнаго пѣнія, многолѣтій и заключительной части синодика), — и еще тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ книги (напр. въ предисловіи) обнаруживается если не прямо, то косвенно, сознание автора въ неудачномъ выборѣ имъ имени своему труду. — Упрекая о. Никольскаго за названіе его книги, быть можетъ, подъ влияніемъ нашихъ личныхъ научныхъ изслѣдованій о чинѣ православія ²⁾, мы считаемъ нужнымъ оговориться, что названіе, данное имъ ученому историческому изслѣдованію, можетъ имѣть прак-

¹⁾ Такъ и поняли нѣкоторые свѣтскіе писатели, какъ напр. г. Лѣсковъ, написавшій на книгу о. Никольскаго рецензію въ «Новомъ Времени», 1880, № 1446.

²⁾ Получивъ незадолго предъ недѣлю православія порученіе отъ Академіи Наукъ — представить ей критическій разборъ сочиненія о. Никольскаго, я, ознакомившись съ древними русскими синодиками, нашелъ полезнымъ подвергнуть себя впечатлѣніямъ отъ совершенія чина православія въ текущемъ году въ С.-Петербургскомъ Исаакіевскомъ соборѣ. Отдавая себѣ отчетъ въ полученныхъ мною впечатлѣніяхъ, я нашелъ, что въ совершеніи чина православія въ томъ видѣ, въ какомъ оно происходило въ 1880 году въ Исаакіевскомъ соборѣ, дѣйствительно придается большее значеніе анаематствованіямъ, чѣмъ другимъ частямъ чинопослѣдованія: чтеніе молитвы было почти вовсе не слышно, объясненіе существа торжества читалось гораздо тише, чѣмъ статьи съ анаематствованіями, — пѣніе же «анаемны» выдѣлялось изъ всѣхъ частей церковной службы особенною напѣва (и едва ли не исключительнаго). Не такъ было въ древней Россіи... Въ древнихъ синодикахъ стоятъ на поляхъ отмѣтки противъ статей чинопослѣдованія, указывающія — какъ слѣдовало произносить ту или другую статью. Отмѣтки эти — слѣдующія: «возгласъ», «равно», «повыше», «пониже», «средней» или «свѣга» (переводъ греческаго — ἔξω — громко), «большая статья», «средняя статья». Изъ этихъ замѣтокъ въ синодикахъ можно вывести наблюденіе, что съ болѣею торжественностію и громогласностію въ древней Россіи произносились такія части синодика, въ которыхъ объяснялось существо торжества и излагались статьи «вѣчной памяти» и «иноголѣтія». — Кромѣ того, послѣ выслушанія древнихъ синодикомъ воспроизводились въ памяти и сознаніи слушателей историческіе моменты судебъ отечества и церкви; а въ нынѣшнемъ чинѣ православія не осталось и слѣдовъ того содержанія синодикомъ, которымъ они благоговорно дѣйствовали на слушателей.

тическое значеніе¹⁾, при возможномъ пересмотрѣ чина православія компетентною церковною властію, если только этотъ пересмотръ будетъ основываться не на канцелярскихъ справкахъ, а на ученыхъ изслѣдованіяхъ, въ числѣ которыхъ книга о. Никольскаго, во всякомъ случаѣ, будетъ занимать *первое* мѣсто по богатству своего содержанія относительно предмета и по ученымъ заслугамъ автора въ области Литургики.

По третьему требованію мы обращаемся къ плану построения книги о. Никольскаго. — Планомъ и построениемъ своей книги авторъ, кажется, думалъ оправдать данное имъ названіе своему изслѣдованію. Но мы, съ своей стороны, находимъ, что построение книги несоотвѣтствуетъ ни требованіямъ логики, ни содержанію исторически изслѣдуемаго въ ней предмета. — Все содержаніе книги, кромѣ предисловія, распределено авторомъ въ пяти главахъ. Распределеніе это слѣдующее:

Предисловіе. Въ немъ предложенъ обзоръ русской литературы о «чинѣ православіе» и «о значеніи церковной анаеммы» (стр. I—IV).

I. Употребленіе анаеммы въ Христіанской церкви до IX вѣка (стр. 1—12).

II. Составленіе чина православія, добавленія и измѣненія въ немъ (въ Греческой церкви), печатные и рукописные чины (въ Русской церкви) (стр. 13—52).

III. Молебное пѣніе (стр. 53—75).

IV. Синодикъ (стр. 76—271).

Предисловіе синодика (стр. 78—87).

Анаематствованія синодика (стр. 88—263).

Многолѣтія синодика (264—271).

V. Анаематствованія, произносившіяся кромѣ первой недѣли великаго поста и не внесенныя въ чинъ православія.

Приложенія: а) Объ иконѣ св. Софіи Премудрости (на верхней доскѣ переплета новгородскаго синодика). б) Кіевскій и черниговскій чинъ (т. е. чины) православія XVIII в.

Содержаніе каждой изъ обозначенныхъ главъ вполне соотвѣтствуетъ ея оглавленію.

¹⁾ Полагаемъ, что сочиненіемъ о. Никольскаго полагается твердое начало научной разработки исторіи чина православія. Научное же изслѣдованіе этой исторіи должно выяснить необходимость пересмотра чина православія въ видахъ примѣненія его къ настоящему состоянію церкви и составленія его въ такой формѣ, въ которой онъ яснѣе выражалъ бы сущность торжества и ближе подходилъ бы къ древнимъ синодикамъ, чѣмъ теперь.

Авторъ нигдѣ въ своей книгѣ не указываетъ основаній — почему онъ такъ, а не иначе распредѣлил по главамъ свою книгу. Послѣ предисловія, въ которомъ можно было бы ожидать указанія на основанія плана сочиненія, непосредственно, безъ всякаго перехода, слѣдуетъ изложеніе первой главы изслѣдованія. И читатель книги едва ли отыщетъ въ ея содержаніи логическое основаніе для конструкціи, данной ей авторомъ. Если авторъ предположилъ изслѣдовать въ своей книгѣ исключительно «анаематствованіе въ недѣлю православія»; то первая, третья и пятая главы или вовсе не должны занимать въ ней мѣста, или должны бы явиться въ ней, какъ дополнительные главы или въ видѣ приложений. Логическое построеніе книги о. Никольскаго, если главнымъ предметомъ ея признать изслѣдованіе объ анаематствованіи въ недѣлю православія, должно быть, примѣрно, слѣдующее:

Предисловіе.

- I. Происхожденіе анаематствованія въ недѣлю православія.
- II. Анаематствованія въ недѣлю православія.

- а) Изложеніе и измѣненія ихъ въ чинахъ православія.
- б) Содержаніе каждаго анаематствованія и историческое объясненіе его.
- в) Порядокъ и форма произношенія анаематствованій.

Приложенія.

Если авторъ включилъ первую и пятую главы въ планъ и содержаніе своей книги, которую онъ назвалъ «Анаематствованіемъ въ недѣлю православія», для полноты разъясненія избраннаго имъ предмета сравнительно съ другими видами церковной анаемы; то по тойже причинѣ читатель въ правѣ требовать отъ книги, чтобы разъяснено было въ ней употребленіе различныхъ видовъ церковной анаемы на пространствѣ всѣхъ временъ существованія церкви.

Данное о. Никольскимъ книгѣ построеніе ближе, чѣмъ требованіямъ логики, соответствуетъ существу и содержанію предмета, который имъ обозначенъ на оберткѣ словами: «историческое изслѣдованіе о чинѣ православія». Содержаніе чинопослѣдованій составляютъ, какъ мы знаемъ, слѣдующія главныя части: молебное пѣніе и синодикъ. Части синодики суть: предисловіе, анаематствованія, возглашенія вѣчной памяти, многогѣтіе и заключеніе. По содержанію чинопослѣдованій, и можно бы содержаніе изслѣдованія о нихъ расположить въ слѣдующемъ порядкѣ:

Предисловіе.

I. Установленіе праздника въ недѣлю православія и составленіе чина православія.

II. Измѣненія чина православія въ Константинопольской и Русской церквахъ.

III. Составныя части чина православія.

1) Молебное пѣніе.

а) Церковный ходъ и обряды.

б) Канонъ.

2) Синодикъ. Части его:

а) Предисловіе.

б) Анаеematствованія. аа) Анаеematствованіе въ церкви до IX вѣка; бб) по синодикамъ въ недѣлю православія; вв) разные виды анаеемы, употреблявшейся кромѣ недѣли православія.

в) Возглашенія вѣчной памяти.

г) Многолѣтія.

д) Заключение.

Такое построеніе, для котораго есть содержаніе въ книгѣ о. Никольскаго, хотя не для всѣхъ частей одинаково богатое (о возглашеніяхъ вѣчной памяти по синодикамъ въ книгѣ говорится очень не много), соответствуетъ, намъ кажется, не только содержанію предмета, изслѣдуемаго авторомъ, но и требованіямъ логики.—Мы увѣрены, что о. Никольскій и изслѣдовалъ свой предметъ по той программѣ, какую мы противопоставили плану его книги. Наша увѣренность основывается, во первыхъ, на содержаніи чиновъ православія, исторію которыхъ онъ занимался, и, во вторыхъ, на томъ, что слѣды этой программы остались въ данномъ книгѣ построеніи (въ томъ, что въ ней введены II и III главы и въ IV-ой главѣ отдѣлы: предисловіе синодика и многолѣтія). Но, во время своихъ занятій избраннымъ предметомъ, авторъ, быть можетъ — желая разъяснить ученымъ образомъ ту часть синодиковъ, которая производитъ въ обществѣ сильнѣйшее впечатлѣніе, и, быть можетъ, самъ подчинясь этому впечатлѣнію, остановилъ преимущественно свое вниманіе на анаеematствованіяхъ. Матеріаловъ, относящихся до историческаго происхожденія и объясненія анаеematствованій, онъ собралъ гораздо болѣе, чѣмъ для другихъ частей своего предмета, посвятилъ анаеematствованіямъ значительнѣйшую часть своей книги и, задавшись мыслію назвать книгу «анаеematствованіемъ»,

старался размѣстить отдѣльныя части ея такимъ образомъ, чтобы вѣншимъ построениемъ книги оправдывалось ея названіе; но, при этомъ, онъ не могъ оставить безъ изданія въ свѣтъ и другихъ частей своей работы, которыми онъ занимался по указанію содержанія предмета или, что тоже, по указанной нами выше программѣ. Такимъ образомъ и вышло какъ бы раздвоеніе и въ названіи книги («Анаѳематствованіе» и «историческое изслѣдованіе о чинѣ православія»), и въ ея построеніи.

Предъявивъ *общія* требованія къ книгѣ о. Никольскаго, переходимъ къ разсмотрѣнію составныхъ ея *частей*.

Въ *предисловіи* (стр. I—IV) къ своей книгѣ авторъ представляетъ перечень брошюръ и журнальныхъ статей изъ русской литературы, относящихся до предмета его изслѣдованія, съ указаніемъ ихъ содержанія. Всѣ перечисленные имъ брошюры и статьи, какъ содержаніемъ своимъ, такъ и объемомъ, служатъ свидѣтельствомъ и доказательствомъ того, что исторія чинопослѣдованія въ недѣлю православія не обслѣдована и не извѣстна была въ нашей литературѣ. Этотъ пробѣлъ и старается восполнить своею книгою о. Никольскій. — Перечень, представленный о. Никольскимъ въ «предисловіи», полезенъ для читателей его книги и изслѣдователей исторіи чина православія; потому что отысканіе перечисленныхъ брошюръ и статей, въ случаѣ надобности пересмотра ихъ, за недостаткомъ указателей, затруднительно. Впрочемъ, перечень о. Никольскаго нельзя назвать полнымъ. Такъ въ немъ не упомянуты: брошюра «Анаѳематствованіе или торжество Православія» С.П.Б. 1863., которая процитирована въ извѣстномъ о. Никольскому примѣчаніи Н. И. Григоровича къ рескрипту Екатерины II о «зборномъ чиноположеніи»; книга Н. Суворова «о церковныхъ наказаніяхъ», 1876, С.П.Б., въ которой представленъ историческій очеркъ «анаѳемы», какъ церковнаго наказанія; статья въ «Православномъ Собесѣдникѣ» 1860 г. ч. III. стр. 367—390 подъ заглавіемъ «о церковномъ запрещеніи и разрѣшеніи» и наконецъ статья въ *Tübinger Quartalschrift*, 1846 S. 424 о значеніи установленнаго въ недѣлю православія торжества, процитированная у Hefele, *Councilengeschichte*, B. IV. Freiburg, 1860. S 103—104, но не просмотрѣнная о. Никольскимъ, вѣроятно, по той же причинѣ, по которой мы не нашли ея въ С.-Петербургскихъ библіотекахъ, т. е. вслѣдствіе отсутствія въ С.П.Бургѣ означеннаго журнала (его нѣтъ за означенный годъ даже въ библіотекѣ римско-католической дух. академіи, не смотря на то, что онъ — лучшее и старѣйшее періоди-

ческое изданіе изъ всѣхъ римско-католическихъ богословныхъ журналовъ западной Европы).

Въ *первой* главѣ (стр. 1—13) сочиненія излагается «употребленіе анаемы въ христіанской церкви до IX в.» Эта глава—вводная въ сочиненіи. Вводною она поставлена въ книгѣ по отношенію ко всему сочиненію; но, по содержанію, она служитъ историческимъ введеніемъ къ изслѣдованію объ «анаематствованіяхъ», а не о всѣхъ предметахъ, составляющихъ содержаніе чиновъ православія. Въ ней излагаются основанія, на которыхъ производилось отлученіе въ первенствующей церкви, и виды отлученія; указываются лица, которыя подвергались и которыя имѣли власть подвергать отлученію, и мѣста (собраніе вѣрующихъ) производства отлученія. Изложеніе главы—кратко, какъ и нужно для вводной части, ясно, съ указаніемъ на первоисточники, съ извлеченіями изъ нихъ и безъ промаховъ. Только поставленное авторомъ въ текстѣ (на стр. 12) замѣчаніе объ «узаконеніяхъ» относительно отлученія, имѣющихся въ Духовномъ Регламентѣ, слѣдовало бы вынести въ подстрочное примѣчаніе.

Вторая глава сочиненія (стр. 13—53), которой дано авторомъ оглавленіе: «Составленіе чина православія, добавленія и измѣненія въ немъ, печатные и рукописные чины» и въ которой изложена исторія чина православія въ Константинопольской и Русской церкви, имѣеть существенное значеніе въ изслѣдованіи о. Никольскаго и заключаетъ въ себѣ многія литературныя и историческія свѣдѣнія и указанія, въ которыхъ нуждалась наша литература, которыя, безъ всякаго сомнѣнія, принесутъ пользу изслѣдователямъ разныхъ сторонъ исторической жизни Россіи и которыя на долгое время сохранятъ свою цѣнность въ наукѣ и едва ли скоро замѣнятся свѣдѣніями и сообщеніями другихъ изслѣдователей.— Эта глава состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой (стр. 13—22) излагается исторія чина въ Греческой церкви; во второй (стр. 22—53) представлена исторія его въ Русской церкви. Въ исторіи чина Греческой церкви авторомъ книги разъяснены историческія обстоятельства, основанія и матеріалы, подготовившіе составленіе и содержаніе чина православія, описано торжество возстановленія инопочитанія въ Константинополѣ въ 842 году, предложены сужденія о первоначальномъ составленіи чина православія и весьма кратко указано на дополненія, внесенныя въ чинъ послѣ времени первоначальнаго учрежденія праздника православія. Разъясненіе историческихъ обстоятельствъ, основаній и матеріаловъ, подготовив-

шихъ составленіе, учрежденіе и содержаніе чина православія, представлено авторомъ книги ясно и отчетливо. Въ сужденіяхъ своихъ о первоначальномъ составителѣ чина православія нашъ авторъ приводитъ общепринятое мнѣніе, что таковымъ составителемъ былъ константинопольскій патріархъ Меѳодій († 847), ссылаясь, при этомъ, на «Историческій очеркъ пѣснописцевъ Греческой церкви» покойнаго черниговскаго архіеп. Филарета и подкрѣпляя свою ссылку цитатами Le Quien'a Oriens Christiana и Pagi Critic. (?). — Но автору спеціальнаго сочиненія о чинѣ православія, при разрѣшеніи столь важнаго для предмета его изслѣдованія вопроса, каковъ вопросъ о первоначальномъ составителѣ изслѣдуемаго чина, по нашему мнѣнію, слишкомъ недостаточно ограничиваться одними ссылками на указанныхъ имъ писателей, — а надлежало бы войти въ самостоятельныя изысканія о предметѣ и, при этомъ, необходимо было бы обратиться къ новѣйшимъ открытіямъ сочиненій патріарха Меѳодія, сдѣланнымъ кардиналами Анжело Маемъ и Питрою (См. *Pitra, Iuris ecclesiastici Graecorum Historia et Monumenta, Romae. 1868. Т. II* р. 351—361), и въ отысканныхъ ими сочиненіяхъ поискать основаній и матеріаловъ для разрѣшенія вопроса о составителѣ первоначальнаго чина православія.

Если нашъ авторъ не воспользовался при своемъ изслѣдованіи вновь отысканными греческими матеріалами, имѣющими отношеніе къ вопросу о составителѣ первоначальнаго чина православія; то въ отношеніи къ русскимъ чинамъ православія онъ въ вновь отыскалъ столько матеріаловъ, что, благодаря его отысканіямъ, русская наука имѣетъ въ настоящее время возможность обогатиться обстоятельною исторіею чина православія въ Русской церкви. Первый опытъ этой исторіи и представленъ авторомъ во второй части второй главы его книги. Эта часть книги о Никольскаго, по нашему мнѣнію, драгоценное приобрѣтеніе для исторіи русской литургіки. Въ ней изложены такія свѣдѣнія, которыхъ до сихъ поръ мы не имѣли въ литературѣ, которыхъ нельзя найти ни въ какой другой книгѣ в которыхъ на долго пригодятся многимъ изслѣдователямъ разныхъ сторонъ исторической жизни русскаго народа. — Въ этой части авторъ сначала представляетъ историческій обзоръ употребленія синодиковъ и чиновъ православія въ Русской церкви (стр. 22—24); за тѣмъ описываетъ сохранившіеся списки синодиковъ и чиновъ (стр. 24—42); далѣе излагаетъ исторію «исправленія чина православія» (стр. 43—53) въ 1766 году и наконецъ указываетъ на перемены, сдѣланныя въ немъ въ 1840 и 1866 гг.

Въ историческомъ обзорѣ употребленія синодиковъ и чиновъ православія авторъ основывается на свидѣтельствахъ лѣтописей и историческихъ актовъ и на изученіи самыхъ списковъ синодиковъ и чиновъ, относящихся, по времени ихъ употребленія въ церкви, къ различнымъ вѣкамъ. Фактический подборъ обзора—совершенно вѣрный. Но авторъ допустилъ отъ себя одинъ выводъ изъ подобранныхъ имъ фактовъ, который невозможно признать вѣрнымъ. Выводъ этотъ — слѣдующій: «Чинъ православія, заключавшій въ себѣ эти анаѳематствованія («не право объясняющимъ слова: *Приносѣи и Приносимый*», ученію Иоанна Италя, не вѣрно объясняющимъ слова Спасителя: *Отець мой болій Мене есть*, ученію Константина Булгариса, ученію Варлаама и Акиндана»), имѣвшія значеніе во времена болѣе древнія, потерявшія его въ позднѣйшія и затѣмъ исключенныя изъ чина православія, можно почитать *самымъ древнимъ славянскимъ чиномъ православія на Руси*» (стр. 23). Не говоря о неопредѣленности указаній автора на «времена болѣе древнія» и «позднѣйшія», мы съ рѣшительностію утверждаемъ, что тотъ чинъ православія, въ которомъ заключаются *подробныя* статьи съ упомянутыми анаѳематствованіями, явился впервые въ Россіи въ печатныхъ тріодахъ XVII вѣка. И стало быть, чинъ, заключающій въ себѣ эти статьи, не можетъ быть признанъ «самымъ древнимъ славянскимъ чиномъ православія на Руси». Авторъ не можетъ указать намъ ни одного списка, который относится, по своему происхожденію, ко времени, предшествующему печатнымъ изданіямъ тріоды, и который заключалъ бы въ себѣ всѣ указанныя анаѳематствованія: въ спискахъ, употреблявшихся въ Россіи до половины XVII вѣка, нѣтъ ихъ. Кромѣ того, авторъ на стр. 31-й «полагаетъ», «что вологодскій чинъ списанъ съ *древнѣйшаго* списка»; а этотъ списокъ относится не къ той категоріи, къ которой принадлежитъ, по мнѣнію о. Никольскаго, «самый древнѣйшій чинъ». Авторомъ описываются слѣдующіе, имъ изученные, списки: московскій (XIV—XVII вв.), который называется у него «троицкою книгою», а по нашему — киприановскій, и хранится въ патриаршей библіотекѣ; три новгородскихъ (одинъ XVI и два XVII вв.), хранящихся въ софійской библіотекѣ; два—помѣщенные въ Вивліоекѣ Новикова (одинъ XIV, другой XVII в.); вологодскій и псковскій (оба XVIII в.), имѣющіеся въ синодальной библіотекѣ; соловецкій (конца XVI или начала XVII в.) — въ Казани; ростовскій (XVII в.) — въ московской типографской библіотекѣ; два архангельскихъ — въ синодальной библіотекѣ (оба XVIII в.); помѣщенный въ печатныхъ

тріюдахъ XVII в.; кievскій XVIII вѣка и чинъ, составленный, по порученію св. Синода, въ 1752 году. Изъ этихъ чиновъ — только три печатныя; а всѣ остальные изучены авторомъ по рукописямъ. — При описаніи каждого списка, авторъ старается опредѣлить время его происхожденія, отмѣчаетъ отличительныя его особенности и, по преимуществу въ статьяхъ «анаематствованій», указываетъ относительно рукописныхъ мѣсто, гдѣ онъ теперь находится, и сличаетъ содержаніе каждого съ другими, указывая черты сходства и различія отъ нихъ. Жаль, что авторъ не подвелъ всѣ разсмотрѣнныя имъ списки подъ категоріи, на основаніи взаимнаго ихъ сходства и различія. Это опущеніе — одинъ изъ немаловажныхъ недостатковъ сочиненія автора.

На первомъ мѣстѣ между описанными о. Никольскимъ списками чиновъ православія поставленъ, по всей справедливости, московскій списокъ патріаршей библіотеки, значащійся по каталогу за № 667-мъ. Это мѣсто долженъ занимать списокъ и по древности своего происхожденія, и по важности въ исторіи чина православія въ Русской церкви, и по значенію для разныхъ отраслей русской науки. Называя списокъ троицкою книгою въ подражаніе археологу Снегиреву, о. Никольскій и описываетъ книгу словами Снегирева, но сомнѣвается въ вѣрности опредѣленія археологомъ времени происхожденія книги. Сомнѣніе свое нашъ авторъ такъ выражаетъ: «Снегиревъ хотя относитъ чинъ этотъ къ XIV вѣку или къ началу XV; но, выписывая анаематствованія жидовствующимъ, осужденнымъ на соборѣ 1505 года, тѣмъ самымъ указываетъ, что чинъ принадлежитъ времени позднѣйшему, нежели начало XV вѣка, или, — прибавляетъ о. Никольскій, — въ тотъ чинъ вошли прибавленія послѣ XV вѣка» (стр. 24—25). Мы душевно сожалѣемъ, что о. Никольскому не удалось лично осмотрѣть оригинальный киприановскій синодикъ, которымъ онъ, очевидно, пользовался не въ подлинникъ, а вѣроятно въ копию, снятой для нашего автора. Нужно непосредственно видѣть «троицкую книгу», чтобы имѣть понятіе объ ея древности и постепенномъ образованіи ея состава. Книга эта — кладъ для церковныхъ археологовъ и литургистовъ. Въ ней все замѣчательно: и внѣшность ея — матеріалъ и способъ переплета, матеріалъ, на которомъ написана, способъ — какъ составлена, — и каждая строка ея какъ по содержанію, такъ и по письму. Она заслуживаетъ самаго внимательнаго и подробнаго описанія и даже фотографическаго изданія не только для исторіи чина православія, но для русской исторіи вообще — церковной и гражданской, для

археологiи, палеографiи, генеалогiи, для исторiи языка и литературы. Нужно быть опытнымъ и искуснымъ археологомъ, чтобы представить такое описанiе троицкой книги, которое бы воспроизвело ее въ надлежащемъ и ясномъ для читателя видѣ. Не обладая качествами такого археолога, мы постараемся описать ее въ формѣ, удобной для цѣлей нашей рецензiи.

Киприановскiй подлинный синодикъ написанъ весь на пергаментѣ, но неодновременно, а въ теченiе XIV—XVII вв., и многочисленными почерками въ разныя времена. Главная и первоначальная основа его состава положена почеркомъ и въ переводѣ XIV или начала XV вѣка. Эту основу составляютъ (на лл. 4—35) статьи греческаго происхожденiя (предисловіе синодика, анаематствованiя и провозглашенiя вѣчной памяти) и нѣкоторыя русскія статьи (вѣчной памяти первымъ русскимъ митрополитамъ). При первоначальномъ составленiи синодика, составныя части его раздѣлены были не записанными листами, которые оставлены были послѣ греческихъ статей анаематствованiй и «вѣчной памяти». Въ эти листы вписывались съ теченiемъ времени, по мѣрѣ надобности, новыя статьи русскаго происхожденiя. Въ пробѣлѣ, оставленный послѣ греческихъ анаематствованiй, и внесена почеркомъ начала XVI в. *русская статья объ анаематствованiи жидовствующихъ*, — единственная въ этомъ отдѣлѣ синодика, подавшая поводъ къ вышеупомянутому сомнѣнiю о. Никольскаго въ вѣрности опредѣленiя г. Снегиревымъ времени происхожденiя списка Киприановскаго синодика. Въ пробѣлѣ, оставленный послѣ греческихъ статей «вѣчной памяти», постепенно, въ теченiе XV и XVI вв., вносились русскія статьи вѣчной памяти русскимъ митрополитамъ, нѣкоторымъ епископамъ и преподобнымъ разными почерками, очевидно, большею частiю по смерти cadaго изъ нихъ, — также русскимъ князьямъ и царямъ; статьи же о пострадавшихъ и убиенныхъ въ разныя походы и въ нашествiя непрiятелей вносились большею частiю послѣ окончанiя событiй, во время которыхъ убиты были заносимые въ синодикъ. Оставленныхъ при первоначальномъ составленiи книги бѣлыхъ листовъ для внесенiя въ синодикъ новыхъ статей оказывалось, съ теченiемъ времени, недостаточно; поэтому вклеивались или прилагались въ отдѣлъ новые листы. При этомъ иногда нужно было вносить ихъ между такими страницами, на которыхъ написана одна и таже статья. Для правильнаго размѣщенiя статей въ ихъ хронологическомъ порядкѣ, окончанiе статьи, перенесенной на страницу, предъ которою вклеивались новые листы, соскаблива-

лось и переписывалось на вновь вклеенный листъ, на которомъ продолжалось внесеніе въ синодикъ новыхъ статей. — Вслѣдствіе описаннаго порядка внесенія въ синодикъ новыхъ статей, оказалось, что онъ написанъ болѣе, чѣмъ 15-ю разными почерками. На нѣкоторыхъ листахъ написаны статьи 3-мя—двумя почерками; на листѣ 39-мъ 6-ю, а на лл. 50—51-мъ 7-ю почерками (статьи вѣчной памяти русскимъ митрополитамъ и князьямъ). Статьи многолѣтія и заключительная молитва синодика помѣщены, для удобства прочтенія ихъ святителемъ при Богослуженіи, въ началѣ книги; почеркъ письма ихъ XVI вѣка. Имена «Михаила Ѳедоровича» и «митрополита Діонисія», которыя значатся въ первой статьѣ многолѣтія, написаны на подчисткахъ; замѣтно, что подчистки эти производились не одинъ разъ, но послѣ нѣсколькихъ личныхъ перемѣнъ на царскомъ престолѣ и митрополичьей каедрѣ.

Изъ сдѣланнаго нами описанія можно вывести предположеніе, что если бы о. Никольскому посчастливилось лично осмотрѣть Кипріановскій синодикъ въ оригиналѣ, — то онъ, безъ сомнѣнія, не допустилъ бы сомнѣнія на счетъ опредѣленнаго г. Снегиревымъ времени происхожденія синодика. Можно также думать, что о. Никольскій, послѣ сличенія того же синодика съ двумя старѣйшими софійскими синодиками, имъ изученными, убѣдился бы, что древнѣйшій изъ нихъ есть списокъ съ того «праваго царегородскаго» синодика, который, по словамъ о. Никольскаго (стр. 22), основаннымъ на историческомъ документѣ, посланъ былъ митрополитомъ Кипріаномъ псковскому духовенству между 1392—1395 годами; а позднѣйшій (1636 г.), какъ извѣстно и о. Никольскому (стр. 28), списанъ съ старѣйшаго. — Убѣдился бы нашъ авторъ, также подъ условіемъ сличенія съ Кипріановскимъ синодикомъ, что и напечатанный въ Вивлюенкѣ подъ № 1-мъ синодикъ есть буквальный списокъ съ кипріановскаго оригинала, но съ опущеніемъ статьи многолѣтія и молитвы и съ пропускомъ одной безграмотной статьи, внесенной въ оригиналъ въ XVII вѣкѣ съ провозглашеніемъ вѣчной памяти 16-ти лицамъ, вовсе незаслуживавшимъ помѣщенія въ синодикъ (изъ семейства какого-то Хабарова). — Убѣдившись въ достовѣрности приведенныхъ фактовъ, нашъ авторъ, полагаемъ, отнесъ бы всѣ четыре указанные списка къ категоріи или серіи списковъ кипріановской редакціи.

Сличая списки кипріановской редакціи съ другими списками синодиковъ, изученными о. Никольскимъ, мы находимъ, что описанные имъ (на стр. 32—33) списки: соловецкій (въ Казани) и рос-

товскій (типографской библіотеки), равно и имѣющіеся въ публичной библіотекѣ, не осмотрѣнный авторомъ, составляютъ особую серію списковъ, въ которыхъ сохранились остатки древнѣйшей редакціи употреблявшагося въ Россіи синодика и которые подверглись дополненіямъ въ греческомъ отдѣлѣ подъ вліяніемъ кипріановскаго синодика. — Остальные, разсмотрѣнные о. Никольскимъ, рукописные списки синодика (а именно: два архангельскихъ, соборный московскій чиновникъ составленный коломенскимъ епископомъ Гавріиломъ, равно хранящіеся въ синодальной библіотекѣ вологодскій и псковскій, за исключеніемъ кіевскаго, «неимѣющаго ничего общаго» съ прочими чинами) самъ онъ находитъ, что они—тѣже, которые находились въ печатныхъ тріодахъ». Т. е., по нашему, они составляютъ категорію списковъ распространенной редакціи греческаго синодика и изъ этой категоріи выдѣлившійся рядъ списковъ сокращенной редакціи (о чемъ мы говорили выше), появившейся послѣ изданія печатныхъ тріодей XVII вѣка ¹⁾).

Не смотря на сдѣланныя нами указанія касательно описанія о. Никольскимъ разсмотрѣнныхъ имъ синодиковъ, многочисленныя замѣчанія его, имѣющіяся въ описаніи, могутъ служить весьма полезнымъ и ничѣмъ незамѣнимымъ пособіемъ при дальнѣйшей разработкѣ исторіи чина православія въ Русской церкви.

Исторія «исправленія чина православія» съ 1749 по 1869-й годъ изложена авторомъ такъ ясно, полно, обстоятельно и занимательно, что лучшаго ни желать, ни требовать нельзя. Почти весь матеріалъ, послужившій автору содержаніемъ для изложенія этой исторіи, извлеченъ имъ изъ дѣлъ архива св. синода и обработанъ весьма внимательно. Авторъ воспользовался этимъ матеріаломъ съ такою полнотою, послѣ которой едва-ли остается для будущихъ изслѣдователей возможность извлечь изъ него что нибудь, опущенное о. Никольскимъ. Будущимъ изслѣдователямъ онъ указалъ здѣсь — какіе неизвѣстные теперь списки русскихъ синодиковъ можно впредь отыскивать. Эти указанія изложены авторомъ въ перечнѣ экземпляровъ и списковъ чина православія, представленныхъ въ 1766-мъ г. изъ разныхъ установленій въ св. синодъ. Этотъ перечень составленъ авторомъ (стр. 48—49) на основаніи рапортовъ св. синоду тѣхъ

¹⁾ Къ распространенной редакціи относятся: новгородскій № 1060, архангельскіе списки и находящіеся въ постныхъ тріодахъ; къ сокращенной—помѣщенный въ Вивлюиокѣ подъ № 2-мъ, чинъ еп. Гавріила, вологодскій и псковскій, невѣрно о. Никольскимъ помѣщенный подъ № 45 по каталогу библіотеки, въ которомъ онъ записанъ подъ № 62.

установленій, отъ которыхъ были представлены списки чина православія. Въ перечнѣ своемъ о. Никольскій далъ задачу, выполнение которой лежитъ на обязанности будущихъ изслѣдователей исторіи чина православія въ Русской церкви.

Третья глава книги о. Никольскаго (стр. 53—75), содержаниемъ и оглавлениемъ которой служитъ «молебное пѣніе», — какъ составная часть чинопослѣдованія въ недѣлю православія, — ни въ чемъ почти не уступаетъ, по своимъ ученымъ достоинствамъ, изложенной авторомъ исторіи «исправленія чина православія». Почти вся эта глава — новостъ въ литературѣ литургіки. Въ ней авторъ, на основаніи трехъ рукописныхъ чиновъ, также чиновъ напечатанныхъ въ постныхъ тріодяхъ XVII в., которыя составляютъ теперь библиографическую рѣдкость, и патриаршихъ чиновниковъ XVII вѣка, сначала изображаетъ обряды, содержаніе и порядокъ молебнаго пѣнія, совершавшагося до 1756 года; затѣмъ занимается изслѣдованіемъ канона, входившаго въ составъ этого молебна: указываетъ его содержаніе, рассматриваетъ вопросъ о времени его происхожденія и о составителѣ его и сообщаетъ, въ поясненіе содержанія канона, историческія свѣдѣнія о лицахъ, въ немъ упомянутыхъ. Изображеніе обрядовъ и порядка молебна представлено авторомъ съ такою полнотою и внимательностію, къ какой способны только литургисты и археологи. Подробности, сообщаемыя авторомъ въ этомъ изображеніи, являются дополненіемъ къ тому, что извѣстно въ литературѣ о сложной религіозной и церковной обрядности, которою такъ богата была Россія въ XVII вѣкѣ. Для подведенія историческихъ объясненій къ содержанію канона, о. Никольскому пришлось произвести не мало поисковъ въ памятникахъ средневѣковой византійской литературы и въ исторической русской литературѣ, касающейся исторіи Византіи. Всѣ собранныя здѣсь авторомъ подробности въ обрядахъ и историческія объясненія имѣютъ интересъ и значеніе для тѣхъ читателей книги, которые нуждаются въ пониманіи и знаніи содержанія молебнаго пѣнія, совершавшагося въ недѣлю православія до 1756 года. — Относительно рассматриваемой главы мы имѣемъ сдѣлать еще нижеслѣдующія замѣчанія. Авторъ говоритъ въ ней, между прочимъ, что «чинъ православія *всегда* состоялъ изъ двухъ частей, изъ молебнаго пѣнія и изъ синодика» (стр. 53). Въ печатныхъ греческихъ тріодахъ, дѣйствительно, предъ синодикомъ помѣщается молебное пѣніе; но мы не встрѣтили и авторъ книги не представляетъ въ ней прямыхъ историческихъ указаній — совершалось ли молебное пѣніе

въ Русской церкви предъ чтеніемъ синодика до XVII вѣка. Въ древнѣйшихъ синодикахъ славянскихъ оно не встрѣчается; свидѣтельство о совершеніи его нѣтъ. — Далѣе, авторъ книги положилъ не мало труда и времени на подысканіе историческихъ объясненій канона, входившаго въ составъ молебнаго пѣнія. Объясненія эти необходимы или, по крайней мѣрѣ, полезны читателямъ канона. А найти этотъ канонъ въ славянскомъ переводѣ можно только въ рукописяхъ и печатныхъ постныхъ тріодяхъ XVII вѣка. Всякой ли читатель книги о Никольскаго можетъ имѣть подъ руками рукописные чины православія и тріоди XVII в., въ которыхъ изложенъ канонъ? — Автору слѣдовало бы приложить канонъ къ своей книгѣ и въ греческомъ подлинникѣ, и въ славянскомъ переводѣ. Это нужно было ему сдѣлать не только для того, чтобы читателю его книги имѣть удобства близко понять и узнать — о чемъ авторъ пишетъ, но и для того, чтобы получить возможность сравнивать славянскій переводъ канона съ греческимъ подлинникомъ и видѣть различіе въ обрядахъ греческой и русской церкви при совершеніи чина православія. Наконецъ, авторъ говоритъ на стр. 57-й, что онъ «не встрѣтилъ ни въ печатныхъ греческихъ и славянскихъ, ни въ рукописныхъ чинахъ православія указанія» на существованіе въ православной церкви того обряда при совершеніи послѣдованія въ недѣлю православія, который описывается Снегиревымъ, какъ совершавшійся въ Россіи, въ слѣдующемъ видѣ: «святитель и служащія власти во время дѣйствія стояли съ зазженными свѣчами, которыя при возглашеніи «анаемы опускали внизъ и загапали». «Если обрядъ этотъ существовалъ на Руси въ какомъ нибудь мѣстѣ, — говоритъ о. Никольскій, — и Снегиреву удалось гдѣ либо прочесть или услышать объ немъ; то несомнѣнно обрядъ принесенъ былъ съ запада». . . Быть можетъ, — замѣчаемъ о. Никольскому отъ себя; но нѣчто подобное было совершено и въ Константинопольской церкви при первомъ совершеніи торжества православія въ 842 году, какъ говоритъ объ этомъ извѣстный римско-католическій историкъ Hefele (въ Conciliengeschichte B. IV, Freiburg, 1860, S. 104), ссылаясь на свидѣтельство Константина Порфироснаго.

Четвертая глава книги о Никольскаго, озаглавленная — «Синодикъ», — самая обширная. Авторъ посвятилъ ей значительнѣйшую предъ другими главами часть книги и своего труда. Этой главѣ онъ придавалъ, при своемъ изслѣдованіи о чинѣ православія, большее значеніе, чѣмъ другимъ главамъ книги. — Въ этой главѣ авторъ объясняетъ значеніе слова «синодикъ»; (стр. 76—77); указываетъ

составъ синодика въ недѣлю православія (стр. 77); приводитъ содержаніе «предисловія» синодиковъ съ указаніемъ разностей по различнымъ ихъ спискамъ и съ нѣкоторыми объяснительными замѣчаніями (стр. 77—88); за тѣмъ излагаетъ и изслѣдуетъ анаематствованія, содержащіяся въ чинахъ православія (стр. 88—264), и, опустивъ безъ изслѣдованія и изложенія ту часть древнихъ русскихъ синодиковъ, въ которой помѣщались статьи съ возглашеніемъ вѣчной памяти, представляетъ (на стр. 264—271) примѣры того — въ какомъ видѣ излагались въ чинахъ православія статьи многолѣтія.

Въ объясненіяхъ своихъ слова «синодикъ», авторъ, производя слово это отъ греческаго *Συνδικόν* и разъясняя, что это слово «въ обыкновенномъ церковномъ употребленіи означаетъ собраніе именъ лицъ живыхъ и умершихъ, поминаемыхъ на церковныхъ службахъ», «замѣняется словомъ помянникъ» и, «по содержанію своему, уподоблялся диптихамъ», кажется, держится мысли, что названіе «Синодикъ» усвоилось въ Русской церкви и доселѣ усвоается въ Греческой церкви чинопослѣдованію въ недѣлю православія на томъ основаніи, что въ нѣкоторыхъ частяхъ ея перечислялись и перечисляются имена лицъ живыхъ и умершихъ. Но мысль эта вѣрна только отчасти. Чинъ православія въ Греческой церкви всегда назывался и теперь называется *Συνδικόν*, а въ Русской церкви назывался до половины XVII вѣка синодикомъ, потому, что обрядъ, въ немъ выражаемый, совершался по *соборному* постановленію; потому — то въ старо-русскихъ чинопослѣдованіяхъ греческое слово *Συνδικόν*, которымъ оглавляется чинъ православія, по гречески переводилось то словомъ «сборное» или «соборное», то — «Заповѣдь святаго вселенскаго седьмаго собора».

Въ отдѣлѣ о «предисловіи синодика» представлены авторомъ три вида вступленій, которыми начиналось чинопослѣдованіе въ недѣлю православія. Все, изложенное въ этомъ отдѣлѣ, совершенно согласно съ памятниками, изъ которыхъ извлекается изложеніе.

Съ особеннымъ трудолюбіемъ и вниманіемъ авторъ остановился въ своемъ изслѣдованіи на статьяхъ «анаематствованій», изложенныхъ въ разнообразныхъ спискахъ чинопослѣдованія въ недѣлю православія. Изслѣдованію объ «анаематствованіяхъ» посвященъ авторомъ обширный, во многихъ отношеніяхъ любопытный и важный, отдѣлъ книги. Этотъ отдѣлъ — вельма сложный и разнообразный по своему содержанію. Содержаніе его различается по предметамъ, по времени происхожденія и по различію сторонъ человѣческой жизни, которыхъ оно касается. Автору нужно было

собрать статьи объ анаеѣматствованіяхъ, овладѣть сложнымъ и разнообразнымъ, по содержанію, матеріаломъ, — взятымъ большею частію изъ рукописей, — сырымъ и до сихъ поръ научно необработаннымъ, привести его въ порядокъ, облечь въ ту или другую научную форму и, соотвѣтственно задачѣ историческаго изслѣдованія, освятить его историческими объясненіями. Авторъ и стремился въ своемъ изслѣдованіи достигнуть всего этого. — Объяснимъ существо и процессъ изслѣдованія автора относительно «анаеѣматствованій», которыя составляютъ содержаніе разсматриваемаго отдѣла.

Авторъ пересмотрѣлъ всѣ статьи «анаеѣматствованій», помѣщенныя въ собранныхъ имъ разнообразныхъ спискахъ чинопослѣдованія въ недѣлю православія, — рукописныхъ и печатныхъ, русскихъ и греческихъ, древнихъ и новыхъ. За тѣмъ, — онъ извлекъ эти статьи изъ чинопослѣдованій, сличилъ ихъ по содержанію и по внѣшнему изложенію и однородныя по содержанію соединилъ въ особыя группы. Всѣ статьи съ «анаеѣматствованіями», найденныя авторомъ въ разныхъ чинопослѣдованіяхъ, раздѣлены имъ въ книгѣ на 18 группъ и каждой группѣ дано соотвѣтственное содержанію статей заглавіе («анаеѣматствованія иконоборцамъ», «еретикамъ богомоламъ» и т. д.). Потомъ, — каждую группу статей, имѣющихъ однородное содержаніе, авторъ подвергъ историческому изслѣдованію.

При историческомъ изслѣдованіи анаеѣматствованій каждой отдѣльной группы, авторъ книги излагаетъ историческое происхожденіе того ученія или явленія, которое подверглось анаеѣматствованію церкви въ какое либо время по той или другой статьѣ чинопослѣдованія въ недѣлю православія; при этомъ онъ то сообщаетъ біографическія свѣдѣнія о лицахъ, упоминаемыхъ въ статьяхъ, и слѣдитъ иногда за ихъ судьбою и дѣятельностію; то представляетъ цѣлый и довольно обширный очеркъ исторической судьбы ученія, подвергшагося осужденію церкви. Представивъ историческія обстоятельства, послужившія поводомъ или содержаніемъ анаеѣматствованія, авторъ книги излагаетъ самыя статьи анаеѣматствованій въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ содержатся въ разныхъ спискахъ чинновъ православія.

Ученыя достоинства отдѣла объ «анаеѣматствованіяхъ», изложеннаго въ книгѣ о. Никольскаго состоятъ, во первыхъ, въ приведеніи въ извѣстность и въ собраніи всѣхъ статей съ «анаеѣматствованіями», излагавшихся въ чинопослѣдованіяхъ въ недѣлю православія, — и, во вторыхъ, въ изложеніи и приведеніи историче-

скихъ обстоятельствъ, служащихъ къ объясненію происхожденія и содержанія анаеematствованій. Сборникъ означенныхъ статей важенъ въ томъ отношеніи, что статьи представляютъ изъ себя особый источникъ церковной исторіи, который до сихъ поръ не обращалъ на себя вниманія нашихъ исторіографовъ и котораго съ настоящаго времени они не должны игнорировать. Для составленія историческихъ очерковъ въ объясненіе происхожденія и содержанія статей объ «анаеematствованіяхъ», раздѣленныхъ авторомъ по группамъ, требовались отъ автора многочисленныя справки съ разнообразными книгами и близкое изученіе какъ источниковъ, такъ и литературныхъ сочиненій, относящихся до тѣхъ историческихъ явленій и ученій, о которыхъ составлены статьи. И авторъ положилъ, какъ видно, не мало труда и времени какъ для наведенія справокъ, такъ и для знакомства съ литературою. Его трудъ въ этомъ отношеніи увѣнчался составленіемъ историческихъ очерковъ о тѣхъ-которыхъ такихъ явленіяхъ въ церкви, о которыхъ имѣлись разбросанныя, темныя и не приведенныя въ научное изложеніе свѣдѣнія. Такими очерками въ книгѣ о. Никольскаго слѣдуетъ назвать — собранныя и изложенныя (стр. 124—127) имъ свѣдѣнія о бывшихъ въ XII вѣкѣ въ Греческой церкви діалектическихъ спорахъ о значеніи словъ «Приносяй и Приносимый», помѣщаемыхъ въ молитвѣ, тайно читаемой архіереемъ во время пѣнія херувимской пѣсни на литургіи, — также объ ученіи Ивана Итала (стр. 129—131), жившаго, какъ полагаютъ, въ XI в., и др. Въ частный разборъ всѣхъ историческихъ очерковъ, предложенныхъ авторомъ при 17-ти группахъ «анаеematствованій», мы не находимъ возможнымъ, въ виду объема нашей рецензіи, входить; замѣтимъ лишь, что всѣ почти очерки могутъ быть признаны достаточными для объясненія происхожденія тѣхъ анаеematствованій, къ которымъ они приложены авторомъ, — и что историческія свѣдѣнія, помѣщенные въ очеркахъ, извлечены сочинителемъ то изъ первоисточниковъ, то изъ учено-литературныхъ сочиненій, имъ процитированныхъ.

Въ пятой и *послѣдней* главѣ книги о. Никольскаго («Анаеematствованія, произносившіяся кромѣ первой недѣли великаго поста и не внесенныя въ чинъ православія») приведено нѣсколько очень любопытныхъ фактовъ и документовъ, извлеченныхъ авторомъ изъ неизданныхъ рукописей XVIII в. и могущихъ быть полезнымъ матеріаломъ при научномъ изслѣдованіи о формахъ употребленія анаеемы въ Русской церкви въ XVIII в.

Въ приложеніяхъ къ книгѣ, авторъ, кромѣ «Кіево-Черниговскаго чина православія», въ объясненіе «Изображенія иконы св Софіи премудрости», рисунокъ которой, снятый съ новгородскаго синодика XVII вѣка, напечатанъ въ началѣ книги, помѣстилъ извлеченія изъ описаній этой иконы, сдѣланныхъ митрополитомъ Евгеніемъ и профессоромъ Буслаевымъ. Эти извѣстные русскіе археологи опредѣлили важное значеніе означенной иконы въ исторіи русскаго искусства. Изданіемъ рисунка иконы о. Никольскій думаетъ дополнить извѣстные до сихъ поръ матеріалы для разъясненія значенія изображенія св. Софіи премудрости въ исторіи русскаго искусства и нѣкоторыхъ религіозныхъ воззрѣній древнихъ новгородцевъ. Помѣщеніе въ книгѣ о. Никольскаго замѣчательнаго рисунка съ новгородскаго синодика заставляеть насъ еще разъ выразить сожалѣніе о томъ, что о. Никольскому не удалось осмотрѣть Киприановскаго синодика съ старинною на немъ иконою Св. Троицы. Если бы о. Никольскій увидѣлъ этотъ синодикъ, — онъ какъ церковный археологъ, безъ сомнѣнія, оцѣнилъ бы археологическое значеніе иконы Св. Троицы и напоздъ бы полезнымъ издать ея рисунокъ наряду съ новгородскимъ изображеніемъ св. Софіи Премудрости. Этимъ предположеніемъ мы оканчиваемъ нашу рецензію.

Въ заключеніе нашего критическаго разбора сочиненія подъ заглавіемъ: «Анаѳематствованіе, совершаемое въ первую недѣлю великаго поста», представленнаго его авторомъ Императорской Академіи Наукъ на соисканіе Уваровской преміи, мы должны, по §§ 11, 22 и 23-му Положенія о наградахъ графа Уварова, высказать наше мнѣніе относительно права о. Никольскаго на премію за свой трудъ. Въ виду обязанности подать свое мнѣніе о правѣ автора на Уваровскую премію, я сопоставляю съ требованіями означеннаго положенія отъ сочиненій, представляемыхъ на соисканіе, достоинства изслѣдованія о. Никольскаго. По «Положенію», къ соисканію наградъ графа Уварова допускаются сочиненія оригинальныя (§ 4), относящіяся къ исторіи церкви . . . , древностей, языка, словесности и искусствъ Россіи . . . (§ 3); при обсужденіи представленныхъ къ соисканію историческихъ сочиненій должно быть обращено преимущественное вниманіе на то, въ какой мѣрѣ сочиненіе способствуетъ къ полному познанію избраннаго авторомъ предмета (§ 4); рецензенты обязаны основывать свой приговоръ на отчетливомъ разсмотрѣніи содержанія сочиненія и его достоинствъ и недостатковъ, подробно объясняя тѣ и другія въ своихъ рецензіяхъ (§ 22); и, при обсужденіи представляемыхъ къ соисканію сочиненій,

не должно быть опускаемо изъ вида — дѣйствительно ли отечественной наукѣ не доставало подобнаго творенія и соотвѣтствуетъ ли оно современнымъ требованіямъ науки» (§ 6). Строго держась приведенныхъ указаній и требованій «Положенія», я старался, по возможности, подробно объяснить и достоинства, и недостатки сочиненія о. Никольскаго, установивъ предварительно основанія и положенія, на которыхъ я предполагалъ критически разбирать изслѣдованіе автора. Изъ сдѣланнаго мною критическаго разбора можно усмотрѣть, что я нахожу слѣдующія достоинства въ сочиненіи о. Никольскаго, соотвѣтствующія требованіямъ «Положенія о наградахъ гр. Уварова»: сочиненіе его слѣдуетъ признать *оригинальнымъ* и по темѣ и содержанію, и по отысканнымъ авторомъ матеріаламъ; оно представляетъ изъ себя *первый* и пока *единственный* опытъ изслѣдованія исторіи чина православія, — предмета до сихъ поръ во все необслѣдованнаго и почти незатронутаго въ нашей ученой литературѣ; сочиненіемъ своимъ авторъ *выводитъ въ извѣстность и подвергаетъ научной разработкѣ* разнообразныя списки почти совсѣмъ забытаго памятника богослужебной литературы древней Россіи, имѣвшаго свою исторію и свое, во многихъ отношеніяхъ важное, значеніе въ отечественной исторіи; въ немъ авторъ *указываетъ* русскимъ историкамъ *новый*, до нашего времени оставляемый безъ вниманія, *источникъ исторіи*, — церковной и государственной, исторіи языка, палеографіи, генеалогіи, даже иконописи и пр.; въ немъ *впервые* сообщаются *многочисленныя* историческія *свѣдѣнія*, извлеченныя изъ архивовъ и библіотекъ и скрывавшіяся въ рукописяхъ, какъ сырой матеріалъ, какъ предметы, осужденныя на забвеніе; *значительная часть* собранныхъ авторомъ матеріаловъ *облечена* въ сочиненіи его *въ научную форму*: нѣкоторыя части историческаго изслѣдованія автора изложены съ безукоризненною обстоятельностью, полнотою и вѣрностію; къ инымъ частямъ изслѣдуемаго авторомъ чина православія представлены въ книгѣ достаточныя для предмета историческія объясненія и указанія; для изслѣдованія оставленныхъ авторомъ безъ обстоятельнаго разсмотрѣнія частей чина православія указаны въ его сочиненіи матеріалы, источники и способы; вообще все сочиненіе о. Никольскаго есть такой ученый трудъ, котораго не доставало въ нашей церковно-исторической литературѣ, котораго не могутъ замѣнять по своему содержанію никакія существующія сочиненія и которое во многихъ отношеніяхъ и частяхъ удовлетворяетъ современнымъ требованіямъ науки и критики. — Въ виду несомнѣнныхъ достоинствъ, разобран-

ное сочиненіе о. Никольскаго, несмотря на недостатки его — крупные и мелкіе, подробно объясненные нами и оставленные безъ вниманія по ихъ незначительности, — обнаруживающіеся въ названіи книги, въ ея построеніи и общей постановкѣ, въ неполнотѣ изслѣдованія нѣкоторыхъ частей чина православія и въ нѣкоторыхъ выводахъ и указаніяхъ, — вполне заслуживаетъ, какъ я убѣжденъ, и по справедливости, и по «Положенію о наградахъ графа Уварова», *половинной* Уваровской преміи. Сочиненіе о. Никольскаго тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія и уваженія Академіи Наукъ, что такіе учено-спеціальные труды, какъ изслѣдованіе, нами разобранное, въ литературѣ нашей появляются не часто, по достоинствамъ ихъ одѣниваются весьма рѣдко и почти никогда въ нашемъ обществѣ не вознаграждаются ни нравственно, ни матеріально; между тѣмъ эти труды распространяютъ свѣтъ знанія на такія стороны исторической жизни, которыя, до появленія ихъ, оставались въ неизвѣстности и забвеніи.

